

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

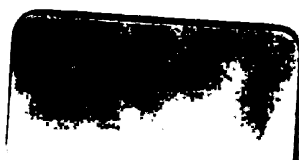
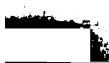
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

5 3433 07855852 9

ВЪСТІІКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 7-я.

ІЮЛЬ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

В. В. Востокъ

В. В. Востокъ
Digitized by Google

КНИГА 7-я. — ПОЛЬ, 1872.

- I. — РЕКРУТСКИЙ НАБОРЪ. — Очерки изъ современнаго крестьянскаго быта. — А. I.
- II. — ВОЗСОЕДИНЕНИЕ УНИИ. — Историческій очеркъ. — IV. — М. Я. Морозкина .
- III. — ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ ВЪ РОМАНѢ ЭМИЛЯ ЗОЛІА. — Les Rongon-Macquart. T. I. —
Статья первая. — В. Ч.
- IV. — ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА КРЫМА. — Путевыя впечатлѣнія. II — IV. — Евг. Л. Мар
кова
- V. — СОНЪ. — Средневѣковая легенда. — Изъ Гейне. — Л. Трефолева
- VI. — ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ до графа Протасова. — Воспомина
нія. — I. — II. — Р. С.
- VII. — МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ. — V. Инструкція Вибеля и
Уставъ Петербургской Директоріи. — VI. Запрещеніе ложъ 1822 и 27 г. — VII
Масонскія воспоминанія Батенкова. — VIII. Постановленіе масоновъ по сл
чаю запрещенія ложъ. — Окончаніе. — А. П. Шынина
- VIII. — ПРУССКІЕ И РУССКІЕ ФИНАНСЫ. — Государственныя доходы. — I — IV. — Л. .
- IX. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Политехническая выставка, и новый законъ о
реальныхъ училищахъ въ Россіи. — Наше свеклосахарное производство.
ное положеніе о немъ. — Мѣры противъ пьянства, предлагаемыя харькс
думъ. — Роль пьянства въ экономической жизни страны. — Вопросъ об
тельской школѣ въ петербургскомъ земствѣ. — Еще о судебной реформѣ въ
царствѣ польскомъ
- X. — ОПЫТЫ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ. — Письмо въ редакцію. — М. Прокофьева .
- XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Свиданіе членовъ большинства съ Тьеромъ.
ный трактатъ съ Германіею. — Новые налоги и бюджетъ. — Военный законъ.
Закрытіе германскаго сейма. — Законъ объ іезуитахъ. — Отношеніе къ нему пар
тій. — Епископы Кременды и Намчановскій. — Новая заявленія лапы. — Мини
стерство Сориллы въ Испаніи. — Австрійскія дѣла. — Элебемскій вопросъ. — Val
lot. — Новая программа торг
- XII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ. — Флоренція послѣ перен
столицы. — D. G.
- XIII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Тьеръ и фракція національных
совѣщаній. — II.
- XIV. — ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА. — Последние года Гоголя. — По поводу «Но
выхъ отрывковъ и вариантовъ къ 2-му тому Мертвыхъ Душъ». — В. П. Чижова.
- XV. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Новѣйшій цезаризмъ во Франціи. — Le
Dernier des Napoléon
- XVI. — НОВЫЯ КНИГИ. — Essai sur les formes de gouvernement dans les sociétés modernes,
par Em. Lavelaye
- XVII. — НЕКРОЛОГЪ. — Б. И. Утинъ. — М. С.
- XVIII. — ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія пуждающимся литераторамъ и ученымъ. —
II. Подписка на стипендіи Н. А. Милутина въ семинаріяхъ сельскихъ учителей
- XIX. — БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

Отъ редакціи. — Подписка на 1872-й годъ, за расходомъ всѣхъ
полныхъ экземпляровъ, прекращена.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ IV.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

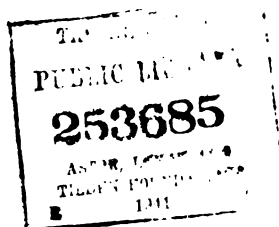
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

РЕКРУТСКІЙ НАБОРЪ

Очерки изъ современнаго крестьянскаго быта.

Въ декабрѣ, кажется, 1868 года, по дорогѣ изъ села Спасскаго въ деревню Хохловку ѣхали, мелкой рысцой, двое мужчинъ. Одинъ въ дубленомъ тулупѣ и сѣрой бараньей шапкѣ, другой—въ лисьей шубѣ, крытой порыжѣлою нанкою и въ шапкѣ изъ черныхъ смушекъ.

— Экой, право, народецъ! Сколько давали приказовъ, чтобъ вѣшки поставить, и ни одной не видать; а тутъ отвѣчай за все передъ начальствомъ, говорилъ мужчина въ дубленомъ тулупѣ, надвигая шапку до самыхъ глазъ.

— Слабо поступаете, Платонъ Петровичъ, отозвался на эту рѣчь другой спутникъ. Кабы пугнули старосту рубликомъ—вотъ и были бы вѣшки.

Платонъ Петровичъ почему-то вдругъ распахнулся и не безъ достоинства поправилъ, висѣвшій на груди, знакъ волостного старшины. Онъ стегнулъ внутромъ по лошади, и сани быстрѣй покатались подъ горку. Не вдалекѣ показались занесенныя снѣгомъ избы; послышалась переключка бабъ, заскрипѣли ворота и, нырнувъ около ракиты въ ухабъ аршина въ два глубиною, Платонъ Петровичъ съ своимъ спутникомъ, писаремъ, очутились въ улицѣ деревни Хохловки, возлѣ крыльца сельскаго старосты, Прохора Иванова. Изъ избы глянулъ мальчѣнка и тотчасъ же скрылся, за нимъ высунулась молодая, красивая баба, съ засученными по локоть рукавами, и потомъ маленький, съ рѣдкою русою бородкою, мужикъ, пристегивая на ходу къ полушубку бляху, знакъ сельскаго старосты.

— Въ избу, господа, пожалуйста, обратился онъ къ прѣхавшимъ съ низкими поклонами и, взявъ лошадь подъ уздцы, повелъ ее въ ворота; за нимъ послѣдовалъ писарь, а Платонъ Петровичъ, приказавъ скорѣе собирать сходку и отряхнувшись отъ снѣга, пошелъ въ сѣни.

— Ну, какъ, батюшка Захаръ Андреичъ, смотрѣли вы по ревизнымъ? нерѣшительно спросилъ у писаря староста, принимаясь распрягать лошадь.

— Смотрѣлъ: по всѣмъ правамъ выходить твоему Никитѣ.

— А Ванька Козловъ?

— Та семья моложе годами; на вторую ихъ можно.

Прохоръ на минуту задумался, потомъ вдругъ заголосилъ:

— Отецъ родной, Захаръ Андреичъ, стань за отца, за мать—отстой ты мою семью, заговорилъ онъ такимъ дивнымъ голосомъ, словно у него изъ спины ремень вырѣзывали.

Въ эту минуту на дворѣ показался старшина и разговоръ прекратился. Захаръ Андреичъ сталъ вытаскивать изъ-подъ сѣна связку бумагъ и чернильницу, а староста бѣгомъ бросился собирать сходъ. Между тѣмъ, въ избѣ Прохора поприбрались: столъ въ переднемъ углу накрыли чистой ширинкой, лишніе зипуны и прочую рухлядь пометали на печь, туда же взобралась ребятишка и хвора старушка. Одинъ за другимъ стали сходитьсь мужички, заговорили о податяхъ.

— Мы нечто отказываемся, мы не отказываемся, говорилъ мужикъ съ рыжей, точно помело, бородой; да платить-то чѣмъ?

— Про это, Егоръ, начальство не спрашиваетъ, объяснялъ старшина, а приказываютъ, чтобъ было, молъ, собрано.

— То-то же и есть! У меня вонъ какая пенёчка была — вся дуромъ попрѣла, потому угодыя нѣтъ—помочить негдѣ, снова говорилъ Егоръ.

— Какія наши угодыя! лѣтомъ курицу выпустить некуда... безъ воды помираемъ, разомъ подхватило нѣсколько голосовъ.

— Ну тамъ, какъ знаете, а подати чтобъ непременно были собраны, уже начальнически порѣшилъ старшина.

— Соберемъ, Платонъ Петровичъ, соберемъ до единой копѣечки, вотъ только дай малость опогодиться—вишь това-то у насъ задумо, никакъ не отгребешься.

— У васъ все не какъ у людей, замѣтилъ писарь; намедни сыро было—молотить нельзя, теперь морозцу Богъ послалъ, такъ снѣгомъ васъ занесло; одно слово оголѣлый народъ... Однако не пора ли? обратился онъ къ старшинѣ.

— Всѣ собрались, православные? спросилъ тотъ, оглядывая по головамъ.

— Похоже, будто всѣ, отозвались нѣкоторые изъ присутствующихъ.

Захаръ Андреичъ развернулъ печатный листъ и началъ громко читать манифестъ о рекрутскомъ наборѣ... А въ избу прибывали все новыя и новыя лица. Явилась вся семья Ивана Козлова, пришли и его сосѣди; притащились черезъ силу дѣдушка Уволь, бѣлый, какъ лунь, старикъ, давно уже страдающій удущемъ и неучаствующій ни въ какихъ мірскихъ дѣлахъ; пришла даже бабка Савватевна, единственная повитуха въ околодѣхъ — всѣмъ хотѣлось знать, что будутъ гуторить о солдатчинѣ, и всего міръ назначить въ ставку.

— Ну, православные, таперича вы слышали, что Государь Императоръ приказываетъ, заговорилъ старшина, когда писарь прочиталъ послѣднюю строчку: «данъ въ С.-Петербургъ, въ лѣто отъ Рождества Христова»...

— Слышали, Платонъ Петровичъ; извѣстно, волю царскую сполнять надо; только не обидно ли будетъ нашему селенью? какъ-то нерѣшительно началъ, выдвигаясь впередъ, все тотъ же Егоръ.

Пустое, повидимому, возраженіе Егора отозвалось однако надеждою для многихъ присутствующихъ, и въ избѣ разомъ сдѣлалось тихо; закашлялся-было дѣдушка Уволь, но его тотчасъ же выпроводили въ сѣни.

— Селенье ваше назначено волостнымъ сходомъ по числу рекрутскихъ частей, объяснилъ писарь.

— Мы считаемъ по душамъ, продолжалъ Егоръ; у насъ сорокъ три, а у протасьевскихъ, почитай, всѣ пятьдесятъ наберутся—вотъ и законъ имъ идти впередъ насъ.

Писарь отыскалъ списокъ селеній и объявилъ сходу, что въ Хохловкѣ по уставной грамотѣ значится 48 ревизскихъ душъ, а въ деревнѣ Протасьевой только сорокъ шесть.

— Что, Егоръ? подсмѣялся старшина.

— По бумагамъ-то оно будто и такъ, проговорилъ тотъ въ раздумьи... значить и мертвые тутъ же?

— Съ мертвыми-то, пожалуй, и точно у насъ больше, заго-лосили мужики, а посчитай-ка настоящихъ работниковъ, анъ взяться не за кого... по уставной-то и Вуволь, небось, записанъ...

Начались оханья, вздохи, отквашиванья, сморканья; приближалась рѣшительная минута—надо было сказать слово, отъ котораго зависѣла участь цѣлой семьи.

— Что-жъ, православные, укажите, кого, по вашему, слѣдуетъ на первую ставку, кого на вторую, вымолвилъ старшина, приподымаясь съ лавки.

Всѣ молчали.

— Выбирайте по-божьему, чтобы никому, значитъ, обиды не было, продолжалъ онъ.

Мужики упорно молчали.

Старшина видимо терялъ терпѣнье.

— Али вы оглохли, прости Господи, крикнулъ уже онъ, выйдя изъ-за стола и такъ близко подвинулся къ Егору, что тотъ даже попятился... Тройники есть у васъ? спросилъ онъ.

— Есть!

— А четверники?

— И четверники, Платонъ Петровичъ, есть, кричала, протискиваясь впередъ, какая-то баба; у Еремкиныхъ четыре брата; что же вы, миръ православный, молчите.

— Пустое она несетъ, разомъ послышалось нѣсколько голосовъ; Еремкины въ отдѣлѣ еще до воли... Ваньку Козлова на первую, Никишку старостина—на вторую, крикнули, наконецъ, сзади, и этого было совершенно достаточно, чтобы въ избѣ мгновенно поднялась суматоха. Трудно было разобрать, что именно говорили: чаще и громче другихъ словъ повторялись: двойникъ, тройникъ, Ванька Козловъ, старостина семья, послуга, фитанецъ; начинались уже легонькія перебраночки, а двѣ бабы совсѣмъ даже уклонились отъ настоящаго предмета и попрекали другъ друга какимъ-то прадевомъ.

— Будетъ вамъ горло-то драть, черти, перекричалъ наконецъ всѣхъ Егоръ, обращаясь къ той половинѣ, которая отстаивала Ивана Козлова; самъ же Егоръ принадлежалъ къ партіи старосты.

Голоса стали мало-по-малу стихать.

— Вотъ что, православные, обратился Егоръ уже ко всему міру: старостину семью можно ослобонить, потому у нихъ была послуга.

— Отцы родные, пожалѣйте хоть сколько-нибудь, ослобоните до меньшенькаго, взмолился староста, кланяясь чуть не до полу и старшинѣ, и Егору, и всему міру.

— Ослобонить! закричалъ Егоръ.—Ослобонить до меньшого сына, повторило за нимъ нѣсколько голосовъ, и староста началъ кланяться еще ниже. Ваньку Козлова на первую, крикнулъ опять Егоръ. На первую! подхватила большая половина; на вторую, на вторую! кричали съ другой стороны, не законъ Козловыхъ на первую.

Поднялся опять-было гвалтъ; но старшина скоро догадался.

— Становись на двѣ части, приказалъ онъ; кто желаетъ Козлова на первую—иди къ печѣ; кто на вторую—иди сюда, показавъ онъ рукою въ противоположную сторону; но когда принялись повѣрять голоса, то всѣ оказались около печки.

— Всѣ, стало быть, назначаютъ Козлова на первую очередь? съ удивленіемъ спросилъ старшина.

— И то будто всѣ, подивились даже и сами православные.

— Пиши, Захаръ Андреичъ, на первую ставку Ивана Козлова, приказавъ старшина.

На вторую очередь назначили Михея Безпалаго, и то дѣло скоро кончилось потому только, что изъ Семенова двора прибѣжали за малымъ — ѣхать въ Спасское за священникомъ — дѣдушка Уколъ кончался. Изба опустѣла: остались, кромѣ старшины и писаря, только Егоръ, кумъ Панфилъ да дядя Трифонъ.

— А что, молодека, не пора ли въ печь заглянуть, время бы, кажись, поспѣвать, обратился кумъ Панфилъ къ той самой женщинѣ, которая встрѣтила старшину съ засученными рукавами.

— Грунь, а Грунь! застонала на печи старуха.

— Что тебѣ, баунька? отозвалась молодека.

— Дай-ка испить водицы... смерть головоньку разломило... да ты не суетись... подь-ка сюда!

Груня, жена большого сына старосты, Никифора, о которомъ было столько споровъ на сходкѣ, зачерпнула воды и поднесла старухѣ.

— Правда ли, что Уколъ помираетъ? спросила та, хлебнувъ раза два изъ корца.

— Правда, баушка, правда, отвѣтилъ Трофимъ; за попомъ уѣхали.

— Отъ кашля, что-ль? вновь спросила старуха.

— Кто-жъ его вѣдаетъ.. знамо, смерть пришла, замѣтилъ Панфилъ, усаживаясь за столъ, на которомъ стояла уже чашка со щами.

— И чудной же былъ этотъ Вуколъ, продолжалъ Панфилъ. Помню, я еще махонькій былъ, прислали его сюда господа изъ другой вотчины въ скотники; а затѣмъ и прислали, что добре охочъ былъ на кулачки биться, ну и зашибъ тамъ кого-то изъ дворовыхъ.

— Какъ же попалъ онъ въ Семеновъ дворъ? спросилъ старшина.

— Записали его господа по ревизіи въ Тихонову семью, ну,

онъ тамъ и считался; а тутъ стали послѣ Тихона сыновья дѣлиться, что было тоже спору за старика—никто его на свою часть не беретъ; ужъ міромъ предѣлили Семену; корову ему за то положили.

— Небось, у него своей казны хватить, вставила-было на печи старуха, да ей никто не отозвался и трапеза продолжалась молча. Вставалъ только Прохоръ, обносилъ гостей передъ каждою переменною стариннымъ кабачнымъ ставанчикомъ, съ двухъверхковымъ дномъ, и хотя Платонъ Петровичъ всякій разъ отказывался, увѣряя, что окромя краснаго онъ ничего не потребляетъ, но усердный хозяинъ все-таки просилъ пригубить, и дѣйствительно старшина прикладывалъ ставанчикъ къ губамъ, а затѣмъ водку выпивалъ уже Захаръ Андреичъ.

На улицѣ проскрипѣли сани. Прохоръ глянулъ въ окно, и хотя сквозь ледяную кору стекла трудно было что-нибудь разглядѣть, но привычный глазъ тотчасъ примѣтилъ высокую, не крестьянскую шапку.

— Батька, что-ли? спросилъ кто-то.

— Батька!

— Одначе скоро, замѣтилъ старшина и, помолясь на образъ, лагодарилъ хозяина за хлѣбъ-соль; остальные гости сдѣлали то же. Захаръ Андреичъ принялся укладывать бумаги, а Платонъ Петровичъ и мужички вышли на дворъ запрягать лошадей.

— Смотри же, робята, хлопчите, то-есть какъ не можно, на счетъ податей, приказывалъ старшина, усаживаясь въ сани.

— Соберемъ, Платонъ Петровичъ; до единой копѣечки соберемъ, дѣло стало за погодой, увѣряли мужики и, проводивъ начальство до самой околицы, воротились опять въ избу старости Прохора. Никифоръ, его сынъ, мигомъ слеталъ въ Протасевку, и старинный кабачный ставанчикъ снова заходилъ по рукамъ собесѣдниковъ. Выпилъ за хлопоты и самъ Никифоръ, выпила Груня съ босоногимъ мальчѣнкой; выпила даже бабка на печи; всѣ стали участниками семейной радости.

Пришелъ Семень попросить тесинку на гробъ, и Семену поднесли; зашелъ дьячекъ, Яковъ Васильевичъ, чутьемъ узнавшій, что у Прохора выпивка — поднесли и дьячку, да и прогуляли такимъ образомъ чуть не до пѣтуховъ.

А на другомъ концѣ деревни, въ семьѣ Ивана Козлова, никто въ этотъ вечеръ даже и хлѣба не трогалъ. Дорогой еще, возвращаясь со сходы, Матрена принялась ругать своего мужа, безответнаго Ерофея, за то, что онъ не умѣлъ отстоять сына; а придя домой ни съ того, ни съ сего кинулась на невѣстку — Прасковью; но Иванъ вступился за жену и тутъ уже Матрена

не выдержала: накупѣвшее у нея горе полилось наконецъ обильными слезами и нескладными причитаньями. Прасковья тоже голосила на всю избу, а Ерофей взялся-было свить оборочку къ новымъ лаптямъ, но работа не ладилась; вмѣсто пеньки ему мерещилась почему-то рыжая борода волосного писаря, а въ ушахъ такъ и звенѣло: на первую ставку Ивана Ковалева! Онъ поправилъ нагорѣвшую лучину и вышелъ на дворъ. Ночь была свѣтлая, морозная.

Изъ-подъ навѣса выглядывали поднятыя оглобли саней; Ерофей подошелъ къ нимъ и вспомнилъ, что сани эти приготовлены ѣхать на мельницу, вчера испекли послѣднюю муку. «А овинъ опять остался не высушенъ», подумалъ Ерофей и пошелъ въ другому углу навѣса. Десятокъ овецъ, плотно прижавшихся другъ къ другу, зарылись въ солому; тутъ же, согнувшись и дрожа отъ холода, стояла, понуря голову, пестрая корова. Ерофей погладилъ ее по взъерошенной шерсти и невольно подумалъ: «чего бы, кажись, еще желать отъ Бога; хлѣбушка, почитай, до новины хватить, повинности справимъ, жить бы надо... а тутъ—экое горе!..»

Онъ отворилъ ворота и безсознательно, подвигаясь шагъ за шагомъ, словно ошибкой вошелъ въ избу Семена. Слабый огонекъ желтенькой восковой свѣчки, пригнѣпленной къ образу, чуть освѣщалъ только передній уголъ; на широкой лавкѣ лежалъ дѣдушка Ужолъ, прикрытый концемъ новой холстины, изъ-подъ которой выглядывали востлавья ноги покойника; тутъ же на полу прилаживалъ Семень дно къ гробу. Никто не говорилъ о старикѣ.—Божье опредѣленіе, говорилъ Семень Ерофею; притащился со сходки, завашался, да и сталъ помирать; батьку-то привезли, ужъ онъ безъ языка лежалъ, такъ и приобщали его все одно, какъ малаго ребенка.

— Хоронить завтра будете? спросилъ Ерофей.

— Не управимся! теперь поди-ка, небось, до талой земли не скоро докопаешься, а онъ, вишь какой, Христось съ нимъ, вытянулся долгій.

Да, пожалуй, безъ малаго три аршина будетъ, сказалъ Ерофей, вымѣряя глазами покойника.

— То-то-жъ и дѣло! А ты подсоби ужъ, хоть малость, порыться, вдругъ попросилъ Семень.

— Что-жъ, можно! равнодушно отвѣтилъ Ерофей и отправился домой.

На другой день хохловцы дружно принялись молотить овесъ; надобно было платить подати, собирать волостные, некрутскіе; денегъ, по выраженію мужиковъ, требуется куча, а потянуть не за что. «Навались, бей, сильнѣй, крѣпче», покрикивали кое-гдѣ молотильщики и вслѣдъ затѣмъ еще чаще и громче стучали цѣпы по оледенѣвшимъ токамъ, подымая на воздухъ пыль да мелкую солому.

Солнце было уже высоко, когда Прохоръ только-что вышелъ на работу; Никифоръ съ Груней настилали другую веревку.

— Бѣжи, невѣстка, домой, мальченка блажитъ, приказалъ онъ, и Груня, бросивъ нерастрасенный снопъ, торопливо пошла въ деревню.

На дворѣ еще было слышно, какъ заливался ребенокъ, доказывая своимъ крикомъ и крѣпость груди и здоровье легкихъ.

— Сынушко, сыночка, нѣжно приговаривала Груня, разстегивая на ходу шубу и, схвативъ крикуна холодными руками, положила его къ теплой груди. Мальчуганъ на минуту умолеъ, но потомъ принялся кричать еще громче. Груня переложила его на другую руку, однако и тутъ видно пожива была тоже плохая.

— Дай ему соску, посоветовала свекровь.

И то зная лучше соску дать, подумала Груня, тоскливо оглядывая ребенка, который сердито теребилъ рученками пустую грудь матери.

— Всѣ что-ли на токахъ? спросила старуха, когда Груня, успокоивъ сынишку, присѣла къ столу и взялась за краюшку хлѣба.

— Должно всѣ; Козловыхъ только не видать.

— Что такъ?

— А кто ихъ вѣдаетъ; Ерофей-то недавнушко проѣхалъ съ Семеномъ; а Матренка, сказывали, гдѣ тебѣ, еще утрикомъ прошла, куда-то туда. Груня показала рукой.

— Въ Гулино, видно?

— Можетъ и въ Гулино!

Дѣйствительно, Матрена въ эту минуту была уже не далеко отъ Гулина. Она остановилась на Малашкиномъ взволочкѣ перевести духъ и, будто, невольно обернулась назадъ. Узкой полосой тянулась дорога, изрѣдка обставленная соломенными вѣшками; кругомъ было мертво и пустынно, только стая воронъ съ крикомъ кружилась надъ свѣжей еще падалью.

«Ужъ ли онъ такъ-таки ничего не пожалѣетъ, думала Матрена, представляя себѣ осанистую фигуру своего свата, Андрея Силыча. Расскажу ему все до подлинности; такъ молъ и такъ,

сватушка, наши съ тобой дѣтищи погибають, защи своей милостью...» Но вмѣстѣ съ тѣмъ ей чудилась полнолѣсная рука Силыча и сердце замирало отъ страха.—Мать Пресвятая Владычица, Микѡла угодникъ, помоги мнѣ, громко проговорила баба осѣнивъ себя православнымъ крестомъ и тронулась дальше... Изъ-за бугра показалось крыло вѣтряной мельницы; вотъ словно окунулось оно въ снѣгъ, а на его мѣсто выплываетъ другое, за нимъ третье, и черезъ нѣсколько минутъ передъ Матреной кружилась гулинская вѣтрянка; влѣво раскинулся покрытый инеемъ садъ, а дальше виднѣлись зеленая крыша господскаго дома и длинный рядокъ крестьянскихъ построекъ. Матрена сразу отличила избу Андрея Силыча, примѣтила даже высунувшуюся изъ воротъ кудластую голову чалой кобылы.—А хоть и побѣтъ, что-жъ за диковина, утѣшила себя баба, невольно прибавляя шагъ. Оказалось — однако, что Андрей Силычъ еще третьяго дня уѣхалъ въ городъ, *оплатъ* съ сычевскимъ баринѡмъ *бумату* на покупную землю, и дома не знали, когда онъ воротится. Эта неожиданная новость какъ будто обрадовала Матрену.—Жена Силыча, сватья Катерина—баба жалостливая; она хоть выдумать ничего не сдумѣтъ, за то съ нею поплакаться можно, соображала Матрена, и безъ дальнихъ околичностей принялась рассказывать сватьѣ, какъ неожиданно-негаданно взяли да и записали Ванятку въ некруты.—Я ли міру не кланялась, я ли не ублажала вышнее начальство всяческими прошеньями; незаконно, говорю, православные, двойника назначать, а четверики будутъ дома сидѣть, да надъ нами же насмѣхаться; никто моихъ рѣчей не принялъ: ты, говорятъ, баба; тебѣ, говорятъ, и мѣста на сходѣ не полагается; а мой-то лысый чортъ, прости Богъ грѣхамъ, стоитъ ровно мокрая курица, хоть бы словечко-те вымолвилъ. Во сырой землѣ мой батюшка, во сырой землѣ моя матушка, некому застоять меня сироту безродную, причитала Матрена, невольно переходя въ похоронный тонъ.

Трудно было судить о чувствахъ Катерины по наружному ея виду: загрубѣлая кожа лица не выдавала никакого внутренняго волненія; только въ концѣ разсказа она стала мигать все чаще и чаще, а когда Матрена начала причитать — заголосила и Катерина.

— Загубили вы нашу Паранюшку, безъ ножа дѣвку зарѣзали; головушка моя горькая... и какъ теперь хозяина мнѣ встрѣчать, прибирала въ свою очередь Катерина.

Вшедшій въ избу малый съ хомутомъ на руцѣ вдругъ остановился въ недоумѣніи.

— Али померъ кто? спросилъ онъ сидящихъ за прѣлами молодежи.

— Ванятѣу Паранькинова въ некрута назначили, отвѣчали тѣ.

Малый широко раскрылъ глаза, свиснулъ и, сунувъ хомутъ подъ лавку, поспѣшно вышелъ. Одна изъ молодежи стала сбираться на рѣчку, другая повертѣла - было самопрѣлку, да тоже очутилась на рѣчкѣ.

Къ обѣду всѣ уже гулинскія бабы толковали о томъ, что хохловскій Ванятка назначенъ въ некруты, что Матренкинъ хозяинъ съ горя всю ночь прогулялъ въ кабацѣ, а прѣбавши утромъ домой, такъ избилъ бабу, что та еще живая дотащилась къ Силычу и теперь голосить съ Катериной. Центромъ гулинскаго бабьяго міра былъ прудъ, почему-то величаемый рѣчкой. Зимой и лѣтомъ полоскались тамъ въ разныхъ видахъ произведенія корявыхъ рукъ прекраснаго пола, круглый годъ сносились на прудъ всѣ домашнія дразги и новости, а оттуда молва обѣгала уже по всѣмъ закоулкамъ сельца Гулина, не минуя въ особенныхъ случаяхъ даже барской усадьбы.

Большинство женщинъ сочувственно отзывались на горе Матрены и пожалѣли ее отъ чистаго сердца, только Дарья, по прозванью «задира», выслушавъ извѣстіе о назначеніи Ивана Козла, увлеклась чувствомъ личнаго неудовольствія и принялась ругаться.

— Ни что ему, чорту пузатому, вричала она, колотя валькомъ по мокрой рубахѣ. «Твой сынъ пьяница, онъ и тебя за косы таскаетъ, а жену до смерти уходить», говорила Дарья, видимо передразнивая кого-то. Вотъ-те и пьяница; пьяница да дома, а хорошій-то вашъ въ солдаты угодилъ; поди ка теперь, поняньчай солдатскихъ ребятокъ: Осипъ-то Кузнецовъ, вотъ онъ...

— Полно, Дарья, грѣшить, остановила - было ее какая - то разумница, но та не умолкала.

— Чего грѣшить, когда я доподлинно знаю, что Параньба съ нимъ въ дѣвкахъ гуляла.

— А коли ты знала, на что-жъ за сына сватала? спросили ее бабы.

— Парню полюбилась, вотъ на что; а сама-то бы я и въ жизнь этакой поскуды на дворъ не пустила.

Последнее слово возбудило негодованіе двухъ, уже немолодыхъ, родственницъ Силыча; они обозвали Дарью брахучею; Дарья отвѣтила имъ, что брешутъ только старыя собаки, а она человѣкъ крещеный, и такимъ образомъ началась общая перепалка.

Въ тотъ же день вечеромъ прїѣхалъ Андрей Силичъ. Обѣ сваты сидѣли въ его горницѣ. Заслышавъ скрипъ саней и голосъ свата, Матрена мигомъ взобралась на печь. Побѣтъ, безпремѣнно побѣтъ, думала она, выглядывая изъ-за групки на распоясывающагося, высокаго, дюжатаго мужика, и сотворила даже крестное знаменіе. Скинувъ верхній дубленый тулупъ, Андрей Силичъ принялся очищать бороду отъ намерзнувшаго инея.

— Чтѣ, Дормидонтъ Иванычъ, небось у тебя все нутро застыло, обратился онъ къ входящему господину въ ватномъ пальто и пестромъ шерстяномъ шарфѣ. Тотъ не отвѣчалъ. Нижняя челюсть Дормидонта Ивановича подергивалась весьма замѣтно, а зубы стучали, какъ бываетъ всегда при сильномъ ознобѣ.

— Да ты, что-жъ сѣлъ-то? ты походи, разомнись, совѣтывалъ Андрей Силичъ.

Онъ приказалъ согрѣть самоваръ, а самъ принялся тормошить Дормидонта Ивановича. По примѣтамъ домашнихъ, хозяинъ былъ въ добромъ расположеніи духа, и всѣ почувствовали себя какъ-то легче.

— Водочки бы, проговорилъ наконецъ оттаявшій Дормидонтъ Иванычъ.

— А ты прежде горяченькимъ брюшко попарь, предлагалъ Андрей Силичъ.

— Ужъ я свою натуру знаю: для меня водка много полезительнѣй.

— Ну, быть по твоему! Петрунь, крикнулъ хозяинъ того самаго малаго, который приходилъ съ хомутомъ, валяй къ бузнецу; полштофа, молъ, водки, да смотри позабористѣй, для прїѣзжаго, молъ, понялъ?

— Слава Богу, не махонькій, обидчиво отозвался тотъ. Стало безъ денегъ, прибавилъ онъ, подвигаясь къ двери.

— Хозяинъ, молъ, самъ разочтется; да ты одѣнься, глупенькій. Но Петрунька, какъ спалъ на печи въ рубахѣ, такъ и побѣжалъ. Въ ожиданіи предстоящаго удовольствія, Дормидонтъ Ивановичъ скинулъ съ себя пальто и оказался въ какомъ-то кургузомъ скруточѣ табачнаго цвѣта, съ узкими, короткими рукавами, пестромъ матерчатомъ жилетѣ, а выглядывающіе кое-гдѣ признаки бѣлья вызвали даже Силича на замѣчаніе.

— Не велѣтъ ли бабамъ рубаху-то твою постирать, сказалъ онъ, насмѣшливо оглядывая фигуру привазнаго.

Обидѣться Дормидонтъ Иванычъ не успѣлъ, потому что въ ту же минуту принесли водку. Онъ зубами вытащилъ пробку и не дождавшись ставанчика, который, какъ на зло, куда-то за-

пропастился, потянулъ прямо изъ горлышка. Этотъ фокусъ доставилъ всѣмъ не малое удовольствіе, и нѣсколько минутъ въ избѣ слышался хохотъ.

— Вотъ теперь и чайку можно, сказалъ онъ, усаживаясь за столъ рядомъ съ хозяиномъ, и, придвинувъ поближе къ себѣ полштофъ, закурилъ папиросу.

Между тѣмъ Матрена, оправившись нѣсколько отъ перваго впечатлѣнія, стала раздумывать о томъ, какой милости просить ей у свата. Ослобонить Ванятку, по мнѣнію матери, было послѣднее дѣло; хотѣлось бы такъ подладить машину, чтобъ и Ванятка остался дома, да и меньшого-то сына имъ же защитить. Инстинктивно Матрена сознавала, что такой исходъ былъ бы самый счастливый для семьи и что въ дѣйствительности онъ очень возможенъ; но какимъ путемъ добиться такого исхода и что, по крайней мѣрѣ, для этого требовалось—баба рѣшительно не могла домыслиться. «Пусть побьетъ, думалось уже ей теперь, лишь бы только парнишку выручилъ», и, въ припадкѣ самоотверженія, Матрена готова была тотчасъ же показаться Силычу и объявить свое горе, да натопленная печь такъ пріятно разнѣжила утомленное тѣло старухи, что она не въ силахъ была распорядиться собственными членами и задремала невольно. И грезится ей, будто она съ Авдотьей Акинеевой, да съ Тарасовой хозяйкой жнутъ въ отхожемъ барскомъ клину, подлѣ самой большой дороги; рожь-то матушка буйная, да ядреная, никакъ серпа не проволокаешь, а солнышко такъ огнемъ и палитъ; что-жъ эта за мука, будто говоритъ Авдотья, хотъ помирать ложись; съ тѣмъ словомъ какъ прыгнетъ къ нимъ что-то, такъ бабы и шарахнулись. Глядитъ Матрена, а на снопѣ ея Ванятка сидитъ, да такой маленькій, голова вся облѣзла:—али ты, матушка, меня не узнала, спрашиваетъ, будто онъ;—не узнала родненькій—вишь ты какой махонькій, да гунявый сталъ;—это, говоритъ въ солдатахъ меня такъ обработали, а ты, матушка, можетъ, думаешь я живой? вѣдь я мертвый! да какъ загогочетъ, словно жеребецъ рыаный. Матрена застонала отъ испуга.

Въ эту минуту Андрей Силычъ только-что началъ молиться Богу и съ удивленіемъ оглянулъ избу. На лавкѣ, прикрытый хозяйскимъ зипуномъ, ерѣпко спалъ охмѣлѣвшій Дормидонтъ Ивановичъ; въ горницѣ никого больше не было; бабы ночевали въ другой половинѣ.

— Кто здѣсь? окликнулъ онъ, словно не своимъ голосомъ. Матрена, не очнувшись еще, повернулась на другой бокъ, попала нечаянно на горячій кирпичъ и кубаремъ свалилась съ лечи. Силычъ былъ неробкаго десятка, но теперь потерялся:

передъ нимъ, на полу, лежала баба и по всѣмъ примѣтамъ сватья Матрена, а какимъ чудомъ попала она на печь и отчего никто ему не сказалъ о ней прежде—это было загадкой.

— Ты что-жъ это сватья? рѣшился онъ наконецъ вымолвить, все еще недоумѣвая, настоящая это сватья или оборотень.

Матрена робко приподняла голову и, почти безсознательно, ползкомъ двинулась къ Силычу. Тотъ свободнѣе перевелъ духъ, убѣдившись наконецъ, что передъ нимъ дѣйствительно настоящая сватья.

— Ужъ и напужала-жъ ты меня, каторжная, сказалъ онъ не то ласково, не то сердито. Какъ тебя занесло сюда?

— Милости пришла просить, батюшка; жалѣнья твоего, Андрей Силычъ, заговорила Матрена слезливымъ голосомъ.

— Да что у тебя такое?

— Охъ, бѣда надъ нами стряслась, родной, Ванятку нашего въ очередь записали....

Силычъ вдругъ откинулся всѣмъ туловищемъ на стѣну и такъ ткнулъ ногой въ голову Матрены, что у ней даже искры изъ глазъ посыпались.

— Мякинники проклятые, закричалъ онъ, отступая въ сторону; дѣву-то за что-жъ погубили?

— Богъ видитъ, ни въ чемъ мы не повинны; не за нами совсѣмъ очередь.... старшія семьи есть, захлебываясь говорила Матрена.

Горло-то ей словно кто вдругъ руками стиснулъ.

Силычъ присѣлъ.

— Послѣ баба ревѣтъ, смерть не люблю этого, сказалъ онъ уже значительно смягченнымъ тономъ.

Матрена, едва сдерживая рыданія, поднялась на ноги и стала передъ Силычемъ, понуря голову.

— Ты говоришь не вамъ очередь, а почему же Ванятку записали?

— Подкупомъ, батюшка Андрей Силычъ, обошли значить старшія семьи.

Силычъ недовѣрчиво глянулъ на бабу.

— Ты пустого не мели, строго замѣтилъ онъ ей.

— Знамо, наше дѣло женское; нечто мы какіе порядки разумѣемъ, стала-было оправдываться Матрена, но Андрей Силычъ объявилъ ей, что завтра онъ все разберетъ, а теперь приказалъ идти спать къ бабамъ.

Черезъ сѣнцы, въ другой избѣ, болѣе просторной и не очень опрятной, помѣщались женатые сыновья Силыча съ невестками, работникъ Петрунька, маленькіе телята и котныя овцы; тамъ же

пеклись хлѣбы, варилося кушанье, словомъ, справлялись всѣ домашнія потребности. Ощупью отыскала Матрена дверь этой половины, кое-какъ, по стѣнѣ, добралась до скамьи и улеглась, не скидывая даже лаптей. «Авось ли Господь поможетъ», думала она и съ этой завѣтной надеждой земли русской крѣпко заснула. Разуваясь, Андрей Силычъ вспомнилъ, что на правой щекѣ Матрены видѣлъ кровавый рубецъ и подумалъ: «должно, бабу-то я добре сапогомъ двинулъ; ну, да свои люди, сочтемся...» и заснулъ преспокойно.

Утромъ Дормидонтъ Ивановичъ всталъ раньше всѣхъ. Въ головѣ у него было чадно, на одной ногѣ оказалось два пальца слегка отмороженными, а желудокъ требовалъ водки и чего-нибудь кислаго. — Ишь дрыхнѣтъ, животное, злобно прошепталъ онъ, глядя на спящаго Силыча, и взялся было за полустофъ, но изъ него даже не капнуло. — Эхъ, мужланье поганое, обругался онъ и вышелъ въ сѣнцы.

Стукъ двери разбудилъ Силыча.

— Ну, утанулъ, вскрикнулъ онъ, оглядывая пустое логовище Дормидонта Иваныча: вотъ прокаженный-то! и надѣвъ сапоги на босу ногу отправился розыскивать его. Въ сѣняхъ было слышно, какъ на дворѣ упрашивалъ Дормидонтъ Ивановичъ Петруньку принести ему хоть маленькую.

— Ты прежде лобъ-отъ перекрести, умойся, сталъ усовѣщивать его Андрей Силычъ. Вѣдь, небось, ты тоже русскимъ человекомъ прозываешься; хрестъ на себѣ имѣешь....

— Да я что-жъ; я вѣжета, ничего, отвертывался Дормидонтъ Ивановичъ.

— Ничего; а малаго за водкой, безъ спроса, на хозяйскій счетъ посылаешь.

— Опохмѣлиться, Андрей Силычъ; въ желудкѣ очень горить; да вотъ кабы еще крошевца съ селедочкой.

— Ишь тебя разнимаетъ, улыбаясь сказалъ Силычъ, и за руку повелъ Дормидонта Иваныча въ горницу.

— Слушай-ка, вотъ какая оказія, началъ Силычъ, усаживая приказнаго рядомъ съ собой. Тутъ пришла моя сватья изъ Холмовки; назначили ея парнишку, а моего значить, зятя, въ некруты; понялъ?

Дормидонтъ Ивановичъ махнулъ головой.

— Баба, говорить, незаконно, потому у нихъ старшія семьи есть; такъ теперь вотъ требуется обхлопотать это дѣльце.

— Да... это штука выходить... не маловажная, съ разстановкой и не безъ достоинства уже проговорилъ Дормидонтъ

Ивановичъ. Можно, добавилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто рѣшался сдѣлать великую милость.

— Ну!...

— Ты, братъ не нукай, потому я не сивый меринъ, а тоже чинъ себѣ имѣю, обидчиво замѣтилъ приказный.

Андрей Силычъ глянулъ изъ-подлобья на своего собесѣдника; рядомъ съ нимъ точно сидѣлъ Дормидонтъ Ивановичъ, только ужъ такой важный, да словно, умный.

— Мы, то-есть, на счетъ платы; что, молъ за труды положишь? серьезно спросилъ Силычъ.

— За три рубля прошенье въ посреднику напишу.... и, заложивъ руки въ карманы брюкъ, Дормидонтъ Ивановичъ зашагалъ по горницѣ.

— Вона куда хватилъ; да за три-то рубля на ербовой напишутъ; такъ ужъ тамъ, одно слово, прошенье; куда хопъ дойдетъ, замѣтилъ Силычъ.

— Мало ты, я вижу, въ этомъ дѣлѣ смыслишь; вотъ что, пріятель, подсмѣялся Дормидонтъ Ивановичъ.

Но Силычъ и не думалъ хвастаться знаніемъ канцелярскихъ порядковъ; его сердечнымъ желаніемъ было никогда не имѣть дѣла съ судейскими, потому что хуже ихъ, да еще полицейскихъ, по мнѣнію трезваго, честнаго мужа, и выдумать что-нибудь трудно, а если и ввернулъ Андрей Силычъ словечко на счетъ гербовой бумаги, такъ просто для того, чтобы имѣть случай поторговаться.

— Мы, точно, хоть и неграмотные, да все же разобратъ можемъ что чего стоить, снова говорилъ Силычъ. Ты вотъ назначаешь три рубля за прошенье, а у насъ тутъ въ деревнѣ есть солдатики, тотъ и за полтину настрочить.

— Эхъ ты, умная голова, ну онъ тебѣ на полтину и сдѣлаетъ; а велико мѣсто полтины?...

«И то, подумалъ уже Силычъ, сбитый нѣсколько съ толка: по солдатовымъ прошеньямъ нѣкому ничего не вышло; да этотъ проклятый что-жъ ничего не подается?»

— Ну, да ладно; рубль видно отдадимъ, предложилъ онъ, подставляя руку ладонью вверхъ.

— Два и полштофъ, требовалъ Дормидонтъ Ивановичъ, накрывая руку Силыча.

— Рубль и полштофъ!

— Прибавь на рубль-то, жидоморъ, упрасивалъ Дормидонтъ Ивановичъ, предчувствуя близкую выпивку.

— А водка у насъ какая, поддразнивалъ Силычъ, поднося пустой полштофъ въ самому носу Дормидонта Ивановича.

Тотъ хлопнулъ вдругъ по рукамъ Силыча и велѣлъ посы-
лать.

— Нѣтъ, другъ милый, уговоръ лучше денегъ, ты прежде
напиши, а за нами дѣло не станетъ.

— Хоть рюмочку, умолялъ Дормидонтъ Ивановичъ.

— Пусто ему не будь, сжалился Андрей Силычъ и рѣшился
послать за водкой. Кликнули въ горницу Матрену и заставили
объяснить, какъ было дѣло.

— Опять же, говорю тебѣ, баба, лишняго не городи, преду-
предилъ Силычъ и сталъ внимательно слушать. Однако лишнее
городилось само собой, а дѣйствительное до такой степени пере-
мѣшивалось пустыми причитаньями и даже небылицами, что
только привычное въ бабьимъ розсказнямъ ухо Силыча не по-
теряло настоящей нити разсказа.

Дормидонтъ Ивановичъ сидѣлъ полуоборотомъ къ двери и
больше прислушивался, не бѣжить ли Петрунька.

— Разсуди ты теперь наши дѣла, не дай свое дѣтище въ
обиду, заключила Матрена, низко кланяясь Силычу.

— Выходить у васъ въ деревнѣ только два тройника—ваша
да старостины, началъ переспрашивать онъ Матрену.

— Ерёмкиныхъ—четыре брата.

— Ерёмвины, ты говоришь, еще до воли на два дома жи-
вуть, такъ? Ну, стало они двойники.

— У нихъ подрослъ есть, наставляла Матрена.

Андрей Силычъ сурово сдвинулъ брови и потянулъ за поясъ
—это было признакомъ, что онъ начиналъ уже терять терпѣ-
нiе и сердился.

— Опять же у Маланьи три сына, продолжала набирать
Матрена.

— Младшему сколько годовъ? спросилъ Дормидонтъ Ива-
нычъ.

— Они у ней всѣ, почитай, погодеки; ббльшаго - то нивакъ
лѣтось передъ заговѣнами женили.

— Не гожаются, значить, порѣшилъ Силычъ и опять по-
тянулъ за поясъ.

— Что-жъ, напишешь? обратился онъ къ Дормидонту Ива-
нычу.

— Сказано! Водки-то неси скорѣй, смерть животъ под-
водить.

Выпилъ онъ наконецъ два стаканчика, съѣлъ полчашки кро-
шева и бодро принялся за работу. Силычъ отправился по сво-
имъ дѣламъ, а Матрена не отходила отъ стола ни на шагъ.
Подперши рукою голову, она съ напряженiемъ слѣдила, какъ

мало-по-малу стала пестрѣть бумага разными заворючками и хвостиками; вотъ кончилась страница; Дормидонтъ Иванычъ положилъ перо и потянулся.

— Будеть, что ли, бабка? спросилъ онъ.

— Что ты, кормилецъ, какъ можно, испуганно заговорила она. Я видала, бываетъ и тутъ, и тутъ, и тутъ.... вездѣ написано, показала она листъ вкругомъ.

— Ну, это не хочешь ли ты вотъ чего? предложилъ ей Дормидонтъ Иванычъ, поклонившись пальцемъ.

— Ужъ сдѣлай же такую милость, уважь ты меня, безродную: не спакости, Христа ради, хныкала Матрена, влянаясь ему въ ноги.

— Поставь полштофъ, такъ и быть еще припишу.

Матрена задумалась: у нея не было ни копѣйки, однако пообщала.

— Ты послушай, дура, какъ важно выходить, и Дормидонтъ Иванычъ началъ читать:

«Прошеніе.

«Никакъ не осмѣлилась бы я утруждать ваше высокоблагородіе, еслибы не вынуждало меня къ тому мое бѣдственное положеніе. Будучи сама уже престарѣлыхъ лѣтъ, да къ тому же имѣя на своемъ попеченіи, вышедшаго изъ годовъ, съ удушьемъ мужа и двоихъ малолѣтнихъ сиротъ....»

— Про кого-жъ это ты?... въ недоумѣніи перебила Матрена.

— Э, дурища, непонятная; въ началѣ всегда такъ пишется, чтобъ жалостливѣе выходило.

— Оно точно, что жалостно;... да, смотри, какъ бы не было мнѣ чего!

— Ну, вотъ, въ первой что ли намъ:... «двоихъ малолѣтнихъ сиротъ, изъ коихъ только старшій достигнулъ законнаго возраста и при старости и убожествѣ моего мужа долженъ сдѣлаться хозяиномъ въ домѣ. Но не знаю, по какому закону....» писать что ли еще? вдругъ оборвалъ Дормидонтъ Ивановичъ. Матрена снова захныкала.

— Про Малашку-то помани, три, молъ, у ней сына и всѣ какъ есть годные; опять же староста Прохоръ—тройникъ, ну, Еремкиныхъ—четыре брата; въ раздѣлѣ, молъ, да подросль большая, прибирала она.

Дормидонтъ Ивановичъ на минуту вышелъ и, возвратясь въ горницу, рѣшительно объявилъ, что безъ вина писать больше не будетъ; подходит самая мудреная статья, а на сухую даже у него и выдумки не хватитъ. Нечего дѣлать, сбѣгала Матрена въ кабакъ, выпросила черезъ великую силу въ займы, до вече-

ра, косушку и угостила Дормидонта Иваныча. Онъ опять, принялся строчить и, проведя какой-то длинный-длинный хвостъ на половинѣ третьей страницы, сказалъ, что писать больше нечего.

— Ужъ, потѣшь, родименькій; дай послухаю, просила Матрена.

Дормидонтъ Ивановичъ читалъ:

«...но не знаю, по какому закону волостной нашъ старшина вдругъ назначилъ моего старшаго сына Ивана въ первую ставку. Таковыя незаконныя и самопроизвольныя дѣйствія волостнаго начальства происходятъ единственно отъ несправедливости нашего сельскаго общества, которое по какому-то, неизвѣстному для меня случаю, вовсе не назначило семейство Маланьи Пахомкиной, имѣющей трехъ сыновей на возрастѣ, и старости нашего, Прохора Иванова, который всегда приходитъ изъ волостнаго правленія въ нетрезвомъ видѣ, а сына своего отпустилъ по бѣлому паспорту; равно и Еремины должны считаться въ четверникахъ, потому что хотя мѣръ и доказываетъ, что они находятся въ раздѣлѣ, но это показаніе облыжное, что могутъ подтвердить даже присягою. А потому, объяснивъ о семъ вашему высокоблагородію, и покорнѣйше прошу, согласно вышеобъясненныхъ обстоятельствъ, учинить начальническое распоряженіе къ оправданію и защитѣ по закону невинныхъ, въ особенности малолѣтнихъ дѣтей моихъ, съ учиненіемъ справокъ въ ревизской сказкѣ, равно и рекрутскаго устава, и тогда, очевидно, откроются притязанія начальства въ скрытіи онаго, какъ выше объяснено по паспорту, а за превышеніе власти поступить по силѣ 863 ст. 2 т. св. зак. гражд.»

Дормидонтъ Ивановичъ самодовольно поглядѣлъ на Матрену; та, видимо, припоминала только что слышанное и улыбалась отъ удовольствія.

— Ничего,.. туболи нагородилъ порядочной;.. да и складно же, обдери тебя дѣромъ, похвалила она уже совсѣмъ весело.

— Тащи-жъ, теперь, баба, договорную, приказалъ Дормидонтъ Ивановичъ.

— Погоди малость, родименькій, — Силычъ придетъ, незамай, енъ послушаетъ, отговаривалась Матрена.

— Силычъ твой мнѣ не начальникъ и ждать его я не стану; а коли не принесешь сейчасъ водки, такъ и прощайся съ своимъ прошеніемъ.

Онъ взялъ бумагу и показалъ намѣреніе изорвать ее. Матрена въ ужасѣ схватила Дормидонта Иваныча за руки.

— Отецъ родной, не губи ты мою душу, проговорила она,

не спуская глазъ съ пальцевъ, между которыми согнулся уже злосчастный листъ. Обожди только минуточку, заразъ приставлю, докончила Матрена уже за дверью.

Она бросилась къ сватьѣ Катеринѣ просить денегъ, но и у той нашлась только семитка, сдачи изъ церкви намедни осталось; Силычъ больше пятачка тоже въ руки не даетъ, а своихъ денегъ откуда же набраться бабѣ? Дѣло, однако, уладилось: сватья одолжила Матренѣ кончикъ холстины покрыться, а эта заложила свой платокъ въ кабаѣ — и то еще милость сдѣлали — приняли... Когда Силычъ пришелъ домой, то дверь въ горницу была приперта снаружи кадею и, по объясненію домашнихъ, мѣра эта употреблена ими потому, что приказный добре сталъ буянить: требовалъ еще водки, личницу, и облапилъ-было молодку.

— Да вы, знать, давали ему безъ меня? строго спросилъ Силычъ.

Бабы испуганно переглянулись; но къ счастью ихъ Силычъ не сталъ больше допытываться, хотя и догадался.

— А прошенье-то?

— При мнѣ, родной, при мнѣ; самъ ѣнъ мнѣ и вычитывалъ, удостовѣрала Матрена, вытаскивая изъ-за-пазухи бумагу. Андрей Силычъ развернулъ листъ, помѣрлялъ глазами написанное и молча возвратилъ его Матренѣ.

— Что-жъ, сватушко, прикажешь мнѣ теперь во двору отправляться? спросила она.

— Теперь во двору, а завтра... нѣтъ, лучше въ среду, ступай къ посреднику.

— Ужъ ты научи ее, Силычъ, виѣшалась Катерина, какъ то-есть надать быть, по порядку.

— Бабьяго ли ума это дѣло, хныкала Матрена, кабы у меня хозяинъ-то настоящій былъ...

— Пуще всего лишняго не болтай, наказывалъ Силычъ; да вотъ въ ноги ему тоже не кланайся, не любить онъ, говорятъ, этого; бываетъ, еще въ холодную угодишь...

— Какъ же это такъ, кормилецъ, просто взять да и подать? недовѣрчиво спросила Матрена.

— Просто и подай.

— И рѣшенье выйдетъ?

— Ужъ онъ тебѣ все расскажетъ.

— Пошли тебѣ Господи вѣкъ долгій, утеръ ты мои слезы сиротскія, искренно, отъ чистаго сердца благодарила Матрена. На душѣ у ней стало легко да таково радостно, словно въ Христовъ день у заутрени; ей хотѣлось на просторъ, хотѣлось

обѣжать домой, къ посреднику. Матрена и сама не понимала, чего еще ей желалось; а желалось чего-то. Обѣдать она не осталась, и Катерина едва успѣла сунуть ей ситную лепешку, передать дочери гостинчикъ...

Тѣ же два дня прошли въ Хохловкѣ своимъ чередомъ. Кто позаботливѣе, да успѣлъ намолотить овсеца, отправлялись въ городъ добывать на подушныя; иные везли туда же овецъ; а Егоръ будоражилъ всѣхъ и увѣрялъ, что до срока никто требовать податей не смѣетъ, потому на это законъ есть. Утромъ привезли священника, положили дѣдушку Укола въ гробъ и проводили его міромъ до оволицы, а потомъ всѣ разошлись по своимъ дѣламъ, и только бабка старостина, разспрашивая Груню о проводахъ, укоризненно замѣтила, что не порядокъ бабы сдѣлали, потому все-таки надо было кому-нибудь, хоть малость, *погостить*. Ерофей въ городъ не поѣхалъ: у него другой сынъ, Павлуша, жилъ по плотницкой части, у протасьевскаго рядчика и тотъ общался дать къ Введенію двѣнадцать цѣлковыхъ, да вотъ ужъ и Микола прошелъ, а денегъ не получали. «Всего придется съ меня, рассчитывалъ Ерофей по дорогѣ въ Протасьевку, за три души своихъ, да за накладную—податей съ волостными шесть рублей восемь гривенъ; да земскихъ съ штраховыми поболѣ рубля; да некрутскихъ, гляди, тоже рубль, кабы еще не съ прибавкомъ... Десятью цѣлковыми дай Богъ управиться, неволью вырвалось у него въ слухъ. А въ хевралѣ опять платить первую половину, вспомнилось Ерофею; тамъ оброкъ къ святой... да еще какъ парнишку-то забрѣютъ...», и въ голову мужа вереницей полѣзли такія мысли, что онъ едва опомнился, услыхавъ колокольчикъ. По дорогѣ, на встрѣчу ему, шибко ѣхалъ возокъ. Ерофей торопливо задергалъ жоурами, хотѣлъ свернуть въ сторону, но разнузданная лошадевка не слушалась: она наострила уши и, какъ угорѣлая, пустилась вскачь, прямо на гуськовую лошадь. Та шарахнулась въ сторону. Разсерженный вучеръ выругалъ мужа, принаровилъ—было ударить его длиннымъ внудомъ, да добрый коренникъ, окунувшись въ сугробъ, разомъ выхватилъ на дорогу, и возокъ, только чуть колыхнувшись, бойко опять катилъ по пути.

— Ну, лошадь, похвалилъ Ерофей, глядя вслѣдъ удаляющагося экипажа, и почти уже до самой Протасьевки думалъ о томъ, что если-бы этого самаго коренника да запретъ въ соху — ни одной бы, небось, борозды не прошелъ—только себя изуродуетъ и челоуѣка умасть.

Къ радости Ерофея рядчикъ, Алексѣй Ивановичъ, былъ дома. Выслушавъ неожиданнаго гостя, онъ безцеремонно объявилъ, что денегъ теперь нѣтъ и ближе святокъ отдать не можетъ.

— Да хоть зажитыя-то, Алексѣй Ивановичъ, отдай, просилъ Ерофей.

— Вотъ чудной человѣкъ, что-жъ мнѣ родить что-ли твои деньги; сказано, что нѣтъ, безъ запинки объяснялъ рядчикъ.

— Ну, коли денегъ нѣтъ, я малаго симу, сказалъ Ерофей, думая задать этимъ страху.

Рядчикъ разсмѣялся.

— Вотъ-те, съ чѣмъ подѣхалъ; да хоть сейчасъ бери, говорилъ онъ: тогда, братъ, и расчетъ будетъ другой.

Ерофей вопросительно поглядѣлъ на Алексѣя Ивановича.

— Мы, братъ, тоже свои порядки имѣемъ; у насъ, кто ушелъ не доживши срока, и бери, что хозяинъ положить, договорилъ тотъ.

Ерофей сомнительно покачалъ головой.

— Мы законъ будемъ находить, сказалъ онъ.

Теперь уже рядчикъ поглядѣлъ на мужика не безъ удивленія.

«Ишь, мозглякъ, подумалъ онъ, тоже законъ хочетъ находить».

— Что-жъ, Алексѣй Ивановъ, чѣмъ же ты меня потѣшишь? спросилъ Ерофей, повертывая въ рукахъ шапеу.

— Сказано, что нѣтъ—вотъ тебѣ и все рѣшенье.

— Ну, прощай; видно безъ посредника у насъ не обойдется; и Ерофей словно нехотя вышелъ за дверь.

Оставшись одинъ, Алексѣй Ивановъ живо вытащилъ изъ-за голенища старый засаленный бумажникъ, довольно плотно на-кладенный ассигнаціями и разными росписками; онъ выбралъ двѣ истрепанныя трехрублевки, переложилъ ихъ въ кожаный кошель, спряталъ бумажникъ на прежнее мѣсто и выбѣжалъ на крыльцо. Ерофей только-что было тронулъ.

— Воротись-ка, почтенный, позвалъ Алексѣй Ивановъ.

Ерофей остановился.

— Поди сюда, тебѣ говорятъ.

«Ловко-жъ я его запужалъ», подумалъ Ерофей, и подѣхалъ къ крыльцу.

— Вотъ что, дядя, объявилъ Алексѣй Ивановъ: желаешь ты получить отъ меня шесть рубликовъ?

Ерофей вылезъ изъ саней и поднялся на порожекъ.

— Мнѣ, Алексѣй Ивановичъ, то-есть во какъ требуется сей-

часть десять серебра, сказалъ онъ, проводя рукою по самому горлу.

— Мало бы чего; у насъ народу-то нешто ты одинъ; тоже всѣхъ убогаторить надо.

— Да меня-то ты пожалѣй, сдѣлай такую милость; ты самъ знаешь, какое теперь время—подушныя, волостныя, некрутскія, высчитывалъ Ерофей.

Алексѣй Ивановъ молчалъ. По его соображенію мужикъ будетъ доволенъ и шестью рублями, а баловать ихъ не слѣдуетъ. И рядчикъ, и Ерофей стояли другъ противъ друга и выжидали. Одинъ, дѣйствительно, былъ радъ получить хоть что-нибудь, не теряя, однако, надежды выпросить больше предложеннаго; а другой мысленно упрекалъ себя за поспѣшность и раскаявался, отчего не назначилъ меньше.

— Думай что ли, заговорилъ наконецъ Алексѣй Ивановъ, вытаскивая изъ шароваръ кошелекъ.

— Такъ-то... десять серебра, отвѣтилъ Ерофей.

— Заладилъ десять серебра; съ тобой, братъ, видно не столкуешь, нонѣ не лѣто... Прощай. И Алексѣй Ивановъ ушелъ въ избу.

Постоялъ-постоялъ Ерофей, почесалъ въ затылкѣ, да и пошелъ тоже въ избу.

— Нешто бы я постоялъ за деньгами, говорилъ Алексѣй Ивановъ, распуская кошель, да вотъ, какъ передъ Богомъ, послѣднія, и то не свои; одинъ человекъ тоже въ Рошу передать велѣлъ.

— Ну что-жъ, потерпимъ; и на томъ благодаримъ; намъ вотъ теперь-то будто маненько круто; а то ничего, обождемъ...

— За нами, кажется, еще не пропадало; ты самъ знаешь, мы и съ господами дѣла имѣемъ, уже чванился Алексѣй Ивановъ.

— Оно, будто, намъ теперь круто... а то ничего... обождемъ, повторялъ Ерофей и, поблагодаривъ еще разъ за свои вровныя деньги, пошелъ къ лошади. Не успѣлъ онъ дернуть возжами, какъ въ санихъ очутился уже и Алексѣй Ивановъ.

— Подвези, братъ, до постоялаго, попросилъ онъ: дома что-то соскучилось.

Прозабнувшая лошаденка въ минуту примчала ихъ къ высокому черному столбу, на которомъ предполагалось, когда-то, вѣшать красный фонарь, да оказалось, что и безъ этой приманки рѣдко кто проѣзжалъ мимо.

— Ты что-жъ? спросилъ Алексѣй Ивановъ, вида, что Ерофей намѣревается ѣхать дальше.

— Мы едимъ не занимаемся.

— И хорошее, братъ, дѣло! Я самъ только чайкомъ побаловаться. Онъ скрылся въ дверь постоялаго. За стойкой суетился приземистый, широкоплечій мужчина, въ розовой ситцевой рубашкѣ и синихъ нанковыхъ шароварахъ. Его полное, румяное лицо, отъбренное свѣтлорусыми бакенбардами съ круглою, подстриженною бородкою, отражало пріятное удовольствіе самимъ собою и всѣмъ окружающимъ, а въ бойкихъ сѣрыхъ глазкахъ свѣтились тонкій умъ и быстрая смекалка.

— Степану Константиновичу, отчетливо проговорилъ вошедшій рядчикъ.

— Алексѣй Иванычу—наше-съ!

Здороваящіеся потрясли другъ у друга руки.

— Что это давно къ намъ не жаловали? спросилъ Степанъ Константиновичъ, заглядывая черезъ плечо рядчика на противоположный уголъ комнаты, гдѣ начинался крупный разговоръ у какихъ-то мужиковъ съ двумя солдатами.

— По работамъ отлучались; деньжонки тоже кое за кѣмъ есть: надо было пособратъ.

— Теекъ-съ!

— Замучила меня, то-есть вотъ какъ, микулинская барыня, продолжалъ Алексѣй Ивановъ; деньги, значить, договоръ былъ отдать сполна въ вешнему Миколѣ, да вотъ и по сейчасъ никакъ не разочтется: нѣту, говорить, хоть ты что хошь дѣлай.

— Да! нынче то же господское дѣло тонко пришло, насмѣшливо замѣтилъ Степанъ Константиновичъ.

— Жаловаться, будто сраму не хочется, такъ вотъ и володимся, договорилъ Алексѣй Ивановъ.

— Господа служивые, эй! почтенные, тутъ драться не дозволяется, строго закричалъ Степанъ Константиновичъ, зорко слѣдившій все время за подгулявшей компаніей, и въ три прыжка очутился на мѣстѣ происшествія.

Высокій, дюжій солдатъ теребилъ за бороду мужика, двое товарищей котораго въ свою очередь тащили другого солдата за воротникъ форменнаго пальто.

— Въ волостную! кричали мужики.

— Врешь, хрипѣлъ солдатъ, которому воротникомъ сдавили шею; за мундеръ трогать не смѣй... потому онъ царскій.

Какъ человѣкъ опытный, Степанъ Константиновичъ прежде всего высвободилъ задыхавшагося солдата изъ рукъ мужиковъ, а затѣмъ, безъ дальнихъ разговоровъ, выпроводилъ всѣхъ на свѣжій воздухъ. Алексѣй Ивановъ присѣлъ къ опроставшемуся столу и спросилъ себѣ пару чаю.

— Ну, братецъ ты мой, вышло эта рѣшеніе ему, перемѣ-

нить значить, рассказывалъ за сосѣднимъ столомъ молодой, красивый паренъ. Алексѣй Ивановъ глянулъ на парня и сталъ прислушиваться.

— Отъ посредника приказъ въ волостную, чтобъ безпремѣнно въ четвергъ везти подставного; а мы, братецъ ты мой, только было-изладили съ дядей, на пятеромъ въ дорогу. Позавтракали, совсѣмъ запрягать хотѣли; глядь-поглядъ, а старшина и вотъ онъ, Семень, говоритъ: дома? а баба-то моя, съ глупаго разуму: дома, говоритъ, лошадей запрягаютъ. Старшина прямо на дворъ...

— И сграбилъ? перебилъ одинъ изъ слушателей.

— Какъ есть сграбилъ, продолжалъ паренъ; а было-выпросился съ сусѣдами попроситься, думалъ, значить, задами удеру, — нѣтъ, братъ, ни на шагъ безъ себя то-есть не пустилъ.

— Востеръ же ты, малый, замѣтилъ кто-то.

— Взяли меня такимъ порядкомъ и повезли въ городъ, снова продолжалъ рассказчикъ. Угощалъ меня дорогой старшина и водкой, и калачи-то ѣсть давалъ, нѣтъ братъ—не то время...

— Нутро, значить, не примаешь, перебилъ Алексѣй Ивановъ.

— Хотѣнья-то никакого нѣтъ; сидишь въ саняхъ ровно колода. Ну, привезли меня въ городъ, на постоянный; сейчасъ чаю съ кателками, сельдей — ничего я, братецъ ты мой, даже не тронулъ—такъ все за дядю пошло. Тутъ прибѣгъ полицейскій, потащили меня въ ставку. Раздѣли, братецъ ты мой, какъ есть, до нага и учалъ лекарь вертѣть меня; всего, то-есть, извертѣлъ. И тутъ-то, и тамъ-то, и здѣсь-то, говорилъ паренъ, указывая поочередно разные части тѣла, да все самъ вертитъ, а самъ пальцами вездѣ копаешь...

Помоложе мужики ухмыльнулись; большая же часть слушателей съ омерзениемъ плюнули.

— Только взялъ, этта, онъ какъ-то трубочку, такъ чубушную, приставилъ мнѣ ее сюда, подъ самое сердце: вздохни, говоритъ, а самъ въ трубочку слушаетъ...

— Вишь, доплый какой, замѣтилъ недавно подошедшій паренъ.

— Ну, а ты что-жъ? спросили въ нѣсколько голосовъ, видимо недовольные перерывомъ.

— А я, братцы мои, должно съ испугу-то вздохнулъ, не въ томъ что ли мѣстѣ, только онъ сказалъ: сипить, говоритъ. Всталъ тутъ самъ производитель, повертѣлъ тоже меня въ разные стороны, подошелъ еще какой-то баринъ, зачали мнѣ руки выламывать; ну, думаю, конецъ мой приходитъ! Взялъ тутъ

опять лекарь какой-то ребячій молоточекъ, потюкалъ меня по груди, по спинѣ, сказалъ какое-то слово; тутъ ужъ производитель какъ гаренетъ: негоденъ, выпустить, говорить, его. Что-жъ братцы мои, только и успѣлъ я накинуть рубаху, да такъ значить и выскочилъ на улицу; дядя съ отдатчикомъ насилу на лошади меня догнали.

— Ну, Сенька, принялъ же ты страсти.

— Да, малый, все одно, какъ съ того свѣта выдрался. Ужъ и нарѣзался же я опосля, на постояломъ, все свое изворотилъ; даже малость попоролъ!

— За что?

— Дядю побилъ, да ѣнъ хотъ простилъ; а то отдатчику тоже рило разворочалъ—этотъ жалился; ну, волостнымъ судомъ и присудили...

Разсказчикъ умолекъ; безмолвно сидѣли и слушатели его: каждый про себя и по-своему передумывалъ за сердце хватающую некрутчину. А на улицѣ, около высокаго чернаго столба, чуть не до истомы торговались съ Степаномъ Константиновичемъ два мужика: Артемъ михулинскій, да Минай изъ Выселокъ. Въ саняхъ у Артема возился и неистово визжалъ туго перевязанный поросенокъ; Минай продавалъ двухъ старыхъ овецъ.

— Бога ты не боишься, жалобно говорилъ Минай, за экое добро я даешь ты пару цалковыхъ.

— Нельзя, голубчикъ, нельзя, увѣрялъ Степанъ Константиновичъ; нынче денежки въ сапожкахъ ходятъ, а товарищъ твой незавидный, мы, признаться, и не погонимся.

— За полтора серебра овчинъ не возьмешь; тушки-то, значить, даромъ тебѣ пойдутъ, рассчитывалъ Минай.

— Мы, почитай, за однѣ тушки и деньги даемъ, потому овчина и теперь вся облѣзла.

Степанъ Константиновичъ въ двадцатый разъ принялся ощупывать и теревить овецъ.

— Это что? показывалъ онъ мужику клокъ выдранной шерсти.

— Извѣстно, живая скотина, объяснялъ тотъ, и начиналъ уже склоняться на предлагаемую цѣну.

— А мнѣ-то что-жъ? спрашивалъ Артемъ.

— Тебѣ, голубчикъ, сказано три четвертака; больше то-есть ни одной мѣдной полушки прибавить не могу, говорилъ Степанъ Константиновичъ, подергивая за ухо поросенка.

— Да обидно будто проти людей, намекнулъ Артемъ на Миная.

— Это твоя забота! Ты самъ, небось, знаешь, почему нынче

убоинка продается: самая то-есть первѣющая господамъ отпускается за пять копѣекъ...

— Намъ, видно, не покупать, вздохнувши замѣтилъ Минай.

— Тутъ, знать, не до убоинки, когда платежу всякаго... у насъ, теперь, почестъ, полселенья хлѣбъ съ мякиной ѣдятъ... а то убоинки захотѣли! уныло, словно въ самомъ дѣлѣ не ѣвши, говорилъ Артемъ.

— Набавляй полтину, обратился онъ къ Степану Константиновичу.

— Не могу, пріятель, не могу, упорно стоялъ тотъ.

— Набавь хоть что-нибудь, упрасивалъ въ свою очередь Минай.

— Ну, да вотъ что, порѣшили наконецъ Степанъ Константиновичъ: тебѣ за овецъ — два съ гривенникомъ, а тебѣ за лѣтника восемьдесятъ копѣчекъ дадимъ; желаете? — получай деньги, а то проваливай дальше.

— Эхъ, ты жила этакой, вырвалось у обоихъ мужиковъ разомъ и, хлопнувъ по рукамъ съ дворникомъ, они повели лошадей въ ворота.

Алексѣй Ивановъ былъ около стойки, когда Артемъ съ Миной вошли въ комнату за расчетомъ. Увидя радчика, Артемъ попятился-было назадъ, но было ужъ поздно: Алексѣй Ивановъ его примѣтилъ.

— Получайте, сказалъ Степанъ Константиновичъ, выкидывая на стойку двѣ рублевья бумажки и вучу мѣдныхъ.

Минай потянулся за бумажками.

— Братъ ничего не будете? спросилъ Степанъ Константиновичъ, прикрывая деньги ладонью.

— Не до бранья тутъ, когда подушныя требуютъ, сердился Минай.

— И по стаканчику не желаете? соблазнялъ Степанъ Константиновичъ.

Минай видимо колебался; однако пересилилъ себя и, отказавшись отъ всего, сполна получилъ деньги. Подвинулся Артемъ.

— Ты что-жъ, почтенный, когда съ нами расплатишься? обратился къ нему Алексѣй Ивановъ.

— Отдадимъ; сдѣлай милость такую, повремени маненько, просилъ тотъ.

— Нѣтъ, братъ, съ тобой видно честию не раздѣлаешься. Забралъ онъ у меня семь цѣлевыхъ, объяснялъ радчикъ Степану Константиновичу, а послѣ того взялъ да обманомъ и снялъ у меня малаго съ работы; у насъ, говорить, вся семья въ слѣг-

лой боли лежить, отпусти поработаться дома; я съ дуру - то и повѣрь, а онъ его на чугулку пристроилъ.

Степанъ Константиновичъ ухмыльнулся.

Артемъ сталъ - было оправдываться, но Алексѣй Ивановъ объявилъ на отрѣзъ, что полтину онъ получить сейчасъ и, не дожидаясь согласія мужа, отсчиталъ себѣ десять пятаковъ. Взялъ Артемъ остальные тридцать копѣекъ, поддержалъ ихъ немногу на ладони, да и выложилъ обратно на стойку.

— Дай полштофъ, а на лишнія соли, порѣшилъ онъ, и только-было присѣлъ въ уголокъ, подъ окошко, какъ въ сѣнцахъ закричали: Гулино горитъ. Всѣ бывшіе въ кабацѣ разомъ высыпали на комыло, и пошли споры. Одни доказывали, что Гулино правѣй, а горятъ Выселки; по мнѣнію же другихъ Гулино было лѣвѣй и пожаръ въ мивулинской барской усадьбѣ; но гдѣ бы ни горѣло, а сзади постоялаго двора дѣйствительно колыхался, словно на небѣ, черный, широкій столбъ дыма. Увидалъ этотъ самый столбъ и Ерофей, подѣзжая ужъ къ самой Хохловкѣ, но по его примѣтамъ горѣло гдѣ-то за Спасскимъ, а, пожалуй, и за рѣкой. Когда онъ отпрегъ лошадь и вошелъ въ избу, Матрена сидѣла на печи и неимоვნно злилась, что никто ее дома не встрѣтилъ. Ванатка съ Паранькой ушли еще съ утра на хуторъ молотить барскую рожь за угоды.

— Ты гдѣ-жъ это, хозяйка, была? робко спросилъ Ерофей.

— Гдѣ была, тамъ видно, теперь нѣтъ, отвѣтила та.

Ерофей больше не любопытствовалъ; онъ молча засвѣтилъ лучину и вынулъ изъ-за пазухи деньги: бумажки были обѣ на лицо. «Еще гожаются ли подумалъ Ерофей, разглаживая въ особенности одну, по мнѣнію его, не совсѣмъ надежную ассигнацію; купцы какъ-то на свѣтъ ихъ пробуютъ», вспомнилось Ерофею, и онъ поднесъ бумажку въ самому свѣтцу, но неопытный глазъ ничего не разобралъ вромѣ темныхъ, масляныхъ пятенъ. Увидя деньги, Матрена какъ кошка прыгнула на полъ.

— Твой что-ль? спросила она.

— Съ рядчика, за Павлушку.

— Много?

— Шесть серебра...

— Ну, какъ же быть-то, уже поласковѣй заговорила Матрена: мнѣ безпремѣнно надо платокъ выкупить.

— Какой платокъ?

— Да новый платокъ, что Паранька накрывалась. Вѣдь я его только до вечера въ закладъ отдала.

Ерофей бессмысленно поглядѣлъ на жену: онъ не понималъ ни слова.

— Въ Гулинскомъ кабаѣ за тридцать копѣекъ оставила, пояснила Матрена.

Ерофей только руками развелъ.

— Да вѣдь платокъ-отъ болѣ рубля даденъ, сказалъ онъ.

— Ну, ужъ, видно, искать теперь негдѣ.

— Эхъ, кабы да настоящаго на тебя хозяина: потроху бы твоего, кажется, онъ не оставилъ за экое дѣло, съ горечью и какъ бы раскаяваясь въ своей слабости, выговорилъ Ерофей.

Матрена ближе подскочила къ мужу.

— Мало бы кому что, передразнила она его голосомъ. Кабы у меня былъ настоящій хозяинъ, таъ и я бы умѣла сидѣть не плоше другихъ, а то вотъ... Матрена, не докончивъ мысли, ткнула въ носъ Ерофея бумагу.

— Это что? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Прошеніе посреднику.

— Ну?...

— Вотъ-те и сказъ весь; въ среду сватъ Андрей велѣлъ идти къ нему; наказывалъ только, чтобъ въ ноги не кланяться, не упустила добавить Матрена.

Ерофей взялъ прошеніе, повертѣлъ его въ рукахъ и нашелъ, что надо бы его, малость, воздухомъ провѣтрить; добре ты его, баба, пропарила, замѣтилъ онъ.

День за день, пришла наконецъ и среда.

Дорога къ посреднику, по увѣренію бывалыхъ у него людей, шла на волюсть, потомъ Куриловской застѣкой, тамъ большакомъ до трехъ равнотъ, а оттуда вправо; дальше путь шелъ по особымъ у каждаго примѣтамъ. Одни совѣтовали ѣхать на какой-то Вершокъ, такъ чтобы онъ остался по лѣвую руку, и оттуда въ гору до лѣсу; а другіе говорили, что Вершка никакъ миновать нельзя и пріѣдешь прямо въ лѣсъ, а ужъ изъ лѣса, по общему отзыву, опять пойдетъ битая дорога до самаго посредника.

Было еще темно, когда Матрена съ Ваняткой выѣхали изъ Хохловки и, понукая безпрестанно лошаденку, къ раннему обѣду добрались до Вершка. Къ немалому горю путниковъ, въ этомъ мѣстѣ перекрещивались три дороги: одна тянулась прямо на гору, двѣ отдѣлялись въ лѣвую сторону; на право же, какъ говорили, не было примѣтно даже слѣдочка. Ванятка приостановилъ лошадь.

— Вишь кручь какая, сказалъ онъ, указывая впередъ кнутовищемъ.

— Ну, какъ же? спросила Матрена, тоскливо оглядывая лошину.

Ванятка выгѣзъ изъ саней, ступилъ нѣсколько шаговъ на право отъ дороги и увязъ въ снѣгу по поясъ; поднялся-было немного на гору, но и тутъ ему показалось неладно; поглядѣлъ, поглядѣлъ парень въ разныя стороны да и заворотилъ лошадь на лѣвую руку.

— Авось, доѣдетъ, сказала Матрена.

— Небось, успокоилъ ее сыночекъ.

Дѣйствительно, обогнувъ гору, они очутились въ мелколѣсѣ, по которому шла битая дорога, исправно обставленная вѣшками.

— На посредника, родимый? спросила Матрена встрѣтившагося мужичка.

— Она самая, отвѣчалъ тотъ, махнувъ кнутомъ по направленію дороги.

Скоро показались скирды, потянулся длинный плетень сбочъ молодого липняка и вдругъ, словно изъ земли, выросъ господскій домъ. Ванятка даже попятилъ лошадь.

— Куда-жъ теперь? робко спросилъ парень.

Матрена сама взяла возжи и, не помня себя отъ волненія, подѣхала къ какому-то сарайчику, около котораго стояло уже нѣсколько крестьянскихъ саней. По тропинкѣ изъ дома шель какой-то мужикъ съ большой книгой и бумагами; съ крыльца показался другой, бѣгомъ догнавъ этого, остановились, что-то сказали и такіе веселые пошли куда-то на крылечко съ перильцами. «Должно рѣшеніе вышло», подумала Матрена, и почувствовала себя какъ будто смѣлѣе. Изъ крайней отъ анбаровъ избы вышла вдругъ цѣлая ватага сельскихъ старостъ, и потянулись всѣ къ дому. Матрена невольно пустилась за ними и очутилась въ хоромахъ.

Прислонившись къ израсцовой печкѣ стоялъ молоденькій, съ едва замѣтной бородкой старшина; нѣлѣво видѣлась полуотворенная стеклянная дверь — больше ничего не примѣтила Матрена. Она вспомнила про Ванятку, оглянулась: сына тутъ не было; бѣжать за нимъ—да вдругъ гдѣ-то близко послышался кашель, стеклянная дверь отворилась и всѣ старосты начали кланяться.

— Отчего у васъ до сихъ поръ такая огромная недоимка? строго спросилъ остановившійся у стола высокій мужчина съ русой бородой, въ романовской дубленкѣ и валенкахъ.

— Я, ваше высочество, сколько разовъ имъ наказыв-

валъ: собирайте подати, выдирайте откупные, лебезить старшина, переминаясь съ ноги на ногу.

Матрена видѣла начальство еще въ первый разъ и удивлялась наряду посредника.

— Зоринскій староста! крикнулъ посредникъ.

Изъ ряда отдѣлился черный, приземистый мужикъ.

— Почему у тебя собрано податей меньше другихъ?

— Добре народъ отоцалъ, вашеское благородіе, третій годъ хлѣбушекъ не родится. У насъ, почестъ, болѣ половины въ поборъ ушло, робко проговорилъ тотъ.

Такой отвѣтъ нѣсколько озадачилъ посредника; онъ сурово взглянулъ на старшину.

— Это истинная правда, удостовѣрилъ тотъ; только осмѣлюсь доложить, ваше высокоблагородіе, ничего съ ними не подѣлаешь: народъ оченно избаловался.

— Гдѣ тамъ избаловался, началъ-было староста, но старшина не далъ ему говорить.

— Какъ же не избаловался, продолжалъ онъ, на секунду повернувшись къ зоринскому старостѣ.

— Лѣтошній годъ, докладывалъ онъ посреднику, управляющій предлагалъ имъ рожь молотить, по пятнадцати копѣекъ за копну, не пошли—добре, вишь, дешево; весной даже съ хоботьемъ давалъ ту же цѣну—ни одна то-есть, душа не тронулась; теперь опять сычевскій прикащикъ нанималъ овесъ молотить: по двугривенному на день давалъ; на машинѣ, значить, а они ломаютъ, дай по четвертаку съ копны.

— Правда это? спросилъ посредникъ старосту.

— Оно, хучь, точно что правда, выговорилъ тотъ, почесывая за ухомъ.

— Три рубля штрафу, приказалъ посредникъ, указывая пальцемъ старшинѣ на зоринскаго старосту.

— Я-жъ къ вамъ пріѣду; я васъ развѣтую, други милые, кричалъ уже онъ. Имъ дадутъ заработокъ, дадутъ деньги въ руки, а они въ поборъ, на Христово имя добрыхъ людей обманывать, лежебоки провлятые! Нешто честные люди такъ дѣлаютъ? Дѣлаютъ-ли такъ честные люди, я у тебя, образина, спрашиваю, пристававалъ онъ къ виновному старостѣ.

Тотъ упалъ на колѣни...

— Вашеское благородіе, явите божескую милость, ослобоните меня отъ евтой должности, заговорилъ онъ.

По привычкѣ къ подобнымъ скачкамъ, посредникъ не удивился этой неожиданной просьбѣ.

— А причина какая? спросилъ онъ, присаживаясь на уголъ стола.

— Ходить не отъ кого. Братъ еще осенью отдѣлился, хозяйка третью недѣлю померла, остался я весь тутъ, какъ есть; обшить, обмыть некому. Явите божескую милость, ослобоните.

Посредникъ опять взглянулъ на старшину.

— Это правда что братъ отдѣлился, ну, а на счетъ хозяйки доподлинно сказать не смѣю, доложилъ старшина.

— Точно что покончилась, поддержало нѣсколько голосовъ.

Посредникъ на минуту задумался и разрѣшилъ сдѣлать новые выборы.

— Мохровскій! снова вызвалъ онъ, заглядывая въ какую-то тетрадь.

— Мы-съ, отозвался крайній отъ стѣны.

— У тебя почему недоборъ?

— Мы, кажись, свои очистили, отвѣчалъ Мохровскій староста, взглядывая съ удивленіемъ на старшину.

— Подати очистили; а выкупные?

— Собираемъ, батюшка, стараемся...

— Много же у тебя собрано?

— Да рублевъ какъ бы на двѣсти съ прибавкомъ есть.

— А почему-жъ они не внесены? строго спросилъ посредникъ.

Староста молча понурился.

— Почему не внесены въ казначейство? уже закричалъ посредникъ приподымаясь съ мѣста, и ближе подвинулся къ ряду. Старосты невольно попятились; Матрена прижалась къ самой притолкѣ двери.

— Вамъ тысячу разъ было приказано никогда не держать у себя на рукахъ гроша мірскаго, громко и рѣдко говорилъ посредникъ, словно онъ гвозди вбивалъ въ головы мужиковъ. Слыхалъ ты это? спрашивалъ онъ мохровскаго старосту.

Тотъ молчалъ.

— Слыхалъ ты когда-нибудь то, что я сейчасъ говорилъ? настаивалъ посредникъ.

— Кажись будто слышали, шепотомъ отозвался староста.

— А какъ же ты смѣешь не выполнять приказаніе начальства? Тебѣ приказываютъ тотчасъ же сдавать деньги для того, чтобъ ты ихъ не замоталъ, чтобъ у тебя не украли, чтобъ міру не пришлось за тебя отдуваться въ другой разъ. Понялъ?

— Поняли, батюшка.

— А вы слышали, что я приказывалъ? спросилъ онъ, оглядывая всѣхъ присутствующихъ.

— Слыхали, батюшка, Аверь Семенычъ, слыхали, заговорили старосты.

Посредникъ немного помолчалъ и снова обратился къ Мохровскому старостѣ.

— Когда же ты доберешь остальныхъ?

— Да вотъ изъ дороги, батюшка, ожидаемъ; а то, которые тоже на сторонѣ, по паспортамъ есть: съ почты, значить, будетъ получа.

— Ну, а мнѣ, какъ прикажете, Аверь Семенычъ, не дожидаясь вызова, самъ выдвинулся еще какой-то староста.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ посредникъ.

— Да, вишь ты какая вышла у насъ помутка, объяснял староста: было у насъ два брата Самошины, надѣлъ они получили, то-есть, вполне на три души. Меньшой-то живетъ теперь въ Питерѣ, по паспорту, а старшой допрежь держалъ братову землю и повинности всѣ справлялъ, а теперь заковряжился и оброка за полторы души не отдаетъ и податей никакихъ не выдерешъ. Миръ тоже евтой земли на себя не примаешь.

— Ну?

— Такъ вотъ то-то общество велѣло мнѣ дознать у вашей милости, можемъ-съ то-есть мы приступить къ ихъ имѣнью.

Посредникъ разспросилъ: кто у Самошиныхъ считается домохозяиномъ, съ чьего дозволенія живетъ одинъ братъ въ Питерѣ, и по этимъ даннымъ рѣшилъ вопросъ старосты.

— У нихъ, осмѣлюсь доложить ваше высокоблагородіе, говорилъ старшина, отъ того больше и вышло все это, что тотъ-то братъ не выслалъ значить этому денегъ—ну, этотъ-то и сталъ противничать.

Посредникъ ушелъ на минуту за стеклянную дверь и воротился оттуда съ закуреной папирсой.

— Даю вамъ еще недѣлю срока, объявилъ онъ, поглядывая черезъ головы мужиковъ на Матрену; только помните, что за кѣмъ изъ васъ останется недоимка къ празднику, тотъ всѣ святки просидитъ въ холодной. Слышали?

Головы старость заколыхались.

— Вотъ теперь и думайте, кого жалѣть, добавилъ въ свою очередь старшина, намекая этимъ на обычное мирволеніе старосты.

— А ты, обратился къ нему посредникъ, изволь объѣхать по всѣмъ селеньямъ, собери сходы и прикажи писарю, гдѣ нѣтъ грамотныхъ, прочитатъ крестьянамъ 188-ю ст. Общаго Положенія.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

— Въ этой статьѣ подробно говорится, какія мѣры можетъ принимать общество въ отношеніи неисправныхъ плательщиковъ.

— Опись составить, одно средствѣ, нечаянно высказался старшина.

Посредникъ наморщился.

— Въ законѣ другія средства указаны, наставительно замѣтилъ онъ.

— Это точно что... да осмѣлюсь доложить, ваше высокоблагородіе, какъ теперича отдавать въ заработки, когда они всѣ передѣлившись, по одному живутъ; опять же хоть опекуна назначать.

— Только слышу дѣлать... міръ будоражить, замѣтили нѣкоторые изъ старостъ.

— У другого, почестъ, одна овца на дворѣ, вотъ-те и все имѣнье, добавилъ зоринскій староста.

— Ну, это ты врешь, строго перебилъ его посредникъ; такіе домохозяева развѣ только у васъ, нищebroдовъ, въ Зоринѣ найдутся.

— Нѣтъ, Аверъ Семенычъ, тоже, почестъ, въ каждомъ селеніи розыскать можно.

— Ты, баба, зачѣмъ? спросилъ вдругъ посредникъ, глядя въ упоръ на Матрену.

Старосты оглянулись назадъ, раздвинулись, и Матрена очутилась лицомъ къ лицу съ начальствомъ.

Всѣ наставленія Силыча разомъ выскочили у нея изъ памяти; ноги ея словно вдругъ подломились и баба упала на колѣни.

— Не влѣвайся, матушка; говори что тебѣ нужно. Откуда ты? спросилъ посредникъ.

— Защити... родимый, только и вымолвила Матрена. Отъ горя и страха у ней все помутилось въ головѣ, она забыла даже названіе своей деревни.

— Подымите ее, приказалъ онъ.

Старшина выхватилъ изъ рукъ Матрены прошеніе и подаль Аверкію Семенычу. Тотъ развернулъ бумагу и началъ читать.

— Намъ можно отправляться? въ полголоса спросилъ старшина.

— Съ Богомъ! дозволилъ посредникъ, не отрывая глазъ отъ листа.

Старосты суетливо задвигались къ двери.

— Подати, выкупные! летѣло имъ въ слѣдъ, а то всѣ святыи въ холодной.

«Ладно», думали про себя старосты и торопились съѣхать со двора, особенно тѣ, которые счастливо отдѣлались.

Прочитавъ первую страницу, посредникъ остановился, поглядѣлъ на бабу, потеръ рукою лобъ, опять заглянулъ въ прошеніе и ушелъ за стеклянную дверь.

«Должно, сейчасъ рѣшеніе будетъ», подумала Матрена и снова пожалѣла, что Ванятка самъ не услышитъ. Вдругъ отворилась наружная дверь, вошелъ мужикъ, а за нимъ Ванятка.

— Что-жъ ты, мамушка, долго, шепотомъ спросилъ онъ.

— Нишни, родненькій, заразъ рѣшеніе будетъ, слухай... да не кланайся; ухъ, какъ онъ меня, тоже шепотомъ объяснила Матрена. Она передвинулась къ печкѣ, на мѣсто старшины и рядомъ съ собою поставила сына. Времени прошло не мало. Матрена начинала уже чувствовать истому и голодь.

— Гдѣ-бъ тутъ намъ лошадь-то попоить? шепотомъ спросилъ Ванятка у матери. Та хотѣла что-то сказать, но за дверью опять послышался кашель и посредникъ снова былъ на лицо.

— Кто тебѣ эту ерунду писалъ? спросилъ онъ, показывая бумагу.

— Человѣкъ, кормилецъ, умильно отвѣчала Матрена.

— Прохвость, а не человѣкъ, отрѣзалъ посредникъ. Я справлялся сейчасъ по ревизской связкѣ, смотрѣлъ приговоръ вашего общества... ты хохловская?

— Хохловскія, родимый, хохловскія.

— Ну, стало быть все это вранье у тебя написано. Вон первыхъ, твоему мужу только сорокъ одинъ годъ, такъ?

— Съ годомъ-сорокъ, точно, кормилецъ.

— Какой же онъ не работникъ? вранье.... страдаетъ удушьемъ — объ этомъ я допрошу общество; если крестьяне признаютъ его неспособнымъ, по болѣзни, къ работѣ и дадутъ о томъ приговоръ — тогда мужа твоего считать не будемъ, а иначе дѣло твое, баба, не подойдетъ.

— Да это, кормилецъ, про Вукола нешто, онъ былъ съ удушьемъ, осмѣлилась сказать Матрена.

— Какой Вуколъ? посредникъ съ удивленіемъ заглянулъ въ прошеніе.

— Такъ, дѣдушка Вуколъ, его недавнушко схоронили, ѣнъ намъ совсѣмъ чужой былъ, пояснилъ Ванятка.

— А ты откуда? спросилъ его посредникъ.

— Сынонь, батюшка, мой, тотъ-то самый, котораго въставку записали.

Посредникъ вымѣрлялъ глазами парня.

— У тебя дѣти, значить, отъ разныхъ отцевъ, что ли? допрашивалъ онъ, никакъ не постигая о какихъ это малолѣтныхъ сиротахъ говорится въ прошеніи.

Баба въ недоумѣніи поглядѣла на Аверкія Семеныча.

— Я, кормилецъ, только за одново замужъ шла; хозяйинъ и теперь при мнѣ.

Посредникъ явно уже начиналъ горячиться.

— Какого-жъ пострѣла у тебя тутъ нагорожено: и мужъ съ удушьемъ, и малолѣтныя сироты... Какъ же ты смѣешь подавать такія небылицы, закричалъ онъ, швырнувъ прошеніе Матрены на полъ.

Бабѣ показалось, что въ комнатѣ разомъ стемнѣло. Такъ долго лелѣянная надежда застоятъ Ванятку, разлетѣлась прахомъ отъ одного рѣзкаго движенія посредника и даже прошеніе, то самое прошеніе, которое столько дней, какъ святыня, берегалось въ переднемъ углѣ, надъ образомъ, теперь валялось у ногъ посторонняго мужика. Матрена слегка пошатнулась на сына.

Аверкій Семенычъ порывисто дергалъ себя за правый усъ; даже слышно было, какъ скрипѣли его челюсти.

— Подати платить — денегъ у нихъ нѣтъ; а мерзавцевъ, кляузниковъ виномъ поить... голодомъ бы заморить всѣхъ... вашихъ аблакатовъ подлыхъ... веревки такой скверной нѣтъ, на которой бы этихъ кровопійцъ повѣсить слѣдовало... безсвязно, словно сквозь сонъ, прибиралъ Аверкій Семенычъ.

— Ну, баба, сказалъ онъ наконецъ, уже лично Матренѣ, прошеніе свое ты возьми и подари, если желаешь, тому самому пшаницѣ, который строчилъ его.

Матрена бессмысленно глядѣла на посредника.

— А такъ какъ сынъ твой назначенъ въ рекруты сельскимъ обществомъ, то, по закону, ты должна теперь жаловаться волостному сходу. Поняла?

Матрена тяжело вздохнула.

— Если же волостной сходъ тебя не убоготворить, а дѣло твое будетъ правое, тогда можешь жаловаться Мировому Съѣзду. Слышала?

— Кажись, на что понятнѣй, замѣтилъ мужикъ. Матрена упорно молчала. Невольно увлеченная примѣромъ посредника, она чувствовала непреодолимое желаніе выругать Дормидонта Иваныча, да на память ей какъ-то все не приходило подходящее слово; по сознанію же Матрены, вся слышанная ею брань была словно не та, слѣдовало бы обозвать еще хуже.

— Тебѣ, дядя, что требуется? ласково обратился Аверкій Семеновичъ къ мужику.

— На счетъ фитанца, батюшка, отвѣчалъ тотъ, ближе подвигаясь къ посреднику.

— Квитанцію хочешь купить?

— Да, батюшка, Аверъ Семенычъ, откупъ, значить, въ казну желаемъ внести. Мы микулинскіе, Михайло Соврасовъ, назвалъ себя новый проситель.

— Это доброе дѣло! А деньги готовы?

Мужикъ отвернулся въ уголъ комнаты, распоясаясь, зазвенѣлъ чѣмъ-то и, вытащивъ толстую пачку ассигнацій, обѣими руками положилъ на столъ. Матрена такъ и прильнула глазами въ появившейся кипѣ разноцвѣтныхъ бумажекъ, а Ванятка даже не вытерпѣлъ и во весь голосъ протянулъ: — Деньжищевъ-то.

— Много? не безъ удивленія спросилъ и посредникъ.

— Шестьсотъ серебра.

Посредникъ объяснилъ, какъ и гдѣ слѣдуетъ хлопотать о выкупной квитанціи.

— Можетъ еще, значить, и не выйдетъ? въ раздуми спросилъ Михайлъ Соврасовъ.

— А не выйдетъ — тогда дадутъ тебѣ свидѣтельство на охотника, утѣшилъ его Аверкій Семенычъ.

— Нѣтъ, эта линія намъ не подойдетъ, подумавши заговорилъ мужикъ. Ты самъ, кажется, понять можешь, каковы нынѣ охотники, сколько, то-есть, капитала съ ними проведешь да сколько всяческихъ мѣстовъ пройти нужно. Опять же гдѣ ихъ и взять, этихъ охотниковъ?

— Какъ знаешь, равнодушно замѣтилъ посредникъ.

— Мы думали-было такъ, продолжалъ мужикъ, отдамъ я твоей милости денежки да и дѣлу вонецъ.

— Я, братъ, ни въ какомъ случаѣ денегъ не принимаю; на это есть казначейство.

— Да до казначейства-то хоть побереги у себя: все будто намъ безъ сумленія, упрашивалъ мужикъ, и посредникъ, наконецъ, согласился принять деньги на храненіе.

— Собственныя? спросилъ онъ, пересчитавъ ассигнаціи.

— Гдѣ такую махину набрать! Сотъ до двухъ точно наши, а то братъ изъ Питера прислалъ, въ живейныхъ тамъ ѣздить; да вотъ обоихъ робать заложилъ въ нашемъ городѣ, можетъ слыхалъ Липатъ Панкратыча?

Посредникъ кивнулъ головой.

— Ну, вотъ, Липатъ Панкратычу на года отдалъ.... Да какъ же это такъ, уже подпоясываясь кушакомъ, словно разсуждалъ вслухъ Михайлъ Соврасовъ: сказывали люди, что нынѣ всѣ фитанцы казна за себя взяла и охотниковъ отъ того не берутъ, а по дѣлу выходить и охотниковъ тоже принимаютъ: вотъ такъ штука!

За стеклянной дверью кто-то громко позвалъ Аверкія Семеновича, объявивъ, что готово кушать.

Посредникъ еще разъ повторилъ Матренѣ, куда и какимъ порядкомъ жалуются по рекрутскимъ дѣламъ, сказалъ ей когда будетъ назначенъ волостной сходъ въ Спасскомъ и приказалъ непремѣнно явиться въ правленіе. Аверкій Семеновичъ сидѣлъ уже за столомъ и весело разговаривалъ съ своей маленькой дочкой, когда Матрена съ Ваняткой проѣхали мимо дома обратно. Ни липника, ни длиннаго шетня, ничего теперь не замѣтила Матрена, ей мерещилась та разноцвѣтная пачка бумажекъ, которую вытащилъ откуда-то Михайлъ Соврасовъ, и послѣ унесъ съ собою посредникъ. Теперь стало бабѣ ясно, какъ день, что только деньгами можно устроить ту штуку, надъ которой она бесполезно ломала голову, лежа на печи у Силыча.

— А гдѣ взять такую махину? спрашивала себя Матрена и, припоминая объясненія мужика, думала, что ребятѣ тоже можно заложить какому-нибудь Липатѣ Панератьичу; Андрей Силычъ можетъ усилиться сколько-нибудь и подмогнетъ. Ну, а братъ-то питерскій гдѣ же, словно поддразнивалъ кто-то Матрену—и она мысленно проклинала Ерофея за то, что у него нѣтъ въ Питерѣ брата, что и самъ онъ совсѣмъ не похожъ на Михайлу Соврасова, что у него даже голова лысая. Матрена отпихнулась.

— Что ты, мамушка? спросилъ Ванятка.

— Такъ родимый, кабы хлѣбушка пожевать, добре отошала.

Въ Вершку остановились; отыскали подъ веретѣмъ, въ солонѣ, краюшку хлѣба, но укусить его не было никакой возможности, отъ мороза онъ сдѣлался камнемъ.

— Врядъ, иначе, до двора дойдемъ, замѣтилъ Ванятка, оглядывая лошадь; ищѣ, меринъ-то уши повѣсилъ, скоро совсѣмъ пристанетъ.

— Заночуемъ, уныло проговорила Матрена.

— Заночуешь, какъ станетъ; на себѣ его тоже не поволочешь, и Ванятка снова тронулъ.

Выбравшись на большакъ, лошаденка дѣйствительно стала, а Матрена съ Ваняткой принуждены были идти пѣшкомъ до Буриловскихъ дворишковъ, гдѣ и остановились у крайней хаты. Хозяиномъ жилища оказался дворовый человѣкъ Абрамъ Ивановъ, бывшій до воли садовникомъ у мивулинской барыни, а теперь сапожнымъ мастерствомъ пропитывающій хворую жену и семерыхъ ребятишекъ, малъ-мала меньше. Оглядывая по угламъ избу, Ванятка замѣтилъ, что стѣны сплошь были мокрыя, а не подрубленная въ пазахъ солома мѣстами даже облѣзлась отъ инея. «Важно бы теперь на печь», вдругъ вздумалось парню, но

въ ту же минуту тамъ сидѣло запищалъ маленькій ребенокъ, поднялась голова, словно не этого свѣта женщины, что-то еще подвигалось подъ какою-то покрывшею. Ванятка даже подивился, какъ они всѣ туда натискались.

— Слава Богу, живемъ по-маленьку, рассказывалъ Абрамъ Ивановъ Матренѣ. И мѣстовъ, признаться, много выходитъ, да по своей волѣ все будто какъ-то лучше, потому нынче вездѣ эти штрахи завелись; не смѣй человѣкъ рюмки вина себѣ выпить. Онъ досталъ съ конца деревянную, въ мѣдной оправѣ трубочку, поковырялъ пепель гвоздемъ и прижегъ. Матрена едва не задохнулась и раскашлялась.

— Съ непривычки, успокоивалъ ее Абрамъ Ивановъ. Я, вотъ, бабка, скорѣй хлѣба лишусь, а ужъ безъ табаку не останусь; это, я тебѣ скажу, у кого какое расположеніе. Теперь хоть бы жена моя, была завсегда въ горницѣ, при самой барынѣ, къ чаю да кофею привычку изымѣла, ну и не можетъ никакъ забыть. У насъ другой разъ дня по два и варева не бываетъ; вскипятимъ самоварчикъ, да напьемся съ хлѣбushкомъ—тѣмъ и питаемся.

— Ну-жъ житье, насмѣшливо замѣтилъ Ванятка, хуже хрестьянскаго.

— Каково, братъ, оно ни-на-есть, да наше собственное, съ гордостью возразилъ Абрамъ Ивановъ. Съ вами хлѣбъ-то есть? спросилъ онъ.

Ванятка показалъ мерзлую краюшку.

— Вотъ и чудесно, явно обрадовался Абрамъ Ивановъ, мы вскипятимъ самоварчикъ и поужинаемъ.

Онъ живо принялся за дѣло. Ванятка вышелъ поглядѣть мерины. Двора у Абрама Иванова не было. Куриловскіе мужики позволили ему, за полведра водки, выстроить на мірской землѣ избу; обложили его за это полтинникомъ въ годъ, но денегъ еще ни разу не получали, потому что взять нечего.

«И дровъ-то, знать, они не запасаютъ», подумалъ Ванятка, отыскивая глазами костеръ, который, по мнѣнію парня, непременно бы долженъ быть тутъ гдѣ-нибудь, подъ руками.—Ну-жъ цыгане, какъ есть цыгане», заключилъ онъ, снова входя въ избу. Въ переднемъ углу кипѣлъ уже самоваръ, надъ которымъ правой рукою придерживала чайникъ до-нелзя худая и желтая, но все еще красивая жена Абрама Иванова. На ней была грязная фланелевая юбка и атласный ватный шушунъ, вѣроятно доставшійся съ барскаго плечика. Налила она въ стаканъ Абрама Иванова какой-то свѣтло-буренькой водицы, налила чашку Матренѣ, себѣ, подала чашку на печь; а Ванятка, не дождавшись

очереди, накрошилъ полутоттѣявшаго хлѣба въ большую деревянную чашку, обварилъ его кипяткомъ прямо изъ самовара и, приправивъ немного солью, за обѣ щеки убиралъ тюрю.

— Вотъ такъ наперся, сказалъ онъ и, перекрестясь на образъ, поблагодарилъ хозяевъ за хлѣбъ, за соль.

— Теперь можно намъ и таво.... Ты, мамушка, случаемъ, погляди мерина, наказалъ онъ, придвигаясь въ самый уголъ неширокой лавки.

— Одно слово, душу въ себѣ человекъ имѣетъ, рассказывалъ Абрамъ Ивановъ. Вотъ я тебѣ скажу, бабка, было со мной приключеніе. Судились мы съ барыней за оброкъ, при томъ еще посредникъ; только и присудилъ онъ мнѣ, значить, отдать за два года рублей подъ тридцать. Хорошо! Черезъ сколько-нибудь времени, барыня моя опять съ прошеньемъ — не отдаетъ дескать; ну, и порѣшили тутъ ужъ меня въ заработки. Совазались въ городъ со мной не мало, никто не беретъ; однако, городничій былъ тогда куда тебѣ бѣдовый, — приказалъ квартальному, чтобъ безпремѣнно то-есть меня пристроить. Такимъ образомъ и отдали меня, голубчика, къ башмачнику; а я, то-есть, шила-то отродясь въ рукахъ не имѣлъ. Только прожилъ я тамъ недѣль, можетъ, шесть; къ работишкѣ малость поприсмотрѣлся — опять рѣшеніе: выпустить изъ заработковъ! Такъ я и думалъ ужъ, что мое дѣло покончилось, вдругъ нынче, по осени, требуютъ въ волостную; предписанье, говоритъ писарь, пришло — оброкъ съ тебя взыскиваютъ; я отъ себя отношеніе: такъ, молъ, и таеъ, должнымъ не состою. Нѣтъ, братъ, не съ пустымъ пристали: тянуть да и полно! Научили меня тутъ добрые люди сходить къ самому Аверъ Семенычу. Хорошо! Рассказалъ это я ему все до подробности. Таеъ молъ и таеъ, говорю; отчего же, говорю, тогда съ меня не взыскивали, когда я одинъ, не женѣмши былъ, а теперь, говорю, на моихъ харчахъ еще семь животовъ прибавилось; извольте, говорю, прежде мнѣ призрѣніе сдѣлать. Ничего, выслушалъ онъ. — Только, говоритъ, зачѣмъ же ты, говоритъ, братецъ, столько дѣтей народилъ, когда тебѣ ихъ кормить нечѣмъ? — Господь, говорю, сударь, зародилъ ихъ, а я, говорю, не причемъ. Приказалъ онъ мнѣ тутъ идти домой; я, говоритъ, самъ объ тебѣ похлопочу. И точно: усовѣстилъ вѣдь нашу барыню — отстала теперь отъ меня въ чистую.

Ванятка словно ждалъ этого конца. Онъ вдругъ замычалъ сквозь сонъ и протянулся во всю лавку таеъ, что даже мать съ мѣста сдвинулъ.

— Эка, парень-то у тебя здоровенный, невольно замѣтилъ Абрамъ Ивановъ.

— Добре заморился, сердечный, жалостливо отозвалась Матрена.

Абрамъ Ивановъ придвинулъ къ самому почти устью печи два тесовые сундучка и, перегнувшись чуть не втрое, улегся, какъ онъ самъ выразился, въ своемъ новомъ кабинетѣ. Матрена тоже свернулась клубкомъ на остальномъ концѣ занятой сыномъ лавки. Припомнила она теперь все ея вытерпѣнное до сихъ поръ, муки казалось приняла не мало; а дѣло ни на волюсь впередъ не тронулось. Не удалось даже скрыть побѣдку къ посреднику, и о томъ успѣли-таки провѣдать хохловцы. Параня нечаянно какъ-то проговорила Семенову хозяйкѣ; та сейчасъ же передала Грунѣ, Груня—бабкѣ; а въ то время, какъ Матрена разсѣянно слушала приключенія Абрама Иванова, бабка изъ всей мочи донимала Прохора, чтобы и онъ тоже шелъ съ прошеньемъ къ посреднику.

— Да объ чемъ я буду просить, отговаривался Прохоръ, вѣдь насъ міромъ ослобонили.

— Все равно, наставляла бабка, ужъ коли Матрена ушла, и тебѣ не слѣдъ сидѣть дома. Малаго прозѣвать не долго, потому Матрена сдавнушка баба извѣстная, можетъ и наговоры какіе знаетъ, али еще какимъ подвохомъ обойдетъ начальника—тогда и искать будетъ негдѣ.

Прохоръ въ свою очередь доказывалъ, что начальство обойти никакъ нельзя, потому къ нему ничего даже не пристаешь.

— Я самъ, примѣромъ, начальникъ, пѣтушился Прохоръ, нешто могить кто сдѣлать мнѣ спорчу?

— Эко важное кушанье, сельскій, возражала бабка; волостной-то почище тебя—и то спортили.

Прохоръ только крикнулъ, но больше не противорѣчилъ. Онъ вспомнилъ Куриловскаго старшину, про котораго дѣйствительно ходили слухи, будто его испортили за какое-то дѣло, отчего онъ даже въ могилу сошелъ.

Обратились за совѣтомъ къ Егору. Выслушавъ требованія бабки и сомнѣнія Прохора, дядя Егоръ положительно объявилъ, что все это дѣло ничего не важить, потому коли міръ ослобонилъ, такъ никто, значитъ, перемѣнить ужъ не можетъ.

— А ну-ка, посредникъ приважетъ, недовѣрчиво спрашивать Прохоръ.

— Велика птица посредникъ! Мы тогда свои права искать будемъ; приводителю прошенье отхватимъ, утѣшалъ Егоръ.

— А ну-ка и тамъ лаше не выгорить?

— Вышнему начальству! Нешто въ губернію-то намъ дорога заказана? Главное дѣло, братъ, опчество; тутъ вся сила; опчеству надо ублаготворить, а начальства-то всякаго нынче очень много: гдѣ-нибудь безпремѣнно своего добьешься, убѣдительно доказывалъ Егоръ.

И вѣрилось Прохору, оттого вѣрилось, что желательнѣе было именно то, о чемъ Егоръ рассказывалъ, а бабца, кажись, только страшаетъ. Къ тому же до набора оставалось еще три недѣли, а посредникъ съ исправникомъ неотступно требуютъ податей и тоже страшатъ: одинъ штрафами, да холодной; другой—губернаторомъ. Прохоръ махнулъ рукой на собственное дѣло и усердно принялся выдирать съ мужиковъ казенныя деньги. Дѣло однако не обошлось безъ волостного старшины: Платонъ Петровичъ опять пріѣхалъ въ Хохловку.

На этотъ разъ сходя собрался на улицѣ, потому что дня два уже продолжалась оттепель.

— Грамотные есть у васъ? спросилъ старшина. Мужики боязливо переглянулись. «Видно еще затѣваютъ что-нибудь», думалъ каждый.

— Что-жъ молчите? обратился Прохоръ къ міру.

— А намъ что говорить—ты староста, ты и долженъ знать, чего требуется начальству, уклончиво отозвались нѣкоторые; большинство же выжидало что будетъ дальше.

— У Панфила, кажись, мальчѣнка въ школу ходилъ, объявилъ староста.

— Да читать-то умѣетъ? спросилъ наконецъ Захаръ Андреичъ.

— Азы по книжкѣ разбираетъ, а тамъ кто-жъ вѣдаетъ, мы сами люди темные, съ видимой неохотою объяснился Панфилъ.

Не дожидаясь особаго приказанія, Захаръ Андреичъ развернулъ Положеніе и прочиталъ статью о мѣрахъ взысканія недоимокъ.

— Таперича вы, православные, слыхали, какія то-есть права могутъ опчество избирать съ недоимщиками, началъ разъяснять старшина. Перво-на-перво, значить, отдать въ заработки, али придѣлать опекуна, а тамъ ужъ приступать къ имѣнью.

— Мы и такъ отдадимъ, увѣрялъ Егоръ.

— Нѣтъ, братъ, начальство не ждетъ! Меня ужъ замучили: то посредникъ требуетъ, то исправникъ; вчера этотъ даже побоялся: коли, говорить, въ пятницу остальныхъ не привезешь, а тебя, говорить, въ губернію отправлю.

— А могутъ онъ нешто до срока требовать? дерзко спросилъ Егоръ.

Старшина только брови сдвинулъ. Ему по опыту было уже извѣстно, что въ каждомъ селеніи непременно есть Егоръ; что ихъ ядовитыя рѣчи имѣютъ значительное вліяніе на людей безхарактерныхъ и что сами Егоры обыкновенно выходятъ изъ воды сухи, а достается только тѣмъ простакамъ, которые ихъ слушаютъ, и потому, не отвѣчая лично Егору, Платонъ Петровичъ счелъ за лучшее обратиться ко всему міру.

— Противничать начальству никто не смѣетъ, потому больше наибольшаго видно не будешь. Слыхали, небось, какъ Аверъ Семенычъ приказываетъ: что, молъ, съ кого спрашивается, тотъ то и сполняй; тамъ послѣ жался вышнему начальству, коли сумлѣніе въ себѣ имѣешь, а противничать все-таки не смѣй. Нашего брата за противность тоже розгами дуютъ, добавилъ старшина, обращаясь уже лично къ Егору.

Тотъ молча поправилъ шапку и попытался за сосѣда.

— Вы, православные, помирничка какъ-нибудь, чтобы и вамъ значить не плохо было, и начальству пріятность сдѣлать, продолжалъ Платонъ Петровичъ, ласковымъ, словно заискивающимъ голосомъ. За кѣмъ недоимочка есть? спросилъ онъ старосту.

Стали перебирать по дворамъ; по счету Прохора недоборовъ оказалось болѣе того, сколько дѣйствительно требовалось казначействомъ. Мужики заспорили, и волостному старшинѣ стоило немалаго труда добиться истины. А между тѣмъ все было очень просто.

Подати дѣйствительно уплатили не всѣ, но многіе не отдали еще денегъ на содержаніе училища и оспопрививателю; староста же Прохоръ, по настоятельному требованію начальства, убогаворилъ и учителя, и оспенника заслуженнымъ ими жалованьемъ, и для этого затратилъ часть собранныхъ податей; съ податями платили нѣкоторые и волостныя; но какъ эти деньги не попали по назначенію, то и вышла помутка. Сведя итогъ прихода съ расходомъ, старшина убѣдился, что показаніе Прохора было справедливо; признали наконецъ и мужики вѣрность частныхъ расчетовъ, но все еще спорили, потому что спорилъ Егоръ. Уже поздно вечеромъ возвратился Платонъ Петровичъ въ Спасское и, внимательно пересчитавъ хохловскіе деньги, не безъ удовольствія спряталъ ихъ въ большой крашеный сундукъ волостного правленія.

— Теперича надо только протасьевскихъ подогнать, а то и вся волость будетъ въ очистѣхъ, сказалъ онъ самодовольно, разглаживая бороду.

— Эту половину хоть куда поправились, пожалуй и штрафныхъ не будетъ, замѣтилъ Захаръ Андреичъ.

— Мужички, значить, въ порядку начали приучаться.... Вотъ кабы только Егора выпоротъ когда получше, много-бъ, я думаю, онъ помягчилъ, сказалъ Платонъ Петровичъ, видимо еще находясь подъ впечатлѣніемъ проведеннаго въ Хохловѣ дня.

— Да, это бы точно не мѣшало; а встати бы ужъ у насъ, въ Спасскомъ, Павла Музалева; можно и Сидора Аниконова.

— Правда, правда, подтвердилъ старшина, а въ Протасьевѣ Саватьеу.

— Саватьеа—дуракъ непокрытый; вотъ Николая Васильича слѣдовало бы урезонить немножко, потому очень загордѣлъ и отъ него завсегда всѣ пакости начинаются.... и долго еще перебирались имена тѣхъ крестьянъ, которыхъ, по мнѣнію представителей спасскаго волостного правленія, слѣдовало немножко урезонить.

На другой день Рождества Ванятка съ женою поѣхали въ Гулино.

Вслушавъ рассказъ зятя о томъ, какъ принималъ посредникъ прошенье и чтó онъ съ этимъ прошеньемъ сдѣлалъ, Андрей Силычъ потянулъ за поясъ.

— «На, говорить, отдай своему пьяницѣ», словно на смѣхъ повторилъ въ другой разъ Ванятка слова Аверкія Семенныча.

— Дуракъ, крикнулъ Андрей Силычъ такимъ голосомъ, что Катерина съ дочерью тотчасъ же убрались въ бабью избу, а Ванятка прикусилъ языкъ и сидѣлъ какъ на горячихъ угляхъ.

По непостижимой способности мозговыхъ отправления, первое непріязненное чувство Андрея Силыча обратилось на посредника. Хвалить Дормидошку нечего, онъ уже извѣстный пьяница, да все-таки прошенье-то писано по моему приказу, и изъ этихъ посылокъ раздраженное самолюбіе Силыча выводило заключеніе, что оскорбленіе сдѣлано лично ему, Андрею Силычу. Требовалось сорвать зло, и вотъ достаточно было нѣсколькихъ неосторожныхъ словъ Ивана, чтобы сдѣлаться безъ вины виноватымъ.

— Васъ, мякинниковъ поганныхъ и послать-то никуда нельзя; безпремѣнно что-нибудь спакостите, горячился Андрей Силычъ. Вѣдь я наказывалъ твоей старой дурищѣ, чтобъ не кланяться ему въ ноги: за коимъ же шутомъ, прости Господи, вы на когняхъ тамъ еловили?

— Да это все мамушка, едва выговорилъ Ванятка.

— Мамушка, мамушка, передразнилъ Андрей Силычъ, непріятно искрививши ротъ. Кабы вы толкомъ-то ему рассказали,

какъ быть должно, принялъ бы онъ и прошеніе; а вы, небось, городили чуху всякую, что на умъ взбрело. Сволочные! заключилъ Силычъ и, облокотившись на столъ, запустилъ всѣ пальцы лѣвой руки въ свою бороду.

— Енъ самъ все допытывалъ, сказалъ Ванятка.

Силычъ быстро глянулъ на малаго.

— Ну?

— Про отца спросилъ, сколько годовъ ему; про Вукола поминалъ зачѣмъ-то, должно въ бумагѣ было прописано, пояснилъ Ванятка.

— Мерзавецъ, пьянюшка, а еще чиновникомъ тоже величается, сказалъ Силычъ, представляя себѣ фигуру Дормидонта Иваныча, и съ омерзеніемъ плюнулъ въ воображаемое лицо аблаката.

И тесть, и зять сидѣли молча. Оба думали объ одномъ, но каждый по-своему. При отъѣздѣ изъ дома, мать строго наказывала Ванятѣ, хотъ ноги у Силыча вылизать, только бы выпросить денегъ на покупку квитанціи. «По началу онъ тебя, сынокъ, безпремѣнно изругаетъ, вспомнились теперь Ивану слова матери, можетъ и побьетъ даже; а ты все-таки кланайся, потому у свата деньжищевъ какъ бы не въ пять разовъ поболѣ миеулинскаго мужика. «И гдѣ онѣ у него спрятаны, думалъ Иванъ; вахись, кабы только мѣсто знать, а то не въ примѣръ легче урасть, чѣмъ просить у эвого жиля». Силычъ тоже соображалъ, какую бы ему сдѣлать милость для зятя, если только Ванятѣ неминуемо придется идти въ солдаты? И порѣшилъ: дать въ награжденіе десять дѣловыхъ, да дубленую шубу, а дочь опять взять къ себѣ, до возвращенія мужа изъ службы. Катерина два раза уже подходила къ двери, прикладывала ухо, но никакъ не могла придумать, отчего это въ горницѣ нѣтъ словечка не проронить: «ужъ благополучно ли тамъ», мерещилось бабѣ, и она несказанно обрадовалась увидя входящаго на крыльцо священника съ причтомъ.

— Сюда, батюшка, сюда пожалуйста, засуетилась Катерина, отворяя дверь горницы.

Окончивъ молитву, священникъ присѣлъ къ столу, на которомъ тотчасъ же появилось праздничное угощеніе. Священникъ выпилъ рюмку водки, крикнулъ и похвалилъ.

— А гдѣ брали? спросилъ онъ, указывая пальцемъ на графинчикъ.

— Съ завода, батюшка, отъ Чернявскаго, отвѣтилъ Силычъ.

— Доброе вино, доброе, похвалилъ въ свою очередь пономарь; въ городѣ такого врядъ добудешь!

— По знакомству, Яковъ Васильевичъ, баринъ насъ уважилъ. Особенной, говорить, очистки, которая для своего стола потребляется, пояснилъ Андрей Силычъ, снова наливая въ стаканчикъ. Прикушайте-ка, попросилъ онъ священника. Тотъ отказался.

— Яковъ Васильевичъ, обратился съ поклономъ хозяинъ, подвигая стаканчикъ пономарю.

— Не много ли будетъ? сказалъ онъ, слегка покосившись на священника; однако вымѣрять глазами стаканчикъ и разомъ опрокинулъ его въ ротъ.

— А гдѣ-жъ сынки твои, Андрей Силычъ? спросилъ священникъ, оглядывая по головамъ семью.

— Изъ дороги еще не бывали. По расчетамъ надоть бы прѣхать дня за три до праздника, да вотъ и по сей часъ нѣтъ. Должно рѣка гдѣ-нибудь захватила.

— Измѣненія въ природѣ огромныя, глубокомысленно замѣтилъ молодой дьячокъ.

— Да! Бывало теперешнюю пору морозы трещать, а нонѣ дождь поливаетъ, рѣки прошли, сказалъ Андрей Силычъ съ тяжелымъ вздохомъ о прошедшемъ времени.

— Должно полагать, этотъ паводокъ не обойдется зеленымъ даромъ? спросилъ священникъ.

— Господь знаетъ — какова тоже весна; а по низкимъ мѣстамъ, пожалуй, изъянъ будетъ.

— Вѣдь ужъ это который годъ къ ряду, замѣтилъ дьячокъ.

— Трудно народушку стало, охъ трудно, вздыхая и гремя церковною кружею, проговорилъ сѣдой, какъ лунь, етиторъ.

— Недородъ, недорогодъ, а пьянство еще пуще того разорило, сказалъ священникъ, и приподнялся съ лавки.

— На дорожку, батюшка, просилъ Андрей Силычъ, опять наполняя стаканчикъ.

Священникъ еще разъ отказался.

— Ну, красеньяго, пожалуйста, угощай Силычъ. Выпивъ полрюмки красеньяго, священникъ отправился далѣе по деревнѣ.

— Чуднѣй, право, человѣкъ, этотъ батька, высказался на-вонецъ Яковъ Васильевичъ. Самъ не пьетъ и мы за нимъ посты объ масляной соблюдай, и въ доказательство, вѣроятно, того, что онъ не сочувствуетъ этому правилу, залпомъ хватилъ и красенькой и бѣленькой.

За обѣдомъ Андрей Силычъ ѣлъ мало и ни съ кѣмъ не разговаривалъ; молчали уже поневолѣ и остальные, а когда хозяинъ ушелъ въ горницу, то всѣмъ показалось, что въ избѣ стало свѣтлѣе и легче. Прасковья съ невестами и Ва-

нятка вышли на улицу. Холостые парни въ праздничныхъ полушубкахъ и подпояскахъ; молодыя бабы и дѣвки, тоже въ полушубкахъ и пестрыхъ платкахъ яркихъ цвѣтовъ, кучками стояли въ разныхъ мѣстахъ. Повсюду слышались говоръ и смѣхъ. Самое же людное и веселое сборище было на концѣ деревни, около пустого сруба Василья-кузнеца. Здѣсь особенно отличались своимъ удалствомъ сынъ кузнеца — Осипъ, высокій, красивый парень, въ красной рубахѣ и синей мѣховой поддевки, на распахку, да его двоюродный братъ, недавно отданный въ военную службу и уже воротившійся по билегу. Этотъ тоже былъ въ красной рубахѣ, черномъ суконномъ жилетѣ съ военными пуговицами и небрежно накинутомъ на плечи дубленомъ полушубкѣ. Солдатъ наигрывалъ на гармоникѣ «Барыню», а Осипъ, подпершись обѣими руками и не трогаясь почти съ мѣста, ловко выбивалъ каблуками тактъ музыки.

— Да ты тронь, Ося, тронь, уговаривали его изъ толпы.

Парень обвелъ глазами собравшійся около него кругъ, лукаво подмигнувъ какой-то изъ молодыхъ женщинъ и словно нехотя пошелъ перекладывать одну ногу за другую; на половинѣ круга ступнулъ каблуками и мелкой дробью тронулъ вправо; турманомъ перевернулся нѣсколько разъ около самаго ряда красивыхъ дѣвокъ, и заслышавъ ускоренный темпъ, разомъ ударилъ въ присядку. Ходуномъ заходили его плечи, какъ уголья засвѣтились глаза, пласали уже не однѣ ноги, пласалъ цѣлкомъ русский парень — весь до послѣдней косточки.

— Прибавь, Сеня, прибавь, покрикивалъ онъ въ ту сторону, откуда летѣли одушевляющіе звуки, и хотя Сеня игралъ уже такъ скоро, какъ только позволяло устройство музыкальнаго инструмента, но расхолодившемуся парню все еще казалось мало.

— Валяй, Ось, валяй, покрикивали въ свою очередь зрители, изъ которыхъ большая часть тоже едва удерживались на мѣстѣ, а молодыя бабенки захлебывались отъ удовольствія, невольно подлаживая плечами.

— Вдругъ въ средину круга ворвалась немолодая уже и не очень взрачная баба, ударила въ ладони, повела головой и, какъ пава, выступила на встрѣчу Осипа. Тотъ немного пріостановился, перевелъ духъ, и пошли они другъ передъ другомъ выдѣлывать разные колѣнца.

— Вотъ такъ Дарья-задира, похвалили мужики, когда пляска окончилась.

— А вы думали какъ? нечто буду по ихнему, указала Дарья на молодыхъ бабъ. При народѣ парня боятся, а въ темномъ уголку тутъ мы и есть.

Мужики и бабы дружно засмѣялись.

— Прасковья Андреевна наше глубочайшее, громко сказала Осипъ, кланаясь въ ту сторону, гдѣ стояла дочь Силыча съ невѣстками.

Всѣ обратили вниманіе.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ въ нашу сторону не бывали, продолжалъ Осипъ, ближе подходя къ Прасковья.

Та стыдливо понурила голову и попятилась за невѣстою.

— Ишь у насъ веселье какое, любо! Небось въ Хохловкѣ такъ не гуляютъ? допрашивалъ Осипъ.

— А табѣ на что знать, какъ у нихъ гуляютъ? замѣтила старшая изъ невѣстою.

— И гостинцевъ-то у васъ тамъ, я думаю, никакихъ, то-есть, не водится, говорилъ Осипъ, не обращая вниманія на слышанную рѣчь.

Прасковья переглянулась съ невѣстками, и всѣ три вдругъ засмѣялись.

— Не желаете ли побаловаться? неожиданно предложилъ Осипъ, доставъ изъ кармана шароваръ конфетку въ красной бумажкѣ.

— Да что ты пристаешь ко мнѣ, тревожно сказала Прасковья, и отодвинулась еще дальше за другихъ женщинъ.

— Напрасно обижаетесь! Мы то-есть отъ добраго желанія предложить дѣлаемъ, нѣсколько сконфуженно проговорилъ Осипъ, зажимая въ кулакъ конфетку.

— А ты заведи себѣ прежде свою хозяйку, да и поштуй ее, а чужихъ не замай, грубо отрѣзалъ Ванятка.

Осипъ презрительно вымѣрлялъ его глазами и ухмыльнулся.

— Вашему брату за это тоже бока ломаютъ, добавилъ Ванятка.

— Не ты ли? насмѣшливо спросилъ Осипъ.

— А хоть бы и мы.

— Ну-ка!

— Ну-ка!

И оба противника стояли другъ передъ другомъ въ такомъ же положеніи, какъ стоятъ пѣтухи, приготовляющіеся къ бою.

— Будетъ вамъ, козыри, выѣшался наконецъ какой-то степный мужичекъ. Ты, милый человекъ, напрасно обиждаешься, сказалъ онъ наставительно Ванятѣ; а тебѣ, Осипъ, не слѣдъ чужихъ бабъ поштовать, береги лучше про своихъ.

— Ишь храбрый какой, поддразнила-было Дарья-задира Ванятку, начиная опасаться, что пожалуй и драки не будетъ;

однако до схватки дѣйствительно не дошло, хотя и не одна Дарья желала бы поглядѣть: кто кого одолѣетъ.

— Отваливай-ка подалѣе, сказалъ Осипъ, провожая глазами уходящихъ бабъ и Ванятку.

— Эка, малый, не помѣрились вы, право, съ видимымъ сожалѣніемъ замѣтилъ приземистый, коренастый парень, передергивая плечами.

— Я-бъ ему удружилъ, похвастался Осипъ.

— А кабы онъ тебя ляпнулъ? спросилъ кто-то.

— Чего добраго, подсмѣялся Осипъ.

— Да что ты очень куражишься, какъ будто уже обидѣвшись сказалъ все тотъ же приземистый парень, выдвигаясь въ средину круга.

— Ну, Хомка, на полштохъ! Чья возьметъ! подзадоривали его снова обрадованные зрители. Осипъ сбросилъ поддевку на снѣгъ и подвинулся къ Хомкѣ.

— Идетъ, что ли? спросилъ онъ.

Хомка молча переступилъ два шага и сильно толкнулъ Осипа въ грудь; тотъ немного пошатнулся и тотчасъ же принаровилъ— было по уху, но Хомка ловко увернулся, такъ что ударъ пролетѣлъ надъ головой, только шапка свалилась. Раздался громкій хохотъ, и оба борца съ какимъ-то уже остервененіемъ кинулись другъ на друга. Крѣпко обнявши одинъ другого, они взмѣшивали ногами снѣгъ и, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, зрители съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за схваткой, ожидая исхода. Слышно было только тяжелое, прерывистое дыханіе двухъ удалцевъ и ихъ однозвучное покрикиванье: «врешь Хомка, врешь Оська!» Вдругъ словно что-то хрунуло, а вслѣдъ за тѣмъ и Ома, и Осипъ, катались уже по снѣгу. По мѣрѣ того, какъ кто-нибудь изъ противниковъ видимо бралъ верхъ, въ кружкѣ радостно кричали: «Хомкинъ полштохъ!» а черезъ мгновеніе, съ такою же точно радостію кричали: «Оськина взяла!» Побѣда осталась наконецъ за Оомкою, и онъ съ торжествующимъ видомъ усьлся верхомъ на Осипа.

— Счастливъ малый, позавидовали многіе Оомѣ, который, какъ ни въ чемъ не бывало, шелъ уже въ вабакъ, рядомъ съ Осипомъ и солдатомъ.

— А что-жъ, робя, мы взаправду чѣмъ хуже ихъ? Давай въ складчину, предложилъ кто-то. Завѣнѣли пятаки и десятки, а спустя недолго, цѣлая ватага разгулявшихся мужичковъ тронулась догонять счастливаго Оомку...

Силычъ стоялъ на крыльцѣ, когда Ванятка съ Прасковьей

подошли во двору. Обѣ снохи бросились загонять свинью, которую съ громкимъ лаемъ приняли отъ воротъ собаки.

— Гуляютъ? спросилъ Силычъ, мотнувъ головой въ ту сторону, откуда слышнѣе раздавались пѣсни.

— На то и праздникъ, угрюмо отвѣтилъ Ванятка. И охальники же у васъ тутъ парни, добавилъ онъ, ревниво поглядѣвъ на жену. Силычъ въ недоумѣніи повосился на дочь. Онъ приказалъ зятю идти съ женой въ горницу, и дожидался, пока воротились снохи.

— Скотину-то убрали? спросилъ онъ.

— Уберемъ, батюшка, сразу уберемъ, выговорили молодки, улепетывая со страхомъ въ ворота. Силычъ слегка ругнулъ за беспорядокъ и пошелъ въ горницу.

— За что ты обижаешься нашими парнями? спросилъ онъ Ванятку.

Тотъ рассказалъ про Осипа.

— Ты бы ему, подлецу, рыло намылилъ, почти вскрикнулъ Андрей Силычъ, дергая себя за поясъ.

— И то хотѣлъ, да люди развели, пояснилъ Ванятка.

— А тебѣ, Паранька, вдругъ обратился онъ къ женѣ, при твоёмъ отцѣ вотъ говорю: коли не миновать мнѣ солдатчины, не балуй ты безъ меня. Узнаю я про тебя какіе случаи, изъ службы убѣгу, а тебѣ живой не быть. Тамъ суди меня послѣ Богъ и великій государь, да и тебѣ-жъ не дамъ радоваться. Запомни ты эти мои слова, подтвердилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу съ такою силою, что даже доска треснула.

Силычъ только вздрогнулъ.

— Люблю за обычай, сказалъ онъ. Съ бабами такъ и надоть! Имъ только малость ослобони, онѣ сейчасъ тебѣ въ карманъ наплюютъ. Спасибо, зятюшка, добру ты ее наставляешь; а ты, Параня, слушай, приказалъ Андрей Силычъ дочери.

Блѣдная, какъ полотно, стояла Прасковья.

«У кого-жъ мнѣ искать жалѣнья?» думала несчастная женщина, и съ тоской и страхомъ переводила глазами отъ отца къ мужу и отъ мужа къ отцу.

— Моей виновности никакой тутъ не было, заголосила наконецъ она, обливаясь горячими слезами и поклонилась въ ноги родителю.

— Да тебя, глупенькая, никто не винить, ласково сказалъ Андрей Силычъ. Это только къ слову пришлось. Полно вкюнтъ; встань! Прасковья поднялась.

— Цѣлуйтесь, да крѣпче, приговорилъ Силычъ и даже улыб-

нулся, когда Ванятка, любовно обнявъ жену, силою усадилъ ее къ себѣ на колѣни и сталъ утирать ей глаза.

— Вотъ ужъ и раскисъ, подсмѣялся Силычъ; а тоже страсти запускаетъ.

— Люблю я ее, то-есть во какъ люблю, оправдывался Ванятка, да такъ стиснулъ жену руками, что та даже взвизгнула.

— Ну, какъ же батюшка, заговорилъ онъ, немного погодя: ужъ-ли мнѣ никакъ отъ солдатчины не отвертѣться?

—хлопотать надо, рѣшилъ Силычъ.

— Пустое это дѣло, потому, либо выхлопочешь, либо нѣтъ; а вонъ какъ намереніи микулинской Саврасъ вывалилъ посреднику экую кучищу бумажекъ, такъ вотъ-те и хлопоты всѣ...

— Ну, и ты вывали, сказалъ Силычъ.

— А валить что?

— Въ томъ-то и горе наше, что валить намъ съ тобою нечего.

— Да вѣдь и Савраска тоже не свои отдавалъ; то, говорить, братъ подмогнулъ, а то робятъ заложилъ въ городъ. И насъ бы съ братомъ такъ-то заложить можно.

— А что подъ васъ дадутъ? спросилъ Силычъ.

— Рублевъ по восемьдесятъ... а можетъ и всѣ сто, на годъ дадутъ. И всего бы, значить, шесть годовъ въ кабалѣ побыть, такъ по крайности ужъ навѣки вольная птица, рассуждалъ Ванятка.

Силычъ задумался. Онъ сознавалъ, что въ предположеніяхъ зятя было что-то дѣйствительно подходящее, было много и несбыточнаго; отличить же одно отъ другого и опредѣлить, на какой именно сторонѣ перевѣсъ, Силычъ рѣшительно не могъ: на него вдругъ точно туманъ нашелъ.

— Да, выговорилъ онъ наконецъ, явно обрадовавшись какой-то свѣтлой мысли. Ты говоришь—заложить васъ обоихъ, а кто же будетъ дома работать?

— Отецъ!

— Ну это на хлѣбъ, да на квась, пожалуй и на подати; а оброки кто же подавать станетъ.

Теперь Ванятка задумался.

— А коли меня въ солдаты сдадутъ, кому же барышъ будетъ? спросилъ онъ.

— Тамъ другая статья, хладнокровно уже рассуждалъ Силычъ. Подати за твою душу отдадутъ міромъ, землю твою свалить на общество...

— Да, по мнѣ, хоть и въ солдаты; надо же кому-нибудь царю служить, покорно проговорилъ Ванятка. Её, будто, жаль, думалось, можетъ, мальчика сродить; все бы хоть лошадей стечерьч опосля годился, добавилъ онъ, едва сдерживая слезы.

Андрею Силычу тоже какъ-то неладилось. Жаль ему было зятя, парень-то онъ смиренный и, кажись, будто надежный; болѣло сердце и по дочери; трудное дѣло молодой бабѣ безъ мужа себя наблюдать; а храни Боже, грѣхъ попутаетъ, сраму тогда и не оберешься. Откупить малаго деньгами?... мелькнуло въ головѣ старика, но ему живо представилась толстая пачка ассигнацій, собранная не въ годъ, не въ два; ему чудилось, что эта пачка тоже словно его кровная... и рѣшиться ее вдругъ, разомъ, пожалуй, навсегда... Силычъ какъ-то судорожно потрясъ головою и громко позвалъ жену. Катерина вошла.

— Покорми ребятъ, приказалъ онъ; имъ пора ко двору.

При всей неожиданности такого распоряженія, никто однако не выразилъ удивленія.

Ванятка ужинать не сталъ и отправился запрягать лошадь, а Катерина съ дочерью, пользуясь случаемъ, принялись повѣрять другъ другу свои задушевные мысли.

— Коли Ванюшку въ солдаты возьмутъ, говорила Параня, я, мамушка, тамъ минуточки не останусь. Свекровь и теперь поѣдомъ меня съѣла, а тогда и вовсе загрызетъ.

— Охъ, дочечка моя милая, кабы моя-то воля была, не что бы я тебя бросила; да онъ-то какъ прикажетъ, указывала Катерина головой по направленію къ горницѣ.

— Опять же работа у насъ уморная, продолжала Параня, день-деньской присѣсть не дадутъ. Ты и скотинушку убери, ты и молотить ступай, ты всѣхъ обшей, обмой. Нешто они у меня дома-то такіа были, сказала она, показывая матери руки.

— Голубка ты моя бѣлая, приговаривала Катерина, разглаживая своими жесткими ладонями истрескавшуюся кожу на рукахъ дочери.

— Тамъ, можетъ, Павлушку женить вздумаютъ; какова-то еще золовка попадется? А какъ въ двѣ-то руки примутся они меня холить, тогда все одно, хоть помирать ложись. Ты, мамушка, запомни себѣ, коли Ваня какимъ случаемъ не освобонится, да вы меня домой не возьмете, я въ прудъ брошусь.

— Господи Іисусе Христе, крестясь выговорила Катерина. Что ты это, дурочка, удумала...

— Ужъ и темъ же, послышался голосъ Ванятки, ощупью отворявшаго дверь. Ну, королева, готово, сказалъ онъ женѣ, поѣдемъ!...

— Мотри, не заплутать бы вамъ, замѣтила Катерина.

— Кажись не въ первой; разѣ ужъ что особенное, а то завязавши глаза можно добраться, увѣрилъ Ванятка.

— А къ самому-то не зайдете? шопотомъ спросила Катерина, провожая дѣтей въ сѣни.

— Ну, его... сорвалъ-было Ванятка; однако сѣвши только въ сани договорилъ уже: пузастый чортъ!

Выѣхавъ за околицу, парень разсудилъ, что править лошадей, когда дальше хвоста ея ничего не видно, дѣло вовсе ненужное, и потому, замотавъ возжи на грядку, онъ протанулся во всю длину саней.

— У васъ, знать, допрежь что-нибудь съ Оськой бывало? началъ онъ подтрунивать надъ женой.

Та поправила шубу, но промолчала.

— Сраму признаться, не хотѣлось, а стоило бы тебѣ космы хорошенько расчесать...

Прасковья что-то сказала, но такъ тихо, что Ванятка разобралъ только послѣднее слово: «сдачи».

— Э, баба, да ты во куда загнула, съ удивленіемъ протянулъ онъ. Не коротки-ль будутъ руки?

Прасковья вдругъ почувствовала какую-то небывалую силу и едва удержалась отъ намѣренія треснуть мужа по уху. Баба сама не понимала, что съ ней подѣялось: не то злость, не то горе какое подступало къ сердцу, а передъ глазами тянулся гулинскій хороводъ, и среди него, какъ бѣсъ, вертѣлся красивый Осипъ.

— Ты что же это въ самомъ дѣлѣ? шутишь, али въ заправду? строго уже спросилъ Ванятка, приподнимаясь на локтѣ.

— Лучше не замай, а то я надъ собой что подѣлаю, рѣшительно отвѣтила Прасковья и, какъ будто ожидая удара, инстинктивно защитила голову руками. Въ то же мгновеніе она почувствовала сильный толчекъ въ плечо, потеряла равновѣсіе и кубаремъ выкатилась изъ саней на снѣгъ. Послышался визгливый крикъ, бранныя слова, а трусившая до сихъ поръ лошадевка вдругъ прибавила рыси, и Прасковья очутилась одна, въ чистомъ полѣ. Куда идти? Въ Хохловку—тамъ безпремѣнно мужъ побьетъ; свекровь грызть станетъ; въ Гулино? какъ на отца еще взглянется. Объ Осипѣ больше уже не грезилось, и запавшая-было въ голову блажь разомъ оттуда выскочила. «Еще, пожалуй, воротится», подумала баба о мужѣ и чуть не бѣгомъ пустилась по дорогѣ въ Гулино... Гдѣ-то не вдалекѣ завyli волки. Прасковья едва удержалась на ногахъ. Безсознательно,

руководимая однимъ только чувствомъ самосохраненія, она выдернула первую соломенную вѣшку и рѣшила отстаивать свою жизнь... Еще громче и еще отвратительнѣе снова раздалась пѣсня голодной стан, а Прасковья бѣжала все шибче и шибче. Вотъ наконецъ потянулся господскій садъ; высочили-было изъ-за угла собаки и съ громкимъ лаемъ бросились вдругъ въ противоположную сторону. Не довѣряя своимъ глазамъ, Прасковья остановилась наконецъ у воротъ отцовскаго дома. Въ избѣ свѣтился еще огонь; дверь на крыльцѣ была полуотворена. Катерина въ эту минуту только-что притворила квашню и собралась посмотрѣть стельную корову, какъ вдругъ передъ ней явилась Прасковья.

— Наше мѣсто свято, запинаясь проговорила старуха, плюнувъ три раза по сторонамъ.

— Мамушка, какъ-то дико крикнула Прасковья и со стономъ покатила на лавку.

Прыгнули съ палатей невѣстки, высочили изъ-за печки Петрунька; всѣ съ недоумѣніемъ обступили неожиданную гостью и жалостливо глядѣли, какъ она теребила шейный платокъ. Вошелъ Андрей Силычъ, покачалъ головой, велѣлъ положить дочь на печь; но тѣмъ дѣло и кончилось. О причинахъ болѣзни разсуждали недолго: съ глазу попритчилось, рѣшили въ одинъ голосъ и положили утричкомъ позвать бабку Луверью. Къ разсвѣту больная стала пуще метаться; безпрестанно бредила, просилась домой. Луверью едва отыскали гдѣ-то на родинахъ. Осмотрѣвъ больную, бабка почмокала губами, пустила на воду уголекъ и объявила, что молодку испортили.

— Гдѣ-жъ у ней, бабушка, спорча? боязливо спрашивала Катерина.

— У нутрѣ; у самомъ нутрѣ горить, не задумавшись объяснила та.

Взяла она щепоть роснаго ладона, прибавила туда какого-то цѣлебнаго зелья изъ собственной аптеки, размѣшала все это въ водѣ, и пошептавъ что-то надъ чашкою, вспрыснула три раза больную, а остальное приказала ей выпить. Сдѣлавъ одинъ глотокъ, Прасковья было-заупрямилась, да ей силкомъ разжали ротъ и влили лекарство. Бабѣ сразу похужѣло: къ прежнимъ страданіямъ прибавилась тошнота.

— Это, други мои, спорча ее мутить, успокоивала Луверья; какъ спорча наружу выйдетъ, ту-жъ минуту ей полегчить.

— Али тебѣ бражки подать, приставала въ свою очередь Катерина, поднося стабанчикъ съ холоднымъ питьемъ:—промочи

ты свою душеньку, можетъ, Господь дастъ, болѣзнь-то лучше утомится.

Но и бражки Прасковья не принимала.

Между тѣмъ Андрей Силычъ утромъ еще отправился въ Холмовку разузнать: по какой причинѣ Прасковья очутилась ночью у матери, а тамъ, повидимому, и не подозрѣвали, чтобы отъ одного толчка въ бока могли приключиться такіе случаи. Ванятка преспокойно распрягъ на току лошадь и, завидя издали подъѣзжающаго тестя, разомъ смекнулъ, что дѣло должно быть неладно, видно баба нажалась. — Ужъ и задамъ же я ей взвошью, коли только мнѣ что отъ него будетъ, порѣшилъ было парень; однако заложилъ опять дугу и поѣхалъ куда-то задами. Матрена тоже встрѣтила свата, словно ошпаренная. Она догадывалась, что Андрей Силычъ не по добру пожаловалъ.

— А зять гдѣ? сурово спросилъ онъ, входя въ избу.

— Былъ дома, а теперь не знаю; можетъ куда отлучился. Да что-жъ ты, сватушко, присядь хоть малость, просила Матрена. Ужъ не взыщи: не ждали такого дорогого гостя, договорила она, вытирая уголь стола концемъ своей завѣски.

Андрей Силычъ, нехотя, опустился на скамью.

«Вотъ принесла-то нелегкая», думала Матрена, поглядывая, какъ свать тербилъ съ своей бороды иней, и чувствовала, что поджилки ея дрожали.

— Сказывалъ тебѣ Ванятка, гдѣ онъ жену бросилъ? спросилъ Силычъ.

Матрена замялась.

— Говори всю правду, а то я тебѣ башку размозжу, крикнулъ онъ, поднимая кулакъ надъ самой головой Матрены.

Та отъ страха даже присѣла.

— Никакихъ ихнихъ дѣловъ я не знаю, чуть выговорила она.

— Врешь, подлая душа!

— Какъ предъ Господомъ! Съ мѣста мнѣ не сойти, коли я какіе случаи знаю.

Андрей Силычъ присѣлъ. Матрена перевела духъ свободнѣе.

— Вишь ты, сватушко, какъ было, начала она, нѣсколько оправившись: Ванюшка пріѣхалъ вечерась, ужъ гдѣ тебѣ вочеты прокричали; встрѣла этта я его, гляжу на немъ, сердечномъ, лица нѣтъ; чуть языкомъ ворочаетъ. Что, молъ, это ты такъ? Волки, говорить, почестъ, до околицы провожали, не чаялъ, говорить, и живому быть. А гдѣ-жъ молъ, молодева дѣлась? онъ мнѣ что-то буренулъ; я, признаться, и не разслухала хорошенько...

— Путляешь, старая чертовка, путляешь, вдругъ перебилъ Андрей Силычъ.

— Языкъ мой отсохни; не дай Господи мнѣ одново дыхнуть, боли я что такое слухавила, снова увѣряла Матрена.

Силычъ началъ соображать только-что слышанное имъ объясненіе, и въ концѣ концовъ выходило одно изъ двухъ: или Ваятка вралъ матери, или старуха теперь вретъ Силычу.

— Чудно, вдругъ проговорилъ онъ вздохнувши и, не прощаясь съ сватьей, пошелъ въ лошади.

— Что-жъ, за молодой-то паренька прислать, али можетъ сами приставите? спросила Матрена, надѣясь хоть этимъ вывѣдать мысли Силыча.

— Я-те задамъ такую молодеку, погрозилъ тотъ внутомъ; да съ тѣмъ и отѣхалъ.

А. Б.

ВОЗСОЕДИНЕНИЕ УНИИ

Историческій очеркъ *).

IV.

Къ закрытію почаевского монастыря приступили немедленно вслѣдъ за высочайшею резолюціею. Блудовъ вошелъ съ Мещерскимъ въ совѣщаніе и представилъ государю журналъ этихъ совѣщаній, слѣдующаго содержанія:

«По внимательномъ снова соображеніи всѣхъ относящихся къ сему обстоятельствъ и сообразуясь съ изъявленною вашимъ императорскимъ величествомъ, по всеподданнѣйшему докладу статсъ-секретаря Блудова, отъ 14-го сего мѣсяца (сентября 1831 года), волею, тайный совѣтникъ князь Мещерскій и статсъ-секретарь Блудовъ, на основаніи предначертаній сего доклада и въ дополненіе къ онымъ, полагаютъ: 1) Почаевскую успенскую обитель, куда со времени ея учрежденія и доселѣ всегда стекались для моленія чудотворной иконѣ Божіей Матери въ большемъ числѣ не только униты и римско-католики, но и православные, даже изъ мѣстъ отдаленныхъ и изъ-заграницы, какъ по сей важной причинѣ, такъ по великолѣпію ея церквей, обширности и огромности зданій,—объявить православнымъ монастыремъ 1-го класса, присвоивъ ей и наименованіе лавры. Сіе наименованіе будетъ тѣмъ приличнѣе, что и униты обитель по-

*) См. выше: апр. 606; июль, 538 стр.

чаевскую преимущественно предъ всѣми своими монастырями называли также лаврою. 2) Въ зданіяхъ обители помѣстить, какъ св. синодъ въ 1823-мъ году предполагалъ, епархіальнаго волынскаго архіерея съ его штатомъ, консисторіей, семинаріей, уѣзднымъ и приходскимъ духовными училищами. 3) Священно-архимандритомъ сей новоустроенной лавры, по примѣру лавръ киевопечерской, троицкой, александроневской и слудскаго монастыря въ епархіи минской, а равно и потому, что онъ будетъ имѣть въ ней постоянное пребываніе, быть всегда самому волынскому епархіальному архіерею, имѣя для помощи по управленію монастыремъ особаго благонадежнаго и достойнаго архимандрита, съ наименованіемъ намѣстника. Пребываніе епископа въ обители почаевской, по мнѣнію тайнаго совѣтника князя Мещерскаго и статсъ-секретаря Блудова, необходимо какъ потому, что для сего назначенія Почаевъ есть лучшее и приличнѣйшее во всей епархіи мѣсто, такъ и по той довольно важной причинѣ, что совершеніе важнѣйшихъ священнодѣйствій самимъ архіереемъ съ принадлежащимъ къ нему штатомъ и хоромъ пѣвчихъ можетъ своимъ велелѣніемъ и свойственною обрадамъ восточной церкви торжественностію замѣнить пышность, съ которою базилиане старались отправлять богослуженіе въ сей обители, поражая чувства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и умы простолудинновъ блескомъ ризъ и церковной утвари, музыкою не только огромныхъ органовъ, но и цѣлаго оркестра, и чрезъ то между прочимъ привлекая многочисленныхъ молельщиковъ. 4) Сверхъ епископскаго штата и ректора семинаріи, для безостановочнаго и приличнаго совершенія богослуженія въ соборной и другихъ церквахъ почаевской обители, опредѣлить въ оную, сообразно съ изъявленною уже вашимъ императорскимъ величествомъ высочайшею волею, 12 іеромонаховъ и къ нимъ 4 іеродіаконовъ съ нужнымъ числомъ служебныхъ монаховъ, или же по обыкновенному штату первоклассныхъ монастырей 10 іеромонаховъ, 4 іеродіакона и 18-ть служебныхъ монаховъ, если на сіе послѣдуетъ соизволеніе вашего величества, и назначивъ нижнихъ монастырскихъ служителей изъ находящихся нынѣ при монастырѣ почаевскихъ служецъ, или другихъ по усмотрѣнію епископа и архимандрита, его намѣстника. При семъ тайный совѣтникъ князь Мещерскій изъявилъ мнѣніе, съ коимъ согласился и статсъ-секретарь Блудовъ, что, можетъ быть, было бы полезно и принадлежащее нынѣ монастырю недвижимое имѣніе въ числѣ 235 душъ оставить за онымъ (въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ при нѣкоторыхъ православныхъ монастыряхъ остаются доселѣ имѣнія съ крестьянами) впредъ до особаго рас-

пораженія, не столько для умноженія доходовъ обители, хотя и необходимыхъ для поддержанія ея обширныхъ зданій, какъ потому, что сіе продолженіе сношеній фундушевыхъ крестьянъ съ начальствомъ монастыря будетъ по всей вѣроятности имѣть послѣдствіемъ скорѣйшее возвращеніе ихъ изъ уніи въ православіе, тѣмъ болѣе, что ближайшая оттуда унитская церковь находится въ Кременцѣ, за 25 верстъ отъ Почаева. 5) Какъ въ зданіяхъ обители по новому ея предназначенію и даже въ самой церкви вѣроятно нужно будетъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны и исправленія, то по надлежащемъ всего соображеніи, епархіальное начальство представить о томъ св. синоду, который войдетъ по сему дѣлу съ особымъ всеподданнѣйшимъ къ вашему императорскому величеству докладомъ. Впрочемъ всѣ сіи передѣлки и поправки, какъ можно полагать утвердительно, будутъ почти ничтожны въ сравненіи съ тою значительною издержкою (болѣе 400 т. р.), которая требовалась по смѣтамъ на постройку въ Житомирѣ новаго дома для волынскаго архіерея съ учебными заведеніями. Сверхъ того расходы на поправку и передѣлку тѣхъ зданій обители, кои предполагаются на семинарію, уѣздное и приходское училища, должны будутъ быть отнесены на счетъ суммъ комиссіи духовныхъ училищъ. 6) Какъ для приведенія вообще въ дѣйство съ желаемымъ успѣхомъ сей важной въ отношеніи къ обители почаевской перемѣны необходимы быстрота и согласіе во всѣхъ распоряженіяхъ, то немедленно секретно отнестись къ волынскому временному военному губернатору и обратить на сіе дѣло его особенное вниманіе, дабы имъ были приняты всѣ мѣры, какія по мѣстнымъ, ему извѣстнымъ обстоятельствамъ, по его собственному усмотрѣнію и по сношенію съ волынскимъ архіереемъ признаетъ онъ за дѣйствительнѣйшія и удобнѣйшія. Нужно будетъ тщательно стараться, между прочимъ, чтобъ при передачѣ обители почаевской и вводѣ въ оную православнаго духовенства не послѣдовало бы какого-либо безпорядка отъ людей зломыслящихъ, и чтобы находящіяся въ обители св. иконы, церковная утварь и вся вообще принадлежность сохранены были въ цѣлости и ничто не было вывезено можетъ быть даже и за границу. Къ наблюденію за симъ надлежитъ избрать людей испытанной честности и совершенно благонадежныхъ. Для сей же цѣли можно будетъ предоставить волынскому архіерею съ своей стороны назначить свѣдущаго, усерднаго и надежнаго сановника изъ монашествующаго или изъ благаго духовенства. Отправленіе сего особаго духовнаго сановника нужно и потому, что, кажется, было бы не вполне сообразно съ достоинствомъ начальника епархіи, особен-

но въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ волынскаго края, самому архипастырю приступити къ приему обители почаевской и входить во всѣ необходимыя при томъ подробности, а можетъ быть и въ неразлучныя съ оными непріятныя объясненія. 7) Чтобы облегчить по возможности отправляемому въ Почаевъ духовному какъ приемъ обители со всѣмъ ея имуществомъ, такъ и первоначальное въ оной устройство до прибытія архіерея, отправить отсюда въ Почаевъ и свѣтскаго надежнаго чиновника, снабдивъ его и надлежащими письменными и словесными наставленіями. Выборъ сего чиновника оберъ-прокуроръ св. синода принимаетъ на себя. 8) Чтобы избѣжать утайки принадлежащихъ обители почаевской вещей, утвари и прочаго имущества, документовъ и другихъ бумагъ, главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій передать отправляемому отсюда чиновнику для необходимыхъ соображеній описи, визиты или осмотры монастыря почаевскаго, составленныя греко-унитскимъ епархіальнымъ начальствомъ за нѣсколько передъ симъ лѣтъ. 9) Наконецъ, дабы отправленіе богослуженія, особливо для приходящихъ молещикоу не прерывалось, поручить волынскому архіерею отправить туда немедленно на первый случай ректора семинаріи и съ нимъ вмѣстѣ изъ ближайшихъ обителей губерній кievской и черниговской, или же изъ бѣлаго духовенства, надлежащее число священниковъ. Между тѣмъ для исполненія въ совершенной точности изъясненной по докладу 14 сентября высочайшей вашего императорскаго величества воли, св. синодъ подъ особеннымъ наблюденіемъ оберъ-прокурора займется неотлагательно избраніемъ въ Почаевъ какъ архимандрита-наѣстника, такъ и іеромонаховъ, съ тѣми качествами, кои необходимы по важному ихъ предназначенію.» Государь на этомъ журналѣ написалъ: «Совершенно согласенъ»¹⁾.

Блудовъ сообщилъ о новой мѣрѣ фельдмаршалу Сакену, министру финансовъ, генералъ-адъютанту Левашеву, оберъ-прокурору св. синода и унитской коллегіи. Левашевъ и волынскій епископъ съ своей стороны отправили въ Почаевъ ректора волынской семинаріи архимандрита Флавіана съ 4 духовными, дабы втайнѣ наблюдать за сохраненіемъ въ цѣлости чудотворной иконы Богоматери и церковнаго имущества, и опредѣленнаго для надзора за приемомъ конфискованныхъ имѣній коллежскаго совѣтника Вельяшева, корпуса жандармовъ поручика

¹⁾ Въ докладѣ 1831-го года журналъ совѣщаній съ оберъ-прокуроромъ св. синода о мѣрахъ для возвращенія почаевской унитской обители въ вѣдомство православнаго духовенства.

Кирѣева и прибывшаго въ Житомиръ отъ оберъ-прокурора св. синода чиновника Войцеховича. Одному изъ отправленныхъ чиновниковъ поручено было находиться при приѣмѣ имѣннѣй монастыря почаевского греко-россійскимъ духовенствомъ, другому наблюдать, чтобы при ввѣдѣ въ обитель православнаго духовенства не послѣдовало какого безпорядка отъ людей зломыслищихъ, и чтобы церковная принадлежность сохранена была въ цѣлости. О содѣйствіи этимъ чиновникамъ предписано было земскою полиціею и военному начальству въ Почаевѣ. Монаховъ-базиліанъ Левашевъ предлагалъ съ своей стороны помѣстить, въ случаѣ нужды, въ одномъ изъ зданій почаевского монастыря до времени отправленія ихъ оттуда, и тщательно наблюдать, чтобы со стороны ихъ не произошло какихъ-либо злонамѣренныхъ покушеній, безъ всякаго, впрочемъ, стѣсненія для монаховъ ¹⁾. Типографію почаевскую сначала предполагено было перевести въ Полоцкъ, но потомъ это найдено неудобнымъ, и она передана была въ вѣдомство православнаго духовенства и оставлена въ Почаевѣ для печатанія православныхъ книгъ для тамошняго края.

Синодъ съ своей стороны сдѣлалъ такое распоряженіе по случаю обращенія почаевского монастыря въ православное вѣдомство: 1) предписалъ волынскому архіерею Амвросію, какъ скоро главная церковь почаевской обители принята будетъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства, безъ промежутка времени открыть бы въ ней православное богослуженіе. 2) Для этой цѣли назначенный въ Почаевъ архимандритъ, по совершеніи предъ литургіей освященія воды и окропленія всей церкви, долженъ внести на престолъ ея антиминсъ, освященный православнымъ архіереемъ, и затѣмъ приступить къ совершенію божественной литургіи. 3) Если предъ симъ окажется, что престолъ сей церкви устроенъ не во внутренности опредѣленнаго иконостасомъ алтаря, какъ бываетъ по общему чину восточной церкви, то какъ для того, чтобы не сдѣлать перестройкою значительной остановки богослуженія, такъ для того, чтобы оказать снисхожденіе ко мнѣнію и привычкѣ почитателей храма сего, оставить оный въ настоящемъ видѣ впредь до усмотрѣнія, только отдѣлить св. престолъ отъ храма завѣсою, которую и отверзать въ тѣ времена богослуженія, въ кои отверзаются по чину царскія врата; жертвенникъ же можетъ быть въ приличномъ мѣстѣ совсѣмъ открыть, по примѣру древней константинопольской софійской церкви. 4) Впрочемъ, для окончательнаго на будущее время раз-

¹⁾ Докладъ Блудова, 17 октября 1831 года.

рѣшенія о способѣ внутренняго устройства сей церкви, представить св. синоду обстоятельное описаніе сего устройства съ рисунками. 5) Для немедленнаго устройства обители въ исполненіи церковныхъ и прочихъ должностей, преосвященному волинскому приказано было, сверхъ введенія въ нее своего архіерейскаго штата, ввести въ оную изъ другихъ монастырей, и, смотря по обстоятельствамъ, изъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, буде случатся, всего до 12-ти священнослужителей, сообразно состоявшейся о томъ высочайшей волѣ. Всѣ эти люди должны быть способные добрымъ своимъ поведеніемъ подавать назидательный примѣръ, а іеромонахи и священники сверхъ того должны быть довольной образованности, дабы могли назидательностію слова дѣйствовать въ пользу православія. 6) Если неудобнымъ окажется наполнить немедленно почаевскій монастырь такими людьми изъ одной волинской епархіи, то на этотъ разъ предоставлено было волинскому архіерею отношеніями къ митрополиту кievскому, архіепископу черниговскому и епископу курскому потребовать изъ ихъ епархій сколько нужно будетъ монашествующихъ съ означенными выше качествами, для введенія ихъ въ почаевскую обитель на первый разъ на годовой срокъ, съ тѣмъ, что по окончаніи сего срока могутъ они рѣшительно остаться въ почаевскомъ монастырѣ, или, по наполненіи онаго другими, возвратиться въ свои прежнія мѣста. 7) Преосвященнымъ кievскому, черниговскому и курскому предписывалось, чтобы они, соревнуя вѣрному исполненію высочайшей воли, по требованію епископа волинскаго не упустили со вниманіемъ избрать и доставить ему людей съ вышеупомянутыми качествами и о послѣдующемъ донести св. синоду, съ приложеніемъ послужныхъ списковъ назначенныхъ и отправленныхъ ими лицъ. 8) Волинскій архіерей между тѣмъ долженъ былъ войти въ разсмотрѣніе, какой сверхъ штата архіерейскаго дома нужно опредѣлить постоянный на будущее время штатъ монашествующихъ для новоучрежденной почаевской лавры, обыкновенный ли штатъ первоклассныхъ монастырей, или съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и по какимъ уважительнымъ причинамъ, и обстоятельное по сему предмету мнѣніе представить св. синоду въ непродолжительномъ времени. 9) Волинскій архіерей долженъ былъ также разсмотрѣть, которыя зданія почаевскаго монастыря должны быть назначены для помѣщенія архіерея и монашествующихъ, и которыя для духовныхъ училищъ, и это предположеніе о размѣщеніи также представить св. синоду, съ приложеніемъ плановъ. При распредѣленіи помѣщеній приказано было держаться того правила, чтобы зданія, ближайшія къ главной цер-

кви, назначены были преимущественно для духовенства, а для училищъ болѣе отдаленныя, и чтобы по возможности предполагаемыя для училищъ зданія могли составить отдѣльную мѣстность, дабы людность богомольцевъ не развлекала учениковъ, и людность учениковъ не затрудняла богомольцевъ. 10) Когда предположенія о новомъ устройствѣ почаевской обители достигнутъ надлежащей зрѣлости и полноты, тогда синодъ представить объ образованіи ея докладъ государю императору, и въ этомъ докладѣ назначить ей наименованіе успенской почаевской лавры и въ разрядахъ православныхъ обителей мѣсто послѣ первенствующихъ лавръ. 11) Коммиссія духовныхъ училищъ о касающемся до нея дать знать тогда, когда получится представленіе объ отдѣленіи части почаевскихъ монастырскихъ зданій для духовныхъ училищъ. 12) О назначеніи въ почаевскую лавру намѣстника доложить впредь, а между тѣмъ отъ волынскаго архіерея потребовано объ этомъ мнѣніе, такъ какъ онъ самъ по предложенію синода долженъ быть священно-архимандритомъ этой лавры. 13) Въ заключеніе волынской архіерей вообще относительно перемѣнъ и исправленій въ зданіяхъ почаевскаго монастыря, если таковыя признаны будутъ необходимыми, какъ равно касательно церковной утвари, облаченій, книгъ и типографіи, долженъ поступать по вышепредписаннымъ ему правиламъ, и всѣ требуемыя отъ него свѣдѣнія немедленно долженъ представить св. синоду съ обстоятельнымъ мнѣніемъ¹⁾. Для большаго, по выраженію государя императора Николая I-го, великолѣпія и приличія службы въ семъ монастырѣ посланы были туда по высочайшему повелѣнію изъ придворнаго собора одинъ протодіаконъ, твердо знающій всю службу церковную, и одинъ псаломщикъ, дабы всю службу устроить въ монастырѣ по образцу придворному²⁾. Эти посланные лица были протодіаконъ Павелъ Дашковскій и псаломщикъ Василій Никитинъ.

Когда окончены были на бумагѣ всѣ нужныя распоряженія для обращенія почаевскаго монастыря въ православный, тогда посланные отъ разныхъ вѣдомствъ чиновники должны были приступить къ самому акту этого обращенія. Нужно сознаться, что это дѣло требовало со стороны лицъ, командированныхъ правительствомъ, много рѣшимости духа, энергій и ума. Почаевскій монастырь былъ, по выраженію католиковъ и униатовъ, сердцемъ католицизма польскаго, центромъ движенія антиправослав-

¹⁾ Въ канц. об.-прок. св. синода дѣло 1831-го года о передачѣ почаевскаго базилианскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

²⁾ Предложеніе синоду оберъ-прокурора Мещерскаго, тамъ же.

наго и антирусскаго, слѣдовательно католики и базилиане неदेशево согласятся отдать его православнымъ и будутъ защищать его всѣми находящимися у нихъ подъ руками средствами, а отчаяніе и безнадежность снова когда-нибудь возвратитъ себѣ это средоточіе ихъ силы можетъ вынудить ихъ на самыя крайнія и отчаянныя мѣры сопротивленія. Нужно было предварительно принять мѣры предосторожности. Еще на пути къ Почаеву Войцеховичъ, Кирѣевъ и Токаржевскій-Карашевичъ узнали, что до базилианъ дошли уже слухи о распоряженіяхъ правительства относительно монастыря ихъ; но они притворялись, что будто бы не вѣрятъ этимъ слухамъ, чтобы лучше усыпить бдительность командированныхъ отъ правительства чиновниковъ и успѣшнѣе скрыть монастырское достояніе. Жандармскій поручикъ Кирѣевъ былъ столь предусмотрителенъ, что напередъ послалъ по эстафетѣ въ Радзивиловъ отношеніе къ начальнику таможеннаго округа объ усиленіи пограничной стражи, также поручилъ земскому исправнику окружить монастырь кордономъ, подъ предлогомъ предохраненія отъ холеры, которая дѣйствительно тогда появилась въ Почаевѣ, и на основаніи открытаго предписанія отъ военнаго губернатора того края, придвинулъ къ мѣстечку, гдѣ находится монастырь, 4-ю роту Селенгинскаго пѣхотнаго полка, квартировавшаго въ Кременцѣ, и распорядился при этомъ такъ, чтобы рота эта подошла къ мѣстечку въ одно время съ пріѣздомъ чиновниковъ, командированныхъ въ Почаевъ.

По прибытіи чиновниковъ и православнаго духовенства, отправленнаго одновременно съ чиновниками волынскимъ архіереемъ Амвросіемъ, въ почаевскій монастырь, монахи его базилиане всѣ приглашены были въ монастырскую трапезу, для объявленія имъ высочайшаго повелѣнія о сдачѣ монастыря православному духовенству. Когда прочитано было имъ высочайшее повелѣніе, тогда Кирѣевъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они дали всѣ по порядку подписку въ слушаніи высочайшаго указа, съ обязательствомъ сдать все имущество монастырское безъ утайки. Въ это самое время монахъ Чаплинскій спросилъ у Кирѣева: имѣетъ ли онъ подлинный за подписаніемъ государя указъ? Когда Кирѣевъ отвѣтилъ, что генераль-адъютантъ Левашовъ получилъ высочайшее повелѣніе объ обращеніи почаевского монастыря въ православный, то Чаплинскій и другіе монахи объявили рѣшительно, что безъ подлиннаго высочайшаго указа, или безъ предписанія греко-унитской коллегіи, они не дадутъ подписки въ слушаніи ими объявленнаго Кирѣевымъ указа и монастыря не сдадутъ. Напрасны были всѣ убѣжденія со стороны командированныхъ лицъ; базилиане не слушали никакихъ убѣж-

деній; въ разныхъ мѣстахъ трапезы стали составляться толпы, начались жаркіе разговоры въ этихъ кружкахъ, наконецъ, поднялся шумъ; по всему видно было, что отказъ базилианъ подписаться въ слышаніи ими высочайшаго указа происходилъ вовсе не отъ незнанія порядка и формъ юридическихъ, какъ сначала подумали-было наши чиновники, но совершенно отъ другихъ причинъ. Дальнѣйшіе поступки базилианъ почаевскихъ вполне подтвердили это. Недовольствуясь сказанною непокорностію, они старались показать какъ-бы презрѣніе къ чиновникамъ, начали пить вино, иные даже до того, что совершенно опьянѣли, а другіе, величаясь своимъ нахальствомъ и дерзостію и расхаживая по трапезѣ, говорили разныя нелѣпости, напримѣръ, что въ поступкѣ такомъ правительства съ почаевскими базилианами они видятъ исполнскій шагъ его; что почаевскій монастырь есть гнѣздо уни, и уничтоженіе его несомнѣнно съ вѣротерпимостію; а иные спрашивали: неужели все кончено въ Европѣ, что съ ними такъ поступаютъ? Но дерзость эта скоро исчезла и смѣнилась самымъ мелкимъ малодушіемъ, когда они, оставивши чиновниковъ въ трапезѣ съ видомъ пренебреженія и вышедши въ корридоръ, увидѣли тамъ рядъ солдатъ, явившихся по данному имъ сигналу. Тогда началось со стороны базилианъ униженіе и просьбы къ чиновникамъ о позволеніи имъ размыслить о своихъ дѣлахъ до другого дня. Просьба ихъ была уважена; но довѣрять базилианамъ было бы большимъ неблагоразуміемъ; эти люди готовы были позволить себѣ не только безразсудство, дерзость, но и явное сопротивленіе, даже покуситься на расхищеніе монастырскаго достоянія; а потому Кирѣевъ съ Войцеховичемъ и другими лицами принялись печатывать, для обезпеченія цѣлости монастырскаго имущества, всѣ важнѣйшія мѣста въ монастырѣ, какъ-то: книгохранилище, бібліотеку, архивъ и проч., заперли церковь, и вездѣ во всѣхъ входахъ и выходахъ поставили караулъ. Чаплинскій, какъ болѣе зазорный изъ всѣхъ почаевскихъ базилианъ, не унимался и теперь бранился и кричалъ, что сорветъ печати; но за то прочіе совершенно смирились и до того измѣнились въ поведеніи, что цѣловали у командированныхъ чиновниковъ руки.

Но какъ всего болѣе должно было опасаться, чтобы возникшій въ монастырѣ беспорядокъ не возымѣлъ какого-либо вліянія на окрестныхъ жителей—крестьянъ монастырскихъ и другихъ къ уни принадлежащихъ; потому что предполагать было можно, что базилиане, усмирившіеся единственно при видѣ воинской команды, будутъ искать всѣхъ способовъ привлекать къ себѣ окрестныхъ жителей, если не для защиты, то по крайней мѣрѣ для возбужденія

сожалѣнія о нихъ, и потому весьма легко случиться могло, что бывъ допущены къ богослуженію, они начнутъ говорить народу рѣчи, прощальныя слова, сѣтовать предъ нимъ; то для предупрежденія этого чиновники наши съ общаго согласія съ архимандритомъ Флавіаномъ положили: не допускать базилианъ болѣе къ богослуженію и на другой день начать его православному духовенству, прибывшему съ архимандритомъ Флавіаномъ, которое отъ волынскаго архіерея снабжено было на всякій случай запасными антимирами. На другой день, это было 10-е октября 1831-го года, началась сдача монастыря исправлявшимъ у базилианъ должность намѣстника іеромонахомъ Вышатицеимъ нашему архимандриту Флавіану и прибывшему съ нимъ духовенству. Прежде всего конечно обзрѣны и сданы были церковь и ризница; а въ четыре часа пополудни этого же дня архимандритъ Флавіанъ съ прибывшими съ нимъ протоіереями, въ числѣ которыхъ находился временецкій протоіерей Григорій Рафальскій, будущій митрополитъ петербургскій Антоній — отслужилъ водосвятный молебенъ, окропилъ церковь святою водою, потомъ началась вечерня и такимъ образомъ положено было начало православному богослуженію. Октября 11-го числа, которое пришлось въ воскресенье, отправлена была первая православная литургія въ почаевской лаврѣ. Стеченіе народа при этой литургіи было довольно значительное, и многіе православные изъ окрестныхъ жителей изъявляли со слезами на глазахъ свою непритворную радость о возвращеніи монастыря къ православію. Между тѣмъ продолжался пріемъ монастыря православнымъ духовенствомъ. При этомъ замѣчено было, что дѣла монастырскія находились въ крайнемъ безпорядкѣ. Завѣдывавшіе церковными вещами и монастырскимъ имуществомъ не имѣли ни описей, ни реестровъ. Напрасно пріемщики подробно разсматривали бумаги, найденныя во множествѣ въ компатѣ настоятеля, и искали монастырскихъ документовъ въ архивѣ; они отыскиали только визиту или валовое описаніе монастыря, сдѣланное при обзрѣніи его въ 1824-мъ году. Можно подозрѣвать, что базилиане намѣренно скрыли монастырскіе документы, чтобы имѣть возможность утаить часть монастырскаго имущества. Октября 14-го числа, приняты другія монастырскія вещи и наличныя деньги, которыхъ количество простиралось до 10/т. руб. сер. ¹⁾). Базилиане, окруженные воинскою командою, присмирѣли и повидимому спокойно ожидали дальнѣйшихъ о себѣ распоряженій правительства, но въ то же

¹⁾ Въ канц. об.-прок. св. сия. докладъ 1831 года о передачѣ почаевского монастыря въ вѣдѣніе греко-россійскаго духовенства.

время не переставали вести тайныя интриги, скрывать монастырскія деньги посредствомъ монастырскихъ служителей, воровать вещи или уничтожать, даже успѣли часть наличныхъ монастырскихъ капиталовъ пожертвовать еще прежде приѣма монастыря православнымъ духовенствомъ въ пользу мятежника Дверницкаго¹⁾.

Все имущество почаевского монастыря, принятое православнымъ духовенствомъ, сверхъ церковной утвари и монастырскихъ принадлежностей, состояло въ слѣдующемъ: въ 327 фундушевыхъ душахъ крестьянъ мужескаго пола, въ 532 душахъ заставныхъ, въ наличномъ капиталѣ: 18 червонцахъ, 40 руб. асс., 12,508 руб. серебромъ и 73¹/₂ коп., 187 руб. 51 коп. мѣдною монетою, да въ разной иностранной серебряной монетѣ неизвѣстнаго курса, вѣсомъ 18 фунтовъ и 21 лотъ, въ капиталѣ подъ залогъ имѣній и обезпеченномъ недвижимостями, простиравшемся до 1.242.333 злотыхъ, 2,150 руб. сер., и еще 1,000 червонцевъ, потомъ въ векселяхъ и роспискахъ, въ которыхъ суммы было: 1.894.640 злотыхъ и 20 грошей, 7,430 р. 50 коп. сер., 2,265 руб. асс. и 252 червонца, и наконецъ въ капиталѣ, состоявшемъ въ закладныхъ вещахъ, которыхъ цѣнность простиралась до 459 руб. и 50 коп. сер. и 56 злотыхъ и 10 грошей. Всѣмъ принятымъ вещамъ и капиталамъ сдѣлана была вомандированною въ Почаевъ православною комиссіею опись. Но и по разъѣздѣ комиссіи продолжали случайно открывать разныя вещи и деньги, спрятанныя въ разныхъ мѣстахъ базилианами: такъ отыскивали значительное число церковной утвари, серебра въ слиткахъ и вещахъ, также нѣсколько жемчуга и алмазовъ, а у почаевского крестьянина Михайла Турченюка, бывшаго при базилианахъ привратникомъ, при обыскѣ дома его временецкимъ засѣдателемъ земскаго суда Солнцевымъ, найдено было денегъ 3,148 руб. сер., которыя, по собственному его признанію, отданы были ему базилианами во время отобранія отъ нихъ почаевского монастыря²⁾.

Въ послѣднихъ числахъ октября 1831 года почаевская лавра приняла совершенно видъ православнаго монастыря: базилиане всѣ почти изъ нея выѣхали, за исключеніемъ всендза Иннокентія Морозовскаго, оставленнаго тутъ волынскимъ архіереемъ Амвросіемъ, какъ знающаго живописное искусство, для исправленія разныхъ иконъ, и послушника Ѳерапонта Куликова, объявившаго желаніе присоединиться къ православію; волынской архіерей

¹⁾ Церковно-историческое и статистическое описаніе варшавской православной епархіи, протоіерея Азанація Лотоцкаго, стр. 194, примѣчаніе подъ буквою г.

²⁾ Въ канц. об.-прок. св. син. дѣло 1831 года № 114 о передачѣ почаевского монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

со всѣмъ своимъ штатомъ переселился въ Почаевъ ¹⁾. Изъ епархій кievской, черниговской и курской вызывались въ Почаевъ іеромонахи, іеродіаконы и вдовы священники и діаконы; въ числѣ ихъ нѣкоторые были съ академическимъ образованіемъ. Лавра устроилась на православный ладъ: ненужныя и напоминающія унию вещи выносились или принимали видъ православный, дѣлались новыя, которыхъ не было, но которыя были необходимы для православнаго богослуженія. Оказалось, что монастырскія строснія, въ числѣ ихъ церкви, доведены были отцами базиліанами до такого состоянія, что требовали радикальныхъ исправленій. Волинскій архіерей отнесся къ гражданскому губернатору о присылкѣ въ Почаевъ архитектора, какъ для построеній новыхъ зданій въ этомъ монастырѣ, такъ и для необходимыхъ и нетерпящихъ отлагательствъ починокъ. «Видѣ лавры, писалъ волинскій архіерей въ Синодъ, весьма мраченъ и неопрятенъ; стѣны зданій съ сѣверной и западной стороны совсѣмъ нештукатурены, мѣдная крыша на большой церкви отъ ржавчины весьма продырявилась, стропилы отъ дождей попортились, и своды церкви мокнутъ, а на прочихъ лаврскихъ зданіяхъ деревянные крыши значительно обветшали, и вообще лавра требуетъ большихъ починокъ и поправокъ, такъ какъ базиліане съ 1822-го года, не надѣясь удержать за собою почаевскую обитель, по принадлежности оной издревле православнымъ, нимало объ исправленіи ея не заботились, къ исправленію чего по зданіямъ лавры необходимо нужны архитектурскія соображенія и смѣты; преимущественно же и неотложно предлежитъ заняться укрѣпленіемъ лаврской великой соборной церкви, къ чему непремѣнно нуженъ глазъ весьма опытнаго архитектора, потому что сію великую церковь окружаетъ весьма обширная галлерей или площадка, выстланная каменными большими плитами, дождевая вода проходитъ сквозъ сію площадку по причинѣ неплотнаго лежанія камней между собою и по причинѣ неплотнаго придѣланія нижней мѣдной крыши надъ пещерскою церковію къ каменной стѣнѣ, и течетъ на своды и стѣны нижней галлерей и нижней пещерской церкви; отъ сего сводъ и особенно стѣны въ нижней галлерей и въ самой пещерской церкви промокли, позеленѣли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ треснули и повидимому грозятъ великою опасностію для самой великой церкви, тѣмъ вѣрнѣе, что вся эта пещерская церковь съ галлереею есть не что иное, какъ великій контрафорсъ, поддерживающій великую церковь, и что западная часть сей церкви

¹⁾ Такъ же, рапортъ Амвросія синоду и отношеніе Левашова къ оберъ-прокурору синода Мецкерскому.

есть та, въ которой находятся три входа въ церковь и надъ которою устроены 2 башни и фронтонъ, а также передніе внутри церкви столбы, и она основана не на каменной горѣ, какъ прочія части церкви, а при косогорѣ надстроенныхъ нарочно для сего частию каменныхъ, а большею частию кирпичныхъ стѣнахъ, столбахъ и аркахъ, примыкающихъ къ вышеписанной поврежденной стѣнѣ нижней пещерской церкви, составляющей, какъ выше сказано, контрафорсъ для великой церкви. Итакъ, если отъ конечнаго поврежденія обрушится сей контрафорсъ, то, по моему заключенію, необходимо должна обрушиться и самая великая церковь, чего тѣмъ болѣе можно ожидать, что подъ всею великою церковію весьма близко къ ея основанію находятся огромныя пещеры и подвалы, и что камень, изъ котораго составляется почаяевская гора, не есть какой-либо гранитъ, а известнякъ, мѣстами довольно рыхлый и проложенный слоями песку. Однажды при базилианахъ, въ недавнее время, во время ихъ трапезъ, внутри горы слышанъ былъ, какъ увѣряютъ, ударъ, подобный пушечному выстрѣлу, значить, тамъ что-нибудь уже треснуло отъ тяжести зданій, и по сей-то вѣроятно причинѣ имѣется уже на великой церкви съ восточной и западной стороны, вблизи упомянутыхъ башенъ, во всю вышину церкви большая трещина, показывающая, что сія церкви часть, надстроенная надъ упомянутыми пещерами, какъ будто начала отдѣляться отъ прочаго корпуса церкви. Теперь если на той же небольшой площадкѣ почаяевской горы, наполненной пещерами и состоящей изъ известкового камня, настроятъ новыхъ огромныхъ зданій, то наддежитъ опасаться, чтобы вся эта масса строеній не рухнула въ пещеры, находящіяся въ горѣ и тѣмъ, кромѣ великаго вреда, не причинила великаго стыда православной греко-россійской церкви отъ иновѣрцевъ, толико въ нынѣшнее время на насъ озлобленныхъ¹⁾.

Между тѣмъ, какъ почаяевскій монастырь устроился на православный ладъ, базилиане и вся польско-католическая партія строила разныя козни и придумывала разныя средства, чтобы нанести вредъ дѣлу православія въ почаяевской лаврѣ. Главною цѣлію всѣхъ этихъ козней было похитить чудотворный образъ почаяевской Божіей Матери, а потомъ распустилъ слухъ, что Божія Матерь ушла отъ схизматиковъ русскихъ и перешла къ базилианамъ. Результаты отъ исполненія такого замысла были бы въ высшей степени гибельны для дѣла православія: тогда бы

¹⁾ Въ вышеприведен. дѣлѣ подъ № 114, рапортъ синоду волынскаго архіерея Янакоктія.

уніаты и католики не только нашли для себя новое побужденіе оставаться въ своей вѣрѣ, но и новое средство и силу колебать и совращать православныхъ. Для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ базиліане напрягали всѣ свои силы и прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ. Къ несчастію, мы и теперь, какъ и всегда, были такъ недалъновидны и простодушны, что своею оплошностію помогали врагамъ нашимъ питать замыслы противъ насъ и поддерживали въ нихъ надежду на возможность осуществленія этихъ замысловъ. Притворное спокойствіе базиліанъ въ послѣдующее послѣ занятія православнымъ духовенствомъ почаевской лавры время, принято было нами по простотѣ нашей за признакъ истиннаго мира и безусловной ихъ покорности своей судьбѣ; а потому мы спали караулъ, стоявшій въ Почаевѣ во время пріема лавры. Между тѣмъ подъ видомъ наружнаго спокойствія строились планы и разныя злоухищренія противъ православія. Къ счастью еще нашему, что волинскій епископъ Иннокентій умѣлъ своимъ благоразуміемъ предупредить опасность и спасти дѣло православія въ Почаевѣ: во время онъ успѣлъ выпросить у волинскаго военного губернатора военную стражу и принялъ всѣ мѣры предосторожности.

Чтобы лучше ознакомиться со всѣми замыслами базиліанъ и католиковъ противъ православной почаевской лавры, мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ рапорта волинскаго архіерея Иннокентія св. синоду. «Въ короткое время моего пребыванія въ Почаевѣ, писалъ Иннокентій, узналъ я: а) что базиліане, по удаленіи ихъ изъ почаевской обители, разновременно пріѣзжали въ Почаевъ скрытнымъ образомъ; б) что поѣзды сіи они стали дѣлать чаще и скрытнѣе съ того времени, какъ растаялъ снѣгъ и начала оттаивать земля; в) что цѣль ихъ подѣздовъ, какъ многіе отзываются и завѣрное судить можно, есть та, чтобы выхватить и увезти извѣстное имъ припрятанное въ Почаевѣ монастырское имущество, о сокрытіи ими каковаго многіе слышны поговоры, или привести въ исполненіе какое-либо и злостное свое, за лишеніе ихъ сей обители, преднамѣреніе, а иначе поджогомъ монастырскихъ зданій, тѣмъ болѣе, что не имѣется каменной, да съ трехъ сторонъ и никакой около обители, ограды, и что на всѣхъ монастырскихъ зданіяхъ, кромѣ церкви, крыши гонтовыя. Хотя караулъ ночной около обители и ея зданій и содержится нынѣ изъ принадлежащихъ оной крестьянъ; но поелюку 1) тѣ крестьяне, будучи отъ дѣтства въ разныхъ услугахъ при обители и при самыхъ базиліанахъ лично, чрезвычайно имъ, базиліанамъ, преданы, и весьма многіе изъ нихъ, при всякомъ базиліанскомъ подѣздѣ и явѣ, имѣютъ съ ними

весьма радушное обращеніе и какія-то скрытныя сношенія и перешептыванія; 2) базилиане, дабы еще болѣе утвердить сію приверженность къ себѣ здѣшнихъ жителей, и сами, и посредствомъ сосѣдствующихъ съ Почаевымъ кременецкихъ базилианъ, заманиваютъ ихъ всѣми обстоятельными мѣрами въ городъ Кременецъ, гдѣ въ тамошнемъ базилианскомъ монастырѣ преподають имъ христіанскія требы, особенно слушаютъ исповѣди, и для удержанія въ уніи простаго народа совершаютъ съ нарочитою торжественностію по римскому обряду богослуженія, увѣряя всѣхъ и каждаго, что почаевская обитель будетъ опять имъ возвращена; 3) здѣшняго края поклонники издревле имѣють обыкновение собираться въ Почаевъ только по праздничнымъ днямъ и въ сіи только дни исповѣдываться и приобщаться, и по совершеніи сего, тотчасъ обратно отправляться; за такимъ же скорымъ поклонниковъ отбытіемъ, напоследокъ остаются здѣсь въ немаломъ числѣ злоумышленные бродяги, являющіеся въ Почаевъ не для поклоненія, а для поживы, отъ чего всякаго лѣта при стеченіяхъ народныхъ въ обители частыя бывали воровства; 4) во время бывшаго въ семъ краѣ мятежа, при удаленіи въ прошломъ 1831-мъ г. бывшихъ въ Почаевѣ и околотахъ онаго польскихъ мятежническихъ войскъ за границу въ Австрію, ушли съ ними туда и нѣкоторые почаевскіе базилиане и бывшіе въ услуженіи при нихъ и при монастырѣ, да кромѣ того и бродяги, подъ видомъ испрашиванія милостыни отъ базилианъ питавшіеся, кои всѣ по состоянію австрійскаго владѣнія отъ почаевской обители въ разстояніи только нѣсколькихъ верстъ, изъ нерасположенности къ православію и по подстреканію базилианъ за обращеніе почаевской обители отъ уніи къ православію, могутъ въ немаломъ числѣ ночью набѣжать и съ помянутыми, по отходѣ поклонниковъ остающимися, бродягами и злоумышленниками нанести большое и неожиданное зло какъ для обители, такъ и для помѣщающихся нынѣ въ оной и въ Почаевѣ православныхъ, совершенно безоружныхъ; 5) бывшій у меня въ Почаевѣ 21-го сего апрѣля начальникъ пограничнаго таможеннаго округа г. Шемле, при личномъ моемъ съ нимъ секретномъ совѣщаніи, призналъ по обстоятельствамъ времени необходимою для охраненія почаевской обители военную силу; 6) вчера вновь дошло до меня свѣдѣніе, что между Радзивиловымъ и Почаевымъ замѣчены шайки вооруженныхъ бродягъ, и я полагаю, что цѣлю сихъ бродящихъ около Почаева есть безъ сомнѣнія разграбленіе самой почаевской лавры; и наконецъ 7) сего числа отъ начальника здѣшняго пограничнаго поста стало мнѣ извѣстно, что прошедшей ночью съ восточной и запад-

ной сторонѣ Почаева въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ лѣсу слышны были сильнѣйшіе обыкновенныхъ ружейные выстрѣлы: то по всѣмъ вышеозначеннымъ уваженіямъ нашелъ необходимымъ, дабы хотя на нѣкоторое время расположенъ былъ въ самомъ Почаевѣ и въ окрестностяхъ онаго по крайней мѣрѣ одинъ баталіонъ войскъ съ частію артиллеріи и отрядомъ кавалеріи, отнесъ я сего числа всѣ сіи обстоятельства на благоуваженіе г. волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора, кievскаго военнаго губернатора и кавалера Василя Васильевича Левашова, съ прошеніемъ, неукоснительно оградить св. обитель почаевскую отъ всякихъ покушеній злонамѣренныхъ людей или приведеніемъ въ исполненіе вышеизложеннаго предположенія моего, или другими по усмотрѣнію его дѣйствительными мѣрами» ¹⁾.

Когда замыселъ базиліанъ похитить почаевскую икону, или сдѣлать поджогъ, парализованъ былъ присылкою главнокомандующимъ графомъ Сакеномъ конной команды изъ войскъ 5-й уланской дивизіи, также одной роты пѣхотнаго полка, то базиліане начали отвлекать богомольцевъ отъ Почаева то обманомъ и хитростями, то явнымъ насиліемъ. Такъ, преосвященный волынскій, вслѣдъ за вышеприведеннымъ нами рапортомъ синоду доносилъ, что католики и особенно базиліане, озлобленные на насъ за отнятіе у нихъ почаевской обители, и даже жида, оставляли на дорогѣ богомольцевъ и не совѣтовали имъ ходить въ Почаевъ на богомолье, говоря, что Божія Матерь почаевская ушла, или уже скоро уйдетъ въ Галицію къ унитамъ ²⁾. «Въ день сошествія Св. Духа, въ который собирается въ лавру значительное число поклонниковъ, продолжаетъ преосвященный волынскій, я поручилъ засѣдателью земскаго суда поручику Солнцеву узнать тогда отъ самыхъ богомольцевъ, справедливы ли упомянутые дошедшіе до меня слухи. Засѣдатель представилъ мнѣ, что многіе изъ богомольцевъ, жалуясь, рассказывали, что поляки въ разныхъ мѣстахъ по пути задерживали ихъ, то страдая, то убѣждая не ходить болѣе на поклоненіе въ почаевскую лавру, а возвратиться назадъ, сими и подобными словами: зачѣмъ теперь туда вамъ идти? Почаевская обитель лишилась уже прежняго своего благолѣпія и святости; чудотворной иконы Божіей Матери нѣтъ уже въ ней; она перешла за границу, въ Австрію, къ угодникамъ своимъ базиліанамъ, не полюбивъ мо-

¹⁾ Вышеприведенное дѣло подъ № 114-мъ, рапортъ волынскаго архіерея Иннокентія св. синоду.

²⁾ Тамъ же, отношеніе волынскаго преосвященнаго генералъ-губернатору Левашову.

наховъ русскихъ; возвратитесь домой; совсѣмъ уже бесполезно вамъ ходить туда ¹⁾). При чемъ засѣдатель Солнцевъ представилъ мнѣ взятые имъ по сему случаю отъ 15-ти лицъ показанія на бумагахъ». Наконецъ, даже стали задерживать нѣкоторыхъ подозрительныхъ лицъ изъ римскаго духовенства, которые бродили въ окрестностяхъ Почаева и даже тайно вторгались въ самый Почаевъ. Такъ, помянутый нами кременецкаго суда засѣдатель Солнцевъ доставилъ волынскому архіерею Иннокентію двѣ ставленныя грамоты на латинскомъ языкѣ за № 322 и 968 на иподіаконство и діаконство нѣкому монаху Рыбицкому, также паспортъ на русскомъ языкѣ за № 1,479-мъ, за собственноручнымъ подписомъ и печатью луцкаго римско-католическаго епископа Пивницкаго, выданный двумъ бернардинскаго ордена монахамъ, съ извѣщеніемъ притомъ, что бумаги эти 2-го числа сего октября 1832-го года найдены почаевскимъ крестьяниномъ Дембицкимъ возлѣ дороги, идущей въ гор. Кременецъ изъ Почаева, на двухъ-верстномъ отъ онаго разстояніи, подъ деревомъ неподалеку отъ корчмы; и что означенныя бумаги забыты въ лѣсу латинскими монахами, шатающимися, вѣроятно, въ партикулярномъ платьѣ ²⁾). Пр. Иннокентій дополняетъ донесеніе Солнцева подробностями, которыя представляютъ много интереса. «Послѣднее обстоятельство касательно партикулярнаго платья совершенно справедливо должно быть, пишетъ онъ, ибо въ монашескомъ ихъ платьѣ ни въ 1-е ни во 2-е число октября не замѣчено было въ Почаевѣ ни одного человѣка тѣми людьми, коимъ приказано мною замѣчать подобныхъ посѣтителей, для принятія нужныхъ предосторожностей противу ихъ козней. Притомъ, а) въ упомянутомъ паспортѣ предписывается сказаннымъ двумъ клирикамъ изъ чудновскаго монастыря на жительство слѣдовать прямымъ путемъ въ Луцкъ; но изъ мѣстечка Чуднова въ Луцкъ не чрезъ Почаевъ имъ слѣдовать надлежало, но совсѣмъ инымъ путемъ, около 60 по крайней мѣрѣ верстъ отъ Почаева отстоящимъ; б) въ паспортѣ написано: «со срокомъ», а срока между тѣмъ никакого не выставлено, безъ сомнѣнія для того, чтобы они могли долѣе шататься; в) въ паспортѣ сказано: «т.-е. въ Луцкъ», а между тѣмъ клирики сіи явились въ Кременецкомъ уѣздѣ близъ Почаева; г) паспортъ высланъ имъ въ Чудновъ 29-го іюля, и они, судя по разстоянію, могли изъ Чуднова пріѣхать въ Луцкъ самою медленною ѣздою не болѣе, какъ въ три недѣли; а они шатались съ симъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Въ канц. об.-прок. св. свн., рапортъ волынскаго архіерея сыпоу.

паспортомъ слишкомъ два мѣсяца е) означенный паспортъ, проѣзжая города, они обязаны были предъявлять въ полиціяхъ; но таковыхъ предъявленій полиціями не надписано на оборотѣ онаго, какъ обыкновенно водится. По всѣмъ вышеписаннымъ обстоятельствамъ со всею справедливостію заключить слѣдуетъ, что означенные монахи подосланы были начальствомъ своимъ именно къ празднику Покрова въ Почаевъ для того единственно, чтобы между простымъ, стекавшимся тогда для богомолія, народомъ посягать зловредныя сѣмена ученія папской церкви и прельщать оный злокозненными обаяніями; и сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что, какъ изъ рассказовъ богомольцевъ извѣстно, вообще католики при переходѣ чрезъ разные селенія поклонниковъ въ почаевскую лавру всячески стараются смущать ихъ совѣсть и приводить духъ ихъ въ уныніе нелѣпными разглашеніями: «что квартирующие въ Почаевѣ солдаты приходящихъ изъ далекихъ сторонъ богомольцевъ сажаютъ въ тюрьмы, бьютъ ихъ немилосердно и, продержавъ нѣсколько дней въ тюремномъ заключеніи, наконецъ изгоняютъ ихъ изъ Почаева, не дозволивъ имъ даже побывать въ церкви» ¹⁾).

Но въ приведенномъ случаѣ только найдены были паспорта лицъ, бродившихъ около Почаева, но сами они не были пойманы,—скоро и за этимъ дѣло не стало: отъ 21-го іюня 1832-го года, преосвященный волыняскій Иннокентій доносилъ синоду, что засѣдатель кременецкаго земскаго суда, поручикъ Солнцевъ, увѣдомилъ духовный соборъ почаевской лавры, что 9-го числа апрѣля прибылъ изъ Галиціи въ Почаевъ, пробравшись тайно лѣсомъ чрезъ границу, нѣкто, польскимъ шляхтичемъ себя называющій, изъ числа мятежниковъ, ушедшихъ въ Австрію съ бунтовщичскимъ генераломъ Дверницкимъ, который шляхтичъ взять въ Почаевѣ и отправленъ подъ карауломъ въ кременецкій земскій судъ. По моему мнѣнію, продолжаетъ преосвященный Иннокентій, это долженъ быть шпіонъ отъ польскаго клуба, существующаго въ Галиціи, хотя земскій кременецкій исправникъ, полякъ и другъ базиліанъ, старался лично предъ мною защищать его, говоря, что онъ глупый молодой человѣкъ, и заблудился между границею и Почаевымъ. Только странно заблудиться урожденцу здѣшнихъ мѣстъ, лѣтъ 18-ти отъ роу, на 7-ми верстахъ отъ границы, тогда какъ и не здѣшніе урож-

¹⁾ Въ канц. об.-прок. св. синод., дѣло 1832-го года № 43 о назначеніи для почаевской лавры караула, здѣсь же и о передачѣ кременецкаго базиліанскаго монастыря.

денцы знаютъ прямую трактовую чрезъ Радзивилловъ дорогу» ¹⁾. Чтобы лучше замаскировать свои замыслы, польская партія старалась представить нашему правительству всё свои злоухищренія противъ почаетевской лавры и вообще противъ русскаго правительства преувеличенными, пустыми, вымышленными излишнимъ страхомъ и робостію.

Земская полиція края, по преимуществу состоявшая изъ поляковъ, всегда являлась тутъ пособницей польской партіи и старалась усыплять и обманывать бдительность высшаго русскаго правительства. Такъ, когда формальное слѣдствіе, произведенное чиновникомъ особыхъ порученій при Левашовѣ Чулковымъ и кременецкимъ засѣдателемъ Солнцевымъ, показало, что въ продолженіи одного мѣсяца апрѣля многіе изъ базилианъ пріѣзжали въ Почаевъ тайно, безъ письменныхъ видовъ, останавливались всякій разъ у лаврскаго крестьянина Стефана Цекуцкаго, живущаго на сѣверной сторонѣ лавры, за горою, въ густомъ лѣсу, и что чаще всѣхъ пріѣзжалъ и останавливался какъ у упомянутаго крестьянина, такъ и у живущаго близъ Почаева помѣщика Ледуховскаго, находящагося на замѣчаніи у правительства по дѣламъ мятежническимъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, ушедшимъ за границу съ генераломъ Дверпинскимъ, бывший почаетевскаго монастыря экономъ іеромонахъ Павлинъ Дзилинскій; то кременецкій земскій исправникъ Бульковскій, полякъ и другъ базилианъ, рапортовалъ Левашову, что базилиане никогда не являлись въ окрестностяхъ Почаева, и что преосвященный Иннокентій принялъ за опасныхъ бродягъ казенныхъ учениковъ кременецкаго училища, ходившихъ по полямъ для землемѣрческой практики съ геометрическими инструментами, а что выстрѣлы, о которыхъ слышно было въ Почаевѣ и о которыхъ доносилъ Иннокентій синоду и Левашову, произведены были почаетевскимъ крестьяниномъ при прощаніи его съ лакеемъ бывшаго волынскаго архіерея Амвросія ²⁾. И замѣчательно простодушіе русскаго человѣка: Левашовъ повѣрилъ розказнямъ поляка-исправника, и, обманутый самъ, обманулъ и государя, и только послѣдующія событія разувѣрили его въ правдивости доносовъ поляка-исправника, и онъ отрѣшилъ его отъ должности. Эти послѣдующія событія были слѣдующія: а) 31-го мая 1832-го года задержанъ былъ засѣдателемъ Метельскимъ одинъ подозрительный человѣкъ, сначала назвавшій себя казеннымъ денщикомъ Иваномъ Степановымъ Зайцевымъ и предъявившій под-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Вышеприведенное дѣло о назначеніи для почаетевской лавры каравана.

ложный билетъ, а потомъ, когда учиненъ имъ былъ побѣгъ и онъ тотчасъ былъ пойманъ засѣдателемъ, показавшій себя заграничнымъ выходцемъ изъ гор. Львова, прибывшимъ въ Почаевъ тайно для избѣжанія отъ рекрутства, а послѣ назвавшійся венгерцемъ, прибывшимъ въ Россію назадъ тому три года съ другими двумя венгерцами, отставшими отъ него въ мѣстечкѣ Ямполь. Изъ показаній этого авантюриста открылось, что онъ проживалъ близъ Почаева, у какого-то римскаго всендза, а товарищъ его находится вблизи мѣстечка Почаева, и онъ видится съ нимъ ежедневно за кладбищенскою церковью. Бродяги эти были шпионы, подосланные отъ заграничныхъ мятежниковъ или для узнанія времени, когда имъ удобнѣе будетъ напасть на лавру, или для зажигательства, такъ какъ въ то время въ Кременцѣ и Дубнѣ весьма часто случались пожары ¹⁾; б) само австрійское правительство дало знать нашему мѣстному начальству, что мятежники, бродившіе по Галиціи, намѣрены были на другой день праздника Свѣтлаго Воскресенія напасть на почаевскую лавру, но не успѣли сдѣлать этого потому, что получили извѣстіе о приходѣ въ Почаевъ новаго военного караула. Не оставляя однакоже своего злобнаго намѣренія и собравшись въ 20-ти верстахъ отъ лавры, они въ числѣ 40 человекъ, на коняхъ и во всемъ вооруженіи, предположили сдѣлать нападеніе на лавру 1-го мая. Шайка эта была захвачена австрійскимъ правительствомъ и отправлена въ Лембергъ ²⁾).

Когда полиція прекратила скрытные подъѣзды базилианъ, тогда они начали являться въ Почаевъ уже не тайно, а явно, съ письменными видами отъ своихъ настоятелей, но не отъ гражданскаго правительства, и притомъ подъ самыми пустыми и ложными предлогами. Такъ, одинъ изъ базилианъ пріѣзжалъ въ Почаевъ будто бы для переплета книгъ; паспортъ этому выданъ былъ на 4 мѣсяца въ разные уѣзды. Другой изъ Луцка пріѣхалъ въ Почаевъ будто бы для отысканія письменныхъ тетрадей своего брата, бывшаго почаевского іеромонаха проповѣдника. Наконецъ, когда и такихъ посѣтителей стали высылать изъ Почаева, то паписты начали пріѣзжать сюда съ паспортами отъ своихъ епископовъ, не въ монашескомъ, а свѣтскомъ платьѣ. Кромѣ того, изъ кременецкаго базилианскаго монастыря являлся съ указомъ греко-унитской консисторіи въ Почаевъ базилианинъ Каменскій, будто бы для переписи принадлежащихъ монастырю почаевскому крестьянъ унитскаго исповѣданія, а въ самомъ же

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

дѣлѣ для совращенія принявшихъ въ довольномъ количествѣ православіе почаевскихъ жителей и для укрѣпленія въ униі тѣхъ изъ нихъ, которые еще не приняли православія ¹⁾).

Нельзя при этомъ не упомянуть объ одной продѣлкѣ базилианъ: преосвященный волынской Иннокентій завелъ въ почаевской лаврѣ въ большіе богородичные праздники колокольный звонъ предъ обѣдней, называемый въ Россіи перезвономъ. Этотъ неслыханный въ тамошнемъ краю звонъ такъ понравился проходящему въ Почаевъ на богомолье народу, что онъ съ восторгомъ любовался имъ, и собирався возлѣ колоколни для ближайшаго слушанія его. Узнавши объ этомъ, базилиане постарались скрытнымъ образомъ повредить и сдѣлать негоднымъ къ употребленію самый большой въ 2,000 пудовъ колоколъ, какъ показали слѣдующія обстоятельства: а) колоколъ въ составѣ своемъ былъ весьма тодстъ и крѣпокъ, такъ что отъ обыкновеннаго звона не могъ расшибиться; б) онъ былъ разбитъ не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно языкомъ ударяють и въ коихъ обыкновенно повреждаются колокола, но въ другомъ совершенно мѣстѣ—въ боку, куда колокольный языкъ во время произведенія звона касаться не можетъ; в) звонарями были и жили въ самой колокольной бывшіе при базилианахъ монастырскіе служители-униты, находившіеся въ тайныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ изгнанными изъ Почаева базилианами, а преимущественно съ кременецкими базилианами, которые вывѣдывали отъ нихъ о состояніи почаевского монастыря и не обинуясь спрашивали ихъ: «въ Почаевѣ еще уланы? караулятъ ли они ночью церковь, и скоро ли выйдутъ?» ²⁾).

Военно-судная коммиссія, учрежденная въ Житомирѣ надъ мятежниками, открыла во всей полнотѣ замыслы базилианъ и папистовъ по отношенію къ почаевскому монастырю и узнала истинное значеніе всѣхъ ихъ бродяжествъ около Почаева. Между прочими дѣлами ихъ путешествій около Почаева и въ самомъ Почаевѣ было отыскать и забрать сокровища монастырскія, спрятанныя ими въ самомъ Почаевѣ и окрестностяхъ его во время обращенія почаевского монастыря въ православный. Житомирская военно-судная коммиссія открыла, что базилиане успѣли большую часть монастырскихъ сокровищъ похитить изъ Почаева, или скрыть ихъ отъ православныхъ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько времени по удаленіи базилианъ изъ Почаева,

¹⁾ Вышеприведен. дѣло подъ № 114 о передачѣ почаевского базилианскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

²⁾ Тамъ же.

нашли наши монахи въ шести скрытныхъ мѣстахъ разные сокровища. Мѣста эти были: темный чуланчикъ надъ лаврскою библіотекою, столбъ подъ чудотворною иконою Божіей Матери, подполье въ монастырскомъ погребѣ, тайное отверстіе въ настоятельской комнатѣ подъ поломъ, также въ кладовой монастырскаго зданія. Найденныя вещи заключались въ брилліантахъ, церковной утвари и деньгахъ. Но большее число почаевскихъ сокровищъ было похищено базилианами, какъ открыла коммиссія и показали нѣкоторые лица официальнымъ образомъ. Такъ, лицій протоіерей Корнаковскій отъ 26-го іюля 1832 г. донесъ волынской консисторіи, что бѣлостовскаго базилианскаго монастыря суперіоръ, іеромонахъ Андрей Александровичъ, при свидѣтеляхъ, въ его рапортѣ поименованныхъ, сознался, что изъ погреба почаевской лавры учинена почаевскими монастырскими служителями покража сокрытаго подъ поломъ сундука съ золотыми привѣсками и брилліантами, а также чего-то изъ стѣны, и что всѣ эти вещи увезены за границу. Другой случай: евреемъ Лейбою Орумовичемъ Глузманомъ съ крестьяниномъ Иваномъ Кондратьевымъ найденъ близъ деревни Ерши, въ лѣсу, въ вучѣ муравейника, мѣшокъ серебряныхъ рублей, мѣрою до 4-хъ гарнцевъ, брошенный по всей вѣроятности базилианами, какъ показали разные свидѣтели. Наконецъ, показанія монастырскихъ служителей почаевской лавры, взятыхъ засѣдателемъ Солнцевымъ, ясно свидѣтельствуютъ, что въ первую ночь по прибытіи чиновниковъ для приѣма почаевскаго монастыря увезены базилианами изъ монастырскаго погреба сундукъ и двѣ коробки съ какими-то вещами, также серебряный сервизъ, заложанный въ 1829 г. у почаевскихъ базилианъ за 6,000 руб. сер. помѣщицею Берегцею. Чтобы лучше скрыть слѣды своихъ хищеній, базилиане во время приѣма почаевскаго монастыря православнымъ духовенствомъ старались скрывать приходорасходныя книги и разные официальные документы, могшіе изобличить ихъ въ воровствѣ.

Въ 1833-мъ году представлена была военно-судной житомирской коммиссіи приходорасходная книга почаевскаго монастыря съ 1789-го по 1826-й годъ, найденная внутреннимъ экономомъ почаевской лавры іеродіакономъ Израилемъ въ мелкомъ щепнѣ, при осмотрѣ трубъ на чердакѣ. Эта книга, сличенная съ другими такого же рода, свидѣтельствовала, что базилиане каждую статью доходовъ дѣлили на-двое, и одну часть записывали въ прошнурованныя книги, по которымъ отдавали отчетъ своему начальству; а другую часть записывали въ книгу, найденную въ щепнѣ, и какъ эту книгу, такъ и суммы, вписанныя

въ нее, называли «приватными»; а потому не только при сдачѣ въ 1831-мъ г. почаевской обители въ вѣдѣніе православнаго духовенства все это сокрыли, но и предъ своимъ начальствомъ, какъ видно было изъ подписей провинціаловъ, все это утаивали. Когда военно-судная коммиссія стала допрашивать казначея почаевского базилианскаго монастыря Теофота Постанкевича о найденной приходорасходной книгѣ, то онъ объявилъ, что въ 1822-мъ году, по избраніи его бывшимъ базилианскимъ провинціаломъ Демковичемъ въ казначеи почаевского монастыря, и по выполненіи имъ присяги о цѣлостномъ храненіи всѣхъ монастырскихъ капиталовъ, поступила къ нему тогда же и книга съ надписью на первомъ листѣ подъ политурой: «приватная книга для записки приходовъ», и значущіеся по оной наличная запасная сумма и векселя. Сія запасная сумма составила въ продолженіи 60-ти, или болѣе, или менѣе лѣтъ, Постанкевичъ опредѣлительно не помнить, но только по волѣ провинціаловъ русской провинціи, и была тайною, извѣстною только провинціалу, какъ главѣ провинціи, казначею, обязанному строго сохранять сію сумму и тайну, и частію настоятелю монастыря, жившимъ въ бывшемъ почаевскомъ монастырѣ; составила же она изъ отдѣленія части отъ бывшихъ значительнѣйшихъ монастырскихъ доходовъ до 1828 года и изъ отдаваемыхъ монастырю нѣкоторыми монахами и свѣтскими людьми предъ смертію собственныхъ ихъ денегъ на вѣчное поминовеніе. Изъ этой же суммы часть давалась частнымъ лицамъ за проценты, которые, по полученіи, присоединялись къ запасному капиталу. Такимъ образомъ, со времени заведенія сей запасной суммы до 1829-го года составилъ капиталъ въ векселяхъ и наличности до 600,000 злотыхъ, за исключеніемъ дѣланыхъ изъ сего, по приказанію провинціаловъ, расходовъ, соотвѣтственно цѣли заведенія сей монастырской суммы, какъ-то: на сооруженіе монастырскихъ зданій послѣ пожаровъ, гораздо великолѣпнѣйшихъ; на многоцѣнные украшенія церкви, на прокормленіе братіи, прислужниковъ, госпиталя и монастырскихъ крестьянъ около 900 душъ, во время бывшихъ неурожаевъ; на вспомошествованіе недостаточнымъ базилианскимъ монастырямъ, и другія непредвидимыя издержки. Того же 1829-го года въ октябрѣ или въ ноябрѣ мѣсяцѣ провинціалъ Бѣлинкевичъ, сказавши Постанкевичу, что съ сего времени провинціаловъ не будетъ въ базилианскомъ орденѣ, а монастыри будутъ состоять подъ начальствомъ епископовъ и консисторій, приказалъ принести къ нему вышеупомянутую приватную книгу, по оной наличную сумму и векселя, объявивъ притомъ, что онъ составитъ консульту и сдѣлаетъ распоряженіе о всемъ

запасномъ монастырскомъ капиталѣ, составленномъ попеченіемъ и властію провинціаловъ. Во исполненіе сего Постанкевичъ тогда же припесъ ему, Бѣлинкевичу, означенную книгу, при реестрѣ векселя, расходъ денегъ на особомъ листѣ и наличныя деньги: золотомъ до 1,600 червонцевъ въ трехъ мѣшечкахъ, серебромъ до 9,000 руб. въ 6-ти или 7-ми мѣшечкахъ, ассигнаціями до 60,000 руб. а остальные въ векселяхъ, подѣ которые, сколько помнитъ Постанкевичъ, заимствовали: графиня Цецилія Ожаровская 60,000 злотыхъ, помѣщикъ Петрушевскій 20,000 злотыхъ, помѣщикъ Денисю 6,000 злотыхъ, помѣщица Варвара Чацкая 10,000 злотыхъ и помѣщикъ Вилежинскій 6,666 злотыхъ и 12 денежекъ. Съ этого времени частная книга, запасная сумма и векселя остались у провинціала Бѣлинкевича, по смерти котораго, случившейся неожиданно 20 августа 1830 года, Постанкевичъ, придя въ то же время въ келію покойнаго, спросилъ іеромонаха Стахурскаго, бывшаго домашнимъ секретаремъ провинціала, какъ близкаго къ нему и пользовавшагося его довѣренностію, не повѣрялъ ли ему покойный провинціалъ вышеизъясненной частной книги и при ней векселей и наличныхъ денегъ? Но получа отрицательный отвѣтъ, вмѣстѣ съ Стахурскимъ секретно обыскали келію провинціала и сундуки его, но въ нихъ не отыскали ни книги, ни векселей и наличныхъ денегъ; послѣ того тѣ комнаты были замкнуты и запечатаны печатью іеромонаха Стахурскаго и земскаго застѣдателя Горскаго. Во время смерти провинціала, архимандритъ почаевскаго монастыря Свѣтскій былъ въ городѣ Овручѣ для устроенія имѣній тамошней архимандріи; но по прибытіи его оттуда черезъ 4 или 5 недѣль въ Почаевъ, Постанкевичъ объявилъ и ему, и по сдѣланіи вновь розысканія, также ничего не нашли ¹⁾.

Конечно, въ этомъ показаніи Постанкевича нѣтъ и капли правды, и военно-судная коммиссія имѣла все основаніе заподозрить его и еще другого почаевскаго іеромонаха, Гervasія Галинскаго, въ сокрытіи частной книги въ щель и похищенія суммы, значущейся въ этой книгѣ. Книга эта найдена по указанію крестьянина Погорелецкаго, служившаго долго въ почаевскомъ монастырѣ и бывшаго смотрителемъ разныхъ монастырскихъ построекъ. Бывши въ Кременецѣ, крестьянинъ Погорелецкій зашелъ въ востелъ кременецкихъ базиліанъ и здѣсь нечаянно встрѣтился съ всендзомъ Гervasіемъ Галинскимъ, который спросилъ его: «что слышно въ Почаевѣ?» и между про-

¹⁾ Дѣло о передачѣ почаевскаго базиліанскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

чимъ сказалъ Погорелецкому, что онъ, Галинскій, подъ крышею надъ монастырскими кельями, въ щель спряталъ опечатанную имъ книгу, которую просилъ Погорелецкаго взять и къ нему доставить въ Кременецъ; для удобнѣйшаго отысканія этой книги объявилъ слѣдующія примѣты: взойдя на гору, надъ тѣми кельями, гдѣ типографія, есть каменная стѣна, посрединѣ которой ежели стать и смотрѣть, то въ одной изъ близлежащихъ балокъ видна отъ выгнившаго сучка дыра; около этой балки лежитъ въ щель помянутая книга. Книга эта, отысканная по указанію Погорелецкаго, нужна была только тому, кто взялъ себѣ суммы, значущіяся въ этой книгѣ. Притомъ же, когда нѣкоторые изъ почоевскихъ базилианъ, въ томъ числѣ и Постанкевичъ, взяты были въ кievскую крѣпость, то изъ числа оставшихся въ монастырѣ базилианъ ходили въ казначеище, гдѣ хранились монастырскія деньги, только два человека — Шавурскій и Галинскій. Постанкевичъ навлекалъ на себя подозрѣніе въ похищеніи суммы, значущейся въ приватной книгѣ, тѣмъ, что всѣ его рассказы о передачѣ книги и суммы провинціалу Бѣлинкевичу представляютъ много невѣроятнаго. Если Бѣлинкевичъ объявилъ Постанкевичу въ 1829-мъ году, что съ этого времени провинціаловъ въ базилианскомъ орденѣ болѣе уже не будетъ, и что по этому поводу приказалъ ему принести къ себѣ означенную книгу и наличную по ней сумму и векселя; то какимъ же образомъ въ бумагахъ, оставшихся послѣ базилианъ въ Почаевѣ, значитса, что спустя годъ послѣ этого срока, т.-е. въ 1830-мъ году, Бѣлинкевичъ послалъ въ унитскую духовную коллегію рапортъ, съ прошеніемъ дозволенія собрать въ томъ году капитулъ для избранія новаго провинціала и орденскихъ чиновниковъ, что конечно Бѣлинкевичъ не сдѣлалъ бы, еслибы годомъ прежде, т.-е. въ 1829-мъ году, зналъ уже, что провинціаловъ въ базилианскомъ орденѣ болѣе уже не будетъ. Да и изъ постановленій правительства извѣстно, что базилианскіе провинціалы не были уничтожены въ 1829-мъ г., а только съ 1828-го г. подчинены стали консисторіямъ и епархіальнымъ архіереямъ; слѣдовательно Бѣлинкевичъ, оставаясь по прежнему провинціаломъ, не имѣлъ необходимости требовать къ себѣ той книги и денегъ, а особливо прежде созванія консульта; консульта же еслибы и предполагалса, то Постанкевичъ, какъ присяжный казначей этихъ денегъ, не могъ быть чуждымъ ея совѣщаній, а потому не было надобности столь заблаговременно требовать отъ него помянутыхъ денегъ, и если эти деньги въ продолженіи болѣе осьми лѣтъ безспорно и съ полнымъ довѣріемъ хранились у него, то могли оставаться у него же и до созванія

консульты. Еслибы провинціалъ Бѣлинкевичъ находилъ почему-либо нужнымъ принять къ себѣ и спрятать въ келіи своей бывшіе до того времени въ тайномъ храненіи у Постанкевича векселя и деньги, то безъ сомнѣнія спряталъ бы вмѣстѣ съ ними и книгу, а заболѣвши и чувствуя себя близкимъ къ смерти, ниѣя притомъ до послѣдней минуты присутствіе духа и свободное употребленіе азыка, не преминулъ бы предъ своею кончиною открыть кому-либо изъ довѣренныхъ лицъ о столь важномъ предметѣ, но этого изъ показаній самого Постанкевича не видно. А между тѣмъ книга найдена одна, безъ денегъ и векселей, и найдена не въ провинціальной келіи, а на чердакѣ надъ братскими келіями, и то въ щелкѣ, слѣдовательно невѣроятно, чтобы Бѣлинкевичъ тамъ ее спряталъ, и невозможно, чтобы онъ взялъ съ собою въ могилу принесенныя будто бы къ нему Постанкевичемъ огромныя суммы денегъ и векселя¹⁾.

Мы съ намѣреніемъ можетъ быть слишкомъ долго останавливались на подробностяхъ, сопровождавшихъ актъ обращенія почаевского базилианскаго монастыря въ православный, чтобы лучше изобразить трудности, съ которыми нужно было бороться православному духовенству при приѣмѣ этого монастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ представить ту стойкость, энергію и хитрость, съ какими базилиане отстаивали это средоточіе, душу и сердце уніи. Они чувствовали, что, по собственному ихъ выраженію, у нихъ вырываютъ сердце обращеніемъ этого монастыря въ православный. Не говоря уже о нравственномъ вліяніи, произведенномъ актомъ обращенія почаевского монастыря въ православный па уніатовъ и католиковъ и обнаружившемся въ переходѣ многихъ изъ нихъ, особенно первыхъ въ православіе, какой могущественной матеріальной поддержки лишалось уніатство и католичество, потерявши такой богатѣйшій монастырь! Вся эта сила перешла на сторону православія. Замѣчательно, что самое правительство наше стало смѣлѣе и энергичнѣе дѣйствовать въ отношеніи къ базилианскимъ монастырямъ послѣ обращенія въ православный почаевского монастыря. Сломавши самый оплотъ уніи, оно уже смѣло приступило къ закрытію другихъ базилианскихъ монастырей. Въ періодъ времени отъ 1828-го по 1832-й гг. закрыты были слѣдующіе монастыри базилианъ: овручскій, почаевскій, жидичинскій, кузницкій, жировицкій, браславскій, сушковскій, брестскій, витебскій, полоцкій, безводицкій, поддубецкій, верховскій, хомскій, мирскій, свѣржанскій, тушинскій, казымировскій, бѣлостокскій, лудцкій, дубенскій, мильчанскій, пу-

¹⁾ Дѣло подъ № 114 о обращеніи почаевского монастыря въ православный.

чинскій и гоцанскій, всего 24 монастыря¹⁾. Но при этомъ замѣтимъ одну особенность: правительство наше въ этомъ случаѣ хотѣло дѣйствовать такъ, чтобы всѣ его мѣры касательно закрытія базилианскихъ монастырей исходили какъ-бы не отъ него, а отъ греко-унитской коллегіи, т.-е. какъ-бы самое унитское начальство дѣйствовало противъ унитскаго монашества и такимъ образомъ само уніатство сокрушало свою подпору, уничтожая или ослабляя базилианство.

Отчетъ, представленный Жарскимъ о совершенной имъ визитаціи 37 ми базилианскихъ монастырей, послужилъ для правительства самымъ лучшимъ средствомъ для осуществленія его плановъ касательно унитскихъ монастырей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ для замаскированія своихъ намѣреній. Дѣло въ томъ, что Жарскій въ своемъ отчетѣ о визитаціи базилианскихъ монастырей изобразилъ довольно ясно упадокъ дисциплины въ базилианскомъ ордени и тутъ же предложилъ и мѣры къ восстановленію ея. Мѣры эти, по его мнѣнію, должны были состоять въ слѣдующемъ: а) назначить въ каждый монастырь соотвѣтственное число монаховъ — отъ осьми до двѣнадцати; б) опредѣлить на каждые десять монастырей по одному монаху для ежегоднаго ихъ осмотра, съ предоставленіемъ ему права наказывать монашествующихъ и награждать ихъ; в) ввести въ базилианскомъ ордени новый образъ воспитанія; г) перевести на русскій языкъ уставъ базилианскаго ордена — *Institutiones Ordinis S. Basilii Magni* — съ нужными перемѣнами. Измѣненіе обрядовъ богослуженія въ унитской церкви Жарскій, въ своемъ отчетѣ, приписывалъ вліянію римскаго духовенства, которое заставило унитовъ постепенно чуждаться греческихъ обрядовъ. Для восстановленія ихъ, Жарскій полагалъ слѣдующія средства самыми надежными: а) примѣръ духовныхъ начальствъ: епископовъ, архимандритовъ, протоіереевъ; б) поручить членамъ коллегіи и еще двумъ духовнымъ написать свои замѣчанія, въ чемъ уніаты, и наиболѣе монахи, отступили отъ греческихъ обрядовъ, и, по соображеніи этихъ замѣчаній, извлечь изъ нихъ общія правила, которыя и разослать для общаго употребленія; в) предписать главнѣйшимъ монастырямъ, чтобы духовное юношество приучалось къ своимъ основнымъ обрядамъ; чтобы сооружены были царскія врата, иконостасы; чтобы заведены были пѣвчіе, а потомъ и органы уничтожены, и чтобы изъ богослуженія исключено было все, заимствованное изъ римскаго

¹⁾ Въ м. в. д. докладъ Блулова, 27 марта 1833 года, о закрытіи нѣкоторыхъ монастырей, о визитаціи базилианскихъ монастырей, совершенной архимандритомъ Жарскимъ.

обрѣда, какъ-то: пѣніе разныхъ молитвъ на польскомъ и латинскомъ языкахъ.

Много и другого чего написалъ Жарскій для усовершенствованія нравственнаго и хозяйственнаго состоянія базилианскихъ монастырей, при всей хитрости своей не подозревая, что коллегія, получающая внушенія свыше — отъ Блудова, извлечетъ изъ его отчета другіе практическіе результаты, нежели какіе предполагались визитаторомъ, и что отчетъ его окажетъ на дѣлѣ весьма плохую услугу базилианамъ.

Интересно слѣдить также, какъ унитская коллегія пользуется замѣчаніями Жарскаго для достиженія цѣлей, питаемыхъ правительствомъ касательно базилианскихъ монастырей. «Разсмотрѣвъ мнѣніе визитатора, говоритъ она, касательно базилианскихъ монастырей, она находитъ замѣчанія его о упадкѣ дисциплины въ базилианскомъ ордѣнѣ отъ уменьшенія числа монашествующихъ справедливыми; ибо духовное начальство встрѣчаетъ уже большое затрудненіе въ выборѣ достойныхъ настоятелей въ существующіе нынѣ греко-унитскіе монастыри, а между тѣмъ воспрещеніе вступать въ орденъ базилианскій людямъ римско-католическаго исповѣданія, коими оный прежде наполнялся, лишаетъ всякой возможности назначить, по предположенію визитатора, въ каждый монастырь отъ 8-ми до 12-ти монаховъ, и коллегія не находитъ другого способа отвратить таковое неудобство, какъ привести въ дѣйствіе положеніе оной, высочайшаго одобренія въ 1828-мъ году удостоившееся, о упраздненіи излишнихъ базилианскихъ монастырей, такъ чтобы число остающихся соотвѣтствовало и дѣйствительнымъ нуждамъ греко-унитской церкви и способамъ наполненія оныхъ монашествующими изъ собственнаго обряда. Тогда только, по мнѣнію коллегія, духовное начальство будетъ въ состояніи принять достаточныя средства для возстановленія монашеской дисциплины» ¹⁾).

Чтобы совершенно поразить самолюбіе и другія чувства Жарскаго, коллегія давала видѣ, что она принимаетъ рекомендуемыя Жарскимъ средства для поднятія нравственнаго и экономическаго состоянія базилианскаго ордена. «Еслибы признано было нужнымъ отложить упраздненіе излишнихъ монастырей еще на нѣкоторое время, продолжаетъ коллегія, то предполагаемое визитаторомъ опредѣленіе на всякіе десять монастырей по одному монаху для ежегоднаго оныхъ осмотра можетъ отчасти быть полезно, но власть наказывать и награждать мона-

¹⁾ Докладъ Блудова о визитаціи базилианскихъ монастырей, совершенной архимандритомъ Жарскимъ.

пешствующихъ не можетъ быть дана ревизорамъ въ той обширности, какъ предлагаетъ визитаторъ»¹⁾). Но коллегія очень хорошо знала характеръ Жарскаго, его натуру подвижную и ненадежную, а потому старалась замаскировать отъ него будущіе свои виды и планы касательно базилианскихъ монастырей и вообще отдѣлялась отъ него фразами; по всему видно было, что она была еще не увѣрена въ его благонадежности, чтобы посвящать его въ тайны своихъ намѣреній и открывать ему перспективу будущихъ реформъ въ униіи вообще и въ базилианскомъ обществѣ въ частности. Между тѣмъ, побуждаемая правительствомъ и самими тогдашними политическими обстоятельствами западнаго края, коллегія продолжала дѣло закрытія базилианскихъ монастырей. Блудовъ не давалъ покою греко-унитской коллегіи и не устанно настаивалъ на мысли о необходимости закрыть то то, то другой базилианскій монастырь. «Причины, докладывалъ Блудовъ Государю, по коимъ полагалось нужнымъ упраздненіе базилианскихъ обителей, существуютъ и нынѣ еще въ высшей степени и подтверждаются словесными донесеніями архимандрита Жарскаго, осматривавшаго сіи монастыри. Нынѣшнія предположенія о греко-унитской церкви заставляютъ также обратиться къ мѣрѣ, которая ограничитъ вредное вліяніе монастырей, слишкомъ приблизившихся къ римскому, облегчитъ способы преобразовать остальные въ настоящихъ видахъ правительства и доставить средства для необходимыхъ по унитской части улучшеній»²⁾. Государь всегда радостно принималъ подобные доклады Блудова и обыкновенно такъ выражался въ этихъ случаяхъ: «Вотъ и еще уничтожили нѣсколько непріятельскихъ крѣпостей! Вотъ и еще взяли нѣсколько непріятельскихъ лагерей! Слава Богу! Вѣдь это чисто непріятельскія крѣпости»³⁾. Такъ императоръ называлъ базилианскіе монастыря.

Вслѣдъ за закрытіемъ вышепоказанныхъ 24-хъ базилианскихъ монастырей подверглись той же участи еще 18-ть монастырей базилианскаго ордена, а именно: геліановскій, новоселецкій, рожанскій, даревскій, уманскій, лисянскій, сиротинскій, dobroгорскій, поставскій, толочинскій, любвицкій, два новогрудскихъ, мужескій и женскій, волнянскій, лысковскій, молошковскій, суховицкій и каневскій⁴⁾. Поводомъ или предлогомъ для за-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Въ м. в. д. докладъ Блудова 1833-го года 27-го марта о упраздненіи излишнихъ базилианскихъ монастырей.

³⁾ Это передано мнѣ г. Ивановымъ, который слышалъ все это лично отъ самого Блудова.

⁴⁾ Въ м. в. д. доклады Блудова 1834-го года о упраздненіи каневского базилианскаго монастыря, а также и другихъ 17-ти.

крытія всѣхъ этихъ монастырей служили для нашего правительства, кромѣ недостатка въ монашествующихъ и участія въ польскомъ мятежѣ, еще слѣдующія обстоятельства: или эти монастыри по мѣстоположенію своему находились вблизи другихъ монастырей того же ордена, къ которому принадлежали закрываемые монастыри, а слѣдовательно были излишни и ненужны; или же были въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ народонаселеніе все, или по большей части, было православное; или они вдругъ лишились своихъ прежнихъ прихожанъ по случаю перехода ихъ въ православіе; или церкви извѣстныхъ монастырей нужны были для обращенія ихъ въ приходскія унитскія церкви, или наконецъ историческая древность и знаменитость монастыря требовали обратить его изъ унитскаго въ православный. Это послѣднее побужденіе къ закрытію унитскихъ монастырей выставлялось на видъ по преимуществу нашими православными іерархами. Такъ, напримѣръ, кievскій митрополитъ Евгеній представлялъ о необходимости обратить церковь каневскаго базилианскаго монастыря въ православную на томъ основаніи, что церковь этого монастыря въ честь успенія Пресвятыя Богородицы построена была еще въ XII-мъ вѣкѣ княземъ кievскимъ Всеволодомъ Олеговичемъ и въ ней рукоположенъ былъ во діакона знаменитый святитель церкви православной св. Димитрій, митрополитъ ростовскій ¹⁾, и здѣсь же архимандритъ Мажарій, котораго мощи почиваютъ въ Переяславлѣ ²⁾. По такимъ же побужденіямъ переданъ былъ въ православное вѣдомство и монастырь дорогобужскій, построенный князьями острожскими ³⁾.

Дѣло упраздненія базилианскихъ монастырей шло такъ успѣшно и быстро, что къ 1835-му году закрыто было двѣ трети монастырей этого ордена ⁴⁾. Одновременно съ мѣрою закрытія базилианскихъ монастырей шли рука объ руку и другія мѣры, болѣе или менѣе ограничивавшія дѣйствія этого ордена. Къ числу первыхъ, по времени появленія изъ этихъ мѣръ, относятся законъ о воспрещеніи бродяжества и самовольныхъ отлучекъ бѣлаго и монашествующаго духовенства отъ своихъ приходоу и монастырей. Правительство нашло поводъ къ изданію такого закона въ нѣкоторыхъ поступкахъ какъ католическаго, такъ и унитскаго духовенства. Въ Самогитіи задержанъ былъ одинъ монахъ

¹⁾ Докладъ Блудова 1833-го года 8-го ноября.

²⁾ Докладъ Блудова 1834-го года 29-го марта.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Заявка Блудова для предварительнаго прочтенія членамъ секретнаго комитета по унитскимъ дѣламъ.

бернардинскаго ордена, который, подъ предлогомъ собиранія подаяннiя на свой монастырь, бродилъ изъ одного мѣста въ другое, разсѣвалъ нелѣпныя слухи и подстрекалъ простой народъ къ безпорядкамъ. Вслѣдствiе этого состоялось высочайшее повелѣнiе, чтобы сдѣлано было надлежащее распоряженiе по духовной части къ отвращенiю самовольной отлучки бѣлаго и монашествующаго католическаго духовенства отъ своихъ приходовъ и монастырей. Блудовъ предложилъ по этому католической коллегiи, чтобы она, во-1-хъ, воспрещала подвѣдомому ей духовенству переѣзжать изъ одной губернiи въ другую безъ дозволенiя епархіальнаго начальства и полученнаго по оному паспорта отъ мѣстнаго губернскаго начальства; во-2-хъ, чтобы предписала подвѣдомственнымъ ей духовнымъ начальствамъ къ непремѣнному исполненiю, чтобы никто изъ бѣлаго и монашествующаго духовенства въ возвращенныхъ отъ Польши губернiяхъ, безъ крайней надобности, не отлучался отъ мѣстъ своихъ и опредѣленныхъ обязанностей ни въ свой, ни въ другой уѣздъ; въ случаѣ же каковой надобности, отправляющійся въ другой уѣздъ долженъ имѣть на сіе дозволенiе епархіальнаго начальства, исключая изъ сего духовныхъ, посылаемыхъ по распоряженiю епархіальнаго начальства для слѣдствiй, осмотра церквей и для другихъ надобностей, которые могутъ отправляться въ другой уѣздъ той же епархіи по одному о томъ предписанiю, о коемъ однако же увѣдомлять гражданское начальство; б) отлучающійся отъ своего мѣста въ собственный уѣздъ обязанъ получить письменный видъ отъ своего декана, кромѣ однако же монаховъ, посылаемыхъ для сбора подаяннiй, которые не могутъ отлучаться и въ свой уѣздъ безъ засвидѣтельствованiя въ томъ надобности отъ епархіальнаго начальства и полученнаго по сему на свободный проѣздъ вида отъ мѣстнаго гражданскаго правительства; в) впрочемъ приходскимъ священникамъ, коихъ приходы лежатъ не въ одномъ томъ уѣздѣ, гдѣ находится церковь, могутъ быть выданы отъ епархіальнаго начальства, засвидѣтельствованные и гражданскимъ той губернiи начальствомъ, общіе для такого переѣзда виды на опредѣленное время, какъ, напри- мѣръ, на одинъ или два года, означая въ каждомъ, что сей видъ служить только собственно для проѣзда священника въ такой-то уѣздъ, или губернiю, для посѣщенiя прихожанъ его, и имен- ную мѣста, для проѣзда въ которыя дается сей видъ. Такіе же виды могутъ быть выдаваемы и настоятелямъ церквей и монастырей для проѣзда въ фундушевыя ихъ имѣнiя и съ тѣми же ограниченiями. Епархіальное начальство, выдавая сіи виды, будетъ обязано тогда же сообщить оныя гражданскому начальству

для засвидѣтельствованія; но вся отвѣтственность за злоупотребленіе въ семь случаевъ лежитъ — такъ писалъ Блудовъ — на начальствѣ духовномъ, которое долженствуетъ имѣть строгій надзоръ за подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ¹⁾.

Этотъ законъ, впрочемъ, сначала относился только къ католическому духовенству. На унитское духовенство онъ распространенъ былъ впоследствии, по настоянію волынскаго епископа Иннокентія, который, устрешенный происками базилианъ, ихъ интригами и бродяжествомъ въ почаевскую лавру, просилъ св. синодъ, чтобы онъ ходатайствовалъ гдѣ слѣдуетъ, а) о томъ, чтобы строго воспрещено было начальству римской церкви позволять монашествующимъ разныхъ орденовъ таскаться безъ письменныхъ видовъ отъ гражданскаго правительства тамъ, гдѣ имъ совсѣмъ нѣтъ никакой надобности быть; б) чтобы градскія и земскія полиціи неослабно наблюдали за таковыми, подъ разными видами шатающимися, бродягами, и никакъ не дозволяли имъ шататься ко вреду господствующей церкви; в) чтобы постановленіе правительства относительно воспрещенія римско-католическимъ монахамъ переѣзжать изъ уѣзда въ уѣздъ, безъ вѣдома гражданскаго, распространено было и на унитское, какъ бѣлое, такъ и монашествующее духовенство, тѣмъ болѣе, писалъ Иннокентій, что сіи послѣдніе, какъ изъ прежде сказаннаго видѣть можно, и многими опытами дознано, гораздо злѣе и вреднѣе для греко-восточной церкви и благочестивыхъ послѣдователей ея, нежели первые²⁾.

Второю мѣрою, относившеюся къ базилианскимъ монахамъ, назначался шестимѣсячный срокъ для возвращенія въ католическій обрядъ тѣмъ изъ нихъ, которые поступили въ этотъ орденъ изъ католичества. Въ 1827-мъ году, между прочимъ, повелѣно было высочайшимъ указомъ не дозволять ни въ какомъ случаѣ принимать въ греко-унитское монашество людей другого обряда. А въ 1828-мъ году государь утвердилъ мнѣніе унитской коллегіи о томъ, чтобы увольнять монаховъ, поступившихъ изъ римскаго обряда въ унитское монашество, если они изъявятъ желаніе оставить базилианскій орденъ, и передавать такихъ въ вѣдѣніе римско-католическаго епархіальнаго начальства, съ тѣмъ однако же, чтобы монахи, занимавшіе какіе-либо въ

¹⁾ Въ Снв. арх. дѣло 1833-го года, № 65. По предложенію министра внутреннихъ дѣлъ о высочайшемъ повелѣніи объ отвращеніи самовольныхъ отлучекъ бѣлаго и монашествующаго духовенства отъ своихъ приходовъ и монастырей.

²⁾ Въ канц. об.-прок. св. снв. дѣло 1831 г. о передачѣ почаевскаго базилианскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

орденѣ и монастыряхъ должности, предварительно отдавали надлежащій по онимъ отчетъ греко-унитскому монашествующему начальству и мѣстнымъ консисторіямъ.

Мѣра эта принята была правительствомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы очистить орденъ базилианскій отъ людей, поступившихъ въ него изъ римскаго исповѣданія, которые, увлекаясь чувствомъ привязанности къ своему прежнему обряду, не могли исполнить одной изъ главнѣйшихъ обязанностей греко-унитскаго монашества: содѣйствовать сохраненію въ чистотѣ и неприкосновенности обрядовъ церкви восточной, а съ другой стороны какъ-бы наблюсти справедливость при исполненіи постановленій о возвращеніи перешедшихъ изъ уни въ римское исповѣданіе по прежнему въ свой обрядъ.

Но отправленный въ 1832-мъ году для визитаціи важнѣйшихъ монастырей базилианскихъ архимандритъ Жарскій замѣтилъ, что дозволеніе базилианамъ возвращаться въ римскій обрядъ имѣетъ вредное вліяніе на монаховъ, потому что многіе изъ нихъ, находя въ этомъ удобное средство избѣгать взысканія за свои поступки, нарушаютъ правила всякой подчиненности. Унитская collegія съ своей стороны находила, что въ унитскомъ монашествѣ должно произойти немалое разстройство отъ находящихся еще въ немъ около 200 монаховъ, поступившихъ туда изъ латинскаго обряда и считающихъ себя отчасти чуждыми церкви греко-унитской и ожидающихъ лишь удобнаго случая оставить ее; и что само духовное начальство не можетъ употреблять ихъ съ благонадежностью, не бывъ увѣрено ни въ ихъ приверженности къ церкви греко-унитской, ни даже въ постоянномъ пребываніи въ ея нѣдрахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ collegія нашла нужнымъ ограничить вышеозначенное дозволеніе возвращаться въ римскій обрядъ изъ ордена базилиановъ шестимѣсячнымъ срокомъ, со времени объявленія о таковомъ ограниченіи, съ тѣмъ, что монахи, происходящіе изъ латинскаго обряда, которые въ теченіи сего срока не возвращаются въ него, не могутъ уже впослѣдствіи оставить греко-унитское монашество. По мнѣнію collegіи ограниченіе это было тѣмъ болѣе справедливо, что монахи-базилиане изъ латинъ уже четыре года пользуются свободой возвращаться въ свой прежній обрядъ: и слѣдственно имѣли довольно времени рѣшиться на то или другое ¹⁾. Дѣйствительно, статистическія данныя о лицахъ, возвратившихся изъ базилианскаго ордена въ католичество, показываютъ, что базилиане изъ латинянъ неохотно и нескоро переходили въ

¹⁾ Докладъ Блудова 1833-го г. 12 мая.

свой прежній обрядъ: въ продолженіе четырехъ лѣтъ дарованнымъ имъ правомъ воспользовались изъ 200 лицъ только 50. А потому правительство по необходимости должно было прибѣгнуть къ вышесказанной мѣрѣ. Правило, или законъ объ ограниченіи позволенія обращаться изъ унитства въ латинство лицамъ, принадлежавшимъ нѣкогда къ сему послѣднему обряду, шестимѣсячнымъ срокомъ, распространено было въ 1835-мъ году и на базилианъ.

Третья мѣра, довольно энергическая, касалась опредѣленія къ вакантнымъ мѣстамъ римско-католическихъ и греко-унитскихъ духовныхъ. Когда въ 1831-мъ году укрошенъ былъ польскій мятежъ, тогда открылось, что многіе изъ католическихъ и унитскихъ духовныхъ принимали участіе въ смутахъ, волновавшихъ Польшу и западный край. По докладу Блудова, государь далъ въ то время такое повелѣніе, чтобы вмѣнено было въ обязанность епархіальнымъ архіереямъ того и другого исповѣданій, чтобы они опредѣляли членовъ въ консисторіи, и настоятелей, и викарныхъ священниковъ въ приходы не иначе, какъ по сношенію съ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ, представляя ему на каждое вакантное мѣсто по три, или по крайней мѣрѣ не менѣе двухъ такихъ кандидатовъ, которыхъ бы поведеніе и правила могли служить ручательствомъ въ ихъ благонадежности, а мѣстнымъ главнымъ начальствамъ предписано было, чтобы они не иначе изъясляли согласіе свое на опредѣленіе котораго-либо изъ представляемыхъ кандидатовъ, какъ по собраніи объ нихъ достовѣрнѣйшихъ по возможности свѣдѣній¹⁾. Мѣра эта въ послѣдствіи подверглась многимъ измѣненіямъ по докладу того же Блудова. Въ 1835-мъ году Блудовъ докладывалъ государю, что «вышеозначенная мѣра была необходима въ тогдашнемъ положеніи западныхъ губерній, дабы мѣстное начальство имѣло болѣе удобства сдѣлать хорошій выборъ изъ многихъ кандидатовъ, коихъ участіе въ прекращенныхъ тамъ беспорядкахъ было еще не совершенно извѣстно. Установленный тогда порядокъ строго соблюдается и доселѣ, хотя нынѣ для сего по прошествіи четырехъ лѣтъ, по возстановленіи общаго въ томъ краѣ спокойствія, исполненіе сихъ правилъ уже не столь нужно, ибо свѣдѣнія о поступкахъ римско-католическихъ и греко-унитскихъ духовныхъ во время мятежей вездѣ уже собраны и, на основаніи сихъ свѣдѣній, степень благонадежности каждаго изъ нихъ можетъ скорѣе и точнѣе быть опредѣлена мѣстнымъ начальствомъ. Между тѣмъ въ избраніи по три и даже по два кандидата на

¹⁾ Докладъ Блудова 21-го іюня 1835-го года.

каждое вакантное священническое мѣсто встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія. Такъ, администраторъ могилевской римско-католической епархіи, епископъ Каміонко изъясняетъ смоленскому, витебскому и могилевскому генералъ-губернатору, что на мѣсто членовъ консисторіи, по малому числу прелатовъ и канониковъ, исправляющихъ разныя другія должности, онъ не можетъ представить болѣе одного кандидата; въ мѣстамъ же викарныхъ назначаются тожко священники, или вновь рукоположенные, или безмѣстные; настоятелей же, или викарныхъ, имѣющихъ уже мѣста, опредѣлять къ онымъ невозможно, и какъ нынѣ болѣе неимѣется ни безмѣстныхъ, ни вновь рукоположенныхъ, то и нельзя будетъ удовлетворять требованіямъ гражданскаго начальства о представленіи нѣсколькихъ кандидатовъ на каждое мѣсто; что вновь рукополагать для сего было бы также неудобно, ибо тѣ изъ кандидатовъ, которые останутся за назначеніемъ одного, лишились бы пристанища и способа къ содержанію, сдѣлались бы по необходимости бродягами. Дабы устранить сіи неудобства и затрудненія, какъ смѣю думать, можно безъ опасенія дозволить военнымъ и генералъ-губернаторамъ западныхъ губерній разрѣшать опредѣленіе къ симъ духовнымъ должностямъ, не требуя на каждое вакантное мѣсто болѣе одного кандидата, въ такомъ, однако-жъ, случаѣ, когда представляемое лицо не подозрѣвается въ неблагонадежности, и когда епархіальное начальство удостовѣрится, что по недостатку безмѣстныхъ или другихъ способныхъ для поступленія на таковыя мѣста духовныхъ, не имѣетъ въ виду болѣе одного кандидата». Государь согласился на такое измѣненіе, но прибавилъ: «съ должною осмотрительностью»¹⁾.

Всѣ вышеприведенныя мѣры направлены были не только къ ограниченію дѣйствій и силы базилианскаго ордена, но къ сокращенію числа членовъ его. Для достиженія послѣдней цѣли особенно дѣйственной мѣрою было распоряженіе правительства, не дозволяющее ни въ какомъ случаѣ принимать въ греко-унитское монашество людей другого обряда и изъ самаго унитскаго духовенства допускающее къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ только тѣхъ, которые докажутъ, что они имѣютъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія; при этомъ предписано было доводить до свѣдѣнія государя императора о всѣхъ, которые, на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, вступаютъ въ греко-унитское монашество. Кромѣ того, архіереямъ повелѣно было, чтобы они никого не посвящали въ духовныя степени греко-унитскаго монашества, безъ предвари-

¹⁾ Докладъ Блудова 21-го іюня 1835-го года.

тельнаго разсмотрѣнія консисторій, какъ сіе наблюдается при представленіи священнослужителей изъ бѣлаго духовенства ¹⁾. Этою мѣрою прекращено было умноженіе базилианскаго ордена, или по крайней мѣрѣ сокращалось число членовъ его до самыхъ малыхъ размѣровъ.

Правительство, преобразуя греко-унитское духовенство въ духѣ, приближающемъ его къ православію и отдаляющемъ отъ католицизма, начавши притомъ эту реформу съ самыхъ высшихъ іерархическихъ степеней и низводя до самыхъ низшихъ—до клириковъ, въ то же время возстановляло въ греко-унитскомъ богослуженіи восточные обряды и уничтожало въ немъ все пришедшее въ него отъ латинянъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ реформа уже касалась массъ унитскаго исповѣданія, и постепенно приготавлила ихъ къ сближенію съ православными. Замѣчательно, что реформы, касавшіяся греко-унитской обрядности, были принимаемы до нѣкоторой степени большимъ числомъ греко-унитскаго духовенства довольно благосклонно и не встрѣчали слишкомъ упорной оппозиціи, за исключеніемъ базилианъ. Даже иногда случалось, что нѣкоторые изъ членовъ унитскаго духовенства, особенно высшаго, сами, не дожидаясь внушеній правительства, шли на встрѣчу этимъ реформамъ, но вмѣсто благосклоннаго приѣма встрѣчали со стороны нашей высшей іерархіи какую-то недовѣрчивость. По крайней мѣрѣ у насъ имѣются подъ руками два-три подобныхъ факта. Для объясненія этихъ фактовъ мы имѣемъ только одно средство: до 1835-го года изъ членовъ самаго св. синода только одинъ, можетъ быть, митрополитъ московскій Филаретъ, посвященъ былъ въ тѣ виды, которые имѣло въ виду наше правительство касательно унитской церкви въ Россіи. А потому со стороны самыхъ первыхъ нашихъ іерарховъ, какъ, напр., митрополита Серафима, свободное движеніе унитскихъ іерарховъ къ сближенію съ обрядами восточной церкви было встрѣчаемо не съ должнымъ вниманіемъ и не съ горячимъ радушіемъ. Факты эти, какъ интересные, мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь. Митрополитъ унитскій Булгакъ, въ 1823-мъ году 26-го октября, просилъ у петербургскаго митрополита Серафима ризницы, для отправленія литургіи. Но Серафимъ отказалъ ему въ просьбѣ, «потому, какъ онъ выразился, уваженію, что литургію сію, какъ мнѣ связывалъ протоіерей вашъ, будутъ пѣть не придворные пѣвчіе, а другіе, мнѣ неизвѣстные, которые, можетъ быть, станутъ пѣть не по обряду греко-россійской церкви, а по

¹⁾ Въ м. в. д. дѣло 1830 г. № 10, о новизнахъ, допущенныхъ въ греко-унитскомъ монашествѣ.

обряду унитскихъ церквей, отчего не можетъ не послѣдовать соблазна для здѣшной публики»¹⁾. Другое письмо Серафима къ Булгаку еще рѣзче. «Какъ мнѣ извѣстно, — писалъ Серафимъ, — что вы завтра, въ воскресный день, будете отправлять литургію: то я долгомъ моимъ поставлю предувѣдомить васъ, милостивый государь, что ежели при служеніи вашемъ будутъ употреблены пѣвчіе греко-россійскаго исповѣданія, то чтобъ вы отнюдь не заставляли ихъ пѣть по обряду унитскихъ церквей, а пѣли бы они по обряду греко-россійской церкви такъ, какъ пѣли при васъ придворные пѣвчіе. Сіе необходимо нужно для того, дабы не могло послѣдовать соблазна для здѣшной публики. Я нахожу себя принужденнымъ сказать вамъ, при всемъ моемъ къ вамъ почтенію, что если вы сего не исполните въ точности, то я по долгу моему доведу сіе обстоятельство до свѣдѣнія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и вы можете тогда подвергнуть себя отвѣтственности за причиненный вами соблазнъ». Булгакъ смиренно и съ довольною деликатностью отвѣчалъ на угрожающее письмо Серафима, что «въ унитскомъ богослуженіи нѣтъ разности съ православнымъ, кромѣ одной, что послѣ высочайшихъ именъ воспоминается въ своемъ мѣстѣ римскій папа, а пѣвчіе, какъ обыкновенно, за всякимъ прошеніемъ отвѣчаютъ. Особеннаго не было наставленія для придворныхъ пѣвчихъ, когда я отправлялъ святую литургію и парастасъ за усопшаго папу».

Приведенные факты относятся къ эпохѣ Александра I; а вотъ фактъ изъ времени царствованія императора Николая I: ноября 3-го, 1828-го года, по случаю кончины императрицы Маріи Θεодоровны, Булгакъ писалъ Блудову такое письмо: «Переселеніе въ вѣчное жилище всемилостивѣйшей государыни императрицы Маріи Θεодоровны, чувствительнѣйшимъ ударомъ поразило весь народъ россійскій. Изъ оставшихся живыхъ вѣрноподданныхъ, всякій горитъ желаніемъ оказать по своему состоянію послѣднюю услугу своей въ Бозѣ почивающей монархинѣ, въ коихъ числѣ и я нахожусь. Имѣя по званію моему пребываніе въ здѣшнемъ столичномъ городѣ, по возсланіи теплѣйшихъ молитвъ къ Всевышнему за упокой усопшей, и сдѣлавъ распоряженія о возсыланіи таковыхъ же по епархіямъ, беру смѣлость представить сіе мое прошеніе на благоуваженіе вашего превосходительства: не могу ли я съ подвѣдомымъ мнѣ духовенствомъ, здѣсь пребывающимъ, причисленъ быть къ определеннымъ для отданія послѣдней вѣрноподданнической услуги преставленной съ сей временной

¹⁾ Письмо Серафима Іоасафату Булгаку.

жизни императрицѣ, т.-е. имѣть означенное мѣсто въ торжественномъ шествіи, при перенесеніи тѣльныхъ ея останковъ къ погребенію. Благоволите, милостивый государь, сію мою смѣлость приписать самой печали, происходящей отъ сей вообще чувствуемой потери, и удостоить меня благосклоннымъ отвѣтомъ¹⁾. Блудовъ представилъ это письмо Булгака государю при особомъ докладѣ, въ которомъ желаніе Булгака назвалъ необыкновеннымъ, хотя безъ сомнѣнія искреннимъ, усердіемъ и вѣрноподданническимъ чувствомъ внушеннымъ. При докладѣ Блудовъ представилъ и нѣкоторые словесныя объясненія, сущность которыхъ состояла въ томъ, что петербургскій и московскій митрополиты охотно соглашались, чтобъ унитскій митрополитъ Булгакъ находился въ алтарѣ Петропавловскаго собора во время погребенія тѣла въ Бозѣ почившей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, взаимѣнъ изъявленнаго имъ желанія, котораго, по мнѣнію ихъ, невозможно исполнить безъ соблазна въ народѣ²⁾. Государь долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ двухъ митрополитовъ.

Реформы въ унитскомъ богослуженіи начались контролемъ надъ печатаніемъ богослужебныхъ унитскихъ книгъ. Богослужебныя унитскія книги преимущественно печатались при двухъ базилианскихъ монастыряхъ: почаевскомъ и виленскомъ. Базилиане, какъ истые римляне, при печатаніи богослужебныхъ унитскихъ книгъ, позволяли себѣ разныя злоупотребленія: дѣлали католическія прибавки къ восточному тексту книгъ, уничтожали нѣкоторые мѣста въ этихъ книгахъ, оставляли чинъ обряда, а уничтожали молитву, сопровождающую этотъ обрядъ, или вставляли свою, не только неимѣющую связи съ обрядомъ, но и противорѣчащую обряду. Мало этого: служебники унитскіе, напечатанные въ Почаевѣ, были различны съ напечатанными въ Вильнѣ. Но при всемъ этомъ имѣлась въ виду одна цѣль: искаженіе древняго православнаго характера этихъ богослужебниковъ и преобразование ихъ въ духъ и направленіи католическомъ. Правительство почло первымъ своимъ долгомъ, послѣ извѣстнаго указа 22-го апрѣля 1828-го года объ устройствѣ греко-унитской церкви, пресѣчь вышеупомянутыя злоупотребленія при печатаніи унитскихъ богослужебныхъ книгъ.

По предложенію Блудова издано было высочайшее повелѣніе, чтобы книги, къ богослуженію, обрядамъ и вообще къ благочинію унитской церкви относящіяся, были печатаемы не иначе,

¹⁾ Изъ бумагъ г-на Иванова.

²⁾ Изъ бумагъ г-на Иванова.

какъ съ разрѣшенія коллегіи, которая въ свою очередь должна была доносить объ этомъ Блудову.¹⁾ Этому мѣроу уничтожались все латинскія прибавки, вошедшія въ унітскіе служебники, возстановилась древній и православный чепоть ихъ и, наконецъ, вводилося единство и согласіе между воими ими.

Первый примѣръ сближенія въ обрядахъ церкви унітской съ православною, подавъ быть, и, вѣрно, должно быть, самымъ высшимъ унітскимъ духовенствомъ. Начало этого сближенія положено было съ устройства и освященія вѣнъ, въ Петербургѣ, унітской церкви при греко-унітской коллегіи. Новопостроенная церковь имѣла видъ православной, т. е. имѣла иконостасъ, престолъ посрединѣ алтаря, и не имѣла органа. 21-го февраля 1831-го года она была освящена во имя святаго и чудотворца Николая, а на другой день, въ воскресенье, при значительномъ собраніи народа, отправлена была въ ней митрополитомъ Тасифатомъ Бугакомъ соборъ съ членами коллегіи греко-унітской литургія и потомъ молебень съ колѣнопреклоненіемъ и возглаголеніемъ многолѣтія государю и всей царской фамиліи.

Весь обрядъ богослуженія отправленъ былъ по чину восточной церкви. Церковь, докладывая Блудову государю, отличается не богатствомъ украшеній, но хорошиимъ вкусомъ архитектур и сохраненіемъ во всемъ пропорцій, разнообразіемъ ея пространству. Иконостасъ, состоящій изъ довольно искусно писанныхъ изображеній святыхъ, признаваемыхъ восточною церковью, возвышаясь до потолка, совершенно закрываетъ отъ молящихся внутренность алтаря и устроена, равно какъ и утварь церковная и все прочее, въ точности по уставу греко-російской церкви. Богатыя облаченія, вашимъ императорскимъ величествомъ пожалованныя митрополиту и епископу, отвѣчали благолѣпію сего новаго храма. Особеннаго любопытства и вниманія достойно древнее евангеліе, которое, какъ видно изъ подписи дарителя, поступило въ соборную вѣнскую церковь въ годъ до начала уніи, потомъ оно сдѣлалось собственностью митрополитовъ унітскихъ, и въ прошедшемъ году привезено сюда. Сей остатокъ древности, уцѣлѣвшій въ теніи вѣковъ, посреди перемѣнъ самой вѣры, покрытъ вызолоченнымъ серебромъ старинной прекрасной работы²⁾. Отъ вышнихъ сферъ унітской іерар-

¹⁾ Въ св. синод. унітск. отд. дѣло 1828 года, по предложенію казенноуправляющаго о высочайшемъ повелѣніи, чтобы книги, для богослуженія, обрядныя и вообще къ благочинію унітской церкви относящіяся, были печатаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія коллегіи.

²⁾ Въ м. в. д. докладъ Блудова 1831 года февраля 25-го объ освященіи устроенной здѣсь греко-унітской церкви.

хин богослужебных реформы переходили и во все унитское духовенство, и даже в том случае, такъ и во всѣхъ другихъ, базиліане оказывали большее сопротивление, чѣмъ все остальное унитское духовенство: во правительстве принуждено было съ особенной энергіей приводить въ исполненіе свои предписанія касательно введенія обрядовъ православной церкви въ унитское богослуженіе. Нѣкъ охотно, правительство иногда случайно могло видѣть собственными своими глазами оппозицію базиліанъ мѣрамъ: своимъ же мнѣніемъ о вѣдѣхъ восточной церкви въ унитскомъ богослуженіи, за сѣдовательно тѣмъ живѣе, сознавало необходимость употребленія энергическихъ мѣръ въ этомъ случаѣ.

Въ 1830-мъ году государь, проѣзжая чрезъ городъ Умань, посетилъ таинственный унитскій монастырь. Игуменъ монастыря, встрѣчая государя, подбѣгалъ такое восклицаніе: «vivat Rex in кетельницѣ!». Въ то же время государь бросилось въ глаза то, что дьяконы того же монастыря носили стихары короткіе, болѣе сходныя съ облаченіемъ по обряду латинскому. Государь, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, сдѣлавъ замѣчаніе Блудову. Блудовъ далъ унитской коллегіи предложеніе, въ которомъ поставилъ на видъ всему унитскому духовенству, что хотя всякое изъясненіе церковно-догматическаго усердія достойно похвалы, но непримѣрно слѣдуетъ изъясненію (при священномъ обрядѣ употреблять другой какой-либо языкъ, кромѣ того, на всемъ по уставу церкви долженствовало отправляться богослуженіе, и что сіе должно быть всеобщимъ; что духовенство греко-унитское обязано во всѣхъ обрядахъ, слѣдственно и въ облаченіи священнослужителей, соблюдать въ точности съ установленіями церкви восточной¹⁾). Коллегія, получивши предложеніе Блудова, тотчасъ сдѣлала предписаніе, въ которомъ сначала изображала все, что сдѣлано было ею касательно уничтоженія всѣхъ чуждыхъ и несвойственныхъ основанъ законоположеніямъ церкви греческой обрядовъ и нововведеній, потомъ изъясняла: «какъ нынѣ открылось, что, несмотря на всѣ сіи подтвержденія коллегіи греко-унитской, нѣкоторые изъ духовныхъ и особенно монашествующихъ чина св. Василия Великаго не только не вездѣ съ точностію наблюдаютъ правила, установленія и древніе обряды богослуженія на языкѣ славянскомъ, но еще замѣчаются въ непримѣнномъ отступленіи отъ оныхъ; почему, для превращенія на предбудущее время дальнѣйшихъ въ церкви греко-унитской безпорядковъ, отъ неточнаго исполненія постановленій

1) Въ м. в. д. докладъ Блудова 1830 года: «О мѣрахъ къ предупрежденію отступленій отъ правилъ и уставовъ церкви греко-унитской».

чина богослуженія и вообще устава церкви греческой происходившихъ, она опредѣлила снова подтвердить чрезъ епархіальныя начальства всему бѣлому и монашествующему духовенству: 1) чтобы оно, при совершеніи богослуженія и прочихъ священныя обрядовъ, не употребляло иного языка, кромѣ природнаго, свойственнаго церкви греко-унитской — языка славянскаго; 2) въ проповѣдяхъ и въ обученіи закону Божію духовенство должно служить примѣняться къ нарѣчію, коимъ говорятъ мѣстные жители — прихожане церкви, заимствуя однакожъ тексты изъ св. Писанія на языкѣ славянскомъ, ибо проповѣдывать слово Божіе народу на невнятномъ для него языкѣ есть дѣло недостойное христіанскаго ученія и бесполезное для слушателей; 3) какъ на основаніи положеній указа 22-го апрѣля 1828-го года, духовенство греко-унитское не только въ обрядахъ и богослуженіи, но и въ облаченіи священно-служителей, должно соображаться съ установленіями церкви восточной; то наипростѣе воспретить всему бѣлому и монашествующему духовенству дѣлать новыя священныя облаченія, подходящія, или сходныя съ облаченіями церкви западной, поставя въ непремѣнную обязанность, чтобы въ случаѣ снабженія церквей греко-унитскихъ новыми священными облаченіями соблюдена была въ точности форма облаченія церкви греческой; 4) предписать консисторіямъ сдѣлать надлежащее распоряженіе о объявленіи вновь духовенству главнѣйшихъ положеній высочайшаго указа 22-го апрѣля 1828-го года вмѣстѣ съ нынѣшнимъ предписаніемъ коллегіи, такъ, чтобы отнынѣ никто не могъ отговариваться незнаніемъ оныхъ и своихъ обязанностей, за уклоненіе отъ коихъ, или за неточное наблюденіе виновные будутъ подвергаемы отвѣтственности и взысканію по законамъ.

Такъ какъ въ унитской церкви господствовалъ крайній безпорядокъ и произволъ въ постройкѣ храмовъ, отчего внѣшняя форма ихъ потеряла характеръ восточно-православныхъ храмовъ; то, по предложенію Блудова, утверждены были планы и фасады для греко-унитскихъ церквей.

Но самыми важными мѣрами въ сближеніи въ обрядахъ церкви унитской съ православною были распоряженія коллегіи унитской о введеніи служебниковъ московской печати и иконостасовъ въ унитскихъ церквахъ. Каждая изъ этихъ мѣръ казалась столь рѣшительною и важною, что коллегія рѣшилась на нихъ не иначе, какъ въ торжественномъ совѣщаніи съ полнымъ составомъ всѣхъ іерарховъ унитской церкви. Обстоятельства этого событія описаны самою коллегіей въ представленіи ея министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 8-го февраля 1834-го года.

«Съ самаго начала уніи, представляла коллегія, и по недостатку единства въ церковномъ управленіи, и по вліянію чуждыхъ правилъ, существовала разность между богослужебными книгами, въ греко-унитскихъ церквахъ употреблявшимися. Уже замойскій помѣстный синодъ обращалъ на сіе вниманіе, предписывалъ о соблюденіи единообразія въ обрядахъ богослуженія и опредѣлялъ издать однообразные для всѣхъ церквей служебники и другія церковныя книги. Между тѣмъ опредѣленіе таковое неисполнено, и неприличное разногласіе въ богослуженіи часть отъ часу распространялось. Нынѣ по уніатскимъ церквамъ употребляются богослужебныя книги множества изданій, тѣмъ болѣе между собою разнствующихъ, чѣмъ они позднѣе. Самый важный недостатокъ сихъ книгъ есть особенная небрежность въ отношеніи обрядовъ богослуженія. Типики по большей части пропущены, а тѣ, которые остались, были измѣняемы постепенно по произволу издателей. Послѣ сего неудивительно, что греко-унитское духовенство, лишенное надлежащаго руководства, въ богослуженіи допустило столь важныя по оному упущенія. Величественныя и прекрасныя обряды греко-восточнаго богослуженія по большей части оставлены, знаменованіе оныхъ забыто; внутреннее устройство церквей и самыхъ священныхъ облаченій и церковныхъ утварей измѣнено; выведены даже изъ обыкновенія нѣкоторыя церковныя моленія; вмѣсто же того заимствованы многіе обряды и постановленія отъ источниковъ, чуждыхъ греко-унитской церкви.

«Греко-унитская духовная коллегія, во вниманіе къ сему важному неустройству по ея вѣдомству, пригласивъ въ свое присутствіе всѣхъ находящихся нынѣ въ С.-Петербургѣ греко-унитскихъ епископовъ, совѣщалась о средствахъ возстановленія по греко-унитскимъ церквамъ обрядовъ богослуженія и постановленій греко-восточной церкви во всей чистотѣ оныхъ, соотвѣтственно высочайшимъ его императорскаго величества указамъ и повелѣніямъ, постановленіямъ самихъ папъ римскихъ, и неоднократно предписаніямъ изъ коллегіи уже послѣдовавшимъ, и вслѣдствіе такихъ совѣщаній совмѣстно съ тѣми же епископами опредѣлила. *Первое*: изъ уваженія, что изданіе особыхъ однообразныхъ служебниковъ и прочихъ церковныхъ книгъ потребовало бы весьма продолжительнаго времени и значительныхъ издержекъ, то принять для руководства по всѣмъ греко-унитскимъ церквамъ служебникъ, напечатанный въ Москвѣ 1831-го года въ четверть листа, такъ какъ оный заключаетъ всѣ обыкновенныя церковныя службы съ точнымъ изъясненіемъ обрядовъ, греко-восточной нашей церкви свойственныхъ, и по умѣренной

цѣль удобенъ въ приобретеніи. *Второе:* означенныя книги приобрести для епархій білорусской шестьсотъ, а для литовской семьсотъ экземпляровъ, и разослать оныя по водамъ приходовскихъ церквей, при конхъ считаясь болѣе пятисотъъ обоего пола: прихожанъ, съ тѣмъ, что первоклассные и второклассные приходящіе должны будутъ возвратити цѣнность доставляемыхъ книгъ службениковъ. *Третье:* на семь же основаній и для таковыхъ же употребленій приобрести тысячу пятьсотъ экземпляровъ *Прелюдованій* молебныхъ пѣній; напечатанныхъ въ Москвѣ въ 1826-мъ году. *Четвертое:* кромѣ того, приобрести нѣкоторое число и другихъ богослужебныхъ книгъ, особенно ошнценнаго святаго, и препроводити оныя въ вѣдѣнія епархіальныхъ начальствъ, для доставленія удобства мѣстному духовенству приобретати оныя книги для церквей, живущихъ въ оныхъ нрадахъ. *Пятое:* такъ греко-восточное богослуженіе не можетъ быть вѣрнѣе соблюдаемо безъ изнестасовъ, а также приличныхъ церковныхъ утварей и священныхъ облачений, большая же часть церквей по своей бѣдности не въ состояніи ни устроить первыхъ, ни завестись послѣдними, то назнать сообразно настоящихъ средствамъ коллегіи, для вспоможенія въ семъ отношеніи бѣдныхъ церквей, въ ежегодному отпуску въ распоряженіе епархіальныхъ начальствъ, каждому по пяти тысячъ рублей впередъ до дальнѣйшаго распоряженія. *Шестое:* вынать всакруивъ архіереевъ въ непремѣнную обязанность стараться всѣми силами о возстановленіи обрядовъ богослуженія и постановленій греко-восточныхъ нашей церкви, а также и о искорененіи, по мѣрѣ возможности, всѣхъ вкраившихся злоупотребленій и нововведеній, съ тѣмъ, чтобы никто изъ духовныхъ не былъ опредѣляемъ къ мѣстамъ, ниже опредѣленнымъ утверждаемъ, безъ надлежащаго удостовѣренія въ точномъ знаніи таковыхъ постановленій и обрядовъ, а также въ приверженности къ онымъ, для чего и сообщить всякому изъ поманутыхъ архіереевъ помянутого опредѣленія. *Седьмое:* предписать обнать консисторіямъ и правленіямъ епархіальныхъ консисторій, чтобы онѣ рбывали о на- стоящемъ распоряженіи всѣмъ подвѣдомственнымъ мѣстамъ и лицамъ, подтвердивъ имъ вновь, прилагать всевозможное стараніе объ изученіи и наблюденіи обрядовъ богослуженія и постановленій греко-восточныхъ нашей церкви. *Осамое:* по таковомъ опредѣленіи коллегія, доводя до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, долгомъ поставляетъ просити объ иходатайствованіи высочайшаго соизволенія, заимствовать нужныя деньги на покрытіе вышепоясненныхъ издержекъ изъ числа отпускаемыхъ ежегодно казною по всемилостивѣйшему государя императора

назначенію, двадцати восьми тысячъ рублей, на предполагаемую въ Полоцкѣ греко-унитскую академію, кои должны, за исключеніемъ нѣсколькихъ только тысячъ, вноситься въ государственныя банки для приращенія процентами. Коллегія-жъ съ своей стороны не преминетъ въ употребленіи таковыхъ денегъ наблюдать строгую ответственность и обо всѣхъ издержкахъ будетъ доносить вашему высочайшему православленію.

Для оказанія возможнаго содѣйствія къ скорѣйшему приведенію въ исполненіе, сдѣланнаго распоряженія о поставленіи иконостасовъ въ унитскихъ церквахъ, положено было употребить ту же самую мѣру, которая приводилась тогда въ дѣйствіе по западнымъ нашимъ губерніямъ относительно построенія православныхъ церквей, т.-е. приглашать номініровъ строить иконостасы собственными способами въ ихъ имѣніяхъ, въ удовлетвореніе потребности крестьянъ, доставляющихъ имъ пользу своими трудами. Для этой цѣли предоставлено было начальникамъ унитскихъ епархій, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ о тѣхъ церквахъ, въ коихъ по обязанности прихожанъ нельзя ожидать, чтобы были скоро поставлены иконостасы, входить въ сношеніе по казеннымъ имѣніямъ съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ, дабы скорѣе разрѣшено было воспользоваться дарованною монаршею милостию на устройство иконостасовъ по 300 руб. сер. на каждую церковь; кромѣ того, разрѣшено было заимствовать 5,000 руб. въ годъ на каждую изъ обѣихъ унитскихъ епархій изъ суммы 28,000 рублей, вемилостивѣйше назначенной на основаніе въ Полоцкѣ духовной греко-унитской академіи; а по имѣніямъ номініческимъ дѣлать владѣльцамъ, особенно достаточнымъ, приглашенія къ исполненію сей мѣры правительства. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда ходатайство по сему предмету греко-унитскаго епархіальнаго начальства не окажетъ успѣха, поддержитъ оное съ своей стороны министру внутреннихъ дѣлъ, поставляя въ примѣръ высочайшее вполнѣнствованіе сей части церковнаго благоустройства по казеннымъ имѣніямъ. Вмѣстѣ съ симъ греко-унитской коллегіи надлежитъ, чтобы во всѣхъ монастыряхъ непремѣнно были поставлены иконостасы, такъ какъ въ монастыряхъ менѣе можно предполагать недостатка способовъ къ сему устройству, нежели въ приходахъ¹⁾.

Нужно сорваться, что распоряженіями о употребленіи монастырскаго служебника въ унитскихъ церквахъ и устройствомъ въ нихъ иконостасовъ правительство дѣлало самый рѣшительный шагъ къ сближенію унитской церкви съ православною. А

¹⁾ Въ сн. арх. свѣщанія секрет. комитета по унитскимъ дѣламъ.

потому неудивительно, что и православная сторона и враждебная ей увидѣли въ этихъ мѣрахъ уже ясныя намѣренія правительства касательно унитской церкви; та и другая сторона пришли въ движеніе: одна всячески содѣйствовала приведенію въ исполненіе этой мѣры, а другая всячески противодействовала. Нашъ синодъ, узнавши объ этомъ и обративши вниманіе на скудное состояніе большей части унитскихъ церквей, назначилъ отпустить безденежно изъ московской синодальной типографіи потребное для нихъ число служебниковъ и молебныхъ пѣній. Правительство старалось подвинуть какъ официальныхъ лицъ, такъ и частныхъ къ пожертвованіямъ на устройство иконостасовъ въ унитскихъ церквахъ. За то польско-римская партія всеми мѣрами и способами старалась замедлить это дѣло. Начались интриги, уговариванья, обѣщанія, просьбы, угрозы и насилія. Напрасно выбивались изъ силъ Сѣмашко и Лужинскій, чтобы скорѣе привести въ исполненіе означенныя мѣры, понимая всю важность и значеніе ихъ, — дѣло не выходило далѣе границъ канцелярій и ограничивалось бумагою: начиналась длинная, нескончаемая переписка между гражданскими и духовными присутственными мѣстами. Бюрократія западныхъ губерній была по большей части латино-польская, слѣдовательно положительно враждебная мѣрамъ правительства, или и русская, но которая играла жалкую роль орудія польской интриги. Губернаторы западныхъ губерній доносили, что «помѣщики римско-католики весьма неохотно принимаютъ содѣйствовать настоящимъ преобразованіямъ церквей греко-унитскихъ. Это по религіознымъ предразсудкамъ нерасположеніе поддерживается и усиливается тѣмъ, что въ имѣніяхъ казенныхъ и конфискованныхъ не дѣлается для устройства церквей ни малѣйшихъ вспомоствованій ни отъ казенныхъ палатъ, ни со стороны администраторовъ, совершенно отъ того отказывающихся, тогда какъ дѣятельнымъ преобразованіемъ храмовъ въ имѣніяхъ казенныхъ они должны были бы помѣщикамъ и прочимъ обывателямъ подать примѣръ *подражанія*» ¹⁾. Поэтому литовскій епископъ Іосифъ, во время осмотра своей епархіи, удостовѣрясь, что общія предписанія коллегіи о соблюденіи обрядовъ богослуженія и устройства церквей весьма слабо исполняются, призналъ необходимымъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи распоряженіями частными. Разсмотрѣвши внимательно состояніе церквей епархій литовской, онъ назначилъ въ 238-ми изъ нихъ устроить въ теченіе года иконостасы и самые престолы такъ, чтобы вокругъ по-

¹⁾ Совѣщанія комитета по унитск. дѣламъ.

слѣднихъ духовенство могло совершать установленные по обряду греческаго богослуженія ходы и чтобы престолы не были закрываемы отъ народа высокими, отъ латинянъ заимствованными, такъ называемыми цыборіями (ковчегъ или дарохранительница съ особыми алтарными украшеніями). Для устроенія иконостасовъ пр. Іосифъ предоставилъ воспользоваться находящимися въ сихъ церквахъ образами и даже остатками бывшихъ нѣкогда иконостасовъ; а въ случаѣ недостатка въ которой-либо церкви приличныхъ мѣстныхъ образовъ оставлять для нихъ мѣсто, закрытое завѣсою, впредь до приобрѣтенія сихъ иконъ. Такимъ образомъ удалось пр. Іосифу, послѣ многихъ усилій и среди самыхъ враждебныхъ дѣйствій польскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, устроить въ 329-ти церквахъ иконостасы въ промежутокъ времени отъ 1834-го до 1835-го года¹⁾.

Въ бѣлорусской епархіи дѣло это шло еще медленнѣе по особеннымъ мѣстнымъ условіямъ этой епархіи: тамъ въ 1835-мъ году едва въ 20-ти церквахъ устроены были иконостасы, а между тѣмъ число всѣхъ унитскихъ церквей въ ней простирается до 625-ти²⁾. Правительство прибѣгало даже къ энергическимъ мѣрамъ, чтобы заставить помѣщиковъ-католиковъ помогать въ постройкѣ иконостасовъ: учреждало тайные надзоры за непокорными, предавало суду явныхъ противоборцевъ своимъ мѣрамъ и паустителей другихъ къ непослушанію; слѣдствія по большей части кончались ничѣмъ для виновныхъ и опасностію для доносителей и обиженныхъ, и вызывали поляковъ еще на большія дерзости. Ксендзы, даже латинскіе архіереи, дѣйствовали за одно вмѣстѣ съ помѣщиками и чиновниками-поляками. Тамъ, гдѣ нельзя было оказать явнаго сопротивленія мѣрамъ правительства, начиналась интрига, распускались нелѣпые слухи о намѣреніяхъ правительства. Для приданія большей важности этимъ слухамъ, утверждали, что они идутъ изъ Петербурга и изъ самыхъ высшихъ правительственныхъ сферъ. По особенному искусству, такъ свойственному воспитанникамъ іезуитовъ, помѣщики-поляки и ксендзы успѣвали увлекать за собою даже иногда нѣкоторыхъ изъ унитовъ и настраивать ихъ на сопротивленіе мѣрамъ правительства³⁾. Унитскіе прихожане, настроенные помѣщиками-поляками и другими злонамѣренными лицами,

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Изъ латинскихъ епископовъ особенно отличался распусканіемъ разныхъ слуховъ, противныхъ видамъ правительства, минскій епископъ Лянскій. Въ канц. об-прок. св. сн. дѣло 1838-го года № 73-й, о обзорѣннй церковей бѣлорусской греко-унитской епархіи управляющимъ ономъ епископомъ.

иногда позволяли себѣ самые дерзкіе поступки сопротивленія видамъ правительства. Изъ множества подобныхъ случаевъ мы приведемъ здѣсь только два-три. Въ Овручскомъ уѣздѣ, селѣ Пашиныхъ крестьяне-униты, послѣ литургіи, отслуженной 6-го декабря благочиннымъ Саворевичемъ по обряду православной церкви и по служебнику московской печати, заперли церковь, взяли въ себѣ ключи отъ нея и объявили, что они болѣе не пустятъ благочиннаго въ свою церковь за то, что онъ служилъ литургію по московскому служебнику¹⁾. Другой случай былъ въ мѣстечкѣ Речицѣ, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи, гдѣ крестьяне-униты, не бывъ предувѣдомлены и вразумлены своимъ приходскимъ священникомъ о имѣющемъ быть устройствѣ въ унитскихъ церквяхъ иконобасовъ, замѣтивши въ речицкой своей церкви нѣкоторыя перемѣны и считая ихъ самовольнымъ нововведеніемъ своего священника, послѣ литургіи взошли въ алтарь, отодвинули поставленный по срединѣ алтаря престолъ по прежнему въ стѣнѣ, но безъ всякаго шума и буйства²⁾. За то въ селѣ Ходахи, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи, дѣло сопротивленія приняло размѣры совершеннаго буйства — и что замѣчательно — въ этомъ буйствѣ исключительно принимали участіе женщины, и по преимуществу одна изъ нихъ жена, унитскаго священника Кондратовича, отчаянная фанатичка. Въ 1860 русская консисторія поручила священнику Бушкевичу привести въ исполненіе окончательное устройство унитскихъ церквей въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Овручскаго уѣзда. Бушкевичъ пригласилъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ священника Красовскаго и земскаго исправника; съ этими лицами онъ прибылъ въ село Ходахи, остановился тамъ у мѣстнаго священника Кондратовича, предложилъ ему отслужить въ тотъ день вечерню, а на другой день приступить къ устройству внутренности алтаря по православному обряду. Когда Бушкевичъ, Красовскій, Кондратовичъ и земскій исправникъ вышли изъ дома, чтобы идти въ церковь, то жена Кондратовича стала уговаривать своего мужа остаться дома и не ходить въ церковь; потомъ, выбѣжавши на улицу, закричала и на крикъ ея сбѣжалось нѣсколько женщинъ, которыя бинулись бѣжать въ церковь, бѣжали на колокольню, ударили въ набатъ; на звонъ колокола собралось болѣе 200 женщинъ и нѣсколько мужчинъ, довольно буйныхъ и грубыхъ.

¹⁾ Въ канц. об.-пр. св. синод. дѣло объ унитскихъ священникахъ въ овручскомъ уѣздѣ, уклоняющихся отъ введенія въ сѣхъ церквяхъ греко-восточнаго богослуженія.

²⁾ Въ канц. об.-пр. св. синод. дѣло о происшествіи въ унитской речицкой церкви, Минской губерніи, прихожане коей впоследствии возвратились въ православіе.

и одна изъ женщинъ, изъ которыхъ были пьяны, бросилась на дѣла священника Кондратовича, разбила оконныя стекла, бросилась на священника Красовскаго и нанесла ему нѣсколько ударовъ кулаками. Земскій исправникъ, не имѣвшій при себѣ никакой команды, не могъ ничего сдѣлать съ этою буйною толпою. Пользуясь вечернею темнотою, съ помощію одного изъ ходоковъ-обывателей, Бундзевичъ, Красовскій и земскій исправникъ едва выбрались изъ Ходакова и нашли почтальона у селѣ Комаровкѣ у православнаго священника. Женщины же, взявши съ собою ключи отъ своей церкви, разошлись по своимъ домамъ.¹⁾

Причиной всѣхъ подобныхъ происшествіевъ было частію недоразумѣніе, частію подстрекательство другихъ, частію неумѣстность, а частію и религіозный фанатизмъ. Но при этомъ нельзя не сознаться, что безтактность, неумѣнье вѣстать за дѣло ревности къ исполненію вѣдомъ и намѣреній правительства, неуправляемая благоразуміемъ, однимъ словомъ, слишкомъ много усердія и смѣломъ мало ума, вредили дѣлу православія и вызывали реакцію со стороны уніатовъ тамъ, гдѣ бы этого и не могло быть при умѣренномъ и благоразумномъ образѣ дѣйствованія со стороны лицъ, усердствовавшихъ правительству. Изъ множества примѣровъ такой ревности не по разуму мы приведемъ здѣсь только одинъ, бывшій въ Могилевской губерніи. Настоятель соржицкой унитской церкви священникъ Квятковскій и сынъ его, исправляющій при немъ должность викарія священника, приступили 27-го мая съ прибывшими въ нихъ унитскими благочинными, протоіереемъ Васютовичемъ, къ служенію литургіи. По окончаніи литургіи, Васютовичъ, въ припадкѣ ревности къ восточному обряду, вздумалъ публично вырѣзывать изъ унитскаго служебника листы, содержаніе которыхъ противорѣчило духу православной церкви. Всѣхъ вырѣзанныхъ имъ листовъ оказалось до 48-ми. Этотъ крайне неблагоразумный поступокъ Васютовича произвелъ ропотъ и сильное негодованіе въ прихожанахъ соржицкой церкви. Еслибы при этомъ не было подстрекателей и неблагонамѣренныхъ людей, то ропотъ прихожанъ соржицкой церкви остановился бы на одномъ этомъ; но въ несчастію священники Квятковскіе были совершенно враждебно настроены по отношенію къ Васютовичу и тому дѣлу, которое пропагандировалъ Васютовичъ. Они не преминули разжигать неудовольствіе своихъ прихожанъ на поступокъ Васютовича.

¹⁾ Въ канц. об.-пр. св. сип. подъ № 136, дѣло о происшествіи въ унитской церкви въ селѣ Ходаки, Овручскаго уѣзда, Волынска. губ.

Толпа, подстрекаемая тайно своими священниками, болѣе и болѣе разгорячалась и наконецъ отъ словъ перешла къ дѣйствию. На другой день, т.-е. 28-го мая, унитскіе крестьяне соржицкой церкви собрались около своей церкви, перевязали колокола, разсматривали служебникъ, требовали своего священника Квятковскаго и кричали, что «насъ добру не научать», не хотѣли болѣе слушать никакой службы, заперли церковь и унесли съ собою ключи отъ нея. Церковь оставалась безъ службы и запертою до 5-го іюля, когда о соржицкомъ происшествіи узналъ тамошній земскій исправникъ Крюковскій и явился на мѣсто происшествія. Но исправникъ былъ врагъ православной церкви и отъявленный приверженецъ католицизма; вмѣсто того, чтобы утишать волненіе, онъ вмѣстѣ съ Квятковскимъ возбуждалъ его. Въ присутствіи его фанатикъ Квятковскій далъ прихожанамъ своимъ присягу въ томъ, что онъ по гробъ будетъ унитомъ, дабы быть ихъ настоятелемъ, а въ доказательство этого обѣщалъ разрѣзать мизинный палецъ и кровію утвердить свое обѣщаніе. При такихъ фанатическихъ дѣйствіяхъ Квятковскаго, при тайныхъ его и Крюковскаго внушеніяхъ, неудивительно, что неблагоразумный поступокъ Васютовича долженъ былъ произвести еще большее волненіе въ прихожанахъ соржицкой церкви ¹⁾. Кстати замѣтимъ здѣсь, что земская полиція, состоявшая по большей части изъ поляковъ-католиковъ, дѣйствовала всегда вопреки видамъ правительства въ унитскомъ дѣлѣ: явно она показывала какъ-бы усердіе къ исполненію своего долга, уговаривала крестьянъ, сопротивлявшихся правительственнымъ намѣреніямъ, но тайно возбуждала ихъ къ неповиновенію, питала въ нихъ разныя несбыточныя надежды, распускала нелѣпныя слухи, интриговала и дѣйствовала совершенно за одно съ помѣщиками-поляками. Такъ было въ Соржицахъ, такъ было и въ другихъ мѣстахъ. Она пользовалась для возбужденія волненій въ унитской массѣ всѣми случаями, а особенно сильными мѣрами правительства въ унитскомъ вопросѣ, и главнымъ образомъ промахами довѣренныхъ лицъ правительства и его агентовъ. Введеніе иконостасовъ въ унитскихъ храмахъ, уничтоженіе органовъ, а особенно введеніе московскихъ богослужебниковъ, явно обнаружили виды правительства въ унитскомъ дѣлѣ и подняли въ польско-римскомъ обществѣ всю энергію, всѣ силы его къ противодѣйствію видамъ правительства. Пущено было польско-римской партіей все въ ходъ: застращиваніе, улещиваніе, подкупы, обѣщанія всѣхъ благъ, интрига, ложь, клевета. Земская

¹⁾ Въ канц. об.-пр. св. син. дѣло 1838-го года о происшествіи въ нѣшнхъ Соржицахъ, случившемся отъ неблагоразумнаго дѣйствія благочиннаго Васютовича.

полиція во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ принимала самое дѣятельное и живое участіе. Кромѣ вышеприведеннаго случая въ Соржицахъ, мы можемъ видѣть это и изъ слѣдующаго факта: въ 1837-мъ году въ Сѣннинскомъ уѣздѣ королевичской церкви священникъ Давыдовичъ, за ослушаніе распоряженіямъ своего начальства въ разсужденіи возстановленія греческихъ обрядовъ въ унитскихъ церквахъ, греко-унитскою духовною консисторіею низведенъ былъ во дьячка съ отсылкою его въ черную работу на 6-ть мѣсяцевъ. Но Давыдовичъ съ сентября 30-го 1837-го года до февраля 1838-го года, по поблажкѣ и снисходительности сѣннинскаго земскаго суда, проживалъ въ домѣ помѣщицы-латинянки Бржестовской. Епископъ принужденъ былъ просить витебскаго генераль-губернатора о побужденіи сѣннинской земской полиціи выслать Давыдовича въ то мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ понести наказаніе. Другой фактъ: того же Сѣннинскаго уѣзда дорогокуповской церкви прихожане, видя священника своего, Іоакима Тарновскаго, совершающимъ богослуженіе 7-го августа по греко-восточному обряду, разорили палатку, гдѣ повѣшены были колокола, выдернули столбы, потомъ опять повѣсили колокола по прежнему, начали звонить въ нихъ столько, сколько кому хотѣлось. Причиною такого буйства, какъ сознались сами буйствовавшіе, были: унитскій священникъ островской церкви Шелепинъ, который непрестанно внушалъ дорогокуповскимъ прихожанамъ не ходить въ церковь Дорогокуповскую, потому что священникъ совратился въ православіе, — и управитель помѣщицы Сушицкой, Карножацкій, приказывавшій крестьянамъ сломать колокольню ¹⁾.

Еще не много ранѣ введенія иконостасовъ и московскихъ богослужебниковъ въ унитскихъ церквахъ уничтожено было заимствованное отъ католиковъ право ктиторства, по которому замѣщеніе приходовъ священниками зависѣло отъ представленія ктиторовъ, по большей части латинянъ. Въмѣсто этого высочайше повелѣно было, чтобы назначеніе духовныхъ въ греко-унитскіе приходы зависѣло единственно отъ ихъ духовнаго начальства ²⁾. Въ это же время введены были въ употребленіе въ литовской унитской епархіи ставленныя грамоты и присяга по образцу, употребляемому въ греко-россійской церкви. Чтобы понять важность и значеніе послѣдней мѣры, нужно обратить вниманіе на то, что до сего времени у греко-унитовъ употреблялись такъ называемые форматы на латинскомъ и польскомъ языкахъ, и

¹⁾ Вышеприведенное дѣло о происшествіи въ имѣніи Соржицахъ.

²⁾ Секретная записка Баудова для прочтенія членамъ комитета по унитскимъ дѣламъ.

присяга греко-унитскихъ священниковъ была вовсе несвойственна ни правиламъ греко-восточной церкви, ни государственными постановленіями. Кроме того, вводился бытъ обычай не только праздновать царскіе дни сообразно съ установленіями православной церкви, но и совершать молебствія, положенныя православною церковію во время брани противу супостатовъ ¹⁾. Поводомъ къ введению послѣдняго обряда былъ мятежъ въ польскихъ нашихъ губерніяхъ. Въ то же время уничтожены были, или лучше отобраны у унитскихъ церквей листы воспоминаній при совершеніи проскомидіи, какъ несогласные съ духомъ и правилами греко-восточной церкви ²⁾; строго воспрещено было совершать богослуженіе унитскими священниками въ католическихъ церквахъ и каплицахъ ³⁾, а тѣмъ болѣе строго подтверждено католическому духовенству воздержаться отъ служенія и совершенія требъ въ церквахъ греко-унитскихъ; учреждено было дьячковское училище, такъ какъ съ уничтоженіемъ органовъ въ греко-унитскихъ церквахъ чувствовалась теперь настоятельная нужда въ пѣніи, а слѣдовательно и умѣющихъ пѣть дьячкахъ ⁴⁾. Вслѣдствіи времени унитскихъ священниковъ начали, по образцу православныхъ, награждать и жаловать камгалавками и скуфьями, такъ чтобы они ничѣмъ не отличались отъ русскихъ православныхъ священниковъ, и наконецъ правительство вслѣдствіи содѣйствовало къ тому, чтобы греко-унитскіе священники съ православными священниками взаимно облынялись совершеніемъ богослуженій и требъ и чередовались бы служеніемъ въ церквахъ.

Далѣе такого сближенія богослуженія унитскаго съ православнымъ нельзя было идти; за этимъ оставалось уже формальное и торжественное соединеніе греко-унитской церкви съ православною. Такъ смотрѣли на послѣднюю мѣру и враги соединенія унитской церкви съ православною и прибѣгали даже къ насилію, чтобы только воспрепятствовать отправленію богослуженія въ унитскихъ церквахъ православными священниками, какъ это отиравается изъ происшествія, случив-

¹⁾ Въ синод. арх. дѣло 1831-го года о совершеніи молебствія, положеннаго во время брани противу супостата, по случаю мятежа въ царствѣ польскомъ.

²⁾ Тамъ же, дѣло 1832-го года о томъ, чтобы листы воспоминаній во время совершенія проскомидіи по давнишнимъ, несогласнымъ съ издаваемою въ 1806-мъ году формою, какъ несогласные, были доставлены въ консисторію.

³⁾ Тамъ же, дѣло 1834-го года, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ о обращеніи р.-католич. монастырей въ унитскія церкви, и чтобы унитскіе священники не отправляли богослуженія въ римскихъ церквахъ.

⁴⁾ Тамъ же, дѣло 1835-го года по рапорту правленія білорусской семинаріи о дозволеніи учредить дьячковское училище.

нагося въ погостѣ Нищѣ. Православному нищанскому священнику дозволено было отправлять въ унитской нищанской церкви православное богослуженіе для своихъ православныхъ прихожанъ. О такомъ распоряженіи начальства дано было знать изъ унитской консисторіи и тамошнему унитскому священнику Соснѣ. Деканъ Игнатовичъ ввелъ православнаго священника нищанскаго прихода въ унитскую церковь, въ присутствіи священника Сосны и дьячка его Даниловича; въ знаѣ единенія, унитскіе священники и православный отслужили благодарственный молебенъ, и такимъ образомъ церковь унитская въ Нищѣ стала общою церковью для уніатовъ и православныхъ. Но это было весьма не по сердцу помѣщику этого мѣста поляку — Корсаку, да и мѣстному унитскому священнику Соснѣ, а потому, когда православный нищанскій священникъ хотѣлъ открыть православное богослуженіе въ нищанской церкви, то встрѣтилъ самое сильное сопротивленіе со стороны унитскихъ прихожанъ нищанской церкви, подстрекаемыхъ своимъ помѣщикомъ Корсакомъ. Сначала они не давали православному священнику ключа отъ церкви, но когда православные нищанскіе прихожане безъ ключа отперли церковь, и православный священникъ началъ уже литургію, тогда крестьяне Корсака, униты, вскочили въ церковь и прямо, даже чрезъ царскія двери вбѣжали въ алтарь, оттащили православнаго священника отъ престола, и толчками выгнали изъ храма, оборвали ризы на немъ, потомъ церковь свою окружили стражею, чтобы никто изъ уніатовъ не вошелъ въ нее православные священники; оставшіяся въ церкви вещи, какъ церковныя, такъ и принадлежащія православному священнику, они взяли себѣ и никакъ не хотѣли возвратитъ ихъ, несмотря на всѣ просьбы православныхъ¹⁾.

Но такіе отдѣльные случаи навели правительство на мысль о необходимости прибѣгнуть и къ другой подготовительной мѣрѣ для воссоединенія уніи.

М. Морозкинъ.

Въ концѣ 45-го стр. см. см. 1888-го года, о беспорядкахъ, бывшихъ въ погостѣ Нищѣ въ Томскомъ Соборномъ уездѣ, по случаю дозволенія въ унитской церкви, для православныхъ богослуженія православными священниками.

ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ

ВЪ

РОМАНЪ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.

Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille sous le second Empire, par Emile Zola. Tome premier: La fortune des Rougon. Paris, 1871.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ:

ПРИГОТОВЛЕНІЯ И ДЕКАБРЬСКІЙ ПЕРВООБОРОТЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Эмиль Золя, французскій романистъ, крайне мало извѣстенъ нашей читающей публикѣ, или лучше сказать, — совсѣмъ неизвѣстенъ. По странному стеченію обстоятельствъ, въ то время какъ переводы романовъ Понсонъ-де-Терайля, Габорию, Бело и другихъ читались на расхватъ въ Россіи, — ни одинъ изъ романовъ Эмиля Золя не удостоился появиться въ русскомъ переводѣ. Отъ чего зависить это странное обстоятельство? Не оттого ли, что романы Золя менѣе интересны съ точки зрѣнія фабулы и легкаго чтенія, раздражающаго нервы читателей рассказами невозможныхъ происшествій и приключеній? Не оттого ли, наконецъ, что талантъ Золя можетъ быть оцѣненъ только людьми извѣстнаго вкуса, людьми, требующими отъ литературнаго произведенія вѣрнаго отраженія жизни, художественной правды, идеи?...

Золя еще очень молодой писатель, но заслужившій уже крупную извѣстность не только общественнымъ и политическимъ значеніемъ

своихъ романовъ, но также и оригинальнію пріемовъ, исключительною индивидуальностію своего таланта. Въ литературѣ, онъ появился не болѣе какъ десять лѣтъ тому назадъ и съ первыхъ своихъ опытовъ—«Contes à Nanon», если не ошибаемся—обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Видно было, что несмотря на неопытность пера, на малое знаніе жизни, на нѣкоторую, относительную фальшь, — это вполне самостоятельная сила, идущая далеко за предѣлы рутинны, установившейся въ фабрикаціи французскихъ романовъ. Лѣтъ восемь тому назадъ, когда появился его первый романъ: «Thérèse Raquin»,—многіе пророчили ему блестящую литературную будущность,... и пророчества сбылись. Послѣдній его романъ свидѣтельствуетъ уже о громадномъ развитіи таланта и, безъ всякаго сомнѣнія, займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ современной французской литературѣ.

Идею романа и свою задачу Золя объясняетъ въ предисловіи, изъ котораго мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выдержекъ. «Я хотѣлъ объяснить, говоритъ авторъ, какимъ образомъ извѣстное семейство, цѣлая группа людей живутъ въ обществѣ, нарождая десять-двадцать личностей, которыя, на первый взглядъ, кажутся самостоятельно развитыми, но которыя въ то же время, при аналитическомъ изслѣдованіи, — тѣсно связаны другъ съ другомъ. Я постарался найти и прослѣдить, разрѣшая двойную задачу темпераментовъ и среды, ту тончайшую нить, которая связываетъ одного человѣка съ другими. Поймавъ всѣ нити, имѣя въ рукахъ цѣлую социальную группу, я привелъ эту группу въ дѣйствіе, какъ актера извѣстной исторической эпохи.»—Такова у Золя задача научная и художественная. Но въ романѣ существуетъ еще и другая сторона,—это сторона общественная и въ особенности политическая. Онъ выбралъ эпоху, близкую къ намъ,—вторую имперію, ея происхожденіе, процвѣтаніе и упадокъ. «Исторически, говоритъ дальше Золя,—мои герои, выходя изъ народа, попадаютъ на всѣ ступени современнаго общества, являются во всѣхъ положеніяхъ, и при этихъ условіяхъ встрѣчаютъ вторую имперію, картина которой воспроизводится такимъ образомъ въ ихъ индивидуальной драмѣ вся, начиная отъ декабрьскаго переворота до измѣны при Седанѣ.»

Эта художественная и политическая задача — изобразить судьбу цѣлаго общества въ его ячейкѣ, семьѣ—исполнена Эмилемъ Золя блестящимъ образомъ. Его эпическій, крайне мало драматическій талантъ встрѣтилъ въ этой задачѣ самую благодарную почву; любовь къ сильнымъ краскамъ, смѣлость южнаго темперамента, умѣніе рисовать такъ-называемые непосредственные типы, все это придаетъ его роману интересъ и значеніе, кото-

рихъ въ напрасно бы искали въ какомъ-либо другомъ современном романѣ. Вотъ почему намъ кажется, что обвиненіе въ цинизмѣ, которымъ иные критики упрекаютъ Зола — по меньшей мѣрѣ несправедливо. Талантъ Зола — по преимуществу талантъ реализмическій, и тамъ, гдѣ авторъ встрѣчаетъ грязь и развратъ, — онъ, по самому существу своего таланта, не можетъ обходить ихъ, скрывать, игнорировать, напротивъ того, онъ расширяетъ ихъ, показываетъ ихъ во всей ихъ непривлекательной правдѣ. А Парижъ, во время второй имперіи, развѣ не грязь и развратъ? Онъ и расцвѣтъ этотъ развратъ, объясняетъ причины и условія общественной жизни, и картина второй имперіи подъ его перомъ является во всемъ своемъ поразительномъ и гнусномъ величьи...

Мы остановимся по преимуществу на политической задачѣ романа, оставивъ почти въ сторонѣ физиологическую и психологическую, такъ сказать, точку зрѣнія, которая, несмотря на всю оригинальность и интересъ, выполнена въ романѣ гораздо менѣе удачно.

Городъ Плессанъ имѣетъ не болѣе десяти тысячъ жителей. Построенный на плоской возвышенности, окаймленный берегами рѣки Віорнъ, притиснутый къ холмамъ, образующимъ послѣднюю вѣтвь Альповъ, скрытый въ углу южнаго Прованса, — городъ этотъ имѣетъ крайне непривлекательный видъ. Лѣтъ двадцати тому назадъ, благодаря, конечно, отсутствію путей сообщенія, ни одинъ городъ лучше Плессана не сохранилъ въ неприкосновенной чистотѣ мѣриканскій и аристократическій характеръ провансальскихъ городовъ. Онъ имѣлъ, да и теперь еще имѣетъ, цѣлый кварталъ громадныхъ бирокиихъ домовъ, построенныхъ при Людовикѣ XIV и Людовикѣ XV, дюжину церквей, дома іезуитовъ и капуциновъ, значительное количество монастырей. Различіе классовъ и сословій резко выделялось, благодаря различію кварталовъ.

Аристократическій кварталъ, извѣстный подъ именемъ квартала святого Марка, — нѣчто въ родѣ микроскопическаго Версаля, съ прямыми улицами, поросшими травой, съ громадными домами — распространяется къ югу, на краю возвышенности. Далѣе идетъ старый кварталъ, въ сѣверо-востокъ, — грязный, съ узкими кривыми улицами; тамъ находятся: мѣрія, гражданскій трибуналъ, ринговъ, жандармерія. Эта часть Плессана — самая населенная — занята рабочими, купеческими людьми, ремесленниками, — всею бѣдною и дѣтальною частью населенія. Наконецъ, новый городъ представляетъ нѣчто въ родѣ продолговатаго квадрата въ сѣверо-

востоку; буржуазія, всѣмѣ, которые налетѣли, состояніе по конѣтъ; занимаютъ въ этой части города, болѣе современныя постройки. Эта часть, украшенная безобразнымъ зданіемъ под-префектуры, въ 1851-мъ году имѣла не болѣе пяти-шести улицъ. Она возмѣла недавно, а съ постройкой желѣзной дороги, только она и увеличивается.

Населеніе Плессана дѣлится на три группы, по числу кварта-ловъ. Изъ этого числа необходимы, однакоже, выдѣлывать: чи-новниковъ, подпрефекта, сборщика податей, а директора почты, назначая, — людей, составляющихъ кришлы, влеченіе, не особенно любимый, вызывающий зависть, живущій въ свое удовольствіе. Настоящіе же жители, родившіеся тамъ, рѣшительныя тамъ умереть, слѣдующія уважать принятыя обычаи, а установленія непра-дѣлствія, чтобы не пристать къ тому или другому городскому обществу.

Аристократы и дворяне гарметически завариваются. Съ паденія Карла X-го они мало выдѣлать: събѣжать, возвратиться въ свои обширные, молчаливыя дома; они имъ у кого не бывають и ни-кого не принимаютъ у себя; въ ихъ гостиницахъ подвѣются только отъ времени до времени католическія паторы. Дѣломъ они живутъ въ вѣдѣхъ, которыми владѣють въ окрестностяхъ; зимой — грѣются у камина. Это мертвецы, которымъ жизнь на-добла; потому то и ихъ кварталъ напоминаетъ тяжелую, мертвую тишину; кладбища. Двери и окна тщательно набаррикадированы; кажется, что это рядъ монастырей, куда не проникаетъ шумъ внѣшнюю міра. Отъ времени до времени тамъ пропадаетъ на встрѣчу аббатъ, и его скромная походка еще болѣе придаетъ тишины; онъ исчезаетъ, какъ дѣнь, за пологомъ открывающа-ся дверью.

Буржуазія, коммерсанты, оставившія торговлю, адвокаты, нота-ріусы, все то населеніе, — нестѣсняющее ничѣмъ, честолюбивое, — которое наполняетъ новый городъ, стараются всѣми силами воз-будить жизнь въ Плессанѣ. Они бывають на вечерахъ у г. под-префекта и мечтають дать подобный же вечеръ по крайней мѣрѣ разъ въ своей жизни. Они охотно гоняются за популярностію, вызываютъ работника: «хотѣла вѣче», разговаривають объ урожаѣ съ крестьянами, читають газеты, и по воскресеньямъ совершають прогулки съ своими женами. Это передовые умы города. Но въ то же время, самые загорѣлые свѣтляки между ними чувствуютъ непреодолимый приливъ радости и блаженства всякій разъ, когда какой-нибудь мѣстный маркизъ или графъ изволить имъ слегка поклониться. Современная мечта всякаго буржуа новаго города заключается въ томъ, чтобы быть принятымъ въ одной изъ

гостинныхъ квартала св. Марка; они очень хорошо знаютъ, что эта мечта неосуществима, и это-то именно заставляетъ ихъ встрѣчному и поперечному сообщать, что они — свободные мыслители, чуждые предразсудковъ; но это свободные мыслители только на словахъ, — на дѣлѣ же, друзья власти, бросающіеся въ объятія первому попавшемуся спасителю при первомъ народномъ движеніи.

Группа, работающая и прозябающая въ старомъ кварталѣ, не имѣетъ такихъ опредѣленныхъ чертъ. Народъ и работники составляютъ большинство этой группы; но есть также лавочники и даже два-три крупныхъ торговца. Въ сущности, Плессанъ вовсе не коммерческій центръ; въ немъ торговля ведется настолько, насколько нужно, чтобы сбывать мѣстные продукты: оливковое масло, вино, миндаль. Что же касается промышленности, то въ Плессанъ она представлена только тремя-четырьмя дубильными фабриками, распространяющими зловоніе въ старомъ кварталѣ, нѣсколькими фабриками поярковыхъ шляпъ и фабрикой мыла, помѣщающейся въ концѣ предмѣстья. Весь этотъ торговый и промышленный людъ, хотя и является въ торжественные дни въ домахъ буржуа новаго города, но живетъ по преимуществу въ средѣ рабочихъ стараго квартала. Мелкіе коммерсанты, лавочники, работники имѣютъ общіе интересы, соединяющіе ихъ въ одну семью. Къ тому же, рабочее населеніе, составляющее не болѣе пятой части всего населенія, совершенно теряется среди мѣстныхъ шалопаевъ.

Таковъ Плессанъ, его люди, и ихъ характеръ. Въ этой странной и исключительной средѣ прозябало до 1848-го года мало извѣстное и мало уважаемое семейство, котораго глава — *Пьеръ Ругонъ*, игралъ впоследствии, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, значительную роль.

II.

Пьеръ Ругонъ былъ сыномъ крестьянина. Семейство его матери, — Фуки, какъ ихъ называли въ городѣ, — владѣло въ концѣ прошлаго столѣтія значительнымъ кускомъ земли, позади прежняго кладбища св. Миттра. Фуки были самыми богатыми огородниками мѣстности. Мужеская линія этой семьи исчезла за нѣсколько лѣтъ до революціи. Осталась одна только дочь Аделаида, — она родилась въ 1770-мъ году и стала сиротой на девятнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Эта дѣвушка, отецъ которой умеръ въ домѣ умалишенныхъ, была дѣвушка высокая, худощавая, блѣдная, съ

испуганными глазами, съ странными пріемами, которые можно было приписать одичалости, пока она была дѣвочкой. Но съ лѣтами она сдѣлалась еще болѣе странной. Нѣсколько поступковъ, совершенныхъ ею, поставили въ тупикъ почтенныхъ буржуа, и они рѣшили, что она такая же поврежденная, какъ и ея отецъ. Вдругъ населеніе предмѣстья узнаетъ, что она вышла замужъ за своего огородника, по имени Ругонъ, — совершенно невѣжественнаго мужика Нижнихъ Альпъ. Этотъ Ругонъ, послѣ смерти послѣдняго изъ Фуковъ, нанявшаго его въ работники на лѣтнее время, остался въ услуженіи дочери покойника. Изъ работника, получающаго подневную плату, онъ вдругъ возвысился на степень мужа. Этотъ бракъ былъ первымъ удивленіемъ общественнаго мнѣнія: никто не въ состояніи былъ понять, почему Аделаида предпочла этого оборвыша, грубаго, вульгарнаго, едва-лишь говорившаго по-французски, — тому или другому изъ молодыхъ людей, сыновей зажиточныхъ буржуа, которые не мало за ней ухаживали. Но такъ какъ въ провинціи никакое обстоятельство не можетъ оставаться неразъясненнымъ, то и рѣшено было, что во всей этой исторіи есть какая-то тайна, и что даже бракъ сдѣлался необходимостью. Но догадливыя кумушки ошиблись: Аделаида родила сына спустя двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Оскорбленное самолюбіе предмѣстія было внѣ себя отъ злобы. Всѣ кумушки начали тщательно шпионить Ругоновъ, и вскорѣ дѣйствительно запаслись богатымъ матеріаломъ для сплетенъ. Ругонъ умеръ почти скоропостижно. Едва-лишь прошелъ годъ послѣ его смерти, какъ молодая вдова произвела новый, неслыханный скандалъ: въ предмѣстьи самымъ положительнымъ образомъ узнали, что у Аделаиды есть любовникъ; она, казалось, даже не скрывалась: многіе вѣялись, что слышали, какъ она публично говорила «ты» преемнику бѣднаго Ругонъ. Но, что всего хуже, такъ это странный выборъ Аделаиды. Въ грязномъ переулкѣ св. Миттра, въ скверной лачужкѣ, выходившей на землю Фуковъ, жилъ человѣкъ самой плохой репутаціи, котораго называли обыкновенно: «этотъ шалопай Маккаръ». Онъ исчезалъ изъ города на цѣлыя недѣли; потомъ, въ одинъ прекрасный вечеръ снова являлся съ пустыми руками, съ довольной фізіономіей, точно возвращался съ прогулки. Дѣло въ томъ, что у Маккара не было никакихъ доходовъ, а между тѣмъ, во время своихъ короткихъ пребываній въ городѣ онъ плотно ѣлъ и пилъ. Въ особенности онъ гораздъ былъ пить: сидя въ кабакѣ въ углу, за грязнымъ столомъ, онъ напивался всякій вечеръ и сидѣлъ съ глазами бессмысленно уставленными на стаканъ, не обращая вниманія на

другихъ посѣтителей. Въ городѣ у него не было ни друзей, ни родныхъ. Близость границы и сосѣдній, громадный лѣсъ сдѣлали изъ него контрабандиста, но такого сорта, что жители говорили: «я бы не хотѣлъ встрѣтиться съ этимъ молодцомъ съ глазу на глазъ, на опушкѣ лѣса». Громаднаго роста, страшно обросшій бородой, Маккаръ былъ ужасомъ добрыхъ кумушекъ. Изъ-за его густой бороды и бороваго волоса, покрывавшихъ часть его лица, можно было различить только блескъ его сѣрыхъ глазъ; взглядъ уклончивый и грустный человека съ бродячими инстинктами, сдѣлавшагося вреднымъ членомъ общества, благодаря вину и жизни отщепенца... И такого господина выбрала Аделаида! «Бѣдная женщина, говорили кумушки, она совсѣмъ съума сошла. Если бы остался въ живыхъ кто-либо изъ ея родни, ее бы непременно упрятали въ домъ умалишенныхъ!»

Законный сынъ, — маленькій Пьеръ Ругонъ, — росъ вмѣстѣ съ незаконными дѣтьми своей матери. Аделаида удержала при себѣ этихъ послѣднихъ, Антуана и Урсулу, — волчатъ, какъ ихъ называли въ предмѣстьи, — обращаясь съ ними точно также, какъ и со своимъ старшимъ сыномъ. Казалось, она ясно не сознавала того положенія, которое готовитъ жизнь этимъ двумъ бѣднымъ существамъ. Для нея они были такія же дѣти, какъ и ея старшій сынъ. Вообще, эта семья была странная семья. Въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ каждый въ этой семьѣ жилъ по-своему, ни въ чемъ не стѣсняясь: какъ дѣти, такъ и мать. Сдѣлавшись женщиной, Аделаида продолжала быть тѣмъ же непонятнымъ существомъ, которое казалось дикаркой на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ: не потому, чтобы она была съумасшедшая, какъ думали въ предмѣстьи, а потому, что въ ней существовалъ полнѣйшій недостатокъ равновѣсія между кровью и нервами, что-то попорченное въ отношеніяхъ мозга къ сердцу, что заставляло ее жить не жизнью обыкновенною, иначе чѣмъ живутъ люди. Безъ сомнѣнія, она была крайне естественна, крайне логична сама съ собой, но эта логика была безуміемъ въ глазахъ сосѣдей. Она только съ необыкновенной наивностью покорялась требованіямъ своего исключительнаго темперамента.

Послѣ первыхъ родовъ она стала страдать сильными нервными припадками. Они еще болѣе разстроили ея организмъ. Она жила, такъ сказать, со дня на день, какъ дитя, какъ животное, поворяющееся безъ сопротивленія собственнымъ инстинктамъ. Когда Маккаръ былъ въ «обходѣ», она проводила дни какъ-то особенно лѣниво, мечтая, обращая вниманіе на дѣтей только за тѣмъ, чтобы поцѣловать ихъ и поиграть съ ними.

Аделаиды не имела никаких отроков, что называется «перомортыся» примечательны. Въ то время забора была продлана калитка, соединяющая лачужку Мавкара съ домомъ Аделаиды. Этихъ изобретений она была очень довольна и печевала въ лачужку, какъ только появлялся Мавкаръ.

Пьеръ, законный сынъ, съ малыхъ лѣтъ сталъ властвовать надъ своими братьями и сестрой. Въ спорѣхъ, кто былъ и блаже Антуана, Пьеръ всегда его велотилъ, съ сознаниемъ того, что властвуетъ долго. Что же касается Урсулы, — бѣднаго, худощавого и изнуреннаго ребенка, — ее велотили одинаково какъ тотъ, такъ и другой. До пятнадцатилѣтняго возраста, дѣти, впрочемъ, велотили другъ друга болѣе или менѣе небратски, не объясняя себѣ непреодолимой ненависти другъ къ другу, не понимая насколько они другъ другу чужды. Только въ этомъ возрастѣ они отутились лицомъ къ лицу съ сознательной и опредѣлившейся индивидуальностию каждого.

Въ шестнадцать лѣтъ, Антуанъ былъ мальчишкой, въ которомъ недостатки Мавкара и Аделаиды какъ-бы слились. Впрочемъ, въ немъ Мавкаръ перевѣшивалъ своей любовью въ бродяжеству, своимъ стремленіемъ въ пьянству, своими веселыми животнаго. Но поды органическимъ вліаніемъ матери, эти пороки, которые у отца имѣли что-то отеровенное, сангвиническое, у сына приобрѣли характеръ лицемѣрія и извосты. Антуанъ всецѣло принадлежалъ своей матери совершеннѣйшимъ отсутствіемъ человѣческой воли, эпизомомъ женщины, готовою на всѣхъ пониженіе, лишь бы ея животныя инстинкты были вполне удовлетворены. Объ немъ ходила молва: «Вотъ мерзавецъ-то, у него нѣтъ даже, какъ у Мавкара, храбрости собственной распуцанности; если когда-нибудь онъ станетъ убивать, то только булавочными уколами!» Въ физическомъ отношеніи у Антуана сохранились только толстыя, мясистыя губы Аделаиды; всѣ остальные черты напоминали Мавкара, но онѣ были у него смяченны, уклончивы, подвижны...

У Урсулы, напротивъ того, преобладало физическое и нравственное сходство съ матерью; въ ней замѣчалась, до известной степени, та же наследственная смѣсь, но такъ какъ бѣдный ребенокъ родился въ то время, когда страстные порывы Аделаиды нѣсколько утихли, то на ней глубже отпечатлѣлись органическія черты характера матери. Къ тому же, тутъ не замѣчалось сліянія двухъ натуръ, а скорѣе ихъ соноставленіе.

Передъ этими двумя незаконными дѣтьми Пьеръ вазался чужимъ; онъ резко отличался отъ нихъ въ глазахъ всякаго, кто заглядывалъ глубоко въ существо его натуры. Никогда еще ре-

беновъ не представлялъ такого среднего равновѣсія двухъ натуръ, создавшихъ его. Онъ былъ серединой между неотесаннымъ мужикомъ Ругономъ и нервной дѣвчонкой Аделаидой. Онъ остался мужикомъ, но мужикомъ съ болѣе нѣжной кожей, съ чертами лица болѣе тонкими, съ умомъ болѣе широкимъ и гибкимъ. Отецъ и мать, такъ сказать, исправляли себя въ немъ. Если натура Аделаиды уменьшала въ немъ сангвиническую неуклюжесть Ругона, то тяжелая масса этого послѣдняго воспротивилась, чтобы ребенокъ унаслѣдовалъ нервную распущенность своей матери. Пьеръ не зналъ ни порывовъ, ни болѣзненной мечтательности «волчатъ» Маккара. Северно воспитанный, онъ, не менѣе того, владѣлъ извѣстнымъ количествомъ благоразумія, которое всегда мѣшало ему сдѣлать бесполезную глупость. Его пороки, его лѣнь, его потребность чувственныхъ наслажденій не имѣли характера инстинктивныхъ порывовъ Аделаиды. Въ его жирномъ тѣлѣ, въ его продолговатомъ, блѣдномъ лицѣ можно было прочесть хитрое честолюбіе, неутолимую жажду наслажденія, сухое сердце и низкую зависть сына мужика, превратившагося въ буржуа, благодаря состоянію и нервности своей матери.

Когда, на семнадцатомъ году, Пьеръ узналъ и понялъ распущенность матери и исключительное положеніе Антуана и Урсулы, онъ не опечалился и не возмутился; онъ только спрашивалъ себя: что долженъ дѣлать въ виду собственныхъ интересовъ? Для него Антуанъ и Урсула были безстыдными тунеядцами, истреблявшими его добро. На мать онъ смотрѣлъ точно также, какъ и все предмѣстье; онъ былъ убѣжденъ, что она проживетъ все его добро, если онъ не вступитъ въ свои права. Онъ сдѣлался экономенъ и скупъ. Онъ убѣдился, что домъ и все состояніе принадлежатъ ему, что только онъ, какъ законный сынъ, можетъ унаслѣдовать ихъ, и такъ какъ видѣлъ, что добро его идетъ прахомъ, то и искалъ всѣми правдами и неправдами средства прогнать всѣхъ: мать, брата, сестру, слугъ, Маккара, и немедленно завладѣть всѣмъ.

Борьба началась; онъ понялъ, что прежде всего ему необходимо прибрать къ рукамъ мать. Съ ловкостію и искусствомъ, достойными лучшаго дѣла, онъ мало-по-малу пріобрѣталъ вліяніе на нее, пользуясь полнѣйшимъ отсутствіемъ въ ней характера и разстройствомъ ея нервной системы. Вскорѣ онъ связалъ ее по рукамъ и по ногамъ, сдѣлалъ изъ нея покорную и безмолвную служанку, не входя съ нею ни въ какія объясненія. Овладевъ матерью, молодой человѣкъ сталъ эксплуатировать въ свою пользу слабость ея мозга и безумный ужасъ, наводимый на нее

его взглядами. Первымъ его дѣломъ было: взять подъ свое управленіе домашнее хозяйство; онъ продавалъ, покупалъ, распоряжался деньгами. Онъ не заботился ни о поведеніи Аделаиды, ни о воспитаніи Антуана и Урсулы. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отбиралъ имъ пищу. Потомъ, захвативъ все состояніе, онъ выжидалъ случая распорядиться имъ по собственному усмотрѣнію.

Обстоятельства и случай помогли ему. Антуанъ по жребію долженъ былъ идти въ солдаты. Мать хотѣла найти охотника на мѣсто сына, но Пьеръ отказался дать денегъ; она эгоистически оставила сына на произволъ судьбы, нуждаясь прежде всего въ мирѣ и свободѣ. Пьеръ, не любившій крутыхъ мѣръ, уговорилъ Антуана идти въ солдаты, обѣщаясь на слѣдующій годъ, если дѣла пойдутъ хорошо, выкупить его. Разумѣется, онъ и не думалъ исполнять обѣщаніе, но обманутый Антуанъ согласился и отправился въ полкъ. Также неожиданно отдѣлался Пьеръ и отъ Урсулы. Одинъ работникъ, по имени Мурэ, влюбился въ нее и женился. Онъ женился по любви, безъ всякаго расчета. Урсула же согласилась выйти за него лишь бы уйти изъ дому, гдѣ жизнь ея отравлялъ Пьеръ. Мать, погружаясь все болѣе и болѣе въ свои животные инстинкты, употребляя остатки своей энергіи на защиту самой себя, стала окончательно равнодушна ко всему; она была даже рада выходу замужъ дочери, надѣясь, что Пьеръ не будетъ ее больше мучить. Послѣ свадьбы, Мурэ рѣшился оставить Плессанъ, не желая на всякомъ шагѣ слышать непріятныя вещи о своей женѣ и свекрови. Пьеръ на приданое не далъ ничего...

Оставалась Аделаида. Ни за что въ мирѣ Пьеръ не хотѣлъ жить съ нею: она его компрометтировала. Но какъ порѣшить съ нею? Оставаться съ нею значило портить свою будущность; выгнать?! но тогда весь городъ станетъ указывать на него пальцами, какъ на негоднаго сына, а Пьеръ хотѣлъ разыгрывать роль добряка, чувствуя, что люди ему понадобятся, желалъ возстановить свое имя, помириться со всѣмъ Плессаномъ. Одно средство оставалось: заставить Аделаиду покинуть его домъ, и Пьеръ употреблялъ всѣ средства, чтобы достигнуть этого результата. Онъ полагалъ, что его жестокое обращеніе съ матерью вполнѣ извиняется сквернымъ поведеніемъ ея. Онъ наказывалъ ее, какъ наказываютъ ребенка, методично и спокойно. Хотя ей было не болѣе сорока лѣтъ, она дѣйствительно сдѣлалась ребенкомъ, и если не бѣжала отъ этой невыносимой жизни, то только потому, что не знала куда дѣться. Случай помогъ ей. Маккаръ былъ убитъ въ одной схваткѣ съ жандармами на границѣ. Онъ

завѣнчалъ ей свою лачужку и дучье, и она истомленно переселлась туда, живя тамъ совершенно уединенно, дажь бы чужды всему остальному міру. Но въ то время онъ (Пьеръ) былъ въ Парижѣ. Навонецъ, Пьеръ почувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ въ домѣ, Земля Фуковъ принадлежала ему фактически, если не юридически. Но онъ не хотѣлъ прозывать въ домѣ своей матери. Работать въ городѣ, ухаживать за овощами казалось ему недостойнымъ его способностей; его честолюбіе, ико гораздо дальнее. Его натура, впечатлительная нервнымъ темпераментомъ матери, чувствовала неопредѣлимое стремленіе въ буржуазныя наслажденія. Поэтому, онъ рѣшился продать землю Фуковъ; этимъ путемъ онъ надѣялся реализовать порядочный капиталъ, который позволить ему жениться на дочери какого-нибудь негоціанта. Онъ даже сдѣлалъ выборы. Фирма «Пуанш и Даванъ», которой магазины помещались въ одной изъ самыхъ грязныхъ улицъ стараго квартала, не особенно процвѣтала. Вѣдѣвствіе этого именне, Руговъ и повелъ атаку въ эту сторону. Онъ рассчитывалъ видѣться съ предложеніемъ въ тотъ самый моментъ, когда дѣла стараго Пуанша будутъ находиться въ отчаянномъ положеніи; онъ видѣть у него дочь Фелисите, а потомъ возстановить кредитъ фирмѣ своею изворотливостью и энергіей. Моментъ дѣйствительно наступилъ. Молодой человѣкъ началъ переговоры и былъ принятъ, если не какъ спаситель, то по крайней мѣрѣ какъ возможное средство. Когда день свадьбы былъ назначенъ, Руговъ занялся продажей земли Фуковъ. Подумавъ, онъ вѣнчалъ, но okazaлось, что продавать собственность своей матери онъ не имѣетъ права. Кромѣ того, Антуанъ и Урсула имѣли такое же право на землю, какъ и онъ. Какъ эти мерзавцы могутъ его грабить, обворовывать его, законнаго сына! Но законъ былъ тонокъ. Манваръ и Аделаида уважили стоикъ дѣтей, а поэтому, они — наследники посягъ матери. Это обстоятельство, однакоже, не особенно затруднило его; онъ вѣдалъ, что можетъ располагать матерью, дажь вещью. Однажды онъ привелъ ее къ нотариусу и заставилъ подписать актъ продажи. Динь бы, только ей гарантировали ея лачужку въ мереуль св. Митра, она готова была продать хоть весь Плессанъ; въ тому же Пьеръ обѣщалъ ей платить ежегодно шестьсотъ франковъ и помогать Антуану и Урсулѣ. Выжившей изъ ума женщины этого было совершенно достаточно. Она прочитала передъ нотариусомъ урокъ, который заучила, и дѣло было сдѣлано. На другой день Пьеръ заставилъ ее подписать росписку въ полученіи будто бы ею пятидесяти тысячъ франковъ, утѣривъ ее, что это одна только формальность. Укладывая въ карманъ росписку, онъ

думать про себя: сну, теперь волчата могут у меня спрашивать счеты. Я имъ скажу, что старая вѣдьма все растратила, а процессы они мнѣ не станутъ дѣлать». Получивъ деньги изъ домъ матери, они женился на Фелисите Пуэпъ.

III.

Фелисите была крошечная, сутулая дѣвочка, какія часто встрѣчаются въ провинці: худощавая съ плоскою (грудью), короткими плечами, съ лицомъ напоминающимъ мордочку бундучи;—ей было трудно было опредѣлить. Въ ея черныхъ глазахъ видѣлась хитрость кошки. Нависшій, выпуклый лобъ, носъ съ широкими ноздрями, тонкія, красныя губы;—вся ея физиономія была какъ-бы живою маскою интриги и активного честолюбія. Но несмотря на крайнюю неправильность своего лица, Фелисите была пріятельна; объ ней говорили, что она была хороша, или дурна,—по желанію. Это должно быть зависѣло отъ того, какъ она справлялась съ своимъ волосами; но главнымъ образомъ эту пріятельность придавала ей торжествующая улыбка, которая освѣщала все ея лицо всѣмъ разъ, когда она одерживала какую-нибудь побѣду. Считая себя обиженной судьбой, она въ большинствѣ случаевъ соглашалась быть дурнашею, но въ то же время никогда не оставляла борьбы и полагалась достигнуть того, что весь городъ ставитъ заковать ея бока въ кандалы и розноши. Въ сомнѣніи она бы скоро осуществила свои желанія, если бы ея жизнь могла развернуться на степи болѣе широкой, гдѣ бы ея умъ могъ развиваться болѣе свободно. Она была гораздо умнѣ дѣвушекъ своего сословія и воспитанія. Злые языки говорили, что ея мать, умершая вкорѣ послѣ ея рожденія, находилась въ связи съ маркизомъ де-Карнаванъ, молодымъ адистовратомъ квартала св. Мариа. Истина же заключалась въ томъ, что у Фелиситы были ноги и руки маркизы, которымъ, вѣроятно, не могли принадлежать и породѣ труженниковъ.

Въ образѣ Фелиситы старый Пуэпъ видѣлъ только капиталъ, внесенный женихомъ въ торговое предпріятіе; но у Фелиситы глаза были лучше. Она далеко заглядывала въ будущее; въ мушкетѣ ея души были здоровыя, котораго они могли бы употребить для самыхъ цѣлей; она держалась того мнѣнія, что мушкетеръ придаетъ значеніе только женщина. Она угадала, что Рутонъ способенъ вывести на своихъ плечахъ ту гору интригъ, которая ему представлялась ввалить на него; но если она отдавала спра-

ведливость силѣ и здоровью своего мужа, то, въ свою очередь, не ошибалась и въ томъ, что онъ не пошлый дуракъ: подъ толстымъ слоемъ жира, она угадала гибкость и изворотливость ума. Но все-таки, Фелиситэ не оцѣнила надлежащимъ образомъ Ругона. Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, роаясь въ бумагахъ мужа, она отыскала росписку его матери въ полученіи пятидесяти тысячъ франковъ. Она поняла все и ужаснулась: ея характеръ средней, буржуазной честности не допускалъ подобныхъ рѣшительныхъ средствъ; но къ этому ужасу примѣшивалось однако восхищеніе: Ругонъ въ ея глазахъ принялъ размѣръ очень крупной личности.

Дѣла, впрочемъ, шли скверно. Вскорѣ Пуэшъ и Лавамъ оставили все дѣло Ругону, довольные тѣмъ, что накопили себѣ кое-что, и сгорая желаніемъ сдѣлаться *gentiers*. Ругоны стали полными хозяевами, но счастье не везло имъ. Они боролись съ страшной энергіей, но всѣ расчеты разлетались въ пухъ.

— Ты видишь, говорила Фелеситэ мужу, я родилась не въ добрый часъ.

Пьеръ, изнуренный этой копѣчной борьбой, двадцать разъ ликвидировалъ бы состояніе, если бы не упорство жены. Она знала, что можетъ достигъ чего-либо только значительнымъ состояніемъ.... Эта борьба длилась болѣе тридцати лѣтъ безъ всякихъ результатовъ.

Необходимо прибавить, что съ первыхъ же годовъ брака они нажили много дѣтей. Но Фелиситэ вовсе не смотрѣла на это прибавленіе ихъ семейства, какъ на причину разоренія. Напротивъ, то состояніе, къ которому она стремилась, которое выскользало изъ ея рукъ, она, такъ сказать, искала въ будущемъ своихъ дѣтей. Поглощенная этой *idée fixe*, она вся отдалась воспитанію сыновей, несмотря на сопротивленіе мужа. Легко себѣ представить, каково должно было быть это воспитаніе...

Въ началѣ 1848-го года, наканунѣ февральской революціи, трое сыновей Ругона были крайне плохо пристроены въ Плесантъ. Тогда они представляли собой любопытные типы, сильно различные другъ отъ друга, хотя вышедшіе изъ одной и той же семьи. Въ сущности, они все-таки были лучше своихъ родителей. Раса Ругоновъ облагораживалась женскими элементами. Аделаида сдѣлала изъ Пьера умъ средняго полета, способный на мелкое честолюбіе; Фелиситэ одарила своихъ сыновей болѣе широкимъ умомъ, способнымъ на крупные пороки и на крупную добродѣтель.

Старшій, Эженъ, былъ сорока лѣтъ въ эту эпоху. Физически онъ былъ похожъ на своего отца; но у сына неуклюжесть отца

превращалась въ важность осязки. Онъ былъ честолюбивъ, но не мелочно; въ немъ господствовали инстинкты неограниченной власти, рѣзкое презрѣніе къ мелочнымъ средствамъ. Стремленія въ чувственности, развившіяся въ семействѣ Ругоновъ съ страшной быстротой и составлявшія какъ-бы характеристическую черту этого семейства, достигли въ немъ самаго высокаго выраженія; онъ хотѣлъ наслаждаться, но умственно, удовлетворяя своей потребности господствовать. Для того, чтобы не разорять своихъ родителей, онъ записался въ списокъ адвокатовъ и прозябалъ въ Плессанѣ, выжидая благопріятнаго случая. За мѣсяцъ до февральскихъ дней онъ казался сильно озабоченнымъ: тонкій нюхъ убѣдилъ его въ приближеніи всеобщаго кризиса. Съ той минуты Плессанъ сдѣлался для него невыносимъ: тоска снѣдала его, онъ не зналъ куда дѣться. Наконецъ, онъ рѣшилъ и уѣхалъ въ Парижъ. Въ карманѣ у него было не болѣе пяти сотъ франковъ.

Аристидъ, второй сынъ Ругоновъ, былъ, если можно такъ выразиться, геометрически противоположенъ Эжену. Съ лицомъ, напоминающимъ лицо матери, онъ былъ въ высшей степени завыставъ, съ хитрымъ характеромъ, способнымъ на мелкую, вульгарную интригу, съ инстинктами своего отца. Природа иногда нуждается въ симметріи. Онъ обожалъ деньги въ такой же степени, въ какой его братъ обожалъ власть; поэтому, онъ болѣзненно желалъ нажиться. Раса Ругоновъ слишкомъ скоро достигала своей зрѣлости; всѣ потребности матеріальнаго комфорта сосредоточились въ Аристидѣ, увеличенныя сквернымъ воспитаніемъ. Фелиситэ особенно сильно его любила. Его выслали въ Парижъ пополнить воспитаніе; но въ Парижѣ онъ ничего не дѣлалъ, вернулся въ Плессанъ и женился. Жена его была дочерью нѣкоего Сикардо, капитана въ отставкѣ. Молодая чета на первыхъ порахъ помѣстилась у Ругоновъ, которымъ была въ тягость. Свою алчность Аристидъ не имѣлъ средствъ удовлетворить, и онъ томился, ища исхода и не находя его. Когда, въ началѣ 1848 года, Эженъ отправился въ Парижъ, Аристидъ вздумалъ сдѣлать то же, но Эженъ былъ холостъ, у него же была лишняя обуза—жена. Скрѣпя сердце, онъ остался выжидать катастрофы, рѣшившись съ жадностью голоднаго волка броситься на первую попавшуюся добычу.

Послѣдній сынъ Ругоновъ, Паскаль, былъ человѣкъ особаго типа; ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ отношеніяхъ Паскаль не напоминалъ Ругоновъ. Высокаго роста, съ пріятными, строгими чертами лица, онъ былъ искрененъ, любилъ погружаться въ научныя изслѣдованія, что составляло контрастъ съ

ликорядочнымъ честолюбіемъ и интригами прочихъ членовъ семьи. Въ Парижѣ онъ окончилъ курсъ медицинской школы и сталъ скромно заниматься медицинской практикой въ ПLESSAN. Фелисите съ досадой смотрѣла на Паскаля, она видѣла, что Паскаль ни въ какомъ случаѣ не оправдываетъ ея ожиданій.

— Что съ тобой? говорила она ему, ты точно чужой намъ. Посмотри на своихъ братьевъ: они никуда не стараются воспользоваться воспитаніемъ, которое мы имъ дали; а ты дѣлаешь едва только мушкетера.

Паскаль обидевшись, отвѣчалъ:

— Не жалуйтесь слишкомъ на меня, я и совсѣмъ не хочу васъ разорить: ждите что-нибудь изъ вѣсти заболѣть, и я стану лечить его даромъ. Чего же вамъ больше?

За три года до февральской революціи, Ругоны оставили торговлю и сдѣлались мелкими рантиерами; они имѣли тысячу дѣй франковъ годового дохода; но на это можно было кое-какъ свести концы съ концами, тѣмъ болѣе, что ихъ было только двое: ихъ дочери, Марта и Сидони, вышли замужъ; одна жила въ Марсели, другая въ Парижѣ. Ругоны утѣшились скромно, хотя не примирились съ своей относительной бѣдностью. Когда они перебирали въ своемъ умѣ всѣ безполезныя усилія, когда вспоминали эти тридцать лѣтъ ненужной борьбы и видѣли, какъ вои ихъ мечты разбивались о неумолимую дѣйствительность, — на нихъ находило быстрое. И тогда, утѣшая себя, они строили новыя планы колоссальнаго богатства. Фелисите мечтала, что выигрываетъ въ лотерею сто тысячъ франковъ; Пьеръ воображала, что придумаетъ какую-нибудь новую, грандіозную спекуляцію. Они жили одною толпою: мыслию сдѣлать состояніе такъ можно скорѣе, сейчасъ; были богатыми, и пользовались всеми благами міра: сего, хотя бы даже на короткое время. Все ихъ существо стремилось къ этой цѣли, дико, грубо, неустанно.

Итакъ, революція 1848-го года встала въ ихъ Ругоновъ въ выходящемъ положеніи, принявшихъ преслѣдованіями судьбы, готовыхъ болѣзненно дѣлаться за всякое средство, но непобѣдненныхъ. Это была семья разбойниковъ, готовившихся грабить событія. Жена сторожила въ Парижѣ; Аристидъ только и думалъ, какъ бы накинуться на ПLESSAN. Отецъ и мать, — можетъ быть самые жадные изъ всѣхъ, — работали для себя, рассчитывая въ то же время попользоваться работой сыновей. Одинъ только Паскаль, погруженный въ науку, жилъ скромно и тихо въ своемъ маленькомъ домикѣ новаго города.

Въ Пюссанѣ, въ томъ замкнутомъ городишѣ, гдѣ раздѣленіе
 классовъ опредѣлялось резко, въ 1848-мъ году, духонитъ ударомъ
 отозвался февральскія событія. Чтѣ бы ни дѣлалось въ политиче-
 скомъ мірѣ, городъ едва лишь возмущался. Въ Пюссанѣ спятъ
 въ то время, когда въ Парижѣ дерутся. Но какъ бы спокойна
 не казалась поверхность, на днѣ происходитъ работа, крайне-
 любопытная; если духониты выстрѣлы рѣжи на улицахъ, за то
 дитрихи процвѣтають въ гостиницѣхъ новаго города, и пред-
 мѣстствъ Марка. До 1830-го года на народѣ нѣтъ ни об-
 рапаннаго вниманія, и все рѣшалось поближнему, между духовен-
 ствомъ, дворянствомъ и буржуазіей. Многочисленное сословіе
 патеровъ дасть тонъ мѣстной политикѣ; они заговариваютъ, под-
 земныя мины, удара въ тѣни, дѣйствуютъ умной, боязливой
 тактикой. Эта скрытая борьба, людей, не преимуществу, избѣ-
 гавшихъ шума, требуетъ особенной хитрости, особенной любви
 къ мелочнымъ средоточіямъ, страстного дерзопія людей, лишенныхъ
 страсти. Эти добряки, въ особенности, когда затронуты ихъ лич-
 ные интересы, убиваютъ, такъ сказать, булавочными ударами,
 какъ въ Парижѣ убиваютъ пушечными выстрѣлами, на улицахъ
 и площадяхъ. Политическая исторія Пюссана, какъ и всѣхъ ма-
 ленькихъ городовъ Прованса, представляетъ еще одну любопытную
 особенность. До 1830-го года, жители были усердными католи-
 ками и роялистами. Потомъ обнаружился, страшный, поворотъ:
 въра испарилось, рабочее и буржуазное наслѣдіе, оставивъ дѣло
 легитимизма, мало-по-малу одоело демократическому движенію
 нашей эпохи. Когда возникла февральская революція, оказалось,
 что въ подлѣу Генриха V. работаютъ только духовенство и дво-
 рянство. Долгое время они смотрѣли на торжество Орлеановъ,
 какъ на сибирской опытъ, который рано или поздно приведетъ
 Францію въ ноги Бурбоновъ. Кварталь овъ Марка, при по-
 мощи патеровъ, принялся за дѣло въ буржуазіи, же и въ осо-
 бенности въ народѣ февральскіе дни были встрѣчены съ нели-
 цемѣрнымъ восторгомъ; но для рантьеровъ новаго города это
 цѣна имѣло только блескъ и продолжительность, мыльного пу-
 зыря; на нихъ нашель панический страхъ за ихъ кошельки и
 эгоистическое существованіе. Поэтому, когда возникла экстремаль-
 ная реакція 1849-го года, почти вся пюссанская буржуазія пе-
 решла на сторону консерваторовъ. Конечно, ее принимали съ рас-
 простертыми объятіями. Никогда еще новый городъ не нахо-
 дился въ такихъ интимныхъ сношеніяхъ съ предѣстельемъ св.

Марка; нѣкоторые аристократы дошли до того, что жали руки адвокатамъ и прежнимъ торговцамъ оливковаго масла. Эта неожиданная фамиллярность вызвала восторгъ новаго квартала, который съ той поры затѣялъ войну на жизнь и на смерть съ республиканскимъ правительствомъ. Но дворянство, въ 1848-мъ году, было почти равнодушно къ политикѣ, говоря только, что готово броситься въ огонь, и все-таки продолжая грѣться у своего камина. Духовенство энергично боролось съ этой апатіей. Въ Плесанѣ, какъ и вездѣ, реакціей управляло духовенство. Дворяне составляли только ширму; духовенство пряталось за эту ширму, управляло ею и достигло того, что придало ей искусственную жизнь. Когда въ дворянствѣ отвращеніе къ буржуазіи было побѣждено—патеры ликовали. Почва была великолѣпно приготовлена; этотъ старый, роялистскій городъ, это населеніе мирныхъ буржуа и трусливыхъ лавочниковъ, рано или поздно, роковымъ образомъ должно было применить къ *партии порядка*. Духовенство, своей энергіей и тактикой, ускорило этотъ результатъ. Обезпечивъ себѣ собственниковъ, оно убѣдило также и мелкихъ лавочниковъ. Тогда городомъ стала всецѣло управлять реакція. Всѣ мнѣнія существовали въ этой реакціи; никогда еще не замѣчалось такой уродливой смеси либераловъ, орлеанистовъ, легитимистовъ, бонапартистовъ. Но все дѣло заключалось въ томъ, чтобы убить республику; а республика сама дышала на ладонь...

Событія февральской революціи и выдвинули на первое мѣсто Ругоновъ. Участвуя во всѣхъ фазисахъ этого кризиса, они выросли на развалинахъ свободы. Голодные разбойники навинулись на республику; задушивъ ее, они ее ограбили. Фелиситѣ первая, своимъ тонкимъ нюхомъ, замѣтила, что имъ слѣдуетъ воспользоваться событіями. Она стала уговаривать своего мужа, указывая на маркиза де-Карнавана, который говорилъ ей, что будетъ богатъ, если возвратится Генрихъ V, и что этотъ король великолѣпно вознаградитъ тѣхъ, кто возвратитъ ему престолъ... Маркизь, дѣйствительно, изрѣдка сталъ появляться у Ругоновъ. Это былъ маленькій человѣчекъ, живой, старикашка лѣтъ семидесяти. Говорили, что состояніе его ушло на женщинъ. Онъ дѣйствительно былъ бѣденъ, жилъ у своего родственника и ничего не дѣлалъ. Маркизь былъ главнымъ агентомъ реакціи; когда соглашеніе дворянства съ буржуазіей состоялось, онъ сталъ чаще бывать у Ругоновъ; увидѣвъ, что Пьеръ можетъ служить ему хорошимъ помощникомъ, онъ устроилъ въ его домѣ сборище консерваторовъ, и дѣло закипѣло. Ругонъ сталъ «персонажемъ».

Въ желтой гостиной Ругоновъ составлялся заговоръ противъ республики 1848-го года. Главой этой группы заговорщиковъ былъ

нѣто г. Изидоръ Грану, прежній торговецъ миндалемъ, членъ муниципальнаго совѣта. Его ротъ, похожій на мордочку зайца, его круглыя глаза, выраженіе лица, въ одно и то же время довольное и разсѣянное, напоминали въ цѣломъ жирнаго гуся. Говорилъ онъ мало, путался въ словахъ, другихъ же слушалъ тогда, когда ругали республиканцевъ, которые будто бы готовятся грабить дома богатыхъ; тогда онъ краснѣлъ, какъ ракъ, и по временамъ разражался ругательствами въ родѣ: «лѣнтяи, мерзавцы, воры, мошенники». Но не всѣ посѣтители желтой гостинной похожи были на этого жирнаго гуся. Рудье, напр., богатый собственникъ, съ вкрадчивой фizioноміей, ораторствовалъ тамъ цѣлыя часы со страстію орлеаниста, котораго расчеты разлетѣлись въ прахъ послѣ паденія Луи-Филиппа. Но самымъ сильнымъ умомъ желтой гостинной былъ капитанъ Снеардбъ, тестъ Аристиды. Созданный по образцу Геркулеса, съ лицомъ, напоминающимъ цѣвъ кирпичя, онъ считался однимъ изъ славнѣйшихъ остатковъ великой арміи. Въ февральскихъ дняхъ онъ возмущался уличной дракой, говоря съ жаромъ, что такъ драться постыдно. Онъ съ гордостью припоминалъ великое царствованіе Наполеона I. У Ругона можно было видѣть также личность, съ влажными полными руками, уклончивымъ взглядомъ, личность, извѣстную подъ именемъ г. Вюилэ, книгопродавца, снабжавшаго священными книгами и чотками всѣхъ ханжей города. Къ своей торговлѣ онъ присоединилъ изданіе маленькой газеты, выходившей два раза въ недѣлю, — *Gazette de Plessans*, въ которой онъ занимался исключительно интересами духовенства. Каждый божій годъ эта газетка стоила ему болѣе тысячи франковъ, но за то она его дѣлала рыцаремъ церкви. Этотъ безграмотный господинъ, котораго ореография была весьма сомнительнаго свойства, самъ редактировалъ газету съ самоуниженіемъ и ядомъ, заступавшими мѣсто таланта. Маркизъ напалъ на мысль воспользоваться этой плоской фигурой попомаря. Съ февраля статьи газеты заключали менѣе грамматическихъ ошибокъ: маркизъ просматривалъ ихъ. Теперь легко себѣ вообразить, какое странное зрѣлище представляла желтая гостинная Ругоновъ всякій вечеръ.

Въ апрѣлѣ 1849-го года, Эженъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Плессанъ. Конечно, онъ пріѣхалъ разузнать, что творится въ его родномъ городишкѣ; онъ высматривалъ, прислушивался, нюхалъ. За нѣсколько дней до своего отправленія въ Парижъ, онъ встрѣтился съ Аристидомъ, который желалъ посовѣтоваться съ братомъ. Аристидъ сильно волновался. Съ провозглашеніемъ республики, онъ сталъ обнаруживать неумѣренный энтузіазмъ къ новому правительству. Онъ понималъ, что орлеанисты и ле-

гитимисты безсильны, но въ то же время не догадывался, кто именно восторжествуетъ. На всякій случай, онъ сталъ пова на сторонѣ побѣдителей. Съ отцемъ онъ разорвалъ всякія сношенія, вездѣ говоря, что это старый дуралей, попавшій въ ловушку дворянъ. Аристидъ желалъ продать себя какъ можно дороже; поэтому вся его забота заключалась въ томъ, чтобы стоять на сторонѣ будущихъ побѣдителей; но у него не было руководной нити, и, въ ожиданіи, онъ продолжалъ быть республиканцемъ. Онъ даже сталъ издавать республиканскую газету «Indépendant». Эжена онъ считалъ крупнымъ умомъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что его братъ проводить цѣлыя вечера въ желтой гостинной. Неужели же онъ, Аристидъ, такъ грубо ошибался? Неужели орлеанисты и легитимисты имѣютъ шансы успѣха? Эта мысль ужаснула его, и, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, онъ напалъ еще рѣзче на консерваторовъ. Онъ напечаталъ статью, въ которой своего собрата Вюилэ обзываетъ «братомъ Іуды», «прислужникомъ святого Антонія» и проч. Встрѣтившись съ братомъ, онъ спросилъ его:

— Читалъ ты мою статью? Что ты объ ней думаешь?

— Наивенъ ты, братецъ, отвѣчалъ ему Эженъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Аристидъ блѣднѣя, ты оправдываешь Вюилэ, ты вѣришь въ торжество Вюилэ?

— Я... Вюилэ...

Эженъ чуть не прибавилъ: «Вюилэ—такой же дуракъ, какъ и ты, мой милый»; но удержался и сказалъ спокойно:

— У Вюилэ есть много хорошаго.

Аристидъ не зналъ, что и подумать; Эженъ должно быть издѣвался надъ нимъ, такъ какъ трудно было себѣ представить личность болѣе грязную, чѣмъ этотъ Вюилэ. Но все-таки, Аристидъ рѣшилъ впредь быть благоразумнѣе и.... не жечь своихъ кораблей.

Передъ отъѣздомъ у Эжена былъ съ отцомъ длинный, секретный разговоръ. Выходя, онъ прибавилъ:

— Поняли вы меня, батюшка? Въ этомъ наше состояніе. Работайте всѣми силами въ этомъ направленіи. Вѣрьте мнѣ....

Эженъ не только предвидѣлъ декабрьскій переворотъ, но и работалъ въ его пользу. Это-то онъ и сообщалъ отцу. Планъ дѣйствій и цѣли не передавались Фелиситѣ, но она пронюхала въ чемъ дѣло. Направленіе засѣданій желтой гостинной измѣнилось, тѣмъ болѣе, что и Карнавонъ сообразилъ къ чему клонится республика. Сперва въ желтой гостинной стали слышаться умѣренные похвалы республикѣ, потомъ ея президенту, принцу Наполеону, напр., за римскую экспедицію.... А событія

шли съ быстротою молніи. 1851-й годъ былъ для плессанскихъ жителей годомъ болѣзненныхъ ожиданій и недоумѣній, которыми воспользовались Ругоны. Самые невѣроятные слухи стали ходить по городу: то республиканцы торжествовали, то консервативная партія добивала республику.... Отголоски ссоръ законодательнаго собранія отзывались въ провинціи сегодня преувеличиваемые, завтра уменьшаемые, но всегда измѣненные до такой степени, что самые проникательные люди ходили въ потемкахъ. Вездѣ чувствовалось одно: развязка приближалась, но незнаніе, въ чемъ должна заключаться эта развязка, раздражало и бѣсило буржуазію.

Улыбка маркиза дѣлалась все злѣе и злѣе. Вечеромъ, въ желтой гостинной, когда всеобщее недоумѣніе царило на лицахъ, маркизъ, приблизившись къ Фелиситѣ, говорилъ ей шопотомъ:

— Ну, глупенькая, плодъ созрѣлъ.... но вамъ нужно сдѣлаться полезными.... Все зависитъ, прибавлялъ маркизъ, отъ событій. Если департаментъ не взволнуется, если Плессанъ не будетъ встревоженъ какимъ-нибудь бунтомъ, то вамъ трудно будетъ выдвинуться и заявить себя передъ новымъ правительствомъ. Въ такомъ случаѣ, я вамъ совѣтую ни во что не мѣшаться и выжидать благодѣяній вашего сына Эжена. Но если народъ подымется, если наши буржуа придутъ въ ужасъ, тогда вы можете играть роль спасителей. Жаль только, что мужъ твой нѣсколько тяжелъ на подъемъ....

— Объ этомъ не беспокойтесь, отвѣчала Фелиситѣ, расшевелить Пьера я берусь.... Думаете ли вы, что департаментъ взволнуется?

— Навѣрно. Плессанъ, можетъ быть, и не тронется: въ немъ слишкомъ торжествуетъ реакція, за то всѣ сосѣдніе города, бурги и деревни — подъ властью тайныхъ обществъ, и принадлежатъ республиканской партіи. Пусть только раздастся *coup d'état* и мы услышимъ набатъ со всѣхъ сторонъ....

Фелиситѣ задумалась.

— Итакъ, вы думаете, что бунтъ необходимъ для того, чтобы намъ можно было выдвинуться?

— Да, полагаю, отвѣчалъ маркизъ.

Развязка приближалась быстрыми шагами. Эженъ въ своихъ письмахъ также рассчитывалъ на бунтъ въ департаментѣ; всѣ его совѣты ограничивались тѣмъ, чтобы заговорщики желтой гостинной приобрѣли какъ можно болѣе вліянія, чтобы въ критическую минуту городъ находился въ рукахъ Ругоновъ. И дѣйствительно, въ ноябрѣ 1851 года судьба Плессана зависѣла

отъ желтой гостинной. Рудье представлялъ богатую буржуазію. Грану былъ еще драгоцѣннѣе: онъ располагалъ муниципальнымъ совѣтомъ, гдѣ имѣлъ большое вліяніе. Наконецъ, благодаря Сикардѣ, который былъ назначенъ начальникомъ національной гвардіи, гостинная располагала военной силой. Итакъ, Ругоны достигли многого: всякій, по трусости, или глупости долженъ былъ имъ повиноваться въ данную минуту. Но другія вліянія могли быть вредны имъ. Въ случаѣ, если подпрефектъ, меръ и другіе чиновники подавятъ возстаніе въ самомъ началѣ, — они отойдутъ на второй планъ, у нихъ не будетъ ни времени, ни средствъ отличиться. Они желали поголовной, административной паники. Къ счастью для нихъ, въ Плессанѣ была именно такая администрація: префектъ былъ человекъ либеральный, но мирный, не желавшій злоупотреблять властью. Муниципалитетъ также не тревожилъ ихъ; меръ — г. Гарсоне, былъ легитимистъ....

Развязка приближалась, но несмотря на рѣшимость заговорщиковъ, ихъ пропималъ страхъ. Видя все это, маркизъ качалъ головой.

— Они еще болѣе трусы, чѣмъ я полагалъ. Съ подобными людьми Франція всегда будетъ принадлежать тому, кто захочетъ ее взять.

Потомъ онъ прибавилъ съ горечью:

— Рѣшительно, монархія для настоящаго времени слишкомъ чиста. Ея время кончено.

Наконецъ, въ Парижѣ наступили декабрьскіе дни. Въ Плессанѣ было относительное спокойствіе. Были, правда, манифестаціи, но безъ особеннаго значенія; 5-го и 6-го декабря положеніе ухудшилось; оказалось, что югъ начинаетъ двигаться. Шайки инсургентовъ рыскали по деревнямъ и уничтожали сообщеніе съ Плессаномъ. Положеніе города было грустное. Грану съ плачевной физіономіей повторялъ, что у г. мера нѣтъ никакихъ извѣстій. Въ народѣ поговаривали, что Марсель дерется. Капитанъ Сикардѣ, возмущенный трусостію буржуазіи, влялся умереть во главѣ національной гвардіи. 7-го, ужасъ овладѣлъ всѣми. Съ утра въ желтой гостинной образовался реакціонный комитетъ, обсуждавшій мѣры. Ожидали инсургентовъ. Наконецъ, послышался въ передней звонокъ. Эти господа задрожали, какъ будто услышали выстрѣлъ. Лакей капитана вошелъ и сказалъ Сикардѣ:

— Инсургенты будутъ въ Плессанѣ черезъ часъ.

Это извѣстіе упало какъ громъ на собраніе. Начался шумъ, крики.

— *Sacré tonpère!* вскричалъ наконецъ капитанъ, не теряйтесь такъ, будьте покойнѣе. Въ противномъ случаѣ, я ни за что не ручаюсь.

Всѣ присѣли и замолчали. Тогда наконецъ можно было узнать кое-какія подробности. Посланный сообщилъ, что инсургентовъ болѣе трехъ тысячъ и что съ ними есть плѣнные.

— Плѣнные! кричали перепуганные буржуа.

— Конечно, отвѣчалъ улыбаясь маркизъ; мнѣ рассказывали, что инсургенты берутъ въ плѣнъ лица, извѣстныя своими консервативными убѣжденіями....

Настало гробовое молчаніе. Публика начала мало-по-малу исчезать изъ гостиной.

— Чортъ побери, тѣмъ лучше, сказалъ наконецъ Сикардъ; эти трусы начали меня раздражать. Вотъ уже два года, какъ они говорятъ, что необходимо перестрѣлать республиканцевъ, а теперь даютъ тягу.

Онъ взялъ шляпу.

— Чтожъ? время не терпѣть, отправимся, Ругонъ.

Фелиситэ выжидала этой минуты; она бросилась къ своему мужу, показывая видъ отчаянія.

— Я не хочу, чтобы ты уходилъ, кричала она. Я не пущу тебя; эти мерзавцы убьютъ тебя.

Капитанъ, удивленный, остановился.

— *Sacrebleu!* заворчалъ онъ, если женщины начнутъ выть теперь.... Пойдемъ Ругонъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала Фелиситэ. Сопротивляться—безуміе; ихъ три тысячи—васъ изрубятъ.

— Это нашъ долгъ, отвѣчалъ Сикардъ.

Фелиситэ зарыдала.

— Если они не убьютъ его, то возьмутъ въ плѣнъ. Что будетъ тогда со мной?

— Но, возразилъ Сикардъ, думаете ли вы, что насъ оставлять въ покоѣ, если мы останемся дома? Черезъ часъ, меръ и всѣ чиновники попадутъ въ плѣнъ, также какъ и вашъ мужъ и всѣ тѣ, кто здѣсь находится.

— Вы думаете?

— Еще бы!

Фелиситэ оставила руку Ругона, который не думалъ уже уходить.

— Необходимо сперва придти къ какому либо заключенію, сказалъ онъ. Моя жена можетъ быть и права, обвиняя насъ въ томъ, что мы забываемъ интересы нашихъ семействъ.

— Конечно, справедливо, замѣтилъ Грану.

Капитанъ гнѣвно надѣлъ шляпу и сказалъ громогласно:

— Какъ хотите. Я начальникъ національной гвардіи, и долженъ находиться въ меріи. Сознайтесь, что вы трусы и оставляете меня одного.... Прощайте....

— Теперь, сказалъ Ругонъ по уходѣ капитана, я предложу вамъ скрѣпиться, чтобы избѣжать ареста и быть свободнымъ, когда понадобится.

Грану и Вюилэ чуть не бросились ему въ объятія.

— Скоро, продолжалъ Ругонъ, я въ васъ, господа, буду нуждаться. Намъ предстоитъ честь возстановить порядокъ въ Плессанѣ.

— Располагайте нами, отвѣтилъ Вюилэ.

Часъ приближался. Странные защитники Плессана, прятаясь, чтобы лучше защитить городъ, поспѣшили каждый скрѣпиться въ какой-нибудь норѣ. Оставшись одинъ съ женой, Пьеръ просилъ ее не запирается и отвѣчать, что онъ выѣхалъ изъ города. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ. На встрѣчу ему попалась толпа вооруженныхъ работниковъ, пѣвшая марсельезу.

— Fichtre! замѣтилъ онъ про себя. Пора убраться. Городъ въ возстаніи.

Онъ направился къ жилищу своей матери.

V.

Антуанъ Маккаръ возвратился въ Плессанъ въ 1823 году; тогда ему было двадцать восемь лѣтъ. Поступивъ на службу въ концѣ первой имперіи, онъ переходилъ изъ гарнизона въ гарнизонъ, продолжая вести ту безсмысленную жизнь солдата, въ которой онъ привыкъ. Жизнь эта до крайнихъ размѣровъ развила въ немъ его природные инстинкты. Его лѣтъ сдѣлалась сознательною; пьянство, за которое его наказывали безконечное число разъ, сдѣлалось въ его глазахъ чѣмъ-то въ родѣ настоящей религіи. Но болѣе всего его испортило презрѣніе, которое онъ питалъ къ бѣднякамъ, принужденнымъ существовать трудомъ.

— На родинѣ, говаривалъ онъ часто своимъ товарищамъ, у меня есть деньги; когда покончу службу, — стану жить, какъ настоящій буржуа.

Это убѣжденіе не позволило ему достигъ даже капральскаго чина.

По приѣздѣ въ Плессанъ, онъ наконецъ узналъ горькую истину. На всѣ его вопросы мать отвѣчала:

— Твой братъ все взялъ; онъ позаботится о тебѣ, это рѣшено.

Антуанъ отправился къ брату, который приготовился къ встрѣчѣ.

— Послушайте, сказалъ онъ ему; совѣтую не сердить меня, потому что въ противномъ случаѣ я выпырну васъ изъ окна. Я васъ не знаю, у насъ не одна фамилія. Я хотѣлъ-было кое-что сдѣлать для васъ, но такъ какъ вы грубы, то убирайтесь въ чорту.

— А мои деньги? Отдашь ли ты мнѣ, воръ? Или тебя нужно тащить въ судъ?

Пьеръ повелъ плечами.

— У меня нѣтъ вашихъ денегъ, отвѣчалъ онъ спойно. Моя мать распорядилась состояніемъ какъ ей вздумалось. Я не вмѣшивался въ ея дѣла. Я добровольно отказался отъ всякаго наслѣдства, и ваши грязныя обвиненія не замазываютъ меня.

Антуанъ не зналъ что дѣлать. Невозможность повредить своему брату только увеличивала его злобу. Онъ бѣгалъ по городу и всѣмъ рассказывалъ, какъ надулъ его Пьеръ. Когда мать давала ему золотой, онъ отправлялся въ кабаки и тамъ, во всеуслышаніе, обзывалъ своего брата мошенникомъ. Въ этихъ мѣстахъ онъ вскорѣ приобрѣлъ себѣ сочувственную аудиторію пьяницъ; вся городская сволочь поддерживала его; въ кабакахъ только и слышно было, что ругательства на этихъ мерзавцевъ Ругоновъ, которые оставляютъ безъ куска хлѣба храбраго солдата, и сеансы обыкновенно оканчивались поголовнымъ осужденіемъ богатыхъ.

Лучшимъ наслажденіемъ Антуана было прохаживаться разъ десять въ день передъ магазиномъ Пьера, въ оборванномъ солдатскомъ костюмѣ. Обыкновенно его сопровождалъ какой-нибудь пьяница, которому онъ громко, передъ носомъ Пьера и Фелиситэ, разсказывалъ воровство пятидесяти тысячъ франковъ, сопровождая эсказъ ругательствами и оскорбленіями.

Все это выводило Фелиситэ изъ терпѣнія. Желая во что бы то ни стало отдѣлаться отъ Антуана, она ему предложила дѣсти франковъ, и кромѣ того обѣщала купить пару платья и нанять квартиру на годъ. Антуанъ помѣстился въ новой квартирѣ, продолжая свои ругательства. Дѣлать онъ ничего не хотѣлъ, а голодъ принималъ его. Онъ угрожалъ, что сдѣлается контрабандистомъ, какъ его отецъ, и выкинетъ такую штуку, которая обезчеститъ всю семью. Но Ругоны не поддались на удочку: они знали, что Антуанъ слишкомъ трусъ для этого. Наконецъ, съ бѣшенствомъ въ душѣ, Антуанъ сталъ искать себѣ работы. Въ

одномъ изъ кабаковъ предмѣстія онъ познакомился съ корзинщикомъ, работавшимъ на дому. Онъ сталъ ему помогать и вскорѣ научился дѣлать корзины. Это незамысловатое ремесло нравилось ему. Когда деньги были ему необходимы, онъ принимался за работу; потомъ, получивъ кое-что, опять посѣщалъ кабаки. Въ эту эпоху своей жизни онъ сдѣлался грознымъ республиканцемъ. Однакожъ, и этотъ трудъ вскорѣ надобѣлъ ему. Онъ намѣревался поступить въ лакеи къ какому-нибудь аристократу предмѣстія святаго Марка, но это неудалось; Антуанъ хотѣлъ было уже снова поступить на службу, въ качествѣ охотника, какъ вдругъ встрѣтилъ женщину, которая измѣнила всѣ его планы. Жозефина Гавадонъ, которую весь городъ зналъ подъ кличкою «Фины», была толстая бабенка среднихъ лѣтъ. Ея широкія плечи, ея громадныя руки, ея сила внушали уваженіе уличнымъ мальчишкамъ. Но несмотря на свой ужасный видъ, Фина обладала бараньей добротой. Она была хорошая работница и если не откладывала деньжонокъ на черный день, то только потому, что любила выпить. Всю недѣлю она работала какъ волъ: продавала фрукты, или печеные каштаны, смотря по сезону, занималась хозяйствомъ въ буржуазныхъ домахъ, мыла посуду въ другихъ, а досуги употребляла на починку соломенныхъ стульевъ. Антуанъ познакомился съ нею на рынкѣ, куда приходилъ продавать свои корзинки; онъ догадался, что ему слѣдуетъ воспользоваться знакомствомъ, и жепился на Финѣ. Послѣ свадьбы они поселились въ ея квартирѣ. Сначала все шло хорошо. Фина по прежнему работала, Антуанъ, довольный своею судьбой, въ одну недѣлю надѣлалъ столько корзиночекъ, сколько не сдѣлалъ потомъ во всю свою жизнь. Но въ воскресенье вспыхнула война: оба супруга напились и жестоко подрались. Съ тѣхъ поръ жизнь ихъ совершенно измѣнилась; они точно сговорились, что жена будетъ работать на семью. Фина не протестовала, она имѣла ангельское терпѣніе, пока не выпивала; но вино, не дѣлая ее злою, дѣлало справедливой: въ пьяномъ состояніи она упрекала Антуана за его лѣнь; начиналась ссора, которая обыкновенно разрѣшалась дракой; оба супруга одинаково отличались. Несмотря однакожъ на эти семейныя непріятности, Антуанъ чувствовалъ себя хорошо: онъ былъ одѣтъ и обутъ, вдоволь ѣлъ и пилъ. Чего же больше?

У Маквара родилось двое дѣтей: дочь и сынъ. Дочь, Жервеза, была кривоногая; подростая, она осталась слабенькой, и Фина, съ цѣлью поправить ея здоровье, стала приучать ее къ водкѣ. Бѣдный ребенокъ еще болѣе ослабъ и похудѣлъ. Въ пятнадцать лѣтъ, это была высокая, худощавая дѣвочка съ пре-

красной кувольной головкой. Сынъ, Жанъ, былъ здоровый мальчикъ; онъ очень походилъ на мать. Черты лица его были гораздо правильнѣе, чѣмъ у другихъ членовъ Ругоновъ - Маккаровъ. Сильный и трудолюбивый, онъ росъ съ серьезнымъ желаніемъ создать себѣ независимое положеніе. Въ школѣ онъ учился прилежно, ломалъ свою неподатливую голову надъ ариметикой. Потомъ онъ поступилъ въ ремесло, работая съ такимъ же упорствомъ. Пока дѣти оставались дома, Маккаръ былъ недоволенъ; по его мнѣнію, они были бесполезные рты, поѣдающіе часть его пищи. Но потомъ дѣти стали зарабатывать; при первыхъ копѣйкахъ, принесенныхъ ему Жаномъ и Жервезой, онъ нашелъ, что въ дѣтяхъ есть и хорошая сторона. Онъ заставлялъ ихъ работать на себя съ такимъ же отсутствіемъ застѣнчивости, съ какимъ питался на счетъ своей жены. Но все-таки дѣла шли плохо. Всѣ деньги, доставляемыя дѣтьми и женой, Антуанъ пропивалъ вмѣстѣ съ женой и дочерью. Тогда начиналась драка. На слѣдующій день, Антуанъ вставалъ съ головной болью, проклиная весь міръ.

Всякая партія имѣетъ своихъ шутовъ и мерзавцевъ. Антуанъ Маккаръ, снѣдаемый завистью и ненавистью ко всему обществу, смотрѣлъ на республику какъ на блаженную эру, когда будетъ позволено наполнять свой карманъ деньгами сосѣда и даже души его, если онъ вздумаетъ протестовать. Кабачная жизнь, газетныя статьи, которыхъ онъ не понималъ, сдѣлали изъ него ужаснаго болтуна, который въ политику вводилъ самыя курьзныя и глупѣйшія теоріи. Необходимо быть въ провинціи и въ кабакахъ собственными ушами слышать одного изъ такихъ ораторовъ, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, что проповѣдывалъ Маккаръ. Такъ какъ онъ много говорилъ, служилъ въ войскѣ и считался энергичнымъ человѣкомъ, то и образовалъ вокругъ себя цѣлую ватагу внимательныхъ слушателей.

Не будучи главой партіи, онъ сумѣлъ однакожь окружить себя цѣлой группой работниковъ, которые принимали его завистливые возгласы за чистую монету. Съ февраля онъ сказалъ себѣ, что Плессанъ принадлежитъ ему, а фizioномія, съ которой онъ смотрѣлъ на лавочниковъ, ясно говорила: «насталъ и нашъ депекъ, други любезные, теперь мы увидимъ настоящую пляску.» Онъ сталъ невѣроятно дерзокъ; онъ до такой степени вошелъ въ роль деспота, что пересталъ платить въ кабакахъ, и хозяинъ заведенія — дуракъ, дрожавшій отъ страха перелъ нимъ, не смѣлъ требовать денегъ. Едва ли можно вычислить, сколько тогда онъ выпилъ чашекъ кофе и рюмокъ коньяку.

Иногда, на счетъ заведенія, онъ угощалъ своихъ друзей, крича, что народъ умираетъ съ голоду и что собственность необходимо уничтожить. Республиканцемъ же онъ сдѣлался главнымъ образомъ потому, чтобы отомстить Ругонамъ.

— Еслибы, говорилъ онъ, братъ мой находился тамъ, гдѣ долженъ быть, то я былъ бы рантьеромъ.

Когда же его спрашивали: гдѣ же долженъ былъ быть его братъ, онъ глухо отвѣчалъ:

— На галерахъ!

Въ сущности, всѣ члены этой почтенной семьи ощущали одинаково непреодолимое стремленіе къ хищничеству. Фелиситѣ, понимавшая, что крайнія мнѣнія Маккара—одна только злоба и зависть, хотѣла во что бы то ни стало купить его молчаніе; въ несчастію денегъ не было, а заинтересовать его въ дѣлѣ, затѣянномъ ея мужемъ, она не смѣла. Антуанъ сильно вредилъ имъ въ городѣ: достаточно было, что онъ ихъ родственникъ. Грану и Руде съ презрѣніемъ упрекали ихъ въ томъ, что у нихъ подобный родственникъ. Антуанъ, видя, что остается одинъ, сталъ искать приверженца въ самой роднѣ противъ Ругоновъ. Сперва онъ рассчитывалъ на Аристиду, читая ужасныя статьи его газеты «Indépendant». Но молодой человѣкъ не былъ настолько глупъ, чтобы связаться съ личностью, подобною Маккару. Тогда Маккаръ обратился къ дѣтямъ Урсулы.

Урсула умерла въ 1840-мъ году, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей: Франсуа—молодого человѣка двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, и мальчика Сильвера. Смерть Урсулы привела въ отчаяніе Мурэ; онъ повѣсилъ въ комнатѣ, гдѣ еще висѣли ея платья. Сильверу тогда было не болѣе шести лѣтъ. Аделаида сжалась надъ сиротой и взяла его къ себѣ. Старуха сильно измѣнилась; она, такъ сказать, оледенѣла въ своей хижинѣ переулка святого Миттра; постоянное уединеніе сдѣлало ее молчаливой и мрачной,—это было что-то въ родѣ медленной физической и нравственной смерти, что сдѣлало мало-по-малу изъ страстной, безпорядочной женщины,—строгую матрону. Когда глаза ея останавливались машинально на какомъ-нибудь предметѣ,—въ нихъ отражалась страшная нравственная пустота. Дѣтская улыбка Сильвера была для нея послѣднимъ солнечнымъ лучемъ, согрѣвавшимъ ее. Она его полюбила, ухаживала за нимъ; это было послѣднее пробужденіе любви, послѣдняя, смягченная страсть, дарованная небомъ этой женщинѣ, истерзанной потребностію любить. Странная атмосфера, въ которой пришлось ребенку жить, выработала въ Сильверѣ сильную душу, въ которой сосредоточились всѣ человѣческіе восторги. Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ

мальчишъ серьезный, задумчивый, искавшій образованія съ какимъ-то упорствомъ. Въ школѣ, содержимой католическими священниками, онъ выучился съ грѣхомъ пополамъ немного орѳографіи и ариѳметики; потомъ онъ оставилъ школу для ремесла. Несмотря на эти усилія, ему все-таки недоставало элементарнаго знанія. Всѣ попадавшіяся ему книги онъ читалъ съ жадностію, и такимъ образомъ набрался самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній; онъ зналъ много, но не полно, безъ всякаго направленія, безъ системы. На двадцатомъ году, Сильверъ поступилъ въ ремесло къ нѣкому Віану, каретнику, доброму старику, котораго полюбилъ съ первыхъ же дней. Скоро онъ сталъ прекраснымъ работникомъ; но этого ему было мало, онъ хотѣлъ быть настоящимъ каретникомъ и въ свободное время сталъ ходить въ чертежную школу, познакомился немного съ геометріей и погрузился въ изученіе, безъ руководителя, съ необыкновенною энергіей. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ ученыхъ работниковъ, которые едва лишь въ состояніи подписать свою фамилію, но которые въ то же время говорятъ объ алгебрѣ, какъ о предметѣ имъ близко знакомомъ. Часто эти крохи науки даютъ ложное понятіе о великихъ истинахъ. У Сильвера — отрывочное знаніе только увеличило его восторженное состояніе. Онъ сознавалъ существованіе горизонтовъ, скрытыхъ отъ него. Онъ себѣ составилъ какое-то великое понятіе о предметахъ, которыхъ не могъ коснуться руками, и жилъ въ глубокой, невинной религіи великихъ идей и великихъ словъ, въ которыхъ онъ постоянно стремился, не будучи въ состояніи ихъ понять. Это была личность наивная, божественно наивная, остановившаяся на порогѣ храма, колѣнопреклоненная передъ свѣчами, которыя издали казались ему звѣздами.

VI.

Въ подобномъ умѣ, — страстномъ и сдержанномъ, — естественно развились республиканскія идеи. Ночью, въ хижинѣ Аделаиды, Сильверъ зачитывался какою-нибудь книгою Руссо. Въ мечтаніяхъ, столь любимыхъ обиженными судьбой, мечтаніяхъ всеобщаго счастья, слова: свобода, равенство, братство, звучали въ его ушахъ тѣмъ звучнымъ священнымъ тономъ колоколовъ, заслышавъ которые, вѣрующіе падаютъ на колѣни. Когда онъ узналъ, что республика провозглашена во Франціи, онъ увѣрилъ себя, что насталъ день блаженства для всѣхъ. Когда же замѣтилъ, что не все идетъ хорошо въ лучшей изъ республикъ, то

сильно огорчился. Тогда онъ винулъся, очертя голову, въ другую мечту: заставить людей быть счастливыми, даже насильно. Всякое дѣло, которое, по его мнѣнію, не отвѣчало интересамъ народа, глубоко его возмущало. При дѣтской добротѣ своей натуры, у него являлась страшная политическая ненависть: онъ не рѣшился бы убить мухи, а на всякомъ шагу говорилъ, что необходимо взяться за оружіе. Свобода сдѣлалась для него страстью, страстью безсознательною, абсолютною, въ которой онъ весь сконцентрировался. Ослѣпленный энтузіазмомъ, въ одно и то же время слишкомъ мало свѣдущій и слишкомъ образованный, чтобы быть терпимымъ, онъ не зналъ людей; онъ требовалъ идеальнаго правительства, — справедливаго и свободнаго.

Въ эту именно эпоху, его дядя Маккаръ вздумалъ воспользоваться имъ для вражды своей къ Ругонамъ. Онъ его привлекъ къ себѣ, показывая видъ, что восхищается его идеями. Они стали часто видѣться; Антуанъ старался убѣдить Сильвера, что гостинная Ругоновъ — главнѣйшее препятствіе счастью Франціи. Онъ рассказывалъ, какимъ воровскимъ образомъ Ругоны его ограбили, какіе они мошенники. Сильверъ негодовалъ.

— Меня увѣряли, говорилъ Антуанъ шопотомъ, что Ругоны вздумали сыграть скверную штуку.

— Какую штуку?

— Они рѣшили, съ помощью своихъ клеветовъ, въ одну прекрасную ночь схватить всѣхъ патріотовъ города и засадить ихъ въ тюрьму.

Молодой человѣкъ сначала сомнѣвался. Но дядя сообщалъ самыя точныя подробности: онъ говорилъ о готовыхъ спискахъ, называлъ лицъ, указывалъ на часъ. Мало-по-малу Сильверъ увѣрился въ истинности этихъ рассказовъ, и негодованіе его росло.

— Если они измѣняютъ Франціи, ихъ необходимо обезсилить. А что они думаютъ дѣлать съ арестованными?

— Что они думаютъ дѣлать? отвѣчалъ злобно Маккаръ: они ихъ разстрѣляютъ.

Молодой человѣкъ не отыскивалъ словъ, пораженный ужасомъ.

— И будто это первыя жертвы? прибавлялъ Маккаръ; отправляйся-ка вечеромъ, посмотри, что творится позади зданія суда. Тамъ каждый вечеръ ты услышишь выстрѣлы и стоны.

— О изверги! негодовалъ Сильверъ.

И дядя съ племянникомъ пускались въ соображенія трансцендентальной политики.

Несмотря, однакожъ, на всѣ усилія, Антуанъ не могъ заставить Сильвера дѣйствовать противъ Ругоновъ. Благородный

мальчикъ съ жаромъ проповѣдывалъ о томъ, что необходимо взяться за оружіе и избить враговъ республики; но какъ только ея враги выходили изъ тумана и воплощались въ Ругоновъ, благодаря искусству Маккара, Сильверъ отступалъ въ ужасъ. Вѣроятно даже, что вслѣдствіе этого онъ бы пересталъ бывать у Маккара, котораго зависть и злоба были ему противны, еслибы не удовольствіе свободно говорить о его любимой республикѣ. Не менѣе того, Антуанъ сильно на него повліялъ. Онъ разстроилъ его нервы и заставилъ какъ-то болѣзненно стремиться къ борьбѣ... Въ 1850 году, Сильверу было шестнадцать лѣтъ. Маккаръ ввелъ его въ тайное общество монтаньяровъ, эту могущественную ассоціацію, покрывавшую тогда весь югъ. Съ этой минуты молодой человѣкъ жадно посматривалъ на ружье, которое Аделанда получила въ наслѣдство отъ контрабандиста. Однажды, ночью, онъ вычистилъ его, потомъ повѣсилъ и сталъ ждать.

Въ это же время въ семьѣ Маккара случилось несчастье; Фина умерла почти скоропостижно. Маккаръ продалъ хозяйство и сталъ жить тѣмъ, что зарабатывали его дѣти, ругая и преслѣдуя ихъ. Наконецъ, дѣти не выдержали. Жервеза убѣжала, какъ говорятъ, съ какимъ-то работникомъ. Жанъ сдѣлалъ то же. Маккаръ отъ бездѣлья впалъ въ крайнюю нищету. При этихъ условіяхъ онъ встрѣтилъ декабрьскій переворотъ съ жадностью собаки, почуявшей добычу. Вокругъ него группировался цѣлый кружокъ рабочихъ, которыхъ онъ явился естественнымъ главой. Онъ сидѣлъ съ своими друзьями въ кабакѣ въ то время, какъ пришло извѣстіе о приближеніи инсургентовъ къ городу. Антуанъ съ толпой вышелъ изъ кабака. Республиканцы, не покидавшіе Плессана, собрались на главной улицѣ города; эту-то именно толпу и встрѣтилъ Ругонъ, когда шелъ къ своей матери. Маккаръ присоединился къ толпѣ, уговаривая идти и арестовать всѣхъ враговъ республики, боясь, чтобы Пьеръ не успѣлъ убѣжать изъ его когтей. Толпа покорилась и направилась къ дому Ругоновъ. Въ эту критическую минуту Фелиситэ не потеряла духа. Она сошла и отворила на улицу дверь.

— Мы желаемъ войти къ тебѣ, сказалъ грубо Маккаръ.

— Хорошо, господа, войдите, отвѣчала Фелиситэ съ ироническою важностью, дѣлая видъ, что не узнаетъ Маккара.

Въ комнатѣ, Маккаръ приказалъ ей призвать мужа.

— Моего мужа нѣтъ дома, сказала она спокойно; онъ путешествуетъ по дѣламъ; онъ уѣхалъ въ марсельскомъ дилижансѣ сегодня въ шесть часовъ вечера.

Антуанъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства. Онъ быстро вошелъ въ гостинную, потомъ въ спальню, растрепалъ кровать, загля-

дывалъ за драпри, осматривалъ подѣ стульями. Четыре молодца, вошедшіе съ нимъ, помогали ему дѣлать обыскъ.

Въ это время Фелиситэ сидѣла на диванѣ и спокойно ждала.

— Дѣйствительно, правда, онъ убѣжалъ, разбойникъ! вскричалъ наконецъ Маккаръ.—Гдѣ твой мужъ? прибавилъ онъ, обращаясь къ Фелиситэ.

— Я вамъ сказала правду. Не могу же я выдать вамъ моего мужа, если его здѣсь нѣтъ. Вы вездѣ осмотрѣли, оставьте же меня теперь въ покоѣ.

Въ это время на улицѣ послышался шумъ; колонна инсургентовъ вступала въ улицу. Маккаръ принужденъ былъ оставить домъ Ругона; внизу онъ выбралъ самого сильнаго изъ своихъ товарищей, приказалъ ему сѣсть на первой ступени лѣстницы и не трогаться съ мѣста до новаго приказа.

— Ты увѣдомишь меня, сказалъ онъ, если увидишь мерзавца, котораго мы ищемъ.

Было часовъ одиннадцать вечера, когда инсургенты вступили въ городъ. Впереди шла Мьетта, — дѣвушка, которую страстно любилъ Сильверъ, съ краснымъ знаменемъ; по правую ея сторону шелъ самъ Сильверъ. Гробовое молчаніе и тишина города успокоили инсургентовъ, и они спокойно дошли до ратуши. Зданіе ратуши, недавно реставрированное, отчетливо обрисовывалось на ясномъ небѣ въ видѣ темнаго пятна. На балконѣ показалось нѣсколько человѣкъ: меръ, Сикардъ, три или четыре муниципальныхъ совѣтника и другіе чиновники. Внизу, ворота были закрыты. Толпа расположилась на площади, готовая однимъ махомъ взломать ворота. Появленіе инсургентовъ захватило врасплохъ власть. Сикардъ, прежде чѣмъ явиться въ мерію, надѣлъ свою форму; потомъ надо было разбудить мера; жандармовъ забыли увѣдомить. Гарсонэ, меръ, изъ ненависти къ республикѣ хотѣлъ защищаться, но онъ былъ человѣкъ благоразумный, который въ-время понялъ бесполезность борьбы. Пренія не долго длились. Одинъ Сикардъ упрямылся; онъ непремѣнно хотѣлъ драться, полагая, что двадцати человѣкъ будетъ достаточно, чтобы разогнать толпу. Гарсонэ пожалъ плечами и торжественно объявилъ, что остается одно только: капитулировать, сохраняя военную честь. На площади шумъ увеличивался. Онъ вышелъ вмѣстѣ съ другими на балконъ. Мало-по-малу возстапавилась тишина; внизу, среди черной толпы, при свѣтѣ лупы, блеснули ружья...

— Кто вы и чего хотите? спросилъ громко меръ.

Тогда выступилъ одинъ изъ толпы.

— Откройте ворота, сказалъ онъ, не отвѣчая меру; не вызывайте братоубійства.

— Во имя закона, повелѣваю вамъ удалиться немедленно.

— Мы явились тоже во имя закона. Ваша обязанность, какъ чиновника, заключается въ томъ, чтобы поддержать основной законъ государства,—конституцію, которая нарушена.

— Да здравствуетъ конституція! да здравствуетъ республика!

Гарсонэ продолжалъ ссылаться на то, что онъ чиновникъ; ему отвѣчали:

— Вы только чиновникъ низложеннаго уже чиновника; мы оставляемъ васъ отъ должности.

Сикардо не могъ больше вынести.

— Ахъ вы, каналы! зарычалъ онъ; еслибы у меня было четыре солдата съ капраломъ, я бы проучилъ васъ, негодяи!

Это вызвало негодованіе толпы. Въ двѣ минуты ворота были выломаны, народъ хлынулъ въ мерію. Меръ и другіе чиновники были арестованы. Плѣнныхъ отправили въ сосѣдній кабакъ подъ стражей.

Инсurreкціонная армія не вошла бы въ Плессанъ, еслибы не нуждалась въ пищѣ. Она направлялась къ столицѣ департамента, и Плессанъ назначенъ былъ мѣстомъ отдыха. Сдѣлавъ дѣло, занявъ ратушу, нужно было поѣсть. Когда Гарсонэ узналъ, что арміи нужны съѣстные припасы, онъ предложилъ свои услуги. Въ сопровожденіи двухъ часовыхъ, онъ мигомъ устроилъ дѣло. Къ часу ночи, три тысячи человекъ расположились на площади, закусывая. Въ одно время съ ратушей, и жандармерія попала въ руки инсургентовъ. Жандармы были найдены спящими, ихъ обезоружили въ нѣсколько минутъ. Міетта и Сильверъ находились тутъ же. Сильверъ, озлобленный, кинулся на одного жандарма, по имени Рангадъ, съ которымъ боролся нѣсколько минутъ. Наконецъ, ловкимъ движеніемъ онъ выхватилъ изъ его рукъ карабинъ; карабинъ ударилъ по лицу Рангада и сдѣлалъ ему рану; кровь брызнула на руки Сильвера, который сейчасъ же опомнился. Онъ посмотрѣлъ на руки, бросилъ карабинъ и вышелъ.

— Ты раненъ? спросила его Міетта.

— Нѣтъ, нѣтъ; но я, кажется, убилъ жандарма, отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ. Уйдемъ.

Они вышли; дойдя до рынка, онъ попросилъ ее подождать; онъ все смотрѣлъ на свои руки и что-то бормоталъ про себя. Міетта поняла, что онъ хочетъ проститься съ своей бабушкой Аделаидой.

— Ну, ступай скорѣе и вымой руки.

Онъ быстро удалился, держа руки впередъ; съ тѣхъ поръ,

какъ онъ почувствовалъ на себѣ кровь Рангада, одна мысль овладѣла имъ: бѣжать въ тетѣ Дидѣ (такъ онъ называлъ Аделаиду) и вымыть руки у фонтана двора; только тамъ, ему казалось, можно смыть кровь. Все его беззаботное дѣтство встало передъ нимъ; онъ прибѣжалъ, запыхавшись. Тетя Диды не ложилась еще спать, что удивило Сильвера, но онъ не замѣтилъ даже своего дядю Ругона, въ углу, сидящаго на старомъ сундукѣ.

— Бабушка, сказалъ онъ, простите... я иду съ другими... Вы видите: на мнѣ кровь; кажется, я убилъ жандарма...

— Ты убилъ жандарма?—Она быстро посмотрѣла на мѣсто, гдѣ висѣло ружье.

— Ты взялъ карабинъ, сказала она; гдѣ карабинъ?

Сильверъ повялся, что карабинъ въ цѣлости.

— Ты возвратишь мнѣ карабинъ? Общай. Это все, что мнѣ остается отъ него. Ты убилъ жандарма, а жандармъ убилъ его.

Она продолжала глядѣть на Сильвера пристально, съ выраженіемъ дикаго удовольствія, не думая его удерживать.

— Ты карабиномъ убилъ жандарма?

Сильверъ не понялъ, или не разсмѣялся.

— Да, отвѣчалъ онъ... я пойду вымыть руки.

Только возвратившись, онъ увидѣлъ Пьера. Пьеръ съ ужасомъ слушалъ Сильвера. Итакъ, Фелиситэ была права: его семейство вездѣ ему вредило. Онъ всталъ у дверей, рѣшившись не выпускать Сильвера.

— Послушайте, сказалъ онъ; я глава семьи и запрещаю вамъ удалаться изъ дому. Дѣло идетъ о вашей чести и жизни. Завтра я доставлю вамъ возможность бѣжать за границу.

Сильверъ пожалъ плечами.

— Оставьте меня въ покоѣ, отвѣчалъ онъ; я не шпионъ и не расскажу, гдѣ вы прячетесь, будьте покойны.

Ругонъ продолжалъ настаивать.

— Да развѣ я принадлежу вашей семьѣ, возразилъ ему Сильверъ, горячась; вы меня всегда отталкивали. Теперь страхъ привелъ васъ сюда, потому что вы чувствуете, что часъ суда насталъ. Я не прячусь; я исполняю свой долгъ.

Тогда Аделаида, слушая съ внутреннимъ восторгомъ Сильвера, положила руку на плечо сына.

— Отойди, Пьеръ, сказала она; дитя должно идти...

Молодой человѣкъ слегка оттолкнулъ Ругона и выбѣжалъ... Бѣгомъ воротился Сильверъ.

Инсургенты приготовлялись двинуться дальше. Миетта взяла

знамя и стала впереди съ Сильверомъ. Было около двухъ часовъ утра. Холодъ былъ сильный. Колонна сформировалась. Плѣнныхъ помѣстили въ серединѣ; въ нимъ присоединили еще Пейрота,—сборщика податей и другихъ чиновниковъ. Наконецъ они двинулись.

Вдали видѣлась дорога, вся покрытая блѣднымъ блескомъ луны...

VII.

Въ полѣ, инсургенты возобновили свой героическій походъ. Дуновение эпоса, увлекавшее Миетту и Сильвера, равнодушно оставило за собой комедію Маккаровъ и Ругоновъ. Страшный гулъ народа по временамъ слышался сквозь болтовню желтой гостинной и діатрибы дяди Антуана. И вульгарный фарсъ, фарсъ безобразный, превращался въ великую драму исторіи.

Выйдя изъ Плессана, инсургенты направились къ Оршеру; они должны были быть въ этомъ городѣ около двѣнадцати часовъ дня. Дорога идетъ берегомъ рѣки Віорны. Налѣво разстилается равнина,—безконечный зеленый коверъ, на которомъ кое-гдѣ видѣются черныя пятна деревень. Направо — отроги Альпъ, въ видѣ скалистыхъ обрывовъ. Дорога идетъ среди громадныхъ скалъ, изъ-за которыхъ на всякомъ шагу видѣются долины. Нѣтъ ничего болѣе дикаго, болѣе грандіознаго, какъ эта дорога, высѣченная въ скалахъ.

Инсургенты, которые шли покоряясь ослѣпленію страсти, возбужденной парижскими событіями, еще болѣе воспламенялись зрѣлищемъ этой мѣстности, столь часто подвергавшейся переворотамъ. Опыанные энтузіазмомъ, вѣря въ всеобщее, поголовное возстаніе, они думали, что вся Франція слѣдуетъ за ними; они воображали, что видятъ по той сторонѣ Віорны, въ этомъ морѣ полусвѣта и тѣней, безконечные ряды людей, спѣшившихъ, какъ и они, на защиту республики. Ихъ наивный умъ, напоминающій наивность и иллюзіи толпы, вѣрилъ, что побѣда близка и легка. Они бы не задумываясь разстрѣляли всякаго, кто бы имъ сказалъ въ эту минуту, что они одни исполняли свой долгъ, между тѣмъ, какъ остальная часть Франціи, подавленная безумнымъ терроромъ, позволила себя, безъ сопротивленія, заковать.

Къ утру, луна исчезла за скалами; инсургенты продолжали свой путь въ темнотѣ зимней ночи; они не различали болѣе ни скалъ, ни долинъ; они слышали только мѣрные шаги ко-

кололовъ, звучавшихъ въ темнотѣ, и эти отчаянные призывы еще болѣе раздражали ихъ нервы.

Міетта и Сильверъ шли вмѣстѣ съ остальными. Къ утру, молодая дѣвушка была подавлена усталостью; она подвигалась маленькими, торопливыми шагами, не будучи въ состояніи идти также скоро, какъ шли остальные. Но она молчала; ей было непріятно сознаться, что у ней нѣтъ силы мужчины. Еще въ началѣ путешествія, она опиралась на руку Сильвера; потомъ, замѣтивъ, что знамя мало-по-малу выскользаетъ изъ ея рукъ, онъ хотѣлъ его взять, но она разсердилась и позволила ему только поддерживать знамя одной рукой. Такимъ образомъ, она сохраняла свое героическое положеніе съ настойчивостію и упорствомъ ребенка, улыбаясь молодому человѣку всякій разъ, когда тотъ бросалъ на нее взглядъ безконечной нѣжности. Но когда луна исчезла, она какъ-то опустилаcь. Сильверъ чувствовалъ, какъ она повисла на его рукѣ. Онъ долженъ былъ взять знамя и поддерживать ее за талію. Она все-таки не жаловалась...

— Ты устала, бѣдная Міетта? спросилъ ее Сильверъ.

— Да, устала, отвѣтила она глухимъ голосомъ.

— Хочешь отдохнуть?

Она не отвѣчала, но онъ замѣтилъ, что она шатается; тогда, передавъ своему товарищу знамя, онъ вышелъ изъ рядовъ, почти унося Міетту въ объятіяхъ. Она немного сопротивлялась; ей стыдно было, что она такая слабенькая дѣвочка, но Сильверъ успокоилъ ее, говоря, что знаетъ прямой путь, который на половину короче. Они могли отдохнуть хорошій часъ и потомъ придти въ Оршеръ въ тоже время, какъ и остальные.

Тогда было около шести часовъ утра. Легкій туманъ подымался надъ Віорной. Ночь казалась еще болѣе темной; молодые люди ощупью пробирались между скалъ; потомъ, на верхушкѣ одной скалы они сѣли. Вокругъ нихъ разверзалась страшная пропасть. И въ этой пустотѣ, когда шумъ удаляющейся толпы стихъ, они ясно слышали только два колокола: одинъ—звучный, находящійся по всей вѣроятности у ногъ ихъ, въ какой-нибудь деревнѣ, расположенной по дорогѣ, другой—отдаленный, подавленный, отвѣчавшій на лихорадочную жалобу перваго глухими рыданіями. Казалось, эти колокола, во всеобщей пустотѣ и безмолвіи, рассказывали трагическую кончину міра.

Міетта и Сильверъ молчали, слушая съ увеличивающейся тоской этотъ набатъ, раздающійся ночью.

— Ты не сердись? спросила наконецъ молодая дѣвушка. Я почти цѣлую ночь не отставала отъ тебя, но они слишкомъ скоро бѣжали и подъ конецъ у меня захватывало духъ.

— За что же мнѣ на тебя сердиться?

— Не знаю. Я боюсь, что ты перестанешь меня любить. Ты подумаешь, что я ребенокъ... И она обняла Сильвера, нашептывая: — Холодно, согрѣмся.

Наступило молчаніе. До этой минуты, молодые люди любили другъ друга по-братски; но въ глубинѣ этой дѣтской любви съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе бушевала буря кипучей крови Міетты и Сильвера. Съ лѣтами и сознаниемъ, жгучая страсть, южное бѣшенство крови должны были выродиться изъ этой идилліи.

Они молчали, крѣпко держа въ объятіяхъ другъ друга. Наконецъ теплота распространилась съвозъ одежду; они мало-по-малу стали чувствовать, какъ объятія жгли ихъ; они чувствовали, какъ грудь ихъ подымалась подъ вліяніемъ одного и того же ощущенія. Какое-то расслабленіе овладѣло ими; имъ было жарко. Какіе-то звуки бродили въ головѣ, какія-то мерцанія показывались закрытымъ глазамъ... Это болѣзненное состояніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ, казалось имъ безъ конца. И тогда, точно во снѣ, губы ихъ встрѣтились... Поцѣлуй былъ длиненъ, жгучъ, алченъ... но они страдали и отошли другъ отъ друга. Потомъ, когда холодъ ночи оледенилъ ихъ члены, имъ какъ-то стало совѣстно... Міетта, успокоившись нѣсколько, положила голову молча на плечо Сильвера; молодой человѣкъ наклонился и поцѣловалъ ее; она слушала эти поцѣлуи какъ-то медленно, стараясь понять значеніе и тайную прелесть... потомъ она уснула. Сильверъ покрылъ ее большимъ краснымъ одѣяломъ и самъ укрылся. Когда онъ увѣрился, что она дремлетъ, то обрадовался, что это обстоятельство позволить ему продолжать путь. Небо по прежнему было черно, едва-едва, на востокѣ, серебристая линія указывала на приближающійся день. Жалобы колоколовъ дѣлались все звучнѣе и звучнѣе, все тревожнѣе и тревожнѣе, убаюкивая сонъ Міетты, также какъ эти жалобы сопровождали и ея страстную лихорадку. Сильверъ перенесся мысленно въ прошлое...

Наконецъ показался день; Міетта проснулась и они сошли внизъ бѣгомъ; потомъ, внизу, они оглянулись наверхъ, какъ бы прощаясь со скалой, на которой плакали, сжигая себѣ губы поцѣлуями; но они молчали объ этой страстной ласкѣ, вложившей въ ихъ любовь новую потребность, еще несознаваемую, потребность, которую они не смѣли формулировать. Они шли весело; день становился все яснѣе и яснѣе. Молодой человѣкъ, бывавшій часто въ Оршерѣ, выбиралъ самыя прямыя дорожки. Такимъ образомъ, они сдѣлали нѣсколько верстъ посреди заборовъ и стѣнъ безъ конца. Вдругъ они очутились передъ самымъ Орше-

ромъ. Крики радости, шумъ толпы долетали до нихъ. Инсurreкціонная армія входила въ городъ. Міетта и Сильверъ вошли вмѣстѣ съ нею. Никогда еще имъ не приходилось быть свидѣтелями подобнаго энтузіазма. На улицахъ, точно въ праздничные дни, высыпала публика; ихъ встрѣчали съ восторгомъ, какъ освободителей. Мужчины обнимали ихъ, женщины подавали пищу; у дверей старцы плавали...

Этотъ братскій пріемъ жителей Оршера былъ послѣднею радостію инсургентовъ. Они провели день въ радужномъ довѣріи, въ безпредѣльной надеждѣ. Плѣнные, капитанъ Сикардъ, гг. Гарсонэ, Пейротъ и другіе, которыхъ заперли въ одной изъ залъ меріи, выходящей окнами на площадь, смотрѣли въ ужасѣ на эти пляски, на этотъ энтузіазмъ.

— Какія каналы! бормоталъ Сикардъ, облокотившись на окно. Эхъ, если бы теперь явился хоть одинъ батальонъ солдатъ; вотъ бы мы очистили городъ отъ этой сволочи!

Потомъ, замѣтивъ Міетту, онъ сказалъ, обращаясь къ Гарсонэ:

— Посмотрите-ка, господинъ меръ, на эту дѣвчонку въ красномъ. Это просто безстыдно; они притащили съ собою одно изъ своихъ погибшихъ созданій. Если это будетъ продолжаться, мы увидимъ хорошія вещи!

Гарсонэ качалъ головой, философствуя о «разсвирѣпѣвшихъ страстяхъ» и о «печальнѣйшихъ дняхъ нашей исторіи». Пейротъ, блѣдный какъ полотно, молчалъ; онъ разъ только открылъ ротъ, сказавъ:

— Ради Бога, тише; они насъ разстрѣляютъ.

Въ сущности же инсургенты обращались съ плѣнными самымъ мягкимъ образомъ. Вечеромъ плѣнные получили даже прекрасный обѣдъ. Но для этихъ трусовъ, въ родѣ сборщика податей, такіа нѣжности были ужасны: по его мнѣнію, если инсургенты кормятъ ихъ такъ хорошо, то затѣмъ только, чтобы они были жирны и нѣжны, когда инсургенты примутся ихъ ѣсть.

Въ сумерки Сильверъ встрѣтилъ Паскаля. Ученый послѣдовалъ за шайкой, болтая съ работниками, которые обожали его. Сперва онъ пробовалъ отговорить ихъ отъ борьбы; потомъ сказалъ:

— Ну, чтожъ, можетъ быть вы и правы, братцы. Деритесь; я тутъ, чтобы чинить вамъ руки и ноги.

Выслушавъ восторженные рѣчи Сильвера, Паскаль пробормоталъ:

— Истерика или энтузіазмъ; во всякомъ случаѣ, это дѣло нервовъ; потомъ прибавилъ:

— Семья полна. У нея будетъ герой.

Ночь была безпокойная; точно вѣтеръ несчастія подулъ на

инсургентовъ. Восторгъ, вѣра — исчезли какъ дымъ. На утро, лица были мрачны; въ глазахъ читался упадокъ духа. Въ толпѣ стали ходить зловѣщіе слухи; говорили, что Парижъ побѣжденъ, что провинція не двигается; слухи прибавляли, что значительный отрядъ войска, вышедшій изъ Марсели подъ начальствомъ полковника Массона, быстро приближался для подавленія возстанія. Это было ужасное пробужденіе; люди, которыхъ еще наканунѣ жгла лихорадка патріотизма, почувствовали теперь дрожь отъ холода, въ которомъ находилась Франція. Они мечтали о великой войнѣ, о возстаніи всего народа, о побѣдѣ права, — и вдругъ они — одни!...

Инсургенты провели еще два дня въ Оршерѣ, — вторникъ и среду, — теряя время, ухудшая свое положеніе. Главнокомандующій, — бывший солдатъ, — колебался, не зная, что дѣлать, боялся ответственности. Наконецъ, въ четвергъ, онъ увидѣлъ, что дѣйствительно положеніе Оршера слишкомъ опасно. Къ часу онъ приказалъ инсургентамъ выйти и отступить на возвышенность святаго Рура. Это была прекрасная позиція для того, кто сумѣлъ бы ею воспользоваться. Плѣнные или заложники были помѣщены въ ближайшей гостинницѣ, подъ стражей. Ночь прошла въ безпокойствѣ; въ толпѣ появились слухи объ измѣнѣ. Утромъ, главнокомандующій, не принявъ никакихъ предосторожностей, вздумалъ дѣлать смотръ, какъ вдругъ раздался крикъ:

— Солдаты! солдаты!

Впечатлѣніе было ужасно; и когда правильная, сухая линия войска съ блескомъ штыковъ показалась изъ-за оливковыхъ деревьевъ, — въ толпѣ произошло движеніе назадъ, замѣшательство; вѣчто въ родѣ паники пробѣжало съ одного конца возвышенности на другой.

Но мало-по-малу порядокъ водворился; нужно было приготовиться къ борьбѣ. Инсургенты городовъ и деревень формировались подъ вязомъ, образуя громадную, неправильную массу, сгруппированную внѣ всѣхъ правилъ стратегіи; инсургенты Плессана очутились въ серединѣ этого героическаго батальона. Въ этомъ сѣромъ тонѣ блузъ, въ бѣловатомъ блескѣ ружей, покрывало Метты, державшей обѣими руками знамя, образовывало красное пятно, — патно раны, свѣжей, исходящей кровью.

Вдругъ наступила тишина. Въ одномъ изъ оконъ гостинницы показалась блѣдная фізіономія Пейрота. Онъ говорилъ, жестикулировалъ.

— Уходите, закройте ставни, кричали ему инсургенты; васъ убьютъ.

Ставни быстро закрылись...

Войско исчезло; оно спряталось за пригоркомъ и вскорѣ инсургенты замѣтили, со стороны равнины, на поверхности земли, кончики штыковъ, которые приближались, увеличивались, блестѣли на восходящемъ солнцѣ. Сильверу въ эту минуту показалось, что онъ замѣтилъ лицо жандарма, котораго кровь запятнала его руки. Онъ зналъ изъ рассказовъ товарищей, что Рангадъ не былъ убитъ, что онъ лишился только глаза, и Сильверъ ясно видѣлъ его съ его окровавленнымъ глазомъ. Онъ крѣпко сжалъ въ рукахъ свое ружье, съ глазами, передъ которыми стоялъ туманъ, сжигаемый нетерпѣніемъ стрѣлять, изгнать изъ мысли лицо жандарма. Штыки приближались...

Когда головы солдатъ показались у самой возвышенности, Сильверъ инстинктивно посмотрѣлъ на Миетту. Она стояла тутъ же, стройная, съ розовымъ лицомъ, въ складкахъ краснаго знамени. Она приподнялась на кончикахъ пальцевъ, чтобы лучше разглядѣть солдатъ. Отъ нервнаго напряженія, ноздри ея быстро двигались. Сильверъ улыбнулся ей. Онъ не успѣлъ повернуть голову, какъ раздался ружейный залпъ. Ему показалось, — точно вѣтеръ подулъ надъ его головой, между тѣмъ какъ дождь листьевъ, срѣзанныхъ пулями, падалъ съ вязовыхъ деревьевъ. Сухой звукъ, похожій на звукъ ломающейся сухой вѣтви, заставилъ его оглянуться направо; онъ увидѣлъ растянувшагося на землѣ громадныхъ размѣровъ дровосѣка, съ крошечнымъ чернымъ отверстіемъ на лбу. Тогда онъ выстрѣлилъ изъ ружья, не цѣлясь; снова зарядилъ и снова выстрѣлилъ, какъ безумный, какъ звѣрь, который не сознаетъ того, что дѣлаетъ, который торопится убивать. Онъ даже не видѣлъ солдатъ; дымъ плавалъ надъ вязами, похожій на куски сѣраго муслина. Листья продолжали падать на инсургентовъ, — солдаты цѣлили слишкомъ высоко. Отъ времени до времени, въ шумѣ стрѣльбы, Сильверъ слышалъ вздохъ, глухой стонъ... Огонь продолжался минутъ десять.

Вдругъ кто-то закричалъ: «бѣги!» съ выраженіемъ ужаса и бѣшенства. Въ толпѣ раздался ропотъ: «подлецы, трусы!» — Потомъ послышались другія фразы: главнокомандующій убѣждалъ, кавалерія рубила тиральеровъ. Выстрѣлы не переставали, они являлись неправильно, пронизывая дымъ огненными молніями. Кто-то говорилъ, что нужно умереть. Но голосъ, проникнутый страхомъ, голосъ ужаса и отчаянія, кричалъ все сильнѣе и сильнѣе: «бѣги! бѣги!» Люди начали бѣжать, кидая оружіе, перескакивая черезъ мертвыхъ. Другіе сомкнули ряды. Осталось десять инсургентовъ. Изъ нихъ еще двое убѣжали, а изъ восьми остальныхъ — трое были убиты однимъ залпомъ.

Двое дѣтей стояли машинально, ничего не понимая. По мѣрѣ

того, какъ батальонъ уменьшался, Міетта все выше и выше приподнимала знамя; она держала его прямо, какъ громадную восковую свѣчу, сжатыми кулаками. Оно было усажено пулями. Когда у Сильвера вышли всѣ заряды, онъ остановился, глядя безсмысленно на ружье. Тогда передъ его глазами прошла точно тѣнь, точно волосальная птица коснулась его лба своимъ крыломъ. Приподнявъ глаза, онъ увидѣлъ, какъ знамя выпадало изъ рукъ Міетты. Бѣдный ребенокъ, съ руками сжатыми на груди, съ откинутой головой, съ выраженіемъ на лицѣ невыносимыхъ страданій, медленно вертѣлся вокругъ себя. Міетта не издала ни одного крика; молча, она опустилась на красное знамя.

— Встань, встань скорѣй, сказалъ Сильверъ, протягивая ей руку, совсѣмъ растерявшись.

Но она лежала не двигаясь, съ открытыми глазами, не говоря ни слова. Онъ понялъ и бросился на колѣни.

— Ты ранена? да? куда ты ранена?

Она продолжала молчать; ей было душно; онъ взялъ ее за руку.

— Здѣсь, да? не правда ли?

Сильверъ разорвалъ ворсажъ, открылъ грудь, искалъ, но ничего не видѣлъ. Глаза его наполнялись слезами; потомъ, подлѣвою грудью, онъ замѣтилъ маленькое розовое отверстіе: только одна капля крови показалась изъ раны.

— Это ничего, бормоталъ онъ, я отправлюсь за докторомъ Паскалемъ; онъ вылечитъ тебя. Если бы ты могла встать...

Солдаты перестали стрѣлять; они бросились налѣво. Посреди пустой возвышенности находился только Сильверъ на колѣняхъ передъ тѣломъ Міетты. Съ упорствомъ отчаянія онъ обнималъ ее, хотѣлъ поставить на ноги. Онъ молилъ ее:

— Скажи мнѣ что-нибудь, прошу тебя. Отчего ты мнѣ ничего не скажешь?

Но она не могла; она замахала руками, какъ бы желая сказать, что она невиновата; волоса ея были растрепаны, голова завернута въ красное знамя; у ней оставались только глаза, — глаза черные, страшно блестящіе посреди блѣднаго лица. Сильверъ рыдалъ и прижималъ къ ея губамъ. Эти поцѣлуи были послѣднею радостію Міетты. Они любили другъ друга и ихъ идиллія разрѣшалась смертію.

Но онъ не вѣрилъ, что она умираетъ... Стрѣльба снова возобновилась; слышался топотъ кавалеріи, по временамъ подымались крики людей, которыхъ рѣжутъ. Но Сильверъ ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ. Паскаль, который бѣгомъ спускался по равнинѣ, замѣтилъ его на землѣ, и приблизился, думая, что

онъ раненъ. Какъ только молодой человѣкъ замѣтилъ его, онъ бросился къ нему, указывая на Миетту:

— Посмотрите, она ранена въ грудь... Какъ вы добры, что пришли; вы ее спасете.

Въ эту минуту умирающая сдѣлала едва замѣтное движеніе. Страданіе проскользнуло по ея лицу, а изъ сжатыхъ губъ вырвалось легкое движеніе. Ея глаза, страшно открытые, остановились на Сильверѣ.

Паскаль наклонился, потомъ всталъ и сказалъ почти шопотомъ:

— Она умерла.

— Умерла! какъ умерла! это слово повачнуло Сильвера; онъ сталъ снова на колѣни и упалъ, точно опрокинутый легкимъ вздохомъ Миетты.

— Умерла! не можетъ быть, вы видите, что она смотритъ на меня...

Кавалерія продолжала рубить бѣгущихъ; топотъ лошадей, стоны умирающихъ удалялись, ослабѣвали. Паскаль приподнял брошенное Сильверомъ ружье. Едва-лишь онъ вошелъ въ гостиницу, куда переносили раненыхъ, какъ толпа инсургентовъ, преслѣдуемая солдатами, появилась на возвышенности. Главнокомандующій бѣжалъ; это были послѣдніе остатки, которыхъ преслѣдовали. Тутъ произошла страшная рѣзня. Полковникъ Массонъ и префектъ Блеріо напрасно приказывали отступить; разъяренные солдаты продолжали стрѣлять въ бѣжавшихъ. Когда враговъ не стало, они стали стрѣлять на гостиницу. Ставни съ трескомъ падали; изъ внутри голоса кричали: «плѣнные! плѣнные!» Но солдаты ничего не слушали и продолжали стрѣлять. Показался Сикардъ, хотѣлъ говорить; рядомъ съ нимъ выдвинулось испуганное лицо Пейрота. Пейротъ, при слѣдующемъ залпѣ, упалъ на землю, носомъ впередъ, какъ грузная масса.

Сильверъ и Миетта продолжали глядѣть другъ на друга. Сильверъ наклонился надъ умершей, среди выстрѣловъ и стоновъ агоніи, не повертывая даже головы. Онъ только чувствовалъ, что вокругъ нихъ люди: онъ покрылъ концомъ краснаго знамени Миетту.

Но борьба кончилась; убійство Пейрота насытило солдатъ. Одинъ жандармъ, замѣтивъ подъ деревьями Сильвера, прибѣжалъ, и видя, что имѣетъ дѣло съ ребенкомъ, спросилъ его грубо:

— Ты что тутъ дѣлаешь, мальчуганъ?

Сильверъ не отвѣчалъ.

— А, разбойникъ! у него руки почернѣли отъ пороку. Вста-

вай, мерзавецъ, можешь успокоиться: съ тобой скоро порѣшеть.

Сильверъ продолжалъ улыбаться, не двигаясь. Жандармъ замѣтилъ трупъ.

— Красавица дѣвчонка, жаль! пробормоталъ онъ. Любвица, что ли твоя, а? дрянъ... Потомъ прибавилъ: — Ну, маршъ, сволочь. Теперь, когда она умерла, не спать же тебѣ съ нею.

Онъ грубо приподнял Сильвера, поставилъ на ноги и повелъ, какъ собаку. Сильверъ продолжалъ глядѣть на Миетту. Она лежала покрытая краснымъ знаменемъ, съ головой, слегка опрокинутой, съ большими черными глазами, смотрѣвшими вдаль...

VIII.

Но возвратимся къ грязной комедіи Ругоновъ.

Къ пяти часамъ утра, Ругонъ рѣшился наконецъ уйти отъ своей матери. Городъ былъ совершенно пустъ,—ни души не видать. Пьеръ остановился въ центрѣ города и съ наслажденіемъ вдохнулъ свѣжій воздухъ. Итакъ, республиканцы оставляютъ ему Плессанъ! Городъ принадлежитъ ему въ эту минуту! Этотъ городъ, какъ скотъ, спитъ, лежа у ногъ Ругона,—мрачный и покойный, и ему стоить только протянуть руку, чтобы взять его...

Этотъ мимутный отдыхъ, этотъ взглядъ властителя, брошенный на мирный сонъ цѣлой подпрефектуры, вызвалъ въ немъ величественное наслажденіе. Онъ остановился, скрестивъ руки на груди, какъ Наполеонъ наканунѣ побѣды. Вдали слышался мѣрный шумъ фонтана, котораго струи звучно падали на мраморный бассейнъ. Но черезъ минуту имъ овладѣло безпокойство. Что, если, чортъ побери, имперія была основана въ то время, какъ онъ скрывался у своей матери? Что, если Сивардб, Гарсонъ и Пейротъ, вмѣсто того, чтобы попасть въ плѣнъ къ республиканцамъ, захватили шайку и упрятали ее всю въ тюрьму? Холодный потъ выступилъ у него на лбу отъ этой мысли. Онъ быстро зашагалъ впередъ, надѣясь, что Фелиситэ расскажетъ ему всѣ событія ночи. Одно окно желтой гостиной было сильно освѣщено, и онъ увидѣлъ, какъ при освѣщеніи комнаты черная форма его жены наклонилась изъ окна и отчаянно замахала руками. Онъ не понималъ... какъ вдругъ что-то упало на тротуаръ, гдѣ онъ стоялъ. Фелиситэ бросила ему ключъ сарая, гдѣ было спрятано, на всякій случай, оружіе. Естественно, этотъ ключъ означалъ, что надо взяться за оружіе. Онъ возвратился вспять, не понимая, почему жена не хотѣла его впустить и воображая ужасныя вещи. •

Онъ прямо отправился къ Рудье, котораго засталъ на ногахъ, но въ полной неизвѣстности того, что произошло. Пьеръ предложилъ отправиться къ Грану. Грану сидѣлъ въ спальнѣ, безъ огня; онъ ни за что въ мірѣ не хотѣлъ, чтобы горничная принесла свѣчи, боясь, что освѣщеніе возбудитъ подозрительность бунтовщиковъ. Онъ былъ убѣжденъ, что городъ наполненъ инсургентами. Развалившись въ креслѣ у окна, въ нижнемъ бѣльѣ, съ головой, обернутой въ фуляръ, Грану говорилъ:

— Ну, друзья, еслибы вы знали... Я пробовалъ лечь, но эти мерзавцы производили такой адскій шумъ, что страсть! Тогда я бросился на это кресло. Я все видѣлъ, все,—ужасныя фізіономіи, шайку каторжныхъ. Но они ушли, увлекши съ собою Сикардó, Гарсонэ, директора почты....

Ругонъ внутренно радовался; Рудье успокоилъ Грану, утѣривъ его, что городъ очищенъ отъ каторжниковъ, и почтенный чиновникъ искренно обрадовался, когда Ругонъ объявилъ, что явился спасти Плессанъ. Трое спасителей стали совѣщаться; они рѣшили немедленно созвать въ сарай своихъ друзей. Грану,—безспорно первенствовавшій глупостію,—замѣтилъ, что въ городѣ должны же были остаться какіе-нибудь республиканцы. Всѣ поражены были истинностію этихъ словъ. Ругонъ подумалъ про себя:

— Тутъ безъ Маккара не обойдется дѣло.

Черезъ часъ всѣ они съ друзьями находились въ сараѣ. Сдѣлавъ счетъ своимъ силамъ, реакціонная шайка пришла въ нѣкоторое смущеніе: ихъ оказалось всего человѣкъ сорокъ, а между тѣмъ, они должны были дать сраженіе! Какой-то отецъ семейства слезливо сталъ говорить о своихъ дѣтяхъ. Но явилось еще двое человѣкъ; эти господа знали, что въ ратушѣ осталось не болѣе двадцати человѣкъ республиканцевъ.

Послѣ долгихъ преній было рѣшено, что сорокъ одинъ человѣкъ, при значительныхъ усиліяхъ, могутъ справиться съ двадцатью. Роздано было оружіе, и заговорщики вышли въ походъ. Явившись на площадь Ратуши, они сгруппировались вокругъ Ругона. Передъ ними, на черномъ фасадѣ меріи, было освѣщено одно только окно. Было почти семь часовъ, и скоро должно было свѣтать. Послѣ десяти-минутныхъ совѣщаній, заговорщики рѣшились приблизиться къ воротамъ и постараться узнать, что означаетъ этотъ свѣтъ. Ворота были полуоткрыты; одинъ изъ заговорщиковъ, высунувъ голову и сейчасъ же ее спрятавъ, объявилъ, что подъ воротами сидитъ спящій человѣкъ, съ ружьемъ, лежащимъ у ногъ его. Ругонъ, смекнувъ, что можетъ дебютировать геройскимъ подвигомъ, вошелъ первый и схватилъ лежа-

щаго человѣка, въ то время какъ Руде вязалъ его. Этотъ первый успѣхъ сильно ободрилъ заговорщиковъ, которые думали, что безъ ужасной свалки дѣло не обойдется. Они осторожно продолжали подвигаться. Далѣе, они замѣтили человѣкъ пятнадцати, мирно спящихъ на полу большой залы. Ругонъ, который рѣшительно превращался въ геніальнаго полеводца, оставилъ половину своихъ солдатъ, съ приказомъ сторожить спящихъ, не будить ихъ, а въ случаѣ чего, объявить ихъ плѣнными. Его беспокоилъ свѣтъ окна: онъ подозрѣвалъ тутъ Маккара. Вмѣстѣ съ остатками арміи, онъ тихо поднялся по лѣстницѣ... Дѣйствительно, Маккаръ расположился на креслѣ въ кабинетѣ мера. По уходѣ инсургентовъ, весь погруженный въ созерцаніе своей побѣды, онъ говорилъ себѣ, что Плессанъ принадлежитъ ему и что онъ по-своему распорядится имъ. Для него эти три тысячи человѣкъ, которые прошли черезъ городъ, были непобѣдимой арміей, и ея сосѣдство совершенно казалось ему достаточнымъ, чтобы держать буржуазію на приличной дистанціи. Инсургенты заперли жандармовъ въ казармѣ, національная гвардія была разбѣяна, аристократическій кварталъ умиралъ со страху, рантыеры не умѣли справляться съ ружьями. Маккаръ забылъ только приказать запереть ворота, и въ то время, какъ его солдаты, болѣе довѣрчивые чѣмъ онъ, мирно спали, онъ спокойно ждалъ дня, чтобы сгруппировать вокругъ себя всѣхъ республиканцевъ города. Онъ уже мечталъ о рѣшительныхъ, революціонныхъ мѣрахъ, о назначеніи коммуны, которой главой будетъ онъ, о заключеніи ненадежныхъ патріотовъ и въ особенности лицъ, которыя ему не нравятся. Тутъ онъ съ особеннымъ наслажденіемъ останавливался на Ругонѣ. Въ ожиданіи, онъ рѣшился адресовать жителямъ Плессана прокламацію. Онъ исчерпалъ весь свой умъ на редакцію этой прокламаціи. Когда она была готова, Маккаръ, сѣвъ торжественно на кресло мера, приказалъ себѣ читать ее, прежде чѣмъ отправить въ типографію газеты «Indépendant», на цивизмъ которой разсчитывалъ. Чтеніе началось: «Жители Плессана! Часъ независимости пробилъ, царство справедливости наступило...» Вдругъ послышался шумъ, и дверь медленно отворилась. Вошла толпа вооруженныхъ людей, среди которыхъ красовался Ругонъ, красный какъ ракъ, съ глазами, налившимися кровью.

— А, мерзавцы! они съ оружіемъ! прорычалъ Маккаръ... Его схватили; четыре редактора прокламаціи вздумали-было защищаться. Нападающіе не знали, что дѣлать съ ружьями, которыми запаслись и которыхъ не хотѣли бросить. Въ схваткѣ, ружье Ругона, которое хотѣлъ выхватить у него одинъ изъ ре-

дакторовъ, само выстрѣлило, наполнивъ дымомъ кабинетъ; пуля разбила прекрасное зеркало, висѣвшее на стѣнѣ. Этотъ выстрѣлъ положилъ конецъ сраженію. Вскорѣ снизу послышались три выстрѣла. Грану подбѣжалъ къ окну, но Рудѣ снизу закричалъ, что все благополучно. Дѣло было въ томъ, что выстрѣлъ ружья Ругона разбудилъ спящихъ; они покорились, видя, что сопротивляться невозможно; въ испугѣ, трое изъ стражи Рудѣ, не зная что дѣлають, выстрѣлили на воздухъ. Бываютъ минуты, когда ружья сами стрѣляютъ въ рукахъ трусовъ... Ругонъ приказалъ связать Маккара, который въ бѣшенствѣ бормоталъ:

— Продолжайте, други любезные, продолжайте... Сегодня вечеромъ, или завтра, когда придутъ республиканцы, мы съ вами посчитаемся.

Этотъ намекъ на возвращеніе республиканцевъ вызвалъ холодный потъ на лбу побѣдителей; въ особенности Ругонъ чувствовалъ себя скверно.

— А забавныя вещи я знаю, продолжалъ Маккаръ. Отошлите-ка меня въ судъ, тамъ я поразскажу кое-что...

Ругонъ блѣднѣлъ и краснѣлъ; онъ страшно боялся, чтобы Маккаръ не говорилъ и не уронилъ его въ мнѣніи лицъ, которыя помогали ему спасать Плессанъ. Ругонъ рѣшился на героическое средство:

— Мы оставимъ здѣсь этого пріятеля, сказалъ онъ. Успокоившись, онъ можетъ быть и дать намъ кое-какія свѣдѣнія.

Потомъ прибавилъ:

— Я исполню свой долгъ, господа. Я появился спасти городъ отъ анархіи и спасу его, даже въ томъ случаѣ, если мнѣ придется пожертвовать ближайшимъ родственникомъ.

Спасители продолжали дѣйствовать. Необходима была прокламація; для этой цѣли воспользовались уже готовой прокламаціей Маккара, измѣнивъ въ ней нѣсколько словъ. Сдѣлавъ это, Ругонъ сказалъ:

— Теперь мы отправимся ко мнѣ; въ это время, Грану соберетъ здѣсь муниципальный совѣтъ и разскажетъ ему трагическія событія пышнѣйшей ночи.

Онъ прибавилъ:

— Я готовъ принять на себя отвѣтственность за мои дѣйствія. Если то, что я совершилъ, достаточно говорить о моей любви въ порядку, то я согласенъ стать во главѣ муниципального совѣта до восстановленія правильной власти. Но для того, чтобы меня не обвиняли въ честолюбіи, я войду въ мерію только по приглашенію моихъ согражданъ.

Грану и Рудѣ протестовали: Плессанъ не будетъ неблаго-

дарентъ; ихъ другъ вѣдь спасъ городъ... День уже показался, когда они вышли. Часовой, поставленный Маккаромъ на лѣстницѣ дома Ругона, находился тутъ.

— Вы меня ждали, не правда ли? спросилъ его Пьеръ. Ну, такъ ступайте сказать г. Маккару, что я возвратился. Онъ въ меріи.

Часовой, не понимая хорошенько, ушелъ. Фелиситэ не спала.

— Ну, что? спрашивала она.

— Дѣло сдѣлано: мы будемъ сборщикомъ податей, отвѣчалъ Пьеръ, запыхавшись. Онъ разсказалъ всѣ событія... Между супругами шель самый оживленный и интимный разговоръ, когда вошелъ Рудье, потомъ Грану.

— Мой другъ, сказалъ Грану, подходя торжественно къ Ругону, — я вамъ приношу молебны муниципальнаго совѣта, который проситъ васъ стоять во главѣ его до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ нашего мера. Вы спасли Плессанъ; въ тревожную эпоху, переживаемую нами, необходимы люди вашего ума и энергіи...

Начались поздравленія, пожатія рукъ, какъ вдругъ Фелиситэ спросила:

— А гдѣ Вюилэ?

Спасители поглядѣли другъ на друга въ недоумѣніи: никто не видалъ Вюилэ, но черезъ минуту онъ самъ явился. Вюилэ низко кланялся, уклончиво улыбаясь. Онъ самъ обдѣлалъ свои дѣлишки, безъ помощи другихъ; изъ подвала, куда спрятался, онъ видѣлъ какъ инсургенты взяли въ плѣнъ директора почты. Въ то время, когда Ругонъ справлялся въ меріи, Вюилэ вздумалъ сдѣлаться директоромъ почты, находя это для себя полезнымъ. Онъ былъ знакомъ съ чиновниками; когда они явились, Вюилэ прямо объявилъ имъ, что такъ какъ ихъ начальникъ взятъ въ плѣнъ, то онъ, Вюилэ, и беретъ на себя управленіе почтою до возвращенія директора. Потомъ онъ занялся пересмотромъ приходящей почты, распечатывая нѣкоторыя письма и прочитывая ихъ; по лицу видно было, что онъ остался доволенъ извѣстіями. Потомъ онъ отправился къ Ругону, который, ничего не подозревая, уполномочилъ его заступить мѣсто директора.

Послѣ дѣловыхъ переговоровъ, начались разсказы. Ругонъ повѣствовалъ:

— Тогда, одинъ изъ бунтовщиковъ бросается на меня. Я устраниваю кресло г. мера и схватываю его за грудь. Но ружье мѣшало мнѣ, а между тѣмъ, я не хотѣлъ оставить его. Я его держалъ вотъ такъ, въ лѣвой рукѣ, какъ вдругъ выстрѣлъ...

Всѣ слушатели дрожали отъ страха.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣло происходило вовсе не такъ, позвольте вамъ замѣтить, вмѣшался Граву. Вы не видели, сражаясь какъ левъ. Но я, который помогалъ связывать одного изъ бунтовщиковъ, я видѣлъ. Человѣкъ, котораго вы схватили, хотѣлъ васъ убить; это онъ выстрѣлилъ, я собственными глазами видѣлъ...

— Вы думаете? спросилъ, блѣднѣя, Ругонъ.

— Еще бы...

Волненіе достигло высшихъ размѣровъ; слушатели обнаруживали величайшее уваженіе къ герою. Фелиситэ, для полноты картины, сочла нужнымъ броситься въ объятія мужа; Ругонъ, освободившись, продолжалъ:

— Итакъ, — выстрѣлъ; я чувствовалъ, какъ пуля просвистѣла у моихъ ушей и разбила зеркало...

Послѣ разсказовъ, Ругонъ и два его адъютанта отправились въ мерію, поручивъ Вюилэ громовую статью по поводу событій. Часовъ въ десять явился Аристидъ къ матери. Съ самаго начала волненій въ Плессанѣ Аристидъ находился въ страшномъ замѣшательствѣ: онъ не зналъ, что дѣлать, къ какой сторонѣ пристать. Онъ видѣлъ, что дѣло клонится къ развязкѣ, но кто возьметъ верхъ?—Вотъ вопросъ. Не желая попасть туда, куда не слѣдуетъ, Аристидъ предпочелъ сдѣлаться больнымъ: онъ сталъ носить правую руку на повязкѣ, сообщая всѣмъ, что ранилъ себя, и что поэтому не можетъ писать статей.

Аристиду было очень неловко при появленіи у матери; болѣе четырехъ лѣтъ его нога не была у родителей; рука продолжала лежать въ повязкѣ.

— Твоя рука не зажила еще? спросила его иронически Фелиситэ.

Онъ слегка покраснѣлъ и отвѣчалъ съ замѣшательствомъ:

— Теперь нѣсколько лучше.

Онъ замолчалъ, не зная что сказать. Фелиситэ выручила его.

— Слышалъ ты о геройскихъ поступкахъ твоего отца?

Онъ отвѣчалъ, что въ городѣ только объ этомъ и говорятъ; мало-по-малу онъ оправился и возвратилъ насмѣшку своей матери, прибавивъ:

— Я пришелъ узнать, не раненъ ли батюшка.

— Пожалуйста не хитри, отвѣчала прямо Фелиситэ. На твоемъ мѣстѣ, я бы дѣйствовала прямо. Сознѣйся, что ты попалъ въ просакъ, входя въ союзъ съ республиканцами. Теперь ты не прочь бросить ихъ и применить къ намъ. Что же? пожалуй... мы не враги тебѣ...

Аристидъ, больше для красоты слога, протестовалъ: республика, говорилъ онъ,—великая идея. Къ тому же дѣло еще не сдѣлано, почему знать кто побѣдитъ въ концѣ концовъ?

— Не ври глупостей, въ которыя ты самъ не вѣришь, отвѣчала мать. Ты думаешь, что отецъ тебя дурно приметъ? Не бойся, я улажу все. А теперь, ты вотъ что сдѣлай: отправляйся сейчасъ же и напиши для завтрашняго нумера статью въ пользу переворота. Этакъ будетъ лучше. Потомъ приходи. Да сними, пожалуйста, повязку,—это смѣшно.

Аристидъ повиновался и ушелъ.

IX.

Въ городѣ, однакожъ, стали распространяться скверные слухи. Когда Ругонъ вышелъ изъ засѣданія муниципальнаго совѣта, городъ показался ему измѣненнымъ. Къ вечеру тѣни какъ-то таинственно скользили по тротуарамъ; пустота и безмолвіе царили, и на дома, казалось, вмѣстѣ съ сумерками, спустился страхъ. Болтливая довѣрчивость дня, естественно, закончилась этимъ безпричиннымъ страхомъ, этимъ невольнымъ ужасомъ. Утолившись торжествомъ, жители до такой степени нравственно устали, что имъ оставалось силъ только на то, чтобы соображать шансы ужасныхъ возмездій со стороны инсургентовъ. Въ городѣ говорили, что дѣло далеко не кончено, что власти ожидаютъ возвращенія инсургентовъ, что городскія силы ничтожны, что городъ защищаться не можетъ, что обѣщанный военный отрядъ и не думаетъ являться на помощь... Ругонъ сознавался, что городъ не особенно защищенъ. Разстроенный и нравственно убитый, онъ вернулся домой. Фелиситэ, прежде полная довѣрія, вспыхнула при уныніи мужа.

— Дуракъ ты, вотъ что, сказала она; тѣмъ лучше, если эффектъ забываетъ насъ. Мы сами спасемъ городъ. Я бы хотѣла, чтобы бунтовщики возвратились, мы бы ихъ встрѣтили выстрѣлами... Послушай: распорядись, чтобы городскія ворота были заперты, потомъ—не смѣй ложиться спать. Бѣгай, хлопочи, распоряжайся цѣлую ночь. Потомъ все это будетъ тебѣ засчитано.

Пьеръ нѣсколько пріободрился. Но члены временнаго совѣта вторично принесли съ собой городскую панику; всѣ объявили, что рассчитывали на военный отрядъ, который не явился; всѣ негодовали, говоря, что на произволъ судьбы нельзя же оставлять цѣлый городъ. Пьеръ, чтобы покончить съ этими воплями, обѣщалъ вытребовать военный отрядъ, самъ не зная, какъ

это сдѣлать. Потомъ торжественно объявилъ, что прикажетъ запереть городскія ворѣта. Распоряженія были сдѣланы, и всѣ успокоились. Въ одиннадцать часовъ половина членовъ временнаго совѣта дремала около кресла Гарсонэ. Большая лампа, стоящая на столѣ, освѣщала это зрѣлище. Ругонъ, который, казалось, тоже дремалъ, всталъ и послалъ за Вюилэ. Онъ вспомнилъ, что не читалъ еще *газеты*.

Вюилэ явился въ северномъ расположеніи духа, съ гримасой на лицѣ.

— Ну, что? сказала Ругонъ, отводя его въ сторону; чтожъ статья, обѣщанная вами?

— Вы за этимъ только меня пригласили? отвѣчалъ Вюилэ съ неудовольствіемъ. Газета сегодня не появилась; я не желаю, чтобы меня убили завтра, если инсургенты возвратятся.

Ругону стало неловко, онъ постарался разуверить Вюилэ.

— Можеть быть, отвѣчалъ Вюилэ, но пока—самое лучшее дѣло позаботиться о собственной головѣ.

Спасителямъ не суждено было спать эту ночь. Извѣстія, приходившія поминутно въ мерію, были самага мрачнаго свойства. Ругонъ невыносимо страдалъ, волоса Грану совсѣмъ побѣлѣли. Къ двумъ часамъ дня, по всему городу стали ходить слухи, что въ Парижѣ *супр д'этат* неудался, что принцъ-президентъ заключенъ въ Венсенскую крѣпость. Парижъ находился въ рукахъ красной демагогіи, Марсель, Тулонъ, весь югъ принадлежали красной партіи. Къ вечеру, инсургенты должны были явиться и вырѣзать весь Плессанъ. Паническій страхъ царствовалъ въ меріи, нѣкоторые члены временнаго совѣта неизвѣстно куда исчезли. Ругонъ и Грану поняли, что положеніе становилось невыносимымъ. Пьеръ пришелъ домой уничтоженный и униженный. Онъ чувствовалъ, что Плессанъ противъ него. Фелиситэ также опустила, она начала терять надежду: ея планы и на этотъ разъ разлетались въ пухъ и прахъ; если на утро положеніе не измѣнится,—дѣло положительно проигранное. Фелиситэ, которая вчера еще думала о поляхъ Аустерлица, глядя на развалины желтой гостинной,—теперь вспоминала проклятый день Ватерлоо. Стоя у окна, она слышала, какъ толпа ругалась и бранила Ругоновъ; въ ихъ подвиги никто не вѣрилъ; говорили, что все это ложь... Издали Фелиситэ замѣтила Аристида; онъ снова надѣлъ повязку.

— Дѣло скверное, подумала Фелиситэ.

Дѣйствительно, Аристидъ опять надѣлъ повязку; имперія блекла, но и республика не торжествовала; нужно было выжить, не выдавать себя, что и дѣлалъ Аристидъ.

— Даже Эженъ ничего не пишетъ, сказала она въ отчаяніи.

И въ самомъ дѣлѣ, отчего Эженъ не писалъ? Простое благоразуміе требовало увѣдомить ихъ объ исходѣ переворота. Но если онъ молчалъ, значить арестованъ?—Эта мысль навела ужасъ на Фелиситэ: молчаніе сына уничтожало ея послѣднія надежды. Въ эту минуту принесли номеръ *газеты*.

— Какъ, Вюилэ выпустилъ газету?

Онъ развернулъ номеръ и быстро прочиталъ статью. Статья дышала негодованіемъ противъ бунтовщиковъ. Вюилэ начиналъ съ разсказа событій, украшая по временамъ описаніе афоризмами въ родѣ слѣдующаго: «республика всегда валяется между развратомъ и убійствомъ...» Эта статья окончательно уничтожила Ругоновъ.

— Несчастный! онъ наноситъ намъ послѣдній ударъ: подумаютъ, что статья написана по моему совѣту.

«Что все это значило? думала Фелиситэ. Должна же была быть какая-нибудь причина; Вюилэ не такой человѣкъ, чтобы дѣйствовать на-обумъ».

— Это просто мерзавецъ, замѣтилъ Ругонъ. Можетъ быть онъ хочетъ намъ повредить. Я напрасно оставилъ ему администрацію почты.

Послѣднія слова поразили Фелиситэ; не говоря ни слова, она вышла и прямо отправилась на почту. Она неожиданно вошла въ кабинетъ Вюилэ. Онъ былъ тутъ и скорчилъ гримасу, увидѣвъ ее.

Сдѣлавшись временнымъ директоромъ почты, Вюилэ почувствовалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ: онъ могъ запускать свои грязныя руки во всѣ тайны Плессана. Въ сущности, онъ не много распечатывалъ писемъ, но за то внимательно читалъ тѣ, которыя были ему особенно нужны. Когда г-жа Ругонъ вошла, онъ рѣлся въ большомъ количествѣ писемъ и газетъ. Онъ всталъ съ всегдашней уклончивой улыбкой и предложилъ стулъ. Фелиситэ, стоя, сказала ему:

— Я ищу письмо.

— Какое письмо? спросилъ Вюилэ удивленно.

— Письмо, которое вы получили сегодня утромъ для моего мужа. Да пожалуйста поскорѣе, я спѣшу.

Дѣлать было нечего. Вюилэ порылся для виду и подаль письмо, говоря:

— Вы правы, вотъ письмо.

Фелиситэ взяла письмо и не стѣсняясь осмотрѣла тщательно печать; она убѣдилась, что письмо было прочитано. Эженъ въ нѣсколькихъ словахъ сообщалъ полный успѣхъ переворота.

Прочитавъ письмо, Фелиситэ медленно положила его въ карманъ и сѣла.

— Послушайте, господинъ Вюлэ, сказала она.

Онъ поднялъ голову.

— Вы напрасно измѣняете намъ; съ вами можетъ случиться несчастье. Еслибы, вмѣсто того, чтобы распечатывать чужіи письма...

Онъ вознегодовалъ и сталъ протестовать; но Фелиситэ перебила его:

— Мнѣ знакома школа, въ которой вы принадлежите. Зачѣмъ лгать? Скажите прямо, какая вамъ выгода стоять за *сюр д'ѣтат*.

Тогда, ни въ чемъ не сознаваясь, онъ отвѣчалъ, что хочетъ имѣть поставку книгъ въ коллегію. Прежде онъ доставлялъ въ заведеніе всѣ учебныя книги, но начальство узнало, что тайкомъ онъ продавалъ ученикамъ сальныя фотографіи въ такомъ громадномъ количествѣ, что ихъ отыскивали во' всѣхъ классныхъ столахъ. По этому поводу, онъ даже чуть не попалъ подъ судъ исправительной полиціи. Фелиситэ сильно удивилась скромнымъ желаніямъ книгопродавца. Распечатывать письма, рисковать попасть на галеры, для того, чтобы имѣть возможность сбывать лексиконы!

— Чѣму вы удивляетесь? отвѣчалъ онъ сердито; въ годъ это составить чистаго дохода четыре или пять тысячъ франковъ. Я не мечтаю о невозможномъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ.

Наконецъ, союзъ былъ заключенъ. Вюлэ обязывался не распространять никакихъ извѣстій, не выступать впередъ; за это Ругонъ обѣщалъ доставить ему искомое.

Съ этой минуты Фелиситэ всѣ дѣла взяла въ свои руки. Не говоря ни слова о письмѣ, она еще болѣе увеличила опасенія Пьера, подлаживаясь подъ пастроеніе его духа. Ругонъ совершенно растѣрлся. Помучивъ хорошенько, Фелиситэ наконецъ замолчала.

— Что же, наконецъ, дѣлать? говорилъ съ бѣшенствомъ Ругонъ; ты женщина умная; придумай что-нибудь.

Тогда она сообщила ему планъ дѣйствій. По ея мнѣнію, было совершенно необходимо, чтобы страхъ еще болѣе овладѣлъ Плесаномъ, и чтобы Пьеръ сохранилъ положеніе героя и спасителя. Тайное предчувствіе, говорила она, увѣряло ее, что инсургенты еще далеко. Къ тому же, рано или поздно, а реакція восторжествуетъ, и Ругонъ будетъ вознагражденъ. Послѣ роли спаси-

теля,—роль мученика самая лучшая. Но для этого нужно употребить Маккара... Ругонъ, успокоенный, заснулъ.

Утромъ, Фелиситэ отправилась въ мерію; въ салфеткѣ она успела костюмъ національной гвардіи. Маккаръ сидѣлъ подъ арестомъ двое сутокъ, и у него было достаточно времени поразмыслить на досугѣ о своемъ положеніи. Онъ видѣлъ, что собственно у него остается одно только средство спасти себя: измѣнить и продаться. Когда Фелиситэ явилась, онъ догадался и рѣшился воспользоваться минутой. Переговоры были длинны и велись съ необыкновеннымъ искусствомъ. Фелиситэ съ удивленіемъ замѣтила, что Маккаръ почти вѣжливъ. Она сожалѣла о непріятныхъ отношеніяхъ между братьями, но не онъ ли клеветалъ и преслѣдовалъ Ругона?

— Еще бы! отвѣчалъ Маккаръ, развѣ Пьеръ поступалъ со мной по-братски? Развѣ онъ помогалъ мнѣ? Когда онъ былъ хорошъ со мной—помните, въ эпоху двухсотъ франковъ—то и я былъ съ нимъ хорошъ. Я вездѣ повторялъ, что онъ человѣкъ честный.

Это просто означало: еслибы вы продолжали мнѣ давать деньги, я бы не вредилъ вамъ; я бы помогалъ вамъ; вмѣсто того, чтобы преслѣдовать васъ. Это ваша ошибка: падо было купить меня.

Фелиситэ повала и отвѣтила:

— Я знаю, что вы обвиняли насъ въ безсердечіи, потому что думаете, что у насъ есть средства; но вы ошибаетесь: мы—бѣдные люди.

Потомъ, подумавъ, прибавила:

— Конечно, при усилии, въ важномъ обстоятельствѣ, мы бы могли достать что-нибудь.

Маккаръ наострилъ уши: «Я ихъ держу», подумалъ онъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, Фелиситэ объявила ему, что пришла дать ему средства бѣжать.

— Безъ условій? спросилъ Антуанъ.

— Безъ всякихъ условій, отвѣтила Фелиситэ.

Потомъ, подвинувшись къ нему, она прибавила:

— И даже... прежде, чѣмъ бѣжать за границу, если хотите заработать франковъ тысячу, то и это мы можемъ сдѣлать.

Наступило молчаніе.

— Если дѣло чисто, пробормоталъ Антуанъ... Вы знаете, что я не хочу вмѣшиваться въ ваши дразги.

— Тутъ нѣтъ никакихъ дразгъ; вы выйдете сейчасъ изъ этой комнаты, спрячетесь у вашей матери, а вечеромъ соберете своихъ друзей, и съ ними вторично лягитесь занять мерію.

Маккаръ не могъ скрыть своего удивленія. Онъ не понималъ.

— Я думалъ, что вы побѣдители.

— У меня нѣтъ времени рассказывать вамъ всего. Принимаете ли вы наше предложеніе или нѣтъ?

— Нѣтъ. Я подумаю. Изъ-за какихъ-нибудь тысячу франковъ глупо будетъ упустить, можетъ быть, цѣлое состояніе.

Фелиситэ встала.

— Какъ хотите, сказала она холодно. Только, право, вы не понимаете вашего положенія. Вы ругали меня всячески, а когда я протягиваю вамъ руку помощи въ трущобѣ, куда васъ привела ваша же собственная глупость,—вы жеманитесь, не хотите, чтобы васъ спасали. Ну, и оставайтесь здѣсь; ждите властей. Что же касается меня, то я умываю руки.

— Но дайте мнѣ какое-нибудь объясненіе! Не могу же я согласиться на ваше предложеніе, не зная ничего. Вотъ уже два дня, какъ я сижу въ неизвѣстности. Можетъ, вы и воруете меня—почемъ я знаю?

— Право, вы недалъновидны! вы напрасно не хотите довѣриться намъ. Тысяча франковъ—не бездѣлица, и если ея рискуютъ, то конечно не для того, чтобы потерять больше. Согласитесь, совѣтую вамъ.

Онъ все еще колебался.

— Но когда мы явимся занять мерію,—насъ не станутъ тревожить.

— Этого я не знаю; можетъ, и будетъ нѣсколько выстрѣловъ.

Онъ пристально посмотрѣлъ на Фелиситэ.

— Эге! милашечка! отвѣтилъ онъ грубо,—ужь не имѣете ли вы желанія всадить мнѣ пулю въ лобъ.

Фелиситэ покраснѣла; она именно подумала, что такая развязка была бы самая лучшая.

— Что вы! что вы! не стыдно ли вамъ подозрѣвать насъ въ такой низости. Что-жъ—согласны?

Торгъ еще продолжался. Наконецъ Маккаръ согласился. Онъ попросилъ задатокъ и получилъ двѣсти франковъ; остальные онъ долженъ былъ получить завтра.

— Все готово, сказала Фелиситэ вернувшись, — все готово на эту ночь...

Весь день, Пьеръ былъ въ ужасныхъ попыхахъ, приготовляясь устроить свой личный *coup d'état* какъ можно изящнѣе. Онъ засѣлъ торжественно въ мерію, распоряжаясь самымъ энергичнымъ образомъ. Потомъ осматривалъ городъ, хлопоталъ, осматривалъ посты. Онъ рассчитывалъ, говорилъ онъ, на храбрость національной гвардіи. Въ городѣ никто не сомнѣвался въ томъ, что инсургенты возвращаются. Бѣгство Маккара еще болѣе увеличило ужасъ. Въ это время, Аристидъ, сидя дома, по прежнему

находился въ нерѣшительности. Статья Вюилэ удивила его. Отецъ приводилъ его въ недоумѣніе. Онъ отправился къ своей матери развѣдать: что творится? Чего же наконецъ ждать? На что надѣяться?

— Ну, сказала Фелиситэ, презрительно улыбаясь, — не силенъ же ты, мой милый.

— Да чортъ же знаетъ, что у васъ тутъ происходитъ. Я, право, оступѣлъ. Еслибы я могъ быть въ Парижѣ съ Эженомъ... Вы все скрытничаете отъ меня, матушка. Братъ сообщаетъ вамъ все, что дѣлается, и вы никогда не сказали мнѣ ни единого словечка...

— А! ты это знаешь? Я вижу, что ты не такой дуракъ, какъ я думала. Можетъ быть, ты распечатываешь письма, какъ нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ апломбомъ Аристидъ; но я подслушиваю у дверей.

— Такъ почему же ты, олухъ, прежде не присталъ къ нашей компаніи.

Послѣ нѣкотораго молчанія, она прибавила:

— Отецъ твой очень храбръ.

— Да, отвѣчалъ Аристидъ насмѣшливо; онъ молодецъ-мужчина; онъ мнѣ напоминаетъ Леонида при Термопилахъ... Ужъ не вы ли, матушка, надушили его на эту штуку?... Чортъ побери, прибавилъ онъ рѣшительно, я бонапартистъ... Батюшка не такой человѣкъ, чтобы рисковать собственной шкурой... если въ виду не предвидится наживы...

— Ты правъ...

И договоръ былъ заключенъ.

Маккаръ провелъ весь день у своей матери, Аделаиды. Онъ собралъ своихъ друзей и приготовилъ нападеніе на ратушу. Плессану еще разъ суждено было быть театромъ военныхъ дѣйствій: при свѣтѣ луны, вооруженные люди приближались къ ратушѣ. Когда они подошли, Маккаръ храбро выдвинулся впередъ; онъ постучалъ въ ворота, и когда его спросили: что такое? онъ такъ страшно сталъ ругаться, что привратникъ бѣжалъ. Двери немедленно были отворены; тогда Маккаръ закричалъ:

— За мной, друзья!

Онъ бросился въ сторону, въ то время, какъ республиканцы бѣжали впередъ; во дворѣ послышался залпъ; національные гвардейцы, сидя въ засадѣ, какъ-то лихорадочно стрѣляли по республиканцамъ. При образовавшемся свѣтѣ, Маккаръ замѣтилъ Ругона, который цѣлился въ него.

— Не плошать! замѣтилъ онъ про себя. Мерзавецъ убьетъ меня; онъ долженъ мнѣ восемьсотъ франковъ.

Произошла страшная сумятица. Республиканцы закричали: измѣна! и выстрѣлили. Одинъ національный гвардеецъ упалъ; они же оставили на мѣстѣ тронхъ убитыхъ. Они бѣжали, крича: нашихъ братій рѣжутъ! Защитники порядка бросились въ погоню и стрѣляли куда попало. Нужно было вмѣшательство власти, чтобы прекратить эту бойню. Городъ былъ въ ужасѣ; буржуа не знали куда дѣться отъ страха... Утромъ Ругонъ пошелъ осматривать поле сраженія.

— Четверо убиты, сказалъ онъ.

— Тѣмъ лучше, замѣтила Фелиситэ. Теперь не скажутъ, что ты умѣешь стрѣлять только по зеркаламъ. Такимъ образомъ, этотъ толстый, смѣшной буржуа Ругонъ сдѣлался въ одну почъ страшнымъ волосомъ, внушающимъ ужасъ. Къ довершенію всего, явился отрядъ подъ начальствомъ полковника Массона, съ префектомъ Блеріо. Власть вышла торжественно на встрѣчу войска. Аристидъ выпустилъ нумеръ «Indépendant», гдѣ краснорѣчиво восхвалялся «восходомъ свободы въ порядѣ и порядка въ свободѣ». Пошло всеобщее ликование...

Х.

На третій только день воспный отрядъ прошелъ черезъ Плесанъ; префектъ и полковникъ Массонъ приглашены были на обѣдъ. Солдаты помѣщены были въ предмѣстьи. Приѣмъ, сдѣланный имъ жителями, не отличался особеннымъ восторгомъ. Эти солдаты, на которыхъ еще не застыла кровь погибшихъ, были противны чистеньнымъ буржуа, и они, брюзгливо давая имъ дорогу, рассказывали другъ другу на ухо ужасныя исторіи разстрѣливаній, мести, о которыхъ югъ сохранилъ воспоминаніе. Терроръ декабрьскаго переворота начинался, терроръ подавляющій, охватившій на долгое время весь югъ Франціи. Плесанъ, въ своей ненависти къ республикѣ, могъ встрѣтить солдатъ на первыхъ порахъ криками восторга, но теперь, глядя на этотъ мрачнѣйшій отрядъ, даже раптеры спрашивали себя съ безпокойствомъ: не сдѣлали ли и они чего-нибудь, за что ихъ могутъ разстрѣлять?

Власти вернулись въ городъ. Ругонъ безъ сожалѣнія возвратилъ меру его кресло. Штука была сыграна; теперь, въ лихорадкѣ, онъ ждалъ изъ Парижа вознагражденія за свой цизмизмъ. Въ воскресенье онъ получилъ письмо отъ Эжена. Фелиситэ еще въ четвергъ выслала сыну нумера «Газеты» и «Indépendant», которые во второмъ изданіи рассказывали почное сраженіе и прибытіе префекта. Эженъ отвѣчалъ немедленно, что назначеніе

его отца въ сборщики готово. Кромѣ того, онъ сообщалъ другое: онъ выхлопоталъ для отца орденъ Почетнаго Легіона. Фелиситэ плакала отъ блаженства. Ругонъ, блѣдный отъ избытка чувствъ, объявилъ, что необходимо дать обѣдъ.... Радость ихъ, однакожъ, была не безъ тучъ. Благодаря *сюр д'ѣтат*, они платили свои долги; Аристидъ, оплакивая свои глупости, пошелъ по настоящей дорогѣ, Ругонъ сбывалъ съ рукъ Маккара; но онъ боялся какой-нибудь глупости Паскаля и безпокоился за судьбу Сильвера. Онъ боялся, чтобы дѣло жандарма не попало въ судъ.... Если бы какой-нибудь непредвидѣнный случай могъ освободить его отъ этого молодого негодяя.... Въ то время, какъ Фелиситэ хлопотала объ обѣдѣ, Пьеръ отправился поразузнать. Сикардъ ничего не зналъ; по его мнѣнію, Паскаль долженъ былъ остаться съ рапечими.... Ругонъ отправился къ матери. Маккаръ, за стаканомъ вина, встрѣтилъ его словами:

— А, это ты — недурно. Припесь деньги?

Пьеръ не отвѣчалъ, онъ замѣтилъ Паскаля, который наклонился надъ постелью. Аделаидъ было дурно, она лежала точно мертвая.... Паскаль сказалъ, что она съума сошла.

— Припесь деньги? спросилъ вторично Маккаръ.

— Да, вотъ восемьсотъ франковъ.

— Не хочу, давай еще столько же. Твоя жена падула меня. Еслибы я зналъ въ чемъ дѣло, я бы никогда не согласился за такую бездѣлицу.

Ругонъ выложилъ деньги.

— Даю тебѣ честное слово, что больше у меня нѣтъ. Я подумаю о тебѣ послѣ, только уѣзжай поскорѣе.

Поломавшись, Маккаръ взялъ деньги.

— Ты обѣщалъ мнѣ мѣсто, — не забудь же. Я хочу возвратиться во Францію. Мѣсто *garde champêtre*, въ хорошей мѣстности, — это по мнѣ.

— Хорошо, хорошо.

Аделаида страшно бредила, вспоминая исторію контрабандиста....

Ругонъ вышелъ въ ужасѣ. Возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ Аристиду, который сообщалъ ему, что Сильвера разстрѣлялъ жандармъ Рапгадъ....

Когда они пришли домой, желтая гостинная сіяла. Фелиситэ разсыпалась въ любезностяхъ. Всѣ тутъ были: Сикардъ, Грану, Руде, Вюилэ, торговцы оливковаго масла, торговцы миндалемъ, — вся шайка. Одинъ маркизъ не пришелъ, приславъ сказать, что боленъ. Ругонъ и Аристидъ были припаты съ распростертыми объятіями. Сикардъ потребовалъ слова:

— Господа, сказалъ онъ, позвольте мнѣ, отъ имени общества,

сказать нашему другу Ругону, какъ мы рады тѣмъ наградамъ, которыя онъ заслужилъ своею храбростію и патріотизмомъ. Я объявляю, что Ругонъ былъ вдохновенъ свыше, оставшись въ Плессанѣ, между тѣмъ, какъ эти разбойники уводили насъ съ собой. Поэтому, я одобряю отъ чистаго сердца рѣшеніе правительства.... Позвольте мнѣ кончить.... потомъ, у васъ будетъ время поздравить нашего друга.... Знайте же, что нашъ другъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона и будетъ назначенъ сборщикомъ податей....

За десертномъ веселье достигло колоссальныхъ размѣровъ... Наконецъ-то планы Ругоновъ осуществлялись. Ихъ аппетитъ, раздраженный тридцатилѣтнимъ полу-голодомъ, обнаруживалъ страшные зубы. Эти жадные, эти голодные звѣри встрѣчали вторую имперію, какъ царство добычи.

Пьеръ всталъ, держа въ рукахъ бокалъ шампанскаго.

— Господа, за здоровье принца Луи — императора!

Всѣ съ шумомъ стали чокаться. Буржуа города Плессана, — Рудье, Грану, Вюилэ и другіе, — плакали, обнимались на только-что охладѣвшемъ трупѣ республики.

Въ умѣ Сикардо блеснула гениальная мысль. Онъ взялъ въ волосахъ Фелиситэ кусокъ розовой ленты, и всунулъ его торжественно въ петлицу Ругона. Тотъ защищался, скромничая.

— *Sacrebleu!* негодовалъ Сикардъ. Знаете ли, что васъ украшаетъ орденомъ старый наполеоновскій солдатъ?

Взрывъ аплодисментовъ покрылъ слова Сикардъ. Грану вскарабкался на стулъ, махая салфеткой и произнося рѣчь, которая, увы! погибла для потомства въ общемъ шумѣ. Желтая гостинная торжествовала....

Но кусокъ розовой ленты, вдѣтый тогда въ петличку Ругона, былъ не однимъ краснымъ пятномъ....

Этою сценою заканчивается первая часть романа Золя. Предъ нами интродукція, какъ видитъ читатель, той великой траги-комедіи XIX-го столѣтія, которая называется второй имперіей. Второй томъ вводитъ насъ въ Парижъ, гдѣ сосредоточивается историческая драма. Тутъ вторая имперія является уже во всемъ своемъ блескѣ.

В. Ч.

ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА

К Р Ы М А

Путевыя впечатлѣнія.

II *).

Развалины Черкесь-Кермана.—Элисе.—Пещеры Эски-Кермана, города «троглодитовъ». — Кунацкая татарской княгини.—Бахчисарайская кофейня.—Ханская мечеть.—Похищеніе невесты.—Маріанполь.—Чуфуть-Кале, древній Кыркорь.—Отшельникъ Чуфуть-Кале.

Спускаясь отъ Коджа-Сала и Мангуна къ сѣверу по узкой долинѣ Кара-Илеза, которой сады висятъ словно въ естественномъ грунтовомъ сараѣ, между двумя сплошными стѣнами отвѣсныхъ скалъ,—путешественникъ проѣзжаетъ одну изъ плодороднѣйшихъ и населеннѣйшихъ мѣстностей Крыма. Три многолудныя деревни, три Каралеза—Юкары-Каралезъ, Орта-Каралезъ и Ашагъ-Каралезъ—тянутся одинъ за другимъ на цѣлыя версты, потонувши въ старыхъ густыхъ садахъ, и на каждомъ шагѣ представляя взору путешественника картины столько же наивной, сколько живописной жизни Востока.

Чтобы попасть въ Черкесь-Керманъ нужно своротить изъ Каралезовъ налѣво, почти назадъ, въ направленіи къ Севасто-

*) См. выше: июль, 654 стр.

полю. Послѣ роскошной свѣжести каралезской долины пустынная каменистая дорога кажется скучною.

Черкесь - Керманъ показывается поздно, когда вы почти вѣхали въ него. Узкая гора, гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ мангунская, мысомъ выдѣляется отъ сосѣднихъ горъ и образуетъ узенькую тѣснину, совсѣмъ почти спрятанную въ пазухѣ каменныхъ твердынь. Въ этой пазухѣ расположена деревня Черкесь-Керманъ. Известковые толщи здѣсь припiali оригинальную форму закругленныхъ столбовъ и желваковъ, словно ихъ обточила рука человѣка. Множество пещеръ, выглядающихъ снизу водою, дали жителямъ поводъ воспользоваться скалами какъ домашними постройками. Задній планъ почти всякаго двора — скала, и почти въ каждой скалѣ пещера. Въ одной конюшня или хлѣвъ, въ другой анбаръ, кузня, погребъ. Къ нѣкоторымъ придѣланы ворота, дверочки, плетни, лѣсенки. Въ началѣ деревни экономія какого-то мурзы; это — огромный глубокий сарай въ пѣдрахъ скалъ, недоступный дождю, несмотря на отсутствие воротъ, сарай доисторической первобытности, помѣщавшій между прочимъ, въ числѣ экипажей, хорошеенькую модную карету на лежащихъ рессорахъ.

Въ Черкесь - Керманѣ множество драгоценнаго матеріала для художника - туриста. Дорожка идетъ нѣсколько выше построекъ, такъ что внутренность дворовъ видна почти à vol d'oiseau, и фигуры татарокъ и татарчатъ, окаменѣвшія въ картинныхъ позахъ на своихъ плоскихъ кровляхъ при видѣ нашей кавалькады — сообщаютъ пейзажу характерную полноту.

Съ высоты нашихъ сѣделъ мы присутствуемъ при крикливомъ урокѣ въ деревенскомъ *мектебѣ*: на тѣнистой галлерей второго этажа, подъ старыми орѣхами, пестрая толпа татарчатъ и татарочекъ, лежа и сѣдя прямо на полу, распѣваютъ расклавывая стихи Алькорана, по арабскимъ книжкамъ, которыхъ смыслъ певѣдомъ имъ также рѣшительно, какъ и учительницѣ ихъ, пожилой татаркѣ, предѣдавшей въ этой букволической школѣ.

Оторвавъ взоръ отъ этой живописной тѣснины, до красвъ наполненной жилищами человѣка, вы замѣчаете слѣва на отвѣсной горѣ, замыкающей тѣснину, — высокую старую башню. Это древнѣй Черкесь-Керманъ. Въ Черкесь-Керманѣ остались слѣды значительнаго укрѣпленія. Башня, въ которой продѣланы двойныя ворота, стоитъ надъ трещиною скалы, которой узкій и высокій мысъ она отрѣзала въ неприступную цитадель, подобно замку Тешкли-Буруца. Постройка ея совершенно того же рода какъ мангунскихъ, пьерманскихъ и др. башенъ. У татаръ она

известна подъ именемъ *Къезъ-Куле, Двѣичей башни*. Но всего замѣчательнѣе въ Черкесъ-Керманѣ его пещерный храмъ, или, какъ называютъ его татары, *эклисе* (исковерканное греческое слово, означающее церковь). Эклисе спрятано въ лѣсистыхъ скалахъ такъ хорошо, что даже побывавъ въ немъ, не сразу найдешь его опять. Видно, что во время основанія его христіанинъ еще не смѣлъ возвышать къ небу золотыхъ крестовъ своего храма, и крымское христіанство того времени еще не прожило своего періода катакомбъ. Только съ помощью татаръ можно вскарабкаться черезъ колючую чащу, по известковымъ обрывамъ скалы, на гребень ея, съ котораго открывается ходъ въ эклисе. Громадный округленный камень, когда-то отдѣлившійся отъ всей скалы и заслоненный отъ враждебныхъ взоровъ этою самою скалою, выдолбленъ внутри въ христіанскую моделью. Съ голаго гребня скалы, по заднему обрыву ея, были вырублены когда-то ступени, переходившія на церковный утесъ въ точкѣ прикосновенія его къ скалѣ; теперь эти ступени слизаны временемъ и безъ головокруженія пельзя спускаться по нимъ: открытая пропасть зияетъ прямо подъ ногами, и спускъ въ нее гораздо легче, чѣмъ переходъ на утесъ.

Низенькая дверочка эклисе заросла кустарникомъ и бурьяномъ. Храмикъ выдолбленъ правильнымъ круглымъ сводомъ и сохранился отлично, безъ сомнѣнья, по причинѣ своей недоступности. Остатки штукатурки и византійскихъ фресокъ на ней очень замѣтны; можно еще разобрать нѣкоторые греческія надписи подъ образами и даже характерный ликъ Николая угодника. Рядомъ съ дверью маленькое окошечко, черезъ которое па бѣлыя известковыя стѣны падаетъ веселый солнечный свѣтъ. Алтарикъ въ особомъ отдѣленіи, на возвышеніи. Каменный престолъ съ изображеніемъ креста и круглымъ углубленіемъ; въ лѣвомъ углу крошечный альковъ для трапезы, по стѣнамъ алтаря низенькія каменные сидѣнья. Трава пробилась сквозь трещины маленькаго пола, сквозь престолъ и сѣдалища, а птицы и летучія мыши въ теченіи долгихъ лѣтъ оставляли свои слѣды въ этой древней святынѣ, доступной теперь только ласточкамъ.

До Эски-Кермана намъ оставалось всего версты двѣ, но дорога трудная. Онъ стоитъ совершенно отдѣльною столовою горою, какъ и Мангупъ, только значительно ниже его. Въ Крыму пѣтъ пещернаго города, болѣе характернаго. Кромѣ пещеръ—ничего, ни малѣйшаго слѣда развалинъ. Но за то пещеры сосчитать трудно. Какъ взглянешь спизу на отвѣсный обрывъ горы—чистое осиное гнѣздо! Ряды ячеекъ, прилѣпленныхъ одна

къ другой, раздѣленныхъ перегородками иногда чуть не бумажной толщины.

Конечно, пещеры не были прежде такъ открыты снаружи; только кое-гдѣ видѣлись маленькія окошечки, какъ это можно замѣтить еще на нѣкоторыхъ пещерахъ; но время крушить не одни бревенчатые и кирпичныя жилища человѣка. Онъ спряталъ свои гнѣзда въ толщи скалъ — оно раскололо пополамъ его скалы и искрошило ихъ въ щебень. Теперь почти во всѣхъ пещерныхъ городахъ мы любуемся снаружи на внутренности пещеръ; на отвѣсныхъ обрывахъ вѣютъ ихъ продольные разрывы, какъ вскрытыя домовища устрицъ; это очень удобно для архитектурныхъ чертежей, но уже невозможно для жизни. Мы съ любопытствомъ осматривали въ глубинѣ долины огромные камни и цѣлыя утесы, оторванные отъ Эски-керманской горы. По положенію камней и по чертежу ихъ отверстій легко можно замѣтить, что это оторванные половины тѣхъ пещеръ, которыхъ вѣвы чернѣютъ теперь наверху, какъ разъ надъ этими камнями. Вонъ торчатъ надъ обрывомъ верхнія ступеньки каменной лѣсенки, которой нижній сходъ опрокинуть съ утесомъ въ долину, хоть склеивай сейчасъ. Мы нашли въ долинѣ большіе камни съ цѣлыми пещерами внутри; окошечко, дверка — все цѣло. Нашли даже громадный камень съ нетронутою часовнею внутри; очень можетъ быть, что она была выдолблена уже впослѣдствіи, въ обрушившемся утесѣ; въ нее легко было войти; иконопись стѣнъ и греческія надписи были еще довольно ярки и свѣжи, хотя сильно стерты.

Поднялись на верхъ съ трудомъ. Глубокая дорожка, въ родѣ траншеи, врѣзана между стѣнами камней; это настоящій крѣпостной входъ. Первая пещера наверху, направо отъ дороги, замѣчательна сложностью и величиною. Въ ней, несмотря на разрушеніе, хорошо замѣтны вырубленные своды, столбы, проходы изъ одного отдѣленія въ другое; отдѣленій этихъ было четыре или пять; нѣкоторыя изъ нихъ положеніемъ и формою напоминаютъ алтари. Въ сводахъ множество окаменѣлыхъ устрицъ очень большого размѣра и наплывы сталактитной массы неправильныхъ формъ; кое-гдѣ замѣтны заржавѣвшіе слѣды когда-то бывшихъ желѣзныхъ скрѣпъ. Въ помѣщеніяхъ алтарей съ трудомъ можно замѣтить неясные остатки фресокъ.

Первыя отдѣленія отъ входа совсѣмъ почти завалены; въ лѣвомъ углу, сейчасъ же у наружнаго отверстія стоитъ каменный гробъ простой формы, прикрытый каменною же плитою безъ всякихъ насѣчекъ и надписей. Другой такой же гробъ раскрытъ и опустошенъ; въ вучѣ обломковъ замѣтны куски

гробовъ, совсѣмъ разбитыхъ. Старикъ Сеидъ-Мазинъ изъ Бахчисарая, провожавшій насъ въ Эски-Керманъ, — увѣрялъ меня, что онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ проводникомъ графа Уварова, по распоряженію котораго будто былъ раскрытъ одинъ гробъ и въ немъ будто бы найденъ скелетъ челоуѣка съ золотными кольцами. Безъ сомнѣнія, Сеидъ говорилъ о графѣ Уваровѣ, авторѣ археологическаго сочиненія о крымскихъ древностяхъ. Старикъ добавилъ, что въ то время *экисе* была почти совсѣмъ цѣла, и на стѣнахъ видны были писанныя красками фигуры людей. Татары вѣрятъ, что эта большая пещера была греческою церковью, а нѣкоторые путешественники считаютъ ее остатками монастыря.

Мы долго бродили по краямъ Эски-Керманской горы, спускаясь во всѣ пещеры, въ которыя можно было спуститься. Не всегда можно довѣряться полурастреснутымъ лѣсенкамъ, что ведутъ изъ верхняго яруса пещеръ въ нижній. Въ иныхъ мѣстахъ видишь три-четыре яруса. Нѣкоторыя пещеры очень помѣстительны, имѣютъ каменные ясли, столбы съ каменными ушками для привязи, цистерны, какъ въ Мангунѣ; это, конечно, конюшни, овчарни. Въ другихъ, меньшихъ, замѣтны каменные лежа, альковы для шкяпчиговъ, вырубленныя полочки, правильно вытесанныя притолки для дверей; въ нѣкоторыхъ видны дымовыя отверстія и слѣды очаговъ, и во всѣхъ рѣшительно множество выдолбовъ для укрѣпленія брусевъ, на которыхъ, можетъ быть, устраивались койки, столы, загородки, вѣшалки и пр. Интересныхъ остатковъ внутри этихъ пещеръ рѣшительно не видать. Слой овечьаго и конскаго навоза покрываетъ почву, а выбоинки наполнены мелкимъ мусоромъ, въ которомъ попадаются во множествѣ черепочки глиняной хорошо выжженной посуды и кости обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ. Надо предполагать, что прежній полъ пещеръ уже затанутъ слоемъ извести; во всякомъ случаѣ изслѣдователямъ древностей каменнаго періода нелипше было бы покопаться въ этихъ подземныхъ норахъ.

Конечно, особенно плодотворны должны бы оказаться раскопки естественныхъ сталактитовыхъ пещеръ Крыма, напр., пещеръ Чатыръ-Дага, гдѣ знаменитая «пещера тысячи головъ», *Бимбаш-Коба*, сохраняетъ въ себѣ даже на поверхности почвы массу неизслѣдованныхъ скелетовъ. Но и пещеры *троглодитовъ*, подобныя эски-керманскимъ, не должны быть упущены изъ виду археологами. Меня поражаетъ то обстоятельство, что каждая столовая гора пещерныхъ городовъ Крыма — непременно соединена съ преданіемъ о морѣ, окружавшемъ когда-то гору.

Ай-тодорская долина у южнаго подножія Мангупа до сихъ поръ называется у грековъ *пеллагосъ* (море), а татары пзвратили это имя въ *филеусъ*. Эски-Керманъ называется также у татаръ — *демисъ* (море). Фирковичъ рассказывалъ мнѣ, со словъ своихъ караннскихъ предковъ, что въ глубокой древности Чуфутъ-Кале былъ островомъ, а долина, по которой пролегаетъ дорога въ Мангупъ, была покрыта моремъ. Любопытно, что и Плиній въ своей Естественной исторіи говоритъ, будто горный Крымъ былъ прежде островомъ.

Если люди жили въ эпоху этихъ горныхъ озеръ, то пещеры по ихъ сосѣдству получаютъ еще большій смыслъ.

Оригинальность Эски-Кермана и самое замѣчательное сооруженіе его—это круглый колодезь въ нѣдрахъ скалы. Въ колодезь этотъ опустится цѣлая большая башня. Спускаться въ него можно только на веревкахъ, и то человѣку привычному. Мпожество ступенекъ высѣчено почти въ отвѣсной породѣ, и изъ нихъ только немногія уцѣлѣли, такъ что вамъ большею частью приходится висѣть на веревкѣ, привязанной вверху къ камнямъ. При этомъ условіи не совсѣмъ кстати открываются передъ вашими глазами то выше, то ниже, провалы паружной стѣны, сквозъ которые вы волею-неволею измѣряете глубину безднъ подъ погами. Вѣтеръ съ силою врывается въ эти проломы, образовавшіеся отъ разрушенія оконныхъ отверстій, и вамъ въ той черной дырѣ, въ которой вы висите, дѣлается жутко отъ этого внезапно поражающаго васъ свѣта и движенія. Внизу колодца большая грязь; подземный ключъ журчитъ подъ сводомъ низкой черной пещеры и скатывается изъ подземнаго бассейна въ паружную трещину скалы, загороженную утесами, заросшую кустарникомъ и травами. Картина этого потайного ключа очень романтична: черная скалистая дыра, изъ-подъ которой онъ выливается, и сквозной гротъ, увитый ползучими растеніями—составляютъ преживописный контрастъ. Не такъ, конечно, смотрѣли на него тѣ несчастные водоносцы желѣзнаго вѣка, которые припуждены были совершать это подземное странствованіе за каждымъ кувшиномъ воды.

Объ эски-керманскихъ пещерахъ писали мало. Подробнѣе другихъ описаніе г. Козена. Онъ считаетъ пещеры Джингисъ-Кермана за *жилище троллодитовъ*. Приведу изъ его письма наиболѣе оригинальныя мѣста, которыя дополняютъ читателю мои личныя впечатлѣнія.

«Всѣ сіи скалы были изсѣчены руками человѣческими, начиная отъ самой вершины оныхъ внизъ, на нѣсколько саженей въ глубину; и каждая скала заключаетъ въ себѣ большее или

меньшее число жилищъ, раздѣленныхъ внутри на этажи. Ихъ находится столь безчисленное множество, что на обозрѣніе всѣхъ требуется по крайней мѣрѣ двѣ недѣли времени... Стѣны и потолки чрезвычайно тонки, ибо рѣдко имѣютъ болѣе пяти или шести дюймовъ толщины; стѣны же внутреннія для раздѣла горницъ еще и того менѣе, и не превышаютъ двухъ и трехъ дюймовъ толщины....

«Можно и теперь еще различить признаки разныхъ инструментовъ, служившихъ троглодитамъ въ ихъ работахъ, и которые изображены какъ внѣ, такъ и внутри ихъ жилищъ.... Признаки другихъ инструментовъ, замѣчасмыхъ на стѣнахъ во внутренности сихъ жилищъ, также очень необыкновенны: нѣкоторые представляютъ выпуклыя полукружія, похожія на толстыя веревки или канаты, другія уподобляются точкѣ съ запятою, и тысячами выдавлены въ стѣнѣ. Сіи послѣдніе наиболѣе встрѣчаются въ комнатахъ, отдѣланныхъ съ большимъ раченіемъ; намѣтки, означенныя симъ инструментомъ въ стѣнѣ, представляются какъ бы вдавленными въ мякоть, а не въ твердое тѣло.... Сей паружный признакъ, можетъ быть не обманчивый, заставляетъ полагать, что троглодиты имѣли средство смягчать камни до разработки.... Между сили скалами находится одна, весьма замѣчательная по содержанію въ себѣ одного весьма страннаго покоя. Вершина сей скалы очень широка; подъ пѣю, одна подлѣ другой, выдѣланы неправильно круглыя дыры, имѣющія отъ двухъ до трехъ футовъ въ діаметрѣ, что и придаетъ ей нѣкоторое сходство съ англійскою кухнею въ большомъ видѣ. Отверстія сія, концы находятся почти десять, служили входомъ и вмѣстѣ сообщеніемъ съ внутренностью покоя, имѣющаго большую овальную фигуру и вышиною въ семь футовъ. Долженствовало встрѣтиться большія трудности при его сооруженіи, ибо дѣятели начинали ее не съ боковой стороны, по сверху, и работали спускаясь внизъ, какъ бы въ колодезь, по мѣрѣ ихъ углубленія... Я вышелъ изъ сей скалы разщелипою, съ боку выработанною (вѣроятно искусствомъ татаръ), доставляющею нынѣ входъ гораздо удобнѣе существовавшаго нѣкогда при троглодитахъ.... Наверху одной утесистой стремнины во внутренности скалы находится одна комната, служившая келією и часовнею набожнымъ людямъ средняго вѣка, а между прочимъ кажется и одному весьма искусному художнику тамъ жившему, ибо на стѣнахъ часовни сей примѣтны слѣды хорошей живописи, какъ можно судить по живости красокъ и очертаній, которыя еще замѣтить можно съ нѣкоторымъ затрудненіемъ сквозь слѣды разрушенія, которые она показываетъ. Изображе-

ніе представляет Богородицу, окруженную нѣкоторыми святыми... Картина сія приносила бы честь вѣку Чимабуэ (въ 1300 году), основателя итальянской школы и живописи въ Италіи».

Осмотрѣвъ Эски-Керманскія пещеры, мы двинулись далѣе. Нашъ Бэкиръ упрямя какъ истый татаринъ. Его понятія о «князѣ» и о «господахъ изъ губерній» совершенно разрушаютъ наши планы. Онъ положительно не позволяетъ намъ дѣйствовать какъ бы мы хотѣли и ревниво заботится о томъ, чтобы нашему предполагаемому сану возданы были подобающія почести. Бѣднѣе, безъ сомнѣнія, участвуетъ всѣмъ сердцемъ въ долѣ этихъ почестей.

Смѣло подѣзжаетъ онъ къ кунацкой княгинѣ, владѣтельница Каралеза, и вызываетъ чайю (прикащика), несмотря на наши грозныя запрещенія. Чайя суетливо бѣжитъ въ гаремный дворъ, оттуда опять къ намъ съ ладонью на сердцѣ, почтительно пропускаетъ насъ въ кунацкую, переговаривая что-то съ Бэкиромъ. Вотъ мы въ гостяхъ у татарской княгини; мы сидимъ на коврахъ, тянущихся сплошь вдоль трехъ стѣнъ кунацкой. Чайя—суровый, бородатый татаринъ съ просѣдью—устанавливаетъ предъ нами, на обычномъ табуретномъ столикѣ, какое-то оригинальное баранье рагу, пшенную кашу, съдобныя татарскіе пирожки. Комната уже полна прислуги, и насъ разбираетъ смѣхъ при видѣ этикета, который соблюдается въ отношеніи насъ. Чайя позволяетъ себѣ находиться невдалекѣ отъ насъ, свободно курить трубку и садится около насъ на коверъ. Обаджи—дворецкій—хотя тоже курить трубку, но держится подальше и сидитъ только на корточкахъ. Поваръ помѣщается еще дальше отъ почетнаго угла и уже безъ трубки, а осталъная прислуга вытянулась вдоль стѣны у самой двери и, кажется, не смѣетъ даже присѣсть на корточки. Подана сальная свѣчка, и одинъ изъ татаръ озабоченно держитъ въ своихъ рукахъ щипцы, которыя было бы удобнѣе оставить на столѣ. По временамъ, онъ мягкимъ шагомъ подходитъ къ столу, снимаетъ осторожно со свѣчи, и съ тою же безмолвною сосредоточенностью возвращается на свою прежнюю позицію у стѣны, откуда внимательно продолжаетъ наблюдать за нагараніемъ фитиля. Сосѣдъ его держитъ маленькую курильницу съ углемъ, третій—какой-то подноситъ. Всѣ проникнуты сознаніемъ своихъ важныхъ обязанностей. Еще новый слуга внесъ множество перинъ, пуховыхъ подушекъ и ватшныхъ одѣялъ. Хотя все это было сдѣлано не изъ полотна, а изъ дешеваго пестраго ситцу,

но отличалось безукоризненною чистотою. Пока тянулось наше угощенье и приготовленіе къ ночлегу, мною овладѣло какое-то такое знакомое чувство, въ которомъ я не сейчасъ далъ себѣ отчетъ. Мнѣ казалось, что я уже не разъ бывалъ въ этой обстановкѣ и видѣлъ уже этихъ людей, эти обычаи. Картины глубокаго дѣтства встали въ памяти. Крѣпостные лакеи, бесполезно толпящіеся у барскаго стола, кто съ салфеткой, кто съ тарелкой, кто съ вилокъ на подносѣ; то же многочасовое торчаніе вдоль стѣнъ съ заложенными назадъ руками, тѣ же салыныя свѣчи, тѣ же длинныя трубы и постоянная обязанность набивать ихъ; тѣ же дворецкіе и приказчики, тотъ же жирный и грубый вкусъ въ выборѣ кушаньевъ, даже расположеніе мебели въ нитку вдоль стѣнъ и изобиліе постельнаго добра—все это близко знакомое, недавно еще крѣпко жившее и недавно на вѣки погибшее!

Масса русскаго средняго дворянства,—не тѣ немногія фамиліи, которыя въ столичной службѣ успѣли рано прикоснуться къ европейскимъ обычаямъ, а то помѣщичество, которое выходило въ отставку послѣ 1-го чина и съ 25-ти лѣтъ не выѣзжало съ своихъ вотчинъ—безъ всякаго сомнѣнія, заимствовало отъ татарскихъ мурзаковъ гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ. Но болѣе всего говоритъ объ этомъ заимствованіи образъ жизни татарскаго мурзака, его хозяйственная распущенность, его страсть къ лошадямъ и собакамъ, характеръ его домашняго комфорта. Дѣвственная громозвучность голосовъ, дѣвственно-мощные организмы, переполненные густою и сердитою кровью, эти черныя гнѣвные глаза, привыкшіе только приваживать, эти жесткіе, какъ грива, усы и волосы—все это я видѣлъ давно, въ эпоху своего отрочества, и все это я съ изумленіемъ увидалъ во всемъ живѣй черезъ 25 лѣтъ, когда мнѣ пришлось пожить среди татарскихъ мурзаковъ. Татарскій мурза — это идеаль, съ котораго копировался нашъ крѣпостной помѣщикъ....

До Бахчисарая мы рѣшились ѣхать прямо по степи, гдѣ и подняли отчаянную скачку на перегонки, во всеобщей потѣхѣ. Если бы подъ нами были не татарскія лошади, не одинъ бы изъ насъ вернулся калѣкой. Это насъ раздражила степь, ровная, безбрежная. Мы, конечно, нашли бы болѣе удобствъ въ ханскомъ дворцѣ, гдѣ уже не разъ пользовались радушіемъ почтеннаго и гостепріимнаго коменданта Я. А. Ш—ка; но намъ не хотѣлось еще выбиваться изъ татарщины и разрушать нашу многодневную иллюзію. Поэтому рѣшено было остановиться въ татарскомъ *ханѣ*. Ханъ выбралъ типическій, изъ такихъ, которые уже

начинають исчезать, уступая мѣсто столь же неудобнымъ, еще болѣе грязнымъ и гораздо болѣе дорогимъ *нумерамъ* въ кабацко-русскомъ вкусѣ. На внутреннемъ дворѣ хана была полуоткрытая татарская кофейня съ фонтаномъ посрединѣ. Пока Бэкиръ дѣлалъ закупки и поилъ лошадей, мы сидѣли въ кофейнѣ на высокихъ и широчайшихъ диванахъ совсѣмъ съ погами. *Кафеджи* угощалъ насъ въ крошечныхъ чашечкахъ чернымъ кофеемъ съ гущей, который онъ приготовлялъ съ большимъ мастерствомъ тутъ же на печи, въ маленькихъ узкогорлыхъ кофейникахъ турецкой формы. Изъ сосѣдней пашлышши татаринъ принесъ намъ нѣсколько палочекъ съ панизанымъ на нихъ горячимъ и румянымъ *шашлыкомъ*, который еще весь шипѣлъ, и на который мы, конечно, съ жадностью накинулись. Присутствіе необычной публики въ кофейнѣ хана распространилось по сосѣдству, и много татаръ приходило глядѣть на насъ, особенно на нашу амазонку. Бэкиръ и тутъ пустилъ слухъ о князѣ, и весь дворъ скоро наполнился татарскими барышниками, которые предлагали заѣзжему князю купить у нихъ верховыхъ лошадей. Бахчисарайскія лошади дѣйствительно считаются за лучшихъ въ Крыму.

Вечеръ спустился тихій. Цвѣтушія деревья наполняли воздухъ своимъ запахомъ. Мы пошли насладиться фонтанами и розами дворцовыхъ садиновъ. Фонтаны всѣ были пущены, и тяжелыя струи ихъ звонко журчали въ бѣлые мраморные бассейны, перебивая другъ друга среди тишины лунной ночи. Луна стояла за *Соколиною башнею* гарема и бросала отъ нея, отъ высокихъ тополей, отъ мавританскихъ рѣзныхъ трубъ дворца — длинныя тѣни на росистый лугъ и на клумбы розовыхъ кустовъ. По балконамъ и крылечкамъ какъ-то таинственно ползли узорныя тѣни рѣшетокъ и деревьевъ. Не хотѣлось говорить, не хотѣлось двигаться. Въ безмолвномъ благоговѣніи мы впивали въ себя красоту южной ночи въ поэтической обстановкѣ восточной роскоши. На балкончикѣ минарета, стройно высящагося въ купѣ такихъ же высокихъ тополей, у дворцовой мечети, маанилъ затянулъ вечернюю молитву. Мы смотрѣли на его черную фигуру, вырѣзавшуюся на фонѣ освѣщеннаго неба, и обращавшуюся поочередно ко всѣмъ страпамъ свѣта. Онъ кричалъ пронзительно и заунывнымъ голосомъ, въ которомъ, какъ въ колоколѣ, не было ничего индивидуальнаго, ничего зависящаго отъ данной минуты.

На многочисленныхъ минаретахъ города *маины* одинъ за другимъ стали подхватывать сигнальный гимнъ. То ближе, то дальше замирали ихъ голоса, вызывавшіе къ правотѣрнымъ, и среди глубокой тишины слышны были слышны шаги молящихся, собравшихся въ ханскую мечеть.

Мечеть была отворена.

Огромная зала ея освѣщалась только въ самой глубинѣ рядами низкихъ подсвѣчниковъ, стоявшихъ передъ напойчивами алькорана. Въ срединномъ альковѣ, замѣняющемъ пашъ алтарь, тоже передъ складною скамеечкой съ алькораномъ, стоялъ на козлѣнахъ толстый эффепади въ зеленой чалмѣ. Полъ былъ сплошь устланъ дорожными персидскими коврами. Немногіе татары — мольщики стояли рядами, не двигаясь, не произнося ни слова, словно статуи. Входящій оставлялъ передъ входною рѣшеткою свои туфли, и бесшумной поступью по мягкимъ коврамъ присоединялся къ ряду этихъ окаменѣвшихъ людей. Ни малѣйшій шумъ не прерывалъ благоговѣйнаго теченія молитвы. Недалеко отъ входа, на шкурахъ дикой козы, сидѣли, поджавъ ноги, *мазины*. Изрѣдка мулла произносилъ священныя слова, и тогда всѣ начинали вслѣдъ за нимъ раскачиваться въ стороны, кланяться или поднимать вверхъ руки. Это дѣлалось совершенно какъ по командѣ, въ строжайшій тактъ: ни шуму, ни скрипу, съ поразительной легкостью и быстротою. Иногда голосъ подавалъ не мулла, а *мазипъ*. Опъ сидѣлъ дремлющій, весь погруженный въ себя, голова на груди, и вдругъ что-то найдетъ на него, онъ затянетъ пронзительный стихъ и азартно закачается изъ стороны въ сторону. Всѣ сразу подхватываютъ. Это мусульманское служеніе производитъ особенное впечатлѣніе. Обширный полутемный храмъ, движущіяся тѣни отъ кланяющихся и качающихся фигуръ, благоговѣйная тишина и непонятныя фанатическія завыванія, изрѣдка нарушающія ее, странно дѣйствуютъ на воображеніе, по все же выгоднѣе, чѣмъ толкотня и гамъ нашихъ деревенскихъ церквей.

Бахчисарайская дневка пришлась какъ разъ на полу-пути. Запаслись новою провизією, перековали лошадей, чтобы пуститься еще сутокъ на трое въ горную глушь.

Чтобы не миновать ни одного пещернаго города, намъ нужно было теперь ѣхать черезъ Чуфуть-Кале въ Біа-Салы, откуда легко производится осмотръ Тепе-Кермена и Качи-Кальсена, и сдѣлать экскурсію, черезъ Мапгушъ, въ Баклу.

Въ Салапчукъ — цыганскомъ предмѣстѣи Бахчисарая — мы наткнулись на оригинальную сцену, замедлившую нашъ путь.

Двухколесная крытая арба, обвѣшанная цвѣтными одеялами и войлокомъ, еле-двигалась по рытвинамъ ручья, замѣняющаго улицу въ каждой татарской деревнѣ. Нѣсколько молодыхъ цыганъ въ татарскомъ нарядѣ (здѣшніе цыгане всѣ маго-

метанскаго исповѣданія) охраняли арбу отъ неистоваго напора разнохарактерной толпы татаръ и цыганъ. Провожатые дѣлали неимоверныя усилія, чтобы протиснуться хоть на одинъ шагъ впередъ. Верховые и пѣшіе, дѣти и большіе, мужчины и женщины, наперерывъ другъ передъ другомъ, силились остановить арбу, ухватываясь за колеса, за грядки, за упряжь лошадей. Крикъ и суматоха стояли невообразимые. Давили, падали, взвизгивали, ругались. Одинъ сердитый сѣдой старикъ изъ провожатыхъ колотилъ народъ направо и налево толстою палкою, не разбирая по чемъ, злобно сверкая глазами и оскаливая свои старые зубы. Отъ него увертывались, вопили, охали, но все-таки продолжали лѣзть и давить. Другой татаринъ стоялъ на арбѣ во весь ростъ и изрѣдка бросалъ въ народъ цвѣтныя платки.

Что было внутри, не было видно: арба была завѣшена наглухо. Впереди арбы ѣхалъ татарскій мальчикъ, держа высоко надъ головою книгу алькорана, а за нимъ важно шли усатые музыканты, кто съ зурною, кто съ турецкимъ барабаномъ. Это была настоящая татарская свадьба, — *похищеніе жены*.

Обычай дозволяетъ останавливать похитителя всякому встрѣчному, особенно же жителямъ тѣхъ селъ, черезъ которыя двигается поѣздъ. Отъ нападающихъ нужно откупаться платками, лентами и т. д., а слобода Саланчувъ сплошь населена бѣдняками-цыганами. Охотниковъ до платковъ было здѣсь особенно много, а платковъ у жениха особенно мало. Оттого-то давка и дошла до такихъ размѣровъ. Маленькую арбу перекидывали раза два на бокъ и нѣсколько разъ отталкивали назадъ. Отрядъ провожатыхъ — дружковъ жениха — совсѣмъ выбился изъ силъ въ неравной и непрерывной борьбѣ. Музыка визжала и стучала, народъ кричалъ и бушевалъ. Когда арба повернула въ боковой проулокъ села и стала карабаться на крутую скалистую гору — мы думали, что ей пришелъ конецъ. Въ тѣсномъ проулкѣ толпа еще болѣе сплотилась и изъ всѣхъ хатъ прибывали новые атакующіе. Наконецъ арба остановилась недалеко отъ хаты жениха, въ которой подѣхать было невозможно, на такой крутизнѣ стояла она. Женихъ закрутилъ похищенную невѣсту совсѣмъ съ головою въ яркое шелковое одѣяло съ золотыми цвѣтами, и крѣпко держа въ рукахъ свою ношу, почти бѣгомъ бросился съ нею по крутизнѣ къ дверямъ хаты. Дружный взрывъ ободрительныхъ криковъ, зурны и турецкихъ барабановъ привѣтствовали удалаго жениха. Тамъ уже собрались гости, и туда входили музыканты.

Между тѣмъ и мы подвинулись далѣе. Живописное ущелье Успенскаго скита благоухало садами. Въ эту узкую и глубокую

тѣснину уже забрались зеленыя тѣни и прохлада вечера, хотя солнце было высоко надъ степью. Чѣмъ-то непонятнымъ и чуждымъ намъ глядѣли эти окошечки велій, чернѣвшія высоко надъ землею, въ бѣлыхъ толщахъ известняка. Переходцы, лѣсенки, балкончики, прилѣплены надъ отвѣсною пропастью, какъ гнѣзда ласточекъ, словно жить въ нихъ не людямъ, а пернатымъ. Византійскія фигуры святыхъ мучениковъ, въ золотыхъ вѣнчикахъ и цвѣтныхъ одеждахъ, въ наивноблагочестивыхъ позахъ, писанныя прямо поверху скалы, окружаютъ входы пещерныхъ церквей и сообщаютъ характеръ глубокой средневѣковой древности этому полувоздушному, полуподземному скиту. Наверху столбообразной скалы, въ которой высѣчены пещеры скита, огромный крестъ вѣнчаетъ всю западную стѣну ущелья; какъ будто и ущелья, окружающія его, и горы составляютъ одинъ титаническій храмъ. Къ этому кресту ведетъ чрезвычайно крутая лѣстница съ безчисленнымъ множествомъ ступеней, высѣченная въ толщѣ скалы. Мы поднялись по ней, и съ плоской вершины горы, уже обрабатываемой монахами въ плодовый садъ, могли свободно обозрѣть окрестность; только отсюда можно убѣдиться въ естественной принадлежности Успенскаго скита и Чуфутъ-Кале къ Бахчисарая, предмѣстьями котораго они всегда считались. И до Бахчисарая и до Чуфута отсюда рукою подать, а снизу, пробѣгая по окольнымъ дорогамъ среди скалистыхъ стѣнъ, даже не подозреваешь этой близости.

Долина, надъ которою мы стояли, полная теперь монастырскими садами, недавно еще носила названіе *Маріанполя, города св. Маріи*. Это былъ религіозный центръ крымскихъ грековъ, мѣстопребываніе ихъ митрополита; русское правительство, не задолго до присоединенія Крыма, намѣренно переселило отсюда грековъ на берега Азовскаго моря. Новый Маріанполь, или Маріуполь, въ предѣлахъ единоплеменной Россіи, долженъ былъ привлечь къ себѣ помыслы промышленныхъ крымскихъ грековъ и нанести сильный ударъ умирающему канству.

До сихъ поръ сохранилась старинная привычка чествовать древнюю святиню Крыма, и 15-го августа, въ день Успенія св. дѣвы Маріи, старый Маріанполь, или Успенскій скитъ, наполняется толпами богомольцевъ, особенно грековъ. Игуменъ показывалъ намъ всѣ уголки своего горнаго хозяйства и, несмотря на лѣта свои, бодрѣ всѣхъ насъ поднялся по крутымъ ступенямъ къ подножію креста. Но мы спѣшили въ Чуфутъ и должны были отказаться отъ любезнаго приглашенія выпить чашку чаю подъ тѣнью монастырскихъ персиковъ.

Чуфутъ-Кале, *жидовская крѣпость*, по переводу на русскій

языкъ, лежить на такой же, совершенно отдѣльной столовой горѣ, какъ и Мангупъ, только высота и объемъ ея значительно меньше. Какъ Мангупъ, Чуфуть-Кале былъ въ одно и то же время внутреннимъ, пещернымъ городомъ и нагорнымъ, наружнымъ, окруженнымъ стѣнами съ башнями. Южный обрывъ скалы, по неприступности своей, былъ повидимому безъ стѣнъ, такъ что развалины старинныхъ домовъ-бойницъ высятся теперь прямо надъ пропастью, по которой ползетъ дорога. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ почва мѣстами осыпалась, и они нависли надъ пропастью. Эти мрачныя жилища, принаровленные больше къ защитѣ, чѣмъ къ удобствамъ жизни, вѣрнѣе типичны и просятся въ альбомъ любопытнаго туриста.

Время основанія Чуфуть-Кале неизвѣстно. Преданіе, сохранившееся у мѣстныхъ жителей, а также нѣкоторые писатели приписываютъ построеніе Чуфуть-Кале какому-то сорока мужамъ, сорока разбойникамъ, основываясь можетъ быть именно на татарскомъ значеніи слова кыркъ (сорокъ). Почти единственный письменный памятникъ, уцѣлѣвшій здѣсь — это мавзолей Нене-беджапъ-Ханымъ, дочери Тохтамышъ-Хана; но онъ относится только къ 1437-му году, стало быть, уже ко времени владычествія татаръ.

Старинные писатели начинаютъ говорить о Чуфуть-Кале только съ первой четверти XIV-го вѣка. Тогда этотъ городъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Кыркора; до сихъ поръ караимскіе раввины, составляя брачныя записи бахчисарайскихъ караимовъ, именуютъ ихъ въ этихъ актахъ стариннымъ именемъ «гражданъ Кыркора».

Открытіе Фирковичемъ на Чуфутскомъ кладбищѣ надгробной надписи перваго десятилѣтія нашей эры дѣлаетъ несомнѣннымъ, что караимы жили въ Чуфуть-Кале еще до Р. Х. Слѣдовательно, основаніе его нужно отнести еще къ библейскимъ временамъ. Объ этой сѣдой древности краснорѣчиво говорятъ и число памятниковъ, которыми, можно сказать, сплошь засѣяна довольно обширная балка, прозываемая у караимовъ *Иосафатовою долиною*. Это имя дано кладбищу въ воспоминаніе Иерусалимской долины смерти, на которой будетъ происходить страшный судъ. Въ Чуфутской «долинѣ смерти» памятники уже стоятъ на памятникахъ. Множество плитъ ушло такъ глубоко въ землю, что до нихъ трудно теперь докопаться. Изъ историческихъ фактовъ, относящихся до Чуфута, положительно извѣстно только то, что въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ этотъ древній Кыркоръ или Кыркель былъ главнымъ мѣстопребываніемъ крымскихъ хановъ.

Въ одномъ изъ полувисячихъ старинныхъ домовъ Чуфутъ-Бале, совершенно впрочемъ подновленномъ, живетъ Авраамъ Фирковичъ, стражъ и патриархъ Чуфута. Мы ѣхали прямо къ Фирковичу, и онъ ждалъ насъ. Престарѣлый раввинъ встрѣтилъ своихъ гостей на одной изъ мертвыхъ улицъ мертвого города. Еслибы его не провожалъ другой караймъ, совершенно житейскаго вида, Фирковича не трудно было бы принять за призрака. Среди гробового вида этихъ ветхозавѣтныхъ развалинъ, напоминающихъ запустѣвшіе города Палестины и Сиріи, предъ нами появился старецъ, высокаго роста, величаваго вида, въ костюмѣ настоящаго Мельхиседека. Онъ одѣтъ былъ въ длинный хитонъ, на головѣ его была бѣлая круглая шапка съ широкимъ бархатнымъ околышемъ, фіолетоваго цвѣта, что-то среднее между чалмою Шамиля и митрой библейскихъ первосвященниковъ. Опираясь на посохъ, онъ твердыми шагами приблизился къ намъ и привѣтствовалъ насъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Мы сошли съ лошадей и послѣ обычныхъ вѣжливостей отправились, по приглашенію старца, осматривать достопримѣчательности мертвого города.

Продолговатая зала, бывшая когда-то синагогою, служить теперь книгохранилищемъ Фирковичу. До самаго потолка идутъ полки, тѣсно набитыя рукописями. Даже на полу лѣтъ мѣста отъ нихъ. Все это — фоліанты, иногда на половину истлѣвшіе, свитки пергамента, цѣлыя кожи, покрытыя семитическими письменами. Видъ этихъ библиофильскихъ сокровищъ вселяетъ почтеніе. Нужно много вѣры въ свои силы, въ свою живучесть, чтобы дерзнуть погрузиться въ прахъ минувшихъ вѣковъ, анализировать его и освѣтить мыслию своего вѣка. Фирковичъ собиралъ эти рукописи въ разныхъ частяхъ свѣта: въ Каирѣ, въ Дамаскѣ, въ Дербентѣ, въ Вильнѣ. Пользуясь своими связями съ караймскими раввинами всѣхъ странъ, онъ приобреталъ иногда такіа рукописи, которыя переходили по наслѣдству отъ дѣдовъ къ внукамъ, подъ заклинаніями, какъ семейная и религіозная тайна.

Ни одинъ европейскій ученый не былъ въ этомъ отношеніи поставленъ такъ выгодно. Только ревнителю и хранителю древней вѣры отцовъ довѣрялись заповѣдныя сокровища, недоступныя для иновѣрцевъ. Только ему открывались таинственные преданія караймскихъ старцевъ, ожидавшія цѣлыми столѣтіями достойнаго воспріемника. Фирковичъ созерцалъ собранныя имъ сокровища, исполненный гордости. Онъ многоглаголивъ, съ юношескимъ жаромъ, объяснялъ намъ значеніе наиболѣе замѣчательныхъ рукописей и исторію полученія ихъ. Онъ го-

рячо жаловался, что его неусыпные труды на пользу науки пропадутъ безплодно, что у него нѣтъ помощниковъ и не будетъ продолжателей. «Мнѣ уже 90 лѣтъ, а посмотрите сколько еще дѣла!» горячился онъ, указывая своею костлявою рукою на полныя архивы, насъ окружавшіе. Публичная библіотека уже купила разъ у Фирковича его собраніе восточныхъ рукописей за 100 т. р. с. Но почтенный раввинъ съ презрительною насмѣшкою отзывается о библіотекѣ, которая ограничилась помѣщеніемъ его рукописей въ шкафы и прибитіемъ ярлычка. Онъ негодовалъ на то, что до сихъ поръ ни одинъ ученый не командированъ для разбора и изданія этихъ сокровищъ, единственныхъ въ мірѣ, по мнѣнію собирателя. Ихъ покупали въ королевскую лондонскую библіотеку, говорилъ Фирковичъ, и въ Европѣ они навѣрное породили бы уже цѣлую литературу; но онъ не хотѣлъ лишиться свое собственное отечество такого приобрѣтенія.

По словамъ Фирковича, онъ не разъ просилъ министра народнаго просвѣщенія и разныхъ важныхъ лицъ объ оказаніи ему пособія къ разбору и изданію собранныхъ рукописей, но ни отъ кого ничего не добился.

«Если бы мнѣ дали десять оріенталистовъ, всѣмъ бы нашелъ занятія на цѣлую ихъ жизнь!» хвастался увлеченный старикъ.

Живучесть этого ученаго старца по истинѣ изумительна. Цѣлые дни и ночи проводитъ онъ въ этихъ полутемныхъ сводахъ, роясь въ своихъ пергаментѣхъ, подбирая перепутанныя рукописи листокъ къ листу, дѣлая безчисленные комментаріи и выписки. Онъ читаетъ безъ очковъ самый мелкій почеркъ полинявшихъ пергаментовъ и пишетъ замѣчательно твердо и изящно. Архивная пыль не сушитъ его, а одушевляетъ какою-то страстью. Онъ видитъ прелесть поэзіи и святость долга въ своей отшельнической жизни среди мертваго города, въ своей кротовой работѣ надъ письменами восточной древности. Главной заслугой своей Фирковичъ почитаетъ открытіе древняго Пятикнижія, писаннаго съ помощью совершенно особенныхъ титловъ.

Старикъ рассказывалъ объ этой находкѣ съ таинственностью и дѣтскимъ восторгомъ. Однажды ночью онъ, по обычаю своему, занимался въ библіотекѣ разборомъ рукописей и захотѣлъ посмотреть, не заключаютъ ли въ себѣ какихъ-нибудь особенностей древніе свитки Пятикнижія, сложенные въ алтарной скинни этой бывшей синагоги.

«Когда я съ надлежащими молитвами вынесъ на рукахъ своихъ одну за одну всѣ наши древнія святости и удостоился облобызывать ихъ, я вдругъ замѣтилъ, что подъ поломъ скинии

находится пустота. Я пошелъ за ломомъ, заперся на ключъ и проработалъ всю ночь. Подъ поломъ было много разныхъ книгъ, и ниже всѣхъ ихъ древній свитокъ Пятикнижія. Я благоговѣнно развернулъ его — и не повѣрилъ своимъ глазамъ. Пятикнижіе это было написано совершенно особеннымъ образомъ, какимъ не писались еврейскія книги ни прежде, ни послѣ. Со мной сдѣлалась лихорадка отъ волненія. Я думалъ сначала, что помутился мой старый разумъ и мои старые глаза, и не позволилъ себѣ читать далѣе священной книги. На другое утро я поѣхалъ нарочно въ Мангупъ-Кале, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли такихъ же титуловъ на древнихъ надписяхъ гробницъ; но не нашелъ ничего подобнаго. Тамъ, на открытомъ воздухѣ, чувствуя, что я здоровъ и не брежу, я убѣдился въ дѣйствительности своего открытія. Я ѣздилъ потомъ въ евпаторійскую синагогу, сличалъ самыя древнія списки Пятикнижія съ найденною рукописью, писалъ объ этомъ многимъ ученымъ нашимъ раввинамъ, но нигдѣ и ни отъ кого не видалъ и не слышалъ о томъ, что мнѣ такъ неожиданно захотѣлъ открыть Господь.»

Фирковичъ полагаетъ, что введеніе новаго способа изображенія священнаго писанія грозило опасностью автору, такъ какъ отъ способа начертанія еврейскихъ словъ зависитъ и объясненіе ихъ, и что поэтому авторъ нововведенія, изъ боязни обвиненій въ ереси, вынужденъ былъ скрывать свою рукопись въ таинственномъ мѣстѣ.

Фирковичъ рассказывалъ намъ также съ большимъ экстазомъ о своей встрѣчѣ на Востокѣ съ англійскими ориенталистами. Въ костюмѣ турка, онъ списывалъ гдѣ-то въ Галилеѣ интересную надгробную надпись на древне-коптскомъ языкѣ. Двое англичанъ долго присматривались къ нему и наконецъ подошли спросить, что онъ дѣлаетъ.

Знакомство старика турка съ древне-коптскимъ языкомъ крайне удивило путешественниковъ, и они просили позволеніе записать его имя въ свои записныя книжки. При имени Фирковича, англичане, оказавшіеся учеными ориенталистами, выразили живѣйшую радость, увѣрили старика, что давно знаютъ и уважаютъ его ученые труды и что почитаютъ за особенное удовольствіе такое неожиданное знакомство съ нимъ. Старикъ сіялъ гордостью, вспоминая о такомъ эффектномъ признаніи его заслугъ.

Почтенный раввинъ добылъ нѣсколько новыхъ фактовъ и для исторіи крымскихъ караимовъ; онъ прочелъ и списалъ надписи всѣхъ безчисленныхъ гробницъ Іосафатовой долины, лежащей у подножія Чуфута и всего караимскаго кладбища въ Мангупъ-

Кале. Онъ откопалъ самыя древнія гробницы, почти совершенно ушедшія въ землю, и съ помощью ихъ и рукописныхъ данныхъ, исправилъ и пополнилъ хронологію караймской исторіи.

Рѣдко можно встрѣтить человѣка знающаго священное писаніе съ такою глубокою основательностью и изъ первыхъ источниковъ, какъ Авраамъ Фирковичъ. Это истинный мастеръ своего дѣла. Онъ передавалъ мнѣ множество замѣчаній поразительной убѣдительности, которыя, по словамъ его, онъ представлялъ покойному митрополиту Филарету и другимъ нашимъ ученымъ богословамъ, по поводу перевода библіи на русскій языкъ. Кстати сказать, караймскій раввинъ не признаетъ греческаго подлинника, съ котораго мы перевели свои священные книги, за библію 70-ти толковниковъ. Онъ считаетъ также совершенно произвольною и невѣрною всю нашу библейскую хронологію. Странно было слушать, съ какою непоколебимою самоувѣренностью и снисходительностью наставника этотъ караймскій ученый обсуждалъ наши сильнѣйшіе авторитеты, по части библейской исторіи. Послѣ осмотра чифутскихъ древностей, Фирковичъ пригласилъ насъ въ свой домъ. Съ стеклянной галереи его видна надалеко вся окрестность и особенно Иосафатова долина, эта неисчерпаемая нива раскопокъ и изслѣдованій Фирковича.

Въ домѣ Фирковича господствуетъ ветхозавѣтная патриархальность. Старшій сынъ раввина, человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ и, кажется, отецъ семейства, съ почительностью сially туфли съ ногъ отца и принялъ его посохъ.

Женщины не смѣютъ показываться постороннимъ. Въ соблазну благочестивыхъ караймовъ, 90-лѣтній Авраамъ Фирковичъ, духовный ихъ глава и руководитель своихъ единовѣрцевъ, недавно хотѣлъ жениться на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ; это подражаніе библейскому Аврааму не состоялось только вслѣдствіе открывшагося ропота всего караймскаго общества, и чифутскій патриархъ остался пока безъ Агари. Случай этотъ свидѣтельствовалъ столько же о полнотѣ жизненныхъ силъ этого замѣчательнаго старца, сколько о его библейскомъ возрѣніи на бракъ. Семья Фирковича—единственные обитатели Чуфута. Для Фирковича Чуфутъ-Кале — какая-то обѣтованная земля, исполненная всякихъ утѣхъ и удобствъ. Онъ не знаетъ воздуха лучше Чуфута, не знаетъ видовъ красивѣе. Съ галереи своей онъ любитъ моремъ и степью, горами и развалинами древностей. У ногъ его, какъ на ладони, Иосафатова долина, усыпальница всего его племени въ теченіи почти двухъ тысячелѣтій.

Охраненіе древностей Чуфута, возвеличеніе его въ исторіи и, если можно, возстановленіе въ немъ угасшей караймской

жизни — Фирковичъ сдѣлалъ просто задачею всей своей дѣятельности. На свой счетъ онъ нанимаетъ сторожа, защищать отъ расхищенія камни и желѣзо мертвaго города; онъ купилъ на собственные деньги, кажется, восемь опустѣвшихъ домовъ, чтобы имѣть больше права къ поддержанію ихъ. Онъ постоянно побуждаетъ бахчисарайскихъ караймовъ переселяться въ Чуфутъ и заводитъ съ этою цѣлью сношенія съ караймами Литвы. Синагога въ Чуфутѣ и школа для дѣтей поддерживается исключительно его энергіей.

Если матеріальные интересы торговаго караймскаго племени мѣшаютъ ему промѣнять населенный городъ на патриотическую пустыню, гдѣ даже капли воды нѣтъ, то по крайней мѣрѣ Чуфутъ-Кале долженъ остаться средоточіемъ духовной жизни караймскаго народа. Здѣсь караймы начинаютъ учиться божественной мудрости, здѣсь совершаютъ свои молебствія и обряды, сюда, въ чуфутскую долину смерти, возвращаются всѣ они, окончивъ жизненный путь.

Впрочемъ, 90-лѣтній патриархъ исполненъ вѣры, что вскорѣ возвратятся въ свой древній городъ и живые его соплеменники.

Когда старикъ угощалъ насъ, по обычаю караймовъ, кофеемъ и гальвою, я попросилъ на память его фотографическую карточку, предполагая, что частыя столкновенія съ людьми разнообразныхъ убѣжденій, сообщенія со столицею и далекія путешествія разрушили въ ученомъ раввинѣ нелѣпыя предразсудки татарства. Но старикъ категорически объявилъ мнѣ, что считаетъ грѣхомъ снимать съ себя портретъ.

Вообще онъ педантически стоитъ за всѣ обычаи и обряды своей религіи, какъ бы ни были они маловажны и внѣшни. Онъ жестоко осуждаетъ тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые, подъ вліяніемъ русской жизни, позволяютъ себѣ отступленіе отъ старины въ одеждѣ, сношеніяхъ съ иновѣрцами, исполненіи церковныхъ уставовъ.

Я знаю научно-образованныхъ и весьма развитыхъ караймовъ, которые въ присутствіи Фирковича боятся ѣсть за столомъ русскихъ, а въ субботу не осмѣливаются надѣвать на себя часы или брать въ руки книгу. Фирковичъ далеко не фанатикъ по убѣжденіямъ, и терпимость его по отношенію къ иновѣрцамъ безграницна. Но онъ караймъ до мозга костей и страстно жаждетъ поддержки стараго караймства во всѣхъ его особенностяхъ. Онъ понимаетъ, что послабленіе въ формѣ незамѣтно перейдетъ на болѣе существенныя стороны караймскихъ особенностей и кончится слитіемъ этого племени съ господствующимъ народомъ. Археологъ сказывается во всѣхъ его вкусахъ и дѣйствіяхъ.

III.

Ночное путешествіе. — Паматники «Готвейскаго кладбища». — Пещеры Тепе-Кермана. — Качи-Кальенъ и св. Анастасія. — «Дурачковъ хуторъ». — Багла — послѣдній пещерный городъ.

Чуфутскій отшельникъ задержалъ насъ дольше, чѣмъ мы рассчитывали.

Дожливая ночь скоро окутала насъ, и Бѣкиръ усиленно напрягалъ свои татарскіе глаза, чтобы не завести насъ въ какую-нибудь трущобу. Ъхать рысью было буквально невозможно, и мы сокращали утомительный путь оживленною бесѣдою. Всѣ были увѣрены, что мы заблудились, что Бѣкиръ ведетъ насъ не туда, куда слѣдовало. Мы уже часа четыре были на сѣдлѣ и еще не встрѣтили никакого жилья. Подъѣхали въ какой-то рѣчкѣ. Въ Крыму съ рѣчками нѣтъ никакихъ церемоній: мостовъ не полагается, и не только всадникъ, даже пѣшеходъ смѣло идетъ въ воду, заранѣе увѣренный, что вездѣ найдетъ бродъ съ каменистымъ дномъ.

Передовые наши всадники безопасно въѣхали въ рѣчку. Вдругъ мы услышали крикъ. Въ темнотѣ нельзя было ничего разглядѣть, но по шуму и крику ясно было, что лошади провалились и не могутъ выскочить на берегъ. Наши лошади испуганно шарахнулись назадъ. Наконецъ авангардъ выбрался, мокрый по поясъ. Оказалось, что отъ горныхъ дождей вода страшно поднялась, и переѣздъ сдѣлался просто опасенъ. Особенно заботила насъ и Бѣкира наша «ханымъ» съ амазонскимъ шлейфомъ. Лошади, хотя и татарскія, упирались какъ ослы и не шли въ воду, запуганные неожиданнымъ проваломъ передовыхъ. Бѣкиръ и кое-кто изъ молодежи опустили въ рѣчку, чтобы нащупать мелкое мѣсто. Ханымъ перенесли на рукахъ, а лошадей перетаскили въ поводу. Хотя было много смѣху, по этому поводу, но это ночное купанье было совсѣмъ некстати. И безъ того пронзительный сырой вѣтеръ долины нагонялъ лихорадочную дрожь. Разливъ рѣки стоялъ широко. Мы очутились въ большой деревнѣ. Рѣка была Кача, деревня Біа-Сали. Было уже очень поздно, всѣ давно спали. Напрасно Бѣкиръ стучалъ поочередно въ каждую встрѣчную хату кнутовищемъ своей нагайки, кулаками и ногами. Хохлы, обитатели этой глухой деревни, нерасположены были нарушать свой покой ради какихъ-то ночныхъ бродягъ. Положеніе дѣлалось не на шутку сквернымъ, особенно тѣмъ, кто прогулялся по поясъ въ водѣ. Кто-

то вспомнилъ, что въ Біа-Салахъ есть какое-то начальство. Отправились къ этому начальству; послѣ многихъ усилій разбудили парня, спавшаго на дворѣ, но онъ объявилъ намъ, что начальство теперь въ городѣ, и что безъ него некому распорядиться объ отводѣ казенной квартиры. Однако, когда мы рѣшительно объявили ему, что въ такомъ случаѣ переночуемъ въ охраняемомъ имъ домѣ, и убѣдили его, что мы сами начальство, парень растолкавъ въ хатѣ какого-то старика, и старикъ отправился съ нами мыкаться по селу за отыскиваніемъ казенной квартиры. Въ двухъ хатахъ онъ ничего не достучался и отступилъ въ третью. Оттуда его встрѣтили ругнею и препирательствами. Около полчасъ нужно было всѣмъ намъ вести дружную атаку, военную и дипломатическую, чтобы побѣдить упорство хозяйки-хохлушки, защищавшей неприкосновенность своего очага. Мы серьезно обрадовались, когда очутились наконецъ въ теплой и чистой малороссійской горницѣ, до потолка заваленной пуховыми подушками, и вмѣсто неумолимой защитницы дверей нашли радушную хозяйку, хлопотавшую вокругъ столь желаннаго самовара...

Утромъ я разсматривалъ старое греческое кладбище вокругъ церкви. Русскіе колонисты, преимущественно солдаты, были поселены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крыма тотчасъ послѣ присоединенія его въ 1783-мъ году, вмѣсто грековъ, удалившихся на берега Азовскаго моря незадолго до присоединенія. Біа-Салы вмѣстѣ съ Мангупомъ и другими селами были въ числѣ этихъ первоначальныхъ русскихъ сельбищъ, и русскій храмъ былъ устроенъ на мѣстѣ стараго греческаго. Я замѣтилъ на горѣ, съ другой стороны села, множество могильныхъ камней.

— Это вѣрно тоже греческое кладбище? спросилъ я провожавшаго меня старшину.

— Нѣтъ, это не греческое, отвѣчалъ мой проводникъ. Старики наши сказывали, что слышали отъ грековъ, будто это *готвейское* кладбище; сказываютъ *готва* какая-то еще прежде грека тутъ находилась.

Это имя готеовъ, перешедшее въ народную легенду и даже принявшее чисто русскую складку, признаюсь, удивило и обрадовало меня.

Мы тотчасъ же направились на гору къ этому «Готвейскому» кладбищу. Я сначала заподозрилъ, не проникло ли это имя въ уста народа черезъ какого-нибудь сообщительнаго изслѣдователя старины, и счелъ долгомъ разспросить, часто ли бываютъ въ Біа-Салахъ проѣзжіе, и не осматривалъ ли кто изъ нихъ кладбище. Старики увѣряли, что на ихъ памяти никто никогда не осмат-

ривалъ старыхъ могилъ и не заѣзжалъ къ нимъ съ подобною цѣлью. Они передали только, со словъ своихъ дѣдовъ, что греки, при устройствѣ своей церкви, уже теперь разрушенной, растаскали почти всѣ большіе камни изъ развалинъ древней готвейской церкви, стоявшей среди кладбища.

То, что я нашелъ на горѣ, превзошло мои ожиданія. Вокругъ безпорядочныхъ развалинъ церкви, шло по скату горы огромное кладбище, сплошь устланное могильными плитами и гробницами разнообразнаго и оригинальнаго вида. Хорошая половина ихъ вросла въ землю; отъ нѣкоторыхъ торчали только углы. Ни одной надписи, даже ни одной буквы не нашелъ я на этихъ каменныхъ гробницахъ. Всѣ онѣ были высѣчены изъ плотнаго и тяжелаго известняка и отличались своею величиной. Тѣ, которыя очень углубились въ землю, были особенно велики, три съ половиною, четыре и болѣе аршинъ длины. Это, безъ сомнѣнія, старѣйшія по возрасту. Форма ихъ проще всѣхъ другихъ: четырех-угольный ровно отесанный камень аршина 1½ ширины и высоты. Почти на каждомъ изъ такихъ плоскихъ камней высѣчено изображеніе какого-нибудь орудія: на одномъ кузнечныя клещи, на другомъ характерная пастушья горлыга (посохъ), которою до сихъ поръ ловятъ за ноги своихъ овецъ крымскіе и малороссійскіе чабаны; на третьемъ, что-то въ родѣ пилы или палецъ; попадались также изображенія веревки, свернутой вдвое, какихъ-то подобій копы и гребня, накопецъ круги съ вписанными въ нихъ и взаимно пересѣкающимися трехугольниками; ничего похожаго на крестъ, ничего напоминающаго христіанскую религію.

Второй типъ памятниковъ, очевидно, второй и по времени, представляетъ уже гробовидный камень, поставленный на двухъ и трехъ плоскихъ камняхъ, образующихъ пьедесталъ со ступенями. На такихъ памятникахъ является довольно сложная и красивая каменная рѣзба и, за небольшимъ исключеніемъ, всѣ они имѣютъ съ восточной стороны, — конечно, въ головахъ покойниковъ, — прямо стоящіе камни или рога, вдѣланные въ гробницу. Немногіе изъ этихъ памятниковъ двурогіе, большинство однорогое. Съ восточной, т.-е. наружной стороны рога въ каждомъ памятникѣ сдѣлано полукруглое или готическое углубленіе, въ которомъ, вѣроятно, ставилась свѣчка или кутья для покойника. Многіе изъ такихъ памятниковъ имѣютъ въ узорѣ рѣзбы кресты замысловатой формы, и потому должны считаться христіанскими. Самые оригинальнѣе изъ этихъ памятниковъ — памятники двойные; они представляютъ двѣ гробницы или одинаковой величины или одну большую и при ней другую крошечную; и тѣ, и

другія всегда изъ цѣльнаго камня. Вѣроятно, подъ первыми погребались мужъ и жена, подъ вторыми отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью и пр.

Рога памятниковъ второго типа особенно изукрашены, и на нихъ также можно видѣть иногда знаменательныя изображенія: то деревья, то виноградныя кисти.

Самый позднѣйшій типъ Біа-сальскихъ гробницъ представляютъ плоскіе широкіе камни, украшенные изящною рѣзбою, и врѣзанные стоймя въ лежащія плиты. Онѣ уже всѣ съ крестами и далеко не представляютъ той устойчивости, какъ тяжелыя древнія гробницы.

Внимательно разсматривая «готвейское» кладбище, можно прослѣдить всѣ постепенности перехода отъ древнѣйшаго типа гробницъ къ позднѣйшему. Позднѣйшія, повидимому сосредоточиваются ближе къ развалинамъ церкви. Но какъ тѣ, такъ и другія, всѣ обращены головами на востокъ.

Я тщательно перерисовалъ въ свой путевой альбомъ оригинальнѣйшія гробницы каждаго типа, но, къ сожалѣнію, не могъ добыть никакихъ матеріаловъ для исторіи этого кладбища. Трудно думать, чтобы эти камни безъ надписей принадлежали просвѣщенному племени эллиновъ; изображенія орудіи грубыхъ промысловъ на грубыхъ плитнякахъ, почти ушедшихъ въ землю, указываютъ на болѣе невѣжественную, совсѣмъ нелитературную эпоху народной жизни.

Послѣ многихъ разспросовъ я узналъ, что въ верховьяхъ Марты, педалеко отъ Чатырь-Дага, въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ есть кладбище съ совершенно такими же гробницами, но гораздо болѣе вросшими въ землю. Стадо быть, вѣковые лѣса успѣли уже разростись на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ когда-то были многочисленныя сельбища чловѣка.

Вообще все русло Марты, теперь пустынное, поросшее лѣсомъ, засыпанное голами, представляетъ несомнѣнные признаки прежняго ея обитанія. Среди лѣсной дичи вы встрѣчаете цѣлые сады грушъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Они особенно замѣтны рано весною, когда бѣлый цвѣтъ одичавшихъ садовъ ярко выдѣляется на темномъ фонѣ еще безлистныхъ дубовъ и буковъ.

Многія мѣстности Крыма представляютъ то же что Марта. Марта очевидно была въ старину цвѣтущею и населенною долиною, въ которой жили такіе же дѣятельные садоводы и стояли такіе же роскошныя селенія, какіе живутъ и стоятъ теперь въ долинахъ Качи и Бельбека.

Верстъ пять внизъ отъ Біа-Салы, у сѣвернаго берега Качи,

своей долины, стоитъ Тепе-Керманъ. Къ нему можно подъѣхать отъ Бахчисарая черезъ Чуфутъ-Кале, не заѣзжая въ Біа-Салы, а еще легче изъ качинской долины черезъ деревню Шюрю.

Странный видъ представляетъ эта пустынная гора. Съ запада, отъ моря и севастопольскаго шоссе она видна издалека. Ея пирамиду съ голой вершиной сразу отличишь отъ всѣхъ другихъ горъ. Меньше всего видишь ее, когда къ ней подъѣзжаешь отъ Бахчисарая. Рельефъ горъ, ее окружающихъ, столько же оригиналенъ, сколько однообразенъ. Вы никакъ не выйдете изъ узкихъ траншей, обнесенныхъ ровною и отвѣсною каменною стѣною; стѣна эта кажется сплошною на многія версты; она изгибается какъ лента по извивамъ ущелья, но нигдѣ не прорывается, нигдѣ не представляетъ ни отдѣльных утесовъ, торчащихъ башнями, ни округленныхъ возвышеній сверхъ линіи своего уровня. Лѣсу почти нѣтъ, вездѣ кругомъ камень и зной Сирійской пустыни. Мнѣ невольно пришелъ на память геніальный карандашъ Густава Дорѣ, который въ своей иллюстраціи Дантовскаго ада вселяетъ въ душу наблюдателя подавляющую безнадежность именно этимъ однообразіемъ отвѣсныхъ сплошныхъ скалъ, изъ которыхъ не можетъ быть выхода.

Гора Тепе-Кермана отдѣляется отъ сплошной стѣны скалъ и стоитъ пирамидальнымъ островомъ, окруженная долиною. Голая желтая вершина ея обточена въ громадный четырехугольникъ, который торчитъ на еще болѣе громадной конической горѣ бѣлаго цвѣта, словно настоящій каменный замокъ. Вершина эта съ южной и восточной стороны вся продырявлена ячейками пещеръ; они чернѣютъ издали въ нѣсколько ярусовъ, окна окнами. Тамъ тоже былъ древній пещерный городъ. Нужно оставить лошадей у подножія сыпучей известковой горы и предпринять нелегкое восхожденіе къ пещерамъ. Подъ отвѣсомъ вершины приютился кругомъ лѣсокъ, который даетъ хотя нѣсколько вздохнуть. Дороги наверхъ нѣтъ; кромѣ стадъ козъ и барановъ никто не посѣщаетъ этотъ подземный городъ, поднятый въ облакамъ. На отвѣсныя скалы не найдете даже пѣшей тропинки. Гдѣ онѣ и были, тамъ завалили ихъ постоянно осыпающіяся известковыя стѣны. Черезъ это осмотръ многихъ пещеръ крайне затруднителенъ, иногда почти невозможенъ. Вы лѣпитесь по ненадежному карнизу, осыпающемуся подъ ногами, держась за растенія и камни; круглые выступы, которые невозможно обойти, перерѣзаютъ вамъ дорогу, и вы должны тогда спускаться внизъ въ лѣсъ, или лѣзть прямо наверхъ. Особенно трудно было отыскать церковь, о которой я зналъ по описаніямъ прежнихъ путешественниковъ. Въ ней главная примѣчательность Тепе-Кермана.

Она вдвое обширнѣе и выше большинства пещеръ, вообще очень низкихъ. Продолговатая и довольно узкая зала сажень пять въ длину, вырубленная въ известковой скалѣ,—освѣщается тремя окнами; къ наружной (оконной) стѣнѣ приделанъ алтарь, котораго каменные столбики частью еще стоятъ, частью замѣтны по оставшимся на потолокъ капителямъ. Пространство за алтаремъ было повидимому назначено для погребенія избранныхъ. Тамъ замѣтны двѣ гробницы, врубленные въ почву; одна изъ нихъ совсѣмъ маленькая, очевидно дѣтская, и кажется давно уже открыта. Еще глубже, какъ разъ у поперечной стѣнки церкви, высѣчено изъ той же скалы пѣчто въ родѣ купели или католической кропильницы. Низенькія и довольно глубокія ниши въ двухъ внутреннихъ стѣнахъ храма, вѣроятно, также назначались для погребенія. Остальныя пещеры Тепе-Кермана не представляютъ никакой оригинальности: тѣ же своды, цистерны, столбы, ступени, какъ и въ Эски-Керманѣ, никакихъ остатковъ домашней утвари. Единственная особенность ихъ—множество человѣческихъ череповъ и другихъ костей, наполняющихъ нѣкоторыя пещеры. Это обиліе костей, низкіе размѣры пещеръ и присутствіе гробницъ въ подземной церкви заставляютъ думать, что тепекерманскія пещеры служили мѣстомъ погребенія какому-нибудь христіанскому племени.

Слѣдовъ замка и крѣпости, о которыхъ упоминаютъ писатели прежняго времени, теперь почти уже не видно. Въ одномъ только мѣстѣ встрѣчаешь явственныя признаки фундамента изъ очень большихъ камней. Повидимому, фундаментъ этотъ поддерживалъ прежде очень тяжелое строеніе, четырехугольную башню, замокъ или что-нибудь подобное. Въ другихъ мѣстахъ небольшія кучки мусору едва могутъ напомнить человѣческую постройку. Само названіе горы, означающее по переводу съ турецкаго, *«крѣпость горной вершины»* (тепе—значитъ вершина горы) доказываетъ несомнѣнно существованіе на вершинѣ Тепе-Кермана замка или крѣпости въ то время, когда сложилось это татарское названіе его.

Готвейское кладбище, лежащее почти у подножія тепекерманской пирамиды, наводитъ на мысль, что Тепе-Керманъ былъ, въ числѣ другихъ столовыхъ горъ, однимъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ готевъ-трапезитовъ. Наверху, на теменіи тепекерманской пещерной скалы, отличное зеленое пастбище и отличный наблюдательный пунктъ. Не знаю, чего не видно отсюда! У самыхъ ногъ вьется долина Качи и разсыпана деревня Шюрю, въ которую намъ нужно теперь спускаться.

Качи-Кальёнъ менѣе всѣхъ похожъ на другіе пещерные города. Это уже не столовая гора, возвышающаяся островомъ среди ущелій, какъ Чуфуть-Кале, Эски-Керманъ, Мангупъ-Кале и Тепе-Керманъ. Качи-Кальёнъ находится въ высокомъ каменномъ обрывѣ качинскаго берега. Кача стѣснена имъ здѣсь, какъ Дунай желѣзными воротами, выше Качи-Кальёна и ниже его Кача течетъ свободно, въ сравнительно низкихъ берегахъ. Правый берегъ ея въ Качи-Кальёнѣ—разрѣзъ огромной горы. Подъѣзжать къ Качи-Кальёну по лѣсной и садовой долинѣ гораздо веселѣе, чѣмъ по сирійскимъ ущельямъ Тепе-Кермана. Видъ Качи-Кальёна поразителенъ именно рѣзкою противоположностью роскошной зеленой чащи, заповнившей долинную низменность и лѣвый берегъ Качи, съ грандіознымъ каменнымъ обрывомъ праваго берега. Обрывъ этотъ имѣетъ форму титаническаго алькова, полуокруглаго свода, въ которомъ умѣстилась бы Хеопсова пирамида и Петропавловскій соборъ Рима. Альковъ этотъ образовался оттого, что вся середина горнаго обрыва вывалилась и разсыпалась въ щебень. Каскады и потоки камней сбѣгаютъ теперь изъ-подъ свода къ руслу Качи, словно извергнутые кратеромъ вулкана. Цѣлые огромные утѣсы въ числѣ ихъ. Куда ни взглянешь глазъ на правомъ берегу, всюду этотъ хаосъ утесовъ и обломковъ. Среди нихъ вы видите во множествѣ камни съ окнами и дверями, скрывающіе въ себѣ пещеры. Одни стоятъ кверху ногами, другіе на боку, отъ однихъ остались только черепки скорлупы, какъ отъ разбитаго яйца, другіе уцѣлѣли такъ хорошо, словно ихъ выдолбили уже послѣ паденія. Обрывъ Качи-Кальёна пестрѣетъ разными красками своихъ горныхъ породъ, и это очень ладитъ съ свѣжею зеленью, кое-гдѣ его опушившей. Красные тоны массы господствуютъ надъ всѣми. У подошвы гигантскаго алькова, на крутомъ откосѣ берега, стоитъ новенькая церковь и два запустѣвшихъ домика. Въ старину при грекахъ здѣсь былъ монастырь св. Анастасіи, привлекавшій много богомольцевъ къ своему цѣлебному источнику. До сихъ поръ, не помню въ какое именно время, стекаются сюда богомольцы и производится служба въ нарочно построенной для этого церкви. Оттого и самъ Качи-Кальёнъ теперь больше извѣстенъ подъ именемъ Анастасіи. Русскіе и греки даже не знаютъ другого имени.

Новая церковь нисколько не интересна, но выше ея, среди обломковъ, поросшихъ деревьями, видны развалины стараго монастыря съ подземными сводами и съ раскинутыми кругомъ гробницами. Кресты греческой формы высѣчены на многихъ камняхъ. Но особенно интересенъ каменный крестъ въ нишѣ

утеса. Можно и теперь представить себѣ живописность этой маленькой обители, напоминающей собой Успенскій скитъ.

Повидимому, древняя постройка монастыря была разрушена каменными лавинами, которыя до такой степени покрываютъ мѣстность, что не только дѣлаютъ невозможнымъ тщательное разслѣдованіе развалинъ, но даже едва даютъ проходъ наверхъ подъ громадный естественный альковъ Качи-Кальёна, откуда сочится священный источникъ. Читая описанія Качи-Кальёна, сдѣланныя прежними путешественниками, убѣждаешься несомнѣнно, что Качи-кальёнскія скалы находятся въ состояніи хроническаго разрушенія. Теперь тутъ не найдешь третьей доли того, что видѣли еще такъ недавно. Можно сказать, что въ Качи-Кальёнѣ уже не существуетъ теперь ни одной цѣльной пещеры, и что года черезъ два-три исчезнетъ возможность всякаго посѣщенія верхняго свода, если не исчезнутъ даже самыя слѣды его.

Уже и теперь не трудно сломать шею, предпринимая восхожденіе въ источникъ. Титаническій сводъ прикрываетъ васъ тамъ своею тяжелою аркою, на которую страшно глаза поднять. Эта каменная, дугой согнутая толща почти совсѣмъ уже отдѣлилась отъ материка горы и растреснулась по всѣмъ направленіямъ; по свѣжимъ пустотамъ ся безъ труда догадаешься, какъ недавно выронила она окружающіе васъ огромные камни. Ничто не гарантируетъ вашей безопасности подъ этими жерлами, вѣчно готовыми изрыгать каменные лавины. Ежеминутно слышится трескъ и гулъ наверху. Это идетъ внутренняя, микроскопическая работа разложенія страшной скалы. Вы вздрагиваете и невольно укрываетесь подъ сводъ ближней пещерки. Прокатится камень, два, пять, десять небольшихъ камней, поползетъ откуда-нибудь густая струя пыли. Середина Качи-Кальёнской скалы была прежде вся сплошь продырявлена пещерами въ нѣсколько ярусовъ. Потомъ это изрытое нутро ея вывалилось, рассыпалось и оставило послѣ себя альковъ, въ который мы теперь залѣзли. Слѣды пещеръ видны ясно на внутреннихъ стѣнахъ этого алькова; самыя глубокія даже сохранились въ немъ вполне, раскрывшись только спереди; отъ другихъ остались только оттиски и внутренніе края, по которымъ можно составить чертежи бывшихъ пещеръ съ ихъ лѣсенками и этажами. По виду это такое же осиное гнѣздо, тѣ же стрижиныя норы, какъ и въ Эски-Керманѣ. Въ серединѣ алькова надъ нижнимъ карнизомъ его пробивается ключъ холодной и прозрачной воды. Онъ обдѣланъ въ каменный бассейнчикъ, надъ которымъ лежатъ старая полустертая икона и видны слѣды копоты и вос-

ковыхъ свѣчей. Это источникъ св. Анастасіи, давшій поводъ къ основанію монастыря.

Поднявшись на гору, широкимъ амфитеатромъ охватывавшую долину Біа-Салы, мы замѣтили среди лѣса множество соломённыхъ крышъ, торчавшихъ грибами изъ земли и скученныхъ, какъ шалаши канадскихъ бобровъ. Мы ѣхали конною дорожкой въ Мангушъ. Насъ туда вызвался проводить тамошній волостной старшина, съ которымъ я разсматривалъ въ Біа-Салахъ «готвейское кладбище». Старшина не сразу отвѣтилъ на мой вопросъ о тѣхъ шалахахъ, а покачивалъ головою съ улыбкой раздумья и недоумѣнья.

— Кто его знаетъ, какой онъ такой! объяснялъ онъ мнѣ какъ бы въ отвѣтъ. — Чудной какой-то. Сказать бы дурачокъ, мы его и называемъ такъ-таки Иванушка-дурачокъ; да дуръ-то въ немъ какая-то особливая. Блаженный онъ, что ли...

— Кто это такой? это его земля?

— Вотъ то-то и есть, что никакой тутъ ему земли не полагается. Земля общественная, подъ государственными крестьянами. Отецъ его крестьянинъ изъ Мангуша; тоже, какъ и другіе, имѣетъ каждый годно свои дѣлянки, покосъ тамъ и все. Ну, а онъ не возлюбилъ жить съ отцомъ. Отъ Бога, говоритъ, велѣнье такое получилъ. Ушелъ сюда въ лѣсъ и поселился здѣсь вотъ уже какой годъ! какъ разъ супротивъ Біа-Салъ; мѣсто самое отличное, открытое, на солнечную страну. Сводили его сколько разовъ. Изъ палаты чиновникъ пріѣзжалъ. Въ тюрьмѣ держали по нѣскольку мѣсяцевъ. Разорать все его достояніе, подиску отберутъ—а выпускать, онъ, смотришь, опять на старомъ пепелищѣ копается. Меня просто замучилъ. То и дѣло указы присылаютъ, чтобы его сводить. А какъ его сведешь? Человѣкъ онъ безобидный, никому не мѣшаетъ; работаетъ себѣ съ утра до ночи во имя Божіе. А тутъ еще приказываютъ штрахъ съ него взыскать, 14 рублей 28 копѣекъ; порубку, вишь, въ казенномъ лѣсу произвелъ, такъ по оцѣнѣ. Что съ его взыщешь, съ такого чудного? 14 рублей не шутка—гдѣ ихъ взять? Намъ его промежъ себя, признаться, таки жалостно. А свести, конечно, надобно. Опять голубчика въ тюрьму запрычуть.

Нельзя было не захватить къ Ивану-дурачку послѣ разсказа старшины. Его хуторокъ красовался на ровномъ скатѣ горы, господствующей надъ живописною окрестною мѣстностью. Солнце прямо ударило на него. Лѣсъ былъ расчищенъ кругомъ на нѣкоторое пространство, и оставленные на корню грушевыя ди-

ія деревья были всё тщательно привиты и смазаны. Теперь это былъ садъ Иванушки-дурачка. За садомъ шли гряды огорода, отлично набитый токъ для молотбы, и дворъ, обнесенный множествомъ бѣлыхъ выдолбленныхъ камней. Камни эти Иванушка привезъ издалека, выдолбилъ своими руками и употреблялъ для поила своей скотины и для корма ея солью. На дворѣ стояло штукъ 10 клѣтушекъ разнаго калибра и вида; цѣлые сараи были выкопаны въ каменистой почвѣ. Одни уже были обдѣланы въ жилища, другіе только-что копались. Здѣсь было все: хлѣвы со стойлами, лѣтнія и зимнія жилища, анбары, кладовыя. Нѣсколько штукъ сытыхъ коровъ и телятъ стояло въ хлѣвахъ. Все было построено и выкопано буквально руками Иванушки-дурачка. Я отказываюсь понять, какъ безъ помощи живой души онъ былъ въ состояніи втащить и укрѣпить на крышѣ столько тяжелыхъ перекладинъ и стропилъ. У него была, повидимому, манія землекопства. Одно жилище еще не было кончено, а онъ уже потѣлъ надъ раскапываніемъ новыхъ и новый подземелій. И это не въ рыхломъ черноземѣ, даже не въ глинѣ, а въ каменномъ известнякѣ. Все, что мы видѣли, было добыто собственно-ручно, безъ затраты копѣйки. У Иванушки не было даже покупного ведра, покупной бочки, покупного гвоздя. Все было откопано въ горѣ, срублено изъ лѣсу, взято, однимъ словомъ, изъ общей дарохранительницы — природы. Зерно было ссыпано въ громадныя бочковидныя плетушки, туго свитыя, плотно смазанныя глиною; деревяннымъ долбленнымъ ковшомъ Иванушка пилъ и носилъ себѣ воду.

Я не видѣлъ у него даже горшка для варева. Иванушка меньше всѣхъ думалъ о себѣ. За скотомъ своимъ онъ ухаживалъ какъ нѣжная нянька: чуть не всякая корова имѣла особое закрытое помѣщеніе, устроенное Иванушкиными мозолями и Иванушкинымъ горбомъ. Днемъ онъ хоронилъ въ этихъ хлѣвахъ своихъ боровъ, боясь, чтобы ихъ не загнали съ лѣсныхъ пастбищъ. Но какъ только спускалась ночь, Иванушка-дурачокъ, проработавши весь день съ ранней зари до поздней, выгонялъ свою любезную скотинку на лѣсныя травы, въ полной увѣренности, что ночью ни татары, ни русскіе, ни мужики, ни начальство не потревожатъ его животину. Зимой онъ зажигалъ грудокъ въ одномъ изъ шалашей своихъ и лежалъ около него скорчившись въ полушубчикѣ, обогрѣвая поочереди то грудь, то спину. Хлѣба негдѣ было ставить, а сгребетъ себѣ нѣсколько горстей муки, замѣшаетъ водою, да и спечетъ на листьяхъ въ самой золѣ костра какую-нибудь прѣсную тяжелую лепешку, по обычаю татаръ. А есть картѣшки, — картѣшки спечетъ.

— Ну, а если ты заболѣешь, Иванъ? Ты вѣдь бывалъ когда боленъ? спросилъ я дурачка, выслушавъ его гомерически-наивные рассказы о своемъ подвижничествѣ. «Трасца мучаетъ, третій годъ трясетъ. Какъ весна, такъ и затрясетъ», отвѣчалъ Иванушка, съ задумчивою серьезностью глядя на меня.

— Кто-жъ тебѣ тогда ѣсть даетъ?

— Тогда ужъ не ѣмъ; лежу въ шалашѣ и не ѣмъ; а ослобонить немножко, спеку чего-нибудь, внушительно рассказывалъ Иванъ. Вотъ нонче весною трое сутокъ безъ памяти пролежалъ, маковой росинки въ ротъ не бралъ, думалъ ужъ, Господь по душу послалъ; да нѣтъ, отошло, еще велѣлъ Создатель потрудиться, грѣхи искупать...

Иванушка стоялъ передъ нами въ глубокой ямѣ, откуда едва видна была его голова. Мы его застали за обычной его работою, съ заступомъ въ рукѣ. Онъ былъ босикомъ и безъ шапки, въ дырявой домашней рубахѣ, сквозь которую темнѣло его бронзовое тѣло, тощее и костлявое. Зеленоватая блѣдность лица казалась еще болѣе мертвенною отъ нечесаныхъ черныхъ кудрей и черныхъ воспламененныхъ глазъ. Какая-то сосредоточенная озабоченность, совершенно ушедшая въ самое себя, была на этомъ лицѣ и въ этихъ глазахъ. Словно они смотрѣли не на насъ, не на то, что видѣли мы, а на что-то другое, недоступное нашимъ чувствамъ; субъективный міръ больной фантазіи дѣлался очевиднымъ для каждаго...

Скоро мы доѣхали до Мангуша—почти совсѣмъ русская деревня, вѣрнѣе, хохлацкая. Это изрядная рѣдкость для горной крымской деревни, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Бахчисараемъ. Но совсѣмъ тѣмъ Мангушъ не потерялъ характера татарской деревни: также распоясавъ по горамъ и по горному ручью, также спрятался въ укромномъ уголѣ, спрятанномъ въ сторонѣ отъ чужого глаза.

Татарщина такъ вѣялась въ нравы горцевъ, что даже русская церковь въ Мангушѣ смотритъ какъ-то иначе, не по-русски, скорѣе какъ мечеть, чѣмъ какъ знакомый бѣлый храмъ великорусскихъ губерній. О хатахъ уже нечего говорить. О народѣ точно также. Его нарядъ вы съ трудомъ отличите отъ татарскаго. Тутъ живетъ только нѣсколько семействъ татаръ, а между тѣмъ весь народъ говоритъ по-татарски. Интимная домашняя бесѣда русскихъ людей ведется на татарскомъ языкѣ; ребятишки спорятъ и ругаются по-татарски. Снисхожденіе ли это къ варварству, неумѣющему дорожить до насъ, или ужъ такъ мало самостоятельности въ нашемъ русскомъ духѣ, что мы сторонимся даже передъ татаринами! Мангушъ—центръ цѣлаго

округа. Весь округъ промышляетъ камнемъ и лѣсомъ. Винограда тутъ нѣтъ, для полей почти нѣтъ мѣста. Мангушъ стоятъ на р. Бодракѣ, впадающей въ Альму, роковой памяти. Берега Бодрака—это сплошныя карьеры известняка, мягкаго въ обработкѣ, бѣлаго и прочнаго въ кладѣ. «*Бодрацкій камень*»—самый цѣнный и красивый матеріалъ для мѣстныхъ построекъ, бахчисарайскихъ, симферопольскихъ. Онъ напоминаетъ инкерманскій плитнякъ, изъ котораго выстроенъ Севастополь. Его кладутъ обыкновенно только въ углы и цоколи зданій; для сплошной кладки онъ слишкомъ дорогъ, хотя за то вѣченъ и не нуждается въ штукатуркѣ.

Въ центрѣ бодрацкихъ каменоломенъ, какъ разъ за селеніемъ Бодракомъ, немного отступя къ сѣверозападу отъ Мангушской дороги, находятся скалы *Бакла*, омываемыя съ одной стороны Бодракомъ, съ другой—Альмою. Это послѣдній, самый сѣверный пещерный городъ Крыма. Его положеніе лишено той поэтической оригинальности, какою отличаются другіе, болѣе знаменитые пещерные города Крыма, о которыхъ я говорилъ прежде. Сами пещеры его, болѣею частью уже обвалившіяся снаружи, не представляютъ собою интереса послѣ осмотра Эски-керманскихъ и Тепе-керманскихъ. Самая большая, полуразрушенная пещера немного болѣе 2-хъ квадр. сажень. Проводники называютъ ее также *эклисе*, церковью, но въ ней не сохранилось однако никакихъ признаковъ храма; узнать ее можно по столбу, поддерживающему входъ. Гораздо интереснѣе пещеръ множество цистернъ въ формѣ огромныхъ кубановъ, которыми изрыты скалы Бакла и которыя заставляютъ предполагать, что въ Баклѣ находилось значительное складочное мѣсто зерна или вина; стало быть, мѣстность была людная. Въ долинтѣ, подъ обрывомъ скалы Бакла нѣсколько лѣтъ тому назадъ мангушскіе крестьяне, распахивая землю, наткнулись на 12 огромныхъ каменныхъ горшковъ или амфоръ, каждая величиною въ бочку. Горшки эти были зарыты рядомъ въ землю и были сдѣланы изъ отлично выжженной, чрезвычайно крѣпкой глины. Очевидно, и въ нихъ помѣщалось зерно, потому что для вина и масла въ древности употреблялись сосуды съ болѣе узкими горлами. Впрочемъ сосуды были уже пусты, и въ нихъ, какъ рассказываютъ, не нашли ничего кромѣ земли. Послѣ тщательныхъ разспросовъ я могъ найти у одного мангушскаго крестьянина только двѣ изъ этихъ каменныхъ бочекъ; остальные были раздарены или распроданы.

IV.

Система древнихъ укрѣпленій въ странѣ пещерныхъ городовъ. — Цивилизаціонный характеръ пещерныхъ городовъ и ихъ значеніе. — Блужданіе по Чучель-горѣ. — Ревъ оленей. — Ночлегъ въ Козьмодемьянской обители. — Возвращеніе на южный берегъ.

Баклою мы окончили осмотръ пещерныхъ городовъ Крыма. Нужно было возвращаться назадъ, въ нашъ пріютный Магарачъ, и мы рѣшили выбрать для этого путь черезъ Савлухъ-Су и Бабуганъ-Яйлу; путь, правда, далекій, но для многихъ изъ насъ совершенно новый.

Только тогда, когда вы познакомились по отдѣльности съ каждымъ пещернымъ городомъ Крыма, вамъ дѣлается ясною вся система этихъ оригинальныхъ и любопытныхъ жилищъ, подобныхъ которымъ не представляетъ никакая другая страна Европы.

Пещерные города Крыма начинаются отъ устья Черной рѣки, у Севастопольской бухты, и идутъ извиристою цѣпью на сѣверо-востокъ, почти до верхняго теченія Альмы. Начинаетъ ихъ Ин-Керманъ—*«крѣпость пещеръ»*,—а кончается Бакла. Поэтому, путешественникъ, который интересуется исключительно археологіею пещерныхъ городовъ, и не располагаетъ своимъ временемъ, удобнѣе всего можетъ осмотрѣть ихъ, проѣзжая по шоссе изъ Севастополя въ Симферополь. Инкерманъ у него будетъ по дорогѣ, весь въ виду; Мангупъ, Черкесскъ—и Эски-Керманъ онъ посѣтитъ, свернувъ съ шоссе направо отъ деревни Дуванъ-кой (русская Дуванка), вверхъ по теченію Бельбека, а потомъ Кара-Илеза. Съ шоссе довольно явственно видна плоская вершина столовой горы и башни Мангупа. Точно также легко свернуть съ дороги въ долину Качи, которой скалистый разрѣзъ манитъ къ себѣ любителя горныхъ видовъ. Въ этомъ скалистомъ разрѣзѣ—Качи-Кальѣнъ, а нѣсколько верстъ дальше Тепе-Керманъ, котораго сахарная голова выглядываетъ изъ-за вершинъ другихъ горъ. Изъ Бахчисарая осматриваютъ Чуфутъ, а не доѣзжая верстъ 5-ти до послѣдней станціи передъ Симферополемъ—Гаджи-Бека—путешественникъ можетъ повернуть опять-таки направо въ долину Бодрака по мангушской дорогѣ, чтобы осмотрѣть пещеры Бакла.

Уже изъ этихъ указаній видно, что древніе пещерные города были расположены не случайно, а по обдуманному плану, съ стень опредѣленною цѣлью. Инкерманъ служилъ ключомъ отъ моря и степей въ долину Черной рѣки. Входы между Черною и Бельбекомъ оберегались Мангупомъ-Кале, Черкесскъ-Кер-

маномъ и Эски-Керманомъ. Долина Качи запыралась въ самомъ удобномъ мѣстѣ Качи-Кальёномъ; Тепе-Керманъ защищалъ отчасти ту же долину, отчасти проходы между Качею и Бахчисарайскою долиною Чурукъ-Су, надъ которой возвышался Корхельскій замокъ, нынѣшній Чуфутъ-Кале. Наконецъ Бакла была какъ бы угловымъ оплотомъ горъ, при выходѣ изъ нихъ Альминской и Бодрацкой долинъ.

Эта система обороны горъ дѣлается еще понятнѣе, если обратить вниманіе не на одни пещерные города, служившіе, безъ сомнѣнія, главными стратегическими центрами защиты, но еще и на другіе остатки древнихъ укрѣпленій, связывающихъ между собою, будто звеньями цѣпи, всѣ пещерные города.

На Черной рѣкѣ, верстѣ 10 выше Инвермана и въ столькихъ же верстахъ на югъ отъ Мангуна, до сихъ поръ уцѣлѣла въ деревнѣ Чоргунъ древняя осьмиугольная башня. Башня эта, очевидно, защищала подступы въ долину со стороны южнаго берега.

Связью между укрѣпленіями Черной рѣки и Мангуномъ служило исчезнувшее теперь укрѣпленіе при Мыльныхъ-колодцахъ, на мѣстѣ котораго еще въ самомъ концѣ XVIII-го стол. находилась деревня *Бей-Кирманъ* — «*Княжья крѣпость*».

Когда путешественникъ смотритъ съ севастопольскаго шоссе на долину р. Бельбека, туда, гдѣ рѣка эта выбивается изъ горъ, то разрѣзъ долины представляется ему въ видѣ гигантскихъ воротъ необыкновенной живописности. Въ этихъ воротахъ Бельбека расположены старинныя роскошныя поселенія татаръ, *Бюкз-Сюйрена* и *Кучукъ-Сюйрена*, а между ними на мысѣ высокой плоской горы, на лѣвомъ берегу рѣчки, возвышается издалека видная башня — *Сюйренъ-Кулле*. Это древній Schuren готовъ. Урочище, въ которомъ находится башня, до сихъ поръ называется *Исаръ-Алты* (*Исаръ* — крѣпость). Двухъэтажная башня, съ стѣною, съ воротами, со слѣдами византійской живописи на стѣнахъ, отрѣзываетъ мысъ скалы, подобно Мангупскому замку; а съ высоты башни видны море, горы и степь, Мангупъ съ одной стороны, Тепе-Керманъ — съ другой. Трудно выбрать болѣе удобный наблюдательный пунктъ; башня, безъ сомнѣнія, служила сигнальнымъ ведомъ между горными укрѣпленіями по сю и по ту сторону Бельбека, и въ то же время охраняла входъ въ долину этой рѣки. Очень можетъ быть, что это та самая *крѣпость Бамбекъ*, которую нашъ Минихъ, въ числѣ другихъ, разрушилъ во время своего крымскаго похода 1736 года.

Горные проходы между Бельбекомъ и Качею запырались въ двухъ мѣстахъ двумя укрѣпленіями; слѣды одного изъ нихъ почти

уничтожились, а осталось одно только имя;—это *Керменчикъ*—теперь просто урочище на лѣвомъ берегу верхней Качи. Другой—*Керменъ* или *Керменъ-кале* (крѣпость); его развалины ясно видны на горѣ надъ татарскою деревнею Керменчикъ, расположенной при верховьи одного изъ правыхъ притоковъ Бельбека (Керменчикѣ). Это укрѣпленіе, — какъ Сюйренское, Черкесъ-жермапское и большинство другихъ, находящихся въ этой странѣ, обильной плоскими отдѣльными горами — отрѣзало собою мысъ скалы, неприступный съ другихъ сторонъ. Съ высотъ этого мыса видѣнъ Качи-Кальенъ и вершина Тепе-Кермана.

Наконецъ, около Баклы, тамъ, гдѣ горы дѣлаютъ рѣзкій поворотъ къ востоку, и уголъ ихъ открывается одновременно съ сѣвера и запада;—два, повидимому, сильныхъ укрѣпленія служили горнымъ жителямъ для отпора кочевниковъ. *Сарамамбашъ-Кале* представляетъ теперь только развалины стѣны, отрѣзавшей мысъ плоской и обрывистой горы, да кучи мусора отъ разрушенныхъ зданій—внутри этой стѣны, также лежащей во прахѣ. Сарамамбашъ-Кале стоитъ прямо надъ селеніемъ Мангушемъ, между рѣками Альмою и Бодракомъ, вторыхъ долины онъ, конечно, охранялъ.

Недалеко отъ Сарамамбашъ-Кале, уже по ту сторону Альмы, находятся развалины другого горнаго укрѣпленія — *Сарысанъ-Кермена*. Я не буду говорить объ укрѣпленіяхъ другой части крымскихъ горъ. Для цѣли настоящей статьи достаточно показать, что непрерывная цѣпь большихъ и малыхъ укрѣпленій, то цѣлыхъ городовъ, то замковъ, то сигнальных башенъ—опоясывала сѣверозападные склоны и проходы крымскихъ горъ, т.-е. именно *страну пещерныхъ городовъ* Крыма.

Какой же народъ, какая эпоха исторіи и какой именно поводъ создали эту могущественную оборонительную линію?

Строгой исторической правды касательно происхожденія собственно пещерныхъ городовъ мы врядъ ли когда добудемъ. Мнѣ кажется, пещера не могла служить постояннымъ жилищемъ какому-нибудь человѣческому племени, успѣвшему стать хотя бы на первыя ступени цивилизаціи. Этотъ зоологическій способъ укрывать себя отъ непогоды и непріятеля въ трещинѣ скалы вполне соответствуетъ зоологическому возрасту человѣчества. Тутъ одно рабское подражаніе птицѣ и насѣкомому. Высоко—недостанетъ враждебная рука; укрыто — не промочить дождь и не снесетъ буря; мягкій известнякъ поддается грубому орудію, какъ поддастся клюву какого-нибудь стрижа,—и вотъ нора сдѣлана, избрано жилище. Въ позднѣйшія эпохи своей жизни человѣческое племя можетъ, конечно, пользоваться пещерою, но

только въ исключительныхъ случаяхъ, подъ гнетомъ крайней необходимости. И европеецъ XIX-го вѣка проведетъ ночь на деревѣ, если его побудитъ къ тому неминуемая опасность; но жить постоянно на деревьяхъ, подобно чимпанзе, человѣкъ можетъ только на степени развитія какихъ-нибудь колумбійцевъ. Нѣкоторые писатели допускаютъ предположеніе объ основаніи пещерныхъ городовъ цивилизованными племенами, имѣя въ виду примѣръ восточныхъ монаховъ, кіевскихъ и др. Но мнѣ кажется, въ этомъ примѣрѣ можно видѣть психологическое подтвержденіе того историческаго факта, что пещерная жизнь составляетъ одно изъ условій натурального быта человѣка. Восточное монашество постоянно и сознательно ставило себѣ цѣлью возвращеніе физики человѣка къ первобытной, такъ сказать, животной его обстановкѣ: пустынники Оиванды ходили почти нагіе, обростали волосами, не варили кушанья, не зажигали огня, ѣли корни, пили одну воду, заглушали въ себѣ даръ членораздѣльныхъ звуковъ и упорно избѣгали общежитія, связи съ себѣ подобными. Такимъ же образомъ и пещероманія была неизбѣжнымъ результатомъ всѣхъ остальныхъ стремленій ихъ.

Обратимъ вниманіе, что гомерическій грекъ сохранилъ память о своемъ столкновеніи съ первобытными обитателями Европы въ образѣ циклоповъ, жителей и строителей пещеръ. Зѣвроподобный циклопъ вездѣ, такъ или иначе, связанъ съ камнемъ. Для Полиема — камень есть и жилище, и хлѣвъ, и дверь, и оружіе. Такъ-называемыя циклопическія постройки не что иное, какъ грубыя искусственныя пещеры. Титаны, — въ образѣ которыхъ мифологія сохранила тотъ же историческій фактъ борьбы цивилизованныхъ пришлецовъ съ дикими аборигенами, — дѣйствуютъ противъ Олимпа камнями. Въ странахъ древнихъ кельтовъ, въ странахъ древнихъ финновъ, — вездѣ легенда сохранила память о пещерныхъ людяхъ и пещерной эпохѣ подъ видомъ таинственныхъ колдуновъ, враждебныхъ обществу, скрывающихъ свои злыя козни, свой чуждый образъ и свои чуждые нравы въ пѣдрахъ недоступныхъ горъ. Нѣтъ сомнѣнія, что младенческая эпоха человѣчества имѣетъ основаніе называться *каменной* не по одному только матеріалу тогдашнихъ орудій человѣка, но и по самому характеру тогдашнихъ жилищъ его. Поэтому и мнѣніе тѣхъ писателей, которые называли пещерные города Крыма *жилищами троглодитовъ*, мнѣ кажется, ближе къ истинѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Кто именно были эти троглодиты? Тавры — первый народъ, котораго исторія, еще въ полумифической, полугероической эпохѣ своей, застаётъ на почвѣ Крыма. Эти тавры, современники

Ахилла и Ифигеніи, приносившіе человѣческія жертвы своимъ божествамъ, и считавшіе своей добычею всѣхъ несчастныхъ, приносимыхъ къ ихъ берегу волнами тогда еще *негостеприимнаго понта*—Понтъ Аксеносъ—конечно, могли создать пещерные города. Когда древніе тавры смѣшались съ тавъ-называемыми скиѣами и стали извѣстны у историковъ подъ именемъ тавро-скиѣовъ, то они занимали оба склона крымскихъ горъ, слѣдовательно, и страну нынѣшнихъ пещерныхъ городовъ. Но тавро-скиѣи, которые воевали съ Митридатомъ и разбивали войска императора Клавдія, были уже не прежніе дикіе тавры, а народъ, умѣвшій строить крѣпости и проникнутый эллинскою цивилизаціею; постройки Палака и Скилура были совершенно греческія постройки, какъ то доказывается развалинами симферопольскаго Керменчика.

Народъ, о которомъ достовѣрно извѣстно, что онъ жилъ на мѣстѣ нынѣшнихъ пещерныхъ городовъ Крыма, — были готы. Мы уже видѣли выше историческое подтвержденіе этого факта. И даже въ XV-мъ столѣтіи, когда по трактату съ Еліасъ-Бемъ Солкатскимъ (Солкатъ—Старый Крымъ—древняя столица татаръ) южный берегъ перешелъ во власть генуэзцевъ, онъ не называется иначе какъ *Готіей*.

Въ нашемъ «Словѣ о Полку Игоревѣ», памятникѣ XII-го стол., также говорится о *ютскихъ красивыхъ дѣвицахъ*, что, звоня русскимъ златомъ, воспѣваютъ на брегахъ *Синяго моря*.

Но, вопреки мнѣнію Палласа, готамъ трудно приписать основаніе пещерныхъ городовъ. Характерное свидѣтельство Прокція о нерасположеніи крымскихъ готовъ даже къ городамъ, обнесеннымъ стѣнами, устраняетъ въ этомъ вопросѣ всякое сомнѣніе. Народъ, привязанный къ земледѣлію, владѣвшій роскошными садами, не могъ быть изобрѣтателемъ и жителемъ каменныхъ пещеръ. Пещерные города очевидно вошли въ систему укрѣпленій только заботами централизующей византійской власти, которая могла воспользоваться пещерными городами, точно также, какъ воспользовалась различными другими укрѣпленіями, возникшими въ самыя различныя времена трудами самыхъ разнообразныхъ народовъ.

Стѣна херсонессцевъ, издавна отдѣлявшая Трахейскій полуостровъ отъ остальнаго Крыма, послужила такимъ же матеріаломъ для фортификаціи греческимъ администраторамъ Крыма, какъ и старинныя крѣпости скиѣскихъ царей и полководцевъ Митридата. Грекамъ нужно было загородить степовикамъ всѣ проходы въ горный Крымъ, чтобы обезпечить трудолюбивыхъ садовниковъ, винодѣловъ и пастырей крымскихъ долинъ. Въ ря-

ду этихъ укрѣпленій пещерные города естественно должны были стать цитаделями на случай войны, осадными дворами, въ которыхъ могло укрыться мирное населеніе при первой опасности. Многочисленныя пещеры доставляли въ этомъ случаѣ незамѣнимую выгоду, потому что, при недоступности своей, при совершенной безопасности отъ стрѣлъ и огня, — укрывали не только людей, но и скотъ ихъ, и имущество. Небольшія крѣпостцы ни въ какомъ случаѣ не способны были оказать населенію такой серьезной помощи и служили только баррикадами проходовъ. Весьма правдоподобно, что многія изъ пещеръ дѣлались уже впоследствии, съ цѣлью доставить осажденнымъ жителямъ болѣе простора, и приноровлялись къ новымъ потребностямъ. Въ пещерахъ съ теченіемъ времени основались церкви и монастыри; сначала, можетъ быть, изъ временной необходимости, а потомъ остались въ нихъ навсегда, такъ какъ пещерное помѣщеніе не противорѣчило характеру этихъ учреждений. Есть серьезное основаніе думать, что первые христіане особенно охотно пользовались пещерами и даже сами устраивали ихъ съ цѣлью подвига трудолюбія. Легенда говоритъ, что папа-изгнанникъ Климентъ I-й собственноручно ископалъ пещерную церковь Инкермана. Съ пещерами Успенскаго скита связано очень древнее христіанское преданіе объ обитавшемъ въ нихъ драконѣ, истребленномъ внезапно явившеюся чудотворною иконою Успенія Божіей Матери. Икона эта была перенесена греками изъ древняго бахчисарайскаго Маріанполя въ новый азовскій Маріуполь, а до тѣхъ поръ была главною святынею крымскаго христіанства. Это обстоятельство, а также постоянное пребываніе въ Успенскомъ скитѣ (Маріанполѣ) духовнаго главы крымскихъ христіанъ — митрополита готѣйскаго и кеосаискаго — указываетъ на то, что пещеры Успенскаго скита если не были основаны христіанами, то очень рано были ими заняты. Замѣчательно, что только въ этомъ старомъ гнѣздѣ христіанства оно удержалось до самаго присоединенія Крыма въ Россію, среди всѣхъ невзгодъ и опасностей, въ то время какъ магометанскій фанатизмъ успѣлъ обратить въ исламъ весь берегъ и всѣ горы когда-то христіанскаго Крыма. Монастыри въ Инкерманѣ, въ Качи-Калымѣ, Маріанполѣ, уцѣлѣвшіе до нашихъ дней, и другіе, которыхъ развалины видны въ Эски-Керманѣ и Тепе-Керманѣ, также свидѣтельствуютъ о томъ, что пещерные города были древнимъ пріютомъ христіанства. Итакъ, нужно во всякомъ случаѣ признать, что христіанство участвовало значительною долею въ распространеніи, если не въ основаніи пещерныхъ городовъ Крыма. Масса жителей, за исключеніемъ,

вѣроятно, монаховъ, жила, конечно, подъ открытымъ небомъ въ своихъ зеленыхъ и цвѣтущихъ деревняхъ, какъ живетъ и теперь; а всякій пещерный городъ покровительствовалъ цѣлой долинѣ, цѣлому сельскому округу. Оттого-то вокругъ Мангупа до сихъ поръ лѣнятся многочисленныя сельбища, а около Чуфутъ-Кале основался Бахчи-сарай, — *городъ садовъ*, центръ крымскаго садоводства и татарской жизни вообще.

Только съ такой точки зрѣнія можно объяснить себѣ жизнь готовъ, грековъ и др. сколько-нибудь цивилизованныхъ народовъ въ пещерныхъ городахъ, въ этихъ титаническихъ каменныхъ ульяхъ, гдѣ сотни подземныхъ жилищъ наполняютъ собою нѣдра скалы, и гдѣ путешественникъ дѣйствительно находитъ иногда слѣды уже довольно развитой общественной жизни. Было бы странно предположить, чтобы въ очаровательномъ климатѣ Крыма, въ живописнѣйшихъ и плодороднѣйшихъ долинахъ его, богатыхъ водами, кишачихъ дорогими плодами, — могло жить племя, способное вести жизнь кротовъ въ полутемныхъ известковыхъ норахъ, на бесплодныхъ и безводныхъ утесахъ, не въ эпоху какихъ-нибудь свайныхъ построекъ, и не на зарѣ исторіи, а въ тѣ времена, когда уже писались книги и существовала наука. Работающее населеніе не могло ежедневно сообщаться съ своими плантаціями и садами по этимъ узенькимъ ступенькамъ, вырубленнымъ въ обрывѣ скалъ для осторожнаго прохода одного человѣка, съ цѣлью удобной защиты ихъ однимъ противъ толпы. Только сбившіеся въ стадо дикіе аборигены горъ, еще можетъ быть не знавшіе ни одного промысла, питавшіеся кореньями и дичью, много-много первобытные пастухи козъ и барановъ — могли источить себѣ въ скалѣ и избрать постояннымъ пріютомъ эти норы троглодитовъ.

Поѣздка горными лѣсами освѣжаетъ душу и тѣло, какъ ключевая вода. Вы съ зарею на сѣдлѣ; при васъ зажигается огнистое крымское утро и выплываетъ изъ-за горъ полный мѣсяцъ. Съ вашей тропинки, приподнятой къ облакамъ и выше облаковъ, вы въ спокойномъ счастіи созерцаете у своихъ ногъ глубокія безлюдныя долины, налитыя до краевъ лѣсами, и глядящія изъ-за нихъ живописныя горы всевозможнаго характера, — то бѣлыя титаническія пирамиды, то обломанные, какъ башни, утесы, облитые краснымъ огнемъ заката, то наконецъ обросшіе до макушки темною шерстью лѣсовъ.

Облака сидятъ въ этихъ горныхъ чашахъ, какъ лебеди на покой. Иногда вы видите подъ собою настоящія озера; но вы

не увлекайтесь: Крымъ не Швейцарія, и въ его горахъ вы не встрѣтите ни одного озера; это тоже облака, запавшія въ какую-нибудь особенно глубокую круглую долину. А то оглянитесь съ высокаго холма налѣво, гдѣ видѣнъ шатеръ Чатырь-Дага. Тамъ тоже облака, но это уже не лебеди, не озера; они обволокли кругомъ, будто хлопьями ваты, вершину шатра, вурятся надъ нимъ и расплываются какъ клубы какого-то тяжелого и влажнаго дыма. Чатырь-Дагъ смотритъ черезъ нихъ ни дать ни взять перуанскимъ вулканомъ.

Горное путешествіе вдвое дороже для тѣхъ, кому приходится наслаждаться этою пустынею и въ румяные осенніе дни, и въ радостный весенній полдень, и въ лѣтній зной, и среди расписанныхъ зимнимъ инеемъ лѣсовъ. Охотникъ—вотъ настоящий цѣлитель и почти единственный посѣтитель этихъ красотъ.

Дождь не миновалъ насъ въ эту поѣздку. Горше всего были тѣ минуты, когда мы блудили съ нашимъ всезнающимъ Бэкиромъ по тропинкамъ, ведущимъ на гору Цецуль, или, какъ ее называютъ лѣсники и охотники, на Чучель-гору. По цѣлымъ часамъ приходится стоять въ чащѣ лѣса, подъ вѣтвями какого-нибудь маститаго дуба или бука, котораго широкая густолиственная корона все-таки сколько-нибудь прикрываетъ насъ отъ ливня; измученныя лошади стоятъ себѣ не двигаясь, опустивъ уши и головы ко мшистому стволу, а всадники, тоже пригнувшись посомъ къ дереву, и укрытые чѣмъ Богъ послалъ, потихоньку ведутъ бесѣду въ своемъ невольномъ кружкѣ; амазонку нашу узнать нельзя подъ огромною черкесскою буркою, которая шалашомъ стоитъ на лошади и спускаетъ съ себя потоки воды, какъ съ отлива крыши. Ничего не видать кругомъ, даже сосѣднихъ деревьевъ: сѣрая сѣтка дождя сплошь заткала воздухъ.

Измучили же мы своихъ животинъ, цѣлый день гоняя ихъ по грязнымъ лѣснымъ спускамъ и подъемамъ; ни зерна ячменя, ни глотка воды. Кажется, нѣтъ ни одного оврага, котораго бы мы не отвѣдали. Бэкиръ сбился давно, но до сихъ поръ не хочетъ признаться и ужасно сердится, когда мы пристаемъ къ нему съ укоризнами. Мы теперь хорошо примѣтили, когда онъ сбивается. Онъ начинаетъ тогда снова какъ угорѣлый, то вправо, то влѣво, стараясь опередить насъ и бросая по слѣду кусочки наломанныхъ вѣтей. Но эти приемы Аріадны не ведутъ, повидимому, ни къ чему, и нашъ путь становится все безнадежнѣе. Раза два наткнулись на дровосѣковъ, на угольщикова, но и послѣ разспросовъ бѣда не поправляется. Уже высоко на горѣ встрѣтили мы толпу дѣвокъ и бабъ, возвращавшихся лѣсными дорожками изъ Козьмодемьянской обители.

Богомолки, ¹кажется, ²совсѣмъ замаялись и бѣжали на чемъ

свѣтъ стоитъ крутизны Чучеля; онѣ намъ пророчили разныя скверныя вещи. Но уже ворочаться некуда. Встрѣтили какого-то полудикаго чобанепка, отыскивавшаго корову; долго уговаривали, наконецъ убѣдили провожать насъ. Господи! да и повелъ же насъ этотъ проводникъ! Много я видѣлъ трущобъ въ своихъ странствованіяхъ, но эти были изъ трущобъ трущобы. Этотъ чучельскій пастырь былъ, повидимому, проникнуть тѣмъ убѣжденіемъ, что лошадь проѣдетъ вездѣ, гдѣ пролѣзетъ воза. Когда мы перевалили на противоположный склонъ горы и увидѣли черезъ головы другихъ горъ стѣну Яйлы, пришлось спускаться по страшной крутизнѣ и по страшному косогору. Пѣшая тропинка была протоптана надъ цѣлою системою пропастей, которыми Чучель спускалась къ долинѣ. Какъ нарочно мы тутъ попали въ огромную отару овецъ, которыя, со страху, рассыпались кругомъ насъ и полились внизъ по зеленому скату, будто волпа. Отъ ихъ тревожнаго блѣянья и какого-то стихійнаго сплошнаго движенія еще болѣе кружилась голова.

Въ концѣ тропы на лѣсной полянкѣ мы вѣхали въ пестрое становище татаръ; арбы были распряжены, грудки дымились, женщины, дѣти въ цвѣтныхъ нарядахъ копошились вокругъ котловъ. Татары тоже возвращались изъ Козьмодемьянскаго монастыря. Эти магометане почитаютъ священный источникъ христіанъ съ такою же дѣтскою искренностью и суевѣріемъ, какъ и пилигримы нашего простонародья. Всякому младенчеству духу свойственно религиозное благоговѣніе передъ силами природы, проявляющими себя въ опредѣленной, для всѣхъ осязательной формѣ. Это мистическое отношеніе человека къ природѣ предшествуетъ всѣмъ историческимъ обособленіямъ, всѣмъ различіямъ вѣроученій. Но въ данномъ случаѣ это и серьезный историческій фактъ. Горный татаринъ Крыма, омусульманившійся потомокъ христіанскихъ колонистовъ Крыма, грековъ, итальянцевъ, готовъ—онъ почитаетъ древнѣйшія христіанскія святыни Крыма и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, какъ реликвию своей собственной исторіи.

Страствованіе по склонамъ Чучель-горы разбудило во мнѣ воспоминанія недавняго прошлаго, когда я наслаждался на этой же самой горѣ красотою совершенно оригинальною. Не думаю, чтобы многимъ изъ моихъ читателей удалось послушать *рева оленей*. Въ концѣ сентября, около полнолуія,—пора спариванья для крымскихъ оленей. Олени въ лѣтнее время и безъ того держатся въ малодоступныхъ поясахъ крымскихъ горъ, но въ эпоху своей любви они забираются въ такія дебри, куда не

всякій въ состояніи слѣдовать за ними. Глубокія лѣсныя пропасти между Бабучанъ-Яйлою, Чучелью, Синабдагомъ, — одинъ изъ любимыхъ притоновъ оленя. Когда совсѣмъ стемнѣло, наша партія охотниковъ побинула домикъ чучельскаго лѣсника и въ глубокой тишинѣ отправилась на вершину Чучели. Лѣсникъ велъ насъ черезъ лѣсъ ему одному вѣдомыми тропинками; подъемъ по известковымъ обрывамъ на вершину Чучели опасенъ и днемъ; ночью онъ дѣлался крайне серьезнымъ. Ружья, охотничьи снаряды и теплыя платья для ночлега въ облакахъ — много затрудняли нашъ мучительный подъемъ. Хорошо еще, что ночная темнота не давала намъ ясно видѣть тѣ черныя бездны, надъ которыми мы карабкались. Поминутно камни срывались изъ-подъ ногъ и летѣли, летѣли внизъ, пробуждая одно за однимъ эхо пропастей. При роковомъ шумѣ этихъ камней вся партія охотниковъ, расползшихся какъ муравьи по утесистому склону, внезапно останавливалась и настораживала уши: «упалъ кто?» безпокойно спрашивалъ среди глубокой тишины чей-нибудь сдержанный голосъ. Вопросъ передавался зловѣщимъ шопотомъ отъ одного къ другому, и всякій съ смущеннымъ чувствомъ оглядывался на черную бездну лѣсовъ, зіявшую у самыхъ ногъ. Взглянешь навверхъ, а тамъ все бѣлая стѣна, круче, да круче.

За то сверху открылась поистинѣ волшебная панорама. Полный мѣсяцъ всплывалъ на небо вмѣстѣ съ нами, и когда мы сидѣли на бѣлыхъ утесахъ Чучели, горы уже не загораживали его больше, и онъ свѣтилъ уже довольно высоко. Вся страна горъ лежала у нашихъ ногъ окаменѣвшими волнами, уходившими изъ глазъ; ея лѣсные хребты переливались серебристымъ туманомъ, и кромѣ этого моря горъ да синяго звѣзднаго неба крымской ночи мы не видали ничего. Бѣлые утесы Чучели и чернѣвшія на нихъ живописныя фигуры притаившихся охотниковъ, бросавшія странныя тѣни, составляли поразительный первый планъ для этой заоблачной картины.

Вдругъ, напротивъ насъ, въ одномъ изъ лѣсныхъ ущелій Бабучала загудѣлъ какой-то богатырскій рогъ. Все сильнѣе и шире разливались его воинственные звуки, подхватываемые въ нѣсколько пріемовъ эхомъ горныхъ пропастей. Въ холодномъ рѣдкомъ воздухѣ заоблачнаго царства раскаты этого волшебнаго рога раздавались какъ удары грома. Это ревѣлъ олень. Въ ревѣ его тяжелое густое мычанье быка смѣшивается съ угрожающимъ рыканьемъ дикаго звѣря. Не успѣли стихнуть раскаты этого рева, какъ совершенно въ другой сторонѣ, изъ пропастей, окружающихъ пирамиду Черной Горы, ему отвѣтилъ другой ревъ, такой

же бѣшеный, такой же громовой. Не понимаю, откуда брались эти могучіе львиные звуки у кроткаго звѣря, который приучилъ насъ только любоваться своею красотою и статностью. Къ двумъ голосамъ скоро присоединился третій, еще и еще... Каждое ущелье отозвалось на вызовъ, вездѣ сказали себя его богатые обитатели. Казалось, какой-нибудь грозный властитель лѣсныхъ дебрей вызывалъ на бой противниковъ-сосѣдей, и они отвѣчали ему изъ своихъ замковъ угрожающими звуками боевого рога. Вотъ звуки эти сходятся все ближе; самцы-соперники почуяли другъ друга и пошли на роковой поединокъ. Лѣсъ трещитъ такъ близко вокругъ насъ, мѣрные шаги копытъ раздаются такъ явственно, многіе изъ насъ, позабывъ осторожность, приподнимаются выслѣживать звѣря; онъ появляется иногда на открытыхъ мѣстахъ и вырѣзается на фонѣ мѣсячнаго неба; тогда бываетъ возможно попробовать счастья. Шаги стихли; олень почуялъ насъ и остановился. Намъ неудалось видѣть на пикѣ утеса его живого изваянья. Олень сталъ ломиться въ другую сторону, и шаги его врага повернули къ нему. Рсѣвъ, затихшій на нѣсколько минутъ, вдругъ раздался неистовый, оглушающій. Рогачи увидѣли другъ друга. Мы ясно слышали стукъ вѣтвистыхъ роговъ, сдѣпившихся вмѣстѣ, бѣшеное мычаніе, трескъ ломающихся кругомъ сучьевъ и немолчный топотъ передвигающихся ногъ. То начался поединокъ.

Всю ночь до свѣта продолжался оленій концертъ. Онъ ублаживалъ насъ на нашихъ ложахъ изъ сухого листа вокругъ разложеннаго костра.

Бѣзиръ въ своемъ татарскомъ упорствѣ затащилъ насъ понапрасну на такую высоту, что теперь приходится спускаться въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Спускаться въ Савлухъ-Су, который всѣ видятъ обыкновенно подъ облаками и даже за облаками, къ которому до сихъ поръ всѣмъ приходилось подниматься съ большимъ трудомъ! Послѣдній спускъ—какая-то адская воронка. Если мы не сломаемъ головы, то это будетъ большое чудо. У самыхъ хладнокровныхъ захватываетъ духъ при взглядѣ на страшную кручу, по откосу которой мы должны спускаться винтовою линіею внизъ. Отъ проливныхъ дождей лѣсной черноземъ ползетъ подъ копытами, и на каждомъ шагу поваленныя деревья преграждаютъ нашу тропу. Попробовали спѣшиться, чтобы голова не такъ кружилась и лѣзть внизъ было легче. Но только насъ двое имѣли настолько силы и привычки, чтобы кое-какъ двигаться по ползучей почвѣ горъ. Остальные попадали съ первыхъ же шаговъ, и волей-неволей вскарабкались опять на несчастныхъ лошадей. Страшнѣе и жал-

че всего было смотрѣть на бѣдную нашу амазонку, которая сидѣла бѣлая какъ платокъ, недвижимая и безмолвная, будто окаменѣвшая на своемъ сѣдлѣ. Умная лошадь ея потеряла всякую надежду на свои ноги, и въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ просто скользила на своихъ плоскихъ подковахъ какъ на салазкахъ, собравъ почти вмѣстѣ всѣ четыре ноги свои. У насъ, слѣдовавшихъ прямо за нею, сердце замирало отъ страху при этихъ рискованныхъ глisaдахъ. Какъ нарочно, совсѣмъ стемнѣло, и минуты казались часами. Все глубже и уже дѣлается страшная воронка, все темнѣе въ лѣсу кругомъ насъ, все безнадежнѣе дѣлается на душѣ. Но никто не произносить слова, не слышно ни одной укоризны Бѣкиру или чобаненку; всѣ мысли и чувства устремлены на эту черную пасть, которая поглощала насъ, и въ которой мы порой серьезно готовились погибнуть. Внизу, на днѣ воронки, сверкнули съвозъ чащу лѣса красные огоньки. — «Савлухъ-Су! пришли!» не своимъ голосомъ вскричалъ Бѣкиръ.

Козьмодемьянскій монастырь лѣпится по террасамъ крутой горы вокругъ источника св. Козьмы и Демьяна, который татары называютъ Савлухъ-Су. Въ монастырѣ уже спали и только въ кельи настоятеля былъ огонь. Мы потому спѣшили попасть въ Савлухъ-Су въ этотъ день, что 1-го іюля былъ храмовой праздникъ монастыря, и можно было рассчитывать, что, по случаю прилива богомольцевъ, въ монастырѣ можно будетъ поѣсть и отдохнуть. Обыкновенно же въ этомъ заоблачномъ скитѣ трудно найти что-нибудь кромѣ кружки молока. Въ этомъ возвышенномъ горномъ поясѣ невозможно воздѣлывать даже огородной овощи; а зимою снѣга до такой степени заносятъ монастырекъ и всѣ подступы къ нему, что иногда по нѣсколькимъ недѣль онъ остается безъ сообщеній съ міромъ, погребенный подъ сугробами. Когда жители сосѣднихъ долинъ замѣтятъ, что уже давно не проѣзжаетъ изъ скита верховой монахъ за покупками въ городъ, поднимается тревога и идутъ съ лопатами отвѣпывать монастырь, освѣдомиться, цѣль ли онъ.

Наши надежды были совершенно разрушены. Настоятель объявилъ, что богомольцы разошлись скоро послѣ обѣдни, что не осталось никакой провизіи, и что врядъ ли мы захотимъ вочевать въ монастырской гостинницѣ, въ которой нижній этажъ залитъ водою, а верхній почти не отдѣланъ. Настоятель предлагалъ намъ свою маленькую келію, пропитанную запахомъ свѣчей, постнаго масла и какихъ-то сухихъ травъ, но самъ же предупредилъ, что въ ней страшное множество насѣкомыхъ. Мы

рѣшились помѣститься въ сырой непріютной гостинницѣ. Попросили сѣна на постели и лошадамъ; сѣна не было. Ячменю и овса тоже не было. Голыя узенькія лавки были единственнымъ ложемъ для насъ. — Нельзя ли чего-нибудь сварить? — «Сварить нечего, да и поваръ-монахъ спитъ давно, монахи очень утомились за праздникъ». Кое-какъ раздули самоваръ. Согреѣться необходимо, всѣ промокли насквозь. Плащи, бурки, хоть выжми. На чемъ спать, чѣмъ укрыться? Наконецъ появилось человѣка три сонныхъ монаховъ. Поваръ взялся сготовить кое-что изъ бывшей съ нами провизіи, и заставилъ насъ надѣяться и вѣрить въ продолженіе 1½ часовъ. Но когда онъ принесъ то, что называлъ супомъ и макаронами, мы сразу убѣдились въ тщетѣ своихъ надеждъ и своей вѣры. Почтенный инокъ судилъ о нашемъ вкусѣ по своему собственному и обратилъ и супъ, и макароны въ кашпицу изъ лука. Какъ ни силенъ былъ голодъ, мы поблагодарили монастырскаго артиста и возвратили ему непочатыми его вонючія блюда. Другіе монахи, видя наше затрудненіе насчетъ постелей, безъ дальнихъ думъ и церемоній, разоблачились изъ своихъ ватопныхъ рясъ и разложили ихъ по лавкамъ вмѣсто тюфяковъ; сами они остались въ одномъ бѣльѣ, нисколько не конфузясь, какъ и подобало отшельникамъ, умерщвляющимъ земныя страсти. Кое-какъ замаскировали чистыми простынями подозрительныя одежды черноризцевъ; кое-какъ размѣстились на своихъ прокустовыхъ ложахъ; веселый хохотъ обуялъ всю компанію, и неистощимыя остроты на счетъ нашего комическаго положенія посыпались отъ насъ же самихъ. Но спать было рѣшительно нельзя, несмотря на всю усталость. Мириады насѣкомыхъ кишѣли на насъ, на лавкахъ, на стѣнахъ. Всякій изъ насъ испытывалъ страданія Гулливера, атакуемаго стрѣлами липутовъ. Малодушный человѣкъ пришелъ бы въ совершенное отчаяніе отъ этого гнуснаго мучительства.

Всѣ прелести Козмодемьянскаго скита были потеряны для насъ послѣ таковой ночи. Утро было къ тому же сырое, вѣтренное, облака едва расплзались, и никакой перспективы не было видно изъ-за этихъ колыхавшихся темныхъ лѣсовъ. Мы все-таки рѣшились познакомиться со святымъ ключомъ, и храбрецы опустились въ его 4-хъ-градусную воду. Холодъ невыносимый; едва высочили. Хорошо еще, что пришлось сейчасъ же подниматься на крутизны самаго возвышеннаго изъ всѣхъ пунктовъ Яйлы — на Бабуганъ-Яйлу, составляющую крайній уголь хребта Яйлы съ востока. Этотъ многочасовой подъемъ согрѣлъ не однихъ лошадей. На Бабуганѣ едва не попались въ гущу облаковъ. Сдѣлалось вдругъ бѣло и непрозрачно, словно мы влѣзли въ кубанъ молока. Бѣкирь сильно струсилъ, но, къ счастью нашему, вѣтеръ

пронесъ облака вдоль по хребту. Мы въ эту минуту были какъ разъ на южномъ краю хребта, готовые начать спускъ. Когда клубы облаковъ вдругъ смахнулись, какъ ненужная декорация на сценѣ театра, у нашихъ ногъ, глубоко внизу, широкимъ и далекимъ горизонтомъ, неожиданно улыбнулось намъ море такой яркой и веселой лазури, какую рѣдко приходится видѣть. Южный берегъ лежалъ у нашихъ ногъ со своими бѣлыми домиками и стройными кипарисами, со всею роскошью своихъ красокъ и очертаній. Онъ казался вдвое милѣе, вдвое дороже послѣ нѣсколькихъ сутокъ разлуки, какъ кажется милѣе и дороже по возвращеніи красота любимой женщины, ненадолго покинутой.

Мы стали спускаться. Теплый воздухъ, насыщенный ароматами южныхъ травъ, вѣялъ намъ въ лицо. Сердце чувствовало, что оно вступало въ иной, лучшій міръ, гдѣ солнце жарче, гдѣ краски ярче, плодъ слаще, воздухъ нѣжнѣе и душистѣе, жизнь счастливѣе. Этотъ переходъ отъ горъ къ южному берегу всегда поразителенъ. словно, переѣхавъ извѣстную черту, вы отворили дверь спертой комнаты и вышли на свѣжій воздухъ, въ широкій міръ Божій.

Какъ по ступенямъ съѣзжали мы изъ одного горнаго пояса въ другой, и новыя поселенія, новыя перспективы открывались кругомъ. Глазъ съ наслажденіемъ слѣдилъ за развертывавшимися вдали линіями берега, за этими давно знакомыми мысами и заливчиками, у которыхъ кончался нашъ путь. Мы поздно съѣхали на южнобережное шоссе и дали себѣ вздохнуть въ веселой скачкѣ по его гладкому полотну. Было уже совсѣмъ темно, когда роскошный паркъ Никитскаго сада принялъ насъ подъ фантастическія сѣни своихъ тропическихъ деревьевъ, въ ароматную атмосферу своихъ теплицъ и цвѣтниковъ, наполненную журчаньемъ фонтановъ.

Вотъ свернули сквозъ Магарачскій лѣсъ огоньки нашей дачи, притаившейся у спящаго моря. Копыта звучатъ по камнямъ морского берега... Бѣлая женская фигура вырѣзается среди кипарисовъ, заслоняющихъ освѣщенный балконъ.

Хорошо странствовать по глухимъ лѣснымъ оврагамъ, терпя лишения и труды, наслаждаясь привольною жизнью горца и изслѣдуя тайны погибшихъ временъ; но еще отраднѣе, послѣ своей семидневной Одиссеи, завидѣть наконецъ огонь родного очага.

Евгѣній Марковъ.

Симферополь.

С О Н Ъ

СРЕДНЕВѢКОВАЯ ЛЕГЕНДА.

Изъ Гейне.

Мнѣ снилася лѣтняя ночь, и луна
Свѣтила съ небесной вершины;
Лежали, въ ея серебристыхъ лучахъ,
Временъ «возрожденья» руины.

Въ далекое небо обломки колоннъ
Смотрѣли — и горды, и смѣлы,
Какъ будто съ собой вызывали на бой
Громовыя страшныя стрѣлы.

Валялись остатки разбитыхъ фигуръ —
Центавры, сатиры, химеры,
Гдѣ звѣрь съ человѣкомъ былъ смѣшанъ совсѣмъ
Въ издѣльяхъ азмической вѣры.

Средь этихъ развалинъ стоялъ саркофагъ,
Весь цѣлый, работы искусной, —
И въ мраморномъ гробѣ мертвецъ почивалъ
Съ улыбкой болѣзненно-грустной.

И, шею согнувши, казалось, съ трудомъ
Тотъ гробъ карьятиды держали;
Чудесной рѣзбой барельефы его
Съ обѣихъ сторонъ украшали.

Тутъ были представлены: пышный Олимпъ
И боги въ утѣхахъ любовныхъ;
И первые люди; прикрылись они
Повязкой изъ листьевъ смоковыхъ.

Вотъ взятіе Трои, Елена, Парисъ;
Вотъ Гекторъ убитый, несчастный;
А тамъ—Моисей съ Аарономъ, Юдиѣ
И съ ней Олофернъ сладострастный.

Вотъ дама Венера, и Фебъ, и Амуръ,
Вулканъ и угрюмый богъ ада,
Съ женой Прозерпиной; Меркурій, Пріапъ
И Бахусъ среди винограда;

Ослица за нимъ Валаама стоитъ;
Я могъ бы еще любоваться
На древняго Лота и дочерей его,
Любившихъ всегда красоваться.

Преждъ Иродомъ тутъ же плясала жена
Съ главою Крестителя. Рядомъ
Святой Петръ Апостолъ со связкой ключей
Стоялъ надъ бунтующимъ адомъ.

Вотъ мчится Діана-охотница въ лѣсъ;
Ей слѣдуютъ нимфы. Вотъ жалкій
Влюбленный герой-полубогъ Геркулесъ
Сидитъ въ женской юбкѣ за прalkой.

И тутъ же видѣлся Синай; у горы
Израиль съ своими шатрами;
А вотъ и Младенецъ бесѣду ведетъ
Съ толпой фарисеевъ во храмѣ....

Изящество грековъ и строгая мысль
Евреевъ здѣсь странно смѣшались,—
И, какъ арабесками, дикимъ плющемъ
Фигуры боговъ украшались.

На нихъ я задумчиво, тихо смотрѣлъ,
И вдругъ мнѣ представилось, что же?—

Представилось, будто я самъ тотъ мертвецъ,
Лежащій на мраморномъ ложѣ.

Въ главахъ у меня находился цвѣтокъ.
Онъ выросъ злодѣйства уликой;
Какъ желтая сѣра листочки его
Исполнены прелести дикой.

Въ народѣ зовется онъ «цвѣтомъ страстей»;
Онъ взросъ на Голгоѣ въ ту пору,
Когда для спасенія міра текла
Кровь Бога на страшную гору.

Народъ говоритъ, что онъ выросъ затѣмъ,
Чтобъ быть постоянной уликой
Для тѣхъ палачей, отъ которыхъ погибъ
Невинно Страдалецъ великій.

И всѣ отразились въ головкѣ цвѣтка
Орудія пытки Христовой:
И молотъ, и гвозди, и крестъ, и вѣнецъ
Колочій изъ вѣтви терповой....

Такой-то цвѣтокъ падо мною стоялъ
И, къ трупѣ склонившись, средь ночи,
Какъ женщина, страстно меня лобызала
Въ уста и въ закрытыя очи.

О, сонъ мой волшебный!... Увидѣлъ я вдругъ,
Вкушая покой безмятежный,
Что желтый, какъ сѣра, цвѣточикъ страстей
Сталъ женщиной милой и нѣжной.

Дитя дорогое! тебя я узналъ
По ласкамъ, по страсти могучей:
Такъ нѣжно не можетъ цвѣтокъ цѣловать,
Такъ слезы цвѣточка не жгучи!

Глаза мои были закрыты, но я
Душою смотрѣлъ со вниманьемъ,—
И ты мнѣ смотрѣла, съ восторгомъ, въ лицо,
Одѣтая луннымъ сіяньемъ.

Мы оба молчали; лишь сердцемъ однимъ
 Съ тобой говорилъ я сквозь слёзы:
 Оно понимало, малютка, твои
 Безмолвныя тайныя грёзы.

Нѣмая бесѣда!... Какъ время летить
 Въ бесѣдѣ столь нѣжной и странной,
 Во снѣ лѣтней ночи прозрачной, святой,
 Изъ нѣги и страсти сотванной!

О чемъ мы тогда говорили? Молчи,
 Не спрашивай, другъ мой, объ этомъ!
 Спроси свѣтлая, что онъ свѣтитъ въ травѣ?
 Къ волнамъ обратись за отвѣтомъ:

Зачѣмъ эти волны въ потокѣ бѣгутъ?
 Зачѣмъ вѣтерокъ все порхаетъ?
 Зачѣмъ онъ, весною, шумить на зарѣ
 И будто о чемъ-то вздыхаетъ?

Спроси у алмаза, зачѣмъ онъ блеститъ?
 Зачѣмъ льютъ цвѣты ароматы?—
 Но что говорили мертвецъ и цвѣтокъ,
 Не спрашивай, другъ, никогда ты!

• Не знаю, какъ долго лежалъ я, мертвецъ,
 И грезилъ въ гробницѣ прохладной.
 Увы! улетѣлъ отъ меня наконецъ
 Покой безмятежно-отрадный....

О, смерть! только ты намъ отраду даришь:
 Въ могилѣ нѣтъ бурь и ненастья;
 А грубая, пошлая жизнь выдаетъ
 За благо — порывъ сладострастья....

Навѣки исчезло блаженство мое:
 Внезапно шумъ страшный раздался,
 Услышалъ я брань и неистовый крикъ,—
 И шума цвѣтокъ испугался.

• Снаружи кипѣлъ самый бѣшеный споръ;
 Въ немъ слышалась злая отвага.

Я въ звукахъ нестройныхъ узнать голоса
Фигуръ моего саркофага.

Увы! заблужденія древнихъ вѣковъ
И въ самыхъ камняхъ сохранились:
Фигуры изъ мрамора споры вели
И грозно другъ съ другомъ бранились....

Тотъ споръ безконеченъ: борьба красоты
И истины вѣчно продлится;
На лагерь Эллады и варварскій станъ
Весь міръ будетъ вѣчно дѣлиться....

Казалось, что спору не будетъ конца;
Кричали всѣ въ бѣшенствѣ дивомъ,
Но вотъ Валаама ослица какъ тутъ,—
И споръ заглушила вдругъ крикомъ.

И этотъ жестокий пронзительный крикъ
Былъ страшенъ—я весь содрогнулся,
И ужасъ смертельный мнѣ въ сердце проникъ,
Я самъ закричалъ.... и проснулся.

Л. ТРЕПОЛЕВЪ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

ДО ГРАФА ПРОТАСОВА.

Воспоминанія.

Въ концѣ пятидесятихъ и въ большей части шестидесятихъ годовъ наша литература усиленно нападала на духовно-учебныя заведенія, описывая вкоренившіеся въ нихъ недостатки и злоупотребленія. Изъ всѣхъ статей, статейекъ, разсуждавшихъ такъ или иначе объ этомъ предметѣ, можно бы составить порядочную коллекцію книгъ. Но почему-то литература, такъ беспощадно бичевавшая семинаріи и низшія училища, касалась духовныхъ академій небольшими статейками и легкими замѣтками; подробнаго же, сколько-нибудь обстоятельнаго описанія ихъ внутренней жизни не было. Между тѣмъ академіи слѣдовало бы поставить на первомъ планѣ, потому что въ нихъ получали воспитаніе и извѣстнаго рода настроеніе тѣ люди, которые были единственными дѣятелями въ семинаріяхъ, и кромѣ того непосредственно или посредственно имѣли вліяніе на низшія духовныя училища. Теперь духовныя академіи уже преобразованы; прежнимъ ихъ порядкамъ *пропѣта*, такъ сказать, *вѣчная память*, и онѣ обратились въ «дѣла минувшихъ дней, преданье старины глубокой», — такъ непохожъ нынѣшній ихъ порядокъ на порядки недавно минувшіе. Но послѣ смерти людей пишутся не одни некрологи,

а и біографіи ихъ. Почему же не сдѣлать того же самого относительно духовныхъ академій? За полную ихъ біографію я не берусь; но отрывки изъ нея не только хотъ отчасти прояснятъ главнѣйшія причины того безотраднaго положенія, въ которомъ такъ недавно находились среднія и низшія духовно-учебныя заведенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, укажутъ на то, чего слѣдуетъ избѣгать, чтобы преобразованныя академіи мало-по-малу не обратились, какъ говорится, вспять. Въ этой статьѣ описывается петербургская духовная академія въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась въ десятилѣтній почти періодъ времени, предшествовавшій оберъ-прокурорству графа Протасова; но по мѣстамъ придется дѣлать указанія и на другія времена, и на прочія академіи.

I.

Чѣмъ были духовныя академіи въ прежнія времена?

Если бы принято было называть учебныя заведенія по тому сословію, къ которому принадлежатъ ихъ начальники, то духовныя академіи въ описываемое мною время слѣдовало бы величать *монашескими училищами*. Хотя на основаніи устава ректорами въ нихъ могли быть лица не одного чернаго, но и бѣлаго духовенства, впрочемъ на самомъ дѣлѣ съ 1808-го до 1862-го г. во всѣхъ академіяхъ ректорствовали одни монахи. Если бы іерархамъ, особенно тѣмъ, которые управляли духовно-учебными заведеніями въ царствованіе императора Николая, кто-нибудь вздумалъ сказать, что вотъ-де хорошо было бы въ такую-то духовную академію назначить ректоромъ такого-то заслуженнаго, ученаго и опытнаго протоіерея, то, можетъ быть, его не сочли еретикомъ, но заподозрили бы въ вольнодумствѣ. Въ петербургской, московской и кievской духовныхъ академіяхъ очень долго (по 20—35-ти лѣтъ) состояли на службѣ профессорами протоіереи Павскій, Кочетовъ, Голубинскій, Делицынъ и Скворцовъ, а между тѣмъ никто и не заикался о томъ, чтобы кого-нибудь изъ нихъ сдѣлать ректоромъ академіи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ Делицынъ. Онъ служилъ въ московской духовной академіи наставникомъ 45 лѣтъ, пользовался славой не только хорошаго профессора, но и дѣловаго, ученаго человѣка, а между тѣмъ имѣлъ начальниками семь своихъ академическихъ учениковъ. Изъ нихъ архимандриты Сергій Ляпидевскій и Савва Тихомировъ

были еще младенцами, когда Делицынъ уже занималъ должность ординарнаго профессора академіи. Даже рѣшившись, въ 1863-мъ г., опредѣлить ректоромъ академіи не-монаха, избрали, такъ сказать, полумонаха, т.-е. протоіерея, не вступавшаго въ бракъ; прямо шагнуть не осмѣлились,—сдѣлали нѣчто въ родѣ половины шага, и остановились пока на лицѣ, которое составляетъ нѣчто въ родѣ перехода отъ монаха къ женатому священнику, отъ чернаго къ бѣлому духовенству.

Относительно инспекторовъ академіи прежній уставъ былъ очень либераленъ; онъ позволялъ избирать ихъ даже изъ свѣтскихъ наставниковъ; но несмотря на это, до конца шестидесятыхъ годовъ инспекторствовали только монахи. Замѣчательнѣе всего въ этомъ случаѣ было то обстоятельство, что даже временное, на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, исправленіе должности инспекторской поручали какому-либо бакалавру-монаху, едва кончившему курсъ, но никакъ не свѣтскому профессору; точно какъ будто боялись, какъ бы не осквернить должности прикосновеніемъ къ ней мірянина. Только въ 1842-мъ г. петербургская духовная академія какимъ-то образомъ на нѣсколько мѣсяцевъ поручила исправленіе инспекторской должности свѣтскому профессору. Но когда онъ въ первый разъ явился къ митрополиту Серафиму съ рапортомъ о благосостояніи академіи, то старецъ не могъ скрыть своего изумленія. На вопросъ митрополита: — Что вы скажете? профессоръ началъ на словахъ рапортовать: — *Честъ имѣю донести* и пр. — «Что...о...о?» отвѣтилъ митрополитъ, и услышавъ вновь рапортъ, сказалъ: «Да вы кто таковы?» — «Исправляющій должность инспектора академіи...» — «Какъ? Исправляющій должность инспектора академіи?! Вѣдь инспекторы въ академіи всегда монахи, а вы-то что?» — «Я не инспекторъ, а только исправляющій должность...» — «Да вѣдь это все равно; вѣдь все-таки вы теперь инспекторъ. Какъ же это такъ? Вѣдь инспекторы все были монахи.» — «Ваше в—во, исправленіе инспекторской должности поручено мнѣ съ вашего соизволенія». Вспомнилъ ли тутъ митрополитъ о томъ, что самъ далъ это соизволеніе, или нашелъ достаточнымъ намекъ на отступленіе отъ утвердившагося обычая, только сказалъ: «да, да; — такъ что же вы говорите?» И послѣ, пока профессоръ исправлялъ должность инспектора, старецъ не одинъ разъ заводилъ разговоръ въ томъ же тонѣ: такъ крѣпко въ немъ утвердилось убѣжденіе, что инспекторскую должность даже на короткое время слѣдуетъ поручать только однимъ монашествующимъ лицамъ!

Наконецъ, третьимъ членомъ внутренняго правленія академіи былъ еще экономя, неимѣвшій никакого вліянія на управленіе

ею. На эту должность уже, кажется, вовсе не кстати опредѣлять монаха. Даже священнику не во всѣхъ случаяхъ удобно исполнять ее. А между тѣмъ почти всегда академическіе экономы были непремѣнно изъ монашествующихъ лицъ; только петербургская академія въ этомъ случаѣ издавна либеральничала. Итакъ, по всей справедливости духовныя академіи по отношенію къ ихъ начальству могли называться *монашескими* учебными заведеніями.

Но еще съ большею справедливостію ихъ слѣдовало бы называть *ректорскими*. Конечно, по уставу ректоръ не былъ неограниченнымъ, единственнымъ начальникомъ академіи; въ ней были два правленія: — *внутреннее*, завѣдывавшее дѣлами самой академіи, и *внѣшнее*, управлявшее извѣстнымъ числомъ семинарій, и кромѣ нихъ еще *конференція*. Въ первомъ числилось три члена, во второмъ не менѣе четырехъ, а въ третьей даже до шестнадцати, и всѣ дѣла должны были рѣшаться въ нихъ по большинству голосовъ; ректоръ имѣлъ два голоса только въ случаѣ равенства голосовъ. Но на самомъ дѣлѣ этого почти не было. Засѣданія существовали только на бумагѣ; обыкновенно секретарь являлся къ ректору съ дѣлами и получалъ отъ него приказъ или наставленіе, какъ рѣшать ихъ; затѣмъ составлялись журналы и для подписи разсылались членамъ по квартирамъ, или приносились имъ въ классъ во время лекцій; а иногда безъ церемоніи гг. члены приглашались въ правленіе, гдѣ имъ и предлагали подписаться подъ статьями журналовъ, касавшихся дѣлъ, о которыхъ они никогда не разсуждали, а часто и не слышали. Разумѣется, ректору нельзя было не посовѣтоваться съ инспекторомъ и экономомъ по дѣламъ, относящимся къ ихъ должностямъ. Но это зависѣло отъ доброй воли его; онъ могъ, если имѣлъ смѣлость, дѣлать и тутъ все, что ему вздумается. Во внутреннемъ правленіи засѣданія бывали для однихъ торговъ на какіе-либо матеріалы или съѣстные припасы, нужные для академіи. Даже конференція собиралась почти только для составленія разрядныхъ списковъ при окончаніи двухгодичнаго курса. Какъ же послѣ этого не называть прежнихъ духовныхъ академій *ректорскими* или, полнѣе, *монашески-ректорскими* учебными заведеніями? Вотъ почему и я не могу начать описанія петербургской духовной академіи безъ того, чтобы не сказать о личности ректоровъ, управлявшихъ ею въ послѣднее десятилѣтіе предъ назначеніемъ графа Протасова оберъ-прокуроромъ св. синода. Это были: *Іоаннъ Доброзраковъ*, *Смарагдъ Крыжановскій*, *Венедиктъ Григоровичъ* и *Виталій Щепетевъ*.

II.

Четыре ректора, управлявшіе петербургской духовной академіей съ 1826-го по 1836-й годъ.

Несмотря на то, что четыре ректора различались между собою по характеру и взгляду на свою должность, у нихъ была одна слабость, впрочемъ общая всѣмъ тогдашнимъ ректорамъ не только академій, но и семинарій. Каждый изъ нихъ получалъ такое жалованье, которое при тогдашнихъ цѣнахъ на жизненные припасы, при казенныхъ квартирахъ, отопленіи и экипажѣ, не могло считаться недостаточнымъ даже для семейнаго человѣка. Затѣмъ, развѣ рѣдкій изъ нихъ не былъ настоятелемъ монастыря, по большей части богатаго. Прибавьте къ этому, что всѣ отцы-ректоры были люди не-семейные, давшіе обѣтъ нищеты. Кажется, вовсе нельзя предполагать, чтобы они, такъ хорошо обезпеченные, не могли защитить себя отъ слабости—усиливать свои финансовыя средства. А между тѣмъ никто изъ нихъ, кромѣ развѣ ничтожныхъ исключеній, не умѣлъ побѣдить въ себѣ эту слабость. Даже ректоры петербургской духовной академіи, получавшіе всего до 10.000 руб. ассигн. жалованья и доходовъ отъ редакціи журнала «Христіанское чтеніе», были ей наравнѣ съ прочими подвержены; надобно думать, что слабость или, лучше, болѣзнь эта по своей заразительности была опаснѣе чумы и холеры.

Отцы-ректоры очень хорошо знали, что настоятели монастырей имѣютъ право пользоваться отъ нихъ даровыми содержаніемъ, освѣщеніемъ и прислугою. Почему же духовныхъ академій и семинарій не представить себѣ тѣмъ-то въ родѣ иноческихъ обитателей и не пожелать, чтобы начальство ихъ получало отъ нихъ тѣ же хозяйственныя облегченія, какія имѣютъ настоятели монастырей? Вслѣдствіе таковаго рода разсужденій экономъ обязывался выдавать изъ казенныхъ денегъ жалованье всей ректорской прислугѣ; повара отправлялись въ кладовыя съ сѣбѣстными припасами для воспитанниковъ и оттуда брали *рукою-владыкой* все, что находили нужнымъ для стола своихъ господъ. Разумѣется, что если у ректора были два-три племянника, или братца, если поваръ хотѣлъ помочь *своимъ приснымъ* тѣмъ-либо изъ казенныхъ припасовъ, то кладовая не имѣла права входить въ какіе-либо придирчивые и мелочные разсчеты. Догадливые люди умѣли даже, *при сей вѣрной оказіи*, обнаруживать свои экономическіе таланты. Такъ, напр., уже въ шестидесятыхъ годахъ, когда начальникъ одной изъ подмосковныхъ семинарій отправился на чреду въ

Петербургъ, то въ его комнатахъ найдено было нѣсколько пудовъ стеариновыхъ свѣчъ, уэкономленныхъ имъ изъ числа тѣхъ, которыя экономя доставлялъ ему, по его же распоряженію, на счетъ казны.

И петербургская духовная академія, особенно въ началѣ описываемаго мною времени, не успѣла освободиться отъ подчиненія этимъ преданіямъ старины. Для ректора было нанимаемо казенныхъ служителей по 2 — 3 человѣка, а изъ припасовъ мука и крупа разныхъ наименованій, масло, хлѣбъ и пр. отпускались изъ кладовой, сколько требовалось по соображенію поваря. Нельзя было отказать въ такой же щедрости и другимъ лицамъ. Инспекторъ тоже имѣлъ двухъ человѣкъ казенной прислуги, даже у секретаря былъ одинъ служитель. Относительно же съѣстныхъ припасовъ дѣло мало-по-малу дошло до того, что ими даромъ пользовались даже холостые наставники, жившіе въ академическомъ корпусѣ. Расходы эти, можетъ быть, дошли бы Богъ-знаетъ до какихъ размѣровъ, если бы въ 1829-мъ году экономя іеромонахъ Геннадій не положилъ конца такому безцеремонному участию въ тратѣ казенныхъ припасовъ лицами, которыя обязаны были содержать себя на свой счетъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы даже самъ ректоръ платилъ за все, что отпускалось изъ студенческой кладовой для его стола. Но прислуга ректора и инспектора еще долго получала жалованье и содержаніе изъ академическихъ суммъ и запасовъ; уже при оберъ-прокурорѣ графѣ Протасовѣ кое-какъ ректоры и инспекторы *вынуждены были* нанимать и содержать прислугу на свой собственный счетъ. Къ числу нормальныхъ припадковъ описываемой мною слабости принадлежалъ также обычай угощать, во время экзаменовъ и при другихъ нѣкоторыхъ случаяхъ, гостей на казенный счетъ, но объ этомъ скажу я ниже. А теперь займусь специально характеристикою однихъ ректоровъ, начиная ее въ хронологическомъ порядкѣ съ Доброзракова.

Природа создала его для семейной, притомъ свѣтской жизни. Онъ имѣлъ живой, веселый, общительный характеръ, любилъ пошутить, поострить, даже *побалагурить*; шутки его были остроумны и большею частію весьма забавны, такъ что отъ нихъ смѣялся даже и тотъ, кого онъ касались. Но если разговоръ шелъ о нелюбимомъ имъ человѣкѣ, котораго между тѣмъ при немъ превозносили до небесъ, то онъ тутъ не выдерживалъ себя и высказывалъ очень злыя остроты. Такъ, однажды на официальномъ большомъ обѣдѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда какое-то свѣтское лицо принялось уже слишкомъ расхваливать московскаго митрополита Филарета (Дроздова), между прочимъ за его

постническую жизнь, то Доброзраковъ, бывший въ то время уже епископомъ, вслухъ всѣхъ сказалъ, намекая на его строгость: «да, преосвященный митрополитъ дѣйствительно за обѣдомъ довольствуется однимъ пискарикомъ; только потомъ всегда закусываетъ попомъ или дьякономъ». Далѣе, Доброзраковъ былъ необыкновенно ловокъ и развязенъ въ обращеніи съ людьми, отличный и неутомимый говорунъ, любилъ сидѣть и за зеленымъ столомъ, поиграть въ тогдашнюю модную игру, — въ бостонъ, поодушевить бесѣду хорошимъ виномъ, а въ пріятельскомъ кругу позволялъ себѣ и болѣе смѣлыя отступленія. Въ своей квартирѣ онъ былъ хлѣбосоломъ до расточительности; уйти отъ него съ веселой пирушки *не на-веселъ* было почти невозможно; это позволялось только одному протоіерею Павскому, котораго онъ уважалъ. Словомъ, это былъ весельчакъ, русскій *душа-человѣкъ*, французскій *bon-vivant*, хотѣлъ и умѣлъ *пожуривать*, наслаждаться жизнью и увлечь за собою тѣхъ, кто съ нимъ сближался. И во всемъ этомъ не было ничего тривіальнаго, такъ какъ природа снабдила его умомъ гибкимъ, оборотливымъ, и самъ онъ обогатилъ себя основательными и разнообразными свѣдѣніями. Прибавьте къ этому, что онъ былъ врагъ всякаго чванства и тщеславія, пріветливъ, снисходителенъ, даже любезенъ; съ кѣмъ, онъ успѣвалъ поговорить, тому трудно было на него сердиться. Можетъ быть, подъ старость онъ нѣсколько измѣнился, но я описываю его, чѣмъ онъ былъ въ молодыхъ и среднихъ годахъ.

Этотъ веселый человѣкъ, при окончаніи академическаго курса, былъ еще не Іоанномъ, а Михаиломъ Доброзраковымъ, и занималъ въ окончательномъ спискѣ № XI, не оставленъ при академіи бакалавромъ, а посланъ профессоромъ въ черниговскую семинарію. По всей вѣроятности, ему бы пришлось всю жизнь оставаться Михаиломъ Доброзраковымъ, если бы въ то время и даже послѣ того не было обыкновенія вызывать въ академію на бакалаврскія мѣста тѣхъ магистровъ, о желаніи которыхъ поступить въ монашество доходили извѣстія до ректора ея. При этомъ извѣстіи новый претендентъ на иноческую жизнь почему-то дѣлался вдругъ достойнымъ мѣста академическаго наставника. Доброзраковъ стоилъ этого мѣста и при окончаніи курса, но, по преданію, не получилъ его и занялъ въ спискѣ № XI, потому что его разбитной характеръ не подходилъ подъ господствовавшій тогда аскетическій тонъ въ академіи. Наскучивъ жить съ хохлами и не видя ничего привлекательнаго въ семинарской службѣ, Доброзраковъ въ 1819-мъ году воспользовался упомянутымъ случаемъ поступить въ академическіе наставники

и, какъ пишетъ г. Чистовичъ въ своей исторіи петербургской духовной академіи, вскорѣ затѣмъ постриженъ въ монашество и наименованъ Іоанномъ. Умственные его свѣдѣнія, умѣнье излагать ихъ съ наставнической кафедрой, ловкость въ обращеніи и нѣкоторая сдержанность въ поведеніи скоро подвинули его впередъ. Въ 1821-мъ году онъ былъ опредѣленъ инспекторомъ академіи, въ концѣ 1824-го года ректоромъ петербургской семинаріи, а въ началѣ 1826-го года уже и ректоромъ петербургской духовной академіи.

Любя свободу въ жизни и въ мысляхъ, Доброзраковъ и на послѣдней должности не любилъ слишкомъ много обременять себя административными заботами, по вмѣстѣ съ тѣмъ не стѣснялъ ни наставниковъ, ни студентовъ; только бы не было очень рѣзкихъ отступленій отъ введенныхъ порядковъ. Никакъ безусловно не одобряя такого образа дѣйствій, я скажу впрочемъ, что онъ при тогдашнемъ положеніи академіи принесъ немаловажную пользу. До Доброзракова академія, находясь подъ суровымъ аскетическимъ и монашески-деспотическимъ управленіемъ Филарета Дроздова и Григорія Постникова, начала-было принимать видъ какой-то полукаменщины. Монашествующимъ студентамъ отдавалось явное предпочтеніе предъ немонашествующими; большинство первыхъ выпускалось магистрами, или старшими кандидатами. Но при Доброзраковѣ это измѣнилось; напр., въ VII-мъ курсѣ магистровъ-монаховъ было четверо, или, лучше, трое, потому что Платонъ Городецкій поступилъ въ монашество спустя почти три года по окончаніи академическаго курса. Напротивъ, цѣлыхъ пять монаховъ явилось въ числѣ младшихъ кандидатовъ, а двое даже въ числѣ студентовъ (одинъ, впрочемъ, Іеремія Соловьевъ по собственному желанію). Отъ этого въ слѣдующемъ VIII-мъ курсѣ монашествующихъ студентовъ оказалось только три человека, но одинъ изъ нихъ и въ академію поступилъ монахомъ, а другой надѣлъ черную рясу, потому что захотѣлъ ѣхать въ Пекинъ въ составѣ нашей духовной миссіи.

Доброзракову, какъ ректору, нельзя было совсѣмъ не убѣждать студентовъ поступать въ монашество; иначе грозило неблаговоленіе высшихъ монашескихъ властей; но убѣжденія его въ этомъ случаѣ отличались оригинальностію. О спасеніи души, о высотѣ *атлетскаго чина* не было и помину. Полушутливымъ, полусерьезнымъ тономъ говорилось о выгодахъ быть ученымъ монахомъ;— «вѣдь скоро сдѣлаетесь инспекторомъ, ректоромъ, архіереємъ; житье будетъ славное, не то, что въ попахъ или въ наставникахъ семинарій». Не инспекторствуя тогда въ академіи Иннокентій Борисовъ, она, такъ сказать, *обезмонашествовала бы*.

Не принуждая студентовъ въ монашеству, Доброзраковъ былъ къ нимъ нисколько непридирчивъ, а очень снисходителенъ, чуть чуть не потачливъ. Разумѣется, что нельзя же было не дѣлать иногда взысканій, когда того настоятельно требовалъ инспекторъ; иначе, можетъ быть, пришлось бы, по пословицѣ, изъ академіи *всѣхъ святыхъ унести*. Было нѣсколько случаевъ, когда онъ самъ замѣчалъ какую-либо неисправность студента. Пожуривши его немного, онъ заключалъ свою рѣчь словами: «да смотрите, чтобы инспекторъ не узналъ о томъ»;—или: «смотрите, не показывайтесь инспектору». Однажды Иннокентій Борисовъ очень много жаловался на студентовъ. «Ну вотъ хорошо, отвѣчалъ ему Доброзраковъ; вотъ вы поѣдете на ревизію въ семинаріи; я самъ буду смотрѣть за ними». И дѣйствительно, по отъѣздѣ Борисова онъ призвалъ къ себѣ комнатныхъ старшихъ и сказалъ имъ, чтобы студенты вели себя какъ можно исправнѣе; онъ-де самъ будетъ смотрѣть за ними. Но студенты знали уже, какъ онъ смотритъ, и въ первый воскресный день почти всѣ ушли въ городъ. Доброзраковъ пошелъ на прогулку около той части дома, гдѣ помѣщались студенты; разумѣется, тишина тамъ была примѣрная. «Ну вотъ, инспекторъ вѣчно жалуется на студентовъ; я самъ ходилъ около ихъ комнатъ болѣе часу; такая у нихъ тишина, что какъ будто дома никого нѣтъ!»

Наконецъ и наставники при Доброзраковѣ могли вздохнуть по-свободнѣе. Ректоры Филаретъ Дроздовъ и Григорій Постниковъ старались подчинить, особенно холостяковъ, жившихъ въ академическомъ домѣ, почти той же самой дисциплинѣ, которой держались относительно студентовъ. Объ этомъ можно судить по слѣдующему разсказу, который мнѣ не разъ удавалось слышать отъ покойнаго профессора академіи и протоіерея Иванова, человѣка, какъ увидимъ ниже, вовсе неговорливаго. Слушая жалобы молодыхъ академическихъ наставниковъ на ректоровъ, покойникъ съ кроткою улыбкою говаривалъ: «жалуетесь вы на нынѣшнія времена! попробовали бы пожить при Филаретѣ и Григоріѣ; тогда бы перестали жаловаться. Отъ насъ, напр., требовали, чтобы мы непременно въ воскресные и праздничные дни были у всенощной и у обѣдни вмѣстѣ съ студентами. Всенощную тогда служили въ академическомъ залѣ. Тутъ ректоръ обыкновенно становился у стѣны близъ входной двери сзади всѣхъ, а мы, бакалавры, впереди его выстраивались въ одну линію. Такимъ образомъ, находясь предъ глазами его, мы не только не могли не придти въ залу, но и должны были показывать, что молимся Богу; иначе грозилъ выговоръ. Особенно доставалось намъ въ Духовъ день, когда всенощную служили въ шесть часовъ утра.

Мы чуть не всю ночь предъ этимъ проводили въ гостяхъ; но, несмотря на то, являлись въ залу и выстраивались впереди ректора; за то тутъ-то особенно и отличались своимъ богомольемъ: чтобы прогнать дремоту, которая насъ мучила, мы дѣлали частые поясные поклоны».

Равнымъ образомъ при Доброзраковѣ наставники позволяли себѣ говорить лекціи, не опасаясь, что имъ тотчасъ *зажмутъ ротъ* за всякое слово, которое можно заподозрить въ либерализмѣ. Если бы Иннокентій Борисовъ служилъ въ петербургской духовной академіи при другомъ какомъ-либо ректорѣ, то ему бы не удалось говорить тѣ воодушевленные и увлекательныя лекціи, которыми онъ отличался въ петербургской духовной академіи. Вообще надобно сказать, что съ ректорства Доброзракова эта академія приняла тотъ свободный, или полусвободный отѣнокъ, который въ ней замѣчали.

Но веселый, разбитной и безпечный характеръ Доброзракова имѣлъ дурное вліяніе на хозяйственное управленіе академіи. Почтенный отецъ-ректоръ не то, что былъ человѣкомъ злымъ и корыстолюбивымъ, который по предназначенному плану намѣренно изнуряетъ студентовъ дурною пищею и частью денегъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе, прибираетъ къ своимъ рукамъ—такія мысли не приходили ему въ голову; напротивъ, онъ былъ даже добрый человѣкъ и при случаѣ помогалъ студентамъ, давая имъ деньги *въ долгъ*, какъ говорится, *безъ отдачи*. За то, съ другой стороны, онъ не любилъ встрѣчать препятствія при удовлетвореніи своей наклонности къ самому расточительному и нерасчетливому образу жизни. Въ случаѣ такихъ препятствій когда своихъ средствъ не доставало, онъ обращался къ эконому, по пословицѣ: *вынь да положи деньги*, а тамъ самъ умѣй добыть ихъ безъ убытка себѣ.

Если представить себѣ, что эконому приходилось быть для своего начальника поставщикомъ не однихъ питій, но и всякихъ *снѣдѣй*, то рождается естественно вопросъ: откуда же эконому надобно было брать деньги для покрытія всѣхъ такихъ расходовъ, не входившихъ въ академическій бюджетъ? Опытные, *обстрѣленные* уже экономы знали, какъ дѣйствовать въ такихъ случаяхъ и не беспокоили своего начальника неумѣстными вопросами: *откуда взять деньги?* Но мой знакомый экономъ сначала оказался недогадливымъ и назойливымъ. Истративши уже не одну сотню рублей на разныя разности, которыя не слѣдовало записывать въ расходную книгу, онъ рѣшился сказать своему начальнику, что у него нѣтъ болѣе денегъ на такіе расходы. «Какъ? весело возразилъ начальникъ: *денегъ нѣтъ!*

денегъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! Ну, экономя, я думалъ, что ты парень умный; теперь вижу, что надобно поучить тебя уму-разуму. Есть ли у тебя знакомый кровельщикъ?» спросилъ онъ вдругъ эконома и, получивъ положительный отвѣтъ, сказалъ: «ну такъ вели ему прислать человѣкъ десять работниковъ съ молотками и разными инструментами. Пусть они стучать дней пять на кровлѣ и никому не даютъ покоя. А потомъ и подай записку о томъ, что, по случаю внезапно открывшейся течи, ты хозяйственнымъ образомъ поспѣшилъ исправить крышу и просишь выдать деньги кровельщику за работу, а купцу за желѣзо, гвозди, проволоку и пр. Вотъ тебѣ и деньги!» Все это было сказано полусмѣтою, полусерьезно: понимай какъ хочешь!

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что, безъ починки крыши, добываніе денегъ не могло не отзываться на студентскихъ желудкахъ. Доброзраковъ, повторяю, не былъ однако злымъ человекомъ и, будь лишнія деньги, позволилъ бы кормить студентовъ *до отвала*, какъ говорится; даже, пожалуй, поподчивалъ бы ихъ хоть шампанскимъ. Но къ несчастью онъ ставилъ свои, даже прихотливыя, потребности выше скромныхъ требованій студентскихъ желудковъ; а казенныхъ денегъ на всѣ и потребности, и требованія, не доставало, и потому пища у студентовъ, какъ увидимъ ниже, была очень неудовлетворительна, особенно въ постные дни. Но и относительно этого предмета Доброзраковъ иногда любилъ разыгрывать драматическія сцены, которыя впрочемъ отзывались уже вовсе негуманнымъ взглядомъ на нужды своихъ подчиненныхъ. Одинъ изъ студентовъ, называвшійся дежурнымъ старшимъ, долженъ былъ являться вечеромъ, послѣ ужина, къ ректору и докладывать ему не только о томъ, что *все хорошо*, но и о томъ, что есть кое-что дурное. Доброзраковъ, услышавъ, что пища «хороша», съ милою улыбкой говорилъ: «да, я знаю; тамъ все хорошо; ступайте съ Богомъ; спасибо вамъ!» Но если старшему припадала охота назвать пищу дурною, тогда начальникъ любилъ помѣщать свою особу на диванъ и подзывать къ себѣ любимца своего — кота-Ваську. Расположившись на диванѣ, онъ спрашивалъ старшаго: «Вы говорите, что пища дурна?» — Такъ точно, ваше в—дѣе. — «А чѣмъ же она дурна?» Выслушавши отвѣтъ на послѣдній вопросъ, начальникъ говорилъ даже, пожалуй, съ оттѣнкомъ чего-то похожаго на неудовольствіе: «Неправда! пишу нельзя назвать дурною». — Помните, горячо вступался за себя старшій, какъ нельзя назвать ее дурною? Выслушайте Бога ради! — и опять начиналось описаніе ея незавидныхъ качествъ. Но начальникъ повторялъ свое; *неправда* и пр. Старшему, разумѣется, оставалось молчать. «Ну

что же вы стоите и молчите?» — Помилуйте, я все сказалъ. Тогда Доброзраковъ начиналъ говорить: «Развѣ пища дурна? она просто скверная; ее ѣсть, я думаю, нельзя; вотъ какъ-то поваръ мой далъ вашъ супъ Васьѣ, такъ и Васька *зафыркалъ*, но не сталъ кричать и жаловаться; ступайте, не умѣете съ толкомъ рапортовать; вѣрно студенты просили сказать всю правду; да и самъ я того же желаю. Ступайте, я скажу эконому». Но, разумеется, шутка осталась шуткой, и все шло по прежнему.

Преемникомъ Доброзракова по ректорству былъ Смарагдъ Крыжановскій. Въ фizioноміи его замѣчалось что-то не русское: черные, какъ смоль, волосы, искрившіеся глаза, отсутствіе скуловатости на лицѣ, дѣлали его похожимъ на азіатца, но не монгольской расы. Ему самому приписывали даже слѣдующія слова: *«дѣдъ мой былъ еврей, отецъ іерей, а я архіерей»*. Но это несправедливо; онъ такихъ словъ не говорилъ, да и не имѣлъ ни въ фizioноміи, ни въ характерѣ ничего еврейскаго, кромѣ развѣ страсти въ обогащенію. Скорѣе его можно счесть потомкомъ цыгана, молдована, или даже турка, но никакъ не еврея. Характеръ онъ имѣлъ чрезвычайно горячій и вспыльчивый; будучи раздраженъ чѣмъ-нибудь, онъ выходилъ изъ себя и уже въ санѣ архіерея давалъ, по поговоркѣ, *волю своимъ рукамъ*; но во время службы доставалось главнымъ образомъ діаконамъ и иподіаконамъ. Въ комнатахъ же попадало даже священникамъ и протоіереямъ. А раздражить его было нетрудно; напр., онъ очень дорожилъ своею іерархическою честью; санъ архіерея чуть ли не ставилъ выше всего на землѣ. Немного было людей, которые бы такъ высоко думали о своемъ умѣ, своей учености и даже о своихъ нравственныхъ качествахъ, какъ онъ. По смерти митрополитовъ петербургскихъ Никанора и Григорія и кievскаго Филарета онъ считалъ себя чуть ли не единственнымъ, достойнымъ ихъ преемникомъ. Ничѣмъ ему нельзя было угодить, какъ на вопросъ его: что вы думаете о новомъ петербургскомъ или кievскомъ митрополитѣ? отвѣчать: — Есть, кажется, преосвященные болѣе достойные и заслуженные. «Да, да, съ какимъ-то особеннымъ пафосомъ онъ приговаривалъ; есть именнo и достойнѣе и заслуженнѣе.» Разумеется, что этотъ достойнѣйшій и заслуженнѣйшій есть онъ самъ, Смарагдъ Крыжановскій. И всякій дѣлался почти личнымъ врагомъ его, если своими поступками или словами подалъ поводъ думать, что онъ сомнѣвается въ умѣ, или его учености, или въ преимущественной важности архіерейскаго сана. Съ людьми, съ которыми нечего было церемониться, онъ тотчасъ рассчитывался словомъ или дѣломъ. А если кто-нибудь былъ недоступенъ для того или другого средства, о томъ при

всякомъ напоминаніи отзывался самымъ злымъ образомъ. Тутъ не было никому пощады. Когда-то давно московскій митрополитъ Филаретъ укололъ его какимъ-то мѣтенымъ своимъ сарказмомъ. И Крыжановскій до самой смерти не забылъ этой обиды. Какъ бы онъ ни былъ неразговорчивъ въ данную минуту, но стоило только сказать что-либо пелестное о Филаретѣ, какъ неразговорчивость его тотчасъ пропадала, — и уже *слушай* только дуброва, что вътерз шумитъ.

Задолго еще до смерти Крыжановскаго составилось общее убѣжденіе о немъ, какъ о человѣкѣ, котораго никакъ нельзя было назвать безсребренникомъ. Еще въ Орлѣ въ честь его былъ написанъ акаѳистъ, въ которомъ припѣвъ состоялъ изъ словъ: *радуйся, Смарагде сребролюбче!* По смерти его осталось громадное состояніе въ денежныхъ капиталахъ (болѣе 150.000 руб.) и въ огромномъ количествѣ разнообразнѣйшихъ болѣе или менѣе дорогихъ вещей и кусковъ матерій. Притомъ справедливо думали, что это была только часть его капиталовъ, а другая *прибрана къ рукамъ добрыми людьми*; потому что влады денегъ въ опекуновскій совѣтъ, судя по билетамъ, были сдѣланы въ промежуткѣ 1840—1856 года; тогда какъ онъ и до 1840-го года и послѣ 1856-го года имѣлъ возмознось уэкономливать очень большія суммы.

Но его нельзя было назвать скрягою, который бережетъ деньги для денегъ же; онъ ихъ собиралъ для того, чтобы жить съ комфортомъ и приберечь себѣ на старость, когда бы пришлось, можетъ быть, закатчивать свою жизнь въ какомъ-либо монастырѣ. Онъ былъ настоящій гастрономъ; столъ его и вина не могли не понравиться самому прихотливому вкусу свѣтскаго человѣка. Послѣ его смерти найдено было множество выписанныхъ имъ изъ Москвы съѣстныхъ запасовъ, которыхъ употребленіе не разрѣшается для монашествующей братіи. Впрочемъ онъ даже не очень считалъ себя монахомъ, и въ разговорахъ объ этомъ предметѣ высказывалъ любимую имъ мысль: «Я вовсе не монахъ, я архіерей, администраторъ».

Не очень строгимъ онъ былъ и въ другихъ отношеніяхъ; напр., въ послѣдніе годы своей жизни не находилъ нужнымъ бесѣдовать съ своимъ духовникомъ, какъ того требуютъ церковныя правила не только отъ духовныхъ особъ, но и отъ мірянь. Онъ и умеръ, не успѣвъ исповѣдываться, хотя продолжительная болѣзнь видимо близила его къ могилѣ. И когда лечившіе его медики сочли за пужное сказать ему за нѣсколько часовъ до смерти, что не худо бы ему побесѣдовать съ духовникомъ, то онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: «Не ваше это

дѣло; я архіерей; самъ знаю это; ваше дѣло лечить меня». Самое богослуженіе совершалъ онъ очень скоро; напр., въ крестовой церкви литургія, въ которой онъ самъ священнодѣйствовалъ и посвящалъ кого-либо въ священника или діакона, продолжалась иногда не болѣе $\frac{3}{4}$ часа. Въ соборѣ такъ скоро служить конечно было бы неприлично; но за то Крыжановскій вель себя тутъ какъ-то ужъ слишкомъ просто, по домашнему; видно было, что онъ этимъ тяготился.

Относительно римскихъ папъ замѣчено, что ихъ жизнь раздѣляется на два періода. До папства, пока ищутъ *ключей Петровыхъ*, они стараются заявить себя скромными, смиренными, богобоязненными, но получивши ихъ въ руки, выпрямляются и отличаются такими качествами, которыя въ нихъ и подозрѣвать не было возможности. На Смарагдѣ Крыжановскомъ это почти вполне оправдалось. Начерченная мною характеристика его прилагается только къ тому времени, когда онъ занималъ мѣсто епархіальнаго начальника; — *ключи Петровы* были уже въ его рукахъ. Конечно, въ немъ и во время ректорства въ петербургской духовной академіи натура его иногда выглядывала; напр., опасно было затрогивать его гордость и тщеславіе, его высоекое мнѣніе о себѣ; тутъ онъ былъ мстителенъ и не забывалъ обидѣ. Потомъ, горячность и вспыльчивость не оставляли его и тогда. Учившіеся при немъ въ петербургской академіи вѣроятно не забыли, какъ онъ въ первый день пасхи, узнавши о разныхъ безпорядкахъ между студентами, бѣгалъ по студенческимъ корридорамъ и комнатамъ, крича: *въ солдаты, въ солдаты его!* и пр. Такой грозный приговоръ онъ произносилъ студенту М—му, у котораго оказался небольшой запасъ водки ради праздника Христова. Но все-таки, какъ неистово онъ ни сердился, *рукамъ своимъ воли не давалъ*; накричить, бывало, нашумить, почти тѣмъ дѣло и кончится. Замѣчали, что онъ, успокоившись, дѣлался необыкновенно добрымъ и снисходительнымъ даже къ тому, кто вывелъ его изъ терпѣнія. Въ это время у него можно было выпросить то, на что въ совершенно спокойныя минуты ни за что бы онъ не согласился.

Далѣе, когда Крыжановскій ректорствовалъ въ петербургской духовной академіи, его не только обвинить, но и заподозрить въ корыстолюбіи не было возможности. Конечно, онъ пользовался даровою казенною прислугою; не прочь былъ и экзаменскій обѣдъ сдѣлать не на свой счетъ; но за этими исключеніями распоряжался казенными деньгами честнымъ и безкорыстнымъ образомъ. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда онъ очень хорошо улучшилъ студенческую пищу, не побоялся въ этомъ случаѣ даже дѣйствовать противъ академическаго устава, приказавши за обѣдомъ готовить

вмѣсто двухъ три блюда. Онъ первый завелъ, чтобы въ каждый постный день студентамъ приготовлялось хоть одно блюдо изъ свѣжей рыбы. Повторяю, что онъ казенными деньгами распоряжался честно и безкорыстно; тогда тотъ припѣвъ: *радуися, Смарагде сребролюбче* — вовсе къ нему не шелъ.

Потомъ въ академіи онъ показывалъ себя строгимъ исполнителемъ церковныхъ постановленій и обычаевъ. Онъ крайне обидѣлся, когда, при первомъ обзорѣ имъ студенческихъ вѣдѣлъ, никто изъ студентовъ не считъ нужнымъ подойти къ нему подѣ благословеніе; таковой поступокъ, основывавшійся впрочемъ на прежде введенномъ порядкѣ, казался ему чѣмъ-то въ родѣ нечестія. Боже сохрани, если онъ замѣчалъ, что какой-либо студентъ въ постный день лакомился молокомъ или чѣмъ-либо другимъ скоромнымъ; отъ шума и крика тутъ не было спасенія. Съ другой стороны нельзя не сказать, что въ великій постъ онъ разрѣшилъ въ студенческой столовой употребленіе рыбной пищи, хотя это запрещено церковными постановленіями.

Но спеціальною своею задачею онъ считалъ истребленіе *якобы* появившагося между студентами *вольнодумства, неологизма, рационализма, либерализма*. По мнѣнію тогдашнихъ ревнителей, Иннокентій Борисовъ своими лекціями уклонилъ студентовъ отъ православія; митрополитъ Серафимъ велѣлъ Крыжановскому особенно постараться обратить заблудшихъ овецъ на путь истинный. Смарагдъ, правду сказать, дѣйствовалъ усердно, но не очень толковито. Узнавши отъ кого-то, что неологизмъ, рационализмъ и всякое вольнодумство заимствуются изъ нѣмецкихъ книгъ и ими поддерживаются, онъ на этомъ основаніи, завидѣвши у студента какую-либо нѣмецкую книгу, выходилъ уже изъ себя. Однажды вырвавши у студента нѣмецкую книгу, онъ бросилъ ее на полъ и тутъ уже сказалъ: «что это за гадость ты читалъ?» Студентъ отвѣчалъ: «это — новый заветъ на нѣмецкомъ языкѣ». Смарагдъ не нашелся что-нибудь сказать и поскорѣе убрался изъ вѣдѣлъ. Тѣхъ студентовъ, которые слыли за либераловъ, неологовъ и рационалистовъ, онъ неумолимо преслѣдовалъ, — *благвременны и безвременны*, встати и не встати отпуская разныя шутки и остроты надъ ними. Объяснивши какой-либо текстъ по своему разумѣнію, онъ подходилъ къ либералу-студенту и уставивъ на него указательный палецъ, говорилъ: «Ну, а вотъ вашъ Розенмиллеръ не такъ объясняетъ это», и принимался хохотать. То же самое происходило, если дѣло шло о какомъ-либо догматѣ; только тогда Розенмиллера, знаменитаго толковника св. писанія, замѣнялъ Вашейдеръ, который издалъ

предъ тѣмъ временемъ очень хорошее богословіе въ рационалистическомъ духѣ.

Несвободенъ былъ Крыжановскій и отъ предразсудковъ, какъ показываютъ слѣдующіе случаи. Однажды, во время своей лекціи по св. писанію, онъ, замѣтивъ, что студентъ Г—скій читалъ какой-то романъ, разумѣется, пришелъ въ страшное негодованіе. «Господи! Господи! воскликнулъ онъ, ректоръ читаетъ лекціи по св. писанію, а онъ (т.-е. Г—скій) читаетъ романъ; на что это похоже?» Можно было опасаться, что виновный подвергнется строгому взысканію, но это былъ догадливый молодецъ. Явившись къ ректору во время его прогулки по саду, онъ сталъ извиняться въ своемъ проступкѣ тѣмъ, что тутъ дѣйствовалъ искушитель рода человѣческаго. «Да почему же ты такъ думаешь?» спросилъ ректоръ.—«Потому что я вовсе неохотникъ читать такой вздоръ, какъ романы, а нынѣ меня такъ и тянуло къ нимъ, точно какъ будто бы дѣйствовала какая-то невидимая сила»; и тутъ съ сердечнымъ вздохомъ прибавилъ: «виновать, я пьянъ утромъ позабылъ помолиться Богу; этимъ и воспользовался искушитель?» И плутоватый студентъ остался не наказаннымъ, хотя ректоръ очень не любилъ его. Въ другой разъ любимый ректоромъ бакалавръ-монахъ пожаловался, что студенты плохо отвѣчаютъ на репетиціяхъ. Крыжановскій отправился самъ въ классъ на слѣдующую репетицію и былъ крайне раздраженъ какъ неудовлетворительными отвѣтами, такъ и тѣмъ, что одинъ студентъ, опредѣляя священство или бракъ, употребилъ слово: «обрядъ», а не «таинство». Крыжановскій вышелъ изъ себя. Но вдругъ въ это время раздался сильнѣйшій ударъ грома. Ректоръ до такой степени испугался, что его сдѣлалось жаль, и многіе студенты не могли не улыбнуться. Собравшись съ духомъ, онъ явился кроткимъ агнцемъ и, сказать только: «Что вы, господа, смѣтаетесь?» поскорѣе ушелъ изъ класса.

Не думаю, чтобы онъ въ религіозномъ отношеніи тогда притворялся; кажется, что именно говорилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ, по его мнѣнію, требовала вѣра. Онъ точно считалъ себя апостоломъ, призваннымъ для спасенія академіи отъ неологизма и рационализма; вѣрилъ, пожалуй, и въ то, что бѣсъ дѣйствительно соблазнилъ студента читать романъ во время лекціи по св. писанію и что при сильныхъ ударахъ грома никакъ не слѣдуетъ смѣяться. Такое мнѣніе свое я основываю на томъ, что выпучая, страстная, пеугомонная его натура неспособна была лицемѣрить, не сумѣла бы носить маску. Религіозный, а можетъ быть, и нравственный его образъ мыслей измѣнился въ дальнѣйшей его жизни, когда *ключи Петровы* были найдены и при-

шлося познакомиться и съ жизнью, и съ людьми, и дойти до болѣе свободнаго взгляда на религіозные предметы, нежели даже неологизмъ и раціонализмъ.

Крыжановскаго по ректорству смѣнилъ Венедиктъ Григоровичъ. Менѣе церемоннаго человѣка, какъ онъ, нелегко было найти не только между монашествующими, но и между свѣтскими лицами. Терпѣть онъ не могъ низкихъ поклоновъ, подобострастныхъ привѣтствій и разныхъ титулизацій. Когда уже онъ сдѣлался викарнымъ епископомъ петербургской митрополіи, то новый лакей его при каждомъ разѣ, какъ нужно было о чемъ-либо, или о комъ-либо сказать, начиналъ свою рѣчь словами: «ваше преосвященство!» Новый владыка цѣлый день выслушивалъ этотъ титулъ. Но когда лакей и на слѣдующій день не хотѣлъ разстаться съ титуломъ, то Григоровичъ, выслушавши два раза «ваше преосвященство», наконецъ не вытерпѣлъ и, остановивъ лакея, сказалъ ему: «послушай, что у тебя за охота все говорить: ваше пр—во? А ты, когда утромъ въ первый разъ придешь ко мнѣ, скажи: ваше пр—во, да потомъ и тани его уже на цѣлый день». Будучи же ректоромъ академіи и архимандритомъ, онъ еще менѣе любилъ титулы и церемоніи, слишкомъ даже неохотно благословлялъ тѣхъ, кому припадала охота подойти къ нему подъ благословеніе. Всякій студентъ, пришедшій къ нему или по его требованію, или по собственной нуждѣ, отправлялся безъ всякаго доклада по всѣмъ комнатамъ большой ректорской квартиры прямо въ кабинетъ своего начальника, который всегда сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, разспрашивалъ и выслушивалъ студента и по слову: *отходите-ка*, отпускалъ его. Стороннія, даже почетныя лица, не зная подобной безцеремонности, иногда въ залѣ долго ожидали, когда-то имъ удастся увидѣть хозяина, потому что или не паходили въ передней лакея, который бы доложилъ о нихъ, или не хотѣли идти прямо въ кабинетъ безъ доклада, когда лакей предлагалъ имъ это.

Этотъ безцеремонный человѣкъ постоянно былъ занятъ днемъ и ночью; въ ногахъ своихъ онъ менѣе нуждался, нежели въ креслахъ, стоявшихъ у его письменнаго стола; никогда почти не выходилъ прогуливаться; а если и случалось это, то на самое короткое время; по поступку его можно было замѣчать, что онъ хлопочетъ, какъ бы поскорѣе покончить свою прогулку, къ которой не привыкъ. Если приходили къ нему люди знакомые, то онъ поскорѣе какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлывался. Самъ же почти ни къ кому не ѣздилъ кромѣ тѣхъ случаевъ, когда уже нельзя было не поѣхать. Даже у своихъ братьевъ, жившихъ въ Петербургѣ, не бывалъ по году и болѣе. Бывши уже викаріемъ,

Григоровичъ надѣлалъ тревогу по всей Александроневской лаврѣ. Ему были поручены какія-то спѣшныя и многосложныя дѣла. Не терпя никакихъ помощниковъ, самъ дѣлая всѣ справки въ законахъ, составляя начерно, а часто и переписывая набѣло бумаги, онъ, въ данномъ случаѣ, просидѣлъ за работою болѣе трехъ сутокъ, не спавши; повторяю: *около трехъ сутокъ, не спавши*. Кончилъ свои дѣла утромъ, часу въ восьмомъ, въ тотъ, впрочемъ, день, когда ему надобно было служить литургію. Утомленный трехсуточною работою, онъ рѣшился употребить на отдыхъ оставшіеся свободными часа два, прилегъ на постель, но строго приказалъ лакею разбудить себя при первомъ ударѣ колокола къ обѣднѣ. Но лакей, исполняя это приказаніе, никакъ не могъ добудиться своего господина, несмотря на всѣ самыя безцеремонныя приемы, — перепугался и доложилъ намѣстнику лавры. Собрались люди авторитетные, будили, толкали, поднимали спавшаго, но онъ не пробуждался. Призвали доктора, который, къ счастью, былъ толковый человѣкъ. Знакомый съ натурой Григоровича и узнавши о трехсуточной работѣ его, онъ не сталъ прибѣгать ни къ какимъ лекарствамъ, посоветовалъ не беспокоить его, а только по временамъ переворачивать съ одного бока на другой. Труженикъ проспалъ болѣе сутокъ; надобно же было ему проснуться въ то время, какъ въ лаврѣ трезвонили къ обѣднѣ. Припомнивъ, что онъ приказывалъ разбудить себя при первомъ ударѣ колокола и вовсе не догадываясь, что спалъ болѣе сутокъ, онъ принялся бранить лакея за то, что тотъ не разбудилъ его во-время и торопился одѣваться, чтобы ѣхать служить обѣдню. Напрасно лакей увѣрялъ, что уже былъ другой день; Григоровичъ вѣрить не хотѣлъ, пока явившійся намѣстникъ лавры не убѣдилъ его въ томъ. Старикъ любилъ вспоминать объ этомъ случаѣ. «Вотъ такъ ужъ поспалось мнѣ», говаривалъ онъ.

Надобно еще сказать, что нашъ оригиналъ отличался неподкупной совѣстью, старался рѣшать дѣла, какъ требовалъ того законъ, если только высшая какая-либо воля не стѣсняла его. Для этого онъ готовъ былъ пересмотрѣть всѣ томы свода законовъ, повѣрить статьи по Собранію Законовъ, справлялся въ какихъ-либо особенныхъ случаяхъ съ пандектами. И дѣйствительно былъ уже *законникъ*, какъ говорятъ у насъ. Лучшаго оберъ-секретаря трудно было бы отыскать. Но бывши викаріемъ, онъ, какъ подчиненный человѣкъ, вынуждался рѣшать дѣла не такъ, какъ требовалъ того законъ, а какъ желали вліятельныя лица. Тогда обыкновенно приходилъ онъ въ раздраженіе, но, поругавшись, принимался за составленіе резолюціи и оказывался

тѣмъ, что у насъ называется *крючкомъ*: уже отыщеть какой-либо забытый законъ или воспользуется побочнымъ обстоятельствомъ и все такъ изложить, что выйдетъ какъ-будто законная резолюція. Но повторяю: никѣмъ не стѣсняемый, онъ былъ неуязвимо честенъ и безкорыстенъ.

Указавши на хорошія стороны характера и дѣятельности Григоровича, я теперь обращаюсь къ тому, что похвалить въ немъ-трудновато, хотя, можетъ быть, если не извиняется, то объясняется неблагоприятными обстоятельствами его жизни. По окончаніи академическаго курса въ 1814 г., его прямо послали ректоромъ въ могилевскую семинарію не потому, впрочемъ, что онъ вполне заслуживалъ это, но потому, что былъ уже монахомъ, а можетъ быть и потому, что еще до поступленія въ число студентовъ онъ состоялъ, хоть и недолго, учителемъ бывшей александровской академіи, а потомъ могилевской семинаріи. Столь быстрое возвышеніе совсѣмъ-было погубило Григоровича. Въ Могилевѣ пришлось ему строить новый домъ для семинаріи. Лично честный и безкорыстный человѣкъ, онъ ввѣрился эконому семинаріи, а этотъ такъ обдѣлывалъ дѣла, что оказался недочетъ въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ рублей (едва ли не 40,000), и отвѣтственность пала на Григоровича. Его оставили на службѣ по духовному вѣдомству, но почти все жалованье удерживали для покрытія недочета.

Это несчастное обстоятельство, если не породило, то по крайней мѣрѣ развило тяжелыя качества Григоровича. Обману-тый однимъ человѣкомъ, онъ потерялъ довѣріе едва-ли не ко всѣмъ людямъ, чуть не сдѣлался мизантропомъ. Вѣчно подозрительный, недоувѣрчивый и мнительный, онъ смотрѣлъ на окружающихъ его людей недружелюбнымъ глазомъ; сказать ласковое или привѣтливое слово, или пошутить было вовсе не въ его духѣ; если же даже онъ иногда рѣшался высказывать шуточки и остроты, то сейчасъ было видно, что это *не по его*, такъ сказать, *частіи*. Затѣмъ, не имѣя довѣрія къ людямъ, онъ естественно слишкомъ много полагался на самого себя, и всѣ почти мнѣнія свои считалъ непогрѣшимыми, и потому въ обращеніи съ своими подчиненными, онъ былъ грубъ, особенно если встрѣчалъ возраженія противъ своихъ приказаній или мнѣній. На провинившагося въ чемъ-либо человѣка, не любя дѣйствовать моральнымъ образомъ, онъ, какъ законъ, наказывалъ, а не миловалъ, не убѣждалъ; *разбранить, разрулить* и даже не совсѣмъ приличными словами было у него въ обыкновеніи. Все это дѣлалось съ какою-то злостью и торжественностью; онъ какъ будто бы досадовалъ, что его оторвали отъ дѣла, и поско-

рѣе торопился возвратиться къ нему. Говорили даже, что онъ былъ очень веселъ, когда ему приходилось писать суровыя резолюціи, но это едва-ли справедливо.

Жесткое обращеніе его испытывали не одни подчиненные, а и сторонніе, даже свѣтскіе люди, когда послѣдніе добивались отъ него какой-либо резолюціи, которую отъ находилъ незаконною. Въ то время, какъ онъ за болѣзнью митрополита Серафима управлялъ петербургской епархіей, одинъ гвардейскій полковникъ женился на иновѣрной дѣвицѣ. Не зная всѣхъ затрудненій, которыя у насъ соединялись съ подобнымъ бракомъ, онъ не позаботился о заблаговременномъ устраниніи ихъ и узналъ о нихъ чуть-чуть не наканунѣ свадьбы. Исполненіе разныхъ формальностей потребовало нѣсколько лишннихъ дней, и для брака оставался единственный день, — на вечеріе царскаго дня, въ которое тогда не позволялось совершать бракъ. Узнавши объ этомъ, полковникъ поѣхалъ къ Григоровичу и сталъ просить его разрѣшить вѣнчаніе. «Не могу, полковникъ, отвѣчалъ викарій, законъ не позволяетъ». — «Помилуйте, ваше пр-во, съ военною горячностью возразилъ полковникъ; мнѣ надобно въ этотъ день непременно жениться». — «Говорю вамъ, полковникъ, не могу разрѣшить, законъ не позволяетъ». Разгорячившійся полковникъ сказалъ: «Такъ знайте же, преосвященный, что этого желаетъ государь императоръ, который обѣщался быть при совершеніи брака; вамъ теперь нельзя отказать въ моей просьбѣ». — «Посидите здѣсь немного, полковникъ, я сейчасъ къ вамъ приду», сказалъ Григоровичъ и отправился въ свой кабинетъ, откуда и вышелъ съ печатною книгой. Сѣвши на прежнее мѣсто, онъ самымъ сухимъ, холоднымъ образомъ спросилъ собесѣдника: «А что вы, полковникъ, четать умѣете?» Озадаченный такимъ вопросомъ, полковникъ съ досадою отвѣчалъ: «Помилуйте, преосвященный, я гвардейскій полковникъ». — «Ну такъ хорошо, вы, значитъ, умѣете читать, началъ опять съ невозмутимымъ спокойствіемъ Григоровичъ. Вотъ извольте прочитать (и тутъ онъ указалъ на тотъ пунктъ закона, который не дозволялъ брака въ требуемое время);—вотъ здѣсь государь императоръ дѣйствительно приказываетъ не вѣнчать браковъ въ этотъ день. Ну, а скажите, гдѣ же напечатано, что государь императоръ разрѣшаетъ вѣнчать вашъ бракъ?». Не деликатясь съ полковниками, Григоровичъ не деликатился даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы необходима была деликатность. Будучи ректоромъ академіи, онъ былъ вмѣстѣ и редакторомъ журнала «Христіанское чтеніе». Пересматривая статьи изъ сочиненій отцевъ церкви, предназначенныя для напечатанія въ журналѣ, и вмѣстѣ встрѣтивши

въ нихъ мысли, которыя ему не нравились, онъ поступалъ съ ними, какъ съ студентческими задачками, или совсѣмъ выпуская, или замѣняя ихъ мыслями своего изобрѣтенія. Если ему замѣчали, что вѣдь это *отеческія* сочиненія, что измѣнять ихъ не слѣдуетъ, то онъ отвѣчалъ: «вотъ тебѣ еще, не надобно измѣнять! такъ и печатать всякій вздоръ?»

И хорошія качества, при несчастномъ настроеніи, принимали у Григоровича дурной отбѣнокъ; напр., его легальность обращалась иногда въ формализмъ и пристрастіе къ мелочамъ. Для него недостаточно было рѣшить бумагу, какъ требовала того справедливость и слѣдить за исполненіемъ рѣшенія. Нѣтъ, онъ находилъ нужнымъ самому подобрать бумаги, относящіяся къ одному и тому же дѣлу, сшить ихъ своими иголкою и ниткою и написать своею рукою *заголовки*. Отъ студентовъ онъ требовалъ, чтобы они свои задачи переписывали на выдаваемой имъ казенной бумагѣ, чтобы тетрадка была сложена въ четвертку листа и сшита по обоимъ концамъ сгиба, а никакъ не посрединѣ его. И если какой-нибудь ослушникъ переписывалъ задачку не на казенной бумагѣ, или на казенной, по вырѣзанной въ форму почтоваго листа, или на сшитой по срединѣ сгиба; то въ первыхъ двухъ случаяхъ онъ отдавалъ задачку для переписыванія по установленной формѣ, а въ третьемъ, сказавши: *погодите-ка*, бралъ въ руки ножницы, разрѣзывалъ нитку, потомъ своею иголкою и ниткою сшивъ тетрадь по краямъ сгиба, съ досадою и сарказмомъ говаривалъ, показывая тетрадь: «вотъ, милостивый государь, какъ надобно сшивать тетради, а не по вашему! Отходите-ка».

Григоровичъ въ то время, какъ у него дѣлали вычеты для уплаты денегъ, затерянныхъ въ могилевской семинаріи, имѣлъ очень скудные остатки на свое содержаніе, а по честности своей не хотѣлъ пользоваться суммами, назначаемыми на содержаніе тѣхъ семинарій, гдѣ онъ начальствовалъ. Поэтому ему приходилось быть слишкомъ бережливымъ въ расходахъ на свое содержаніе. Въ это время неволя заставила его носить очень небогатую одежду и особенно довольствоваться самою скудною пищею. По очень достовѣрнымъ слухамъ онъ иногда употреблялъ только черный хлѣбъ, кислую капусту, или щи съ соленою рыбою, а то и безъ нея, и гречневую кашу. Такая неприхотливость обратилась у него мало-по-малу въ привычку. И по расплатѣ его съ казною, когда денежныя средства позволяли ему уже имѣть пышную одежду и изысканный столъ, онъ не роскошествовалъ: близъ графинчика съ водкою стояли тарелки съ ломтемъ хлѣба и съ кислую капустою. Впрочемъ онъ позво-

лялъ себѣ дѣлать и отступленія отъ этого, запасаясь зернистою игрою въ холодное время и ставя ее въ форточку за окно для того, чтобы она въ комнатѣ отъ тепла не испортилась. Но тутъ у него часто завязывалась война съ воронами и галками. Игру онъ выставлялъ за окно въ берестовыхъ бурачкахъ, въ которыхъ покупалъ ее. Вороны и галки, по запаху догадываясь, что тутъ есть что-то вкусное, начинали расклеивать стѣнки бурачка. Хозяинъ игры, замѣтивъ это, бросался къ окну, открывалъ форточку, прогонялъ хищницъ крикомъ: *кии-то, кии-то!* но онѣ опять скоро возвращались, какъ скоро замѣчали, что близъ бурачка нѣтъ головы, кричавшей: *кии-то, кии-то!* Хозяинъ вновь вскакивалъ изъ-за своего письменнаго стола, и война такимъ образомъ дѣлательно поддерживалась съ обѣихъ сторонъ. Студенты, прогуливавшіеся по тротуару предъ окнами комнатъ ректора, бывали не рѣдко свидѣтелями ея; но ректоръ отъ того нисколько не конфузился.

Не очень заботясь о своей пищѣ, Григоровичъ еще менѣе, кажется, думалъ о сохраненіи чистоты и опрятности въ своихъ комнатахъ. Въ залѣ, гостиной и пр., гдѣ хозяинъ бывалъ только въ экстренныхъ случаяхъ, прислуга могла еще употреблять щетку и крыло, но въ кабинетъ его помести полъ, или стереть пыль, не смѣи и думать, когда хозяинъ сидитъ дома. Да и въ отсутствіи его надобно было совершать эти операціи очень осторожно, не только не трогая бумагъ и книгъ, разбросанныхъ по столамъ, стульямъ и на полу, но даже не очень чисто обметая пыль съ нихъ. Однажды новый лакей, еще не ознакомившійся съ привычками господина, воспользовавшись отсутствіемъ его, вымелъ и убралъ все, какъ это дѣлается въ порядочныхъ домахъ. Господинъ возвратился, и лакей, надѣявшійся получить благодарность за уборку, провожалъ его до самаго кабинета. Вошедши сюда, Григоровичъ остановился въ удивленіи, замѣтивъ перемѣну, въ немъ происшедшую. «Это что такое?» спросилъ онъ лакея. — Да тутъ все было не прибрано и въ пыли; я взялъ, — все вымелъ, вычистилъ и прибралъ, отвѣчалъ лакей, думая еще похвалиться своею заботою объ опрятности. Но вмѣсто благодарности господинъ съ негодованіемъ сказала: «Вотъ еще что выдумалъ! вотъ я дамъ тебѣ чистоту!» и раскрывши большую свою табакерку, началъ разсыпать табакъ по всей комнатѣ, приговаривая: «вотъ тебѣ чистота! вотъ тебѣ чистота! метика вотъ теперь!»

По отношенію къ себѣ самому Григоровичъ, конечно, могъ распоряжаться по своему вкусу, могъ усыпать полъ табакомъ, ѣсть одну кислую капусту и носить одни засаленные подрыс-

ники и рясы. Въ сожалѣнію онъ иногда рѣшался свои привычки дѣлать правилами для студентовъ, считая прихотливостію и причудой самыя справедливыя ихъ жалобы. Крыжановскій, какъ я сказалъ, любилъ хорошо кормить студентовъ и удовлетворять ихъ жалобамъ на случайные недостатки въ пищѣ. Студенты начали по прежнему относиться и въ новому ректору, но скоро увидали, что онъ употребляетъ особый, оригинальнѣйшій способъ улучшать пищу. Какъ скоро дежурный старшій пожалуется ему, что была плохая говядина или рыба, или каша и т. п.; то ректоръ иногда, пожалуй, тутъ же и разругаетъ старшаго за эту жалобу, а иногда съ сарказмомъ скажетъ: «а вотъ я велю эконому исправить». Но въ томъ и другомъ случаѣ дѣло оканчивалось тѣмъ, что въ теченіи недѣли, или двухъ недѣль студентамъ за обѣдомъ вмѣсто трехъ подавали только два блюда, лишая ихъ жаркого изъ говядины; это у нихъ и выражалось словами: *уничтожить жаркое*. Но когда жалуется старшій, какъ представитель студентовъ, то еще и ихъ всѣхъ съ натяжкою можно считать виновными въ прихотливости, потому и они должны подвергаться всѣ наказанію за нее. Но иногда ректоръ дѣйствовалъ слишкомъ уже рѣзко. Кромѣ порцій говядины и рыбы, подаваемыхъ каждому изъ студентовъ, у столоваго служителя было нѣсколько запасныхъ. И если какой-либо студентъ почему-либо находилъ свою порцію нехорошею, то онъ посылалъ служителя перемѣнить ее. Разумѣется, что и новая порція слишкомъ рѣдко была лучше прежней; случалось даже такъ, что когда вдругъ приносили забракованныя порціи отъ двухъ студентовъ, то посылали порцію одного въ другому и обратно; дѣло тѣмъ и оканчивалось. Но студенты все-таки любили утѣшать себя этимъ. При Григоровичѣ пришлось разстаться съ такимъ бесполезнымъ обычаемъ. Если какой-либо студентъ забраковывалъ порцію, то эконому несъ ее, а можетъ быть и другую, лучшую, въ ректору, жалуясь ему, что вотъ-де забраковываютъ какія порціи. Которая сторона тутъ была справедлива, нѣтъ надобности говорить; но если студентъ показывалъ себя прихотливымъ и привязчивымъ, то онъ одинъ и виноватъ; а прочіе 120 человѣкъ вовсе неответственны за его поступокъ. Но у Григоровича была одна резолюція: *уничтожить жаркое* на нѣсколько дней! Дѣло, разумѣется, кончилось тѣмъ, что студенты перестали жаловаться на недостатки пищи; спасибо еще инспектору, который вступался за студентовъ въ такихъ случаяхъ.

Вмѣсто описаннаго сейчасъ оригинала, впрочемъ все-таки честнаго, безкорыстнаго и дѣловаго человѣка, сдѣланъ былъ ректоромъ Виталій Щепетевъ. Онъ по умственнымъ, нравствен-

нымъ и административнымъ качествамъ стоилъ своей должности (о его профессорствѣ скажу ниже). Въ умственномъ отношеніи онъ былъ много выше своихъ предшественниковъ, любилъ заниматься не однимъ богословіемъ, но и отчасти свѣтскою литературою. Въ какой степени онъ былъ честенъ и безкорыстенъ относительно казенныхъ денегъ, между прочимъ показываетъ слѣдующій случай. При немъ экономомъ сдѣланъ былъ одинъ изъ бакалавровъ академіи, кончившій недавно курсъ. Будучи вполнѣ неопытнымъ и по студентческой простотѣ полагая, что состоитъ въ полной командѣ ректора и инспектора, онъ безъ всякихъ отговорокъ и возраженій готовъ былъ исполнять все, что ими ни заблагоразсуждалось ему сказать. Щепетевъ скоро замѣтилъ это и однажды призвавши его къ себѣ, спросилъ: «Ну что, ознакомились ли съ новою своею должностію? поняли-ль вы свои права и обязанности?» Получивъ отвѣтъ: «Нѣтъ, еще не успѣлъ; впрочемъ я руководствуюсь наставленіями вашими и отца инспектора», — ректоръ продолжалъ: «это-то и дурно, что вы руководствуетесь только нашими наставленіями. Прочитаемте выѣстъ изъ устава то, что относится къ вашей должности». По окончаніи чтенія и разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ сказалъ: «Извольте видѣть, вы должны дѣйствовать самостоятельно, а не быть только исполнителемъ *нашихъ наставленій и распоряженій*. Вы членъ Правленія и въ случаѣ какихъ-либо растратъ, сдѣланныхъ хотя бы по моему распоряженію, вы отвѣчаете своимъ карманомъ также, какъ и я. Поэтому вы вовсе не обязаны исполнять все то, что мнѣ или инспектору вздумается посоветовать вамъ; вы должны сами обсудить нашъ совѣтъ. И если мои совѣты или приказанія найдете незаконными или неудобноисполнимыми, то говорите мнѣ прямо; я вѣдь тоже человѣкъ, могу ошибаться; ну а если вы возразите мнѣ неосновательно, то я съумѣю разъяснить вамъ ваше недоумѣніе». Подобный совѣтъ дать своему подчиненному могъ только честный и безкорыстный человѣкъ.

Административною частію академіи Щепетевъ занимался и усердно, и толковито. Почти на всѣхъ бумагахъ, разсматривавшихся во внутреннемъ правленіи, резолюціи составлялись и писались имъ самимъ. Но у него не было нисколько того мелкаго, педаптического формализма, которымъ такъ отличался Григоровичъ; онъ былъ не *крючокъ*, а дѣловой человѣкъ.

Къ несчастію на его характеръ и методу обращенія съ подчиненными имѣла вліяніе десятилѣтняя служба въ московской семинаріи. Находясь тамъ подъ гнетомъ одного изъ самыхъ суровыхъ архіереевъ, онъ, какъ человѣкъ самостоятельный, удер-

жалъ нѣкоторыя изъ своихъ качествъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ перенялъ много и дурного. Вынужденный въ теченіи десяти лѣтъ, такъ сказать, лавировать въ виду своего тогдашняго, грознаго повелителя, дѣйствовать осмотрительно, чтобы не подвергнуться самымъ жесткимъ распеканьямъ, онъ выработалъ въ себѣ твердый, сдержанный, и въ случаѣ нужды уклончивый характеръ, умѣлъ выждать время и избрать способъ, когда и какъ дѣйствовать съ своими начальниками. Но служивши девять лѣтъ у начальника, предъ которымъ всѣ подчиненные *преклонялись до земли*, который въ обращеніи съ ними считалъ излишнимъ вѣжливость, который на публичныхъ экзаменахъ называлъ дураками не только наставниковъ, но и ректоровъ академіи и семинаріи, — и Щепетевъ кое-что усвоилъ отъ своего гордаго патрона. Напр., по своимъ природнымъ наклонностямъ онъ очень любилъ, чтобы студенты были сыты и хорошо одѣты, а между тѣмъ въ обращеніи съ ними выказывалъ гордость и даже недоступность, по крайней мѣрѣ излишнюю серьезность, такъ что студенты и боялись, и не любили его. Съ наставниками академіи онъ вообще обходился вѣжливо, но вполне ласковымъ и привѣтливымъ былъ къ немногимъ изъ нихъ; къ другимъ же какъ-то холоденъ и даже непривѣтливъ. Особенно же онъ, по примѣру бывшаго своего патрона, неласковъ былъ ко всѣмъ паставникамъ — священникамъ и протоіереямъ, и удалялъ ихъ изъ академіи, можно сказать, безъ всякой законной причины. Къ монашествующимъ изъ наставниковъ и студентовъ оказывалъ большую снисходительность. Но къ одному изъ нихъ, именно къ лучшему, былъ очень холоденъ, даже не невраждебенъ по побужденію неодобрительному. Инспекторомъ академіи былъ тогда человекъ очень умный, благородный, но неспособный унижать себя низкопоклонничествомъ, — притомъ считавшійся тогда лучшимъ проповѣдникомъ въ Петербургѣ. Последнее-то обстоятельство едва-ли не было самою главною причиною неблаговоленія ректора къ нему.

Была у Щепетева одна слабость, о которой умалчиваемъ; но все же изъ четырехъ мною описанныхъ ректоровъ онъ былъ самымъ лучшимъ почти во всѣхъ отношеніяхъ.

Теперь посмотримъ, чѣмъ была сама академія во взятый нами періодъ подъ управленіемъ всѣхъ этихъ четырехъ командировъ, съ личнымъ характеромъ которыхъ мы уже познакомились.

Р. С.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРИИ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ.

(Окончаніе).

V. Инструкція Вивеля, 1818, и Уставъ петербургской «Директоріи», 1780 *).

Въ масонскомъ архивѣ Московскаго Музея находится между прочимъ любопытный документъ 1818 года, заключающій въ себѣ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о старыхъ русскихъ ложахъ шведской системы, которыя до сихъ поръ были мало извѣстны. Этотъ документъ есть инструкція, данная въ 1818 г. въ Берлинѣ одному нѣмецкому масону, Вибелю, отправлявшемуся въ Петербургъ, которому поручалось собрать свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ; при инструкціи помѣщены и свѣдѣнія, полученные Вибелемъ въ Петербургѣ на ея вопросы. Документъ называется: *Instruction für den Hochw. Br. Wiebel auf seiner bevorstehenden Reise nach Russland*. На нѣмецкіе вопросы инструкціи написаны, *en regard*, отвѣты по-французски ¹⁾).

Ешевскій приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о Вибелѣ. Это былъ лейбъ-медикъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма III и членъ берлинской *Landesloge*. Когда въ 1822 г. бывший прусскій министръ, графъ Гаугвицъ, нѣкогда ревностный масонъ (ему

*) См. выше: янв. 174, февр. 561 стр.

¹⁾ Рукопись инструкціи съ отвѣтами (въ двухъ экземплярахъ) находится въ сборникѣ Муз. № 2. Этотъ документъ былъ однажды указанъ Ешевскимъ: Сочин., т. III, стр. 456—457.

приписывается у наших масоновъ «Пастырское Посланіе» 1785), подалъ на Веронскомъ конгрессѣ императорамъ Александру и Францу и королю прусскому записку о вредѣ масонскихъ ложъ и необходимости ихъ закрытія,—записку, слѣдствіемъ которой было закрытіе ложъ въ Россіи и Австріи, — прусскіе масоны въ страхѣ ожидали закрытія и своихъ ложъ. Но король прусскій призвалъ къ себѣ Вибеля и поручилъ ему успокоить «братьевъ», что онъ сохранитъ имъ свое прежнее покровительство, если они останутся въ должныхъ границахъ.

Въ 1818 г. Вибель долженъ былъ сопровождать прусскаго короля въ Петербургъ. Берлинскіе масоны воспользовались этимъ случаемъ и дали Вибелю порученіе освѣдомиться о состояніи ордена въ Россіи. Въ началѣ инструкции находятся краткія свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ за прежнее и новѣйшее время и затѣмъ поставленъ рядъ вопросовъ, на которые Вибель долженъ былъ получить отвѣты отъ петербургскихъ братьевъ. Кроме вопросовъ историческихъ о связяхъ русскихъ ложъ со Швеціей, инструкция занята главнымъ образомъ вопросами о внѣшнемъ устройствѣ петербургскаго капитула, его обрядахъ, символахъ и т. п., по которымъ берлинскіе масоны хотѣли конечно судить объ источникахъ и связяхъ русскаго масонства. Конечной цѣлью освѣдомленій было узнать, не представится ли для прусской Landesloge возможности завязать отношенія съ Бѣберомъ и съ директоріальной ложей Владиміра (т.-е. въ то время съ Великой Провинціальной Ложей): «....такое соединеніе,—говорится въ инструкціи,—было бы весьма благотворно для пользы ордена, и могло бы положить предѣлъ успѣхамъ такъ-называемой древне-англійской Шрёдеровой системы, которая все больше и больше распространяетъ свои вѣтви».

Мы упоминали выше о перепискѣ Бѣбера съ Кастиллономъ. Вибель, какъ видимъ, былъ адресованъ именно къ той изъ русскихъ Великихъ ложъ, которую берлинская Landesloge находила себѣ сочувственной, по общей имъ обѣимъ враждѣ къ системѣ Шрёдеровой.

Отвѣты, какъ мы сказали, писанные по-французски, находятся въ Музеѣ въ двухъ экземплярахъ: одинъ былъ подлинный или черновой, и писанъ кажется Ланскимъ; въ другомъ отвѣты переписаны при полномъ текстѣ самой инструкции. Тутъ же находится французское письмо, писанное повидимому къ Вибелю Віельгорскимъ, гдѣ довольно темно говорится о трудномъ тогдашнемъ положеніи масонства ¹⁾).

¹⁾ Прибавимъ еще, что въ началѣ инструкции, гдѣ говорится о старыхъ рус-

Какія были послѣдствія сношеній берлинской Landesloge съ нашей Великой Провинціальной Ложей, происходившихъ черезъ посредство Вибеля, объ этомъ намъ пока не встрѣтилось положительныхъ указаній; но въ перепискѣ нашей Великой Ложы есть слѣды продолжавшихся связей съ Берлиномъ, и въ Музейномъ сборникѣ разныхъ печатныхъ документовъ иностранныхъ ложъ есть также списки членовъ берлинскихъ ложъ. Въ этихъ послѣднихъ намъ встрѣтилось и имя Вибеля: Joh. Wilh. Wiebel, Leibarzt Sr. M. des Königs und General-Staabs-Arzt der Armee, упомянуть въ числѣ почетныхъ членовъ іоанновской ложы Zum Pilgrim въ Берлинѣ, 1819—1820 г., и какъ мастеръ стула въ ложѣ Минервы въ Потсдамѣ.

Мы опустимъ первыя страницы инструкціи, и приведемъ только вопросы и данныя на нихъ «*Объясненія и отвѣты*».

1. Кѣмъ и когда основанъ былъ петербургскій Капитулъ Феникса?

Капитулъ Феникса основанъ былъ первоначально королемъ шведскимъ (Карломъ XIII), какъ это видно изъ подлиннаго патента, находящагося въ нашемъ архивѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Инструкція для директоріи, основанной въ Петербургѣ, данная въ Стокгольмѣ 9 мая 1780“¹⁾. Въ концѣ находится подпись короля и подпись графа Вильке. Акты и конституціи привезены были княземъ Александромъ Куракинымъ (бывшимъ посланникомъ русскаго двора въ Вѣнѣ и Парижѣ). Покойный князь Гавріилъ Гагаринъ былъ назначенъ Префектомъ и Великимъ Національнымъ Мастеромъ—достоинства, всегда нераздѣльные (какъ это явствуетъ изъ 9-й статьи Инструкціи),—и самый Капитулъ извѣстенъ былъ братьямъ-масонамъ подъ именемъ Великой Національной Ложы (по 1-й статьѣ той же Инструкціи). Капитулъ основанъ былъ двумя годами раньше Директоріи, то-есть въ 1778 г., и былъ въ полной зависимости отъ Швеціи; эта зависимость была тѣмъ болѣе стѣснительна для русскихъ братьевъ, что не вознаграждалась познаніями, которыхъ петербургскій капитулъ тщетно ожи-

скихъ ложахъ, сдѣлана замѣтка о Чеботаревѣ, извѣстномъ московскомъ профессорѣ и сотоварищѣ Новикова (ум. 1815): «V. Tschebotaref in Moskau war sehr weit in der Loge zum toten Kopf 1806, wie Grabe sagt, er war immer ein feuriger Mann».

Во второмъ экземплярѣ, отвѣты переписаны рукой одного изъ тогдашнихъ масоновъ, Жуайе (Joyeux).

¹⁾ Instruction pour le directoire établi à St. Petersbourg, donnée à Stockholm le 9 Mai 1780. Этотъ документъ находится дѣйствительно въ подлинникѣ въ масонскомъ собраніи Московскаго Музея (рукоп. мас. на иностранныхъ язык. № 23), и мы вполнѣ приводимъ его ниже.

далъ и которыхъ Швеція вѣроятно болѣе не имѣла, потому что самый глава ея сдѣлался жертвой обмановъ одного негодя (frisson), исторіи котораго слишкомъ извѣстна, чтобы много о ней распространяться. Когда на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Россія, во вниманіе къ ея обширному пространству и къ большому числу ложъ, ревностно въ ней работавшихъ (по Строгому Наблюденію), признана была за 8-ю провинцію ордена, Москва и въ особенности ложа-мать Трехъ Знаменъ сдѣлалась центромъ провинціального управленія. Акты, принятые ею для трехъ іоанновскихъ степеней, занимаютъ середину между Строгимъ Наблюденіемъ и шведской системой. Вскорѣ потомъ князь Гагаринъ, не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, подчинился новому порядку вещей, присоединился въ 1783-мъ г. къ 8-й провинціи съ большей частью ложъ своей юрисдикціи и сдѣлался управляющимъ мастеромъ матери-ложи Феникса въ Москвѣ.

Одна изъ ложъ (Коронованнаго Пеликана), которая не хотѣла отдѣлиться отъ Швеціи и гдѣ братъ Веберъ былъ членомъ, продолжала работать до того времени, когда всѣ масонскія работы въ Россіи прекратились, по повелѣнію императрицы Екатерины. Это была та самая ложа, которую хотѣли возобновить въ 1809-мъ г. нѣсколько братьевъ (принадлежавшихъ къ шведской системѣ и тайнымъ главою которыхъ былъ братъ Люберъ), и въ которой братъ Веберъ, вслѣдствіе ихъ настояній, сдѣлался впослѣдствіи великимъ мастеромъ. Ея новымъ отличительнымъ названіемъ стало названіе Александра Благотворительности Коронованнаго Пеликана (Alexandre à la Bienfaisance au Pelican couronné). Для того, чтобы образовать открытое (ostensible) масонское управленіе, эта самая ложа была раздѣлена на три, то-есть изъ ея нѣдръ образовали еще двѣ ложи: Елизаветы къ Добродѣтели для русскаго языка и Петра къ истинѣ для французскаго языка, и эти три ложи составили тогда Великую Директоріальную ложу Владиміра къ Порядку (zur Ordnung). Хотя уже въ то время братъ Веберъ и другіе считали себя въ правѣ сообщать высшія степени, Капитулъ Феникса, собственно говоря, былъ формально возстановленъ уже только въ 1811-мъ г., когда къ Великой Директоріальной Ложѣ присоединились ложи Соединенныхъ Друзей и Палестины, чтобы составлять только одно цѣлое. Это можно считать за вторую эпоху этого Капитула ¹⁾.

2. Откуда получилъ онъ свои познанія, ритуалы, акты? Изъ Швеціи или изъ другого источника?

Покажется довольно очевиднымъ, что всѣ познанія, которыя петербургская пресектура могла получить изъ Швеціи (предполагая, что послѣдняя была въ состояніи сообщить нѣчто болѣе, чѣмъ символы

¹⁾ Эту вѣшнюю исторію вновь образованныхъ при Александрѣ I ложъ шведской системы мы видимъ въ предыдущей главѣ.

и историческія объясненія, которыя даже и не восходятъ въ особенно высокому началу), что эти познанія необходимо должны были перейти въѣстъ съ ея начальникомъ (префектомъ и великимъ провинціальнымъ мастеромъ Гагаринымъ) въ 8-ю провинцію. Однакоже нѣсколько бумагъ, обладаніе которыми было больше интересно и любопытно, чѣмъ полезно и законно, нѣсколько подлинныхъ актовъ и ритуаловъ остались въ рукахъ братьевъ, которые не послѣдовали примѣру префекта, и эти масонскіе обрывки (которыя притомъ шли не далѣе VII-й степени), переходя изъ рукъ въ руки, въѣстъ съ познаніями, болѣе или менѣе обширными, и всегда принадлежавшими лично этимъ братьямъ и основанными на ихъ хорошей или дурной памяти, сдѣлались краеугольнымъ камнемъ, на которомъ вновь воздвигли храмъ въ Петербургѣ въ 1809 году. По основному договору (Grund-Vertrag), который былъ сообщенъ в. д. бр. Вибелю, видно, что въ принципахъ и мнѣніяхъ этихъ братьевъ не было ничего положительнаго и реальнаго, и что въ этомъ первомъ достовѣрномъ актѣ формальнаго возрожденія шведской системы въ Петербургѣ они согласились скорѣе въ томъ, что не было масонство по ихъ понятіямъ, нежели въ томъ, чѣмъ оно должно быть, и еще менѣе въ томъ, что оно въ сущности есть¹⁾. Братъ Люберъ, который въ этомъ актѣ объявленъ гермейстеромъ въ благодарность за то, что онъ продолжалъ управлять русско-шведскимъ Капитуломъ, самъ этотъ братъ имѣлъ только отрывки о высшихъ степеняхъ. Ослабленный лѣтами и излишествами стола, онъ не могъ даже принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ ордена, которыя поручены были бр. Вёберу, какъ его помощнику или префекту. По всему этому не трудно будетъ судить объ основаніи, на которомъ должно было быть утверждено все здание масонства, возобновленное и терпимое съ этого времени въ Россіи²⁾.

Что касается до настоящаго положенія Капитула Феникса, которое можно считать его третьей эпохой, управляющіе имъ братья сохранили по внѣшности высшія шведскія степени, но они ничего не ждутъ отъ Швеціи, потому что имѣютъ счастье знать источникъ истиннаго ордена-скаго ученія, тотъ благотворный источникъ, который въ болѣе счастливыя времена оплодотворялъ не одну масонскую страну, который од-

1) Основной договоръ (Grund-Vertrag) вѣроятно разумѣется тотъ, который былъ именно заключенъ въ 1809-мъ году, при возобновленіи «храма». Намъ онъ неизвѣстенъ.

2) Объ этомъ братъ Люберъ (Luber) мы не имѣемъ ближайшихъ свѣдѣній. Надобно думать, что это—то же лицо, о которомъ упоминаютъ нѣмецкіе историки нашего масонства подъ именемъ Людера. Они рассказываютъ именно, что «въ половинѣ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Россію было уже введено Строгое Наблюденіе (названіе Тамплиерской системы)... и въ Петербургѣ учрежденъ капитулъ, великимъ мастеромъ котораго былъ купецъ Людеръ» (См. Handb. der Freimaurerei, т. III, стр. 108).

жажды уже разлился въ нашемъ отечествѣ и въ которомъ утоляли свою жажду наши предшественники на царственномъ пути, — плодотворный источникъ, который еще изливаетъ свои сокровища на всѣхъ дѣтей св. Іоанна, по истинѣ жаждущихъ мудрости; единственный источникъ и безъ котораго масонскія поля бываютъ только бесплодной пустыней¹⁾. Дальнѣйшія болѣе существенныя разъясненія относительно этого пункта требуютъ совершенно особенныхъ отношеній. Пусть Великій Архитекторъ Вселенной самъ приведетъ братьевъ, привязанныхъ къ духу истиннаго каменщицества, къ болѣе тѣсному соединенію, какъ для ихъ взаимнаго блага, такъ и для того, чтобы противопоставить плотину опустошительному потоку духа нововведеній, который царствуетъ въ масонскомъ мірѣ и который, умножая съ каждымъ днемъ число своихъ приверженцевъ, болѣе и болѣе удаляетъ несчастныхъ каменщицѣвъ отъ самой возможности узнать ихъ истинное происхожденіе.

3. Приобрѣлъ ли онъ, вмѣстѣ съ своимъ конституціоннымъ актомъ и съ своимъ дипломомъ (Freiheitsbrief), право учреждать другіе Капитулы, и на какомъ разстояніи отъ Петербурга сообщено ему это право? На 81—49 или 27 миль?

По данной ему инструкціи, полномочія Капитула простирались только на Россію.

4. Находится ли онъ въ связи съ другими иностранными Капитулами? И въ такомъ случаѣ, какъ называются они и гдѣ имѣютъ свое мѣстопробываніе?

Капитулъ не имѣлъ никакихъ связей съ другими Капитулами. Швеція предлагала возстановить эти связи, но это не имѣло никакихъ послѣдствій. Въ настоящее время слѣдуютъ тому же правилу, потому ли, что не знаютъ мѣста, гдѣ имѣютъ мѣстопробываніе другіе Капитулы, или потому, что не увѣрены въ томъ духѣ, который, быть можетъ, совершенно уклонился отъ первоначальнаго учрежденія.

5. Имѣетъ ли онъ свѣдѣнія о первомъ первоначальномъ Великомъ Орденскомъ Капитулѣ²⁾ и объ его мѣстопробываніи?

Основной договоръ (Grund-Vertrag) очевидно доказываетъ, что брр. Вёберъ и другіе основатели не знали о первоначальномъ Капитулѣ.

6. Полагаетъ ли онъ, что есть только одинъ главный орденскій мастеръ (Haupt-Ordens-Meister), и что всѣ другіе только его викаріи? И гдѣ онъ могъ бы имѣть свое мѣстопробываніе?

Мы не знаемъ, какого мнѣнія были относительно этого предмета наши бывшіе начальники. Что касается до насъ, мы думаемъ, что одинъ

¹⁾ Какой здѣсь разумѣется «источникъ истиннаго орденскаго ученія», не видно. Быть можетъ, составители отвѣтовъ имѣли въ виду преданія своихъ наставниковъ изъ стараго розенкрейцѣрства.

²⁾ Такъ мы читаемъ нѣмецкое сокращеніе Gr. O. K.

изъ первыхъ вопросовъ, дѣлаемыхъ при открытіи ложи, достаточно показывается, гдѣ находится мѣсто Единаго Великаго Мастера ордена. Что касается его викаріевъ или его органовъ, истинные викаріи суть тѣ, которые всего болѣе приближаются къ его качествамъ и его наміреніямъ и которые жили ранѣе и послѣ его пришествія въ міръ, чтобы просвѣтить его и приготовить людямъ путь, который приводитъ ихъ къ первоначальному ихъ совершенству.

7. Съ своими актами получилъ ли онъ также полную, письменную исторію всѣхъ Капитуловъ?

Капитулъ при своемъ возобновленіи въ 1809 г. не имѣлъ, кажется, ничего значительнаго объ исторіи Капитуловъ.

8. Тамонній оберъ-мейстеръ носитъ ли имя викарія Саломона или мудраго изъ мудрыхъ? Имѣетъ ли петербургскій оберъ-мейстеръ право выбирать по своему усмотрѣнію своихъ двухъ помощниковъ, 1-го и 2-го архитектора, или же этотъ выборъ происходитъ, какъ у насъ, по извѣстному законному порядку? Напримѣръ, что мастеръ капитула дѣлается оберъ-мейстеромъ и получаетъ преемникомъ второго мастера (Unter-Meister); послѣдній замѣняется первымъ блюстителемъ короны, а это мѣсто, при вакансіи, достается старшему орденовому чиновнику?

Братъ Веберъ былъ объявленъ викаріемъ Саломона своими братьями; это единственное основаніе (titre) его достоинства. Въ настоящее время Совѣтомъ и Капитуломъ управляетъ префектъ; за нимъ слѣдуетъ субъ-префектъ, за этимъ канцлеръ, потомъ вице-канцлеръ и командоры (Grands-Croix). Должности и достоинства назначаются верховнымъ Совѣтомъ.

9. Есть ли въ тамоннемъ капитулѣ особенная почетная скамья, предназначаемая какъ почетное мѣсто для оберъ-мейстера и другихъ чиновниковъ, которые по старости сложили съ себя должности?

10. Украшенія (Schmuck) оберъ-мейстера похожи ли на наши, именно, состоятъ ли они въ цѣпи, украшенной 9-ю іоаннитскими крестами, и на которой виситъ крестъ съ красной эмалью? На этомъ крестѣ находится ли съ одной стороны треугольникъ, съ буквами R. N. F., а съ другой стороны черное кольцо между.....¹⁾ съ буквами S. T. P.? Имѣютъ ли эти буквы историческое или аллегорическое истолкованіе, и какое? Или же орденскій крестъ петербургскаго мастера имѣетъ другія буквы,

¹⁾ Эта часть вопроса, не вполне намъ ясная, изложена въ оригиналѣ такъ: «Ob auf letzterem Kreuze von der einen Seite ein Triangel sich befindet und mit den Buchstaben R. N. F., und auf der andern Seite ein schwarzer Ring zwischen zwei kreuzweisgelegten (?) mit den Buchstaben S. T. P.»

именно въ треугольникѣ В. W. F., а въ кольцо Р. S. T. P.; какое значеніе имѣютъ эти буквы, если онѣ таковы?

11. Командоры или Grands-Croix (Gr.-Kreuze) составляютъ ли особый Conject; выбираются ли они изъ 9-ти высшихъ чиновниковъ оберъ-мейстеромъ; получаютъ ли они особенныя, другимъ степенямъ неизвѣстныя познанія? Носятъ ли они на шеѣ свѣтло-красную ленту съ краснымъ крестомъ, на которомъ въ медальонѣ находится буква В., и что это В. означаетъ?

12. Находится ли въ петербургскомъ Капитулѣ 9 или 13 низшихъ чиновниковъ?

13. Имѣютъ ли старѣйшіе рыцари Востока, называемые Seniores, особенныя преимущества и только имъ однимъ принадлежащія украшенія?

(9. 10. 11. 12. 13.) Такъ какъ эти вопросы относятся главнымъ образомъ къ подробностямъ степеней, д. п. бр. Вибель будетъ въ состояніи отвѣчать на нихъ, потому что бумаги, къ нимъ относящіяся, были ему сообщены.

Что касается до 9-й степени, то съ ней не связывались никакія особенныя познанія. Это былъ только титулъ, который давалъ право засѣдать въ верховномъ Совѣтѣ (der Hohe Ordensrath, le conseil sublime), который долженъ былъ держать кормило правленія ордена.

14. Ob im dortigen Kapitel eine schwarze Kugel auf beständig ausschliesst, ohne dass man nachfragen dürfe, von wem und wann sie eingeworfen ist?

Non est ¹⁾.

15. Есть ли также въ петербургскомъ Капитулѣ и духовная отрасль, именно 1 пріоръ и 2 капеллана, какъ въ Швеціи? Могутъ ли занимать эти мѣста только дѣйствительно духовныя лица, или же поручаютъ эти мѣста и людямъ свѣтскимъ? Имѣютъ ли они особыя правила своей должности (Amts-Verrichtungen), обладаютъ ли особенно имъ принадлежащими привилегіями, носятъ ли особыя украшенія, и пріобрѣтаютъ ли имъ только сообщаемыя познанія? При какой степени начинается эта духовная отрасль, и при принятіи рыцаря Запада происходитъ ли посвященіе въ капеллѣ?

Духовная вѣтвь существуетъ въ нашей системѣ (не должно смѣшивать ее съ настоящимъ клерикатомъ тамплиеровъ, котораго тайный Капитулъ былъ основанъ въ Россіи и о которомъ мы имѣемъ въ рукахъ довольно любопытный актъ), но въ нашемъ Капитулѣ былъ всего только одинъ братъ изъ духовныхъ. Въ настоящее время мы больше не имѣемъ такового. Притомъ мы полагаемъ, что братъ, достойный уваженія по

¹⁾ Вопросъ для насъ непонятенъ.

чистотѣ своихъ нравовъ, можетъ, за недостаткомъ священника, исполнять его должность при посвященіи, которое совершается въ капеллѣ.

16. Происходитъ ли принятіе архитекторовъ по какому-нибудь ритуалу? и кромѣ принятаго между ними акта (Erkennungs-Akt), получаютъ или они еще другія познанія?

У насъ нѣтъ (степени) архитекторовъ.

17. На сколько книгъ (Logen-Bücher) раздѣлены акты, которые петербургское братство получило изъ Швеціи? На двѣнадцать ли, и какое содержаніе 11-й и 12-й книги? Было бы очень желательно имѣть полный указатель этихъ 12-ти книгъ и ихъ содержанія.

Число книгъ, присланныхъ Швеціей, нельзя опредѣлить, потому что онѣ были вѣроятно разсѣяны (disséminés), какъ вслѣдствіе различныхъ преслѣдованій и переменчивыхъ обстоятельствъ, испытанныхъ орденомъ въ Россіи, такъ и вслѣдствіе смерти многихъ братьевъ. Впрочемъ, къ какой пользѣ послужилъ бы длинный списокъ степеней и книгъ, которыя похожи на тѣло безъ души, когда истинный смыслъ, въ нихъ скрывающійся, не сообщается тѣмъ, кто имѣетъ къ тому возможность и власть? Самыя степени, которыя повидимому содержатъ и указываютъ возвышенные предметы словами и благочестивыми обрядами, не всегда исходятъ изъ очень чистаго источника. Кромѣ того, бумаги или письменные документы и проч. могутъ теряться, попадать незаконнымъ образомъ въ недостойныя руки.

Истинныя преданія ордена и его таинствъ не подлежатъ подобнымъ правиламъ и не боятся переменчивыхъ обстоятельствъ, которыя такъ часто потрясаютъ преддверія масонскаго храма, гдѣ столько тысячъ масоновъ ищутъ, и часто безплодно, тайную нить, которая должна руководить ихъ въ этомъ лабиринтѣ и привести ихъ къ святилищу. По самымъ достовѣрнымъ документамъ, Россія не Швеціи обязана высшими познаніями въ масонствѣ.

18. До какой степени идутъ катехизисы (Frage-Bücher)?

Есть ли такія книги при степени высшихъ чиновниковъ и въ еще болѣе высокихъ отдѣленіяхъ?

Катехизисъ идетъ до 7-й степени включительно.

19. Наконецъ, было бы очень желательно, чтобы бр. Вибель убѣдилъ высокопочтеннаго бр. Бебера доверить ему шифръ степеней Капитула для снятія копій, чтобы мы могли сравнить его съ тѣмъ шифромъ, какой есть у насъ.

Никогда не было совершенно опредѣленнаго шифра, хотя Капитулы имѣютъ ихъ нѣсколько въ своемъ архивѣ.

Общій взглядъ на нашъ нынѣшній союзъ.

1. Всѣ іоанновскія ложи, находящіяся подъ управленіемъ Великой

Провинціальной Ложи, работаютъ въ трехъ степеняхъ по ритуалу, введенному въ 8-й провинціи въ 1783. Этотъ ритуальъ носить всѣ признаки чистаго источника, указаннаго въ статьѣ, которая отвѣчаетъ на 2-й вопросъ и которая представляетъ самые удовлетворительные результаты сердцу и уму ищущихъ (aspirants), давая положительное направленіе ихъ размышленію и ихъ нравственной дѣятельности.

2. Ложи шотландскія (ложи: Сфинкса и Александра Златаго Льва) работаютъ по шведскимъ ритуаламъ. Всѣ касающіяся ихъ дѣла ввѣрены шотландской Директоріи, которая сама находится въ непосредственной зависимости отъ верховнаго Совѣта, которому подчиненъ также Капитулъ Феникса. Совѣтъ раздѣляется на двѣ палаты (chambres); первая состоитъ изъ братьевъ 9-й степени, а вторая изъ братьевъ 8-й степени. Обыкновенно онъ собирается въ этой послѣдней степени.

Ритуалы Капитула очень полны, до 7-й степени включительно.

3. Наконецъ, цѣль братьевъ, управляющихъ союзомъ Великой Провинціальной Ложи, есть поддерживать съ Божіею помощью древнее и истинное Свободное Каменьничество между немногочисленными, но вѣрными брр., которыхъ Провидѣніе ввѣрило ихъ попеченію. Они надѣются, что Великій Архитекторъ Вселенной, во вниманіе къ тому благу, которое должно произойти отсюда для ихъ отечества, благословитъ ихъ слабые труды и что истинный свѣтъ сохранится и распространится въ Россіи, несмотря на мракъ, который старается затмить его, но который не можетъ и никогда не будетъ мочь понять его, и еще менѣе восторжествовать надъ нимъ.

Да будетъ имя Верховнаго Мастера всякой плоти благословенно во вѣки вѣковъ.

Затѣмъ, братья, предиктовавшіе эти строки, поручаютъ себя братской любви братьевъ, которые будутъ читать ихъ.

С.-Петербургъ, 4 іюля 1818.

«Инструкція для директоріи, основанной въ Петербургѣ», 1780-го года, о которой упоминается въ отвѣтѣ нашихъ масоновъ на первый пунктъ вопросовъ Вибеля, какъ мы замѣтили, сохранилась въ масонскомъ архивѣ, находящемся теперь въ московскомъ Музеѣ. Это одинъ изъ немногихъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, официальныхъ документовъ, представляющихъ сношенія нашихъ ложъ съ иностранными великими ложами. Директорія, здѣсь упоминаемая, была директорія той шведской системы, утвержденіе которой у насъ совершилось въ 1776—1780 годахъ. «Инструкція» 1780-го года была кажется послѣднимъ актомъ этого утвержденія, и составляла законодательство и пра-

вила управленія для основавшихся у насъ ложъ шведской системы.

Инструкція (въ тетради, въ листъ, и прекрасно переплетенная) написана на французскомъ языкѣ. Мы приведемъ ее въ возможно точномъ переводѣ, какъ документъ, дающій понятіе о свойствѣ отношеній петербургской Великой Ложи, основанной въ 1779—80 г., къ шведскому «востоку», и объ устройствѣ и управленіи русскихъ ложъ этой системы.

Герцогъ Карлъ Зюдерманландскій (впослѣдствіи, Карлъ XIII, король шведскій), отъ имени котораго дана эта инструкція, занималъ тогда второе мѣсто въ іерархіи шведской системы; первое принадлежало самому королю, который впрочемъ въ томъ же 1780-мъ году передалъ герцогу всѣ масонскія полномочія ¹⁾. Ихъ отношенія во время составленія «Инструкціи» мы увидимъ далѣе изъ самаго документа.

Мы, Карлъ, Вожею милостію наслѣдныи принцъ шведскій, готскій и вандалскій, герцогъ зюдерманландскій, наслѣдникъ норвежскій, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, стормарскій и дитмарскій, графъ ольденбургскій и дельменгорстскій, великій адмиралъ шведскій, непрежнній генеральный визитаторъ и генеральный инспекторъ.... св. Ордена Храма Іерусалимскаго, великій провинціальный мастеръ VII и IX провинцій, въ орденѣ называемый рыцарь и бр. проф. животворящаго солнца, симиъ объявляемъ ²⁾.

Что, принимая во вниманіе сколь похвальныя, столько и блестящія преданность и усердіе къ общему благу нашего св. Ордена, оказанныя братьями достопочтеннаго Капитула, основаннаго нами въ Петербургѣ, съ первой минуты, какъ мы сочли нужнымъ возжечь у нихъ свѣтъ, и имѣя въ виду мѣстность Россійской имперіи, обширное пространство которой, для поддержанія добраго порядка и точнаго выполненія нашихъ священныхъ законовъ, требуетъ особеннаго надзора, какой могъ бы предотвратить или быстро исправить злоупотребленія и безпорядки, могущіе вкрасться какъ въ масонскія ложи, такъ и въ различные капитулы, могущіе впредь быть основанными въ этой имперіи: Мы нашли необхо-

¹⁾ О введеніи у насъ шведской системы и герцогъ Зюдерманландскомъ см. Лонгинова, стр. 105 и слѣд. (сообщенныя здѣсь свѣдѣнія однако не вполне точны); «Дополненія» г. Цекарскаго; *Handb. der Freimaur.*, стат. Schweden (III, стр. 214—216), и друг.

²⁾ Масонскій титулъ въ подлинникѣ значитсѣ такъ: «*Visiteur général Perpétuel et Inspecteur général des Armes du S. O. du T. de Jer., Grand-Maitre Provincial de la VII-e et IX-e Province, in Or-e dict. Equ. et Fr. Prof. a Sole Vivificante*». Седьмая и девятая провинція означали здѣсь Швецію и Россію.

димнѣ, согласно съ тѣмъ, что было постановлено во второй ст. Договора (Acte de Convention) 10 апрѣля 1778 года, учредить Директорію въ Петербургѣ, которая не только наблюдала бы за сохраненіемъ законовъ, статутровъ и обрядовъ св. Ордена, но также разрѣшала бы и судила всѣ несогласія, могущія возникнуть между братьями, какъ масонами, такъ и тапціерами, которые работаютъ съ цѣлью расширять и поддерживать свѣтъ, а потому и не должны подлежать вѣдѣнію профанныхъ судей, не принадлежа къ ихъ области (ressort).

На этотъ конецъ, мы хотѣли дать достопочтеннымъ братьямъ, имѣющимъ составитъ вышеупомянутую Директорію, слѣдующую инструкцію, которая, будучи основана на древнихъ законахъ и обычаяхъ, издавна принятыхъ и установленныхъ въ нашемъ св. Орденѣ, послужитъ имъ руководствомъ (règle), по которому они будутъ впредь имѣть надзоръ и специальное управленіе всѣми дѣлами, имѣющими какое-нибудь отношеніе къ св. Ордену Хр. Іер. на всемъ пространствѣ имперіи всея Россіи.

Надѣемся, впрочемъ, что эти достойные братья, своимъ повиновеніемъ и своей точностью въ исполненіи ея статей, вполне будутъ отвѣчать нашему ожиданію и нѣжному довѣрію, какое Мы имѣемъ къ ихъ рвенію.

Ст. 1-я.

Такъ какъ достопочтенный Петербургскій Капитулъ извѣстенъ братьямъ каменщикамъ только подъ именемъ Великой Національной Ложи, то Директорія, которой принадлежитъ управленіе (la régie) этимъ самымъ Капитуломъ¹⁾, будетъ носить имя Совѣта Великой Національной Ложи.

Ст. 2-я.

Директорія останется навсегда учреждена и будетъ имѣть пребываніе въ столицѣ имперіи и составлена будетъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) Великій префектъ; 2) Канцлеръ; 3) Вице-канцлеръ; 4) Прелатъ Петербургскаго *капитула*; 5) Начальникъ нововступающихъ (Senior Novitior); 6) Великій Хранитель; 7) Деканъ; 8) Прокураторъ; 9) Первый и 10) второй Вел. Инспект. Храма; 11) Великій казначеихранитель; 12) Le Grand Hospitalier (или Dator Panorum); 13) Великій герольдъ (Le Roi d'armes, или Heraldic. Magnus).

Директоріи кромѣ того будетъ позволено выбрать между рыцарями или же между друзьями Ордена двухъ лицъ, изъ которыхъ одно будетъ исполнять обязанности секретаря Директоріи, а другое будетъ хранить ея архивы, не имѣя однако голоса въ Директоріи, и Директорія можетъ

¹⁾ Здѣсь, и дальше, вмѣсто этого слова ставится четвероугольникъ съ крестомъ на верху. Далѣе, мы будемъ ставить курсивомъ слова, обозначаемаы масонскими знаками.

придать имъ, въ качествѣ помощниковъ, 4 или 5 *écuyers, armigers* 3-го класса, смотря по тому, какъ Директорія сочтетъ за нужное.

Префекты другихъ *капитуловъ*, прїѣзжая въ Петербургъ, будутъ получать позволеніе присутствовать въ Директоріи, но безъ права голоса.

Кромѣ вышеупомянутыхъ 13 членовъ, составляющихъ Директорію, въ Директоріи всегда будетъ имѣть мѣсто и голосъ одинъ изъ представителей Великаго *капитула* въ Стокгольмѣ, который будетъ назначенъ Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ IX-й Провинціи, чтобы чрезъ это имѣть еще болѣе средствъ къ поддержанію тѣсной связи и добраго согласія между двумя *капитулами*. Такимъ же образомъ одинъ изъ представителей *капитула* петербургскаго, назначаемый Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ, будетъ имѣть то же преимущество въ Великой Директоріи въ Стокгольмѣ.

Но затѣмъ, никому не будетъ позволено входить въ Директорію, подъ какимъ бы то ни было именемъ и предлогомъ, если только это не будетъ *Magister Templi* IX-й Провинціи, или кто-либо нарочно посланный отъ Великаго Провинціального Мастера IX-й Провинціи.

Ст. 3-я.

Каждый членъ, прежде чѣмъ начать засѣданія въ Директоріи, долженъ дать, на Библіи, слѣдующую присягу:

Присяга.

Я, NN, обещаюсь передъ Богомъ и клянусь св. Евангеліемъ во всемъ сообразоваться и точно слѣдовать тому, что мнѣ предписывается въ законахъ рыцарей тамплиеровъ и въ особой инструкціи, данной для Директоріи въ 1780. Я обещаюсь блюсти за сохраненіемъ правъ и законной власти славнаго и достопочтеннаго Великаго Мастера этой IX-й Провинціи; не допускать никогда, чтобы имъ нанесенъ былъ малѣйшій ущербъ, и повиноваться ему во всемъ, что не противно вѣрности, повиновенію и покорности, которыми я обязанъ моимъ законнымъ государямъ и какъ свѣтскимъ, такъ и церковнымъ законамъ этой имперіи. Я обещаюсь также употреблять всѣ мои старанія къ быстрому и немедленному исполненію приказаній и повелѣній моего Великаго Мастера, относящихся ко благу св. Ордена, придутъ ли эти приказанія прямо ко мнѣ, или отъ его имени, черезъ Великую Директорію Сѣвернаго Пріората (*du Prieuré Septentrional*). Я обещаюсь, сверхъ того, поддерживать, сколько будетъ отъ меня зависѣть, каждый *капитулъ*, каждую ложу, каждого рыцаря и каждого брата-каменщика въ полномъ обладаніи правъ, привилегій и преимуществъ, имъ принадлежащихъ, и со всевозможнымъ вниманіемъ предупреждать все, что могло бы принести малѣйшее нарушеніе добраго порядка, повиновенія и братской дружбы, которыя должны царствовать между братьями или членами нашего св. Ордена. Я обещаюсь держать

все это свято и искренно, въ силу креста, который я ношу, какъ подобаесть истинному свободному и вѣрному рыцарю Ордена Храма нашего Господа Иисуса Христа.

И да будетъ надо мной милость Всемогущаго.

Ст. 4-я.

Такъ какъ Директорія Россіи зависить единственно отъ Великаго Провинціального Мастера IX-й Провинціи, она обязана будетъ строго исполнять всѣ статьи Договора 1778 года, и никогда по собственной волѣ (*de son propre chef*) не дѣлать никакихъ новыхъ учрежденій, не принимать никакихъ мѣръ или измѣненій, не испрашивать и не получивъ предварительно согласія Великаго Провинціального Мастера. На этотъ конецъ, Директорія будетъ поддерживать тѣсную корреспонденцію съ Директоріей Сѣвернаго Пріората, имѣющей пребываніе въ Стокгольмѣ, сообщать ей не только все то, что могло бы какии-нибудь образомъ касаться общаго блага Ордена, но также и все, что относится къ частнымъ дѣламъ *ложъ* и *капитуловъ* и что могло бы заслуживать вниманія Великаго Провинціального Мастера. Поэтому, петербургская Директорія будетъ каждые полгода посылать Великой Директоріи въ Стокгольмѣ точный отчетъ о *ложкахъ* и *капитулахъ*, работающихъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, и въ концѣ каждаго года — краткій общій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, какія произошли въ теченіе года, для доклада о томъ Великому Провинціальному Мастеру.

Ст. 5-я.

Каждая ложа каменщиковъ, какъ іоанновскихъ, такъ и св. Андрея, называемая Шотландской, и каждый капитулъ, который существуетъ или будетъ впредь существовать на всемъ пространствѣ имперіи всей Россіи, обязаны во всемъ и безъ замедленія повиноваться Директоріи, представлять ей точныя донесенія о своемъ состояніи, о способѣ своихъ работъ, о своихъ экономическихъ дѣлахъ, о производимыхъ ими пріятіяхъ, и о томъ, какъ они исполняютъ приказанія Директоріи или Великаго Мастера, которые будутъ имъ сообщаемы Директоріей, и никому не позволено дѣлать какиихъ-либо нововведеній, приводить въ исполненіе какой-либо проектъ безъ вѣдома, и еще менѣе противъ мнѣнія и безъ одобренія Директоріи.

Въ случаѣ нарушенія (этой статьи) виновные подвергнутся наказаніямъ, установленнымъ законами, и будутъ вычеркнуты и исключены (*rayés et bisqués*) какъ отщепенцы, измѣнники и клятвопреступники, изъ списка истинныхъ свободныхъ каменщиковъ и вѣрныхъ рыцарей Храма.

Ст. 6-я.

Директорія наблюдаетъ (*fait exécuter*), чтобы во всѣхъ *ложкахъ* и

капитулахъ, находящихся въ ея зависимости, исполнялись повелѣнія, эдикты и распоряженія Великаго Провинціального Мастера, относящіеся къ дѣламъ св. Ордена. Съ этой цѣлью, какъ скоро дойдутъ до Директоріи повелѣнія Великаго Мастера, она разсылаетъ ихъ въ *ложы* и *капитулы*. Эти послѣдніе даютъ росписки въ полученіи, съ означеніемъ времени, на той же бумагѣ, и отсылаютъ ее обратно Директоріи для храненія въ архивѣ Директоріи, которая потомъ доноситъ объ этомъ, съ приложеніемъ копій, Великой Директоріи Сѣвернаго Пріората въ Стокгольмѣ.

Ст. 7-я.

Никто не долженъ быть баллотированъ, для принятія въ рыцари Востока, прежде чѣмъ *капитулъ*, гдѣ онъ предлагается, не пошлетъ предварительно его имени и его качествъ въ Директорію, для испрошенія у Великаго Провинціального Мастера согласія на эту баллотировку, и получивъ это согласіе, можно приступить къ баллотировкѣ и къ принятію, сообразно съ законами, на подобныя случаи установленными.

Ст. 8-я.

Такъ какъ Директорія имѣетъ главное начальство и надзоръ за всѣми кассами и экономіей *ложъ* и *капитуловъ*, то послѣдніе обязаны въ концѣ cadaго полугодія отдавать Директоріи отчетъ въ ихъ употребленіи. Имъ положительно запрещается дѣлать какую-либо чрезвычайную издержку безъ позволенія Директоріи, также какъ и Директорія не въ правѣ давать свое согласіе на подобныя издержки, не получивъ на то одобренія Великаго Провинціального Мастера.

Директорія сверхъ того будетъ заботиться и будетъ въ томъ отвѣтственна передъ Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ, чтобы ежегодный взносъ (*rétribution*) девяноста девяти дукатовъ, опредѣленный по 8-й статьѣ Договора 1778 года, былъ въ точности уплачиваемъ и очищаемъ.

Ст. 9-я.

Каждый членъ Директоріи, имѣя свою особенную должность, обязанъ сообразоваться съ слѣдующей инструкціей.

Великій Префектъ.

1°. Великій Префектъ есть всегда предѣдатель Директоріи, гдѣ онъ имѣетъ два голоса, и при равенствѣ голосовъ, онъ рѣшаетъ. Онъ имѣетъ право собирать Директорію такъ часто, какъ сочтетъ это нужнымъ для пользы Ордена, что должно дѣлаться по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Остальнымъ братьямъ-каменьщикамъ онъ будетъ извѣстенъ одъ именемъ Великаго Провинціального Мастера, и ему принадлежитъ главное начальство (*surintendance*) надъ всѣми *ложами*, которыя работаютъ на пространствѣ имперіи всяя Россіи. По его смерти или въ томъ

случаѣ, если его должность останется вакантною вслѣдствіе его отставки, Великій Провинціальный Мастеръ IX-й Провинціи, о томъ предварительно извѣщенный, представитъ Великому Генеральному Мастеру всего св. Ордена ¹⁾ лицъ, изъ которыхъ Великій Мастеръ выберетъ одного, чтобы занять его мѣсто и ему наслѣдовать.

2°. Великій Префектъ имѣетъ право присутствовать на всѣхъ великихъ конвентахъ Ордена, также какъ и на всѣхъ провинціальныхъ конвентахъ, гдѣ онъ всегда будетъ имѣть голосъ, и когда ему нельзя будетъ находиться тамъ лично, онъ имѣетъ право посылать туда представителя, но нужно, чтобы этотъ послѣдній былъ всегда рыцарь, имѣющій высшія степени ²⁾.

3°. Онъ имѣетъ также право управлять, открывать и закрывать *капитулы*, зависящія отъ его округа, если только не присутствуетъ самъ Великій Генеральный Мастеръ всего Ордена, или Великій Мастеръ IX-й Провинціи; тогда это право принадлежитъ ему одному.

4°. Должность Вел. Префекта пожизненна, если только онъ ее не оставитъ добровольно, и онъ всего болѣе своимъ примѣромъ долженъ воодушевлять другихъ братьевъ, выказывать свою ревность, свое повиновеніе и свою привязанность къ ихъ общему начальнику или Вел. Провинціальному Мастеру.

5°. Великій Префектъ не можетъ, по собственному произволу, или безъ вѣдома Директоріи принимать никакихъ мѣръ относительно управленія *ложъ* и *капитуловъ*, и еще менѣе — учреждать новыя, предварительно не испросивъ и не получивъ согласія Великаго Пров. М.

6°. Великій Префектъ, какъ предсѣдатель Директоріи, въ особенности долженъ блюсти за охраненіемъ правъ Великаго Провинціального Мастера и въ особенности быть передъ нимъ отвѣтственнымъ въ быстрой передачѣ и исполненіи его приказаній. Онъ долженъ также заботиться, чтобы донесенія, какія Директорія обязана дѣлать Великому Провинціальному Мастеру, были посланы и управляемы безъ замедленія въ назначенные сроки.

7°. Онъ долженъ также смотрѣть за поведеніемъ *ложъ* и *капитуловъ* своего округа, для того, чтобы съ точностью исполняемы были законы, обряды, церемоніи и обычаи, принятые въ Каменьщичество и установленные съ первыхъ временъ общими и древними законами св. Ордена. Но въ особенности обязанность его должности есть блюсти за поведеніемъ рыцарей и дѣлать о томъ вѣрное донесеніе въ кон-

¹⁾ Въ то время это былъ еще, какъ мы говорили, самъ король шведскій, у котораго герцогъ Зюдерманландскій былъ какъ бы помощникомъ.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ былъ вѣроятно Беберъ на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ. Онъ былъ тогда секретаремъ русской Национальной Ложы шведской системы.

цѣ года Великому Провинціальному Мастеру, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ Великій Мастеръ могъ знать всѣхъ братьевъ и вознаграждать ихъ рвеніе ко благу и расширенію св. Ордена, смотря по заслугамъ каждого.

Канцлеръ.

1°. Канцлеръ будетъ заботиться о томъ, чтобы приказанія Директоріи различными *ложамъ и капитуламъ* были должнымъ образомъ посылаемы; онъ будетъ также наблюдать за отправленіемъ донесеній отъ Директоріи Великому Провинціальному Мастеру, и завѣдывать (*aupa le détail*) всей корреспонденціей Директоріи какъ съ Великимъ Мастеромъ и Великой Директоріей Сѣвернаго Пріората, такъ и съ *ложами и капитулами*, находящимися въ вѣдѣніи Директоріи.

2°. Въ Директоріи онъ есть докладчикъ всѣхъ дѣлъ, приходящихъ отъ *ложъ и капитуловъ*. Поэтому, онъ будетъ вести точный журналъ дѣламъ, вносимымъ въ Директорію, также какъ рѣшеніямъ и ствѣтамъ Директоріи. Въ другомъ журналѣ онъ будетъ отмѣчать всѣ письма и приказанія, исходящіе отъ Великаго Мастера, и отвѣты Директоріи на упомянутыя письма.

3°. Когда его мѣсто дѣлается вакантнымъ, Директорія представитъ Великому Провинціальному Мастеру трехъ рыцарей, имѣющихъ высшія степеніи, изъ которыхъ Великій Мастеръ назначитъ одного ему въ преемники. Впрочемъ, онъ будетъ дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что предписано въ масонскихъ законахъ, гдѣ онъ носитъ имя Великаго Канцлера Великой Національной Ложы.

Вице-канцлеръ.

Вице-канцлеръ будетъ исполнять должность канцлера во время его отсутствія и вообще будетъ помогать ему въ исполненіи его должности.

Въ каменищичествѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Великаго Виція Великой Національной Ложы.

Прелатъ Капитула.

Прелатъ будетъ имѣть попеченіе о томъ, чтобы въ *капитулахъ*, зависящихъ отъ Директоріи, совершаема была божественная служба въ первую пятницу каждого мѣсяца, по законамъ Ордена, и всѣ духовныя лица (*ecclésiastiques*) ордена должны признавать его власть ¹⁾.

¹⁾ Эта должность по всей вѣроятности должна была быть занимаема духовнымъ лицомъ. Сюда относится 15-й пунктъ въ вопросахъ инструкціи Вибеля. Наши масоны отвѣчали, что въ нихъ (шведскомъ) капитулахъ было всего только одинъ братъ

Начальникъ нововступающихъ (Chef des novices).

1°. Начальникъ или Senior Novitiorum будетъ вѣдать всѣ проступки, какіе были бы совершены противъ законовъ ордена, и будетъ доносить о томъ Директоріи.

2°. Онъ будетъ смотрѣть за поведеніемъ всѣхъ членовъ *капитуловъ*, какъ рыцарей, такъ и *эсуиуевъ*, и еслибы случилось, что кто-нибудь могъ забыть или пренебречь своими обязанностями, онъ долженъ сдѣлать имъ по этому поводу замѣчанія и увѣщанія, и никто не въ правѣ питать неудовольствіе (*prendre en mauvaise part*) противъ Senior Novitiorum, такъ какъ этимъ онъ исполняетъ обязанности своего званія. Если противъ всякаго ожиданія, кто-нибудь изъ братьевъ будетъ такъ несчастенъ, что впадетъ въ какую-нибудь важную вину и которая можетъ имѣть свои послѣдствія, Senior Novitiorum обязанъ немедленно извѣстить о томъ Великаго Провинціальнаго Мастера черезъ посредство Директоріи.

3°. Особенный надзоръ долженъ имѣть Senior Novitiorum всего болѣе надъ *армигерами* или *эсуиуевъ* всѣхъ классовъ. На этотъ конецъ онъ будетъ имѣть точные списки (*des rôles exacts*), гдѣ будутъ означаться ихъ положеніе въ орднѣ, также какъ и въ профанномъ свѣтѣ, и ихъ нравственныя качества, для того, чтобы онъ всегда имѣлъ возможность доставлять по этому предмету необходимыя объясненія, въ случаѣ еслибы Великій Провинціальный Мастеръ ихъ потребовалъ. *эсуиуевъ* обязаны оказывать ему всякое почтеніе и всевозможное повиновеніе, какъ своему особенному начальнику.

4°. Кромѣ того, онъ долженъ еще употреблять все свое вниманіе на то, чтобы никакой человѣкъ съ испорченными нравами или по инымъ причинамъ недостойный такой чести, не могъ быть предложенъ и допущенъ къ баллотировкѣ, для принятія въ рыцари Востока и Іерус. Поэтому, онъ долженъ прилагать свое мнѣніе о каждомъ лицѣ къ тѣмъ представленіямъ, какія Директорія будетъ посылать Вел. Провинціальному Мастеру о лицахъ, предложенныхъ къ баллотировкѣ въ *капитулахъ* Востока.

5°. Въ каменщикествѣ онъ носить имя Великаго Инквизитора Великой Національной Ложи, и онъ можетъ быть судимъ только Великимъ Мастеромъ.

Великій Хранитель.

1°. Великій Хранитель долженъ имѣть подъ своимъ надзоромъ архивъ Директоріи, въ которомъ будутъ сохраняться всѣ акты, относя-

нѣ духовныхъ; но что исполнить это духовную должность, по ихъ мнѣнію, могъ вообще и свѣтскій братъ, достойный уваженія по чистотѣ своихъ нравовъ.

Что духовныя лица вообще бывали не оданъ разъ въ нашемъ масонствѣ, объ этомъ есть нѣсколько различныхъ указаній.

щіея къ св. Ордену, какъ общіе и частные законы, ритуалы, декреты, приказанія и письма Великаго Мастера и проч.

20. Впрочемъ, Великій Хранитель будетъ дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что предписывается въ слѣдующей статьѣ для Декана и Прокуратора, употребленіе которой раздѣляется между ими троемъ, смотря по требованію обстоятельствъ. Поэтому, онъ извѣстенъ братьямъ-каменьщикамъ подъ именемъ Перваго Великаго Визитатора Національной Ложи.

Деканъ и Прокураторъ.

10. Они обязаны, какъ имъ возможно чаще, дѣлать визитацію въ *ложы* и *капитулы*, зависящихъ отъ Директоріи, чтобы видѣть, производятся ли работы ихъ сообразно съ тѣмъ, что повелѣвается законами, и дѣлать объ этомъ вѣрный докладъ Директоріи, такимъ образомъ, чтобы эта послѣдняя имѣла возможность тотчасъ исправлять и устранять злоупотребленія и безпорядки, какіе могли бы вкрасться какъ въ способъ работъ, такъ и во внутреннее управленіе. При этомъ случаѣ они должны разсматривать протоколы и журналы каждой *ложы* и *капитула*, также какъ состояніе ихъ кассъ, и не упускать изъ виду ничего, что могло бы заслуживать ихъ вниманія.

20. Директорія будетъ дѣлать извлеченіе изъ донесеній, ими сдѣланныхъ, съ замѣчаніями ихъ о настоящемъ состояніи *ложы* и *капитулы* и о переменахъ, какія могли произойти со времени послѣдней визитаціи, и это извлеченіе будетъ посылаемо Великой Директоріи въ Стокгольмъ.

30. Они извѣстны въ Каменьщикествѣ подъ именами Второго и Третьяго Великаго Визитатора Національной Ложи.

Великіе Инспекторы Храма (Inspecteurs du Temple).

Два Великіе Инспектора Храма, извѣстные братьямъ-каменьщикамъ подъ именемъ Великихъ Надзирателей (Surveillants) Національной Ложи, завѣдуютъ всѣми домами и зданіями, принадлежащими Ордену. Они имѣютъ попеченіе объ украшеніяхъ (ornements et décorations) какъ въ *ложы*, такъ и въ *капитулы*, чтобы они были сообразны съ тѣмъ, что относительно ихъ предписано въ законахъ.

Великій Казнохранитель.

10. Завѣдываніе и управленіе денежными суммами поручается Великому Казнохранителю. Поэтому всѣ частные казнохранители *ложы* и *капитулы* зависятъ отъ него, должны ему повиноваться и обязаны отдавать ему отчетъ въ своемъ управленіи такъ часто, какъ онъ потребуетъ.

2°. Для этой цѣли онъ озаботится тѣмъ, чтобы имѣть росписки (recettes) и документы о всѣхъ доходахъ и расходахъ Ордена, которые онъ каждую четверть года будетъ представлять Директоріи, для того, чтобы она имѣла возможность давать Великому Провинціальному Мастеру всѣ разъясненія, какія онъ отъ нея потребуеть.

3°. Онъ будетъ блюсти за взиманіемъ доходовъ и особенно ежегоднаго взноса (tribut), который *ложы* должны посылать Директоріи, подъ именемъ іоанновскаго взноса (tribut de St.-Jean). Въ *ложкахъ* каменьщиковъ онъ носитъ то же имя какъ здѣсь.

Великій Hospitaller, или Dator panorum

Великій Hospitaller ¹⁾. извѣстный подъ тѣмъ же именемъ братьямъ-каменьщикамъ, имѣетъ надзоръ за всѣми благотворительными учрежденіями, устроенными орденомъ, и за недостаточными братьями, о которыхъ будетъ заботиться, чтобы они правильно получали то, что назначено на ихъ содержаніе, по расчету (état), сдѣланному о томъ Директоріей. Поэтому, въ концѣ каждаго года онъ будетъ представлять Директоріи записку объ ихъ числѣ и ихъ другихъ обстоятельствахъ, чтобы Директорія, на основаніи этихъ свѣдѣній, могла распределить суммы, ассигнованныя на это употребленіе, въ началѣ слѣдующаго года. Эти суммы будутъ состояться отчасти изъ добровольныхъ пожертвованій великодушныхъ и человеколюбивыхъ братьевъ, но главнымъ образомъ изъ сборовъ, какіе должны дѣлаться во всѣ рабочіе дни въ *ложкахъ* и *капитулахъ* передъ тѣмъ, какъ братья будутъ расходиться. Эти деньги должны быть въ каждую четверть года отсылаемы къ Великому Hospitaller, и онъ будетъ вести имъ особенный счетъ. Эти книги и отчеты, также какъ отчеты Великаго Hospitaller должны быть каждые полгода представляемы Директоріи, которая будетъ поручать ревизію ихъ двумъ изъ своихъ членовъ поочередно, и въ концѣ года Директорія дастъ имъ приличныя квитанціи ²⁾.

Великій Hospitaller будетъ имѣть особенное попеченіе о немощныхъ и больныхъ Ордена, приглашая врачей и хирурговъ, находящихся въ Орднѣ, подавать имъ всю возможную помощь.

Le Roi d'armes, или Heraldicus Magnus.

1°. Le Roi d'armes ³⁾ будетъ имѣть завѣдываніе и распоряженіе всѣми празднествами, какія будутъ торжествоваться въ *капитулахъ* по обычаю, установленнымъ законами Ордена. Онъ долженъ также об-

¹⁾ Не знаетъ, какъ могло быть переведено это слово. Должность, имъ обозначаемая, была вѣроятно та же, которая въ другихъ системахъ принадлежала «собирателю милостини».

²⁾ Въ поминникѣ: décharges convenables. Наложеніе не вполне намъ ясно.

³⁾ Лица этой должности въ другихъ системахъ нашихъ назывались герольдами.

ращать вниманіе на то, чтобы рыцари и Есцуеты были прилично и должнымъ образомъ одѣты и убраны въ дни, назначенные для собранія *капитула*.

2°. Онъ долженъ представлять проекты и рисунки для гербовъ, именъ и девизовъ братьевъ-рыцарей, которые будутъ потомъ посланы Великому Мастеру на его утвержденіе. Послѣ того, какъ Великій Мастеръ утвердитъ ихъ и возвратитъ въ Директорію, *Le Roi d'armes* вручитъ ихъ рыцарямъ, снявши предварительно копін, которыя внесетъ въ особую книгу, съ ихъ именами, должностями и гербами, какіе употребляются ими въ профанномъ свѣтѣ, и по смерти этого брата, онъ прибавитъ сюда исторію жизни или краткую біографію покойнаго.

3°. Въ каменищницкомъ мірѣ онъ извѣстенъ подѣ именемъ Великаго Маршала Великой Національной Ложы.

Секретарь Директоріи.

Секретарь долженъ вести протоколы въ Директоріи и помогать канцлерамъ въ веденіи дѣлъ и корреспонденціи; поэтому секретарь долженъ хорошо знать иностранные языки и вполнѣ знать исторію, законы, обычаи и проч. нашего св. Ордена.

Наконецъ, мы даемъ нашей любезной Директоріи, снѣтъ нами установленной, въ гербъ — серебрянаго орла на красномъ полѣ, сидящаго на мозаичномъ паркетѣ изъ песка и серебра. Направо онъ держитъ гербъ св. Ордена, именно красный крестъ на серебряномъ полѣ, а позади щита онъ держитъ зеленую пальмовую вѣтвь.

Надъ орломъ находится золотой треугольникъ съ лучами, въ серединѣ котораго находится око. Кругомъ написано: *Sigill. Dir. Capitulator. S. O. T. H. in Imp. Russ. inst. A°. MDCCLXXX.*

Въ заключеніе, мы молимъ верховнаго и трижды Великаго Архитектора Вселенной, да удостоитъ имѣть подѣ своей св. охраной нашу любезную Директорію.

Дано въ Стокгольмѣ, MDCCLXXX, въ IX-й день 5-го мѣсяца, въ нашемъ Вел. Совѣтѣ на Востокѣ.

Карлъ — — 1) Зюдерм.

I. O. D. Equ. IX Pr. Prof. a Sole vivificante.

Шведская система, которая устанавливалась этимъ законодательствомъ въ нашемъ масонствѣ, удержалась недолго. Князь Г. П. Гагаринъ, который былъ «Префектомъ» капитула или Великимъ Мастеромъ Національной Ложы, переселился вскорѣ въ

1) Крестъ такъ-называемой Андреевской формы.

Москву, гдѣ онъ получилъ новое назначеніе по службѣ, и здѣсь онъ былъ окруженъ новыми обстоятельствами. Въ 1782-мъ году, послѣ Вильгельмсбадскаго конвента, происходившаго совершенно независимо отъ притязаній Швеціи на масонское первенство, Россія объявлена была отдѣльной и независимой «провинціей». Центръ русскаго масонства оказался въ Москвѣ, гдѣ дѣйствовалъ Новиковскій кружокъ, заботами котораго и было устроено это независимое положеніе нашего масонства. Князь Гагаринъ вскорѣ отказался отъ своихъ прерогативъ; шведское масонство окончательно уступило московскому розенкрейцерству.

Въ Петербургѣ шведскія прерогативы не были однако забыты, и нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя масонство шведской системы снова явилось на сцену при возобновленіи ложъ въ Александровское время. Какъ это происходило, — рассказывается въ отвѣтахъ нашихъ масоновъ на инструкцію Вибеля.

VI. Запрещеніе ложъ 1822-го и 1826 гг.

Извѣстно, что въ 1822 г. изданъ былъ указъ, запрещавшій масонскія ложи и вообще тайныя общества. Отъ масоновъ и немасоновъ требовались подписки о непринадлежности впредь къ ложама и тайнымъ обществамъ, и ложи должны были быть закрыты. Въ 1826-мъ году запрещеніе было повторено. До сихъ поръ не были еще разъяснены причины изданія указа 1822-го года: онъ заключался, повидимому, главнымъ образомъ въ томъ предубѣжденіи, которое умѣли за границей поселить въ императорѣ Александрѣ противъ европейскаго либерализма; когда началось тамъ преслѣдованіе тайныхъ обществъ, а также отчасти и масонскихъ ложъ, русскому правительству казалось, что и наши ложи представляютъ такую же опасность. При этомъ наши, кажется, поводъ къ этой мѣрѣ и въ нашихъ ложахъ, въ какихъ-нибудь неосторожныхъ словахъ или чемъ-нибудь подобномъ.

Въ матеріалахъ Московскаго Музея (№ 91) находятся два документа (въ копіи и въ черновой), относящіеся къ первому и второму запрещенію ложъ, — именно отвѣтная бумага С. С. Ланскаго къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею, 1822-го года, объ исполненіи имъ предписаннаго указомъ закрытія ложъ, и другая подобная бумага отъ 1826-го года.

Первая изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Милостивый государь

графъ Викторъ Павловичъ!

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія вашего сіятельства отъ 6-го сего августа за № 565, съ изображеніемъ въ ономъ высочайшаго

его имп. в—ва повелѣнія о закрытіи масонскихъ ложъ, честь имѣю уведомить васъ, м. г., что по предмету сему учинены мною слѣдующія распоряженія:

1) Состоявшія здѣсь подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи пять масонскихъ ложъ, подъ именами: 1) Елизаветы Добродѣтели; 2) Трехъ Добродѣтелей; 3) Трехъ Свѣтилъ (работавшихъ на російскомъ языкѣ); 4) Дубовой Долины къ вѣрности (на нѣмецкомъ языкѣ) и 5) Орфея (на французскомъ языкѣ), 12-го сего мѣсяца безъ всякихъ обрядовъ закрыты; а токмо объявлено о томъ мною всѣмъ бывшимъ въ сіе время членамъ тѣхъ ложъ.

2) Отъ находящихся здѣсь на лицо членовъ означенныхъ пяти ложъ взяты, на основаніи помянутого высочайшаго повелѣнія, подписки, кои въ числѣ 95-ти при семъ честь имѣю препроводить.

3) О закрытіи въ Москвѣ ложи, подъ именемъ Ищущихъ Манны (работавшей на російскомъ языкѣ), подъ управленіемъ той же Великой Ложи состоявшей, сообщено мною управляющему оной г. надворному совѣтнику фонъ-Визину; копія съ сего отношенія при семъ прилагается.

4) Къ отсутствующимъ членамъ ложъ, здѣсь учрежденныхъ, посланъ мною циркуляръ, при семъ въ спискѣ прилагаемый, о присылкѣ ко мнѣ подписокъ, кои по мѣрѣ полученія я буду имѣть честь доставлять непосредственно къ вашему с—ву.

5) Подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи находилась еще одна ложа въ Одессѣ, подъ именемъ Эвксинскаго Понта (работавшая на російскомъ и разныхъ иностранныхъ языкахъ), въ коей великимъ мастеромъ былъ гр. Александръ Ѳеодоровичъ Ланжеронъ, а на мѣстномъ мастеромъ французскій вице-консулъ Шале. Какъ извѣстно мнѣ, что ложа сія гр. Александромъ Ѳеодоровичемъ закрыта еще до состоянія нынѣ высочайшаго повелѣнія, то Великая Провинціальная Ложа не имѣетъ уже съ оною сношеній, а потому и взятіе отъ членовъ, составлявшихъ одесскую ложу, подписокъ, состоитъ нынѣ моею возможностью.

При семъ долгомъ поставляю изъяснить вашему с—ву, что члены ложъ, подъ управленіемъ Провинціальной Ложи состоявшихъ, преисполнены будучи вѣроподданническими чувствами (къ) Государю Императору, всегда старались оныя оправдать на опытѣ; въ собраніяхъ ихъ по существу законовъ, руководствовавшихъ Великою Провинціальную Ложу, не допускались никакіе политическіе толки, а всегда внушаемы были братьямъ правила, основанныя на христіанствѣ и исполненіи гражданскихъ обязанностей, нашему образу правленія свойственныхъ. Сношеній же съ другими тайными обществами у насъ никакихъ не бывало и имѣть ихъ воспрещалось. Нынѣ члены, узавъ чрезъ меня волю Государя Императора, въ отношеніи вашего с—ва изъясненную, со всею

готовностию во всякомъ случаѣ безпрекословно повиноваться оной, охотно исполнили высочайшее повелѣніе. О каковой готовности и вѣрноподданнической преданности ко всемілостивѣйшему государю я осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше с-во довести до высочайшаго свѣдѣнія его императорскаго величества.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностию честь имѣю быть вашего с-ва покорнѣйшимъ слугою.

С. Ланской.

Въ С.-Петербургѣ
16 (или 17) августа 1822
Его с-ву В. П. Кочубею.

При этомъ письмѣ, какъ сказано, препровождались и подписки членовъ, въ числѣ 95-ти. Затѣмъ, 2 и 30 сентября и 18 ноября были доставлены Кочубею еще 83 подписки отъ членовъ ложъ Елизаветы, Трехъ Добродѣтелей, Дубовой Долины, Орфея и Ищущихъ Манны.

Далѣе, въ томъ же сборникѣ находится копія рескрипта императора Николая Павловича къ министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому, отъ 21 апрѣля 1826, о новомъ истребованіи подписокъ относительно непринадлежности къ тайнымъ обществамъ и представленія свѣдѣній о нихъ, еслибы таковыя у кого оказались; и затѣмъ черновая отвѣтная бумага (повидимому отъ того же С. С. Ланскаго) къ министру объ этомъ предметѣ. Въ отвѣтной бумагѣ подробно прописано содержаніе документа 16—17 августа 1822 года объ исполненіи высочайшаго повелѣнія императора Александра о закрытіи тайныхъ обществъ и масонскихъ ложъ, и затѣмъ говорится:

Послѣ такового даннаго мною обязательства, согласно съ высочайшею блаженныя памяти государя императора волею я никакихъ ложъ не посѣщалъ и не составлялъ.

Нынѣ же во исполненіе высочайшей воли, изъясненной въ высочайшемъ рескриптѣ на имя г-на управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ д. т. с. Ланкова, 21-го апрѣля сего года состоявшагося, къ прежде даннымъ мною подпискамъ нужнымъ считаю присовокупить: что цѣль масонскаго общества, въ коемъ я находился, такъ равно и тѣхъ ложъ, коими я управлялъ, была исканіе чистѣйшаго познанія Бога, человѣка и натуры. Мѣры же къ достиженію сей цѣли не иныя были какъ исполненіе законовъ, духовною и гражданскою властію возлагаемыхъ, не изъ страха казни и не изъ своекорыстныхъ видовъ въ ожиданіи наградъ, но изъ сердечнаго и нелицемѣрнаго стремленія къ добру. Къ сему клонились всѣ упражненія масоновъ, принадлежавшихъ къ Провинціальной Ложѣ, и подвѣдомственныхъ ей ложъ, о чемъ правительство ежемѣсячно было извѣщаемо въ то время, когда собранія

си не были запрещены ить. Всѣ участвовавшіе въ сихъ собраніяхъ съ искреннимъ желаніемъ точнаго исполненія возлагаемыхъ обществомъ симъ обязанностей, на правилахъ христіанской вѣры и вѣрномъ служеніи государю и отечеству основанныхъ, конечно не измѣнили и не измѣнять симъ священнымъ обязанностямъ, отъ соблюденія коихъ временное благосостояніе и вѣчное блаженство каждаго человѣка зависитъ. Другихъ же тайныхъ обществъ я не зналъ и не знаю.

VII. МАСОНСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ БАТЕНКОВА.

Въ собраніи Московскаго Музея есть между прочимъ записка, писанная въ 1863 г. извѣстнымъ декабристомъ Г. С. Батенковымъ и заключающая въ себѣ его воспоминанія о старомъ масонствѣ. Эта записка была написана имъ по просьбѣ покойнаго московскаго профессора С. В. Ешевскаго и находится въ сборникѣ бумагъ, ему собственно принадлежавшихъ (Муз. № 118).

Ешевскій, — котораго мы имѣли случай знать лично въ 1862, за границей, — былъ вообще изъ тѣхъ истинныхъ ученыхъ, какихъ, къ сожалѣнію, немного представляетъ исторія нашей неопытной науки. Это былъ питомецъ школы Грановскаго и Кудрявцева, человѣкъ того же нравственнаго типа, у котораго наука не оставалась книжной штудіей, который понималъ ея истинную высоту, ея живой смыслъ и настоящія требованія. Исторія, составлявшая его спеціальное занятіе, казалась ему по преимуществу такимъ знаніемъ, которое близко касается нравственнаго сознанія; это былъ для него не только комментарий къ прошедшему, но и школа для укрѣпленія нравственныхъ понятій и правилъ. Естественно, поэтому, что его научные интересы были очень обширны; онъ отличался весьма разнообразными свѣдѣніями, но доходя до самыхъ частныхъ въ тѣхъ историческихъ предметахъ, которые были имъ изучаемы, онъ не былъ способенъ зарываться въ однихъ этихъ частностяхъ: понимая цѣльность науки, онъ старался освоиться съ самыми различными областями исторіи, которыя обыкновенно кажутся различными и отдѣльными спеціальностями. И надо сказать также, что онъ былъ достаточно свободенъ отъ тѣхъ условныхъ ограниченій, которымъ такъ легко подчиняются тѣ, для кого занятіе наукой бываетъ только чиновнической службой; его взгляды образовались свободно, и развивались до послѣдняго времени его жизни. Біографія Ешевскаго, напечатанная при его сочиненіяхъ, къ сожалѣнію, мало рассказываетъ о развитіи его мнѣній; но можно сказать, что русская исторія была понимаема имъ съ

такимъ же чувствомъ живого значенія науки: его интересовали саміе далекіе одинъ отъ другого пункты этой історіи, отъ пермськихъ древностей до новѣйшихъ явленій нашої общественной історіи. Одинъ изъ первыхъ, если не первый, онъ приступилъ научнымъ образомъ и къ объясненію нашего масонства, и если еще не установилъ вполнѣ этого историческаго вопроса, то во всякомъ случаѣ далъ образчики критическаго взгляда и разработки фактовъ. Приобрѣтеніе имъ масонскаго архива, сохранявшагося нѣкогда въ рукахъ С. С. Ланскаго, одного изъ послѣднихъ могиканъ Великой Провинціальной Ложы, можно сказать, спасло для науки одно изъ важнѣйшихъ, если не самое важное собраніе матеріала для історіи масонства, — насколько, по крайней мѣрѣ, они до сихъ поръ стали извѣстны. Ешевскій началъ изучать приобрѣтенныя имъ книги и рукописи, и повидимому возмѣлъ мысль о цѣлой історіи русскаго масонства.

Собирая уцѣлѣвшіе документы масонства, Ешевскій не ограничивался однимъ архивнымъ матеріаломъ: онъ искалъ также живыхъ воспоминаній и преданій. Случай къ этому представлялся. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ онъ былъ профессоромъ въ Казани; въ то время выѣзжали изъ Сибири возвращавшіеся послѣ амнистіи декабристы, и здѣсь Ешевскій, какъ видно, познакомился съ Батенковымъ. Эти возвращавшіеся были встрѣчены съ большимъ интересомъ въ то время, которое само было исполнено свѣтлыхъ надеждъ и съ участіемъ обращалось къ этимъ идеалистамъ стараго вѣка.

Личность Батенкова довольно извѣстна. По свидѣтельствамъ его товарищей и по другимъ свѣдѣніямъ ¹⁾, это былъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ характеровъ между людьми тайнаго общества. Молодымъ человѣкомъ, онъ, какъ многіе изъ его товарищей, прошелъ прежде всего военную жизнь походовъ 1813 и 1814 годовъ, которая по всей вѣроятности и въ немъ оставила тѣ же впечатлѣнія и заронила тѣ же политическіе инстинкты. Воротившись домой, онъ продолжалъ службу инженеромъ, но своимъ способомъ дѣйствій на службѣ приобрѣлъ извѣстную репутацію «безпокойнаго человѣка» и получилъ вслѣдствіе того служебное назначеніе въ Сибири; тамъ онъ былъ замѣченъ Сперанскимъ, съ нимъ вернулся въ Петербургъ и наконецъ служилъ при Аракчеевѣ. Его цѣнили какъ человѣка умнаго и дѣятельнаго.... Впослѣдствіи, его энергическая натура выдержала одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній, какія только выпадали на долю лю-

¹⁾ Записки и воспоминанія декабристовъ, и Богдановича, Исторія импер. Александра I, т. VI, стр. 434 и слѣд.

дамъ, замѣшаннымъ въ тайномъ обществѣ. Несмотря на долгое-временное одиночное заключеніе и потомъ ссылку, онъ возвратился, какъ вообще его товарищи, человекомъ, въ которомъ были еще живыя стремленія и теплое сочувствіе къ новымъ поколѣніямъ.

По обыкновенію того времени, Батенковъ прошелъ и черезъ масонскую ложу. Намъ не встрѣтилось до сихъ поръ свѣдѣній о томъ, гдѣ онъ былъ принятъ въ первый разъ; можно предполагать, что это было еще до 1814 года. Впослѣдствіи, мы находимъ его членомъ петербургской ложи «Избраннаго Михаила», въ союзѣ Великой Ложи Астрей, и потомъ въ числѣ основателей ложи Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ, учрежденной въ 1818-мъ году и принадлежавшей къ союзу той же Астрей. Записка его о масонствѣ была писана имъ уже въ глубокой старости, за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти (онъ умеръ 29-го октября 1863). Это — вещь, писанная наскоро, не перечитанная, назначенная въ близкія дружескія руки; изложеніе ея неровно, языкъ неопредѣленный и туманный. Но при всѣхъ ея литературныхъ недостаткахъ, записка остается любопытнымъ историческимъ документомъ. Вслѣдствіе темноты изложенія, — отчасти намѣренной, — мысль автора не всегда понятна; нерѣдко воспоминанія измѣняли ему, но записка оставляетъ однако то общее впечатлѣніе, что масонство, отчасти затемнившееся въ далекихъ воспоминаніяхъ, было нѣкогда для писавшаго воспитательной силой и что оно до послѣдняго времени сохранило для него свой таинственный авторитетъ. Намъ ясно теперь, что авторъ преувеличивалъ его значеніе и содержаніе, но несомнѣнно, что въ тѣ времена оно имѣло своихъ серьезныхъ адептовъ, вѣрившихъ въ его силу: съ нимъ они связывали понятія, служившія для нихъ нравственнымъ руководствомъ, и если на самомъ дѣлѣ оно и не давало имъ вполне опредѣленныхъ принциповъ, оно возбуждало въ нихъ нравственную дѣятельность и исканіе идеала.

Въ началѣ записки Батенковъ ссылается на какого-то своего друга, опытнаго въ масонствѣ и отъ котораго онъ заимствовалъ передаваемые свѣдѣнія; но это вѣроятно ссылка фиктивная, которую употребилъ онъ для того, чтобы не являться самому рассказчикомъ того, что, по его стариннымъ обязательствамъ, должно было быть имъ хранимо какъ тайна.

Въ слѣдующемъ ниже текстѣ, записка передается въ точности; только въ двухъ-трехъ мѣстахъ (указанныхъ точками) мы опустили по нѣскольку строкъ, вслѣдствіе большой неясности текста, которая бесполезнымъ образомъ затруднила бы читателя.

Калуга, мая 20, 1863.

Исполняю по мѣрѣ моихъ силъ данное мною вамъ, дорогой Степанъ Васильевичъ, обѣщаніе, по предмету большаго дѣла, которымъ вы такъ усердно заняты.

Прилагаю брѣвонъ на цѣлыхъ почти четырехъ листахъ:

«Въ нихъ большіе чудеса,

«Очень мало склада.»

Можетъ быть и годно будетъ что-нибудь для васъ, по крайней мѣрѣ для склада мысли. Если нѣтъ, — бросьте: я не осержусь.

Простите только, ежели отнял нѣсколько времени для прочтенія, которое при моей акаллиграфіи можетъ быть совершенно и не безъ труда. По крайней мѣрѣ примите какъ доказательство добрыхъ моихъ къ вамъ чувствъ и желанія крѣпко сохранить пріязнь, кстати и завязавшуюся на востокѣ¹⁾.

Если вздумаете спросить меня о чемъ, то я готовъ къ вашимъ услугамъ. Но вотъ какое обстоятельство: я на этой же недѣлѣ ѣду въ деревню къ Елагинымъ и пробуду тамъ до августа. Во все это время адресъ мой будетъ въ Бѣлевъ, Тульской губерніи.

Право нечего и говорить болѣе о себѣ. Живу пока живется — вотъ и все.

Преданный вамъ сердечно
Батеньковъ.

Калуга, мая 16, 1863.

I.

Давно существуетъ и распространено масонское братство, какъ съ отдѣльными, по конституціи своей, болѣе или менѣе тайными ложами, такъ и соединенными въ государствахъ подъ управленіемъ ихъ „великихъ востоковъ“. Однако о существенномъ ихъ отправленіи мало что извѣстно въ народной жизни, даже собственная ихъ литература, печатная, по не публичная, въ послѣднее время имѣетъ болѣе ученое, нежели изтолковательное свойство.

Много есть понятныхъ причинъ такому состоянію дѣла, между прочимъ и то, что для вникновенія въ него недостаточно простой пытливости, нескромности лицъ или наружнаго обозрѣнія. Надобно быть²⁾, знаютъ въ точности одни и весьма немногочисленные адепты, всецѣло и всѣмъ своимъ существомъ преданные своему призванію.

Сознаютъ, однако, что общество это мирное, безвредно для общей

¹⁾ Игра словъ; «востокъ» — извѣстный масонскій терминъ. Знакомство началось вѣроятно въ Казани.

²⁾ Эти два слова приписаны.

жизни, человеколюбиво; въ лучшихъ членахъ своихъ умно, нравственно, чуждо суевѣрія, другъ свѣта и чтить Бога, какъ причину всего существующаго.

Въ моей юности я любилъ былъ однимъ изъ усердѣйшихъ адептовъ, и здѣсь привожу мои воспоминанія изъ отрывочныхъ по временамъ разговоровъ съ нимъ.

Сказывалъ онъ, что при первомъ вступленіи въ ложу его поразила глубокая тишина и серьезное настроеніе собранія. Онъ почувствовалъ, несмотря на простоту обстановки, пребываніе нѣкоего особаго древняго свѣта, предъ нимъ предстало таинство. Обозрѣвъ символическія вещи, замѣтилъ, что они прошли чрезъ вѣки и люди ихъ не касались.

Принявъ званіе ученика, онъ смутился, видя необходимость сложиться вновь. Его поразило, что никто не можетъ произнести слова, не получивъ на то позволенія мастера, и наблюдаемая обязанность безмолвно и внимательно слушать, что говорить одинъ изъ прочихъ. Всѣ движенія должны имѣть геометрическую правильность. Символъ ученика есть грубый булыжный камень, и упражненіе его должно состоять въ отверденіи, чтобъ быть годнымъ въ зданіе храма, посвященнаго вѣчному, духовному Существо. Самое это понятіе должно быть пріобрѣтено вниманіемъ къ ходу работъ и не преподается извнѣ словами. Оно выдѣляется по временамъ легальными, испытующими, краткими вопросами мастера и обрядами пріема, непрестанно надпоминающими ¹⁾ о важности и неизбѣжности смерти. Клятвы и присяги не дается, но надпоминается, что должно быть твердо и неизмѣнно „честное слово“, хотя бы и жизни то стояло.

Такъ ученикъ долженъ существенно упражняться, чтобъ выработать въ себѣ дисциплинарный складъ и понимать рѣчь братьевъ. Онъ долженъ вступить совершеннолѣтнимъ. Для того это, чтобъ человекъ занялся обработкой самого себя въ зрѣлости дарованій и силъ, и не стѣснялъ своего ума и воли, избѣгалъ направлять ихъ ко внѣшнему Авторитету.

II.

Когда ничего нѣтъ вреднаго въ масонствѣ, почему же оно такъ старательно скрывается и избѣгаетъ всякой извѣстности? На такой вопросъ данъ былъ отвѣтъ, что это перешло отъ таинствъ древняго міра. Самый образъ работъ, требующій тишины и углубленія въ самого себя, не можетъ происходить въ виду общей жизни и при открытыхъ дверяхъ. Притомъ требуетъ такой осторожности хранимый ложею великій свѣтъ знанія космической причины всему—бытія самобытнаго вседѣйствующаго Бога. Это тайна отъ міра, не могущаго устроить себя сообразно съ по-

¹⁾ Такъ въ рукописи.

знаніемъ истины. Она профанируется самою рѣчью, употребляемою въ обществѣ, на половину ложною и двусмысленною. Посему никакой рассказъ о масонствѣ не даетъ точнаго и яснаго понятія, для сего требуется быть масономъ и употреблять тѣ опредѣленные термины, тотъ языкъ, который, подобно математическому, выработанъ и воздѣлывается трудомъ мысли множества поколѣній. Обязанность таинства есть передать достигнутыя понятія чрезъ смерть поколѣній, для ихъ продолженія въ цѣльности и чистотѣ.

Въ обыкновенной жизни оставляется между поколѣніями большой промежутокъ въ знаніи, нравахъ и направленіи. Таинство хранитъ послѣдовательность, не выкидываетъ ничего полезнаго и не препятствуетъ прогрессу, наблюдая его какъ выводъ и безъ скачковъ. Должно стоять на неизблемой почвѣ.

Такимъ образомъ таинство необходимо для всякаго долговѣчнаго общества, составляетъ его регуляторъ и критеріумъ, и будучи основано на истинѣ и человеколюбіи, ничего кромѣ свѣта и блага, потребныхъ для собственнаго себя сохраненія, содержать въ себѣ не можетъ. Къ этому неспособны страстные увлеченія общей жизни.

Такъ предъ началомъ работъ, чрезъ особеннаго члена, удостовѣряется мастеръ, тщательно ли закрыты двери. Этотъ обычай наблюдался и въ древней христіанской церкви, гдѣ, и по прекращеніи говеній, предъ совершеніемъ освященія даровъ, надпоминается возгласомъ: „двери, двери!“

Человѣкъ, основываясь на достигнутыхъ понятіяхъ истинъ и приобрѣтенныхъ познаній, обозрѣвая всю задачу, предлагаемую состояніемъ и явленіями вселенной, убѣждается, что въ краткой свой вѣкъ познать ояъ можетъ весьма малую часть изъ всей цѣлости. Посему масонство вѣдряетъ разумное смиреніе, не возбуждаетъ зависти, будучи чуждо гордости, и хотя нерѣдко подвергалось гоненіямъ отъ неразумной тирании, но сохранилось чрезъ многіе вѣка незапятнаннымъ ¹⁾ юридическимъ обвиненіемъ.

Какъ познаніе самаго себя и устройство жизни, чрезъ смерть проходящей, масонство называетъ себя *работою и искусствомъ*, прилагая что эпитетъ царственнаго.

III.

Вторую степень составляютъ „товарищи“; имъ дасть символъ обтѣанный кубическій камень. Ихъ упражненіе—провѣрка и критика, какъ приобрѣтенныхъ въ мірѣ познаній, такъ и употребляемаго слова. Риторическія иносказанія и троичныя, символическія выраженія и фразы должны быть еще разъ обмыслены и ясно поняты.... Такъ на вопросъ о

¹⁾ Зачеркнуто: «отъ, чрезъ».

цѣли масонства отвѣчаютъ, что слово *цель* переносно взято отъ стрѣльбы и не даетъ точнаго понятія, а по употребленію на игрищахъ не можетъ быть примѣнено къ работамъ ложъ. Улыбается масонъ, ежели спросить его: какую роль играетъ ихъ братство въ жизни человѣческой? Онъ скажетъ, что у нихъ нѣтъ ничего театральнаго.

Очевидно, что такой пуризмъ мысли требуетъ чрезвычайнаго труда; но съ пріобрѣтеніемъ серіи ясныхъ понятій и убѣжденія, нѣтъ и мысли о запрещеніи какихъ-либо книгъ, изслѣдованія ученій, и подлежатъ вниманію всѣ дѣйствія человѣческія. Къ Откровенію, слову пророковъ и евангелію относятся съ благоговѣніемъ, не стѣсняя ума и относя законъ и догматы, какъ опеку, къ потребностямъ внѣшней дисциплины мысли, чуждаются споровъ, и не считая себя замкнутыми въ опредѣленный кругъ, не видятъ пользы въ фанатической пропагандѣ, не производящей внутренняго сосредоточенія и устоя.

IV.

Третью степень составляютъ „мастеры“; имъ присвоивается дѣйствіе волею на свой умъ, память и воображеніе....

Сообразно съ этимъ, символъ мастера есть числительная доска съ геометрическими фигурами и эстетическими контурами.

Трехъ мастеровъ достаточно въ соединеніи, чтобъ составить и открыть ложу. Они бесѣдуютъ между собою объ открытіяхъ и зижденіи въ тайникахъ души, и передаютъ ея феномены. А какъ все это еще далеко отъ практическаго приложенія въ жизни, то замѣняется обыкновенно обязательнымъ благотвореніемъ.

Столовые ложки напоминаютъ англійскіе митинги; въ нихъ также нѣчто дѣльное, вопросы и рѣшенія, часто гипотетическія....

Мастеръ ложки или предсѣдательствующій въ ней инсталируется по выбору всѣхъ братьевъ, составляющихъ довольно крѣпкой и серьезной союзъ. Они въ жизни помогаютъ другъ другу, стараются о единомысліи и согласіи, и безъ ихъ общаго голоса не можетъ быть принятъ новый членъ, посвященіе котораго производится въ ложѣ открытой, дѣйствіемъ мастера. Онъ вооруженъ молотомъ, ударамъ котораго всѣ повинуются. Гдѣ, по обстоятельствамъ, мастеръ не можетъ производить своихъ орядовъ, тамъ и не должна открываться ложа, какъ совершенная и справедливая. Таково повиновеніе этого братства предержащей власти.

V.

Держащіеся древнихъ преданій ограничиваются вышесказанными тремя степенями и даже въ союзъ съ учреждаемымъ иногда великимъ востокомъ присваиваютъ великимъ чиновникамъ только этотъ эпитетъ, но

не даютъ никакой высшей степени. Кромѣ пріемныхъ въ товарищи и мастера, ложи отырываются и работаютъ въ ученическихъ обрядахъ, также и великій востокъ, не имѣющій права принимать новыхъ членовъ или повышать въ степени, есть ученическая ложа. Установленіе великихъ востоковъ ¹⁾ — болѣе политическое для отвѣтственности за соблюденіе законныхъ предѣловъ предъ государственною властію, по силѣ даннаго отъ нея диплома.

Это устройство извѣстно теперь подъ именемъ шведской системы или вообще сѣверной ²⁾. Французы, по побужденію своей фантазій, изобрѣли болѣе 30 степеней, различаютъ ихъ только разширеніемъ и сложностію пріемнаго ритуала и названіями, почти кабалистическими, не внося ничего существеннаго въ работы. Въ сношеніяхъ же съ ними ложъ шведской системы, признаются и въ нихъ только три степени, и имѣющіе высокіе титулы принимаются только въ качествѣ мастеровъ и не могутъ являться въ своихъ костюмахъ и со знаками такъ-называемыхъ высшихъ степеней.

Въ открытой ложѣ каждый братъ носить на груди принятой ею символическій знакъ. Для распознаванія же другъ друга при внѣшнихъ встрѣчахъ имѣютъ по своимъ степенямъ особые знаки, чрезъ прикосновение и жестъ. Допускается и употребленіе взора, но вообще это средство не одобряется какъ трудно очищаемое отъ страсти.

Братья даютъ установленныя и произвольныя вклады въ свою ложу на ея потребности, и вносятъ червонецъ или ленту св. Іоанна ежегодно въ великій востокъ, гдѣ онъ учрежденъ.

Женщины въ работахъ ложи не участвуютъ. Имъ дается только подарокъ, въ знакъ привѣта и дружбы, отъ вступающаго вновь, изъ длинныхъ бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ.

Братья въ ложѣ сидятъ съ покрытою шляпой головою. Оружіе въ новѣйшее время не употребляется.

По трудности задачи, нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ масоны достигаютъ ея исполненія, и даже немногимъ изъ нихъ это можетъ быть приписано; но неоспоримо, что она глубоко укоренена въ натурѣ человѣка. Вѣрные адепты устраняютъ всякое уклоненіе отъ ея сущности, подобно какъ французскія степени, особливо потому, что они могутъ служить источникомъ разнородныхъ тайныхъ обществъ, идущихъ по другому направленію и прикрывающихся масонствомъ, подъ несвойственными ему именами и стремленіями. Французскій ритуалъ высшихъ степеней наполненъ напоминаніями о тираніи Филиппа Красиваго надъ иллюминатами. Масоны шведской системы признаютъ это характеромъ злопамятства и мести, чего сами никакъ допустить не могутъ, предоставляютъ судъ надъ ис-

¹⁾ Батенковъ разумѣетъ „великій“, т. е. управляющія ложи.

²⁾ Это обозначеніе весьма неточное.

торіей единому Богу и не видятъ въ рядахъ своихъ никого, на то уполномоченныхъ. (Всѣмъ принадлежитъ только открытіе законовъ и разумніе факта....). Не почитаютъ человѣческую волю самобытною, но содержимою и движиною въ космическомъ свѣтѣ и наведенномъ Творцомъ на землю Духъ; но при данномъ для руководства разумъ, предваряющемъ дѣйствіе, и при ясности слова, справедливо отвѣтственною. Изолированный матеріализмъ, какъ бы остроумны и утилитарны ни были плоды его работъ, считаютъ недостаточнымъ къ изъясненію, чрезъ ихъ динамическій процессъ, красотъ природы, и, для разумнѣя явленій, понятія тѣ считаютъ истинными, въ которыхъ чувствуется присутствіе свѣта космической причины и точное единство съ словомъ.

VI.

Масоны сохраняютъ преданіе, что въ древности убить злодѣяни совершенный мастеръ, и надѣются, что явится нѣкогда мастеръ, не умомъ только перешедшій черезъ смерть, но и всѣмъ своимъ бытіемъ (?). Такое преданіе должно быть весьма не новое и составляетъ стимулъ надежды на высшее на землѣ просвѣщеніе и цивилизацію, на освобожденіе отъ неотвратимаго жала смерти, при шествіи судебъ человѣческихъ къ свѣту и правдѣ чрезъ тьму и рожденію въ ней отрицательную природу зла, и ставятъ это въ соотвѣтствіе ученію о прирожденномъ грѣхѣ (?).

Какъ бы то ни было, но такой способъ мышленія и склада жизни не заслуживаетъ презрѣнія. Я могу представить изъ опыта два значительные факта, избавившіе меня отъ вѣрной смерти.

1. Въ одномъ изъ сраженій въ 1814 году въ холодномъ и сыромъ генварѣ мѣсяцѣ во Франціи, я, потерпѣвшій многія раны и оставленный съ трупами на полѣ сраженія, былъ непріятельскими солдатами раздѣтъ до рубашки. Въ слѣдъ за ними явились верховомъ два офицера французской гвардіи и обратили на меня вниманіе, приткнувъ къ лицу удостовѣрились, что я живъ, тотчасъ покрыли плащомъ убитого солдата и на своихъ рукахъ допесли до шоссе, черезъ разстояніе не менѣе полуверсты. Тамъ сдали на фуры, собравшія раненныхъ, и строго приказали отвезти въ госпиталь ближайшаго города и передать особенному попеченію медика. Въ послѣдствіи я узналъ, что обязанъ спасеніемъ положенію своей руки, которою покрывалъ одну изъ главныхъ ранъ случайно въ видѣ масонскаго знака. Крайне горестно, что я не знаю и именъ своихъ благодѣтелей.

2. Пробывъ двадцать лѣтъ въ секретномъ заключеніи во всю свою молодость, не имѣя ни книгъ, ни живой бесѣды, чего никто въ наше время не могъ перенести, не лишаюсь жизни, или по крайней мѣрѣ разума, я не имѣлъ никакой помощи въ жестокихъ душевныхъ страданіяхъ, пока не отрекся отъ всего внѣшняго и не обратился внутрь самаго себя. Тогда

(я) воспользовался методомъ масоновъ къ обозрѣнію и устройству представшаго мнѣ новаго міра. Такимъ образомъ укрѣпилъ себя и пережилъ многократныя нападенія смерти и погибели.

VII.

Полагаю, что сколько возможно мнѣ въ этихъ отрывочныхъ сказаніяхъ, до меня дошедшихъ, и на языкѣ, несоответствующемъ предмету, я далъ хотя руководящее свѣдѣніе къ оцѣнѣ наукою сущности масонства....

Въ заключеніе авторъ приводитъ нѣсколько строфъ одного масонскаго стихотворенія, очень темнаго и запутаннаго.

Выше замѣчено, что о масонской дѣятельности Батенкова нѣтъ пока никакихъ свѣдѣній. Мы можемъ только сообщить нѣсколько подробностей о той ложѣ, въ которой онъ состоялъ во время своей службы въ Сибири и которой онъ былъ однимъ изъ основателей. Это была ложа «Восточнаго Свѣтила на востокѣ Томска».

Слѣдующія здѣсь свѣдѣнія объ этой ложѣ заимствованы изъ небольшого собранія бумагъ этой ложи и писемъ ея членовъ, оставшагося послѣ покойнаго Н. И. Кусова и сообщеннаго намъ Евг. Ив. Ламанскимъ. Н. И. Кусовъ нѣкогда принадлежалъ къ ордену, и въ то время, къ которому относится эта переписка (въ 1819—1821 годахъ), онъ былъ членомъ ложи «Избраннаго Михаила» въ Петербургѣ и, вѣроятно по связямъ съ томскими масонами, — «намѣстнымъ представителемъ» ложи «Восточнаго Свѣтила» при Великой Ложѣ Астрей, въ союзу которой принадлежала Томская ложа.

Ложа Восточнаго Свѣтила основана была 30-го августа 1818 г., какъ означено и на ея печати, изображающей горящій факелъ въ треугольникѣ, на который спадаетъ идущія отъ факела ленты, и подъ которымъ означено время основанія: 30 VI 5818.

Въ рукописномъ спискѣ членовъ этой ложи упомянуты слѣдующія лица, бывшія ея основателями: Н. П. Горловъ, І. Х. Трейблуть, О. И. Гонигманъ, И. И. Нимейеръ, К. Х. Трейблуть, И. Г. Ивановъ, Г. Ст. Батенковъ.

Работала она по древней англійской системѣ, на русскомъ языкѣ. Дни работъ, по спискамъ 1820 и 1821 г., были первый и третій четвергъ каждаго мѣсяца.

Въ спискѣ, составленномъ 19 мая 1821 г., въ этой ложѣ

означены слѣдующія должностныя лица. Управляющій мастеръ — Ник. Петр. Горловъ, ст. сов., томскій вице-губернаторъ; намѣстный мастеръ — Юг. фонъ-Трейблутъ, генералъ-майоръ; 1-й надзиратель — Фед. Ив. Гонигманъ, томскій ветерин. врачъ; 2-й надзиратель — Ос. Ром. Балюра-Кондратьевъ, совѣтникъ томскаго гражд. и уголовного суда; секретарь — Ив. Ив. Коноваловъ, секретарь томской казенной экспедиціи; витія — Вас. Мих. Кобылинъ, ассесоръ губерн. правленія, и т. д. Остальные члены ложи также состояли изъ мѣстныхъ чиновниковъ; тутъ были земскіе врачи, военный штабъ-лекаръ, главный смотритель при водвореніи поселенцевъ, смотритель градской больницы, земскій исправникъ, и т. д. Батенковъ, тогда капитанъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, бывшій прежде секретаремъ этой ложи, показанъ отсутствующимъ, именно въ Таганрогѣ.

Въ официальныхъ бумагахъ ложи Восточнаго Свѣтила, адресованныхъ къ Кусову, идетъ рѣчь о томъ, что Кусовъ, который былъ представителемъ Восточнаго Свѣтила при Великой Ложѣ, отказывался отъ этого званія, и томская ложа старалась удержать его и на будущее время. Въ октябрѣ 1820, она просила его остаться и впредь въ этомъ званіи съ помощью предложеннаго имъ въ представители, гр. Влад. Петр. Толстаго; на этотъ конецъ послано было вмѣстѣ и полномочіе этому послѣднему. Кусовъ согласился на желаніе Восточнаго Свѣтила остаться представителемъ, и томская ложа въ декабрѣ посылаетъ ему благодарственную грамоту; въ то же время послана грамота для В. П. Толстаго на званіе второго представителя томской ложи.

Въ бумагахъ отъ 29 числа XI-го мѣсяца 1819, или отъ 29 января 1820, томская ложа, по требованію Великой Ложѣ, извѣщаетъ своего представителя, что «на предметъ воспитанія неимущихъ луфтоновъ¹⁾» въ собраніи томской ложи рѣшено вносить ежегодно въ Великую Ложу по 50 рублей, которые за первый годъ и отправлены. При этомъ ложа Восточнаго Свѣтила, по поводу циркуляра Астрей отъ 3 августа 1819 г., замѣчаетъ, что члены томской ложи вообще недостаточнаго состоянія, какъ и всѣ, вступающіе въ братство на здѣшнемъ востокѣ, которые вообще состоятъ изъ однихъ служащихъ чиновниковъ, имѣющихъ единственное содержаніе отъ небольшихъ годовыхъ своихъ окладовъ, и что по этой причинѣ здѣсь нельзя увеличить взносовъ за пріемъ, повышеніе и усыновленіе, а также іоаннов-

¹⁾ Луфтонами назывались дѣти масоновъ. Въ нѣкоторыхъ системахъ были особенные обряды, которыми орденъ усыновлялъ или бралъ подъ свое покровительство этихъ луфтоновъ.

скихъ червонцевъ и ежегодныхъ припошеній отъ каждаго члена: ложа опредѣлила, что для исполненія упомянутого циркуляра должны быть ежегодно производимы единовременныя подписки, гдѣ каждый могъ бы участвовать по своимъ обстоятельствамъ.

Затѣмъ, въ бумагахъ находится нѣсколько писемъ къ Н. И. Кусову отъ Горлова и І. Трейблута, гдѣ опять идетъ рѣчь о тѣхъ же масонскихъ дѣлахъ, но частнымъ, дружескимъ образомъ. Мы соберемъ изъ нихъ нѣсколько подробностей.

Въ письмѣ отъ 4 ноября 1820, гдѣ говорится объ упомянутомъ выше представительствѣ Кусовымъ ложи Восточнаго Свѣтила, Трейблутъ пишетъ еще о закрытой въ то время ложѣ Изиды: «Участь Изиды жалка, хотя она ее и заслужила. Но уничтоженіе (ложи), казалось бы, можно было смягчить до исключенія изъ союза, а проскрипцію ббр.—до того же. Первое мнѣ кажется несправедливымъ; второе бесполезнымъ и — даже невозможнымъ. Кто одинъ разъ сдѣланъ мас., того никакая сила не можетъ сдѣлать уже немас., то-есть изгладить изъ памяти его то, что немас. знать не долженъ, — и способенъ только ожесточить, отнюдь не исправить проступившагося, что съ духомъ мас—ства совсѣмъ не сообразно. Но это одни лишь мысли, не должнствующія имѣть никакого дѣйствія!»

Въ письмѣ того же Трейблута, отъ 3-го марта 1821, — о присылкѣ денегъ Кусову на расходы для томской ложи, и просьба о присылкѣ списковъ ложъ. Далѣе:... «Никакихъ свѣдѣній мы давно уже не имѣемъ, что производитъ въ нѣкоторыхъ удивленіе и даже унылость. Историческія свѣдѣнія намъ тоже очень необходимы. Сдѣлайте одолженіе, поручите скопировать ихъ на счетъ нашъ, хотя самыя необходимѣйшія, и съ подписью в. бр. вел. секр., или естли нужно (что было бы и лучше) самого вел. м., доставьте поскорѣе.... Впрочемъ, какъ п. (ложа) ваша работаетъ на одномъ съ нами языкѣ и по той же сист., то думаю, вамъ не трудно получить ихъ».

Въ письмѣ отъ 17 марта 1821 г., Трейблутъ высказываетъ свою увѣренность, что по всеобщей любви и почтенію къ ихъ управляющему мастеру, послѣдній снова будетъ выбранъ управлять ложей, и проситъ Кусова предложить его, какъ выбраннаго четыре раза къ ряду, въ «почетные великіе чиновники». (Горловъ былъ уже почетнымъ членомъ ложъ Петра и Избраннаго Михаила).

Просьба повторяется въ письмѣ отъ 19 мая, такъ какъ Горловъ дѣйствительно оказался выбраннымъ въ мастера въ четвертый разъ. Повторяется также просьба о сообщеніи свѣдѣній:

«вообще мы уже очень давно не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, что всѣхъ ббр. не мало беспокоитъ».

Наконецъ, Горловъ былъ предложенъ (а потомъ и избранъ) въ почетные члены «Астреи». Трейблутъ пишетъ по этому поводу, отъ 1 іюля 1821: «Мы всѣ обрадованы тѣмъ очень. Это подаетъ и мнѣ надежду, по выслуженіи сего 4-го года въ моемъ званіи удостоиться сей отличной чести, которую, думаю, не совѣмъ я не заслуживаю, будучи первою причиною основанія здѣсь (ложн), прослужа 3 года съ ряду 1-мъ надз., а на 4-й годъ будучи избранъ нам. маст. — Надѣясь на ваше братское расположеніе, я не буду болѣе упоминать о семъ».

Въ послѣднемъ письмѣ, отъ 12 августа 1821, упоминается о Батенковѣ: «Теперь находится у васъ въ Петербургѣ одинъ изъ достойныхъ членовъ (ложн) нашей, инженеровъ путей сообщенія майоръ Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ. Онъ въ свитѣ сибирскаго генер.-губерн. М. М. Сперанскаго. Я адресовалъ его къ вамъ въ той надеждѣ, что вы скажете мнѣ спасибо за знакомство съ симъ достойнымъ бр. По письмамъ его вижу, что онъ не успѣлъ еще быть у васъ, будучи занятъ дѣлами».

VIII. Постановленіе, принятое масонами въ сентябрѣ 1827, по случаю запрещенія ложъ.

Съ закрытіемъ ложъ въ 1822-мъ году прекращаются свѣдѣнія о масонскихъ ложахъ; до сихъ поръ не было извѣстно никакихъ данныхъ о томъ, какъ было принято нашими масонами закрытіе ложъ и насколько они цѣнили свои преданія и хранили ихъ послѣ того. Въ собраніи Московскаго Музея намъ встрѣтился нижеслѣдующій документъ (Муз. № 92), относящійся къ 1827 году и доставляющій нѣкоторые свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Этотъ документъ остается пока единственнымъ, и мы не имѣемъ возможности прибавить къ нему никакихъ объясненій. Изъ самаго содержанія можно только видѣть, что постановленіе это сдѣлано было масонами, принадлежавшими къ союзу Великой Провинціальной Ложн.

Не думаемъ, чтобы мы нарушали чей-нибудь интересъ печатаніемъ этого документа, который конечно долженъ былъ въ свое время составлять самую интимную тайну. Съ тѣхъ поръ прошло уже много времени; по всей вѣроятности, уже нѣтъ въ живыхъ тѣхъ людей, которые участвовали въ его составленіи; притомъ самый документъ, поступивъ въ Московскій Музей, тѣмъ самымъ сталъ достояніемъ публичности и исторіи.

При разсматриваніи настоящаго положенія нашего относительно къ братству, естественно вознестись мыслию къ источнику, изъ коего оно въ Россіи начало свое получило. Открывается по дошедшимъ преданіямъ, что масонство въ отечествѣ нашемъ не имѣло ни надлежащаго устройства, ни какихъ-либо знаній, до самой той благополучной эпохи, когда немногіе, но внутреннѣйшій голодомъ возбужденные и ревностно ищущіе братья рѣшились просить покойнаго И. Е. Шварца, а онъ рѣшился принять предложеніе ихъ, отправиться за границу для исканія Свѣта. Видно, что исканіе сіе было съ обѣихъ сторонъ чисто-сердечно, безкорыстно и Богу угодно, ибо увѣнчалось успѣхомъ, который превзошелъ всякое ожиданіе. И. Е. Шварцъ возвратился въ Россію со свѣтильникомъ, озарилъ имъ жаждущихъ свѣта братьевъ, озарилъ столь живо, что отраженіе лучей разлилось даже на всю Россію и столь прочно, что еще и нынѣ, спустя 40 лѣтъ послѣ сего счастливаго событія, находятся еще такіе братья, кои желаютъ у свѣта сего согрѣваться, имъ питаться и возрастать.

Съ возвращеніемъ И. Е. Шварца устроился въ братствѣ порядокъ, учредилось начальство, принесено новое и въ Россіи до того времени неслыханное ученіе. Въ порядкѣ семъ образовались новыя ложи; прежде существовавшія пристали къ нему. Но не долго сіе продолжалось. Жизнь И. Е. Шварца была еще кратковременна. Однако, несмотря на сіи, при самомъ началѣ постигшія братство, несчастія, несмотря на преслѣдованія правительства, обращаема на наружныя собранія, несмотря на послѣдовавшее отъ сего разсѣяніе многихъ братьевъ, внутренняя сила осталась непобѣжденною и начальство постоянно сохранялось даже видимымъ образомъ, до тѣхъ поръ пока Богу угодно было вызвать изъ сего міра тѣхъ благодѣтельныхъ мужей, коимъ оно было ввѣрено.

Число братьевъ увеличилось въ теченіи сорокалѣтняго неуспянаго упражненія сихъ начальниковъ; но съ умноженіемъ членовъ открылись въ братствѣ многія неустройства. Сколько начальники ни внушали своимъ братьямъ строгое и бдительное исполненіе всѣхъ предписанныхъ правилъ, а особливо скромности, но наставленія ихъ часто оставались безплодными. Нѣкоторые изъ прикосновенныхъ къ нимъ братьевъ, въ противность установленнаго порядка, стали принимать другихъ безъ надлежащей осторожности. Сіи новопринятые, нерѣдко побуждаемые къ вступленію въ братство частными видами, а болѣе всего любопытствомъ, скоро соскучили повтореніями нравственнаго ученія, практикованіе коего есть неизбѣжное приготовленіе къ достиженію высшихъ познаній вѣчныхъ божественныхъ истинъ. Они начали искать удовольствія своему любознанію неправильными путями, возымѣли дерзкое намѣреніе уловить тайну, вмѣсто того, чтобы получить ее въ на-

граду за практическое исполненіе самую премудростію предначертанныхъ должностей. Отъ одного руководителя переходили къ другому, а часто и въ одно время ходили слушать многихъ, подобно какъ въ университетахъ слушаютъ лекціи у разныхъ профессоровъ. Нѣкоторые, постраниковавши такимъ образомъ, оставили совсѣмъ братство; стали искать спасенія или въ наружныхъ обрядахъ, или въ наружной безобразности, или у русскихъ раскольниковъ, либо у чужестранныхъ фанатиковъ и новыхъ проповѣдниковъ. Иные же, набравшись несвязными отрывками изъ разнохарактерныхъ разговоровъ, сдѣлали себѣ ложныя системы, передавали другимъ, прикрывая ихъ наружностію братскаго ученія, т.-е. степенями и одобряемыми книгами; но все-му оному дали свое толкованіе, и раздачу производили не во время и безъ разбора. Въ послѣдствіи присоединилось къ сему еще и то зло, что когда по одолѣніи враговъ, вторгнувшихся въ предѣлы нашего отечества, наружное благочестіе сдѣлалось модою, а безмолвная терпимость правительствомъ ложъ масонскихъ и расположеніе покойнаго императора Александра къ нѣкоторымъ мистическимъ писателямъ дали поводъ думать, что онъ принадлежитъ къ братству, то всѣ съ жадностію обратились къ книгамъ таинственнаго содержанія. Всѣ таковыя, напечатанныя въ Россіи во время процвѣтанія братства и уцѣлѣвшія отъ костровъ во время гоненія на оное, для истребленія ихъ воздвигнутыхъ, покупаемы были на расхватъ. Иностранныя книги того же рода появились обильно въ книжныхъ лавкахъ; такъ что и едва вступившіе въ братство легко могли приобрѣтать оныя и ими питать суетное свое любопытство. Многіе изъ таковыхъ юныхъ братьевъ, набравшись симъ способомъ буквальныхъ знаній, въ свою очередь сдѣлались учителями и проповѣдниками, не подозревая и существованія орденскаго порядка и нисколько не заботясь о томъ, есть ли установленное о-мъ ¹⁾ начальство и не можно ли отъ него получить лучшее направленіе?

Сіе явно продолжалось до того времени, когда правительство положило оному предѣлъ запрещеніемъ всѣхъ тайныхъ обществъ, а нынѣ можетъ быть также продолжается, но только скрытнѣе. Между тѣмъ число истинныхъ братьевъ со дня на день уменьшалось. Смерть похищала одного за другимъ, такъ что теперь едва ли найдется современникъ братскаго въ отечествѣ нашемъ благоустройства.

Изъ вышесказаннаго можно извлечь заключеніе, что неустройство масонства въ Россіи прежде озаренія онаго свѣтомъ премудрости, происходило отъ недостатка въ руководствѣ и матеріалахъ къ просвѣще-

¹⁾ Кругъ съ точкой въ серединѣ. Такъ и дальше.

нiю. И нынѣ происходитъ оно отъ недостатка въ руководствѣ, но и отъ избытка матеріаловъ.

Если же въ то время искреннее исканіе, толканіе и прошеніе братьевъ привлекли на нихъ, по щедрому милосердію Бога, руководство внутреннее и наружное, то нынѣ, имѣя вѣденіе о порядкѣ, имѣя истинныя степени (о конхъ тогда и на умъ не приходило), неужели мы останемся при сихъ однихъ только наружностяхъ, неужели не станемъ искать внутренняго просвѣщенія? А если станемъ искать въ страхѣ Божиѣмъ, изъ любви къ Богу и ближнему, то неужели благодать Господа и Спасителя нашего не услышитъ насъ? не пришлетъ намъ Святаго своего Духа утѣшителя? Да удалится такая мысль! Сему бытъ невозможно, если только мы сами не будемъ духа убивать буквою.

Скажемъ чистосердечно: мы теперь лишены видимыхъ начальниковъ, изустнаго отъ нихъ поученія. Но мы не лишены однако руководства: мы находимъ его въ истинныхъ степеняхъ, въ правильныхъ матеріалахъ на отечественномъ и на иностранныхъ языкахъ, завѣщанныхъ намъ отъ о-хъ отцевъ нашихъ. Сверхъ того, имѣемъ въ памяти чистое ученіе сихъ начальниковъ, многими изъ насъ изъ устъ самихъ ихъ слышанное, или отъ тѣхъ, кои имѣли счастье пользоваться онимъ отъ сихъ благодѣтельныхъ мужей.

Итакъ будемъ въ совокупности употреблять сіи матеріалы. Будемъ общими силами продолжать сооруженіе стѣнъ того зданія, коего основаніе столь превосходно и твердо положено было предками нашими. Каждому изъ насъ предлежитъ обтесываніе собственнаго своего диваго камня, а вмѣстѣ съ симъ всѣмъ намъ вообще, приготовленіе и другихъ камней къ строенію сему годныхъ.

Заклучимъ союзъ любви, вѣрности къ о—у, чистосердечія и взаимнаго дружества въ истинномъ духѣ собратства. Оставимъ всякую ложь, всякое притворство, самоопѣніе, недоувѣріе, всякую скрытность и всѣ своекорыстные виды. Будемъ всѣ вообще и каждый въ особенности жить собственно Богу, Ордену и ближнимъ.

Поставивъ предметомъ сего новаго между нами союза, взаимное себя подкрѣпленіе и утвержденіе въ орденскомъ порядкѣ, руководствуясь постояннымъ и вѣрнымъ исполненіемъ наставленій и ученія, изъ него произтекающихъ, не должно упускать изъ виду и того, чтобъ намъ не быть подобными невѣрному рабу, скрывшему талантъ; напротивъ того, стараться полученный нами, не по заслугамъ нашимъ, а по единому неисчетному милосердію Божію, свѣтъ передавать другимъ правильно и постепенно.

Всѣ вѣденія, какія мы по сему предмету получили, происходятъ изъ одного источника. Слѣдовательно, для успѣшной передачи онихъ должно намъ дѣйствовать однообразно, чтобъ не было между нами

разногласія и чтобъ братья, нынѣ къ намъ присоединенные и впредь присоединиться могущіе, не могли бы такого и подозрѣвать ни въ поступкахъ, ниже въ разговорахъ нашихъ.

Первымъ и неизмѣняемымъ правиломъ положимъ себѣ въ основаніе ни въ чемъ не отступать отъ находящихся въ рукахъ нашихъ истинныхъ актовъ. Не будемъ никакого предпринимать дѣйствія, къ братству относящагося, безъ взаимнаго согласія, а потому, при свиданіяхъ нашихъ, каждый братъ имѣетъ предлагать общему совѣщанію мысли свои для блага и преуспѣянія братства. Но такъ какъ мы живемъ не въ одномъ мѣстѣ и свиданія наши не всегда могутъ быть опредѣлительны, то и нужно согласиться на нѣкоторыя предварительныя положенія, относительно теоретической степени, шотландской и 3 іоанновскихъ степеней.

Итакъ, для собственнаго нашего руководства и для тѣхъ, кои послѣ насъ призваны будутъ къ симъ занятіямъ, сообразивъ все вышеписанное съ правилами о — скаго ученія, въ чистотѣ и святости коего мы увѣрены, начертали мы для вышесказанныхъ степеней слѣдующее постановленіе, отъ коего никто да не уклонится :

1. Работы производить по актамъ, исправленнымъ и свѣреннымъ съ подлинниками, утвержденнымъ приложеніемъ къ нимъ особой печати.

2. Вкралось въ обычай давать всякому брату акты его степени, отъ чего число списковъ весьма увеличилось и не мудрено, если они попадутъ въ руки непосвященныхъ. То, для прекращенія такого скромности противнаго дѣйствія, отъ нынѣ впредь акты списывать давать только тѣмъ братьямъ, коимъ будетъ ввѣрено руководство другихъ, съ условіемъ, чтобы они отнюдь никому не давали оныхъ списывать, а желающимъ заниматься ими чаще сами бы имъ читали, или при себѣ давали читать ихъ. Но и симъ братьямъ давать списывать акты неполные, а самое изъ нихъ нужное, какъ-то: по іоанновскимъ степенямъ — приготовленія къ 3 степенямъ, уставъ Св. К., общія учрежденія, законы. Шотландскимъ мастерамъ, какъ братьямъ, оказавшимъ уже болѣе опытовъ въ вѣрности и скромности, можно будетъ присовокупить катехизисы 3 степеней, объясненія ковровъ. Тѣмъ же изъ нихъ, кои будутъ руководствовать другими, и приготовленіе къ шотланской степени, которое даетъ объясненіе іоанновскихъ степеней и указаніе на чтеніе онымъ приличное. Въ сей же степени давать можно брр. понятіе о другихъ системахъ и степеняхъ масонства, которыя въ архивѣ нашемъ находятся или находятся будутъ, сколько для огражденія ихъ отъ опасныхъ встрѣчъ, столько и для того, чтобъ показать имъ, сколько всѣ человѣческія выдумки, отъ истиннаго источника удалившіяся, ошибочны, и какъ въ различныхъ мнимо высокихъ степеняхъ масонство лишается своего первоначальнаго единообразія и чистоты.

3. При принятіи или присоединеніи въ четырехъ первыхъ степеняхъ клятвеннаго обѣщанія не брать, а вмѣсто онаго довольствоваться честнымъ словомъ принимаемаго или присоединяемаго, что будетъ умалчивать все то, что увидитъ и услышитъ. Въ теоретической степени, вводимый долженъ дать присягу. Присоединяемому же напомнить оную и взять съ него слово объ умолчаніи всего того, что услышитъ, и всѣхъ тѣхъ лицъ, коихъ увидитъ въ собраніяхъ.

4. Принятіе, присоединеніе и повышеніе по всѣмъ симъ степенямъ должны производиться не иначе какъ съ дозволенія состоящаго надъ теоретическою степенью начальства.

5. Главный предстоитель теоретической степени назначается высшимъ начальствомъ, которое имѣетъ полную власть въ случаѣ смерти предстоителя замѣнить его, или даже смѣнить онаго, если посчитъ за благо для пользы общей. Въ случаѣ назначенія его къ другой обязанности, оно одно имѣетъ право опредѣлять лице главнаго предстоителя. Тогда теоретическій братъ, управляющій 3-мя іоанновскими и шотландскою степенями, подчиняется уже новому главному предстоителю Т. С.

6. Одному изъ теоретическихъ братьевъ поручается управленіе 3-мя іоанновскими и шотландскою степенями, которому руководствоваться предписанными правилами и законами. Въ случаѣ какого-либо затрудненія совѣтоваться ему съ Г. П., которому также сообщать онъ долженъ объ упражненіяхъ братьевъ своихъ по онимъ степенямъ, дабы сообразно ихъ успѣховъ можно было представлять ихъ къ повышенію. Черезъ главнаго же предстоителя испрашивать и получать въ 4-мъ пунктѣ упомянутое дозволеніе. Теоретическій братъ, управляющій 4 степенями, будетъ особенно заниматься съ руководствующими братьями и наставлять ихъ, какъ лучше имъ дѣйствовать съ прикосновенными имъ братьями.

7. Принадлежащими нынѣ къ союзу нашему братьями признаются всѣ тѣ, кои прикосновенны были къ Николаю Ивановичу ¹⁾. Они должны оставаться при своихъ руководителяхъ. Тѣ же изъ нихъ, кои таковыхъ не имѣютъ, должны поручены быть вѣденію опытныхъ и законныхъ имъ братьевъ. Въ іоанновскихъ степеняхъ извѣстенъ имъ свой руководитель, въ шотландской степени узнаютъ шотландскаго предсѣдающаго мастера, а въ теоретической степени главнаго предстоителя оной. Симъ порядкомъ наблюдается скромность; какъ степени, такъ и союзъ нашъ менѣе будутъ вынаружены.

8. Братьевъ другихъ связей, которые пожелаютъ съ кѣмъ-либо изъ нашихъ братьевъ сблизиться по предмету ученія нашего, таковыхъ

¹⁾ Носикъ-зу.

весьма испытывать въ чистосердечіи ихъ желанія, и по достаточномъ уже опытѣ испрашивать позволеніе, какъ въ 4-мъ пунктѣ сказано, о присоединеніи ихъ въ ту степень, о которой они доказать могутъ, что правильно ее получили въ ложѣ или отъ брата, имѣвшаго право имъ дать оную. Таковымъ братьямъ предоставляется преимущество присоединенія потому, что по однимъ актамъ съ нами были приняты. По присоединеніи они вступаютъ въ общій порядокъ, союзу нашему предначертанный.

9. Съ братьями другихъ системъ обходиться насчетъ масонскаго ученія какъ съ посторонними и въ случаѣ оказываемаго ими къ просвѣщенію возжеланія, то начинать съ ними съ приготовленія ученическаго.

10. Вообще должно приступать съ крайнею осторожностію къ умноженію числа братьевъ и увеличенію прикосновенныхъ къ намъ, какъ по причинѣ существующаго подозрѣнія со стороны правительства, такъ и потому, что, разводя приготовительную школу, намъ должно рачительно пещись о сохраненіи ея въ чистотѣ, чтобы она не походила на скопища наружнаго масонства, самому себѣ преданнаго, орденскаго руководства лишеннаго и цѣли о—на совершенно противнаго.

11. Есть у братьевъ привычка, которая не менѣе вредна, какъ и списываніе актовъ, о коемъ было упомянуто во 2-мъ пунктѣ. Привычка сія состоитъ въ томъ, чтобы братъ и давать списывать піесы и книги орденскія кому бы то изъ братьевъ ни случилось. Она вредна потому, что одному руководствующему или предсѣданію въ степени имѣющему брату можетъ быть извѣстно расположеніе младшаго брата, какому расположенію сообразуясь должно давать піесы и книги. Ученіе орденское не можетъ иначе преподаваемо быть какъ въ порядкѣ, а сей раздѣляетъ братьевъ на два класса: на поучающихъ и на учащихся. Суда піесами и книгами нитаетъ только любопытство суетное и хвастливость. Обѣ сіи слабости таковы, что могутъ заградить надолго и даже (чего Боже сохрани) навсегда путь къ достиженію искомаго свѣта. А потому и должно отъ сей привычки какъ себя, такъ и другихъ братьевъ остерегаться, вмѣнивъ себѣ непремѣнною обязанностію оказывать любовь, снисхожденіе и великодушное смиреніе всѣмъ ближнимъ, а особливо братьямъ, какой бы связи, системы или званія ни были, но учить и учиться только тѣхъ и съ тѣми, кого и съ кѣмъ Божій промыслъ соединилъ насъ тѣснѣйшими узами братскаго дружества.

12. Наконецъ, еслибъ по несповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, послѣдовало снятіе наложеннаго на масонскія ложи запрещенія, то и тогда для братьевъ, къ союзу нашему принадлежащихъ, должны всѣ сіи правила служить основаніемъ къ открытію іоанновскихъ и шотландскихъ ложъ, по истиннымъ актамъ.

Если же, по какимъ бы то ни было причинамъ, не позволено было бы по актамъ симъ работать, или потребовано было бы подчиненіе какому-либо масонскому начальству, порядку нашему не принадлежащему, тогда въ дѣйствіяхъ таковыхъ никому изъ насъ участія не принимать, а оставаться всѣмъ намъ въ настоящемъ положеніи и въ тишинѣ спокойно продолжать занятія наши, имѣя всегда въ предметъ сказанное у Мато. VI. 33. „Ищите во первыхъ царствія Божія и правды Его, и все сіе приложится вамъ“.

10 сентября 1827-го года.

На этомъ останавливаются наши документальныя свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ. Мы не знаемъ, какъ и съ какимъ характеромъ оно существовало потомъ въ русскомъ обществѣ, что дѣлалось и въ томъ кружкѣ, въ которомъ составилось приведенное сейчасъ постановленіе, — къ намъ доходили только неясныя указанія и предположенія о томъ, что масонство имѣло у насъ своихъ адептовъ до самаго послѣдняго времени. Не касаясь вовсе этого послѣдняго предмета, не подлежащаго нашему, чисто-историческому интересу, мы позволимъ себѣ упомянуть только, что въ нѣкоторое подтвержденіе этихъ указаній могла служить намъ одна, случайно намъ встрѣтившаяся новая коллекція рукописей мистическаго содержанія. Эта рукописная коллекція, заключающая до 12-ти томовъ, состоитъ изъ сочиненій, которыя составляли въ прежнее время обычную принадлежность масонской библіотеки. Это — отдѣльныя сочиненія, отрывки, выписки, гдѣ мы находимъ нѣкоторыя сочиненія Якова Бѣма, извлеченія изъ Пордеча, г-жи Гюйонъ, Пуаре, изъ жизнеописанія г-жи Буриньонъ, изъ Таулера, краткую церковную исторію и отрывки изъ большой ц. исторіи Готтфрида Арнольда (писателя, очень уважаемаго піэтистами), «Реченія философскія» Югеля, мистическій комментарий на Библію, наконецъ отрывки изъ нашихъ церковныхъ мистическихъ сочиненій. Между прочимъ, къ исторіи масонско-мистической литературы прибавляется здѣсь фактъ, что въ этихъ рукописяхъ находится новый переводъ одного сочиненія Яв. Бѣма, *De Tribus Principiis*, сдѣланный по французскому изданію 1802-го года¹⁾:

¹⁾ Это было изданіе Сентъ-Мартена: «*De Trois Principes de l'Essence divine*» и проч. 2 тома, Парижъ 1802.

Этотъ переводъ, дѣланный въ 1853 — 56 годахъ, есть вѣроятно самый новый изъ многочисленныхъ переводовъ этого писателя, составлявшаго высшей авторитетъ масонскаго мистицизма. Наконецъ, въ одномъ томикѣ этой коллекціи, записной книгѣ, веденной въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, рядомъ съ многочисленными выписками указанного рода, разбросаны личныя замѣтки, гдѣ упоминаются піэтистическія бесѣды съ какимъ-то наставникомъ, упоминаются (въ 1843) «связи», продолжающіяся «около двадцати лѣтъ», называется Витбергъ, какъ извѣстный человѣкъ этого рода благочестія и т. п. Характеръ мнѣній, который можно наблюдать по этимъ выпискамъ и немногимъ личнымъ замѣткамъ, разбѣяннымъ въ рукописи, совершенно соотвѣтствуетъ тому суровому, аскетическому, даже мрачному піэтизму, какой мы имѣли случай видѣть въ «орденскомъ ученіи» Поздѣева и вообще послѣднихъ розенкрейцеровъ.

Едва-ли въ этихъ «связяхъ» и этомъ чтеніи не сказывались послѣдніе слѣды мистическаго масонства, процвѣтавшаго у насъ въ царствованіе Александра I.

А. Пыпинъ.

ПРУССКІЕ И РУССКІЕ ФИНАНСЫ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ *).

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. С.-Петербургъ, 1871. 2 тома. Печатано по распоряженію комиссіи, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ.

Общая государственная ростись доходов и расходовъ на 1872 годъ; и Приложение къ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1872 годъ.

Обзорніе государственныхъ доходовъ Россіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. С.-Петербургъ. 1868.

I.

Говоря о финансовыхъ силахъ Пруссіи, объ источникахъ ея государственныхъ доходовъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что теперешняго своего положенія она достигла весьма недавно. Но самая исторія прусскихъ финансовъ представляетъ много поучительнаго и для народовъ, и для правительствъ.

До XIX-го вѣка, во всѣхъ финансовыхъ распоряженіяхъ и законахъ Пруссіи имѣлась въ виду одна цѣль — доставить правительству возможно-большее количество денегъ на увеличеніе военныхъ силъ и на различныя прихоти правителей. Въ это время Пруссія успѣла пережить всѣ тягости неравномѣрнаго распредѣленія налоговъ и всѣ невыгоды неразумной финансовой политики. Какъ при великомъ курфюрстѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, такъ и при королѣ Фридрихѣ II-мъ, тягость налоговъ становилась все болѣе и болѣе обременительною, вслѣдствіе неправильнаго ихъ распредѣленія. Недоимки на крестьянахъ накопились огромныя, на пополненіе ихъ описывался крестьян-

*) Срав. выше: мар. 324 стр.

скій скотъ и домашнее хозяйство, лишеніе которыхъ вынуждало крестьянъ оставлять свои земли и промышленія воровствомъ и разбоемъ. Для того, чтобы достать денегъ, дѣлались самыя нелѣпыя попытки къ новымъ налогамъ, въ родѣ пошлинъ съ каретъ и париковъ; но дворяне и духовенство ничего не платили изъ своихъ доходовъ въ государственную казну.

Популярнѣйшій изъ прусскихъ королей, Фридрихъ II-й, хотя и объявлялъ, что „налоги должны быть употребляемы только на истинныя нужды страны“, и что „каждый долженъ участвовать въ налогахъ, по свойству своихъ доходовъ, какъ это дѣлаетъ и самъ король по своимъ доменамъ“, но не хотѣлъ предоставить самой странѣ опредѣлить свои нужды и способъ ихъ удовлетворенія. Продолжая старую финансовую систему, онъ продавалъ билеты, позволявшіе частнымъ лицамъ жарить кофе; выписалъ для взиманія акцизовъ французовъ, которые развили общее неудовольствіе, подкупы и контрабанду; наконецъ, учредилъ особые суды и наказанія по дѣламъ объ уплатѣ налоговъ. При этомъ прусскому народу оставалось, правда, одно утѣшеніе, котораго не имѣли въ то время подданные другихъ правителей, утѣшеніе въ томъ, что самъ король, также, какъ и его отецъ, отличались бережливостію и не позволяли себѣ ни роскоши, ни дорого стоившихъ удовольствій, которымъ такъ усердно предавались современные имъ европейскіе дворы. Въ то время, какъ въ 1752-мъ году, когда ежегодные доходы Пруссіи простирались до 12 мил. талеровъ, на содержаніе короля и всего королевскаго семейства, вмѣстѣ съ жалованьемъ и пенсіями придворному штату было положено 190,000 талеровъ; въ сосѣдней же Россіи изъ общаго количества 15,350,000 руб. доходовъ, поступившихъ въ 1762-мъ году, израсходовано на содержаніе двора 2,265,000 рублей ¹⁾.

Правда и то, что несмотря на недостатки финансовой системы и финансоваго управленія, Фридрихъ-Вильгельмъ I-й и Фридрихъ II-й положили основаніе прусской финансовой администраціи, отъ которой требовали честности, порядка, трудолюбія и экономіи. „Оба короля“, говоритъ г. Заблоцкій, „работавшіе безъ усталы, бережливые до скупости, дававшіе себѣ во всемъ отчетъ, требовали того же и отъ своихъ чиновниковъ. Но оба короля считали необходимымъ держать весь народъ подъ опекою, давать на все предписанія, издавать тысячи регламентацій, имѣть повсюду надзоръ. При такомъ взглядѣ на государственную жизнь, администрація не могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ механизмомъ, хотя правильнымъ и исполнительнымъ, но безъ всякой внутренней инициативы. Когда со смертію Фридриха Великаго

¹⁾ Государственные доходы и расходы въ Россіи XVIII вѣка. А. Н. Куломзина. „Вѣстникъ Европы“ 1869 г. Т. III.

не стало духа, оживлявшаго этотъ механизмъ извнѣ, онъ сталъ расшатываться*.

Измѣненіе къ лучшему финансовой политики и финансового управленія Пруссіи началось съ тѣхъ поръ, когда прусскіе короли перестали себя считать министрами финансовъ, подобно Фридриху-Вильгельму I-му, и когда управление финансами перешло въ руки дѣйствительно образованныхъ людей, знакомыхъ съ экономической наукой и понимавшихъ ее. Люди эти стали подготавливаться уже съ конца прошлаго столѣтія, когда въ Пруссію проникли идеи Адама Смита, формулировавшаго качества, которыхъ надобно желать въ системѣ налоговъ, въ слѣдующихъ четырехъ правилахъ, названныхъ Д. С. Миллемъ¹⁾ классическими, но къ сожалѣнію до сихъ поръ не усвоенными большинствомъ современныхъ правительствъ:

„1) Подданные государства должны давать на содержаніе правительства каждый по возможности, соразмѣрно своимъ средствамъ, т.-е. пропорціонально доходу, которымъ онъ пользуется подъ покровительствомъ государства. Въ соблюденіи или пренебреженіи этого правила состоитъ то, что называется равенствомъ или неравенствомъ налоговъ.

„2) Налогъ, который обязано платить извѣстное лицо, долженъ быть извѣстенъ и не произволенъ.

„3) Каждый налогъ долженъ вѣдаться въ такое время и такимъ способомъ, когда и какъ наиболѣе удобно платящему уплачивать его;

„и 4) Каждый налогъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы все то, что берется изъ кармана плательщиковъ, поступало почти вполнѣ въ казну; т.-е., другими словами, взиманіе налога не должно обходиться дорого, налогъ не долженъ отклонять часть общественнаго труда и капитала отъ болѣе производительнаго употребленія къ менѣе производительному, не долженъ разорять неплательщиковъ конфискаціями и штрафами и не подавать соблазна къ контрабандѣ“.

Адамъ Смитъ и Мирабо учили государственныхъ людей, что ихъ назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы обезпечивать свободу, дѣятельность и полезность труда, развивать разумѣніе и распространять понятія о воспитаніи. Эти начала высказывалъ съ кафедры кѣнигсбергскій профессоръ Краусъ, лекціи котораго слушали не одни студенты, но и высоко поставленныя въ государственной администраціи лица, пріобрѣвшія со временемъ вліяніе на историческія судьбы Пруссіи.

Но прусскій дворъ не слушалъ, конечно, лекцій Крауса и вовсе не желалъ какихъ-либо преобразованій, о которыхъ говорили разные „мечтатели и вредные люди“. Народъ оставался въ ерѣпостномъ состо-

¹⁾ Основаніе политической экономіи Д. С. Милля, изд. А. Н. Пыпина. С.-Петербургъ. 1866 г. Т. II, стр. 326.

яніи и платилъ непомѣрные налоги, которые шли на содержаніе армій, назначавшихся для возстановленія добраго стараго порядка во Франціи, откуда теперь стали распространяться разныя соблазнительныя для другихъ народовъ порядки и мѣры. Необходимы были сильныя потрясенія для того, чтобы разбудить прусскій дворъ и возвратить его изъ сладкихъ сновидѣній и мечтаній къ трезвой дѣйствительности. Къ счастью для Пруссіи потрясенія эти явились во время.

Пруссія, въ началѣ 1806-го года, заключавшая въ своихъ предѣлахъ 5,610 кв. географ. миль съ 10,023,900 жителей и 30-ю милліонами государственнаго дохода, собиравшагося преимущественно съ податнаго класса, послѣ іенскаго пораженія уменьшилась болѣе чѣмъ на половину; ей осталось только 2,855 географ. миль и 4,652,000 жителей, и въ этомъ составѣ она была занята французами, истощалась реквизиціями и военными налогами. Чувство самосохраненія, страхъ потерять и эту остальную половину государства, опасеніе, что французы дадутъ прусскому народу тѣ реформы, въ которыхъ до тѣхъ поръ отказывало ему его собственное правительство, заставили короля согласиться съ Штейномъ, давно настаивавшимъ на необходимыхъ преобразованіяхъ. При такихъ-то обстоятельствахъ и послѣдовало освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, преобразованіе воинской повинности и изданіе городского устава, передавшее самимъ горожанамъ управленіе общинными дѣлами, съ которыми не могли справиться прежнія начальства, назначавшіяся отъ правительства и оставлявшія города при приближеніи непріятеля.

Господство Штейна и его идей продолжалось не долго; но въ теченіи двухъ лѣтъ онъ успѣлъ не только провести три самыя крупныя реформы, но и научить прусскую администрацію правильному пониманію ея обязанностей. „Чиновники должны перестать“, говорилъ Штейнъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, „быть нѣмыми орудіями въ рукахъ государя, машинами, которыя исполняютъ приказанія безъ собственной воли; я желаю, чтобы съ этого времени чиновники управляли дѣла съ независимостью, по собственному побужденію, но и съ полною отвѣтственностью“ (Т. I, стр. 109). Съ отставкою Штейна (27 ноября 1808 г.) прекратились преобразованія и все пошло старымъ путемъ. За то прусскія государственныя бумаги падали все цѣнѣ ниже и ниже; кредита не было никакого, въ казнѣ не доставало денегъ даже для уплаты контрибуціи. Люди стараго порядка, окружавшіе короля, ничего другого придумать не могли для того, чтобы достать денегъ, — какъ продать Силезію. Но этого не желалъ король, который, послѣ уроковъ Штейна, уже самъ сознавалъ и даже высказывалъ, что въ государственномъ управленіи недостаетъ единства и надлежащаго участія народнаго представительства. Не видя спасенія въ старомъ порядкѣ и въ старыхъ людяхъ, которые по прежнему

утверждали, что „откровенное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ лишило бы націю всякой бодрости, вызвало бы бесполезную критику и нанесло бы чрезвычайный ущербъ уваженію подданныхъ къ правительству“, королю оставалось только, какъ послѣднее средство, опять призвать на помощь новыхъ людей, прежде ему такъ ненавистныхъ. Король обратился къ Гарденбергу, который спасеніе государства видѣлъ не въ продажѣ Силезіи, а въ преобразованіяхъ, и прежде всего требовалъ полной гласности правительственныхъ дѣйствій, доказывая, что „облеченіе правительственныхъ мѣропріятій въ мистическій мракъ заставляетъ предполагать или ошибочность воззрѣній, или злую волю“.

Назначенный первымъ министромъ съ званіемъ государственнаго канцлера 7-го іюня 1810-го года, Гарденбергъ въ четыре мѣсяца приготовилъ эдиктъ 27-го октября 1810-го года, который можетъ считаться эпохой въ исторіи прусскихъ финансовъ. Въ этомъ эдиктѣ король изложилъ положеніе счетовъ по уплатѣ контрибуціи, призналъ необходимость отмены: льготъ отъ поземельной подати, обязательности цеховыхъ стѣсненій, различныхъ налоговъ на промыслы, разныхъ помѣщичьихъ прерогативъ и разныхъ натуральныхъ повинностей, и наконецъ обѣщалъ даровать народу провинціальное и общее государственное представительство. Все то, что было обѣщано въ этомъ эдиктѣ, было исполнено въ послѣдующее время, хотя не такъ скоро, какъ того можно было желать. Послѣ пораженія Наполеона I-го, заключенія мира и возвращенія Пруссіи прежнихъ ея провинцій, преобразовательныя стремленія прусскаго правительства если не остановились вовсе, то значительно замедлились. Прошло еще почти сорокъ лѣтъ, нужны были еще новые уроки 1830-го и 1848-го годовъ для того, чтобы исполнилось данное въ 1810-мъ году обѣщаніе,—даровать прусскому народу общее государственное представительство. Но во всякомъ случаѣ, въ исторіи прусскихъ финансовъ 1810-й годъ навсегда остается годомъ, съ котораго начался крутой и, что всего важнѣе,—безвозвратный поворотъ въ прусской финансовой политикѣ, и съ котораго берутъ свое начало всѣ законы о налогахъ и податяхъ, донныя, съ нѣкоторыми измѣненіями, дѣйствующіе въ Пруссіи и перешедшіе оттуда въ германскій союзъ.

II.

Разсматривая совокупность податей, роды налоговъ и взиманіе ихъ въ Пруссіи, г. Заблоницкій замѣчаетъ (Т. I стр. 540), что тамъ „податная тягость распространяется на всѣхъ гражданъ; изъятія, допускавшіяся въ прежнее время, на основаніи сословныхъ привилегій, съ урегулированіемъ поземельной подати вовсе устранены. Нынѣ исклю-

ченія допускаются закономъ только въ отношеніи одной классной подати; но эти изыятія не имѣютъ характера какой-нибудь привилегіи, они относятся къ тѣмъ случаямъ, когда нѣкоторые изъ гражданъ замѣняютъ платежъ податей пожертвованіями другого рода, напримѣръ, отправленіемъ военной службы, или когда возрастъ и имущественное положеніе податного лица въ данное время дѣлаетъ его неспособными удѣлять что-либо государству. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ Пруссіи соблюдается вполнѣ основное финансовое начало — *всеобщность податей*. Съ другой стороны, прусская податная система стремится къ достиженію *равномерности* обложенія: всѣ граждане привлекаются къ платежу податей на одинаковыхъ правилахъ, въ одинаковой пропорціи, по извѣстному масштабу, связанному съ ихъ предполагаемыми податными способностями¹⁾.

Въ общей суммѣ налоговъ въ Пруссіи прямые налоги составляютъ 36% и косвенные 64%; но это отношеніе вовсе не показываетъ предпочтенія косвеннымъ сборамъ. Напротивъ того: мнѣніе прусскихъ финансистовъ и правительства скорѣе склоняется въ пользу прямыхъ налоговъ. А такого рода стремленіе имѣетъ весьма существенное значеніе для плательщиковъ: непопулярность прямыхъ налоговъ и легкость, съ которою общество соглашается на то, чтобы обирали его въ цѣнѣ товаровъ, путемъ косвенныхъ налоговъ, несомнѣнно доказываетъ, насколько прямые налоги лучше косвенныхъ. „При прямомъ налогѣ“, замѣчаетъ Д. С. Милль¹⁾, „каждый знаетъ, сколько платить на самомъ дѣлѣ; и если онъ подаетъ голосъ въ пользу войны или другой убыточной національной роскоши, онъ рѣшается на дѣло съ яснымъ понятіемъ о томъ, сколько оно стѣбитъ ему. Если бы всѣ налоги были прямые, масса ихъ замѣчалась бы гораздо лучше нынѣшняго, и для экономіи въ общественныхъ расходахъ было бы обезпеченіе, котораго теперь нѣтъ“.

Прусская податная система, стремясь съ самаго начала своего установленія, въ 1820-мъ году, не къ увеличенію числа налоговъ, а, напротивъ того, къ уменьшенію ихъ, достигла такого положенія, при которомъ въ Пруссіи нѣтъ ни одного налога, который своею массою составлялъ бы такъ сказать центръ тяжести всей податной системы и тѣмъ самымъ представлялъ бы существенныя затрудненія къ измѣненію его въ смыслъ увеличенія или уменьшенія, если бы то требовалось для цѣлей народнаго хозяйства.

Наконецъ, отличительную черту прусскаго бюджета отъ бюджетовъ всѣхъ большихъ европейскихъ государствъ составляетъ значительность денежныхъ средствъ, которыя прусское правительство собираетъ путемъ экономическихъ доходовъ, т.-е. получаетъ ихъ отъ разнаго

¹⁾ Основанія политической экономіи. Т. II стр. 398.

рода государственныхъ имуществъ, или отъ хозяйственныхъ учреждений, существующихъ съ финансовою цѣлью.

Эта послѣдняя отличительная черта представляетъ несомнѣнное достоинство прусской финансовой политики, съумѣвшей установить такой порядокъ, при которомъ изъ всей суммы прусскихъ государственныхъ доходовъ, — налоги или обязательные для гражданъ платежи составляютъ только 51,2% всѣхъ государственныхъ доходовъ Пруссіи.

Отношеніе разныхъ отраслей государственныхъ доходовъ всего нагляднѣе представляютъ слѣдующія цифры, взятые изъ бюджета за 1870-й годъ:

Экономическіе доходы:

отъ государственныхъ имуществъ.	81,565,690
„ кредитныхъ учреждений.	2,100,000
„ почтъ и телеграфовъ.	20,084,411
„ другихъ учреждений	1,777,691
	<hr/>
	105,527,792

Налоги:

прямые	42,889,000
косвенные	75,501,477
	<hr/>
	118,390,477 тал.

При такомъ значеніи экономическихъ доходовъ Пруссіи, нельзя прежде всего не обратить вниманія на этотъ источникъ государственныхъ доходовъ.

Къ доходнымъ государственнымъ имуществамъ Пруссіи относятся: домены, лѣса, горные и соляные промыслы и желѣзныя дороги.

Подъ именемъ *доменъ*, составившихся частью изъ бывшихъ имѣній владѣтельныхъ особъ, духовенства, рыцарскихъ леновъ, въ прусскомъ государственномъ правѣ разумѣются доходныя казенныя поземельныя имѣнія, оброчныя статьи (мельницы, рыбныя ловли, минеральныя воды, добываніе янтаря) и нѣкоторые сервитуты.

Уже съ начала прошедшаго столѣтія прусская государственная власть понимала настоящее значеніе доменъ, какъ имуществъ, принадлежащихъ всему прусскому народу. Закономъ 13-го августа 1713-го года Фридрихъ I-й объявилъ домены навсегда неотчуждаемыми, и хотя впоследствии былъ возбужденъ вопросъ объ измѣненіи самаго принципа неотчуждаемости, но въ проектѣ закона по этому предмету Штейнъ нашелъ нужнымъ право отчужденія доменъ ограничить цѣлю уплаты государственныхъ долговъ, а дареніе доменъ разъ навсегда запретить. Въ такомъ смыслѣ и состоялся законъ 17-го декабря 1808-го года, въ которомъ сказано, что домены въ томъ только случаѣ могутъ законно переходить въ частное владѣніе, когда прави-

тельство получить за то надлежащее возмездіе въ другомъ видѣ; дареніе же доменъ не допускается; напротивъ того, ежели бы таковое и совершилось, то можетъ быть во всякое время отиѣнено какъ самимъ подарившимъ (королемъ), такъ и его преемникомъ. Сверхъ того отчужденіе доменъ дозволялось лишь въ случаѣ, если окажется дѣйствительная въ томъ нужда для государства и если вырученные деньги будутъ обращены на уплату государственнаго долга, сдѣланнаго для государственныхъ нуждъ. Силу этого закона не измѣнила, нисколько даже и секретная резолюція вѣнскаго конференціи 1834-го года, по которой нѣмецкіе государи намѣревались поставить себя, сохраненіемъ доменъ, въ положеніе независимое отъ народнаго представительства. Напротивъ того: правила, изданныя вслѣдъ за обнародованіемъ закона 1808-го года объ управленіи и отчужденіи доменъ, дѣйствуютъ и до сихъ поръ.

По этимъ правиламъ домены или продаются, или предоставляются въ наслѣдственное пользованіе, или отдаются во временную (отъ 18 до 24 лѣтъ) аренду, или же, наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, управляютъ чиновниками.

Для различныхъ провинцій существуютъ разныя условія отдачи имѣній въ аренду, опредѣляющія порядокъ пріема имѣнія отъ прежняго арендатора, способъ веденія хозяйства и отношенія къ правительству; вообще же арендатору имѣяется въ обязанность улучшать имѣніе и не измѣнять заведеннаго уже плана хозяйства.

Домены завѣдываются въ провинціяхъ губернскими правленіями, которыя въ торгамъ на содержаніе казенныхъ имѣній должны допускать только лицъ, имѣющихъ извѣстный достатокъ, знающихъ дѣло и пользующихся репутаціею честнаго человѣка.

Управленіе доменами въ Пруссіи вообще можетъ считаться болѣе благоустроеннымъ, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ государствѣ. Оно, правда, поглощаетъ свыше 21% валового дохода, но за то доходъ этотъ весьма значителенъ и составляетъ около 10 милліон. талеровъ въ годъ.

Лѣса, принадлежащіе казнѣ на пространствахъ около 10 мил. моргеновъ (около 2½ мил. десят.), даютъ около 14 мил. талеровъ годового дохода; доходъ отъ лѣсовъ для внесенія въ бюджетъ исчисляется на основаніи ежегоднаго прироста древесной массы, опредѣляемаго по таксаціи; пѣть дохода около 50% поглощаютъ расходы по управленію. Но за то лѣсоводство находится въ Пруссіи въ превосходномъ состояніи какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ, и благодаря этому страна навсегда обезпечена лѣснымъ матеріаломъ и предохранена отъ всѣхъ вредныхъ послѣдствій безразсудной вырубкы лѣсовъ. Признавая, совершенно справедливо, что лѣса составляютъ государственную потребность, прусское правительство допускаетъ не-

обходимое въ этомъ случаѣ внимательство въ частное дѣловладѣніе и предписываетъ особыя правила, имѣющія цѣлью предохраненіе дѣловъ отъ бесполезной порчи и истребленія.

Въ отдѣлѣ доходовъ по министерству торговли, промысловъ и публичныхъ работъ показываются *доходы отъ горныхъ, горно-заводскихъ и соляныхъ промысловъ*, и къ нимъ же причисляется горная подать съ частныхъ промысловъ. Хотя общая сумма валового дохода отъ горныхъ промысловъ составляетъ болѣе 24 мил. талеровъ, но остающійся за вычетомъ расходовъ чистый доходъ весьма незначителенъ (около 3½ мил. тал.);—въ этомъ случаѣ Пруссія, отличающаяся, какъ извѣстно, безукоризненно честнымъ административнымъ персоналомъ, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, — насколько горное хозяйство въ рукахъ правительства оказывается невыгоднымъ. При такомъ хозяйствѣ расходы поглощаютъ около 90%, а иногда болѣе изъ суммы валового дохода.

„Такимъ образомъ“, замѣчаетъ г. Заблоцкій (Т. I, стр. 146), „и въ Пруссіи казенные горные заводы не представляются дѣломъ выгоднымъ въ промышленномъ отношеніи, а особенно, если принять въ расчетъ капиталы, затраченные въ постройки, на машины и проч.; къ тому же, обсуждая вопросъ съ финансовой точки зрѣнія, должно имѣть въ виду и то, что доходы всякаго промышленнаго предпріятія весьма измѣнчивы, и въ случаѣ уменьшенія ихъ (а въ горномъ дѣлѣ и совершеннаго уничтоженія отъ истощенія рудниковъ), они должны быть покрываемы другими источниками доходовъ, именно — налогами. До нѣкоторой степени можно оправдывать существованіе тѣхъ казенныхъ заводовъ, которыми обезпечивается снабженіе арміи военными снарядами; хотя и здѣсь опытъ показалъ, что даже во время войны за деньги можно достать все“.

Самый значительный источникъ экономическихъ государственныхъ доходовъ Пруссіи представляютъ *железные дороги*.

Протяженіе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ составляетъ болѣе 10,000 верстъ, изъ которыхъ около трети составляютъ государственное имущество. Такого развитія своей желѣзно-дорожной сѣти Пруссія достигла, не испытавъ ни тѣхъ тяжелыхъ личныхъ жертвъ, которыя достались на долю Англіи, строго державшейся, до послѣдняго времени, системы невмѣшательства правительства въ желѣзно-дорожное дѣло, ни той горячки безнравственныхъ спекуляцій, эксплуатаціи публики банкирами и биржевыми игроками, и слѣдовавшихъ за тѣмъ кризисовъ, къ которымъ привело Францію внимательство въ желѣзно-дорожное дѣло правительства Людовика-Наполеона, ставившаго себя цѣлью достигъ блестящихъ, хотя бы и эфемерныхъ результатовъ, не разбирая средствъ, — ни той, наконецъ, несостоятельности, которую

обнаружило австрійское правительство въ постройкѣ на счетъ казны желѣзныхъ дорогъ и въ уплатѣ принятыхъ имъ на себя гарантій.

Самая постройка желѣзныхъ дорогъ производилась различно: однѣ строились и строятся частными обществами безъ правительственной гарантій, другія съ правительственной, но весьма умѣренной гарантій, не превышающей отъ $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}\%$ на основной капиталъ, и наконецъ правительство само строило и эксплуатируетъ свои дороги. Но какимъ бы способомъ ни сооружалась дорога, со времени перваго общаго закона о желѣзныхъ дорогахъ въ 1838-мъ году, никогда еще въ Пруссіи не нарушалось существенное начало, проведенное въ этомъ законѣ и состоящее въ томъ, что желѣзныя дороги имѣютъ значеніе общенародное и потому должны принадлежать государству, и никогда еще въ Пруссіи не было примѣра ни продажи казенныхъ дорогъ, ни отдачи ихъ въ аренду.

Это же существенное начало лежитъ и въ основѣ всѣхъ дѣйствующихъ нынѣ въ Пруссіи законоположеній о желѣзныхъ дорогахъ. Законъ требуетъ отъ общества, которымъ принадлежатъ дороги,—въ вознагражденіе потери почтового дохода,—подати на составленіе фонда, предназначавшагося для выкупа дорогъ, къ которому правительство имѣетъ право приступить не ранѣе 30-ти лѣтъ со времени открытія дороги. Оставляя за обществомъ право перевозить пассажировъ и грузы въ теченіе только первыхъ трехъ лѣтъ по цѣнамъ, имъ установленнымъ, правительство само затѣмъ утверждаетъ уже тарифъ и притомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы компанія не получала дохода свыше 10% съ основнаго капитала. Точно также правительство утверждаетъ росписаніе поѣздовъ, утверждаетъ управляющаго дорогомъ и главнаго техника, и даетъ имъ инструкціи. Общества же съ своей стороны обязаны перевозить даромъ всю почтовую корреспонденцію, устанавливать, кромѣ обыкновенныхъ, экстренные поѣзды для военныхъ надобностей за особую, по соглашенію, плату, вознаграждать за всѣ ущербы, происшедшіе по дорогѣ при перевозѣ пассажировъ и товаровъ, учреждать для всѣхъ своихъ служащихъ вспомогательныя и пенсіонныя кассы, опредѣлять въ дорожные сторожа и прочіе нижніе служители преимущественно отставныхъ нижнихъ военныхъ чиновъ, не старѣе 35-ти лѣтъ; при этомъ общество лишено права на вознагражденіе въ случаѣ разрушенія, или поврежденія дороги во время войны непріателемъ, или отечественными войсками.

Обставивши такими условіями постройку и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ, прусское правительство не считало нужнымъ устанавливать какія-либо особыя правила для выдачи концессій, предполагая, не безъ основанія, что министръ торговли долженъ быть способенъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, понять и провести то, что наиболѣе выгодно для всей страны. Испрашиваніе концессій никогда не имѣло въ Пруссіи

спекулятивнаго характера и правительство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы выдавать ихъ тѣмъ именно лицамъ, которыя приводили бы сооруженіе желѣзной дороги въ исполненіе.

Казалось бы, съ нашей, русской точки зрѣнія, что при такихъ ограниченіяхъ со всѣхъ сторонъ дѣло желѣзныхъ дорогъ должно подвигаться туго. Ничуть не бывало: напротивъ того, желѣзно-дорожная сѣть въ Пруссіи все расширялась съ каждымъ днемъ, привлекая къ себѣ частную предпримчивость, которая выстроила всего 29 желѣзныхъ дорогъ на капиталъ въ 475 мил. талеровъ. Изъ этого количества частныхъ дорогъ половина гарантирована правительствомъ, которое и приплачиваетъ въ годъ до 1,200,000 талеровъ, получая при этомъ дохода отъ налога на желѣзныя дороги болѣе 1,600,000 талеровъ въ годъ.

Что же касается казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, то, по послѣднимъ смѣтамъ, онѣ представляютъ ежегодный доходъ на сумму болѣе 35-ти мил., изъ которыхъ за покрытіемъ расходовъ очищается болѣе 6% на затраченный капиталъ, т.-е. гораздо больше того, что приходится платить казнѣ по займамъ, сдѣланнымъ для постройки желѣзныхъ дорогъ и которые заключены были по 4 и $4\frac{1}{2}\%$.

Доходы отъ *кредитныхъ учреждений*, дающіе прусской казнѣ съ небольшимъ 2 милліона талеровъ, получаются отъ такъ-называемаго института морской торговли и отъ прусскаго банка.

Институтъ морской торговли есть учрежденіе довольно своеобразное и вовсе не соответствующее своему названію. Основателемъ его былъ Фридрихъ II, который патентомъ 14-го октября 1772-го года объявилъ объ учрежденіи акціонерной компаніи морской торговли для отправки товаровъ подъ прусскимъ флагомъ къ гаванямъ Испаніи и другихъ государствъ; обществу этому была предоставлена монополія по торговлѣ солью и воскомъ, даны разныя привилегіи по торговлѣ лѣсомъ и отведены въ приморскихъ городахъ обширныя мѣста для корабельныхъ верфей, магазиновъ и складовъ.

Какъ учрежденіе промышленное,—компанія эта цѣли никакой не достигла и дѣлу морской торговли не помогла, какъ не помогаютъ торговлѣ никакія искусственныя запрещенія и поощренія; но за то она принимала участіе въ доставленіи правительству денежныхъ суммъ на чрезвычайныя издержки и получила въ свои руки всѣ кредитныя операціи правительства, которое и пользовалось стекавшимися въ компанію вкладами частныхъ лицъ. Послѣдствія такого легкаго для правительства средства добывать деньги не замедлили обнаружиться въ тяжелыя для прусской монархіи годы: къ концу 1804-го года правительство задолжало компаніи около 25-ти мил. талеровъ, т.-е. гораздо больше суммы, на какую простирались частныя вклады; въ 1806-мъ году компанія прекратила свои платежи, а облигаціи ея, которыхъ

было въ обращеніи на 17.800,000 тал. упали въ іюнѣ 1808-го года до 25%. При регулированіи государственныхъ долговъ въ 1810-мъ году, долги компаніи морской торговли были признаны государственнымъ долгомъ и замѣнены государственными облигаціями; вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ не оставалось уже болѣе ни акцій, ни акціонеровъ, то и компанія, получившая названіе „генеральной дирекціи товарищества морской торговли“ стала правительственнымъ денежнымъ и торговымъ учрежденіемъ; все ея имущество сдѣлалось принадлежностью государства, которое приняло на себя отвѣтственность за ея долги; ей предоставлены были слѣдующія операціи: закупка иностранной соли и доставка ея въ правительственные магазины, закупка за границей предметовъ, необходимыхъ для правительства, и всѣ денежные заграничныя ея операціи. Кромѣ того, компанія морской торговли принимала на себя не разъ кредитныя операціи правительства, которое прикрывало фирмою компаніи свои займы, чтобы не нарушать буквально ни конституціи, ни закона. Правда, что такія неблаговидныя финансовыя продѣлки бывали весьма рѣдки даже и до 1848-го года, а съ тѣхъ поръ не случались ни разу, но тѣмъ не менѣе палата уполномоченныхъ, которой принадлежитъ право провѣрки дѣлъ и отчетовъ института морской торговли, признаетъ самое учрежденіе морской компаніи дѣломъ безполезнымъ и даже вреднымъ, въ чемъ не можетъ не убѣждаться и прусское правительство, получающее съ этого учрежденія всего 5,08% въ годъ дохода, составляющихъ до 700 тысячъ талеровъ. Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что компанія морской торговли остается просуществовать не долго.

Почти въ одно время съ основаніемъ компаніи морской торговли относится и основаніе *прусскаго банка*, когда еще всѣ далеки были отъ мысли предоставить учрежденіе банковъ частной предпримчивости, да и самыя идеи о кредитныхъ учрежденіяхъ были неясны. Такъ, Фридрихъ II учредилъ въ Берлинѣ первый банкъ переводный и учетный, надѣясь предоставить своимъ подданнымъ „тотъ непомѣрный барышъ“, который, по его мнѣнію, извлекали изъ его государства иностранные города. Но дѣло это не пошло за отсутствіемъ желающихъ участвовать въ такомъ учрежденіи. Тогда Фридрихъ II рѣшился осуществить свою мысль въ другомъ видѣ, и въ 1765 году основалъ въ Берлинѣ королевскій переводный и ссудный банкъ, который съ 1767 года получилъ право выпускать банковые билеты. Послѣ различныхъ катастрофъ, въ томъ числѣ и полного банкротства банка во время войны съ Франціей, учрежденіе это съ измѣненнымъ, впрочемъ, уставомъ продолжаетъ существовать до сихъ поръ подъ именемъ прусскаго банка. Прусскій банкъ принимаетъ вклады отъ частныхъ лицъ и правительственныхъ и частныхъ учреждений съ платою 2, 2½ и 3%, занимается учетомъ векселей, ссудами за проценты подъ

векселя, процентныя бумаги и товары, принимаетъ на храненіе цѣнности и производитъ другія обыкновенныя банковыя операціи. При этомъ ему предоставлено право выпуска банковыхъ билетовъ въ 10, 25, 50, 100 и 500 талеровъ съ непремѣннымъ обезпеченіемъ ихъ наличными деньгами, или серебряными слитками и дисконтированными векселями. Складочный капиталъ банка, опредѣленный въ 20 милліоновъ талеровъ, раздѣленъ на месячныя пай въ 1,000 талеровъ каждый, и кромѣ того къ складочному капиталу причисленъ долгъ правительству въ 1,897,800 талеровъ, на который и выплачивается ежегодно 3½%. Какъ учрежденіе, на половину правительственное и на половину частное, прусскій банкъ управляется начальникомъ банка и главнымъ управленіемъ, состоящимъ изъ лицъ, назначаемыхъ королемъ и представляющихъ ежемѣсячныя отчеты о дѣйствіяхъ банка и его конторъ пайщикамъ, избирающимъ для постоянного контроля центральную комиссію изъ депутатовъ. Независимо отъ того банкъ даетъ ежегодный отчетъ общему собранію пайщиковъ, а для высшаго надъ его дѣйствіями надзора со стороны правительства существуетъ еще особое, такъ-называемое попечительство банка, состоящее изъ президента государственнаго совѣта, министровъ юстиціи и финансовъ, президента торговой управы и одного члена по непосредственному назначенію короля.

Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что если прусскій банкъ находится подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ со стороны правительства и общества, то и частныя банки и земскія кредитныя учрежденія, число которыхъ съ 1848 года постоянно увеличивается, не освобождены вовсе отъ правительственнаго контроля. Такъ нормальными правилами о банкахъ, хотя имъ и разрѣшено былъ выпускъ билетовъ, но на весьма ограниченную сумму и притомъ подъ условіемъ, что ⅓ должна быть обезпечена наличными деньгами, ⅓ — учтенными векселями, и ⅓ — процентными бумагами, и, кромѣ того, высшій надзоръ надъ управленіемъ каждаго банка, ввѣряемъ обыкновенно акціонерами правленію при содѣйствіи наблюдательнаго комитета, — порученъ особому правительственному комиссару. Точно также во главѣ земскихъ кредитныхъ обществъ, выпускающихъ закладные листы, обезпеченные заложными имѣніями, — поставлены королевскіе комиссары, наблюдающіе за исполненіемъ уставовъ.

Для того, чтобы судить полезенъ и нуженъ ли такой контроль, — стоить только припомнить, что нигде въ Пруссіи не бывало такихъ скандаловъ съ кредитными учрежденіями, какіе недавно видѣли во Франціи, и которые не рѣдко грозятъ разразиться и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ никто не контролируетъ дѣйствій ни правительственныхъ, ни частныхъ учрежденій.

Доходы отъ *почтъ и телеграфовъ*, на основаніи конституціи сѣверо-

германскаго союза, поступаютъ въ кассу союза; при этомъ доходъ отъ почтъ распредѣляется по государствамъ, входящимъ въ составъ союза, а доходъ отъ телеграфовъ составляетъ собственность всего союза и употребляется на развитіе телеграфныхъ линій.

Въ фискальномъ отношеніи, почты не имѣютъ почти никакого значенія для союза; главная цѣль, на которую устремлено это учрежденіе—есть всевозможное облегченіе письменныхъ, денежныхъ и промышленныхъ сношеній жителей. Это видно изъ того, что по смѣтѣ на 1870-й годъ по союзному бюджету исчислено дохода отъ почтъ 21,861,270 талеровъ, а на расходъ обыкновенный назначено 21,596,899 талеровъ и на расходъ чрезвычайный назначено 27,000 талеровъ; затѣмъ чистый доходъ долженъ составить только 237,371 тал., изъ которыхъ на долю Пруссіи приходится около 75%, 177,772 талера.

Къ экономическимъ доходамъ, получаемымъ отъ разныхъ казенныхъ учреждений, имѣющихъ свои спеціальныя не-финансовыя цѣли, относятся слѣдующіе доходы: отъ монетной регаліи 321,097 талеровъ, отъ государственной типографіи 293,000 талеровъ, отъ фарфороваго завода въ Берлинѣ 150,000 талеровъ, отъ государственнаго коннозаводства, состоящаго въ завѣдываніи министерства сельско-хозяйственныхъ дѣлъ, 326,075 талеровъ, и отъ мѣстъ заключенія и исправительныхъ заведеній выручки за произведенныя работы — 687,519 талеровъ.

Незначительность дохода отъ монетной регаліи прямо указываетъ, что прусское правительство вовсе не смотритъ на этотъ предметъ, какъ на доходную статью, имѣя главною своею задачею выдѣлку монеты, цѣнностію которой равнялась бы ея дѣйствительной стоимости. Поэтому и чеканка монеты въ Пруссіи не только не приноситъ прибыли, но составляетъ для правительства иногда даже нѣкоторый убытокъ, при вздорожаніи серебра; такъ, въ 1864 году за фунтъ чистаго серебра платили 30 тал. $\frac{1}{2}$ згр., тогда какъ изъ фунта чеканятся ровно 30 талеровъ.

III.

Сдѣлавъ краткій обзоръ прусскихъ государственныхъ доходовъ, добываемыхъ путемъ экономическимъ, мы прежде, нежели переходить къ налогамъ,—бросимъ общій взглядъ на нашъ бюджетъ.

Бюджетъ этотъ, какъ всякому извѣстно, не носитъ на себѣ ни одной черты, характеризующей прусскій бюджетъ: въ немъ нѣтъ равномернаго распредѣленія налоговъ, ибо даже закономъ установлены податныя и не-податныя сословія, изъ которыхъ одни платятъ прямые налоги, а другія вовсе не платятъ; въ немъ налоги косвенные преобладаютъ надъ налогами прямыми; первые составляютъ 59,2%, а вторые 40,8% общей суммы а изъ косвенныхъ налоговъ весь

центръ тяжести податной системы составляетъ доходъ питейный (37% всего бюджета), съ увеличеніемъ котораго уменьшается народное благосостояніе, возрастаютъ преступленія и гибнетъ населеніе отъ пьянства. Наконецъ, что касается доходовъ экономическихъ, то наша казна хотя и содержитъ цѣлое особое министерство государственныхъ имуществъ, которому, впрочемъ, подвѣдомы только такъ-называемыя домены и лѣса, и отъ котораго даже отдѣлено государственное коннозаводство, состоящее въ завѣдываніи особаго министерства, но количество дохода, извлекаемаго изъ разныхъ государственныхъ имуществъ, подвѣдомыхъ разнымъ вѣдомствамъ и управленіямъ, весьма незначительно: онъ составляетъ не болѣе 18% всего бюджета.

Такимъ образомъ, изъ общей суммы доходовъ, по смѣтѣ 1872 года, составляющей 497,197,802 руб., приходится:

Доходовъ съ правительственныхъ регалій и казенныхъ имуществъ . .	61,434,573 р.
Налоговъ прямыхъ	108,680,190 р.
Налоговъ косвенныхъ	249,064,480 р.

Общее количество земель и лѣсовъ, принадлежащихъ государству, составляетъ въ одной европейской Россіи пространство, превышающее 125 милліоновъ десятинъ, т.-е. пространство, превосходящее въ четыре раза общее пространство всей Пруссіи. Хотя всѣ эти земли завѣдываются съ 1838 года особымъ министерствомъ, но до сихъ поръ еще остаются невыясненными не только средства добывать изъ этихъ имуществъ соотвѣтствующій доходъ, но даже и то, — какимъ цѣлямъ должны служить *государственнымъ имуществамъ*. Сбивчивость основныхъ понятій о доменахъ, такъ ясно и точно опредѣленныхъ въ прусскихъ законахъ, — у насъ какъ нельзя болѣе подтверждается самыми способами увеличенія и уменьшенія доменъ. Увеличеніе доменъ, т.-е. пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній казною у насъ совершается еще и до сихъ поръ способомъ, котораго давно не знаетъ Пруссія, именно — путемъ конфискаціи. Что же касается отчужденія доменъ, то, не взирая на громадное количество казенныхъ земель съ одной стороны и на весьма недостаточное количество земли, доставшейся въ надѣлъ крестьянамъ въ разныхъ мѣстахъ — съ другой стороны, — казенныя земли не отдаются и весьма рѣдко продаются такимъ безземельнымъ почти крестьянамъ. Самый же употребительный доселѣ способъ отчужденія казенныхъ недвижимыхъ имѣній, — есть пожалованіе ихъ въ видѣ наградъ. Такое пожалованіе, всего болѣе развивавшееся въ XVIII вѣкѣ, въ царствованіе Екатерины II, не прекратилось и до сихъ поръ. Такъ, еще въ весьма недавнее время поступили въ частныя лица изъ казны весьма обширныя земли и имѣнія въ восточной Россіи, на Кавказѣ и въ царствѣ польскомъ.

Чтобы такой способъ употребленія доменъ представлялъ выгоду для государства, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія по той простой причинѣ, что если поступающія въ даръ, или въ видѣ майоратовъ земли и имѣнія составляютъ цѣнность, дающую доходъ частнымъ лицамъ, ихъ получающимъ, то такой же доходъ могла бы извлекать изъ нихъ казна или путемъ отдачи ихъ въ аренду, или посредствомъ продажи ихъ по частямъ въ частныя руки.

Вообще, что касается извлеченія дохода изъ доменъ и лѣсовъ, то въ этомъ отношеніи Россія поставлена совершенно въ особое положеніе, благодаря еще и тому, что значительная часть ея громадныхъ государственныхъ земель и лѣсовъ находится въ такихъ климатическихъ и мѣстныхъ условіяхъ, при которыхъ извлеченіе изъ нихъ соответствующаго дохода весьма затруднительно и даже не рѣдко невозможно. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ земли и имѣнія составляютъ цѣнность, — тамъ они частію уменьшаются и безвозвратно переходятъ въ частную собственность.

При такихъ условіяхъ становится нѣсколько понятнымъ, почему доходъ, добываемый нынѣ казною съ доменъ и лѣсовъ, весьма незначителенъ. Такъ, по смѣтѣ на 1872 годъ доходъ съ отдѣльныхъ оброчныхъ статей составляетъ 5,266,598 руб., и съ лѣсовъ 8,984,180 руб., а издержки взиманія составляютъ съ оброчныхъ статей около 15%, а съ лѣсовъ около 40%.

Сравнивать же наше хозяйство съ прусскимъ и утѣшаться тѣмъ, что тамъ казна тратитъ на взиманіе дохода съ доменъ 21% вмѣсто тратимыхъ нами 15%, уже потому нельзя, что въ Пруссіи въ число расходовъ по доменамъ входятъ издержки на духовенство и училища, на бѣдныхъ и благотворительныя учрежденія, общинныя подати, содержаніе строеній, дорогъ, мостовыхъ и проч., т.-е. такого рода расходы, которые въ нашъ бюджетъ не входятъ, да ихъ и нѣтъ. Меньшее же количество расходовъ нашей казны на лѣса сравнительно съ Пруссіей объясняется тѣмъ, что наше лѣсоводство находится далеко не въ томъ положеніи, въ какомъ оно находится въ Пруссіи. Правда, у насъ сама казна слѣдуетъ еще нѣкоторымъ правиламъ относительно сохраненія и вырубки лѣсовъ, но за то частныя владѣльцы рѣшительно ничѣмъ не связаны въ уничтоженіи своихъ лѣсовъ. Въ то время, какъ прусское правительство не упускаетъ случая приобрѣтать лѣса въ свою собственность, у насъ, повидимому, еще не убѣдились въ томъ, что лѣса имѣютъ огромное вліяніе на климатическія условія страны, на общественное здравіе и благосостояніе и что, поэтому, лѣсоразведеніе, лѣсохраненіе и лѣсорасходованіе составляютъ задачи, имѣющія общее государственное значеніе и за правильное рѣшеніе которыхъ можетъ взяться только правительство.

Къ этой же категоріи доходовъ отъ казенныхъ имуществъ отно-

сится доходъ „отъ продажи казенныхъ недвижимыхъ имуществъ, рекрутскихъ квитанцій и проч.“—1,228,192 р. Почему такія двѣ, совершенно разнородныя статьи дохода соединяются въ нашемъ бюджетѣ вмѣстѣ, — этого объяснить, конечно, нельзя. А между тѣмъ изъ подробной свѣты видно, что доходъ отъ продажи земель, собираемый министерствомъ государственныхъ имуществъ, весьма незначителенъ, составляя всего 297,648 рублей; продажа же рекрутскихъ квитанцій даетъ государственному казначейству не рѣдко болѣе 1 милліона въ годъ.

Казенные горные заводы и промыслы у насъ незначительны; доходъ съ тѣхъ и другихъ показывается въ нашемъ бюджетѣ въ совокупности и составляетъ 4,860,882 руб. На взиманіе этого дохода назначается около 84%, т.-е. нѣсколько менѣе того, во что обходятся горные доходы Пруссіи. Но въ дѣйствительности это не такъ: наше горное хозяйство обходится казнѣ еще дороже, нежели оно обходится Пруссіи; причина же, почему у насъ расходы взиманія нѣсколько меньше, та, что у насъ въ числѣ горныхъ промысловъ есть и золотныя россыпи, которыхъ въ Пруссіи вовсе нѣтъ и которыя, при сравнительно небольшихъ издержкахъ взиманія, даютъ весьма значительный доходъ, именно 1,991,541 руб. въ 1872 году. То же самое можно сказать и о горной подати, которая у насъ даетъ весьма значительный доходъ (3,310,616 р.), какъ потому, что у насъ горныя подати выше, чѣмъ въ Пруссіи, такъ и потому, что главная часть этого дохода взимается съ частныхъ золотныхъ промысловъ и отданныхъ подъ принскія земель (всего 2,809,704 р.), которыхъ въ Пруссіи нѣтъ.

Говоря о нашемъ горнозаводскомъ дѣлѣ, мы считаемъ за лучшее сослаться на специальное по этому предмету изслѣдованіе г. Грамматичкова ¹⁾. Сравнивая въ этомъ отношеніи Пруссію съ Россіей, онъ приходитъ въ слѣдующимъ выводамъ: въ общемъ итогѣ Пруссія жертвуетъ на горнозаводское дѣло сумму въ 2,3 раза болѣе, чѣмъ Россія; изъ общей суммы расходовъ въ Пруссіи почти 97% тратится на управленіе казенныхъ рудниковъ, заводовъ и соляныхъ промысловъ, тогда какъ Россія тратитъ на тотъ же предметъ 83,3%; въ Пруссіи высшія и среднія инстанціи стоятъ гораздо дешевле, чѣмъ у насъ; такъ, въ Пруссіи на этотъ предметъ тратится 2,75%, а въ Россіи 6,17%, т.-е. въ 2,24 раза болѣе; расходы административные, операціонные, единовременные, экстраординарные и непредвидѣнные въ Россіи въ 3,2 раза болѣе, чѣмъ въ Пруссіи; численность личнаго состава прусской горной администраціи, по крайней мѣрѣ въ два раза менѣе, чѣмъ у насъ. Изъ этого сравненія можно вывести общее заключеніе,

¹⁾ Горное законодательство и горная администрація Англіи, Бельгіи, Франціи, Австріи и Пруссіи. В. А. Грамматичкова. С.-Петербургъ. 1870, стр. 491.

что сумма, затрачиваемая правительствомъ на горнозаводскую часть, распредѣляется въ Пруссіи болѣе правильнымъ и производительнымъ образомъ.

Въ Пруссіи, говоритъ г. Грамматичковъ, казенные горные заводы, рудники и соляные промыслы приносятъ несомнѣнный доходъ и составляютъ одинъ изъ источниковъ государственныхъ доходовъ; съ этою цѣлью всѣ казенные рудники, заводы и соляные промыслы готовятъ свои произведенія на продажу, для общаго употребленія, и самое управленіе приноровлено къ этому главному условію; въ этомъ и заключается главная причина того, что въ Пруссіи казенная горнозаводская промышленность даетъ 85,72% всего дохода, приносимаго горнозаводскою промышленностью страны. Въ Россіи казенная горнозаводская промышленность не составляетъ прямого источника государственныхъ доходовъ; правительство имѣетъ отъ казенныхъ горныхъ заводовъ только косвенную выгоду,—обеспеченіе арміи и флота металлами, различными принадлежностями, опредѣленнаго качества, что, при существующемъ развитіи горнозаводской промышленности и экономическихъ условіяхъ страны, имѣетъ весьма важное значеніе; съ этою цѣлью, самое управленіе казенными заводами поставлено въ такія условія, при которыхъ возможно требовать отъ заводовъ только исполненія главной задачи ихъ существованія, т.-е. снабженія арміи и флота металлами и принадлежностями, но ни въ какомъ случаѣ не денежнаго барыша; въ этомъ и заключается главная причина того, что у насъ въ Россіи только частная горнозаводская промышленность составляетъ источникъ государственныхъ доходовъ.

Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что если въ Пруссіи продажа казенныхъ заводовъ и рудниковъ есть естественный выходъ изъ ложнаго экономическаго положенія правительства, то въ Россіи такая продажа необходима, для отчужденія въ частныя руки казеннаго имущества, сдѣлавшагося при настоящихъ условіяхъ бесполезнымъ и обременительнымъ для правительства.

Доходъ отъ *железныхъ дорогъ* показанъ въ нашемъ бюджетѣ на 1872-й годъ въ суммѣ 18.724,058 р., а издержки взиманія этого дохода исчислены въ 171,000 р. Но эти цифры не выражаютъ ни дѣйствительнаго дохода, ни расхода. Въ доходѣ показанъ не валовой доходъ отъ эксплуатаціи правительственныхъ дорогъ, а разныя „поступленія“, обусловленныя передачею правительственныхъ *железныхъ дорогъ* въ частныя руки и возвратъ выданныхъ частнымъ компаніямъ ссудъ или пособій. Что же касается расхода на взиманіе дохода, то въ немъ показаны не всѣ издержки управленія и не показаны другіе, весьма значительные расходы; такъ, напримѣръ, въ той же росписи назначено на расходы по Николаевской и Московско-Курской дорогамъ и по мосту черезъ Дибіръ у Кременчуга 7.029,992 р., да кромѣ

того ассигновано для приплаты процентов по гарантіямъ 7 милл. рублей, показанные особо въ расходахъ по министерству путей сообщенія.

Сравнивать наше желѣзно-дорожное дѣло съ тѣмъ же дѣломъ въ Пруссіи нѣтъ никакой возможности; даже нельзя представить сравненія дохода по правительственнымъ желѣзнымъ дорогамъ въ Пруссіи и у насъ. Тамъ дѣло это ведется просто: правительство построило на казенныя деньги свои дороги и эксплуатируетъ ихъ само точно также, какъ и всякое частное учрежденіе, и поэтому по каждой дорогѣ заносить въ бюджетъ статьи доходовъ и статьи расходовъ. У насъ казна строить дороги частью на счетъ общихъ суммъ бюджета, частью на, такъ-называемые, особые ресурсы и затѣмъ продаетъ ихъ или, правильнѣе, отдаетъ въ срочное содержаніе частнымъ компаніямъ на условіяхъ весьма сложныхъ и не всегда легко доступныхъ къ разумѣнію. Въ эти условія обыкновенно входятъ разныя кредитныя операціи, а извѣстно, что кредитныя операціи могутъ быть разнообразны до безконечности и большею частью понятны только для посвященныхъ; обыкновеннымъ же, непосвященнымъ въ это таинство людямъ остается на виду только то, что самыя цифры доходовъ и расходовъ по нашимъ дорогамъ изъ году въ годъ чрезвычайно измѣняются ¹⁾).

Впрочемъ, нужно сказать, что въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ многое измѣнчиво и еще не установилось вполнѣ разъ навсегда. Не говоря о гарантіяхъ, которыя раздавались не только правительствомъ, но и земствомъ, съ такою послѣдностью, что потребовался даже особый законъ, который бы останавливалъ увлеченіе юныхъ земскихъ дѣятелей на пользу всякихъ концессионеровъ, слѣпившихъ на легкую наживу, — нельзя не видѣть, что до сихъ поръ у насъ еще не выяснены отношенія государства къ желѣзнымъ дорогамъ, не взирая на то, что отношенія эти составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ финансовой политики. Еще и теперь, напримѣръ, трудно навѣрное сказать: намѣрено ли на будущее время наше правительство передавать всѣ желѣзныя дороги въ частныя руки, или происходившія доселѣ продажи желѣзныхъ дорогъ составляютъ только отдѣльные случаи, изъ которыхъ не слѣдуетъ еще вывести никакого общаго правила.

Въ первый разъ вопросъ объ этомъ возникъ при продажѣ Николаевской желѣзной дороги. Тогда въ защиту такой продажи указывалось на примѣръ европейскихъ государствъ. Но едва ли въ этомъ случаѣ, ссылка на примѣръ была сдѣлана вѣрная. Было, правда, время,

¹⁾ Дохода отъ желѣзныхъ дорогъ поступило: въ 1886 г. — 12.514,742 р., въ 1867 г. — 16.726,957 р., въ 1863 г. — 15.343,257 р., въ 1869 г. — 16.796,852 р., въ 1870 г. — 13.982,732 р.

когда проповѣдывалось полное невмѣшательство правительства въ желѣзно-дорожное дѣло; но время это безвозвратно прошло даже въ Англіи, которая преимущественно держалась такого направленія. Тамъ всѣ желѣзныя дороги построены по частной инициативѣ, безъ вмѣшательства правительства; но уже въ началѣ 40-хъ годовъ стали раскрываться съ одной стороны потери компаній, съ другой — ихъ злоупотребленія, возбуждившія всеобщее неудовольствіе и вызвавшія особую парламентскую комиссію для изслѣдованія состоянія желѣзныхъ дорогъ. На основаніи трудовъ этой комиссіи, предсѣдатель ея и нынѣшній премьеръ, Гладстонъ, внесъ въ 1844-мъ году билль о болѣе-вмѣшательствѣ правительства въ желѣзно-дорожное дѣло. Съ тѣхъ поръ общественное мнѣніе и правительство убѣждались все болѣе и болѣе въ томъ, что система неограниченнаго соперничества въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ производитъ важныя замѣшательства въ экономической жизни страны. „Опытъ показалъ—говоритъ членъ новой комиссіи о желѣзныхъ дорогахъ, Р. Гиль,—что желѣзныя дороги по существу своему суть монополіи, и потому онѣ составляютъ предметъ, не свойственный для обыкновеннаго торговаго предпріятія, въ которомъ каждый участникъ, радѣя о своемъ собственномъ интересѣ, вообще содѣйствуетъ, и можетъ быть самымъ лучшимъ образомъ, интересу всѣхъ. Отсюда очевидно слѣдуетъ, что желѣзныя дороги не могутъ быть предоставлены съ пользою независимымъ компаніямъ, которыя, естественно, ведутъ ихъ въ исключительномъ направленіи своего интереса; дороги эти должны быть въ рукахъ того, кто будетъ контролировать ихъ управленіе въ видахъ интересовъ цѣлой страны, т. е. въ рукахъ правительства“.

Это мнѣніе, высказанное Гилемъ, сдѣлалось въ настоящее время господствующимъ какъ въ Англіи, такъ и въ германской имперіи, и едва ли есть основаніе предполагать, чтобы взглядъ этотъ, выработанный многолѣтнимъ опытомъ, могъ измѣниться. Отвергая теорію полнаго невмѣшательства государства въ промышленную дѣятельность народа, г. Заблоцкій справедливо замѣчаетъ (т. I, стр. 167), что „желѣзно-дорожное дѣло нельзя приравнивать къ другимъ промышленнымъ предпріятіямъ, и что желѣзныя дороги имѣютъ общенародное значеніе, чѣмъ самымъ не только оправдывается, но и требуется вмѣшательство въ него правительства, вмѣшательство не въ полицейскомъ только значеніи, но и въ экономическомъ“.

Сравнивая положеніе желѣзно-дорожнаго дѣла въ Пруссіи и у насъ, невольно поражаешься незначительною долею вмѣшательства нашей правительственной власти въ эксплуатацію дорогъ, принадлежащихъ частнымъ компаніямъ. У насъ и помину нѣтъ о тѣхъ правилахъ, которыми въ Пруссіи связываются всѣ компаніи, по управленію дороги, назначенію служащихъ лицъ и установленію тарифовъ. Въ этомъ слу-

чаѣ наше законодательство отступило кореннымъ образомъ отъ господствующей въ немъ системы: стремясь во всемъ къ регламентаціи и ограничивая вездѣ, гдѣ можно, свободу частной дѣятельности, преслѣдуя нерѣдко не только за тѣ или другія дѣйствія, но даже за помыслы, не приведшіе ни къ какому внѣшнему проявленію, обнаруживая свою заботу объ отечественной торговлѣ и промышленности гарантиями, субсидіями и покровительственнымъ таможеннымъ тарифомъ, оно какъ будто оставляетъ въ сторонѣ желѣзно-дорожныхъ дѣателей, предоставляя имъ полную свободу устанавливать непомѣрно высокіе тарифы, небрежно эксплуатировать дороги, на которыхъ нѣтъ ни исправности поѣздовъ, ни безопасности отъ несчастій, ни даже гражданской отвѣтственности за наносимые убытки и поврежденія. И потому у насъ менѣе, нежели въ другихъ государствахъ, страна выигрываетъ отъ желѣзныхъ дорогъ, но за то болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь выигрываютъ отъ нихъ концессіонеры и строители.

Почти такое же неопредѣленное еще положеніе, какое занимаетъ наше правительство въ отношеніи къ дѣлу желѣзно-дорожному, занимало оно до послѣдняго времени и къ банковому дѣлу.

Долгое время, какъ извѣстно, у насъ частныхъ банковъ вовсе не было, а существовали только кредитныя учрежденія правительственныя.

Но и послѣ изданія новаго устава нашего государственнаго банка въ 1859-мъ году, и разрѣшенія частныхъ кредитныхъ учреждений, до сихъ поръ еще не выяснилась ни та роль, какую въ банковомъ дѣлѣ играетъ нашъ государственный банкъ, ни положеніе и будущность нашихъ частныхъ кредитныхъ учреждений.

Что касается государственнаго банка, то нельзя не замѣтить, что этотъ банкъ, составляющій чисто правительственное учрежденіе, безъ всякаго участія частныхъ капиталовъ, учрежденъ, какъ сказано въ его уставѣ, „для оживленія торговыхъ оборотовъ и упроченія денежной кредитной системы“. Мы не будемъ говорить о томъ, — насколько банкъ удовлетворилъ первой цѣли, т.-е. оживилъ торговые обороты. Что же касается упроченія денежной кредитной системы, понимая подъ этимъ возстановленіе металлической денежной единицы, то въ этомъ отношеніи нашъ государственный банкъ, со времени своего преобразования 1-го сентября 1859-го года, не сдѣлалъ ровно ничего; къ такому упроченію нельзя, конечно, причислять покупку въ большихъ размѣрахъ золота посредствомъ новаго выпуска кредитныхъ билетовъ, такъ какъ мѣрою этою удерживается курсъ отъ возвышенія, но не предохраняется отъ упадка.

На нашъ государственный банкъ, кромѣ обыкновенныхъ банковыхъ операцій, возложена еще ликвидація прежнихъ кредитныхъ учреждений.

и, по временамъ, поручались ему государственныя кредитныя операціи, какъ-то внутренніе съ выигрышами займы.

Доходъ государственнаго банка въ государственной росписи вовсе не показывается и опредѣлить его весьма трудно.

По уставу государственнаго банка (ст. 3) чистая прибыль отъ операцій банка обращается: а) на погашеніе 5% банковыхъ билетовъ и займовъ государственнаго казначейства изъ кредитныхъ установленій, и б) на составленіе резервнаго капитала для покрытія потерь по банковымъ операціямъ.

У насъ подъ руками только отчеты за 1869 и 1870 годъ.

Въ нихъ значитъ, что чистая прибыль банка отъ коммерческихъ операцій за 1868 и 1869 годъ составляла 4.214,095 р., и 4.387,850 р. Эти доходы распределены слѣдующимъ образомъ:

Въ 1868 году:

Отчислено въ резервный капиталъ банка 1.204,777 руб.

Отчислено на покрытіе долговъ государственнаго казначейства по займамъ изъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій 2.798,614 „

Выдано въ награду служащимъ 210,704 „

Въ 1869 году:

Отчислено на покрытіе лажа, выплаченнаго банкомъ при покупкѣ золота и серебра, переданнаго въ размѣнный фондъ кредитныхъ билетовъ на 9.000,841 р. 1.464,710 „

Отчислено на возмѣщеніе затраченныхъ банкомъ своихъ торговыхъ средствъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ учрежденій 2.167, 191 „

Выдано въ награду служащимъ 191,152 „

Такимъ образомъ, въ оба эти года изъ прибылей банка не поступило ничего на погашеніе 5% банковыхъ билетовъ, за то болѣе 400 тыс. руб. выдано въ награду служащимъ.

Нельзя не обратить вниманія еще на то, что въ числѣ прибылей по коммерческимъ операціямъ банка значитъ статья:

„Проценты на суммы, затраченныя государственнымъ банкомъ изъ своихъ коммерческихъ средствъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ учрежденій (по расчету 3% годовыхъ):

въ 1869 году 4.643,565 р.

„ 1870 „ 4.655,682 „

Ликвидация прежнихъ кредитныхъ учрежденій есть операція правительственная; государственный банкъ, съ другой стороны, есть также учрежденіе правительственное, а потому, кажется, мы имѣемъ право сказать, что въ данномъ случаѣ казна показываетъ въ доходъ суммы, съ казны же получаемыя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не остановиться на томъ, что въ отчетѣ

за 1870 годъ показано расходовъ за счетъ государственнаго казначейства 73.087,756 руб., а въ возвратъ этихъ расходовъ банкомъ получено въ теченіе года 54.677,262 р.; такъ что къ 1871 году осталось за государственнымъ казначействомъ въ долгу 18.410,493 р. Тутъ невольно рождается сомнѣніе въ томъ: банкъ ли живетъ на счетъ государственнаго казначейства, или наоборотъ казначейство на счетъ банка?

Что касается нашихъ частныхъ кредитныхъ учреждений, то до послѣдняго времени правительство, повидимому, еще не выяснило себѣ, — до какой степени должно простираться вмѣшательство его въ это дѣло частной предпріимчивости и спекуляціи. До сихъ поръ никакого контроля надъ частными банками со стороны финансоваго управленія не было, хотя всѣмъ извѣстно дѣятельное участіе нѣкоторыхъ финансовыхъ чиновниковъ и даже высшихъ правительственныхъ лицъ въ частныхъ банковыхъ учрежденіяхъ. Между тѣмъ съ каждымъ годомъ число кредитныхъ учреждений всякаго рода возрастало, хотя такое возрастаніе едва ли еще показываетъ, чтобы оно вызывалось дѣйствительною необходимостью.

Пять лѣтъ тому назадъ у насъ было три коммерческіе банка, два общества взаимнаго кредита, и 11 обществъ, выдававшихъ ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, всего 16 частныхъ кредитныхъ учреждений. Съ тѣхъ поръ вновь открыто такихъ учреждений: въ 1867 году — 3, въ 1868 году — 10, въ 1869 году — 9, въ 1870 году — 12, и въ 1871 году — 24.

Несомнѣнно, что если такое размноженіе кредитныхъ учреждений, и въ особенности банковъ, принесло во многихъ мѣстностяхъ существенную пользу облегченіемъ доступа къ кредиту, огражденіемъ противъ ростовщиковъ и оживленіемъ оборотовъ, то съ другой стороны — главная цѣль банковъ: расширеніе и удешевленіе учета торговыхъ векселей и ссудъ подъ товары — далеко не достигнута, а напротивъ, средства къ биржевой игрѣ и вредныя ея послѣдствія значительно усилились.

Въ настоящее время у насъ главнымъ побужденіемъ къ образованію новыхъ банковъ служить значительный дивидендъ, приносимый ихъ операціями и желаніе выиграть на новыхъ акціяхъ премію, которая обезпечена имъ высокимъ курсомъ акцій существующихъ банковъ. Но, понятно, что для приобрѣтенія большихъ дивидендовъ управленія банковъ должны увеличить размѣръ процента по ссудамъ, терять, вслѣдствіе этого, благонадежныхъ заемщиковъ и выдавать ссуды для предпріятій, обещающихъ большія выгоды, но соединенныхъ съ большимъ рискомъ ¹⁾. Послѣдствія такого положенія всегда

¹⁾ Оставляя въ сторонѣ выдачу нашими частными банками ссудъ подъ неблаго-

и вездѣ одинаковы: несостоятельность банковъ и затѣмъ паденіе ихъ, которое можетъ не только разорить акціонеровъ и вкладчиковъ, но еще и повлечь за собою кризисъ, пагубный для торговли и промышленности цѣлаго края.

Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ нѣкоторое внимательство правительственной власти въ дѣло открытія новыхъ кредитныхъ учреждений, и въ особенности банковъ. Если у насъ не можетъ быть рѣчи о томъ контролѣ, который былъ установленъ съ этой цѣлью въ Пруссіи, то все же нельзя не признать полезными и тѣ временныя мѣры, которыя наше финансовое управленіе считаетъ нынѣ же необходимыми въ этомъ дѣлѣ. Мѣры эти, какъ мы слышали, должны касаться какъ открытія новыхъ кредитныхъ установлений и ихъ устройства, такъ и самаго порядка разсмотрѣнія и утвержденія уставовъ этихъ учреждений. Предполагается между прочимъ приостановить учрежденіе вновь акціонерныхъ коммерческихъ банковъ въ столицахъ и тѣхъ городахъ, въ которыхъ существуетъ хотя одинъ такой банкъ; не дозволить учрежденіе банковъ съ основнымъ капиталомъ свыше 5 милл. рублей; запретить банкамъ учетъ векселей съ одною подписью безъ обезпеченія или съ обезпеченіемъ недвижимымъ имѣніемъ, а также приобрѣтеніе ими недвижимыхъ имѣній, кромѣ необходимыхъ для собственнаго помѣщенія, для конторъ и складовъ; не допускать отчисленіе особыхъ премій изъ прибылей банковъ на учредительскія пая и акціи; не дозволить членамъ одного общества взаимнаго кредита быть въ то же время членомъ другого такого же общества; не допускать, чтобы высшій размѣръ кредита, открываемаго членамъ такихъ обществъ, превышалъ въ 50 разъ низшій размѣръ кредита, которымъ могутъ пользоваться члены, сдѣлавшіе взносы; наконецъ, при учрежденіи вновь земельныхъ банковъ, акціонерныхъ или на круговомъ ручательствѣ заемщиковъ основываемыхъ, не допускать въ одной и той же губерніи совмѣстное дѣйствіе болѣе двухъ изъ такихъ банковъ, кромѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита.

Такимъ образомъ, мѣры эти главнымъ образомъ коснутся коммерческихъ банковъ и относятся мало до кредитныхъ учреждений, выдающихъ ссуды подъ недвижимыя имѣнія, кромѣ развѣ того, что со введеніемъ новыхъ правилъ предполагается установить обязательную

надежныя залоги и пріемъ иногда къ учету векселей съ одною подписью, чему бывали примѣры, нельзя не указать на недавній случай, показывающій, — до какой неосмотрительности могутъ доходить банки въ своихъ операціяхъ. 8 іюня въ петербургскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло, изъ котораго обнаружилось, что Волжско-Камскій банкъ выдалъ довольно значительную ссуду подъ залогъ именныхъ процентныхъ бумагъ, представленныхъ лицомъ, вовсе на такое дѣйствіе собственникомъ бумагъ не уполномоченнымъ, вслѣдствіе чего судъ уничтожилъ эту ссѣлку банка и присудилъ процентныя бумаги ихъ владельцу.

форму для публикуемыхъ всѣми кредитными учрежденіями балансовъ, и предоставить министру финансовъ право требовать, когда онъ признаетъ нужнымъ, объясненій отъ правленій всѣхъ кредитныхъ учреждений.

Но что касается пользы кредитныхъ установленій, выдающихъ ссуды подъ недвижимыя имущества, для нашихъ землевладѣльцевъ, которые теперь перенесли всѣ свои надежды на поземельные банки, ожидая отъ нихъ тѣхъ же благъ, какія прежде получали они отъ Онекунского совѣта, то въ этомъ отношеніи мы не можемъ не привести мнѣнія г. Энгеля, директора прусскаго статистическаго бюро.

Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ по отношенію къ Пруссіи, гдѣ и частное хозяйство, какъ извѣстно, содержится въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ у насъ, и гдѣ отсутствуетъ широкая русская натура нашихъ помѣщиковъ:

„Судя по многимъ указаніямъ, можно полагать, что возрастаніе долговъ проявляется не только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удалось представить въ залогъ банкамъ, но почти о всѣхъ мѣстностяхъ можно сказать, что владѣльцы ихъ постепенно обращаются только въ номинальныхъ собственниковъ, въ простыхъ вассаловъ капиталистовъ; вмѣсто феодальной зависимости возникаетъ новая, которой еще не найдено имени; и несмотря на такое повальное задолжаніе, повсюду раздаются крики объ отсутствіи недвижимаго кредита. Чтобы придти на помощь землевладѣльцамъ, появляются не только новыя кредитныя учрежденія, но еще и проекты за проектами. Такое положеніе заслуживаетъ особаго вниманія; можно легко повѣрить тому, что землевладѣльцы во многихъ уже мѣстахъ живутъ на счетъ капитала; что они заключаютъ долги, чтобы имѣть возможность уплачивать проценты по ипотекамъ, высокую заработную плату, расходы на свое содержаніе и наконецъ подати, которыя налагаетъ на нихъ государство и община. Землевладѣлецъ стоитъ въ виду несомнѣннаго разоренія.

„Къ этому слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ болѣе въ государствѣ непроизводительныхъ расходовъ, чѣмъ болѣе отвлекается людей отъ производительнаго труда, тѣмъ болѣе государственныхъ долговъ, тѣмъ дороже кредитъ; чѣмъ дороже кредитъ, тѣмъ труднѣе положеніе землевладѣльцевъ. Никто не имѣетъ болѣе причинъ желать упроченія общаго мира, какъ угнетенные землевладѣльцы. Болѣе чѣмъ дюжина новыхъ поземельныхъ банковъ поможетъ землевладѣльцу, если трудъ, бережливость и честность, а не биржевыя спекуляціи, плутовство и грабежъ, въ крупныхъ и малыхъ размѣрахъ, будутъ считаться единственными средствами для достиженія богатства“.

Изъ остальныхъ экономическихъ доходовъ, *правительственныхъ рентами*, именно монета и телеграфы даютъ у насъ, сравнительно съ Пруссіей, довольно значительный доходъ, потому что на эти предметы

наше правительство имѣть взглядъ иной, нежели правительство прусское.

Монетнаго дохода въ Россіи поступило:

Въ 1866 году	5,135,734 р.
„ 1867 „	11,781,564 „
„ 1868 „	7,617,847 „
„ 1869 „	4,800,613 „
„ 1870 „	4,788,079 „

Такія цифры монетнаго дохода въ Россіи объясняются тѣмъ, что въ него входитъ прибыль отъ возвышенія нарицательной цѣны серебряной разнѣнной монеты и мѣдной. Серебряная разнѣнная монета выдѣлывается съ 1868 года 48-й пробы, — отъ этого при предположенномъ въ 1872 году выпускѣ этой монеты на 6 м. руб. сер., получится прибыли 3,000,000 руб.; мѣдной монеты чеканится изъ пуда 50 р., тогда какъ пудъ мѣди въ продажѣ стѣбитъ всего 12 руб.; отъ этого при предположенной выдѣлкѣ мѣдной монеты въ 1872 году по нарицательной цѣнѣ на 1,750,000 руб., издержка взиманія (т.-е. цѣна потребной мѣди всего 35,000 пуд.) составитъ только 420,000 руб.

При такомъ положеніи монетнаго у насъ дохода нельзя разсчитывать не только на увеличеніе его, но даже и на сохраненіе въ нынѣшней цифрѣ, ибо при возстановленіи у насъ металлической валюты, значительное количество низкопробной монеты можетъ возвратиться въ казначейство и вмѣсто мнимаго дохода составить новый дѣйствительный долгъ.

Что же касается самой выдѣлки у насъ монеты, то она обходится весьма дорого. Это какъ нельзя болѣе подтвердилось въ 1861 году, когда серебряная разнѣнная монета была заготовлена на парижскомъ и страсбургскомъ монетныхъ дворахъ и обошлась съ небольшимъ въ $1\frac{1}{2}\%$ съ рубля, тогда какъ работа эта на петербургскомъ монетномъ стоила бы $2\frac{1}{2}\%$ съ рубля ¹⁾.

Почтовый доходъ простирается на 9,012,737, издержки же взиманія равняются 12,752,594 руб., такъ что въ результатъ получается дефицитъ въ 3,739,797 руб.; а доходъ съ телеграфовъ получается валовой 4,300,174 руб. и чистый 1,058,162 руб. Нѣтъ сомнѣнія, что на отсутствіе у насъ почтоваго дохода значительно вліяютъ неграмотность населенія, дальность разстояній и неудовлетворительность путей сообщеній. Выстѣ съ тѣмъ, однако, нельзя не желать, чтобы и у насъ вполне окрѣпло убѣжденіе въ томъ, что почты и телеграфы прежде всего должны служить не источникомъ обогащенія казны, но облегченіемъ всевозможныхъ сношеній между жителями. Для достиженія же этой послѣдней цѣли необходимы прежде всего условія, господ-

¹⁾ Отчетъ государственнаго банка за 1861 годъ, стр. 54.

ствующія въ этомъ отношеніи въ Германіи, а именно: дешевизна почтовой и телеграфной таксы, исправность почтъ и телеграфовъ и безусловное сохраненіе тайны письменной и телеграфной корреспонденціи.

IV.

Прямые налоги въ Пруссіи существуютъ слѣдующіе: поземельный, съ строеній, классифицированный подоходный, классный, промысловый и на желѣзныя дороги.

Всѣ эти налоги въ своемъ нынѣшнемъ видѣ введены недавно.

Хотя еще въ эдиктѣ 1810 года и сказано было, что основанія налоговъ для всѣхъ подданныхъ должны быть одинаковы и что всѣ изъятія отъ *поземельной подати* должны быть уничтожены, при чемъ вовсе не обѣщалось никакихъ вознагражденій за отміну привилегій; но уже черезъ годъ, въ эдиктѣ 11 сентября 1811 года, говорилось, что равенство передъ закономъ всѣхъ плательщиковъ можетъ быть достигнуто не насильственно и не вдругъ, а постепенно и съ должными, въ извѣстныхъ случаяхъ, вознагражденіями. Десять лѣтъ спустя, 30 мая 1820 года, было уже объявлено, что вопросъ о пересмотрѣ поземельной подати, какъ близко касающійся интересовъ провинцій, слѣдуетъ обсудить по совѣщанію съ государственными чинами; но никакихъ государственныхъ чиновъ не созывалось, пока объ этомъ не напомнили событія 1848 года, и въ обнародованной 5 декабря этого года конституціи только повторено старое обѣщаніе объ уравниеніи поземельнаго налога. Съ этого времени ландтагъ, несмотря на упорное сопротивленіе привилегированныхъ сословій, настаивалъ каждый годъ на необходимости урегулированія поземельной подати.

Наконецъ въ 1860 году правительство внесло три проекта законовъ: а) о регулированіи поземельной подати, б) о введеніи подати съ строеній и в) о вознагражденіи за отміну привилегій; проекты эти были приняты палатами съ незначительными измѣненіями, утверждены королемъ и опубликованы 25 мая 1861 года. Этими законами положено: 1) отмінуть привилегіи, установить подать съ строеній и уравнительную поземельную подать, и обѣ ввести по всему государству съ 1 января 1865 года; 2) вмѣсто опредѣленія поземельной подати извѣстнымъ процентомъ съ дохода, опредѣлить для нея постоянную сумму, или контингентъ въ 10,000,000 талеровъ¹⁾ и заботиться только о справедливой ея раскладкѣ между плательщиками; 3) къ урегулированію поземельной подати приступить безъ помощи сплошной и подробной съемки, опредѣливъ пространство всѣхъ общинъ и самостоя-

¹⁾ Сумма эта соответствовала той, которая поступала въ казну по всѣмъ провинціямъ отъ прежней поземельной и подоходной подати.

тельныхъ вотчинныхъ округовъ и виды культуры на основаніи существующихъ плановъ; къ съемкѣ же приступить только тамъ, гдѣ плановъ вовсе не было; 4) въ каждомъ округѣ для каждаго вида культуры опредѣлить классы и соответствующій на одинъ моргенъ чистый доходъ по указанію экспертовъ; 5) на основаніи этого вывести чистый доходъ всѣхъ земель округа, а изъ доходовъ округа—доходъ провинцій и затѣмъ всего государства; и наконецъ 6) этимъ путемъ получить основаніе для распредѣленія общей суммы налога на всѣ провинціи, округа и общины.

Всѣ работы по приведенію въ исполненіе закона 1861 года объ урегулированіи поземельной подати, въ которыхъ участвовало всего до 7,200 человекъ, изъ коихъ около 3,500 человекъ по межеванію, окончены въ назначенному сроку, т.-е. менѣе, чѣмъ въ четыре года, при чемъ весь расходъ по введенію поземельной подати составилъ 9,610,323 талера. Ни въ одномъ государствѣ подобная работа не была произведена съ такою быстротою, дешевизною и единствомъ.

Работы эти производились въ трехъ инстанціяхъ, въ составъ которыхъ входили на половину лица выборныя и назначенныя отъ правительства; низшую инстанцію составляли окружныя оцѣночныя комиссіи; затѣмъ вторую инстанцію, куда поступали жалобы на окружныя комиссіи, составляли комиссіи губернскія; наконецъ, высшую инстанцію, на которой лежало завѣдываніе всѣми кадастровыми работами по государству, составляла центральная комиссія, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ.

Такъ какъ исчисленіе дохода имѣло цѣлью только раскладку опредѣленной суммы налога, то принято было за правило оцѣнку производить сколь возможно снисходительно, по умѣренному тарифу, ниже дѣйствительнаго размѣра чистаго дохода, — имѣя въ виду лишь то, чтобы установленный тарифъ былъ одинаково пропорціоналенъ дѣйствительному чистому доходу въ различныхъ округахъ.

Пространство всѣхъ оцѣненныхъ угодій оказалось 103,157,539 моргеновъ (или 24,107,917 десятинъ, считая 1 моргенъ равнымъ 0,2337 десятины), изъ которыхъ пашни составляли 55,146,079 моргеновъ, а неудобныя земли, неприносящія дохода—246,916 моргеновъ. Чистый доходъ отъ оцѣненныхъ земель исчисленъ въ 112,313,728 талеровъ. Изъ оцѣненныхъ земель не подлежали налогу: казенныя земли, домены прежнихъ владѣтельныхъ князей и графовъ и участки, принадлежащіе разнымъ общественнымъ учрежденіямъ, всего 11,461,035 моргеновъ, а чистый отъ нихъ доходъ 7,866,734 талера. Затѣмъ чистый доходъ отъ земель, подлежавшихъ налогу, составилъ 104,466,993 талера; при распредѣленіи на эту сумму опредѣленнаго закономъ поземельнаго налога въ 10 мил. талеровъ, пришлось съ каждыхъ 100 талеровъ около 9 $\frac{1}{2}$ % налога. Но въ дѣйствительности поземельный налогъ на цело-

вину меньше, если принять за норму дѣйствительную доходность земель. Такъ, директоръ прусскаго статистическаго бюро г. Энгель, говоря о томъ, насколько поземельный налогъ обременяетъ сельское хозяйство въ Пруссіи, доказываетъ, что въ Пруссіи, въ настоящее время, поземельный налогъ съ пашины составляетъ всего 4,21% чистаго дохода.

Опредѣленная закономъ сумма налога поступаетъ въ видѣ ежегодныхъ взносовъ съ самымъ незначительнымъ недоборомъ, и увеличивалась по мѣрѣ присоединенія къ Пруссіи новыхъ провинцій. По бюджету на 1870 годъ предполагалось поземельнаго налога къ поступленію 13,093,400 талеровъ, на взиманіе котораго назначено около 6%.

Уплачивая ежегодно и почти незамѣтно не обременительный для всѣхъ налогъ, прусскіе землевладѣльцы со времени кадастра пользуются безчисленными выгодами отъ существованія правильно вѣденныхъ поземельныхъ книгъ, въ которыхъ постоянно отмѣчаются всѣ измѣненія въ поземельномъ владѣніи, какъ-то: переходъ имущества отъ одного владѣльца къ другому, раздѣленіе, или соединеніе поземельныхъ участковъ и т. п.

„Несмотря на достигнутые въ Пруссіи въ короткій срокъ важные результаты урегулированія поземельной подати“, замѣчаетъ г. Заблотицкій (т. I стр. 544), „въ послѣднее время между нѣкоторыми экономистами явились противники не поземельной подати, а способа ея раскладки, или точнѣе, кадастра. Кадастръ, говорятъ они, съ его сложными приемами классификаціи и оцѣнки угодій, имѣетъ цѣлью установленіе правильной раскладки налога; но правильность эта скоропреходяща, ибо доходность различныхъ участковъ измѣняется подъ вліяніемъ измѣняющихся системъ хозяйства. Правительство доселѣ не имѣетъ въ виду производить безпрестанную повѣрку кадастра, требующую множество рукъ и большихъ расходовъ и все-таки оставляющую уравнительность сомнительною. Вотъ почему они думаютъ, что современемъ поземельная подать должна войти въ составъ промисловаго налога, что оцѣнивать должно не землю отдѣльно, но каждое хозяйство сообразно его доходности, зависящей отъ взаимнаго дѣйствія многихъ элементовъ. Чиновники финансоваго управленія, не возвращая противъ основанія этой мысли стоять за сохраненіе кадастра, такъ какъ онъ уже введенъ и такъ какъ они считаютъ его наилучшимъ изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ; но вводить кадастръ тамъ, гдѣ его еще нѣтъ, они не совѣтуютъ“.

Одновременно съ общемою поземельною податью съ 1-го января 1865 года введенъ отдѣльный налогъ на *строенія*, соразмѣрно ихъ годовому валовому доходу. Отъ этого налога освобождены: строенія владѣтельныхъ особъ и бывшихъ имперскихъ князей и графовъ, строенія, находящіеся въ государственныхъ имѣніяхъ, всякаго рода строенія для

общественнаго и административнаго употребленія, нежилыя сельскохозяйственныя и промышленныя постройки, состоящія при учрежденіяхъ, служащихъ для орошенія земель, или отвода воды.

Обложеніе налогами по годовому доходу строеній производится на основаніи особаго податнаго тарифа, по которому собственно жилыя строенія, или только частью употребляемыя для промышленныхъ цѣлей платятъ 4% съ дохода, а строенія, служащія исключительно, или преимущественно для промышленныхъ цѣлей, платятъ 2% съ дохода. Minimum дохода, подлежащаго налогу, 4 талера, съ которыхъ взимается 4, или 2 зильбергроша, смотря по характеру строенія; затѣмъ со 100 талеровъ платится 4, или 2 талера, съ 1000 талеровъ 40, или 20 талеровъ; до 2000 талеровъ каждая степень повышается на 100 талеровъ, а послѣ 2000 талеровъ на 200 талеровъ.

Обложеніе податью производится по особымъ окладочнымъ округамъ особыми комиссіями, члены которыхъ избираются окружнымъ ландтагомъ, или городскими депутатскими собраніями. Возраженія владѣльцевъ противъ оцѣнки представляются въ губернское правленіе, а на правленіе жалобы приносятся министру финансовъ. Самый сборъ налога производится по тѣмъ же правиламъ, какъ и сборъ налога по земельнаго, т.-е. помѣсячно.

Къ 1-му января 1865 года всего налога на строенія исчислено 3.365,823 тал. 18 зильбергр.; сумма эта разложена между 2.461,583 строеніями, годовой доходъ съ которыхъ исчисленъ въ 89.990,825 тал. Съ 1865 года количество поступившаго съ строеній налога постоянно увеличивалось; съ 1866 года ни разу дѣйствительное его поступленіе не было менѣе противъ оклада, расходы на взиманіе составляли всего около 3% съ поступавшей суммы и по бюджету на 1870 годъ было назначено въ поступленію этого налога 4.581,000 талеровъ.

Подходный налогъ составляютъ такъ-называемыя классная и классифицированная подати. Этотъ налогъ обязанъ своимъ происхожденіемъ въ Пруссіи французамъ во время занятія ими прусскихъ провинцій въ 1807—1812 годахъ, что не мѣшаетъ впрочемъ потомкамъ этихъ французовъ, засѣдающимъ въ версальскомъ національномъ собраніи, открещиваться обѣими руками отъ подоходной подати, пугающей богатую и сытую буржуазію.

За основаніе при распредѣленіи *классной* подати принято было первоначально не количество получаемаго каждымъ лицомъ дохода, а внѣшнее положеніе его въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи въ нѣмецкомъ обществѣ рѣзко отдѣлялись одна отъ другой четыре группы: патриція, почетные граждане, мѣщане и простые работники. Къ первому отдѣлу могли быть отнесены: въ городахъ: высшіе чиновники, большіе капиталисты и банкиры, а въ селеніяхъ помѣщики; ко второму: въ городахъ ученые, художники, чиновники, купцы, фабриканты,

и въ селеніяхъ большіе арендаторы, священники, лѣсничіе и заводчики; къ третьему: въ городахъ ремесленники, низшіе чиновники, трактирщики, и въ селеніяхъ мелкіе хозяева и сельскіе ремесленники; наконецъ къ четвертому разряду: поденщики и слуги въ городахъ, и слуги и работники на фабрикахъ и заводахъ, — въ селеніяхъ.

Эти главные четыре класса были приняты въ Пруссіи за основаніе въ законѣ 30-го мая 1821 года, которымъ введена такъ-называемая классная подать въ размѣрѣ: въ высшемъ классѣ 48 талеровъ съ семейства, а въ низшемъ по 15-ти зильбергрошей съ лица въ годъ. Но при приведеніи въ исполненіе этого закона обнаружилась необходимость точнѣйшаго соразмѣренія подати съ количествомъ получаемого плательщикомъ дохода. Слѣдствіемъ этого было сначала введеніе трехъ частныхъ подраздѣленій въ каждомъ изъ четырехъ главныхъ классовъ, а потомъ, когда и эта мѣра оказалась недостаточною, то закономъ 1851 года положено было взимать, во-1-хъ, новую классную подать съ тѣхъ, которые имѣютъ не болѣе 1000 талеровъ дохода и живутъ въ мѣстностяхъ, не обложенныхъ налогомъ на помолъ хлѣба и на убой скота; и во-2-хъ, классифицированную подоходную подать съ лицъ, доходъ коихъ превышаетъ 1000 талеровъ; причѣмъ ежели они живутъ въ городѣ, гдѣ платится налогъ на помолъ и на убой скота, то имъ зачисляется въ подать за участіе въ этомъ налогѣ по 20 тал. въ годъ.

Законъ 1851 года остается въ силѣ до сихъ поръ. На основаніи этого закона отъ классной подати освобождены бѣдные, получающіе постоянное общественное вспоможеніе, лица моложе 16-ти лѣтъ, лица, состоящіе въ дѣйствительной военной службѣ, если ни они сами, ни члены ихъ семействъ не имѣютъ доходовъ отъ земледѣлія или промысловъ, кавалеры желѣзнаго креста и ветераны, служившіе въ прусскомъ или союзномъ войскѣ въ походахъ съ 1806 по 1815 годъ, если они должны быть обложены по 1-й или 2-й степени, т.-е. если предполагаемый ежегодный доходъ ихъ не достигаетъ 200 талеровъ; иностранцы, по роду своего промысла переходящіе изъ мѣста въ мѣсто, жонсулы иностранныхъ державъ, прусскіе государственные чиновники, находящіеся за границею, чиновники таможенного союза, монахи, не имѣющіе ни казенныхъ земельныхъ участковъ, ни пенсіоновъ, діакониссы и сестры милосердія.

Классная подать взимается по тремъ главнымъ классамъ, съ ихъ подраздѣленіями на степени; отнесеніе каждаго лица къ тому или другому классу основывается какъ на общихъ признакахъ, установленныхъ для каждаго класса, такъ и на соображеніи имущественнаго положенія податнаго лица и на произтекающей отсюда способности платить налогъ. Распредѣленіе податныхъ лицъ по классамъ и степенямъ производится въ каждой общинѣ коммиссіею, состоящею изъ

начальника общины и членовъ, избранныхъ общиннымъ совѣтомъ, подъ наблюденіемъ ландрата. Этихъ отдѣльныхъ комиссіямъ лица, подлежащія классной подати, обязаны доставлять всѣ нужныя свидѣнія, подъ опасеніемъ взысканія штрафа.

Къ первому, низшему, классу относятся вообще всѣ тѣ владѣльцы поземельной собственности или ремесленники, доходъ которыхъ, по объему, или качеству ихъ собственности, или ремесла, недостаточенъ для самостоятельнаго существованія, такъ что они принуждены прибѣгать къ посторонней вспомогательной работѣ, именно поденной или тому подобной; вообще принимается, что къ первому классу принадлежатъ лица съ ежегоднымъ доходомъ менѣе 200 талеровъ; при этомъ первый классъ имѣетъ три степени, изъ которыхъ въ низшей платится 1 згр. 3 пфениг., и въ высшей 7 гр. 6 пфен. подати въ мѣсяцъ.

Ко второму классу принадлежатъ владѣльцы недвижимой собственности или ремесленники, доходъ которыхъ, доставляемый ихъ небольшою собственностью или ремесломъ достаточенъ для самостоятельнаго существованія, также находящіеся въ одинаковомъ съ ними имущественномъ положеніи арендаторы; тѣ изъ живущихъ по найму лицъ, которыя по роду услугъ и получаемого за то вознагражденія не могутъ быть разсматриваемы, какъ поденщики; наконецъ тѣ, находящіеся въ государственной или общественной службѣ чиновники, врачи, нотаріусы и т. п., о которыхъ можно заключить, что по своему имущественному положенію и способности платить они стоятъ приблизительно наравнѣ съ вышеупомянутыми лицами. Вообще же принимается, что во второму классу относятся лица съ ежегоднымъ доходомъ отъ 200 до 500 талеровъ. Второй классъ имѣетъ пять степеней, изъ которыхъ въ низшей платится 10 гр., а въ высшей 25 грошей подати въ мѣсяцъ.

Къ третьему классу относятся всѣ тѣ лица, которыя хотя пользуются болѣею степенью благосостоянія сравнительно со вторымъ классомъ, но общій доходъ ихъ не превышаетъ 1000 талеровъ. Этотъ классъ имѣетъ четыре степени, изъ которыхъ въ низшей платится 1 талеръ, а въ высшей 2 талера въ мѣсяцъ.

По финансовымъ вѣдомостямъ за 1867 годъ изъ общаго населенія, подлежавшаго классной подати и составлявшаго 18.985,330 душъ приходилось плательщиковъ 7.577,805 человекъ, изъ которыхъ къ 1-му классу принадлежало 6.614,263 чел., во 2-му 720,192 чел. и къ 3-му 243,350 чел. Поступленіе классной подати возрастало до сихъ поръ, и почти постоянно возрастало смѣтное исчисленіе. По бюджету на 1870 годъ исчислено было классной подати 13.070,000 талеровъ.

Классифицированной подати съ дохода подлежатъ всѣ жители государства, за исключеніемъ членовъ королевскаго дома и обонхъ Го-

гемидлернскихъ домовъ, равно какъ и находящіеся за границею подданные Пруссіи, которые получаютъ свыше 1000 талеровъ ежегоднаго дохода, изъ какихъ бы источниковъ онъ ни происходилъ.

Обложеніе классифицированной податью производится по размѣру всего дохода, который получается подлежащимъ платити лицомъ отъ недвижимой собственности, отъ капитала, отъ правъ на періодическія полученія денегъ или другихъ выгодъ, отъ ремесла, государственной или общественной службы и вообще отъ всякаго, приносящаго прибытокъ занятія. При обложеніи принимается въ расчетъ только размѣръ дохода; никакія личныя уваженія не могутъ служить къ уменьшенію подати, такъ какъ это несовмѣстно съ равномерностью подати и государственнымъ интересомъ. При обложеніи имѣется въ виду тотъ доходъ, который принадлежитъ податному лицу по праву собственности, хотя бы по какимъ-либо обстоятельствамъ временно онъ и не находился въ его распоряженіи; впрочемъ, и при обложеніи классифицированной податью, также какъ при обложеніи податью классной, изъ общаго количества имущества исключаются долги, но только такіе, которые несомнѣнно доказаны и которые дѣйствительно имѣютъ неблагоприятное вліяніе на имущественныя отношенія.

Опредѣленіе дохода, подлежащаго налогу, производится оценочными коммиссіями, состоящими подъ предсѣдательствомъ ландрата или особаго правительственнаго комиссара, изъ членовъ: на одну треть отъ окружнаго представительства и на двѣ трети отъ подлежащихъ классифицированной подати жителей округа. Каждая коммиссія, открывающаяся ежегодно, въ концѣ года, въ каждомъ округѣ; собравъ различныя, указанныя въ инструкціяхъ пути свѣдѣнія о количествѣ дохода получаемаго каждымъ, подлежащимъ обложенію лицомъ, она причисляетъ его къ одной изъ тридцати опредѣленныхъ степеней обложенія по такому расчету, чтобы платимая имъ подать не превышала трехъ процентовъ съ дохода.

Такимъ образомъ, къ первымъ десяти степенямъ причисляются лица, получающія ежегоднаго дохода отъ 1000 до 4000 талеровъ и платящія въ годъ отъ 30 до 120 тал. налога; къ слѣдующимъ десяти степенямъ относятся лица, получающія отъ 4,800 до 40,000 тал. дохода въ годъ и платящія налогъ отъ 144 до 1,200 тал. въ годъ; къ послѣднимъ степенямъ отъ 21-й до 30-й принадлежатъ лица, получающія отъ 52 до 240 тысячъ ежегоднаго дохода и платящія отъ 1,560 до 7,200 тал. ежегоднаго налога.

Число платящихъ классифицированной подати не велико: изъ общей массы населенія, составлявшаго въ 1867 году 23.437,478 душъ, платило эту подать только 94,848 человекъ, причемъ лицъ, причисленныхъ по доходамъ къ выснимъ классамъ значилось весьма мало. Такъ къ первымъ десяти классамъ принадлежало 89,331 душъ.

слѣдующимъ классамъ отъ 11-го до 20-го принадлежало 5,451 чел. и къ классамъ отъ 21-го до 30-го только 66 человѣкъ. Не велика также и общая сумма дохода отъ классифицированной подати, который къ тому же возрастаетъ весьма медленно; по бюджету на 1870 годъ подати этой было исчислено 5.180,000 талеровъ.

Очевидно, что по этимъ цифрамъ никакъ не слѣдуетъ дѣлать какихъ-либо выводовъ ни о числѣ лицъ, пользующихся извѣстнымъ доходомъ выше 1000 талеровъ, ни о какихъ-либо неудобствахъ или невыгодахъ классифицированной подати. Главное и, можетъ быть, единственное неудобство классифицированной подати заключается въ томъ, что эта подать, какъ и всякій иной видъ подоходнаго налога, имѣетъ на практикѣ самое дурное неравенство, тяжелѣе всего падая на людей наиболѣе честныхъ. При нынѣшнемъ низкомъ состояніи общественной нравственности, дѣйствительно трудно узнать вѣрный доходъ лицъ, съ которыхъ берется налогъ. Человѣкъ безъ совѣсти успѣваетъ избавиться отъ значительной части платежа, какой бы слѣдовало съ него; даже люди, въ обыкновенныхъ своихъ дѣлахъ честные, подвергаются искушенію кривить душою, по крайней мѣрѣ въ томъ, что рѣшаютъ въ свою пользу всѣ тѣ вопросы, относительно которыхъ можетъ явиться хотя малѣйшее сомнѣніе.

Эту опасность, какую представляетъ подоходный налогъ въ томъ, что трудно придать ему на практикѣ ту справедливость, какую онъ имѣетъ въ своемъ принципѣ,—замѣтило скоро и прусское правительство относительно классифицированной подати. Но это нисколько не поколебало правительство въ желаніи сохранить подоходный налогъ, какъ одинъ изъ самыхъ справедливыхъ способовъ обложенія; оно увидѣло только необходимость сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствовавшихъ законахъ о классифицированной подати и преимущественно въ составѣ оцѣночныхъ комиссій. Еще въ 1869 году бывшій министръ финансовъ фонъ-деръ-Гейдтъ, предлагая, для покрытія дефицита на 1870 годъ, увеличить оклады подоходной и классной податей, въ своемъ проектѣ объяснялъ, почему примѣненіе закона о классифицированной подати не достигло предполагавашагося равномернаго обложенія всѣхъ подданныхъ государства. По мнѣнію фонъ-деръ-Гейдта, менѣе зажиточные классы населенія облагаются классною податью сравнительно гораздо выше, чѣмъ болѣе зажиточные и богатые подоходною, классифицированную податью. Причины подобной несоразмерности заключаются не столько въ несправедливости основаній существующихъ узаконеній, сколько въ неудовлетворительности состава органовъ обложенія. Самое обложеніе находится въ рукахъ комиссій, члены которой состоятъ преимущественно изъ лицъ, подлежащихъ обложенію. Такимъ образомъ, самимъ плательщикамъ предоставляется преобладающее вліяніе на ходъ обложенія податью и откры-

вается обширное поле посредственнымъ и непосредственнымъ влияніямъ, тѣсной взаимной зависимости и личныхъ отношеній. Вліяніе же правительства ограничивается дѣятельностью председателя и при томъ крайне ограниченою. Недостаточность такого вліянія правительства въ одѣночныхъ комиссіяхъ вызываетъ, по мнѣнію бывшаго министра финансовъ, необходимость предоставить казнѣ такое же право протеста на постановленія одѣночныхъ комиссій относительно подоходнаго налога, какое предоставлено самимъ плательщикамъ. Наконецъ въ самомъ способѣ собиранія свѣдѣній о доходахъ фонъ-деръ-Гейдтъ предлагалъ сдѣлать весьма существенное измѣненіе въ томъ, чтобы каждый плательщикъ подавалъ объявленіе, въ которомъ самъ означалъ, по чистой совѣсти, получаемый имъ доходъ; тѣ же плательщики, которые уклонились бы отъ подачи такихъ объявленій, лишались бы права жалобы въ теченіи года.

Предложеніе фонъ-деръ-Гейдта объ измѣненіи закона о подоходной подати осталось однакоже безъ послѣдствій, по случаю выхода его изъ министерства. Но неудовлетворительность дѣйствующихъ въ Пруссіи правилъ о подоходномъ налогѣ сознается какъ правительствомъ, такъ и народными представителями, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что правила эти будутъ скоро измѣнены. Въ такомъ случаѣ вѣроятно будетъ заимствовано многое изъ того, что предлагалъ фонъ-деръ-Гейдтъ, изучившій вопросъ объ уравнительности подоходной подати и указавшій вѣрные способы къ практическому его разрѣшенію.

Налогъ на промыслы существовалъ въ Пруссіи давно, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ, въ какомъ онъ взимается теперь, когда уже уничтожены стѣснительныя цеховыя учрежденія.

Въ настоящее время требуется во всемъ сѣверо-германскомъ союзѣ испытаніе для слѣдующихъ промысловъ: аптекарей, повивальныхъ бабокъ, шкиперовъ, штурмановъ, маркшейдеровъ, лоцмановъ, адвокатовъ, нотаріусовъ и учителей; врачи должны получать одобрительныя свѣдѣтельства отъ указанныхъ присутственныхъ мѣстъ. Цехи пока еще остаются, и признаніе мастеромъ отъ цеха сопряжено съ испытаніемъ, но никому не возбраняется заниматься промысломъ, не вступая въ цехъ.

Разрѣшеніе отъ полиціи требуется только для желающихъ содержать больницы, аптеки, гостиницы и питейные дома, устраивать театральныя представленія, производить мелочной торгъ виномъ и водкою, развозный и разносный торгъ (который разрѣшается лицамъ не менѣе 30-ти лѣтъ отъ роду и только въ рѣдкихъ случаяхъ моложе, неопороченнымъ судебнымъ приговоромъ и не имѣющимъ прилипчивыхъ болѣзней и другихъ подобныхъ недостатковъ), продавать произведенія печати въ публичныхъ мѣстахъ, на улицѣ и т. п. Занятія такими

промыслами, для открытія коихъ не требуется разрѣшенія, могутъ быть запрещены тѣмъ лицамъ, относительно которыхъ состоялись судебныя приговоры за извѣстныя нарушенія закона; сюда принадлежатъ: промыслы ветошниковъ, закладчиковъ, учителей танцованія, плаванія и гимнастики, агентства по найму прислуги и промыслъ книгопечатанія.

Законъ о налогѣ на промыслы раздѣляетъ ихъ на два главныхъ рода: осѣдлые промыслы и разносные и развозные. Перваго рода промыслы раздѣляются въ отношеніи налога на 10 классовъ, изъ которыхъ къ первымъ тремъ относятся торговля и фабричныя операціи, къ четвертому—содержатели гостиницъ, питейныхъ и съѣстныхъ заведеній, къ пятому—булочники и хлѣбники, къ шестому—мясники, къ седьмому—пивовары, къ восьмому—ремесленники, къ девятому—мельники, къ десятому—занимающіеся перевознымъ промысломъ. Промыслы второго рода составляютъ изъ себя отдѣльный классъ, одиннадцатый—разносчики и развозчики.

Въ отношеніи налога по классамъ первому, второму, третьему, четвертому, пятому, шестому и восьмому принимается во вниманіе различіе мѣстностей, дѣлящихся также на 4 разряда, причемъ въ первые два разряда отнесены главнѣйшіе 119 городовъ, въ третій города, имѣющіе не менѣе 1500 жителей и не отнесенные къ 1-му и 2-му разрядамъ, наконецъ къ четвертому разряду относятся всѣ прочіе города и селенія.

Съ промысловъ первыхъ шести классовъ налогъ взимается по системѣ раскладочной, съ остальныхъ пяти по системѣ окладной; оклады вообще не высоки.

Доходъ отъ промысловой подати постоянно, въ теченіе минувшихъ десяти лѣтъ, возрасталъ и по смѣтѣ на 1870 годъ составлялъ 5.237,000 тал., изъ которыхъ на расходы взиманія идетъ всего 3,4% съ валового дохода.

Сдѣланный обзоръ прусскихъ прямыхъ налоговъ, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ быть поставленъ, какъ однородный, на ряду съ собираемыми у насъ прямыми налогами, такъ какъ даже налогъ за право торговли и промысловъ имѣетъ у насъ гораздо болѣе характеръ личной подати, чѣмъ сбора съ торговыхъ оборотовъ, — показываетъ насколько обезпечены плательщики въ правильномъ взиманіи съ нихъ установленныхъ сборовъ. Это обезпеченіе не ограничивается, впрочемъ, основнымъ закономъ, по которому всѣ постановленія о податахъ получаютъ силу закона только съ утвержденія представителей плательщиковъ въ ландтагѣ и короля, ни тою долею участія, которое принимаютъ сами плательщики при обложеніи ихъ прямыми податями. Независимо того, прусскій законъ грозитъ строгимъ наказаніемъ за всякій произволъ финансовыхъ чиновниковъ при взиманіи

маніи податей и при неуплатѣ налога дозволяетъ обращать взыска-
ніе исключительно на имущество неисправнаго плательщика. По
прусскимъ законамъ, понудительныя взыскапія податей не допускаютъ
ни военнаго постоя, ни личнаго задержанія плательщика. Ограничи-
вая притязаніе фиска только имуществомъ плательщика, законъ и
здѣсь постановляетъ имъ предѣлы. Такъ аресту не подлежатъ: необ-
ходимыя должнику, его женѣ, живущимъ при немъ родителямъ и дѣ-
тямъ, сообразно съ ихъ званіемъ, постели, платье и бѣлье, а также
постели для прислуги и необходимая въ хозяйствѣ домашнія и ку-
хонная посуда, одна молочная корова и нужный на ся продовольствіе
въ теченіе мѣсяца кормъ и подстилка; сверхъ того, у художниковъ и
ремесленниковъ необходимыя для ихъ занятій книги и инструменты;
у земледѣльцевъ — необходимыя имъ орудія, скотъ и хозяйственный
инвентарь, а также необходимый до слѣдующей жатвы хлѣбъ, сѣме-
на и воржъ для скота; при этомъ третья часть жатвы ни въ какомъ
случаѣ не подлежитъ заарестованію.

Несмотря однако на такое широкое огражденіе правъ плательщи-
ковъ, недоборы налоговъ въ Пруссіи весьма незначительны, благодаря
тому, что налоги не тяжелы, плательщики пользуются достаткомъ, а
распространеніе грамотности и образованія содѣйствовало къ укорене-
нію въ народѣ понятія о податной честности.

V.

Мы не станемъ подробно останавливаться на каждомъ изъ *косвен-
ныхъ налоговъ*, существующихъ въ Пруссіи и отсылаемъ читателей,
желающихъ ближе познакомиться съ этимъ предметомъ, къ труду г.
Заблюцкаго.

Въ общей сложности, всѣ косвенные налоги дали по бюджету 1870
года 75.501,477 тал., въ томъ числѣ:

таможенныя пошлины	12.454,580 тал.
акцизы съ свекловичнаго сахара	7.505,380 "
" " соли	5.758,600 "
" " табаку	123,028 "
" " виновуренія	11.922,400 "
" " живоваренія	2.270,000 "
налогъ на помолъ хлѣба	1.644,910 "
" " убой скота	2.265,240 "
гербовый сборъ, въ томъ числѣ и пошлины съ газетъ, календа- рей и игральныхъ картъ	6.777,720 "
пошлины съ векселей	855,000 "

горная подать 722,599 тал.
 пошрины и сборы по судебной
 части 13.226,200 „

Изъ этихъ налоговъ, нѣтъ сомнѣнiя, что налоги на соль, на помоль и на убой скота прекращаютъ свое существованiе точно также, какъ и пошрины съ газетъ и календарей, а равно и доходъ съ лотерей (по смѣтѣ на 1870-й годъ въ 1.339,500 т.), которую бывшiй министръ финансовъ фонъ-деръ-Гейдтъ самъ называлъ „безнравственнымъ учрежденiемъ“.

Налогъ на соль, послѣ уничтоженiя въ 1868-мъ году во всемъ таможенномъ союзѣ монополiи, былъ установленъ въ 2 талера съ центнера, причемъ отъ акциза вовсе освобождена соль, предназначенная для сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ цѣлей; но прусское правительство и ландтагъ одинаково признаютъ его неудобство и неравномѣрное распредѣленiе, при которомъ онъ падаетъ преимущественно на низшiе классы. Устранить эти неудобства совершенною отмѣною налога на соль не позволялъ балансъ государственнаго бюджета. Эта же причина объясняла сохраненiе лотерей, а также налоговъ на газеты и календари, и на помоль хлѣба и на убой скота, установленный въ 75-ти городахъ взаменъ классной подати.

Но теперь, послѣ французско-прусской войны, когда прусская казна значительно обогатится контрибуцiей, а министерство Бисмарка не имѣетъ, повидимому, желанiя поддерживать феодаловъ, возставшихъ въ 1870-мъ году въ палатѣ господъ противъ замѣны налога на помоль и убой скота подоходною податью, нѣтъ сомнѣнiя, что эти источники государственныхъ доходовъ Пруссiи, противъ которыхъ давно возстаютъ лучшiе экономисты и народныя представители,—скоро исчезнутъ изъ прусскаго бюджета.

Для насъ гораздо болѣе интереса представляетъ косвенный налогъ, дающiй Пруссiи самый большой доходъ изъ всѣхъ косвенныхъ сборовъ, именно—таможенныя пошрины, взимаемыя во всемъ германскомъ таможенномъ союзѣ на основанiи тарифа, выработаннаго Пруссiей, тарифа, при которомъ развилась промышленная и фабричная дѣятельность Германiи. У насъ слишкомъ часто раздаются голоса, то въ пользу безусловно покровительственнаго тарифа, то въ пользу абсолютной свободы торговли. Посмотримъ же теперь, при какихъ условiяхъ и на какихъ данныхъ выработалась въ Пруссiи таможенная реформа, которая, по словамъ г. Заблоцкаго (т. II, стр. 1), „принадлежитъ въ числѣ тѣхъ преобразованiй, которыя послѣ iенскаго пораженiя и тильзитскаго мира подняли въ Пруссiи народный духъ и остаются до сего времени однимъ изъ главныхъ основанiй политическаго, экономическаго и умственнаго развитiя этого государства“.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтiя въ Пруссiи господствовала

старая запретительная система: большая часть иностранных товаров, какъ-то: шерстяныхъ, льняныхъ, шелковыхъ, хлопчато-бумажныхъ были вовсе запрещены къ привозу; другіе, необходимые для потребленія предметы были обложены ввозною пошлиною въ 50—100% для защиты туземныхъ мануфактуръ отъ иностраннаго соперничества. Два обстоятельства измѣнили этотъ порядокъ: занятіе французами Берлина и повелѣнія короля Фридриха-Вильгельма I.

Въ 1806-мъ году французскій директоръ финансовъ въ Берлинѣ, не имѣя, конечно, никакого желанія покровительствовать прусскимъ фабрикантамъ,—приказалъ разрѣшить ввозъ французскихъ товаровъ во всѣ провинціи Пруссіи, занятія французскими войсками. Это распоряженіе вызвало протестъ со стороны прусскихъ властей, объяснявшихъ, что прусская промышленность не можетъ выдержать соперничества французскихъ товаровъ. Протестъ этотъ не подѣйствовалъ на французское управленіе,—и французскіе товары допущены къ привозу въ Пруссію съ пошлиною отъ 10 до 4%.

Въ то же время повелѣнія прусскаго короля сильно ослабили старую запретительную систему. Еще и ранѣе 1806-го года король Фридрихъ-Вильгельмъ высказывалъ, что запретительная система представляетъ гораздо болѣе стѣсненій для народа, нежели сколько того требуютъ интересы государства и при томъ безъ всякой пользы для казны, такъ какъ часто издержки взиманія превышаютъ получаемый казною доходъ. „Когда я думаю—говорилъ король,—что главныя суммы государственныхъ доходовъ взимаются съ предметовъ первой необходимости, и когда, съ другой стороны, я замѣчаю, какъ ограничено число этихъ предметовъ, то меня объемлетъ ужасъ при видѣ фоліантовъ нашихъ тарифовъ“. Эти мысли еще болѣе укрѣпились въ королѣ, когда онъ во время войны въ первый разъ сталъ лицомъ къ лицу къ народной нуждѣ, и пребывая въ лагеряхъ, деревняхъ и мелкихъ городахъ, вошелъ въ непосредственное сношеніе съ крестьянами. Тутъ онъ собственными глазами увидалъ нищету рабочаго класса, поденщиковъ и земледѣльцевъ, понялъ и то, сколько усилий стоило имъ обезпечить пропитаніе своихъ семействъ и какъ дорого приходилось имъ платить за предметы первой необходимости для того только, чтобы поддержать нѣсколько фабрикъ, тогда какъ эти предметы, въ особенности одежду, и дешевле и лучшаго качества можно приобрѣтать за границею.

При такихъ-то обстоятельствахъ послѣдовало распоряженіе короля, дозволившее ввозъ иностранныхъ произведеній во всѣ провинціи, занятія неприятелемъ, съ оплатою всего $\frac{1}{12}$ или $8\frac{1}{3}\%$ съ цѣны.

Это распоряженіе вызвало въ однихъ мѣстахъ громкое одобреніе, въ другихъ—протесты и возраженія. Нѣкоторые изъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ прямо писали, что мысль о томъ, будто пониженная пошлина достаточна для покровительства туземнымъ fabri-

завѣтъ, справедлива въ теоріи, но должна на практикѣ; въ Берлинѣ, гдѣ еще распоряженія о пониженіи тарифа не были даже опубликованы, уже говорили о томъ, что вслѣдствіе этой мѣры многіе фабриканты распускаютъ своихъ рабочихъ. При такихъ условіяхъ король не рѣшился распространить пониженіе тарифа на другія провинціи, кромѣ прусской, и въ Маркіяхъ, Силезіи и Помераніи оставлена была пока запретительная система. Но тѣмъ не менѣе законодательство въ слѣдующіе годы не только не отступило отъ разъ высказаннаго взгляда, но все болѣе и болѣе склонилось къ свободной торговлѣ.

Администрація—писалъ Штейнъ въ своей инструкціи провинціальнымъ управленіямъ—должна сколь возможно благопріятствовать промышленности, и самый полезный, въ этомъ отношеніи, путь—оставить промышленность естественному ея развитію, не покровительствуя ей въ особенности, и не стѣсняя ее до тѣхъ поръ, пока она не вредитъ религіи, правамъ и государственному устройству. Было бы несогласно съ законами здравой экономіи выводить промышленность изъ этихъ предѣловъ, и требовать, чтобы она была постояннымъ удѣломъ того или другого класса гражданъ. Независимо отъ свободы *производить*, свобода *торговли* внутренней и внѣшней столь же существенно необходима для общаго благосостоянія. Отрасли промышленности, которыя въ состояніи держаться собственными силами, возпынуть тогда сами собою и будутъ именно тѣ, которыя наиболѣе полезны странѣ и наиболѣе соотвѣтствуютъ ея потребностямъ. Ошибочно думать, что для народа выгодно производить то, что онъ можетъ получить дешевле отъ другихъ народовъ; напикни приплаты могли бы быть въ этомъ случаѣ употреблены съ болѣею пользою на другіе предметы; ошибочно также думать, что лучше вовсе ничего не покупать у иностранцевъ, чтобы деньги оставались въ странѣ.*

Признавая всю пользу свободы торговли и вредъ запретительной системы, прусское правительство продолжало однако, до 1817-го года, издавать только отдѣльные распоряженія, касавшіяся ввоза и вывоза иностранныхъ товаровъ въ различныя прусскія провинціи. Наконецъ, въ 1817-мъ году графъ Бюловъ представилъ королю новый планъ финансоваго законодательства. Предлагая уничтожить всѣ внутреннія между провинціями таможи и принять однѣ общій тарифъ для ввоза, вывоза и транзита товаровъ, министръ прямо доказывалъ, что въ законодательствѣ до торговли и таможенъ относящемся слѣдуетъ принять за основное начало *свободу торговли*. По мнѣнію Бюлова слѣдовало позволить ввозъ, вывозъ и транзитъ всѣхъ товаровъ, и принять въ то же время необходимыя мѣры для покровительства національной промышленности, чтобы обезпечить ей достаточныя выгоды, сохранивъ право возмездія въ отношеніи тѣхъ государствъ, которыя откажутся отъ взаимности. Доказывая затѣмъ, что тарифъ

даже и на предметы роскоши долженъ быть умѣренный, а предметы первой необходимости должны быть или освобождены вовсе отъ пошлинъ, или обложены ею въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, министр писалъ: „Надо принять за несомнѣнное, что высокій тарифъ уменьшаетъ доходы государства и увеличиваетъ выгоды контрабанды. Высокій тарифъ, равнялся запрещенію, увеличиваетъ подлоги и обманы, приучаетъ публику смотрѣть на контрабанду, какъ на необходимое условіе торговли, заставляетъ и честныхъ людей принимать участіе въ незаконной торговлѣ. Нельзя равнодушно смотрѣть на развращеніе народа, наводя его на ложный путь и подвергая искушеніямъ самихъ агентовъ правительства. Не надо забывать, что нравы сильнѣе законовъ. Здраво понимаемые интересы финансовой администраціи требуютъ прежде всего, чтобы они были примирены съ общественнымъ мнѣніемъ, а этого можно достигнуть только умѣренностью и справедливостью“.

Этотъ докладъ министра финансовъ поступилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, гдѣ и образована была, для предварительныхъ соображеній, особая коммиссія изъ 24-хъ лицъ, по избранію самого короля, подъ предсѣдательствомъ В. Гумбольдта, человѣка, по своему образованію и общественному положенію, стоявшему выше всякихъ партій. Коммиссія этой предстояло рѣшить существенный вопросъ о томъ: пригодна ли для Пруссіи свобода торговли и не будетъ ли вредно для національной промышленности дозволеніе ввоза всѣхъ товаровъ съ умѣренной пошлиною. Большинство членовъ этой коммиссіи высказалось за допущеніе ввоза иностранныхъ товаровъ съ пошлиною въ 10% съ цѣны.

Узнавъ объ этомъ, прусскіе фабриканты подняли сильную агитацію, требуя сохраненія запретительной системы. Чтобы успокоить ропотъ рѣшено было образовать особую спеціальную коммиссію, въ которой могли бы быть высказаны всѣ мнѣнія заинтересованныхъ сторонъ и въ которую приглашены были, въ качествѣ экспертовъ, пегоціанты и фабриканты. Большинство этой спеціальной коммиссіи, какъ и слѣдовало ожидать, высказалось за восстановленіе запретительной системы. Въ мнѣніи этомъ прямо выражалось, что „свободный ввозъ разрушитъ большую часть фабрикъ, лишитъ заработной платы множество рабочихъ и, не говоря о бѣдности и страданіяхъ, къ которымъ они будутъ приведены, уменьшитъ поступленіе другихъ косвенныхъ податей, такъ какъ потребление вообще уменьшится“. Съ этимъ мнѣніемъ коммиссія не согласилась только два изъ ся членовъ, и въ томъ числѣ бывшій наставникъ братьевъ Гумбольдтовъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ министровъ Струензе и Штейна, Кунтъ, человѣкъ обширнаго ума и глубокихъ познаній. Кунтъ слѣпательно опровергъ мнѣніе большинства коммиссіи. „Опасеніе, говорилъ онъ, что ввозъ мно-

странныхъ произведеній подорветъ національную промышленность, происходитъ отъ неполнаго знакомства съ разсматриваемымъ предметомъ; если же этотъ страхъ основателенъ, то онъ лучше всего доказываетъ тщету долговременныхъ усилій правительства, бесполезность жертвъ, принесенныхъ народомъ и логическую необходимость отказаться отъ системы, которая взамѣнъ столькихъ трудовъ и издержекъ приносила лишь недозрѣлые плоды“.

По мнѣнію Кунта, истинная промышленность не боится соперничества, а если есть отрасли промышленности, которыя страшатся быть уничтоженными, то это тѣ, которыя поддерживаются искусственно, лишеныя всякой жизненности, это паразиты, которые живутъ только общественнымъ подаяніемъ, милостинею. Для благосостоянія Пруссіи, утверждалъ Кунтъ, надо желать, чтобы въ ней была допущена полная свобода торговли; но какъ въ настоящее время и общественное мнѣніе, и отчасти интересы казны противъ такой неограниченной свободы, то надо избрать среднюю мѣру—допустить ввозъ иностранныхъ товаровъ, обложивъ ихъ умѣренной пошлиною.

Когда мнѣнія большинства и меньшинства спеціальной комиссіи поступили въ комиссію государственнаго совѣта, то туда посыпались новыя записки отъ фабрикантовъ противъ свободы торговли. Но эта агитація не остановила правительства: королевскимъ повелѣніемъ 1-го августа 1817-го года было объявлено: „что свободный ввозъ иностранныхъ товаровъ съ умѣренной пошлиною будетъ служить впредь основаніемъ торговаго законодательства Пруссіи“.

Вслѣдъ затѣмъ былъ составленъ, и 26-го мая 1818-го года утвержденъ королемъ, новый тарифъ, главные основанія котораго были: начало умѣренной свободы торговли, позволяющее ввозить и продавать всякаго рода произведенія, сырыя или мануфактурныя; полная свобода вывоза товаровъ; обложеніе иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ, среднимъ числомъ 10% пошлиною; взиманіе пошлины съ вѣса, мѣры и поштучно; отстраненіе всякихъ стѣсненій, или ограниченій торговли внутри государства; пересмотръ тарифа чрезъ каждые три года.

Уже черезъ годъ послѣ обнародованія новаго закона, Пруссія увидѣла совершенную необходимость привлечь въ свою таможенную систему лежавшія среди ея территоріи чужія земли. Съ этою цѣлью въ 1819-мъ году начались переговоры, и въ томъ же году заключенъ былъ первый таможенный договоръ съ Шварцбургъ-Зондергаузеномъ, и такимъ образомъ положено основаніе таможенному союзу, къ которому присоединились, начиная съ 1822-го по 1831-й годъ, еще 14 государствъ, принявшихъ съ тѣмъ выѣстъ прусскій таможенный тарифъ 1818-го года.

Вскорѣ затѣмъ возникъ вопросъ: не выгоднѣе ли было бы и всѣмъ

остальнымъ государствамъ Германіи присоединиться къ Пруссіи и составить съ нею одинъ таможенный союзъ. Разрѣшеніе этого вопроса встрѣтило главное затрудненіе въ томъ, что существовавшій въ южныхъ государствахъ тарифъ былъ гораздо либеральнѣе прусскаго тарифа. Въ виду однакожъ несомнѣнныхъ выгодъ объединенія торговаго законодательства, сдѣланы были обоюдныя уступки, и такимъ путемъ образовался „германскій таможенный союзъ“, имѣвшій огромное вліяніе на экономическое и политическое развитіе какъ Пруссіи, такъ и Германіи вообще.

Основанія таможенного союза пересматривались нѣсколько разъ; нынѣшнее его устройство утверждено трактатомъ 1867-го года, имѣющимъ силу на 12 лѣтъ. Пространство союза составляетъ 9,047,44 кв. миль съ населеніемъ въ 38,302,103 чел.

Условія, которымъ подчинились государства, вступившія въ таможенный союзъ, не ограничиваются одними торговыми отношеніями, опредѣляемыми обыкновенно торговыми международными трактатами; условія эти идутъ глубже: германскій таможенный союзъ представляетъ федерацію государствъ, съ особыми законодательными и административными учрежденіями — таможеннымъ парламентомъ и таможеннымъ совѣтомъ. Въ предѣлахъ таможенного союза установлены общіе таможенные законы, таможенное устройство, тарифъ и карательныя мѣры за нарушеніе таможенныхъ законовъ; сверхъ того, состоялось соглашеніе относительно предѣловъ налога на соль и свекловичный сахаръ и одинаковаго обложенія нѣкоторыхъ предметовъ производства и потребленія. Общіе доходы союза дѣлятся между союзными государствами пропорціонально ихъ населенію.

Въ послѣдніе годы таможенный союзъ вступилъ открыто на путь либеральной торговой системы. Доказательствомъ тому служитъ позднѣйшій, 17-го мая 1870-го года, таможенный законъ. „Нынѣшній тарифъ таможенного союза, замѣчаетъ г. Заблоцкій (Т. I стр. LXXIII), есть наиболѣе умѣренный изъ тарифовъ, которыхъ держатся прочія великія континентальныя державы; онъ принялъ характеръ преимущественно финансовый, и устраняя цѣли покровительственныя, по крайней мѣрѣ говоря вообще, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ развитіе экономическихъ интересовъ внутри страны чрезъ увеличеніе торговыхъ сношеній съ другими государствами“.

Нечего и говорить, что нашъ тарифъ далеко отсталъ отъ германскаго. Какъ извѣстно, нашъ тарифъ подвергался довольно частымъ перемѣнамъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія наши таможенные постановленія носили на себѣ печать запретительной системы, и хотя въ 1820-мъ году введенъ былъ тарифъ на широко-свободныхъ началахъ, но этотъ тарифъ просуществовалъ всего три года и затѣмъ снова установлена старая система, дѣйствовавшая съ небольшими

переѣмаѣи до 1851-го года. Въ эти тридцать лѣтъ наши фабрики и мануфактуры, пользуясь отсутствіемъ соревнованія съ иностранными производителями, приобрѣли большіе барышни, но впередъ подвинулись не много; за то въ значительной степени подвинулась впередъ контрабанда. Изданіемъ тарифовъ 1850-го и 1857-го годовъ предполагалось нѣсколько помочь этому злу и сдѣлать нѣкоторый переходъ отъ запретительной системы къ охранительной. При составленіи обоихъ тарифовъ были обложены пошлиною, сравнительно высшею, предметы первой необходимости, сбавлены пошлины на вспомогательные материалы для фабрикъ и ремеслъ и обложены умѣренными пошлинами такія иностранныя издѣлія, которыя не представляли для нашихъ фабрикъ опаснаго соперничества. Несмотря на такую заботливость объ интересахъ нашихъ фабрикантовъ, нельзя конечно сказать, чтобы они слишкомъ заботились объ улучшеніи своего производства, которое ни подъ запретительнымъ, ни подъ охранительнымъ тарифомъ далеко еще не достигло желаемого развитія. Тѣмъ не менѣе, когда, спустя 10 лѣтъ послѣ изданія тарифа 1857-го года, сдѣлалась очевидна необходимость измѣненія тарифа, наши фабриканты снова завопили о поддержкѣ отечественнаго производства. Къ сожалѣнію и въ новомъ тарифѣ 1868-го года гораздо болѣе проглядываетъ охраненіе интересовъ фабрикантовъ, нежели стремленіе къ удовлетворенію нуждъ потребителей; хотя же въ этомъ послѣднемъ тарифѣ сдѣланы нѣкоторыя облегченія, но за то, съ другой стороны, установлены пошлины на такіе предметы, которые до тѣхъ поръ ввозились свободно; такъ установлены пошлины на машины исключительно въ видахъ покровительства отечественному производству машинъ.

Вмѣсто всякихъ дальнѣйшихъ общихъ разсужденій о германскомъ и нашемъ тарифѣ, мы приведемъ нѣкоторыя сравненія, которыя могутъ дать гораздо болѣе вѣрное понятіе о развитіи торговли въ Германіи и Россіи и о торговой политикѣ обоихъ государствъ.

Въ германскомъ таможенномъ союзѣ въ 1867 году весь оборотъ внѣшней торговли простирался до 1,032 мил. талеровъ (привозъ на 580 мил. тал., вывозъ 452 мил. тал.), что при народонаселеніи въ 38 мил. душъ обоюго пола составляетъ около 28 тал. на 1 человѣка.

Въ Россіи, въ 1870 году, весь оборотъ внѣшней торговли по европейской и азіатской границѣ простирался до 696 мил. руб. (отпускъ 360 мил. руб., привозъ на 336 мил. руб.), что при народонаселеніи въ 80 милл. душъ обоюго пола составляетъ 8,7 рубля на 1 человѣка.

Таможенный валовой доходъ составлялъ въ германскомъ союзѣ до 24.135,829 тал., или 0,63 тал. на 1 человѣка.

Въ Россіи таможенный доходъ простирался до 42.145,042 р. сер., или 0,52 р. на 1 человѣка.

И въ Германіи, и Россіи таможенный доходъ поступаетъ главнымъ

образомъ съ привозныхъ товаровъ. Въ Германіи валовой таможенный доходъ составляетъ 4,1% всей суммы привоза, а въ Россіи онъ достигаетъ до 13%. Это показываетъ, до какой степени нашъ тарифъ выше тарифа германскаго таможенного союза.

Въ Германскомъ таможенномъ союзѣ наибольшій таможенный доходъ доставляютъ кофе, болѣе 30%, и табакъ 12% ¹⁾, желѣзо, сырое и въ издѣліяхъ 6½%, вино 6%, сахаръ сырецъ 5½% ²⁾, южные фрукты 2%, рисъ ³⁾, шерстяные товары, бумажная пряжа и бумажные товары по 2½%; пряности, шелковые и полупшелковые товары по 2%.

Въ Россіи, принимая въ основаніе „Виды внѣшней торговли“ за 1870 годъ, оказывается, что наибольшій доходъ доставляетъ чай ⁴⁾, именно до 20% всего таможенного сбора, затѣмъ напитки и соль даютъ по 8%, шерстяныя издѣлія 6% ⁵⁾, масло деревянное 5% ⁶⁾, бумажныя издѣлія и металлы по 4%, шелковыя издѣлія 3%, фрукты и табакъ по 2½%, кофе 1½%.

VI.

Въ числѣ прусскихъ налоговъ и податей встрѣчаются пѣкоторые источники доходовъ, вовсе чуждые нашему бюджету, какъ-то классная и классифицированная подати, налогъ на помоль хлѣба и убой скота, пошлины съ газетъ и календарей, лотереи, пошлины съ игральныхъ картъ и доходы отъ кредитныхъ учреждений. Послѣдніе два рода государственныхъ доходовъ, хотя и не заносятся въ нашъ бюджетъ, но на самомъ дѣлѣ существуютъ; только пошлины съ картъ поступаютъ въ спеціальныя доходы вѣдомства учреждений императрицы Маріи (которое въ вознагражденіе за этотъ доходъ уплачиваетъ въ казну всего 18,386 р. въ годъ), а доходъ государственнаго банка имѣетъ, какъ мы уже говорили, по своему уставу,—спеціальное на-

¹⁾ Табакъ обложенъ пошлиною съ пуда: въ Германскомъ союзѣ по 1½ тал. въ листахъ, 3½ т. курительный приготомленный, и 6½ т.—сигары. Въ Россіи тѣ же сорта табаку оплачиваютъ 4 р. 40 к., 26 р. 40 к. и 88 рублей.

²⁾ Сахаръ обложенъ пошлиною съ пуда: въ Германіи 1½ т. рафинадъ и 1½, сырецъ, въ Россіи 4 р. 50 к. и 8 р.

³⁾ Рисъ обложенъ пошлиною съ пуда: въ Германіи 5 зинб., въ Россіи 10 коп.

⁴⁾ Въ Германіи пошлина съ чая составляетъ 8 тал. съ центнера или 2½ тал. съ пуда, — у насъ по европейской торговлѣ чай обложенъ пошлиною въ 22 р. (цѣлочинный) и 15 р. 40 к. торговый.

⁵⁾ Шерстяныя издѣлія валецы и ткани въ Германіи подведены подъ 4 подраздѣленія съ пошлиною отъ 3½ до 10 тал. съ пуда; у насъ тѣ же предметы имѣютъ 12 подраздѣленій съ пошлиною отъ 10 до 1 р. 20 к. съ фута.

⁶⁾ Масло деревянное, столь необходимое для фабрикъ, съ примѣсью скипидара въ Германіи ввозится беспошлинно, у насъ оно обложено 1 р. 80 к. съ пуда.

значение; впрочемъ въ бюджетъ заносится доходъ отъ польскаго банка, гдѣ также есть доходъ съ лотерей¹⁾.

Но самое существенное различіе нашей всей податной системы отъ прусской состоитъ въ томъ, что у насъ не соблюдается основнаго финансовое начало—*всеобщность податей*.

У насъ съ одной стороны существуютъ отдѣльныя системы податей въ привислинскихъ губерніяхъ, закавказскомъ краѣ и туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, не сходныя съ системою податей, существующею въ прочихъ частяхъ имперіи, гдѣ въ свою очередь цѣлыя области, именно населенныя казаками, не несутъ прямыхъ податей, а взаменъ того отправляютъ военную службу²⁾; съ другой стороны здѣсь же только низшія сословія несутъ прямые налоги и потому носятъ названіе податныхъ сословій³⁾; личная, или подушная подать взимается съ лицъ, въ иныхъ мѣстахъ съ домовъ, въ другихъ съ семействъ. Въ число плательщиковъ входятъ и кочевые народы (свыше 2 милліоновъ душъ обоюго пола), платящіе прямые налоги съ кибитокъ и со скота, и бродячіе инородцы, платящіе такъ-называемый ясакъ частію звѣринными шкурами, частію деньгами.

Податныя сословія въ Россіи выплачиваютъ не только прямые, лежащіе на нихъ налоги, но и большую часть налоговъ косвенныхъ; высочайше учрежденная коммиссія для пересмотра системы податей вычислила, что изъ общей суммы всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ крестьяне и мѣщане въ 1862-мъ году уплатили 76%.

Говоря о нашемъ бюджетѣ, эта коммиссія замѣчаетъ⁴⁾, что всѣ существующіе въ имперіи прямые и косвенные налоги можно раздѣлить на три отдѣла: во-первыхъ, на подати, которыя уплачиваются исключительно низшимъ классомъ жителей; во-вторыхъ, на уплачиваемые исключительно высшими состоятельными классами налоги, и въ-третьихъ, на пошлыны, которыя распределяются, хотя и въ различной пропорціи, на всѣ классы народа.

Къ первымъ коммиссія относитъ подушную и оброчную подати, всего въ 1872-мъ году около 80.000,000 р., нитейный доходъ 162.428,422 р., соляной доходъ 12.523,070 р. и паспортный сборъ 2.416,000 руб.

Въ послѣднихъ двухъ статьяхъ дохода, т.-е. въ соляномъ сборѣ и паспортномъ доходѣ участвуютъ, правда, и высшіе классы жителей,

¹⁾ Доходъ съ лотерей въ губерніяхъ царства польскаго исчисленъ на 1872 г. въ количествѣ 227.939 р., а отъ польскаго банка въ количествѣ 823,900 р.

²⁾ Число казачьяго сословія простирается до 2.909,588 душъ обоюго пола, занимающаго 53.556,322 десят. земли (Обозрѣніе госуд. доходовъ стр. 118).

³⁾ Число лицъ, не платящихъ прямыхъ налоговъ, простирается свыше 3½ мил. душъ обоюго пола (тамъ же стр. 121).

⁴⁾ Труды коммиссіи высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ. Т. III. Прямые налоги.

но участіе это весьма незначительно въ сравненіи съ тою частію этихъ налоговъ, которая ложится на народъ.

Ко второй категоріи, т.-е. къ налогамъ, вносимымъ исключительно высшими состоятельными классами народа, слѣдуетъ отнести пошлину съ частныхъ горныхъ заводовъ и съ золотопромышленности—3.310,616 р., дорожный сборъ 346,000 р., крепостныя и канцелярскія пошлины 4.823,000 р., табачный акцизъ 9.121,035 р., свеклосахарный акцизъ 3.072,820.

Наконецъ къ третьей категоріи, т.-е. къ пошлинамъ, распредѣляющимся на всѣ классы народа относятся: почтовый сборъ 9.012,797 р., гербовый 7.356,000 р., сборъ за право торговли 12.390,000 р., пошесейный сборъ 335,953 р., и таможенный сборъ 43.815,500 р.; въ послѣднемъ участіе высшихъ классовъ имѣетъ преобладающее значеніе, однакъ значительная часть пошлинъ съ фабричныхъ матеріаловъ, сахара, чая и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ уплачивается низшими классами.

Такимъ образомъ, болѣе половины всѣхъ доходовъ имперіи лежатъ исключительно на низшихъ малоимущихъ классахъ народа. При этомъ главный доходъ (винный и соляной) лежитъ на народномъ потребленіи, затѣмъ подушный и паспортный сборъ собирается съ личнаго труда, а подать оброчная съ земли и промысловъ. Капиталъ же, какъ движимый, такъ и недвижимый, совершенно изъятъ отъ всякаго прямого государственнаго налога. „Въ нашей податной системѣ, по замѣчанію комиссіи, представляется, съ одной стороны, значительное обложеніе личнаго труда, а съ другой стороны—освобожденіе капитала, даже въ видѣ недвижимостей, т.-е. самаго рациональнаго предмета обложенія, отъ всякаго прямого государственнаго налога“.

Подобнаго распредѣленія податей не существуетъ ни въ одномъ изъ государствъ Европы. По вычисленію той же комиссіи выходитъ, что, сравнивая нашъ бюджетъ съ бюджетами Великобританіи, Франціи и Бельгіи, оказывается, что путемъ налоговъ взимается съ высшихъ классовъ: въ Великобританіи 52%, во Франціи 49%, въ Бельгіи 45% и въ Россіи 17%, а съ низшихъ классовъ: въ Великобританіи 40%, во Франціи 30%, въ Бельгіи 29% и въ Россіи 76%, т.-е. низшій классъ платитъ въ Россіи, среднимъ числомъ, вдвое болѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ странахъ, гдѣ земледѣльческіе продукты имѣютъ гораздо болѣешую цѣнность, чѣмъ у насъ, гдѣ несравненно сильнѣе развита промышленность и дорожѣ цѣнится рабочій трудъ. Съ тѣхъ поръ, какъ податная комиссія дѣлала свои вычисленія, положеніе не только не улучшилось, но еще ухудшилось, ибо дальнѣйшее возвышеніе государственныхъ доходовъ производилось главнѣйшимъ образомъ на счетъ низшихъ классовъ.

Кромѣ государственныхъ повинностей денежныхъ, изъ которыхъ го-

сударственный земскій сборъ и общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ превышаютъ 25 мил. рублей, они отбываютъ нѣкоторые государственныя повинности натурой¹⁾; въ числѣ послѣднихъ самую тяжелую составляетъ повинность рекрутская, которую князь А. Васильчиковъ²⁾, переводя на денежный счетъ, по цѣнамъ рекрутскихъ квитанцій и числу ежегодно поставляемыхъ рекрутъ, опредѣляетъ стоимостью отъ 75 до 90 миллионъвъ рублей въ годъ. Кромя того они отбываютъ губернскія повинности отчасти натурою, отчасти деньгами. Всѣ эти тягости и платежи, сложенные вмѣстѣ, составляютъ въ годъ сумму, превышающую 150 мил. рублей.

Но и это еще не все. Наша податная система не только возложила на низшіе классы всю массу прямыхъ государственныхъ налоговъ и огромную часть налоговъ косвенныхъ, но еще связала плательщиковъ круговой порукой и паспортами по рукамъ и по ногамъ въ присканіи средствъ уплачивать налоги; она-то преимущественно держитъ нашихъ крестьянъ на степени, близкой къ пролетаріату и не даетъ имъ подняться и стать на ноги. „Наше прославленное богатство, говоритъ г. Скалдинъ въ своей замѣчательной книгѣ³⁾, представляемое напоказъ небольшимъ числомъ счастливыхъ изъ привилегированныхъ классовъ, есть только бархатная заплатка на сермяжномъ рубищѣ; но стоить только пробѣжаться внутри Россіи, чтобы видѣть, что эта страна пищенствующихъ, голодныхъ и холодныхъ. Надобно не знать, или не желать знать дѣйствительнаго положенія крестьянъ, чтобы не видѣть, что и безпечность, и пьянство и нравственное оупѣніе происходятъ у нихъ главнымъ образомъ отъ безвыходности ихъ положенія, отъ того, что они принуждены ограничивать всѣ свои помыслы и надежды только двумя цѣлями: уплатить повинности и наполнить чѣмъ попало свои желудки. Тѣ же самыя пороки и недостатки, съ роковымъ постоянствомъ, повторяются во всемъ мірѣ, среди тѣхъ рабочихъ классовъ, которые при всемъ своемъ трудѣ лишены надежды на улучшеніе своего быта. Положенію 19 февраля 1861 года остановилось именно на той чертѣ, до которой никакіе

¹⁾ По позднѣйшему вычисленію податной комиссіи оказывается, что во всей Россіи за исключеніемъ прибалтійскихъ губерній и земли войска донскаго, среднимъ числомъ, причтается подушной подати и государственнаго земскаго сбора (взимаемаго съ душъ) по 50%, к. на крестьянскую десятину; выкупные платежи съ крестьянъ-собственниковъ составляютъ въ губерніяхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ отъ 6 до 7 р. 20 к. на душу и отъ 1 р. 15 к. до 2 р. 40 к. на десятину, подушныя же земскія и выкупныя платежи крестьяне платятъ отъ 10 до 13 р. на душу или отъ 1 р. 0 к. до 3 р. 50 к. на десятину и отъ 30 р. до 60 р. и болѣе се-
двоина.

²⁾ О самозправленіи Т. I, стр. 174—175.

³⁾ Въ запискахъ и въ столицѣ. С.-Петербургъ. 1870, стр. 110 и 96—97.

доходы справедливости, права и государственной выгоды не могли быть въ пользу помѣщиковъ, но всѣ были въ пользу крестьянъ. Положеніе дало крестьянамъ въ обрѣзъ то количество земли, которое, при установлении въ пользу помѣщиковъ оброковъ, обезпечиваетъ крестьянамъ только уплату податей и насущный хлѣбъ, и притомъ обезпечиваетъ имъ то и другое лишь въ благопріятные годы¹.

Насколько вѣрно замѣчаніе г. Скалдина и какъ неосновательно господствовавшее у насъ недавно мнѣніе о неисчерпаемыхъ богатствахъ Россіи,—это какъ нельзя яснѣе подтверждается частными и официальными изслѣдованіями положенія различныхъ мѣстностей Россіи.

Значительная часть сѣверныхъ губерній занята болотами и лѣсами, неспособными къ культурѣ по климатическимъ условіямъ.

„Смертность жителей Верхоленскаго округа Иркутской губерніи, говоритъ докторъ Шперкъ¹⁾, очень замѣчательна, а средняя продолжительность жизни мала, что должно обуславливать быстрое смѣненіе одного поколѣнія другимъ, причемъ, естественно, въ массѣ народонаселенія должны преобладать дѣти и юноши, недостижшіе 15-ти лѣтъ, а при болѣе значительной смертности мужчинъ — женщины; все это представляетъ невыгодныя условія для народонаселенія. Въ чемъ же заключаются причины этой неутѣшительной смертности и кратковременности жизни народонаселенія Верхоленскаго округа? Какъ извѣстно, вліяніе на здоровье какъ отдѣльнаго человека, такъ и всей массы населенія оказываютъ: почва и климатъ страны, достатокъ жизненныхъ припасовъ, богатство жителей и самый образъ жизни народа, т.-е. жилища, промышленность, народное образованіе, законы, религія и проч.“

Описывая экономическій бытъ Вятской губерніи г. Заволжскій²⁾ вычисляетъ, что расходы населенія губерніи на уплату податей всякаго рода и жизненныхъ потребности превосходятъ въ годъ его доходы болѣе, чѣмъ на 88 тыс. рублей. Вліяніе неудовлетворительнаго экономическаго быта населенія г. Заволжскій описываетъ такъ: „Ѣды микны и другихъ неудобоваримыхъ суррогатовъ повліяли на органическое развитіе населенія. Общій видъ его такой: лицо истомленное, глаза тусклые и впалые, волосы рѣдкіе, мускулы слабы и дряблы, и такимъ образомъ оно физически совершенно вырождается. Средній процентъ увеличенія населенія не превышаетъ 1⁰/₀, т.-е. нужно сто лѣтъ, чтобы населеніе удвоилось. Вѣчная безуспѣшная борьба съ го-

¹⁾ Верхоленскій округъ Иркутской губерніи, амурскаго областного врача Ф. Шперка. Медико-топографическій сборникъ, изд. медицинскаго департамента м. в. д. Т. I стр. 156.

²⁾ Изслѣдованіе экономическаго быта населенія сѣверной части Вятской губерніи, составленное Л. А. Заволжскимъ. Изданіе Вятскаго губернскаго земства. 1872.

лодомъ повліяла на характеръ населенія, развитіе апатію, неподвижность и неразсчитливость“.

Если таково положеніе сѣверныхъ губерній, то немногимъ лучше положеніе на югѣ и въ средней полосѣ Россіи. Оставляя въ сторонѣ южныя неплодныя степи, какова, напримѣръ, калмыцкая степь въ Астраханской губерніи, занимающая пространство въ 8 мил. десятинъ, на которомъ едва можетъ существовать скудное и постепенно вырождающееся населеніе кочующихъ калмыковъ, недостигающее и 120,000 душъ обоюго пола ¹⁾, обратимся къ Харьковской губерніи, лежащей въ черноземной полосѣ и находящейся, повидимому, въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. „Быть сельскаго населенія и въ особенности экономическая сторона его“, говоритъ г. Леонтовичъ ²⁾, „идеть такимъ путемъ, что оказываетъ значительное вліяніе на здоровье жителей. Такимъ образомъ, исключительное земледѣліе порождаетъ всѣ невыгоды, зависящія отъ степени и силы урожая хлѣба. Есть значительный урожай,—жители пользуются довольствомъ и даже остается большая часть запасовъ безъ сбыта, по отсутствію путей сообщенія; нѣтъ урожая—мѣстное населеніе терпитъ большую нужду въ продовольствіи, а слѣдовательно, подрывается и основа его благосостоянія и, равносильно этому, здоровье. Фабричная и заводская промышленность мало развита, да и та основана на довольно одностороннихъ началахъ—на эксплуатаціи рабочаго класса владѣльцами; вотъ почему она мало приноситъ истинной пользы. Эти довольно полновѣсныя причины бѣдности простаго народа въ особенности поразительно вліяютъ въ концѣ зимы и весною. Плохой урожай мало обезпечиваетъ жителей исключительно земледѣльческой страны; запасовъ, за исключеніемъ предназначенныхъ для будущаго посѣва, иногда хватаетъ только до весны; вотъ почему это время года, вообще вредное, по своимъ климатическимъ условіямъ, оказывается еще болѣе вреднымъ въ силу истощенія питательнаго матеріала, поддерживающаго жизнь цѣлыхъ обществъ. Мѣстному населенію, конечно, если у него нѣтъ запасныхъ магазиновъ и суммъ, предоставляется голодать“.

Что голодная смерть и сопровождающія ее эпидеміи могутъ находить себѣ обильную жатву въ Россіи, что въ ней господствуетъ, сравнительно съ другими государствами Европы, значительная смертность и весьма не велика средняя продолжительность жизни,—все это какъ нельзя болѣе объясняется невѣжествомъ и крайней бѣдностью

¹⁾ Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ, кочующихъ въ Астраханской губерніи. Составилъ главный попечитель калмыцкаго народа К. Костенковъ. С.-Петербургъ 1870, стр. 161.

²⁾ Медико-топографическое и медико-статистическое описаніе Харьковской губерніи. А. Леонтовича. Медико-топографическій сборникъ, изд. медицинскаго департамента м. в. д. Т. II, стр. 149—150.

простого народа. Доказывая цифрами, какое гибельное вліяніе имѣли неурожайные годы въ періодъ времени съ 1844 — 1863 гг. на браки, рождаемость и смертность въ европейской Россіи, г. Архангельскій указываетъ на необходимость развитія народныхъ массъ путемъ образованія и такъ окончиваетъ свое поучительное изслѣдованіе¹⁾: „Въ исторіи нѣтъ и не было примѣровъ, чтобы невѣжественный народъ достигъ высокаго экономическаго благосостоянія; народное богатство, какъ доказываетъ политическая экономія, создается только черезъ знаніе окружающей природы и разумную эксплуатацію ея, всѣ же богатства, создаваемые черезъ эксплуатацію невѣжественныхъ массъ, ничтожны и мало полезны по отношенію къ этимъ массамъ и въ бѣдственныя годы оказываются безсильными. Нельзя не согласиться, что если въ прежнее время высшіе администраторы видѣли въ невѣжествѣ узду для народа, то единственно только потому, что не видѣли въ этомъ невѣжествѣ страшнаго бича для того же народа“.

При такой крайней бѣдности погруженныхъ въ невѣжество низшихъ классовъ и преимущественно крестьянства, уплата ими податей и всякихъ сборовъ объясняется, конечно, въ значительной степени тѣми мѣрами, какія употребляются для взысканія недоимокъ. У насъ, какъ извѣстно, взысканіе недоимокъ производится не только съ имущества несостоятельнаго плательщика, но еще и онъ самъ подвергается тѣлесному наказанію. Отъ этого при сужденіи о какой-либо губерніи, въ которой нѣтъ недоимокъ на крестьянахъ, не рѣдко слѣдуетъ это объяснять не исправностью состоятельныхъ плательщиковъ, а тѣми „энергическими“ мѣрами, которыя мѣстная администрація употребила для взысканія податей.

Понятно, однако, что такое положеніе вещей долго продолжаться не можетъ. „Послѣдствія неравномѣрнаго обложенія, замѣчаетъ князь А. Васильчиковъ²⁾, уже проникли глубоко и тѣ же самыя грозныя тучи, которыя накопились вѣками надъ прочими народами, висятъ и надъ нами, привлеченныя несправедливостями новѣйшихъ временъ. Еще у насъ не представляется такихъ рѣзкихъ предзнаменованій внутреннихъ междоусобій, какъ во Франціи, или Германіи; еще сословная рознь не превратилась въ сословную вражду. Добродушіе нашихъ народныхъ нравовъ смягчаютъ суровость нашихъ податныхъ законовъ. Но нельзя скрывать отъ себя, что сѣмена раздора посѣяны и у насъ на той же почвѣ, на которой они выросли въ феодальной Европѣ, на почвѣ неравномѣрной и несправедливой податной системы. Въ Россіи, какъ и во Франціи, государство сохранилось трудами, деньгами и личной

¹⁾ Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медицинской полиціи и проч., издан. медицинскимъ департаментомъ. Т. I, 1872. стр. 288.

²⁾ О самоуправленіи. Томъ I, стр. 167—169.

работой простого народа. Въ Россіи, какъ и во Франціи, натуральными повинностями крестьянъ рылись канавы, мостились дороги, перевозились войска, содержались почты и кормились воеводы. Въ Россіи, точно также, какъ и во Франціи, дворянство, первоначально уволенное отъ казенныхъ податей, взаменъ службы имъ исправляемой, впоследствии избавилось отъ всѣхъ обязательствъ, но не приняло на себя соотвѣтствующей доли другихъ повинностей, и осталось, такимъ образомъ, сословіемъ привилегированнымъ, то-есть празднымъ, среди всѣхъ прочихъ сословій рабочихъ и податныхъ... Еще открыта дверь, черезъ которую образованныя сословія могутъ вступить въ связь съ простымъ народомъ — принимая на себя соразмѣрную ихъ имуществамъ часть народныхъ тягостей.*

По счастью, скажемъ мы, наше земство нашло эту „дверь“ прежде, нежели она захлопнулась. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ огромномъ значеніи, какое имѣетъ единогласное заявленіе *тридцати* губернскихъ земскихъ собраній, въ отвѣтъ на поступившій на нихъ обсужденіе проектъ податной комиссіи о замѣнѣ подушныхъ сборовъ подворнымъ налогомъ и поземельною податю, — о необходимости призвать къ отбыванію государственныхъ повинностей всѣхъ лицъ, безъ всякаго исключенія. Ставя всрѣчнымъ началомъ финансовой реформы принципъ вссословнаго налога, земскія собранія объясняли, что они приняли это начало не только по требованіямъ справедливости, но, главнымъ образомъ, по чисто экономическимъ соображеніямъ¹⁾. Признавая неудовлетворительнымъ положеніе податныхъ классовъ, обремененныхъ непомерными государственными и другими сборами, положеніе, которое грозитъ въ будущемъ не только повсемѣстными недоборами въ податяхъ, но выѣстъ съ тѣмъ истощеніемъ производительныхъ силъ народа, — земскія собранія пришли къ заключенію, что прежде всего слѣдуетъ навсегда отрѣшиться отъ дѣленія гражданъ на податныхъ и неподатныхъ сословій, дабы тѣмъ самымъ открыть новые источники на покрытіе государственныхъ расходовъ.

При этомъ губернскія земскія собранія одни ограничились за-

¹⁾ Херсонская управа пришла къ тому выводу, что податное населеніе Россіи выплачиваетъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ: мужчина 4 р. 89 к.; а женщина 2 р. 8 к., а за уплатою этихъ повинностей на долю каждого работника остается въ годъ всего 27—29 рублей изъ его доходовъ. Новгородская управа вычислила, что на семью въ 6 человекъ остается въ годъ за расходами 19—21 р. на всѣ житейскія потребности. Самарская управа вычислила, что чистый доходъ крестьянъ этой губерніи съ земли и заработковъ не превышаетъ 10 р. 87 к. на душу въ годъ или 3 коп. въ день. По вычисленію Сибирской управы, бывшій помѣщичій крестьянинъ этой губерніи для уплаты лежащихъ на немъ повинностей долженъ отдать всѣ свои доходы отъ земли, промысловъ и заработковъ, и все-таки на него остается еще въ годъ 92 копейки въ годъ.

явленіемъ, что налоги должны быть взимаемы со всѣхъ сословій и платежныхъ силъ государства ¹⁾), другія высказались, кромѣ того, въ пользу той или другой системы обложенія, но уклонились отъ выработки проектовъ ²⁾), и наконецъ, третьи представили болѣе или менѣе подробные проекты относительно самаго способа взиманія предлагаемыхъ налоговъ ³⁾). Большинство земскихъ собраній указываетъ въ видѣ предмета обложенія на доходъ и при этомъ держится системъ, которыя всѣ сводятся подъ четыре главные вида: 1) имущественно-подходный налогъ; 2) подходная подать, взимаемая по совокупности всѣхъ доходовъ, получаемыхъ облагаемыми лицами; 3) разрядная, падающая на доходы, опредѣляемые на основаніи внѣшнихъ признаковъ; и 4) подоходо-разрядная, распределяемая между плательщиками, соотвѣтственно получаемымъ доходамъ, подразделяемымъ на разряды, съ обозначеніемъ въ послѣднихъ minimum'a и maximum'a относящихся къ нимъ доходовъ, причемъ каждому разряду соотвѣтствуетъ опредѣленный размѣръ налога.

Нужно надѣяться, что такія заявленія и предположенія земскихъ собраній не останутся безъ послѣдствій и, составляя самый крупный и отрадный фактъ въ исторіи нашихъ земскихъ учреждений, — послужатъ исходнымъ пунктомъ преобразованія нашей податной системы. Дальнѣйшее сохраненіе этой системы становится невозможнымъ послѣ того, что начало неравенства, уцѣлѣвшее у насъ отъ прежнихъ временъ, когда политическій и гражданскій бытъ народа еще мирился съ понятіемъ о тяглыхъ и нетяглыхъ людяхъ, о подлыхъ и благородныхъ, въ смыслѣ обязавшихъ государству данью и свободныхъ отъ нея, — очевидно отжило у насъ свое время и безусловно отвергается всѣми сословіями русскаго общества.

Указывая на недостатки нашей финансовой политики мы были, впрочемъ, далеки отъ мысли, что эти недостатки могутъ быть исправлены разомъ, однимъ почеркомъ пера. У насъ, какъ и въ Пруссіи, какъ и вездѣ, финансовая система есть продуктъ исторіи, а сложившееся исторически не всегда легко измѣнить вдругъ.

Наша податная система установилась въ теченіе XVIII-го вѣка и

¹⁾ Земскія собранія: Бессарабское, Воронежское, Костромское, Орловское, Сибирское, Таврическое, Харьковское и Черниговское.

²⁾ Земскія собранія: Вологодское, Казанское, Калужское, Курское, Олонецкое, Петербургское, Полтавское, Рязанское, Саратовское, Смоленское, Тульское и Ярославское.

³⁾ Земскія собранія: Владимірское, Московское, Нижегородское, Новгородское, Псковское, Самарское, Саратовское, Тверское и Херсонское.

до настоящаго царствованія не подвергалась никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Въ настоящее царствованіе, вслѣдъ за важною реформою 19-го февраля, произведено весьма важное, въ финансовой системѣ, преобразование—введеніе акцизной системы взиманія питейнаго дохода въ замѣнъ откуповъ¹⁾, развращавшихъ какъ населеніе, такъ и администрацію. Рациональныя начала, положенныя въ основаніе акцизной системы дали возможность устроить честную администрацію, при которой доходъ не только не уменьшился, какъ этого многіе опасались, но въ теченіе восьми или девяти лѣтъ увеличился въ полтора раза. Что потребление вина, на которомъ основано полученіе громадной суммы государственнаго дохода, заходитъ за тѣ предѣлы, за которыми оно приноситъ вредъ нравственный и экономическій, въ этомъ не виноваты ни акцизная система, ни финансовая администрація. Причины пьянства кроются глубже, и устранить ихъ можетъ только улучшеніе экономического быта населенія и народное образованіе въ широкихъ размѣрахъ.

Вслѣдъ за акцизной системой сдѣланы были измѣненія и во взиманіи нѣкоторыхъ другихъ косвенныхъ сборовъ. Но теперь наступила очередь разрѣшить коренной вопросъ, касающійся системы прямыхъ налоговъ, именно вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати, уничтоженія которой одинаково, повидимому, должны желать какъ правительство, такъ и земство.

За этимъ вопросомъ измѣнится, конечно, и господствовавшая у насъ доселѣ финансовая политика, а съ тѣмъ вмѣстѣ установится и болѣе правильное распредѣленіе какъ государственныхъ доходовъ, такъ и расходовъ.

Мы желаемъ только, чтобы въ этомъ случаѣ не оставленъ былъ въ сторонѣ примѣръ Пруссіи, и чтобы послѣднее сочиненіе А. П. Заблоцкаго „Финансовое управленіе и финансы Пруссіи“ принесло бы намъ ту пользу, какую оно несомнѣнно принести можетъ.

I.

¹⁾ Намъ пріятно вспомнить, что однимъ изъ главныхъ дѣателей по уничтоженію откуповъ былъ также А. Заблоцкій-Десятовскій, предсѣдательствовавшій въ особой комиссіи и оставившій по этому вопросу обширный и замѣчательный трудъ: «Свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Россіи», въ 5 частяхъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля, 1872.

Политехническая выставка, и новый законъ о реальныхъ училищахъ въ Россіи.— Наше свеклосахарное производство.—Новое положеніе о немъ.—Мѣры противъ пьянства, предлагаемыя харьковской думѣ. — Роль пьянства въ экономической жизни страны. — Вопросъ объ учительской школѣ въ петербургскомъ земствѣ.—Еще о судебной реформѣ въ царствѣ польскомъ.

Празднованіе юбілея Петра Великаго въ Петербургѣ имѣло преимущественно государственный характеръ, сообразно самому значенію столицы, основанной Петромъ. Но и Москва отпраздновала день 30-го мая достойнымъ памяти Петра образомъ — открытіемъ политехнической выставки. Москва, издавна представлявшая одинъ изъ центровъ нашей мануфактурной промышленности, въ настоящее время получила еще большее промышленное значеніе, какъ центръ желѣзно-дорожной сѣти. Праздновать память насадителя русской мануфактурной дѣятельности выставкою, которая покажетъ состояніе русской промышленности чрезъ полтора вѣка послѣ Петра, Москвѣ особенно пристало, хотя Петръ Великій не рассчитывалъ особенно на Москву, — и былъ правъ, живя въ эпоху до желѣзныхъ дорогъ. Выставка, какъ извѣстно, будетъ продолжаться до сентября, и мы еще не можемъ говорить о ея послѣднихъ результатахъ. Заноса въ хроніку только самый фактъ открытія выставки,—а къ описанію важнѣйшихъ ея частей мы надѣемся еще возвратиться,—упомянемъ о прекрасной рѣчи, въ которой указалъ при этомъ случаѣ на заслути Петра Великаго ректоръ московскаго университета, С. М. Соловьевъ; роль Петра въ исторіи Россіи и значеніе его предназначеній еще далеко не уяснились окончательно для всего русскаго общества, чему доказательствомъ были даже нѣкоторые заявленія по поводу самого юбілея.

За нѣсколько дней до открытія политехнической выставки явился новый законъ о реальныхъ училищахъ въ Россіи, отъ которыхъ Россія должна ожидать прочныхъ *научныхъ* основъ для утвержденія у

насть реальнаго образованія. Прежнія пренія о важности и значеніи вообще классическаго и реальнаго образованія вынуждены теперь уступить мѣсто спокойной критикѣ и оцѣнкѣ факта, какимъ является въ настоящемъ случаѣ вышеупомянутый законъ 15-го мая 1872 года. Пройдетъ первый годъ опыта, и мы не забудемъ своевременно довести до свѣдѣнія нашихъ читателей первые результаты дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія на основаніи новаго закона. Тогда мы увидимъ, насколько практика оправдываетъ высказанныя уже нами сомнѣнія относительно самихъ основаній, на которыхъ былъ построенъ проектъ реальныхъ училищъ, вызвавшій противъ себя, какъ о томъ было заявлено весною, большинство членовъ государственнаго совѣта, обсуждавшаго этотъ проектъ. Въ ожиданіи же конца перваго опыта, когда можетъ быть услышанъ въ первый разъ голосъ неумолимой практики, мы ограничимся только небольшимъ замѣчаніемъ, которое сдѣлается современемъ у насъ исходнымъ пунктомъ для критическаго отношенія къ новому закону.

Имѣя предъ собою богатый опытъ прусскихъ реальныхъ училищъ, мы вовсе не думаемъ, что наше министерство народнаго просвѣщенія должно само обнаружить большую дѣятельность въ открытіи новыхъ реальныхъ училищъ: по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи вся министерская дѣятельность ограничивается самою пустою суммою 30,000 (sic!) талеровъ, издерживаемыхъ правительствомъ на реальные училища, число которыхъ въ самое короткое время дошло почти до двухсотъ. Очевидно, въ Пруссіи вся забота министерства народнаго просвѣщенія направлена къ тому, чтобы вызвать въ обществѣ стремленіе и охоту затрачивать огромныя суммы на открытіе и содержаніе реальныхъ училищъ, и притомъ такія суммы, какихъ ни одна казна не въ состояніи принять на себя, имѣя уже на своемъ бюджетѣ высшія учебныя заведенія и классическія гимназіи. Отсюда вытекаетъ само собою основаніе для будущаго критическаго обсужденія новаго закона о реальныхъ училищахъ въ Россіи; вызоветъ ли этотъ новый законъ то соревнованіе и ту охоту къ пожертвованіямъ на среднее образованіе, какія вызваны и поддержаны прусскимъ закономъ о реальныхъ училищахъ, или нашъ законъ разсчитанъ только на одніи силы казны и на огромныя пожертвованія со стороны государственнаго бюджета? Мы, вѣроятно, не ошлбемся, если предположимъ, что наше министерство, какъ и прусское, желало бы имѣть также не менѣе 200 полныхъ реальныхъ училищъ и издерживать на нихъ не болѣе 30,000 талеровъ, а слѣдовательно, желало бы привлечь къ пожертвованіямъ не правительство, а общественныя силы. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ §§ устава сказано: „Реальные училища содержатся: или вполнѣ на счетъ правительства, или на счетъ его съ производствомъ пособій отъ земства, обществъ, сословіи или частныхъ лицъ,

или же, наконецъ, исполнѣ на счетъ земства, обществъ, сословій или частныхъ лицъ. Они открываются въ первыхъ двухъ случаяхъ по распоряженію, а въ послѣднемъ—съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, и состоятъ въ непосредственномъ отдѣлѣ попечителей тѣхъ учебныхъ округовъ, гдѣ находятся." Реальныя училища, имѣющія открыться по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, не могутъ быть многочисленны, если государство не рѣшится сдѣлать громадныя затраты на ихъ основаніе и поддержаніе; и потому для насъ болѣе интересны тѣ реальныя училища, которыя могутъ открыться съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Въ Пруссіи, какъ вообще, такъ и въ частности для реальныхъ училищъ существуетъ большая *Lernfreiheit*, свобода обученія, о которой мы говорили уже не разъ и въ которой заключается весь секретъ успѣховъ реальныхъ училищъ. По нашему же уставу такая *Lernfreiheit* предоставлена въ сущности одному попечителю, такъ какъ педагогическіе совѣты хотя и предназначены уставомъ „для болѣе вѣрнаго и всесторонняго обсужденія вопросовъ, относящихся преимущественно къ учебной и воспитательной части реальныхъ училищъ“, но по смыслу того же устава не имѣютъ никакой инициативы и изъ 12-ти пунктовъ, предоставленныхъ ихъ обсужденію, по 8 пунктамъ нуждаются въ утвержденіи со стороны попечителя. Кромѣ того члены совѣта, т.-е. преподаватели, поставлены въ полную зависимость отъ директора, который, между прочимъ, „представляетъ къ увольненію отъ должности за неспособность“; кто не знаетъ, какъ часто можно злоупотреблять подобнымъ правомъ и уволить слишкомъ ревностнаго, по мнѣнію директора, члена за неспособность—угодать начальству, хотя законъ, конечно, имѣетъ въ виду одну неспособность къ преподаванію. Наконецъ, почетный попечитель, выбираемый земствомъ или обществомъ, можетъ только „слѣдить“ за реальнымъ училищемъ, содержимымъ на счетъ земства или общества, но и только! Въ случаѣ же замѣченныхъ безпорядковъ ему рекомендуется „сообщать только“, да и такое сообщеніе онъ можетъ дѣлать не иначе, какъ „негласнымъ (?) образомъ“. По нашему мнѣнію, такое распоряженіе можетъ навести общество на мысль, что его дѣло дать деньги на училище, и этимъ должна ограничиваться его роль; а при такой мысли трудно предположить, чтобы наше общество заинтересовалось въ судьбѣ реальныхъ училищъ такъ, какъ мы то видимъ въ Пруссіи; а именно въ этомъ-то привлеченіи общества и заключается вся сила. Но все же мы сохраняемъ убѣжденіе, что, несмотря на неблагоприятный характеръ устава реальныхъ училищъ, въ нашемъ обществѣ такъ распространено въ послѣднее время стремленіе къ образованію, что земства и городскія думы не останутся вполне равнодушными къ устройству реальныхъ школъ, воспитанники которыхъ по новому уставу

имѣютъ право поступленія въ высшія спеціальныя заведенія, подвергаясь только повѣрочному испытанію, и могутъ вступать въ гражданскую службу на общемъ основаніи съ воспитанниками классическихъ гимназій, если только имѣютъ на то право по своему происхожденію. Конечно, послѣднее ограниченіе невыгодно прежде всего для правительства, такъ какъ оно тѣмъ самымъ также ограничивается въ выборѣ своихъ агентовъ, и именно можетъ пользоваться не лучшими воспитанниками, а только тѣми, которые родились въ извѣстномъ сословіи, хотя бы они были и слабѣйшіе; а потому надобно думать, что правительство современемъ постарается выйдти изъ такого невыгоднаго положенія и разрѣшить себѣ выборъ изъ всѣхъ лучшихъ, а не изъ одного какого-нибудь привилегированнаго сословія.

Что же касается до главной идеи, положенной въ основу новыхъ реальныхъ училищъ, то мы должны признаться въ прежнемъ нашемъ ея непониманіи: „Реальныя училища имѣютъ цѣлю,—по словамъ Устава,—доставить учащемуся въ нихъ юношеству *общее* образованіе, *приспособленное* къ практическимъ потребностямъ и къ приобрѣтенію техническихъ познаній“. Какимъ образомъ *общее* образованіе можетъ быть въ то же время и *приспособленнымъ*,—это понять трудно, такъ какъ одно исключаетъ другое. Конечно, и классическое образованіе, какъ общее, нельзя считать ни къ чему негоднымъ и ни къ чему не приготавливающимъ въ практической жизни; но въ томъ ли смыслѣ объявляется реальное образованіе приспособительнымъ,—это вопросъ, который, судя по программѣ нашихъ реальныхъ училищъ, можетъ разрѣшиться тѣмъ, что наши реальныя училища окажутся собственно не реальными, какъ это слово понимается въ Пруссіи, т.-е. строго научными, наравнѣ съ классическими гимназіями, а просто профессиональными. Мы ничего не имѣемъ противъ послѣднихъ; но мы вынуждены будемъ только сказать, что въ современной намъ Пруссіи существуютъ превосходныя классическія гимназіи и рядомъ съ ними такія же превосходныя и *разносимильныя* имъ реальныя гимназіи; а у насъ — однѣ классическія гимназіи, и притомъ нельзя сказать, чтобы превосходныя; рядомъ же съ ними профессиональныя училища, ничего общаго не имѣющія съ гимназіями,—училища, требующія отъ учащагося шести лѣтъ, и все же не дающія ему за то строго-научнаго образованія. Кто же будетъ жертвовать на содержаніе этихъ заведеній? Достаточные люди ничего не дадутъ для заведенія, въ которомъ не захотятъ воспитывать своихъ дѣтей; недостаточные люди не могутъ ничего дать. Такимъ образомъ и съ этой стороны мы приходимъ къ тому же результату, что казна должна взять на себя весь расходъ; а люди достаточные, не желая давать дѣтямъ классическаго образованія и въ то же время понимая всю важность образованія научнаго, будутъ осуждены или обучать дѣтей дома, или высылать ихъ за гра-

нису, или наконецъ посылать ихъ въ остзейскія реальныя гимназіи, если онѣ не будутъ закрыты подобно русскимъ реальнымъ гимназіямъ, чего, конечно, мы имъ отнюдь не пожелаемъ. Всего же болѣе мы опасаемся, что отсутствіе у насъ строго-научнаго реального образованія породитъ полу-классическое образованіе, т.-е. массу людей, которые будутъ выходить изъ классическихъ гимназій, не кончивъ въ нихъ курса; что это большое зло,—въ этомъ соглашаются и сами наши классики; что это зло могло бы быть предотвращено только основаніемъ у насъ настоящихъ реальныхъ школъ, безъ всякаго профессионализма,—доказательствомъ тому служить Пруссія. Впрочемъ, мы объ этомъ говорили уже не разъ,—*non bis in idem!*

Говоря о мануфактурной выставкѣ, бывшей въ 1870-мъ году въ Петербургѣ, мы еще тогда обратили вниманіе на тотъ фактъ, что промышленная отрасль, сдѣлавшая наибольшіе успѣхи за самое послѣднее время, есть литейное и механическое производства, въ связи съ желѣзно-дорожнымъ строителствомъ. Теперь, по поводу технической выставки въ Москвѣ, мы займемся другою промышленною отраслью, которая за послѣдніе года сдѣлала у насъ наибольшіе успѣхи, а именно значительно улучшила свои техническія средства и въ теченіи всего 9-ти послѣднихъ лѣтъ удвоила свое производство.

Мы хотимъ говорить о свеклосахарномъ производствѣ; предметъ этотъ тѣмъ болѣе современенъ, что передъ самымъ закрытіемъ сессіи государственнаго совѣта, въ этомъ высшемъ учрежденіи разсматривался вопросъ объ измѣненіи акциза съ туземнаго сахара и таможенной пошлины съ сахара привознаго. Этимъ собственно вопросомъ мы теперь и займемся.

Свеклосахарное производство, какъ извѣстно,—одна изъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя возникли только въ нынѣшнемъ столѣтіи. У насъ она привилась скоро и къ половинѣ вѣка, а именно въ 1848-мъ году въ Россіи уже было 340 заводовъ; тогда впервые производство это и было обложено акцизомъ, по нормамъ дѣятельности каждаго завода, считая по 60-ти копѣекъ съ пуда добываемаго сахарнаго песка. Въ дѣйствительности же, нормы эти были до такой степени ниже производства, что на обыкновенныхъ заводахъ дѣйствительная работа была вдвое болѣе нормальной, и стало быть песокъ, добываемый на самомъ дѣлѣ, платилъ акциза не 60 к., а только 20 копѣекъ съ пуда. Привозный же песокъ платилъ пошлины 3 р. 80 коп.! При большихъ естественныхъ удобствахъ для свеклосахарнаго дѣла, представляющихся на юго-западѣ Россіи, а отчасти и на востокѣ средней полосы, при огромной будущности, какая представлялась потребленію сахара у насъ, наконецъ, при быстротѣ техническихъ улучшеній въ этомъ дѣлѣ и выгоды ихъ примѣненія, нѣтъ

сомнѣнія, что свеклосахарное производство въ Россіи продолжало бы сильно развиваться и при гораздо менѣ сильномъ покровительствѣ. Но такое покровительство вызвало въ этомъ дѣлѣ, какъ оно вызываетъ всегда, искусственное существованіе такихъ заводовъ, которые по несовершенству своего устройства не могли бы выдержать конкуренціи менѣ ограниченной. Короче: протекціонизмъ здѣсь, какъ всегда, задерживалъ усовершенствованіе самыхъ способовъ производства. Правда, покровительство ослаблялось тѣмъ, что и съ русскаго сахара взималась подать, то-есть акцизъ, но выше сказано какъ незначителенъ онъ былъ въ сравненіи съ пошлиною, наложенною на сахаръ привозный. Но все-таки акцизъ и самъ по себѣ способствовалъ улучшенію способовъ производства, хотя разумѣется не въ такой мѣрѣ, какъ то могла бы сдѣлать болѣе свободная конкуренція. Въ 1861-мъ году считалось уже 427 заводовъ, въ томъ числѣ 177 паровыхъ, которыхъ въ 1848 году было только 40, и производство сахара увеличилось въ 4 раза. Затѣмъ началось уменьшеніе числа заводовъ, которыхъ въ 1862—1863 году было уже только 299, въ 1865—1866 году 251, а въ 1869—1870 году 230 собственно въ имперіи и 41 въ царствѣ польскомъ. Но это уменьшеніе числа заводовъ не означало паденія свеклосахарнаго производства. Совсѣмъ наоборотъ: количество вырабатываемаго песка, по операціонному исчисленію, постоянно увеличивалось, за исключеніемъ одного только 1865 года. Съ 1862 года по 1870-й, оно увеличилось съ 746 т. пуд. до 3 м. 470 тыс. пудовъ, за исключеніемъ царства. Число же заводовъ уменьшалось отъ той самой причины, которая вызывала усиленіе производства: улучшалось устройство заводовъ, вводились болѣе совершенные способы, и вслѣдствіе того слабые заводы закрывались, а общее производство все-таки сильно возросло.

Этому содѣйствовало отчасти и постепенное возвышеніе акциза. До 1863 года акцизъ взимался по прежнему уставу, номинально по 60 к. съ пуда, что, какъ уже сказано, въ дѣйствительности составляло въ среднемъ размѣрѣ только по 20 к. съ пуда, такъ какъ дѣйствительная работа заводовъ втрое превышала опредѣленную прежними нормами. Съ 1863 года введены были новыя нормы, точнѣе опредѣлившія дѣйствія заводовъ, а акцизъ былъ установленъ по 20 к. съ пуда по этимъ, новымъ нормамъ, то-есть оставленъ примѣрно безъ возвышенія. Затѣмъ, съ 1866 года, акцизъ уже былъ положенъ въ 30 коп. съ пуда по новымъ нормамъ, по 1 августа 1867 года, а съ того времени по 50 коп. Поступленіе акцизнаго дохода, при этихъ мѣрахъ, составлявшее въ 1862—63 году только 554 тыс. руб., возросло уже въ 1864—65 году до 758 т. р., а съ 1866 года до 1 м. 568 т. р., вмѣстѣ съ царствомъ польскимъ. Въ 1867—68 году акцизный доходъ (съ имперіи и царства) составлялъ 2 м. 778 т. р. Повторимъ, что размѣръ

акциза по 1-го августа 1869 г. былъ 30 коп. Пошлина же на привозный песокъ составила 3 рубля, уже съ 1856 года. Возвышая акцизъ съ 1-го августа 1870 года до 50 коп. съ пуда, правительство предоставило себѣ возвысить ее до 70 коп., если общій доходъ съ сахара, туземнаго и привознаго, за слѣдующіе 1868 и 1869 года не достигнетъ по средней сложности $6\frac{1}{2}$ милл. руб. Въ 1868—69 г. акцизный доходъ съ туземнаго сахара былъ всего 1 м. 885 р. (т.-е. уменьшился противъ 1867 г.), и въ 1869—70 г. 2 м. 438 т. р. А такъ какъ привозъ иностраннаго сахара, все болѣе и болѣе падавшій подъ вліяніемъ высокой, запретительной пошлины, сохраняемой несмотря на удешевленіе цѣнъ на сахаръ туземнаго приготовленія, давалъ все меньшую и меньшую цифру таможеннаго дохода, то указанный размѣръ общаго дохода за года 1868 и 1869 г. и не могъ быть достигнутъ. Средній доходъ отъ туземнаго и привознаго сахара за эти годы (за исключеніемъ царства) не многими превзошелъ всего 2 милл. рублей. Поэтому, согласно закону 1867 года, размѣръ акциза съ 1 августа 1870 года и былъ возвышенъ до 70 коп. съ пуда песка, вычисленнаго по нормамъ дѣйствующаго устава 1863 года.

Но и этотъ размѣръ акциза въ настоящее время уже признается только номинальнымъ. Техника сдѣлала вновь такіе успѣхи, что дѣйствительное количество добываемаго нашими заводами песка далеко превосходитъ новыя нормы 1863 года. На выставкѣ 1870 года, въ Петербургѣ, сами эксперты выразили мнѣніе, что при нормахъ 1863 г., дѣйствительная добыча сахарнаго песка превышаетъ нормальное исчисленіе по крайней мѣрѣ вдвое. Выходъ сахара изъ свекловицы различенъ смотря по мѣстностямъ, то-есть по полосамъ имперіи, въ какихъ заводы находятся. Если раздѣлить эти мѣстности на три района, отнеся къ первому наиболѣе благопріятствующія условія производства, то по officialному разсчету оказывается, что заводы въ первомъ изъ этихъ районовъ получаютъ сахара въ $2\frac{1}{2}$ раза, во 2-мъ въ 2 раза и въ 3-мъ въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ сколько они оплачиваютъ сахара по нормальному исчисленію. Въ сложности принимается, что въ то время какъ по нормальному исчисленію вся совокупность производства (съ царствомъ) составляетъ 4 м. 695 ¹⁾ т. пудъ, въ дѣйствительности она превосходитъ 10 милл. 822 тысячи пудъ, при 271 ннѣ существующихъ заводовъ.

Итакъ, можно принять, что нынѣ туземный песокъ обложенъ у насъ акцизомъ въ дѣйствительности, по среднему размѣру, только въ 33 коп. ²⁾ съ пуда, а между тѣмъ песокъ привозный продолжаетъ

¹⁾ Цифра выработки по опредѣленному исчисленію показывается еще и въ 4 м. 681 тыс.

²⁾ Комиссія специалистовъ приняла дѣйствительную цифру даже не болѣе $30\frac{1}{2}$ к.

платить 3 рубля съ пуда, при доставкѣ моремъ, и 2 р. 50 к. при доставкѣ сухопутно. Само собою разумѣется, что такое отношеніе должно было постепенно устранять привозъ, и низвести его наконецъ до цифры незначительной. И дѣйствительно, привозъ иностраннаго песку за 8 лѣтъ, т.-е. съ 1863 года упалъ неимоვნно, такъ что, составляя въ 1863 году 2 милл. 150 т., уже въ 1866-мъ году составилъ всего 1 милл. 415 т. пуд., а въ 1868-мъ году упалъ такъ, что не дошелъ и до $\frac{1}{18}$ этого количества, именно составлялъ всего 89 тыс. пудовъ, въ 1869-мъ г. 76 т. и въ 1870-мъ году уже только 23 т. пудовъ. Иностраннаго же рафинада, котораго въ 1863 году привезено было 22 тыс. пуд., въ 1870-мъ году привезено всего 95 пудовъ на всю имперію.

Сообразно этому, разумѣется, падалъ и таможенный доходъ. Въ 1863-мъ году съ одного привознаго сахара казна получила 6 милл. 376 тыс. рублей, а въ 1870 году, уже немного болѣе $\frac{1}{10}$ этой цифры: 69 т. р. Такимъ образомъ, почти девять десятыхъ нашего таможеннаго дохода съ сахара исчезли. Вообще и въ снабженіи страны сахаромъ, и въ казенномъ доходѣ съ него за послѣднія 8 лѣтъ произошелъ полный переворотъ. Въ 1862—63-мъ году песку было выработано нашими заводами 746 т. пудовъ, а иностраннаго было привезено 2 милл. 150 т. пудовъ, то-есть страна снабжалась преимущественно сахаромъ иностраннымъ. Акцизъ доставилъ въ томъ же году только 554 т. рублей, а пошлина съ привознаго сахару 6 милл. 376 тыс. р., то-есть $\frac{11}{12}$ всего своего дохода съ сахара казна получила именно съ сахара иностраннаго, привознаго, посредствомъ пошлины, въ сравненіи съ которою акцизъ съ сахара туземнаго доставлялъ всего $\frac{1}{12}$ общаго дохода. Въ 1870-мъ же году страна уже снабжалась исключительно сахаромъ туземнымъ, потому что небольшое количество привознаго сахара, 23 т. пудовъ составляетъ $\frac{1}{204}$ всего сахара, поступающаго на рынокъ, такъ какъ русскіе заводы (включая царство) выработали въ 1870-мъ году 4 милл. 680 т. пуд. песку. Точно такъ и доходъ казны съ сахара представляется нынѣ уже почти исключительно акцизомъ съ туземнаго сахара, такъ какъ акцизъ за 1870 годъ далъ 2 милл. 438 т. р., а пошлина всего 69 т. р.

Явленіе это въ существенной чертѣ своей естественно и утѣшительно. Мѣстныя условія въ разныхъ частяхъ Россіи весьма благоприятны для свеклосахарнаго производства, а подъ вліяніемъ внутренней конкуренціи и постепеннаго возвышенія акциза, способы обработки достигли уже значительной степени совершенства, такъ что нашъ сахаръ сталъ вывозиться за границу, и вынося на себѣ иностранную пошлину въ 1 р. 50 коп. съ пуда, конкурировать за границею съ мѣстнымъ сахаромъ. Этому послѣднему факту особенно содѣйствовало допущеніе возврата части уплаченнаго внутри имперіи акциза на тотъ сахаръ, который вывозился за границу. Огромное увеличеніе туземнаго

у насъ производства сахара понизило продажныя цѣны на сахаръ, и все это имѣло бы послѣдствіемъ, что еслибы даже размѣръ пошлинъ на иностранный сахаръ и не превышалъ цифру дѣйствительно платимаго акциза почти въ 9 разъ, то и тогда конкуренція туземнаго сахара непремѣнно уменьшила бы привозъ сахара иностраннаго. При существующемъ же размѣрѣ пошлинъ—3 руб. съ песку, привозимаго моремъ, 2 р. 50 к. съ песку привозимаго сухимъ путемъ, 4 р. 50 к. съ рафинада, привозимаго моремъ и 4 р. съ того же рафинада доставленнаго сухопутно, — привозъ иностраннаго сахара разумѣется долженъ былъ почти прекратиться. И въ самомъ дѣлѣ, то небольшое количество его, какое привезено было, по свѣдѣніямъ за 1870-й годъ, и назначалось собственно для потребности специальной, а именношло на приготовленіе леденцовъ и конфетъ.

Въ результатѣ всего этого хозяйства оказалось, что общій государственный доходъ съ сахара уменьшился болѣе, чѣмъ въ $2\frac{1}{2}$ раза, такъ какъ акцизъ съ туземнаго сахара далеко не вознаграждалъ за совершенное паденіе пошлинъ съ сахара привознаго, а между тѣмъ, какъ то всегда бываетъ при запретительной системѣ, усиленіе внутренняго производства, охраненнаго отъ иностранной конкуренціи, хотя и удешевляло цѣны на сахаръ, однако далеко не до такой степени, чтобы сдѣлать его доступнымъ всей массѣ народа. Такъ потребление сахара, которое въ предѣлахъ германскаго таможеннаго союза составляло 10,69 фунта въ годъ на человѣка, во Франціи 21,5 фунта, а въ Великобританіи даже 54 фунта, въ Россіи, со включеніемъ польскихъ губерній, принимая населеніе ея въ 75 милл., составляло всего $5\frac{1}{2}$ фунта на человѣка, то-есть почти въ десять разъ менѣе, чѣмъ въ Англіи. Съ недоступностью же для массы сахара дѣлаются недоступными ей и чай, и кофе, и водка остается безъ всякой конкуренціи со стороны этихъ безвредныхъ напитковъ.

Доходъ же казны съ сахара туземнаго и привознаго вмѣстѣ, подъ вліяніемъ изложеннаго переворота въ снабженіи страны этимъ продуктомъ, составившій въ 1863-мъ году 6 милл. 931 т. р., въ 1866-мъ году былъ уже 4 милл. 740 т. р., въ 1869-мъ году только 2 милл. 113 т. р., а въ 1870-мъ г. немногимъ болѣе этой цифры, именно 2 милл. 507 т. р. Въ виду паденія этой отрасли государственнаго дохода, правительство въ 1867-мъ году, какъ уже сказано выше, опредѣляя новый размѣръ акциза въ 50 к., постановило возвысить его съ 1-го августа 1870 года по 1-е августа 1872 до 70 к., если доходъ съ туземнаго и привознаго сахара вмѣстѣ, за года 1863 и 1869-й г. не достигнетъ 6 милл. 500 т. р. въ годъ. Такимъ образомъ, законъ 1867 года выражалъ стремленіе правительства возвратитъ общій доходъ съ сахара къ цифрѣ близкой той, какою далъ 1863-й годъ (6 милл. 931 т.). Этотъ законъ 1867 г. (высоч. утв. 16-го іюня 1867 г. мн. госуд. сов.) и оста-

вался до нынѣшняго времени послѣднимъ нашимъ постановленіемъ объ акцизѣ и пошлинѣ. Первый пунктъ этого закона мы только-что привели: онъ указывалъ нормою общаго дохода съ сахара цифру 6¹/₂ милл. р. въ годъ, и опредѣлялъ нынѣшнюю цифру акциза съ туземнаго сахара въ 70 коп. съ пуда. Второй пунктъ того же закона оставлялъ, срокомъ тоже до 1-го августа 1872 года, прежнія нормы для исчисленія акциза по заводскому производству; а третій пунктъ закона удерживалъ безъ измѣненія, опять-таки до 1-го августа 1872 года, размѣръ таможенныхъ пошлинъ на привозные моремъ песокъ (8 р.) и рафинадъ (4 р. 50 коп.), и на привозные сухопутно песокъ (2 руб. 50 к.) и рафинадъ (4 р.).

Такимъ образомъ, 1-го августа текущаго года было назначено срокомъ для дѣйствія всей нашей системы обложенія сахара, какъ-то: размѣра акциза, нормъ его исчисленія, и таможенной пошлины съ привоза. Послѣдній же пунктъ того же закона предоставлялъ министру финансовъ внести въ половинѣ 1871 г. въ государственный совѣтъ свои соображенія о дальнѣйшихъ мѣрахъ по всѣмъ этимъ предметамъ. На этомъ основаніи въ министерствѣ финансовъ вопросъ о сахарѣ былъ разработанъ сперва въ комиссіи изъ членовъ отъ правительства, специально знакомыхъ съ дѣломъ, потомъ въ усиленномъ составѣ комиссіи, то-есть съ присоединеніемъ къ ней экспертовъ изъ сахароваровъ и техниковъ, наконецъ въ самомъ управленіи министерства, и въ половинѣ декабря 1871 г. министръ финансовъ внесъ въ государственный совѣтъ свои предположенія, которыя были нѣсколько измѣнены департаментомъ экономіи государственнаго совѣта, и затѣмъ приняты, по слухамъ, въ этомъ измѣненномъ видѣ общимъ одобреніемъ.

Первоначальная комиссія собрала тѣ свѣдѣнія, которыми мы воспользовались для изложенія дѣла. Собранныя комиссіею свѣдѣнія о цѣнахъ на песокъ и рафинадъ туземные показываютъ слѣдующее удешевленіе туземнаго сахара: песокъ, стоившій на Кіевской крещенской ярмаркѣ въ 1850-мъ году 6—8 р., въ 1856-мъ г. 6 р. 65 к.—7 р. 75 к., въ 1860-мъ г. до 6 р. 60 к., продавался въ 1867-мъ г. по 4 р. 75 к., а въ 1868-мъ г. по 4 р. 10 коп. пудъ. Уменьшеніе—почти на треть прежней цѣны. Тотъ же свековичный песокъ въ Петербургѣ, стоившій въ 1864—65-мъ году 7 р.—7 р. 50 к., понижается въ 1869—70-мъ г. до 6 р. 20 к. и 5 р. 25 к. пудъ.

Между тѣмъ средняя цѣна гаванскаго песка на петербургскомъ рынкѣ держится постоянно не ниже 4 р. пудъ, безъ пошлины. Съ пошлиною же цѣны колоніальнаго песка въ Петербургѣ были: гаванскаго въ 1864—66-мъ гг. 7 р. 25 к.—8 р. 10 к., въ годахъ 1867—70-мъ 7 руб. 55 к.—7 руб. 75 к.; инскаго — нѣсколько ниже, но не ниже 6 руб. 60 коп.

Изъ сравненія этихъ цѣнъ ясно, что привозъ иностраннаго песка долженъ былъ уменьшаться и наконецъ почти прекратиться, какъ то и показано нами выше на цифрахъ привоза. Прибавимъ, что въ 1871-мъ году, по 1-е августа, иностраннаго песка было привезено всего 742 пуда, давшихъ 2,376 рублей пошлины, и что хотя, вслѣдствіе неурожая свеклы, которой собрано въ половину меньше обыкновеннаго, цѣны на сахаръ у насъ съ прошлой осени крайне возвысились, а именно рафинадъ въ Москвѣ продавался, вмѣсто 6 р.—7 р. 60 к. (цѣна 1870 года), по 10 р., а въ отдаленныхъ губерніяхъ даже по 12 р. 50 к. за пудъ, но несмотря на то иностранный привозъ съ сентября прошлаго по 21-е апрѣля нынѣшняго года не составлялъ и 150 т. пудовъ, что при такомъ вздорожаніи свидѣтельствуетъ о полномъ упадкѣ привоза. Въ обыкновенное же время онъ ничтоженъ. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ колоніальный песокъ у насъ уже болѣе 40 лѣтъ облагается пошлиною въ 80% своей стоимости (на 4 рубля его цѣны нынѣ 3 р. пошлины). Между тѣмъ туземный сахаръ, несмотря и на возвышеніе его акциза до 70-ти коп., платитъ въ дѣйствительности менѣе 10% цѣнности продукта. Бездоходность таможенной пошлины при такихъ условіяхъ получаетъ значеніе явленія постоянного и внутреннее потребленіе принадлежитъ исключительно сахару туземному. Въ связи съ этимъ и основа казеннаго дохода, которою до 1863 года и въ томъ году служила таможенная пошлина, теперь изменилась такъ, что единственнымъ ея источникомъ представляется акцизъ съ сахара туземнаго. Самое туземное производство и улучшилось и окрѣпло. Большая часть югозападныхъ и польскихъ заводовъ, а важнѣйшіе заводы и вездѣ уже ввели у себя всѣ наиболѣе совершенные приемы и системы добыванія сока и его вывариванія. Число заводовъ сократилось, а производство удвоилось; многіе владѣльческіе заводы поступили въ собственность акціонерныхъ компаній, располагающихъ большими капиталами. Цѣна на туземный сахаръ, какъ выше показано, удешевилась даже и при одномъ внутреннемъ соперничествѣ и благодаря уменьшенію издержекъ производства, посредствомъ введенія усовершенствованныхъ снарядовъ, такъ что среднія цѣны песка и рафинада въ Кіевѣ, Москвѣ и Петербургѣ стоятъ теперь на 20 и 30% ниже цѣнъ 1860—65 годовъ. Наши сахаровары уже въ 1868-мъ г. начали ходатайствовать о разрѣшеніи имъ вывозить песокъ за границу съ возвратомъ акциза; стало быть, нашъ песокъ можетъ состязаться съ германскимъ на собственныхъ рынкахъ послѣдняго, несмотря на то, что на границѣ долженъ самъ уплатить ввозную пошлину въ 1 р. 50 коп. металлическихъ. А между тѣмъ, наши сахаровары всѣми силами возстаютъ противъ допущенія къ намъ иностраннаго песка съ пошлиною ниже нынѣ существующей 3 р. и 2 р. 50 к. съ пуда, которая, составляя не менѣе 75% всей

стоимости продукта, есть пошлина совершенно запретительная. Наконецъ, и главнымъ образомъ, совокупность нашего сахарнаго производства, не по нормамъ, а въ дѣйствительности, съ 4 милл. пудовъ (1860—63 годовъ) поднялась до 8 милл. пуд., а съ польскими губерніями до 10 милл. пудовъ.

Выводы изъ всего этого истекаютъ сами собою: ясно, что доходъ казны можно увеличить возвышеніемъ нормъ, по которымъ исчисляется акцизъ, такъ чтобы онѣ ближе подходили къ дѣйствительности, и въ случаѣ нужды, и нѣкоторымъ возвышеніемъ акциза, если новыя нормы не будутъ вдвое выше прежнихъ, какъ то соответствовало бы дѣйствительности; п—уменьшить по меньшей мѣрѣ на половину пошлину съ привознаго моремъ сахара, установивъ одинакій размѣръ на сахаръ, привозимый моремъ и сухопутно. Тогда (при пошлинѣ въ 1 р. 50 к.) иностраннйй песокъ (цѣна 4 р. въ Петербургѣ) обходился бы въ Петербургѣ, съ пошлиною въ 5 р. 50 к., а кievскій (цѣна 4 р. 50 к. на мѣстѣ) при издержкахъ доставки въ 1 р. съ пуда, могъ бы все-таки и при нынѣшней своей цѣнѣ конкурировать на совершенно равномъ основаніи съ пескомъ привознымъ, даже въ Петербургѣ, во всякомъ случаѣ рѣшительно вытѣсняя его изъ внутреннихъ губерній, то-есть съ мѣстъ жительства $\frac{5}{100}$ всего населенія имперіи. Во внутреннихъ губерніяхъ привозный сахаръ и при пошлинѣ въ 1 р. 50 к. могъ бы являться, за провозомъ, только по цѣнѣ, превышающей цѣну туземнаго сахара на 1 р. или на 1 р. 50 коп. А между тѣмъ вся конкуренція иностраннаго сахара съ туземнымъ пошла бы на пользу народа весьма вѣроятнымъ удешевленіемъ цѣнъ.

Сущность положенія дѣла такъ очевидна, что она была признана единогласно во всѣхъ инстанціяхъ, разсматривавшихъ вопросъ. Но весьма неодинаковы были предположенія, составленныя ими на основаніи данныхъ; всѣми признанныхъ вѣрными. Вотъ это обстоятельство и заслуживаетъ нѣкотораго удивленія. Положеніе было такъ хорошо сознано всѣми, и совершенная несообразность нынѣшняго размѣра акциза, при нынѣшнихъ нормахъ и высокой цифрѣ пошлины, такъ убѣдительно доказывались самимъ министерствомъ финансовъ, что изъ всего этого уже по логикѣ должно было ожидать хоть сколько-нибудь дѣйствительнаго допущенія конкуренціи.

Когда предлагалъ уменьшеніе пошлины доказываютъ, что она теперь почти въ $4\frac{1}{2}$ раза превышаетъ размѣръ и самого номинальнаго акциза, то естественно ожидать, что предложить уменьшить ее по меньшей мѣрѣ вдвое, такъ чтобы конкуренція сколько нибудь стала возможна. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ, министерство финансовъ, превосходно доказавъ несообразность пошлины въ 3 р., извлекло изъ этого предположеніе уменьшить ее—на одну шестую (2 р. 50 к. однообразно, вмѣсто 2 р. 50 к. сухопутно и 3 р. моремъ нынѣ

платимыхъ)! Вотъ гдѣ умѣстно было вспомнить поговорку: *parturiunt montes....* Само министерство финансовъ высказывало такіа основательныя мысли, что „послѣ сорокалѣтней значительной протекціи можно наконецъ признать нашу свеклосахарную промышленность достаточно созрѣвшею, чтобы, какъ и въ другихъ государствахъ, быть постепенно изъятою изъ того исключительнаго положенія, въ которое она поставлена; что нѣтъ повода долѣе удерживать ее внѣ общихъ условій другихъ, не менѣе важныхъ отраслей отечественной промышленности, каковы, напр., шерстяное и льняное дѣло, давно уже не пользующіяся охраною запретительныхъ пошлинъ, а также винокурение, которое, несмотря на акцизъ втрое превышающій стоимость продукта, изъ года въ годъ расширяется и улучшается въ своихъ способахъ производства.....“ Наконецъ, что „туземный сахаръ, пользуясь высокою охраною таможенною до 80% стоимости привознаго продукта, никогда еще не оплачивалъ даже сполна установленный на него акцизъ, хотя номинальный размѣръ послѣдняго былъ на 15, 10, 6, а теперь на 4½, раза легче таможенной пошлины.“ Но какія же предположенія извлекало изъ этого слишкомъ яснаго положенія министерство финансовъ? — Оно предположило удержать нынѣшній размѣръ акциза на туземный сахаръ, поднявъ нормы его исчисления все еще, по признанію самого министерства, ниже дѣйствительной выработки, а пошлину на сахаръ привозный уменьшить всего, какъ сказано выше, на 1/6 нынѣшней цифры, по 1 января 1876 г., а съ того времени на нѣсколько болѣе 1/4 (3 р. 20 к.).

Странное заключеніе, которое было бы совершенно непонятно, еслибы министерство финансовъ свободно и по собственному разумѣнію извлекло выводы изъ данныхъ, собранныхъ его комиссіею. Но этого и не было. На полдорогѣ, отъ посылокъ къ заключенію, стали призванные министерствомъ для успѣхія комиссіи *эксперты*, то есть сами сахаровары, и потому заключеніе и вышло не совсѣмъ соотвѣтственное посылкамъ.

Вотъ болѣе точное изложеніе того процесса, чрезъ который прошла при этомъ случаѣ административная логика. Комиссія изъ свѣдущихъ чиновниковъ, собравшая данныя, предложила мѣры, соотвѣтствовавшія ея даннымъ: оставить нынѣшній размѣръ акциза, по нормѣ исчисления, а именно по выходу песка изъ свеклы (смотря по устройству завода) и по суточной выработкѣ снарядовъ, возвысить, а пошлину установить съ 1876 года въ 1 р. 50 к. съ песку привознаго и моремъ и сухопутно, а съ привознаго рафинада пошлину вышшую противъ послѣдней на 1 р. 50 к. Нормы же выработки, то есть выхода туземнаго песка изъ свеклы, комиссія полагала опредѣлять различно по тремъ районамъ свеклосахарнаго производства у насъ, и притомъ, какъ было и доселѣ, учитывать работу сообразно со-

вершенству дѣйствующихъ на заводахъ аппаратовъ и количеству рабочихъ дней въ году, причемъ признавала возможнымъ и справедливымъ надбавить вообще на нынѣшнія нормы около 100%; такъ напр., для паровыхъ прессовъ ускореннаго дѣйствія принять суточную обработку вмѣсто 60 берковцевъ — 125.

Предположенія эти имѣли въ виду практическій результатъ: до-ставить иностранному сахару, при пошлинѣ въ 1 р. 50 к., *возможность* конкурировать съ туземнымъ, хотя бы только въ портовыхъ полосахъ Имперіи, имѣющихъ населеніе въ около 12 милл. душъ, съ тѣмъ что остальное пространство Россіи всеравно останется доступнымъ только сахару туземному. Въ комиссіи же *усиленную* *составу*, то-есть при участіи сахароваровъ, предположенія эти были измѣнены такъ, что *возможность* конкуренціи иностраннаго сахара была устранена, а единственнымъ практическимъ результатомъ осталось возвышеніе казеннаго дохода успленіемъ поступленія акциза, посредствомъ возвышенія нормъ. Но и это возвышеніе эксперты согласились допустить не въ такомъ размѣрѣ, какъ предполагала комиссія первоначальнаго состава, но въ размѣрѣ значительно низшемъ. Такъ, максимумъ суточной обработки свеклы для самыхъ совершенныхъ снарядовъ комиссія второго состава ограничила 105-ю берковцами, вмѣсто 125-ти, какъ предполагала первая, причемъ понизила и предположенныя нормы выхода песку изъ свеклы по тремъ мѣстнымъ районамъ. Что касается пошлины на привозный сахаръ, то усиленная комиссія полагала установить пошлину однообразно, но не въ размѣрѣ 1 р. 50 к., а въ размѣрѣ 2 р. 50 к., съ тѣмъ, чтобы впоследствии она была понижена до 2 р. 20 к., но не раньше какъ черезъ шесть лѣтъ, то-есть 1 января 1878 года, да еще съ тѣмъ, чтобы затѣмъ размѣрѣ 2 р. 20 к. не могъ подвергаться измѣненію въ теченіи еще 6-ти лѣтъ, т.-е. до 1 января 1884 г.

Надо замѣтить, что всякіе монополисты въ Россіи дѣйствуютъ чрезвычайно ловко. Сахаровары въ усиленной комиссіи привели ее къ такимъ выводамъ, которые въ ихъ интересахъ составляли мастерской шагъ. На возвышеніе акциза они должны были рѣшиться; тутъ нечего было дѣлать, въ виду высочайшаго повелѣнія о принятіи мѣръ къ возвышенію дохода съ сахара до 6½ милл. р. Но понизивъ нормы, предположенныя сперва, эксперты достигли того, что акцизъ, исчисляемый по новымъ нормамъ, все-таки падеть въ дѣйствительности на пудъ вырабатываемаго песку не въ полномъ своемъ размѣрѣ 70 к., а среднимъ образомъ лишь копѣекъ 50 ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они со-

¹⁾ По расчету министерства финансовъ, при постепенности введенія новыхъ нормъ, дѣйствительный акцизъ составитъ сперва 43¼ к., потомъ 44½ к., наконецъ 61¼ коп. съ пуда, вмѣсто номинальныхъ 70-ти коп.

гласились и на пониженіе пошлинъ, но на какое — на полтинникъ до 1878 и на 70 коп. (изъ 3 рублей) по 1884-й годъ, то-есть согласились сдѣлать такую уступку, которая все равно исключаетъ возможность привоза иностраннаго песку, какъ и нынѣшняя пошлина. Гаванскій песокъ, которому цѣна въ Петербургѣ 4 р., оплативъ 2 р. 50 к. или хотя бы 2 р. 20 коп. пошлинъ, будетъ здѣсь же, и безъ провоза во внутрь имперіи, стоить 6 р. 50 к. или 6 р. 20 к., то-есть не будетъ имѣть возможности конкурировать съ кievскимъ, который съ доставкою сюда стoitъ 5 р. 50 к., стало быть въ самомъ Петербургѣ и въ другихъ портахъ не допустить песку привознаго, не говоря уже о внутреннихъ мѣстностяхъ. За эту кажущуюся уступку, эксперты хотѣли выговорить себѣ неизмѣнность такой, все равно запретительной пошлинъ, на цѣлыхъ 12 лѣтъ! Притомъ же, согласившись сами на призракъ уступку въ $\frac{1}{6}$ изъ своей охранной пошлинъ, они за то нанесли чувствительный ударъ петербургскимъ рафинерамъ, предложивъ уменьшить ихъ охрану противъ привознаго рафинада болѣе, чѣмъ *одвое*. Въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ пошлина съ привознаго рафинада была на 1 р. 50 к. дороже, чѣмъ съ привознаго песку; теперь, по рѣшенію экспертовъ, положено уменьшить ее до 1 р. А такъ какъ издержки самаго производства рафинирования составляютъ около 70-ти к. на пудъ, то выходитъ, что прежде рафинеры были охранены противъ иностраннаго рафинада премією въ 1 р. 50 *минусъ* 70 к., т.-е. въ 80 коп., а теперь премія ихъ составитъ всего 1 р. *минусъ* 70 к., то-есть 30 коп.

Итакъ, наши протекціонисты *pro domo sua*, соглашаясь увеличить акцизъ примѣрно въ $1\frac{1}{2}$ раза противъ нынѣшняго, хотѣли выговорить себѣ сохраненіе запретительной пошлинъ еще на 12 лѣтъ, да вдобавокъ еще не отказали себѣ въ удовольствіи поразить нелюбезныхъ имъ петербургскихъ рафинеровъ.

Министерство финансовъ, къ сожалѣнію, приняло всѣ главныя предположенія комиссіи въ томъ видѣ, въ какомъ они были измѣнены при помощи экспертовъ, за исключеніемъ, впрочемъ, долгихъ сроковъ. Главное же дополненіе, предложенное министерствомъ финансовъ, заключалось въ томъ, чтобы ему предоставлено было, въ случаѣ, если въ одномъ изъ періодовъ (1873—74, 1875—76, 1877—79) сахарный доходъ не достигнетъ особо опредѣленной для каждаго изъ нихъ цифры — возвысить акцизъ еще на 20 коп.; то-есть всего до 90 коп. съ пуда.

Такимъ образомъ министерство финансовъ, усвоивъ себѣ главныя предположенія, какъ они были выработаны въ комиссіи усиленнаго состава, то-есть при *содѣйствіи* экспертовъ, и дополнивъ ихъ своимъ предположеніемъ о предоставленіи себѣ, въ случаѣ нужды, поднять акцизъ еще на 20 коп., внесло основаніе проекта закона въ государственный совѣтъ въ слѣдующемъ видѣ: 1) размѣръ акциза 70 коп.

остается; но если общій доходъ съ сахара не достигнетъ по средней сложности за годъ перваго періода 4 милл. 400 т., за годъ втораго періода 5-ти милл. руб., и за годъ послѣдняго (т.-е. по 1879-й годъ) 6½ милл., то послѣ года, когда недоборъ оказался, акцизъ можетъ быть, по усмотрѣнію министерства, поднятъ еще на 20 коп. 2) Нормы для исчисленія акциза опредѣляются согласно съ предположеніями коммиссіи усиленнаго состава, то-есть ниже, чѣмъ ихъ предполагала коммиссія чисто правительственная. 3) Пошлина на привозные песоки и рафинадъ, одинаковая для привоза моремъ и сухимъ путемъ, назначается съ 1 января 1873 по 31 декабря 1875 г. на песокъ 2 р. 50 к., на рафинадъ 3 р. 50 к., а съ 1 января 1876 по 31 декабря 1879 г.: по 2 р. 20 к. съ песка и по 3 р. 20 коп. съ рафинада.

Въ государственномъ совѣтѣ, какъ мы слышали, предположенія министерства финансовъ относительно размѣра акциза и нормъ его исчисленія прошли лишь съ несущественными измѣненіями. Что же касается пошлины на сахаръ привозный, то по инициативѣ департамента экономіи, рѣшено: размѣръ ея въ 2 р. 50 коп. сохранить только для 1873 года, а съ 1874 года уменьшать ее на 10 коп. ежегодно, такъ чтобы въ 1878-мъ году она дошла до 2 рублей, вмѣсто 2 р. 20 к., предположенныхъ министерствомъ финансовъ, и вмѣсто 1 р. 50 к., предположенныхъ первоначально коммиссіею безпристрастныхъ специалистовъ. Новыя правила объ акцизѣ должны быть приведены въ дѣйствіе съ 1 августа 1872 года.

Какого же практическаго результата можно ожидать отъ предположенныхъ нынѣ мѣръ? Государственный доходъ въ акцизѣ съ туземнаго сахара безъ сомнѣнія возвысится. Но изъ-за границы сахарный песокъ и при новой пошлинѣ привозиться по всей вѣроятности не будетъ. Весь внутрѣнній рынокъ, даже и при пошлинѣ въ 1 р. 50 к., былъ бы недоступенъ для иностраннаго сахара. Въ мѣстностяхъ же собственно портовыхъ, привозный песокъ даже и при пошлинѣ въ 2 р., (то-есть съ 1873 года) можетъ конкурировать съ туземнымъ только въ такомъ случаѣ, если цѣна послѣдняго, вслѣдствіе возвышенія акциза, возвысится на 50 коп. съ пуда. Въ обыкновенное же время пошлина въ 2 р. 50 к.—2 р. все равно устранить привозъ, какъ и пошлина въ 3 р. Само министерство финансовъ въ соображеніяхъ своихъ прямо высказывало, что при пошлинѣ въ 2 р. 20 к. нельзя, конечно, ожидать значительнаго подвоза даже въ наши окраины иностраннаго сахара,—а между тѣмъ предлагало этотъ размѣръ пошлины, и то еще только съ 1876 года. Въ государственномъ же совѣтѣ, какъ мы слышали, обращено было вниманіе на то обстоятельство, что пошлина въ 2 р. 50 к. и теперь существуетъ для сухопутнаго привоза, а между тѣмъ его почти нѣтъ или онъ является, и то въ небольшомъ размѣрѣ, когда цѣна туземнаго песка возрастаетъ до 10 р. съ пуда,

то-есть удваивается. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, не было признано возможнымъ принять пошлину въ 1 р. 50 к., а остановились на размѣрѣ 2 р., и то еще только съ 1878 года. Но гаванскій песокъ, платя 2 р. пошлины, въ Петербургѣ будетъ стоить 6 р., а кievскій съ доставкою сюда 5 р. 50 к., стало бытъ даже въ портовыхъ мѣстностяхъ туземный песокъ не допустить привознаго, а во внутреннихъ—и подавно. При такомъ отсутствіи или незначительности иностранной конкуренціи, внутри имперіи, туземный сахаръ легко можетъ вздорожать на 50 коп. съ пуда, не подвергаясь при этомъ ни малѣйшему риску конкуренціи сахара привознаго. А вздорожать туземный сахаръ можетъ уже вслѣдствіе возвышенія на него акциза, въ среднемъ размѣрѣ именно на 50 коп. (въ дѣйствительности). Что, если результатомъ нынѣшнихъ мѣръ и будетъ именно вздорожаніе сахара?

А между тѣмъ, не говоря о вздорожаніи, и самое поддержаніе высокихъ цѣнъ на сахаръ отзывается вредно не только на благосостояніи, но и на самой нравственности народа, тѣмъ именно, что устраняетъ возможность конкуренціи чая и кофе—спиртными напитками. Вопросъ о мѣрахъ противъ распространенія пьянства, поднятый недавно во Франціи, показалъ намъ еще разъ, какъ безпристрастно относятся къ своимъ бытовымъ вопросамъ западныя общества. Во Франціи, многіе, при преніяхъ о законѣ по этому предмету, отрицали рачіональность предложенныхъ мѣръ; иные отрицали и вообще возможность дѣйствовать противъ пьянства запретительными мѣрами. Но никому не пришло въ голову сдѣлать изъ вопроса о пьянствѣ вопросъ политическій или вопросъ національнаго самолюбія. Французскіе либералы вовсе не сочли долгомъ либерализма утверждать, что пьянство не развилось; французскіе патріоты вовсе не утѣшили тотъ несомнѣнный фактъ, что въ Англіи пьютъ спиртныхъ напитковъ вдвое болѣе, чѣмъ во Франціи, а въ Россіи въпятьеро больше, чѣмъ въ Англіи. Мы уже не разъ говорили о необходимости ставить этотъ вопросъ и въ Россіи на полѣ экономическихъ, а не политическихъ разсужденій. Теперь мы имѣемъ случай возвратиться къ этому предмету, который долженъ наконецъ обратить на себя серьезное вниманіе общества, и возвращаемся къ вопросу о пьянствѣ по поводу того города, въ которомъ недавно, по случаю драки пьяныхъ, произошли безпорядки.

Харьковской думѣ представляется въ настоящее время интересный докладъ о питейныхъ домахъ въ Харьковѣ и о мѣрахъ для ограниченія пьянства. Возбужденіе этого вопроса въ Харьковѣ не имѣетъ собственно связи съ безпорядками, недавно бывшими въ этомъ городѣ. Хотя при самомъ началѣ этихъ безпорядковъ, пьянство, повидному, и играло нѣкоторую роль съ обѣихъ сторонъ, но оно не составляло существеннаго ихъ элемента. Пьянство и тогда, когда уличныхъ безпорядковъ не происходитъ, есть все-таки народное бѣдствіе; а безпо-

рядки, подобныя тѣмъ, какіе были въ Харьковѣ, могли произойти и безъ участія пьянства. Докладъ, о которомъ мы говорили, вызванъ просто тѣмъ явленіемъ, которое Харьковъ обще со всѣми прочими городами и селеніями, а именно, что старинный нашъ порокъ, пьянство, не только не уменьшается, но напротивъ растетъ. Между тѣмъ, чѣмъ серьезнѣе и искреннѣе мы относимся къ гражданской свободѣ, къ личной самостоятельности рабочаго, тѣмъ важнѣе долженъ намъ представляться вопросъ: нельзя ли прискаты какихъ-нибудь общихъ мѣръ, посредствомъ которыхъ можно было бы уменьшить развитіе пьянства. Но само собою разумѣется, эти мѣры должны быть общія для всего народа, для всѣхъ сословій, а не для одного сословія сельскихъ и городскихъ рабочихъ. Все, что похоже на какое-либо ограниченіе гражданскихъ правъ одного сословія должно быть при этомъ безусловно устранено, потому что сословная опека, какъ начало противоправственное, бессильно для исправленія нравовъ, чему примѣромъ въ эпоху крѣпостного права служили дворовые; подчиненные самой непосредственной и строгой опеке, они именно и были болѣе остальныхъ крестьянъ расположены къ пьянству. Да и нѣтъ никакого основанія утверждать, что пьянство у насъ есть преимущественное достояніе сословій крестьянскаго, фабричнаго и мелкихъ торговцевъ, и на этомъ основаніи возлагать всю надежду поправленія на одно распространеніе образованности въ массахъ. Статистика Петербурга показываетъ, что одинъ изъ классовъ, въ которыхъ пьянство наиболѣе развито, это—классъ отставныхъ чиновниковъ, то-есть людей съ такимъ образованіемъ, до котораго масса крестьянъ достигнетъ во всякомъ случаѣ весьма не скоро. Мало того; извѣстно, что и въ такой средѣ, гдѣ умственное развитіе стоитъ выше общаго уровня, въ средѣ аристократической и даже литературной, пьянство встрѣчается у насъ весьма часто. Итакъ, прискиваемые мѣры должны быть непременно мѣры общія.

Обратимся къ цифровымъ даннымъ доклада. Въ Харьковѣ насчитывается заведеній съ распивочною продажей 675, не включая въ это число буфетовъ. На 7 дворовъ въ Харьковѣ приходится кабакъ. По числу населенія Харькова (62 т. душъ обоего пола), одно питейное заведеніе приходится на 92 души. Замѣтимъ, что въ статистическихъ выкладкахъ такого рода число женщинъ и несовершеннолѣтнихъ въ селеніи принимается обыкновенно въ $\frac{2}{3}$ его числа. Итакъ, окажется, что въ Харьковѣ каждыхъ три десятка мужчинъ содержатъ на свой счетъ питейное заведеніе, то-есть выпиваютъ его годовой оборотъ, и такимъ образомъ оплачиваютъ и его помѣщеніе, и содержаніе его сидѣльца, и всѣ его патенты и свидѣтельства. Докладъ сообщаетъ, что число чарочныхъ служителей въ Харьковѣ простирается до 1000 человекъ, а такъ какъ число взрослыхъ рабочихъ мужчинъ принимается

въ 16 тыс. человѣкъ, то и выходитъ, что изъ 16 человѣкъ рабочихъ одинъ не только ничего не производитъ, но кормится именно тѣмъ, что систематически спаваетъ остальныхъ 15. Результатомъ этого спаванія является не только то, что 30 человѣкъ, какъ бы обязавшіеся содержать на свой счетъ кабакъ, должны каждый снести ему въ годъ рублей 30—40, то-есть уплатить сверхъ податей еще такой налогъ кабаку, который вдвое превышаетъ сумму прочихъ налоговъ, взятыхъ вмѣстѣ,—но еще и разстройство силъ и всякихъ дѣлъ, огромная потеря времени и отсутствіе всякой предусмотрительности, такъ что всякое неожиданное затрудненіе приводитъ человѣка къ послѣдней крайности.

Число кабаковъ въ Харьковѣ съ каждымъ годомъ растетъ; въ 1869-мъ году—439, въ 1870-мъ—499, въ 1871-мъ—568! Намъ не разъ уже случалось упоминать о тѣхъ публицистахъ, которые утверждаютъ, что число кабаковъ само по себѣ не имѣетъ пагубнаго вліянія на нравственность, и въ противоположность такому мнѣнію мы приводили единогласные отзывы архіереевъ, и самого общества, какъ-то земствъ и крестьянскихъ обществъ, усматривавшихъ одну изъ главныхъ причинъ зла именно въ огромномъ числѣ распивочныхъ продажъ. Но, вотъ расчетъ, который достаточно убѣждаетъ, что кабакъ *долженъ* прибѣгать ко всякимъ деморализирующимъ и разоряющимъ народъ средствамъ, потому что иначе онъ существовать *не можетъ*. По приведенному числу питейныхъ заведеній сравнительно съ населеніемъ Харькова, ясно, что кабакъ среднимъ числомъ не можетъ продать въ годъ болѣе 300 ведеръ; уже и это количество составляетъ на каждую *душу* 3½ ведра въ годъ, а если разложить только на взрослыхъ мужчинъ, то по 10-ти ведеръ на cadaго (!) изъ нихъ въ годъ. Но покупая ведро водки по 3 р. 50 коп., и продавая его по 5 рублей, кабакъ выручаетъ въ годъ всего 450 р., а между тѣмъ вотъ его расходы: наемъ двухъ комнатъ (одна для жилья) 200 р., отопленіе и освѣщеніе 60 р., устройство и обзаведеніе 25 р., патентъ 70 р., раскурочное свидѣтельство 5 р., налогъ на патентъ въ пользу города (20%) и земства (25%) 31 р. 50 к., промышленное свидѣтельство 18 р., налогъ со свидѣтельства въ пользу города и земства 3 р. 60 коп. Итого 413 р. 10 коп. Итакъ, чистый доходъ кабака, если онъ не будетъ прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ и незаконнымъ промисламъ, составитъ 36 р. 90 коп. въ годъ. Но развѣ можетъ шинкаръ существовать на 36 р. 90 коп. въ годъ? Да еслибы капиталъ 413 р. онъ положилъ еще въ цѣнные бумаги, то онъ могъ бы имѣть до 29 рублей на него, и весь годъ свободный для иной работы.

Изъ этого расчета истекають два вывода: шинкаръ непременно *долженъ* прибѣгать къ искусственнымъ и незаконнымъ средствамъ (недомѣръ, разбавленіе водой, отпускъ подъ залоги вещей, сбытъ этихъ

вещей, а также сбытъ вещей краденыхъ, промыслъ развратомъ и т. д.) Теперь спрашиваемъ, все ли равно, будетъ ли въ городѣ или нѣтъ такихъ центровъ развращенія больше или меньше? Затѣмъ: изъ приведеннаго разсчета видно, что такъ какъ существенный доходъ пивнаря заключается не въ разницѣ цѣны купли и продажи доброкачественнаго товара, а именно въ обманѣ и другихъ незаконныхъ промыслахъ, то стало быть однимъ повышеніемъ цѣны патента и нельзя повліять существенно на уменьшеніе числа этихъ центровъ и источниковъ деморализаціи.

Описывая экономическія послѣдствія развитія пьянства, докладъ замѣчаетъ, что въ Харьковѣ можно насчитать нѣсколько фабричныхъ заведеній, закрытыхъ по невозможности содержать рабочихъ въ порядкѣ, и что особенно терпятъ тѣ заведенія, въ которыхъ требуется точная и своевременная работа, какъ, напр., кожевенные заводы; при всей выгодности ихъ, они „сдѣлались у насъ невозможными“, потому именно, что „пьяная рука портитъ товаръ“. Докладъ разсчитываетъ, что въ Харьковѣ, если считать семейство въ 5 душъ, на каждое семейство продается въ годъ 16¼ ведра, а по 5-ти р. это составляетъ 81 р. 25 к., которыя семья должна издержать въ годъ на водку; если же считать, что въ семьѣ только 2 лица пьютъ водку, то каждое изъ нихъ пьетъ въ годъ 8¼ ведра, или 1½ штофа въ недѣлю. Заработокъ же рабочаго семейства въ Харьковѣ составляетъ въ среднемъ размѣрѣ не болѣе 150 р. въ годъ, и такимъ образомъ во многихъ семьяхъ на водку уходитъ половина, а въ иныхъ и большая часть заработка. Многіе факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что если эти цифры и не представляютъ картины общаго положенія дѣлъ въ Россіи, такъ какъ въ деревняхъ все-таки пьютъ меньше, чѣмъ въ городахъ, но если принять въ разсчетъ всю потерю времени, какая соединена съ пьянствомъ, всегда продолжающимся по меньшей мѣрѣ два дни, по праздникамъ, и всѣ происходящія отсюда неурядицы и упущенія, то и общая картина будетъ весьма похожа на харьковскія черты, въ томъ именно смыслѣ, что заработокъ и благосостояніе народа были бы значительно, а можетъ быть и *вдвое больше*, еслибы прогулъ и пьянство не существовали. Тѣ публицисты, которые боятся сондировать раны, опасаясь, чтобы не было какъ-нибудь прописано вреднаго лекарства въ родѣ ограниченія гражданскихъ правъ рабочихъ, настойчиво утверждаютъ, именно съ этой, политической точки зрѣнія, что благосостояніе массы народа зависитъ только отъ пониженія податей, а вовсе не отъ уменьшенія пьянства. Но изъ одного все-таки не слѣдуетъ другое; совершенно вѣрно, что бремя податей, вмѣстѣ съ выкупными платежами, дѣлаетъ земледѣльческій промыселъ невыгоднымъ въ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ губерніяхъ. Но все-таки совершенно несомнѣнно, что народъ пропиваетъ гораздо болѣе, чѣмъ платитъ податей.

Достаточно вспомнить, что винный акцизъ есть нашъ главный государственный доходъ; а вѣдь для того, чтобы доставить государству два рубля на ведрѣ вина, рабочій долженъ издержать пять рублей; какую же громадную массу денегъ издерживаетъ масса на вино, чтобы доставить государству 150 милліоновъ въ годъ?

Зачѣмъ противопоставлять одно другому? Подати и выкупные платежи, нѣтъ спору, тяжки, и вопросъ о томъ, не представляется ли необходимымъ, чтобы государство облегчило крестьянамъ именно выкупные платежи, какъ наиболѣе тяжкіе, и привлекло къ платежу подушныхъ податей всѣ сословія, долженъ быть разрѣшаемъ отдѣльно. Но все-таки слѣдуетъ признать, что уменьшеніе пьянства могло бы поднять благосостояніе массы народа никакъ не менѣе, чѣмъ его подняло бы съ другой стороны и уменьшеніе податного бремени. Скажемъ болѣе: самая необходимость облегчить налоги является быть можетъ отчасти и вслѣдствіе пьянства. Было бы съ чего брать, тогда и высокіе налоги уплатить можно; но когда само хозяйство въ упадкѣ, тогда и низкія подати заплатить трудно. Въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ центровъ сбыта и съ бѣдной землей, быть можетъ, податные платежи и составляютъ главную тягость, то-есть большую, чѣмъ расходъ на вино и происходящая отъ него потеря времени; дѣло въ томъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ трудъ дешевъ, а стало быть и потеря времени не такъ дорога, какъ наличныя деньги, нужны для уплаты податей. Но въ мѣстностяхъ, близкихъ къ промышленнымъ центрамъ, и въ средѣ фабричныхъ рабочихъ, пьянство безъ всякаго сомнѣнія составляетъ тягость большую, чѣмъ самыя подати. Напр. въ ближайшей къ Петербургу мѣстности заработка таковы, что податные платежи были бы легки по цѣнѣ заработковъ. Но если крестьянинъ или работникъ хоть сто дней въ году не работаетъ, то это одно уже составитъ для него убытокъ по меньшей мѣрѣ въ 50 рублей, кромѣ цѣны вина, какое онъ выпьетъ въ эти дни. Въ дѣйствительности же вся потеря должна простираться рублей до 150 на взрослого рабочаго, потому что работаетъ онъ менѣе 265 дней въ году, и заработокъ здѣсь доходитъ до 1 рубля въ день. Спрашивается, что же значить въ сравненіи съ этою потерей хотя бы 45 рублей податей, какія такому работнику приходится платить за себя и своихъ? Облегчите ему подати на цѣлую треть, на 15 рублей—уменьшеніе весьма значительное, окажется, что онъ выиграетъ всего 10% того, что теряетъ отъ прогула. Заработки фабричныхъ меньше, чѣмъ заработки крестьянъ; но за то на фабрику ходятъ не одни взрослые мужчины, но и женщины, и дѣти. Въ Одессѣ, въ извѣстное время въ году, черно-рабочій получаетъ 3 рубля въ день. Что же, развѣ онъ отложитъ 70 рублей въ мѣсяцъ работы, проживъ хоть двадцать? Вовсе нѣтъ, онъ третью часть времени не будетъ работать, да проживетъ и пропьетъ

рублей 30. Посмотрите на жилища, на бытъ крестьянъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ заработки высоки, но пьянство процвѣтаетъ; правда, они носятъ сапоги, въ праздники снѣіе кафтаны, а жены и дочери ихъ рядятся въ шелковые платки и вовсе не работаютъ въ полѣ. Но избѣнки ихъ такъ же кривы и тщедушны, какъ и въ бѣднѣйшихъ мѣстностяхъ; ворота также едва держатся, а въ крышахъ недостаетъ досокъ. На достаточнаго хозяина придется по двѣ лошади, несмотря даже на обиліе луговъ (какъ здѣсь) и выгодность работы съ лошадью. А случись неурожай, или болѣзнь — вотъ и разореніе, потому что на черныи день не отложено рѣшительно ничего.

Вотъ картина изъ нѣсколькихъ чертъ, которыя мы беремъ изъ харьковскаго доклада: „сельскій судъ дѣлаетъ свои приговоры или приводитъ ихъ въ исполненіе — въ кабацѣ; мировой судъ разсматриваетъ дѣла, совершившіяся тамъ-же — въ кабакахъ, или по поводу пьянства. Уже не говоря о земледѣльческомъ промыслѣ, когда у насъ въ истекшемъ году сотни и тысячи десятинъ пшеницы и травъ остались къ зимѣ *неубранными*, но мы обратимся къ городскому общественному хозяйству, болѣе намъ знакомому, и вотъ наши жалобы. Мы не имѣемъ возможности разводить деревья въ городѣ: ихъ ломаютъ и пьяные, и трезвые, безъ всякой надобности, по одному инстинкту разрушенія; дѣльные бульвары уничтожаются; городской садъ рубится по ночамъ для топлива, его деревянный заборъ разнесенъ; съ тротуаровъ, лѣстницъ, уносятся каменные плиты, съ мостовъ вырываются желѣзныя связи, уносятся доски слабо прикрѣпленныя, колодцы портятся, насосовъ невозможно удержать, городскіе фонари снимаются со столбовъ — все это сбывается въ кабакахъ или продается на рынкѣ, въ такъ-называемомъ воровскомъ ряду, и вырученныя деньги относятся въ тѣ же кабаки... Могилы умершихъ не оставляются въ покоѣ; тамъ разоряютъ памятники, уносятъ желѣзныя рѣшетки, кресты; въ дни поминальные кладбище покрыто пирующимъ народомъ: на могилахъ разливается обильно вино, и еслибы воскресли помпаемые покойники, то навѣрно и они были бы пьяны“. Это картина — родная не одному Харькову. Въ дополненіе къ ней легко указать на безпрестанные скандалы, подъ вліяніемъ излишне выпитаго вина, происходящіе въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ, клубахъ, прибавивъ притомъ, что подъ тѣмъ же вліяніемъ нерѣдки случаи, что люди съ высшимъ образованіемъ предаются кулачной расправѣ или площадной брани. Но важнѣе, конечно, тѣ черты, которыя относятся къ быту громаднаго большинства народа.

Напрасно закрывать глаза предъ очевидностью; ясно, что необходимо обратить серьезное вниманіе на гибельное развитіе пьянства, и если собственныя соображенія и чужой опытъ могутъ указать намъ мѣры сколько-нибудь пригодныя для достиженія этой цѣли, то необ-

ходимо принять ихъ. Прежде всего отсюда надо совершенно устранить и тотъ фальшивый либерализмъ, который состоитъ въ отрицаніи факта, и всякое государственное соображеніе о невозможности уменьшить главный доходъ казны. Узко-камеральный взглядъ въ такомъ вопросѣ, который касается всего хозяйственного и домашняго быта народа не можетъ быть вѣренъ. „Если общее благосостояніе народа увеличится“ говорили мы въ 1869-мъ году въ специальной замѣткѣ по этому предмету ¹⁾, „то не трудно подобрать въ одномъ доходѣ вознаградить новымъ налогомъ, потому что будетъ съ чего взимать. Но плохо то хозяйство, которое настаивало бы на охраненіи сегоднешняго рубля дохода, если этотъ рубль иссушаетъ самый источникъ дохода, т.-е. благосостояніе страны. Это — старая басня о курицѣ и золотыхъ яйцахъ“. Хотя и несомнѣнно, что въ Россіи труднѣе чѣмъ гдѣ-либо отказаться отъ части виннаго дохода, такъ какъ онъ составляетъ почти треть всего бюджета; но вѣрно и то, что въ Россіи, гдѣ производительный трудъ всякаго рода производится не машиною, всегда трезвою, а руками человѣка, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь необходимо, для охраненія самой производительной силы, принять мѣры къ огражденію народа отъ развитія пьянства, если только такіа мѣры возможны.

Докладъ, о которомъ мы говоримъ, указываетъ на три такіа мѣры: 1) ограниченіе числа питейныхъ заведеній; 2) запрещеніе распивочной продажи вина въ этихъ заведеніяхъ, и 3) запрещеніе продавать водку въ дни праздничные и воскресные. Всѣ три мѣры запретительнаго характера, что объясняется самымъ назначеніемъ доклада, такъ какъ дума въ этомъ дѣлѣ едва ли и можетъ принять инныя мѣры или ходатайствовать объ инныхъ мѣрахъ. Само собою разумѣется, что мѣры эти не исключаютъ и усилій иного рода, а именно усилій общественныхъ, усилій дѣйствовать на убѣжденіе народа: духовной проповѣдью, популярными чтеніями о вредѣ пьянства, и составленіемъ общества трезвости. Примѣръ Ирландіи доказываетъ, какъ сильно можетъ быть въ этомъ дѣлѣ дѣйствіе проповѣди: проповѣди знаменитаго патера Мэтью въ началѣ сороковыхъ годовъ уменьшили потребленіе спиртныхъ напитковъ въ этой странѣ на половину, а число преступленій за 5 лѣтъ до проповѣдничества Мэтью, бывшее 64½ тысячи съ 59 казнями по нимъ, за пять лѣтъ послѣ начала проповѣдничества Мэтью составляло только 47 т. съ 21 казнью. Какъ только проповѣдническая дѣятельность патера Мэтью прекратилась, потребленіе спиртныхъ напитковъ тотчасъ возрасло на 1/6, но все-таки уже и впослѣдствіи никогда не достигло прежней цифры. Но для того, чтобы слово духовенства имѣло живительную силу и въ самомъ дѣлѣ могло увлечь

¹⁾ «Эпидемія пьянства», «Вѣстн. Евр.» мартъ, 1869 года, стр. 302.

народъ, необходимо разумѣется, чтобы оно не подвергалось предварительной цензурѣ благочинныхъ.

Въ Европѣ существуетъ цѣлая литература изъ книгъ и брошюръ, разъясняющихъ вредъ пьянства для здоровья. Въ Америкѣ и Германіи, десятки тысячъ врачей подписывали медицинское удостовѣреніе факта, что постоянное потребленіе водки, въ какомъ бы маломъ количествѣ оно ни употреблялось, не можетъ ни при какихъ климатическихкихъ условіяхъ, и ни при какихъ бы то ни было условіяхъ самой работы быть полезно. У насъ ничего подобнаго этой литературѣ не существуетъ; между тѣмъ наши ученые учрежденія могли бы легко вызвать се назначеніемъ премій за дѣльные брошюры въ этомъ родѣ, которыя могли бы быть подтверждаемы авторитетомъ нашихъ медицинскихъ знаменитостей, печатаемы въ большомъ числѣ экземпляровъ на казенный счетъ, и распространяемы въ народѣ даромъ. На одну ту сумму 25 тысячъ рублей, которая издерживается казною и учебными заведеніями на „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, можно бы ежегодно выпускать въ народъ 250 тысячъ экземпляровъ такихъ полезнѣйшихъ произведеній. Публичные чтенія по этому предмету должны бы быть доступны для священниковъ и врачей безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія. Наконецъ, общества трезвости и приговоры крестьянъ о воздержаніи отъ водки должны быть всячески поощряемы, а не стѣсняемы изъ перазсчитливаго опасенія, что уменьшится разорительный для государства винный доходъ.

Совокупность подобныхъ успѣй, скажемъ прямо, представляется намъ общающею даже болѣе пользы, чѣмъ запретительныя и карательныя мѣры, потому именно, что опытъ Америки и другихъ странъ Европы показываетъ, что запретительныя мѣры противъ пьянства приводились въ исполненіе съ успѣхомъ только тамъ именно, гдѣ онѣ опирались на распространенное въ значительной части народа убѣжденіе, и только до тѣхъ поръ, пока въ самомъ народѣ продолжалось движеніе противъ пьянства. Такова именно была судьба знаменитаго Манскаго закона въ Сѣверной Америкѣ, закона, который въ продолженіи нѣкотораго времени произвелъ громадныя результаты (онъ вовсе воспрещалъ самое винокурение и продажу водокъ, за исключеніемъ спирта, приготовляемаго подъ особымъ надзоромъ для цѣлей промышленныхъ и врачебныхъ). Но выразивъ такое мнѣніе, оговоримся и въ пользу участія мѣръ запретительныхъ. У насъ, въ Россіи, онѣ общають болѣе успѣха чѣмъ въ иныхъ странахъ уже потому, что характеръ пьянства въ рабочихъ массахъ у насъ совершенно своеобразный. У насъ несравненно рѣже, чѣмъ въ иныхъ странахъ пьянство ежедневное, постоянное полухмѣльное состояніе человѣка, позволяющее ему однако работать, хотя и дурно. Но у насъ пьютъ запоемъ, нѣсколько дней къ ряду, до самозабвенія и вре-

женнаго прекращеніи всякой мысли о работѣ и о хозяйствѣ; этотъ характеръ нашего пьянства и указываетъ, что въ немъ главный, существеннѣйшій моментъ составляетъ *искушеніе*. Искушеніе это—частіе праздники, справляемые иногда по нѣсколькимъ дней къ ряду, и веселая компанія въ многочисленныхъ кабакахъ. Приступая къ празднику, съ чаркою въ рукѣ, рабочій имѣетъ въ дѣйствительности только намѣреніе отвести на часъ душу отъ тяжкаго труда,—погулять. Но начавъ гулять онъ тотчасъ *зауливаетъ*, и броситъ все, хотя онъ вовсе не пьяница, окончательно предавшійся злему духу алькоголи. Онъ не будетъ пить цѣлый годъ, очень охотно, если не будетъ искушенія, и самъ будетъ радъ. Но пусть на 366-й день онъ разрѣшитъ себѣ чарку, и въ 9/10 случаевъ онъ „загуляетъ“. Въ кабакѣ онъ приходитъ обыкновенно съ цѣлью поддѣрпиться „маленькою“; но въ кабакѣ онъ находитъ „клубъ“, единственную компанію, гдѣ происходитъ оживленная бесѣда. Эта обстановка искушаетъ его, и онъ выходитъ изъ кабака пьяный, потомъ опохмѣляется и такъ далѣе, однимъ словомъ „загулялъ“.

Вотъ, на основаніи такого-то особеннаго характера нашего пьянства, мы и не можемъ не признать весьма практичными двѣ изъ мѣръ, предлагаемыхъ харьковскимъ докладомъ: ограниченіе числа питейныхъ заведеній, и запрещеніе продавать въ нихъ водку не только распивочно, но и на выносъ въ дни праздничные и воскресные, устранило бы до нѣкоторой степени два непосредственныхъ искушенія; не будь кабака на каждые три дома въ городѣ, и на каждую деревушку—и общество въ кабакѣ утратитъ характеръ дружескаго клуба, вѣчно застѣдающаго; кабакъ не будетъ постоянно на глазахъ, и цыгровъ, промышляющихъ обманомъ и развратомъ будетъ меньше. Мы можемъ указать на примѣръ Швеціи, откуда заимствована наша акцизная система; вслѣдствіе уменьшенія числа кабаковъ по деревнямъ, въ Швеціи, за послѣднее десятилѣтіе, значительно уменьшилось пьянство.

Другая мѣра, предлагаемая докладомъ: закрытіе кабаковъ въ дни праздничные и воскресные также представляется намъ практичною: праздники порождаютъ у насъ настоящую эпидемію пьянства, а противъ эпидеміи слѣдуетъ дѣйствовать радикальнымъ устраненіемъ ближайшаго ея источника. Возраженіе, что кто хочетъ пьянствовать все равно приметъ свои мѣры: купить вина въ субботу и будетъ пить въ воскресенье и въ понедѣльникъ,—не идетъ къ дѣлу. Само собой разумѣется, что кто твердо хочетъ напиться, тотъ можетъ принять къ этому мѣры заблаговременно. Но не таковъ у насъ характеръ пьянства въ огромномъ большинствѣ случаевъ, потому что никто не изъ потребности, а именно сверхъ потребности, по искушенію, а ни какъ не преднамѣренно. Вотъ почему мы, съ другой стороны, не можемъ убѣдиться въ пользѣ третьей изъ предлагаемыхъ докладомъ мѣръ: совер-

шеннымъ запрещеніемъ распивочной продажи. Докладъ разсуждаетъ такъ: пусть водку пьютъ не иначе какъ дома, а собираться для бесѣды можно будетъ въ портерныхъ, но не въ кабакахъ. Но первое условіе не годится для великорусскихъ губерній. У исправныхъ крестьянъ, которые хотя иногда и „загуливаютъ“, но сознаютъ вредъ пьянства, — принципъ не держать водки дома, потому именно, что противъ штофа не устоишь. Водку въ посудѣ они покупаютъ только для свадебъ, крестинъ, именинъ, вообще для домашняго праздника, иначе пить стаканъ идутъ въ кабакъ. Запрещеніе распивочной продажи въ заведеніяхъ и по будничнымъ днямъ шло бы прямо противъ этого обычая, и приучая народъ держать постоянно водку дома, дѣлало бы излишнимъ закрытіе кабаковъ по праздникамъ. Сверхъ того, держаніе водки на дому, также какъ и домашнее куреніе водки, приучаетъ къ пьянству женщинъ и мальчиковъ. Что касается двухъ остальныхъ запретительныхъ мѣръ, предлагаемыхъ докладомъ, то онѣ, какъ показываетъ опытъ другихъ странъ, и какъ можно предполагать по самому свойству нашего пьянства, имѣющему характеръ искушенія, должны бы принести пользу. Онѣ гораздо практичнѣе иныхъ мѣръ, испробованныхъ въ разныхъ странахъ относительно пьянства, а именно: наказанія пьяницъ штрафомъ и поощренія пивной продажи въ ущербъ винной. Пьянпца наказуется самой природою сильнѣе, чѣмъ всякимъ штрафомъ; но тамъ, гдѣ самое чувство самосохраненія беспильно передъ привычкою и соблазномъ, много ли подѣйствуетъ опасеніе штрафа? Что касается покровительства пиву, то это средство уже было испытано въ Англіи безъ успѣха: опытъ доказалъ, что съ возрастаніемъ потребления пива и потребленіе водки возрастаетъ, а не уменьшается. Другое дѣло — удешевленіе чая и сахара; обычай требуетъ, чтобы предлогомъ къ бесѣдѣ была ѣда, а чаще — питье. Что-нибудь, кромѣ воды, все-таки пить будутъ, пусть же пили бы чай, который въ русскомъ народѣ пользуется почетомъ. Но какъ же пить чай, когда устраненіе привознаго сахара съ рынка высокой пошлиною поддерживаетъ на сахарѣ цѣны, недоступныя для массы сельскихъ рабочихъ? Вообще же слѣдовало бы пересмотрѣть нашъ уставъ о питейномъ сборѣ съ цѣлью уменьшенія числа и улучшенія характера распивочныхъ продажъ. Въ Англіи въ 1869-мъ году надзоръ за ними фактически переданъ былъ изъ рукъ акцизнаго управленія въ руки мирового суда, тѣмъ, что мировымъ судьямъ было предоставлено право отбирать отъ виновныхъ въ злоупотребленіяхъ шинклерей — ихъ license, то-есть дозволеніе торговли. Послѣдствіями этого было, что въ два года было закрыто до 9,000 кабаковъ, и злоупотребленія въ нихъ уменьшились. Но требуя ограниченія числа распивочныхъ продажъ, мы не видимъ никакого повода дѣлать между ними различіе: всѣ распивочныя продажи, начиная отъ сельскаго кабака, и кончая буфетомъ итальянской оперы, ресто-

раномъ самой фешенебельной гостиницы, и буфетомъ англійскаго клуба должны быть подчинены однимъ и тѣмъ же условіямъ. Иначе, кабакъ всегда укроется отъ нихъ, преобразуясь въ трактиръ, кухмистерскую, закусочную, постоянный дворъ, ресторанъ, а пожалуй и гостиницу, и клубъ. Нѣтъ, напримѣръ, никакого основанія разрѣшать ночную продажу питей въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ трактирахъ, пользующихся съ разрѣшенія полиціи (я почему полиціи, а не думы?) правомъ производить торговлю по ночамъ. Если признается необходимымъ, чтобы нѣкоторое число ресторановъ было открыто ночью, потому что иначе людямъ, не имѣющимъ своего хозяйства, пришлось бы иногда голодать (хотя большинство такихъ заведеній назначено очевидно не для голодныхъ), то все-таки нѣтъ причины разрѣшать имъ торговлю спиртными напитками и виномъ ночью. Какая нужда можетъ припасть ночью пить шампанское или хотя бы воду? Согреѣться можно и чаемъ. Ясно, что ночная продажа питей служитъ единственно для кутежа. А если кабакамъ, служащимъ для простолюдина, запрещается торговать послѣ 11-ти часовъ вечера, именно для отвращенія разгула, то почему же дозволяется привилегированнымъ трактирамъ послѣ 12-ти часовъ продавать вино для кутежа, когда всѣ прочіе трактиры послѣ этого часа не смѣютъ продать и порціи съѣстнаго?

Само собою разумѣется, повторяемъ, что однимъ запретительными мѣрами не слѣдуетъ ограничиваться въ борьбѣ съ этой народной язвой. Умственная развитость, конечно, лучший защитникъ народнаго здоровья противъ этой язвы. Очевидно, что на успѣхи народнаго образованія надо разсчитывать и въ этомъ дѣлѣ. Мы несогласны только съ такимъ мнѣніемъ, которое отрываетъ пользу всякихъ непосредственныхъ мѣръ, возлагая надежду всякаго исправленія единственно на успѣхи образованности. Въ этомъ смыслѣ народное образованіе иногда представляютъ какъ бы для отвода всякихъ практическихъ дѣйствій въ настоящемъ. А между тѣмъ, если даже въ образованныхъ средахъ у насъ пьянство не рѣдкость, можно ли полагаться въ борьбѣ съ пьянствомъ на одно развитіе образованности въ массахъ, когда у насъ пока еще рѣчь идетъ только о грамотности? Все это слишкомъ очевидно, какъ очевидна все-таки и необходимость грамотности хотя бы для того, чтобы листки и книжки, направленные противъ пьянства, могли оказать сколько-нибудь значительное дѣйствіе.

Вопросъ о народномъ образованіи былъ однимъ изъ главныхъ предметовъ обсужденія въ недавно происходившей сессіи петербургскаго губернскаго земства. Въ 1868-мъ году здѣсь былъ возбужденъ вопросъ, какъ должна быть раздѣлена дѣятельность по народному образованію между земствомъ губернскимъ и уѣзднымъ, и избранная для обсужденія этого вопроса коммиссія пришла къ заключенію, что уѣздныя зем-

ства должны устраивать народныя школы, а губернское земство озаботиться приготовленіемъ для этихъ школъ учителей. При утвержденіи этого заключенія въ 1869-мъ году, губернское собраніе положило воспользоваться для приготовленія учителей педагогическими курсами, при андреевскомъ приходскомъ училищѣ въ Петербургѣ.

Стипендіатовъ отъ земства на эти курсы поступило 10. Педагогическіе курсы, устроенные министерствомъ народнаго просвѣщенія, были закрыты и замѣнъ ихъ приступлено къ учрежденію учительскихъ семинарій, изъ которыхъ одна открыта въ Гатчинѣ. Земскіе стипендіаты туда и поступили для окончанія своего педагогическаго курса. Но это было особо разрѣшено по ходатайству управы, и приемъ новыхъ стипендіатовъ отъ земства въ гатчинскую семинарію оказывается невозможнымъ. Поэтому земству предстояло теперь обсудить вновь вопросъ о приготовленіи учителей? Собраніе, согласно мнѣнію своего комитета, рѣшило нынѣ учредить особую земскую учительскую школу, на земскія средства, но не приняло мысли комитета объ учрежденіи ея въ Петербургѣ, предоставивъ управѣ прислать для нея мѣсто не далѣе 2-хъ-часовой ѣзды отсюда. Сообразно съ этимъ пришлось пзмѣнить нѣсколько и учебную программу. Положено было исключить изъ нея музыку, физику и математическую географію, замѣнивъ двѣ послѣднія отрасли знанія—„естествовѣдѣніемъ съ приложеніемъ къ практикѣ“. Въ этомъ случаѣ собраніе едва ли не увлеклось на фальшивый путь. По совершенно справедливому замѣчанію барона П. Л. Корфа, школа должна быть чѣмъ-нибудь однимъ: или учительской, или хозяйственной, или технической, а совмѣстить все это въ одной школѣ невозможно. Сверхъ того, спрашивается, что же это за „естествовѣдѣніе“, которое исключаетъ и физику и даже общія космографическія понятія? Разумѣется, если „естествовѣдѣніе“ разумѣть собственно какъ искусство ухода за скотомъ, и какъ понятіе „о птицахъ полезныхъ или вредныхъ человѣку“, въ такомъ случаѣ оно, пожалуй, можетъ обойтись и безъ физики и космографіи. Можно умѣть отлично ухаживать за животнымъ и не зная, что солнце не ухаживаетъ за землею. Но въ такомъ случаѣ естествовѣдѣніе сводится уже къ понятіямъ о скотоводствѣ и земледѣліи, и школа, учительская по назначенію, принимаетъ характеръ практическо-сельско-хозяйственный.

Во время преній объ устройствѣ учительской школы зашла рѣчь о томъ, слѣдуетъ ли допускать въ нея ученицъ, а въ связи съ этимъ дѣлалось сравненіе и между успѣхомъ учительницъ и учителей въ дѣлѣ народнаго образованія. Оказалось, что учительницы, вообще говоря, лучше учителей, такъ что даже однимъ изъ гласныхъ было предложено учительскую семинарію назначить для двѣухекъ, а не для молодыхъ людей. Но собраніе высказалось за устройство смѣшанной

школы, предоставивъ управѣ устроить ее сперва отдѣльно для мальчиковъ, а вопросъ о допущеніи въ учительскую школу дѣвочекъ разработать къ слѣдующему очередному собранію.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ первые дни засѣданій собранія оказалось въ самомъ Петербургѣ то явленіе, на которое такъ часто нарекаютъ въ провинціи—число присутствовавшихъ едва было достаточно для законности собранія. Не повторяя разсужденій о нашей „апатіи къ общественнымъ дѣламъ“—разсужденій по поводу земства, которыя переходятъ уже и въ иностранную печать (надняхъ мы прочли ихъ въ корреспонденціи аугсбургской (*Allgemeine Zeitung*), замѣтимъ, что расширеніе правъ земства было бы несомнѣнно вѣрнѣйшимъ средствомъ къ живому привлеченію къ земской работѣ умственныхъ силъ страны. Такое расширеніе желательно и по многимъ инымъ соображеніямъ. Оно необходимо для успѣха въ дѣлѣ образованія, и въ дѣлѣ борьбы противъ пьянства, и вообще для болѣе успѣшной дѣятельности земства даже и по тѣмъ отраслямъ, которыми она ограничена.

Два мѣсяца тому назадъ, обсуждая основанія предположенныя для введенія судебной реформы въ царствѣ польскомъ, мы отзывались съ нѣкоторымъ удивленіемъ о слухѣ, что изъ этихъ началъ то, которое вызвало въ различныхъ инстанціяхъ наиболѣе сомнѣній и недоумѣній, было именно то начало всесословнаго выборнаго гминнаго суда, которое представлялось наиболѣе несомнѣнно-раціональнымъ изъ всѣхъ предположенныхъ для царства отступленій отъ нашихъ судебныхъ уставовъ. Къ сожалѣнію, какъ мы слышали, въ самомъ общемъ собраніи государственнаго совѣта повторилось то же самое: наиболѣе сомнѣній вызвали не мѣры, лишающія наши судебные уставы существенныхъ ихъ свойствъ: несмѣняемости судей, установленія суда присяжныхъ, выборнаго характера судей мировыхъ,—а именно начало всесословнаго, выборнаго гминнаго суда, которое общему характеру судебныхъ уставовъ вполне соответствуетъ.

Послѣдствіемъ такихъ сомнѣній была, по дошедшему до насъ слуху, совершенно неожиданная отсрочка всего дѣла о введеніи судебной реформы въ царствѣ, быть можетъ не на короткое время, такъ какъ рѣшено составить по нѣкоторымъ частямъ проекта новыя соображенія по сношенію съ намѣстникомъ, со внесеніемъ ихъ затѣмъ установленнымъ порядкомъ снова въ государственный совѣтъ. При этомъ для устройства собственно гминныхъ судовъ, какъ мы слышали, положены слѣдующія начала, до нѣкоторой степени уже отступающія отъ мысли покойнаго Н. А. Милютина: уменьшить общее число гминныхъ судовъ, для облегченія правительственнаго надзора за ними, такъ чтобы учреждать по одному суду не въ каждой гминѣ, а на

нѣсколько гминъ, но съ тѣмъ довольно затруднительнымъ однако на практикѣ условіемъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не лишать жителей удобства пользоваться судомъ не слишкомъ отдаленнымъ отъ мѣста ихъ жительства. Коллеціальны составъ этихъ судовъ предполагается сохранить, но рѣчь идетъ уже только о призваніи въ члены ихъ выборныхъ отъ гминъ. Устраняется общее правило, что предсѣдатель гминнаго суда избирается самимъ судомъ; примѣненіе его ограничено условіями. Сверхъ того, по слуху, предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ снести съ намѣстникомъ о степени необходимости сохранить въ царствѣ, и по введеніи судебного преобразованія—принадлежащаго нынѣ тамъ губернаторамъ и другимъ чинамъ мѣстной администраціи (стало быть и полиціи?), карательную власть. Послѣ всего уже сказаннаго нами объ отступленіяхъ отъ духа судебныхъ уставовъ, предполагаемыхъ для царства, считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, въ какой степени эти новѣйшія отступленія представляются соотвѣтствующими, какъ юридическимъ интересамъ дѣла, такъ и политической цѣли, которой представителемъ былъ покойный Милютинъ.

ОПЫТЫ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ.

Письмо въ редакцію *).

Въ ожиданіи появленія общей земской статистики, которая обняла бы все наше народное хозяйство на всемъ пространствѣ Россіи, попытаемся изобразить въ цифрахъ экономическое положеніе крестьянскаго хозяйства и быта въ одномъ небольшомъ уголкѣ нашей обширной земли, и для этого изберемъ пока Бѣлозерскій уѣздъ Новгородской губерніи. Для достиженія такой цѣли мы исчислили въ немъ по матеріаламъ, собраннымъ мѣстною земскою управою, валовую доходность крестьянскихъ земель и вывели итоги всѣмъ податямъ, оброкамъ и сборамъ. Вотъ результаты добытыхъ нами числовыхъ данныхъ, которыя помещаемъ ниже въ формѣ таблицы.

Бѣлозерскій уѣздъ Новгородской губерніи представляется намъ обществомъ, состоящимъ изъ 47,000 человекъ, изъ которыхъ около

*) См. «В. Е.» ноябрь 1871 и январь 1872 г.

80,000 ч. обоого пола занимаются земледѣліемъ: папнуть, сѣютъ, жнутъ и получаютъ вслѣдствіе своихъ трудовъ около 24,000 четвертей ржи и 49,000 четв. яровыхъ хлѣбовъ; если мы переведемъ эти продукты на цѣны, существующія у насъ и положимъ рожь по 7 рубл., а яровой, заключающійся преимущественно въ овсѣ, по 3 рубля за четверть, то получимъ валовую доходность съ земель на сумму около 317,000 р. Сравнимъ эту доходность съ итогомъ всѣхъ податей и сборовъ, составляющихъ 190,000 р.—и мы получимъ результатъ такой: налоги и сборы уносятъ изъ валовой доходности крестьянъ болѣе, чѣмъ 59%, а имъ, крестьянамъ, которые работаютъ, содержатъ хозяйство и сѣютъ свои сѣмена—остается 41%.—Но эта общая цифра можетъ показаться невѣроятной, ошибочной, поэтому мы ее повѣримъ съ частными цифрами.

Крестьянскія общества подраздѣляются на: временно-обязанныхъ, вышедшихъ на выкупъ, государственныхъ, удѣльныхъ и владѣющихъ собственною землею. Мы беремъ первый разрядъ, т.-е. временно-обязанныхъ, они составляютъ болѣе одной четвертой части всего населенія уѣзда; оброки, которые они платятъ за землю, простираются до 46,000 рубл.; всѣ другіе сборы до 18½ т. рублей, слѣдовательно общій итогъ податей доходитъ до 64,500 руб.; валовая же доходность отъ земель, высчитанная, какъ мы указывали выше, составляетъ 89,260 руб.; такъ что оброки и сборы временно-обязанныхъ крестьянъ въ сравненіи съ цѣлымъ уѣздомъ представляютъ еще болѣе большой процентъ, а именно—72% съ валовой доходности земель; крестьяне вышедшіе на выкупъ платятъ на 10% менѣе сравнительно съ первыми; бывшіе удѣльные платятъ 55%; государственные крестьяне—50%, а крестьяне, имѣющіе собственную землю—16%. Последняя цифра довольно утѣшительна, но къ сожалѣнію собственниковъ весьма немного въ уѣздѣ: изъ 20,400 надѣловъ имъ принадлежитъ всего 443 надѣла.

Такимъ образомъ, уже въ общихъ итогахъ является большая несоразмѣрность въ распредѣленіи налоговъ—одни платятъ болѣе, другіе менѣе, а основаній для этого нѣтъ никакихъ; но если взять въ сравненіе отдѣльныя волости и общества, то несоразмѣрность дойдетъ до ужасающихъ размѣровъ; такъ Волоко-Хилецкая волость получаетъ со своей земли продуктовъ максимумъ на 4½ т. рублей, потому что вся состоитъ изъ сыпучихъ песковъ, и урожай на ней только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ самъ-третей, а чаще самъ-1, самъ-1½ и 2;—волость же эта однихъ оброковъ за землю платитъ 4,700 руб., т.-е. болѣе ста процентовъ съ ея валовой доходности, и кромѣ того другихъ сборовъ до 2,000 рублей, слѣдовательно еще 50%. Такимъ образомъ, Хилецкая волость не только не получаетъ какой-либо при-

были отъ земли, но еще доплачиваетъ около 2,200 рублей за право обрабатывать песок!

Это явленіе повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ, которыя платятъ свыше 100% доходности земли. Да наконецъ и средніе платежи въ 50, 60 и 70% едва ли представляютъ явленіе нормальной жизни ¹⁾.

Теперь обратимъ вниманіе на нѣкоторые отдѣльные налоги и сборы. Главный изъ нихъ есть оброкъ за землю, рента или выкупной платежъ. Представьте себѣ, что вы продаете землю или сдаете ее въ аренду; вѣроятно, вашъ покупатель или арендаторъ расцѣнитъ ее доходность и сообразно тому назначить вамъ цѣну или аренду; такъ всегда дѣлалось и дѣлается въ обществѣ: меня не могутъ принудить — землю, приносящую 100 р., арендовать за 150 р.; или вещь, стоящую 500 р., купить за 1000 рублей. Это важное и необходимое право оцѣнки было совершенно опущено при надѣлѣ крестьянъ согласно Положенія 19-го февраля. Если у однихъ крестьянъ былъ помѣщикъ добрый и бралъ съ нихъ оброкъ 4 р., или гонялъ на барщину 2 дня въ недѣлю — то законъ утвердилъ за нимъ 4-хъ-рублевый оброкъ; если же у другихъ крестьянъ помѣщикъ былъ не очень добрый и бралъ съ нихъ оброкъ 9 рублей, или гонялъ на барщину 4 дня въ недѣлю, то законъ утвердилъ 9-ти-рублевый оброкъ. Законъ не вошелъ въ расцѣнку надѣловъ, для него было безразлично качество земли, лишь бы было ея количество; тогда какъ на дѣлѣ извѣстно, что одна хорошая десятина земли стоитъ сотни плохихъ десятинъ.

Наибольшая часть помѣщичьихъ земель перешла крестьянамъ по 9-ти-рублевому оброку, а въ числѣ этихъ земель находятся такіе, что крестьянамъ было бы въ десять разъ выгоднѣе бросить ихъ и переселиться на болѣе удобныя мѣста. По этой же причинѣ уставныя грамоты и выкупныя сдѣлки въ большинствѣ случаевъ вводились противъ воли и желанія крестьянъ; послѣдніе болѣе или менѣе сознавали, что оброки слишкомъ велики и что платежи имъ не по силамъ, но такъ какъ законъ не допустилъ адвокатуры въ крестьянскихъ дѣлахъ, не допустилъ болѣе широкаго гражданского судопроизводства по спорнымъ дѣламъ между крестьянами и помѣщиками, то всякое нежеланіе крестьянъ уплачивать оброкъ, назначенный за данную имъ землю — относили къ ихъ упорству и принуждали къ

¹⁾ Волоко-Хилецкая волость, платящая за землю въ 1½ раза больше получаемого съ нея, давно уже представлена на выкупъ, и со стороны владѣльцевъ употреблялись все средства, чтобы заставить крестьянъ подписать выкупную сдѣлку; но это не удалось, и потому они подводятъ волость подъ обязательный выкупъ. Хорошо будутъ поступать выкупные платежи за такіе случаи!

уплатѣ силой; за подобныя опущенія въ основномъ законѣ крестьянскія общества платятся слишкомъ горько;— ихъ хозяйство остановилось на томъ положеніи, въ какомъ его засталъ манифестъ 19-го февраля 1861-го года, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно пошло даже назадъ. Недонимки, о которыхъ впоследствии мы будемъ говорить подробно, выросли до громадныхъ цифръ; такъ, напр., Волоко-Хилецкая волость на каждомъ надѣлѣ имѣетъ недонимки около 55-ти рублей, а на всей волости 30,000 рублей, при 4,500 р. валового дохода съ земли.

Внутреннее земское и общественное хозяйство при такомъ положеніи никакъ не можетъ развиваться, потому что всѣ наличныя средства поглощаются оброкомъ и подушными податями, да и этого мало хватаетъ; такъ что немногія волости жертвуютъ на школы, а если и жертвуютъ, то такую незначительную каплю, что она совершенно незамѣтна въ морѣ другихъ обязательныхъ податей и сборовъ: сумма всѣхъ сборовъ, какъ мы видѣли, составляетъ на уѣздѣ 190,000 руб., на школы же изъ нея поступаетъ отъ общества всего 780 рублей, т.-е. $\frac{1}{1000}$ ‰. Подушныя подати и государственный земскій сборъ составляютъ на весь уѣздъ довольно большую цифру, именно—38,000 рублей; они раскладываются на всѣ ревизскія души, не входя въ разсмотрѣніе—могутъ ли послѣднія по своей состоятельности и по доходности своихъ промысловъ ихъ выплачивать; вслѣдствіе этого подушныя подати и государственный земскій сборъ, въ совокупности съ другими податями, являются налогомъ чрезвычайно тяжелымъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ волостяхъ послѣ послѣдней ревизіи явилась значительная убыль въ мужскомъ населеніи—гдѣ въ обществѣ было 25 работниковъ, осталось 18, и на этихъ 18 работниковъ ложится вся тяжесть по платежу за 25 ревизскихъ душъ не только оброковъ за землю, но и подушныхъ податей; отъ этого въ той же, напр., Волоко-Хилецкой волости нѣкоторые общества платятъ всѣхъ сборовъ не менѣе 15-ти рублей съ наличной души, что съ хозяйства составитъ—45 рублей.

Земскій сборъ и страховые платежи въ общей суммѣ налоговъ составляютъ 21,500 рублей, т.-е. около 11‰ изъ числа всѣхъ сборовъ. Распредѣленіе этихъ налоговъ между плательщиками также не всегда равномерно—государственные крестьяне оплачиваютъ не только тѣ земли, которыми они въ дѣйствительности владѣютъ, но и часть земель, находящихся въ пользованіи казны; отъ этого земскій налогъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ отъ 50 до 80-ти копѣекъ на надѣлъ, а у государственныхъ—отъ 1 р. до 2 рублей, между тѣмъ угоды, подлежащія обложенію, одни и тѣ же. Кромѣ того земство до сихъ поръ не дѣлало никакой классификаціи земель—Волоко-Хилецкая волость, бѣднѣйшая по уѣзду, платитъ земскаго налога больше, нежели другія, болѣе богатія волости, такъ, напримѣръ, въ нѣкто-

рыхъ обществахъ земскіе платежи доходятъ до 1 р. съ надѣла. Страховой сборъ страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что преміи страхового рубля чрезвычайно высоки—отъ 1 до 2 1/2 коп. Между тѣмъ Бѣлозерскій уѣздъ принадлежитъ къ такимъ, въ которыхъ пожары очень рѣдки: изъ 5,000 руб. ежегодныхъ премій страхового вознагражденія очень рѣдко выдается болѣе 1,500 рублей, такъ что средства болѣе бѣднаго уѣзда идутъ на болѣе богатые, гдѣ пожары случаются чаще и гдѣ села обширнѣе. Въ рукахъ губернскаго земства страхованіе получило весьма рутинный образъ: вмѣсто того, чтобы стремиться къ пониженію премій, оберегать интересы каждаго уѣзда, губернская управа старается какъ можно болѣе собирать премій и въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно безобразно повышаетъ ихъ. Такъ, напримѣръ, есть селенія въ Кинской волости, страховые платежи которыхъ доходятъ до 1 рубля съ души! потому что премія назначена по 2 1/2 коп. съ рубля. Самыя формы страховыхъ описей въ высшей степени неудобны и стѣснительны для старшинъ.

Если мы подвергнемъ разбору общее вліяніе земства у насъ на крестьянскій бытъ, то придемъ къ выводамъ болѣею частью отрицательнымъ. Въ свое восьмилѣтнее существованіе земство не получило никакой устойчивости, не нашло никакой твердой точки опоры и не избрало себѣ никакой опредѣленной цѣли; его дѣятельность—если можно такъ выразиться—скользитъ по поверхности. Оно слегка захватываетъ народное образованіе и устройство путей, касается сельскихъ запасныхъ магазиновъ, а затѣмъ его отношенія къ крестьянству, т.-е. собственно къ земству рѣзко пресѣкаются. Волости и общества живутъ совершенно отдѣльно и ни въ чемъ другомъ не соприкасаются съ земствомъ; вліянія на дѣятельность волостныхъ и сельскихъ управленій земство не имѣетъ никакого; защищать права и интересы тѣхъ самыхъ обществъ, представителемъ которыхъ оно должно бы служить—земство не можетъ. Такимъ образомъ, если на *земскихъ собраніяхъ* заходить рѣчь о положеніи мѣстнаго крестьянства и вообще о состояніи уѣзда—оно въ самомъ началѣ прерывается замѣчаніемъ, что „обсужденіе этихъ предметовъ не входитъ въ кругъ обязанностей земства“! Такое положеніе земства не можетъ, разумѣется, принести хорошихъ результатовъ; безъ гласнаго обсужденія нуждъ и потребностей народнаго благосостоянія, отношенія между налогами и доходами приводятъ къ неправильностямъ, на которыя мы указывали выше.

Для того, чтобы хорошо управлять мѣстнымъ хозяйствомъ, завести школы, чинить дороги, требуются деньги, а чтобы ихъ получить, необходимы налоги, и вотъ—зажмурия глаза, мы накладываемъ эти налоги, и на кого же? на тѣ самые общества, которыя и безъ того несутъ безчисленное множество налоговъ!—Назначивши налоги, земство

должно или сквозь пальцы смотрѣть на то, что они остаются въ недонимахъ, или же, по примѣру помѣщичьихъ оброковъ, выбивать ихъ чрезъ полицейскія власти продажей свѣта и хлѣбныхъ запасовъ. Въ первомъ случаѣ является финансовая несостоятельность и банкротство земства; во второмъ — земство окажется такимъ же явленіемъ, какъ и крѣпостное право.

Очевидно — налоги на крестьянъ достигли того размѣра, дальнѣе котораго идти невозможно, а между тѣмъ земскія потребности растутъ съ каждымъ днемъ; требуется развитіе народнаго образованія: намъ нужно не 30 довольно плохихъ школъ на уѣздѣ, а въ три или въ пять разъ болѣе; устройство дорогъ также необходимо, какъ и образованіе, онѣ до того плохи, что въ нѣкоторые волости во время лѣта можно попадать только пѣшкомъ, и на все это въ распоряженіи уѣзднаго земства имѣется не болѣе 5,000 руб.! Чтѣ можно сдѣлать на такую сумму, заводитъ ли школы или чинить пѣлую тысячу верстъ дорогъ? Очевидно — нельзя сдѣлать ни того, ни другого; заведете нѣсколько школъ съ мизернымъ содержаніемъ для учителей, съ плохой мебелью и плохимъ отопленіемъ и освѣщеніемъ; вашъ учитель, получая 6 рублей въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи, будетъ ходить въ лаптяхъ, а дороги будутъ съ каждымъ годомъ хуже и непроходимѣе. Во многихъ случаяхъ и теперь люди, незнакомые съ экономическимъ положеніемъ земства, дѣлаютъ на него нападки за дурныя дороги; они не могутъ понять, что хорошія дороги требуютъ большихъ средствъ, а земство такъ бѣдно и средства его такъ ограничены, что упадокъ дорогъ есть печальное, но необходимое слѣдствіе его стѣсненнаго положенія. Кромѣ мѣстныхъ обязательныхъ потребностей на уѣздахъ лежатъ также и губернскія потребности. Онѣ составляютъ сумму гораздо болѣешую нежели та, которая идетъ на всѣ дороги и на все народное образованіе; это еще болѣе ослабляетъ мѣстные финансы. Губернское земство очень мало обращаетъ вниманія на стѣсненное положеніе уѣзда и развиваетъ свои потребности гораздо быстрѣе, чѣмъ уѣздное земство; оно бросается на разныя предпріятія, которыя при настоящемъ положеніи дѣлъ могутъ быть названы затѣями; такъ, напр., оно учреждаетъ комиссію по изслѣдованію предметовъ обложенія, ничего не сдѣлавшую, но поглотившую до 15,000 руб.; дѣлаетъ теперь опыты надъ осушеніемъ болотъ, чтѣ также не приведетъ ни къ какимъ хорошимъ результатамъ; печатаетъ огромными томами безъ исключенія всѣ доклады своихъ членовъ, которыхъ никто не читаетъ. За все это должны платить уѣзды.

Такъ какъ губернскія потребности совершенно отдѣлены отъ уѣздныхъ, то и покрытіе ихъ должно бы ложиться на тѣ предметы, которые не подлежатъ окладу уѣздныхъ земствъ; къ такимъ предметамъ от-

носятся на первомъ планѣ желѣзныя дороги. Мы поддерживаемъ вполне идею кн. Васильчикова объ обложеніи желѣзныхъ дорогъ, она совершенно цѣлесообразна; самый бѣдный крестьянинъ, имѣющій одну овцу въ своемъ хозяйствѣ и добывающій потомъ средства для своего существованія, несетъ налоги въ пользу земства, тогда какъ КК^о желѣзныхъ дорогъ, получая прибыли и пользуясь многими услугами земства, не несетъ за это никакого налога. Изъ извѣстной книги кн. Васильчикова видно, что желѣзныя дороги, какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи обложены земскимъ сборомъ, а тамъ мѣстныя средства въ десять разъ богаче, чѣмъ у насъ. Можетъ быть, намъ отвѣтить, что желѣзныя дороги пользуются гарантіей государства и въ нѣкоторомъ смыслѣ есть его собственность, по такое возраженіе не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть принято во вниманіе: прямая собственность государства—земли, лѣса и зданія облагаются земскимъ сборомъ, тѣмъ паче должны быть обложены желѣзныя дороги. Пусть этотъ сборъ идетъ исключительно на покрытіе расходовъ губернскаго земства, тогда оно получитъ полную самостоятельность и не будетъ лишнимъ бременемъ тяготѣть надъ уѣздомъ. Осуществленіе этой мысли почтеннаго автора „Самоуправленія“ лежитъ на обязанности губернскаго земства.

Губернскому земству нужно свести итоги доходности крестьянскихъ земель по всей губерніи и сравнить эту доходность съ налогами, тогда оно увидитъ само, какъ настоятельно требуется изысканіе новыхъ предметовъ для земскаго обложенія.

Обратимся опять къ Бѣлозерскому уѣзду.

Уѣздъ, въ 47,000 населенія, долженъ имѣть для своего продовольствія по крайней мѣрѣ 47,000 четверт. ржи; между тѣмъ урожай ржи на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, за исключеніемъ посѣва сѣмянъ, равняется 24,000 четв.—такимъ образомъ, въ продовольствіи является дефицитъ въ 23,000 четв. ржи; переведемъ это на деньги, выйдетъ, что крестьянамъ приходится покупать ежегодно для своего продовольствія хлѣба на 161,000 рублей; если выключимъ изъ этого количества одну третью часть, которую крестьяне добываютъ съ арендованныхъ земель, то все-таки остается необходимость въ покупкѣ ржи на сумму около 108 тыс. р.; эту сумму приложимъ къ налогамъ, составляющимъ 190,000 р. и получимъ — что крестьянамъ необходимо заработать не отъ земли, которая не даетъ никакого остатка, но отъ стороннихъ промысловъ до 300,000 руб. т.-е. по 15 руб. на нацѣль или отъ 45 до 60 р. на крестьянское хозяйство; эта цифра—общая на весь уѣздъ, но въ дѣйствительности многія волости превышаютъ ее, а двѣ-три изъ нихъ обойдутся безъ покупки хлѣба. Чтобы хозяйство шло хорошо, чтобы урожай былъ не самъ-2 или 3, для здѣшнихъ земель нужно удобреніе; а такъ какъ въ уѣздѣ высѣвается около

10,000 четв. ржи, то для сноснаго произрастанія ея требуется по крайней мѣрѣ 40,000 головъ крупнаго скота, содержимаго постоянно на наземѣ; по итогамъ же, которые мы вывели въ особыхъ таблицахъ, общее число коровъ и лошадей въ уѣздѣ равняется 23,700 головъ, изъ которыхъ minimum 3,700 лошадей находятся всю зиму въ работахъ по вывозкѣ дѣсовъ и не могутъ служить къ удобренію полей. Такимъ образомъ, скота въ уѣздѣ можно считать на половину менѣе противъ того, что требуетъ необходимость. Есть нѣкоторыя волости, какъ напр. Георгіевская, въ которыхъ за послѣдніе 4 года скота убыло безъ малаго на половину.

Причина упадка скотоводства, а вмѣстѣ съ нимъ и земледѣлія — троякая: во-1-хъ, скотъ продается на пополненіе недомоекъ; онъ продается теперь не полиціей, но самими крестьянами, которые стараются не допускать описи и продажи скота съ аукціона за безцѣнокъ; во-2-хъ круговая порука, заставляющая даже состоятельныхъ крестьянъ держаться общаго уровня — убожества въ хозяйствѣ, потому что если онъ заведетъ лишнюю голову скота — ее сейчасъ же потянутъ за недомеки общества; въ-3-хъ, недостатокъ луговъ и сѣнокосовъ. Во владѣніи лугами крестьянскія общества поступаютъ крайне неразумно: они ежегодно дѣлаютъ покосы на участки; и такъ какъ каждый владѣетъ своимъ участкомъ только годъ, то никто не старается ихъ расчищать и улучшать, отъ этого сѣнокосы съ каждымъ годомъ болѣе заростають и становятся хуже. Арендовать же сѣнокосы могутъ только немногія общества, имѣющія хотя незначительныя средства.

Но главная и безусловная причина всѣхъ недостатковъ, низкаго уровня хозяйства и умственного развитія, это — величина оброковъ. Не имѣя возможности пополнять эти оброки и платежи посредствомъ земледѣлія, крестьяне смотрятъ на него, какъ на вещь второстепенную. Они больше занимаются сторонними заработками — батрачествомъ. Просматривая подворныя описи сельскаго хозяйства, мы найдемъ много крестьянъ, имѣющихъ или одну лошадь, или одну корову, или одну овцу, на 4 или 5 душъ семейства; и такіе крестьяне, вслѣдствіе закона о круговой поруцѣ, тяготеютъ надъ обществомъ, — за ними есть по 100 рублей и болѣе недомекъ; и общество должно отвѣчать за нихъ.

Въ заключеніе, представляемъ статистическую таблицу, на основаніи которой мы пришли къ вышеизложеннымъ результатамъ:

НАЗВАНІЕ ВОЛО- СТЕЙ ВЪЛОЗЕРСКАГО УѢЗДА.		Временно-обязанныхъ крестьянъ.					Вышедшихъ на выкупъ.						
		Число надѣловъ.	Валовая доход- ность съ земли.	Сумма оброковъ и налоговъ.	% обложения съ доходности.	Налоговъ на каж- дый надѣлъ.	Число надѣловъ.	Валовая доход- ность съ земли.	Сумма оброковъ и налоговъ.	% обложения съ доходности.	Налоговъ на на- дѣлъ.		
			РУБЛН.	РУБЛН.	Р.	К.		РУБЛН.	РУБЛН.		Р.	К.	
1	Волоко-Хилецкая . . .	548	4,478	6,740	150%	12	28	—	—	—	—	—	
2	Гавринская	482	4,579	5,729	125%	11	85	150	1,425	1,427	100%	9	50
3	Варановская	318	3,268	3,788	114%	11	70	348	3,671	3,382	92%	9	70
4	Боровская	384	3,644	4,340	119%	11	30	482	4,930	4,857	98%	10	8
5	Георгиевская	350	3,727	3,853	89%	9	58	435	4,769	4,196	88%	9	53
6	Марковская	589	3,875	2,961	89%	11	—	529	6,666	5,074	77%	9	53
7	Воздвиженская . . .	166	2,418	1,956	80%	11	80	274	4,302	2,859	66%	10	46
8	Тимошинская	122	1,758	1,431	77%	11	70	705	10,183	6,868	67%	9	74
9	Перкумецкая	308	5,225	3,788	72%	12	30	285	5,647	2,891	51%	10	16
10	Чистиковская	135	2,196	1,654	71%	12	20	646	10,506	6,717	64%	10	40
11	Надпорожская	105	1,903	1,317	69%	12	50	204	2,997	2,184	70%	10	52
12	Смердянская	156	1,943	1,254	64%	8	—	216	2,467	1,884	76%	8	72
13	Мишутинская	—	—	—	—	—	—	583	10,020	6,790	67%	11	60
14	Беченинская	250	4,671	3,030	64%	12	10	240	4,472	2,455	55%	10	20
15	Кинская	178	2,899	1,874	64%	10	50	503	8,182	5,287	64%	10	50
16	Мегринская	26	485	263	60%	10	50	—	—	—	—	—	—
17	Архангельская	373	7,524	4,361	56%	11	95	146	2,925	1,525	52%	11	45
18	Семеновская	245	3,454	1,973	57%	8	—	299	4,288	2,721	63%	9	—
19	Погорѣльская	405	7,437	4,132	55%	10	20	119	2,203	1,211	54%	10	—
20	Никоновская	307	6,980	3,588	50%	11	60	403	9,223	4,075	45%	11	10
21	Ирасковская	482	12,999	5,304	40%	11	—	371	10,023	3,839	38%	10	30
22	Ворисовская	160	4,344	1,772	40%	11	—	413	11,025	4,373	39%	10	50
23	Чуриновская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	Антушевская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого кругло . . .		5767	89,260	64,540	72%	11	20	7,351	120,170	74,530	62%	10	20

Государственныхъ крестьянъ.					Бывшихъ удѣльныхъ.					Крестьянъ-собственниковъ.					Недоимокъ на всѣхъ.	
Число надѣловъ.	Валовая доходность съ земли.	Сумма оброковъ и налоговъ.	% обложения съ доходности.	Налоговъ на надѣлъ.	Число надѣловъ.	Валовая доходность съ земли.	Сумма оброковъ и налоговъ.	% обложения съ доходности.	Налоговъ на надѣлъ.	Число надѣловъ.	Валовая доходность съ земли.	Сумма оброковъ и налоговъ.	% обложения съ доходности.	Налоговъ на надѣлъ.	Общая сумма.	На каждый надѣлъ.
—	РУБЛН.	РУБЛН.	—	Р. К.	—	РУБ.	РУБ.	—	Р. К.	—	РУБЛН.	РУБЛН.	—	Р. К.	РУБЛН.	Р.
—	—	—	—	—	55	354	333	90%	6	—	—	—	—	—	304	21 55
158	1,483	909	61%	5 70	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5885	7 1/2
233	2,885	2,442	85%	9 —	74	756	408	53%	5 49	—	—	—	—	—	17672	17
33	342	190	55%	5 70	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12789	14
31	348	208	59%	6 50	141	1291	788	61%	5 59	82	731	261	35%	3 20	26421	25
41	517	262	50%	6 10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16723	20
107	1,560	865	55%	8 80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5863	10 1/2
5	66	28	44%	5 78	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24756	29
570	8,397	5,216	62%	9 15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17866	16
48	871	282	32%	5 90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18397	22
291	5,276	2,107	40%	7 22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2936	5
28	357	134	37%	4 80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7871	19
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38	Всѣхъ земл.	130	—	3 48	16433	27
7	97	43	44%	6 15	—	—	—	—	—	18	337	80	23%	4 40	1644	8
18	292	105	36%	5 85	—	—	—	—	—	3	54	10	18%	3 33	20847	29
991	13,253	6,780	50%	6 80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1979	2
76	1,755	517	30%	6 86	42	672	229	34%	5 46	64	1,437	192	13%	3 —	23184	32
50	718	290	40%	5 86	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5015	8 1/2
77	1,386	476	34%	6 20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2155	3 1/2
61	1,171	359	30%	5 90	—	—	—	—	—	19	477	56	12%	3 —	9100	11 1/2
15	414	97	24%	6 50	—	—	—	—	—	219	5,835	639	12%	3 15	9755	9
16	435	96	22	6 —	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23401	40
639	26,091	11,260	43%	6 86	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4183	2 1/2
986	23,364	15,068	53%	7 58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5851	3
531	96,000	47,700	50%	7 —	312	3070	1758	55%	5 50	443	8,800	1,428	16%	3 30	311000	15 р.

Если мы сложимъ у всего крестьянскаго населенія Бѣлозерскаго уѣзда цифры ихъ валовой доходности съ земли, то получимъ въ итогѣ: 317,000 рублей; а сумма цифръ лежащихъ на нихъ оброковъ и налоговъ, дастъ намъ въ итогѣ: 190,000 рублей. Такимъ образомъ, оброки и налоги составляютъ 59% съ валовой доходности, а въ такомъ случаѣ насъ не можетъ удивить и цифра недоимокъ на этомъ уѣздѣ, равняющаяся 15-ти рублямъ на каждый надѣлъ, что составитъ 311 тысячъ на весь уѣздъ; сверхъ того долги губернскому земству за ссуду хлѣбомъ — около 40,000 р., итого — 350,407 руб., т. - е. около 17 руб. на надѣлъ. Такимъ образомъ, законъ, предоставляющій крестьянамъ право отказываться отъ поземельнаго надѣла, является мертвой буквой. Какъ можетъ отказаться отъ надѣла Волоко-Хилецкая волость, когда она должна прежде всего заплатить болѣе 30,000 руб. недоимокъ; на эти недоимки насчитываются еще проценты! Всѣ общества и волости, для которыхъ надѣлъ сыпучимъ пескомъ и болотомъ — только одна безусловная тяжесть, — кругомъ опутаны недоимками, нѣтъ никакой возможности ихъ покрыть и онѣ тянутся, возрастая изъ года въ годъ. Крестьяне ходятъ за 30—40 вер. обрабатывать какой-нибудь клочекъ удобной земли, взятой въ аренду; они во время жнива и сѣнокосовъ ходятъ батраками по другимъ волостямъ.

Сосѣдніе землевладѣльцы продаютъ имъ свои хлѣба безъ малаго по полуторной цѣнѣ; на нихъ, какъ на бѣдныхъ Макаровъ, всѣ шинки валятся — и отдаленность отъ города, и худая земля, и большой оброкъ и черезъ-чуръ корыстолюбивые владѣльцы, которые непрерывно пилятъ посредниковъ о взысканіи недоимокъ, называютъ коммунистами своихъ крестьянъ, которыхъ обдѣлили землей и обобрали оброками за то, что тѣ не могутъ платить этихъ оброковъ; они сыплютъ жалобы министрамъ, губернаторамъ и крестьянскимъ присутствіямъ на бездѣтельность мировыхъ посредниковъ по взысканію, какъ они выражаются, ихъ кровныхъ денегъ.

Такимъ образомъ, во всей жизни уѣзда производится какос-то броженіе и борьба старыхъ отжившихъ интересовъ, и старыхъ правъ съ новыми требованіями новой жизни. Съ одной стороны, хотятъ брать по прежнему, а съ другой — пассивная инерція выработала пагубное для общества правило — *„неси лишний рубль съ кабака, не то съоберутъ за недоимки“*.

М. Проконьевъ.

Бѣлозерскъ.

6 мая 1872 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля, 1872.

Свиданіе членовъ большинства съ Тьеромъ. — Новый трактатъ съ Германією. — Новые палаты и бюджетъ. — Военный законъ. — Закрытіе германскаго сейма. — Законъ объ іезуитахъ. — Отношеніе къ нему партій. — Епископы Кремпцъ и Намчаповскій. — Новые заявленія папы. — Министерство Соррелли въ Испаніи. — Австрійскія дѣла. — Элебенскій вопросъ. — Ballot. — Новая программа тори.

Французская печать вообще имѣетъ обыкновеніе придавать большое значеніе такъ-называемымъ incidents, то-есть, отдѣльнымъ случаямъ, а всего чаще личнымъ заявленіямъ, которыя сами по себѣ не измѣняютъ дѣла, а только усиливаютъ или уменьшаютъ рѣзкость нѣкоторыхъ отношеній. Такъ въ прошломъ мѣсяцѣ, едва ли не главнымъ „событіемъ дня“ французская печать выставила свиданіе между президентомъ республики и представителями правой стороны собранія, которые приходили въ нему объясняться вообще относительно всего политическаго положенія. „Разрывъ между большинствомъ и президентомъ состоялся, война наконецъ объявлена“, такъ характеризовали исходъ этого свиданія. Но такъ какъ объясненіе это не было вызвано никакимъ крупнымъ фактомъ, который пмѣнялъ бы самое положеніе дѣлъ, то положеніе дѣлъ и послѣ объясненія осталось точно такое же, какимъ оно было до свиданія. Правда, правая сторона, неудовлетворенная результатами свиданія, быть можетъ теперь еще сильнѣе, чѣмъ прежде, желала бы устранить Тьера и посадить на его мѣсто герцога Омальскаго или кого-нибудь другого. Но желаніе, какъ бы сильно оно ни было, все-таки безсильно измѣнить положеніе дѣлъ, а положеніе дѣлъ таково, что большинство не въ состояніи устранить Тьера, потому что дѣла Франціи разстроены, значительная часть территорій ея еще занята иноземными войсками, надъ нею тяготѣетъ еще уплата 3-хъ миліардовъ франковъ контрибуціи, и различными партіи рѣшительно не имѣютъ предложить странѣ ничего такого, что могло бы увлечь ее къ измѣненію statu quo. Вдоба-

вокъ партіи не только враждуютъ между собою, но ни одна изъ нихъ даже еще и не рѣшила въ себѣ самой, когда ей слѣдуетъ открыто выступить передъ страной и требованіемъ переменъ. При такомъ положеніи дѣлъ, естественно, что запросы большинства, несмотря на „импонирующую обстановку“, какая была имъ придана, вовсе не затрудняли Тьера и не вынудили у него рѣшительно никакой уступки, хотя бы только на словахъ.

Свиданіе состоялось 20-го іюня (н. с.). Къ Тьеру явились представители правой стороны: герцогъ Ларошфуко и гг. Кердрель, Денейръ, Кюмонъ, и представители праваго центра: герцогъ Брольи, генераль Шангарнье, гг. Сен-Марк-Жиранденъ и Батби. Свиданіе продолжалось около двухъ часовъ. Депутаты не могли формулировать Тьеру никакой практической программы, а только сказали ему „нѣчто обо всемъ“. Они говорили о послѣднихъ трехъ выборахъ, въ которыхъ восторжествовали радикалы, указывали на опасность радикализма и требовали болѣе энергической политики въ консервативномъ духѣ; указывали Тьеру, что въ составѣ его администраціи, въ особенности въ числѣ префектовъ находятся люди ненадежные съ консервативной точки зрѣнія; говорили, что если Тьеръ намѣренъ опираться на лѣвую сторону, то консерваторамъ не останется иного исхода, какъ соединиться на выборахъ съ бонапартистами, лишь бы не допускать избранія радикаловъ, и что примѣръ такого союза консерваторовъ съ бонапартистами Тьеръ скоро увидитъ на выборахъ въ Бордо. Депутаты увѣряли, что они не желаютъ устраненія нынѣшняго правительства, желаютъ не борьбы съ нимъ, а соединенія, и что вообще ихъ цѣль не разжигать раздоры, а напротивъ примирять; что страна прежде всего желаетъ спокойствія и что они готовы помогать правительству въ охраненіи порядка, но хотѣли бы, чтобы правительство рѣшительнѣе дѣйствовало въ этомъ духѣ. Однимъ словомъ, весьма трудно формулировать, чего именно добивались представители большинства; если не держаться точно ихъ заявленій, то быть можетъ ихъ слѣдуетъ опредѣлить такъ: правая сторона требовала отъ Тьера такой политики, которая имѣла бы цѣлью возстановленіе монархіи, устраняя все, что могло бы служить къ упроченію республиканскихъ учрежденій, или выражать убѣжденіе правительства, что эти учрежденія должны быть окончательными учрежденіями для Франціи. Но такъ какъ правая сторона и правый центръ сами несогласны между собою на счетъ того, въ чью пользу монархія должна быть возстановлена, а также несогласны и относительно того, когда же слѣдовало бы приступить къ возстановленію монархіи и положить конецъ нынѣшнему „временному“ порядку вещей,—то они не могли требовать отъ Тьера ничего опредѣленнаго.

Тьеръ съ разу далъ имъ почувствовать это коренное ихъ безсиліе,

замѣтивъ, что консерваторы сами не всѣ согласны между собой и что онъ даже и въ числѣ пришедшихъ къ нему депутатовъ не видитъ представителей всѣхъ подраздѣленій правой стороны. Хотя на это одинъ изъ депутатовъ и возразилъ, что, напротивъ, всѣ эти фракціи согласны относительно вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, но замѣчательно, что это было сказано однимъ изъ представителей крайней правой стороны, то-есть именно той фракціи, которая со своимъ бѣлымъ знаменемъ менѣе всѣхъ можетъ представлять общее согласіе. Тьеръ высказалъ далѣе убѣжденіе, что нынѣшняя политика его достаточно консервативна, а что касается опасности отъ радикализма, то оно едва ли не преувеличено. При этомъ Тьеръ, не безъ умысла конечно, сослался на примѣръ другой страны, *тоже республики*, а именно Швейцаріи, въ которой радикаламъ иногда удавалось стать даже во главѣ правленія, а между тѣмъ республика не подверглась отъ этого никакимъ бѣдствиямъ и пережила такіе эпохи благополучно. На это собесѣдники Тьера, разумѣется, возразили, что это—другое дѣло, что это такъ въ Швейцаріи, но не во Франціи. Относительно усиленія консервативнаго элемента, Тьеръ высказалъ мысль, хотя и не новую—такъ какъ она не разъ проявлялась еще со времени знаменитаго аббата Сіеэса,—но тѣмъ не менѣе неожиданную въ настоящее время, а именно мысль объ учрежденіи верхней палаты, которая была бы представительницей преимущественно консервативнаго элемента. Членовъ этой палаты, по мнѣнію Тьера, могли бы избирать частью генеральные совѣты департаментовъ, а частью палата депутатовъ; консервативный же характеръ верхней палаты, по мнѣнію Тьера, былъ бы обезпеченъ тѣмъ, что члены ея не получали бы денежнаго вознагражденія.

Такъ какъ это пока еще не болѣе какъ мысль, высказанная президентомъ вскользь, то излишне было бы разбирать ее; но можно замѣтить, что въ такой странѣ, гдѣ единственнымъ обезпеченіемъ консервативнаго характера верхней палаты представляется одна сѣдешность должностей ея членовъ, едва ли такая палата можетъ имѣть значеніе. Тьеръ полагаетъ, что верхней палатѣ могло бы быть предоставлено право распускать палату депутатовъ, съ согласія президента, если выборы имѣли слишкомъ демагогическій характеръ. Но вѣдь въ окончательной конституціи и самому президенту вѣроятно будетъ присвоено право распускать народное собраніе; для чего же тутъ еще посредствующій органъ? Распущеніе палаты, избранной народомъ, тотчасъ послѣ выборовъ не имѣетъ никакого смысла; это значитъ апеллировать на народъ къ народу же. Другое дѣло, распускать собраніе по измѣнившимся обстоятельствамъ, когда можно думать, что составъ представительства уже не соотвѣтствуетъ измѣнившимся мнѣніямъ страны. Говорятъ, вполнѣдствіи, въ частныхъ разговорахъ

съ тѣми же депутатами, Тьеръ еще „наградилъ“ ихъ мнѣніемъ, что все-таки надо возвратиться въ Парижъ.

Какъ бы то ни было, депутаты большинства вынесли изъ свиданія съ президентомъ республики впечатлѣніе неблагопріятное, убѣдась, что онъ вовсе не расположенъ къ уступкамъ. Полагаютъ, что за симъ правая сторона уже не будетъ поддерживать Тьера въ крайнихъ случаяхъ и не будетъ больше пугаться его угрозъ выйти въ отставку, а припасетъ себѣ заранѣе такого кандидата, которымъ можно будетъ замѣнить его, то-есть, конечно, герцога Омальскаго. Но тутъ-то сейчасъ и проявляется безсиліе большинства; пока оно будетъ придираться къ Тьеру—оно можетъ оставаться большинствомъ. Полагаютъ, что такое придирчивое большинство будетъ представляться теперь числомъ около 350-ти членовъ правой стороны. Но вѣдь это въ сущности и до сихъ поръ такъ было: большинство еще съ прошлаго года относилось къ Тьеру, какъ *majorité taquine*. Но какъ только зайдетъ рѣчь о приготовленіи Тьеру преемника, такъ большинства и не будетъ въ пользу ни одного изъ кандидатовъ, потому что легитимисты предпочитаютъ самого Тьера герцогу Омальскому. А пока нѣкъмъ будетъ замѣнить Тьера, нельзя будетъ смѣстить его, и самая угроза его подать въ отставку всегда возымѣетъ свое дѣйствіе, чему новый примѣръ былъ представленъ и прошлымъ мѣсяцемъ, когда Тьеръ, при обсужденіи военнаго закона, настаивая на пятилѣтнемъ срокѣ дѣйствительной службы, объявилъ, въ виду предложенія о сохраненіи этого срока на годъ, что если это предложеніе пройдетъ, онъ подастъ въ отставку.

Да уже однихъ переговоровъ съ Германіею объ очищеніи части территоріи до уплаты полной суммы контрибуціи, происходящихъ въ настоящее время, достаточно, чтобы обезпечить положеніе Тьера противъ всякихъ парламентскихъ колебаній еще года на два. Поэтому можно полагать, что единственнымъ реальнымъ послѣдствіемъ свиданія и—если угодно—между правой стороной и Тьеромъ, такъ и останется выходъ въ отставку принадлежащаго къ правой сторонѣ министра публичныхъ работъ Ларси. Правая сторона, говорятъ, склоняла еще двухъ министровъ, именно—Гуляра (финансовъ) и Тессерень-де-Бора (торговли), тоже выйти изъ кабинета. Но извѣстно, что они остались на своихъ мѣстахъ.

Въ ожиданіи результата переговоровъ съ Германіею, Тьеръ дѣлаетъ уже приготовленія къ дальнѣйшимъ взносамъ контрибуціи. Требуется новый заемъ, и фирма Ротшильдъ уже предложила французскому правительству слѣдующую комбинацію; правительство выдастъ Германіи своихъ процентныхъ бумагъ на 3 миллиарда франковъ; европейскій синдикатъ банкировъ гарантируетъ эти бумаги, а Германія обязется продавать ихъ ежегодно не болѣе, чѣмъ на 300 милл. франковъ, для

того, чтобы курсъ ихъ не слишкомъ упалъ. Но должно думать, что эта комбинація совершенно устранена послѣ того, какъ князь Бисмаркъ въ нотѣ къ французскому правительству объявилъ, что Германія не требуетъ гарантіи банкировъ, пока г. Тьеръ остается президентомъ и что имѣя въ виду его примирительную политику, она оогласна на постепенное очищеніе частей французской территоріи и до окончательной уплаты всей суммы контрибуціи. На бывшемъ, затѣмъ, совѣщаніи парижскихъ банкировъ у Тьера, вопросъ о томъ, раздѣлять ли заемъ на два выпуска или выпустить всѣ облигаціи одновременно, рѣшенъ былъ въ смыслѣ одновременнаго выпуска, а вопросъ о томъ, какимъ способомъ реализовать заемъ, то-есть посредствомъ ли синдиката банкировъ или просто открытіемъ публичной подписки, въ этомъ совѣщаніи разрѣшенъ не былъ, но по послѣднимъ извѣстіямъ, Тьеръ признаетъ за лучшее второй способъ; полумиллиардъ франковъ для первой уплаты по контрибуціи уже и теперь находится въ рукахъ правительства. По смыслу франкфуртскаго трактата 10 мая 1871 г., остальные, три миллиарда должны быть уплачены ко 2-му мая 1874 г., и только затѣмъ французская территорія очищается нѣмецкими войсками. Теперь французское правительство сдѣлало предложеніе въ томъ смыслѣ, чтобы департаменты Марны и Верхней-Марны были очищены тотчасъ по уплатѣ полумиллиарда, то-есть чрезъ два или три мѣсяца, департаменты арденскій и вогезскій по уплатѣ полнаго миллиарда въ мартѣ или апрѣлѣ 1873 года, и затѣмъ, чтобы остальные два департамента были очищены нѣмецкими войсками и раньше срока 2 мая 1874 года, если вся сумма контрибуціи будетъ уплачена ранѣе этого срока, немедленно по окончаніи уплаты. Переговоры съ Германіею на этомъ основаніи окончились успѣшно, и въ засѣданіи 1 іюля, министръ иностранныхъ дѣлъ представилъ собранію заключенный съ Германіею трактатъ. Главныя постановленія трактата слѣдующія: 500 милл. уплачиваются Германіи вскорѣ по ратификаціи трактата, другіе 500 милл. 1 февраля 1873 года; слѣдующій (четвертый) миллиардъ — 1 марта 1874 года, и послѣдній миллиардъ 1 марта 1875 года, съ тѣмъ, что Франція имѣетъ право производить эти уплаты и раньше сроковъ. Чрезъ двѣ недѣли по уплатѣ первыхъ 500 милл. нѣмецкія войска очищаютъ департаменты Марны и Верхней Марны; чрезъ двѣ недѣли по уплатѣ слѣдующихъ 500 милл. очищается еще два департамента, окончательное же очищеніе территоріи послѣдуетъ послѣ уплаты всей контрибуціи; но Франція, уплативъ третій миллиардъ, имѣетъ право представить финансовыя гарантіи взаимнѣ территориальныхъ. Департаменты, очищенные нѣмецкими войсками, будутъ считаться нейтральной территоріею, до окончательнаго выступленія нѣмецкихъ войскъ изъ Франціи.

Положеніе Тьера, во всѣхъ отношеніяхъ, достаточно прочно для

совершенія того, во всякомъ случаѣ великаго дѣла, которое выпало ему на долю, то-есть для освобожденія страны отъ непріятельскаго занятія, для уплаты контрибуціи, приведенія въ равновѣсіе бюджета, несмотря на страшныя пожертвованія, возстановленія арміи и всѣхъ военныхъ средствъ, то-есть складовъ и укрѣпленій. И всѣмъ этимъ президентъ, какъ мы видимъ, занимается съ необыкновенной энергіей и практичностью, такъ что уваженіе къ нему въ странѣ сильно возрастаетъ. Пока Тьеръ живъ, государственный переворотъ невозможенъ, такъ какъ нѣтъ чловѣка въ странѣ, который имѣлъ бы болѣе авторитета, чѣмъ онъ, а шансы бонапартистовъ, несмотря на ловкость ихъ вождя въ палатѣ, г. Руз, значительно уменьшаются тѣмъ обстоятельствомъ, что умственные силы самого чпслгорстскаго изгнанника, какъ сообщаютъ за достовѣрное, рѣшительно клонятся къ упадку.

Но сверхъ той роли, которая принадлежитъ Тьеру, какъ возстановителю государственнаго хозяйства, онъ, къ сожалѣнію, принимается нерѣдко и за такія дѣла, которыя предрѣшаютъ будущее устройство страны, и въ такихъ дѣлахъ, вмѣсто того, чтобы предоставить полную волю специалистамъ, онъ стѣсняетъ ихъ своимъ личнымъ мнѣніемъ, навязываетъ свои личныя мнѣнія даже собранію, и вообще ведетъ себя не какъ скромный временный правитель, а какъ какой-то основатель династіи, желающій, чтобы и по смерти его страна управлялась тѣми принципами, которые установитъ онъ. Такъ было въ вопросѣ о торговыхъ трактатахъ и въ налогѣ на сырые продукты, такъ недавно было и въ вопросѣ о преобразованіи арміи. Первая рѣчь, произнесенная Тьеромъ во время преній объ этомъ законѣ, была въ высшей степени вредная, не только по цѣли своей, которой было установленіе долговременнаго срока службы, но и по тѣмъ соображеніямъ, какими онъ отстаивалъ эту цѣль. При этомъ случаѣ онъ изложилъ свой взглядъ на причины претерпѣннаго Франціею пораженія. Изъ этого взгляда оказывается, что все было прекрасно, кромѣ людей, стоявшихъ во главѣ всего; что не прусская военная система одержала верхъ надъ французскою, не прусская артиллерія, не высшее образованіе въ народной массѣ, а просто сообразительность германскихъ вождей. Военный законъ 1832-го года превосходенъ и совершенно достаточенъ; образованіе, вооруженіе и духъ арміи не оставляли желать ничего лучшаго, но армію погубили рядомъ ошибокъ. Однимъ словомъ, не Германія одолѣла Францію, а только „прусское правительство побѣдило французское правительство.“ Въ Пруссіи былъ твердый и мудрый государь, окруженный такимъ людьми какъ Бисмаркъ, Мольтке, Роонъ, а во Франціи— „вы знаете чтó было у насъ?“ Отсюда, хотя Тьеръ *этого* и не договаривалъ, но само собою истекаетъ, что Франціи не отчего исправляться, и нечего въ сущности исправлять; стоило только переимѣнить правительство, и въ настоящее время, когда глава правительства такой

которое было извѣстно Тьеру изъ исторіи, а маршалу Сульту потому, что онъ въ немъ былъ раненъ.

Однимъ словомъ, Тьеръ настоялъ на 5-ти лѣтнемъ срокѣ. Несмотря на рѣчь генерала Трошю въ пользу трехлѣтняго срока, принятую собраніемъ съ большимъ одобреніемъ, срокъ этотъ былъ отвергнутъ, и въ засѣданіяхъ 6—11 іюня этотъ основной вопросъ новаго устройства арміи окончательно рѣшенъ былъ установленіемъ 5-ти лѣтняго срока. Одну минуту казалось весьма вѣроятнымъ, что собраніе остановится на четырехлѣтнемъ срокѣ. Именно когда трехлѣтній срокъ уже былъ отвергнутъ, то генераль Шартонъ указалъ, что проектъ закона, опредѣляя срокъ пребыванія подъ знаменами въ 5 лѣтъ и вмѣстѣ допуская сокращеніе его для извѣстныхъ категорій до 6-ти мѣсяцевъ всего, представляетъ, во-первыхъ, несообразность, а во-вторыхъ, отверываетъ доступъ вредному началу замѣстительства, и потому предложилъ сблизить maximum и minimum срока такъ, чтобы они представлялись періодами въ 4 года и въ 12 мѣсяцевъ,—то собраніе едва не приняло этого измѣненія. Въ самой комиссіи военнаго преобразованія, предложеніе Шартона привлекло на свою сторону почти половину членовъ, а именно 16, противъ 17. Но тутъ-то Тьеръ, увидя опасность, и сыгралъ послѣднюю свою карту—предъявивъ угрозу выйти въ отставку. Безъ этой угрозы, можно сказать почти навѣрное, собраніе приняло бы предложеніе Шартона, такъ сильно подѣйствовали на него рѣчи сперва самого автора предложенія, который опровергнулъ рѣчь Тьера, доказавъ, что въ дѣйствительности именно прусская *система* побѣдила французскую, потомъ рѣчи генерала Гилльмó и депутата Келлера. Но передъ угрозою Тьера собраніе отступило и отвергло предложеніе Шартона всѣми наличными голосами противъ 59. Такимъ образомъ, введеніе 5-тилѣтняго срока во французскую армію ложится прямо на отвѣтственность Тьера. Противъ него, несмотря на угрозу, подали голоса только крайняя правая сторона и бонапартисты. Лѣвая же сторона отказалась отъ подачи голосовъ, какъ объяснилъ Гамбетта, потому что, не желая вотировать противъ своего убѣжденія, она, въ виду постановки вопроса о самомъ существованіи правительства, не имѣла иного выхода, какъ воздержаться отъ подачи голоса при такомъ внезапномъ появленіи вопроса политическаго, взаимнѣнъ вопроса военнаго. Къ основаніямъ закона о воинской повинности мы сейчасъ еще вернемся.

Но всѣ фракціи собранія были сильно раздражены такимъ насиліемъ со стороны Тьера, и оно вѣроятно послужило одною изъ причинъ къ тому свиданію членовъ правой стороны съ Тьеромъ, о которомъ говорено выше. Вся печать, за исключеніемъ органовъ Тьера, осуждала его за этотъ шагъ. Только оптимисты утѣшали себя тѣмъ соображеніемъ, что Тьеръ, бросивъ своего „kozyря“ въ дебать по военному вопросу, уже не будетъ имѣть возможности сдѣлать то же самое при обсуж-

деніи бюджета, то-есть уже не будетъ въ состояніи настаивать на принятіи налога на сырые продукты и на безусловномъ устраненіи налога на доходы подъ тою же угрозою выйти въ отставку, какъ онъ то уже однажды сдѣлалъ въ январѣ нынѣшняго года. И въ самомъ дѣлѣ, это предвидѣніе оптимистовъ начинаетъ сбываться. Тьеръ не настаивалъ нынѣ противъ предложенія о налогѣ, между тѣмъ, какъ въ концѣ прошлаго года онъ провозглашалъ, что никогда не согласится на этотъ налогъ безпорядка. Впрочемъ, надо замѣтить, что предполагаемый нынѣ налогъ есть, собственно говоря, не на доходъ, который вновь временно предлагался депутатомъ Бюффе, но не былъ принятъ, — а на капиталъ, что представляетъ нѣкоторое различіе. Налогъ на доходъ можетъ быть прямой, то-есть исчисляемый по таксаціи личнаго дохода, или же косвенный, въ видѣ штемпельной пошлины съ бумажныхъ цѣнностей и закладныхъ листовъ (ипотечныхъ ссудъ). Въ послѣднемъ случаѣ налогъ на доходъ есть собственно только налогъ на капиталъ, такъ какъ доходы въ видѣ личныхъ заработковъ, пенсій, жалованья ему не подвергаются. Въ этомъ именно смыслѣ онъ и принимается теперь во Франціи и, судя по извѣстіямъ, какія мы имѣемъ въ настоящую минуту, будетъ введенъ во Франціи, такъ какъ президентъ республики отказался говорить противъ него и собраніе уже утвердило главныя статьи его.

Необходимо хотъ въ нѣсколькихъ словахъ упомянуть о цифрахъ бюджета Франціи 1873-го года. Бюджетъ представленъ собранію уже шесть недѣль ранѣе нынѣшняго обсужденія его. Но пока онъ разсматривался бюджетною комиссіею, правительство существенно измѣнило его. Первоначально дефицитъ опредѣлялся въ 102 милл. фр., теперь же онъ вдругъ и для всѣхъ неожиданно опредѣлился въ 200 милл. фр. Произошло это главнымъ образомъ отъ занесенія суммы примѣрно въ 45 милл. франковъ на предполагаемый заемъ 3-хъ миллиардовъ. По этимъ 3-мъ миллиардамъ Франція, конечно, и теперь платила Германіи 5%. Но заемъ можетъ быть совершенъ (со всѣми расходами) не иначе какъ по 6½%; вотъ это и объясняетъ необходимость лишнихъ 45-ти милл. по государственному долгу въ бюджетѣ 1873-го года. И при этомъ условіи все-таки выгодно уплатить 3 миллиарда скорѣе, такъ какъ съ ускореніемъ ихъ уплаты уменьшается число нѣмецкихъ войскъ и расходъ по ихъ содержанію.

Кромѣ этихъ лишнихъ 45-ти милл. по государственному долгу, требовалось въ бюджетѣ еще увеличеніе для военнаго министерства въ 12 милл. Дефицитъ въ 200 милл. предполагено покрыть новыми налогами. Тьеръ все еще не отказался отъ налога на сырые продукты и для осуществленія его придумалъ нынѣ хитрую уловку: онъ предложилъ собранію налоги весьма непопулярные, а именно: установленіе 15-ти дополнительныхъ сантимовъ на прямыя подати, и 10 сантимовъ на

соляную подать, съ тѣмъ, что если не захотятъ утвердить этихъ налоговъ, которые въ общей сложности дадутъ примѣрно 80 милл. фр., то предлагается налогъ на сырые продукты, могущій дать современнымъ 93 милл. фр., но изъ этой суммы, въ настоящее время, поступаетъ только 40 милл.

Вдаться въ болѣе подробные расчеты относительно способа покрытія дефицита тѣмъ или другимъ налогомъ было бы излишне, такъ какъ въ выходу этой статьи въ печати положеніе будетъ измѣнено выборомъ между тѣмъ или другимъ видомъ налога. Въ числѣ предложенныхъ нынѣ налоговъ заключается штрафъ за утайку выдѣлки алкоголя. Этотъ штрафъ, какъ полагаетъ „Journal des Débats“, можетъ дать до 40 милл. фр. Любопытенъ еще налогъ на фортепiano — предложенный членомъ лѣваго центра, г. Дессейлиниъ, съ предположеніемъ выручки отъ него въ 11 милл. фр. Общая цифра расхода и предположенного дохода 1873-го года, составляетъ теперь почти 2½ миллиарда франковъ (2 468 милл.). Заемъ же 3-хъ миллиардовъ, разумѣется, будетъ самъ по себѣ; въ бюджетъ входитъ только сумма на уплату по нему годовыхъ процентовъ и погашенія.

Главныя основанія новаго закона о воинской повинности во Франціи заключаются въ слѣдующемъ: всякъ служить отъ 20 до 40-лѣтняго возраста. Нѣтъ никакихъ премій за вступленіе въ службу, порядокъ призыва опредѣляется посредствомъ жребія, служба продолжается пять лѣтъ въ дѣйствующихъ войскахъ, четыре года въ резервѣ дѣйствующихъ войскъ и шесть лѣтъ въ резервѣ мѣстныхъ войскъ. Исключеній допущено довольно много, и изъ нихъ всѣ—кромѣ охраненія единственнаго работника въ семьѣ—сдѣланы въ пользу образованія, то-есть такъ, что исключаются ученики политехническаго и лѣсного училищъ, преподаватели вообще школъ государственныхъ и частныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ съ условіемъ прослужить въ этомъ званіи 10 лѣтъ, воспитанники парижской нормальной школы, училища восточныхъ языковъ и школы хартій, съ тѣмъ же условіемъ прослужить въ избранныхъ ими карьерахъ 10 лѣтъ; неисполнившіе же послѣдняго условія призываются къ вынужденію жребія тотчасъ послѣ оставленія ими избранной карьеры. Исключение предоставляется и артистамъ, получившимъ высшія преміи, съ условіемъ окончанія курса въ римской школѣ. Волонтеры принимаются въ армію на пятилѣтній срокъ, а уже выслужившіе свой срокъ принимаются вновь на службу и просто на время войны. Прусское учрежденіе годовичныхъ волонтеровъ, содержащихся на свой счетъ, существующее въ пользу молодыхъ людей, окончившихъ курсы высшихъ или среднихъ училищъ, также усвоено новымъ французскимъ закономъ. Поступленіе въ армію на этомъ правѣ называется въ этомъ законѣ, *engagement volontaire conditionnel d'un an*. Оно допускается для всѣхъ имѣющихъ аттестаты окончанія средняго курса, то-есть сюда подхо-

дять и bacheliers ès lettres и bacheliers ès sciences. Необходимо, чтобы и у насъ военная реформа не уклонилась въ этомъ отношеніи отъ примѣровъ поданныхъ Германіею и Франціею, то-есть, чтобы для воспитанниковъ реальныхъ училищъ было допущено это право наравнѣ съ воспитанниками классическихъ гимназій. Французскій законъ даруетъ это право не только bacheliers ès sciences, но и воспитанникамъ центральной технической школы (école centrale des arts et manufactures) и прочихъ техническихъ школъ (écoles nationales des arts et métiers), школъ изящныхъ искусствъ и музыкальной консерваторіи, и притомъ не только лицамъ окончившимъ курсы всѣхъ этихъ школъ, но хотя бы только выдержавшимъ вступительный въ нихъ экзаменъ (déclarés admissibles); затѣмъ то же право предоставляется и воспитанникамъ ветеринарныхъ, земледѣльческихъ школъ и приходящимъ ученикамъ (т.-е. не державшимъ вступительнаго экзамена): горнаго училища, училища гражданскихъ инженеровъ, морскихъ инженеровъ, представившимъ свидѣтельство объ окончаніи средняго курса. Допускаемое ежегодно число одностѣнныхъ волонтеровъ опредѣляется военнымъ министромъ. Всѣ ученики, имѣющіе такое право, должны, если желаютъ имъ воспользоваться, принять на себя такое обязательство до вынутаго жребія, но если при этомъ желаютъ продолжать курсъ, то получаютъ отсрочку до полного 24-лѣтняго возраста, и въ такомъ случаѣ обязательство свое исполняютъ по достиженіи этого возраста. Поставка вмѣсто себя охотника не допускается и обмѣнъ нумерами, вынутыми при жребіи, разрѣшается только между родными братьями.

Таковы новыя основанія воинской повинности во Франціи. Въ общности все устройство арміи во Франціи будетъ очевидно слабѣе прусскаго. Во-первыхъ, французская армія при новомъ устройствѣ распадается на войска полевыхъ, въ которыхъ люди распределяются однообразно по всей территоріи страны, и на войска мѣстныхъ, въ которыя призываются люди, прослужившіе свой срокъ, уже по провинціямъ. Во-вторыхъ, общій срокъ службы въ полевыхъ войскахъ (то-есть въ дѣйствующихъ и въ ихъ резервѣ) во Франціи составитъ 9 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ Пруссіи онъ составляетъ 12 лѣтъ; иными словами, Пруссія мобилизируетъ въ случаѣ войны 12 возрастовъ (Altersclassen, classes), а Франція будетъ мобилизовать только 9. Тьеръ утѣшалъ собраніе тѣмъ, что Франція впредь и не должна начинать войны безъ союзниковъ.

Военный законъ прошелъ въ собраніи въ томъ видѣ, какъ мы его изложили, и составилъ вообще большую тягость, которую страна сильно почувствуетъ. Замѣчательно, что во Франціи эти, заимствованныя изъ прусскаго устройства условія встрѣчаютъ нерасположеніе не только въ достаточныхъ классахъ, которымъ, разумѣется, тяжело подчиняться личной службѣ, отъ которой они до сихъ поръ откупались, но

и въ массѣ народа, доселѣ отбывавшаго рекрутство. Мнѣніе, что война популярнѣе во Франціи, чѣмъ гдѣ-либо, быть можетъ и справедливо, но только въ томъ смыслѣ, что французскіе солдаты уже служащіе желаютъ войны, да пожалуй еще городскіе рабочіе во время войны легко идутъ волонтерами. Но сама солдатская служба, какъ и вообще дисциплина и стѣсненіе, кажется французамъ тяжеле, чѣмъ инымъ народамъ. Доселѣ французскій крестьянинъ и рабочій, вынужденный „негодный жребій“ (mauvais pigeon) утѣшалъ себя тѣмъ, что отслуживъ 7 лѣтъ онъ навсегда будетъ изъятъ отъ службы, а теперь окажется, что службѣ онъ можетъ подлежать 20 лѣтъ, а 9 лѣтъ будетъ числиться въ полевыхъ войскахъ, то-есть при всякой мобилизаціи долженъ будетъ бросать свой домъ и занятія. Пребываніе подъ знаменами сокращено на 2 года (5 вмѣсто 7), но зато 2-мя же годами продолженъ срокъ службы въ полевыхъ войскахъ (9 вмѣсто 7), а это по-кажется массѣ населенія весьма тяжелымъ.

Сессія германскаго сейма была закрыта 19 іюня тронной рѣчью, которую прочелъ президентъ имперской канцеляріи Дельбрюкъ; въ самой тронной рѣчи не было ничего примѣчательнаго. Въ эту, вторую свою сессію имперскій сеймъ обсудилъ и принялъ бюджетъ и нѣсколько важныхъ проектовъ законовъ, между которыми особенно выдаются: новое общее военно-уголовное положеніе, законъ о распредѣленіи и употребленіи суммъ контрибуціи съ Франціи, резолюція объ установленіи обязательности гражданскаго брзка, независимо отъ духовнаго, и передачѣ въ гражданское вѣдомство веденіе метрическихъ книгъ, и законъ противъ іезуитовъ. Князь Бисмаркъ еще до окончанія сессіи уѣхалъ въ свое имѣніе Варцинъ, какъ говорятъ, на полгода, а императоръ Вильгельмъ 24 іюля уѣхалъ на воды въ Эмсъ. Къ осени въ Берлинѣ ожидаютъ пріѣзда на маневры императора австрійскаго. Пребываніе въ Берлинѣ наслѣдника итальянскаго престола, хотя оно и было вызвано только крестинами, послужило свидѣтельствомъ дружественныхъ отношеній между дворами германскимъ и итальянскимъ и вмѣстѣ подало поводъ къ догадкамъ, что оба правительства условились между собою насчетъ нѣкоторыхъ мѣръ на случай смерти папы, съ цѣлью предотвратить подчиненіе вонклава исключительному вліянію іезуитовъ.

Такъ какъ главный политическій фактъ въ Германіи въ настоящее время есть борьба съ католическимъ клерикализмомъ, то мы должны рассмотретьъ ближе законъ противъ іезуитовъ.

Проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ союзнымъ совѣтомъ, уже извѣстенъ нашимъ читателямъ, но мы напомнимъ о немъ для сравненія съ послѣдовавшимъ измѣненіемъ его на сеймѣ. По проекту союзаго совѣта предоставлялось полиціи въ государствахъ

союза воспрещать іезуитамъ и членамъ другихъ духовныхъ корпорацій, имѣющихъ сходство съ этимъ орденомъ (здѣсь разумѣются такъ-называемые редemptористы и братья христіанской доктрины) пребываніе въ какой-либо мѣстности, входящей въ территорію союза, даже и въ такомъ случаѣ, если эти лица имѣютъ германское гражданство. При обсужденіи этого проекта еще въ союзномъ совѣтѣ, противъ него подалъ голосъ только Ольденбургъ, но Баденъ объявилъ, что ожидаетъ мало практической пользы отъ такого неполнаго, неокончательнаго разрѣшенія вопроса объ іезуитахъ. Неполнымъ проектъ показался и большинству имперскаго сейма, которое сочувствовало ему въ принципѣ. Членами разныхъ партій большинства, такъ-называемой „германской имперской (deutsche Reichspartei), „національно-либеральной“, „либерально-имперской“ и консервативной, а именно, гг. Кардорфомъ, княземъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстомъ и Гелльдоромъ предложена была иная редакція закона объ іезуитахъ, значительно измѣнившая не смыслъ его, но его примѣненіе. Законъ и былъ принятъ сеймомъ въ этомъ измѣненномъ видѣ, и потому мы выпишемъ новый текстъ его: „1) Орденъ общества Іисуса и сродные ему (verwandten) ордена и конгрегаціи, имѣющія видъ орденовъ, *исключаются* изъ территоріи германской имперіи. Учрежденіе его обитателей (Niederlassungen) воспрещается. Существующіе обитатели должны быть распущены въ срокъ, какой будетъ опредѣленъ союзнымъ совѣтомъ, но не позже шести мѣсяцевъ (со времени изданія закона). 2) Лица, принадлежащіе къ ордену общества Іисуса и сроднымъ ему орденамъ и конгрегаціямъ, могутъ быть, если они иностранцы, высылаемы изъ предѣловъ имперіи, а если они туземцы (Inländer), имъ можетъ быть воспрещаемо или предписываемо пребываніе въ опредѣленныхъ округахъ или мѣстахъ. 3) Распоряженія по исполненію и примѣненію этого закона предоставляются союзному совѣту“.

Ясно, что законъ, въ новомъ его видѣ, представляетъ мѣру гораздо сильнѣйшую, чѣмъ была предположенная союзнымъ совѣтомъ. Онъ устанавливаетъ въ принципѣ окончательное уничтоженіе іезуитскихъ заведеній и предоставляетъ распоряженія относительно изгнанія іезуитовъ непосредственно союзному совѣту. Въ этомъ видѣ законъ былъ принятъ на сеймѣ большинствомъ 183 голосовъ противъ 101, и союзный совѣтъ 25-го іюня одобрилъ его въ этомъ видѣ.

Если признать, что іезуиты и въ наше время способны, въ странѣ, гдѣ высшая власть находится внѣ католическихъ вліяній, быть такъ опасны государству, что стоить въ отношеніи къ нимъ отступать отъ общаго принципа неприкосновенности личности гражданъ, ограниченной однимъ только судомъ, то нельзя не найти, что нынѣшняя редакція закона противъ іезуитовъ лучше прежней. Хотя и въ этомъ видѣ законъ не разрѣшаетъ общаго вопроса о духовныхъ католи-

ческихъ конгрегаціяхъ и потому считается провизорнымъ (ein Nothgesetz), но онъ все-таки, по крайней мѣрѣ относительно іезуитовъ, рѣшается вопросъ окончательно. Сверхъ того, предоставляя распоряженія объ изгнаніи іезуитовъ усмотрѣнію союзнаго совѣта, а не полиціи (хотя это на практикѣ и не представляетъ большого различія, такъ какъ и прежній проектъ предполагалъ, что полиціи будутъ даны инструкціи, опредѣленные союзнымъ совѣтомъ), онъ имѣетъ видъ болѣе приличный.

Пренія по закону объ іезуитахъ на сеймѣ были очень интересны, по временамъ даже блестящи, что въ германскомъ сеймѣ встрѣчается не часто, такъ какъ политическое краснорѣчіе еще не выработалось въ Германіи окончательно, какъ въ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, и парламентскія рѣчи очень часто имѣютъ слогъ и характеръ административныхъ бумагъ, уже и потому, что дѣловитость требуется прежде всего, такъ какъ германскіе депутаты слушаютъ ораторовъ внимательно, чѣмъ депутаты французскіе, и потому нѣтъ необходимости прибѣгать къ прикрасамъ или особой рельефности выраженій для привлеченія вниманія. Но за то большинство въ германскомъ сеймѣ имѣетъ дурную привычку непрерывно смѣяться. Когда говоритъ ораторъ ему пріятный, въ особенности князь Бисмаркъ, то малѣйшія иптенціи его въ юмористическомъ смыслѣ вызываютъ неумоляющіе взрывы одобрительнаго смѣха. Когда же говоритъ ораторъ оппозиціи, то большинство старается опровергнуть его безпрестаннымъ смѣхомъ, отвѣчая хохотомъ иногда на самые дѣльные его аргументы. Читая въ отчетѣ о преніяхъ имперскаго сейма почти за каждымъ десятымъ строкамъ: Heiterkeit, grosse Heiterkeit, anhaltende Heiterkeit, Gelächter, stürmische Heiterkeit—можно забыть, что нѣмцы такой серьезный народъ. Правда, въ нѣкоторыхъ рѣчахъ католическихъ депутатовъ были дѣйствительно смѣшныя мѣста, именно тѣ, которыя были посвящены защитѣ такихъ вещей, какъ безошибочность папы и силлабуса. Католическіе депутаты говорили иногда глупости. Положимъ, нельзя было не смѣяться, когда депутатъ Кесселеръ въ защиту іезуитовъ сослался на мнѣніе о нихъ—своего портного (sic), или когда депутатъ Рейхеншпергеръ, защищая силлабусъ, сказалъ, что протестанты его не понимаютъ потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ написалъ довольно-испонатнымъ слогомъ. Но протестантское большинство иногда, къ сожалѣнію, забывало, что именно по вопросу, касавшемуся иного исповѣданія ему, въ интересахъ умственнаго единенія Германіи, слѣдовало относиться съ особенной сдержанностью. Такъ берлинскій депутатъ Виндгорстъ, однофамилецъ одного изъ вождей католической партіи, прямо называлъ догматъ о папской непогрѣшимости „сѣумасшедшимъ“ (tolles); такъ, когда Кесселеръ сослался на евангеліе, ему отвѣчало Heiterkeit большинства. Такъ Гнейстъ ста-

вилъ вопросъ прямо въ смыслѣ борьбы протестантизма съ католичествомъ, когда ссылаясь на Лютера, и говорилъ, что „виттенбергскій монахъ еще живетъ въ духѣ германскаго народа“. Такимъ образомъ дѣло припимало такой смыслъ, какъ будто имперскій сеймъ имѣетъ цѣлью осудить католичество и утвердить протестантизмъ, какъ будто берлинскій сеймъ есть нѣчто въ родѣ знаменитаго сейма въ Вормсѣ, который осудилъ Лютера, и теперь имѣетъ намѣреніе исправить дѣло своего предшественника.

Само собою разумѣется, что католическіе клерикалы воспользовались и самымъ проектомъ закона и нѣкоторой необузданностью протестантскихъ ораторовъ, для утвержденія, что дѣло идетъ именно о борьбѣ, объявленной протестантскимъ императоромъ и протестантскимъ большинствомъ сейма католичеству. Клерикалъ Виндгорстъ (изъ Меппена) сказалъ: „Вы объявляете войну католикамъ; вы будете имѣть ее“. Рейхеншпергеръ повторилъ эту фразу. Виндгорстъ сказалъ, что протестанты хотятъ сдѣлать изъ германскаго единства „протестантскую имперію, съ протестантскимъ императоромъ, и съ цѣлью доставить протестантству торжество надъ католичествомъ“; что, стало быть, протестанты дѣйствуютъ противъ своихъ противниковъ сами именно смѣшеніемъ политикъ съ вѣрою, въ чемъ обвиняютъ католиковъ. Другой клерикальный депутатъ Маллинкродтъ напоминалъ національнымъ либераламъ, безусловно поддерживающимъ нынѣ канцлера, что „союзы съ княземъ Бисмаркомъ непрочно“. Когда-то онъ отзывался о самихъ іезуитахъ не неблагопріятно. Когда-то онъ вступилъ въ Голштинію рука объ руку съ Австріею, и кто знаетъ до какой степени были интимны его отношенія въ Біаррицѣ къ Наполеону III. „Онъ искалъ согласія даже съ кардиналомъ Антонелли... Можете ли вы быть увѣрены, что его нынѣшняя дружба съ лѣвою стороною представляетъ неразрывный бракъ?“ (Heiterkeit). Приведемъ еще два рельефныхъ выраженія Рейхеншпергера: „Этотъ законъ есть нравственное банкротство либерализма“... „Я всегда былъ почитатель германскаго зодчества, но если вы примете этотъ законъ и еще нѣсколько подобныхъ, то я предложу вамъ для зданія сейма уже не готическій, а лучше византійскій или наполеоновскій стиль“.

Положеніе ораторовъ большинства въ этомъ дебатѣ вообще было менѣе выгодно, чѣмъ ораторовъ католической оппозиціи, которые въ настоящемъ случаѣ все-таки защищали принципъ свободы, хотя и въ пользу такихъ заклятыхъ враговъ свободы, какъ іезуиты. Большая часть ораторовъ становилась на ту точку зрѣнія, что борьба съ католическимъ клерикализмомъ и съ самыми дѣйтельными агентами его — іезуитами, есть борьба международная, и что такъ какъ вести эту войну выпало на долю германской имперіи, то и должно вести ее со всевозможной энергіей и кончить ее такъ же успѣшно, какъ

она кончила войну съ Франціею. Одинъ изъ ораторовъ большинства привелъ еще вѣскій фактъ свойства гражданскаго. Это былъ именно депутатъ Дове, изъ Гёттингена. Оно сообщилъ, что всего годъ тому назадъ одинъ монахъ въ Падерборнѣ былъ осужденъ своимъ духовнымъ начальствомъ къ заключенію въ указанный монастырь, срокомъ не менѣе чѣмъ на годъ, причемъ ему вмѣнено было въ обязанность поститься не менѣе 180-ти дней въ теченіе этого года. Этимъ фактомъ Дове коснулся такой стороны вопроса, какой не касался еще никто изъ представителей большинства, а именно указалъ на несомнѣнную истину, что въ средѣ католическихъ духовныхъ корпорацій личность ничѣмъ уже не ограждена отъ произвола начальства. Такимъ образомъ, принципъ неприкосновенности личности, которымъ елерики громили законъ, Дове весьма ловко обратилъ противъ нихъ самихъ. Но все-таки польза и нравственный авторитетъ нынѣшняго закона значительно опровергаются тѣмъ фактомъ, что за него стоялъ безусловно такой человекъ какъ Вагенеръ, отъявленный реакціонеръ и бывшій, весьма извѣстный въ свое время публицистъ „Крестовой Газеты“, а противъ этого закона сошлись такіе разномыслящіе во всемъ остальномъ политики, какъ Виндгорстъ, Рейхеншпергеръ, Ласкеръ и Бебель. Пусть Виндгорста и Рейхеншпергера въ этомъ дѣлѣ соединило то, что оба они—католики, хотя между ихъ политическими воззрѣніями существуетъ большая разница. Но какъ съ ними сошлись такіе люди какъ Ласкеръ, вождь столь преданной князю Бисмарку національно-либеральной партіи, и Бебель—соціалистъ? Какъ эти два человека, одинъ представитель программы практической политики для созданія полного единства и возможно - большаго могущества Германіи, другой — защитникъ теоретическихъ воззрѣній крайняго свойства, только что присужденный однимъ изъ судовъ имперіи къ тюрьмѣ—какъ могли такіе два человека сойтись въ этомъ вопросѣ?

Бебель при этомъ исходилъ изъ того мнѣнія, что всѣ догматы имѣютъ одинаковое достоинство, и что догматъ папской непогрѣшимости не хуже другихъ догматовъ, мнѣніе, которое одинъ изъ католическихъ ораторовъ опредѣлилъ такъ: что всѣ догматы равно ненужны (*sind alle Wurst*). Но Ласкеръ осуждалъ законъ по соображеніямъ практическимъ высшаго свойства. Онъ говорилъ между прочимъ: „среди всякой борьбы, какую бы намъ ни пришлось вести, мы никогда не должны упускать изъ виду нашей главной, нашей окончательной цѣли. Цѣль эта — примиреніе умовъ. Не должно допускать намѣренія устранить церковные споры въ германской имперіи посредствомъ насильственнаго подавленія (*Unterdrückung*) противоположныхъ мнѣній... Мы, которые гордимся тѣмъ, что въ недавнемъ преобразованіи прусскаго окружнаго управленія, посредствомъ своей соединенной нравственной силы осуществили принципъ, что всякая полицейская мѣра

должна быть подчинена контролю судебного закона (Rechtscontrole), мы не должны теперь ослаблять свою нравственную силу такъ, чтобы противники наши подумали: когда либералы преслѣдуютъ цѣли своей партіи, то они забываютъ свои собственные принципы.... Пусть никто не будетъ имѣть права сказать намъ: когда они совѣщались о преслѣдованіи германскихъ гражданъ, то забыли тѣ самыя ученія, за торжество которыхъ они боролись въ теченіе всей своей жизни“.

Рѣчь Ласкера вызвала одобреніе—какъ говорить отчетъ—„съ разныхъ сторонъ“ палаты. Тѣмъ не менѣе, законъ, какъ мы видѣли, прошелъ. Бебеля—соціалиста и Ласкера, по происхожденію—еврея, и горячаго защитника политики князя Бисмарка въ національных вопросахъ, нельзя заподозрить въ пристрастіи къ іезуитамъ, и вотъ то обстоятельство, что оба они отрицали пользу закона, приводитъ въ самомъ дѣлѣ къ сомнѣнію: благоразумно ли и политично ли въ настоящемъ случаѣ поступило большинство сейма, прибѣгнувъ къ такой именно мѣрѣ въ борьбѣ съ католическимъ клерикализмомъ.

Частныя проявленія той же борьбы представлялись въ послѣднее время дѣйствіями прусскаго правительства противъ епископа Эрмландскаго Кременца и противъ главнаго (католическаго) священника арміи монсиньора Намчановскаго. Переписка министерства съ епископомъ эрмландскимъ продолжается уже нѣкоторое время, и недавній отвѣтъ этого прелата былъ уже не первый. По отношенію къ нему, рѣчь идетъ о томъ, въ какой мѣрѣ церковному начальству можно подвергать своихъ подчиненныхъ духовно-нравственнымъ карамъ, не нарушая гражданскихъ законовъ. Министерство утверждаетъ, что произнесеніе отлученія отъ церкви несообразно съ законами страны, потому что оно представляетъ посягательство на личность, ограниченіе ея правъ и оскорбленіе ея. Въ этомъ дѣлѣ позиція, занятая правительствомъ, очевидно не сильна; какъ не дѣйствительно католическое отлученіе надъ свѣтскими лицами—это мы лучше всего видимъ изъ примѣра Италіи, гдѣ всѣ новѣйшія событія совершались несмотря на отлученіе отъ церкви, произнесенное противъ „всѣхъ зачинщиковъ разграбленія имуществъ св. престола и всѣхъ ихъ пособниковъ, и всѣхъ одобравшихъ ихъ“. Но на духовныхъ не только отлученіе, но даже и запрещеніе священнодѣйствія дѣйствуетъ всецѣльно, потому что уничтожаетъ самое ихъ званіе. Тутъ государство самыми строгими мѣрами ничего не сдѣлаетъ, и едва ли прусское правительство не напрасно подняло этотъ вопросъ, въ которомъ оно навѣрно потерпитъ пораженіе, какъ то уже и случилось, такъ какъ епископъ Кременецъ наотрѣзъ отказался взять назадъ свою мѣру, и продолжаетъ безусловно отрицать право свѣтской власти вмѣшиваться въ духовную юрисдикцію. Что касается другого прелата, то-есть Намчановскаго, который запретилъ военному священнику служить обѣдню въ той цер-

кви, гдѣ правительство допустило служеніе старо-католиковъ, то здѣсь правительство было совершенно право, отставивъ Намчановскаго отъ должности, такъ какъ званіе главнаго священника арміи есть званіе административное, и прусскій законъ прямо подчиняетъ главныхъ священниковъ арміи не только министру духовныхъ дѣлъ, но и военному министру. Намчановскій отвѣчалъ проницательно, что ему доселѣ не было извѣстно, что онъ — чиновникъ военнаго вѣдомства. Но таковъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Вообще же надо пожелать, чтобы германская имперія слѣдовала въ этомъ вопросѣ примѣру итальянскаго королевства. Для Италіи опасность со стороны католическаго католицизма безъ всякаго сомнѣнія больше, чѣмъ для Германіи, на двѣ трети протестантской, имѣющей центральную власть, недоступную католическимъ влияніямъ.

А между тѣмъ, въ Италіи ни одной партіи и въ мысль не приходило предлагать такую странную мѣру, какъ вмѣшательство въ вопросъ, правильно или неправильно произносится епископами отлученіе отъ церкви. Италія строго держится девиза Кавура „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“. Только посредствомъ строгаго отдѣленія церкви отъ государства, свѣтская власть можетъ лишиться значенія притязанія церкви на вмѣшательство въ свѣтскія дѣла. Такъ, государству слѣдуетъ не признавать отлученій, не признавать никакихъ послѣдствій отлученія въ гражданскихъ правахъ. Это совершенно ясно и вполне возможно. Утверждать же, что отлученіе во всякомъ случаѣ влечетъ за собою ограниченіе гражданскихъ правъ личности, есть очевидная натяжка. Если подвергшійся духовной карѣ самъ не захочетъ признать ее и покориться ей, то она для него и не будетъ имѣть послѣдствій, такъ какъ онъ можетъ всегда выйти изъ духовнаго званія. Но если онъ въ этомъ званіи остается, то онъ не можетъ не признать кары и не подчиниться ей, а если онъ ей подчиняется, то возможно ли государству требовать силою, подъ угрозой своихъ свѣтскихъ каръ, чтобы отлученіе было съ него снято? Вѣдь отсюда только одинъ шагъ, чтобы требовать насильно благословенія или отпущенія грѣховъ какимъ-нибудь католикамъ, въ награду за услуги оказанныя единству германской имперіи. Имперское правительство, возбуждая этотъ странный вопросъ, вступило на путь столь очевидно безвыходный, что оно тѣмъ самымъ едва ли не опровергаетъ своихъ заявленій объ опасности, могущей еще и въ наше время угрожать германской имперіи со стороны римскаго клерикализма. Еслибы Бисмаркъ самъ искренно вѣрилъ въ существованіе такой опасности, то едва ли въ борьбѣ съ нею онъ рѣшился бы занять вдругъ такую аванпостную, но очевидно слабую позицію. Поэтому, у постороннихъ наблюдателей невольно должно изъ всей этой борьбы остаться въ памяти мнѣніе Бебеля, что князь Бисмаркъ въ сущности затѣялъ это

дѣло для того, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ другихъ, болѣе серьезныхъ дѣлъ.

Папа между тѣмъ поднимаетъ перчатки, брошенные ему изъ римскаго квиринала и изъ берлинскаго Schloss. На проектъ закона о непризнаніи государствомъ духовныхъ конгрегацій въ Римѣ и о конфискованіи ихъ имуществъ, папа отвѣтилъ письмомъ къ кардиналу Антонелли, въ которомъ настаиваетъ безусловно на необходимости для католичества какъ полной независимости папъ, то-есть ихъ свѣтской власи, такъ и религіозныхъ орденовъ въ Римѣ, при которыхъ сосредоточены новіціаты всего католическаго миссіонерства. На законъ противъ іезуитовъ въ Германіи, онъ отвѣтилъ депутаціи, явившейся изъ Германіи поздравлять его съ днемъ 26-лѣтняго воцаренія его; въ этомъ отвѣтѣ онъ совѣтовалъ имъ покориться „законамъ свѣтскимъ, но не тѣмъ, которые противны законамъ божескимъ“, т.-е. какъ бы нарочно усвоилъ себѣ фразу, употребленную эрmlandскимъ епископомъ въ его отвѣтѣ прусскому министру Фальку. Сверхъ того, папа еще сказаъ, что предпринимать борьбу съ церковью есть „глупость“ (*sottise*, читаемъ мы во французскомъ переводѣ, не имѣя итальянскаго текста), и что „съ горы спадетъ камень, который сокрушитъ глиняный колоссъ“. Любезности довольно ясныя.

Король испанскій сдѣлалъ нѣчто совершенно-неожиданное: въ ту минуту, когда глава уніонистовъ (консерваторовъ), маршалъ Серрано, значительно ослабивъ возстаніе карлистовъ и ставъ во главѣ кабинета, и опираясь въ тоже время на армію, уже мыслъ себя всespльнимъ и предложилъ королю первый шагъ къ реакціонерной политикѣ—пріостановленіе, съ согласія кортесовъ, дѣйствія конституціи относительно личной неприкосновенности гражданъ—король наотрѣзъ отказалъ въ этомъ, Серрано подалъ въ отставку, думая утратить короля, а король призвалъ въ управленіе прямую противоположность уніонистамъ—радикаловъ, и во главѣ ихъ Рупса Сориллю. Сорилля образовалъ новый кабинетъ изъ тѣхъ же лицъ, которые составляли его министерство прошлымъ лѣтомъ. Командованіе же армією король поручилъ генералу Моріанесу, которому былъ обязанъ главнымъ успѣхомъ, одержаннымъ доселѣ въ этой бѣдственной войнѣ.

Положеніе относительно карлистовъ ухудшилось; въ виду внутренней перемѣны, то-есть новаго правительственнаго колебанія, карлисты возстали снова и тамъ, гдѣ уже было-присмирѣли, въ особенности въ Каталоніи. Но во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, положеніе прояснилось. Буржуазное министерство Сориллы-Мартосъ-Риверо, et ministerio de las economías, держащееся программы бережливости, полной свободы совѣсти и свободы выборовъ, есть, очевидно, то именно, кото-

рое нужно Испаніи. Сорилля уже объявилъ, что онъ будетъ энергически защищать единство испанской территоріи (то-есть Кубу) и подавлять всякіе мятежи (т.-е. не будетъ заключать съ карлистами конвенцій, какъ Серрано). Кортесы, избранные подъ вліяніемъ всевозможнаго административнаго давленія кабинета Сагасты, распущены королевскимъ декретомъ 29-го іюня и новые выборы назначены на 24-е августа, а самое открытіе сессіи на 15-е сентября. Въ газетахъ между тѣмъ явилось любопытное письмо, посланное Сорилльею не такъ давно, когда онъ рѣшился-было совсѣмъ оставить политическую карьеру — къ отцу дон-Амедея, то-есть къ королю Италіи, Виктору-Эммануилу. Въ этомъ письмѣ Сорилля, вѣроятно, отвѣчаетъ на упреки итальянскаго монарха за то, что онъ оставилъ его сына, и объясняетъ, что „его не хотятъ слушать“, и что „идуть“ по пути явно ведущему къ гибели, такъ какъ реакція болѣе всего враждебна именно самому престолу, созданному революціей 1868 года. Если послѣдствіемъ этой переписки была твердость, выказанная Амедемъ въ весьма опасную минуту переговоровъ его съ Серрано, то это былъ бы уже второй случай личнаго вмѣшательства въ важнѣйшія дѣла Испаніи короля Виктора-Эммануила, котораго можно въ такомъ случаѣ почти признать королемъ и Италіи и Испаніи.

Австрійскій рейхсратъ окончилъ свою сессію 23 іюня; засѣданія его отсрочены. Главнымъ дѣломъ его было обсужденіе закона о ландверѣ. Проектъ соглашенія съ Галиціею хотя и подвинулся впередъ въ томъ смыслѣ, что онъ уже окончательно выработанъ конституціоннымъ комитетомъ рейхсрата, но состоится ли соглашеніе на основаніи этого проекта,—еще неизвѣстно. Министерство графа Ауэрсперга, проведя законъ о прямыхъ выборахъ и безъ содѣйствія польскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ, не расположено удовлетворить всѣхъ ихъ требованій относительно автономіи Галиціи. Остается узнать, удовлетворится ли проектомъ сеймъ галиційскій.

Важнѣйшимъ событіемъ въ австро-венгерской монархіи за послѣднее время былъ результатъ новыхъ выборовъ въ сеймъ венгерскій. Въ послѣднюю сессію этого сейма, оппозиція противъ умѣренной партіи, партіи Деака, державшейся безусловно соглашенія 1867 г. съ Австріею, на которомъ утвердилась система дуализма, приняла своей тактикою произносить безчисленныя и безконечныя рѣчи, такъ чтобы сдѣлать невозможнымъ проведеніе проектовъ законовъ, представленныхъ министерствомъ Лоньяя. Нынѣшніе выборы показали, что населеніе Венгріи не одобрило такого злоупотребленія парламентскихъ правъ и не сочувствуетъ крайней національной партіи: изъ числа 292 выборовъ, извѣстныхъ по 28-е іюня, избрано приверженцовъ Деака 190,

76 членовъ лѣваго центра и только 26 крайнихъ. Оппозиція доселѣ лишилась 32-хъ голосовъ.

Вопросъ о вознагражденіи за непрямые убытки по элебемскому дѣлу, столь долго приводившій въ волненіе англичанъ и американцевъ и такъ сильно надоѣвшій читателямъ газетъ въ другихъ странахъ, какъ будто разрѣшился внезапно самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

Англія хлопотала объ отсрочкѣ женевского суда, пока требованіе о прямыхъ убыткахъ не будетъ взято Америкою назадъ; Америка не хотѣла взять его назадъ и не поддерживала отсрочки, однимъ словомъ, положеніе казалось почти безвыходнымъ. Вдругъ, женевскій третейскій судъ самъ разрѣшилъ его: онъ положилъ прямо отказать Америкѣ въ вознагражденіи по непрямымъ убыткамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказать и въ требованіи объ отсрочкѣ, которое Англія поддерживала совершенно непонятно для чего, такъ какъ препятствіе было уже устранено. Постановивъ такое рѣшеніе 28 іюня, третейскій судъ назначилъ слѣдующее свое засѣданіе на 15-е іюля (н. с.). Оба заинтересованныя правительства признали это рѣшеніе, и англійская печать, разумѣется, ликуетъ по этому случаю. Но спрашивается еще, будетъ ли она ликовать, когда судъ опредѣлитъ сумму вознагражденія по убыткамъ прямымъ.

Изъ внутреннихъ дѣлъ въ Англіи слѣдуетъ упомянуть о дальнѣйшей судьбѣ билля о тайной подачѣ голосовъ на выборахъ (ballot). Палата лордовъ видя, что билль этотъ и нынѣ прошелъ въ палатѣ общинъ большинствомъ голосовъ не особенно внушительнымъ, но желая въ тоже время прямо отвергнуть его, посредствомъ новой отсрочки на 6 мѣсяцовъ, употребила въ отношеніи его иную тактику, чѣмъ прошлымъ лѣтомъ: она не только приступила къ разсмотрѣнію его, но и провела его чрезъ всѣ три чтенія, искажая его на пути, посредствомъ разныхъ дополненій, до такой степени, что онъ просто пересталъ быть закономъ о тайной подачѣ голосовъ, а сдѣлался чѣмъ то неопредѣленнымъ и неузнаваемымъ. Самое сильное поврежденіе ему нанесъ номинальный глава партіи тори въ палатѣ лордовъ — герцогъ Ричмондъ (дѣйствительный же вождь ея въ палатѣ — маркизъ Сельсбери). По предложенію Ричмонда, лорды рѣшили, что примѣненіе этого билля вообще не обязательно, а что онъ можетъ примѣняться только по желанію каждаго избирательнаго округа. Такимъ образомъ, билль перестаетъ быть закономъ, и обращается въ какой-то избирательный „рецептъ для желающихъ“. Само собою разумѣется, что общины не замедлятъ отвергнуть какъ это, такъ и всѣ существенныя искаженія внесенныя въ билль лордами. Тогда вопросъ снова перейдетъ въ верхнюю палату.

Консерваторы или торы въ Англіи выступили теперь, въ лицѣ своего талантливаго главы Дизраэли, съ совершенно новымъ „девизомъ“ или „крикомъ“ (cry): „консерватизмъ въ силу принципа національности“. Какъ ни странно и, можно даже сказать, нелѣпо такое смѣшеніе понятій, но Дизраэли человѣкъ столь изворотливаго и обильнаго воображеніемъ ума, что читая рѣчь его, въ этомъ смыслѣ, пропущенную въ кристалльномъ дворцѣ на праздникѣ консервативнаго союза, сперва представляешь себѣ, какъ будто въ ней въ самомъ дѣлѣ есть мысль. Въ дѣйствительности же въ ней нѣтъ ничего, кромѣ смѣшенія понятій. Дизраэли разсматривалъ всю политику либераловъ и доказывалъ, что либерализмъ есть не что иное, какъ просто передѣлка англійскихъ учрежденій на иностранный ладъ. Такимъ образомъ, и преобразование арміи, и тайная баллотировка, и освобожденіе школы — все это искаженіе англійскаго національнаго духа вовсе не пригоднымъ ему примѣрами континента. Консервативную партію Дизраэли нынѣ называетъ „конституціонною“, такъ какъ вся цѣль ея есть охраненіе англійской конституціи, то-есть монархіи и парламентскихъ учрежденій. Никакихъ политическихъ реформъ, по его словамъ, Англіи не надо, и консервативная партія признаетъ потребность только социальныхъ реформъ. Однимъ словомъ, по программѣ Дизраэли выходитъ, что заниматься улучшеніемъ судьбы крестьянъ фабричныхъ и женщинъ вообще должно, но обезпечивать ихъ судьбу должны помѣщики, фабриканты и мужья, — а никакъ не сами заинтересованные.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Флоренція, 15 іюня 1872.

ФЛОРЕНЦІЯ ПОСЛѢ ПЕРЕНЕСЕНІЯ СТОЛИЦЫ.

Въ послѣдніе два мѣсяца Флоренція приняла свою обычную физиономію, которая отличала ее до 1865-го г., до перенесенія столицы на берега Арно. Въ ней остались лишь немногіе отсталые изъ чиновниковъ, которые не замедлятъ перебраться вслѣдъ за центральной администраціей, какъ только въ Римѣ будутъ готовы квартиры для помѣщенія ихъ. Все, что составляло принадлежность столицы, переселилось изъ Флоренціи, и послѣдняя опять превратилась въ провинціальныи городъ. Но такъ какъ существованіе столицы не можетъ пройти безслѣдно ни для какого города, а города наши вообще не

похожи на города другихъ государствъ, то я полагаю, что читателямъ быть можетъ будетъ не безъ интересно познакомиться съ судьбой Флоренціи послѣ того, какъ она снова предоставлена своимъ собственнымъ ресурсамъ.

Должно замѣтить, что въ теченіи прошлой зимы и нынѣшней весны наплывъ иностранцевъ во Флоренцію былъ чрезвычайный. Русскіе, нѣмцы, англичане и американцы составляли главное ядро иностранной колоніи во Флоренціи; французовъ было мало, еще меньше грековъ и испанцевъ. Вообще замѣчено, что южные жители мало путешествуютъ, и сами итальянцы, которые встрѣчаются въ большемъ числѣ въ приморскихъ городахъ востока и южной Америки, еслибы ихъ не привлекала надежда на быструю наживу, никогда не тронулись бы мѣста ради того только, чтобы видѣть новыя страны. Наши великіе путешественники, за исключеніемъ Колумба и немногихъ другихъ, были или мисіонеры изъ Рима, или купцы. Итальянскій туризмъ составляетъ рѣдкое явленіе. И если въ настоящее время находится предпримчивые негоціанты, которые покидаютъ Италію, чтобы отправиться въ Японію за хорошими шелковичными червями, то весьма рѣдко встрѣтитъ человѣка, который бы перебрался черезъ Альпы, ради любопытства узнать другой народъ, другіе нравы, другую природу. Въ этомъ отношеніи позитивизмъ итальянцевъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Года два тому назадъ еще можно было встрѣтить итальянцевъ, которые рисковали совершить путешествіе въ Парижъ, но не столько изъ личной потребности познакомиться съ *la cervelle du monde* Виктора Гюгё, сколько затѣмъ, чтобы имѣть возможность сказать: *и я также былъ тамъ!* Это производило хорошее впечатлѣніе въ тѣ времена, и въ особенности негоціантъ пріобрѣталъ извѣстный тонъ и кредитъ, если могъ, послѣ трехъ-четырехъ словъ упомянуть въ разговорѣ про какой-нибудь парижскій магазинъ и про улицы, въ которыхъ онъ лично побывалъ. Но въ настоящее время и эта мода прошла. Парижъ утратилъ свое обаяніе, и негоціантъ не даетъ себѣ труда посѣщать его. Путешествіе на берега Сены смѣнилось путешествіемъ на берега Рейна; но одинъ изъ посѣтившихъ эти берега отвѣчалъ мнѣ на разспросы о томъ, какъ они ему понравились, что тамъ очень много прекрасныхъ фабрикъ, на которыхъ работаетъ много народу и которыя получаютъ большіе заказы. Я боюсь, что въ этомъ отношеніи итальянецъ не исправимъ и что, довольный своей прекрасной страной, онъ долго еще будетъ интересоваться посѣщеніемъ другихъ странъ съ единственной цѣлью разсѣяться и полюбоваться ими. Онъ находитъ гораздо болѣе удобнымъ принимать иностранцевъ у себя дома и осыпать ихъ комплиментами въ ожиданіи великой прибыли, которую онъ надѣется изъ нихъ извлечь. Въ Италіи существуетъ четыре города, которые специально занимаются такого рода промышленностью, а именно: Венеція,

Флоренція, Римъ и Неаполь. Всякій иностранецъ, посѣщающій Италію, заноситъ ихъ въ свой маршрутъ, какъ обязательныя станціи. Венеціанецъ, флорентинецъ, римлянинъ и неаполитанецъ вполнѣ освоились съ иностранцами и отлично сѣмѣютъ отличить русскаго генерала отъ польскаго эмигранта, американца, который спрашиваетъ прежде всего, сколько долларовъ стоитъ всякая вещь, отъ разорившейся баронессы изъ остзейскихъ провинцій, которая научилась отъ флорентинцевъ считать на *centesimi*, англійскаго дипломата отъ греческаго *chargé d'affaires*, шотландскаго баронета отъ нѣмецкаго учителя или французскаго журналиста.

Въ особенности наши *maitres d'hôtel* могутъ похвалиться чутъемъ, который сдѣлалъ бы честь любой охотничьей собакѣ нашего короля-охотника. Они отлично знаютъ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ для путешественника поставить вверхъ дномъ всю гостинницу, когда выводить его за дверь, увѣряя, что все занято или же отправить его на чердакъ гостинницы. При видѣ тѣхъ процессій иностранцевъ, которые ежедневно посѣщали въ прошлые мѣсяцы наши галлерей, сердца флорентинцевъ ликовали въ надеждѣ, что вернулось доброе старое время; что Провидѣніе снова станетъ посылать имъ ежегодно цѣлыя колоніи англійскихъ лордовъ и русскихъ князей, которые станутъ обогащать мѣстныхъ жителей. Добрый синдикъ, заботящійся о нуждахъ города, станетъ давать блистательныя празднества для вѣщаго привлеченія иностранцевъ, и мѣстные жители заживутъ на славу. Но добрые флорентинцы упускаютъ изъ виду, что въ доброе старое время жизнь вообще стояла гораздо дешевле. Что вино, за которое они платили въ тѣ времена всего двадцать *centesimi* за литръ, теперь стоитъ въ пять разъ больше; хлѣбъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ стоилъ 7 *centesimi* фунтъ, теперь стоитъ слишкомъ вдвое; квартиру, за которую бывало платили сто франковъ, теперь едва ли наймешь за триста. Къ довершенію всего этого имъ не приходилось платить столько налоговъ. Въ настоящее же время, за исключеніемъ воздуха, которымъ мы дышемъ, мы платимъ налоги со всего, что только находитъ обращеніе и обмѣнъ. Во-первыхъ, мы платимъ за домъ, которымъ владѣемъ или въ которомъ живемъ 33% на 100. Затѣмъ съ почвы, которую мы обрабатываемъ, худо ли хорошо ли, приходится платить 43% съ предполагаемаго дохода. Затѣмъ, чтобы смолоть мѣшокъ зерна, мы должны заплатить 8%, затѣмъ за право ввоза его въ городъ взимается 33% пошлины. Мы платимъ большой налогъ съ соли и съ табаку. Таможенныя пошлины значительно увеличиваютъ цѣну привозныхъ продуктовъ, такъ что итальянскій гражданинъ, за счастье быть управляемымъ настоящимъ правительствомъ, платитъ около 80% съ того, что зарабатываетъ. Это просто чудовищное явленіе, и нужно итальянское терпѣніе, чтобы переносить спокойно такое положеніе вещей.

Правда, что Италія сплотилась воедино, правда, что у ней есть войско и флотъ, все значеніе которыхъ однако ей до сихъ поръ неизвѣстно. У ней есть школы, которыя однако не мѣшаютъ числу безграмотныхъ въ Италіи превосходить десять милліоновъ. У ней есть желѣзныя дороги (которыя впрочемъ управляются очень дурно, такъ что по собраннымъ надняхъ справкамъ касательно римскихъ желѣзныхъ дорогъ, получилось утѣшительное извѣстіе, что если не найдутъ способа ссудить ихъ пятьюдесятью милліонами, до истеченія восьми мѣсяцевъ, то онѣ не въ состояніи будутъ продолжать своего дѣла). Но всѣ эти блага не могутъ долѣе вознаграждать за такой ненормальный и критическій экономическій порядковъ. Необходимо, чтобы итальянцы устроились на новый ладъ и чтобы они примирились съ идеей ограничить расходы правительства и перейти къ его простѣйшей формѣ. Но прежде, чѣмъ совершится подобная реформа, не только насъ, но и дѣтей нашихъ не будетъ въ живыхъ, потому что предрасудки легко прививаются, но туго искореняются. А пока дѣла идутъ такимъ образомъ, слѣдуетъ учиться жить какъ можно лучше и конечно для того, чтобы жить лучше, намъ мало выгодъ, доставляемыхъ посѣщеніями иностранцевъ. Поэтому для тѣхъ изъ нашихъ городовъ, которые, благодаря своимъ сокровищамъ искусствъ, сдѣлались какъ бы гостинницей для прїѣзжающихъ, я считаю пребываніе иностранцевъ особенно пагубнымъ. Иностранцы прїѣзжаютъ сюда съ простой цѣлью тратить деньги, какъ имъ заблагоразсудится, и веселиться; но флорентинецъ, которому нравится добывать съ малымъ трудомъ иностранное золото, легко утрачиваетъ любовь и привычку къ серьезному труду и ему кажется совсѣмъ нестерпимымъ, когда разъѣдутся иностранцы, работать по цѣлымъ днямъ для того, чтобы содержать себя и свое семейство. Иностранецъ развлекаетъ флорентинца, но не занимаетъ его. Последний уже по природѣ своей неусидчивъ и не можетъ устоять передъ искушеніемъ бросить свою работу и бѣжать на улицу, а при случаѣ и протягивать руку, слышавъ стукъ проѣзжающаго экипажа или же услышавъ про празднество, которое затѣвается, по случаю прїѣзда графини А. или княгини Б.

Синдикъ же Флоренціи, вмѣсто того, чтобы приучать населеніе къ труду, радуется суетнымъ похваламъ, которыя расточаютъ ему ежедневно пережившія существованіе двора во Флоренціи газеты (*La Nazione*, *La Gazzetta d'Italia*, *la Gazzetta Toscana* и *la Gazzetta del popolo di Firenze*) за тѣ китайскіи церемоніи, съ какими онъ встрѣчаетъ прїѣзжихъ именитыхъ и могущественныхъ иностранцевъ, и довольствуется тѣмъ, что всѣ толкуютъ на разные лады: Флоренція веселится! Но спрашивается: способствуетъ ли процвѣтанію Флоренціи то обстоятельство, что иностранцы въ ней веселятся и можетъ ли населеніе, не питающееся мясомъ, потому что оно слишкомъ дорого, а

довольствующееся желудями и треской, проявить энергію, не говорю уже на великія дѣла, но просто на упорный трудъ. Новые правители Флоренціи заслуживаютъ, безъ всякаго сомнѣнія, похвалы за тѣ заботы, съ которыми они въ послѣднія десять лѣтъ старались украсить, расширить городъ и сдѣлать пребываніе въ немъ болѣе комфортабельнымъ. Иностранецъ едва ли найдетъ другой, болѣе красивый городъ, чѣмъ этотъ. Древніе и новые элементы сочетаются въ немъ самымъ удачнымъ образомъ, и если древняя флорентинская энергія исчезла безслѣдно, то того же нельзя сказать про флорентинскій вкусъ. Новое мѣсто для гулянья не имѣетъ себѣ подобнаго въ Европѣ, и устроено новымъ флорентинскимъ муниципалитетомъ. Воздухъ свободнѣе гуляетъ по расчищеннымъ улицамъ города и снѣтъ обильнѣе проникаетъ въ нихъ. Но всего этого еще недостаточно для благосостоянія флорентинца, а вотъ это послѣднее и должно бы составлять главную заботу здѣшняго муниципалитета. Слѣдовало бы разбудить сонную промышленность и расширить торговлю этого города. Богатство сдѣлало древнюю Флоренцію великой; но милостыни иностранцевъ не обогатятъ Флоренцію; только попы и монахи умѣютъ обогащаться на счетъ легкаго ремесла сбирания милостыни. Во Флоренціи необходимо увеличить способы труда, открыть новыя отрасли промышленности, умножить школы и сдѣлать ихъ болѣе практичными, болѣе плодотворными. Въ настоящее время въ Италіи школа потребляетъ больше, чѣмъ производитъ; необходимо изучить способы приспособленія обученія къ потребностямъ жизни.

Во Флоренціи существуютъ школы дѣтскія, элементарныя, техническія, гимназій, лицей, университетъ. Курсъ ученія можетъ считаться полнымъ. Но я, рискуя прослыть за софиста, держусь того мнѣнія, что для культуры и благоденствія тосканцевъ было бы лучше, еслибы во Флоренціи вовсе не существовало техническихъ и высшихъ заведеній, гимназій и лицеевъ, но чтобы элементарныя школы за то были посѣщаемы всѣми и чтобы преподаваніе въ нихъ было настолько рациональнымъ, чтобы каждый ребенокъ, выходя изъ школы, выносилъ изъ нея любовь къ знанію и потребность примѣненія на практикѣ того, чему онъ научился. Элементарная школа обнимаетъ весь курсъ ученія и могла бы вполне удовлетворить потребностямъ массы. Но вмѣсто этого мы видимъ, что школы, стоящія выше элементарныхъ, по большей части плохо повторяютъ то, что плохо преподавалось въ элементарной школѣ, такъ что обученіе, вмѣсто того, чтобы идти прогрессивно, топчется на одномъ мѣстѣ. Ученіе тратитъ много времени, но приобретаетъ мало знаній: 15-лѣтній юноша, по выходѣ изъ гимназій, столько же знаетъ изъ географіи, сколько шестилѣтній ребенокъ, покидающій дѣтскій пріютъ. Система образованія ошибочная; образованіе дается меньшинству, а не большинству,

да и самое меньшинство теряетъ драгоценное время на то, чтобы научиться въ теченіи многихъ лѣтъ тому, что, при хорошемъ преподаваніи, оно могло бы усвоить въ нѣсколько мѣсяцевъ. Было бы полезно, еслибы въ Италіи, гдѣ провинціи и города имѣютъ свою собственную и весьма разнообразную физіономію, введено было также и мѣстное обученіе, приспособленное къ специальнымъ способностямъ, къ различнымъ свойствамъ и къ мѣстнымъ потребностямъ населенія. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Туринѣ слѣдуетъ устремить особенное вниманіе на механику, въ Венеціи на морское дѣло, во Флоренціи на искусство. Желаніе же уравнивать преподаваніе и вездѣ ввести одинаковый порядокъ, такъ чтобы во Флоренціи, напримѣръ, дѣлалось тоже самое, что и въ Туринѣ или въ Римѣ, неосторожно и можетъ повести къ пагубнымъ результатамъ. Это можно было видѣть недавно на неудачной попыткѣ основать во Флоренціи *Circolo filologico* (Филологическое общество) въ подражаніе тому, какое существуетъ въ Туринѣ.

Подъ этимъ, довольно претенціознымъ названіемъ, *Circolo filologico*, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была основана въ Туринѣ школа новѣйшихъ языковъ. Въ Туринѣ ежегодно болѣе тысячи студентовъ посѣщаетъ университетъ и затѣмъ существуетъ множество негоціантовъ, которые ведутъ постоянныя и значительныя торговыя дѣла съ Франціей, Германіей и Англіей. Отсюда является потребность изучать языки этихъ трехъ странъ, съ которыми торговыя сношенія особенно оживлены; отсюда возникла надежда въ основателяхъ *Circolo filologico*, что школа ихъ можетъ разсчитывать на успѣхъ. И дѣйствительно, слушателей оказалось такъ много, что въ скоромъ времени школѣ пришлось расширить свою программу и къ вышеупомянутымъ тремъ языкамъ присоединить еще языки русскій, испанскій, румынскій и новѣйшій греческій. Въ нынѣшнемъ году введенъ еще курсъ сравнительной филологіи, который читается молодымъ пьмонтскимъ филологомъ докторомъ Доменико Пенци, который извѣстенъ многими лингвистическими трудами. Онъ намѣренъ съ будущаго мѣсяца издавать въ Туринѣ, выѣстѣ съ докторомъ Джузеппе Мюллеромъ, профессоромъ языкознанія и литературы въ туринскомъ университетѣ, *Филологическое обозрѣніе*. Въ Туринѣ *Circolo filologico* имѣло свою *raison d'être*, потому что могло разсчитывать, что развѣ школа будетъ открыта, явятся и ученики. Но во Флоренціи дѣло обстоитъ иначе; здѣшніе негоціанты столь же непредпріимчивы, сколь предки ихъ были смѣлы. Эти послѣдніе отправлялись на край свѣта въ погоню за богатствомъ: современные же флорентинскіе купцы неохотно переносятъ свою торговлю за предѣлы Тосканы. По этой причинѣ тосканскія желѣзныя дороги бездѣйствуютъ. По этой же причинѣ Ливорнскій портъ совсѣмъ почти не оживленъ. Слѣдовательно

основаніе во Флоренціи *Circolo filologico*, въ подражаніе туринскому, было чистѣйшей ошибкой: негоціантамъ незачѣмъ учиться языкамъ, выполнѣ для нихъ бесполезнымъ, да и самихъ студентовъ очень мало во Флоренціи. Въ то время, какъ туринскій университетъ посѣщается ежегодно слишкомъ 1000 студентами, институтъ высшихъ наукъ во Флоренціи насчитываетъ всего 50, изъ которыхъ быть можетъ шестая часть тосканцы. Въ саду Италіи, какъ называютъ Флоренцію, учатся мало; быть можетъ потому, что флорентинцы воображаютъ, что подобно Минервѣ, которая вышла во всеоружіи изъ головы Юпитера, они рождаются образованными. Благодаря этой иллюзіи, немногіе даютъ себѣ трудъ учиться чему-нибудь. У флорентинскаго *Circolo filologico* не будетъ недостатка въ профессорахъ и школахъ, но что касается учениковъ, то они будутъ весьма рѣдки *in gurgite vasto*. У общества будетъ много залъ для чтенія, снабженныхъ иностранными журналами, но читателей будетъ приходиться по одному на каждую залу, и такимъ образомъ сдѣланныя затраты принесутъ мало барыша. Флорентинскій синдикъ—основатель этого новаго общества, и предсѣдательствуетъ въ немъ, такъ какъ имѣетъ обыкновеніе становиться во главѣ каждой новинки, какая только затѣвается во Флоренціи, въ надеждѣ получить значительное муниципальное пособіе. Но такъ какъ главная его забота состоитъ въ томъ, чтобы иностранцы, проѣзжающіе черезъ Флоренцію, могли засвидѣтельствовать, что Флоренція оживлена, славна и процвѣтаетъ, то первымъ дѣломъ синдика-предсѣдателя было распорядиться, чтобы въ залахъ *Circolo filologico* читались лекціи, на которыя приглашались бы знатнѣйшіе иностранцы, находящіеся проѣздомъ во Флоренціи. Такимъ образомъ, прочитаны были пять или шесть лекцій нѣсколькими замѣчательными личностями, стяжавшія громкія рукоплесканія. Одинъ русскій совѣтникъ, много путешествовавшій по Малой-Азіи, прочиталъ описаніе своихъ путешествій. Одинъ франко-нѣмецкій писатель (Карлъ Гильдебрандъ) говорилъ о сравнительномъ языковѣдѣніи и сравнительной литературѣ. Одинъ веронецъ (профессоръ Гаетано Трецца) рассуждалъ о сравнительной міеологіи. Профессоръ Ансельмо Северини говорилъ о нѣкоторыхъ филологическихъ феноменахъ. Сицилиецъ профессоръ Микеле Амари—о мусульманахъ въ Сициліи и о вліяніи, какое оказали на Италію ихъ языкъ и ихъ литература. Всѣ лекціи были интересны, и всѣ лекторы оказались весьма талантливыми людьми, но нельзя сказать, чтобы эти лекціи дѣлали честь самимъ флорентинцамъ, такъ какъ всѣ лекторы уроженцы другихъ частей Италіи, а двое изъ нихъ даже иностранцы. Кромѣ того подобныя лекціи, прочитанныя передъ многочисленной публикой, хотя и отличаются двумя качествами: популярностью и изяществомъ, но приносятъ мало пользы.

Такія лекціи развлекають слушателя, но не даютъ ему никакихъ солидныхъ знаній. Это не болѣе какъ уступка дилеттантизму.

Гораздо полезнѣе было бы основать во Флоренціи такое общество, которое, имѣя въ виду артистическій вкусъ, которымъ всѣ флорентинцы отличаются по природѣ, изучало бы всѣ возможные способы утилизировать его и старалось примѣнять артистичность флорентинцевъ на улучшеніе всѣхъ отраслей промышленности, которыя процвѣтаютъ въ другихъ провинціяхъ Италіи. Этимъ путемъ возможно было бы подготовить великую будущность для Флоренціи. Тоскана—колыбель искусства: она могла бы выручать большіе барыши, перерабатывая грубые произведенія и сырые продукты другихъ итальянскихъ провинцій, усовершенствуя ихъ и придавая имъ артистическую форму. Поэтому Флоренція нуждается не въ филологическомъ обществѣ, а въ артистическомъ, которое бы счумѣло извлечь всю пользу изъ артистическаго генія флорентинцевъ. Такое учрежденіе принесло бы дѣйствительную честь и пользу Флоренціи, которой мало проку въ болѣе или менѣе ученыхъ диссертацияхъ, происходящихъ въ залахъ филологическаго общества.

Нельзя не похвалить заботливости, съ какой флорентинскій муниципалитетъ старается улучшить экономическія условія, а слѣдовательно также и нравственныя, здѣшняго института высшихъ наукъ. Благодаря инициативѣ синдика, ежегодный бюджетъ флорентинскаго университета повышенъ съ 360,000 фр. на 500,000. Увеличивая средства университета, имѣлось въ виду увеличить число кафедръ, обогатить физическій кабинетъ и естественно-историческій музей и улучшить весь порядокъ преподаванія. Но съ какой цѣлью основано заведеніе, которое теперь хотятъ преобразовать? Когда тосканское временное правительство, изгнавъ великаго герцога, задумало основать во Флоренціи высшее учебное заведеніе, его первой мыслью было создать усовершенствованную университетскую школу. Съ этой цѣлью основаны были нѣкоторыя кафедры, несуществующія въ другихъ университетахъ и приглашены были профессора, пользовавшіеся большой извѣстностью, какъ, напр., Амари на кафедре арабскаго языка, Парлаторе на кафедре ботаники, Буфалини и Пучинотти на кафедре медицины, и Магрини на кафедре физики. Но на практикѣ оказалось, что для привлеченія студентовъ необходимо приспособить программу преподаванія къ общимъ университетскимъ программамъ. Убѣдившись затѣмъ, что студенты все-таки охотнѣе посѣщаютъ древній, историческій университетъ Пизы, чѣмъ новѣйшій во Флоренціи, рѣшили не читать лекцій для студентовъ, но читать публичныя лекціи для массы народа. Такъ длилось съ 1862 г. по 1867 г. Профессора старались наперерывъ другъ передъ другомъ залучить побольше публики и отличиться своимъ краснорѣчіемъ, но зачастую это краснорѣчіе шло въ ущербъ на-

укѣ. Благородные посѣтителѣ были благодарны профессорамъ за то, что тѣ съ любезностью приспособляли науку къ ихъ уму и пониманію и проку довольствовались тѣмъ, что спали во время лекціи и просыпались лишь къ ея концу, когда лекторъ считалъ своей обязанностью произнести какую-нибудь жаркую тираду, причемъ публика оказывала особое предпочтеніе къ тѣмъ тирадамъ, которыя оканчивались неизбѣжнымъ предсказаніемъ о появленіи короля Виктора Эммануила на *Scampido*. Въ 1867 г. министръ народнаго просвѣщенія Микеле Конинио нашѣлъ, что государство слишкомъ дорого платитъ за удовольствіе содержать ораторовъ для благородныхъ посѣтителей института высшихъ наукъ, и предпочелъ превратить послѣдній въ простой университетъ. Преобразование благотѣльно сказалось на преподаваніи и въ послѣдніи пять лѣтъ въ институтѣ больше учать, чѣмъ записываются декламацией. Увидимъ теперь, къ какимъ результатамъ приведутъ новыя, задуманныя реформы. Въ тотъ моментъ, какъ я пишу, въ городскомъ лагерѣ царствуетъ раздоръ: флорентинскій синдикъ желаетъ, чтобы институтъ служилъ высшей наукѣ, независимо отъ всякой заботы о профессиональной карьерѣ. Профессоръ Виллари, одинъ изъ главныхъ виновниковъ новаго проекта и деканъ филологическаго и философскаго факультета института, напротивъ того, желаетъ, чтобы институтъ превратился въ высшую нормальную школу, наилучшую, наибогатѣйшую и наипривилегированнѣйшую, изъ которой бы выходили историки, филологи, философы, медики, физики и математики.

Проектъ Виллари практичнѣе, а проектъ Перуцци идеальнѣе. Увидимъ, который возьметъ верхъ; но я боюсь, чтобы они не слились воедино къ великому ущербу для народнаго просвѣщенія. Но здѣсь опять всѣ усилія властей къ распространенію образованія не поведутъ къ особенно блистательнымъ результатамъ, если со стороны самихъ флорентинцевъ не окажется поддержки этимъ усиліямъ. Въ настоящее время любовь къ наукѣ выказывается во Флоренціи весьма слабо. На словесномъ и философскомъ факультетѣ, напримѣръ, изъ десяти профессоровъ, только трое тосканцы; остальные уроженцы другихъ частей Италіи, Пьемонта, Ломбардіи, Сициліи, Неаполя и проч. Институтъ насчитываетъ не болѣе трехъ-четырехъ ученыхъ изъ флорентинскихъ уроженцевъ. Флорентинскія библіотеки посѣщаются гораздо болѣе пріѣзжими изъ другихъ итальянскихъ провинцій, чѣмъ мѣстными уроженцами. Что же это доказываетъ? Конечно не то, чтобы флорентинцы были неспособны ни къ какой культурѣ, но то, что они не получаютъ культуры, соотвѣтствующей ихъ способностямъ, ихъ стремленіямъ и ихъ потребностямъ, и что на этомъ пунктѣ университетское образованіе нуждается въ реформѣ, для того, чтобы стать производительнѣе.

Нѣтъ другого города въ Италіи, который былъ бы богаче Флоренціи артистическими и литературными сокровищами, но печально, что при такомъ богатствѣ городъ остается нищенскимъ. Онъ не умѣетъ воспользоваться своими богатствами и воображаетъ, что всѣ его ресурсы заключаются въ иностранцахъ, которые принимаютъ чичероне для осмотра галлерей, библіотекъ и музеевъ и которые заказываютъ копіи съ какихъ-нибудь античныхъ портретовъ праздношатающимися артистами. По большей части даже флорентинскія сокровища остаются неизвѣстными мѣстнымъ жителямъ. Необходимо, чтобы пришли нѣмцы и, порывшись въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ, указали на тотъ или другой драгоценный документъ, или посѣтивъ наши церкви и наши дворцы указали, что та или другая картина, позабытая въ какомъ-нибудь углу, принадлежитъ кисти стариннаго и знаменитаго мастера.

Другимъ великимъ ресурсомъ обладаютъ флорентинцы въ сокровищахъ итальянскаго языка, которыми они одни владѣютъ во всей его чистотѣ. Еслибы они принялись писать такъ, какъ они говорятъ, то могли бы легко занять мѣсто первѣйшихъ писателей въ Италіи и могли бы обогатиться на своихъ повременныхъ изданіяхъ и книгахъ. Между тѣмъ, въ настоящее время ихъ повременныя изданія являются самыми ничтожными въ цѣломъ полуостровѣ, а книги они почти вовсе не издають. Въ теченіи двухъ лѣтъ вышло всего только двѣ книги, которыя нашли много читателей: одинъ томъ очерковъ сеньора Діега Мартелли и одинъ томъ сонетовъ на пизанскомъ нарѣчій соч. Ренато Фучини. Въ то время какъ въ Италіи каждая новая книга едва ли расходуется болѣе, чѣмъ въ 500 экземплярахъ, первая изъ вышеупомянутыхъ книгъ разошлась до свѣхъ поръ въ количествѣ 1500 экземпляровъ, а вторая въ 4,000 экземплярахъ. Оба автора были соавтѣми неизвѣстны, но достаточно было того, что они оба тосканцы и что книги ихъ написаны хорошо, чтобы обезпечить за ними успѣхъ. Такимъ образомъ, издавая хорошія книги, флорентинцы могли бы дѣлать выгодныя дѣла. Уроженцы другихъ мѣстностей, вмѣсто того, чтобы изучать флорентинское нарѣчіе по старымъ флорентинскимъ классикамъ, изучали бы его по новѣйшимъ флорентинскимъ хорошимъ книгамъ, еслибы таковыя издавались. Ремесло писателя, благодаря этому обстоятельству, могло бы быть выгоднѣе въ этой провинціи, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ.

Кромѣ того флорентинцы могли бы извлекать большія выгоды изъ своего народнаго комическаго театра, если бы приложили къ нему нѣкоторое стараніе. Если существуютъ драматическія труппы пьемонтскія, ломбардскія, венеціанскія, неаполитанскія, которыя играютъ комедіи, написанныя на пьемонтскомъ, ломбардскомъ, венеціанскомъ, неаполитанскомъ нарѣчіяхъ, то несомнѣнно могли бы имѣть успѣхъ

и тѣ антрепренеры и драматическіе писатели, которые предлагали бы публикѣ различныхъ итальянскихъ городовъ комедіи, написанныя на народномъ, флорентинскомъ нарѣчій.

D. G.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

ТЬЕРЬ И ФРАКЦІИ НАЦІОНАЛЬНАГО СОВРАЩІЯ.

20-го іюня, 1872 г.

Предназначенъ ли Тьеръ судьбою спасти насъ или же окончательно погубить? Вотъ вопросъ, который невольно задаешь себѣ порою, когда размышляешь о политикѣ нашего президента или же поражаешься выходами, отъ которыхъ преклонныя лѣта не всегда спасаютъ его. Конечно,—и я неоднократно настаивалъ на этомъ пунктѣ,—онъ оказалъ отечеству неоцѣненныя услуги, и какіе бы упреки ни навлекъ онъ на себя съ теченіемъ времени, а не одинъ французъ не долженъ забывать, что Тьеръ извлекъ Францію изъ той бездны, куда повергла ее война, что одинъ онъ способенъ былъ это совершить, что одинъ онъ могъ принять отвѣтственность за невыгодный, но необходимый миръ; одинъ онъ могъ привлечь, установить довѣріе внутри страны и извнѣ; наконецъ, по всей вѣроятности, одинъ онъ сможетъ довести до вождѣннаго конца новыя переговоры съ Германіей. Но порою невольно кажется, что онъ намѣренъ заставить страну дорого заплатить за эти великія услуги, а не то, пожалуй, привести ихъ къ нулю ошибками, по истинѣ, необъяснимыми. Я меньше, чѣмъ другіе, возмущаюсь его деспотическими приѣмами и злоупотребленіемъ личной силой. Въ сущности мы конечно живемъ подъ управленіемъ гораздо болѣе абсолютнымъ, чѣмъ управленіе имперіи. Но вѣдь и обстоятельства сложились совсѣмъ исключительныя; Франція далеко не пришла въ нормальное состояніе, и диктатура была бы, пожалуй, до нѣкоторой степени вещь не лишняя, будь это разумѣется диктатура, направленная къ общему благу. Но въ томъ-то и бѣда, что диктатура Тьера слишкомъ смахиваетъ на личный произволъ. Президентъ злоупотребляетъ своимъ положеніемъ, чтобы навязывать странѣ свои идеи и даже свои предразсудки, не терпя ни малѣйшаго противорѣчія, не допуская даже предположенія, что идеи другихъ людей достойны выдерживать параллель съ его идеями. По его мнѣнію, есть нѣчто недопустимое критикѣ и обсужденію,—это его собственная мысль, и нѣчто

другое, ихъ недостойное, — это мысль тѣхъ, кто ему возражаетъ. Во Франціи нѣтъ ни одного депутата, ни одного политическаго писателя, за которымъ бы Тьеръ признавалъ какое-нибудь значеніе, и нѣтъ такихъ, которыхъ бы онъ не считалъ пошлыми или даже опасными безумцами, какъ скоро они расходятся съ нимъ во мнѣніи. То, что я теперь говорю, слѣдуетъ принимать буквально, слѣдуетъ вполне усвоить себѣ и никогда не упускать изъ вида, если желаешь найти ключъ къ поступкамъ Тьера. Этимъ, а не чѣмъ инымъ, объясняется странный характеръ нѣкоторыхъ назначеній въ административномъ мірѣ и даже въ дипломатическомъ корпусѣ. Разъ принято, что всѣ люди одинаково глупы, — становится понятнымъ и то, что выборъ не можетъ имѣть никакого значенія. Точно такъ и послѣдняя выходка Тьера въ собраніи и его новая угроза, что онъ подастъ въ отставку, объясняются только его крайней самонадѣянностью. Ему вовсе не было надобности особенно налегать на депутатовъ, чтобы навязать имъ свою военную систему. Дѣло его было выиграно заранее; собраніе вполне подчинилось ему. Но пренія длились слишкомъ долго; они раздражили его до такой степени, что заставили выдти изъ себя. Ему казалось противнымъ, возмутительнымъ, что онъ, историкъ Наполеона I, статскій Юмани, болѣе компетентный въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ этотъ послѣдній; онъ, высшій и непогрѣшимый авторитетъ въ дѣлѣ военной организаціи и даже командованія, онъ вынужденъ выслушивать длинныя рѣчи, исполненныя, по его мнѣнію, непроходимыхъ пошлостей. Онъ вознегодовалъ, онъ выпелъ изъ себя и произвелъ извѣстный вамъ скандалъ, рискуя поколебать общественное довѣріе, рискуя повергнуть Францію въ смертельную тревогу и еще сильнѣе уронить въ общественномъ мнѣніи злополучное національное собраніе, которое и безъ того не пользуется никакимъ авторитетомъ, но безъ котораго между тѣмъ невозможно обойтись, пока мы не раздѣлаемся съ нѣмцами окончательно. Въ самомъ дѣлѣ можно опасаться, что новое собраніе свергнетъ власть Тьера и разстроитъ соглашеніе, къ какому могутъ придти оба правительства и даже поколебать самый Франкфуртскій договоръ. Итакъ, необходимо, чтобы настоящій порядокъ дѣлъ продлился до тѣхъ поръ, пока договоръ не будетъ исполненъ во всей точности. Такъ думаютъ и сами нѣмцы, если свѣдѣнія, которыя я имѣю, основательны. Они намѣрены, говорили мнѣ, внести въ условія договора по освобожденію территоріи, что сила этого договора тѣсно связана съ существованіемъ правительства Тьера, то-есть, другими словами, если бы Тьеръ удался отъ дѣлъ раньше, чѣмъ освобожденіе совершилось окончательно, то оно было бы немедленно приостановлено до тѣхъ поръ, пока нѣмцы не согласились бы съ новымъ правительствомъ на счетъ выполненія Франціей послѣднихъ обязательствъ. Между тѣмъ продленіе власти Тьера тѣсно связано съ

существованіемъ собранія. Президентъ, конечно, могъ бы быть избранъ вторично, но на это отнюдь нельзя разсчитывать. Напротивъ того весьма вѣроятно, что его смѣнилъ бы Гамбетта, въ случаѣ чисто республиканскихъ выборовъ. Слѣдовательно необходимо, чтобы собраніе оставалось на своемъ постѣ; по возможно ли это? Вотъ вопросъ, который невольно задаешь себѣ, когда видишь, до какой степени насилия Тьера и его собственныя ошибки уронили его въ общественномъ мнѣніи. Не думайте, чтобы, порицая Тьера, я желалъ снять отвѣтственность съ собранія. Это послѣднее, хотя несомнѣнно воодушевленное такимъ же патріотическимъ духомъ, какъ и Тьеръ, еще виновнѣе чѣмъ этотъ послѣдній. Въ числѣ ошибокъ, которыя оно безпрестанно повторяетъ, самая грубая и самая пагубная заключается въ томъ, что оно не умѣетъ отдать себѣ яснаго отчета въ положеніи, какое оно занимаетъ относительно Тьера и постоянно выказываетъ стремленіе низвергнуть его, когда это въ его власти; да къ тому же ему не слѣдовало бы этого дѣлать даже и въ такомъ случаѣ, еслибы оно могло, потому что всякая перемѣна въ настоящую минуту повлекла бы за собой величайшія опасности. Конечно, собраніе считаетъ себя вправѣ негодовать на Тьера; оно можетъ упрекнуть президента въ деспотическихъ замашкахъ и въ другихъ винахъ, которыя хотя и не такъ основательны, но тѣмъ не менѣе близко задѣваютъ его. Оно (то-есть большинство собранія) полагало, что дастъ Тьеру двойное полномочіе, во-первыхъ заключить миръ, а во-вторыхъ, возстановить монархію. Никакого условія относительно этого послѣдняго пункта не было формулировано; но собраніе, — и въ этомъ заключается его ошибка, — видѣло въ Тьерѣ естественнаго главу всѣхъ монархическихъ партій. Тьеръ же отнюдь не годился для этой роли и тѣмъ, кто его хорошо зналъ, давно было извѣстно, что онъ будетъ напротивъ того весьма опаснымъ соперникомъ для всѣхъ монархическихъ партій, въ особенности же орлеанистской.

Причина этому весьма проста; она лежитъ въ характерѣ Тьера, который не можетъ выносить первенства надъ собой. По этой самой причинѣ онъ не могъ оставаться долго главою кабинета при Луи-Филиппѣ. Въ 1848-мъ году онъ также бы искренно отдался республикѣ, если-бы она догадалась избрать его президентомъ, до чего, къ сожалѣнію, тогдашніе республиканцы не додумались. Вслѣдствіе того именно, что они устранили его въ эту эпоху, онъ сталъ во главѣ монархической партіи. Такъ и въ настоящее время, если большинство собранія желало удержать его своимъ вождемъ, ему не слѣдовало ставить Тьера во главѣ управленія, а между тѣмъ это было-бы противорѣчіемъ и полнѣйшей невозможностью, потому что кромѣ него не существовало другого кандидата. Впрочемъ, повторяю, онъ никого не обманывалъ и не только не бралъ на себя никакого обязательства, но

и всѣ его рѣчи, всѣ разговоры, въ которыхъ онъ высказывался съ такой полной откровенностью, давно должны были бы просвѣтить на его счетъ коноводовъ монархическихъ партій. Тѣмъ не менѣе, эти послѣдніе считаютъ себя обманутыми: они кричатъ про измѣну и считают Тьера перебѣзчикомъ. Убѣжденные, что въ республикѣ заключается гибель Франціи, они съ нетерпѣніемъ переносятъ и даже, лучше сказать, вовсе не выносятъ, что республику поддерживаетъ тотъ самый человѣкъ, котораго они избрали съ цѣлью покончить съ ней. Отсюда происходитъ постоянная вражда, которая выражается время отъ времени въ безплодныхъ и глупыхъ попыткахъ. Въ самомъ дѣлѣ, само большинство не въ состояніи совершить того, чего не дѣлаетъ Тьеръ въ неудовольствію большинства: оно не можетъ возстановить монархіи. Между тѣмъ какъ, большинство, къ нашему несчастію, выказываетъ замѣчательное единодушіе въ вопросахъ религіозныхъ, относительно которыхъ оно проявляетъ себя ультра-католическимъ, такъ что, напримѣръ, готово каждую минуту вотировать возстановленіе свѣтской власти папы, если бы только правительство допустило это,—оно вполне неспособно придти къ взаимному соглашенію по вопросамъ внутренней политики, и установить не только окончательную форму правленія, но даже назначить временное правительство. И надо сказать, что наиболѣе близкія партіи всего сильнѣе ненавидятъ другъ друга. Каждая предпочитаетъ общее крушеніе торжеству соперника, къ которому она стоитъ ближе всего по своимъ политическимъ мнѣніямъ. Это особенно справедливо относительно легитимистовъ, которые ненавидятъ орлеанистовъ гораздо сильнѣе, чѣмъ радикаловъ и бонапартистовъ. Въ послѣднее время изъ ненависти къ орлеанистамъ они заигрывали съ бонапартистской партіей.

Но разъ обстоятельства сложились такимъ образомъ—а это положеніе дѣлъ совершенно неустранимо, по крайней мѣрѣ въ настоящее время,—большинству слѣдовало бы быть благоразумнымъ и вести себя смирно. Но оно неблагоразумно, и послѣдняя угроза Тьера подать въ отставку послужила для него новымъ поводомъ заняться безплоднымъ дѣломъ сліянія, которое не удалось по прежнему. За невозможностью добиться сліянія, большинство пыталось придумать какую-нибудь временную комбинацію, но и тутъ, къ счастью, ничего не придумало, потому что въ то время, какъ правая ломала надъ этимъ голову, радикалы собранія ставнулись съ радикалами парижскаго муниципальнаго совѣта, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы правой удалось свергнуть Тьера и замѣнить его другимъ лицомъ, оно бы встрѣтилось лицомъ къ лицу съ революціоннымъ правительствомъ. Между Парижемъ и Версалемъ завязалась бы междоусобная война. Объ этой опасности, которая постоянно грозитъ намъ, я уже неоднократно упоминалъ въ своихъ письмахъ.

Убѣдившись вновь въ своей неспособности создать правительство и спасти Францію на свой собственный ладъ, правая затѣяла удивительную штуку. Она придумала отправить депутацію къ президенту и попросить его управлять заодно съ ней, а не помимо ея. Въ числѣ поводовъ къ неудовольствію, которые депутація должна была выставить на видъ Тьеру, важную роль играли выборы, недавно происходившіе въ трехъ департаментахъ и давшіе вновь значительное большинство республиканской партіи. Правая предполагаетъ, что выборы склоняются все болѣе и болѣе въ пользу республиканцевъ, потому что правительство назначаетъ плохихъ префектовъ.

Само собою разумѣется, что плохими префектами правая считаетъ тѣхъ, которые не стоятъ за монархію. Правая заблуждается; правительство мало вмѣшиваясь въ выборы и не пускаетъ въ ходъ средства, употреблявшіяся при имперіи. Да если бы префекты и захотѣли дѣйствовать наперекоръ общественному мнѣнію, то потерпѣли бы пораженіе. Дѣло въ томъ, что Франція, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, настроена въ республиканскомъ духѣ, хотя разумѣется изъ этого нельзя еще заключить, что у насъ возможно основать прочную республику. Что касается меня, то я продолжаю сильно сомнѣваться въ этомъ, хотя и желаю отъ всей души, чтобы сомнѣнія мои оказались неосновательными. Я не вижу во Франціи республиканскихъ добродѣтелей, но долженъ засвидѣтельствовать, что общественное мнѣніе склоняется въ пользу республики, и именно благодаря ошибкамъ собранія, благодаря замашкамъ реакціонныхъ заговорщиковъ, которые отличаютъ его, и намѣреніямъ, которыя ему приписываетъ злоба враговъ. Низшіе классы и крестьянство, то-есть главная масса избирателей убѣждена, что собраніе стремится возстановить не только монархію, но также и десятины, да пожалуй и самую инквизицію. Отсюда вытекаетъ изъ республиканскій жаръ, который будетъ все расти въ силу той оппозиціи, которую большинство оказываетъ Тьеру. Но этотъ самый жаръ способенъ обратиться,—конечно, не на монархію,—но на имперію. Монархія считается старымъ порядкомъ, котораго Франція больше не желаетъ; имперія же, напротивъ того, слыветъ за демократическую диктатуру.

Слѣдуетъ прибавить, что этотъ республиканскій жаръ сопровождается по временамъ такими симптомами, какіе могутъ тревожить не только реакціонеровъ собранія, но и либеральныхъ и умѣренныхъ людей. Трое республиканцевъ, избранныхъ въ послѣднее время—люди вполне честные и заслуживающіе уваженія, и еслибы всеобщая подача голосовъ всегда приводила къ такимъ выборамъ, то можно было бы успокоиться на счетъ будущности нашего отечества. Одинъ изъ нихъ богатый промышленникъ сѣвернаго департамента, и выборъ его характеризуетъ, по моему мнѣнію, республиканское настроеніе значительной части

буржуазіи. Къ несчастію, слѣдуетъ различать избирателей отъ избираемыхъ, и несомнѣнно, что на послѣднихъ выборахъ со стороны одной части избирательнаго корпуса дѣлались такія манифестаціи, которыя гораздо ближе подходили къ коммунѣ прошлаго года, чѣмъ къ правительству Тьера. Съ этой точки зрѣнія большинство собранія тревожится основательно, а благоразумные республиканцы быть можетъ неумѣренно радуются и недостаточно остерегаются войны, которую они влекутъ за собою. Правительство съ своей стороны, и Тьеръ въ особенности относится ко всему этому слишкомъ поверхностно и испытываетъ какую-то мальчишескую радость отъ всего, что можетъ ослабить и раздражить большинство. Какъ бы то ни было, но заранѣе предвидѣлось, что торжественное воззваніе большинства къ Тьеру не приведетъ ровно ни къ чему, и даже еще усилить распрю, существующую между исполнительною властью и собраніемъ. Большинству никакъ не подобало льстить себя надеждой навязать свои условія Тьеру, какъ разъ послѣ того, какъ оно только-что доказало, что безсильно въ борьбѣ противъ него и желаніи замѣстить его. Трудно понять, какими образомъ умные люди, какъ, напримѣръ, де-Брольи, Витѣ, Сен-Маркъ-Жирарденъ не поняли всей нелѣпости такого посольства при подобныхъ условіяхъ. Положеніе Тьера относительно делегатовъ правой было такъ сильно, что онъ могъ бы удовольствоваться легкой насмѣшкой надъ ними, но его природная раздражительность взяла повидимому верхъ и разговоръ вышелъ довольно горячій. Делегаты публиковали родъ небольшого протокола, въ которомъ засвидѣтельствовали съ трескомъ „о разладѣ, существующемъ между большинствомъ и Тьеромъ, касательно принциповъ и дѣйствій консервативной политики“, и объявили, что правая оставляетъ за собою полную свободу дѣйствія, то-есть ту свободу, которой она пользовалась до сихъ поръ неумѣренно во вредъ общественному благу и своему собственному авторитету,—свободу мечтать о сліяніи и придумывать химерическія комбинаціи для замѣщенія Тьера. Президентъ, говорятъ, съ своей стороны очень разсердился и пригрозилъ ни болѣе, ни менѣе, какъ снова поднять министерскій вопросъ. Будемъ надѣяться, что онъ пощадитъ насъ отъ этой новой тревоги; но толкуютъ объ отставкѣ де-Ларси, нашего министра общественныхъ работъ и единственнаго легитимистскаго члена кабинета. Такимъ образомъ, единственнымъ результатомъ усилій правой будетъ устраненіе единственнаго представителя, насчитываемаго ею въ правительствѣ. Впрочемъ де-Ларси, превосходный человѣкъ, былъ очень плохимъ министромъ.

Если слухъ объ его отставкѣ подтвердится, то любопытно будетъ видѣть, на какой сторонѣ палаты Тьеръ станетъ искать ему преемника.

Вы спросите, быть можетъ: возможно ли среди всѣхъ этихъ дразгъ вести переговоры съ нѣмцами? А между тѣмъ переговоры эти ведутся,

и какъ слышно довольно удачно. Конечно заемъ, страшный заемъ въ три миллиарда, который предстоитъ намъ сдѣлать, будетъ стоить нѣсколько лишнихъ сотенъ милліоновъ. Банкиры не преминутъ сослаться на тревожное положеніе нашихъ дѣлъ, для того, чтобы заставить подороже заплатить за свое содѣйствіе. Но нѣмцы, въ самомъ дѣлѣ, выказываютъ добрыя намѣренія, то-есть я хочу сказать, что намѣренія ихъ настолько прекрасны, насколько этого можно ожидать отъ людей, крайне положительныхъ и ненадѣленныхъ рыцарскими чувствами. Это можно объяснить двумя причинами: желаніемъ поскорѣе окончить ликвидацію всей своей операціи въ силу именно непрочности положенія дѣлъ во Франціи, и во-вторыхъ, какъ я думаю, довольно сильнымъ расположеніемъ Бисмарка къ Тьеру и желаніемъ перваго помочь послѣднему и поддержать его. Совсѣмъ тѣмъ Германія не показываетъ чрезмѣрнаго усердія; она готова сдѣлать уступки, но въ границахъ строгой осторожности, и кажется, что нельзя разсчитывать, чтобы въ 1872-мъ г. нѣмцы очистили больше двухъ департаментовъ изъ тѣхъ шести, которые еще заняты пруссаками. Уступка заключается въ томъ, что потребуется только уплата пяти сотъ милліоновъ, то-есть *шестой* части нашего долга, чтобы добиться очищенія *трети* занятой въ настоящее время территоріи. Но очищеніе не будетъ окончательнымъ: нѣмцы уйдутъ, но французамъ нельзя будетъ замѣнить ихъ, и очищенные департаменты останутся нейтральными до окончательнаго выполненія всѣхъ условій мирнаго договора. Очищеніе другихъ четырехъ департаментовъ произойдетъ, если не ошибаюсь, въ теченіи 1873-го г. при такихъ же условіяхъ и за уплатой двухъ миллиардовъ, такъ что нѣмцы готовы принять гарантіи,—оцѣнка которыхъ впрочемъ присвоивается ими самимъ себѣ—лишь касательно уплаты послѣднихъ пяти-сотъ милліоновъ. Все это, какъ я уже выше говорилъ, тѣсно связано съ существованіемъ правительства Тьера, такъ что еслибы оно рушилось, то трактатъ немедленно утратилъ бы свою силу по всѣмъ статьямъ, которыя бы оставались еще невыполненными.

Вотъ кажется основанія, на которыхъ ведутся переговоры въ настоящую минуту, и какъ кажется съ надеждой на успѣхъ. Это не то рѣшеніе, о которомъ мечтали нетерпѣливые люди. Но Тьеръ повидному доволенъ, да я и не знаю, не предпочитаетъ ли онъ въ душѣ постепенное и не особенно поспѣшное очищеніе территоріи немедленному и окончательному удаленію нѣмцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкая оккупация является для него весьма выгоднымъ аргументомъ противъ всѣхъ партій; она удерживаетъ ихъ въ приличныхъ границахъ и учитъ терпѣнію. Когда монархисты съ одной стороны, а республиканцы съ другой заявляютъ о своемъ неудовольствіи, Тьеръ говоритъ имъ: „потерпите! у насъ руки связаны, пока Франція несвободна отъ чужеземцевъ! Надо, чтобы Франція была вполнѣ свободна, чтобы располагать

собой". Аргументъ хорошъ и я считаю его неопровержимымъ, но онъ имѣетъ свои худыя стороны, въ томъ отношеніи, что назначаетъ извѣстный срокъ для проявленія всѣхъ политическихъ страстей. Если въ настоящее время онѣ сдерживаются съ такимъ трудомъ, то по удаленіи нѣмцевъ окончательно разнуздаются. То будетъ моментъ великаго внутренняго кризиса, если только предположить, что удастся предотвратить его до того времени. Всего труднѣе продлить существованіе собранія еще на полтора года. Всего проще было бы примѣнить систему частныхъ выборовъ, по третямъ или меньше, благодаря которымъ собраніе обновлялось бы, не переставая существовать. Но объ этомъ никто не думаетъ. Такая умѣренность не въ духѣ французскаго народа. Все, или ничего—вотъ плохой политическій девизъ всѣхъ партій. По уходѣ нѣмцевъ, всѣ партіи потребуютъ всего. Еслибы мнѣ пришлось держать пари за кого-нибудь въ настоящій моментъ, то,—устраняя конечно гипотезу о бонапартистскомъ переворотѣ,—я подержалъ бы пари за Гамбетту, который является настоящимъ бенефициантомъ послѣднихъ выборовъ и который съ нѣкоторыхъ поръ разыгрываетъ передъ собраніемъ роль предполагаемаго наслѣдника Тьера. У него много итальянской ловкости и хитрости, но это еще не даетъ ему качествъ, необходимыхъ для главы правительства. Онъ счумѣетъ добраться до власти, но не счумѣетъ удержать ее въ своихъ рукахъ.

Ловкость и хитрость—вотъ также главные качества Тьера, не взирая на его самообольщеніе и всякія рѣзкія выходы. Онъ отлично воспользовался ими при обсужденіи военнаго закона, не на трибунѣ, гдѣ онъ велъ себя просто неловко, потому что разсердился, но въ бесѣдахъ съ отдѣльными группами депутатовъ. Дѣло шло для него о томъ, чтобы дать перевѣсъ своему личному чувству надъ чувствомъ, почти единодушнымъ, одушевлявшимъ всю палату и всю страну. Онъ почти успѣлъ въ этомъ, хотя конечно не настолько, насколько желалъ, потому что долженъ былъ пожертвовать общественному мнѣнію принципомъ замѣщенія (*remplacement*); однако ему удалось эскамотировать принципъ всеобщей и обязательной воинской повинности. Благодаря Тьеру, у Франціи будетъ войско не на нѣмецкій образецъ, какъ этого всѣ желали, но въ старомъ стилѣ. Всѣ будутъ нести воинскую повинность, но „хорошіе“ и „дурные“ нумера останутся, какъ и въ прежнее время. Дурные нумера будутъ служить пять лѣтъ, не считая годовъ, проведенныхъ въ резервѣ, а хорошіе—годъ и даже шесть мѣсяцевъ, то-есть почти нисколько. Съ одной стороны это подастъ поводъ къ безчисленнымъ жалобамъ, съ другой стороны—такая система никакъ не дастъ больше 800,000 наличнаго состава. Но Тьеръ не обладаетъ способностью обновлять свои идеи и взгляды. Въ стратегіи, какъ и въ политической экономіи, онъ держится тѣхъ понятій, какія усвоилъ себѣ въ молодости и до сихъ поръ считаетъ армію Наполеона I об-

разпозной. Онъ такъ упрямъ, такъ тупъ, можно сказать, что пренебрегаетъ самыми положительными, самыми очевидными фактами. Такъ, на примѣръ, изъ официальныхъ прусскихъ отчетовъ явствуетъ, что одно время, въ декабрѣ 1870 г., если не ошибаюсь, Германія выставила въ поле 1,100,000 войска. Тьеръ не признаетъ этого. Онъ игнорируетъ эту официальную цифру и утверждаетъ, съ точки зрѣнія своей непогрѣшимой науки, что у Германіи никогда не было больше 900,000. Точно также онъ никакъ не хочетъ признавать ландвера за настоящее войско, хотя опытъ доказалъ противное въ послѣднюю войну. Но какимъ же путемъ съумѣлъ онъ привлечь къ своимъ идеямъ правую, лѣвую и всѣ центры (потому что, не будь его неловкихъ выходовъ съ трибуны, то всѣ безъ исключенія оказались бы на его сторонѣ)? Долженъ сознаться, что уловки, къ которымъ онъ прибѣгалъ, достойнѣе, по моему мнѣнію, ловкаго Фигаро, чѣмъ настоящаго государственнаго человека. Онъ бѣгалъ отъ одного къ другому, измѣняя свои доводы, смотря по вкусу каждаго; но вотъ его два главныхъ аргумента: лѣвой онъ говорилъ, что нужно думать о возмездіи, что новая война съ Германіей неизбежна въ данномъ и довольно краткомъ промежуткѣ времени, самое позднее, на примѣръ, черезъ пять-шесть лѣтъ. Что необходимо, значитъ, приготовиться къ ней возможно скорѣе; а между тѣмъ такое полное преобразованіе, какъ введеніе всеобщей обязательной повинности, примѣняемой во всей строгости, далеко не дастъ необходимыхъ результатовъ въ ту минуту, когда они потребуются. Что, слѣдовательно, у Франціи явится армія, въ которой будутъ происходить коренныя реформы, то-есть полнѣйшая дезорганизация. Что, слѣдовательно, будетъ гораздо цѣлесообразнѣе призвать одну половину контингента и продержатъ его пять лѣтъ подъ ружьемъ. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ получится армія, достаточно подготовленная и внушительная. Правой, которая не столько желаетъ возмездія, сколько опасается красной республики, Тьеръ толковалъ про социальную борьбу и междоусобицу. Никогда, говорилъ онъ, солдаты, служащіе всего какихъ-нибудь два или три года, не будутъ настолько изолированы, настолько разъединены съ населеніемъ, чтобы рѣшиться стрѣлять по немъ, въ случаѣ нужды. Для такого страшнаго дѣла потребны старые солдаты, солдаты, усвоившіе воинскіе нравы и традиціи, и въ которыхъ заглохли воспоминанія гражданской жизни; потребны *ветераны*, а не *новобранцы*. Вотъ аргументъ, который восторжествовалъ надъ правой, между тѣмъ какъ аргументъ о возмездіи побѣдилъ лѣвую. Я не знаю, которому изъ двухъ Тьеръ придаетъ наибольшее значеніе и мнѣ сдается, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, онъ зло подшутилъ надъ своими слушателями. Конечно, если бы желать во что бы то ни стало возобновить войну въ возможно краткій промежутокъ времени, то система Тьера превосходнѣе, потому что скорѣе и вѣрнѣе дастъ

опредѣленное число хорошо обученныхъ солдатъ. Но неужели Тьеръ дѣйствительно жаждетъ возмездія? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь. Во всякомъ случаѣ нѣмцы, повидимому, нисколько не тревожатся на этотъ счетъ. Въ противномъ случаѣ, они не оказывали бы столько довѣрія и, можно даже сказать, предупредительности по отношенію къ Тьеру. Я не хочу этимъ сказать, что Тьеръ неспособенъ хитрить съ нѣмцами, но мнѣ кажется, что князя Бисмарка не такъ-то легко провести и что если онъ вѣрнѣе въ мирное настроеніе французскаго правительства, то потому, что имѣетъ хорошія на то основанія.

Что касается довода, которымъ Тьеръ привлечъ на свою сторону правую, то онъ не выдерживаетъ критики. Великое іюльское возстаніе 1848 г. было подавлено главнымъ образомъ гвардіе-мобілями, которые всего за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ вышли изъ среды населенія, съ которымъ имъ пришлось бороться. Года службы тутъ вовсе ни при чемъ. У насъ поведение солдатъ въ подобныхъ случаяхъ зависитъ отъ того, какъ настроено общественное мнѣніе, и съ теченіемъ времени это обстоятельство будетъ все вліятельнѣе.

Теперь, когда военный законъ вотированъ, собранію, полагаю, не придется больше совершить чего-нибудь важнаго до каникулъ. Мнѣ кажется, что собраніе вовсе неспособно теперь приступить къ обсужденію закона объ обязательномъ первоначальномъ обученіи, который впрочемъ не имѣетъ ровно никакихъ шансовъ на успѣхъ, если отношенія между правой и правительствомъ снова не улучшатся. Правая ненавидитъ принципъ обязательности обученія, и если она вотируетъ что-либо въ этомъ смыслѣ, то это будетъ невольной уступкой правительству. Слѣдовательно несомнѣнно, что разъ она не захочетъ дѣлать уступокъ, то не станетъ вотировать законъ. Я полагаю, впрочемъ, что самъ Тьеръ довольно равнодушно къ нему относится. Развитіе просвѣщенія принадлежитъ къ числу тѣхъ новѣйшихъ потребностей, которыя ему мало понятны. Законопроектъ объ обязательномъ обученіи, равно какъ и о воинской повинности, былъ уступкой общественному мнѣнію, высказавшемуся въ этомъ смыслѣ послѣ нашихъ поражений. Но въ палатѣ быть можетъ только лѣвая, и лѣвый центръ дѣйствительно имъ интересуются.

Самымъ важнымъ дѣломъ настоящаго сезона будетъ заемъ, нѣсколько затрудняемый, какъ я уже говорилъ, злополучными раздорами между собраніемъ и правительствомъ. Тѣмъ не менѣе законъ этотъ состоится на довольно благоприятныхъ условіяхъ, — такъ еще великъ кредитъ Франціи. Никто въ этомъ не сомнѣвается, хотя дѣло идетъ о трехъ миллиардахъ и даже, пожалуй, больше. Если не удовольствоваться цифрой долга нѣмцамъ, то придется потребовать отъ европейскаго кредита новаго займа въ восемьсотъ милліоновъ и даже въ миллиардъ. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ *счетъ мик-*

сидации войны, который постоянно увеличивается и долженъ достигать въ настоящее время 700 или 800 миллионѣвъ. Кромѣ того, по всей вѣроятности окажется довольно значительный дефицитъ по бюджету 1872-го года, да пожалуй бюджетъ 1873-го года, который еще не вотиrowанъ, приведетъ къ такому же результату. Разъ не рѣшились сдѣлать значительныхъ сокращеній по военному бюджету, — необходимо будетъ примириться съ существованіемъ дефицитовъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Между тѣмъ съ Тьеромъ во главѣ правленію нечего было и думать о сокращеніи военнаго бюджета. Онъ считаетъ, что большая армія необходима во всякомъ случаѣ для великой націи. Да, говоря по справедливости, трудно было бы Франціи сократить военныя издержки, когда вся Европа ихъ увеличиваетъ. Такая политика смахивала бы на окончательное отреченіе. Франція, конечно, не должна стремиться къ возмездію во что бы то ни стало, не должна желать новой войны и не можетъ затѣять ее иначе какъ навѣрняка, то-есть заручившись рѣшительными союзниками; но она не должна упускать изъ виду возможность непредвидѣнныхъ событій и должна быть готова воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ. Нѣмцы вѣроятно въ этомъ смыслѣ и понимаютъ миролюбивое настроеніе Тьера, да, въ сущности, если они желаютъ мира, то это уже ихъ дѣло вести свою политику такимъ образомъ, чтобы не создавать себѣ въ Европѣ враговъ, которые были бы естественными союзниками Франціи. Франція сама по себѣ, безъ союзниковъ, безсильна, но тѣмъ не менѣе обязана имѣть внушительную армію. Конечно, такой порядокъ дѣлъ не можетъ продолжаться вѣчно. Если наши бюджеты станутъ постоянно отягощаться, а дефициты расти, между тѣмъ, какъ случая для употребленія въ дѣло арміи не представится, то придется наконецъ прибѣгнуть къ экономіи въ той области, гдѣ она возможна. Но въ этомъ отношеніи всѣ европейскія державы находятся въ равныхъ съ нами условіяхъ; всѣ тратятся на содержаніе арміи не соразмѣрно съ своими нормальными доходами, и если имъ не придется въ извѣстный промежутокъ времени пустить армію въ дѣло, то онѣ должны будутъ ее сократить.

Изложивъ отношенія, существующія между правительствомъ и различными политическими фракціями, обращаюсь теперь къ бонапартистамъ, о которыхъ я такъ часто говорилъ въ моихъ письмахъ. Бонапартисты все еще здравствуютъ, но хотя газеты ихъ отличаются прежней наглостью, члены этой партіи нѣсколько притихли въ данную минуту. Съ одной стороны, какъ я уже кажется упоминалъ раньше, нельзя опасаться какой-нибудь насильственной попытки съ ихъ стороны, пока вопросъ объ очищеніи территоріи не будетъ рѣшенъ окончательно, равно какъ и всѣ счеты съ нѣмцами. Никакая партія, ни даже бонапартисты, не осмѣлятся стать поперегъ этому вопросу. Къ тому же имъ это вовсе невыгодно и гораздо пріятнѣе предоставить другимъ окончательную

ликвидацию войны. Съ другой стороны, ихъ государственный человѣкъ, Рузрь, не выказалъ до сихъ поръ особенной ловкости въ палатѣ. Апологія имперіи, предпринятая имъ по поводу военныхъ поставокъ, не могла увѣнчаться успѣхомъ въ собраніи, гдѣ преобладаетъ анти-бонапартистскій духъ, хотя многіе изъ его членовъ въ послѣднее время, начинаютъ выказывать весьма пагубную снисходительность къ бонапартизму. Я жду, что въ случаѣ дальнѣйшаго раздора между Тьеромъ и правой Рузрь станетъ искать поддержки у этой послѣдней, въ качествѣ представителя „великой партіи порядка“. Но сознаюсь, я ожидалъ, что онъ изберетъ совсѣмъ иную роль; я ожидалъ, что онъ при всякомъ удобномъ случаѣ станетъ разыгрывать варіаціи на тему о воззваніи къ народу, такъ какъ въ этомъ заключается самый сильный аргументъ бонапартистовъ. Всѣ отступаютъ передъ плебисцитомъ, потому что опасаются, какъ бы онъ роковымъ образомъ не привелъ къ торжеству бонапартизма. Еслибы пустить на голоса выборъ между республикой, легитимной монархіей, конституціонной монархіей и имперіей, то пожалуй за имперію оказалось бы наибольшее число голосовъ. Но конечно такого случая никогда не представится, потому что ни одно правительство не будетъ настолько просто, чтобы примѣнить общую подачу голосовъ противъ себя. Еслибы Тьеръ захотѣлъ сдѣлать воззваніе къ народу, то онъ поступилъ бы такъ же точно, какъ и Наполеонъ III. Онъ пустилъ бы на голоса только самого себя, то-есть, иными словами сказалъ бы избирателямъ: „изберите меня, или устраивайтесь какъ знаете“. При такихъ условіяхъ плебисцитъ былъ бы не менѣе благопріятенъ для него, чѣмъ для Наполеона III. Иные изъ его друзей убѣждаютъ его поступить такимъ образомъ, но, если не ошибаюсь, онъ никогда не прибѣгнетъ къ этому средству, да и хорошо сдѣлаетъ. Такая уловка слишкомъ глупа и безчестна, да къ тому же по отношенію къ бонапартистамъ осталась бы безъ всякаго результата: милліоны голосовъ, высказавшихся за существующее правительство, нисколько не помѣшали бы имъ стремиться низвергнуть это правительство насильственнымъ переворотомъ, предоставляя себѣ, въ случаѣ успѣха, освятить свои дѣйствія новымъ плебисцитомъ. Опасность, заключающаяся въ бонапартизмѣ, вытекаетъ изъ его безсовѣстности и изъ того, что общая подача голосовъ всегда освящаетъ совершившійся фактъ. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, мы долго еще не освободимся отъ этого кошмара; и еслибы даже съ лица земли исчезли всѣ Бонапарти до единого, то опасность постоянно возобновлялась бы подъ инымъ названіемъ, въ лицѣ какого-нибудь смѣлаго и безсовѣстнаго генерала. Потребуется до меньшей мѣры лѣтъ двадцать непрерывнаго существованія республики, чтобы поставить насъ внѣ этой опасности. Суждено ли намъ пережить ихъ? Вотъ вопросъ.

Кстати о безсовѣстныхъ генералахъ: недавно вышелъ новый томъ документовъ императорской фамилии, то - есть документовъ, найденныхъ въ Тюльери послѣ 4-го сентября. Нѣкоторые изъ этихъ бумагъ жестоко компрометируютъ маршала Базена, процессъ котораго ведется въ настоящее время. Я не знаю, кому принадлежитъ инициатива этой книги, появленіе которой, говорятъ, очень оскорбило правительство, задумывавшее было даже конфискацію книги, именно вслѣдствіе того положенія, въ какомъ находится маршалъ и необходимости щадить честь всякаго подсудимаго. Правительство 4-го сентября учредило комиссію для обнародованія всѣхъ этихъ документовъ, нѣкоторое число которыхъ и появилось во время осады Парижа со всей обстановкой officialнаго изданія. Но комиссія, составленная безъ всякаго разбора изъ мелкихъ литераторовъ и редакторовъ мелкихъ газетъ, очень плохо выполнила возложенное на нее дѣло: она преимущественно хваталась за все пикантное и скандальное, пренебрегая тѣмъ, что имѣло дѣйствительный историческій интересъ и не соблюдая никакихъ приличій, на которыя имѣла даже право императорская фамилія, находясь въ несчастіи и ссылкѣ. Въ то же самое время извѣстное число документовъ было присвоено нѣкоторыми членами комиссіи безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и продано ими различнымъ лицамъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ цѣлый чемоданъ, наполненный подобными документами, принадлежавшими или ихъ владѣльцу, или же государству, былъ данъ въ уплату за денежный долгъ. Благодаря недобросовѣстности комиссіи 4-го сентября, изданія документовъ вскорѣ потеряли всякое значеніе, и когда Тьеръ сталъ во главѣ управленія, то прекратилъ всю операцію. Но время отъ времени у различныхъ издателей появляются сборники этихъ документовъ, заключающіе разныя рабоблаченія. Тотъ, который у меня передъ глазами, касается главнымъ образомъ Мексики и содержитъ цѣлую серію писемъ офицеровъ и генераловъ, между прочимъ письмо генерала Феликса Дуэ, которыя сильно компрометируютъ маршала Базена и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ объ экспедиціи въ Мексику еще худшее понятіе, чѣмъ то, какое составили себѣ о ней враги имперіи. Подлинность этихъ документовъ вѣдъ всякаго сомнѣнія, такъ какъ генералъ Дуэ не отказался отъ нихъ. Изъ нихъ почти ясно вытекаетъ, что маршалъ Базенъ задавался мыслію сдѣлаться императоромъ или президентомъ Мексики. Общественное мнѣніе давно подозрѣвало его въ этомъ, но никогда еще обвиненіе не было высказано съ такой опредѣленностью и такимъ авторитетнымъ свидѣтельствомъ.... Генералъ Дуэ выказывается въ своихъ письмахъ честнымъ человекомъ. Онъ, повидимому, съ искреннимъ и вполнѣ основательнымъ негодованіемъ утверждаетъ, что маршалъ поступалъ напереворъ приказаніямъ императора и удерживалъ войско въ Мексикѣ, изъ личныхъ соображеній, тогда, когда уже рѣшено было ихъ отту-

да вывести. Какъ видите, это составляет пагубный antecedentъ для челоѣка, призваннаго оправдаться въ обвиненіи, тяготѣющемъ на немъ, что онъ въ Метцѣ эксплуатировалъ общественныя бѣдствія въ интересахъ личнаго честолюбія. Въ самомъ дѣлѣ несомнѣнно, что если маршалъ дозволилъ себѣ вступать въ переговоры съ пруссаками и посылать эмиссаровъ въ императрицѣ, то именно потому, что надѣялся играть первую роль послѣ заключенія мира, въ качествѣ ли опекуна Наполеона IV, или же совсѣмъ на другихъ условіяхъ. Но между его поведеніемъ въ Мексикѣ и поведеніемъ въ Метцѣ существуетъ та разница, что въ Мексикѣ онъ былъ неоспоримо подданнымъ Наполеона III и что его интриги являлись просто измѣной, не только съ точки зрѣнія фактической и нравственной, но также и съ точки зрѣнія точнаго и положительнаго права. Въ Метцѣ же положеніе его было иное. Маршалъ можетъ приводить въ свое оправданіе, что присяга, данная имъ императору, возлагала на него извѣстнаго рода обязательства, и утверждать, что ничто не обязывало его признавать правительства, явившагося въ Парижѣ вслѣдствіе возмущенія. Вотъ главный аргументъ, на который по всей вѣроятности будетъ напирать его адвокатъ, и нельзя отрицать, что съ точки зрѣнія законности этотъ аргументъ не лишенъ нѣкотораго вѣса. Дѣятели 4-го сентября конечно оказали великія услуги, такъ какъ учредили хоть какое-нибудь правительство вслѣдъ за катастрофой, постигшей имперію. Но мало-мальски ловкій адвокатъ не преминетъ настаивать на томъ, что они точно также эксплуатировали бѣдствія Франціи въ пользу своей партіи и даже въ пользу своихъ личностей, причемъ ихъ вмѣшательство въ дѣла отечества принесло послѣднему также мало пользы, какъ и дѣйствія маршала Базена, потому что въ концѣ концовъ они вынуждены были капитулировать почти на тѣхъ же основаніяхъ. Процессъ маршала во всякомъ случаѣ отразится невыгодно на правительствѣ 4-го сентября и нѣкоторыхъ генералахъ, командовавшихъ въ Метцѣ дивизіями, подъ начальствомъ Базена. Маршалъ Базенъ конечно виноватъ, но положеніе наше такъ щекотливо, а идеи нравственности и общественного права такъ извращены, вслѣдствіе слишкомъ частыхъ революцій, что лучше было бы не поднимать этого дѣла. Такъ думало и правительство, но общественное мнѣніе вынудило его къ тому, хотя многіе изъ тѣхъ, которые побуждали его отдать подъ судъ маршала Базена, теперь сожалеютъ объ этомъ, потому что предвидать всѣ послѣдствія.

Возвращаясь къ изданію, которое навело меня на эти разсужденія, не могу не замѣтить, что оно даетъ ясное понятіе объ организаціи императорской полиціи и о томъ, насколько она уважала почтовую тайну. Ни единое изъ писемъ, содержащихся въ сборникѣ, не было адресовано прямо къ императору. Письма генерала Феликса

Дуз, отличающіеся конфиденціальнымъ и семейнымъ характеромъ, были адресованы имъ къ брату, генералу Абею Дуз, убитому въ сраженіи при Вейсенбургѣ. Тѣмъ не менѣе они были найдены въ Тюльери. Полиція распечатывала всѣ письма изъ Мексики, какъ она вѣроятно это дѣлала со многими другими, и снимала съ нихъ копіи, которыя посылала императору. Эти-то копіи и были найдены въ ящикахъ Тюльери. Въ то же самое время видишь, къ какимъ уступкамъ былъ вынуждаемъ порою такой абсолютный, повидимому, государь, какъ Наполеонъ III, по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ. Обвиненія,¹ возникавшія противъ маршала Базена, были настолько серьезны, что могли бы по меньшей мѣрѣ вызвать слѣдствіе, если не прямую отдачу подъ военный судъ. Этого слѣдствія не было назначено, потому что мексиканская экспедиція имѣла много грязныхъ и постыдныхъ сторонъ, которыхъ нельзя было даже слегка освѣщать передъ публикой. Поэтому-то маршала Базена не только не тронули, но продолжали осыпать наградами и почестями. Императоръ, основательно считая его человѣкомъ опаснымъ и не будучи въ силахъ въ конецъ погубить его, побоялся его раздражать.

Незадолго до того, какъ маршалъ Базенъ отдался въ руки правосудія, онъ издалъ книгу, подъ заглавіемъ *Рейнская армія*, въ дополненіе къ безчисленнымъ изданіямъ, вызваннымъ войною. Эта книга, принимая во вниманіе положеніе, въ какое поставленъ теперь маршалъ, имѣетъ ту оригинальную черту, что въ ней не замѣтно намѣренія оправдаться. Авторъ повѣствуетъ о своей кампаніи съ такимъ же спокойствіемъ духа, съ какимъ Цезарь могъ писать свои *Комментаріи*, и сообщаетъ, какъ о простѣйшей вещи въ мірѣ, о своихъ переговорахъ съ пруссаками, по поводу той роли, какая могла выпасть на долю его арміи и его самого при заключеніи мира и реорганизаціи Франціи. Со стороны такого пройдохи, такое кажущееся простодушіе можетъ быть только ловкимъ расчетомъ. Маршалъ хочетъ сдѣлать видъ, что считаетъ свое поведеніе вполне простымъ и законнымъ. Но расчетъ его не удался относительно публики, которая поняла, что поведеніе маршала совсѣмъ не соответствовало его положенію. Я замѣчаю однако, что съ тѣхъ поръ, какъ маршалъ находится въ заключеніи и процессъ его есть дѣло рѣшеное, общественное мнѣніе нѣсколько смягчилось относительно его. О немъ перестали говорить. Впрочемъ это дѣло можетъ очень затянуться. Слѣдствіе еще не начиналось, и я не думаю, чтобы уже былъ назначенъ регулярно составленный военный судъ. Всѣ стараются уклониться отъ участія въ немъ, да оно и понятно, потому что отвѣтственность предстоитъ большая и, по моему, равно затруднительно какъ оправдать, такъ и осудить. Понадобился специальный законъ для учрежденія этого суда, такъ какъ всѣ другіе маршалы, которымъ всего естественнѣе было

быть судьями Базена, не могли быть ими по разнымъ причинамъ, главное потому, что служили подъ его начальствомъ во время кампаніи, за которую онъ теперь привлеченъ къ отвѣтственности. Къ тому же было бы нѣсколько удивительно, еслибы, напримѣръ, маршалъ Лебёфъ, бывшій военный министръ Наполеона III, который самъ такъ много виноватъ, явился бы судьей въ настоящемъ процессѣ.

Итакъ, бывшій главнокомандующій метцкой арміей будетъ судимъ адмираломъ и дивизионными генералами. Герцогъ Омальскій, которому возвращенъ его генеральскій чинъ и который—одинъ изъ первыхъ генераловъ, по старшинству, могъ одну минуту опасаться, что войдетъ въ составъ суда надъ Базеномъ. По этому случаю даже, онъ впервые говорилъ въ собраніи, и объявилъ себя готовымъ исполнить всѣ свои обязанности, какъ, военного такъ и гражданина, какъ бы онъ ни были тяжелы. Но кажется нашли основаніе устранить его въ качествѣ родственника императрицы Шарлотты, вдовы императора Максимилиана. Какъ видите, допускается, что мексиканскія воспоминанія могутъ оказать нѣкоторое вліяніе на процессъ, и правительство не прочь отъ мысли, что Максимилиана можно считать до нѣкоторой степени жертвой Базена.

Внѣ отдѣла военной литературы, я не могу указать чего-нибудь особенно замѣчательнаго въ числѣ новыхъ изданій. Не помню хорошо, говорилъ ли я вамъ объ *Исторіи девятнадцатаго вѣка*, которую началъ печатать Мишле и которая, повидимому, отличается тѣмъ же характеромъ импровизаціи, который присущъ его послѣднимъ сочиненіямъ. Эта исторія носитъ отпечатокъ нѣкотораго бѣснованія и крайней поверхности. Первый томъ, озаглавленный *Директорія*, посвященъ главнымъ образомъ прославленію Бабёфа и разгнѣчиванію генерала Бонапарта. Мишлѣ заходитъ слишкомъ далеко. Онъ не достигаетъ своей цѣли, и его сочиненіе напоминаетъ мнѣ неистовство живописца Курбё, рекомендовавшаго разрушить Вандомскую колонну. По мнѣнію автора, Бонапартъ выказывалъ себя, во время своей знаменитой итальянской кампаніи, поочередно то слишкомъ предприимчивымъ, то черезъ-чуръ робкимъ генераломъ, которому необыкновенно благопріятствовало счастье и отлично помогали сподвижники, болѣе талантливые, чѣмъ онъ самъ. Эта безумная тема падаетъ сама собой, и я не стану вдаваться въ ея критику.

Искусство, живопись и скульптура сохранили больше жизненности, чѣмъ литература. Выставка нынѣшняго года, первая со времени войны, гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ этого можно было ожидать. Конечно, на ней не видно было такихъ произведеній, которыя составляютъ эпоху. Большинство великихъ мастеровъ, которые прославили французскую школу, уже нѣтъ болѣе въ живыхъ и они не оставили преемниковъ. Но выставка показала, что школа безъ особыхъ

усилій держится на среднемъ уровнѣ. Геніевъ нѣтъ, но замѣтно много таланта и вкуса, въ особенности по части пейзажа и жанра. Съ этой стороны по крайней мѣрѣ нѣмцы еще не скоро превзойдутъ насъ. Одной изъ лучшихъ вещей былъ, несомнѣнно, портретъ президента республики, нарисованный М. Жакемаръ, молодой артисткой, изобличающей зрѣлое дарованіе. Вы понимаете, что въ сюжетахъ, заимствованныхъ изъ послѣдней войны, не было недостатка.

Нѣкоторые изъ картинъ этого рода были убраны ихъ творцами съ выставки, по просьбѣ правительства, чтобы не оскорблять нѣмцевъ и не помѣшать переговорамъ объ освобожденіи территоріи. Говорятъ, что одна изъ этихъ картинъ, самая рельефная и наилучше выполненная (перевозка пруссаками французской мебели), была куплена за очень дорогую цѣну въ Россію.

Въ заключеніе скажу вамъ нѣсколько словъ по поводу небольшой религіозной агитаціи, сигналъ къ которой подалъ Гизо и которая произвела въ Парижѣ больше шума, чѣмъ я ожидалъ. Реформатская церковь во Франціи, представляющаяся небольшимъ островкомъ среди католическаго океана, съ давнихъ поръ уже раздѣлилась на двѣ фракціи: одна изъ нихъ держится догматовъ XVI-го столѣтія и ученія реформаторовъ; другая, прогрессивная и либеральная, считаетъ, что она вѣрна не столько буквѣ, сколько духу реформатскаго ученія. Обѣ школы по всей вѣроятности долго бы еще прожили рядомъ одна съ другой, еслибы Гизо, устранимый съ политическаго поприща революціей 1848 г., не вздумалъ для собственнаго утѣшенія и времяпрепровожденія внести въ эту маленькую сферу свой властолюбивый и нетерпимый духъ. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ ему удалось своимъ вліяніемъ изгнать либеральныхъ пасторовъ почти изъ всѣхъ парижскихъ церквей, но ему показалось этого недостаточно. Благодаря дружбѣ, соединяющей его съ президентомъ республики, онъ добился разрѣшенія созвать общій синодъ протестантской церкви во Франціи. Этотъ синодъ засѣдаетъ въ настоящее время: это вселенскій соборъ въ миниатюрѣ, крошечное подражаніе ватиканскому собору, на которомъ Гизо имѣетъ удовольствіе засѣдать и разыгрывать роль папы. Такъ какъ онъ располагаетъ большинствомъ съ десятокъ голосовъ, то заставилъ это большинство вотировать, что мнѣнія его и его друзей составляютъ общія и обязательныя вѣрованія реформатской церкви и что тѣ, которые иначе вѣрятъ, чѣмъ онъ, не будутъ составлять часть этой церкви. Признаюсь, что такая метода рѣшать вопросы вѣры большинствомъ нѣсколькихъ голосовъ, представляется мнѣ еще нелѣпѣе, чѣмъ католическій способъ объяснять все внушеніями Св. Духа. Первымъ догматомъ ученія папы является вѣрованіе, что онъ вдохновляемъ свыше, между тѣмъ какъ Гизо не можетъ претендовать на то, что онъ отличается отъ обыкновенныхъ людей, и говоря уже о томъ,

что другое большинство можетъ разрушить черезъ нѣсколько лѣтъ, то, что теперешнее большинство постановило. До сихъ поръ во всемъ этомъ дѣлѣ видна большая непослѣдовательность и негнѣпость, но можно опасаться, какъ бы Гизо не вытребовавъ отъ государства въ той или другой формѣ признанія догмата, сфабрикованнаго имъ, то есть другими словами, чтобы его не навязали пасторамъ, что повлечетъ за собой глубокое волненіе и вызоветъ много отпаденій. Но, пожалуй, впрочемъ это окажется полезнымъ. Пасторы, отвергающіе сверхъестественное, но подчинявшіеся до сихъ поръ извѣстнымъ формамъ, освободясь отъ всякаго ига, найдутъ быть можетъ въ себѣ и въ обстоятельствахъ силы, необходимыя для основанія новой церкви, въ самомъ дѣлѣ новой, при томъ конечно условіи, если государство не станетъ мѣшать имъ, на что оно всегда падео у насъ, какъ скоро дѣло коснется религіознаго движенія.

Что касается дѣла аббата Мишо, о немъ совсѣмъ не слыхать въ послѣднее время, хотя я полагаю, что ему удалось основать гдѣ-нибудь въ Парижѣ, хотя въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, церковную общину на собственный ладъ.

Р. S. 24 іюня.—Разладъ между Тьеромъ и легитимистами и приверженцами сліянія на этотъ разъ кажется окончательный. Де-Ларси, министръ общественныхъ работъ, настаиваетъ, какъ слышно, на своей отставкѣ. Это доказываетъ, что его партія отказывается отъ участія, весьма впрочемъ слабаго, какое отведено было ей въ управленіи. Увѣряютъ, что Тьеръ не намѣренъ хлопотать объ его преемникѣ, а просто-на-просто присоединитъ его портфель къ портфелю министра торговли.

Но всѣ гаданія, вызываемыя этимъ кризисомъ, забыты въ настоящую минуту, потому что получено извѣстіе, занявшее всѣ умы, а именно, что въ непродолжительномъ времени переговоры съ нѣмцами будутъ окончены. Событіе совершилось повидимому еще быстрѣе, чѣмъ я ожидалъ. Заключеніе займа считается, вслѣдствіе этого, неизбѣжнымъ.

Н.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ГОГОЛЯ.

Литературная Замѣтка.

По поводу «Новыхъ отрывковъ и вариантовъ ко 2-му тому Мертвыхъ Душъ», въ «Русской Старинѣ». 1872 г. Январь.

Несмотря на уваженіе, которымъ пользовался Гоголь, какъ художникъ въ средѣ русскаго общества, и на обиліе мемуаровъ, оставленныхъ людьми, къ нему близкими, послѣдній періодъ его дѣятельности, нѣкогда возбуждавшій столько противорѣчивыхъ толковъ, продолжаетъ оставаться загадочнымъ и мало разъясненнымъ. Но чѣмъ болѣе протекаетъ времени со дня его кончины, тѣмъ болѣе прежняя сдержанность и осторожность въ сужденіяхъ и приговорахъ уступаетъ мѣсто рѣшительному огульному осужденію. Напряженныя ожиданія современниковъ начинаютъ казаться иллюзіями. Преждевременная дряхлость нѣкогда великаго таланта дѣлается аксіомою. Ранняя художническая несостоятельность признается стоящею внѣ всякаго сомнѣнія. Наконецъ, высказывается недоумѣніе, какъ могла эта повидимому столь очевидная несостоятельность ускользнуть отъ проницательности людей, окружавшихъ поэта, и продолжавшихъ въ непонятномъ самообольщеніи возлагать на него несбыточныя надежды.

Тѣмъ отраднѣе для насъ всякое неожиданное открытіе, бросающее хотя какой-нибудь свѣтъ на внутреннюю жизнь и творчество Гоголя въ этотъ періодъ его существованія. Такимъ открытіемъ являются неизвѣстные отрывки и варианты ко 2-му тому „Мертвыхъ Душъ“, обнародованные въ первой книжкѣ „Русской Старины“ за нынѣшній годъ. Они яро обнаруживаютъ передъ нами своеобразную силу таланта Гоголя въ тѣ годы, когда онъ былъ занятъ окончательною отдѣлкою своего любимаго произведенія; они проливаютъ ясный свѣтъ на самыя важныя стороны его авторской дѣятельности. вмѣстѣ съ тѣмъ они раскрываютъ передъ нами его отношенія къ современникамъ, въ особенности къ Бѣлинскому; даютъ твердую точку опоры для опредѣленія относительной давности и различительныхъ особенностей дошедшихъ до насъ отрывковъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“; наконецъ, они разъясняютъ намъ продолжительную работу Гоголя надъ этимъ томомъ, и даютъ возможность судить о томъ, какимъ долженъ онъ былъ выйти въ его окончательной обработкѣ. Всѣ эти предметы заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Рукопись, нынѣ изданная, принадлежала другу и товарищу Го-

голя, Н. Я. Прокоповичу, и безъ сомнѣнія досталась ему изъ первыхъ рукъ. Изъ сравненія ея съ печатными текстами, помѣщенными въ изданіи г. Кулиша, оказывается, что это есть дальнѣйшая выработка послѣдняго (второго) списка, какъ это всего яснѣе видно изъ отрывка 3-ей главы, гдѣ въ извѣстное описаніе пріѣзда Чичикова къ помѣщику Пѣтуху введены новые эпизоды о закускѣ Пѣтуха и снѣ Чичикова, превосходно дорисовывающіе этотъ мастерской этюдъ.

Мы имѣемъ слѣдовательно три разновременные списка первыхъ главъ 2-го тома Мертвыхъ Душъ, и внимательное сопоставленіе этихъ списковъ приводитъ насъ къ очень любопытнымъ выводамъ.

„Переписка съ друзьями“, изданная въ 1846-мъ г., оповѣстила о сожженіи первой редакціи этого тома. Подъ вліяніемъ охватившаго его тогда настроенія, Гоголь принялся съязнова за свой неизмѣнный трудъ; и оба первоначальные, помѣщенные въ изданіи г. Кулиша, списки свидѣлствуютъ, что новый трудъ созидался въ духѣ тѣхъ понятій, совокупность которыхъ намѣчена авторомъ въ его „Перепискѣ“. Очень рельефно выступаетъ это уже въ 1-ой главѣ, изображающей воспитаніе Андрея Ивановича Тентетникова, его пріѣздъ и занятія въ деревнѣ.

Беремъ первый списокъ, наиболѣе ранній.

Авторъ, изображая воспитаніе Тентетникова, первоначально вводитъ его въ небывалую школу, руководимую необыкновеннымъ наставникомъ Александромъ Петровичемъ, т.-е. въ такую школу, которая, по тогдашнимъ понятіямъ Гоголя, представляетъ еще недостигнутый идеалъ школы. Названный воспитатель не терпѣлъ „огромныхъ воззрѣній и взглядовъ, которыми любятъ пощеголять молодые профессора“, и „утверждалъ, что всего нужнѣе человѣку *наука жизни*, что, узнавъ ее, онъ узнаетъ тогда самъ, чѣмъ долженъ заняться преимущественно“.

Эту-то науку жизни сдѣлалъ онъ предметомъ отдѣльнаго курса воспитанія, продолжаетъ Гоголь. Здѣсь внушалось выносить всякое оскорбленіе, сохранять высокій покой, въ которомъ вѣчно долженъ пребывать человѣкъ. Чтобы закалить душу воспитанниковъ въ горнилѣ житейской суеты, Александръ Петровичъ дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ же товарищей; но проникнувши это, они становились еще осторожнѣй. Проходившіе этотъ курсъ люди умѣли удержаться на самыхъ шаткихъ мѣстахъ и обнаруживали высокое нравственное вліяніе на своихъ подчиненныхъ.

Эта наука жизни — очевидно, та самая наука, которая преподаана Гоголемъ въ его перепискѣ, и учила сочетать искусство практической наживы съ бездѣятельностію мысли, подчиняющейся вѣйшему авторитету.

Но такъ какъ Тентетниковъ предназначался не для подвиговъ вѣнсоваго промышленнаго борца, а для роли богатаго и лѣниваго помѣщика одной изъ степныхъ губерній Россіи, то естественно слѣдовало, что „этого ученія не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу“. Необыкновенный наставникъ скоропостижно заболѣлъ и умеръ. Вздохнувшій о жалкой судьбѣ своего героя, миновавшаго подобную школу; Гоголь ведетъ его въ дѣйствительную школу, такую, какія имѣлись тогда въ Россіи. Въ этой школѣ были заведены какіе-то внѣшніе порядки; требовалось, чтобы молодой народъ пребывалъ въ безмолвной тишинѣ, чтобы всѣ ходили попарно, даже аршиномъ размѣрялось разстояніе отъ пары до пары. Преподавались и химія, и филозофія, и политическія науки, и всеобщая исторія въ такомъ объемѣ, что профессоръ въ три года успѣвалъ проходить одно только введеніе да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ, и все это оставалось въ головѣ какими-то безобразными клочками. Такимъ образомъ, Гоголь указывалъ на два недостатка современной школы: педантическій формализмъ и разносторонность преподаванія, сосредоточивающагося по преимуществу на предметахъ, по его понятію, мало примѣнимыхъ къ обыденной жизни, и притомъ изобилующихъ „новыми взглядами и новыми точками возрѣній“, въ чемъ нельзя не видѣть въ частности враждебнаго намека на гремѣвшую славой профессорскую дѣятельность Грановскаго.

Когда Тентетникову не повезло на службѣ, онъ вспомнилъ, что у него есть имѣніе, находящееся въ разстройствѣ, и онъ рѣшается позаботиться о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи вѣранныхъ ему людей, чтобы представить государству трезвыхъ и работающихъ подданныхъ. Пріѣздъ его въ деревню знаменуется сенами, обнаруживающими прочность патріархальнаго союза и неизмѣнность взаимнаго благорасположенія между помѣщикомъ и его крестьянами. Послѣдніе восторженно привѣтствуютъ своего барина, Тентетниковъ, умиленный избыткомъ обнаруженной ими любви, упрекаетъ себя въ небреженіи ими, и рѣшается быть для нихъ тѣмъ, „чѣмъ онъ долженъ быть“.

Сдѣлавъ кое какія облегченія для крестьянъ, онъ тотчасъ же принимается за хозяйство въ духѣ Костанжогло: „показывается на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ“. Онъ безъ сомнѣнія хочетъ быть для крестьянъ живымъ примѣромъ неусыпнаго труда. Но это ему не удается.

Не взирая на данныя льготы, или можетъ быть именно благодаря имъ, бабы не употребляютъ своего досуга на обшиванье и одѣванье мужей; между ними заводятся праздность, сплетни, драки и всякія ссоры.

„Разбираемыя судейскія дѣла и всякія расправы“ ведутся не-

успѣшно и никого не удовлетворяютъ: явственно даетъ себя чувствовать недостатокъ науки жизни, ибо—какъ поясняется позднѣе—ни къ чему не ведутъ тутъ юридическія тонкости и философскія книги.

Заведена и школа: „но изъ этого вышла такая чепуха, что лучше было бы и не задумывать“.

Господскія работы исполняются дурно, очевидно потому, что нѣтъ охоты трудиться на человѣка, недостаточно проникнутаго народными началами, и напротивъ того уже вкусившаго отъ иноземныхъ „огромныхъ воззрѣній и взглядовъ“.

Баринъ отворачивается отъ крестьянскаго и собственнаго хозяйства, сначала засматривается на красоты природы, а наконецъ запирается въ своей комнатѣ и впадаетъ въ равнодушіе и апатію.

Такимъ образомъ, въ кругъ обязанностей идеальнаго помѣщика, возлагаемыхъ на него самымъ его положеніемъ, входили по тогдашнимъ понятіямъ Гоголя: исправное веденіе своего хозяйства, приученіе собственнымъ примѣромъ крестьянъ къ неослабному труду въ полѣ и дома, удовлетворительный вотчинный судъ, руководимый безсознательнымъ инстинктомъ правды, блюстительство порядка, и черезъ это самое—улучшеніе цѣлой области, — словомъ, все такъ, какъ подробно излагается въ перепискѣ съ друзьями. Бѣда только въ томъ, что Тентетниковъ, подобно всѣмъ своимъ сверстникамъ, оказывается неспособнымъ сладить съ своими обязанностями и стать въ уровень съ своимъ призваніемъ.

Уже въ этомъ первомъ наброскѣ совмѣщаются тѣ противорѣчивыя черты, которыя съ одной стороны придавали новому произведенію несомнѣнное общественное значеніе, а съ другой подрывали его въ самомъ его основаніи. Гоголь вѣрно угадывалъ недугъ русскаго общества, но ошибался въ средствахъ, способныхъ помочь этому недугу. Онъ видѣлъ апатію, овладѣвшую лучшими людьми, видѣлъ неохоту идти по открытымъ дорогамъ, которыя однѣ предлагались имъ на выборъ. Общество тяготилось узкостію предоставленной ему сферы дѣятельности, оно предпочитало вовсе отказываться отъ всякой дѣятельности, чѣмъ идти по избитымъ колеямъ. Эту неудовлетворенную жажду дѣятельности, не предвидя для нея другого легальнаго исхода, Гоголь желалъ бы направить на практическія занятія пріобрѣтателя, озабоченнаго умноженіемъ средствъ къ возможно сносному существованію, не возмущаемому никакими порывами въ инныя сферы однажды навсегда признанныя закрытыми и заповѣдными. Это былъ своего рода утилитаризмъ, но утилитаризмъ, очерченный заколдованнымъ кругомъ матеріальнаго довольства, не обнаруживавшій въ перспективѣ ничего, кромѣ безысходной пошлости и пустоты духовныхъ интересовъ.

Съ этою цѣлію Гоголь училъ помѣщика наполнять свой день физическимъ трудомъ, подавая въ этомъ примѣръ окружавшему его на-

селенію. Какъ бы ни было, подъ часъ трудно ихъ положеніе, но послѣ трудового дня, и помѣщикъ и крестьяне разойдутся успокоенные и умиротворенные, заглушивъ въ себѣ бесплодную тревогу ума. Воскресный день смѣнить эту трудовую жизнь необходимымъ освѣжительнымъ отдыхомъ. Школа, разсуждалъ Гоголь, уже дастъ досугъ, уже вносить зерно сомнѣнія, ведетъ къ началу размышленія и слѣдственно недовольства. Долой школу! Обычный умъ призывался занять мѣсто всякаго ученія и образованія. Благонамѣренное управленіе, разбирательныя судейскія дѣла и всякія расправы вмѣнялись въ обязанность для пресѣченія порочныхъ наклонностей и блюстительства порядка. Извѣстная степень загроубѣлости, зачерствѣлости сердца требовалась для поддержанія въ ходу всей машины. Ревнивое обереганіе себя отъ соблазновъ, способныхъ размягчить и изнѣжить душу, дѣлалось условіемъ прочности всей системы. Отреченіе отъ собственной мысли и воли и подчиненіе ихъ внѣшнему авторитету возводилось въ принципъ. Пускай всѣ добровольно несутъ на себѣ свое ярмо, не помышляя объ его тяжести, — и будетъ на землѣ тишь, да гладь, да Божья благодать. Люди будутъ плодиться, множиться и населять землю.

Вотъ въ какомъ духѣ писался и дописывался 2-ой томъ Мертвыхъ Душъ какъ объ этомъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшіе отрывки послѣдующихъ и даже послѣдней, заключительной главы.

Тотъ же идеалъ, который отрицаетъ собою отрицательный образъ Тентетникова, воплощается въ положительномъ типѣ Костанжогло. Главнымъ достоинствомъ Костанжогло выставляется то, что онъ „учился на мѣдныхъ деньги“, и слѣдственно далекъ отъ всякихъ высшихъ воззрѣній и взглядовъ. Школъ онъ заводить не будетъ. По его понятію, онъ портятъ характеръ и дѣлаютъ человека ни на что неспособнымъ. За то онъ мастеръ извлекать изъ всякой дрянн существенные доходы, и знатокъ практической науки управленія. Онъ ставитъ себѣ правиломъ покровительствовать крестьянамъ въ ихъ простомъ быту, устраняя отъ нихъ всѣ соблазны и предметы роскоши. „Благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди!“ говоритъ онъ, и этимъ способомъ охраняетъ первобытную чистоту нравовъ. Трудись, потому что трудъ развиваетъ умъ лучше всякой школы, трудись, но не соблазняйся роскошью, — таковъ его лозунгъ. За то и крестьяне дорожатъ его наукой: онъ, и никто другой, всякому уму научить.

Такъ, не только руководящія начала переписки съ друзьями переносились въ повѣствованіе, но оттуда же заимствовались самыя выраженія, въ родѣ приведеннаго: „стали тряпки, а не люди!“

Тоже вліяніе сказывается и въ образѣ Хлобцева, снаряжающагося въ путь съ цѣлю: „инстолковать мужичкамъ, что Богъ велитъ переносить безропотно и молиться въ то время, когда несчастливы, а не

буйствовать и расправляться самимъ, словомъ, говорить имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя“.

Оно же отражается и въ лицѣ откупщика Муразова, къ которому обанкрутившійся миллионеръ Иванъ Потапычъ обращается съ слѣдующимъ монологомъ: „по своей волѣ не хочу ничего дѣлать; слушаю васъ, потому что Бога хочу слушаться, такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ устами лучшихъ людей; вы умнѣ меня, а потому не я отвѣчаю, а вы“.

И наконецъ имъ же проникнута даже личность благотѣльнаго генералъ-губернатора, который взываетъ къ чиновникамъ: „все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствуетъ изъ насъ *всѣхъ*, что долженъ возстать противу неправды,“ и самъ начинаетъ тѣмъ, что судить Чичикову „кнутъ и Сибирь“ за его продѣлки, а кончаетъ тѣмъ, что по заступничеству Муразова, отпускаетъ его на всѣ четыре стороны, по своему истолковывая заповѣдь: не судите, да не судимы будете. Онъ, какъ попечительный начальникъ, избавилъ ввѣренный ему край отъ злого челоуѣка. Пусть же въ иномъ мѣстѣ бдительное начальство снова изловить его, въ случаѣ новыхъ проказъ,—и снова выгнать его за предѣлы своего благоденствующаго округа. Не одинъ-моль правый судъ обезпечиваетъ личность и благоденствіе гражданъ: ихъ также обезпечиваетъ зоркій и благонамѣренный административный произволъ.

Такъ, художественное воспроизведеніе дѣйствительности, нерѣдко поражающее мѣткостью и правдивостію изображенія, повсюду заслоняется и извращается морализующими тенденціями автора, въ угоду которымъ самые живые и реальные образы внезапно превращаются въ холодныя аллегоріи и ходячіе символы мѣтній и убѣжденій писателя-моралиста.

Общій смыслъ поэмы можетъ быть выраженъ въ немногихъ словахъ. Всѣ сословія, званія и должности въ государствѣ должны оставаться тѣмъ, чѣмъ они были; но всѣ, отъ мала до велика, должны быть перевоспитаны въ духѣ довольства своимъ относительнымъ положеніемъ и своими относительными средствами, чтобы строгимъ исполненіемъ возложенныхъ на себя обязанностей поднять уровень общаго благосостоянія. Призваніе автора заключается въ томъ, чтобы возвысить это благосостояніе, побудивъ всѣхъ и cadaго къ исполненію этихъ обязанностей.

Не можетъ быть сомнѣнія, что этотъ первый очеркъ поэмы доведенъ до конца уже одновременно съ изданіемъ въ свѣтъ „Переписки съ друзьями“, т.-е. что онъ былъ уже законченъ къ наступленію 1847 года. За это говоритъ какъ свидѣтельство Л. Арнольдц, видѣвшаго на рабочемъ столѣ Гоголя послѣднюю главу 2-го тома Мертвыхъ Душъ, въ скорости по возвращеніи Гоголя изъ-за границы въ Россію (см. его статью „Мое знакомство съ Гоголемъ“, въ „Русск. Вѣстн.“ 1862 года. Т. 37);

такъ и еще болѣе тѣ заимствованія изъ „Переписки съ друзьями“, на которыя мы уже обратили вниманіе, и которыя частію устранены при послѣдующихъ поправкахъ, предпринятыхъ, какъ тотчасъ увидимъ, вѣроятно вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этой переписки.

Итакъ, хотя 2-й томъ Мертвыхъ Душъ и былъ уже готовъ въ чернѣ, Гоголь отложилъ на время его печатаніе, чтобы исподоволь заняться обработкою его въ художественномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе онъ сгаралъ нетерпѣніемъ повѣдать міру новооткрытый талисманъ всеобщаго благоденствія и дать каждому въ руки кодексъ само-нужнѣйшихъ правилъ вседневною обихода, въ ожиданіи того времени, когда новое твореніе раскроетъ ихъ во всей полнотѣ, въ живыхъ образахъ, служащихъ ихъ носителями и истолкователями.

Онъ издалъ „Переписку съ друзьями“. Вопреки ожиданіямъ автора, эта книга встрѣтила не хоръ восторговъ и одобренія, а бурю негодованія и осужденія.

Гоголь остановился въ недоумѣніи передъ этимъ неожиданнымъ результатомъ, и вотъ что писалъ онъ къ Бѣлинскому, по поводу рецензіи послѣдняго на переписку съ друзьями:

„Я прочелъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ въ № 2 „Современника“, не потому, чтобы мнѣ было прискорбно униженіе, въ которое вы меня хотѣли поставить въ виду всѣхъ, но потому что въ ней слышенъ голосъ человѣка на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить человѣка не любившаго даже меня, тѣмъ болѣе васъ, объ которомъ я думаю, какъ о человѣкѣ меня любящемъ. Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги; какъ же вышло, что на меня разсердились всѣ до одного въ Россіи — этого покуда я еще не могу понять; восточные, западные и нейтральные — всѣ огорчились. Это правда: я имѣлъ въ виду небольшой щелчокъ каждому изъ нихъ, считая это нужнымъ, не испытавши надобности его на собственной кожѣ (всѣмъ намъ нужно побольше смиренія). Но я не думалъ, чтобы щелчокъ мой вышелъ такъ грубъ, неловокъ и такъ оскорбителенъ. Я думалъ, что мнѣ великодушно простятъ, и что въ книгѣ моей зародышъ примиренія всеобщаго, а не раздора“.

Послѣдняя фраза, какъ мы видѣли, почти буквально повторяется въ заключительной главѣ перваго списка Мертвыхъ Душъ, и конечно могла быть внесена въ нее только еще тогда, когда Гоголь вѣровалъ въ примирительную силу своего ученія, т.-е. до изданія переписки съ друзьями. Въ послѣдующихъ поправкахъ эта фраза, подобно многимъ подобнымъ, уже исчезаетъ, вмѣстѣ съ пошатнувшеюся вѣрою въ свою непогрѣшимость.

Всю силу своего увлекательнаго краснорѣчія собралъ Бѣлинскій въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, пытаясь раскрыть Гоголю глаза на сущ-

ность и значеніе проповѣдуемой имъ доктрины. Мы не будемъ безъ нужды сокращать этого замѣчательнаго памятника, оставшагося намъ отъ эпохи сороковыхъ годовъ. Объ немъ нерѣдко упоминается въ русской литературѣ; а между тѣмъ его вліяніе на Гоголя еще никѣмъ не было указано. Если не ошибаемся, намъ удалось открыть несомнѣнные слѣды этого вліянія въ самыхъ твореніяхъ Гоголя, и этого достаточно, чтобы привести его здѣсь in-extenso, насколько оно относится къ нашей задачѣ.

„Вы только отчасти правы, — писалъ Бѣлинскій — увидѣвъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка; этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы совсѣмъ не правы, приписавъ это вашимъ дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, еслибы все дѣло заключалось въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства. Нельзя промолчать, когда проповѣдываютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель. Да, я любилъ васъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею страной, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса. И вы имѣли основательную причину хотя на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія вашего духа, потерявъ право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому что въ этомъ отношеніи представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я, не видѣли самаго большаго числа, и которыя въ свою очередь тоже никогда не видѣли васъ! Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ“.

„Я думаю, — продолжаетъ Бѣлинскій — что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ своей фантастической книгѣ; но это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что вы столько уже лѣтъ смотрѣли на Россію изъ вашего прекраснаго далѣка. А вѣдь извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ изъ далѣка видѣть предметы такими, какъ намъ хочется ихъ видѣть, потому что въ томъ прекрасномъ далѣкѣ вы живете совершенно чужды духомъ въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго, и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства

человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ. Ей нужны права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности выполненіе ихъ. А вмѣсто того она представляетъ собою ужасное зрѣлище, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на то и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждающіе, что негръ не человѣкъ. Это страна, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками, Ваньками, Степками, Палашками; страна, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка; а есть только огромная корпорація различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые современные національные вопросы Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостнаго права и отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія гѣхъ законовъ, которые уже есть. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ своемъ апатическомъ полуснѣ. И въ это-то время великій писатель, который дивно-художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на себя самое, какъ будто въ зеркалѣ, явился съ книгою, которою учить варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ „неумытыми рылами“. Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки. Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно прониклись Христова ученія, совсѣмъ не то писали бы вы къ вашему адепту изъ помѣщиковъ; вы бы писали ему, что такъ какъ его крестьяне—его братья по Христу, и какъ братъ его не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ долженъ дать имъ свободу, или по крайней мѣрѣ пользоваться ихъ трудами какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ къ нимъ положеніи. А выраженіе: „Ахъ ты, неумытое рыло!“... да у какого Ноздрева, или у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру какъ великое открытіе въ пользу назиданія русскихъ мужиковъ, которые и безъ того потому не умираютъ, что повѣрили своимъ барамъ, сами себя не считая за людей. А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ, расправѣ, идеалѣ котораго вы нашли въ словахъ глупой бабы, въ повѣсти Пушкина, ѣн по разуму котораго должно пороть и праваго и виноватаго! Да это и такъ у насъ дѣлается, даже въ частую, хотя чаще всего порятъ праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія быть безъ вины виноватымъ. И такая - то книга можетъ быть результатомъ труднаго внутренняго прогресса, высокаго духовнаго просвѣщенія? — Не можетъ быть!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ правъ, что вы дѣлаете? Взгля-

ните себя подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною!... Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, какъ великую и неоспоримую истину, будто простому человѣку грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да простить вамъ Богъ за эту мысль, если только, передавая ее бумагѣ, вы вѣдали, что творили... Теперь судите сами: можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ человѣка. Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, и, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ есть жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почтенно, почему у насъ такъ легковъ вѣрный успѣхъ, даже при маленькомъ талантѣ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ мнѣніемъ такъ-называемое либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта. И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, что вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ Душахъ“ вы менѣе рѣзки, съ меньшей истиной и талантомъ и менѣе горькой правды высказали? И она дѣйствительно разсердилась на васъ въ бѣшенствѣ, но „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“ не пали отъ этого, тогда какъ ваша послѣдняя книга провалилась сквозь землю. И публика тутъ права; это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя и въ зародышѣ, свѣжаго, здраваго чувства, и это же показываетъ, что у нея есть будущность. Если вы любите Россію, порадайтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги.

„Ваше обращеніе, пожалуй, можетъ быть искренно, но мысль довести о немъ до свѣдѣнія публики — самая печальная.... Смирненіе, проповѣдываемое вами, во-первыхъ, не ново, во-вторыхъ, отзывается съ одной стороны страшною гордостью, а съ другой самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ, можетъ быть плодомъ только или гордости, или слабоумія, и ведетъ въ обоихъ случаяхъ къ лицемерію, ханжеству, атеизму. И при этомъ вы позволили себѣ цинически горячо выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжество), но и о самомъ себѣ (это уже гадко), потому что человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, но человѣкъ, бьющій по щекамъ самого себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы омрачены, а не просвѣтлены. И что за языкъ, что за фразы? „Дрянъ и тряпка сталъ теперь всякъ

человѣкъ". Неужели вы думаете, что сказать „всякъ" вмѣсто всякій—значить выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ отдается лжи, его оставляетъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, и будь изъ нея исключены тѣ мѣста, гдѣ вы говорите о самомъ себѣ, какъ о писателѣ, кто бы подумалъ, что эта надутая и неопрятная шумиха словъ и фразъ — произведеніе автора „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ"? Что же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошибаетесь, сочтя статью мою выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы только это разсердило меня, я только объ этомъ отозвался бы съ досадою, а объ остальномъ отозвался бы спокойно и безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ нехорошъ. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своими восторгамъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ; но и эта необходимость тяжела, потому что какъ-то не человѣчески за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все же и не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали можетъ быть гораздо болѣе восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла, но все же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго, благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою — ихъ и вашимъ врагамъ, да еще въ добавокъ обвинять ихъ въ намѣреніи дать какой-то предосудительный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы конечно сдѣлали это по увлеченію главною мыслью вашей книги и по неосмотрительности. Все это не хорошо. А что вы ожидали времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ) — этого я не зналъ, не могъ, да признаться, не хотѣлъ бы знать. Передо мною была ваша книга, а не ваши намѣренія. Я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ, и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть; а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило душу.

„Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро превратилось бы въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя я и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну только правду. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противу васъ, по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ половину, не умѣю хитрить — это не въ моей натурѣ. Пусть вы, или само время докажетъ мнѣ, что я ошибался въ моихъ о васъ понятіяхъ, я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что высказалъ о васъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей

личности, а о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ. Тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ мое послѣднее, заключительное слово: если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вы должны съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжелый грѣхъ ея изданія искупить новыми твореніями, которыя напомнили бы ваши прежнія.— Зальцбургъ, 15-го іюня 1847-го года“.

Недавно было гдѣ-то замѣчено, что нельзя вообразить себѣ ничего болѣе комическаго, какъ Гоголя (тогдашняго Гоголя!) — за чтеніемъ письма Бѣлинскаго. Признаемся, мы мало видимъ здѣсь элементовъ для комизма. Здѣсь сталкивались два разнородныя воззрѣнія, двѣ противоположныя системы убѣжденій,—и кто не скажетъ, что, оставляя въ сторонѣ все, что въ письмѣ Бѣлинскаго легко объясняется временнымъ раздраженіемъ и духомъ противорѣчія, приведенныя мысли его письма не признаны истинными въ ихъ сущности и не легли въ основу обновляющейся Россіи? Слѣдя за дальнѣйшими судьбами „Мертвыхъ Душъ“, мы убѣждаемся, что вліяніе высказанныхъ Бѣлинскимъ мнѣній на Гоголя далеко не имѣло комическаго характера, и напротивъ было въ высшей степени благотворнымъ для его художественной дѣятельности.

Письмо Бѣлинскаго писано по поводу „Переписки съ друзьями“. Но оно вполне примѣняется и къ сохранившимся спискамъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“. Если бы Бѣлинскій читалъ послѣднія въ подлинникѣ, онъ не могъ бы сказать ничего болѣе ндущаго къ дѣлу. Однородность направленія обоихъ произведеній слишкомъ очевидна. Даже выраженія, подчеркнутыя Бѣлинскимъ въ перепискѣ, повторяются, какъ мы видѣли, въ „Мертвыхъ Душахъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Гоголь писалъ „Мертвыя Души“ по прочтеніи письма Бѣлинскаго, то онъ по крайней мѣрѣ остерегся бы вносить въ свою поэму неудачныя, порицаемыя критикомъ, поговорки. Уже одно это обстоятельство доказываетъ, что печатные списки „Мертвыхъ Душъ“ не могли быть написаны позднѣе половины 1847-го года. При томъ Гоголь былъ такъ пораженъ неуспѣхомъ своей переписки, что онъ никакъ не могъ бы спокойно проводить тѣ же идеи черезъ все свое новое произведение, будучи увѣренъ, что его ждетъ такой же приѣмъ, какой встрѣтила его переписка. Даже большинство поправокъ, вошедшихъ въ составъ второго списка, и усиливавшихъ моралистическій оттѣнокъ поэмы, должно было предшествовать изданію переписки. Не рѣдко эти поправки поражаютъ своею безцѣльностью и бесплодностью; это была не работа художника, а упорный трудъ человѣка, по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, взявшагося за несвойственное ему дѣло. Вся она вертѣлась около отвлеченной канвы сочиненія,

и, по самой своей задачѣ, не приводила ни къ какому результату. Слово отказывалось уловить неуясненную, недодуманную мысль. Но рядомъ съ этими поправками встрѣчаются уже другія, очевидно принадлежащія позднѣйшему времени. Подобно тому какъ прежде, по собственнымъ словамъ Гоголя, при всякой работѣ чудился ему свѣтлый образъ Пушкина, съ его звонкимъ смѣхомъ и одобрительнымъ отзывомъ, такъ теперь, при новомъ просмотрѣ написанныхъ главъ, возставала передъ нимъ грозная тѣнь неподкупнаго критика, съ его беспощадными филиппиками и рѣзкою рѣчью. И Гоголь, въ порывѣ неостывшей досады, не могъ воздержаться, чтобы не кольнуть ненавистнаго критика, или, въ лучшемъ смыслѣ, чтобы не внести въ свою поэму намека на образъ, долженствовавшій запечатлѣть собою характеръ господствовавшего и, по мнѣнію автора, уклонившагося съ должнаго пути, духа времени.

Такъ въ первоначальномъ очеркѣ, ближайшіе сосѣди Тентетниковы описывались совершенно въ духѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. „Временами, рассказываетъ авторъ, изъ сосѣдей завернетъ къ нему бывало отставной гусарь поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандеръ-полковникъ, мастеръ и охотникъ на разговоры обо всемъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными; живое, ловкое обращеніе, потрепки по колѣну и прочія развязности начали ему казаться ужъ черезъ-чуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться“.

Въ послѣдующей редакціи, мѣсто брандера-полковника заступаетъ другое лицо: „рѣзкаго направленія недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ“, и типическимъ признакомъ его выставляется уже не „живое и ловкое“, а „европейски открытое“ обращеніе. Такъ самая жизненная правда приносилась въ жертву полемическому задору. Но этого мало. „Начитавшійся всякихъ брошюръ, недокончившій учебнаго курса эстетикъ“ поименовывается ниже въ числѣ членовъ противузаконнаго общества...

Уязвленное самолюбіе писателя тѣшилось подобными недѣльными выходками, — и все-таки издавать написанное, въ томъ видѣ, какъ оно было набросано, оставалось немислимымъ.

Но годы текли. Бѣлинскій сошелъ въ могилу. Личное раздраженіе противъ него улегалось. Горизонтъ понемногу прояснялся. Возвратившись въ Россію, Гоголь нашелъ въ ней молодую литературу, признававшую его своимъ родоначальникомъ и занятую, подъ именемъ натуральной школы, разработкою современной русской жизни и дѣйствительности. Знакомство съ ея произведеніями и направленіемъ, столкновеніе съ ея представителями, путешествія, предпринимаемыя внутрь Россіи, должны были охладить его морализующее рвеніе и протрезвить его взглядъ на истинныя задачи и средства поэзіи. Ясно

должно было стать, что для успѣха его поэмы необходимо было выбросить изъ нея тенденціозную подкладку, и, хотя можетъ быть не безъ сожалѣнія, остаться при одномъ художественномъ воспроизведеніи русскаго быта. Другого исхода не было. Волею или неволею приходилось слѣдовать совѣту и указаніямъ Бѣлинскаго.

Вновь найденные отрывки первыхъ главъ 2-го тома замѣчательны тѣмъ, что обнаруживаютъ передъ нами работу Гоголя надъ своимъ произведеніемъ именно въ этомъ направленіи. Въ этой работѣ, обнимающей собою только три первыхъ главы, моралистъ очевидно ступаетъ передъ художникомъ. Безукоризненные, твердою рукою нанесенные очерки первоначальной картины остались неприкосновенными; всѣ наросшія, современемъ, безобразныя пятна, пестрившія картину и спутывавшія ея опредѣленные контуры, тщательно устранены. Мы снова любимся знаменитымъ „земнымъ раемъ“ въ помѣстьи Тентетникова, снова знакомимся съ его добродушнымъ хозяиномъ, и снова повѣствуется намъ его прошлая жизнь. Но нѣтъ уже и помину о прежней фантастической школѣ съ ея фантастическимъ наставникомъ. Кратко, какъ бы мимоходомъ, упоминается объ учебномъ заведеніи, съ многообразіемъ предметовъ преподаванія; и если сохранился профессоръ всеобщей исторіи, съ трехгодичнымъ введеніемъ и подробнымъ изложеніемъ развитія нѣмецкихъ городовъ, то даже эта черта остается вѣрною характеру времени, искавшего себѣ поученія и утѣшенія въ изученіи давнихъ вѣвовъ и далекихъ народовъ, и гораздо болѣе знакомаго съ событіями всего остального челоувѣчества, чѣмъ съ преданіями собственной родины. Взамѣнъ того дано болѣе развитіе разсказу о службѣ Тентетникова подъ эгидою его дяди, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Онуфрія Ивановича, и весь этотъ разсказъ дышетъ правдою и свѣтлымъ юморомъ, особенно въ обрисовкѣ подначальническихъ отношеній этого послѣдняго къ его патрону, графу Сидору Андреевичу. Эти страницы напоминаютъ лучшія вдохновенія нашего неподражаемаго комика. Разставшись съ Петербургомъ, Тентетниковъ ѣдетъ въ деревню, и здѣсь-то, въ описаніи его пріѣзда, встрѣчи и жизни въ деревнѣ видна полная рѣшимость Гоголя разорвать съ прошедшимъ. Въѣздъ въ деревню возбуждаетъ въ Тентетниковѣ уже не мысли о важности обязанностей, возложенныхъ на него званіемъ помѣщика, являющагося и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, т.-е. членомъ административной машины, — нѣтъ, онъ просто вызываетъ въ немъ дорогія сердцу воспоминанія дѣтства. Тентетниковъ, этотъ очевидно симпатичный автору герой, предназначенный имъ для „дивнаго, прелестнаго“ созданія, Уленьки, проникнуть уже не началами гоголевской морали, не сентенціями „Переписки съ друзьями“, а воззрѣніями и убѣжденіями Бѣлинскаго. Онъ по истинѣ является сыномъ своего времени, носите-

лемъ его думъ и говорить его языкомъ. Письмо Бѣлинскаго пошло въ дѣло!

Еще г. Т—въ (въ статьѣ: „Послѣдніе дни Гоголя“, „Отеч. Запис.“ 1857. Т. СХІ) рассказываетъ, что Гоголь любилъ узнавать неизвѣстныя ему слова, нерѣдко очень обыденныя, и даже записывалъ ихъ въ особныя тетрадки, для того приготовленныя. Услыхавъ на примѣръ отъ автора воспоминаній слово *научный*, онъ нѣсколько разъ повторилъ сказанное слово и прибавилъ: „а мы все говорили „научообразный“, это неловко, то гораздо лучше“. Такъ и въ письмѣ Бѣлинскаго очевидно поразила его мысль о необходимости пробужденія въ народѣ „чувства человѣческаго достоинства“. Послѣднее выраженіе трижды повторяется Бѣлинскимъ. Его-то владыкаетъ Гоголь въ уста Тентетникова.

Съ неподдѣльнымъ комизмомъ рисуетъ Гоголь встрѣчу Тентетникова съ крестьянами. Узнавъ о пріѣздѣ барина, мужики покрыли весь дворъ, собрались къ крыльцу, подходили къ барину и кланялись въ ноги. „Тентетникову, продолжаетъ авторъ, не понравилось это униженіе человѣческаго достоинства; онъ остановилъ низкіе поклоны и сталъ говорить мужикамъ рѣчь о томъ, что человѣкъ долженъ уважать себя и не унижаться передъ равнымъ себѣ существомъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и они, что онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы ихъ просвѣтить и осчастливить; и многое говорилъ имъ Тентетниковъ въ духѣ равенства и свободы, о которомъ читался въ книгахъ. Мужики слушали и ничего не понимали“. А когда началась попойка, и крестьяне силились разъяснить себѣ, что говорилъ баринъ, они махнули рукой и рѣшили: „Ну, а Богъ его вѣдаетъ, что онъ баялъ. Что-то похоже на то, какъ отецъ Аванасій въ церкви баеетъ. Вѣстимо книжки; это не по намъ“. Какъ видно, мужики смекнули, что соловья баснями не кормятъ.

Водворившись въ деревнѣ, Тентетниковъ уже не возлагаетъ на себя обязательнаго шатанья по хозяйственнымъ работамъ, въ смыслѣ воспитательнаго примѣра, не занимается судейскими разбирательствами, какъ никто ими не занимался, не заводитъ школъ, какъ никто не заводилъ ихъ. Просто упоминается, что баринъ ничего не смыслилъ по хозяйству и не имѣлъ энергіи, что мужики тотчасъ поняли это, и стали надуть его. Мелочи деревенскаго хозяйства тяготили его, и онъ пересталъ заниматься ими.

Въ числѣ посѣтителей, наѣзжавшихъ чтобы разгонять скуку добровольнаго затворника, мы не находимъ уже ни рутиннаго отставнаго полковника-брандера, ни сваливашагося съ небесъ, недоучившагося студента, набравшагося мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ. Въ двухъ словахъ передается, что баринъ вздумалъ-было искать развлеченія въ знакомствѣ съ сосѣдями, — и это надоѣло. Онъ

облекся въ халатъ, не велѣлъ никого пускать къ себѣ на глаза и захандрилъ.

Въ этомъ состояніи и находитъ его прїѣзжающій Чичиковъ.

Не даромъ радовался Гоголь своей работѣ, и говорилъ своимъ друзьямъ, что съ первой главы туманъ сошелъ. На мѣсто однообразныхъ варіацій на ту же тему, какими являлись прежнія лица поэмы, болѣе или менѣе вѣрно выхваченныя изъ дѣйствительности, но всѣ окрашенныя въ цвѣтъ воззрѣній и убѣжденій автора, получались живыя лица, съ типическими различительными признаками. Авторъ замѣчательно спокойно относился къ этимъ признакамъ, хотя бы они были ему мало симпатичны, и не торопился наложить на нихъ клеймо отверженія, какъ бы сознавши ту истину, что разногласіе голосовъ необходимо для гармоніи хора, и что разнообразіе убѣжденій совмѣстимо съ единодушіемъ стремленій на пути мирнаго преуспѣянія. Исчезала вся накопившаяся фальша, и художникъ снова возвращался на стезю художнической правды. Его поэма освобождалась отъ противорѣчиваго смѣшенія несомѣстимыхъ признаковъ въ очертаніи лицъ и характеровъ, и, подобно его прежнимъ произведеніямъ, становилась вѣрнымъ зеркаломъ дѣйствительности, не кривившимъ отражаемыя черты своими прихотливыми изгибами, а воспроизводившимъ ихъ въ ихъ жизненной цѣлостности.

Всюду обнаруживается стремленіе къ простотѣ и естественности, даже въ обрисовкѣ характера Уленьки устранены лишнія восклицанія и напускныя восторги, и если что удивляетъ насъ, такъ это то, что еще по прежнему выраженія: „подловать, гадовать, пустовать“, первыя срываются съ ея губъ при знакомствѣ съ читателемъ, и съ прежнею невысказанностью дослушиваетъ она анекдотъ о бѣленькихъ и черненькихъ.

Мы уже упоминали, что рассказъ о Пѣтухѣ дополненъ двумя новыми мастерскими штрихами, и хотя эта фигура безъ сомнѣнія не предназначалась играть никакой роли въ дальнѣйшей интригѣ „Мертвыхъ Душъ“, тѣмъ не менѣе она остается эскизомъ, достойнымъ кисти великаго художника, которымъ по неволѣ залюбуется всякій любитель.

Если та же кисть прошла и по остальнымъ лицамъ поэмы, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ своей окончательной отдѣлкѣ они удовлетворяли самымъ взыскательнымъ требованіямъ. А что она должна была пройти по нимъ съ тѣми же цѣлями и намѣреніями, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Послѣ введеннаго въ первую главу эпизода о служебныхъ отношеніяхъ сановниковъ, безъ внутренняго противорѣчія не могла сохраниться прежняя поза идеальнаго генералъ-губернатора, развязывающаго запутавшіяся нити поэмы. Таковъ, какъ онъ есть, онъ по всей справедливости могъ заслужить отъ cadaго

изъ своихъ подчиненныхъ отзывъ Онуфрія Ивановича о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ: „знаешь ли, братъ, каковъ мой начальникъ графъ Сидоръ Андреевичъ. Вотъ ужъ можно сказать собака, а добрыйшай, благородныйшай душа“.

Теперь становится понятною упорная работа Гоголя надъ 2-мъ томомъ Мертвыхъ Душъ. Просматривая печатныя изданія этого тома, съ множествомъ разновременныхъ поправокъ, дѣйствительно можно подумать, что творческія силы автора истощились, и что онъ писалъ этотъ томъ, „вытаскивая изъ себя клещами фразу за фразой“, какъ выразился г. Бергъ въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ рядомъ съ вновь изданными отрывками Мертвыхъ Душъ. Но такое впечатлѣніе очевидно ошибочно. Не недостаткомъ фантазіи страдалъ Гоголь въ этомъ періодѣ своей дѣятельности, а плодovitостію резонерства, увлекавшего его за предѣлы художественнаго труда. Рукописи Пушкина и Лермонтова показываютъ намъ, что эти художники точно также отсѣкали въ своихъ произведеніяхъ все, что, помимо ихъ воли, растягивалось и расплывалось въ неопредѣленность. Но ни одинъ изъ нихъ не переживалъ того тяжелого внутренняго кризиса, какой испыталъ Гоголь. Метаясь изъ стороны въ сторону, онъ дѣлалъ свои урѣзы, добавленія и очищенія подъ вліяніемъ самыхъ разнородныхъ мотивовъ. Труденъ былъ для него процессъ внутренняго развитія, но онъ вышелъ торжествующимъ изъ этой борьбы, и снова является передъ нами въ полномъ цвѣтѣ таланта, художникомъ, вполне владѣющимъ своими средствами и носящимъ въ душѣ твердо намѣченный идеалъ своего созданія. По собственнымъ словамъ его, передаваемымъ въ воспоминаніяхъ г. Берга, при каждомъ новомъ просмотрѣ поэмы, вмѣстѣ съ крѣпчаніемъ слога, съ отдѣлкой и очисткой фразъ, какъ бы крѣпчала и самая рука, даже буквы становились тверже и рѣшительнѣе. И точно, въ концѣ концовъ получался памятникъ, рѣзанный на мѣди и предназначенный переходить, въ своей законченной красотѣ, изъ вѣка въ вѣкъ, на удивленіе и поученіе будущихъ художниковъ. По свидѣтельству людей, близко знавшихъ Гоголя, имъ былъ уже вполне оконченъ весь 2-й томъ, состоявшій изъ одиннадцати главъ, т.е. изъ того же числа, какое входило въ составъ перваго тома, и онъ рѣшался приступить къ изданію его, когда внезапная болѣзнь намѣнила его намѣренія и побудила къ сожженію съ такою любовью взлелѣяннаго произведенія.

Если мы спросимъ себя, была ли минута сожженія минутою *просвѣтленія* художника, сознавашаго неизбѣримую пропасть между своею истинною задачею и призваніемъ и между ея посильнымъ исполненіемъ, или же то была минута возврата къ давно забытымъ колебаніямъ и сомнѣніямъ совѣсти, почувшавшей разладъ между грѣховностію земныхъ интересовъ и житейскихъ тревогъ и между безмятежностію

души, ищущей вѣчнаго успокоенія, то выборъ между этими отвѣтами едва-ли можетъ показаться сомнительнымъ.

Счастливый случай не ранѣе, какъ черезъ двадцать лѣтъ по смерти великаго писателя, далъ намъ возможность заглянуть въ его душу и прозрѣть лучъ свѣта среди окутавшихъ ее сумерекъ. Будемъ надѣяться, что другая подобная случайность, раньше или позже, еще свѣтлѣе озаритъ мглу, окружающую его могилу, и еще выше подниметъ его звѣзду на небосклонѣ отечественной поэзіи.

В. Чижовъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

НОВѢЙШІЙ ЦЕЗАРИЗМЪ ВО ФРАНЦІИ.

Le Dernier des Napoléon. Paris, 1872. Librairie internationale; A. Lacroix, Verboeckhoven & Cie. (Послѣдній изъ Наполеоновъ.)

„Послѣдній изъ Наполеоновъ“ посвящается авторомъ „его величеству Максимилиану I, императору Мексики“. Это посвященіе и нѣкоторые мѣста книги, гдѣ говорится объ отношеніяхъ автора къ покойному мексиканскому императору, обнаруживаютъ самого автора, какъ приближенное лицо Максимилиана I, бывшее при немъ и въ Мираморѣ и въ Кверетаро; нѣкоторые рецензенты догадываются, что авторъ былъ духовникомъ императора, и эта догадка приобретаетъ значительную долю вѣроятности въ легитимистскихъ и папистскихъ убѣжденіяхъ этого талантливаго писателя. Современная исторія знакома нашему автору не по книгамъ только, но и по разнымъ закулиснымъ свѣдѣніямъ, которыми столь изобильны европейскіе дворы. Множество анекдотовъ, собранныхъ авторомъ путемъ своихъ придворныхъ знакомствъ, придаютъ особенный букетъ его книгѣ, которая и безъ того читается съ большимъ интересомъ. Масса любопытныхъ фактовъ, ловко скученныхъ вмѣстѣ для проведенія главной мысли писателя, заставляетъ васъ забывать, что передъ вами открыта книга убѣжденного легитимиста, и вы охотно прощаете ему его партіозныя выходки, такъ какъ въ концѣ концовъ вы выносите изъ чтенія этой книги общее впечатлѣніе, едва ли не прямо противоположное легитимистскому настроенію автора.

Авторъ съ особеннымъ азартомъ нападаетъ на великую революцію, на нарушеніе династическаго принципа въ 1792-мъ и 1830-мъ годахъ, приписывая нарушенію этого принципа всѣ послѣдующія бѣдствія

Франціи, но между тѣмъ описываетъ династическихъ королей: Вильгельма прусскаго и Виктора-Эммануэля итальянскаго въ такомъ отвратительномъ видѣ, что самъ Наполеонъ III — чистая голубка въ сравненіи съ ними; семейная жизнь и личный характеръ нынѣшняго нѣмецкаго императора очерчены столь непріятными красками, что прусское правительство даже запретило распространеніе „Послѣдняго изъ Наполеоновъ“ на всемъ пространствѣ своей территоріи. Обращаясь затѣмъ къ самой Франціи, и припоминая дворы Людовиковъ XIV и XV, и сравнивая ихъ, хотя бы опять съ тѣмъ же Наполеономъ III, вы рѣшительно не замѣчаете никакой разницы въ честности режима: если у Наполеона были Кайенна и Ламбесса, то вѣдь и Людовики утѣшались Бастильею; хотя Наполеонъ хотѣлъ все дѣлать самъ, и все давать изъ собственныхъ рукъ, однако не онъ выдумалъ фразу: „l'état c'est moi“; Наполеонъ велъ войны и разорилъ ими Францію, но то же самое дѣлали и Людовики; Наполеонъ создалъ биржевую игру въ громадныхъ размѣрахъ, но спекуляціи его были во времена Бурбоновъ; въ одномъ можно упрекнуть Наполеона: онъ не отдавался такъ безотчетно въ руки духовенства, какъ оба упомянутые Людовика и реставрація при Карлѣ X, но въ этомъ отношеніи только клерикальная партія можетъ отдавать преимущество Людовикамъ и Карлу.

Мы понимаемъ нелюбовь автора къ революціи и революціоннымъ проискамъ вообще, но кто же виноватъ въ томъ, что революція не только произошла, но и восторжествовала, какъ не развращенность и политическое неразуміе самихъ Бурбоновъ: революціи имѣютъ свои причины и свои слѣдствія, и авторъ очень хорошо понимаетъ эти причины, когда уличаетъ Наполеона III въ потворствѣ и даже поощреніи революціоннаго начала въ Европѣ. Игра въ „*spectre rouge*“ и въ „*spectre blanc*“ была именно этимъ потворствомъ и поощреніемъ, ибо этими обоями „призраками“ возбуждались негѣные предрассудки однихъ слоевъ общества противъ другихъ, а изъ этихъ предрассудковъ росли сословная и партіозная ненависть и зависть, которыя достигли наконецъ столь высокой степени развитія, что каждая партія стала считать лишь самое себя всею Франціей, и стремилась всякими путями наложить на всѣхъ французовъ собственную власть. Въ этомъ стремленіи къ власти *всякими* путями, и преимущественно путемъ насилія, и заключается, какъ извѣстно, революціонное начало. Цезаризмъ—это революція у кормила государственной власти. Но и западный легитимизмъ, желающій создавать все своими руками и недопускающій гражданъ къ участию въ управленіи, существуетъ нерѣдко тѣми же средствами, какъ и цезаризмъ, особенно когда народъ приобрѣлъ уже привычки оскѣдлой жизни и начинаетъ ощущать потребность въ свободѣ личной и совокупной дѣятельности на всѣхъ поприщахъ общественнаго быта. Послѣдніе

Лудовики старой монархіи дѣйствовали уже такъ, какъ дѣйствуютъ истые революціонеры: они возлагали всѣ свои надежды на дворянство и духовенство, и пренебрегали другими слоями народа, уже приобретающего всѣ задатки будущихъ свободныхъ людей. Такъ точно реставрація при Карлѣ X рѣшилась своей легитимистскій принципъ обратить въ революціонный, ставя свою легитимистскую волю выше всякаго закона, который служилъ уже отчасти волею болѣе или менѣе свободного народа. Во всѣхъ этихъ случаяхъ легитимная монархія дѣйствовала чисто революціонными средствами, и сама стала жертвою народного отпора, который, въ свою очередь, становился орудіемъ другихъ революціонныхъ дѣятелей. Приписывать, поэтому, одному цезаризму способность возбуждать революціонныя страсти и освобождать легитимизмъ изъ-подъ этого самаго обвиненія—дѣло по меньшей мѣрѣ скользкое и неблагоприятное, ибо революціонныя факты, создававшіеся легитимизмомъ въ западныхъ государствахъ, всегда у всѣхъ въ памяти. Цезаризмъ отличается отъ легитимизма въ этомъ отношеніи лишь тѣмъ, что онъ въ своихъ революціонныхъ стремленіяхъ вызываетъ обыкновенно къ народнымъ массамъ во имя общественныхъ или народныхъ интересовъ, между тѣмъ, какъ легитимизмъ опирается на свое божественное право. Но такъ какъ въ западныхъ европейскихъ обществахъ, вездѣ признано право гражданъ принимать участіе въ государственномъ управленіи, вездѣ возлѣ божественнаго права играетъ первостепенную роль народная воля, то опредѣлить существенную разницу между легитимизмомъ и цезаризмомъ становится рѣшительно невозможнымъ: и легитимные монархи, подобно цезарямъ, вызываютъ постоянно къ интересамъ и желаніямъ своего народа.

Но что же составляетъ отличительную особенность современнаго цезаризма? какъ онъ создается и чѣмъ держится?... Разбираемая нами книга фактически отвѣчаетъ на эти вопросы, такъ какъ въ ней изложены личный характеръ и политика самаго главнаго и умнѣйшаго представителя этого принципа въ нынѣшней Европѣ, человѣка, державшаго въ своей рукѣ, подобно символическому глобусу Карла Великаго, власть надъ міромъ, государя, котораго народы и цари привыкли считать рѣшителемъ судебъ Европы (*l'arbitre de l'Europe*), побѣдителя, котораго мнили стоящимъ во главѣ непобѣдимой арміи, триумфатора, котораго исторія должна была вѣнчать лаврами, коими онъ уже окружилъ свой обликъ на золотѣ и бронзѣ.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію личнаго характера и политики Наполеона III, намъ необходимо разрушить общій выводъ автора о личности экс-императора, которому онъ хочетъ дать амнистію, какъ лицу, заслуживающему лишь такого приговора: „*ce fut un pauvre homme*“—это жалкій человѣкъ! Какъ почти всѣ французы монапартисты, авторъ видитъ въ окончательной неудачѣ наполеонов-

скаго царствованія не блестящее доказательство негѣлости всей системы цезаризма, а лишь неловкое, неумѣлое примѣненіе ея—неспособность, чуть не глупость самого Наполеона III. Въ доказательство умственной посредственности экс-императора, авторъ приводитъ лишь неудачи въ иностранной политикѣ, которыя, быть можетъ, гораздо болѣе зависѣли отъ плутовства и близорукости французскихъ дипломатовъ, чѣмъ отъ неумѣнья самого императора, да еще то обстоятельство, что монархическія партіи въ 1849 году избрали Луи-Наполеона въ президенты республики только благодаря своему убѣжденію въ полной его неспособности, которая должна была, по ихъ мнѣнію, подготовить Францію къ восстановленію одной изъ прежнихъ монархій. Но эти соображенія тогдашнихъ монархистовъ доказываютъ лишь близорукость самихъ монархистовъ, а никакъ не бездарность Наполеона III. Напротивъ, именно въ силу своихъ умственныхъ способностей и довольно обширныхъ политическихъ познаній, освѣщаемыхъ философскимъ міросозерцаніемъ *visu generis*, Наполеонъ достигалъ и трона, и всѣхъ почестей, и законодательной славы, которыми осыпали его всѣ европейскіе дворы и государственные люди. И въ самомъ дѣлѣ, 22-лѣтнее владѣтельство надъ Франціей и громадное политическое вліяніе, которымъ пользовалась Франція въ Европѣ въ этотъ періодъ, едва-ли доступны человѣку малодаровитому. Держать въ своихъ рукахъ столь свободолюбивую и неспокойную націю, какова французская, и побуждать ее совершать свое общественное и государственное развитіе не такъ, какъ бы она совершала его при полной свободѣ личной и общественной дѣятельности—это во всякомъ случаѣ дѣло крайне трудное, требующее крѣпкаго, дѣятельнаго и разумнаго организма. Не слѣдуетъ забывать, что о сверженіи Наполеона съ престола мало кто думалъ наканунѣ самой войны 1870—71 годовъ; именно въ началѣ 1870 года казалось, что самъ Наполеонъ считаетъ уже себя достаточно обезпеченнымъ на тронѣ,—многіе серьезные республиканцы и орлеанисты переходили уже на его сторону, напримѣръ: Прево-Парадолъ, Лабулэ, самъ Эрнестъ Пикаръ и Жюль-Фавръ, и особенно Жюль-Симонъ, даже Тьеръ пускались съ тогдашнимъ министромъ изъ прежнихъ республиканцевъ Эмилемъ Оливье въ разные двусмысленные намеки относительно возможности своего примиренія съ императорскимъ режимомъ. Припомните происхожденіе второй имперіи, кровь невинныхъ и искреннихъ людей, измѣнически погубленныхъ при основаніи ея, всѣ эти зловѣщія, страшныя воспоминанія, которыя преслѣдовали ее въ продолженіи всего существованія, и вы поймете, что въ сравненіи съ іюльскою монархіей и реставраціей Карла X, Наполеону было гораздо труднѣе держаться у кормила власти; припомните еще, что несмотря на эту трудность, чѣмъ долѣе длилось его управленіе, тѣмъ болѣе склонялся императоръ въ пользу либеральныхъ началъ, между тѣмъ какъ

монархин Луи-Филиппа и Карла X были низвергнуты благодаря их реакционному упорству; припомните все это, и вы легко придете къ тому заключенію, что Наполеонъ III былъ головою выше и Луи-Филиппа, и Карла X.

Въ своей политикѣ, какъ внутренней такъ и вѣдѣнной, Наполеонъ III руководился оригинальными идеями, составлявшими планъ или программу общаго цѣлаго, и онъ не имѣлъ обыкновенія отступаться отъ своихъ принциповъ въ пользу другихъ, прямо противоположныхъ. Только умный человѣкъ можетъ быть послѣдовательнымъ и стойкимъ въ проведеніи того или другого идеала по всей своей долгодѣтельной дѣятельности; только умный человѣкъ въ состояніи создавать себѣ оригинальныя понятія о своей дѣятельности и затѣмъ систематически осуществлять эти понятія въ дѣйствительной жизни. Наполеонъ III—это глубоко убѣжденный цезаристъ, это человѣкъ, который полагаетъ, что при настоящемъ умственномъ и нравственномъ состояніи европейскихъ народовъ интересы народныхъ массъ могутъ быть всего лучше преслѣдуемы и охраняемы путемъ демократической диктатуры. Это самое убѣжденіе заставляетъ его браться за такой трудъ, какъ „Жизнь Юлія Цезаря“, въ которомъ онъ, защищая свой политическій первообразъ, хочетъ убѣдить весь образованный міръ въ справедливости своего политическаго образа мыслей. Онъ постоянно говоритъ объ интересахъ народной массы, и въ его устахъ эти слова были не пустыя фразы, какъ показываетъ все его царствованіе: со времени первой революціи никто во Франціи не сдѣлалъ столь многого для обезпеченія крестьянамъ и рабочимъ ихъ права на трудъ и на результаты труда; въ вопросѣ о стачкахъ и рабочихъ ассоціаціяхъ всякаго рода, а также участія крестьянъ въ селско-хозяйственныхъ сѣздахъ Наполеонъ ушелъ гораздо далѣе революціонныхъ правителей проплага вѣка и большинства республиканскихъ дѣятелей 1848—49 годовъ. Съ другой стороны, его демократизмъ далъ себя знать всему цивилизованному міру въ политикѣ принципа національностей, которая совершенно разрушила реакціонныя припципы трактатовъ 1815 года и особенно священнаго союза. Никто, ни самые отчаянные враги Наполеона III не сомнѣваются въ томъ, что экс-императоръ много способствовалъ, и притомъ сознательно, объединенію Италіи и Германіи; можно спорить, что Наполеонъ не желалъ такого объединенія этихъ странъ, какое совершилось на самомъ дѣлѣ, что его расчеты въ этомъ отношеніи цѣнили слишкомъ мало народный энтузіазмъ итальянцевъ и нѣмцевъ, но что императоръ добровольно поддерживалъ объединительное стремленіе въ Италіи и Германіи и дѣятельно способствовалъ торжеству его—въ этомъ не можетъ быть никакаго сомнѣнія, это подтверждается такими фактами, какъ итальянская кампанія 1859 года, какъ бездѣятельность Франціи во время датской войны 1864 года и прусско-австрійской 1866, и какъ передача Венеціи въ руки Виктора-Эммануэля.

Нашъ легитимистскій авторъ сильно злобствуетъ противъ такого „революціоннаго начала“, какъ принципъ національностей, но вѣрный своему стремленію умалить умственные способности экс-императора, онъ приписываетъ факты объединенія Италіи и Германіи исключительно генію Кавура и хитрости Бисмарка, и увѣряетъ, что такъ какъ эти оба объединенія ослабили военное преобладаніе Франціи въ Европѣ, то въ нихъ заключается самая крупная ошибка и политическая близорукость Наполеона III; этому почтенному легитимисту и въ голову не приходитъ, что существуютъ въ наше время еще высшіе политическіе интересы, чѣмъ военное преобладаніе, и что къ числу именно этихъ интересовъ принадлежитъ принципъ національной независимости народовъ. И во внутренней политикѣ нашъ легитимистскій авторъ не замѣчаетъ превосходства политическихъ стремленій экс-императора надъ режимами Бурбоновъ и Луи-Филиппа: въ демократическихъ постановленіяхъ Наполеона III онъ видитъ только „братаніе съ революціею“; онъ крайне недоволенъ дарованіемъ рабочему классу права стачекъ, онъ обвиняетъ вторую имперію даже въ созданіи международнаго общества, такъ какъ именно отправленіе представителей французскихъ рабочихъ на всемірную выставку въ Лондонъ послужило первымъ дѣятельнымъ поводомъ къ сближенію англійскихъ рабочихъ съ французскими. Съ демократической точки зрѣнія, эти обвиненія представляются совершенно въ иномъ видѣ, и ими только доказывается вѣрность Наполеона III его цезарскому призванію. Нашъ авторъ смѣется надъ демократизмомъ второй имперіи и находитъ его несостоятельность въ томъ, что лучшіе и серьезные представители „Интернаціонала“ относились къ императору съ глубокимъ презрѣніемъ¹⁾ Но эти отзывы имѣютъ весьма ничтожное значеніе въ дѣйствительной жизни Франціи, такъ какъ и теперь еще, послѣ столькихъ страшныхъ поражений, жестокихъ обличеній и неудачъ всякаго рода, бонапартизмъ все еще продолжаетъ пугать республику Тьера гораздо сильнѣе, чѣмъ Орлеаны и Бурбоны; — самъ авторъ, хотя называетъ его „послѣднимъ изъ Наполеоновъ“, считаетъ себя вправѣ увѣрять императора, что онъ еще можетъ возвратиться во Францію, гдѣ его примутъ съ торжествомъ“ (стр. 397). Наполеонъ палъ, но его паденіе доказываетъ не умственную или политическую несостоятельность экс-императора, а бессиліе цезаризма вообще въ его стремленіи овладѣть демократическимъ движеніемъ въ свою пользу, построить для себя прочныя госу-

¹⁾ Такъ напримѣръ, переплетчикъ Варлэнъ, занимавшій весьма видное мѣсто въ коммуны и работавшій на автора, человѣкъ съ характеромъ задумчивымъ, вѣсколько угрюмымъ, но очень умный (fort intelligent), говорилъ про Наполеона и его правительство: «Это Мандрэнъ съ шайкою, которымъ удалось овладѣть Тюльери и полицейскою префектурою» (стр. 213).

дарственных опоры изъ людской пошлости и всякой человѣческой распушенности.

Пользуясь богатымъ матеріаломъ нашего автора, опишемъ сперва цезаря-человѣка, — характеръ, наиболѣе способный для цезарской дѣятельности, и затѣмъ способы и средства его дѣятельности, и общественные и государственные результаты этой дѣятельности.

Наполеонъ III родился въ Сен-Совѣрѣ, что въ Пиренеяхъ, въ 1807 году. Его мать, голландская королева Гортензія, прибыла туда въ то время на отдыхъ, въ сопровожденіи адмирала Вервеля, который поселился въ Котре, по другую сторону горнаго хребта, но часто посѣщалъ Совѣръ. Однажды императоръ прибылъ въ Сен-Совѣръ и пошелъ осматривать съ докторомъ Фаба комнату своей матери, сохраненную до сихъ поръ въ прежнемъ видѣ.

— Государь, вотъ то мѣсто, гдѣ ваше величество впервые появились на свѣтъ, сказалъ докторъ, указывая на постель королевы.

— А гдѣ жилъ въ то время король? спросилъ императоръ.

— Въ Котре, государь, но онъ провелъ двадцать четыре часа въ Сен-Совѣрѣ.

Наполеонъ улыбнулся весело, какъ подобаетъ истому философу. — Онъ зналъ, конечно, что его официальный отецъ, ограниченный король Лудовикъ, прямо отказывался отъ него въ письмѣ къ римскому папѣ, въ которомъ королева Гортензія именуется своимъ мужемъ: „une Messaline qui accouche“. Кардиналъ Фешъ говорилъ о томъ же предметѣ въ болѣе приличныхъ выраженіяхъ: „Когда поднимается вопросъ объ отцахъ ея дѣтей, Гортензія всегда сбивается въ своихъ воспоминаніяхъ“. По клерикальному описанію нашего автора, „королева Гортензія была само обольщеніе. Она была произведеніемъ той ужасной эпохи, когда блудная философія уже привила Франціи всѣ софизмы и всѣ формы распушенности, когда общество скользнуло по волнамъ крови Террора въ тину директоріи, когда г. де-Робеспьеръ скандализовалъ республику своимъ желаніемъ очистить мѣстечко Верховному Существо, и когда Барра (Barra) разыгрывалъ полубога, присутствуя на „балъ жертвъ“. Королева Гортензія (продолжаетъ авторъ) нашла способъ скандализовать людей даже этой эпохи своимъ безчестнымъ откровеннымъ „пренебреженіемъ къ предразсудкамъ“. Но предаваясь всевозможнымъ матеріальнымъ наслажденіямъ, королева Гортензія не забывала главнаго источника ихъ: денегъ и государственной власти, и потому пускалась во всевозможныя интриги политическаго характера. Воспитываясь подъ вліяніемъ Наполеона I, котораго одно четверостишіе того далекаго времени заставляетъ говорить, между прочимъ, о супругѣ его брата Лудовика:

„Son épouse, d'ailleurs, qui fut d'abord la mienne“!

мать будущаго основателя второй имперіи сжилась съ бонапартист-

скою идеею и стала, съ 1815 года, душою бонапартистскаго заговора, и она дѣйствительно обладала и достаточно крѣпкою головою для подобнаго дѣла, и достаточно твердою волею. Такъ какъ изъ двухъ сыновей, признанныхъ Бонапартами, старшій, какъ натура робкая и человѣкъ съ нѣжною душою, не общалъ въ будущемъ воодушевиться ея честолюбивыми внушеніями и планами, то она сосредоточила все свое вниманіе на младшемъ, Луи-Наполеонѣ, и ея заботы и усилія не пропали даромъ, какъ потому, что она сама, какъ женщина умная и опытная въ житейскихъ дѣлахъ, умѣла найти въ своемъ сынѣ то, чего искала, и возбудить въ немъ излюбленныя ею стремленія, такъ и потому, что самъ сынъ, молчаливый и сосредоточенный въ себѣ еще въ дѣтствѣ, съ задаткомъ честолюбія своей матери, отлично воспользовался уроками своего домашняго воспитанія и материнскихъ наставленій.

Получивши основное образованіе въ аугсбургской гимназій, нѣмецкое вліяніе которой отпечатлѣлось отчасти на его внѣшности—въ манерахъ, осанкѣ и даже произношеніи, младшій сынъ Гортензій почерпнулъ все свое нравственное содержаніе изъ сферы, окружавшей его мать, и изъ поученій своего наставника-воспитателя Леба (Lebas), сына члена конвента и друга Робеспьера ¹⁾. Само собою разумѣется, что рассказы этого Леба о великой революціи клонились къ оправданію террора и демократической диктатуры вообще, и они-то, конечно, вибрили въ душу честолюбиваго воспитанника мысль объ его великомъ призваніи для распространенія и утвержденія демократическихъ началъ въ мірѣ. Рассказы матери о великомъ дядѣ, котораго представляли не ему одному истиннымъ послѣдователемъ и продолжателемъ дѣла революціи, должны были возбуждать въ ребенкѣ дѣятельную охоту идти по стопамъ Наполеона I и докончить его дѣло, осуществить всѣ „*idées napoléoniennes*“, о которыхъ новый принцъ написалъ потомъ цѣлую книгу. Мальчику говорили, что самъ Наполеонъ I предвидѣлъ въ немъ своего достойнаго послѣдователя и предвѣщалъ ему великую будущность. Громкое, сдѣлавшееся вскорѣ легендарнымъ, имя предвѣщателя не могло не производить суевѣрнаго, фаталистиче-

¹⁾ Робеспьеръ, арестованный въ городской ратушѣ, съ разбитою челюстью, умолялъ своего друга и сообщника Леба покончить съ нимъ. Но послѣдній, вооруженный пистолетомъ, воскликнулъ: «Здѣсь всякій за себя!» пустилъ себѣ зарядъ въ голову. Мать Леба была одна изъ дочерей столяра Дюплэ, у котораго нанималъ квартиру Робеспьеръ. Племянникъ ея, Ренье, былъ воспитателемъ нынѣшняго графа Парижскаго. Мадамъ Леба была столь строгая республиканка, что когда желала видѣться съ Ренье, то вызывала его въ тюльерійскій садъ, опасаясь осквернить подолы своихъ башмаковъ пылью «дворца тиранніи». Рассказываютъ, что Луи-Филиппъ любилъ наблюдать изъ-за занавѣсъ дворца эти свиданія старой республиканки съ своимъ племянникомъ.

скаго впечатлѣнія на мечтательнаго ребенка, въ которомъ вся окружающая обстановка возбуждала честолюбіе и которому проповѣдывали революціонную теологію Верховнаго Существа. Такимъ образомъ, уже съ-дѣтства будущій цезарь убѣждался въ томъ, что съ именемъ, которое онъ носитъ, ему нуженъ или „мракъ темницы, или блескъ трона“, какъ онъ писалъ потомъ въ одномъ письмѣ, сидя заключеннымъ въ гамскомъ казематѣ.

Между тѣмъ, королева Гортензія старалась при всякомъ случаѣ выхлопотать своему любимцу какой-нибудь европейскій тронъ. Сперва она надѣялась доставить ему португальскій тронъ, но потерпѣла неудачу; и вотъ она спѣшитъ перенести свою дѣятельность въ Италію, бросая сыновей въ ряды римскихъ карбонаріевъ. Они принимаютъ участіе въ возстаніи; старшій братъ погибаетъ въ стычкѣ, младшій бѣжитъ въ Анкону, откуда успѣваетъ пробраться, вмѣстѣ съ матерью, во Францію, въ Парижъ. Замѣчательно, что въ этой карбонарской экспедиціи, кромѣ брата, Луи-Наполеонъ имѣлъ еще двухъ сотоварищей, изъ которыхъ одинъ былъ отецъ того самаго Орсини, который сдѣлалъ покушеніе на жизнь императора 14-го января 1858-го года и былъ за то гильотированъ. Въ Парижѣ королева Гортензія тотчасъ же начала интриговать противъ гостепріимнаго правительства Луи-Филиппа, но министръ Казимиръ Перье во-время раскрылъ ея происки, и королевѣ предложили покинуть французскую землю. Возвратившись въ свой замокъ въ Арененбергъ, что въ Швейцаріи, она начала-было хлопотать о доставленіи своему сыну королевскаго трона въ взбунтовавшейся въ то время Польшѣ и вела объ этомъ переговоры съ графомъ Платеромъ, но вскорѣ пала Варшава и вмѣстѣ съ нею новая мечта Гортензіи. Но вотъ, 22-го іюля 1832-го года умираетъ въ Шенбруннѣ герцогъ Рейхштадтскій, сынъ Наполеона I-го отъ Маріи-Луизы, и Луи-Наполеонъ начинаетъ уже заниматься исключительно одними дѣлами Франціи. Въ 1836-мъ году онъ производитъ свое нападеніе на Страсбургъ, но его берутъ въ плѣнъ и по личному желанію Луи-Филиппа отправляютъ въ Соединенные Штаты подъ честнымъ словомъ поселиться тамъ навсегда и не предпринимать ничего новаго противъ Франціи; но едва его высадили въ Нью-Йоркѣ, какъ онъ уже переѣзжаетъ въ Англію, и затѣмъ въ Швейцарію, гдѣ умираетъ его мать 3-го октября 1837-го года. Въ 1840-мъ году новая экспедиція противъ іюльской монархіи: высадка въ Булонн; и опять плѣнъ, судъ передъ палатою перовъ, при защитѣ знаменитаго легитимиста Беррье, и отправленіе въ Гамскую цитадель на пожизненное заключеніе. Когда Беррье, опечаленный такимъ исходомъ процесса, принесъ этотъ приговоръ Луи-Наполеону, послѣдній только спросилъ адвоката: „А долго-ли продолжается во Франціи это *пожизненное* заключеніе?“ — и въ этомъ вопросѣ, какъ оказалось впоследствии, былъ опредѣленъ меньшій срокъ пожизненности,

чѣмъ полагалъ самъ осужденный: правительство Луи-Филиппа было свергнуто въ 1848-мъ году, а Луи-Наполеонъ бѣжалъ изъ Гама уже въ 1846-мъ. Свой тюремный досугъ онъ употребилъ на изученіе политическихъ и социальныхъ вопросовъ, при чемъ важнѣйшимъ руководствомъ по этимъ вопросамъ служили ему сочиненія разныхъ революціонеровъ и коммунистовъ; вліяніе сен-симонизма особенно сильно сказывается въ его брошюрѣ „Extinction du paupérisme“ („Истребленіе нищеты“), гдѣ проповѣдуется цѣльный планъ социального переворота, подъ которымъ, по мнѣнію Таксиса Делора¹⁾, могъ бы подписаться и Луи-Вланъ. Конечно, Наполеонъ вездѣ разумѣлъ возможность переворота лишь посредствомъ цезарской диктатуры.

Вся эта жизнь, проводимая въ постоянныхъ интригахъ и заговорахъ съ самаго дѣтства — всѣ эти упражненія въ хитростяхъ и обманахъ, заразительный примѣръ нравственнаго распутства матери, интриганство лицъ ея кружка, ловкіе маневры самой матери, вліяніе денегъ, измѣна лицъ, облагодѣтельствованныхъ первою имперіей — всѣ эти вліянія, при идеальномъ увлеченіи самого Луи-Наполеона столь опасною для личной нравственности мечтою, какъ благодѣтельствованіе народнымъ массамъ посредствомъ цезарской диктатуры, должны были въ концѣ концовъ произвести въ честолюбивой натурѣ нашего героя крайне преувеличенный взглядъ на свои личныя достоинства и глубокое презрѣніе къ людямъ. Отсюда недалеко было до рѣшительной самонадѣянности, до оправданія всѣхъ своихъ поступковъ величіемъ идеѣ, во имя которой они совершались, до полного отрицанія безкорыстія, честности, добродѣтели вообще. И Луи-Наполеонъ дѣйствительно былъ такъ сильно убѣжденъ, что честность и безкорыстіе невозможны въ наше время, что высказывалъ это убѣжденіе открыто, въ средѣ своихъ приближенныхъ, ни отъ кого не встрѣчая ни малѣйшаго возраженія. Однажды, въ Тюильери, императоръ призываетъ къ себѣ одного придворнаго, который, путешествуя по Германіи, посѣтилъ графа Шамбора. „Ну, что говорить принцъ?“ спросилъ Наполеонъ.

— Государь, графъ Шамборъ говоритъ, что если Провидѣніе возстановитъ его на престолъ отцовъ, то онъ окружитъ себя всѣми способными людьми, безъ различія мнѣнія, были бы они только честны!

— „Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ императоръ,—я посоветовалъ бы ему привезти ихъ съ собою!“

При такомъ скептицизмѣ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ разбираемой нами книги, „не приобрѣтаютъ людей съ достоинствомъ, но удаляютъ отъ себя и деморализуютъ всѣхъ, кто сохраняетъ еще какое-либо чувство личнаго достоинства и стыда... Вотъ почему исторія и хроника видятъ Наполеона окруженнымъ столь многими темными,

¹⁾ Histoire du Second Empire, par Taxile Delord, T. I, стр. 44.

двоедушными людьми, нарушавшими предписанія кодекса и нравственности. Самъ императоръ не любитъ видѣть вокругъ себя новыхъ лицъ. Старые его приближенные уже вошли въ его привычки, знаютъ его слабости, ему нечего опасаться ихъ, передъ ними не нужно носить маску; съ новыми же — простою прислугою ли, или министрами, приходится безпрестанно мѣнять выраженіе лица. Этимъ фактомъ объясняется съ одной стороны огромное вліяніе, которое имѣли на Луи-Наполеона такія ничтожности, какъ Персиньи, Бачіюкки, Мокваръ, сама императрица Евгенія, и съ другой стороны тайныя интриги императора противъ талантливейшихъ и умнѣйшихъ изъ своихъ приверженцевъ — Руэра и Билльо: ничтожные люди нуждались въ немъ, императрица — своя женщина, а талантливые могли измѣнить и выдать его тайны. Этимъ же недоумѣемъ къ человѣческой добродѣтели вообще объясняется и то обстоятельство, что экс-императоръ не разъ ковалъ заговоры противъ собственныхъ министровъ и дипломатовъ, за которыми слѣдилъ при помощи разныхъ шпионовъ. Заговорщичій элементъ былъ въ немъ, вообще говоря, до того силенъ, что, казалось, не было въ мірѣ такого одушевленнаго предмета, противъ котораго экс-императоръ не велъ бы какихъ-нибудь происковъ. Эту черту Луи-Наполеона отлично понималъ Кавуръ. „Вашъ императоръ,“ сказалъ онъ одному французскому дипломату, „не измѣнится никогда; онъ не хорошъ тѣмъ, что желаетъ ковать заговоры всегда... Къ чему постоянно скрывать свою мысль, идти направо, когда хочешь идти налѣво, и *vice versa*. Ахъ, какой онъ чудесный заговорщикъ!... Я знаю его уже давно. Вотъ, кажется, онъ идетъ прямо, открыто, преслѣдуетъ свою цѣль. Но нѣтъ! онъ предпочитаетъ обойти людей, проложить другой слѣдъ, создать заговоръ, — заговоръ всегда! Да, такова натура его генія; ремесло заговорщика предпочитаетъ онъ всѣмъ другимъ, и онъ занимается имъ какъ артистъ, какъ дилеттантъ“.

Въ скептическомъ относительно человѣческихъ добродѣтелей настроеніи императора, и въ его излишней самонадѣянности, и въ крайнемъ честолюбіи слѣдуетъ искать главныя пружины, создавшія ту стройную систему деспотизма въ управленіи Франціей, которая процвѣтала и развивалась изъ заложенныхъ уже прежде деспотическихъ началъ и привычекъ. Самый фактъ основанія второй имперіи посредствомъ удачнаго революціоннаго удара съ послѣдовавшими за нимъ гнусными и жестокими преслѣдованіями людей, честно поддерживавшихъ законный порядокъ, защищать и охранять который клялся самъ Наполеонъ, ставить уже будущаго императора въ положеніе, крайне неловкое въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ ни одинъ честный человѣкъ не могъ сочувствовать ему. Такимъ образомъ, окруженный лишь людьми, столь же безнравственными какъ онъ самъ, купленными или собственно надеждою на славное удовлетвореніе своихъ често-

любивыхъ стремленій, или просто денежными и карьерными обща-ніями диктатора, и угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностями своего преступнаго захвата власти, новый властелинъ Франціи могъ создать лишь такой режимъ, который весь основанъ на недоуверіи власти къ народу и къ лучшимъ нравственнымъ силамъ его. Личный характеръ диктатора, его прежняя жизнь и его теоретическія и практическія познанія въ политикѣ только способствовали самому полному развитію этого режима во всѣхъ его подробностяхъ, съ разными добавленіями и приростами, которыхъ до той поры не зналъ ни одинъ изъ западныхъ деспотическихъ - дѣлъ мастеровъ. Эта удивительная система административной централизаціи, которая черезъ префектовъ, субпрефектовъ, городскихъ и сельскихъ меровъ отдавала въ руки министра внутреннихъ дѣлъ все управленіе департаментами, уѣздами, общинами до должности полевыхъ сторожей и деревенскихъ пастуховъ включительно; эта тончайшая регламентація всякими общественными работами, начиная съ громадной перестройки Парижа и кончая сборомъ хвороста въ казенныхъ и частныхъ лѣсахъ и выгономъ скота на общинные луга; это широкая сѣть извращенія всего строя общественнаго развитія посредствомъ наградъ и устрашеній въ судѣ, въ прессѣ, въ школахъ, въ церкви, въ законодательныхъ собраніяхъ, на выборахъ; это поощреніе разврата и плутовства въ обществѣ посредствомъ широкой свободы пьянства и всякаго разгула, посредствомъ биржевой игры и всевозможныхъ спекуляцій; наконецъ, это преторіанское войско, въ которомъ наемный элементъ преобладалъ надъ всѣми другими, и которое было лучше приспособлено къ войнѣ съ гражданами Франціи, чѣмъ съ ея иностранными врагами; — все это могъ создать лишь человѣкъ, который никому ни въ чемъ не вѣрилъ, и который желалъ, чтобы все шло отъ его имени, по его личному почину. Все талантливое, самостоятельное, высокоразвитое должно было бѣжать изъ-подъ этого управленія, если не хотѣло становиться его тайнымъ врагомъ, надѣвъ на себя личину преданности и смиренія, такъ какъ всякое независимое отношеніе къ цезаризму уже само по себѣ считалось преступнымъ. Для открытія и преслѣдованія столь неуловимыхъ преступленій была создана обширная система тайнаго надзора надъ всѣми французами, начиная съ почты и телеграфа и кончая дворниками. Здѣсь уже мы касаемся „самаго злого, самаго безнравственнаго учрежденія имперіи и самаго опаснаго для нея самой“ — полиціи. Предоставляемъ слово нашему автору:

„То, что рассказываютъ въ этомъ отношеніи въ кружкахъ и по-сольствахъ, неслышанно. Во Франціи, полиція всегда удивительно помогала дискредитировать и низвергать правительства, ею пользовавшіяся; но при имперіи это злое орудіе приняло аллюры и размѣры просто безумные. Вся страна, начиная съ императора и императрицы

до полевого сторожа: армія, судъ, администрація — все покрыто сѣтью подозрѣній и ревностныхъ доносовъ. Если такое положеніе можетъ продолжаться, то лишь подъ условіемъ, чтобы одна половина націи наблюдала надъ другою; — нельзя было побывать ни въ одномъ салонѣ, не услышавъ предостереженія: „будьте осторожны, эта знатная дама, этотъ чиновникъ, etc. etc, изъ тайной полиціи“. Это была эпидемія. Но всего замѣчательнѣе то, что начальники этого страшнаго учрежденія употребляли шпіоновъ и секретные фонды на пользу своихъ личныхъ интригъ, и особенно для подвоповъ подъ своихъ сотоварищей или подъ высшее начальство. Одинъ изъ начальниковъ полиціи „безопасности“ ревностно, какъ монаманъ, слѣдилъ за всѣми движеніями императрицы. Но такъ какъ нужно было показывать, что тайная полиція работаетъ и для правительства, то отъ времени до времени онъ открывалъ какую-нибудь мелкую затѣю или заговоръ, и судъ, этотъ крайне усердный сотрудникъ полиціи, тотчасъ пускался торжественно оканчивать полицейскую церемонію... Режимъ, который дерзнулъ, среди бѣлаго дня, оторвать отъ домашнего очага, изъ объятий женъ и дѣтей, множество почтенныхъ и смиренныхъ людей, не совершившихъ никакого иного преступленія, кромѣ священнаго долга протеста противъ вѣроломства и рѣзни государственнаго переворота и заявленія недовѣрія къ сенатамъ 2-го декабря, — режимъ, который осмѣлился сослать этихъ людей, скованными точно разбойниковъ, на галеры Кайенны и Ламбессы, и сослать безъ суда и слѣдствія, безъ закона, безъ предостереженія.... на что не дерзнетъ подобный режимъ, если передъ нимъ несчастный, лишенный всякой помощи и покровительства, чего не совершить онъ во мракѣ! Полиція, которая по существу своему является дѣломъ мрака, внѣ-законнымъ,—агентомъ, прибѣгающимъ слишкомъ часто къ произволу и неодобрительнымъ средствамъ, — такая полиція, для общества, всегда учрежденіе, полное опасностей и поощряющее самыя возмутительныя злоупотребленія и самыя ненавистныя злодѣйства.... Но какія чудовищныя нарушенія закона создаетъ она, когда эта тайная, безконтрольная сила попадаетъ въ руки людей испорченныхъ, продажныхъ, иногда дѣйствительныхъ злодѣевъ! И съ какою дерзостью можетъ она дѣйствовать въ странѣ, гдѣ никто не уважаетъ и не заставляетъ уважать личную свободу, гдѣ законъ и власть закрываютъ собою всѣ ея дѣла, гдѣ судъ — ея помощникъ и сообщникъ! Когда видишь вблизи всѣ злоупотребленія и драмы, ежедневно совершаемыя французскою полиціею, какъ-то невольно припоминается опредѣленіе Шамфора: „хочется сравнить это общество съ лѣсомъ, наполненнымъ ворами, изъ которыхъ самыя опасныя именно стражи, которымъ предоставлено арестовывать другихъ“¹⁾.

¹⁾ Стр. 179—182.

Всѣ эти страшныя средства: и всемогущая, безконтрольная полиція, и раболовный судъ, и вездѣсущая, повсюду и во все вмѣшивающаяся администрація, и развращеніе общества и общественнаго мнѣнія,—всѣ они нужны были для политики императора, которая имѣла въ виду удержать династію бонапартовъ на престолѣ и создать, по выраженію принца Наполеона, „демократію, направляемую могущественною рукою цезарей“. Нужно было не только поддерживать, но и укрѣплять рознь, которая существовала между буржуазіей и рабочими классами, и потому производить разладъ въ средѣ каждого изъ этихъ сословій.

Для раздраженія буржуазіи противъ рабочихъ употреблялся въ дѣло такъ-называемый „красный призракъ“ то-есть все, что есть дикаго и безумнаго въ различныхъ социалистическихъ и коммунистическихъ системахъ, и составленіе разныхъ заговоровъ съ революціонными пѣльями. „Краснымъ призракомъ—говоритъ нашъ авторъ—Наполеонъ III-й игралъ мастерски. Онъ извлекалъ изъ него чудесные эффекты и трогательныя сцены. Каждый разъ, когда три заговорщика соберутся гдѣ-нибудь въ погребѣ, одинъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ, а иногда и два, оказывались агентами полиціи самого императора. Во всѣхъ революціонныхъ обществахъ: международномъ и другихъ, важные руководители принадлежали къ полиціи его величества или состояли на ея жалованьи.... Полицейскій префектъ располагалъ значительнымъ секретнымъ фондомъ, предназначеннымъ исключительно для подкупа демократическихъ агитаторовъ и на содержаніе членовъ во всѣхъ тайныхъ обществахъ. Покойный Конти, секретарь императора, былъ самымъ дѣятельнымъ специалистомъ и теоретикомъ по этой части“. Несомнѣнно, конечно, что карбонарская опытность самого Наполеона III-го тоже играла въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль. Всѣ эти революціонерныя игрушки были отлично приспособлены къ запугиванію всѣхъ собственниковъ и людей порядка вообще. Чуть только зашевелиятся они, требуя какихъ-нибудь отчетовъ по финансовому управленію страной или расширенія общественной инициативы въ той или другой отрасли политической дѣятельности—и „красный призракъ“ тутъ какъ тутъ! То отрывается заговоръ съ цѣлью ниспровергнуть существующій порядокъ, то вдругъ являются ораторы, проповѣдующіе уничтоженіе собственности, семьи, религіи и т. д., то покушеніе на жизнь императора, то буйная стачка рабочихъ, заявляющихъ невозможныя требованія. Нерѣдко эти заговоры устраивались съ цѣлью скомпрометтировать какую-нибудь крупную и извѣстную личность, въ родѣ Маццини или Гарибальди, или представить обыкновенное общественное дѣло, напримѣръ: народную читальню или производительную артель, въ превратномъ видѣ. Что дѣятельность тайной полиціи была приспособлена главнымъ образомъ для этихъ цѣлей, а не для серьезнаго охраненія особы императора—это доказывается безсиліемъ полиціи предупредить дѣйстви-

тельные заговоры, въ родѣ Орсини на жизнь Наполеона III, или Бerezовскаго на жизнь нашего Государя.

Кромѣ краснаго призрака, экс-императоръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи еще „бѣлый“, которымъ онъ натравливалъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и духовенства. Бѣлое знамя легитимизма отождествляется въ умахъ невѣжественнаго сельскаго населенія со всѣми ужасами крѣпостного состоянія, и стоило только внушить крестьянамъ, что крупные землевладѣльцы и духовенство стремятся будто низвергнуть императора съ цѣлью возстановить такъ-называемый „старый режимъ“, какъ уже подымался крестьянскій походъ противъ враговъ имперіи. Всякій разъ, когда гдѣ-нибудь въ деревнѣ подвергались оскорбленіямъ или угрозамъ то *буржуа*, подозрѣваемый въ республиканской пропагандѣ, то помѣщикъ-легитимистъ, то священникъ, всегда нападенія подобнаго рода происходили вслѣдствіе официальной агитации и сопровождались криками: „да здравствуетъ императоръ!“ „Два-три года тому назадъ — рассказываетъ нашъ авторъ — во многихъ западныхъ департаментахъ начиналась-было новая война противъ замковъ и церквей. Манифестъ префекта противъ легитимистскаго кандидата (въ члены законодательнаго корпуса) послужилъ поводомъ къ распространенію нелѣпаго слуха объ обширномъ заговорѣ для возстановленія десятиннаго сбора и феодальныхъ привилегій“.

Среди самой буржуазіи Наполеонъ удачно сѣялъ политическій раздоръ, ловко пользуясь несогласіемъ буржуазныхъ партій между собою касательно основнаго образа правленія: монархіи или республики; наконецъ, даже въ средѣ республиканцевъ, которые во времена іюльской монархіи составляли плотную партію, экс-императору удалось возжечь непримиримую вражду изъ-за такъ называемаго „соціального вопроса“, — вражду, которая распространилась въ низшіе слои общества и породила такое страшное явленіе, какъ борьбу Версаля съ Парижемъ: диктатуры французскихъ собственниковъ съ диктатурою парижскаго пролетаріата.

Вообще говоря, императоръ старался занять и деморализовать всю французскую интеллигенцію всевозможными политическими и социальными раздорами и, дискредитируя ихъ такимъ образомъ въ глазахъ народной массы, привлечь послѣднюю къ охраненію его цезарскаго величія. Съ цѣлью этого привлеченія, императоръ постоянно заботился о нуждахъ рабочаго класса и крестьянствѣ, преслѣдуя въ тоже время всѣхъ, кто безкорыстно служилъ интересамъ трудящихся классовъ. Помощь себѣ въ этомъ дѣлѣ онъ допускалъ лишь со стороны духовенства, которому для этой цѣли онъ ввѣрилъ главный надзоръ надъ народнымъ образованіемъ вообще и надъ женскимъ въ особенности. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что духовенство много способствовало къ упроченію въ умахъ крестьянъ преданности второй имперіи. Самое

духовенство Наполеонъ держалъ въ своихъ рукахъ посредствомъ римскаго вопроса. Что касается до городскихъ рабочихъ, ихъ привлекали на сторону имперіи разными льготами, искусственною поддержкою высокаго уровня заработной платы (посредствомъ разныхъ общественныхъ работъ), и нѣкоторыми дѣйствительно демократическими законами, которые однако *все* носятъ на себѣ печать не политическаго права рабочихъ, какъ равноправныхъ гражданъ, но политической привилегіи, дарованной благодѣтелемъ-императоромъ своему трудящемуся населенію ¹⁾. Наполеонъ не опасался „Интернаціонала“,—онъ требовалъ только отъ него, чтобы въ своихъ отчетахъ это общество отдавало должную дань уваженія трудамъ второй имперіи на улучшение матеріальнаго состоянія городскихъ рабочихъ.

Послѣднимъ, не менѣе важнымъ рычагомъ наполеоновскаго режима были войны, которыя онъ велъ для поощренія тщеславныхъ стремленій французовъ къ воинской славѣ, въ которой они видятъ одинъ изъ элементовъ своего первенства въ Европѣ. Это негѣлое заблужденіе раздѣляетъ и нашъ легитимистскій писатель; ему не нравится „малодушная политика мира во что бы то ни стало“, которой слѣдовалъ Луи-Филиппъ; „эта политика—увѣряетъ нашъ авторъ—хотя приумножила богатство и населеніе Франціи, тѣмъ не менѣе совершенно разрушила вліяніе и престижъ Франціи на внѣшнія дѣла“; этого мало,—въ этомъ фактѣ онъ видитъ даже одну изъ двухъ причинъ всѣхъ войнъ второй имперіи, и самъ какъ бы сочувствуетъ этимъ войнамъ. Другая причина была чисто цезарская: война налагаетъ молчаніе на всѣ партіи и сосредоточиваетъ всѣ средства и силы націи въ рукахъ власти; крещеніе славой и рядъ завоеваній одни могли побудить націю простить прошлое и обезпечить будущее“.

Но въ послѣдней войнѣ съ Германіей французскіе цезаристы видѣли, что война, даже съ „Марсельезою“ въ устахъ императора, не налагаетъ молчанія на партіи, и ихъ такъ испугало это обстоятельство, что не только парижанамъ, но даже жителямъ Эльзаса, желавшимъ защищать свою родину, они не давали оружія, котораго они настоятельно требовали. Здѣсь они поняли наконецъ, что съ своею деморализующею политикою вторая имперія зашла слишкомъ далеко. Цезаризмъ убилъ патріотическое чувство во Франціи; преслѣдуя самъ лишь личныя цѣли и мечтанія и придавая этимъ мечтаніямъ и цѣ-

¹⁾ Такъ, право стачекъ (1864-го года) дано было безъ права сходовъ, и стачки, поэтому, были бы немислмы, еслибъ императоръ не приказывалъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы; до 1864-го года стачки были запрещены, но всѣ виновные въ составленіи ихъ постоянно пользовались императорскою амнистіею. Еще примѣръ: для основанія обществъ взаимнаго вспоможенія императорскій законъ выдалъ 10 милліоновъ денегъ, но всѣ общества, получившія эту субсидію, должны были находиться подъ надзоромъ администраціи.

лямъ всю силу государственнаго авторитета, цезарь училъ своимъ примѣромъ и своими успѣхами каждую партію ставить свои партіозныя цѣли и мечтанія выше общаго благосостоянія и общей безопасности страны, и проводить эти партіозныя мечтанія и цѣли всякаго рода средствами. Конечно, эта общая деморализація французовъ была создана не Наполеономъ III исключительно, но всѣми правительствами Франціи, начиная съ Робеспьера; однако несомнѣнно, что „последній изъ Наполеоновъ“ виноватъ въ ней всего больше, и тѣмъ эта вина падаетъ на него тяжеле, что передъ нимъ стоялъ цѣлый рядъ неудачныхъ опытовъ съ цезарскою диктатурою всякаго рода: въ эти шестьдесятъ лѣтъ до водаренія Наполеона III кто только не цезарствовалъ во Франціи: и демократія разныхъ оттѣнковъ, и аристократія съ духовенствомъ, и буржуазія; была и королевская диктатура и республиканская, и военная и бюрократическая,—и ни одна изъ нихъ не доставила Франціи ни спокойствія, ни безопасности, столь необходимыхъ для того правильнаго развитія общественныхъ и природныхъ силъ страны, которое исходитъ изъ общаго стремленія гражданъ къ общему преуспѣванію. Въ прошломъ году мы видѣли появленіе на политической аренѣ Франціи еще одной диктатуры—диктатуры всяческаго пролетаріата, и она потерпѣла такое же полное фіаско, какъ всѣ другія, и только еще глубже выдѣрпла разнь между имущими классами и неимущими. Нашъ авторъ справедливо приписываетъ всѣ ужасы прошлогодней коммуны деморализующимъ вліяніямъ наполеоновскаго цезаризма: въ маломъ видѣ коммуна представляетъ всѣ дурныя и хорошія стороны наполеоновщины—тутъ есть съ одной стороны и *conspiration d'état*, и преслѣдованіе печатнаго слова, и конфискація собственности, и война, и аресты, и разстрѣливанія *en masse* ни въ чемъ виновныхъ людей, а съ другой—разные декреты въ пользу рабочаго сословія. Когда же несчастная Франція избавится отъ всѣхъ этихъ диктатуръ?... Когда же удастся ей, наконецъ, твердо убѣдиться въ томъ, что диктатуры ни къ чему привести не могутъ и что посредствомъ насилія нельзя установить въ странѣ свободу, а безъ свободы невозможно ни правильный ходъ труда, ни правильное распредѣленіе результатовъ его?...

Essai sur les formes de gouvernement dans les sociétés modernes, par M. Emile De Laveleye. Paris, Germer Baillière. 1872. (Опытъ объ формахъ правленія въ новѣйшихъ обществахъ. См. Эмиль Де Лавеле.)

Лавелэ написалъ свою книжку съ цѣлью предупредить во Франціи новое повтореніе старой исторіи: возвращеніе прежняго цезаря или утѣшеніе новаго. Вооруженный опытомъ новѣйшей государственной науки, онъ весьма дѣльно доказываетъ тщетность споровъ изъ-за

перваго мѣста въ странѣ. Главное вниманіе слѣдуетъ обратить на упроченіе и обезпеченіе свободы въ странѣ, а не той или другой государственной фирмы. Лавелэ не церемонится съ республиканскими рутинерами и прямо порицаетъ всю ихъ политику, которая состоитъ въ слѣдующемъ: „Овладѣть властью посредствомъ *coup de main* (внезапнаго захвата), провозгласить республику божественнаго права, организовать правительственныя силы такимъ образомъ, чтобы воля правителей республики не встрѣчала ни откуда сопротивленія, провести посредствомъ декрета все, что они считаютъ полезнымъ, уничтожить или довести до безсилія всѣ мѣстныя власти, которыя могутъ оказать неповиновеніе, истребить, если понадобится, всѣхъ, кто сопротивляется учрежденію того, что они называютъ правосудіемъ, запретить враждебныя газеты, разогнать неблагонамѣренныя сходы, зажать ротъ отщепенцамъ, запереть въ тюрьму измѣнниковъ и приверженцевъ стараго порядка“. (Стр. 96, 97). Благодаря столь диктаторской программѣ, республиканцы-рутинеры относились всегда съ презрѣніемъ къ крестьянамъ и ожидали всего исключительно отъ городскихъ рабочихъ. Но между тѣмъ, примѣръ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что крестьянинъ способенъ охранять свободныя учрежденія съ гораздо большимъ рвеніемъ, чѣмъ городской рабочій. Наиболѣе опасными для этихъ республикъ пунктами считаются Женева и Нью-Йоркъ. „Городское населеніе—говоритъ Лавелэ—только революціонно, а революціонерный темпераментъ несовмѣстенъ съ свободными учрежденіями; онъ превосходенъ для низверженія монархіи, но негоденъ для основанія республики. Крестьяне, напротивъ, консерваторы по инстинкту, но республиканцы въ своихъ нравахъ. Сѣмъ-бѣйте привлечь ихъ къ республикѣ, и она упрочится окончательно“. (Стр. 104).

Для нынѣшней Франціи Лавелэ желалъ бы упроченія республики какъ въ интересахъ самой Франціи, такъ и въ интересахъ всего цивилизованнаго міра. Онъ понимаетъ, что обстоятельства весьма благоприятствуютъ республикѣ, и опасается только, что ее погубятъ вышеупомянутые рутинеры, къ которымъ охотно пристанутъ приверженцы коммуны 1871-го года; нѣкоторые главные дѣятели послѣдней, какъ секретарь Бакунина, Ришаръ, и членъ „Интернаціонала“ Бастеликэ, уже признаны агентами новой бонапартистской интриги. Погубить республику Тьера, впрочемъ, не трудно, такъ какъ всѣ обстоятельства благоприятныя ей отрицательнаго свойства, а всѣ положительныя силы ея прочности, то-есть — гарантіи свободы и равноправности остаются пока организованными на старый, цезарскій ладъ: вмѣсто бонапартовскаго цезаризма господствуетъ цезаризмъ Національнаго Собранія, ничѣмъ не ограниченный. Только въ новомъ законѣ о земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ нѣсколько ограничена административная опека надъ главною школою свободы: мѣстнымъ самоуправленіемъ. Но кромѣ

централизаціи, этого страшнѣйшаго врага свободныхъ учреждений — во Франціи есть еще нѣсколько крупныхъ препятствій для упроченія республики, какъ свободной системы правленія: постоянная армія, зависимость суда отъ администраціи и вражда партій. Отрицательныя достоинства республики заключаются, по мнѣнію Лавелэ, въ томъ, что она является образомъ правленія, который могли бы принять всѣ, такъ какъ въ немъ всего менѣе элементовъ возбуждающихъ взаимную вражду. „Всякая монархія во Франціи—говоритъ нашъ авторъ—имѣетъ противъ себя всѣхъ республиканцевъ и никогда не удастся достигнуть того, чтобы эта партія перестала быть могущественною и грозною, агитирующею передъ лицомъ дремлющихъ консерваторовъ и замѣщающую свою слабость въ численности смѣлостью ея предпріятій и постоянствомъ своей пропаганды“. Причинъ республиканскаго обаянія во Франціи много. Во-первыхъ, классическое воспитаніе юношества въ поклоненіи передъ республиками Греціи и Италіи и великою французскою революціей. Во-вторыхъ, королевская власть, какъ напоминающая феодальныя порядки, ненавистна крестьянамъ, а императорскій цезаризмъ возмущаетъ всѣ образованные классы. Далѣе, существуетъ во Франціи ходячее мнѣніе, поддерживаемое блестящимъ примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ, что и въ Европѣ прогрессъ демократіи необходимо долженъ придти къ восстановленію повсюду республики. Всѣ эти вліянія, вмѣстѣ взятые, и безпрестанные династическіе споры между самими монархистами приводятъ французовъ къ ослабленію вѣры въ прочность монархической реставраціи,—къ чему же создавать непрочное, не лучше ли бы консерваторамъ — совѣтуетъ Лавелэ—самимъ присоединиться къ республикѣ и затѣмъ уже дружно создать и упрочить во Франціи свободу“. (Стр. 87). Но французскіе монархисты всѣхъ отѣнковъ думаютъ, кажется, иначе, и именно потому, что они хлопочутъ о восстановленіи не конституціонной монархіи, которую имѣетъ въ виду Лавелэ всякій разъ, когда пускается въ сравненіе монархіи съ республикою, а монархіи квази-конституціонной, то-есть, диктатуры одного слоя общества надъ другимъ.

Въ интересахъ обще-европейскаго мира упроченіе республики во Франціи имѣетъ очень важное значеніе, такъ какъ только она одна можетъ сдерживать желаніе „реванша“, которымъ одушевлены пока всѣ французы. Въ монархіи, оппозиція республиканская и династическая, подымая постоянно крикъ объ „отмищеніи“ въ видахъ низверженія царствующей династіи, побудитъ послѣднюю организовать всю страну для цѣлей новой войны съ Германіей, и такимъ образомъ необходимо приведеніе Франціи къ повторенію опасной политики 1870-го года. Понятно, въ какомъ невыгодномъ положеніи будутъ находиться всѣ государства въ Европѣ, въ продолженіи всего этого періода подготовленія Франціи къ новой войнѣ: имъ придется опасаться, съ одной стороны—

новаго взрыва революціонныхъ страстей во Франціи, а съ другой — страшной войны, которая можетъ увлечь въ себя всю Европу.

Во внутреннихъ дѣлахъ, для развитія и упроченія свободныхъ учреждений, Лавелэ отдаетъ предпочтеніе республикѣ передъ конституціонной монархіей въ дѣлѣ подавленія возстаній (подавленіе рабовладѣльческихъ штатовъ въ сѣверной Америкѣ, іюньскіе дни 1848-го года, побѣда надъ коммуну 1871), въ упроченіи равенства гражданъ и простоты правовъ. Но конституціонная монархія сильнѣе ограничиваетъ исполнительную власть (т.-е. перваго министра или президента), и сама исполнительная власть находится тамъ въ наиболѣе способныхъ рукахъ; въ конституціонной монархіи возможна послѣдовательность въ государственной политикѣ, а въ республикѣ невозможна.

Всѣ преимущества республики и монархіи другъ передъ другомъ выведены Лавелэ изъ исторіи и нынѣшняго состоянія государственнаго правленія Соединенныхъ Штатовъ и Англіи, этихъ реальныхъ представителей обонхъ началъ. Само собою разумѣется, что на основаніи опыта этихъ двухъ странъ можно опредѣлять преимущества и недостатки республики и конституціонной монархіи въ примѣненіи къ нынѣшней Франціи, но изъ этихъ преимуществъ и недостатковъ нельзя еще составлять общей теоріи республиканскаго и монархическаго начала не только потому, что опытъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ не исчерпываетъ всего, что даетъ вообще историческій опытъ въ этомъ отношеніи, но также потому, что какъ въ Англіи конституціонная монархія, такъ въ Соединенныхъ Штатахъ республика еще далеко не сказали своего послѣдняго слова. Уже въ настоящее время мы имѣемъ въ Англіи агитацію противъ палаты лордовъ, одной изъ основы британской конституціи, а въ Америкѣ поднята агитація въ пользу уничтоженія президентской должности, въ которой многіе видятъ „остатки монархическаго начала“. Съ этою оговоркою относительно теоретической стороны проводимаго у Лавелэ сравненія республиканскаго начала съ монархическимъ, мы указываемъ на сочиненіе Лавелэ всѣмъ, кто пожелалъ бы познакомиться съ практическими выводами политическаго свойства изъ государственной жизни странъ, въ которыхъ прочно установилась политическая свобода.

НЕКРОЛОГЪ.

Борисъ Исаковичъ Утинъ.

Есть люди, которые въ своей жизни такъ постоянно и неуклонно воплощали идею добраго, справедливаго, честнаго, что, кажется, съ ихъ смертью, не только стало около насъ однимъ человѣкомъ меньше, но какъ будто вмѣстѣ съ нимъ уменьшилось, въ кругу знавшихъ и почитавшихъ ихъ, доли добраго, справедливаго на землѣ, — и невольно возмущаешься такою смертью! Но особенно тягостно, когда жертва поражается смертью въ располхъ и преждевременно, въ такую пору, когда человѣкъ только-что достигъ самой вершины жизни, оставивъ за собою длинный рядъ болѣе или менѣе тяжелыхъ испытаній, мучительной борьбы, и вступилъ какъ бы въ новый періодъ существованія, съ огромнымъ запасомъ отвоєванныхъ имъ силъ нравственныхъ и умственныхъ; и въ такую пору намъ приходится, и притомъ внезапно, замѣнить живую вѣру въ человѣка, живую любовь къ нему — однимъ подавляющимъ, горькимъ воспоминаніемъ о невозвратимой утратѣ. Мы говоримъ такъ по поводу кончины Бориса Исаковича, и говоримъ вовсе не по внушенію нашей продолжительной личной дружбы, которая доставила намъ выгоду ближе другихъ познакомиться съ его нравственными качествами и чаще другихъ пользоваться результатами этихъ качествъ. Покойный былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ общественной дѣятельности; его знали и въ наукѣ, и въ профессурѣ, и по его непосредственному участію въ судебной реформѣ, и въ судѣ, наконецъ, въ литературныхъ кружкахъ, и вездѣ его искренне любили многіе, а за его солидные, обширные познанія, за прямоту характера и честность убѣжденій, соединенную съ постоянствомъ, его уважали и почитали всѣ; — о немъ въ этомъ отношеніи было только одно мнѣніе, и у друзей покойнаго, и у людей противнаго съ нимъ образа мыслей.

Жизнь такого человѣка, рѣдкаго вообще, и особенно рѣдкаго у насъ, гдѣ отъ бездѣлья и отъ полуобразованности накопилось такъ много взаимной ненависти и злобы, что трудно соединить на одномъ доброе мнѣніе всѣхъ, — весьма назидательна и любопытна, такъ какъ въ подробностяхъ этой жизни высказывается ясно и обратная сторона медали нашей общественной исторіи. Наше недавнее прошедшее вовсе было не таково, чтобы содѣйствовать развитію нравственной личности человѣка; напротивъ, такое развитіе встрѣчало на своемъ пути тяжелыя препятствія, которыя преодолевались, при слабости воли, съ боль-

шимъ ущербомъ въ другихъ отношеніяхъ и часто не безъ катастрофы. И въ этомъ отношеніи жизнь покойнаго обращаетъ на себя вниманіе каждаго мыслящаго человѣка: Б. И., въ своей самой ранней юности потерпѣлъ много, и только личная сила его воли и страстная любовь къ наукѣ не допустили его до того озлобленія, за которыми слѣдуетъ обыкновенно рядъ уже настоящихъ и непоправимыхъ ошибокъ.

Покойный родился въ 1832-мъ году и получилъ свое общее образованіе въ одномъ изъ лучшихъ тогда среднеучебныхъ заведеній, въ Петропавловской школѣ. Оттуда онъ вынесъ то солидное нѣмецко-классическое образованіе, которое къ сожалѣнію имѣетъ такъ мало общаго съ русско-классическимъ образованіемъ, и которому онъ былъ обязанъ впоследствии своею подготовленностью къ научнымъ занятіямъ вообще и къ изученію юриспруденціи въ частности. Тамъ же онъ основательно изучилъ новѣйшіе языки—этотъ главный путь къ ознакомленію съ идеями новаго міра; нѣмецкимъ языкомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ и впоследствии писалъ на немъ свои первые научные труды (въ дерптскомъ университетѣ). Въ 1848-мъ году, онъ долженъ былъ поступить въ С.-Петербургскій университетъ; ему тогда едва исполнилось шестнадцать лѣтъ. Но вмѣсто того онъ подалъ въ Петропавловскую крѣпость! Все это „дѣла давно минувшихъ дней“, и теперь, въ наше время, умолчаніе о чемъ-нибудь подобномъ могло бы быть только оскорбительнымъ для нашего времени. Вина юнаго quasi-преступника, стоявшаго тогда почти на границѣ дѣтства съ юностью, состояла въ томъ, что приготавливавшій его къ приѣмному экзамену въ университетъ студентъ Т. былъ замѣшанъ въ такъ-называемую исторію Петрашевскаго ¹⁾. Юноша, почти ребенокъ, просидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ крѣпости, когда наконецъ совершенно убѣдились въ его невинности и выпустили на свободу, дозволивъ даже поступить въ университетъ, но не столичный, чтб, впрочемъ, случайно послужило въ пользу покойному. Серьезный характеръ и любовь къ наукѣ спасли Б. И. отъ напраснаго раздраженія, губящаго столь многихъ; вліяніе же заключенія на него ограничилось одною сосредоточенностью, задумчивостью и вѣдшимъ угрюмымъ видомъ, который плохо гармонировалъ съ прирожденнымъ ему добродушіемъ и душев-

¹⁾ Ближайшимъ же поводомъ къ аресту Б. И. Утина, какъ мы слышали, было слѣдующее обстоятельство. Т. ни въ чемъ не сознавался и ни на кого не указывалъ, и потому была употреблена извѣстная стратагема, а именно, ему объявили, что онъ оправданъ и можетъ идти домой, а между тѣмъ, за нимъ слѣдили, къ кому онъ пойдетъ. Не имѣя пристанища въ первую минуту, онъ вспомнилъ случайно о своемъ ученикѣ и зашелъ къ нему, къ первому. Вслѣдъ за этимъ визитомъ, Б. И. былъ немедленно взятъ; но прошло слишкомъ много времени, прежде нежели разувѣрились въ его виновности.

ною теплотой; все это было, очевидно, привитое и съ каждымъ годомъ ослабѣвало въ немъ.

Годы студентства Б. И. прошли въ Дерптѣ весьма замѣченными: онъ былъ два раза удостоенъ золотой медали; пзвѣстный проф. Жиряевъ поощрялъ и поддерживалъ въ немъ любовь къ наукѣ, цѣня его, какъ солидную силу, и покойный, ища всегда опоры въ одномъ себѣ и въ своемъ трудѣ, рѣшился посвятить себя ученой карьерѣ, которая давала хотя скромное, но независимое существованіе, и вмѣстѣ соотвѣтствовала вполнѣ его личнымъ наклонностямъ. Окончивъ курсъ въ 1854 г., Б. И. рѣшился держать экзаменъ на дальнѣйшія ученыя степени, и въ 1857 г. получилъ степень магистра правъ; его магистерская диссертация, подъ заглавіемъ: „Ueber die Ehrenverletzung nach russischem Rechte, seit dem XVII Jahrhundert“. Dorpat, 1857 (Объ оскорбленіи чести по русскому праву, начиная съ XVII вѣка), обратила на себя вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ, и на нее ссылались иностранные юристы.

Для законченности своего образованія знакомствомъ съ западными университетами и съ западною жизнью, Б. И. предпринялъ заграничное путешествіе, съ 1857 до половины 1859 года. Съ этихъ поръ начинается наше личное знакомство съ покойнымъ; въ зимній семестръ 1857—58 г. мы вмѣстѣ слушали лекціи въ берлинскомъ университетѣ, и потомъ ѣздили вмѣстѣ по Германіи, встрѣчались въ Парижѣ. Затѣмъ онъ отправился въ Англію, которая особенно интересовала его, такъ какъ у него еще тогда составилъ планъ обширной работы, мысль о которой преслѣдовала его всю жизнь, а именно, изслѣдовать источники англійской конституціи. Его библіотека до послѣдняго времени не пропускала ничего новаго, что сколько-нибудь относилось къ той темѣ, и онъ какъ будто ждалъ освобожденія отъ труда необходимаго, чтобы имѣть право предаться излюбленному труду. Видно было, что онъ находился уже недалеко отъ пристани: когда докторъ ему совѣтовалъ теперь поѣхать за границу на болѣе продолжительное время и не возвращаться на зиму, онъ ему отвѣчалъ: „Нѣтъ! я вернусь непременно въ сентябрѣ, устрою свои дѣла (подъ этимъ онъ разумѣлъ: выйду въ отставку), и тогда, быть можетъ, поѣду на зиму за-границу“. Итакъ, этотъ сентябрь, очевидно, рисовался ему берегомъ его новой жизни, что при его нетребовательности и крайне умѣренной жизни, въ самомъ дѣлѣ было возможно.

По окончаніи путешествія, Б. И. получилъ предложеніе занять новую катедру сравнительной исторіи законодательства въ петербургскомъ университетѣ, и въ самомъ началѣ 1860 года началъ свои лекціи. Здѣсь мы встрѣтились съ нимъ вторично, какъ старые пріатели, вмѣстѣ трудились два года, и вмѣстѣ съ другими вышли въ от-

ставку, въ концѣ 1861 года. Что тутъ не было никакой систематической оппозиции, какъ говорили тогда, это видно всего лучше на Б. И.: оставивъ университетъ потому, что тамъ тогда нельзя было служить, онъ тотчасъ же принялъ кафедру государственнаго права въ училищѣ Правовѣдѣнія, и именно потому, что тамъ можно было служить, а главное, онъ никакъ не хотѣлъ совсѣмъ разстаться съ своей любимой профессіей. Оставившееся затѣмъ свободное время онъ отдалъ практикѣ, поступивъ на службу въ государственную канцелярію. Его влекла туда, впрочемъ, не чиновническая служба и не исканіе карьеры, а возможность примѣнить свои обширныя юридическія свѣдѣнія къ возникавшему тогда дѣлу судебной реформы. Статьи, помѣщенныя имъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и потомъ въ „Современникѣ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, рекомендовали его весьма выгодно, и онъ былъ назначенъ въ декабрѣ 1862 г. членомъ-редакторомъ въ комиссіи для участія въ составленіи проектовъ судебныхъ уставовъ. По введеніи реформы, Б. И. вскорѣ оставилъ государственную канцелярію съ тѣмъ, чтобы вступить въ новое судейское сословіе, которое, послѣ профессорскаго, представляло болѣе сродный ему идеалъ дѣятельности: онъ былъ послѣдовательно членомъ петербургскаго окружнаго суда и въ послѣднее время—судебной палаты.

Какъ ни незамѣтна обыкновенно личная роль члена вообще коллегіальнаго, и въ особенности судебного учрежденія, но, по свидѣтельству ближайшихъ сослуживцевъ, Б. И. очень скоро приобрѣлъ себѣ въ окружномъ судѣ ту прочную репутацію, которую онъ вполне заслужилъ. Пробывъ болѣе года въ гражданскомъ отдѣленіи суда, онъ затѣмъ перешелъ въ уголовное отдѣленіе, гдѣ нерѣдко предсѣдательствовалъ, одинаково обнаруживая вѣрное пониманіе дѣла, близкое знакомство съ дѣйствующимъ законодательствомъ и безусловное безпристрастіе и справедливость. Мнѣніе, которое составили о Б. И. въ окружномъ судѣ его товарищи, всего лучше обнаруживаетъ тотъ фактъ, что когда въ ноябрѣ 1869 г. былъ полученъ указъ сената о производствѣ дознанія по безпорядкамъ, обнаружившимся въ мировомъ судѣ царскосельскаго округа, — то общее собраніе отдѣленій окружнаго суда единогласно просило Б. И. принять на себя производство дознанія по этому дѣлу, требовавшему человѣка одинаково строгаго и къ другимъ, и къ самому себѣ, а именно этимъ качествомъ покойный отличался въ высшей степени. Тутъ нужно было не падать другихъ, но не щадить и себя, чтобы распутать дѣло и добиться истины. Мы увидимъ, что именно это дознаніе въ Царскомъ-Селѣ и положило начало той болѣзни, которая теперь свела Б. И. въ могилу.

Во все время своей профессуры, своего участія въ законодательныхъ работахъ, и во время судебной дѣятельности, Борисъ Исаковичъ не оставлялъ пера и посвящалъ свой досугъ литературному служенію, что мы такъ часто видимъ за-границей, даже на высотѣ

министерскихъ кресель, и что, къ сожалѣнiю, встрѣчается у насъ рѣдко. Печатавъ въ журналахъ свои этюды изъ исторiи англiйской конституцiи, онъ, вмѣстѣ съ К. К. Кавелинымъ, перевелъ съ нѣмецкаго сборникъ барона Гакстаузена: „Конституцiонное начало, его историческое развитiе и его взаимодѣйствiе съ политическимъ и общественнымъ бытомъ государствъ и народовъ“ (Спб. 1866). Съ 1866 года Б. И. помѣщаль свои критическiя работы исключительно въ нашемъ журналѣ; такъ, у насъ были помѣщены его разборы книгъ: „Русское государственное право“, г. Андреевскаго (декабрь, 1866); „Высшая администрацiя Россiи XVIII ст. и ген.-прокуроры“, г. Градовскаго (iюнь, 1867); „Царство закона“, герц. Аргайля (апр. 1868); кромѣ того, по поводу вновь выходившихъ книгъ, онъ давалъ намъ статьи, какъ-то: „Свѣтское законодательство и церковь съ XVII вѣка“ (iюль, 1868); „Спеціальное образованiе въ Россiи“ (май, 1869); „Источники крестьянской реформы“ (нояб., 1870); „Исправительныя колонiи“ (май, 1871). Его же перу принадлежитъ пространнiй анализъ извѣстной книги Лабулэ, котораго онъ лично зналъ и слушалъ его лекцiи въ Парижѣ, подъ заглавiемъ: „Политическая сатира во Францiи“ (фев. и апр. 1868). Послѣдняя его статья: „Изъ судебного мiра“, въ нашемъ журналѣ была напечатана въ февралѣ текущаго года съ цѣлью защитити отъ нареканiй нашу судебную реформу и доказать всю нелѣпость усилiй нѣкоторыхъ органовъ поколебать основы судебной реформы на основанiи единичныхъ, искусственно подобранныхъ фактовъ. Но мы должны измѣрять участiе Б. И. въ нашемъ журналѣ не числомъ помѣщенныхъ статей и даже не однимъ ихъ качествомъ; намъ особенно дорого было его личное участiе вообще къ судьбѣ нашего журнала, его дружескiе совѣты и указанiя, которыми мы такъ часто пользовались къ нравственной выгодѣ журнала, и въ этомъ отношенiи настоящая наша потеря весьма велика и весьма чувствительна.

И не мы одни такого мнѣнiя о Б. И. Онъ посвящалъ не мало времени также на публицистику; результатомъ его публицистической дѣятельности было большое число руководящихъ статей въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Редакцiя этой газеты, указывая на такое участiе Б. И., выражаетъ одинаково сожалѣнiе о своей настоящей потерѣ. Его статьи въ „Спб. Вѣд.“, хотя и не подписанныя, всегда было легко узнать, такъ рѣзко онѣ выдавались по вѣскости аргументацiи, большому аппарату свѣдѣнiй и научному характеру изложенiя.

Послѣднимъ трудомъ покойнаго была брошюра, подъ заглавiемъ: „Объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ предъ частными лицами“ (Спб. 1872), оттиснутая изъ „Журнала гражданскаго и торговаго права“. Она вызвала на сцену пренебреженный, но весьма важнiй въ наше время общественнiй вопросъ, и подготовила путь къ его разрѣшенiю. Въ настоящую минуту назначена, какъ мы слышали, комиссiя для рѣ-

шенія этого вопроса и введенія его въ практику. Безъ сомнѣнія, эта коммиссія не разъ вспомнитъ работу покойнаго и воспользуется ею.

Здоровье Б. И. колебалось значительно впервые два года тому назадъ, когда, какъ мы уже говорили, окружный судъ назначилъ его зимою съ 1869 на 1870 годъ для производства дознанія въ Царскомъ-Селѣ. Его ежедневныя поѣздки въ холодныхъ вагонахъ во всякое время заключились сильною простудою и тифомъ, съ незначительнымъ, впрочемъ, оплотнѣніемъ легкаго. Больной отправился, весною 1870 года, въ Ниццу, и возвратился въ іюлѣ повидимому совершенно здоровымъ. Въ нынѣшнемъ году, не дальше какъ въ половинѣ апрѣля у него открылся кашель, не предвѣщавшій ничего опаснаго; но вскорѣ затѣмъ появились явные зловѣщіе признаки страданія легкихъ; заграничная поѣздка сдѣлалась необходимою; положеніе больного ухудшалось по днямъ, и въ концѣ мая онъ отправился въ Берлинъ для совѣщанія съ извѣстнымъ д-ромъ Траубе. Кромѣ брата, который долженъ былъ выѣхать вслѣдъ за больнымъ, больного взялъ на свое попеченіе его старинный университетскій другъ, докторъ А. И. Скребицкій, который и не оставлялъ его до послѣдней минуты съ рѣдкимъ самоотверженіемъ.

Траубе не пашелъ, къ общей радости родныхъ и друзей больного, смѣшанной впрочемъ съ невольнымъ изумленіемъ, никакого поврежденія легкихъ, и отправилъ потому пациента для пользованія однимъ климатомъ въ Швейцарію, въ Штахельбергеръ на возвышенности кантона Гларуса. Совѣтъ былъ исполненъ, но положеніе больного начало ухудшаться съ такою чудовищною быстротою, что А. И. Скребицкій едва имѣлъ возможность перевезти его обратно въ Цюрихъ, гдѣ можно было найти и хорошихъ врачей для консультаціи, между тѣмъ какъ въ Штахельбергерѣ не оказалось даже и аптеки. Всего 8 дней спустя послѣ одобрительнаго отзыва Траубе, въ Цюрихѣ одинъ изъ лучшихъ медиковъ г. Вирмеръ пашелъ уже состояніе легкихъ у Б. И. безнадежнымъ! 13 (25) іюня, въ шесть часовъ вечера, Б. И. скончался, на сороковомъ году своей вѣчно труженнической жизни; его останки, перевезенныя изъ Цюриха въ Петербургъ, преданы землѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, рядомъ съ могилкою нѣжно любимой имъ матери, которой онъ лишился два года тому назадъ, едва оправившись самъ отъ тифа...

Мы кончаемъ, съ увѣренностью, что многіе и весьма многіе, знавшіе лично покойнаго, скажутъ вмѣстѣ съ нами: со смертію Бориса Исаковича наше общество лишилось еще одного честнаго, благороднаго и безкорыстнаго дѣятеля, нравственный образъ котораго никогда не изгладится въ памяти его друзей.

М. С.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Шестое засѣданіе комитета 10-го апрѣля 1872-го г.

1) Выдано 30 руб. въ пособіе писателю, неимѣющему никакихъ средствъ къ существованію.

2) Выдано 25 р. въ пособіе вдовѣ писателя, находящейся въ крайности.

3) Выдано 50 р. въ пособіе вдовѣ писателя. Она крайне болѣзненна и воспитываетъ сына 8-ми лѣтъ, кромѣ 300 р. пенсін за службу мужа средствъ къ жизни не имѣетъ.

4) Выдано 100 р. больному и обремененному семействомъ писателю.

5) Выдано 50 руб. писательницѣ, неимѣющей кромѣ незначительнаго гонорара за ея статьи, никакихъ средствъ къ жизни.

6) Выдано 40 р. въ пособіе писателю, разбитому параличемъ, для переезда на родину.

7) Принято къ свѣдѣнію заявленіе предсѣдателя, что, по его ходатайству, одному писателю предоставлено мѣсто въ общественномъ установленіи.

8) Отклонено ходатайство двухъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ общество выдаетъ пособія.

9) Выдано 50 руб. вдовѣ писателя на леченіе больныхъ дѣтей сл.

10) Объявлена благодарность общества: а) М. С. Каханову за содѣйствіе компетугу; б) Е. А. Лавровской, М. И. Раабъ, А. Н. Эсповой, Л. Ауеру и Ѳ. О. Лешетницкому за безвозмездное участіе въ устройствомъ въ пользу Общества концертовъ; и в) магазинамъ Бабунова, Бютнера, Иогансена и Черкесова, за продажу билетовъ на тотъ же концертъ.

Отчетъ казначея В. И. Утина за мартъ 1872-го года.

Къ 1-му марта состояло на лицо 54,778 р. 86 к.—Въ теченіе марта поступило 1,740 р. 79 к., въ томъ числѣ: отъ 51 члена Общества 970 руб., отъ П. П. Демидова 5000 р., по купонамъ 199 р. 32 коп., процентныя деньги отъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ 58 р. 47 к. и одновременно пожертвованныя В. П. 13 руб.—Израсходовано 1,817 руб., въ томъ числѣ: пенсін 5 лицамъ 292 р., единовременныя пособія 10 лицамъ 990 р., въ пособіе студентамъ харьковскаго университета 120 р., на воспитаніе одного лица 90 руб., ссуда одному лицу 300 р. и на похороны одного лица 25 р.—Къ 1-му апрѣля въ кассѣ 54,702 р. 65 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 руб., на текущемъ счету 1,417 р. наличными 145 р. 65 к.

II. Отъ Комитета по учрежденію стипендій въ память статсъ-секретаря Милютина.

14 апрѣля сего года послѣдовало, по докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, высочайшее соизволеніе на открытіе во всей имперіи подписки на учрежденіе стипендій для приготовленія сельскихъ учителей въ память покойнаго статсъ-секретаря Милютина.

Вслѣдствіе сего, комитетъ долгомъ считаетъ объявить, что для сбора пожертвованій съ означенною цѣлью сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Открыта подписка въ редакціи „Вѣстника Европы“ (Галерная улица, д. № 20) и въ конторѣ газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (Невскій просп. книжный магазинъ Черкесова).

2) Открытъ приѣмъ пожертвованій въ государственномъ банкѣ и всѣхъ его конторахъ и отдѣленіяхъ. Желające дѣлать взносы этимъ путемъ, вмѣстѣ съ представленіемъ денегъ въ Банкъ, его контору или отдѣленіе, заявляютъ, что они должны быть записаны на *текущій счетъ капитала стипендій въ память статсъ-секретаря Милютина*.

3) Независимо отъ того, нѣкоторымъ лицамъ выданы для сбора пожертвованій особыя книжки съ *означеніемъ лица, кому она выдана и за подписью одного изъ членовъ Комитета*.

О всѣхъ пожертвованіяхъ, а также и объ употребленіи собранныхъ денегъ, комитетъ будетъ доводить, посредствомъ газетъ, до всеобщаго свѣдѣнія.

М. Стасюлевичъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА

ОС-
НОВА-
НІИ ТОР-
ГОВЛИ
1811.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ Іюнѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

РЪЧИ, произнесенныя М. П. Погодинымъ въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ 1830—1872 г. Ц. 1872 г. ц. 3 р. вѣс. за 3 ф.

ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ, П. Историческій обзоръ развитія шелководства въ Москвѣ и югозападныхъ отъ нея губерніяхъ и дѣйствій комитета шелководства съ 1847 года апрѣля 7-го и по 7-е апрѣля 1872 года. М. 1872. г. Ц. 2 р., вѣс. за 3 ф.

РОССМЕСЛЕРЪ, Э. На досугѣ. Популярныя бесѣды, съ политинажами въ текстѣ. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. за 3 ф.

КАРНОВИЧЪ, Е. Пособіе для занятій по судбно-гражданской части, Спб. 1872 года. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. за 3 ф.

ПРОТОКОЛЫ и стенографическіе отчеты засѣданій перваго всероссійскаго сѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечественною промышленностью, 1870 года. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. вѣс. за 3 ф.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ. Книга 2-я М. 1872 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

СБОРНИКЪ «НЕДѢЛИ». Русскіе общественные вопросы, съ приложеніемъ литературно-политическаго отдѣла. Спб. 1872 г. Ц. 4 р., вѣс. за 4 ф.

ПАТРИАНЪ, Э. Исторія плебисцита; рассказъ одного изъ 7.500,000 избирателей, сказавшихъ: «Да». Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ДѢЛО МЯСНИКОВЫХЪ, полный стенографическій отчетъ съ присовокупленіемъ отзывовъ газетъ и журналовъ о вердиктѣ присяжныхъ засѣдателей. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

СТОРОЖЕНКО, Н. Предшественники Шекспира, эпизодъ изъ исторіи англійской драмы въ эпоху Елисаветы. Т. 1-й Спб. 1872 года Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

БОВОРЫКИНЪ, П. Театральное искусство. Спб. 1872 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

МОЛЧАНОВЪ И ХОДОРОВСКІЙ. Систематическій указатель рѣшеній кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Спб. 1872 г. Ц. 75 к., вѣс. за 1 ф.

МОЛЧАНОВЪ И ХОДОРОВСКІЙ. Полное собраніе рѣшеній обоихъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената за 1866—1871 г., относящихся къ I ч. X. т. свод. закон. гражд., выпускъ II. Ц. 3 р. вѣс. за 2 ф.

ЧЕБЫШЕВЪ, В. Металлическіе патроны. принятыя къ военному оружію. В. 1-й. 1872 г. Ц. 40 к., вѣс. за 1 ф.

НИКУЛИЩЕВЪ, А. Военныя дѣйствія подъ Мecomъ въ 1870 году. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50., вѣс. за 2 ф.

0 подпискѣ на ежемѣсячное, выходящее въ Петербургѣ, историческое изданіе:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1872-й г. (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

«Русская Старина» посвящена преимущественно изданію записокъ и воспоминаній русскихъ дѣятелей, а также матеріаловъ къ отечественной исторіи и исторіи русской литературы XVIII и XIX вв. Въ вышедшихъ книгахъ 1872 г., между многими другими матеріалами, напечатаны: Записки гр. Чернышева, сподвижника Петра Великаго; — Воспоминанія академика Витберга, съ его словъ записанныя въ Вяткѣ А. Н. Горценомъ, въ 1836 г.; — записки поч. лейбъ-хирурга Тарасова; записки партизана Дениса-Давыдова; собственноручныя шуточныя произведенія Петра Великаго о князь-пацѣ и «всепьянѣйшемъ соборѣ» (Петръ I—какъ юмористъ); секретныя депеши прусскаго посла объ обѣдахъ, нанесенныхъ ему царемъ Петромъ и кн. Меншиковымъ и друг. матеріалы о Петрѣ Великомъ и его времени. — Письма и мнѣнія гр. Мордвинова, Сперанскаго, Ермолова и друг. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей—П. О. Карабановымъ. Думы, посланія, сатира на Аракчеева и пророческая ода «Видѣніе» Рыльска; — неизданныя отрывки изъ «Мертвыхъ Душъ» — Гоголя. Воспоминанія о Гоголѣ—Берга, о Грибоѣдовѣ—Каратыгина; неизд. стихотворенія—Держенцова; «Насильный бракъ»—баллада гр. Ростопчиной; — басни и сказки Хемингера (по подлинной его рукописи); письма Дубельта; «Маіоръ»—шутка-поэма Федотова, — «Солдатская сказка про царей російскаго и нѣмецкаго»—Чернышева, и проч., и проч.

«Русская Старина» 1872 г., третій годъ, выходитъ книжками непременно 1-го числа каждаго мѣсяца; вышли и тогда же разосланы подписчикамъ: *Январская, Февральская, Мартовская, Апрельская, Майская, Июньская и Июльская* книжки—съ приложеніями: «Записокъ» А. Т. Болотова, портретовъ академика Витберга, пѣвца былинъ Рябинина, рисунковъ: Храма Спасителя въ Москвѣ—по проекту Витберга; — дома, въ которомъ скончался кн. Кутузовъ—Смоленскій въ Бунцлау и памятникъ ему тамъ-же; — снимка съ письма кн. Кутузова о Бородинской битвѣ 1812 г.

Подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1872 г., третій годъ, двѣнадцать книгъ (первыя двѣ книги напечатаны *вторымъ* изданіемъ) съ приложеніями записокъ русскихъ людей, а также, время отъ времени, портретовъ и снимковъ съ писемъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей—принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова; въ Москвѣ у Ивана Григорьевича Соловьева—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородныхъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію «Русской Старины»: въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ д. Лисицына или въ д. Трута, кв. № 12.

Цѣна «Русской Старины» 1872 г. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ пересылкой въ прочіе города Имперіи

ВОСЕМЬ рублей.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

„ТОВАРИЩЕСТВА ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

и у другихъ книгопродавцевъ

ПРОДАЮТСЯ:

СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ПЕТРУ I-му, съ портретомъ *Издано по поводу юбилея цря-преобразователя* и сост. Н. Тихомировъ. Содержаніе: 1) **ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:** Россія до Петра. *Устрялова.*—Значеніе Петра и переворота, *Соловьева.*—О бракосочетаніи Алексія съ Нарышкиною, *Голикова.*—Дѣтство Петра, *Забѣлина.*—Воспитаніе и потѣхи, *Соловьева.*—Избраніе Іоанна и Петра, *по церемоніалу изъ Полн. Соб. Зах.*—Петръ въ Архангельскѣ, *Полеваго.*—Флотъ въ Воронежѣ и Петръ въ Голландіи, *Устрялова.*—Знакомство съ съ учеными, *Пекарскаго.*—Основаніе Петербурга и Кронштадта, *Вашуцаго.*—Полтавская битва, *Бойдановича.*—Торжество полтавской побѣды, Петръ въ Парижѣ, Принятіе титула и кончина, *Голикова.*—Значеніе полтавской битвы, *Бѣлинскаго.*—Торжество Ништадт. мира, *Бойданова.*—Случай, ускорившій смерть Петра, *Штеліна.*—Граурные дни и погребеніе, *Бермана.* 2) **ХАРАКТЕРИСТИКА И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА.** Образъ тѣлесный и душевный, *Голикова.*—Частная жизнь, *Корниловича.*—О преобразованіяхъ, *Карамзина.*—Петръ Великій, *Поюдина.*—Петръ, какъ представитель народа, *Соловьевъ.*—Подвиги Петра, *Полеваго,* и Заслуги Петра, *Бѣлинскаго.* 3) **О ЗАКОНАХЪ, УЧРЕЖДЕНІЯХЪ И ПАМЯТНИКАХЪ:** О законахъ, *Гамеяйстера.*—Академія и проч., *Пекрскаго.*—Образованность и вѣдомости, *Галазова.*—Типографія, *Бойданова.*—Школы, Морская Академія и Дѣдушка русскаго флота, *Веселаго.*—Домикъ Петра, *Пушкарева.*—Ассамблея, *Языкова.*—Маскарадъ, *Голикова.*—Памятникъ Петру, *Ведемейера.* и Манифестъ Екатерины II. 4) **ОРАТОРСКІЙ ОТДѢЛЪ:** Слова, поученія и рѣчи, *Іоакима, Прокоповича, Ломоносова, Никитенко* и *Морошкина.* 5) **НАРОДНЫЯ ПѢСНИ О ПЕТРѢ** 6) **ОДЫ, ПѢСНИ И СТИХОТВОРЕНІЯ,** *Ломоносова, Дерявина, Пушкина* и *Поюдина.* 7) **НАДПИСИ КЪ ИЗОБРАЖ. ПЕТРА. ПРЕДАНІЯ:** Екатерина о Петрѣ, и *Пушкина.*—Вѣчная память, *Ломоносова* и Хронологическій указатель *событій царствованія.* Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ВЪ КАРТИНАХЪ. Сост. В. А. Золотовымъ. Роскошное въ переплетѣ изданіе, въ альбомномъ форматѣ, изъ 19 картинъ, съ текстомъ и портретомъ Петра I. Содержаніе картинъ и текста: Избраніе Петра на царство.—Софья угощаетъ стрѣльцовъ.—Пренія раскольниковъ при дворѣ.—Повинная стрѣльцовъ.—Пріемъ пословъ польскихъ.—Петръ въ Нѣмецкой слободѣ.—Возвращеніе Петра въ Москву.—Неустранимость Петра.—Русскій флотъ подъ Азовомъ.—Возвращеніе изъ-подъ Азова.—Петръ въ Сардапъ.—Заложеніе Петербурга.—Пиръ послѣ полтавской побѣды.—Принятіе титула.—Ассамблея.—Кн. Яковъ Долгорукий.—Царевичъ Алексѣй.—Спасеніе солдатъ на Лахтѣ и портретъ Петра I съ его факсимиле. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 30 к.

НАУКИ И ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССИИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ. Исслѣдованіе П. Пекарскаго. Удостоено отъ Академіи Наукъ полной демидовской преміи. Цѣна 7 р., въсов. 5 ф.

Содержаніе: Томъ I-й заключаетъ въ себѣ: Введеніе въ исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII столѣтія, а именно: Значеніе Польши для кievской академіи.—Кіевскіе ученые въ Москвѣ.—Знакомство Петра Великаго съ учеными въ Голландіи.—Русскія типографіи въ Амстердамѣ.—Сношеніе Петра Великаго съ учеными въ Голландіи.—Сношеніе Петра Великаго съ германскими знаменитостями: Лейбницомъ, Вольтеромъ и французскими учеными въ Парижѣ.—Побѣда за границю съ учеными цѣлями облюбовавшаго Шумахера.—Распоряженія объ открытіи Академіи Наукъ въ Петербургѣ.—Наставники царевича Алексѣя: Нейгебауэръ и баронъ Гюйссент.—Полемика изъ о Россіи и русскомъ дворѣ.—Состояніе училищъ въ Россіи.—Русскіе петровскіе времена за границею.—Старинныя буквы и грамматики.—Языковѣданіе и переводчики.—Математика, астрологія, астрономія.—Географія.—Цаненрихи.—Театръ и драматическія произведенія.—Связь литературныхъ произведеній петровскихъ временъ съ новою русскою литературою.—Литературные допросы и ученая полемика, кончавшаяся застѣнкомъ тайной канцеляріи.

Томъ 2-й содержитъ подробное описаніе 591-го изданія, выходившихъ въ свѣтъ съ 1698 по 1725 годъ. Указанія на сочиненія, поправки и объясненія, дѣланные Петромъ Великимъ при печатныхъ книгахъ и проч.

БЮГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. Сост. Новаковскимъ.

Очерки эти составлены съ цѣлю очертить самыя выдающіяся личности Россіи, дѣйствовавшія на различныхъ поприщахъ. Чтеніе біографій считается лучшимъ средствомъ для подражанія отечественнымъ знаменитостямъ.—При біографіи приложены портреты.

РАЗСКАЗЫ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ. Цѣна 25 к., вѣс. за 5 экз. 2 ф.

ЦАРЬ-БОГАТЫРЬ ПЕТРЪ I-й—Цѣна 75 к., вѣс. за 2 ф.

УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ, сравнительно съ первоклассными западно-европейскими государствами. Сост. преподавателемъ нижегородской военной гимназіи А. Н. Сергѣевымъ. **УЧЕБНИКЪ** этотъ принаровненъ къ программамъ курса среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и **ОДОБРЕНЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА.** Курсъ этотъ составленъ на основаніи **СЪТІИ ЖЕЛЕЗНЫХЪ ДОРОГЪ** уже построенныхъ и готовящихся въ постройку, такъ какъ они въ настоящее время составляютъ главный проводникъ и двигатель благосостоянія. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ. Четыре книги Фомы Кемпійскаго, перев. съ латинск. *графомъ М. М. Сперанскимъ*, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ другихъ сочиненій Фомы и замѣтокъ профессора А. Д. Ивановскаго. Содержаніе: Біографическая замѣтка о Сперанскомъ. Библіографія о книгѣ «Подражаніе Христу». Книга I. Наставленія въ духовной жизни полезныя. Книга II. Наставленія, руководящія ко внутренней жизни. Кн. III. О внутреннемъ утѣшеніи. Кн. IV. О святѣйшемъ таинствѣ причастія. *Прибаавленія:* О внутреннемъ духовномъ обращеніи со Іисусомъ Христомъ. О вышенемъ созерданіи въ духѣ. Выписка изъ письма Сперанскаго и предисловіе. Ц. 60 к., вѣс. 2 ф.

МІРЪ И ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ, ПО УЧЕНІЮ БИБЛІИ, Соч. Меняна. Содержаніе: Историческій характеръ книги «Бытія» о сотвореніи міра. Твореніе въ теченіе шести дней Люди составляютъ особое человѣческое царство въ природѣ. Единство человѣческаго рода. Различіе и особенность умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Единство первобытнаго языка. Хронологія индѣйцевъ, китайцевъ, египтянъ и халдеевъ. Имѣетъ ли *материализмъ основаніи* ссылаться на открытія физиологии. *Происходитъ ли человекъ отъ обезьяны.* Таблица египетскихъ династій и мнѣніе Маріета о хронологіи египтянъ. Цѣна 1 р. 50 коп., вѣс. 2 ф.

МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ И ГАЛИЦКІЙ ЕВГЕНІЙ (Болховитиновъ). Сочин. А. Ивановскаго, бывшаго бібліотекаря Императ. Публ. Бібліотеки. *Съ портретомъ митр. Евгенія.* Содержаніе: О научной дѣятельности Евгенія; въ С.-Петербургѣ и Новгородѣ, съ 1800 по 1808 г., въ Вологдѣ и Калугѣ, 1807—1816 г., въ Псковѣ съ 1816—1822 г. и въ Кіевѣ съ 1822—1837 г. Цѣна 50 к., вѣс. 2 ф.

Библія и наука. Г. В....., въ 2-хъ ч. Содержаніе: Значеніе Библіи. Невидимый міръ и матерія. Злые и добрые духи. Твореніе земли. Выводы науки и слово Библіи. Человѣкъ. Адамъ. Сотвореніе женщины и ея значеніе. Грѣхъ. Наказаніе. Раствлѣніе и упадокъ нравственности. Потопъ, какъ необходимость. Признаки потопа на землѣ. Радуга. Уменьшеніе жизни вслѣдствіе измѣненія условій ея. Жертвоприношенія. Новое общество. Ной. Родословная народовъ. Разсѣяніе ихъ на землѣ. Конецъ преданій. XI главъ Книги Бытія. Цѣна 2 р., вѣс. 2 фунта.

Космосъ, Библія природы. Бенера. Съ рисун. въ текстѣ. Кн. I. Содержаніе: Отдѣлка естествознанія; свидѣтельство изслѣдователей природы; созерданіе Бога въ его твореніяхъ. Звѣзды, свѣтила и метеоры. Хаосъ. Планеты. Древность земли и людей. Вѣсъ и обращеніе земли. Луна. Солнце. Затмѣнія. Спутники. Открытіе планетъ. Кометы. Свѣтовая матерія. Космическіе законы. Движеніе, величина и свѣтъ звѣздъ. Неизмѣримость вселенной и владычество Божіе. Обитаемость міровъ. Область Божественнаго величія. Цѣна 75 коп., вѣс. 2 фунта.

Небесный Отецъ, бѣсѣды о Богѣ и Его отношеніи къ міру и къ человѣку. Э. Навилла. Содержаніе: Наша идея Бога. Человѣкъ какъ отдѣльная личность. Общество. Возрожденіе атеизма. Природа. Человѣчество. Творецъ міра. Отецъ. Цѣна 1 р., вѣс. 2 фунта.

Современный матеріализмъ въ Германіи. П. Жана. Содержаніе: Философія съ Гегеля. Система Бюхнера. О веществѣ. О произвольномъ зарожденіи. Вещество и мысль. Конечныя причины и преобразованіе видовъ. Цѣна 1 р., вѣс. 2 фунта.

Мозгъ и мысль. П. Жанэ. Содержание: Современные труды о взаимныхъ отношеніяхъ мозга и мысли. Мозгъ животныхъ и человѣка. Сумасшествіе. Геній. Размѣшеніе отравленій. Языкъ и мозгъ. Механизмъ мозга. Мысль. Человѣкъ и обезьяна, или новѣйшій материализмъ. Соч. Ружмова. Цѣна 1 р., вѣс. 2 фунта.

Иисусъ Христосъ и Его время. Э. Прессансэ. Содержание: О сверхъестественномъ Христосѣ и предшествовавшія Ему религіи Іудейства. Источники для исторіи Іисуса Христа и бесѣда о воскресеніи Христа, соч. Гудера. Цѣна 1 руб. вѣс. 2 фунта.

Тѣло и душа. Основанія психологіи человѣка. Доктора Г. Ульрица. Содержание: О материализмѣ и спиритуализмѣ. Сущность вещества и понятіе объ организмѣ. Человѣческое тѣло въ отношеніи психологическихъ явленій. Нервная система и душа. Органы чувствъ и ихъ психологическое значеніе. Осознаніе, обоняніе и вкусъ. Настроеніе, позывъ и инстинктъ. Сознаніе есть исходный пунктъ и средоточіе психологіи. Душа въ отношеніи своего и другихъ тѣлъ. Бдѣніе, сонъ, сновидѣніе. Явленія сомнамбулизма. Упоминательство и душевныя болѣзни. Темпераменты. Возрастъ. Полъ. Расы. Душа въ отношеніи себя. Жизнь душевныхъ чувствованій и представленій. Ассоціація идей. Воображеніе и фантазія. Позывы. Стремленіе. Желаніе. Воспитаніе дѣтяти и взрослыхъ. Душа въ отношеніи ея къ Богу. Цѣна 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Выводы естествознанія по отношенію къ основнымъ началамъ религіи. Ф. Люка. Содержание: Кѣточка. Материалистическая теорія. Самозарожденіе. Палеонтологія и геологія. Анатомія. Сходство и различіе человѣка съ животными. Выводы. Спиритуалисты. Отвлеченныя понятія. Несомнѣнность духовной души. Необходимость идеи Бога. Цѣна 50 к., вѣс. 2 ф.

Богъ въ природѣ. Подъ ред. М. В. Чистякова. Сочиненіе, доказывающее на основаніи естественныхъ наукъ величіе Божіе. Содержание: Введеніе. Сила и матерія. Небо (гармонія звѣзднаго неба). Законы. Порядокъ и мудрость. Атеизмъ и отвѣты атеистамъ. Земля. (Законы. Пропорціи. Атомы. Матерія. Органическія силы). Перемѣненіе матеріи. Происхожденіе существъ. Душа. Мозгъ. Личность человѣка. Воля. Назначеніе существа и вещей. Богъ. Богъ въ природѣ. Понятія. Заблужденія. Богъ непостижимъ въ своей сущности. Различныя понятія о Богѣ. Понятія материалистовъ. Воззрѣніе на ихъ ученіе. Общее заключеніе. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

СТѢННЫЯ ТАБЛИЦЫ КЪ УЧЕБНИКУ НОТНАГО ПѢНІЯ ПО ЦИФРАМЪ, сост. Рожновымъ. Десять таблицъ, длиною 2, а шириною $1\frac{1}{2}$ аршина, объясняющія методъ пѣнія по цифрамъ. *Одною экземплярю достаточно для цѣлаго класса.* Цѣна—10 таблицъ, отпечат. на калекторъ—10 р., съ перес. 11 р. Цѣна таблицъ на бумагѣ—1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

УЧЕБНИКЪ ПѢНІЯ ПО ЦИФРАМЪ. (Для первон. сельск. школъ, пріютовъ и училищъ). Состав. старшій учитель пѣнія придворной пѣвческой капеллы А. Рожновъ. Содержание: О главныхъ звукахъ. Интервалы. Главное правило при пѣніи. О переводѣ духа. Совѣты руководителямъ хоровъ. Цѣна 20 к., за перес. отъ 1 до 5 экз. 2 ф.

СОБРАНІЕ МОЛИТВЪ АРАНЖИРОВАННЫХЪ НА ДВА ГОЛОСА (пѣніе по цифрамъ), для народныхъ школъ. Сост. А. Рожновъ. Состоитъ изъ 50 молитвъ, псалмовъ, тропарей, ирмосовъ и кондаковъ, употребительныхъ при Богослуженіи. Цѣна 30 к., вѣс. отъ 1 до 5 экз. 2 ф.

КЛАССНОЕ ПОСОБІЕ ВЪ 5 СТѢННЫХЪ ТАБЛИЦАХЪ КЪ «РУКОВОДСТВУ ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ УЧИТЕЛЬНИЦЪ И УЧИТЕЛЕЙ, Н. СТОЛПЯНСКИХЪ». Сост. Столпянскимъ. Содержание таблицъ: 1) *Для начальнаго нагляднаго обученія счету.* Здѣсь представлены линейныя мѣры и мѣры жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ. Мѣры для измѣренія угловъ. Монеты. Вѣсы. Инструменты для измѣренія земли и атмосферы. Счеты и предметы для нагляднаго представленія чиселъ. 2) *Для 55 предметныхъ бесѣдъ.* На Таблицѣ показаны животныя и растенія, вредныя для человѣка, домашніе животныя и огородныя овощи, съ показаніемъ куколокъ и овошей. 3) *Начальныя гимнастическія движенія и школа черченія* состоитъ изъ 13 образцовъ гимнастическихъ движеній, 38 рисунковъ черченія, рисунокъ образцоваго стола и стула для школы, дома и фасада сельской школы и часовни. 4) *Для предметныхъ бесѣдъ о домашнихъ и дикихъ животныхъ,* окружающихъ человѣка, какъ-то: домашняя птица и скотъ и дѣсные звѣри. Тутъ же помѣщены отдѣльныя части и планы фигуры человѣка, какъ образцы для рисованія. и 5) *Классное пособіе къ учебной книгѣ для чтенія въ школѣ.* Здѣсь помѣщена карта Европейской Россіи съ раздѣленіемъ на губерніи, съ показаніемъ желѣзныхъ дорогъ и рѣкъ, породъ рогатаго скота и лошадей

и 17 рисунк. для повторительныхъ разсказовъ. Цѣна за экземпляръ изъ 5 таблицъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

ЭЛЕМЕНТАРНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ЯВЛЕНІЙ ПРИРОДЫ. А. Игнатовича. V изданіе. *Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и естескнхъ учебныхъ заведеній.* Съ рисунками въ текстѣ. Просто и ясно изложены всѣ явленія, встрѣчаемыя на каждомъ шагѣ. Содержаніе: О теплотѣ. Термометръ. Проводники. Воздухъ. Роса. Облака. Иней. Дождь. Снѣгъ. Пары и машины. Замерзаніе. Растворы. Вода. Фонтаны. Общія свойства тѣлъ. Барометръ. Насосы. Газы. Горѣніе. Дыханіе. Образование земли и пластовъ. Горныя породы. Рѣки и ручьи. Металлы. Ц. 60 к. съ перес. 80 к.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ, обнародованныхъ послѣ изданія сводовъ законовъ 1857 г. по 1-е января 1872 г. Алфавитъ составленъ изъ продолженій къ своду законовъ, полнаго собранія законовъ и собранія узаконеній и распоряженій правительства и, кромѣ того, въ него введены: уставы гимназій, желѣзныхъ дорогъ и обществъ, которые не вошли въ продолженіе свода законовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 25 к. При Алфавитѣ приложены 1 и 2 прибавленіе *о законахъ, вышедшихъ въ 1870 и 1871 годахъ.*

РУКОВОДСТВО КЪ СОСТАВЛЕНІЮ КАССОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ. М. Борисоглѣбскаго. I и II части. I ч. указываетъ какъ составлять отчетъ и формы отчета; II ч. разъясняетъ текстъ формъ и могущія встрѣтиться затрудненія при составленіи отчета. Цѣна за обѣ части съ перес. 3 р. 80 к.

УСТАВЪ О ПИТЕЙНОМЪ СБОРѢ 1867 г., со всѣми послѣдовавшими въ немъ измѣненіями, и сводъ правительственныхъ распоряженій по управленію питейнымъ сборомъ, исправлены и дополнены по 1-е июля 1870 г., и, кромѣ того, добавлены инструкціями 5-го августа 1870 г. «о порядкѣ приѣма, хранения и освобожденія залоговъ»; 4-го ноября 1870 г., «по установкѣ и наблюденію за контрольными снарядами» и «росписаніемъ патентнаго сбора», на основаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта, 28-го октября 1870 г., и перечнемъ кассационныхъ рѣшеній Сената по всѣмъ нарушеніямъ устава 1866—1870 гг. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

ОБЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХЪ ПО ДОГОВОРАМЪ (ст. 1528 — 2200, X т., 1 ч. св. гр. зак.) Составилъ кандидатъ правъ М. Андреевъ. Подъ каждою статью свода *выписаны подлинныя указы изъ „Полнаго собранія“.* Статьи о договорахъ разъяснены рѣшен. кассац. д-та Сената. Къ книгѣ приложено *Нотаріальное положеніе и формы актовъ.* Цѣна 6 р., съ пересылк. 6 р. 50 к.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ СВОДА ЗАКОНОВЪ УЗАКОНЕНІЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ЛИЦЪ ДУХОВНАГО ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ. Изд. Малыгина. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

УЧЕБНОЕ ПОСОВІЕ ПО МЕЖЕВЫМЪ ЗАКОНАМЪ. Д. Стоцкаго. Исправленное и дополненное изданіе. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЯ, 8-ГО ОКТЯБРЯ 1867 Г., ПРАВИЛА ДЛЯ ПЛАВАНІЯ СУДОВЪ ПО РѢКАМЪ ВОДГЪ И КАМЪ. Цѣна 20 к., съ пер. 35 к.

ОПЫТЫ ПОПУЛЯРНОЙ ГИГИЕНЫ съ указаніемъ подаванія помощи въ несчастныхъ случаяхъ въ отсутствіе врача. Доктора медицины М. Успенскаго. Содержаніе: Опредѣленіе гигиены и ея важность. Кровообращеніе. Повѣтрія и повальныя болѣзни. Пищевареніе и пища. Напитки и пьянство. Мѣры противу пьянства. Подаваніе помощи при отравленіяхъ, укушеніяхъ, кровотеченіяхъ, обморокахъ, утопленіи, замерзаніи, ожогѣ и проч. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ЛѢСНАЯ ТЕХНОЛОГІЯ. Руководство къ механической и химической обработкѣ дерева Н. Попова, *былаго профессора московской лесной Академіи.* Издано подъ редак. Н. Зобова. *Сочиненіе удостоено преміи отъ минист. государственныхъ имуществъ.* Содержаніе: Технические свойства дерева — Пороки дерева. — Способы и орудія заготовки лѣса. — Дровяной, строевой, пиленный, корабельный и для разныхъ подѣлокъ лѣсъ. — Мочальное производство и кора для дубленія кожъ. — Переугливаніе лѣса. — Добываніе древесной кислоты. — Добываніе смолы и скипидара. — Сидка дегтя. — Добываніе свѣтильнаго газа. — Добываніе сажы и поташа. — Способы сухопутной и водной доставки лѣса. Съ 106 рисун. аппаратовъ, печей и машинъ. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 25 к.

УЧЕБНИКЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ХИМІИ ВЪ 40 ЛЕКЦІЯХЪ. Для употребленія въ сельско-хозяйственныхъ заведеніяхъ и для самообученія. Доктора Адольфа Майера. Часть I, изъ 13 лекцій: *О питаніи зеленыхъ растений.* Содержаніе лекцій: Образование органическаго вещества. — Химическая работа свѣта. — Участіе лучей — Роль хлорофилла. — Передвиженіе и превращеніе вещества. — Дыханіе растений. — Угле-

воды. — Жирь. — Содержаніе азота. — Химическая форма, въ которой принимается азотъ. — Азотъ растеній. — Содержаніе азота въ растеніи. Съ рисунками въ текстѣ и таблицей органическихъ соединений. Цѣна 1 р. 50 к. Съ перес. 1 р. 75 к.

О РАЗВЕДЕНІИ ВИШНЕВЫХЪ САДОВЪ. (составлено по многолѣтней практикѣ владимирскихъ садоводовъ). Снящен. Веселовскаго. Цѣна 15 к., съ перес. 30 к.

НАВОЗЫ И ПРОЧІЯ ЖИВОТНЫЯ УДОБРЕНІЯ. Жирардена, пер. и ред. профессора А. Совѣтова. Содержаніе: Къ земледѣльцамъ. Навозы. — Свойства изверженія птицъ и гуано. — Изверженія мелкаго и крупнаго скота. — Толока. — Составъ извержений. — Моча. — Человѣческія изверженія, жижа, пудреты, чернь и известь. — Вліяніе пшцы на удобрения. — Разныя подстилки. — Вліяніе помѣщеній. — Способы ухода за удобрениями. — Вѣсъ и составъ. — Употребленіе навоза. — Городскіе навозы, компосты, илѣ, кости, разсолы и проч. Съ рисунк. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

КАКЪ ДОБЫВАТЬ ШЕЛКЪ. Наставленіе къ разведенію шелковичныхъ деревъ и выводѣ шелковичныхъ коконовъ. В. Э. Иверсена. Съ рисунками. *Сочиненіе удостоено почетной золотой медалі, устанав. Е. И. В. В. К. Еленю Павловной.* Цѣна 25 к., съ перес. 40 к.

ПЧЕЛА, ЕЯ ЖИЗНЬ И ГЛАВНЫЯ ПРАВИЛА ТОЛКОВАГО ПЧЕЛОВОДСТВА. *Краткое руков. для пчелокъ и крестьянъ.* Сост. А. Бутлеровъ. Съ рисунк. въ текстѣ. *Сочиненіе удостоено почетной золотой медалі, устанав. Е. И. В. В. К. Еленю Павловной.* Содержаніе: Стекланный или учебный улей — Матка. — Трутень. — Пчела. — Устройство ульяна. — Уходъ за пчелами весной, лѣтомъ, осенью и зимою. — Посадка роевъ. — Размноженіе. — Увеличеніе меда. — Выемка. — Зимовка. Цѣна 25 коп., съ перес. 40 коп.

ПРАКТИЧ. РУКОВ. КЪ ПЧЕЛОВОДСТВУ. по Джерзону. Цѣна 75 к., съ перес.

1 р. **СВИНЬЯ**, ея природныя свойства, породы, разведеніе, содержаніе, гѣченіе и приготовленіе свиныхъ продуктовъ. Подъ ред. Совѣтова. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес.

2 р. **ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ РАЗВЕДЕНІЮ КУРЪ**, индѣекъ, утокъ и гусей. Р. Этгеля, президента Куроводнаго Общества. Переведено и дополнено И. Калинскимъ. Съ рисунками лучшихъ породъ домашнихъ птицъ и съ планомъ устройства курятниковъ и дворовъ. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 р.

ПТИЦЫ, ПОЛЕЗНЫЯ ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ. Цѣна 80 коп., съ пер.

1 р. **РУКОВ. КЪ РАЗВЕД. И СОДЕРЖ. РОГАТ. СКОТА ВЪ РОССИИ.** Бажанова. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

РУКОВ. КЪ РАЗВЕД. КРУПН. РОГАТ. СКОТА. Соч. Пабста. Ред. А. Совѣтова. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ОВЦЕВОДСТВО И ШЕРСТОВѢДѢНІЕ. Соч. Шмидта. Ред. Совѣтова. Цѣна 2 р. въс. 3 ф., съ перес. 2 р. 25 к.

ОВЪ ОВЕЧЬЕЙ ШЕРСТИ. Чернопятава. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НЕОБХОДИМЫЯ СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХЪ ИМѢТЬ ЛОШАДЕЙ. Н. Якутина. Цѣна 30 к., съ перес. 45 к.

КАКЪ УЗНАТЬ ПОЧВУ И КАКІЯ БЫВАЮТЪ ПОЧВЫ. Н. Горбунова. Цѣна 10 к., съ перес. 20 к.

КАКЪ И ЧѢМЪ ПАХАТЬ, БОРОНОВАТЬ И УКАТЫВАТЬ. Н. Горбунова. Цѣна 10 к. съ перес. 20 к.

ПРАКТ. РУКОВ. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. ОТЧЕТНОСТИ. Сост. Рего. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

О СИСТЕМАХЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ. Совѣтова. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

ИЗВѢСТЪ, какъ средство къ плодородію почвъ. Стебута. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

РУКОВОДСТВО КЪ СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ. Соч. Пабста. Ред. А. Совѣтова. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ПОДСОЛНЕЧНИКЪ О ПИТАТ. И ОРГАНИЧ. ВЕЩЕСТВАХЪ. Людоговскаго. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

О РАЗВЕДЕНІИ КОРМОВ. ТРАВЪ. Совѣтова, III изд. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

О БОЛѢЗНИ КАРТОФЕЛЯ. ДЕ-БАРИ. Пр. Бекетова. Цѣна 40 к., съ перес. 75 к.

BULLETIN

de la librairie de CARL RICKER (Münx).

Perspective de Newsky, № 14.

- ANDREWS, The bastik outline of uni-
versology. — 13 r. 75 c.
- ARND, Geschihte der Jahre 1867 bis
1871 I Bd. — 1 r. 50 c.
- BENLOEW, Apercu général de la scien-
ce comparative des langues. II edi-
tion. — 1 r. 40 c.
- BRENTANO, Zur Kritik der englischen
Gewerkvereine — 1 r.
- BURNOUF, La science des religions—1 r.
- CHAMPFLEURY, Les enfants, éduca-
tion-instruction, ce qu'il faut faire savoir
aux hommes—aux femmes — 1 r. 40 c.
- Collection des documents inédits sur l'his-
toire de France. I Série (Lettres du Car-
dinal Mazarin. Tome I. publiées par
Chérnel) — 10 r. 50 c.
- CRÜGER, Reform des deutschen Bank
wesens — 50 k.
- DITFURTH, Die historischen Volkslie-
der 1756—1871 2 Bde. — 7 r. 50 k.
- EMRICH, Aus stielen Meeren fahrtun
und Abenteuer eines deutschen Seeof-
fiziers — 2 r. 25 k.
- ENGELL GUNTHER, Die Lösung der
socialen Frage durch die Frau — 1 r.
50 c.
- GELDERN, Zur Geschichte der Belage-
rungen von Belfot und Paris (1870—
71) mit Atlas — 7 r. 50 c.
- GERSTÄCKER, Gesammelte Schriften
1 Sfr. — 25 c.
- Geschichtsblätter, Hausische. 1871. — 2 r.
25 c.
- GRAHAM, Autobiography of John Mil-
ton (Milton's life in his' own works)
2 r. 75 c.
- GRASHOF, Theoretische Maschinenlehre
I Gd. 1 Lfr. — 1 r. 80 c.
- GRIESINGER, Illustrierte Geschichte der
Deutschen I Bd. — 2 r. 20 c.
- GRÜN, Kulturgeschichte des XVI Jahr-
hunderts — 3 r.
- HERRMANN, Rusaland unter Peter dem
Grossen — 1 r. 40 c.
- HEYSE, Paul, Gesammelte Schriften. IV
Bd. — 1 r. 80 c.
- HOEFER, Goethe's Stellung zu Weimars
fürstnehaus — 40 c.
- HORNTHAL, Eine Studie über operation-
nen Generalstubsdienst mit Atlas — 2 r.
- HART, die Werkzeug maschinen für den
Maschinenbau, mit Atlas (II Auf.)—4 r.
50 c.
- ИВЕРСЕНЪ, Медали на дѣянія императора
Петра Великаго — 5 р.
- KLÖDEN, Handbuch der Erdkunde. III
Auf. I Band 1 Lfr. — 50 c.
- KÖBERLE, Die Theater Krisis des neuen
deutschen Reichs. — 2 r.
- KOBERSTEIN, Grundriss der Geschich-
te der deutschen Nationalliteratur V
Auf von Karl Bartsch I Bd. — 3 r.
75 c.
- LAICUS, Ruigende Mächte. Ein socialer
Roman aus der Gegenwart. 2 Bde — 2 r.
- LUBLEOK, Pre-historic times. III Auf.
9 r. 90 c.
- LUYS, Iconographie photographique des
centres nerveux I Bd. — 12 r.
- MENZEL, Geschichte der Deutschen. VI
Auf. 1 Lfr. — 25 c.
- MICHEL, Reiseschule für Touristen
und Kurgäste — 1 r.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ: для нигородныхъ поддичиковъ, «о потребности въ сестрахъ милосердія для ухода за больными».

Севастопольскій Сборникъ. — Рукописи о Севастопольской оборонѣ, собранныя Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. — Сборникъ рукописей, представленныхъ Е. И. В. о Севастопольской оборонѣ Севастопольцами. Т. I. Спб. 1872. Стр. 474. Ц. 2 р. 50 к. Въ три тома—4 руб.

Изъ памятниконъ нашимъ севастопольцамъ, настоящій сборникъ, какъ памятникъ литературный,—самый прочный, и, по словамъ поэта, агеge rennunt. Мы воспользуемся имъ, по окончаніи его, а теперь ограничимся указаніемъ, что августѣйшій Издатель положилъ въ основаніе изданія вполнѣ справедливую мысль, а именно, избрать «къ печати всѣ тѣ рукописи, которыя, кромѣ цѣнности матеріала, имѣютъ живой интересъ разсказа, освѣщающаго колоритомъ отдѣльные эпизоды или эпохи Севастопольской обороны». Въ настоящемъ изданіи мы встрѣчаемъ пока описанія действительныхъ доблестей нашего флота и арміи, при которыхъ не слѣдовало бы ожидать паденія Севастополя; въ послѣдующихъ томахъ мы, вѣроятно, встрѣтимъ рукописи и другого содержанія, которое объяснитъ намъ, почему Севастополь долженъ былъ пасть, несмотря на тѣ личныя доблести, и почему «для героевъ есть невозможное», хотя и было убѣжденіе у одного изъ знаменитѣйшихъ защитниковъ, что «для черноморцевъ нѣтъ ничего невозможнаго»? Другое замѣчаніе относилось относительно ближайшей редакціи изданія, опытность и вниманіе которой не стояли на высотѣ своего признанія. Не говоримъ о томъ, что одному и тому же изданію дано три различныхъ названія, и кто переплететъ книгу, тотъ потеряетъ первый два заглавія и останется при одномъ третьемъ; много опечатокъ, и онѣ не указаны; но хуже всего такіа явленія, какъ наприм., имя майора 5-го калужскаго полка, автора одного изъ помѣщенныхъ «Воспоминаній», является на колоннѣ-титулѣ то въ формѣ *Лаушинскаго*, то *Латинскаго*, и такая перемена повторяется раза три, четыре. Какое-же было его настоящее имя? Это непростительно, тѣмъ болѣе, что редакторъ, избавленный августѣйшимъ Издателемъ вовсе отъ труда выборки матеріаловъ, могъ бы внимательнѣе отнестись къ текстамъ такого дѣла, которое должно быть «вѣчнымъ мѣдомъ».

Предшественники Шекспира. —Эпизодъ изъ исторіи англійской драмы въ эпоху Елисаветы. Соч. Н. Стороженка. Т. I. Лилл и Марло. Спб. 1872. Стр. 293 и 72. Ц. 2 р.

Нѣтъ сомнѣній, настоящій трудъ г. Стороженка займетъ весьма почетное мѣсто въ нашей современной литературѣ, какъ образцовое критическое изслѣдованіе, помимо интереса, представляемаго самимъ предметомъ изслѣдованія. Наши читатели, вѣроятно, замѣтили одинъ изъ предварительныхъ этюдовъ, который авторъ предпослалъ нѣмъ явившемуся труду въ нашемъ журналѣ, года два тому назадъ, подъ заглавіемъ: «Шекспировская критика въ Германіи». Тамъ уже было видно, съ какимъ аппаратомъ свѣдѣній и подготовкою приближался молодой ученый къ задуманному имъ обширному изслѣдованію важнѣйшаго момента англійской драмы, насадивъ Шекспира, для исторіи которой Колмъ ограничился однимъ собраніемъ въ одно дѣло, правда, громадныхъ матеріаловъ, а Ульрихъ и Герлихъ хотя и проложили первую дорогу къ кри-

тической разработкѣ тѣхъ матеріаловъ, но еще оставили много мѣста для новыхъ изслѣдованій. Въ вышедшемъ нѣмъ первомъ томѣ авторъ свѣдѣтъ за развитіемъ англійской драмы, какъ оно совершалось, такъ сказать, подъ судомъ исторіи, въ средніе вѣка, до того момента, когда въ XVI-мъ вѣкѣ она вышла наружу въ художественной формѣ изъ-подъ руки Марло, ближайшаго предшественника Шекспира. Во второмъ томѣ онъ общаетъ разработать второстепенныхъ драматурговъ, ставшихъ между Марло и Шекспиромъ. Обращаемъ особенное вниманіе на третью главу первого тома, гдѣ авторъ мастерски очерчиваетъ состояніе театра при Елисаветѣ въ связи съ исторіею тогдашнихъ нравовъ и общимъ развитіемъ наукъ и литературы, и подъ гнетомъ ханжества и зародившейся тогда театальной цензуры, не щадившей послѣдствій и самого Шекспира. Приведа свой трудъ къ окончанію, авторъ окажетъ большую услугу нашей элѣхѣ, давно уклонившейся съ пути трезвой, научной критики и пробавляющейся одними великими тенденціями при крошечныхъ наличныхъ средствахъ.

Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга. 1870-й годъ. Съ санитарной картой С.-Петербурга. Доктора Ю. Губиера. Спб. 1872. Стр. 175 съ таблицами.

Новое изданіе, открывающее собою рядъ ежегодныхъ подобныхъ изслѣдованій, заслуживаетъ полного вниманія публики, распространенія въ ней истинныя понятія о городскихъ нуждахъ не путемъ реторики, а короткими данными, выраженными въ цифрахъ, и располагаая каждому къ содѣйствію въ борьбѣ съ причинами искусственной смертности города. Особенно любопытна и наглядна санитарная карта, изъ которой мы узнаемъ, въ противнотъ общему убѣжденію, что центръ города представляетъ наименьшую смертность (изъ 1000 около 20), которая увеличивается къ окраинамъ (изъ 1000 до 45). Итакъ, на окраинахъ хотя воздуха больше, но условія жизни обитателей и городское хозяйство—несравненно хуже, что совершенно понятно, если сравнить наши заботы о чистотѣ Невскаго проспекта съ заботами о чистотѣ, напр., многовоздушнѣй Колонны. Начало этого труда было начато въ «Арх: суд. мед. и общ. гиг.». 1871, № 4, а окончаніе явилось въ первомъ томѣ Сборника Медицинскаго Департамента, 1872.

Сборники литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру Первому. Состав. Н. Тихоміровъ. Спб. 1872. Стр. 352. Ц. 1 р.

Подобнаго рода сборники къ юбилеямъ имѣютъ по большей части и значеніе и судьбу паскальныхъ ящѣ. Не многіе изъ нихъ переживаютъ день своего появленія въ печати и очевидно разсчитываютъ на временное настроеніе покупателей, и немногіе повышаются надъ значеніемъ литературнаго винегрета, гдѣ, какъ въ настоящемъ, вы найдете рядомъ съ вдохновеніями Пушкина, въ обрывкахъ, и стихотворенія г-на Погодина, соединенныя вмѣстѣ въ одномъ особомъ отдѣлѣ «Искусственной (?) поэзіи о Петрѣ Великомъ». Польза подобныхъ сборниковъ равна та, что видишь наглядно, какъ литература наша о Петрѣ Великомъ—еще мала. Болѣе услуги оказалъ бы тотъ, кто составилъ бы толковый сборникъ указомъ и постановленій. Петра В.: работа имѣла бы интересъ и безъ этого.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

НА 1872-ой годъ

ЗА РАСХОДОМЪ ВСѢХЪ ПОЛНЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

ПРЕКРАЩЕНА.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1. — «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для иногородныхъ подписчиковъ, книги сдаются въ Газетную Экспедицію въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трасовъ. Журналъ доставляется на почту съ адресомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и перевочною.

2. — **ПЕРЕМѢНА АДРЕСА** сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло дойти до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какаго номера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3. — **ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редацію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штампеля. По полученіи такой жалобы, Редація немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первымъ почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редація удовлетворить только по полученіи отбита послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій прусскій, 30.

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАНІЕ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1872.

I. — РЕКРУТСКИЙ НАБОРЪ. — Очерки. — Окончаніе. — А. Б.	СТР. 477
II. — ВОССОЕДИНЕНІЕ УНИИ. — V-VI. — М. Я. Морозкина	524
III. — ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ ВЪ РОМАНЪ ЭМИЛЯ ЗОЛІА. — La curée. Т. II. — Статья вторая. — В. Ч.	594
IV. — ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ до графа Протасова. — Воспоми- нанія. — III. — Р. С.	664
V. — РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ ВЪ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДАХЪ. — Писма Але- ксандра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. — А. П. Пыпина	707
VI. — ПОЛЬСКІЯ ФАНТАЗІИ НА СЛАВЯНОФИЛЬСКУЮ ТЕМУ. — Польша и Россія въ 1872 году, соч. быв. чл. Госуд. Сов. нар. польскаго. — В. Д. Спасовича	733
VII. — МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. — Восьмая сессія. — I. — W.	759
VIII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Ночной законъ в печати и его мотивы. — Проектъ акціонернаго устава. — Гарантія правъ и регламентаціи. — Ограниченіе учреж- денія и дѣйствій частныхъ банковъ. — Ревизія судебного дѣлопроизводства — Измѣненіе въ уставѣ уголовного судопроизводства — Смыслъ и раскладки госу- дарственныхъ земскихъ повинностей на предстоящее трѣхлѣтіе	771
IX. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Грантъ или Грива?	805
X. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Германія послѣ заключенія мира. — К.	825
XI. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Ораторское искусство въ Россіи. — Речи, произнесенныя М. П. Погодинымъ въ торжественныхъ и прочихъ со- браніяхъ, 1830—1872	843
XII. — НОВЫЯ КНИГИ. — Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петер- бурга, 1870 году. Ю. Губнера. — Италия, Виктора Гюга. — Лень и Псковская губернія, Н. Н. Василева. — Ежегодникъ министерства финансовъ, выд. III. — Театральное искусство, П. Д. Воборыкина. — Сочиненія и перенеска Рылѣва.	853
XIII. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — ОБРАЗОВАНІЕ ЖЕНЩИНЪ, его на пра- вленіе и цѣли. — Mädchen-erziehung und Frauenleben, von Kreysenberg. — Essays and Lectures on social and political subjects, by Henry Fawcett and Gar- ret Fawcett.	863
XIV. — НОВЫЯ КНИГИ. — Hinterlassene Schriften von G. G. Gervinus. — Du suffrage un- versel et de la manière de voter, par H. Taine. — Die Industrie Russlands in ihrer bisherigen Entwicklung und, in ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung der allgemeinen russischen Manufaktur-Ausstellung im Jahre 1870.	892
XV. — НЕКРОЛОГЪ. — Александръ Ѳеодоровичъ Гильфердингъ. — А. П.	902
XVI. — ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ П. В. БУССЕ объ островѣ Сахалинѣ и экспе- диціи 1853 года. — При письмѣ къ редактору отъ Т. П. Невельскаго. — П. В. Рудановскаго	937
XVII. — ИЗВѢСТІЯ. — Приглашеніе Пустынскаго Успенскаго церковнаго братства Могн- денской Епархіи	923
XVIII. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.	

РЕКРУТСКІЙ НАБОРЪ

Очерки изъ современнаго крестьянскаго быта *)

(Окончаніе).

Воротившись домой, Силычъ засталъ священника. Больная только-что приобщилась. Катерина хныкала.

— Какъ батюшка, по вашему, помретъ дѣвка? робко спросилъ Силычъ.

— Все это, другъ, въ волѣ Божіей; а мой совѣтъ: надо бы поечить.

— Баушка Лукерья была; сказываетъ, отъ порчи сдѣлалось, сквозь слезы выговорила старуха.

Священникъ нахмурилъ брови.

— Да развѣ кромѣ Лукерьи и лекарей нѣтъ, сказалъ онъ, взглядывая на Силыча.

— Бабѣ дѣло, уклончиво отвѣчалъ тотъ и, какъ бы въ поясненіе своей мысли, прибавилъ:—не нами свѣтъ начался, не нами видно и кончится.

Священникъ видимо огорчился.

— Стыдно, Силычъ; стыдно и грѣхъ, заговорилъ онъ, качая головою. Разумомъ, кажется, Господь тебя не обидѣлъ, а говоришь ты такіа рѣчи.

Силычъ потянулъ за поясъ: онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ и сердился на священника за то, что тотъ поставилъ его въ неловкое положеніе передъ бабами.

— Ворожила небось? насмѣшливо спросилъ священникъ.

*) См. выше: июль, 5 стр.

Никто слова не вымолвилъ; только Катерина громко вздохнула.

— Эхъ, православные, православные; не бойтесь вы грѣха, не любите Бога, какъ слѣдуетъ христіанамъ.

— Ну, что-жъ намъ, по вашему, дѣлать? дерзко спросилъ Силычъ.

Священникъ строго взглянулъ на него.

— Что дѣлать? Запречь пару лошадей и послать въ городъ за докторомъ.

Силычъ пугливо вскинулъ глазами, и взоръ его остановился на широкой, неуклюжей печи. Сколько божьего народушка, по всему русскому царству, перебывало на экой же матушкѣ, невольно подумалось мужику. Иного еле втащить; совсѣмъ, кажись, кончается, а прикутаютъ потеплѣе, да пропотѣетъ хорошенько — и всю хворость, какъ рукой, сниметъ...

— Намъ, видно, по-господски не приходится; не то наше сложеніе, вымолвилъ онъ съ такой упорной рѣшимостью остаться при своемъ мнѣніи, что священникъ покачалъ только головою и молча вышелъ.

Нѣсколько дней Прасковья была точно трудна; однако при помощи натопленной печи да непочатого еще здоровья, отлежалась и попросила наконецъ ѣсть.

— Чего-жъ тебѣ, моя голубка, желается, спрашивала обрадованная Катерина и тащила все, что только попадалось на глаза или подъ руку.

— Пуще всего ѣшь, какъ не можно больше; скорѣй силами наберешься, совѣтовали добрые люди Паранькѣ; а о Лукерьѣ толковали теперь въ одинъ голосъ, что этакой бабки въ губерніи поискать, и немало смѣялись надъ выдумкой священника, послать въ городъ за лекаремъ.

О приключеніи на дорогѣ Прасковья рассказала матери по секрету, но старуха не выдержала и тотчасъ же разболтала все Силычу. Тотъ взбѣленился ужасно. — Когда такъ, я самъ упеку его въ солдаты, кричалъ онъ, дергая поясъ обѣими руками; до посредника дойду... самого губернатора просить буду... никакихъ денегъ не пожалѣю, а ужъ покажу себя... И эту бабищу старую въ Сибирь устрою: не смѣй сына покрывать, божетой ложной божиться!... Но Матренѣ съ Ваняткой и безъ того приходило тошнехонько, староста повѣстилъ выходить завтра на волостную сходку.

— Чѣмъ-то насъ порѣшать, думала съ замирающимъ сердцемъ Матрена, и всю ночь не смыкала глазъ.

— Вотъ и мясоѣда дождались, а хуже поста, шепталъ Ва-

нятка, перевертываясь въ одиночку на палатахъ. Небось, тоже безъ меня скучаетъ, утѣшалъ онъ себя, думая о Параньѣ... А ну, какъ сходи не отмѣнить? мелькнуло вслѣдъ затѣмъ въ мысляхъ парня. Служить пойдемъ, отвѣтилъ онъ самъ себѣ и, закутавшись зипуномъ съ головою, заснулъ безмятежно.

И не одна Матрена провела эту ночь безъ сна. Десятки семей съ тоской и надеждой ждали разсвѣта, и дождались наконецъ...

Обломанная мѣдная стрѣлка на часахъ спасскаго волостного правленія медленно подвигалась къ десяти. Платонъ Петровичъ уже не разъ выходилъ на крыльцо послушать не звенить ли знакомый колокольчикъ и, постоявъ нѣсколько минутъ, съ неудовольствіемъ возвращался въ комнату, замѣчая, что мужиковъ и бабъ съ каждымъ разомъ все прибываетъ.

— Вы, господа, на счетъ некруткины только жальтесь, а до прочихъ дѣловъ нонѣ касательства не будетъ, объяснялъ онъ толпившимся просителямъ.

— Гдѣ тутъ другія дѣла разбирать... Дай Богъ съ некрутскими къ ночи отдѣлаться: ишь народушка-то сила какая,.. а на дворѣ тоже, почестъ, ужъ обѣды, слышалось съ разныхъ сторонъ.

Захаръ Андреичъ въ свою очередь суетился около шкафа съ дѣлами. Наскоро подшивалъ онъ растрепавшіяся ревизскія сказки, укладывалъ порядкомъ рекрутскія жалобы и составлялъ списоки выборныхъ волостного схода. Вдругъ по сѣнямъ чаще задвигались ноги; десятки челоуѣкъ сморкнулись и кашлянули; Платонъ Петровичъ опрометью бросился къ двери и едва уже продрался сквозъ сдвинувшуюся толпу: на полугорѣ, по выгону ѣхалъ Аверкій Семенычъ. Безъ шапока, съ молчаливымъ поклономъ встрѣтили мужички начальство.

— Ступай къ Кузьмѣ Иванычу и отпрягай лошадей, а я какъ-нибудь доѣду отсюда, приказалъ посредникъ своему куцеру.

Захаръ Андреичъ вынулъ изъ саней портфель, и вся ватага тронулась въ комнату волостного правленія.

— Ну, други мои милые, началъ Аверкій Семенычъ, усаживаясь за столъ, вотъ и еще Богъ привелъ рекрутчину справить.

Большинство присутствующихъ тяжело вздохнули.

— Нынче служба легкая, сроки короткіе; малость только

парня обломають, да и опять къ бабамъ на печь, шутилъ Аверкій Семенычъ.

Нѣкоторые разсмѣялись.

— По вашимъ рѣчамъ будто и такъ выходитъ, да мы-то евтого въ толкѣ никакъ не возьмемъ, замѣтилъ одинъ изъ выборныхъ.

Аверкій Семенычъ пристально поглядѣлъ на него.

— Что-жъ тутъ такого мудренаго? спросилъ онъ.

— А то, вашеское благородіе, что солдатъ не мужикъ. Онъ хоть и точно придетъ изъ службы, да проку-то отъ него мало. Допрежъ всего наровить въ отдѣлку; я, говорить, слухать тебя не стану, и пойдетъ, значить, все имѣнье въ раззоръ.

— Сами-то вы зачѣмъ же всѣ передѣлились? спросилъ Аверкій Семенычъ.

Выборный явно затруднился отвѣтомъ.

— У васъ всегда люди виноваты, заключилъ посредникъ, и началъ переключать по списку выборныхъ.

Въ комнатѣ нашлось десятка полтора лишнихъ.

— Это что-жъ за народъ? спросилъ посредникъ, собирая всѣхъ незаписанныхъ въ одинъ уголъ.

— Такъ-съ, разные... не договорилъ чего-то Захаръ Андреечъ.

— Галдельщики, значить, опивалы, вдругъ крикнулъ Аверкій Семенычъ. На дворъ ихъ всѣхъ! приказалъ онъ.

Галдельщики и опивалы гурьбой тронулись въ сѣни, а посредникъ дождался послѣдняго и собственноручно захлопнулъ дверь.

— Ну, ребята, уговоръ лучше денегъ, обратился онъ къ выборнымъ, по-пусту не галдѣть; вы собраны сюда для того, чтобы порядкомъ разсудить рекрутскія жалобы. И вы, и я, и всѣ на свѣтѣ знаютъ, что повинность эта тяжелая; стало быть, тѣмъ строже и тѣмъ справедливѣе должны вы разбирать, какъ семейное положеніе назначенныхъ сельскими сходами, такъ и тѣхъ, на кого вамъ будутъ указывать. Законъ далъ вамъ право, пользуйтесь же и вы этимъ правомъ по закону. Я сижу здѣсь для того, чтобы у васъ былъ порядокъ, чтобы толковать вамъ законъ, потому что вы люди темные, а тамъ рѣшайте, какъ знаете—это ваша забота!

Мужики тоскливо переглянулись; въ заднихъ рядахъ кто-то сильно засопѣлъ.

Аверкій Семенычъ взялъ первое прошеніе и молча прочиталъ его.

— Алексѣй Тимаковъ, вызвалъ онъ.

Изъ числа просителей отдѣлился мужикъ и подошелъ къ столу.

— Ты жалуешься, что сельское общество неправильно назначило твое семейство на очередь потому, что твои братья отъ годовъ отошли, а сыновья ваши—единственные при отцахъ работники; стало быть, по-твоему, въ семействѣ нѣтъ такихъ лицъ, которыми можно бы было отправить повинность—такъ?

— Точно, батюшка! Сходъ, значитъ, напираетъ на меня, потому ты, говорятъ, въ силѣ фитанецъ купить, объяснилъ Тимаковъ.

Посредникъ развернулъ ревизскую сказку и отыскалъ семейство Тимакова.

— Вы не въ раздѣлѣ? спросилъ онъ.

— Всѣ вообще, подсказалъ староста.

— Семьища-то огромная, а взять дѣйствительно некого.

— Много-жъ ихъ? спросилъ кто-то изъ выборныхъ.

— Пять братьевъ; у троихъ по два сына; да земли покупной десятинъ, можетъ, шестьдесятъ есть, объяснилъ опять староста.

— Ну, такимъ не грѣхъ и фитанецъ поставить, заговорили мужики.

— Не грѣхъ-то, не грѣхъ, да закона нѣтъ, вздыхая сказалъ Аверкій Семенычъ.

— Какъ же такъ? удивленно спросили мужики.

— А вотъ какъ: младшему изъ братьевъ теперь, по ревизіи, 38-й годъ—стало эти отъ годовъ ушли.

— Это, какъ есть, ушли!

— У Василья—меньшому сыну—17 лѣтъ; у Прохора парнишка 15-ти лѣтъ; а у Никиты и старшему сыну только двадцатый годъ; значитъ, у тѣхъ братьевъ старшіе сыновья—единственные работники; а эти и оба работники, да годами малы.

— Поди-жъ ты задача какая: десять, не то одиннадцать работниковъ, а взять некого! въ недоумѣніи разсуждали мужики.

— Ну, деньгами его обложить, предложилъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.

Аверкій Семенычъ спросилъ нарядъ циркуляровъ и, отыскавъ указъ сената, которымъ разъясняется 199-я статья Общаго Положенія о крестьянахъ, громко прочиталъ сходу.

— Понимаете теперь, отчего нельзя облагать Тимакова деньгами? спросилъ онъ.

Мужики заволновались, совершенно не постигая; по какому это порядку десяти-рабочее семейство остается свободнымъ, а двойника надобно ставить въ рекруты.

— Я, ваше высокоблагородіе, объяснялъ имъ еще на сходѣ, докладывалъ между тѣмъ Захаръ Андреичъ, что нельзя, молъ, назначать это семейство, а они, вотъ при старшинѣ, подняли такой гвалтъ, что упаси Господи. Я-было и приговоръ писать не хотѣлъ, да поопасался, чтобы, то-есть, кляузъ какихъ послѣ не вышло.

— Ну, что-жъ, ребята, порѣшили? почти закричалъ Аверкій Семенычъ.

— Какъ общество назначило, такъ и мы, отвѣтили мужики почти въ одинъ голосъ.

Аверкій Семенычъ насупился.

— Да вѣдь вамъ, кажется, русскимъ языкомъ толковано, что общество распорядилось неправильно; какъ же вы утверждаете явно незаконное назначеніе, горячился уже посредникъ.

— По нашему законъ идти этому семейству, настаивали мужики.

— Кому-жъ тамъ идти? добивался Аверкій Семенычъ.

— Не замай, фитанецъ купить, когда ставить некого, подкрикивали сзади.

— Кто-жъ, по вашему, долженъ купить квитанцію, допытывался Аверкій Семенычъ.

— Семейство, отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— А зачитать за кого?

— За кого хозяинъ хотить, за того и зачитаетъ, пояснилъ кто-то.

— Явите божескую милость, защитите, упрáшивалъ Тимаконъ посредника, начиная уже нѣсколько трусить.

Аверкій Семенычъ опять развернулъ ревизскую сказку; просмотрѣлъ семейство того очередного, который слѣдуетъ за Тимаковымъ и медленно сталъ разглаживать себѣ бороду.

— Обида, чистая обида, словно печально вырвалось у него.

— Еще какая обида, подхватилъ-было Тимаконъ, воображая, что посредникъ соболъзпуетъ его горю; но Аверкій Семенычъ думалъ иначе.

По его мнѣнію мужики разсуждали односторонне, упорно отстаивали свое убѣжденіе; но по крайней мѣрѣ не крюкотворили и откровенно гнули дугой законъ, который самъ не хотѣлъ подладиться.

— Вамъ теперь жаль двойника ставить, снова обратился онъ къ сходу, вы и нажимаете богатаго мужика; а за чѣмъ же вы не защитили этого двойника законнымъ порядкомъ?

Въ комнатѣ вдругъ сдѣлалось тихо. Мужики любопытно глядѣли на посредника: словно онъ собирался показать фокусъ.

— Когда отъ васъ требовались приговоры, продолжалъ Аверкій Семенычъ, о томъ, какимъ денежнымъ сборомъ желаете вы обложить тѣхъ крестьянъ, которые, по семейному положенію или физическимъ недостаткамъ, не могутъ исполнить рекрутской повинности—вы что написали?

Мужики удивленно переглянулись.

— Когда-жъ это было? спросили нѣкоторые.

— Точная правда, было, удостовѣрилъ старшина. Лѣтошнимъ годомъ въ покосы.... не то въ уборку... сходъ тоже собирали.

Захаръ Андреичъ вытащилъ изъ шкафа какую-то толстую книгу и, отыскавъ приговоръ, о которомъ шли толки — подаль книгу посреднику.

— Ну вотъ, сказалъ Аверкій Семенычъ, пробѣжавъ глазами страницу, слушайте.... «18.... года, августа 1-го дня, мы, нижеподписавшіеся сельскіе старосты, судьи и выборные, бывъ... хотя требуется назначить какимъ денежнымъ сборомъ могутъ быть обложены тѣ лица, кои по семейному положенію или тѣлеснымъ недостаткамъ... подумавши между собою, съ общаго непринужденнаго согласія приговорили: ни какимъ денежнымъ сборомъ не обкладывать, потому какъ таковыя люди и безъ того съ трудомъ уплачиваютъ казенныя подати; а если обложить ихъ еще какими сборами, то тогда они и вовсе станутъ неплатежниками».... Стало быть, кто-жъ теперь будетъ виноватъ, если отдадутъ этого двойника.... какъ его?... Гороховъ.... и семейство разорится въ корень. А разорится оно непременно потому, что единственнымъ работникомъ и домохозяиномъ останется парнишка девятнадцати лѣтъ...

— Онъ еще съ придурью малость, пояснилъ староста.

— А мы чѣмъ же причинны, говорили микулинскіе выборные; сходъ, значить, жалѣючи Гороха, придѣляетъ Тимакову купить фитанецъ.

— Мы не что разорить, мы защитить желаемъ, заголосили мужики.

— Чужимъ карманомъ.—Дѣльно; по крайней мѣрѣ не убыточно, сказалъ Аверкій Семенычъ. Нѣтъ, ребята, такъ дѣло не подойдетъ! Вотъ, если бы вы обложили тѣхъ, кого законъ дозволяетъ, да собрали бы съ нихъ денежки, у васъ теперь была бы своя квитанція; а этой квитанціей вы могли бы защитить кого угодно...

— Ну, да и на двойниковъ подати черезъ силу наваливать тоже видно не подойдетъ, рѣзко замѣтилъ кто-то около двери.

Аверкій Семенычъ вспыхнулъ, однако сдержался и предложилъ сходу высказать свое окончательное рѣшеніе.

— Какъ опчество, такъ и мы, было отвѣтомъ.

Для дураковъ законъ не писанъ, мелькнуло-было въ головѣ посредника, но онъ скоро одумался и, заглянувъ на слѣдующее прошеніе, вызвалъ Ивлея Иванова Демкина. Сквозь толпу продрался оборванный, съ желтымъ, испитымъ лицомъ мужиченка и тотчасъ же упалъ на колѣни; сзади его хныкала, утираясь рукавомъ, баба.

— Встань прежде всего и говори, что тебѣ нужно, сказалъ Аверкій Семенычъ.

— Погорѣли родимый... всего имѣнья рѣшились... а теперь еще мальчика въ очередь требуютъ, задыхаясь, еле выговорилъ мужикъ.

— Ты нездоровъ? спросилъ посредникъ, пристально оглядывая жалкую фигуру просителя.

— У насъ, почестъ, полселенья въ слеглой боли лежить, подсказала баба; ѣтъ-то малость будто таскаться сталъ, а котораго въ некруты записали, тотъ и вовсе головы не подымаетъ. Посредникъ взялся за ревизскую сказку.

— Ты, дядя, находи законную причину, по которой твой сынъ назначенъ неправильно; а пожаръ да болѣзнь — это въ уваженіе не примется, пояснилъ онъ.

— Отцы вы наши, снова бланялся тотъ; умилитесь хоть сколько да нибудь: ослобоните до меньшенькаго.

— У тебя второй сынъ девятнадцати лѣтъ, перебилъ его Аверкій Семенычъ. Женатъ онъ?

— Нѣтъ еще! То будто младъ былъ, а тутъ случилась экая бѣда и взялся стало нечѣмъ...

— Да въ обществѣ - то найдутся семьи старше васъ? спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Вамъ виднѣяча, отозвалась - было баба, но посредникъ объявилъ ей, что каждый проситель обязанъ самъ указать кого, по его мнѣнію, слѣдовало бы назначить, а перевертывать ревизскую сказку наобумъ сходъ не можетъ.

Пока Захаръ Андреечъ отмѣчалъ называемыхъ Демкинымъ домохозяевъ, посредникъ прочиталъ сходу его прошеніе и разъяснилъ нѣкоторыя статьи рекрутскаго устава.

— Значить, по работникамъ надо считать, спросило нѣскольکو голосовъ.

— Да; всякій мужчина, записанный въ сказку подъ нумеромъ семейства, есть членъ этой семьи и считается ея работникомъ отъ 18 и до 60-ти лѣтъ.

— Ну, вотъ то-то же; а мы все по нашему, по-мужицкому, разбираемся по братьямъ.

— И теперь по братьямъ; а то какъ же еще?

— Ты слышь, по работникамъ, а не по братьямъ. Онъ тебѣ можетъ и не сродственникъ, да записанъ съ тобой въ семью, вотъ ты и воловодишься съ нимъ.

— Ну, какъ же теперь хоть бы у насъ: свать Антипъ считается при нашемъ семействѣ, а ѣнъ намъ со всѣмъ чужой?

— Ну и работникъ!...

— Мало бы что. Это было дѣло господское; они что хотѣли, то и писали, а я теперь чѣмъ же причиненъ, что свать Антипъ при мнѣ записанъ?

Аверкій Семенычъ внимательно слушалъ этотъ разговоръ, хотя и безъ того уже зналъ, что крестьяне, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ разбираются между собою по братьямъ.

— Вотъ, православные, обратился онъ къ сходу; по ревизской сказкѣ въ семействѣ просителя три наличныхъ работника, а изъ тѣхъ, на кого онъ указываетъ, нашелся одинъ четверникъ — Павелъ Бороненковъ и два тройника...

— А годами-то какъ опи? спросило нѣсколько голосовъ.

Посредникъ прочиталъ года тройниковыхъ семей. Оказалось, что по возрасту годныхъ къ службѣ — всѣ семейства были старше назначеннаго, и между выборными поднялся споръ. Одни находили, что слѣдуетъ непременно поставить Бороненкова, какъ четверника, другіе разсуждали, что Антипа нельзя считать работникомъ, потому что онъ приписной и завтра же можетъ отдѣлаться, а безъ него сыновья Павла моложе годами другихъ; тѣмъ болѣе, что у Захара Кривого есть еще подростокъ семнадцати лѣтъ, и слѣдовательно справедливѣе поставить Захаровыхъ сыповей.

Аверкій Семенычъ далъ время высказаться обѣимъ сторонамъ и снова прочиталъ подходящія къ случаю статьи рекрутскаго устава.

— А гдѣ-жъ этакой законъ, что господа кого хотѣли, того и писали въ семью? спросилъ Бороненковъ, выдвигаясь въ передній рядъ.

— Тогда они могли это дѣлать, потому что вы были ихъ крѣпостные; а теперь у васъ есть міръ, которому законъ предоставилъ право дозволять раздѣлы, пояснилъ Аверкій Семенычъ.

— Ну, чѣмъ же я теперь причиненъ, что свать Антипъ при мнѣ записанъ... а я изъ-за него сыномъ рѣшиться долженъ... Это, кажись, будто непорядки, разсуждалъ Бороненковъ. Ужъ

когда такое дѣло, пускай же намъ съ Захаромъ жеребій дадутъ, прибавилъ онъ въ раздуми.

— А коли твое желаніе есть—можно и жеребій дать, чтобы никому, значить, обиды не было, замѣтилъ кто-то изъ выборныхъ, но Платонъ Петровичъ строго остановилъ его, напомнивъ, что по закону жребій дается только равнымъ.

— Жеребій, жеребій, крикнуло нѣсколько человѣкъ, у Захара тоже четыре работника.

— По ревизнымъ онъ не работникъ, перекрикивала большая половина.

— Мало бы чего, по ревизнымъ; а въ домѣ онъ всякую работу справляетъ.

— Косить на крючекъ умѣетъ? спросилъ Аверкій Семенычъ, знал уже, что эта работа составляетъ вѣнецъ крестьянскаго труда.

— Еще какъ замахиваетъ: стараго уморить; одно слово, парень на виду, подтвердили односельцы Захара.

Стали считать голоса; большинство оказалось за назначеніе Бороненкова. Старшина громко объявилъ рѣшеніе схода.

Изнемогая отъ жажды, Ивлій Ивановъ едва держался на ногахъ, и два раза переспросилъ посредника: точно ли его отмѣнили?

— Ступай домой, да полечись, совѣтывалъ Аверкій Семенычъ.

— Растереться бы чѣмъ, можетъ не знаете ли, ваше благородіе, просила баба. Добре въ ногахъ-то у него опухъ стоитъ.

— Ты лучше доктору покажи его, у него должно быть въ печенкѣ неладно.

Баба дико поглядѣла на посредника.

— Епъ нутромъ не жалится, у него только по ногамъ опухъ попла....

Аверкій Семенычъ закурилъ сигару и приказалъ открыть трубу. Въ комнатѣ стало невыносимо душно.

— Мои-то дѣла разберите, ваше благородіе, робко проговорила Матрена, воспользовавшись освободившимся у стола мѣстомъ.

— Ты откуда? спросилъ посредникъ.

— Хохловскія, батюшка; вашей милости бумагу подавала, а вы оборотили на сходу.

— А, помню, помню! Ну, въ чемъ же дѣло?

— Незаконно, батюшка, сына въ очередь записали, потому старшія семьи есть.... опять же онъ одинъ при мнѣ.... кто же насъ при старости соблюдать будетъ.... Отцы вы наши, хныкала Матрена, впаляя посреднику.

Разсмотрѣли приговоръ сельскаго схода, разобрали ревизскую

сказку и изъ всей путаницы Матрены оказалось справедливымъ только, что семейство старосты Прохора тоже тройниковое и потому рѣшили дать жребій.

— У насъ послуга есть, отстаивалъ себя Прохоръ.

— Пустое болтаешь, возражалъ ему Платонъ Петровичъ; ты, кажется, долженъ знать, что послуги считаются десять лѣтъ, а твой братъ, небось, болѣе десяти лѣтъ ужъ изъ службы воротился.

— А хоть бы и воротился — все же послуга при мнѣ, настаивалъ Прохоръ.

— Тутъ, братъ, видно всѣмъ одно положенье, утѣшалъ его Бороненковъ. Вотъ мнѣ приляпали господа Антипа, а я теперь сыпа подай....

— Законъ, значить, усматриваютъ, глубокомысленно замѣтилъ старшина.

Между тѣмъ приготовили два билетика и, сдѣлавъ на одномъ мѣтку, Аверкій Семенычъ самъ свернулъ ихъ и положилъ въ шапку.

— Берите, сказалъ онъ; кому достанется крестъ, того первая ставка.

Мужики плотно сдвинулись къ переднему ряду и любопытно глядѣли.

— Ну, баба, хрестись да бери; теперь, зпать, податься некуда, ободрялъ старшина.

Холодный потъ сразу прошибъ красную отъ жары Матрену. Она тревожно взглянула на икону и безсознательно взялась за билетъ.

— Перехрестись, дурища, крикнули сзади.

Матрена, какъ обожженная, отдернула руку, перекрестилась и, вынувъ жребій, подала посреднику.

— Пустой, сказалъ онъ, показывая сходу билетикъ и тотчасъ же развернулъ другой, на которомъ былъ поставленъ крестъ.

— Мы евтимъ судомъ недовольны, грубо сказалъ Прохоръ.

— А недоволенъ, такъ жалуйся мировому съѣзду, объявилъ посредникъ.

— И мы, стало, можемъ прошенье подать? обрадовавшись спросилъ Бороненковъ.

— Если желаешь! Только вотъ что почтенные, прибавилъ посредникъ, пишите, пожалуйста, ваши прошенья въ волости; здѣсь писарь настрочить вамъ за пятиалтынный. Слышишь, строго онъ обратился къ Захару Андрейчу, больше пятинадцати копѣекъ не смѣтъ братъ....

— Слушаю-съ, отвѣтилъ тотъ, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ

— А то эти, ваши псы, продолжалъ Аверкій Семенычъ, дерутъ съ васъ послѣднюю рубашку, а дѣла все-таки не дѣлаютъ; только ерунду плетутъ.

Разбирательство продолжалось и уже поданы были свѣчи, когда Аверкій Семенычъ очутился наконецъ въ передней владѣльца села Спасскаго, Кузьмы Ивановича. Сбрасывая тяжелую шубу на руки встрѣтившей его горничной, Аверкій Семенычъ тотчасъ замѣтилъ, что дѣвушка одѣта наряднѣе обыкновеннаго.

— Или у васъ гости? спросилъ онъ.

— Князь какой-то, отвѣтила та почему-то сердито. Чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ, подумалъ Аверкій Семенычъ, начинавшій опасаться, что попалъ на парадный обѣдъ; но переступивъ въ залу, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ приготовленный на маленькомъ столикѣ приборъ и закуску.

— Добро жаловать, радушно привѣтствовалъ его показавшійся въ дверяхъ другой комнаты полный, гладко остриженный старичокъ.

Они пріятельски пожали руки.

— Кто тамъ? полушепотомъ спросилъ Аверкій Семенычъ, мотнувъ головой на гостинную.

— Князь Булеевъ, тоже шепотомъ отвѣтилъ Кузьма Ивановичъ. Кажется, имѣетъ надобность переговорить съ вами — по дѣлу, прибавилъ онъ. Лицо посредника непріятно передернулось. Онъ бросилъ шапку на фортецяно и сѣлъ на первый попавшійся стулъ.

— Вы обѣдали? безцеремонно спросилъ онъ хозяина.

— А что?

— Да такъ! Говорятъ сытый голоднаго не разумѣетъ, а я еще въ седьмомъ часу утра пилъ чай....

— Нашелъ о чемъ толковать, шутливо перебилъ Кузьма Ивановичъ, и тотчасъ же приказалъ давать кушать.

— А Ольга Степановна дома? вспомнилъ посредникъ, принимаясь уже за супъ.

— Прикурнула, въ сумеркахъ-то, отвѣтилъ Кузьма Ивановичъ въ полголоса.

Утоливъ голодъ, Аверкій Семенычъ перемѣстился въ гостинную и уже гораздо благодушнѣе посмотрѣлъ на представленнаго ему новаго помѣщика. Онъ даже едва не улыбнулся, оглядывая фигуру князя, на такихъ жиденькихъ ножкахъ, точно сѣрные спички. Князь приготовилъ было какое-то замысловатое привѣтствіе; хотѣлъ выразить и заявить, чуть не отъ лица цѣлой Россіи, уваженіе и сочувствіе къ безкорыстной дѣятельности тѣхъ неутомимыхъ тружениковъ, на плечахъ которыхъ выносятся всѣ

великія реформы послѣдняго времени; но вдругъ отчего-то сконфузился и, молча поклонившись, пересѣлъ только на другое кресло.

— Вѣроятно, князь, вы завернули въ нашу сторону не надолго, началъ Аверкій Семенычъ, закуривая сигару.

— И самъ не знаю! Хотѣлось бы отдѣлаться какъ-нибудь поскорѣй....

— Князь задумываетъ все передѣлать на новый ладъ, съ лукавой улыбкой подсказалъ Кузьма Иванычъ.

— Да! я желалъ бы устроить хозяйство на современныхъ, рациональныхъ началахъ, подтвердилъ князь.

Аверкій Семенычъ молча переложилъ одну ногу на другую и откинулся на спинку кресла.

— Я полагаю прежде всего отдать крестьянъ на выкупъ и рѣшаюсь начать мое знакомство покорнѣйшей просьбой научить меня: какъ и что слѣдуетъ мнѣ дѣлать. Меня ужъ настрашали; говорятъ, тутъ тѣмъ формальностей и раньше года нельзя получить деньги.

— Случается даже и дольше, равнодушно отвѣтилъ Аверкій Семенычъ.

— Это ужасно, почти вскрикнулъ князь и пересѣлъ поближе къ посреднику.

— Скажите, какая же причина такой убійственной медленности, продолжалъ онъ. Что это: канцелярская переписка, разныя проволочки; неужели и у васъ завелась эта... эта... Князь никакъ не могъ придумать подходящаго слова.

— Совсѣмъ не отъ того, на что вы намекаете, лѣниво заговорилъ Аверкій Семенычъ, а просто потому, что это дѣло дежное и требуетъ аккуратности.

— Ужасно, ужасно, въ раздумьи повторялъ князь.

— А на счетъ пятой копѣйки вы говорили ужъ съ мужиками? спросилъ Кузьма Иванычъ.

Князь разсѣянно взглянулъ на него и только махнулъ рукою.

— Заладили: «помилосердуйте, ваше сіятельство; вы наши отцы, а мы ваши дѣти», и больше ничего не могъ добиться, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія....

Аверкій Семенычъ улыбнулся.

— Вездѣ одна пѣсня!...

— Я только теперь постигаю, до какой степени дики наши крестьяне, началъ было князь; но въ эту минуту горничная доложила, что старшина спрашиваетъ Аверкія Семеныча.

— Пусть сюда войдетъ, распорядился Кузьма Иванычъ.

Поднявшись на носки и придерживая лѣвой рукою свой должностной знакъ, явился Платонъ Петровичъ.

— Что тебѣ? сурово спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Тамъ бунтъ, ваше высочество, сдѣлали.

Кузьма Иванычъ испуганно взглянулъ на посредника; князь даже вскочилъ съ своего мѣста.

— Хватили должно быть послѣ меня? спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Хохловскіе больше, докладывалъ старшина. Вычитали имъ приговоръ, стали отбирать руку, они и подняли штурму; не по закону вишь, будто, жеребій старостѣ дали. Бабѣ этой даже въ кровь рыло разбили; я сюда отправился, а она тамъ голосить.

— Самоуправленіе и самосудъ, выговорилъ князь, громко захохотавши.

Старшина удивленно поглядѣлъ на него.

— Какъ же ты распорядился? спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Да главнаго зачинщика, Егора, посадилъ въ холодную; а то которыхъ општраховалъ. Ужъ сдѣлайте милость такую, пострачайте малость Егора, добре онъ калѣнъ, умоляющимъ голосомъ просилъ старшина.

— До завтра, рѣшилъ посредникъ.

— У насъ свой такой-то былъ, говорилъ старшина. Вотъ Кузьма Иванычъ не бось знаютъ — Веденейка; тоже, куда тебѣ, бывало захрапить; а какъ мы его раза два на волостномъ судѣ проходили, шабашъ, братъ, какъ рукой сняло; теперь и не слышать Веденейку.

— Да, да, подтвердилъ Кузьма Иванычъ, мнѣ приващикъ сказывалъ.

— Стало быть, безъ розогъ дѣло еще необходимо? насмѣшливо спросилъ князь.

— Нѣтъ-съ, необходимо, сухо отвѣтилъ Аверкій Семенычъ, и кивнулъ головой старшинѣ.

Тотъ вышелъ; за нимъ поднялся и Кузьма Иванычъ. Оставшіеся въ комнатѣ два гостя сидѣли молча, занятые каждый по-своему. Аверкій Семенычъ расположился въ углу, около жарко натопленной печи и, чувствуя пріятное утомленіе, едва пересиливалъ одолѣвавшую его дремоту. Князь видимо былъ погруженъ въ какую-то головоломную работу.

— Любопытно бы взглянуть на этого.... Егоръ, кажется, обратился онъ вдругъ къ Аверкію Семенычу.

Тотъ нехотя очнулся.

— Да развѣ вы пьяныхъ мужиковъ никогда не видали?

— Я желалъ бы видѣть именно этого. Вѣроятно, старшина

не даромъ такъ на него налегаетъ; должно быть этотъ Егоръ либералъ, прогрессистъ или что-нибудь въ родъ того...

Аверкій Семенычъ безцеремонно расхохотался.

— Просто, батюшка, опивала, міроѣдъ, горлодѣръ; словомъ, самая скверная тварь, безъ которой однако-жь не обходится ни одна деревушка. Это у васъ тамъ, въ столицахъ, на готовомъ хлѣбѣ водятся разные *исты*, а справьтесъ-ка у себя, въ Мионовѣ, въ сколькихъ избахъ чистый хлѣбъ ѣдятъ...

— Позвольте, вдругъ перебилъ его князь, тѣмъ болѣе, значить, причинъ къ броженію; матеріальные недостатки, можно сказать, одна изъ сильныхъ пружинъ къ пробужденію массы.

Аверкій Семенычъ всталъ.

— Мы еще къ гвоздямъ не привыкли, а вы о пружинахъ толкуете, почти шепотомъ сказалъ онъ, и направился къ двери.

Князь широко раскрылъ глаза, озадаченный неожиданнымъ перерывомъ такого интереснаго спора. Онъ безсознательно взялъ со стола обгорѣлую сѣрную спичку и принялся ломать ее на мелкіе куски...

— Откуда вы достали этого франтика? спрашивалъ Аверкій Семенычъ, отыскавши наконецъ Ольгу Степановну въ заднихъ комнатахъ.

— А что? Мы съ его матерью старинныя знакомки; она очень добрая женщина и хорошая хозяйка, пояснила Ольга Степановна.

— Ну, а сынокъ-то должно быть маленько тронуть.

— И вы тоже замѣтили? не безъ удовольствія выговорила старушка. Я ужасно спорила съ нимъ за объѣдомъ: вообразите, князь началъ мнѣ доказывать, что бракъ — это такъ-себѣ, и что связывать себя на всю жизнь — величайшая нелѣпость. У нихъ тамъ, видите ли, какіе-то гражданскіе браки въ моду вошли...

Къ чаю пріѣхалъ еще какой-то помѣщикъ, Дмитрій Дмитріевичъ — тоже повидаться съ посредникомъ.

Всѣ собрались въ угольную комнату и разговоръ принялъ обычный деревенскій тонъ. Жаловались на распущенность прислуги и положительное потворство ея своеволію со стороны держащихъ властей; разсуждали о невозможности вести хозяйство работниками и безтолковости тѣхъ помѣщиковъ, которые отдаютъ свои земли изполу.

— Почему же вы называете это безтолковостью? вступился вдругъ князь, внимательно слѣдившій за разговоромъ.

Дмитрій Дмитріевичъ, къ которому относился запросъ, даже немного обидѣлся. По его мнѣнію, высказанный имъ приговоръ не допускалъ никакихъ возраженій.

— А безтолочь непокрытая эти господа отъ того, ваше сіятельство, началъ онъ, отчеканивая каждое слово, что у нихъ ариеметика изъ головы выдохлась. Извольте-ка послушать: обработка ржаной десятины, съ уборкой хлѣба на мѣсто, требуетъ двѣнадцать рабочихъ дней; стало быть дорогой цѣною можетъ стоять шесть цѣлковыхъ.

— Ну, семь, великодушно прибавилъ Кузьма Ивановичъ.

Дмитрій Дмитріевичъ недовольно взглянулъ на него и снова продолжалъ.

— Хорошо-съ! Шестъ цѣлковыхъ! Теперь извольте обратить вниманіе на это: съ десятины убирается бѣдно-бѣдно восемь копеекъ, а иначе у васъ и землю не разберутъ; помолотите вы такимъ мѣперомъ четыре четверти хлѣба, и получить каждый на свою часть, за исключеніемъ сѣмянъ, по полторы четверти; стало быть, по нынѣшней цѣнѣ, вы отдали за работу вмѣсто шести—десять. Какъ это вамъ нравится?

— Н-да; расчетъ, кажется, вѣренъ, процѣдилъ князь сѣвозъ зубы.

— Но это еще не все; это только цвѣточки, а ягодки впереди, продолжалъ Дмитрій Дмитріевичъ, одушевляясь. При изпольномъ хозяйствѣ удобренія нѣтъ; стало быть земля ваша съ каждымъ годомъ все ветошѣетъ; доходы уменьшаются; а чтобъ поправить дѣлшки начинаютъ раскапывать лѣса, иныя умники даже луга поднимаютъ, и въ концѣ концовъ предстоитъ такое обѣдненіе, что страшно даже подумать.

— Бѣднѣютъ крупные землевладѣльцы—это правильно, согласился князь; за то въ массѣ народа должны скопляться излишки, и слѣдовательно тутъ оправдывается только непреложный законъ, что частное приносится въ жертву общему, съ пріятною улыбкою выговорилъ онъ.

«Это должно быть въ нынѣшнихъ законахъ написано», серьезно подумалъ Дмитрій Дмитріевичъ, служившій когда-то непремѣннымъ членомъ и отъ роду неслыхавшій ничего подобного.

— Я, господа, рѣшительно не понимаю, замѣтилъ князь, что же дѣлаетъ ваше земство, если положеніе сельскаго хозяйства такое безотрадное. Вѣдь это вопросъ государственной важности, и, мнѣ кажется, надъ нимъ слѣдовало бы поработать именпо земскимъ людямъ. Конечно, не въ защиту интересовъ одного сословія—это было бы односторонне—а, такъ сказать, съ точки благосостоянія общества, затронуть вопросъ какъ можно глубже.

Собесѣдники терпѣливо выслушали эту рѣчь и, словно по уговору, всѣ разомъ вздохнули.

— Эхъ, ваше сіятельство, да земству-то помощи Богъ только съ налогами управиться, а затрогивать, какъ вы изволите говорить, другихъ—у насъ и смѣлости не хватитъ, уныло проговорилъ Дмитрій Дмитріевичъ и тотчасъ же обратился къ посреднику.

Дѣло его было самое обыкновенное. Весной раздавали мужикамъ хлѣбъ взаимы; рожь надо было отдать къ сѣянамъ и за каждую четверть съѣздить по одной подводѣ; но изъ всѣхъ должниковъ только трое добросовѣстно исполнили обязательства, а шестнадцать человѣкъ и до сихъ поръ хлѣба не отдали, пѣкоторые и отъ подводъ отказываются, потому что, будто бы, у нихъ лошадей нѣтъ. Человѣка четыре опять сидятъ безъ хлѣба, стало быть съ нихъ и взять нечего. Предлагали имъ отработать весь долгъ по цѣнѣ—не соглашались; ѣздилъ къ судѣ съ прошеньемъ—возвратилъ; говорить, надобно подавать о каждомъ должникѣ особо и разбирательство тоже будетъ съ каждымъ по-одиночкѣ.—Вступитесь, батюшка, заключилъ Дмитрій Дмитріевичъ, кончите это дѣло, какъ-нибудь по-человѣчески, а такимъ-то манеромъ цѣлой зимы мнѣ будетъ мало на разъѣзды—отъ своего добра отступнись.

— И по дѣломъ; зачѣмъ давали, подсмѣялся Аверкій Семенычъ.

— Вотъ это правда, пускай лучше съ голоду помираютъ. Конечно, знай я прежде, что судья загнетъ мнѣ такіа закорючки, грѣшный человѣкъ, никому гнилой соломой не далъ бы—и въ подтвержденіе своихъ словъ, Дмитрій Дмитріевичъ даже перекрестился.

Аверкій Семенычъ записать жалобу, обѣщая распорядиться взысканіемъ. Подъ окномъ прогремѣли бубенчики. Князь отыскалъ свою шапку и сталъ натягивать перчатки.

— Не смѣю просить къ себѣ, сказалъ онъ, картинно изгибаясь, я здѣсь на бивуакахъ: помѣщаюсь въ одной комнатѣ и тепло всевозможныя лишенія.

— Колодезь бы, ваше сіятельство, изволили вырыть, а то въ Мироновѣ, на пятьсотъ душъ, ведра воды зачерпнуть пегдѣ, неделикатно замѣтилъ Дмитрій Дмитріевичъ.

— Ужасно, ужасно, отозвался князь, уже закутавшись въ шубу.

— Ну, что, каковъ? спросила Ольга Степановна, когда всѣ снова собрались въ гостинной.

— Не нашего поля ягода, съ насмѣшливой улыбкой высказался Дмитрій Дмитріевичъ.

— Вотъ, подождите-ка, онъ въ мировые судьи хочетъ баллотироваться, подсмѣялась барыня.

Дмитрій Дмитріевичъ испуганно оглянулся по сторонамъ и, словно поперхнувшись, проговорилъ:— «а вѣдь и выберутъ».

На другой день Аверкій Семенычъ снова отправился въ волостное правленіе, и хотя было еще довольно рано, но въ комнатѣ толпилось уже много народа. Все это были недовольные рѣшеніемъ волостного схода и явились за копіями приговора.

— Ну, что-жъ, други мои, жаловаться хотите? участливо спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Желаемъ прошенія подать. Все думается, можетъ тамъ разсудить какъ лучше, сказалъ Бороненковъ, выдвигаясь изъ-за какой-то бабы.

Между тѣмъ привели Егора. Воображаемый либераль и прогрессистъ былъ въ тревожномъ состояніи, зная уже по слухамъ, что посредникъ шутить не любитъ.

— Ты какъ же смѣешь дратися? строго спросилъ Аверкій Семенычъ.

Егоръ упалъ на колѣни.

— Выпимши были, вашеское благородіе, помилосердуйте, просилъ онъ.

— А какъ же ты смѣешь являться въ волостное правленіе выпимши?

Посредникъ особенно протянулъ послѣднее слово.

— Не самъ пилъ, люди угостили, оправдывался Егоръ.

— Да тебя никто сюда и не требовалъ, подсказалъ старшина.

— Мы, кажись, никогда въ евакихъ дѣлахъ замѣчены не были, продолжалъ Егоръ, уже нѣсколько оправившись. Извольте спросить у старшины, стоятъ ли когда за нами подати, али оброки, али еще какія повинности.

— А кто-жъ намедни кричалъ на сходѣ, что подати собирать не время, вступился старшина, затронутый дерзкой ложью Егора.

Посредникъ привсталъ.

— Такъ ты вотъ каковъ гусь, крикнулъ онъ.

— Вашеское благородіе, по дурости своей можетъ что и сказали. Люди тоже болтаютъ....

— Какіе люди? Какіе люди! что болтаютъ? задыхаясь отъ волненія приставалъ посредникъ.

— Незаконно, говорятъ, съ васъ требуютъ, потому отъ царя срокъ положенъ 15-го января.

Всѣ присутствующіе любопытно глядѣли на Егора и ожидали, какъ-то вывернется посредникъ. Аверкій Семенычъ закурилъ папиросу, присѣлъ на край стола и хладнокровно уже началъ разяснять крестьянамъ смыслъ закона о срокахъ платежей и тѣ обязанности, которыя возлагаются этимъ закономъ съ одной стороны на самихъ плательщиковъ, а съ другой на начальство.

— Все же мужичка пожалѣть можно, потому у нашего царя-батюшки и опричь податей денегъ-то всякихъ много, вступился было какой-то парень, но его тотчасъ же перебили два вновь прибывшіе мужика, обратившіеся къ посреднику съ просьбою посмотрѣть бумаги охотника.

— Да вѣдь охотниковъ принимать не будутъ, объявилъ Аверкій Семенычъ.

Мужики вытаращили глаза.

— Какъ же такъ? спросили они въ одинъ голосъ.

— Не приказано!

— Батюшка, Аверъ Семснчъ, какъ передъ Господомъ, мы евтихъ дѣловъ не знали. У насъ малый-то припасенъ еще съ лѣтошняго года; то же сотни на двѣ гляди ужъ помазались; а достатки-то наши вы, кажется, сами знаете: послѣднюю, можетъ, коровушку со двора свели. Нечто кто себѣ врагъ...

Аверкій Семенычъ отвернулся къ окну. Онъ зналъ, что подобныхъ примѣровъ даже въ его участіи найдется довольно и старался разрѣшить простой вопросъ: что для него, посредника, обязательнѣе—буквально примѣнить новый законъ къ явному и неизбежному разоренію семьи, ни въ чемъ неповинной, или сохранить интересъ этой семьи, но неизбежно нарушить законъ, хотя, разумѣется, не явно, а съ соблюденіемъ всевозможныхъ законныхъ порядковъ?

«Потеряетъ ли кто-нибудь отъ того, что Иванъ будетъ служить вмѣсто Петра не согласно съ правилами новаго закона?» спрашивалъ себя Аверкій Семенычъ, не выпутавшись изъ первой задачи—и теперь ему казалось, что пѣтъ, никто не потеряетъ. Справедливо ли подвергать Петра явному разоренію за то только, что онъ «припасъ» себѣ Ивана, не предполагая и не зная, что то же самое дѣло будетъ впослѣдствіи дѣлаться иначе? Отвѣтъ какъ-то не клеился. Петерпитъ ли кто-нибудь, если Петръ изъ исправнаго плательщика и зажиточнаго домохозяина обратится въ бѣдняка?

— Обѣщать вамъ я ничего не стану, обратился онъ къ про-

сителямъ; а придите ко мнѣ на сѣздъ, я переговорю съ предводителемъ—и тогда вы узнаете, что можно будетъ сдѣлать.

У мужичковъ отлегло отъ сердца.

— На счетъ Егора-то что же прикажете? въ полголоса спросилъ старшина.

— Оштрафовать его пятью рублями, приказалъ Аверкій Семеновъ. Да смотри ты у меня, въ другой разъ хуже будетъ, погрозилъ онъ Егору.

Тотъ едва ушамъ своимъ вѣрилъ: ему даже и во снѣ всю ночь мерещилось что-то очень скверное.

По отъѣздѣ посредника въ волостномъ правленіи началась сумятица. Мужики приставали въ писарю, чтобы онъ тотчасъ же выдалъ имъ копіи приговора; а Захаръ Андреичъ показывалъ цѣлую кипу бумагъ, по которымъ будто бы слѣдовало ему немедленно сдѣлать исполненіе, и наотрѣзъ отказывался заниматься посторонними предметами.

— А за что-жъ ты жалованье отъ насъ получаешь? кричали мужики.

— За дѣла, вотъ за что, отгрызался Захаръ Андреичъ.

— Намъ что за нужда до твоихъ дѣловъ; ты наши должень справлять, настаивали мужики.

— Ты говоришь должень, а тамъ побольше тебя есть—губернская управа; а тамъ—уѣздная, училищный совѣтъ, исправникъ, становой. Нынче, братъ, начальства-то надъ нами понадѣлано и не знаешь кого слушать. Вотъ хоть бы становой: ему полицейское управленіе прикажетъ что-нибудь сдѣлать, а онъ сейчасъ отъ себя приказъ волостному старшинѣ—исполнить, дескать, и мнѣ донести. Велика онъ птица; Захаръ Андреичъ плюнулъ отъ досады.

— Вотъ прошу, прошу, продолжалъ онъ, принимаясь за перо, чтобъ прибавили жалованья, такъ все, видишь, падежи у васъ, да неурожаи, а у меня спина скоро переломится, корпѣвши цѣлый день надъ бумагами.

Мужички разжалобились и стали уже просить писаря выдать имъ копіи, хоть денька черезъ два: они сами боятся, какъ бы не пропустить сроки. Спустя немного времени, правленіе опустѣло. Захаръ Андреичъ глянулъ изъ подлѣбья на старшину и едва удержалъ улыбку: такъ некрасиво показалось ему лицо Платона Петровича, падувшего губы.

Сердитъ, братъ, да не силенъ.... подумалъ лукавый писарь и тотчасъ же выразилъ свое удивленіе о рѣшеніи посредника по дѣлу Егора.

— Голову снялъ; одно слово голову снялъ, чуть не севозь слезы говорилъ Платонъ Петровичъ.

— Теперь шабашъ; хоть не показывайся въ Хохловку, поддразнивалъ Захаръ Андреичъ.

— Какъ есть не показывайся! Кабы я зналъ экое дѣло, не въ примѣръ лучше бы мнѣ порѣшить его волостнымъ судомъ; по крайности отбuzовали бы чего тебѣ изволишь.

— Прямое дѣло, волостнымъ судомъ лучше, да и по закону-то было бы чище....

Егоръ и староста Прохоръ, уѣхавшіе вмѣстѣ, тоже были недовольны посредникомъ и, добравшись до зеркинскаго перекрестка, порѣшили завернуть съ горя къ Зерихѣ. Подъ этимъ именемъ была извѣстна въ околodeтъ солдатка, мужа которой утнали куда-то за нѣсколько тысячъ верстъ, и потому она собиралась вторично выдти замужъ. Настоящаго кабака Зериха не держала, но вино у ней было безпереводное и продавалось даже дешевле другихъ. Кинувъ клочекъ овсяной соломы подъ ноги лошади, Прохоръ съ Егоромъ вошли въ избу. Тамъ уже гуляли трое какихъ-то заѣзжихъ гостей и, судя по количеству разли-таго на столѣ вина, гуляли должно быть на славу. Сама Зериха, въ синемъ китайчатомъ сарафанѣ и красномъ сборникѣ, сбившемся нѣсколько на затылокъ, стояла около печи съ рогачемъ въ рукахъ, а одинъ изъ гостей, дюжій приземистый парень, съ засученными по локоть рукавами рубашки, видимо бралъ Зериху приступомъ. Остальные двое сидѣли на передней лавкѣ и, заливаясь громкимъ хохотомъ, дружно подтравливали своего товарища, какъ травятъ обыкновенно дворняшекъ. Темныя, щетинистыя бороды этихъ гостей и коротко остриженные волосы служили признакомъ ихъ военнаго званія. Появленіе новыхъ посѣ-тителей замѣтно произвело непріятное впечатлѣніе на гулявшую компанію; даже Зериха какъ-то грубо спросила вошедшихъ: чего требуется?

— Выпить бы по стаканчику, робко сказалъ Егоръ.

— А деньги, безцеремонно потребовала хозяйка. Егоръ молча глянулъ на Прохора, тотъ молча тоже вытащилъ изъ шароваръ кошель и подаль трехъ-рублевку.

— Вишь тряпье какое, сердито проворчала Зериха, развертывая дѣйствительно ветхую ассигнацію. Поглядываясь, Семенъ Микалаичъ, прибавила она, подмигнувъ одному изъ военныхъ.

Тотъ, какъ кошка, прыгнулъ съ лавки.

— Негодящая, объявилъ онъ съ видомъ знатока, скомкавъ въ рукѣ бумажку.

Зериха едва замѣтно улыбнулась. Прохоръ испуганно рас-

крылъ ротъ и уронилъ кошель на полъ, Егоръ только попятился къ двери.

— Вишь черти сопливые, грозно кричала солдатка, тоже честныхъ людей надувать вздумали! Хорошо, вотъ Семень Микалаичъ евто дѣло смыслить; а то мнѣ бы за свое доброе, да погибать съ вашей бумажкой...

— Ничего, Марѳуша, ничего, какъ будто съ участіемъ вступился другой военный гость, лѣнливо потягиваясь. Ихнее дѣло темное, тоже пожалѣть можно. Дай имъ за эту рублевку—осьмуху, да и дѣлу квить, неожиданно порѣшилъ онъ и, подойдя къ Зерихѣ, дружески ударилъ ее по плечу.

— Какъ же такъ, вымолвилъ - было оторопѣвшій Прохоръ, но Егоръ дернулъ его за рукавъ, подшениувъ что-то на ухо, а Зериха тотчасъ же подала посудину съ какою-то мутной, вонючей жидкостью, и мужички молча выпили по первому стаканчику.... Зериха стала прибирать избу. Семень Микалаичъ закурилъ трубку и вышелъ; черезъ нѣсколько минутъ вышелъ другой гость; потомъ кто-то громко позвалъ въ сѣняхъ Потапку, и на этотъ зовъ вышелъ послѣдній—тотъ самый, который присоединялъ пожалѣть мужиковъ. Воротившись все вмѣстѣ; спросили еще вина; выпили сами, угостили Прохора съ Егоромъ, о чемъ-то было-заспорили между собой и потомъ куда-то все разомъ исчезли; но все это словно въ туманѣ представлялось опьянѣвшимъ мужикамъ. Они были заняты собственными дѣлами. Прохору надо было писать прошеніе на мировой сѣздъ и требовалось отыскать ходателя; Егору надо было платить штрафъ и требовалось свалить этотъ штрафъ на мірскую шею, потому что одному платить добре много, а распнуть по душамъ, такъ всего, можетъ, гривенникъ каждому придется. Староста обѣщалъ Егору помочь въ его дѣлѣ, а Егоръ въ свою очередь увѣрялъ старосту, что онъ представитъ ему такого человѣка, который на кого угодно прошеніе напишетъ и начальства никакого не побоятся. Зериха уже два раза напоминала имъ, что попусту галдѣтъ печего, и если не будутъ еще брать вина, такъ пора, дескать, убираться. Мужики вышли. На снѣгу валялся еще клочокъ овсяной соломы; блестя въ свѣжій слѣдъ саней, круго свернувшихся на дорогу—но лошади не было. Прохоръ даже взвизгнулъ; хмѣль вдругъ потерялъ свою силу.

— Угнали! неистово крикнулъ онъ и бросился по дорогѣ.

Передъ глазами Прохора мелькали сотни копытныхъ слѣдовъ, звонко отдавались его собственные шаги по хрустѣвшему снѣгу, а взволнованному мужику всюду мерещились косматыя ноги его чалаго мерена, чудился скрипъ его новыхъ саней.

— Наша! вдругъ обрадовался онъ, останавливаясь передъ короткимъ обрывкомъ какой-то веревки.

— Что тамъ? спрашивалъ догнавшій Егоръ.

— Оборочка, задыхаясь пояснилъ Прохоръ.

Оборочку подвiali, осмотрѣли и убѣдившись, что это совсѣмъ не та, которою былъ запутать вязокъ, бросили опять на дорогу.

— Отцы родные, голубчики вы мои, хрипѣлъ Прохоръ, сдавливая самъ себѣ платкомъ горло.

— Чего ты бѣспуешься-то, глупый, ласково уговаривалъ Егоръ своего товарища; можетъ она домой ушла, придумалъ онъ и, словно малаго ребенка, повелъ его дальше за руку.

Молча дошли до первой деревни. Толпились въ одинъ дворъ, — въ другой — нигдѣ ничего не знали о пропавшей лошади. Сказывали только, что на прошлой недѣлѣ свели тоже у ихняго мужичка рыжую кобылу, рублевъ можетъ сорокъ стоитъ; а то у барина, недавно, изъ запертой конюшни сгладили четверикъ сѣрыхъ и замка даже не тронули. Добре вонъ цалить стали, все одно хоть совсѣмъ лошадей не заводи, рѣшили сторонніе мужички и посовѣтовали Прохору не трепаться напрасно, а идти прямо ко двору.

— Да вѣдь лошадь-то какая была: всему дому воротила, стоналъ горемычный Прохоръ; однако послушался добрыхъ людей и, предавъ дѣло волѣ Божіей, къ вечеру воротился въ Хохловку.

— Ты гдѣ-жъ мерена-то покинулъ, спрашивалъ Никита, встрѣтивъ отца у воротъ.

Прохоръ молча покосился на сына и словно виноватый прошелъ прямо на дворъ. Подъ навѣсомъ, какъ ни въ чемъ не бывало стоялъ давно уже прибѣжавшій чалый и лѣниво пережевывалъ мерзлую солому.

— Никитъ, Никитъ, крикнулъ вдругъ обрадованный мужикъ, останавливаясь посреди двора.

Парень откликнулся и подошелъ.

— Прибѣгъ? указалъ Прохоръ на лошадь.

— Рази это въ первѳй! Ужъ ѣнъ и тебя самого, кажись, училъ сколько разовъ.

— И сани приволокъ? спросилъ Прохоръ, оглядывая по сторонамъ.

— Все въ цѣлости приставилъ.

— Ну, малый, подшутилъ же надо мной анчутка, совсѣмъ было повлекалъ я добрыхъ людей, выговорилъ Прохоръ въ раздумьи и лѣниво, словно нехотя пошелъ въ избу.

Возвратясь со сходки, Матрена хотя и рассказала домаш-

нимъ, что посредникъ ослобонилъ Ванятку, а сердце у ней все-таки было не покойно.

— Ты, мотри, сынокъ, не зѣвай, наказывала она парню, чуть только что провѣдаешь на счетъ ихнихъ дѣловъ, тушь минуточку мнѣ сказывай. Мы опять до посредника дойдемъ, а то и выше жалиться будемъ.

Но не объ этомъ печалился Ванятка. Опасенія матери казались ему пустыми, бабьими бреднями: его сердце надрывалось съ тоски по женѣ, онъ хлѣба даже лишился отъ сильной истомы. Куда ни шелъ несчастный парень, за какую бы работу онъ ни принимался—вездѣ и всегда, какъ бѣсъ, выросталъ передъ нимъ высокій, красивый молодецъ въ красной рубахѣ и сипей, мѣховой поддевки, съ конфеткой въ рукахъ, съ задорной, лукавой усмѣшкой во взорѣ. — И зачѣмъ я только послушался энтаго старика; отчего не выломалъ ему всѣхъ реберъ? съ сожалѣніемъ упрекалъ себя Ванятка, припоминая подробности гулинскаго происшествія, а распаленное воображеніе съ отчетливостію представляло ему и возможныя послѣдствія отъ этой промашки. Парню казалось, что Паранька съ умысломъ выскочила изъ сапей, нарочно прикинулася больною и гуляетъ теперь на свободѣ съ Оськой. А Силычъ-то?—Нечто старикъ попустить такую скверность, приходило-было на умъ Ванятки, но въ то же мгновеніе, грозная, неподкупная личность Андрея Силыча будто расплывалась и на мѣстѣ ея оживала какая то другая. Не то мать Катерина, не то Дарья Задира—парень и самъ не могъ опредѣлить хорошенько—кто именно; но кто-то скрываетъ Параньку, кто-то помогаетъ Оськѣ. Становилось невыносимо тошнехонько, и онъ рѣшился наконецъ во что бы то ни стало провѣдать истину, отправившись съ этою цѣлью въ Гулино. У мельницы встрѣтился ему Петрунька; онъ ѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Изъ разговоровъ съ малымъ Ванятка убѣдился, что жена его точно была больна, не чаяли даже живой видѣть; но теперь малость оклемалась, стала по нѣбѣ двигаться. Ходить къ тестю Петрунька нѣ совѣтовалъ, потому добре онъ сердчаетъ, а про молодку сказалъ, что оставить ее при себѣ и въ Хохловку не пустить.

— Братъ ты мой, Петруньшка, скажи мнѣ все до подлинности, умолялъ Ванятка, терзаясь различными подозрѣніями; но Петрунька побожился даже, что ничего больше не знаетъ, и велѣлъ Ванятѣ приходиться дна черезъ два къ овину, общаясь вызвать туда Параньку.

Какъ прошли эти два дня и что испыталъ въ это время Ванятка, знаетъ только его грудь да подоплека. Онъ ни съ кѣмъ

не разговаривалъ, отъ зари до зари работалъ безъ устали и послѣ третьихъ кочетовъ назначеннаго утра былъ уже на дорогѣ въ Гулино.—Вотъ тутъ она и осталась, вспомнилъ Ванятка, проходя мѣстомъ, гдѣ онъ высадилъ жену подъ бокъ. Да и я-то глупъ былъ: чего не вернулся тотчасъ же? Думалось, не слѣдъ, молъ, баловать бабу, захочетъ сама придетъ, разсуждалъ парень и уже не шелъ, а почти бѣжалъ, завидя черныя, неподвижныя крылья вѣтрянки. Надо было пробираться задами. Ванятка обошелъ плетень крайняго конопляника и, не попавъ на тропинку, пустился цѣликомъ. Въ деревнѣ только-что начинали копошиться. Вотъ скрипнули чьи-то ворота, гдѣ-то наконецъ жалобно вскрикнула овца, за ней повторила другая, третья; кто-то громко чихнулъ... Ванятка лѣзъ по волѣно въ снѣгу, все ближе и ближе подвигаясь къ усадьбѣ Силыча. Духъ занимался у парня при одной мысли, что вотъ можетъ сейчасъ онъ увидить свою Параньку. Онъ чувствовалъ въ себѣ какую-то необычайную силу и этой силы казалось ему достаточно, чтобы взвалить бабенку себѣ на плечи и тащить ее до самой Хохловки, коли сама добромъ не пойдетъ.

— Петрунь, чуть слышно выговорилъ онъ, останавливаясь наконецъ передъ ометомъ ржаной соломы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ овина.

Никто не откликнулся.

Ванятка оглядѣлся кругомъ и осторожно вошелъ въ предовинникъ.

Тамъ было пусто; даже и сноповъ не сажали.

Ужъ ли-жъ они еще дрыхнуть, подумалъ онъ, начиная подозрѣвать Петруньку въ обманѣ и, постоявъ нѣсколько минутъ, рѣшилъ идти къ усадьбамъ. Постройки Андрея Силыча отличались отъ сосѣднихъ только большимъ размѣромъ да двумя трубами, изъ которыхъ одна была накрыта дырявымъ горшкомъ. Съ лѣвой стороны двора торчала разлтая, сухая ракета, служившая раздѣленіемъ двухъ, почти смежныхъ крышъ, а съ правой—было пустошное мѣсто, заваленное кострикой и хворостомъ. Двигаясь по тропинкѣ, сплошь засоренной мелкой соломой и хоботьемъ, Ванятка услышалъ глухой стукъ топора, а сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ примѣтилъ изъ-за снѣжнаго сугроба сѣрую шапку съ суконнымъ верхомъ.

— Петрунь, кликнулъ въ полголоса парень.

Сѣрая шапка вдругъ исчезла за сугробомъ, а черезъ секунду на томъ же самомъ мѣстѣ появилось до половины туловище Петруньки.

— Чаво тебѣ? равнодушно спросилъ онъ, всматриваясь по направленію Ванятки.

— Ты что-жъ общалъ-то? громче и смѣлѣе выговорилъ тотъ, останавливаясь на тропинкѣ, которая вдругъ круто свернула къ двору.

Петрунька мотнулъ головою и снова скрылся. Слышно было, какъ онъ тяжело прыгнулъ, потомъ мягко зашуршали лапти по снѣгу, и не успѣлъ еще Ванятка хорошенько оглядѣться, какъ передъ нимъ стоялъ уже весь, налицо, Петрунька.

— Чаво тебѣ? повторилъ онъ такъ же равнодушно, какъ будто продолжалъ самый обыкновенный разговоръ.

— Что-жъ, хозяйку-то общалъ въ овинъ привести.

Петрунька глупо ухмыльнулся.

— До ней, братъ, рукой не достанешь: старый-то у себя подъ замкомъ держитъ, сказалъ онъ, озираясь въ сторону двора.

Ванятка уныло понурился.

— Мы и то дивимся, продолжалъ малый, на что онъ ее бережетъ; добро бы сноха ужъ была, прибавилъ онъ съ такимъ выраженіемъ, что Ванятка тотчасъ же угадалъ особенный смыслъ этой рѣчи.

— Васюта - а! вдругъ крикнулъ гдѣ-то близко звонкій женскій голосъ.

Ванятка вздрогнулъ; ему почудилось будто это голосъ Параньки.

— Аль мнѣ самому пойти? сказалъ онъ, намѣреваясь двинуться по тропинкѣ.

Петрунька торопливо загородилъ ему дорогу.

— Что ты, дурашный, вздумалъ, почти съ испугомъ вымолвилъ онъ, и мнѣ-то еще съ тобой шею наколотятъ.

— За что?

— За то!

Ванятка громко и протяжно вздохнулъ.

Его не страшило замѣчаніе Петруньки, при случаѣ онъ и самъ сдумѣлъ бы постоять за себя; но врожденная робость, перешедшая къ нему, вѣроятно, отъ отца и какое-то пелѣное благоговѣніе къ Андрею Силычу, втолкованное Ваняткѣ матерью—совершенно дѣлали парня тряпкою.

— Ты мотри, никому не сказывай, что былъ здѣсь, упранивалъ Петрунька, пуще всего опасавшійся за свою собственную шею.

— Ладно, коротко отвѣтилъ Ванятка и вдругъ зашагалъ по снѣгу на право.

— Не туда! крикнулъ Петрунька, замѣтивъ, что парень при-

нѣль направлєніе къ противоположному концу деревни, но тотъ даже не обернулся.

Ужъ ли онъ совсѣмъ ошалѣлъ, серьезно подумалъ, малый и, постоявъ еще съ минуту, отправился, какъ ни въ чемъ не бывало, опять рубить дрова.

На второмъ коноплянникѣ Ванятка пересѣкъ гладко укатанную дорогу и выбрался по ней наконецъ за околицу. Было уже довольно свѣтло; но небо сплошь заволокло сѣрыми тучами и чернѣющійся не вдаль лѣсокъ казался покрытымъ туманомъ. Подулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ; начинало переносить дорогу; а Ванятка шелъ да шелъ впередъ, не замѣчая ни тучъ, ни поземка.—Какъ теперь быть? спрашивалъ себя въ недоумѣніи парень и не могъ рѣшительно ничего придумать. Петрунька говоритъ: шею наколотятъ, да за что-жъ тутъ кажись колотить, если я приду за своей собственной бабой? такихъ будто и порядковъ нѣтъ, рассуждалъ онъ, соображая опасенія малаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ пришло Ваняткѣ на память, что въ Микулинѣ точно такъ же ушла баба къ своимъ сродственникамъ и сколько мужъ, послѣ того, ни судился, ничего не вышло, его же еще волостные општрафовали.—Кабы на энтаго подлєца волостному нечто пожаловаться, прошепталъ вдругъ парень и, постоявъ минуту на перекресткѣ скрылся въ мелколѣсѣ. Онъ только теперь почувствовалъ, что поги его начинаютъ какъ будто подламываться и словно червякъ какой точить подъ сердцемъ; а до Спасскаго оставалось еще версты двѣ съ прибавкомъ. За мелколѣсѣмъ сталъ подыматься частый, заказной березникъ и скоро Ванятка очутился въ такой глуши, что даже привычному человѣку невольно дѣлалось жутко.—Ишь звѣрищевъ-то здѣсь какая пропасть таскается, подумалъ онъ, замѣтивъ съ обѣихъ сторонъ узкой дороги безчисленные слѣды волчьихъ прогулокъ, и сталъ попомногу прибавлять шагъ. Березникъ вдругъ порѣдѣлъ; открылась широкая поляна, а за ней начинались постройки села Спасскаго. Въ это самое время въ спасскомъ волостномъ правленіи совершалось одно изъ тѣхъ условій, при заключеніи которыхъ обильно текутъ вино и слезы. Богатый протасьевскій крестьянинъ Никифоръ Васильевъ нанималъ охотникомъ въ рекруты за свое семейство бывшаго двороваго человѣка Тихона Прокофьева. Дѣло было уже полагено: за двѣсти рублей серебромъ и гульбу на хозяйскій счетъ. Тихонъ Прокофьевъ бросалъ на произволъ судьбы жену, троихъ дѣтей и старуху мать. Были, правда, добрые люди, которые вслѣдствіи старались отклонить его отъ этого безразсуднаго поступка, но вино, да другіе добрые люди все устроили по-своему и теперь оставалось

только соблюсти разныя формальности, чтобы послѣ начальство не придиралось. Платонъ Петровичъ прохладился на крыльцѣ, когда Ванятка только-что подошелъ къ волостному правленію.

— Тебѣ что, паренекъ? ласково спросилъ его старшина.

Ванятка оробѣлъ: онъ и самъ теперь не зналъ: жаловаться ли ему или такъ все оставить?

— Съ прошеніемъ, али еще по какимъ дѣламъ? снова спросилъ старшина.

— Объ своей обидѣ, тихо выговорилъ Ванятка.

— Кто-жъ тебя, то-есть, избидѣлъ?

Ванятка опять не могъ рѣшить, на кого ему жаловаться: не то на Силыча, не то на Параньку, а хотѣлось бы помянуть одного только Оську.

Платонъ Петровичъ снисходительно посмотрѣлъ на смѣшавшагося просителя и, не придумавъ о чемъ бы еще спросить паренька, приказалъ ему идти за собою въ правленіе. Захаръ Андреичъ, красный какъ кумачъ, сидѣлъ за столомъ и писалъ что-то въ книгѣ; сбоку его помѣщались на лавкѣ Никифоръ Васильевъ и Тихонъ Прокофьевъ; подъ лавкой стояла, почти уже опорожненная, четвертая бутылъ, прикрытая на всякій случай ручникомъ; а около шкафа съ дѣлами, на крашеномъ денежномъ сундуѣ, громко сопѣлъ дычекъ Яковъ Васильевичъ, приглашенный для росписки за неграмотныхъ. При входѣ старшины изъ задняго угла комнаты поднялась маленькая, подслѣповатая старушка, въ синей нанковой шубѣ городского покроя.

— Прикажи, Платонъ Петровичъ, обратилась она къ старшинѣ, выдать мнѣ росписку, чтобы Никифоръ Васильичъ отдалъ мнѣ своими руками двадцать пять рубликовъ. Я съ этимъ условіемъ и дозволеніе моему сыну даю, прибавила она какимъ-то севернымъ, нематеринскимъ голосомъ.

— А мнѣ - то, батюшка Платонъ Петровичъ, прикажите ему выдать хоть сколько-нибудь на прокормленіе ребятишекъ, слезливо просила съ другого бока молодая женщина, въ нагольной шубѣ и ситцевомъ платкѣ.

— Ребятишкамъ я даю мое родительское благословеніе, а тебѣ—шишъ подъ носъ, потому больше ты не выслужила, сказалъ Тихонъ Прокофьевъ, еле повертывая отяжелѣвшую голову въ ту сторону, гдѣ стояли его жена и мать.

— Грѣхъ тебѣ это, кажется, говорить, вступилась за себя молодая женщина; въ пять-то лѣтъ съ меня, небось, синяки не сходили; сколько, можетъ, разъ безъ чувствія отъ твоихъ побоевъ лежала...

— Ну, теперь, видно, адью.... поминай какъ звали, вымолвилъ Тихонъ Прокофьевъ, широко размахнувъ рукой.

— Ты, въ заправду, дай ей съ ребятишками-то хоть на корову, предложилъ старшина.

Тихонъ Прокофьевъ безсознательно вскинулъ глазами и только кивнулъ.

— Я и такъ остаюсь безъ угла; разѣта, раздѣта; спасибо вотъ добрые люди шубенки одолжали сюда доѣхать, продолжала молодая женщина, рассчитывая на поддержку старшины.

Никифоръ Васильевъ и Захаръ Андреичъ тоже присовѣтовали наградить ребятишекъ; даже случайно очнувшійся Яковъ Васильевичъ призналъ, что хотя родительское благословеніе во вѣки нерушимо; ну, а все, какъ будто, одного его маловато и слѣдуетъ прибавить чего-нибудь вещественнаго.

Общимъ голосомъ порѣшили наконецъ выдать женѣ охотника пятнадцать цѣлковыхъ, а отъ нея взять подписку, что никакихъ претензій на мужа своего не имѣетъ и нигдѣ, ни о чемъ просить больше не будетъ.

— Ну, теперича, кажись эта статья въ отдѣлкѣ, сказалъ Платонъ Петровичъ, самодовольно потирая руки. Подойди сюда паренѣкъ, обратился онъ къ Ванятѣ, усаживаясь на почетное мѣсто.

Захаръ Андреичъ съ неудовольствіемъ поглядѣлъ на просителя: его сильно уже клонило ко сну и продолжать занятія казалось ему положительно невозможнымъ.

— Ты откуда? рѣзко спросилъ онъ выдвинушагося на средину комнаты Ванятку.

— Хохловскіе!

— Онъ, значить, объ своей обидѣ жалится, пояснилъ старшина, съ важностью разглаживая свою длинную бороду.

— Баба отъ меня уходомъ ушла и живетъ вотъ ужъ сколько времени при своихъ сродственникахъ, высказалъ наконецъ Ванятка.

Старшина глянулъ на писаря, писарь задумчиво повертѣлъ пальцемъ въ носу и, послѣ минутнаго размышленія, объявилъ, что дѣло это подлѣжить разбирательству волостного суда.

— Ну такъ, значить, до другого раза, рѣшилъ Платонъ Петровичъ, поднимаясь съ своего мѣста.

Захаръ Андреичъ тоже всталъ; Никифоръ Васильевъ съ Тихономъ Прокофьевымъ стали собираться.

Ванятка невольно отступилъ къ двери.

— Васъ тогда вызовутъ, сказалъ Захаръ Андреичъ, замѣтивъ, что паренѣ какъ будто чего-то еще дожидается.

Ванятка вышелъ въ сѣнцы.

«А ну, какъ и меня разсудятъ не плоше миеулинскаго мужика, подумалъ онъ, начиная уже раскаяваться, что затѣялъ все это дѣло. Велятъ општраховать хоть ее, хоть меня, все одно надо будетъ отдавать домашнюю овцу; да сраму-то примешь столько, что и на глаза людямъ не покажешься...» Вдругъ скрипнула дверь: жена и мать Тихона Прокофьева вышли изъ правленія; за ними показались остальные. Захаръ Андреичъ бережно несъ совершенно уже пустую бутылъ.

— Ты чего-жъ тутъ притулился? сердито кривнулъ онъ на Ванятку.

— Мы, такъ... безъ суда желаемъ... можетъ сама образумится, робко выговорилъ онъ, отыскивая глазами старшину.

— Вотъ это, братъ, хорошее дѣло, похвалилъ Никифоръ Васильевъ.

— А насчетъ жены, коли нуждаешься — возьми... даромъ уступаю, предложилъ Тихонъ Прокофьевъ, указывая обѣими руками на свою сожительницу; но шутка эта показалась ужъ черезъ-чуръ неумѣстной и всѣ пропустили ее мимо ушей.

— Иди-ка себѣ, паренѣкъ, ко двору, приказалъ Платонъ Петровичъ; сами вы лучше смиритесь; зачѣмъ до людей дѣло доводить, добродушно прибавилъ онъ, слегка приподымая шапку, въ отвѣтъ на низкіе поклоны отвѣзжающей компаніи.

Ванятка тоже отправился.

Былъ ли онъ доволенъ своимъ путешествіемъ и что теперь ему желалось—онъ и самъ не могъ бы сказать опредѣлительно. «Соскучится, небось, придетъ, думалъ онъ, перебирая въ умѣ послѣднія слова Платона Петровича; да и старый-то, авось ли, смилуется, не все же, чай, сердчать будетъ; а судомъ на нихъ пойти хуже, въ заправду, только раздражишь...»; и Ванятка, обезсиленный усталостью и голодомъ, съ радостью наконецъ запримѣтилъ верхушки хохловскихъ ракитъ.

Тѣмъ же временемъ Прохоръ успѣлъ выхлопотать «изъ волости» нужныя для себя бумаги и отправился въ городъ, по совѣту Егора, къ рыжему Александру Потапычу, съ лохматымъ затылкомъ. Александръ Потапычъ, извѣстный такъ же подъ названіемъ «сибирнаго», началъ заниматься прошениями только недавно, а прежде того промышлялъ мелкой торговлею. Сибирнымъ прозвали его свои же братья-ходатели въ насмѣшку за какое-то дѣло, которое онъ защищалъ у мирового судьи и такъ

искусно оправдывалъ своего довѣрителя, что тотъ изъ гражданскаго истца неожиданно-негаданно превратился въ уголовного преступника... Выслушавъ Прохора съ подобающей сановитостью, Александръ Потапычъ объявилъ ему, что крестьянскихъ дѣлъ онъ не любитъ.

— Вотъ, если бы въ судѣ или хотъ въ сенатъ нужно было написать жалобу—это все можно; а по вашимъ учрежденіямъ совсѣмъ другіе порядки и очень трудно бываетъ добиться успѣха.

«Это онъ нарочно страшаетъ, чтобъ поболѣ выманить», думалъ Прохоръ, понимая всѣ объясненія по своему.

— Извѣстно, у кого правовъ нѣтъ, такъ и жалиться нечего; а у насъ, кажись, послуга въ семействѣ, говорилъ онъ, перевертывая въ рукахъ шапку.

— А почему же сходи твоей послуги не уважилъ? замѣтилъ Александръ Потапычъ, не понимая и самъ хорошенько, къ чему тутъ говорится о послугѣ и отчего ее надо было уважить.

Прохоръ почесалъ затылокъ, но ничего не объяснилъ. Александръ Потапычъ былъ въ недоумѣніи. Опъ сознавалъ, что въ самомъ дѣлѣ, эта послуга, на которую такъ напиралъ мужикъ, должно быть дѣйствительно имѣетъ значеніе и, вѣроятно, есть же что-нибудь объ этомъ въ мужицкихъ законахъ; но гдѣ именно и что тамъ говорится—ходатель, какъ на зло, ни отъ кого до сихъ поръ не слыхивалъ.—Да къ чему же непременно законы? разсудилъ ходатель. Можно представить дѣло въ общихъ чертахъ; обратить вниманіе на тотъ невидимый коловоротъ, въ средѣ котораго вращаются всѣ общественныя силы, вызванныя къ жизни державнымъ словомъ великаго освободителя, и такъ сказать... но что именно сказать—этого-то Александръ Потапычъ и не могъ никакъ придумать. А между тѣмъ, незамѣтно приходитъ ему на память, какъ однажды предводитель срѣзалъ его на мировомъ съѣздѣ, остановивъ въ самомъ интересномъ мѣстѣ защитительной рѣчи замѣчаніемъ, что пустословіе въ дѣлу не относится, и потомъ приказалъ даже выйти изъ залы, когда Александръ Потапычъ потребовалъ-было по этому поводу объясненій.—Ну, какъ опять попадешь на такую же непріятность? Онъ вопросительно глянулъ на Прохора.

— Ужъ ты не мучь меня, Христа ради, вдругъ заговорилъ тотъ. Объясни, то-есть, что тебѣ требуется за хлопоты.

Александръ Потапычъ встрепенулся и хлопнувъ мужика пріятельски по плечу, назначилъ десять цѣлковыхъ.

— Нѣтъ, мы этого не можемъ, рѣшительно отказался Прохоръ.

Александръ Потапычъ слегка передернулся.

— Ты что же, почтенный, видно за пару калачей желаешь охлопотать своего сына? сказалъ онъ съ насмѣшкой.

— Да и десять цѣлковыхъ намъ тоже взять неоткуда. Вотъ, сейчасъ платить подушныя, тамъ оброки; изба совсѣмъ развалилась—справлять надо; а богатство наше извѣстно: самъ-другъ съ бабой, и тянись куда знаешь. Въ голосѣ Прохора слышались горе и злорадство. Когда угодно, любую половину, предложилъ онъ, подумавъ.

Александръ Потапычъ сдѣлалъ видъ, будто обидѣлся.

— Ты, голубчикъ, не лапти торгуешь, строго замѣтилъ онъ. Тутъ съ тебя не запрашиваютъ, а говорятъ прямо чего стоитъ твое дѣло!

— Кабы съ нами ни экая бѣда повстрѣчалась, развѣ мы постояли бы за деньгами, говорилъ Прохоръ. Пожалѣй хоть сколько-нибудь; стань за отца, за мать, умолялъ онъ, низко кланяясь.

Александръ Потапычъ прошелся раза два по комнатѣ и велѣлъ мужику придти за бумагой, послѣ вечерень.

Подкинувъ лошади корму, Прохоръ отправился на базаръ. Торгъ уже кончился; на площади стояли только два запоздалые воза съ дровами, да какая-то баба держала въ поводѣ худую, взъерошенную корову. Хмѣльныхъ однако было довольно, а около торговли блинами столпилась порядочная кучка народа и слышались крупные разговоры.

Прохоръ направился—было туда, но вдругъ нечаянно столкнулся съ Бороненковымъ. Разговорились. Оказалось, что онъ тоже по некрутскому дѣлу; ѣздилъ къ предводителю, а тотъ приказалъ завтра явиться на мировой съѣздъ. Прошение писалъ ему какой-то хромой и взялъ за это только два цѣлковыхъ—да на чаю пропилъ восемь гривенъ.

— Съ виду, кажись, такой мозглявенькій, рассказывалъ Бороненковъ, а куда тебѣ на дѣла дова. Подаль я бумагу самому производителю; прочелъ онъ ее, только знаешь усь крутить зачалъ: должно видить, что добре, то-есть, въ такцію прямо. Ну и сказалъ мнѣ: приходи, говорить, въ четвергъ на съѣздъ. Коли хошь, пойдемъ къ хромому, онъ и тебѣ набузуетъ, предложилъ вдругъ Бороненковъ.

Прохоръ задумался. Выгадать два, а можетъ и три рубля—штука, конечно, немаловажная; да хорошо, какъ этотъ хромой

въ заправду мастеръ своего дѣла, а если онъ плоше сибиряго— тогда и деньгамъ радъ не будешь.

— Тутъ, знаешь, по всѣмъ законамъ написано, какъ будто въ отвѣтъ на мысли Прохора, продолжалъ Бороненковъ. Ужъ на что, кажется, Алексѣй Ивановъ, человѣкъ кредитный, а надмсь при мнѣ приходилъ къ хрому тоже насчетъ своихъ дѣловъ съ микулинской барыней.

— Что-жъ ѣтъ?

— Живъ, говорить, не буду, коли всѣхъ денегъ не выдеру; даже на образъ перекрестился.

Прохоръ еще болѣе задумался.

— А энтотъ-то какъ же? вымолвилъ онъ, начиная увлекаться разсказами Бороненкова.

— Твой-то? да наплевать на него, разомъ порѣшили услужливый товарищъ, и мужички переваливаясь побрели въ переулокъ, подъ горку.

Ужъ было очень поздно, когда они вернулись на постоянный дворъ и, пожевавъ домашнего хлѣбушка, взобрались на просторную печь.

— Ну, да и башка, говорилъ Прохоръ, невольно припоминая фигуру хромого ходателя.

— Тутъ, малый, напхато всякихъ законовъ, пожалуй, на три головы хватить, замѣтилъ въ свою очередь Бороненковъ.

— И податливъ, прибавилъ черезъ нѣсколько минутъ Прохоръ, сравнивая хромого съ Александромъ Потапычемъ.

— Одно дѣло, ужъ сквозь сонъ выговорилъ Бороненковъ и захрапѣлъ на всю избу.

На другой день оба просителя съ утра отправились въ сѣздъ, и хотя солдатъ-сторожъ объяснилъ имъ, что господа пріѣдутъ покушамши, но мужики разсудили за лучшее на постоянный не возвращаться, а ждать тутъ, сколько бы ни пришлось. Мало-помалу просторныя сѣни земскаго дома стали наполняться народомъ и точно пчелы загудѣли разбившіеся по кучкамъ просители.

— Нѣтъ, мы естаго такъ не упустимъ, задорливо говорилъ у окна изкрасна рыжій мужикъ, размахивая руками. Мы до министера ходоковъ наладимъ, а ужъ не дадимъ надъ собой насмѣяться.

— И тутъ начальство разсудить, замѣтилъ кто-то внушительно.

— Разсудить! Мы, почестъ, кажинный годъ воловодимся, а все концевъ не найдемъ, продолжалъ первый. Тринадцать некрутовъ, опричь нынѣшнихъ поставили, да теперь опять троихъ

тянуть; апѣ вѣдь это въ другомъ мѣстѣ цѣлая деревушка выходитъ.

— А ваше селеніе велико? разомъ спросили двое.

— Дворовъ подѣ сотню можетъ быть!... Да что нынче дворы; только слава, что хозяинъ живетъ: окромя бабы распорядиться нечѣмъ.

Въ толпѣ усмѣхнулись.

— Добре нонѣ народъ отоцалъ... какъ только вѣкъ доживать будемъ, вздыхая прошамшиль худой, сгорбленный старичекъ, притащившійся хлопотать о своемъ кормильцѣ-внуцѣ...

— Наши и то надѣсь къ посреднику ходили, толковали въ другомъ кружкѣ.

— Что-жъ ѣнъ?

— Говорить на откупъ идти надоть — лучше вишь чѣмъ оброби платить.

— Ну, а вы что-жъ?

— Да порѣшили старики: коли пятую копѣйку господа простать, такъ сходиться, а то остаться по старому.

— А мы вотъ и земель еще не развелись!

— Что такъ?

— Господа упорствуютъ! Наровать спихнуть насъ въ Большому верху, а мужички не соглашаются; вотъ и канителimsя. Рублевъ по пять съ души на прошенья собрали, а кто ѣ знаетъ, выйдетъ ли еще по нашему.

— Призводитель ѣдитъ, призводитель! слышалось вдругъ у наружной двери, и въ сѣняхъ на минуту все смолкло. Потомъ разомъ зашуршали коляные полушубки, зазвенѣли кресты съ мѣдными копоушками и изъ-за пазухъ, изъ кармановъ появились аккуратно сложенные прошенья.

У подъѣзда остановился возокъ. Изъ него вышелъ мужчина въ дорогой медвѣжьей шубѣ и военной фуражкѣ.

— Здорово! привѣтливо крикнулъ онъ, окидывая взглядомъ толпившихся около него просителей.

— Ваше прісходительство, вашеское благородіе, ваше графское сіятельство, голосили со всѣхъ сторонъ, и десятки рукъ съ бумагою разомъ протянулись на встрѣчу предводителя; а какая-то женщина упала на колѣни въ самыхъ дверяхъ, да расторопный сторожъ мигомъ подхватилъ ее за подпояску и очистилъ дорогу. Захвативъ, что было можно, предводитель скрылся за дверью, обитою зеленой клеенкой. Пріѣхали посредники; пріѣхалъ еще какой-то господинъ съ крестомъ на шеѣ и всѣ прошли въ ту же зеленую дверь. Вороненковъ, а за нимъ еще человекъ пять посмѣлѣе, такъ же сунулись-было въ

этой двери, но сторожъ погрозилъ имъ пальцемъ и обѣщалъ самъ позвать, когда будетъ надобность.—Куда-жъ теперь? спрашивали другъ друга взбудоражившіеся просители и молча разсаживались по сѣнямъ, въ тоскливомъ ожиданіи рѣшенія. Прохору досталось мѣстечко на дровахъ, подъ широкою каменною лѣстницей.—Вотъ и сѣзда дождалась, а что-то еще будетъ, подумалъ онъ, начиная вдругъ сомнѣваться въ успѣхѣ своего дѣла. Хромой говорить: въ губернію надо будетъ жалиться, коли тутъ не выгорить; а можетъ и здѣсь порѣшати: господа-то должно все такіе-жъ, утѣшилъ онъ самъ себя и сталъ прислушиваться въ разговоръ сосѣдей.

— А что-жъ малый, чугуна? нешто оттуда всѣ съ добромъ ворочались? Лѣтошнимъ годомъ у насъ человѣкъ двадцать ходили, да и посейчасъ все еще судятся.

— Почто такъ?

— Да такъ! Рядились-то у Степана Копстантинова въ кабацѣ; извѣстно, выпимши были; путемъ, можетъ, и не разслушали какія тамъ условія имъ вычитывали, а какъ пришли на мѣсто, работа-то вышла не подильная; ну, они задатки отжили да и ушли. Теперь подрядчикъ взыскиваетъ съ нихъ разные убытки...

— Они-бъ жалились!

— Вездѣ, малый, были; да не вышло отчего-то по ихнему.

— Разорились тоже не хуже пожара; почестъ всю скотинишку на зыски распродали.

— Мишинскіе полномочные! крикнулъ вдругъ сторожъ изъ дверей сѣзда.

Мужички заволновались.

— Кого это? Куда? Миховскихъ требуютъ. Слышь вы, оголтѣлые, Иванъ, Панкратъ, сполномочные наши, иди сюда, суетился тотъ изкрасна рыжій мужикъ, который обѣщался до министра ходоконъ наладить.

— Ну, ребята, обратился онъ къ своимъ, на минуту остановясь передъ дверью, смотри въ оба!

— Ты, Лявонъ, не зѣвай, а мы за тобою, дружно отозвались мужички, какъ будто они шли на медвѣдя.

— Мишинскіе? коротко спросилъ предводитель, когда уполномоченные появились передъ длиннымъ столомъ, по сторонамъ котораго сидѣли: Аверкій Семенычъ, другой посредникъ и членъ правительства съ орденомъ на шеѣ; самъ же предводитель помѣщался въ рѣзныхъ дубовыхъ креслахъ, подъ императорскимъ портретомъ.

— Села Мишина, бойко отвѣтилъ за всѣхъ Леонтъ.

— Ну, вотъ, ваше прошеніе оставлено съѣздомъ безъ удовлетворенія, объявилъ предводитель.

— Пожалуйте намъ скопію, мы дальше будемъ права на-ходить, отозвался снова Леонтъ.

Предводитель нахмурился.

— Ты прежде выслушай, сказалъ онъ сердито. Лишнихъ рекрутовъ вы не ставили и не ставите, а по числу долговыхъ частей приходится именно столько, сколько вамъ назначено.

Предводитель потребовалъ счеты.

— Вотъ смотрите, продолжалъ онъ, приготавлиаясь дѣлать выкладки: съ 340 душъ, за прежніе наборы приходится...

— У насъ только 290, перебилъ Леонтъ.

Предводитель вопросительно взглянулъ на посредника.

— Безъ Выглядаевки и Кукуевой — правда, удостовѣрилъ тотъ.

Предводитель отдвинулъ счеты, а задремавшій-было членъ правительства вдругъ встрепенулся и попросилъ объяснить дѣло.

— Село Мишино, съ деревнями Кукуевой и Выглядаевкой, началъ съ разстановкой посредникъ, составляютъ одно сельское общество, имѣютъ одного старосту и всѣ повинности отбываютъ за круговую порукой....

— Они и висятъ на нашей шеѣ, заговорили мужики. То дни барщинскіе за нихъ выхаживали, теперь оброки собираемъ, да, вотъ, и некрутчину опять мы же все справлять должны. Явите божескую милость, разберите эти дѣла по закону.

Мужики начали кланяться.

— Вся бѣда оттого, продолжалъ посредникъ, что въ обѣихъ деревняхъ, какъ выселкахъ главнаго имѣнія, нѣтъ большихъ семействъ и поэтому ставить рекрутовъ дѣйствительно приходится все имъ. Онъ указалъ на уполномоченныхъ.

— Докуда-жъ намъ страдать за нихъ, снова заголосили мужики, нѣсколько ободренные участіемъ посредника.

— А почему-жъ вы не распишитесь съ деревнями порознь? спросилъ предводитель.

— Мы со всей удовольствіей; сколько разовъ утруждали ихъ милость, да все говорить, будто....

Леонтъ взглянулъ на посредника и замаялся.

— Короче сказать, договорилъ уже посредникъ, они желаютъ раздѣлиться на три общества, а управляющій не соглашается и не подписываетъ приговоръ.

— Ну, стало быть и толковать объ этомъ нечего, рѣшилъ предводитель и кивнулъ просителямъ головой.

Мужики переглянулись.

— На чемъ же наше дѣло будетъ? спросилъ Леонть, когда посредникъ началъ читать жалобу какого-то Шебанова.

— Вы слышали, что вамъ сказано? строго спросилъ предводитель.

— Да это-то мы слышали, съ досадою выговорилъ Леонть, а болѣе стало ничего не будетъ?

— Ничего!

— Вотъ такъ порѣшили, насмѣшливо замѣтилъ одинъ изъ уполномоченныхъ, повертываясь къ двери.

— Мы естаго такъ не бросимъ; мы выше жалиться будемъ, толковали другіе, выходя изъ комнаты.

— Можно, я думаю, продолжать, предложилъ посредникъ, снова принимаясь за прошеніе Шебанова.

— Да тутъ что-то много написано, не лучше ли доложить, замѣтилъ Аверкій Семенычъ.

Посредникъ сталъ докладывать.

— Сельца Малаго Курина, крестьянинъ Иванъ Борисовъ Шебановъ жалуется, что сельское общество неправильно назначило его сына въ рекруты, такъ какъ этому сыну болѣе тридцати лѣтъ отъ рода. Жаловался онъ волостному сходу—но тотъ просьбы его не уважилъ, и, вотъ, теперь проситъ мировой съѣздъ освободить его отъ рекрутства.

— Только всего? недовѣрчиво спросилъ предводитель и, протянувъ къ себѣ кругомъ исписанный листъ, сталъ пробѣгать глазами.

«Но сельское наше общество, не вникая всемилоствѣйшаго манифеста, съ нарушеніемъ высочайше дарованныхъ законовъ и къ явному отягощенію моего семейства, назначило моего сына, моему по церковнымъ, метрическимъ книгамъ исполнилось тридцать лѣтъ отъ рожденія»... прочиталъ онъ въ слухъ.

— Будетъ вамъ заниматься этой повзвѣй, пишите прямо: постановили, сказалъ Аверкій Семенычъ.

Предводитель взялся за перо.

— Позвольте на минуту, тутъ есть маленькій фокусъ, оставилъ посредникъ, вытаскивая изъ портфеля новую бумагу.

— Дѣло вотъ какого рода, продолжалъ онъ:—три года назадъ мало-куринское общество такъ же ставило рекрута и такъ же назначено было семейство этого самаго Шебанова, но онъ упрямился, при первой очереди селенія, отбыть повинность безпреслововно. Вотъ теперь мужики и требуютъ, чтобы онъ очистилъ свой чередъ.

— По-моему это совершенно справедливо, высказалъ предводитель.

— Согласенъ; по кого же вы будете принимать въ рекрутскомъ присутствіи? спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Пусть ставитъ охотника; покупаетъ квитанцію!...

— Во-первыхъ, онъ не сдѣлаетъ этого потому, что его, какъ видно, ужъ вразумили на счетъ закона; а во-вторыхъ, у него одна только лошадь, и та назначена въ продажу по исполнительному листу судьи. Вы не можете себѣ представить до какого остервенѣнія дошли мужики, когда узнали, какъ ловко ихъ провели, пояснилъ посредникъ.

Крѣпко задумался мировой сѣздъ.

— Не возбудить ли, я полагалъ бы, вопроса, какъ-то боязливо предложилъ членъ.

— О чемъ? сколько было выпито вина, когда Шебановъ обманывалъ сходку, рѣзко замѣтилъ Аверкій Семенычъ.

Предводитель слегка поморщился; всѣмъ стало какъ-то не ловко.

— Рѣшайте, однако, господа; впереди еще дѣлъ много, напомнилъ посредникъ, приподымая толстую книгу прошений.

— Назначеніе Шебанова, какъ незаконное, отиѣнить, а сходку предоставить вѣдаться съ нимъ, какъ знаютъ, по закону. Согласны? обратился предводитель.

Всѣ кивнули утвердительно.

Жалоба Прохора вызвала долгія и оживленныя пренія. Затрогивался вопросъ о послугахъ, а это былъ камень преткновенія сѣзда. Александръ Потапычъ мучился по крайней мѣрѣ отъ того, что не зналъ, что написано объ этомъ предметѣ въ мужицкихъ законахъ; эти же господа, заматерѣвшіе въ ежедневномъ перевертываніи всевозможныхъ положеній и циркуляровъ — изнывали теперь отъ недоумѣнія, какой именно законъ приложить къ дѣлу. По внутреннему убѣжденію посредниковъ слѣдовало бы оставить службу безъ вниманія, такъ какъ ей давно уже кончился льготный срокъ, но внезапно одушевившійся членъ правительства приходилъ въ ужасъ отъ такого заключенія и усердно просилъ своихъ товарищей рѣшить дѣло не по тому закону, на который они ссылались, а по циркулярному разъясненію.

— Да вѣдь это разъясненіе прямо противорѣчитъ и духу, и буквѣ закона, упорно возражали ему противники.

— Какое намъ дѣло до противорѣчій, еще упорнѣе настаивалъ членъ. И положеніе, и циркуляры, и всякое вообще распоряженіе высшей инстанціи — все это законы, которые не-

обходимо исполнять буквально. Не поправится наше рѣшеніе губернскому присутствію — отмѣнять; мы перерѣшимъ по новому; но будемъ, по крайней мѣрѣ, правы; а стоитъ ли изъ-за какого-нибудь мужичьяго прошенія называть себя непріятности? Вы, кажется, знаете нашего губернатора, сейчасъ представить сенату — напомнилъ подъ конецъ членъ, рассчитывая на эту фразу, какъ на послѣднее надежное средство воздержать черезъ-чуръ было залиберальничавшихъ товарищей.

И въ самомъ дѣлѣ, споръ прекратился. Посредники тоскливо взглянули на предводителя: едва замѣтная улыбка скользила по его губамъ.

«Я-то, я-то, когда же попалъ въ чиновники?» съ удивленіемъ спрашивалъ онъ себя, благоразумно сознавая свое безсиліе передъ послѣднимъ доводомъ члена, и разсѣянно принялся жутить папиросу.

Засѣданіе было прервано. Аверкій Семенычъ съ другимъ посредникомъ вышли въ смежную комнату, а членъ тотчасъ же началъ подписывать прежніе журналы, и нѣсколько времени слышался только шелестъ перевортываемыхъ листовъ, да непріятный скрипъ засохнувшаго пера.

— Фу, пропасть какая, выговорилъ онъ наконецъ, отодвигая на средину стола толстую книгу.

— Одолѣли? спросилъ предводитель.

Членъ принужденно улыбнулся. Ему вдругъ представились тѣ безчисленные ухабы, по которымъ онъ только-что вырядъ цѣлые сутки, переѣзжая со вчерашняго мирового съѣзда изъ гор. О... въ нынѣшній; завтра ожидала та же работа по дорогѣ въ П...скій съѣздъ, и утомленное до изнеможенія тѣло настойчиво требовало отдыха. Онъ взглянулъ на часы: было половина одиннадцатаго.

— Долго еще будемъ сидѣть? спросилъ онъ зѣвая.

— А что, или спать пора? потягиваясь замѣтилъ предводитель, и велѣлъ пригласить посредниковъ.

Пришли; усѣлись; хотѣли-было опять ломать головы надъ прохоровой жалобой; да чтобъ не затягивать дѣла и не навлиять на себя непріятностей, сразу постановили: Никифора Прохорова, по уваженію послуги отмѣнить, а въ рекрутству привлечь Ивана Козлова.

— Довольны ли вы теперь? обратился предводитель въ члену, принимаясь писать резолюцію.

— Чтѣ-жъ прикажете дѣлать? мы обязаны исполнять указаніе высшей инстанціи лебезить тотъ, радуясь, что придуманное

наконецъ рѣшеніе вполне согласовалось съ мнѣніемъ губернатора.

На георгіевской колокольнѣ было полночь, когда стали разбѣжаться. Въ просторныхъ сѣняхъ было теперь пусто и холодно: просители давно уже разбрелись по постояннымъ дворамъ, вынуждаемые къ тому заботой о лошадяхъ и собственнымъ голодомъ.

О судьбѣ Ванятеи прежде другихъ узналъ Андрей Силычъ. Приѣхавши въ городъ для окончательныхъ расчетовъ съ сычевскимъ баринкомъ, онъ поневолѣ долженъ былъ опять обратиться къ Дорминдонту Иванычу, и отыскивая его по разнымъ трактирамъ, Силычъ встрѣтилъ въ одномъ изъ нихъ Михаила Саврасова, гуляющего съ охотникомъ. Андрей Силычъ и Михаилъ Саврасовъ оба слыли за богачей, оба пользовались почетомъ и вслѣдствіе того постоянно косились другъ на друга, завидуя одинъ другому поочередно.

Необходимость выручить сына отъ солдатчины сильно разстроивала денежные дѣла Саврасова, и на сторонѣ Силыча вдругъ оказывался значительный перевѣсъ; назначеніе же Ванятеи, по предположенію Саврасова, должно было растряссти и Силычевъ карманъ, такъ какъ, вѣроятно, старикъ застоитъ зятя охотникомъ, либо квитанціей. Съ этими мыслями онъ, пошатываясь, приблизился къ Силычу и радостно спросилъ его: по дѣламъ что-ль?

— Ужъ ли-жъ безъ дѣловъ, сухо отвѣтилъ тотъ, заглядывая по сторонамъ.

— А по какой, то-есть, части? приставакъ Саврасовъ.

— Наша забота, рѣзко и съ явнымъ уже неудовольствіемъ выговорилъ Андрей Силычъ.

— То-то; коли насчетъ охотника, такъ тутъ въ городѣ есть важнѣйшій, изъ мѣщанъ.

Силычъ сердито сдвинулъ брови и тронулся — было съ мѣста.

— Да ты не куражся; ты знаешь ли, что зятя твоего, хохловскаго, приѣхали вчера съѣздомъ въ ставку? насмѣшливо спросилъ Саврасовъ, загоразивая ему дорогу.

Андрей Силычъ слегка измѣнился въ лицѣ.

— Ты какъ провѣдалъ? почти вскрикнулъ онъ.

— При мнѣ нынѣ секретарь вычитывалъ рѣшеніе ихнему старостѣ; я, значить, водилъ туда охотника своего мѣрить. Коли желаешь наемника; али, можетъ, фитанецъ, тоже тутъ въ го-

родѣ у одной вдовы есть — семьсотъ серебра просить, добавилъ Саврасовъ.

Андрей Силычъ безсознательно тронулъ себя за лѣвый бокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у него былъ спрятанъ бумажникъ и молча повернулъ къ двери.

— Что-жъ ты? крикнулъ ему Саврасовъ; но Силычъ былъ уже на улицѣ. Онъ тотчасъ же отправился въ канцелярію съѣзда и собственными ушами убѣдился въ дѣйствительности назначенія Ванятеи.

— Какъ же теперь быть? спросилъ онъ секретаря.

— Можешь жаловаться губернскому присутствію, пояснилъ тотъ.

Силычъ задумался.

— Ну, а тамъ что-жъ? выговорилъ онъ.

— Можетъ быть отмѣнять, утѣшалъ секретарь.

— А если не отмѣнять?

— Тогда въ сенатъ!

Силычъ сомнительно покачалъ головой.

«До Бога высоко, до царя далеко, а вѣдь и тутъ тоже люди рѣшали», разсудилъ онъ, и замѣтивъ, что секретарь развертываетъ еще какую-то бумагу, молча отошелъ отъ стола.

— Вотъ надѣсь бабы толковали, что у нихъ каша изъ горшка вылѣзла; вотъ-те и вылѣзла, шепталъ Силычъ, затворяя стеклянную дверь подъѣзда. Теперь, видно, толкуй не толкуй, а зять будетъ солдатомъ, думалъ онъ, и воображенію его мгновенно представилась будущность дочери. Молодая бабенка, на второй годъ замужства, остается одна-одинешенька. Куда приклонить ей, сердечной, голову? къ какой семьѣ пріютиться?

Остаться батрачѣхой въ мужниномъ домѣ; съ утра до вечера кипѣть, какъ въ котлѣ, на безустанной работѣ и за все, про все отдуваться своими боками... Силычъ громко и протяжно охнулъ. А коли при себѣ-то оставить, какая же сласть будетъ? только развѣ скорѣй зажируетъ на вольномъ хлѣбѣ, мелькнуло-было дальше въ мысляхъ Силыча; но въ эту минуту едѣ-то близко раздались звуки гармоніи и визгливые женскіе голоса хрипло выкрикивали какую-то пѣсню. Силычъ едва успѣлъ посторониться, какъ мимо его пронеслись двое парныхъ извозчичьихъ саней.

Въ переднихъ стоялъ, съ возжами въ рукахъ, высокій, раздувшійся отъ перепоя молодецъ, поддерживаемый съ двухъ сторонъ разукрашенными сильфидами. Онъ немилосердно хлесталъ лошадей кнутомъ и ругался на всю улицу. Сзади ѣхалъ Михаилъ Саврасовъ съ какимъ-то оборваннымъ мѣщаниномъ.

— Гуляемъ! крикнулъ Саврасовъ такимъ отчаяннымъ голосомъ, что Силычъ даже вздрогнулъ и невольно прибавилъ шагъ. Изъ переулка, мимо полиціи, едва можно было продаться. Тутъ стоялъ возъ битой посуды и кругомъ его громадная толпа народа. Слышались разговоры объ удали охотника, который только-что прокатился по разставленнымъ на торгу горшкамъ и всѣ удивлялись хитрой, молодецкой выдумкѣ. Вотъ они каковы, эти охотники, съ ужасомъ заключилъ Силычъ, и чуть уже не бѣгомъ пустился на постоянный дворъ.

Собравъ насоро лошадь, онъ заѣхалъ на пути въ красную лавку и къ свѣту былъ дома. Катерина только-что истопила печь и домашніе усаживались завтракать, какъ въ избу неожиданно вошелъ Андрей Силычъ.

— Прибери лошадь, приказалъ онъ Петруньѣ.

Малый торопливо вышелъ. За нимъ выскочили невѣстки; Паранька тоже-было подвинулась къ двери, но Силычъ ее оставилъ.

— Ну, дѣвка, первѣ-на-первѣ не нюхаетъ; и ты, старуха, тоже, строго прибавилъ онъ взглянувъ на жену.

Катерина сразу похолодѣла; она уже предчувствовала что-то недоброе.

— Забрить порѣшили! коротко объявилъ онъ, не назвавъ даже того, къ кому относилось рѣшеніе.

Догадаться однако было не трудно.

Обѣ женщины испуганно переглянулись. Катерина однимъ прыжкомъ очутилась около дочери, охватила руками ея голову и глухо зарыдала. Силычъ хотѣлъ-было крикнуть, да голосъ-то вдругъ словно пропалъ у него, а когда слышалось причитанье, онъ только махнулъ рукою и тихонько перебрался въ свою горницу. «Бабѣ горе слезами выходитъ, незамай, наплачутся», рассудилъ онъ, сообразивъ наконецъ, что при такомъ важномъ дѣлѣ и нельзя даже иначе, а то еще добрые люди осудятъ....

Дошли слухи и до Матрены. Сначала она не повѣрила, но когда ей показали приказъ старшины, чтобы черезъ два дня представить Ванятку въ правленіе, баба грянулась на полъ и часа два лежала безъ памяти.

— Не отдамъ, хоть убей, не отдамъ, прошептала она наконецъ, дико озираясь по угламъ избы, а завидя сына, разомъ всеочила на ноги, повисла къ нему на шею и залилась горькими, сердечными слезами.

— Свѣтъ ты мой, сынушко, на то ли я тебя вспоила, на то ли я тебя вскармила, причитала Матрена, все крѣпче и крѣпче прижимаясь къ могучей груди любимого дѣтища.

— Полно, мамушка, полно; и въ солдатахъ тоже люди живутъ, утѣшай ее Ванятка, едва самъ сдерживая рыданія.

— Кто-жъ меня, убогую, при старости наблюдать будетъ; кто глазнышки мои закроетъ, желанный ты мой, Ванюшка? прибирала Матрена, начиная мало-по-малу переходить отъ первой бури отчаянія въ тихую, задумчивую грусть.

Приѣхали Силычъ съ Паранькой.

Появленіе свата мгновенно оживило Матрену надеждой. «Должно умилился», думала несчастная мать, снова мечтая о возможности выручить сына и съ трепетомъ ожидала рѣшенія. Ванятка такъ обрадовался женѣ, что даже забылъ поклониться тестю.

— Ты что-жъ скоро загордѣлъ, строго замѣтилъ Силычъ, положивъ одну руку на плечо зятя, и такъ сильно повернулъ его къ себѣ лицомъ, что тотъ даже пошатнулся.

— Прости, батюшка, моей дурости; добре бабѣ обрадовался, покорно проговорилъ Ванятка, кланаясь тестю въ поясъ.

— Теперь вотъ обрадовался, какъ готовую привезли, а не-что я тебѣ на позоръ дѣву давалъ? мягко, почти уже ласково продолжалъ Силычъ.

Ванятка молча потупился.

— Помилосердуй, сватушка; смилуйся надъ его несмышленностью, вступилась Матрена. Кланяйся Ванюшка, проси себѣ милости, дернула она сына за рубашку.

И старуха и парень низко наклонились.

— Ладно, ладно! Богъ васъ проститъ! Отдай мужу гостинчикъ, приказалъ Андрей Силычъ, обращаясь къ дочери.

Паранька положила на столъ узелокъ.

— Возьми себѣ, щеголай на здоровье, сказалъ Силычъ, развертывая передъ глазами удивленнаго Ванятки рубашку изъ красной александрійки и синіе нанковые шаровары.

— Самые солдатскіе, запинаясь выговорилъ парень, видимо желая улыбнуться и одолѣвъ только оскалить зубы. Онъ двинулся было къ столу, но Матрена заставила его собою.

Теперь ужъ стало ясно, съ какою милостью пожаловалъ сватушка, и злоба, неисходная, беспощадная злоба вдругъ охватила сердце обездоленной матери. Красная рубашка показалась ей зеленою, а Силычъ, тотъ самый Силычъ, передъ которымъ всегда трепетала Матрена — представился какою-то маленькой гадinou, которую ничего не стѣбитъ раздавить однимъ пальцемъ.

— На гостинчикъ мы васъ благодарствуемъ, а принять его не желаемъ, твердо выговорила она, подвигая узелокъ обратно къ Силычу.

— Ты что за птица? вскрикнулъ онъ, задыхаясь онъ неожиданнаго оскорбленія.

— Я мать моего дѣтища, а не птица, продолжала одушевляясь Матрена. Я его возростила, я его пожалѣю, я же его и награжу, чѣмъ подсылно будетъ, по нашему убожеству, а твоего богатства намъ ненужно; спрячь его про своихъ.

Силычъ злобно взглянулъ на Ванятку.

— Оставь, мамушка, свои рѣчи, кротко замѣтилъ тотъ, протягивая руку къ подаркамъ.

— Нишні, сынонь! Безъ материнскаго приказа не могли тронуть, пригрозила Матрена такимъ вѣщимъ голосомъ, что Ванятка даже попытался отъ стола, словно лежавшія на немъ вещи были зачумленные.

— Ахъ она у васъ совсѣмъ съ ума спатила? обратился Андрей Силычъ къ Ванятѣ и пошелъ изъ избы, будто не своими ногами.

— Кошей безсмертный, крикнула ему въ слѣдъ окончательно уже разсвирѣпѣвшая Матрена, и бросилась—было догонять свата, но къ счастью, Ванятка, вышедшій проводить теста, въ-время успѣлъ припереть дверь.

— Какъ же, батюшка, насчетъ ея-то прикажешь, спрашивалъ парень о женѣ, проходя деревнею.

— Не замай теперь при тебѣ побудеть, а тогда пришьешь.

— А нельзя ей хоть до осени тутъ отжить? спросилъ подумавъ Ванятка.

Паранька съ испугомъ покосилась на отца.

— Убрамшись-то, можетъ, брата женить стануть; ну, баба прибавится, продолжалъ парень, а лѣтомъ одной матери не управиться: у насъ три десятины ржи посѣяно.

— Да какая-жъ такая я на чужую семью работница, слезливо заголосила Паранька, начинавшая опасаться, чтобы отецъ и въ самомъ дѣлѣ не приказалъ ей остаться въ Хохловѣ.

Но Силычъ былъ твердъ на своемъ словѣ и объявилъ безъ разговоровъ, что не пуститъ своей дочери жить въ подданствѣ у этой кievской вѣдьмы.

За околицей остановились.

Силычъ досталъ кошель и вынулъ двѣ новенькія десятирублевки, отдалъ ихъ зятю.

— Отпиши тогда, какъ на мѣсто пригонять, наказывалъ онъ, я еще помогу; только не трать на вѣтеръ.

— Бабу-то пуще всего сохрани, просилъ въ свою очередь Ванятка, обнимая теста. Да не повинь, Христа ради, моихъ

стариковъ, коли нужда какая ихъ пристигнетъ, добавилъ онъ уже сквозь слезы.

— Тогда видно будетъ, уклончиво обѣщавъ Силычъ, дернувъ возжами.

Парень съ молодой вернулись домой.

Дверь избы была отворена; на полу валялся щербатый, дровяной топоръ, а около него въ лапшу изрубленные рубашка и шаровары.

— Ишь съ сердцовъ-то чего понадѣлала, качая головой замѣтилъ Ванятка, и сдвинулъ лоскутки ногой въ одну вучу.

Паранька чуть не заплакала—она пуще всего жалѣла о рубашкѣ; ужъ оченно цвѣтъ былъ ярокъ, такого, пожалуй, не скоро напасешься.

— Меня-то самого жаль ли тебѣ хоть крошечку? нѣжно спросилъ Ванятка, усаживаясь съ женой, за печкой, на подмостки.

Молодка близко придвинулась къ мужу и сама обвила его руку вокругъ своей бѣлой шеи.

— Жаль, что-ль? повторилъ парень, чувствуя вдругъ будто его обожгло съ того бока, къ которому прислонилась Паранька.

— А тебѣ? чуть слышно выговорила она, лукаво взглянувъ изъ подлобья.

Свѣтъ помутился въ очахъ парня. Онъ судорожно схватилъ жену за подбородокъ, приподнявъ ей голову лицомъ вверхъ и страстно прильнулъ губами къ ея горячимъ полуоткрытымъ губамъ. Ни упрековъ, ни объясненій, ничего не было между повздорившими супругами; все вончилось само собою, какъ будто никогда и не начиналось.... Въ сумеркахъ пришли Матрена съ Павлушей и едва добудились своихъ молодыхъ, крѣпко спавшихъ на полатахъ.

На другой день съ утра начались сборы и проводы. Убравши въ послѣдній разъ скотину и приготовивъ для себя сани, Ванятка отправился по деревнѣ прощаться. Въ каждомъ дворѣ принимали его, какъ дорогого гостя; сажали въ передній уголъ и потчивали чѣмъ Богъ послалъ, а потомъ вся деревня перебивала въ избѣ Матрены. Все тѣ же еще люди, все тѣ же еще стѣнны окружали Ванятку, но парню казалось будто даже вчера было все какъ-то иначе и сердце щемило при одной мысли, что это *вчера* никогда ужъ не вернется.—А что-жъ будетъ завтра? попробовалъ онъ спросить себя и придумалъ только, что завтра его остригутъ, какъ барана.

— Покушай себѣ, дитятео, останний разочекъ, поддержи свою душеньку, упрасивала Матрена Ванятку, когда собрали обѣдать; однако поддѣрживать себя только Павлуша, а больше никто и ложки въ руки не бралъ.

Поджидали-было Ерофея изъ дороги — но такъ и не дождались. Запрягли лошадей; вся деревня опять собралась къ Ваняткѣ: стали прощаться.

Теперь уже не одна мать отпускала своего сына, не одна жена разставалась съ своимъ мужемъ — здѣсь Хохловца провожала своего хохловца.

— Живъ буду, опять къ вамъ изворочусь, говорилъ Ванятка, цѣлуясь со всѣми поочередно.

— Пошли Богъ здоровья,... помоги тебѣ Господи, слышалось съ разныхъ сторонъ, и напутствуемый добрыми пожеланіями, Ванятка съ женой и матерью выбрался наконецъ за околицу.

И вотъ со всѣхъ почти деревень спасской волости разомъ двинулись некруты. Сборъ былъ назначенъ въ правленіи. Тутъ по русскому обычаю приготовлена была хлѣбъ-соль, и Ванятка пріѣхалъ уже къ самому угощенію. На длинномъ столѣ, покрытомъ чистой ширинкою, лежала цѣлая грудa ситныхъ пироговъ; въ комнатѣ сильно пахло водкой и жареной поросатиной. Платонъ Петровичъ съ отдатчикомъ исполняли обязанность хозяевъ и разсаживали гостей за столъ.

— Кушайте, господа, кушайте сколько кому желается, угощалъ Платонъ Петровичъ, радуясь, что всѣ назначенные въ ставку явились въ-время и стало быть дѣло обойдется безъ особыхъ хлопотъ.

— Ышьте, ребятушки, ѣшьте до сыта; въ нашей волости про всѣхъ хватить, говорилъ въ свою очередь отдатчикъ, обходя столъ съ огромной бутылкою.

— Намъ-то когда же? спрашивали толпившіеся у дверей провожатые.

— Всѣмъ хватить, всѣхъ ублачимъ, успокоивалъ ихъ отдатчикъ и началъ одѣлывать пирогами. По мѣрѣ того, какъ водка и красненькое переливалось въ стаканчики, а опорожненные стаканчики вновь наполнялись волостными хозяевами, гости становились говорливѣе и наконецъ поднялся такой гамъ, что Платонъ Петровичъ не шутя струсиль.

— Будетъ, господа, будетъ; пора въ дорогу, кричалъ онъ уже не начальническимъ голосомъ, а словно козла передразнивалъ.

— Шипучки подавай; безъ шипучки не поѣдемъ, бурлили

нѣкоторые изъ гожихъ, подзадоренные гулинскимъ солдатомъ, явившимся сюда провожать своего родственника.

— Что тутъ дѣлать? спрашивалъ въ недоумѣніи растерявшійся старшина, и опасаясь, чтобы изъ этакой малости не вышло какого разстройства, хотѣлъ-было послать къ Кузьмѣ Ивановичу просить бутылку шипучки; да, спасибо, отдатчикъ скоро одумался.

— Ваяи ихъ, ребята, когда бунтовать стали! крикнулъ онъ, винувшись съ своимъ кушакомъ къ главному зачинщику.

Озадаченные этимъ неожиданнымъ распоряженіемъ, мужики притихли, и Платонъ Петровичъ началъ ужъ безъ церемоніи выпроваживать лишнихъ гостей за дверь. На мѣсто ихъ хлынули бабы, остававшіяся до сихъ поръ въ сѣнцахъ и вдругъ началась такая голосьба, что даже у отдатчика мурашки по спинѣ забѣгали... Ванятка обнявъ одной рукой мать, — другой же ну и скорѣе кажется согласился бы умереть, только-бъ не разставаться; Паранька плакала навзрыдь, а на Матрену словно вдругъ столбнякъ нашель: ей казалось, будто у ней кто-то тупымъ ножомъ по сердцу пилить. Не слыхала она, какъ Ванятка сунулъ ей въ руки двѣ десятирублевки, подаренныя ему Силычемъ, какъ наказывалъ онъ истратить одну на братнину свадьбу, а другую — на домашнія нужды; Матрена даже и самого-то Ванятку путемъ не различала.

— Выходи, ребятушки, выходи, слышался наконецъ голосъ отдатчика, уже не въ первый разъ исполнявшаго эту обязанность и потомуправлявшаго всѣми порядками.

Вышли, разбрелись по санямъ и гужемъ потянулись въ городъ.

Можетъ еще забракують, утѣшали себя теперь тѣ, которымъ успѣли натоковать какими хитростями можно, будто бы, отдѣлаться отъ солдатчины; можетъ отиѣвнать, мечтали другіе, полагая всю надежду на какого-нибудь Александра Потапыча съ лохматымъ затылкомъ; авось не примутъ, думалъ и Ванятка; но думалъ такъ, просто, потому что ему этого хотѣлось.... Двоихъ молодцевъ дѣйствительно забраковали; у нихъ отъ лаптей были пальцы на ногахъ кривы; а Ванятка во всемъ оказался годенъ и пошелъ «служить царю-батюшкѣ»...

А. В.

ВОЗСОЕДИНЕНИЕ

УНИИ

Историческій очеркъ *).

V.

Въ то самое время, какъ правительство наше приводило въ осуществленіе систему постепеннаго приготовленія къ обращенію въ православіе всей массы унитскаго народа, и притомъ посредствомъ унитскаго же духовенства была пущена въ ходъ и другая система — обращенія отдѣльныхъ личностей изъ унитовъ и притомъ посредствомъ православнаго духовенства, даже посредствомъ дѣйствій и внушеній полицейской и вообще чиновничьей власти. Нѣтъ нужды доказывать, что та и другая изъ этихъ системъ были несогласны другъ съ другомъ. Первая имѣла въ виду постепенное, медленное перевоспитаніе всего унитскаго народонаселенія чрезъ самое унитское духовенство; другая считала бесполезнымъ ожиданіе общей готовности всей унитской массы къ принятію православія и находила хорошимъ дѣломъ заниматься частнымъ обращеніемъ нѣкоторыхъ лицъ изъ уніатовъ въ православіе и чрезъ этихъ прозелитовъ православія пропагандировать возсоединеніе съ православною церковію между массами унитскими. Каждая сторона считала свою систему болѣе цѣлесообразною и готова была другую упрекать въ недальновидности и даже въ неблаговидности. По крайней мѣрѣ одинъ изъ самыхъ жаркихъ сторонниковъ второй системы, епископъ Сма-

*) См. выше: апр. 606; іюнь, 588; іюль, 60 стр.

рагдѣ, въ своихъ донесеніяхъ синоду такъ выражался: «Напрасно полагають, якобы уніаты могутъ чинить безпокойства при обращеніи ихъ въ православіе, по крайней мѣрѣ по Витебской губерніи нашелъ я уніатовъ совершенно приготовленныхъ къ тому, и слышалъ, что еслибы скорѣе послѣдовало воззваніе отъ Синода, то всѣ оставили бы унію, которая поддерживается вредными для отечества всендзами. Одни они увѣряють въ с. - петербургской коллегіи, будто не пришло еще время къ обращенію, а когда посылаются туда для визитаціи, то тамъ на свободѣ еще болѣе укрѣпляютъ своихъ въ унитскихъ замыслахъ. Такъ, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, ревизовавшій въ прошедшую зиму уніатскіе монастыри, архимандритъ Жарскій, много повредилъ распространенію православія»¹⁾. Правительство наше одновременно слѣдовало той и другой системѣ. Съ цѣлю ускорить обращеніе всѣхъ уніатовъ посредствомъ частныхъ обращеній учрежденъ былъ подъ предсѣдательствомъ князя Голицына секретный комитетъ, состоявшій изъ московскаго митрополита Филарета, синодальнаго оберъ-прокурора кн. Мещерскаго и князя Кочубея.

Дѣйствіями этого комитета было перемѣщеніе епископовъ изъ четырехъ западныхъ губерній, именно: Могилевской, Волынской, Минской и Подольской. Прежде бывшіе въ этихъ епархіяхъ архіереи: Павелъ, Амвросій, Анатолій и Ксенофонтъ, замѣнены новыми: Гавріиломъ, Иннокентіемъ, Евгениемъ и Кирилломъ. Кромѣ того, въ самомъ центрѣ унитства — Полоцкѣ, открыта была православная епископія. Всѣмъ этимъ пяти архіереямъ сообщены были наставленія, въ которыхъ между прочимъ поставлялось имъ въ обязанность, по сношенію съ начальниками губерній, содѣйствовать въ ослабленіи непримѣтнымъ образомъ вреднаго вліянія римскаго духовенства и наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ, воспреещающихъ переходъ или совращеніе православныхъ и уніатовъ въ римско-католическую вѣру, не приступая ни въ какомъ по сему дѣйствіямъ безъ предварительнаго сношенія и совѣта съ губернаторами²⁾. Какъ православное духовенство, такъ и православные чиновники въ вышеприведенномъ наставленіи поняли намѣкъ или внушеніе правительства на необходимость приведенія въ исполненіе мѣры касательно частнаго обращенія нѣкоторыхъ лицъ унитскаго исповѣданія, и всячески старались показать въ этомъ случаѣ свое усердіе. Епископъ Смарагдъ преимущественно отличался ревностію въ обращеніи

¹⁾ Въ канц. об.-пр. Св. Сын. дѣло 1833 года объ открытіи полоцкой епархіи. *

²⁾ Тамъ же дѣло 1831 года, по высочайшему повелѣнію, о назначеніи нѣкоторыхъ архіереевъ въ западныхъ епархіяхъ.

уніатовъ въ православіе. Нужно замѣтить, что еще прежде, именно со времени закрыванія базилианскихъ монастырей начались частныя обращенія уніатовъ въ православіе. Эти обращенія усилились съ изгнаніемъ базилианъ изъ почаевской лавры и съ эпохи обращенія ея въ православный монастырь. Православные помѣщики и чиновники въ западныхъ нашихъ губерніяхъ соперничествовали съ православнымъ духовенствомъ въ дѣлѣ обращенія частныхъ лицъ унитскаго исповѣданія въ православіе. Такими мѣрами присоединено было отъ 1828-го до 1835-го до 50/т. уніатовъ, по большей части въ имѣніяхъ казенныхъ и принадлежащихъ православнымъ помѣщикамъ. Но система частнаго обращенія уніатовъ была несогласна съ планами и системою Блудова и Сѣмашки; въ этомъ случаѣ синодъ и Голицынъ дѣйствовали противоположно коллегіи греко-унитской и министерству внутреннихъ дѣлъ. Частныя обращенія уніатовъ вовсе не радовали Блудова и Сѣмашко. Блудовъ даже заявилъ это въ своей секретной запискѣ, предложенной имъ комитету, составленному по дѣлу обращенія уніатовъ. Въ этой запискѣ онъ между прочимъ писалъ слѣдующее: «Когда такимъ образомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ приготовлялись мѣры для успѣшнаго приведенія уніатскаго дѣла къ предполагаемой цѣли, православное духовенство, одушевленное ревностію и угадывая намѣренія Государя Императора, и нѣкоторые гражданскіе чиновники, тѣмъ же духомъ руководимые, избрали для достиженія той же цѣли повидимому кратчайшій и для всѣхъ болѣе понятный способъ, т.-е. частное обращеніе уніатовъ къ православію посредствомъ миссіонерскихъ, можетъ быть и полицейскихъ мѣръ. Успѣхъ однакожь присоединенія симъ образомъ около 50/т. уніатовъ, почти исключительно въ казенныхъ и русскими помѣщиками владѣемыхъ имѣніяхъ, несовершенно радовалъ министерство внутреннихъ дѣлъ. Не только оно считало обращеніе самаго народа безъ духовенства не вовсе надежнымъ и прочнымъ, не только ожидало, что успѣхи сіи не могутъ быть продолжительны и остановятся на селеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи помѣщиковъ поляковъ-католиковъ, для обузданія противодѣйствія коихъ нужны будутъ мѣры болѣе рѣзкія, но даже въ сихъ частныхъ присоединеніяхъ оно видѣло истинное препятствіе успѣху дѣла общаго присоединенія уніатовъ, по одобренному его императорскимъ величествомъ и въ теченіи болѣе уже шести лѣтъ исполняющемуся плану» ¹⁾.

Вредныя дѣйствія этой системы были весьма ясны: греко-унитское духовенство было возбуждено и приведено въ непріяз-

¹⁾ Секретная записка Блудова.

ненное отношеніе этими мѣрами къ православному духовенству; начали обнаруживаться признаки открытаго сопротивленія со стороны унитскаго духовенства мѣрамъ правительства, росла ровнь и непріязненность между представителями того и другого исповѣданія, столь вредная для дѣла общаго соединенія униатовъ съ православною церковію. Сдѣлались обыкновенными явленія въ родѣ слѣдующаго: греко-унитскіе прихожане села Городка, Мстиславскаго уѣзда, а также деревень Грязи, Дроздовки и Ключина, большею частію казенные крестьяне, числомъ всего 198 душъ мужскаго и 214 женскаго пола, приняли православіе, церковь съ ключами сдали православному священнику и затѣмъ испрашивали позволенія освятить церковь по православному; 19-го января 1836-го года назначено было освященіе, но когда приступлено было къ акту освященія, тогда унитскій дьячекъ мѣстечка Монастырщины и прихожане ближайшей унитской церкви, бывшіе дотолѣ прихожанами церкви городковской, крестьяне помѣщика Зуба и помѣщиковъ Кулаковъ, съ вольями въ рукахъ, съ крикомъ и ругательствами не допустили кончить священнодѣйствія, разлили воду, которая приготовлена была для освященія, не дозволяли идти въ церковь тѣмъ, которые хотѣли присутствовать при богослуженіи въ ней, церковнаго старосту таскали и били; священнодѣйствіе принуждены были прекратить, неокончивши его ¹⁾.

Польско-римская партія увидѣла намѣренія правительства и ополчилась самою дружною и плотною оппозиціей: епископы и епископы ихъ усилили пропаганду и свои миссіонерскіе походы между унитами и даже православными, помѣщики-поляки еще болѣе стали угнетать униатовъ и православныхъ, находившихся въ ихъ имѣніяхъ. Изъ многихъ случаевъ подобныхъ дѣйствій римскаго духовенства и поляковъ-помѣщиковъ мы расскажемъ здѣсь два - три. Въ Гродненской губерніи римское духовенство производило миссіи по разнымъ мѣстамъ, и преимущественно въ Слонимѣ, какъ болѣе центральномъ и народонаселенномъ пунктѣ. На этихъ миссіяхъ римскія церкви были полны и унитами, которыхъ тутъ исповѣдывали, но не приобщали, и которымъ бесплатно раздавалась особая печатная молитвенная книжечка. Эта книжка была на польскомъ языкѣ и была напечатана безъ одобренія цензуры; въ ней между прочимъ находилась пѣснь, гдѣ выражалась такая мысль, что надобно оставаться въ римской вѣрѣ, дабы душа могла достигнуть рая; что должно непоколебимо держаться вѣрованій римской церкви и тогда можно быть увѣреннымъ въ спа-

¹⁾ Въ канц. об.-пр. Св. Синод. дѣло 1836 года о безпорядкахъ, происшедшихъ въ селѣ Городкѣ, Мстиславскаго уѣзда, при освященіи бывшей унитской церкви.

сеніи; что, по словамъ ап. Павла, одинъ Богъ, одно крещеніе, одна вѣра, и эта самая вѣра находится въ той церкви, которой главою св. Петръ съ преемниками; что хотя считается много и другихъ вѣръ, но въ нихъ ни одинъ человѣкъ не можетъ быть спасенъ и погибнетъ; и что это все непреложная истина, потому что ее Богъ объявилъ своимъ вѣрнымъ ¹⁾. Цѣль подобныхъ внушеній слишкомъ ясна, чтобы указывать ее. Прибавьте къ этому торжественность служенія и вообще эффектность репрезентации, въ которой такъ искусно римское духовенство, — и вы поймете и измѣрите всю великость вреда этихъ миссій для униатовъ и для предполагаемаго и задуманнаго соединенія ихъ съ православною церковью.

Другой случай: минскій римско-католическій епископъ Липскій, во время пріѣзда своего въ неподлежащую его юрисдикціи бѣлорусскую епархію по частнымъ своимъ надобностямъ, именно для бракосочетанія родственника своего, уѣзднаго дворянскаго предводителя Липскаго съ дочерью помѣщика Кавецкаго, 6, 7, и 8 сентября въ Витебскѣ совершалъ торжественное служеніе въ приходскомъ костелѣ Фарѣ. Особенная торжественность такого служенія совмѣстно съ множествомъ съѣхавшихся есепдзовъ, соединенная съ совершеніемъ муропомазанія значительному множеству жителей всякаго возраста, пола и званія, произвела сильное вліяніе на мѣстныхъ жителей. По этому случаю не только униатскія, но и православныя церкви въ 8-е число сентября — день рождества Богородицы — были пусты, а муропомазаніе безъ всякаго разбора и разслѣдованія было преподаваемо не только католикамъ, но и унитамъ ²⁾.

Въ двухъ приведенныхъ случаяхъ мы видимъ самый тонкій образъ дѣйствованія римлянъ на умы униатовъ, а въ слѣдующемъ фактѣ, который мы представимъ, открывается уже явное насиліе. Такъ, въ Курляндской губерніи, Зельбургскомъ уѣздѣ помѣщика Комаровская, съ намѣреніемъ совратить крестьянъ своихъ греко-унитовъ въ католицизмъ и утвердить въ немъ уже совращенныхъ, запечатала копуловскую греко-унитскую церковь, состоящую въ ея имѣніи, и прекратила плату мѣстному унитскому священнику ³⁾. Мы представили только сотую долю изъ имѣющихся у насъ

¹⁾ Въ канц. об.-пр. Св. Синод. дѣло 1838 года, о совершаемыхъ римско-католическимъ духовенствомъ по Гродненской губерніи миссіяхъ.

²⁾ Тамъ же дѣло 1838 года, о торжественномъ богослуженіи въ Витебскѣ римско-католическаго епископа Липскаго съ совершеніемъ муропомазанія нѣкоторыхъ униатовъ.

³⁾ Тамъ же дѣло 1837 года, о самовольномъ запечатаніи помѣщицею Комаровскою состоящей въ имѣніи ея, Зельбургскомъ уѣздѣ, Копуловской греко-унитской церкви.

подъ рунами фактовъ тайнаго и явнаго противодѣйствія римлянъ дѣлу воссоединенія уніатовъ, — противодѣйствія, возбужденнаго по преимуществу системою частныхъ обращеній уніатовъ въ православіе. Но и этихъ примѣровъ достаточно для доказательства несостоятельности этой системы. А потому Блудовъ былъ совершенно правъ, когда въ секретной своей запискѣ утверждалъ, что «къ сожалѣнію предвидѣнное (имъ) часъ отъ часу болѣе сбывается. Хотя министерство и считаетъ преувеличенными нѣкоторыя опасенія бѣлорускаго мѣстнаго начальства, тѣмъ не менѣе однакожь очевидны вредныя послѣдствія совершившихся уже частныхъ присоединеній. Они сдѣлали слишкомъ явными намѣренія правительства, возбудили общее опасеніе и противудѣйствіе въ господствующей въ западныхъ областяхъ польско-католической партіи, поставили греко-россійское духовенство въ отношеніи къ уніатамъ во враждебномъ видѣ, возродили въ сихъ послѣднихъ опасеніе и недовѣрчивость къ совершающимся у нихъ преобразованіямъ, произвели взаимное раздраженіе, слишкомъ невыгодное для дальнѣйшихъ дѣйствій правительства»¹⁾. Правительство наконецъ должно было понять всю опасность, происходящую отъ двухъ противоположныхъ системъ, и всю странность того положенія, въ которое поставленъ былъ имъ синодъ по отношенію къ унитскому дѣлу. Высшее духовное начальство русской православной церкви было изолировано и удалено отъ совѣщаній по одному изъ самыхъ важныхъ церковно-религіозныхъ вопросовъ. Министръ русской полиціи предпріимаетъ вопросъ о соединеніи двухъ церквей — унитской и православной, и ведетъ по этому дѣлу переговоры съ представителями унитской церкви, безъ всякаго участія въ немъ русскаго православнаго синода. Причинъ такого страннаго образа дѣйствій можно искать въ разныхъ обстоятельствахъ, даже въ господствовавшихъ въ то время воззрѣніяхъ на этотъ вопросъ тогдашнихъ государственныхъ людей, — воззрѣніяхъ, которыя въ настоящее время кажутся слишкомъ негосударственными и близорукими. Въ то время самые высшіе наши государственные мужи слишкомъ односторонне смотрѣли на унитскій вопросъ и думали разрѣшить его почти одними чисто полицейскими или административными мѣрами. По крайней мѣрѣ намъ положительно извѣстно, что предсѣдатель государственнаго совѣта Новосильцевъ, почитавшійся въ свое время человѣкомъ съ государственнымъ умомъ, такъ легкомысленно, чтобы не сказать болѣе, смотрѣлъ на дѣло унитское, что думалъ, что одного высочайшаго повелѣнія

¹⁾ Секретная записка Блудова.

объ уничтоженіи уніи достаточно будетъ для того, чтобы всѣ уніаты оставили унію и приняли православіе, и что всѣ разныя приготовленія въ постепенному сближенію унитской церкви съ православною лишняя трата времени и трудовъ. Можетъ быть, подобный взглядъ принадлежалъ и не одному Новосильцеву.

Хорошо, что у Блудова взглядъ на унитское дѣло былъ иной, чѣмъ у Новосильцева; хорошо, что Блудовъ яснѣе понималъ унитское дѣло и съ самаго почти начала его наклонялъ его такъ, чтобы оно стало предметомъ церковно-религіознымъ, а не однимъ административно-полицейскимъ. Впрочемъ, самыя событія уже показали всю невыгоду подобной системы. Блудовъ былъ настолько уменъ и настолько великодушно - благороденъ, что отказался отъ честолюбія быть одному предрѣшителемъ унитскаго вопроса, и въ 1835-мъ году исходатайствовалъ у Государя повелѣніе объ учрежденіи секретнаго комитета по унитскому вопросу. Мая 25-го 1835-го года состоялся слѣдующій секретный указъ:

«Государь Императоръ, въ отеческой заботливости своей о благѣ всѣхъ вѣрныхъ его подданныхъ, обращая постоянное вниманіе и на особенное положеніе въ имперіи уніатовъ, издревле русскихъ по языку и происхожденію, всегда изъявляя твердую свою волю, чтобы сія народность ихъ, неизмѣнившаяся въ теченіи столь долгаго времени, несмотря на событія вѣковъ минувшихъ, была во всѣхъ отношеніяхъ сохраняема и поддерживаема въ полной чистотѣ и неприкосновенности отъ всякаго чуждаго вліянія. Съ сею цѣлію были соображаемы и распоряженія по устройству церкви греко-унитской. Оными предназначено не допускать въ сей церкви дальнѣйшихъ произвольныхъ отступленій отъ сродныхъ уніатамъ обрядовъ русскаго богослуженія и церковныхъ установленій, устраняя по возможности введенныя въ оную прежде силою обстоятельствъ или своевољствомъ частныхъ лицъ новости, противныя духу сихъ коренныхъ между уніатами установленій церкви восточной, предоставленныхъ уніи самими буллами римскихъ первосвященниковъ.

«Дабы вѣрнѣе обезпечить дѣйствіе сихъ распоряженій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и предупредить недоразумѣнія и пререканія, которыя могли бы возникнуть между духовенствами греко-россійскимъ и уніатскимъ, государь императоръ призналъ за благо учредить особый комитетъ изъ духовныхъ лицъ греко-россійскаго и греко-унитскаго исповѣданія и нѣскольکو свѣтскихъ государственныхъ сановниковъ. Сей комитетъ, разсматривая предварительно всѣ принимаемыя по уніатскимъ дѣламъ мѣры, будетъ на-

блюдаютъ за точнымъ приведеніемъ ихъ въ дѣйство, представляя о важнѣйшихъ на высочайшее усмотрѣніе».

Членами этого секретнаго комитета назначены были: митрополитъ петербургскій Серафимъ, митрополитъ московскій Филаретъ, архіепископъ тверской Григорій, греко-унитскій митрополитъ Іосафатъ Булгакъ, литовскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, генераль-отъ-инфантеріи графъ Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ, статсъ-секретарь Танѣевъ, Блудовъ и синодальный оберъ-прокуроръ Нечасвъ, дѣлопроизводитель дѣйствительный статскій совѣтникъ Ханьковъ ¹⁾.

Каждому изъ членовъ разсланы были копіи съ высочайшаго повелѣнія объ образованіи секретнаго комитета по унитскимъ дѣламъ. Засѣданія этого комитета происходили въ Александро-Невской лаврѣ, въ комнатахъ митрополита Серафима, и обыкновенно по вечерамъ, около 7-ми часовъ. Первое засѣданіе было 3-го іюля 1835 года; оно открылось чтеніемъ записки Блудова, заключавшей въ себѣ обзорѣніе всего сдѣланнаго по унитскому дѣлу съ 1827-го по 1835-й годъ. Вотъ содержаніе этой записки:

«Около полутора милліона подданныхъ его императорскаго величества, которые по особенностямъ своего вѣроисповѣданія заключаются подъ именемъ уніатовъ, по происхожденію и языку суть русскіе, а по своему церковному состоянію имѣютъ то достопримѣчательное отличіе отъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, пользующихся государственною вѣротерпимостію и покровительствомъ правительства, что до кореннымъ постановленіямъ своей церкви употребляютъ богослуженіе и обряды одинаковые съ церковью греко-россійскою. Сіи стихіи единства сей части государства и народа русскаго съ цѣлымъ не должны были остаться безъ вниманія, попеченія и охраненія со стороны правительства.

«Если каждому частному лицу принадлежитъ право самосохраненія; если даже на каждомъ лежитъ обязанность самосохраненія, то сіе право и сія обязанность еще съ большею силою простираются на государство и его жизнь. Есть случаи, въ которыхъ можно и должно пожертвовать жизнію и безопасностію частнаго для жизни и безопасности общественной, какъ меньшимъ благомъ для большаго; но государство должно исполнять законъ самосохраненія, сколько для своего общаго блага, столько же и для частнаго блага своихъ членовъ. Приложивъ сіи начала къ нынѣшнему состоянію уніатовъ, прави-

¹⁾ Указъ 1835 года 25 мая.

тельство не могло быть безпечнымъ зрителемъ съ теченіемъ времени усилившагося и уже преобладающаго посторонняго вліянія на уніатовъ, имѣющаго направленіе къ измѣненію ихъ языка и обычаевъ въ чуждые и слѣдственно къ поврежденію ихъ народности. Сіе постороннее вліяніе происходило отъ помѣщиковъ латинскаго исповѣданія и отъ духовенства того же исповѣданія. Что касается до помѣщиковъ, поелику они пользуются помѣстнымъ правомъ на основаніи государственныхъ законовъ, то вниманіе правительства должно было обратиться на то, чтобы отвращать злоупотребленія сего права, клонящіяся во вреду русской народности и къ стѣсненію свободы вѣроисповѣданія, которое одинаково съ латинскимъ пользуется терпимостію и покровительствомъ отъ правительства.

«Что касается до латинскаго духовенства, оказалось, что вліяніе онаго на уніатовъ дѣйствовало въ явную противность кореннымъ постановленіямъ уніатской церкви и въ нарушеніе правъ ея; что высшее управленіе сей церкви привлечено было въ руки духовенства латинскаго, которое непрестанно усиливалось вводить въ нее постановленія и обряды ей чуждые; что уніатское духовное юношество воспитывалось въ польскихъ училищахъ; что духовенство уніатское ослабляемо было взятіемъ многихъ священниковъ къ римскимъ церквамъ; что все вело къ поработенію и поглощенію уніатовъ латинянами. При такомъ положеніи уніатовъ, государственное правительство руссiйское нашло себя обязаннымъ, какъ по долгу самосохраненія, употребить предосторожность противъ дальнѣйшаго поврежденія народности, такъ по долгу правосудія не предать одного изъ равныхъ вѣроисповѣданій преобладанію другого, но оказать преобладающему защитѣ, на основаніи принадлежащихъ ему правъ и коренныхъ его собственныхъ постановленій. Таковы суть начала и побужденія тѣхъ постановленій и распоряженій, которыя сдѣланы въ послѣднія семь лѣтъ для охраненія уніатовъ отъ посторонняго вліянія и которыя нынѣ предлагаются комитету.

«Между тѣмъ какъ министерство занималось дѣломъ охраненія уніатовъ отъ преобладанія латинскаго, въ послѣдніе три года открылось въ значительномъ числѣ оныхъ расположеніе присоединиться въ православному греко-руссiйскому исповѣданію. Законы государственные даютъ на сіе право сему вѣроисповѣданію, какъ господствующему. Слѣдственно надлежало предоставить сіе свободной рѣшимости желающихъ, съ соблюденіемъ порядка и безпристрастія. Опытъ показалъ въ сихъ новыхъ событіяхъ нѣкоторыя новыя затрудненія. Въ случаѣ присоединенія къ греко-руссiйской церкви уніатскаго прихода безъ мѣст-

наго духовенства естественно возбуждается ревность сего духовенства, и отношенія между симъ и греко-россійскимъ духовенствомъ становятся затруднительными. Затрудненіе должно быть еще больше, когда присоединяется къ господствующей церкви только большая или меньшая часть уніатскаго прихода, и отсюда происходитъ недоумѣніе о принадлежности приходской церкви. Изъ сихъ и подобныхъ затрудненій, рождающихся изъ существа дѣла, происходитъ для правительства новая обязанность предосторожности, чтобы дѣло мира и единства не сдѣлалось случаемъ къ нарушенію мира между духовенствомъ ближайшихъ между собою церквей и къ разстройству единства народныхъ чувствованій, при возбужденіи духа распри и раздраженія умовъ. Желаніемъ предупредить неблагопріятныя послѣдствія и въ сей части уніатскихъ дѣлъ высочайше воспріята мысль и самый составъ настоящаго комитета. Его величество призналъ за благо соединить въ немъ особъ высшаго изъ духовенства греко-россійскаго и уніатскаго, уповая воспользоваться ихъ познаніями для охраненія чистоты уніатской церкви и ихъ безпристрастіемъ для сохраненія взаимнаго мира между духовенствомъ столь близкихъ между собой церквей въ случаяхъ, которые бы могли повредить оному, и особъ изъ высшихъ государственныхъ сословій, чтобы съ попеченіемъ о чистотѣ вѣроисповѣданія соединить важное для государственной жизни попеченіе о сохраненіи природной народности въ той части русскаго племени, которая принадлежитъ къ исповѣданію уніатскому».

Вслѣдъ за прочтеніемъ этой записки слушаны были въ томъ же засѣданіи внесенныя министромъ внутреннихъ дѣлъ въ спискахъ постановленія и свѣдѣнія, относящіяся къ дѣламъ греко-унитскимъ, а именно: 1) высочайшій указъ сенату о греко-унитскомъ монашествѣ и объ учрежденіи училищъ для духовнаго греко-унитскаго юношества, 9-го октября 1827 года; 2) высочайшій указъ сенату касательно устройства правленія греко-унитской церкви, 22-го апрѣля 1828 года; 3) выписка изъ высочайше утвержденной 19-го августа 1828 года всеподданнѣйшей докладной записки главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій объ уставахъ и штатахъ для греко-унитскихъ духовныхъ учебныхъ заведеній; 4) высочайшій указъ главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій о порядкѣ избранія членовъ въ греко-унитскія консисторіи отъ духовенства бѣлаго и монашествующаго, 17-го октября 1828 года; 5) высочайше утвержденныя положенія комитета министровъ о распространеніи на дѣтей греко-унитскихъ свя-

щенниковъ и діаконѣ постановленій, изданныхъ для дѣтей священниковъ и діаконѣ православнаго исповѣданія, относительно опредѣленія ихъ въ военную и гражданскую службу и проч., 26-го января 1829 года; 6) донесеніе греко-унитской духовной коллегіи главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій отъ 29-го января 1829 года, о томъ, чтобы въ настоятели монастырей греко-унитскихъ были избираемы достойные и знающіе духовные; 7) высочайше утвержденная 15-го марта 1830 года всеподданнѣйшая докладная записка главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій объ отправленіи клириковъ греко-унитскихъ, кончившихъ курсъ ученія въ своихъ семинаріяхъ, для дальнѣйшаго окончательнаго усовершенствованія въ с.-петербургскую греко-россійскую духовную академію; 8) постановленіе греко-унитской духовной коллегіи о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ преподаваніи ученія въ греко-унитскихъ духовныхъ училищахъ и о введеніи въ оныя катихизиса, изданнаго св. синодомъ, 5-го іюля 1830 года; 9) донесеніе греко-унитской духовной коллегіи главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій отъ 9-го іюля 1830 года, о мѣрахъ къ предупреденію въ греко-унитской церкви отступленія отъ правилъ и обрядовъ церкви восточной; 10) высочайшій указъ министру внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ навсегда въ греко-унитскомъ монашествѣ званія провинціаловъ, 16-го февраля 1832 года; 11) высочайшее повелѣніе объ отмѣненіи права ктиторства по греко-унитскому обряду, 18-го апрѣля 1833 года; 12) донесеніе греко-унитской духовной коллегіи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 16-го октября 1833 года, о введеніи въ употребленіе въ литовской греко-унитской епархіи ставленныхъ грамотъ и присягъ по образцу, употребляемому въ греко-россійской церкви; 13) высочайшее повелѣніе о распространеніи на греко-унитскій обрядъ высочайшаго указа 6-го декабря 1829 года о способахъ къ улучшенію состоянія духовенства, 14-го декабря 1833 года; 14) постановленіе греко-унитской коллегіи и всѣхъ епископовъ сего обряда о мѣрахъ къ возстановленію въ церквахъ уніатскихъ богослуженія и внутренняго ихъ устройства по чину церкви восточной, 8-го февраля 1834 года; 15) высочайшее повелѣніе о воспрещеніи греко-унитскому духовенству служить въ римско-католическихъ церквахъ, 3-го апрѣля 1834 года; 16) выписка изъ представленія греко-унитской коллегіи министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 27-го іюня 1834 года, о нынѣшнемъ состояніи греко-унитскихъ учебныхъ заведеній. Въ то же время представлены были комитету статистическія таблицы о греко-унитскомъ ду-

ховенствѣ: бѣломъ и монашествующемъ. Это было, такъ сказать, посвященіе членовъ комитета въ то дѣло, которыхъ они должны заняться; первое ознакомленіе ихъ съ состояніемъ этого дѣла, а вмѣстѣ отчетъ Блудова о всей своей дѣятельности по унитскому дѣлу за все то время, когда это дѣло находилось въ его единственныхъ рукахъ, — отчетъ; изъ котораго члены должны были усмотрѣть, до какой полноты и зрѣлости доведено было Блудовымъ унитское дѣло въ промежутокъ времени отъ 1827 по 1835-й годъ, и что имъ предстоитъ теперь дѣлать.

По справедливости можно сказать, что все главное по унитскому дѣлу уже было сдѣлано Блудовымъ, всѣ мѣры, необходимыя для успѣха этого дѣла, были уже придуманы и приведены въ движеніе; оставалось только не прекращать, не извращать движенія этихъ мѣръ, пожалуй давать ускоренный и усиленный ходъ этому движенію, и больше ничего, — и тогда дѣло само собою придетъ къ желанному концу. Дѣйствительно, послѣдующіе годы, начиная съ 1835-го, посвящены были только развитію и осуществленію мѣръ Блудова. Засѣданія секретнаго комитета были не очень часты и преимущественно посвящены были слушанію записокъ Блудова о тѣхъ мѣрахъ, которыя имъ приняты были для успѣшнаго хода унитскаго дѣла. Этотъ промежутокъ времени, т. - е. съ 1835 по 1838-й годъ, посвященъ былъ также ближайшему ознакомленію духовенства унитскаго съ православнымъ, болѣе тѣсному сліянію одного съ другимъ и постепенному введенію перваго подъ одну систему управленія съ послѣднимъ, т. - е. подъ систему синодальнаго управленія. Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ, совершенныхъ въ концѣ 1835 года и началѣ 1836 года, и одною изъ первыхъ мѣръ къ введенію греко-унитовъ въ систему синодскаго управленія было подчиненіе греко-унитскихъ духовныхъ училищъ вѣдѣнію тогдашней комиссіи духовныхъ училищъ. Мы уже подробно говорили выше о тѣхъ побужденіяхъ, которыми руководствовалось правительство при введеніи этой мѣры, а также и о томъ, что послужило поводомъ къ такому важному шагу правительства въ унитскомъ дѣлѣ. Здѣсь опишемъ только то, въ какой формѣ явилась эта мѣра, именно: духовныя греко-унитскія училища подчинены вѣдѣнію комиссіи духовныхъ училищъ; въ тѣ засѣданія комиссіи духовныхъ училищъ, въ которыхъ имѣетъ быть разсуждаемо о дѣлахъ училищъ греко-унитскихъ, должны быть приглашаемы греко-унитскихъ черевей митрополитъ Іосафатъ и литовскій епископъ Іосифъ, для принятія участія въ сихъ дѣлахъ совокупно съ прочими членами комиссіи духовныхъ училищъ. Влудовъ вмѣстѣ съ оберъ-прокуроромъ св. синода Не-

чаевымъ составилъ правила о порядкѣ сношеній комиссіи духовныхъ училищъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и съ греко-унитскимъ начальствомъ. Правила эти были слѣдующія: а) всѣ предметы по управленію учебною частію греко-унитскаго духовнаго вѣдомства, поступавшіе доселѣ на разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, должны быть теперь представляемы на разрѣшеніе или утвержденіе комиссіи духовныхъ училищъ; б) по связи духовно-учебной части съ епархіальнымъ управленіемъ, которое остается по прежнему въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, комиссія въ потребныхъ случаяхъ должна сноситься чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, требуя его мнѣнія по онымъ, или сообщая ему о своихъ распоряженіяхъ для свѣдѣнія, о чемъ каждый разъ означаетъ въ журналахъ своихъ засѣданій; в) съ своей стороны министерство внутреннихъ дѣлъ распоряженія свои по греко-унитскому епархіальному управленію, имѣющія связь съ управленіемъ учебныхъ его заведеній, приводитъ въ дѣйство по предварительному сношенію съ комиссіею чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора; г) къ предметамъ этимъ особенно относится перемѣщеніе, назначеніе, награжденіе и удаленіе лицъ, соединяющихъ должности по той и другой частямъ, употребленіе капиталовъ, имѣющихъ неопредѣленныя по обѣимъ частямъ назначенія и тому подобныя. Это правила, касающіяся порядка сношеній комиссіи духовныхъ училищъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

А вотъ положеніе, опредѣляющее порядокъ сношеній комиссіи духовныхъ училищъ съ греко-унитскимъ духовнымъ начальствомъ:

а) Какъ унитскія учебныя заведенія образованы по уставамъ, изданнымъ для духовныхъ училищъ греко-россійскаго вѣдомства, то при поступленіи первыхъ подъ общее съ послѣдними завѣдываніе комиссіи духовныхъ училищъ, порядокъ сношеній ея съ непосредственнымъ начальствомъ унитскихъ учебныхъ заведеній надлежитъ согласовать съ порядкомъ, вышеозначенными уставами опредѣленнымъ. На семъ основаніи коллегія греко-унитская, сохраняя въ своей зависимости и учебную часть сего вѣдомства, будетъ мѣстомъ посредствующимъ между правленіями греко-унитскихъ семинарій и комиссіею, въ той самой степени, въ коей правленія греко-россійскихъ академій состоятъ въ отношеніи къ комиссіи и семинаріямъ. Но по уваженію къ тому, что въ комиссіи будутъ засѣдать высшіе сановники греко-унитскаго духовенства по дѣламъ, до училищъ сего вѣдомства относящимся, образъ сношеній ком-

миссін съ коллегією учреждается такимъ образомъ, что вмѣсто предписаній, которыя даются академическимъ правленіямъ отъ имени комиссін за подписаніемъ синодальнаго оберъ-прокурора (завѣдывающаго канцелярією и перепискою комиссін), будутъ сообщаться имъ въ коллегію выписки изъ журналовъ комиссін, за подписаніемъ правителя ея дѣлъ, для надлежащихъ распоряженій, или для свѣдѣнія. Коллегія съ своей стороны будетъ относиться въ комиссію представленіями.

б) По предметамъ менѣе важнымъ, или нетерпящимъ отлагательства, изъ комиссін непосредственно будутъ передаваться греко-унитскимъ епархіальнымъ начальникамъ, какъ присутствующимъ въ оной, копіи съ журналовъ, за подписью одного правителя дѣлъ, также какъ сіе соблюдается въ сношеніяхъ комиссін съ другими членами оной. Греко-унитскіе епархіальные начальники могутъ въ случаяхъ, неважныхъ, въ себѣ особенной важности, или нетерпящихъ отлагательства, входить въ комиссію прямо отъ себя донесеніями.

в) Въ тѣхъ случаяхъ, когда для дѣлъ, производящихся въ комиссін, нужны будутъ какія-либо свѣдѣнія, или справки, членъ комиссін, завѣдывающій ея канцелярією, сносится о томъ съ епархіальными начальниками, тѣмъ же порядкомъ, какъ онъ производитъ переписку съ греко-россійскими архіереями, т.-е. отношеніями, или же канцелярія комиссін сносится съ канцелярією коллегии и семинарскими правленіями запросами и сообщеніями. Въ семъ послѣднемъ случаѣ бумаги изъ канцеляріи комиссін отправляются за подписью правителя дѣлъ оной, подобно тому, какъ сія канцелярія сносится съ канцеляріями прочихъ присутственныхъ мѣстъ и правленіями семинарій греко-россійскихъ. Одновременно съ подчиненіемъ греко-унитскихъ духовныхъ училищъ комиссін духовныхъ училищъ секретный комитетъ положилъ: существующія постановленія о принятіи въ бѣлое духовенство греко-россійскаго исповѣданія лицъ податного состоянія и вольноотпущенныхъ распространить и на обрядъ греко-унитскій. Этимъ открылся способъ греко-унитамъ податного состоянія, знающимъ читать по-славянски, поступать въ причетническія должности. Мѣра эта современемъ должна была прекратиться, именно когда будетъ возможность снабжать унитскія церкви причетниками изъ дѣтей церковнослужителей или и священниковъ греко-унитскихъ, неоназавшихъ способности къ высшему образованію въ духовныхъ училищахъ.

Замѣчательнымъ событіемъ въ унитской церкви начался 1837-й годъ: въ половинѣ января явился указъ о завѣдываніи

всѣми духовными дѣлами греко-унитскаго исповѣданія обер-прокурору св. синода. Это былъ и еще новый шагъ со стороны правительства къ подведенію унитовъ подъ правленіе единообразное съ православными ¹⁾. Теперь Блудовъ сходилъ со сцены, а на его мѣсто выступалъ графъ Протасовъ. Мы достоверно знаемъ, что Блудовъ съ грустію и даже скорбію передавалъ дѣло унитское въ руки Протасова: онъ почиталъ себя организаторомъ этого дѣла, счастливымъ вождемъ его, ему хотѣлось бы быть и вершителемъ его судебъ; но вотъ теперь, когда оно уже такъ счастливо приближалось къ концу, другому счастливцу, не оравшему и не сѣявшему, предоставляется пожинать плоды, возрощенные и взлелѣянные постороннею рукою. Блудовъ въ откровенной бесѣдѣ съ однимъ изъ доверенныхъ ему лицъ сравнивалъ себя по этому случаю съ Кутузовымъ послѣ смоленскаго сраженія. «Со мною поступили, любезнѣйшій А. С., говорилъ онъ, такъ, какъ если бы у Кутузова отобрали и отняли званіе главнокомандующаго русскими войсками послѣ смоленскаго сраженія и какъ бы въ наказаніе за ту побѣду, которую онъ одержалъ надъ французскими войсками въ этомъ сраженіи». Дѣйствительно, ему тяжело было быть зрителемъ конца того дѣла, которое совершалось, двигалось и пришло къ концу его усилями. Онъ думалъ, что онъ останется дѣтелемъ и главою этого дѣла до самаго конца его; будетъ принимать главное участіе въ немъ и послѣ введенія его въ кругъ совѣщаній духовныхъ лицъ; но съ 1837-го года роль Блудова въ унитскомъ дѣлѣ дѣлается второстепенною, все значеніе переходитъ къ Протасову, хотя послѣдній входилъ въ чужой трудъ, былъ простымъ механическимъ работникомъ въ этомъ дѣлѣ. Но нужно согласиться, что самое свойство унитскаго дѣла, его характеръ болѣе церковный, чѣмъ полицейско-административный, требовали того, чтобы это дѣло перешло въ кругъ дѣятельности лицъ, стоящихъ у кормила церковнаго, а не оставалось въ сферѣ чисто полицейско-административной. Значеніе Протасова въ унитскомъ дѣлѣ создано помимо его намѣреній, само собою, самымъ постомъ Протасова и церковнымъ характеромъ унитскаго дѣла.

Мы сказали, что Протасову оставалось дѣлать не много въ этомъ дѣлѣ; но чтобы видѣть какъ смотрѣлъ на это дѣло самъ Протасовъ, для этого мы приводимъ въ подлинникѣ докладъ его государю: «Вступая по высочайшей волѣ вашего императорскаго величества въ управленіе духовными дѣлами греко-унитскаго исповѣданія, считаю долгомъ всеподданнѣйше пред-

1) Въ син. арх. въ отд. уніат. дѣло 1837 года кнѣ № 5.

ставить сеображенія мои насательно возлагаемой на меня обязанности сдѣйствовать къ исполненію предначертанной вами, всемилостивѣйшій государь, цѣли, — возвращенію уніатовъ въ нѣдра православной церкви, — подвигъ столь многотрудный, что и послѣ всѣхъ доселѣ бывшихъ распоряженій правительства къ сближенію обѣихъ исповѣданій представляется впереди еще весьма обширное поприще дѣятельности.

«Всѣ таковыя распоряженія, послѣ отдѣленія главнаго управленія греко-унитскихъ дѣлъ отъ римско-католическаго, могутъ быть отнесены къ четыремъ главнымъ родамъ: 1) возстановленію въ греко-унитской церкви древнихъ восточныхъ обрядовъ; 2) образованію греко-унитскаго юношества въ православномъ духѣ; 3) частному присоединенію уніатовъ къ православію и 4) воспрещенію переходить имъ въ римско-католическое исповѣданіе. Изъ сихъ мѣръ только первая, которая касается прямо самыхъ догматовъ, сопровождается лучшимъ успѣхомъ, хотя еще и она далеко не достигаетъ предполагаемой цѣли, такъ что до нынѣ еще только третья часть церквей снабжена иконостасами¹⁾, не говоря о другихъ необходимыхъ церковныхъ принадлежностяхъ.

«Вторая мѣра — образованіе юношества, безъ сомнѣнія самая надежная, но производимая лишь съ недавняго времени подъ наблюденіемъ комиссіи духовныхъ училищъ, можетъ быть полезна только для возрастающаго поколѣнія.

«Присоединеніе уніатовъ по частямъ, несмотря на ежедневные успѣхи, должно потребовать самаго долгаго времени: ибо въ западныхъ губерніяхъ остается еще болѣе полутора милліона уніатовъ. Сверхъ того, сія мѣра, за благоразумное исполненіе коей нельзя равно отвѣтствовать во всѣхъ губерніяхъ, сопровождается не рѣдко сильнымъ раздраженіемъ умовъ, которымъ успѣшно пользуются враги православія и Россіи.

«Воспрещеніе переходить уніатамъ въ римско-католическое исповѣданіе исполняется въ отношеніи къ взрослымъ безъ дальнѣйшихъ неудобствъ, но съ нѣкотораго времени оно оказывается безплоднымъ, когда уніаты, по внушенію католиковъ, тайно крестятъ новорожденныхъ дѣтей въ римско-католическое исповѣданіе.

«Все народонаселеніе уніатовъ состоитъ изъ простаго народа

¹⁾ Изъ 2590 церквей только въ 891 есть иконостасы: изъ нихъ 286 были изъ старинныя, 605 сдѣланы вновь. Но и этого довольно, по нашему мнѣнію, если только возьмемъ во вниманіе, что это сдѣлано въ продолженіи двухъ и даже менѣе годовъ, при самой невыгодной обстановкѣ дѣла, разумно самое упорное противоудѣйствіе поляковъ и ихъ духовенства, при козняхъ польской администраціи, при незнаніи дѣла со стороны греко-унитскаго духовенства.

и духовенства. При различіи въ степени образованности того и другого, нужны и различныя средства къ ихъ обращенію. Въ народѣ ничто такъ не дѣйствуетъ на умы, какъ наружность обрядовъ, слѣдовательно до тѣхъ поръ нельзя имѣть надежды на успѣшное присоединеніе всѣхъ уніатовъ, пока всѣ церкви ихъ не будутъ приведены въ совершенное сходство съ нашими, пока не устроятся повсемѣстно иконостасы и не замѣнятся органы церковнымъ пѣніемъ по восточному обряду; и то и другое требуетъ значительныхъ издержекъ и времени: послѣднее же средство потребуетъ еще и особеннаго приготовленія людей для званія причетниковъ, которые столь нужны, что если бы даже самыя церкви обратили въ православныя, то за недостаткомъ ~~ѣхъ~~ церковнослужителей они остались бы по необходимости безъ богослуженія по греко-восточному обряду. Нынѣ при каждой изъ греко-унитскихъ семинарій готовится по 20-ти и болѣе человекъ въ причетническія должности; но что значать они для 1500 церквей, доселѣ остающихся въ латинскомъ видѣ!

«Съ другой стороны, нельзя ожидать, чтобы греко-унитскіе священники по внутреннему убѣжденію присоединились къ православію, или по крайней мѣрѣ не противоудѣйствовали тайно видамъ правительства, пока между ними не умножится число людей, образованныхъ въ духѣ греко-восточномъ. Сіе число умножается съ каждымъ годомъ и современемъ конечно превзойдетъ число священниковъ прежняго образованія; но въ настоящее время число воспитываемаго въ греко-унитскихъ учебныхъ заведеніяхъ юношества вовсе несоразмѣрно съ числомъ греко-унитскихъ приходоу, которыхъ болѣе тысячи.

«Недостатокъ священниковъ, образованныхъ въ греко-восточномъ духѣ, могъ бы еще быть нѣсколько менѣе ощутителенъ при содѣйствіи надежныхъ благочинныхъ; но еще и сіи мѣста отчасти нуждаются въ такихъ людяхъ, которые содѣйствовали бы видамъ правительства съ тою же готовностью, какая замѣтна въ греко-унитскомъ епархіальномъ начальствѣ; между тѣмъ монастыри (гдѣ 300 человекъ монашествующихъ) состоятъ даже въ духѣ явнаго противорѣчія съ симъ послѣднимъ. Оттого многія распоряженія не исполняются; такъ, напр., разосланные по церквамъ для руководства служебники и другія книги московской печати остаются во многихъ мѣстахъ, какъ по дошедшимъ слухамъ подлинно извѣстно, безъ всякаго употребленія.

«Наконецъ, какія бы ни были усилія правительства къ распространенію православія между уніатами, все будетъ недостаточно, ежели при частныхъ присоединеніяхъ не употребятся

самыя надежныя средства къ воспрепятствованію тайнаго крещенія новорожденныхъ дѣтей въ римско-католическое исповѣданіе.

«Изъ вышеписаннаго слѣдуетъ, что для повсемѣстнаго присоединенія уніатовъ къ православію нужна со стороны греко-унитскаго управленія величайшая дѣятельность въ четырехъ главныхъ видахъ:

1) Привести наружность церквей и богослуженіе въ совершенное единообразіе съ православными.

2) Употребить вѣрныя средства къ воспрепятствованію уніатамъ переходить въ латинскій обрядъ и особенно крестить дѣтей по оному.

3) Приготовить достаточное число священниковъ въ нашемъ духѣ.

4) Всѣ мѣста настоятелей монастырскихъ и благочинныхъ наполнить людьми надежными.

«Здѣсь не говорится ни слова о возможно-лучшемъ направленіи дѣйствій православнаго епархіальнаго начальства, которое требуетъ особенныхъ соображеній.

«Пока всѣ означенныя мѣры не увѣнчаются полнымъ успѣхомъ, до тѣхъ поръ нельзя и приступить къ общему подчиненію уніатовъ православному духовенству: иначе подобное распоряженіе можетъ повлечь за собою бѣдственныя слѣдствія для народа, который, неубѣжденный, неприготовленный, не разстанется съ своими понятіями о вѣрѣ, будетъ поставленъ въ самое затруднительное состояніе внутренней борьбы между требованіями мѣрнопоподданческаго долга и неуспокоенной совѣсти и легко можетъ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ неблагонамѣренныхъ людей, кои безъ сомнѣнія найдутся между ихъ помѣщиками-католиками; ибо нельзя ожидать, чтобы даже и самыя надежныя изъ числа сихъ послѣднихъ были совершенно равнодушны къ дѣлу, противоположному ихъ религіознымъ убѣжденіямъ.

«Повергая на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества сіе мнѣніе, выведенное какъ изъ существа дѣла, такъ и изъ собственныхъ моихъ наблюденій во время частыхъ поѣздокъ въ западныя губерніи, я вмѣняю себѣ въ долгъ всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго утвержденія предположенныхъ мною мѣръ, до приведенія коихъ въ исполненіе необходимость требуетъ, чтобы заведеніе греко-унитскихъ дѣлъ оберъ-прокуроромъ св. синода происходило отдѣльно отъ православнаго вѣдомства.

«Когда всѣ сіи приготовительныя средства будутъ, при неуспѣшнхъ попеченіяхъ правительства, имѣть желаемый успѣхъ,

тогда сіе важное для церкви и государства дѣло общаго присоединенія уніатовъ произойдетъ какъ бы само собою, естественно, спокойно и прочно ¹⁾.)»

Докладъ Протасова былъ принятъ государемъ благосклонно, и вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ высочайшій указъ о воспрещеніи римскимъ священникамъ крестить дѣтей греко-унитовъ; также явилось высочайшее повелѣніе не рукополагать во священники тѣхъ греко-унитскихъ духовныхъ, которыхъ жены исповѣдуютъ латинскую вѣру.

Самыми крупными распоряженіями Протасова въ первый годъ его управленія греко-унитскими дѣлами были: 1) порученіе епископу Іосифу Сѣмашкѣ обозрѣть свою и часть бѣлорусской епархіи; 2) командированіе прокурора греко-унитской коллегіи Серно-Соловьевича въ унитскія епархіи для дознанія, какъ успѣшно приводятся въ исполненіе мѣры правительства относительно введенія православныхъ обрядовъ въ унитскихъ церквахъ. Преосвященный Іосифъ нашелъ въ удовлетворительномъ состояніи учебныя греко-унитскія заведенія и свидѣтельствовалъ, что успѣхи воспитанниковъ въ другихъ наукахъ соединены съ весьма удовлетворительнымъ знаніемъ русскаго языка, такъ что остается только желать, чтобы ученики могли болѣе привыкнуть къ правильному произношенію его. Что касается до устройства иконостасовъ въ унитскихъ церквахъ, то Іосифъ доносилъ, что еще въ 150-ти церквахъ бѣлорусской епархіи не было иконостасовъ. Для устраненія всякаго повода къ замедленію, онъ находилъ нужнымъ предоставить духовенству, гдѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ для иконостасовъ иконъ и пріобрѣсть ихъ вскорѣ невозможно, оставлять для такихъ иконъ мѣста, закрытыя приличною занавѣскою, впредь до пріобрѣтенія самыхъ иконъ; также снести съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ о принятіи дѣятельныхъ мѣръ, какъ для доставленія пособія къ устройству церквей со стороны помѣщиковъ, такъ и для устраненія вреднаго вліянія тѣхъ изъ нихъ, которые препятствуютъ успѣху сего дѣла тайными или явными средствами. Далѣе преосвященный Іосифъ писалъ: «какъ въ священникахъ, неустроившихъ до сихъ поръ своихъ церквей, необходимо должно предполагать или преступное снисхожденіе къ стороннимъ внушеніямъ, или недостатокъ ревности къ исполненію своего долга, или неспособность внушить своимъ прихожанамъ довѣренность къ распоряженіямъ начальства и возбудить ихъ усердіе къ исполненію таковыхъ, то всѣхъ священниковъ,

¹⁾ Въ канц. об.-пр. св. сн. докладъ Протасова 1837 года.

которые не устроить своихъ церквей въ назначенный шестимѣсячный срокъ, подвергать формальному суду и отрѣшать отъ приходовъ, а замѣщать таковыхъ священниковъ благонадежными изъ числа остающихся непристроенными, или управляющихъ малоприходными церквами ¹⁾.»

Такая строгая мѣра, придуманная Іосифомъ и принятая унитскою коллегіею, принесла плоды и имѣла значительное вліяніе на ускореніе дѣла по устройству иконостасовъ въ унитскихъ церквахъ: въ бѣлорусской епархіи вновь устроены были иконостасы въ 107-ти церквахъ, а въ литовской оставалось неустроенныхъ въ 1837-мъ году иконостасовъ только въ 73-хъ церквахъ, да и то по той причинѣ, что церкви эти нуждались въ предварительной капитальной починкѣ или отстройкѣ ²⁾. При этомъ также воспрещено было употребленіе органовъ въ унитскихъ церквахъ; они были или уже проданы, или разобраны по литовской епархіи; далѣе уничтожены амвоны, упразднены боковые престолы; алтари устроены по православному, такъ что престолъ находился посреди алтаря, а не у самой стѣны, какъ это бываетъ у римлянъ.

Протасовъ требовалъ отъ греко-унитской коллегіи, чтобы она дѣятельно заботилась о приведеніи унитскихъ церквей въ православный видъ; чтобы доставляла ему точныя свѣдѣнія о церквахъ по каждому благочинію, а именно: въ которыхъ церквахъ уже устроены давно иконостасы, въ которыхъ недавно, и въ которыхъ еще не устроены ³⁾. Всѣ эти распоряженія по своей энергичности весьма много подвигали дѣло унитское впередъ, особенно по внѣшнему устройству унитскихъ церквей.

Энергическія также мѣры приняты были ко введенію православныхъ богослужебниковъ въ унитскихъ церквахъ и изгнанію древне-унитскихъ. Такъ какъ нѣкоторые священники изъ подвѣдомаго Іосифу духовенства отправляли литургію по стариннымъ служебникамъ, а вновь разосланные служебники, апостолы и евангелія остаются безъ употребленія, то положено было, для введенія единообразнаго служенія по греко-унитскимъ церквамъ и для приученія унитскаго духовенства къ правильному произношенію богослужебнаго славянскаго языка, изъять изъ употребленія древніе унитскіе богослужебники и отобрать ихъ отъ

¹⁾ Въ синод. арх. дѣло 1837 года, объ обзорѣнн греко-унитскихъ епархій литовскимъ епископомъ Іосифомъ.

²⁾ Тамъ же, о приведеніи унитскихъ церквей въ первобытное положеніе по правиламъ греко-восточной церкви, объ устройствѣ иконостасовъ, о снабженіи ихъ утварью и богослужебными книгами.

³⁾ Тамъ же.

всѣхъ церквей. Отобранные служебники хранятъ при кафедральномъ соборѣ. Но встрѣтились препятствія къ безусловному исполненію этой мѣры: между унитскимъ духовенствомъ были нѣкоторые священники такіе, которые по слабымъ способностямъ и ограниченнымъ познаніямъ не въ состояніи были отвыкнуть вдругъ отъ прежнихъ служебниковъ и служить исправно по служебникамъ московской печати. Нужно было въ пользу такихъ сдѣлать исключеніе изъ правила: предоставлено было по усмотрѣнію благочинныхъ оставить для такихъ по одному изъ лучшихъ прежнихъ служебниковъ впредь, пока священники эти не будутъ достаточно обучены при кафедральномъ соборѣ или у самого благочиннаго. Ревизія пр. Іосифа имѣла вліяніе на обѣ унитскія епархіи, но не въ одинаковой мѣрѣ: она болѣе касалась литовской епархіи, чѣмъ бѣлорусской — въ послѣдней оставалось болѣе унитскаго, чѣмъ въ первой. Воздѣйствіе Протасова на бѣлорусскую епархію оказалось главнымъ образомъ послѣ ревизіи Серно-Соловьевича и доноса бѣлорусскаго генералъ-губернатора.

Соловьевичъ представилъ весьма печальную картину состоянія унитскихъ церквей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ: церкви эти представляли собою совершенный видъ церквей латинскихъ, на нихъ какъ бы ни мало не дѣйствовали всѣ законодательныя мѣры правительства. Такъ, по свидѣтельству Серно-Соловьевича, въ мѣстечкѣ Дудичахъ, Игуменскаго уѣзда, въ церкви, вмѣсто иконостаса, поставлена была только низенькая черная рѣшетка, имѣющая три довольно широкія двери, представляющія какъ бы царскія, сѣверныя и южныя; изъ алтаря она закрывалась краснымъ занавѣсомъ. На ней только два аршинные образа. При раскрытіи во время богослуженія всѣхъ дверей, совершенно становится незамѣтнымъ отдѣленіе алтаря отъ церкви этою рѣшеткою. Внутреннее устройство церкви также совершенно латинское, а именно: престолъ при стѣнѣ со всѣми украшеніями западной церкви, жертвенника нѣтъ вовсе, четыре боковые престола существуютъ и на нихъ отправляется богослуженіе шопотомъ, органы не упразднены, амвонъ, скамейки и пять конфессіоналовъ или мѣстъ, гдѣ священникъ слушаетъ исповѣди, существуютъ также на римско-католическій манеръ. «Въ сей церкви, продолжаетъ Соловьевичъ, есть чудотворный образъ Пресвятой-Дѣвы, къ которому стекается весьма значительное число богомольцевъ каждое первое воскресенье послѣ новолунія. Въ одно изъ нихъ, 25-го іюля, я посѣтилъ дудичскую церковь и посѣлъ къ богослуженію, которое совершалъ самъ настоятель, благочинный Бѣлиновичъ. Стеченіе народа было не-

обыкновенное и особенно потому, что въ эти именно дни бываетъ въ мѣстечкѣ ярмарка. По окончаніи литургіи, Бѣлиновичъ съ четырьмя другими прибывшими нарочно греко-унитскими священниками дѣлалъ обходъ вокругъ церкви. Всѣ они были въ римско-католическихъ облаченіяхъ; Бѣлиновичъ во время крестнаго хода несъ св. Дары по латинскому обычаю; при семъ случаѣ играли на органѣ, били въ бубны въ самой церкви и внѣ оной, звонили въ колокола и колокольчики, пѣли какіе-то псалмы на польскомъ языкѣ и русскомъ, но шумъ заглушалъ голоса. Богослуженіе отправляемо было и по напѣву и по дѣйствіямъ священника согласно съ западною церковію. Книгъ московской печати нѣтъ вовсе, исключая служебника, который кажется только для виду лежалъ на латинскомъ престолѣ на подушкѣ съ правой стороны, служба же совершалась по мпалу. Изъ утварей двѣ чаши, и вмѣсто дисковъ тарелочки, но чаши самыя маленькія, звѣздцъ нѣтъ, копыя тоже, просфоры при богослуженіи не употребляются, агнецъ же вырѣзывается изъ одного большого хлѣба и заготавливается однажды на довольно продолжительное время.

Въ шацкой церкви было то же, а въ заболотской и того хуже: «тамъ была, пишетъ Серно-Соловьевичъ, вмѣсто иконостаса одна только перегородка самой грубой работы, и нѣтъ ни одной иконы во всей церкви; престолъ латинскій, книги уніатскія, московскій же служебникъ у священника на дому для изученія, какъ онъ увѣряетъ; изъ священныхъ сосудовъ одна только чаша ¹⁾».

Обзоръ церквей греко-унитскихъ Соловьевичъ заключаетъ такъ: «Внутреннее устройство греко-унитскихъ церквей въ Минской губерніи не вездѣ отвѣчаетъ намѣренію и цѣли правительства. Многія церкви все еще не устроены, другія же хотя повидимому преобразованы по греко-восточному обряду, но неприлично, безобразно и какъ бы съ намѣреніемъ показать прихожанамъ пунѣшній видъ ихъ церкви съ невыгодной стороны. Престолы и жертвенники не имѣютъ приличной одежды, и во многихъ церквахъ только съ лицевой стороны одѣты, а прочія три стороны безъ всякаго облаченія. Богослуженіе не во всѣхъ церквахъ однообразно: въ иныхъ оно примѣнено болѣе къ церкви западной, въ другихъ же хотя и къ греко-восточному

¹⁾ Въ конц. об.-пр. св. снп. дѣло 1937 года, объ обзорѣннхъ бѣлорусской греко-унитской епархіи прокуроромъ греко-унитской Д. Коллегіи, и о представленныхъ имъ замѣчаніяхъ относительно церквей, духовенства и дѣлопроизводства по бѣлорусской консисторіи.

обряду, но неправильно, съ измѣненіями и отступленіями. Изъ книгъ московской печати одни только служебники и молебныя пѣнія находятся въ церквахъ; Евангелія же и Апостолъ еще не разосланы, равно какъ и дарохранительницы. Впрочемъ, и самые служебники не всѣми священниками употребляются, и богослуженіе совершается по мшаламъ и другимъ книгамъ почтаевской и виленской печати. Священники въ оправданіе свое представляютъ, что въ московскихъ служебникахъ не вполнѣ объясняются дѣйствія священника во время богослуженія, въ мшалахъ же они изъяснены подробнѣе, и притомъ, не имѣя книгъ Евангелія и Апостола, они принуждены пользоваться мшалами, въ которыхъ Евангеліе и Апостолъ положены на ряду ¹⁾».

Соловьевичъ представилъ Протасову и свои соображенія о томъ, какъ удобнѣе и успѣшнѣе достигнуть приведенія греко-унитскихъ церквей бѣлорусской епархіи въ православный видъ.

Соображенія эти Протасовымъ были приняты во вниманіе и приведены въ исполненіе. По важности своей они стоятъ того, чтобы познакомиться съ ними. Медленность въ устройствѣ греко-унитскихъ церквей по православному обряду происходила, по мнѣнію Серно-Соловьевича, съ одной стороны отъ общаго нерасположенія къ тому дворянъ и духовенства, а съ другой еще болѣе отъ незнанія, въ чемъ именно должно состоять таковое устройство. Греко-унитское духовенство, привыкшее считать свою церковь за одно съ римско-католическою, никогда повидимому не заботилось знать разность въ устройствѣ церквей восточнаго и западнаго обряда, да и теперь, при распоряженіяхъ о преобразованіи ихъ церквей, оно не входитъ въ сношеніе съ духовенствомъ православнымъ, отъ котораго могло бы заимствоваться наставленія къ надлежащему и правильному устройству своихъ церквей. Посему-то многіе греко-унитскіе священники считаютъ достаточнымъ, если въ ихъ церквахъ сдѣланы въ перегородкѣ или рѣшеткѣ царскія двери, сѣверныя и южныя двери, а престолъ поставленъ посрединѣ алтаря, и устроенъ жертвенникъ; и такимъ образомъ, полагая, что все уже сдѣлано, не стараются, чтобы алтарь отдѣленъ былъ отъ церкви приличнымъ иконостасомъ, означającym по самому смыслу слова составъ иконъ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ были иконы на стѣнахъ церкви и въ алтарѣ, которыя могли бы составить приличный иконостасъ, въ замѣнъ коего сдѣлана только простая перегородка или рѣшетка.

¹⁾ Тамъ же.

Таковая небрежность или невѣдѣніе въ устройствѣ иконостасовъ могли бы быть отвращены слѣдующими мѣрами:

а) Еслибы бѣлорусское епархіальное начальство обозрѣвало почаще само ли собою, или посредствомъ знающихъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ, ввѣренныя управленію его церкви, и личными замѣчаніями исправляло усмотрѣнные недостатки или отступленія. Сіе обозрѣніе, столь необходимое для епархіи бѣлорусской, не можетъ быть возложено на главнаго начальника сей епархіи, митрополита Іоасафата, и по преклонности лѣтъ его, и по званію предсѣдателя греко-унитской духовной коллегіи; но должно быть отнесено непосредственно къ обязанности викарнаго его оршанскаго епископа Василія. Сверхъ того, слѣдовало бы епископу Василю предоставить нѣкоторыя права въ епархіальномъ управленіи, ибо онъ не имѣетъ никакой инструкціи отъ митрополита. Посему не излишнимъ было бы предложить митрополиту, дабы онъ далъ ему столько власти, сколько признано будетъ нужнымъ въ настоящемъ положеніи греко-унитской церкви, чтобы онъ могъ дѣйствовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ самостоятельно и независимо отъ власти епархіальнаго архіерея, митрополита Іоасафата.

б) Если бы то же начальство вошло въ сношеніе съ православными архіереями тѣхъ губерній, въ которыхъ находятся греко-унитскія церкви, и тѣ потомъ сообщали бы уніатскому архіерею о всѣхъ отступленіяхъ отъ греко-восточнаго обряда, найденныхъ ими въ сихъ послѣднихъ церквахъ. Мѣра эта могла бы принести пользу сколько въ правильномъ преобразованіи греко-унитскихъ церквей, столько и въ томъ отношеніи, что греко-униты скорѣе ознакомились бы съ мыслию, что греко-россійская и греко-унитская церкви не разнствуютъ между собою. Но дабы посѣщеніе греко-россійскими архіереями греко-унитскихъ церквей не было принято за присоединеніе ихъ къ православію, нужно, чтобы греко-унитское епархіальное начальство предварило свою паству, что это дѣлается только по просьбѣ, и собственно лишь для того, чтобы съ большею правильностію привести греко-унитскія церкви въ первобытное ихъ устройство по греко-восточному обряду.

в) Какъ не всѣ греко-унитскіе священники знаютъ принятыя въ восточныхъ церквахъ правила къ устройству иконостасовъ, то для единообразія въ семъ дѣлѣ не худо было бы издать общіе образцы для составленія самыхъ простыхъ и дешевыхъ, но приличныхъ иконостасовъ для греко-унитскихъ церквей, предоставивъ духовенству и помѣщикамъ, буде пожелаютъ, и болѣе богатые по своимъ средствамъ и усердію.

г) Греко-унитскіе священники, совершавшіе доселѣ литургію не на пяти хлѣбахъ, не знаютъ правилъ проскомидіи и затрудняются, какъ нѣкоторые объяснили, изучиться сему изъ служебниковъ. Въ православныхъ церквахъ есть особые проскомидійные листы, которые весьма было бы полезно ввести и въ греко-унитскія церкви съ тѣмъ, чтобы они прибиты были подлѣ самаго жертвенника и служили всегдашнимъ руководствомъ священниковъ въ безошибочному совершенію проскомидіи. Для знаменованія просфоръ нужно бы дать во всѣ церкви печати. Листы и печати не составятъ значительнаго расхода.

д) Для введенія правильнаго и единообразнаго восточнаго служенія въ греко-унитскихъ церквахъ бѣлорусской епархіи было бы не бесполезно вызывать въ Полоцкъ, для пробы и наставленія при тамошнемъ кафедральномъ соборѣ, сперва благочинныхъ и ихъ помощниковъ, а потомъ и нѣкоторыхъ богатѣйшихъ приходовъ священниковъ съ тѣмъ, чтобы они могли быть руководителями и для другихъ. Но лучшими наставниками въ семъ дѣлѣ были бы православные священники, еслибы грекоунитское епархіальное начальство просило содѣйствія архіереевъ. Испытывать и образовывать дьячковъ нужно также въ Полоцкѣ, принявъ для сего тѣ же мѣры, какія введены въ епархіи литовской.

е) Вводя въ употребленіе книги московской печати, не должно оставлять въ церквахъ книгъ уніатскихъ; преосвященный Василій, обозрѣвъ нѣкоторыя церкви въ Бѣлоруссіи, забралъ изъ нихъ бывшіе тамъ мшаль; но число ихъ весьма незначительно. Посему для полнаго успѣха въ семъ дѣлѣ нужно бы сдѣлать общія распоряженія, чтобы консисторія, разсылая по церквамъ Евангелія и Апостолы, непременно требовала возврата всѣхъ вообще мшаловъ, которыхъ почти въ каждой церкви имѣется болѣе одного. Со введеніемъ же дарохранительницъ отбирала бы имѣющіяся нынѣ пушки, изъ которыхъ можно сдѣлать такое же употребленіе, какъ и изъ монстрацій. Сверхъ служебниковъ, Евангелій, Апостоловъ и книгъ молебныхъ пѣній, нужны при богослуженіи еще и другія книги.

Немногія церкви имѣютъ средства замѣнить употребляемыя нынѣ уніатскія книги московскими; но еслибы св. синодъ благоволилъ оказать снисхожденіе по крайней мѣрѣ бѣднѣйшимъ греко-унитскимъ церквамъ, разрѣшивъ уступить имъ нужное число книгъ по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ онѣ обходятся типографіи, то можно бы обязать каждую церковь приобрести книги московской печати въ замѣнъ нынѣшнихъ ¹⁾.

¹⁾ Вышеприведенное дѣло объ обозрѣніи греко-унитскихъ цервей бѣлорусской епархіи прокуроромъ греко-унитской Д. Коллегіи.

Бѣлорусскій генераль-губернаторъ почти одновременно съ донесеніемъ Серно-Соловьевича писалъ Протасову, что «почти въ глазахъ самого епархіальнаго бѣлорусскаго унитскаго начальства отправлялось богослуженіе въ унитскихъ церквахъ по латинскому, а не православному обряду. Такъ, напр.: священникъ борзновской церкви, лепельскаго уѣзда, Запалинскій, въ среду на страстной недѣлѣ служилъ литургію безъ цѣнія, по образцу латинской тихой мши, съ прислужникомъ, стоявшимъ на колѣняхъ, и съ волокольчикомъ. Священникъ, сопровождаемый тѣмъ прислужникомъ со свѣчею и звонящимъ безпрестанно въ волокольчикъ, подходилъ къ каждому изъ прихожанъ, стоявшихъ въ рядъ на колѣняхъ, а не прихожане подходили къ нему; при богослуженіи употребляемъ былъ не новый московской печати служебникъ, который предписано ввести во всѣхъ унитскихъ церквахъ, а старый унитскаго изданія, который, притомъ, по римскому обычаю переносимъ былъ на подушкѣ съ лѣвой стороны на правую; по окончаніи же литургіи, не было молитвы за Государя Императора и Августѣйшую фамилію. Сверхъ того оказывается, что въ сей церкви иконостасъ не устроенъ, престолъ придѣланъ плотно къ стѣнѣ и существуютъ скамейки для сидѣнія въ церкви ¹⁾».

Протасовъ, возбужденный ревизією Соловьевича и доносомъ бѣлорусскаго генераль-губернатора, поставлялъ на видъ унитской коллегіи такіе безпорядки въ унитской церкви; коллегія съ своей стороны въ строгихъ выраженіяхъ обращала на это вниманіе консисторіи, или лучше, главнаго начальника епархіи, митрополита Іоасафата, который писалъ въ свою очередь строгіе выговоры за эти безпорядки своей консисторіи и всему своему духовенству, грозилъ ему строгимъ наказаніемъ, однимъ словомъ, дѣлу сообщенъ былъ сильный толчекъ и дано ускоренное движеніе.

Старикъ Іоасафатъ Булгавъ волею или неволею долженъ былъ содѣйствовать преобразованію унитскихъ церквей въ своей епархіи въ православномъ духѣ; волею или неволею долженъ былъ обращаться къ своей паствѣ съ выговорами, укорами и угрозами.

«Неоднократно, писалъ онъ къ своей паствѣ, получая извѣстія объ ослушаніи священниковъ въ подвѣдомственной мнѣ епархіи высочайше утвержденнымъ постановленіемъ коллегіи и моимъ толикимъ по сему распоряженіямъ, для соблюденія при

¹⁾ Вышеприведенное дѣло о приведеніи унитскихъ церквей въ первобытное ихъ положеніе.

богослуженіи восточныхъ обрядовъ, я нѣсколько разъ предписывалъ консисторіи принять надлежащія мѣры къ отвращенію такового ослушанія; но моя заботливость въ этомъ благомъ намѣреніи и понынѣ не имѣетъ ожидаемаго успѣха! Къ чему таковая безпечность подвѣдомственнаго мнѣ духовенства клонится, для меня непонятно. Я не что иное полагаю причиною, какъ только слабое въ семъ мнѣ содѣйствіе консисторіи, которая, имѣя начальническую власть, не думаетъ понуждать подвѣдомственныхъ ей благочинныхъ къ поспѣшнѣйшему возстановленію обрядовъ и преобразованію церквей. Мнѣ удивительно, что въ нѣкоторыхъ церквахъ понынѣ не сдѣлано ни малѣйшаго устройства, тогда какъ еще въ 1834 году послѣдовали на сіе греко-унитской дух. коллегіи и мои распоряженія, и въ этомъ ослушаніи ничто не можетъ оправдать духовенство бѣлорусской епархіи. Соглашаюсь, что въ нѣкоторыхъ церквахъ по бѣдности оныхъ нельзя было устроить иконостасовъ, но поставить престолъ на своемъ мѣстѣ, придѣлать жертвенникъ, выбросить излишнія скамейки, устранить колокольчики, — всегда въ самобѣднѣйшей церкви и въ скорѣйшемъ времени можно было исполнить. Какое же теперь оправданіе поставить оная консисторія, не понудивъ подчиненныхъ ей духовныхъ лицъ къ исполненію того, что есть возможно? Я, столь отдаленный, могу ли видѣть таковыя опущенія и могу ли предпринимать во всякомъ случаѣ къ возстановленію ихъ мѣры? Консисторіи предоставлено исполненіе сего, и она, находясь въ средоточіи неисполнителей, видя все это, каковое, повторяю, можетъ принести оправданіе? Я въ послѣдній разъ поставляя все сіе на видъ консисторіи, предлагаю ей принять всевозможныя мѣры какъ къ поспѣшнѣйшему устройству греко-унитскихъ церквей, такъ и введенію греко-восточнаго богослуженія. Для предотвращенія при богослуженіи какихъ-либо несообразностей, предписываю ей, по примѣру литовской епархіи, вытребовать посредствомъ благочинныхъ всѣ изъ подвѣдомственныхъ имъ церквей служебники почаевской, виленской и супрасльскаго печатни, а оставить для единообразія одни лишь московскіе, каковыми, какъ полагаю, снабжена вся бѣлорусская епархія, и объявить подвѣдомственнымъ ей благочиннымъ, что за всякое отступленіе въ богослуженіи по онымъ будутъ подвергаемы строгому наказанію».

Предположенія и соображенія Соловьевича также и во всемъ своемъ объемѣ и во всей полнотѣ приложены были къ бѣлорусской епархіи. По распоряженію митрополита были вытребованы изъ Москвы 160 экземпляровъ Евангелій и 241 апостолъ, но это только на первый разъ, а потомъ прислапы были изъ

московской синодальной типографіи въ Полоцкѣ еще 252 Евангелія, 225 апостоловъ и 700 проскомидійныхъ листовъ. Заказаны были печати для знаменованія просфоръ въ тѣхъ церквахъ, которыя еще не имѣли этихъ печатей, разосланы были реестры церковныхъ вещей, необходимыхъ для всякой церкви; благочинные должны были по этимъ реестрамъ требовать отъ священниковъ церковныхъ утварей, и въ случаѣ неимѣнія ихъ на лицо, принять мѣры къ скорѣйшему приобрѣтенію ихъ. Но главный результатъ ревизіи Соловьева былъ тотъ, что пр. Василій получилъ большій кругъ дѣятельности, началъ болѣе вліять на бѣлорусскую епархію. Начались высылки благочинныхъ въ консисторію для приученія къ единообразному греко-восточному богослуженію; такимъ же образомъ высылали дьячковъ, для обученія которыхъ назначенъ былъ консисторіей особый учитель. Для точнаго и правильнаго руководства по устройству иконостасовъ разосланы были консисторіею по церквамъ формы или рисунки иконостасовъ. Потребованы были изъ Москвы еще 274 экземпляра Евангелій, 329 Апостоловъ. Чтобы устранить всякое препятствіе въ разсужденіи точнаго исполненія унитскими священниками греко-восточныхъ обрядовъ, пр. Василій распорядился такъ, что приказалъ раздавать Евангелія и Апостолъ въ каждую не только приходскую церковь, но и въ філіальную. А потому, кромѣ вышеприведеннаго числа Евангелій и Апостоловъ, онъ послалъ еще 412 Евангелій и 466 Апостоловъ, и проскомидійныхъ листовъ 561 для приходскихъ церквей и 126 для філіальныхъ, и наконецъ 12 для монастырей, всего 699. Такъ какъ у уніатскаго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, было сильное предубѣжденіе противъ употребленія въ литургіи ковшичковъ и блюдечковъ, — предубѣжденіе, доходившее до того, что, несмотря на всѣ настоянія пр. Василія, духовенство никакъ не соглашалось употреблять этихъ священныхъ вещей; то пр. Василій, предварительно запасшись этими предметами, отправился для осмотра унитскихъ церквей бѣлорусской епархіи, раздавалъ ихъ собственноручно священникамъ, которыхъ заставлялъ въ присутствіи своемъ служить литургію и употреблять всѣ эти вещи въ извѣстное время, а также вливать теплоту въ потиръ. Неограничиваясь этимъ, онъ, по отъѣздѣ своемъ, поручилъ секретно надежному человѣку наблюдать, употребляютъ ли священники при литургіи эти священныя вещи и вливаютъ ли теплоту. Благочиннымъ строго внушено было смотрѣть за этимъ; для чего они и вызваны были въ Полоцкѣ.

Интересно, при разсказываемыхъ нами событіяхъ въ унитской церкви, обратить также вниманіе на тѣ недоумѣнія, ко-

торыя возникали по унитскому дѣлу въ средѣ самой русской администраціи; нерѣдко власть духовная православнаго или унитскаго вѣдомства жаловалась на бездѣйствіе власти гражданской, послѣдняя въ свою очередь винила духовную власть; нерѣдко даже происходили размолвки или недоразумѣнія между представителями администраціи одного и того же вѣдомства, одного и того же круга. Изъ многихъ случаевъ мы здѣсь представимъ только нѣкоторые. Въ Минскѣ былъ въ эту эпоху гражданскимъ губернаторомъ князь Давыдовъ, пустая личность по умственнымъ способностямъ, а въ то же время надменнѣйшая. Этотъ князь жаловался Протасову на то, что духовенство унитское не исполнило одного его циркуляра, о которомъ онъ не потрудился увѣдомить епархіальное начальство, какъ оказалось впоследствии; что оно до приступленія къ устройству иконостасовъ не испросило распоряженія высшаго начальства о составленіи предварительно чертежей устраиваемымъ иконостасамъ; но еслибы духовное начальство ожидало составленія чертежей, то даже въ концѣ 1837-го года не могло быть начато это устройство, между тѣмъ какъ теперь оно въ это время приближалось къ концу. Тѣмъ не менѣе жалоба Давыдова возбудила переписку между Протасовымъ и Іосифомъ Сѣмашко, который былъ возмущенъ этимъ и высказывался довольно желчно и обращалъ обвиненія Давыдова, направленные противъ унитскаго епархіальнаго начальства, на самого Давыдова. «Еслибы я, писалъ онъ между прочимъ, столь же былъ легокъ на обвиненія, какъ князь Давыдовъ, то могъ бы таковыя обратить совершенно противу него самого. Другія губернскія начальства довольствовались пособіемъ по сему предмету епархіальному начальству соотвѣтственно поступающимъ отъ него отношеніямъ, князь же Давыдовъ, сдѣлавъ непосредственно отъ себя помянутый выше циркуляръ, полагалъ, видно, что уже не нужно никакое наблюденіе за чиновниками, къ которымъ этотъ циркуляръ относился, и даже сообщенія къ нему консисторіи касательно церквей еще нестроенныхъ ограничиваются отвѣтомъ, въ форму уже вошедшимъ, и то по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ: «что послано о томъ предписаніе какому-либо полицейскому чиновнику». Большая половина церквей литовской епархіи устроены заблаговременно безъ пособія со стороны гражданского начальства, на счетъ казенныхъ денегъ, а въ значительной части пожертвованіемъ самихъ священниковъ; устройство же небольшою числа оставшихся самыхъ бѣдныхъ церквей зависитъ отъ пособія, которое должно быть доставлено мѣстными владѣльцами, а доставленіе этого пособія зависитъ совершенно отъ понужденія гражданского начальства. Духовное

начальство здѣсь только можетъ требовать содѣйствія гражданскаго начальства, и эти требованія дѣлались неоднократно и дѣлаются. Впрочемъ, я уже выше изъяснилъ, что упомянутыя неустроенныя еще церкви требуютъ предварительной капитальной починки или даже новой постройки, и замедленіе здѣсь весьма извинительно для духовнаго ли, или гражданскаго начальства, и для меня вовсе не пріятно, что князь Давыдовъ, не вникнувъ хорошо въ дѣло, вмѣсто припятія мѣръ къ устраненію мѣстныхъ затрудненій, поставляетъ меня въ необходимость входить въ настоящіе полемическія объясненія, коихъ я старался избѣгать всѣми мѣрами во все управленіе литовскою епархіею, какъ бесполезныхъ и даже вредныхъ общему ходу дѣла¹⁾.

Бибиковъ вошелъ въ столкновеніе съ подвѣдомымъ ему военнымъ житомирскимъ губернаторомъ Масловымъ. Случаемъ къ этому столкновенію послужило распоряженіе Маслова, которымъ онъ принуждалъ всѣхъ владѣльцевъ имѣній въ унитскихъ приходяхъ и всѣхъ прихожанъ унитовъ въ семимѣсячный срокъ устроить унитскія церкви по православному. Бибиковъ, узнавши о такомъ распоряженіи Маслова, потребовалъ отъ него объясненія или изложенія тѣхъ основаній, которыя послужили поводомъ къ такому его распоряженію. Масловъ отвѣчалъ, что его распоряженіе основано на свѣдѣніяхъ, переданныхъ ему лично въ Петербургъ графомъ Протасовымъ, и что подобное же распоряженіе съ пользою введено уже и минскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Бибиковъ, помимо коего сдѣлалъ распоряженіе Масловъ, остановилъ это распоряженіе, а въ то же время обратился къ Протасову съ письмомъ, въ которомъ просилъ увѣдомить его, дѣйствительно ли Протасовъ давалъ совѣтъ Маслову употреблять принудительныя мѣры въ устройствѣ греко-унитскихъ церквей.

Отвѣтъ Протасова былъ довольно неясенъ. «Масловъ, писалъ Протасовъ, предъ отъѣздомъ своимъ къ мѣсту своего назначенія обращался ко мнѣ лично съ просьбою о снабженіи его нужными свѣдѣніями касательно состоянія греко-унитскихъ церквей въ губерніи ему ввѣренной, а также и касательно мѣръ, кои предпринимались къ устройствѣ оныхъ. Я не могъ отказать ему въ означенныхъ свѣдѣніяхъ, съ одной стороны потому, что они, предварительно ознакомивъ его съ симъ предметомъ, должны были быть ему весьма полезны для содѣйствія достиженію предположенной правительствомъ цѣли, а съ другой и потому, что

¹⁾ Въ канц. об.-пр. Св. Синод. дѣло 1837 года, по отношенію минскаго гражданскаго губернатора о причинахъ затрудненія по устройствѣ церквей во ввѣренной ему губерніи.

тогда кромѣ его не было другого главнаго начальника губерніи. Сообщенныя мною свѣдѣнія ему состояли въ вѣдомости о находящихся въ Волинской губерніи благочиніяхъ обѣихъ греко-унитскихъ епархій, въ списокъ вещамъ, нужнымъ для полнаго устройства каждой церкви по восточному обряду; въ указаніи важнѣйшихъ постановленій правительства по сему предмету, и наконецъ лично сообщено было ему, какія мѣры съ успѣхомъ предпринимаются по другимъ губерніямъ, особенно же по управленію виленскаго военнаго, гродненскаго, минскаго и бѣлостокскаго генераль-губернатора, гдѣ въ три года болѣе 900 церквей, имѣвшихъ латинскій видъ, снабжены иконостасами и всѣми прочими главнѣйшими принадлежностями древняго восточнаго устройства.

«Сообщивъ ему все, что отъ меня зависѣло, я не имѣлъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, что подобныя мѣры будутъ не иначе приведены въ дѣйствіе, какъ по примѣненіи къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, которыя въ каждой губерніи могутъ быть различны; еще менѣе могъ я усумниться въ томъ, что всѣ таковыя общія распоряженія будутъ зависѣть отъ утвержденія главнаго начальника губерніи, каковое званіе впослѣдствіи высочайше возложено на ваше превосходительство, и по той же причинѣ не имѣлъ повода извѣщать васъ, милостивый государь, о свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ лично генераль-маіору Маслову.

«Посему нынѣ отъ васъ. м. г., вполне зависитъ предпринимать по благоусмотрѣнію вашему нужныя распоряженія къ достиженію помянутой цѣли, которая совершенно извѣстна и вашему превосходительству.

«Если мѣра, съ пользою употребленная минскимъ гражданскимъ губернаторомъ и одобренная по мѣстнымъ обстоятельствамъ генераль-адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ, признается вашимъ превосходительствомъ неумѣстною и даже вредною въ губерніи Волинской, то о семъ всего лучше можете судить вы сами, м. г., по ближайшему знанію мѣстныхъ обстоятельствъ, равно какъ и о томъ, не произведетъ ли отиѣна циркулярнаго, уже разосланнаго предписанія, какихъ-либо невыгодныхъ въ пользу правительственной цѣли заключеній, и не ослабитъ ли она уже начатое дѣло преобразованія греко-унитскихъ церквей въ Волинской губерніи, тогда какъ въ дѣлахъ религіи особенно нужно со стороны правительства единство въ дѣйствіяхъ и постоянство въ стремленіи къ цѣли, которыя бы не давали мѣста разнообразнымъ толкамъ, питаемымъ въ народѣ людьми неблагонамѣренными».

Въ послѣднихъ словахъ Протасова слышался не легкій только намекъ, но и прямой укоръ Бибикову за его уничтоженіе рас-

пораженій Маслова; въ заключеніи же письма Протасова къ Бибиёву есть уже ясный и прямой выговоръ Бибиёву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и угроза. «Не входя въ рѣшеніе сего вопроса—благо-разумно ли было отмѣнять распоряженіе Маслова, — какъ относ-сящагося, говоритъ Протасовъ, собственно къ обязанности и от-вѣтственности мѣстнаго главнаго начальства, я долженъ ограни-читься однимъ лишь сообщеніемъ вашему превосходительству имѣющагося выпѣ вообще по вѣдомству дух. дѣлъ греко-унит-скаго исповѣданія сравнительнаго соображенія, изъ коего оказы-вается, что Волынская губернія, при ограниченномъ числѣ церквей греко-унитскихъ, далеко отстала въ дѣлѣ преобразованія отъ прочихъ губерній и особенно отъ Литовской и Минской, гдѣ, какъ я уже имѣлъ честь выше объяснить, болѣе 900 церквей вновь устроено въ три послѣдніе года. По сей причинѣ, оставаясь въ надеждѣ, что ваше превосходительство почтите меня извѣще-ніемъ о мѣрахъ, какія вы изволите предпринять въ замѣнъ отмѣненныхъ вами, я считаю между тѣмъ весьма нужнымъ поворѣтнѣе просить васъ, м. г., объ увѣдомленіи меня, сколько греко-унитскихъ церквей въ Волынской губерніи и какія именно не могутъ еще быть устроены по восточному обряду, дабы со-образивъ таковое свѣдѣніе съ поступившими отъ епархіальныхъ начальствъ, могъ я достовѣрнѣйшимъ образомъ означить сіе число въ вѣдомости объ устройствѣ греко-унитскихъ церквей, повременно представляемой на высочайшее усмотрѣніе¹⁾).

Между самыми духовными дѣятелями въ унитскомъ вопросѣ часто рождались недоумѣнія, недоувѣрчивость, чтобы не сказать еще чего гораздо худшаго. Нашъ православный епископъ галиційскій И., въ конфиденціальной своей перепискѣ съ Протасовымъ, между прочимъ сообщаетъ фактъ обнаружившейся холодности между Іосифомъ Сѣмашко и Лужинскимъ. «Много разъ, пишетъ И. Протасову, я совѣтовалъ Лужинскому писать вашему сіятельству откровенно обо всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; но онъ все боится пр. Іосифа, который не любитъ, чтобы дѣла шли мимо его. Съ тѣхъ поръ, какъ вы стали адресовать бумаги на имя Лужинскаго, онъ повеселѣлъ и сдѣлался ревностнѣе. Но вотъ странность: съ тѣхъ поръ пр. Іосифъ пересталъ писать къ нему, хотя на многіе важные предметы онъ просилъ разрѣшенія²⁾).

¹⁾ Въ канц. об.-пр. Св. Снн. дѣло 1838 года, о распоряженіяхъ военнаго гу-бернатора города Житомира относительно устройства греко-унитскихъ церквей по вѣренной ему губерніи, неодобренныхъ тамошнимъ генералъ-губернаторомъ.

²⁾ Въ канц. об.-пр. Св. Снн. дѣло 1838 года, объ уніатскомъ іеромонахѣ Іоасафатѣ Шавровскомъ.

Вотъ еще примѣры недоразумѣній, возникавшихъ между нашими административными дѣятелями по уніатскому вопросу. Епископъ полоцкій не одобрялъ той системы въ обращеніи уніатовъ къ православію, какой стало слѣдовать правительство съ 1835-го года, а особенно съ 1837-го года, т.-е. системы избѣжанія частныхъ обращеній и преимущественно при пособіи полицейскихъ мѣръ. Протасовъ по этому случаю писалъ ему: «Считаю не излишнимъ въ свѣдѣнію вашего преосвященства сообщить, что изъ получаемыхъ здѣсь съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ губерній свѣдѣній видно, что гдѣ менѣе было частныхъ, сопряженныхъ съ усиленіемъ земской полиціи, обращеній, тамъ вообще болѣе созрѣло дѣло общаго присоединенія къ православію, чрезъ простое приведеніе уніатскихъ церквей къ первобытнымъ восточнымъ обрядамъ, которое естественнымъ образомъ ослабило самую связь между римскимъ и уніатскимъ духовенствомъ.

«Ваше преосвященство отъ перемѣны въ системѣ дѣйствованія опасаетесь охлажденія усердія православныхъ къ распространенію православія, а равно неблагопріятныхъ толковъ со стороны римлянъ и уніатовъ. Но все сіе было бы важно, когда бы они могли замѣтить подобную перемѣну въ распоряженіяхъ одного и того же начальника. Нынѣ другой случай. Слухъ, будто бы предмѣстникъ вашъ перемѣщенъ за самовольныя дѣйствія, легко опровергается старшинствомъ ввѣренной ему епархіи, тогда какъ и въ Могилевѣ правительство имѣетъ нужду въ архіерее, способномъ для важнаго уніатскаго дѣла, а между тѣмъ тамошнія обстоятельства, отличныя отъ обстоятельствъ епархіи полоцкой, объясняютъ перемѣну и его дѣйствій. Если же вы, м. г. и архипастырь, не станете обращать съ своей стороны никакого вниманія на мнѣнія людей, не понимающихъ, или худо понимающихъ избранную правительствомъ стезю, и напротивъ того сами будете внушать всѣмъ, что уніаты издревле принадлежатъ церкви восточной и природному русскому населенію, въ такомъ случаѣ особенный вашъ образъ дѣйствованія, когда бы и былъ изъясняемъ ближайшимъ знаніемъ видовъ правительства, что также должно придавать вѣса всѣмъ вашимъ распоряженіямъ, ничто однакожъ не препятствуетъ приписывать новыя мѣры и личнымъ вашимъ достоинствамъ и наконецъ истинному духу православной церкви, которая чуждается дѣйствій подобныхъ тѣмъ, какими вводится и подкрѣпляема была унія во время польскаго правленія, и требуетъ отъ новообращенныхъ сердечнаго убѣжденія въ ея догматахъ. Должны ли же охлаждать вѣрныя, когда будутъ видѣть, что имъ предлагаются средства, сообразнѣйшія съ духомъ церкви, т.-е. миролюбивое обращеніе съ уніатами и непрестанное указываніе имъ на сходство

обрядовъ, языка, происхожденія, и даже на принадлежность ихъ къ одному вѣдомству съ православными, чѣмъ они отличены предъ римлянами, имѣя и другія предъ ними преимущества? Ежели къ сему присоединятся собственыя вашего преосвященства распоряженія, по согласію съ епископомъ Васи́ліемъ, сходныя съ мѣрами, принимаемыми въ минской епархіи, дозволеніе нашимъ священникамъ служить въ уніатскихъ церквахъ, приглашеніе уніатскихъ священниковъ для благодарственныхъ молебствій въ высокаторжественныя дни, и прочее тому подобное, что только вы, милостивый государь и архипастырь, найдете возможнымъ и приличнымъ, то нѣтъ сомнѣнія, что наконецъ и православные и уніаты станутъ смотрѣть другъ на друга совѣмъ иными глазами, къ неудовольствію, можетъ быть однихъ римлянъ, которые еще болѣе станутъ негодовать на уніатовъ, чѣмъ на православныхъ, и тѣмъ еще болѣе расположатъ первыхъ къ единодушію съ нами. Наконецъ, что касается могущихъ быть отъ инновѣрцевъ разглашеній, будто бы правительство не желаетъ распространенія православія и, что всего важнѣе, будто бы обращеннымъ въ оное дозволено будетъ по прежнему возвратиться въ унію, то, хотя нелѣпость подобныхъ толковъ, кажется и не требуетъ опроверженія, однакожъ въ случаѣ надобности можно противопоставить имъ сводъ законовъ, который долженъ быть достаточенъ для обузданія дерзкихъ и вразумленія легковѣрныхъ. Правительство чуждается только принудительныхъ мѣръ въ обращеніи, но всегда защищаетъ права господствующей церкви и свои.

«Всѣ сіи мысли, основанныя на существѣ дѣла и на соображеніи различныхъ обстоятельствъ его, сообщая вашему преосвященству, съ искреннимъ желаніемъ успѣха въ вашихъ распоряженіяхъ, чтобы высочайше ввѣренная вашему попеченію епархія исполнила ожиданіе августѣйшаго нашего Государя, къ чести благоразумнаго и просвѣщеннаго въ вашемъ лицѣ начальника» ¹⁾).

VI.

Между тѣмъ наступилъ послѣдній годъ въ исторіи уніи, рѣшительный и окончательный годъ въ ея судьбахъ — а именно, 1838-ой годъ.

По знаменательности фактовъ, совершившихся въ этотъ годъ, обилію событій этого года, мы должны остановиться на немъ особенно

¹⁾ Въ канц. об.-пр. Св. Сн. дѣло 1838 года, объ управленіи духовными дѣлами въ западныхъ губерніяхъ и о сближеніи уніатовъ съ православною церковью.

вниманіе наше и войти въ нѣкоторыя подробности. Начало этого года ознаменовалось фактомъ весьма благопріятнымъ для унитскаго дѣла: въ февралѣ этого года скончался унитскій митрополитъ Іоасафатъ Булгакъ.

Личность эта, если не была прямо враждебна дѣлу воссоединенія униатовъ съ православными, то и слишкомъ пассивна и вяла, чтобы принимать живое и энергическое участіе въ рѣшеніи унитскаго вопроса. На ускореніе его смерти, кажется, имѣло вліяніе одно обстоятельство: въ 1836-мъ году, когда съ особенною энергіею принялись за устройство унитскихъ церквей по православному обряду, латиняне и сторонники уни изъ среды самаго духовенства увидѣли совершенный переворотъ въ соединеніи унитской церкви съ православною, а потому дѣлали послѣднія усилія остановить дѣло соединенія, и болѣе фанатичные изъ нихъ прибѣгали къ самымъ эксцентричнымъ выходкамъ. Одинъ изъ такихъ фанатиковъ, нѣкто іеромонахъ и управляющій любовицкимъ греко-унитскимъ монастыремъ Іоасафатъ Шавровскій написать къ митрополиту унитскому Булгаку два письма самаго оскорбительнаго содержанія. Первое письмо начиналось такъ: «Не удивляйся, что я пишу къ тебѣ; я не рѣшался на это, но мнѣ три раза являлся св. Іоасафатъ и велѣлъ сказать тебѣ, «ты продалъ унию; ты не пастырь, а волкъ». Письмо заключалось такъ: «недаромъ ты называешься Булгакъ, — это на буллу гакъ». Письмо Шавровскаго написано было на трехъ листахъ на польскомъ языкѣ; оно до того смутило митрополита, что онъ трое сутокъ почти не ѣлъ и плакалъ. Содержаніе другого письма было слѣдующее: «Ты меня наказываешь; но на кого ты вооружаешься? Не на меня, а на св. Іоасафата! 1).»

Шавровскій роздалъ копіи съ своихъ писемъ разнымъ лицамъ и этимъ произвелъ самое вредное вліяніе: этимъ подрывался авторитетъ высшаго греко-унитскаго начальства и возбуждалась сильнѣе и безстрашнѣе дерзость нападенія на дѣло, такъ заботливо приготовляемое русскимъ правительствомъ; латинская партія оживилась надеждами, рукоплескала дерзкому поступку Шавровскаго, приняла его подъ свое покровительство; унитскіе священники поколебались въ своихъ мысляхъ и явно смутились; между ними образовалась партія, у которой родилось желаніе просить себѣ у правительства другихъ архіереевъ вмѣсто настоящихъ 2). Покровительство Шавровскому со стороны поляковъ и земской полиціи оказывалось съ самою возмутительною нагло-

1) Дѣло 1838 года о іеромонахѣ Іоасафатѣ Шавровскомъ.

2) Тамъ же.

стію; Булгакъ присудилъ послать Шавровскаго подъ строгій присмотръ березецкаго настоятеля; но Шавровскій подъ предложемъ болѣзни спокойно жилъ около двухъ лѣтъ въ домѣ польскаго помѣщика Піоро, Могилевской губерніи, Бабиновичскаго уѣзда; сношенія бѣлорусской греко-унитской консисторіи по этому предмету съ гражданскимъ начальствомъ не имѣли никакого успѣха, до тѣхъ поръ, пока Протасовъ не вошелъ въ прямыя сношенія съ губернаторомъ Дьяковымъ ¹⁾. Оскорбленіе, нанесенное митрополиту Шавровскимъ, возбужденное состояніе души при видѣ совершившихся важныхъ реформъ въ унитской церкви, потрясенное старостію и болѣзнями здоровье, — все это могло болѣе или менѣе ускорить смерть митрополита Іоасафата. Какъ бы то ни было, только смерть Іоасафата развязала руки нашему правительству, также и пр. Іосифу и Василию. Первый получилъ постъ предсѣдателя въ греко-унитской коллегіи, второй сдѣлался самостоятельнымъ правителемъ бѣлорусской епархіи. Дѣло унитское быстро пошло къ своему окончанію: въ Жировицы и Полоцкъ стали вызываться преосвященными Іосифомъ, Василиемъ и Антоніемъ унитскіе благочинные, а за ними и простые священники, которымъ открывались виды правительства касательно будущей судьбы унитской церкви, дѣлались внушенія, брались подписки въ желаніи ихъ принять православіе. Благодаря умѣнью преосв. Іосифа, Василия и Антонія, операція эта, какъ выражается Іосифъ въ письмѣ къ Протасову ²⁾, удалась прекрасно за весьма немногими исключеніями. Къ концу 1838 года литовская епархія уже почти вся готова была въ принятію православія: изъ 1057 человекъ бѣлаго и монашествующаго духовенства литовской епархіи 760 дали подписки, а оставалось не давшихъ 207 человекъ, изъ которыхъ 98 были монахи; въ бѣлорусской епархіи хотя изъ 680 человекъ дали подписки принять православіе только 186, а не давшихъ осталось 494 человека, изъ коихъ 84 были монахи, но за то давшіе подписки составляли все высшее и образованнѣйшее духовенство епархіи и, такъ сказать, всю нравственную силу его, а слѣдовательно могшее вліять на все прочее духовенство бѣлорусской епархіи.

Чтобы поставить и бѣлорусскую епархію въ положеніе болѣе благопріятное для воссоединенія съ православіемъ, придумана была мѣра такого рода: разрѣшено было начальству обѣ-

¹⁾ Дѣло 1838 года о іеромонахѣ Іоасафатѣ Шавровскомъ.

²⁾ Въ канц. об.-прокур. (в. синода) дѣло 1838 года о греко-унитскихъ священникахъ Вѣлостокской области.

ихъ унитскихъ епархій, по взаимному между собою сношенію, перемѣщать изъ одной епархіи въ другую, чѣмъ дана была возможность въ скорѣйшемъ времени наполнить бѣлорусскую епархію лицами благонадежными. При этомъ дано было позволеніе унитскимъ архіереямъ посылать священниковъ и монаховъ въ православные монастыри великороссійскихъ губерній, для ближайшаго узнанія греко-восточныхъ обрядовъ, съ тѣмъ, чтобы для лучшаго порядка находились они подъ непосредственнымъ начальствомъ архимандритовъ тѣхъ монастырей, въ кои будутъ посланы. Но что главное, такъ это то, что эту мѣру епархіальныя унитскія начальства могли прилагать или съ пользою употреблять въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, которыя въ средѣ унитскаго духовенства окажутся неблагонадежными и неповиующимися видамъ и намѣреніямъ правительства, и слѣдовательно присутствіе которыхъ въ западныхъ губерніяхъ сдѣлается вреднымъ. А чтобы духовное начальство находило болѣе содѣйствія со стороны гражданской, то Протасовъ испросилъ у государя позволеніе, отнести секретно къ генераль-губернаторамъ западныхъ губерній объ усугубленіи вообще мѣръ осторожности и бдительнаго надзора для предупрежденія малѣйшихъ безпорядковъ при предстоящемъ преобразованіи греко-унитской церкви и сближеніи ея съ православною, а особенно по тѣмъ уѣздамъ, которые были болѣе подвержены сильному влиянію римскаго духовенства и польскихъ помѣщиковъ, также о распоряженіи, чтобы отъ подчиненныхъ генераль-губернаторамъ мѣстъ и лицъ, вездѣ, по требованіямъ греко-унитскихъ епархіальныхъ начальствъ оказываемо было неувоснительно содѣйствіе, и преимущественно объ обращеніи строгаго вниманія на земскихъ исправниковъ, которые большею частью избираются изъ тамошнихъ уроженцевъ; наконецъ, объявить высочайшую волю, чтобы къ слѣдствіямъ по дѣламъ греко-унитскимъ были командировемы чиновники не только благонадежные, но и по возможности православнаго исповѣданія.

Мѣры эти были весьма необходимы при настоящихъ и даже будущихъ обстоятельствахъ унитскаго дѣла: если операція отобранія отъ унитскихъ священниковъ подписокъ въ желаніи ихъ присоединиться къ православной церкви вообще, по выраженію пр. Іосифа, шла весьма хорошо, то нельзя скрывать также и того, что были и нѣкоторыя исключенія; нельзя умолчать также и о томъ, что было возбуждено интригами латинянъ и поляковъ и движеніе среди унитскаго духовенства, враждебное дѣлу соединенія.

Одинъ случай такого движенія обнаружился въ литовской

епархіи, а другой въ бѣлорусской. Средоточіемъ враждебнаго движенія возсоединенію въ литовской епархіи была Бѣлостокская область. Въ этой области въ описываемую нами эпоху было 49 унитскихъ церквей. Когда викарій Іосифа Сѣмашко, брестскій епископъ Антоній Зубко сталъ отбирать отъ священниковъ Бѣлостокской области подписки о желаніи ихъ присоединиться къ православію, то изъ 49-ти священниковъ этой области 15 совершенно отказались дать подписки. Руководителями или главными зашищниками этого движенія оказались три человека: 1) протоіерей влещевской церкви Сосновскій, еще въ 1812-мъ г. взятый подъ арестъ и выведенный въ другія губерніи по политическимъ дѣламъ, слѣдовательно человекъ неблагонамѣренный болѣе въ политическомъ, чѣмъ въ религіозномъ отношеніи; 2) священникъ чижевской церкви Фавстъ Говорскій; 3) священникъ новоберцовской церкви Антоній Пенъковскій. Нужно замѣтить, что въ Бѣлостокской области унитское духовенство менѣе другихъ расположено было къ православію; пр. Іосифъ приписывалъ это тому обстоятельству, что главные мѣста по областному управленію занимаемы были унитами, совращенными въ латинство, и слѣдовательно вліявшими своими внушеніями и на духовенство. Сосѣдство съ латинскимъ духовенствомъ Польши, имѣющимъ свое управленіе, отдѣльное отъ управленія латинскимъ духовенствомъ имперіи и болѣе свободное и независимое, осталось не безъ вліянія на умы и поведеніе унитскаго духовенства Бѣлостокской области.

Въ описываемомъ нами поступкѣ нѣкоторыхъ унитскихъ духовныхъ это вліяніе латинянъ царства польскаго сказалось и подтверждено фактически. Пр. Іосифъ Сѣмашко въ донесеніи своемъ графу Протасову объ упомянутыхъ священникахъ, отказывавшихся дать подписки, прямо называетъ поступокъ этихъ священниковъ дѣйствіемъ латинской интриги, имѣвшей начало свое въ поступкѣ августовскаго римскаго епископа, который нѣсколькимъ изъ помянутыхъ священниковъ, бывшихъ на праздникъ въ годитовской унитской церкви царства польскаго, дѣлалъ разныя внушенія, раздавалъ какую-то книгу и особенно внушалъ держаться полгода, обѣщая въ это время какія-то перемѣны ¹⁾. Подъ вліяніемъ такого рода внушеній и образовалась въ средѣ духовенства унитскаго въ Бѣлостокской области партія, враждебная дѣлу возсоединенія съ православіемъ. Говорскій почти буквально повторялъ тестю своему, бѣльскому благо-

¹⁾ Въ канц. об.-прок. св. синода дѣло 1838 года о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области, жалующихся на стѣсненіе ихъ вѣры.

чинному, слова августовскаго латинскаго архіерея, когда говорилъ: «настоящее правительство не долговременно, и за наступленіемъ новаго всѣ священники опять возвратятся въ соединеніе съ римскою церковью». Ни убѣжденія епархіальнаго начальства, ни просьбы родныхъ не дѣйствовали на этихъ людей, нафанатизированныхъ латинянами; они не только не соглашались давать подписокъ, но и подали чрезъ шефа жандармовъ графа Бенкендорфа на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ просили защитить ихъ вѣру отъ гоненій и притѣсненій. Прошеніе это мы приводимъ здѣсь въ подлинникѣ, какъ интересный документъ въ исторіи униі:

«Страхъ господній, овладѣвъ сердцами насъ океаннхъ, поставилъ неустрасимыми на поприщѣ гоненія и скоропостижной смерти, въ полномъ увѣреніи, что за претерпѣваемыя нами въ столь просвѣщенномъ мірѣ преслѣдованія приобрѣтемъ неувыдаемый вѣнецъ славы, котораго еще не лишены мы въ священномъ царствованіи всемилостивѣйшаго нашего монарха Николая Павловича, покровителя и мощнаго защитника христіанской церкви, и надѣмся, во 1-хъ, что проникательный глазъ его императорскаго величества взглянетъ всею душою на приготовленную непоколебимымъ вѣрноподаннымъ своимъ греко-унитамъ одрѣ болѣзни, требуемыми обманнымъ способомъ подписками на счетъ измѣненія вѣры, исповѣдуемой нашими прародителями, подъ видомъ, что всѣ греко-униты добροхотно будтобы изъявили готовность принять соединеніе съ греко-россійскою церковью, какъ изъяснено въ представленныхъ намъ подпискахъ; и во 2-хъ, положивъ предѣлъ, котораго никто не поколеблетъ, обезпечить однажды навсегда спокойствіе и вселить въ вѣрноподанныхъ своихъ тишину, которою еще по сіе время наслаждаемся. Ради избѣжанія столь несчастнаго положенія, которое, терзая душевныя и тѣлесныя силы, сближаетъ къ смерти, жертвою коей пали непоколебимые свѣтильники вѣры, — священники: Іоаннъ Родкѣвичъ съ Любюды, Матѣей Барановскій, Николай Вѣрожицкій и Станиславъ Плышевскій. Поступили отъ нихъ убѣдительныя просьбы къ своимъ мѣстнымъ, какъ духовнымъ, такъ и гражданскимъ начальствамъ, но оставленіе безъ малѣйшаго вліянія какъ сихъ, такъ равно и нашихъ прошеній, основанныхъ на высочайшихъ его императорскаго величества манифестахъ и повелѣніяхъ, подало поводъ утруждать всемилостивѣйшаго нашего государя императора Николая Павловича и пролить къ нему слезное наше моленіе, дабы соизволилъ защитить насъ своею монаршею милостію, по уваженію, во-первыхъ, что двумя пунктами высочайшаго манифеста, изданнаго въ 15-й день октября

1807 года, увѣрены мы въ томъ, что исповѣданіе вѣры нашей сохранится ненарушимо; во-вторыхъ, свода законовъ тома I-го о правахъ верховной власти 45-ю статьею предоставлена свобода разнымъ иновѣрнымъ исповѣданіямъ, которой мы не лишаемся, и въ-третьихъ, статьею 73-ю тома XIV не дозволены господствующей церкви понудительныя средства при обращеніи иновѣрныхъ къ православію. Но поелику не удостоились мы получить еще монаршаго повелѣнія по сему предмету, изъ духовнаго же и гражданскаго начальства никто не внемлетъ сему,—можно ли разорать душевное и тѣлесное спокойствіе? Вѣстно ли духовному начальству распространять власть, которою духовенство казнить непреклонныхъ унитовъ и вселяетъ въ сердцахъ человѣческихъ вопль и стонъ народа, въ спокойномъ царствованіи великаго государя нашего императора Николая Павловича? А потому поставлены мы прибѣгнуть къ вашему сіятельству и покорнѣйше просить о представленіи сего несчастнаго положенія нашего на благоуваженіе покровителя и защитника христіанской вѣры, всемилостивѣйшаго нашего монарха; а мы увѣрены, что не оставитъ насъ безъ отеческаго своего повелѣнія и, вселивъ въ сердцахъ поколебленныхъ спокойствіе, не дозволить безъ утишенія представляться къ всего міра Судьи, который вѣдаетъ злыя и добрыя помышленія человѣческія¹⁾.

Подъ прошеніемъ подписались слѣдующія лица: 1) Настоятель гриневичской церкви въ Бѣлостокской области, священникъ Іоаннъ Имшенинъ; 2) настоятель кленицкой церкви, священникъ Іоаннъ Баньковский; 3) викарный той же церкви священникъ Василій Сѣвериновичъ; 4) священникъ бѣльской церкви Николай Гижевскій; 5) старшій соборный протоіерей греко-унитскаго клещелевскаго прихода, настоятель Антоній Сосновскій; 6) викарный священникъ клещелевскаго прихода Петръ Солощневичъ; 7) другой викарный того же прихода Іоаннъ Демьяновичъ; 8) бывшій настоятель миленчицкой церкви, священникъ Стефанъ Шомито; 9) настоятель корнинской церкви Симеонъ Козьминскій; 10) викарный его Левъ Козьминскій; 11) викарный чижевской церкви Филиппъ Шешко; 12) настоятель воскресенской бѣльской церкви Іоаннъ Лавриновичъ; 13) настоятель бранской церкви Ѳедоръ Михневичъ; 14) настоятель щитовской церкви, священникъ Михаилъ Баньковский и 15) настоятель бѣльской

¹⁾ Въ кавц. об.-прок. св. синода дѣло 1838 года о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области, жалующихся на стѣсненіе ихъ вѣры.—Списокъ съ²01-зываетъ къ виленьскому военному генералъ-губернатору брестскаго епископа Антонія, отъ 26-го августа 1838 года.

святотречистой церкви Антоній Гижевскій. Прошеніе это произвело большую тревогу въ правительственныхъ сферахъ, возбуждало недоразумѣнія между свѣтскими и духовными начальниками, увеличило опасенія за будущій успѣхъ унитскаго дѣла, вообще завязало оживленную переписку между княземъ Долгоруковымъ и епископомъ Антоніемъ Зубко и Сѣмашко, между Бенкендорфомъ, Протасовымъ, Долгоруковымъ, Лонгиновымъ и другими. Нужно сказать, что Антоній Зубко своимъ обращеніемъ въ генераль-губернатору Долгорукову за содѣйствіемъ по дѣлу бѣлостокскихъ священниковъ далъ случай этому расположенному къ латинству, какъ увѣряетъ Сѣмашко въ своихъ конфиденціальныхъ письмахъ къ Протасову, человѣку вмѣшаться въ это дѣло и затѣять переписку, въ которой дѣйствія Зубко и Сѣмашко представляются не совсѣмъ съ хорошей стороны. Впрочемъ, пр. Антонія можно извинить въ этомъ случаѣ тѣмъ, что нѣкоторые обстоятельства или лучше нѣкоторыя фразы, высказанныя нѣкоторыми изъ бѣлостокскихъ священниковъ, могли возбудить въ немъ мысль или подозрѣніе о присутствіи въ этомъ дѣлѣ элемента болѣе политическаго, чѣмъ религіознаго. Какъ бы то ни было, только Долгоруковъ, къ которому обратился Антоній за содѣйствіемъ, не одобрилъ распоряженій Антонія касательно отосланія священниковъ Говорскаго, Паньковскаго и Висѣвирскаго въ тороканскій монастырь и взятія Говорскаго въ полицейское вѣдомство, какъ сильно подозрѣваемаго въ участіи въ государственномъ преступленіи. Долгоруковъ обратился къ Антонію какъ бы съ выговоромъ за жестокое обращеніе его съ унитскими священниками, подавшими прошеніе на высочайшее имя, совѣтовалъ ему избѣгать фанатизма, т.-е. почти дѣлалъ выговоръ Антонію¹⁾. Недовольствуясь этимъ, Долгоруковъ обратился къ Протасову съ жалобою на дѣйствія Антонія, а частію и Сѣмашки.

«Брестскій греко-унитскій епископъ Антоній увѣдомилъ меня, писалъ Долгоруковъ Протасову, о полученномъ имъ донесеніи отъ бѣлскаго благочиннаго, что при увѣщаніи имъ зятя своего, священника чижевской церкви Фавста Говорскаго уклониться отъ неблагонамѣренныхъ духовныхъ лицъ, неизъявившихъ желанія дать подписку о присоединеніи къ греко-россійской церкви, Говорскій отозвался: «настоящее правительство не должно временно и, за наступленіемъ новаго, всѣ священники опять возвратятся въ соединеніе съ римскою церковью».

¹⁾ См. вышеприведенное дѣло о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области, жалующихся на стѣсненіе ихъ вѣры.

«Епископъ Антоній присовокупляетъ, что, по изъясненію упомянутого благочиннаго, подобныя разговоры случаются и между другими неблагонамѣренными священниками, сознавшими ему въ принесеніи государю императору всеподданнѣйшей жалобы на требованіе отъ нихъ упомянутыхъ подписокъ; что въ обнаруженію таковой неблагонамѣренности могъ бы быть принятъ въ руководство приложенный имъ, епископомъ, списокъ священникамъ, недавшимъ означенныхъ подписокъ; что шесть изъ сихъ священниковъ считаются болѣе неблагонадежными, и что священника Говорскаго, какъ сильно подозрѣваемого по участию въ государственномъ преступленіи, нужно бы взять въ полицейское вѣдомство, а между тѣмъ сей Говорскій, другъ его священникъ Паньковскій и священникъ Выѣкирскій отправлены имъ, епископомъ, въ тороканскій монастырь, состоящій Гродненской губерніи въ Кобринскомъ уѣздѣ.

«Препроводивъ копію съ упомянутого приложеннаго епископомъ Антоніемъ списка къ правителю Бѣлостокской области, я поручилъ ему немедленно распорядиться о произведеніи чрезъ благонадежнаго чиновника изысканія касательно показанной неблагонамѣренности священниковъ, съ тѣмъ, чтобы строжайшимъ и аккуратнѣйшимъ образомъ, но безъ малѣйшей огласки, обнаружено было свойство отзыва, сдѣланнаго священникомъ Говорскимъ бѣльскому благочинному, и чтобы это изысканіе представлено было мнѣ.

«Но съ распоряженіемъ епископа Антонія въ настоящемъ случаѣ я согласиться не могъ, не предполагая въ объясняемой бѣльскимъ благочиннымъ степени событій достаточнаго правдоподобія, ибо, при такой неблагонамѣренности духовныхъ лицъ, они конечно не обратились бы къ принесенію всеподданнѣйшей государю императору жалобы по предмету требованія отъ нихъ подписокъ; во 2-хъ, они безъ сомнѣнія отрекутся отъ произносимыхъ будто бы ими словъ, и тогда всѣ дѣйствія противу нихъ будутъ имѣть видъ совершеннаго гоненія за подачу просьбы.

«Сверхъ того, замѣченныхъ нынѣ неблагонамѣренныхъ священниковъ удобнѣе было бы удалить изъ мѣстъ пребыванія ихъ, вызвавъ всѣхъ таковыхъ подъ разными предлогами въ мѣстечко Жировицы, гдѣ находится епископъ и духовная консисторія, и замѣнивъ ихъ другими благонадежными лицами. Тѣ же мѣтры, кои употреблены нынѣ со стороны епископа Антонія, могутъ возбуждать только ожесточеніе и самое сопротивленіе. Епископу Антонію извѣстны были намѣренія мои, имѣющія цѣлю избѣгать, сколько возможно, всего того, что бы могло подать поводъ фанатизма, но что онъ самъ согласенъ былъ, а нынѣшнимъ дѣй-

ствіемъ не только онъ дастъ поводъ подозрѣвать таковой въ дѣйствіяхъ епархіальнаго начальства, но и возродитъ онъ въ противномъ смыслѣ,—и въ самыхъ духовныхъ.

«Таковыя мысли мои я теперь же сообщилъ епископу Антонію, извѣстивъ его, что если за всѣмъ тѣмъ найдетъ онъ полезнымъ передать священника Говорскаго въ вѣдомство полицейское, то отъ него зависить отнестись о томъ къ правителю Бѣлостокской области, или отозваться ко мнѣ съ первою почтою о истребованіи сего Говорскаго въ Вильну.

«О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ я нужнымъ счелъ увѣдомить ваше сіятельство, препровождая при семъ на ваше, милостивый государь, усмотрѣніе копію съ присланнаго ко мнѣ епископомъ Антоніемъ списка священникамъ, давшимъ подписки о присоединеніи къ православію, и несогласившимся дать оныя.

«Еще разъ не могу не повторить моего опасенія, что желаніемъ ускорить окончаніе столь важнаго дѣла и принятіемъ для сего сильныхъ мѣръ мы только отдалимся отъ достиженія цѣли и таковыми дѣйствіями можемъ возродить неисчислимыя препятствія и даже безпорядки. Въ религіозныхъ дѣлахъ мученическій вѣнецъ есть самая большая слава, а въ здѣшнемъ краѣ религіознымъ фанатизмомъ немедленно воспользуется и политическій. До сихъ поръ принятая система оправдалась своими послѣдствіями. Отчего не продолжать ее? На все сіе долгомъ считаю обратить вниманіе вашего сіятельства, и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить сообщить мнѣ въ руководство мысли ваши по сему предмету, ибо, не зная нынѣ намѣреній правительства по оному, я не могу имѣть надлежащей увѣренности въ дѣйствіяхъ моихъ».

Сѣмашко, къ которому присланы были и прошеніе бѣлостокскихъ священниковъ и письмо Долгорукова къ Протасову, долженъ былъ давать объясненіе какъ по прошенію, такъ и по письму. Вотъ что писалъ онъ по этому случаю Протасову: «Возвращая къ вашему сіятельству препровожденное ко мнѣ конфиденціально отношеніе къ вамъ князя Долгорукова, честь имѣю изъяснить слѣдующее: Пр. Зубко увѣдомилъ князя о священникахъ бѣлостокской области, отказавшихся дать требуемыя подписки, единственно потому, что подозрѣвалъ изъ указанныхъ имъ обстоятельствъ, не въ связи ли таковой отказъ съ какими-нибудь злоумышленіями, сторонними для духовнаго вѣдомства, и симъ, думаю, преосвященный исполнилъ долгъ свой. Если князь Долгоруковъ находилъ эту догадку неосновательною, стоить давать дальнѣйшій ходъ дѣлу съ его стороны. Остальныя разсужденія князя для меня не совершенно ясны; это кажется

происходить отъ недоумѣній его какъ относительно сущности уніатскаго дѣла, такъ и о собирающихся нынѣ подпискахъ.

«Система, называемая княземъ Долгоруковымъ *наша*, развилась постепенно, и вашему сіятельству извѣстно, что взятіе подписокъ есть простое послѣдствіе той же системы и необходимое условіе для приведенія въ дѣйство дальнѣйшихъ предположеній. Нужно было увѣриться въ греко-унитскомъ духовенствѣ. Операция эта, слава Богу, удалась прекрасно по литовской епархіи, и только остаются два благочинія, гдѣ не получено еще подписокъ почти отъ половины приходскаго духовенства, но и это, дасть Богъ, скоро поладимъ въ удовольствію князя Долгорукова.

«По Бѣлостокской области на 49 церквей не дали подписокъ только 15 изъ управляющихъ оными священниковъ. Сіи священники живутъ въ одномъ околоткѣ, и отказъ ихъ благочинному въ дачѣ подписокъ довольно похожъ на обдуманную интригу. Имѣетъ ли она начало между самимъ духовенствомъ, или происходитъ извнѣ, еще я не разобралъ хорошо, но могу только сказать, что въ дѣйствіяхъ по Бѣлостокской области я всегда встрѣчалъ болѣе затрудненій, нежели по другимъ мѣстамъ, и это я приписываю извѣстному вашему сіятельству обстоятельству, что главныя мѣста по областному управленію занимаютъ уніаты, совращенные въ римскій обрядъ. Впрочемъ приняты уже мною мѣры для устраненія дурныхъ послѣдствій: всѣ ненадежные священники вызываются по очереди въ Жировицы; двухъ изъ нихъ зачинщиковъ или лучше выставленныхъ впередъ скрытыми зачинщиками я отрѣшилъ отъ приходоу и помѣстилъ для наставленія въ монастырь, — это подѣйствуетъ на остальныхъ. Отправляемый мною въ Бѣльское благочиніе визитаторомъ вице-предсѣдатель Голубовичъ, думаю, поладитъ это дѣло по большей части на мѣстѣ. Но еслибы оказалось нужнымъ смѣнить и всѣхъ помянутыхъ 15-ть священниковъ, то и въ этомъ нѣтъ никакого затрудненія,—это зависитъ отъ меня совершенно, а въ епархіи есть, слава Богу, надежныхъ болѣе уже, нежели приходскихъ церквей».

Послѣ этого объясненія, въ которомъ проглядываетъ иронія надъ Долгоруковымъ, Сѣмашко послалъ Протасову другое, гдѣ онъ излагаетъ сдѣланныя и имѣющія совершиться распоряженія его касательно священниковъ, недавшихъ подписки. «Во всей епархіи, пишетъ онъ, только два осталось благочинія, гдѣ еще есть около половины священниковъ ненадежныхъ или лучше сомнительныхъ, слѣдовательно нечего беспокоиться. Эти священники вызываются поочереды въ Жировицы и послѣдуютъ должнымъ внушеніямъ, или будутъ легко замѣнены другими священ-

никами. Изъ подписавшихся на прошеніи 21 священниковъ только 13 есть управляющихъ приходами, да и между ними не многіе зачинщики, а остальные вовлечены только интригою. Трехъ священниковъ, которые кажутся зачинщиками и были уже вызваны въ Жировицы, какъ ненадежные и неприверженные въ собственной греко-восточной церкви, отрѣшены мною отъ приходовъ, кои поручены другимъ священникамъ. Сверхъ того вызванъ въ Жировицы протоіерей Сосновскій, какъ подозрѣваемый въ главномъ руководствѣ сего дѣла, для объясненія по оному, а крегуслевскій его приходъ порученъ на время другому священнику. Сосновскій взятъ былъ подъ арестъ въ 1812 году и выведенъ въ другія губерніи, слѣдовательно можно предполагать въ немъ болѣе политическую, нежели религіозную неблагонамѣренность. Повторяю, что этимъ дѣломъ печего безпокоиться, и оно легко сладится, если только священники не будутъ ободрены поступками гражданскаго начальства.

«За симъ, кажется, было бы полезно, еслибы предоставлено было мнѣ высочайше распорядиться относительно священниковъ, подписавшихъ прошеніе, такъ какъ они вовсе не обращались по сему дѣлу къ епархіальному начальству; да и самое дѣло подлежитъ внутреннему духовному епархіальному управленію. Впрочемъ, подпись многими лицами прошенія къ государю императору считается, кажется, по законамъ преступленіемъ наравнѣ съ мятежемъ, и очень было бы не худо, еслибы по сему вовсе нерелигіозному поводу наказанья были гражданскимъ начальствомъ по крайней мѣрѣ побудившіе къ подачѣ онаго прошенія».

Сѣмашко не безъ причины намекалъ во второмъ своемъ объясненіи къ Протасову, что дѣло бѣлостокскихъ священниковъ легко уладится, если только они не будутъ ободрены поступками гражданскаго начальства. Это начальство въ этомъ дѣлѣ дѣйствовало весьма подозрительно: оно не высылало въ Жировицы протоіерея Сосновскаго, а этимъ давало ему и его партіи дѣйствовать упорнѣе и смѣлѣе. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ ободреній со стороны гражданскихъ властей или по внушенію другихъ лицъ, священники Фавстъ Говорскій и Антоній Паньковскій подали новую жалобу Государю чрезъ Бенкендорфа.

«Насильно понуждаемые, писали они, духовнымъ начальствомъ къ выдачѣ будтобы добротной подписки на соединеніе съ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ и на тотъ предметъ призваны были въ литовскую греко-унитскую консисторію къ его преосвященству, г-ну брестскому епископу викарному и кавалеру Антонію Зубко подъ предлогомъ наставленія; но отъ юности внушена совѣсть закона Божія о ненарушимости вѣроисповѣда-

ніа нашихъ праотцевъ, а болѣе свободные своды законовъ великодержавнѣйшаго и всемилостивѣйшаго императора нашего Николая Павловича, подѣ коего могущественнымъ жезломъ всякъ вѣрноподданный счастливо наслаждается, не дозволило и подумать о измѣненіи нашего вѣроисповѣданія, за что осуждено насъ занопчивыми, а болѣе, о горе намъ несчастнымъ! будто бы мы были врагами отечества, а хотя въ доказательство искренней нашей приверженности къ престолу великодержавнѣйшаго императора и наслѣдниковъ его неоднократно клялись Господомъ Всевышнимъ и его св. Евангеліемъ, то и въ то время собственноручно клятвенную выдали подписку, что до пролітія послѣдней нашей капли крови сохранять будемъ всѣ законы великодержавнѣйшаго Государя нашего Императора и наслѣдниковъ его, не пада ни родства, ни дружбы, ниже за дары, ниже страха ради, и что всѣмъ ввѣреннымъ намъ прихожанамъ всѣми силами и мѣрами вѣрноподданство и приверженность къ престолу впускать будемъ; въ противномъ же случаѣ да накажетъ насъ по законамъ мечъ справедливости съ прекращеніемъ жизни, а Всевышній Творецъ въ будущей жизни да водворитъ души наши въ неугасаемый геенскій огнь вѣчной пагубы, и сія-то наша ревностная клятва не обратила малѣйшаго на насъ вниманія, но тотчасъ по предложенію его преосвященства указомъ греко-унитской консисторіи въ монастырское заключеніе предначинаны, гдѣ вторично послѣдовалъ указъ, по предложенію уже епархіальнаго епископа его высокопреосвященства и кавалера разныхъ орденовъ Іосифа за № 7374-мъ, коимъ отрѣшено насъ отъ занимаемыхъ нами приходоу и опять оставлены въ монастырскомъ заточеніи. Очевидно показуется, что духовное начальство запрещаетъ наслаждаться намъ святоненарушимыми законами великодержавнѣйшаго государя нашего императора Николая Павловича. За симъ съ воплемъ и слезами припадаемъ къ стопамъ вашего сіятельства, моля покровительства и защиты; возри на насъ несчастныхъ и доложи слово великодержавному монарху, и погибающіе отцы съ ихъ нелѣтнымъ своимъ семействомъ свободны въ своемъ вѣроисповѣданіи останутся. Ваше сіятельство не оставьте сего слезнаго нашего моленія безъ всемилостивѣйшаго удовлетворенія, за что слезы благодарности изливаемы будутъ предѣ престоломъ Всевышняго о продолженіи счастливыхъ лѣтъ для всеобщаго блага».

Просьба эта или жалоба передана была статсъ-секретаремъ Лонгиновымъ Протасову; отъ Сѣмашки потребовано новое объясненіе по этой жалобѣ. Объясненіе Сѣмашки произвело рѣшительный порывъ въ дѣлѣ и положило конецъ всѣмъ манифестаціямъ. Вотъ что

писаль Іосифъ въ своемъ объясненіи: «При возстановленіи по греко-унитской церкви свойственныхъ ей постановленій и богослуженія, греко-унитское духовенство литовской епархіи оказалось вообще надежнымъ, вѣрнымъ своему долгу, приверженнымъ къ собственной греко-восточной церкви, за исключеніемъ незначительнаго числа зараженныхъ еще чуждыми правилами и подверженныхъ чуждому вліянію. Къ таковому исключенію принадлежатъ 14-ть священниковъ Бѣлостокской области, обнаружившихъ письменно прежде предъ благочиннымъ, а послѣ предъ консисторіей враждебныя чувства къ собственной греко-восточной церкви и усердія къ латинству. Они, ссылаясь на поданное прошеніе Государю Императору, отвергають всякія внушенія и остаются непреклонными въ упрямствѣ. Между тѣмъ во всемъ поведеніи сихъ духовныхъ обнаруживается совершенно духъ интриги, имѣвшей начало, какъ донесено мнѣ, въ дѣйствіяхъ римскаго августовскаго епископа, который нѣсколькимъ изъ помянутыхъ священниковъ, бывшимъ на праздникъ въ годитовской унитской церкви царства польскаго, дѣлалъ разныя внушенія, раздавалъ какую-то книгу и особенно внушалъ держаться полгода, общая въ это время какія-то перемѣны.

«Считая противнымъ лежащей на мнѣ обязанности оставить греко-унитскія паствы въ вѣдѣніи и подѣ вліяніемъ означенныхъ ненадежныхъ и даже злонамѣренныхъ священниковъ, я отрѣшилъ уже отъ приходовъ тѣхъ изъ нихъ, кои, по собраннымъ мною вѣрнымъ свѣдѣніямъ, возбуждали и руководствовали другихъ въ сей интригѣ, именно: протоіея Сосновскаго, клецелевской церкви, обоихъ Козьминскихъ, священниковъ корнинской церкви, Имшенина, священника гриневидцкой церкви, Высѣкирскаго, священника Бодьковской церкви, и подавшихъ прошеніе, препровожденное ко мнѣ вашимъ сіятельствомъ при отзывѣ отъ 24-го сего октября за № 481-мъ, Говорскаго и Паньковского.

«Между тѣмъ викарій литовской епархіи, преосвященный Антоній увѣдомилъ меня нынѣ, что помянутый протоіерей Сосновскій, подвергнутый уже запрещенію, до сихъ поръ не прибылъ въ Жировицы по предписанію консисторіи; что онъ предъ клецелевскими прихожанами отвергалъ въ церкви ученіе греко-россійской церкви; что онъ же Сосновскій внушилъ тѣмъ же прихожанамъ не ходить въ церковь къ священнику, назначенному на его мѣсто; и что отрѣшенный отъ березовскаго прихода священникъ Антоній Паньковский, при сдачѣ онаго назначенному на его мѣсто священнику, внушалъ прихожанамъ не допускать благочиннаго служать въ ихъ церкви.

«Принимая въ уваженіе, что означенные поступки протоіерея Сосновскаго и священника Паньковскаго могутъ произвести сматеніе между греко-унитскимъ народомъ и поощрять въ упорству прочихъ ненадежныхъ духовныхъ, ожидающихъ, какъ они разглашаютъ, благопріятнаго разрѣшенія поданнаго ими прошенія государю императору, покорнѣйше прошу посредства вашего сіятельства, чтобы помянутые Сосновскій и Паньковскій высланы были безъ отлагательства мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ изъ настоящаго ихъ мѣстожителства въ великороссійскія губерніи.

«Возвращая при семъ вашему сіятельству означенное выше прошеніе Говорскаго и Паньковскаго, долгомъ поставляю при-совокупить, что Говорскому воспрещено уже всякое священнодѣйствіе, и онъ опредѣленъ дьячкомъ въ Гродненской губерніи, въ Новогрудскомъ уѣздѣ; что нынѣ дѣлается мною распоряженіе о воспрещеніи священнодѣйствія и Паньковскому съ помѣщеніемъ его впредь до дальнѣйшаго распоряженія въ Бытенскомъ монастырѣ; и что Сосновскій, который есть дѣйствительнымъ руководителемъ всѣхъ ненадежныхъ священниковъ Бѣлостокской области, извѣстенъ уже правительству по своей политической неблагонадежности, и въ 1812-мъ году былъ выведенъ подъ конвоемъ изъ театра тогдашнихъ военныхъ дѣйствій».

Объясненіе Сѣмашки при особомъ докладѣ Протасова было представлено послѣднимъ государю императору. Государь положилъ на немъ такую резолюцію: объ августовскомъ епископѣ увѣдомить князя Варшавскаго; за ослушаніе епархіальному началству послать Сосновскаго и Паньковскаго въ разные города Костромской губерніи подъ надзоръ мѣстнаго начальства, съ отнесеніемъ потребныхъ издержекъ на ихъ содержаніе (въ случаѣ нужды) на счетъ общей суммы греко-унитскаго духовенства, по назначенію оберъ-прокурора. Отнестись о семъ къ князю Долгорукову ¹⁾.

Въ то время какъ дѣлались распоряженія въ Петербургѣ и Жировицахъ о высылкѣ Сосновскаго и Паньковскаго въ Костромскую губернію, и дѣлались сообщенія Паскевичу въ Варшавѣ о принятіи мѣръ противъ римскаго августовскаго епископа и вообще противъ католическаго духовенства, Говорскій и Паньковскій, покровительствуемые настоятелемъ тороканскаго монастыря, куда они заключены были, получили свободу, возвратились въ свои приходы и какъ сами внушеніями и нелѣпными

¹⁾ Вышеприведенное дѣло о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области, жалующихся на стѣсненіе ихъ вѣры.

слухами, распространенными католиками, такъ и прихожане ихъ, произвели явное возмущеніе. Дѣло происходило такъ: Паньковскій и Говорскій подъ предлогомъ болѣзни уволены были настоятелемъ Тороканскаго монастыря въ свои приходы. Консисторія литовская, получивши объ этомъ извѣстіе, тотчасъ приказала благочинному Костыцѣвичу запретить имъ священнодѣйствіе и, при содѣйствіи полиціи, выслать ихъ обратно въ тороканскій монастырь. Еще прежде крестьяне тѣхъ приходовъ, въ которыхъ были священниками Говорскій и Паньковскій, не допустили отправлять богослуженіе въ своихъ церквахъ тѣмъ священникамъ, которые назначены были на мѣста Говорскаго и Паньковскаго, и земскому исправнику, назначенному быть при сдачѣ вышепоименованныхъ приходовъ, прямо говорили, что они никому не выдадутъ своихъ священниковъ и никого другого вмѣсто ихъ не примутъ, а особенно преемника Говорскаго Лопушинскаго, который настоящій схизматикъ. Увѣщанія исправника не произвели никакого дѣйствія на возмущившихся. Когда спустя нѣсколько времени послѣ этого событія отправился благочинный Костыцѣвичъ съ священникомъ цѣхановицкой церкви Владиславомъ Чанковскимъ въ чижевскій приходъ, гдѣ былъ прежде священникомъ Говорскій, то прихожане чижевскіе, предувѣдомленные о пріѣздѣ къ нимъ благочиннаго, лишь только замѣтили его приближеніе, начали звонить въ приходскій колоколъ, потомъ, собравшись толпою предъ тѣмъ домомъ, гдѣ остановился Костыцѣвичъ, выслали нѣсколько человекъ изъ среды себя въ комнату къ Костыцѣвичу, просить его выйти къ нимъ. Лишь только Костыцѣвичъ вышелъ къ нимъ, какъ они окружили его и стали кричать, что они не хотятъ ни Лопушинскаго, ни другого кого имѣть у себя священниками, потому что всѣ схизматики, и одинъ только Говорскій католическій священникъ, и что хотя бы имъ пришлось и жизни лишиться, но они Говорскаго не отпускаютъ. Послѣ начали ругать благочиннаго схизматикомъ и дѣлающимъ или хотящимъ всѣхъ сдѣлать схизматиками, и погубившимъ собственнаго своего зятя.

Толпа усиливала свои крики и порывалась отобрать церковные ключи отъ викарнаго священника. Наконецъ начали звонить въ колокола и, ставши на колѣни посреди улицы, запѣли какія-то пѣсни. Положеніе благочиннаго въ Березовѣ или приходѣ Паньковскаго было еще хуже. Не успѣлъ Костыцѣвичъ взойти въ домъ березовскаго дьячка, какъ сейчасъ пришелъ туда Паньковскій, а съ нимъ и толпа мужиковъ, которые начали ругать Костыцѣвича. Видя себя здѣсь не безопаснымъ, Костыцѣвичъ перешелъ въ сосѣднюю съ дьячковской комнату,

занимаемую писцами. Къ мужикамъ присоединились и женщины; тѣ и другія обступили домъ, гдѣ находился Костыцѣвичъ, и стучали въ двери.

Письмоводитель, давшій убѣжище Костыцѣвичу, только бѣгствомъ спасся отъ опасности, угрожавшей ему; за нимъ гнались бабы съ камнями. Когда Костыцѣвичъ принужденъ былъ выйти изъ своей комнаты, то толпа повела его на улицу, а потомъ завела на колокольню, гдѣ, наругавшись надъ нимъ, принудила его дать росписку или обязательство въ томъ, что онъ въ другой разъ не прійдетъ въ ихъ церковь и не будетъ отбирать отъ нихъ священника Паньковского.

Движеніе въ Березовѣ противъ благочиннаго пріутихло только вслѣдствіе убѣжденія совѣтника Высоцкаго, въ домѣ котораго могъ скрыться Костыцѣвичъ и благодаря содѣйствію котораго онъ могъ кое-какъ выбраться изъ Березова. Возмущеніе прихожанъ чижевской и березовской церквей скоро сдѣлалось извѣстнымъ Государю; по высочайшему повелѣнію командированъ былъ изъ Петербурга майоръ корпуса жандармовъ Ломачевскій, для открытія главныхъ виновниковъ возмущенія. Слѣдствіе Ломачевского и штабсъ-капитана корпуса жандармовъ Сталинскаго вполнѣ обнаружило виновность Говорскаго и Паньковского, внушавшихъ своимъ прихожанамъ, что ихъ преслѣдуетъ епархіальное начальство несправедливо, и чрезъ это возбуждавшихъ ихъ къ явному сопротивленію властямъ. При слѣдствіи оказалось, что въ чижевскомъ и березовскомъ приходахъ распущенъ былъ слухъ о полученіи въ Бѣлостокѣ высочайшаго манифеста объ освобожденіи унитовъ отъ вѣропреслѣдованія; для прочтенія этого манифеста явилось къ правителю Бѣлостокской области до 1000 человекъ. Слухъ этотъ, какъ дознано впослѣдствіи, былъ распущенъ Говорскимъ и его пріателемъ лекаремъ Рукуйжей.

Правитель Бѣлостокской области вотъ что доносилъ литовскому генералъ-губернатору Долгорукову: «Лекарь Рукуйжа, о которомъ не упоминается ни въ слѣдственномъ дѣлѣ, ни въ дополнительномъ розысканіи и на котораго никто не показалъ, какъ на главнаго виновника безпорядковъ въ чижевскомъ приходѣ, пріѣзжалъ въ деревню Чижи, обѣщалъ крестьянамъ чижевскаго прихода ходатайство свое не только о возвращеніи имъ Говорскаго, но еще и то, что въ ихъ церкви оставлено будетъ прежнее устройство, лишь бы только они нѣкоторое время показывали столько твердости, сколько показали ихъ священники. Для того, чтобы удобнѣе обмануть чижевскихъ крестьянъ, Рукуйжа показывалъ имъ будто полученное изъ Вильны письмо,

и для улаженія дѣла чижевскихъ крестьянъ выпросилъ у нихъ 100 р. сер.» При этомъ, какъ и слѣдовало предполагать, отерпѣлось дѣятельное участіе римскаго духовенства. По крайней мѣрѣ донесенія Сталинскаго и Паскевича прямо указываютъ на это. Такъ первый доносилъ шефу жандармовъ, что «высшая духовная власть римско-католической церкви находится въ близкихъ сношеніяхъ съ властію греко-унитскою, съ тою цѣлію, чтобы по возможности стараться обращать унитовъ въ римско-католическую вѣру; въ каковой силѣ и означенные священники (Говорскій и Папьевскій) дѣлали прихожанамъ своимъ внушенія... Если со стороны правительства не будутъ приняты мѣры къ ослабленію власти римско-католическаго духовенства, то отъ сего могутъ произойти весьма важныя послѣдствія; ибо съ нѣкотораго времени замѣтно, что это духовенство начало всячески опять стараться распространять свое прежнее вліяніе на унитовъ, которые, какъ извѣстно, приняли сдѣланное объ нихъ распоряженіе спокойно; но теперь по временамъ начинаютъ оказываться между ними нѣкоторыя происшествія, кои, кромѣ причинъ, изложенныхъ въ донесеніи моемъ отъ 25-го минувшаго ноября за № 942-мъ должно отнести и къ вреднымъ внушеніямъ со стороны римско-католическаго духовенства».

Паскевичъ, освобождая отъ подозрѣнія въ годитскомъ событіи августовскаго епископа, о которомъ было упомянуто въ донесеніи Сѣмашки къ Протасову, въ то же время всю вину въ этомъ переносилъ на епископа Подлясской губерніи Гушковскаго, извѣстнаго уже, какъ выражается онъ, съ подобной стороны, тѣмъ болѣе, что село Годзишъ находится въ этой губерніи, и что въ Августовской губерніи не состоитъ ни города, ни деревни сего названія. Потомъ Паскевичъ прибавляетъ, что съ самаго усмиренія въ здѣшнемъ краѣ мятежа, ксендзъ Гутковский постоянно оказываетъ сопротивленіе распоряженіямъ правительства и фанатическую ненависть къ православному (духовенству) исповѣданію. Со времени же принятія римскимъ дворомъ стороны кѣльнскаго епископа и поддержанія онымъ настояній познанскаго о воспитаніи въ римско-католической вѣрѣ дѣтей родителей разнаго исповѣданія, — дерзость его еще усилилась.

Кажется, Папьевскій и Говорскій не предполагали, что въ Петербургѣ одобрятъ всѣ тѣ противъ нихъ мѣры строгости, которыми грозили имъ въ Жировицахъ. А потому, когда пришло изъ Петербурга повелѣніе, утверждающее распоряженіе Іосифа о высылкѣ ихъ въ Костромскую губернію, то извѣстіе это произвело на нихъ потрясающее дѣйствіе. Движеніе, совершенное

прихожанами ихъ при ихъ участіи и даже руководительствѣ, еще болѣе должно было страшить ихъ своими послѣдствіями. Результатомъ всего этого было то, что Паньковский и Говорскій явились съ повинною къ своему епархіальному начальству, рассказали во всѣхъ своихъ проступкахъ и объяснили, что причиною ихъ упорства было недоумѣніе о высочайшей волѣ на счетъ преобразования греко-унитской церкви, и что теперь, узнавъ о противномъ, они не только сами будутъ поступать сходно съ высочайшей волею, но и наводить на путь истины заблудшихъ своихъ собратій ¹⁾. При этомъ даны были Говорскимъ и Паньковскимъ собственноручныя росписки, въ которыхъ они выражаютъ свое раскаяніе и покорность волѣ начальства. Епархіальное начальство, которое знало лично Говорскаго и Паньковского съ хорошей стороны и которое, можетъ быть, слишкомъ поспѣшно обнаружило свою строгость по отношенію къ нимъ, готово было раскаяться въ этомъ, и весьма радо было перемирію, происшедшей въ Говорскомъ и Паньковскомъ, а потому и стало ходатайствовать черезъ графа Протасова о томъ, чтобы они оставлены были на прежнихъ мѣстахъ.

На Сѣмашку и Зубко, можетъ быть, подѣйствовало при этомъ и то обстоятельство, что третій членъ изъ общества Говорскаго и Паньковского, именно протоіерей Сосновскій, былъ такъ потрясенъ совершившимися съ нимъ событіями, что сдѣлался опасно боленъ и былъ, какъ выражается одинъ уніатскій благочинный, ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни. Строгость, оказанная по отношенію къ Сосновскому, Говорскому и Паньковскому, уже произвела свое дѣйствіе на всѣхъ священниковъ Бѣлостокской области: всѣ дали подписки, кромѣ только смертельно больного протоіерея Сосновскаго и еще двухъ престарѣлыхъ и запятанныхъ священниковъ. Слѣдовательно теперь не было особыхъ побужденій продолжать прежнюю систему строгости по отношенію къ Говорскому и Паньковскому. Наконецъ, нечего было бояться и прихожанъ церквей чижевской и березовской. Появленіе разныхъ сортовъ чиновниковъ, особенно жандармскихъ офицеровъ, такъ ихъ перепугало, что, они заклились отъ продолженія всякихъ манифестацій въ пользу Говорскаго и Паньковского. Ходатайство Іосифа было принято государемъ императоромъ: Говорскій и Паньковский оставлены въ литовской епархіи и судьба ихъ отдана въ полное распоряженіе литовскаго епархіальнаго начальства. Что касается до Сосновскаго, то, такъ какъ

¹⁾ Вышеприведенное дѣло о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области, жалующихся на стѣсненія ихъ вѣры.

и онъ наконецъ далъ росписку въ покорности своему началству и въ желаніи присоединиться къ православію, и притомъ просилъ позволенія провести остатокъ дней своихъ на прежнемъ мѣстожителствѣ въ городѣ Клещеляхъ, гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ съ землею, то онъ, по ходатайству Іосифа, оставленъ былъ въ Клещеляхъ, даже съ правомъ получать нѣкоторую часть содержанія отъ фундуша клещелевской церкви. Такимъ образомъ улажено было унитское дѣло въ Бѣлостокской области.

Гораздо серьезнѣе и опаснѣе оказалось движеніе противъ соединенія съ православною церковью въ Бѣлоруссіи. Участники или виновники этого движенія опасны были для унитскаго дѣла не только своею численностію, но и своею даровитостію, своими связями съ польскими дворянами и съ латинскимъ духовенствомъ. Притомъ же движеніе въ Бѣлоруссіи могло отозваться гибельнѣе для дѣла православія и приобрести болѣшихъ себѣ пособниковъ по той простой причинѣ, что въ Бѣлоруссіи унитская почва была, вслѣдствіе уже показанныхъ нами причинъ, менѣе приготовлена и менѣе воздѣлана для слитія съ православною церковію, слѣдовательно здѣсь это движеніе могло принять гораздо болѣшіе размѣры, чѣмъ въ литовской епархіи. Наконецъ, унитское епархіальное начальство въ Бѣлоруссіи отличалось меньшею сдержанностію, меньшимъ самообладаніемъ, благоразуміемъ и умѣренностію, чѣмъ литовское. Всѣ эти вмѣстѣ взятые обстоятельства объясняютъ намъ причины того безпокойства, которое обнаружено было нашимъ правительствомъ при полученіи имъ извѣстія о движеніи унитскомъ въ Бѣлоруссіи.

Первое свѣдѣніе о бѣлорусскомъ движеніи въ средѣ унитскаго духовенства сообщилъ нашъ православный епископъ въ Полоцкѣ. «9-го ноября 1838-го года, писалъ онъ къ Протасову, инспектору греко-унитской семинаріи, протоіерей Малишевскій, вызванный мною для отобранія нѣкоторыхъ нужныхъ для меня свѣдѣній, между прочимъ объявилъ мнѣ, что здѣшней губерніи, Дризинскаго уѣзда, церковлянской греко-унитской церкви у священника Игнатовича 14-го сентября было значительное собраніе греко-унитскихъ священниковъ Витебской губерніи дризинскаго, Минской дисненскаго и Могилевской сѣннинскаго уѣздовъ, которые вмѣстѣ участвовали послѣ литургіи въ крестномъ ходѣ около церкви, пѣли въ это время духовныя пѣсни на польскомъ языкѣ и, обращаясь къ многочисленной толпѣ крестьянъ, увѣщевали ихъ совершать моленіе по католическому обряду, чтобы Богъ далъ имъ успѣхъ въ ихъ намѣреніи... Священники дѣлали

денежную складку, въ которой участвовали и помѣщики, на издержки для довѣренныхъ лицъ, отправляемыхъ въ Петербургъ, и по общему совѣщанію составили актъ или прошеніе. Изъ находившихся въ собраніи священниковъ извѣстны только двое: священникъ Иванъ Игнатовичъ, бывшій ассессоръ греко-унитской консисторіи, ближній родственникъ церковлянскаго священника, и сѣннинскаго уѣзда священникъ Андрей Никоновичъ. Въ чемъ состояло намѣреніе собравшихся священниковъ, — это еще неизвѣстно ¹⁾. Но скоро это намѣреніе открылось: священники Игнатовичъ и Томковидъ, снабженные полномочіями отъ лица 111-ти священниковъ бѣлорусской унитской епархіи, подали государю императору просьбу, въ которой просили освободить ихъ изъ-подъ власти настоящихъ духовныхъ начальниковъ, и назначить для нихъ особаго унитскаго архіерея, позволить открыть имъ особую типографію на ихъ издержкахъ, чтобы въ ней печатать богослужебныя книги, вмѣсто употребляемыхъ нынѣ книгъ московской печати; устроить духовныя училища по ихъ предположенію, т.-е. во враждебномъ духѣ къ православію, и наконецъ, ежели на то не послѣдуетъ высочайшаго соизволенія и унія въ Россіи должна прекратиться, то позволить имъ принять римско-католическое исповѣданіе. Православный епископъ тотчасъ извѣстилъ о бывшемъ собраніи военнаго генералъ-губернатора, Протасова и унитскаго епископа Василія. Начались дознанія явныя и секретныя. Начальство свѣтское и духовное (мѣстное) показало здѣсь всю свою энергію: посланъ былъ военно-уѣздный начальникъ для подробнѣйшаго дознанія: какіе священники собирались у церковлянскаго священника, какаѧ была цѣль этого собранія; кто изъ помѣщиковъ участвовалъ въ денежныхъ пожертвованіяхъ, и какія были послѣдствія таковаго собранія; пр. Василій тотчасъ удалилъ Игнатовича отъ прихода, воспретилъ ему священнодѣйствіе, отправилъ его, впредъ до дальнѣйшихъ распоряженій, въ Тадулинскій монастырь подъ присмотръ тамошняго строгаго настоятеля Звяго, поставивъ сему послѣднему на видъ, не позволять Игнатовичу выходить изъ монастыря и прекратить всѣ его сношенія съ священниками и помѣщиками. Всѣ письма Игнатовича къ женѣ, зятю его и другимъ лицамъ были перехватываемы. Изъ этихъ писемъ открылось, что Игнатовичъ давалъ совѣты своей женѣ и своему зятю,

¹⁾ Въ арх. канц. об.-пр. Св. Сын. дѣло 1888. № 144-й о бывшемъ у церковлянскаго священника Игнатовича собраніи, о всеподданнѣйшей жалобѣ трехъ священниковъ бѣлорусской епархіи на свое начальство; о командированіи по сему случаю въ Бѣлоруссію преосв. литовскаго и камергера Скрипичина.

священнику Муравскому, какъ они должны отвѣчать въ случаѣ изслѣдованія дѣла о собраніи, бывшемъ у него, приказываетъ имъ не выдавать слѣдователямъ ни инвентарей, ни регистровъ церковныхъ, ни списковъ прихожанъ. Но пр. Василій, признавая вреднымъ пребываніе Игнатовича и Томковида въ Бѣлоруссіи, просилъ Протасова исходатайствовать высочайшее повелѣніе о высылкѣ ихъ въ великороссійскіе монастыри ¹⁾).

Если мѣстныя бѣлорусскія власти встревожены были движеніемъ унитскихъ бѣлорусскихъ священниковъ, то и въ Петербургѣ его приняли также не весьма спокойно. Протасовъ не могъ самъ собою одобрить мѣры, предложенной пр. Васи́ліемъ касательно высылки Игнатовича и другихъ въ великороссійскіе монастыри, и обратился къ Сѣмашкѣ за совѣтомъ. «Пр. Василій, епископъ Оршанскій, писалъ Протасову, въ отношеніи ко мнѣ отъ 24-го минувшаго ноября, ходатайствуетъ о высылкѣ изъ ввѣренной ему епархіи нѣкоторыхъ уніатскихъ священниковъ, для помѣщенія ихъ въ отдаленные отъ Бѣлоруссіи православные монастыри. Имѣя честь конфиденціальнымъ образомъ въ подлинникѣ препроводить при семъ къ вамъ, м., г., для прочтенія сію бумагу, я покорнѣйше прошу ваше преосвященство по ближайшей извѣстности вамъ мѣстныхъ обстоятельствъ и самыхъ лицъ, о коихъ идетъ дѣло, сообщить мнѣ по сему предмету ваше заключеніе. Съ своей стороны полагаю я, что если строгія и рѣшительныя мѣры необходимы для обузданія законси́мыхъ въ дерзкой неблагонамѣренности и для подавія спасительнаго примѣра слабымъ и колеблющимся, то не менѣе того увѣренъ, что таковыя мѣры должны быть употреблены съ крайнею осторожностію, и отнюдь не слѣдуетъ распространять ихъ вдругъ на большое число лицъ, дабы не имѣть слѣдствій совершенно противныхъ предполагаемымъ ²⁾». Іосифъ совѣтовалъ Протасову сослать въ великорусскіе монастыри только главныхъ зачинщиковъ дѣла, именно: Игнатовича и Томковида, а прочихъ назначить дьячками въ отдаленные отъ ихъ мѣстожителства приходы. Протасовъ послушался совѣта Іосифа и исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о ссылкѣ въ курскій Знаменскій монастырь Игнатовича и въ курскій же Коренскій Томковида, а прочіе священники оставлены были въ Бѣлоруссіи, только съ низведеніемъ ихъ въ причетническія должности. Пр. Іосифъ да-

¹⁾ Вышеприведенное дѣло о бывшемъ у церковлянскаго священника Игнатовича собраніи, и пр.

²⁾ Вышеприведенное дѣло о бывшемъ у церковлянскаго священника Игнатовича собраніи и пр.

валъ при этомъ и другіе совѣты, которые также заслуживаютъ вниманія, и мы приведемъ ихъ въ подлинникѣ.

«Я не надѣялся, писалъ онъ Протасову, чтобы злонамѣренные могли составить столь сильную партію между духовенствомъ, состоящимъ въ окрестностяхъ самаго мѣстопребыванія бѣлорусскаго епархіальнаго начальства. Однакожъ не слишкомъ слѣдуетъ обращать вниманіе на число сихъ священниковъ. Они по большей части едва-ли знали, что подписывали. Дѣйствительные виновники, или лучше орудіе польской партіи—Игнатовичъ и Томковидъ высланы въ Курскъ, и если епархіальное начальство съумѣетъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, то я не сомнѣваюсь, что подписавшіе довѣренности священники будутъ обращены на путь истины и долга самими внутренними домашними мѣрами. Но сіи мѣры, коль ни многочисленны, могутъ быть указаны, соображены и употреблены однимъ лишь епархіальнымъ начальствомъ, соотвѣтственно извѣстнымъ его мѣстнымъ обстоятельствамъ. Симъ также начальствомъ можетъ быть только указано, есть ли еще, и кто между помянутыми священниками, кого бы по ихъ предприимчивости слѣдовало выслать въ великороссійскіе монастыри. Что касается разрѣшенія прошенія, поданнаго на высочайшее имя, то оно, кажется, послѣдовало самымъ дѣломъ въ высылкѣ писавшихъ таковое Игнатовича и Томковида. Думаю однакожъ, что прошеніе и довѣренности нужно передать на разсмотрѣніе управляющаго епархіею пр. Василія, дабы онъ могъ имѣть указаніе къ распутанію интриги. Опасаюсь только, чтобы обнаруженіе столь важнаго противодѣйствія не лишило пр. Василія бодрости, или не побудило его къ мѣрамъ опрометчивымъ. О семъ нужно его предостеречь, ибо я полагаю необходимымъ въ его дѣйствіяхъ особенное благоразуміе, чтобы не довести дѣла до лишней крайности. При томъ содержаніе прошенія и довѣренностей обнаруживаетъ слишкомъ уже укоренившійся духъ неповиновенія просителей къ своему духовному начальству, и потому необходимо обезпечить содѣйствіе полиціи къ исполненію его распоряженій. Впрочемъ кажется, что помянутыя бумаги есть послѣднее усиліе польской партіи воспрепятствовать очень ей извѣстнымъ предположеніямъ на счетъ уніатовъ, и я полагаю, что противодѣйствіе по большей части прекратится, если только въ отношеніи уніатовъ воспослѣдуютъ преднамѣренныя рѣшительныя мѣры, и уніатское дѣло выведено будетъ наконецъ изъ положенія сомнительнаго и ненадежнаго».

Намекъ Іосифа на нерѣшительность дѣйствій правительства въ дѣлѣ унитскомъ, важность движенія, обнаружившаго-

ся среди бѣлорусскаго унитскаго духовенства, желаніе знать о состояніи унитскаго вопроса отъ лицъ, находящихся въ полной зависимости отъ синодальнаго оберъ-прокурора менѣе, т.-е. заинтересованныхъ въ унитскомъ дѣлѣ,—все это заставило Протасова послать чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ синодѣ Скрипицына въ унитскія епархіи, давши ему особенную инструкцію. Но Скрипицынъ, хотя не давно весьма успѣшно окончилъ въ тѣхъ же епархіяхъ возложенную миссію узнать о степени подготовкѣ унитской почвы къ принятію православія, не могъ впрочемъ во всей подробности знать всѣ мѣстныя условія религіознаго состоянія унитовъ, а слѣдовательно могъ надѣлать много ошибокъ. Притомъ же этотъ человѣкъ былъ слишкомъ горячъ, смѣлъ въ своихъ дѣйствіяхъ и даже могъ преступать (и преступилъ) предѣлы данной ему власти. Этотъ человѣкъ былъ болѣе полицейскій чиновникъ, чѣмъ административный организаторъ. Поэтому-то съ Скрипицынымъ вмѣстѣ назначенъ былъ въ Бѣлоруссію и Сѣмашко. Скрипицынъ былъ посланъ туда на неопредѣленное время, а Іосифъ на одинъ только мѣсяцъ. Іосифу поручено было только ѣхать въ Полоцкъ, и вникнувъ въ дѣйствительныя причины происшедшаго безпорядка, принять мѣры къ исправленію его; устранить отъ мѣстъ и обратить по своему усмотрѣнію тѣхъ изъ помянутыхъ священниковъ, кои окажутся виновными въ умышленномъ неповиновеніи своему начальству, и назначить на ихъ мѣста другихъ достойныхъ священниковъ изъ бѣлорусской или литовской епархіи. Іосифу передано было Протасовымъ и самое прошеніе бѣлорусскихъ унитскихъ священниковъ и довѣренности съ подписями. Іосифъ просилъ также у Протасова списка благонадежныхъ священниковъ бѣлорусской епархіи, для своихъ соображеній, и въ то же время обезпеченія себя и Скрипицына въ своихъ дѣйствіяхъ, т.-е. чтобы по его или Скрипицына отношенію въ мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ немедленно высылаемы были нѣкоторые священники къ назначеннымъ имъ причетническимъ должностямъ въ литовской епархіи. «Я думаю, писалъ Іосифъ поэтому случаю Протасову, нѣсколько подобныхъ немедленно исполненныхъ распоряженій весьма будутъ полезны». О миссіи Скрипицына извѣщены были не только всѣ мѣстныя власти сѣверо-западныхъ губерній, но и шефъ жандармовъ. Скрипицына въ его поѣздкахъ сопровождалъ жандармскій офицеръ. Инструкція, данная ему, уже не имѣетъ того лаконизма, которымъ отличается инструкція Сѣмашкѣ. Скрипицынъ имѣлъ порученіе не только прекратить безпорядокъ, произведенный въ унитской бѣлорусской епархіи Игнатовичемъ и его сообщниками-

ми, но и соглашать дѣйствія трехъ архіереевъ,—одного православнаго, и двухъ унитскихъ, ограничивать ихъ притязанія, наблюдать за ними. Несмотря на пространность инструкціи данной Скрипицыну, мы приведемъ ее здѣсь всю сполна.

«Отправляясь нынѣ въ бѣлорусскую и литовскую греко-унитскія епархіи съ особымъ порученіемъ, вы будете имѣть пребываніе въ томъ краѣ впредь до моего разрѣшенія (т.-е. Протасова), переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, какъ по усмотрѣнію вашему надобность того востребуетъ, и примите при исполненіи возложеннаго на васъ порученія въ руководство нижеслѣдующія правила:

1) Внимательно наблюдать за направленіемъ греко-унитскаго духовенства и прихожанъ въ теперешнихъ важныхъ для онаго обстоятельствахъ.

2) Для полного успѣха въ предпріятіи стараться сколько можно о соглашеніи дѣйствій епархіальныхъ и гражданскихъ начальствъ, какъ личными совѣщаніями, такъ и письменными, въ случаѣ надобности, съ ними сношеніями.

3) Обращать постоянное вниманіе на могуція быть противодѣйствія отъ помѣщиковъ и духовенства, на бездѣйствіе иногда въ такихъ случаяхъ полицейскихъ чиновниковъ и на вредныя поступки неблагонамѣренныхъ лицъ греко-унитскаго духовенства; о первыхъ немедленно доводить до свѣдѣнія генералъ-губернаторовъ, а о послѣднихъ увѣдомлять епископовъ, донося имъ каждый разъ о томъ.

4) Если замѣчено будетъ гдѣ-либо начало безпокойствъ, расположеніе къ волненію, немедленно съ эстафетомъ извѣщать о томъ мѣстнаго губернатора, съ присовокупленіемъ ему, если извѣстно, какія лица суть главные зачинщики и возбудители прочихъ, о чемъ также доносить и имъ.

5) Содѣйствовать взаимной любви и сліянію уніатскаго и православнаго духовенства, внушая, что единовластіе свяжетъ ихъ неразрывными узами и дастъ имъ равныя права и преимущества, при чемъ первому несомнѣнно оказано будетъ снисхожденіе къ мѣстнымъ его обыкновеніямъ и привычкамъ, какъ незаключающимъ въ себѣ ничего противнаго догматамъ. Затѣмъ покушающіеся на непріязненные дѣйствія равно подвергнутся строгой отвѣтственности, какъ нарушители братскаго согласія и противники благодѣтельныхъ видовъ правительства.

6) Если генералъ-адъютантъ Дьяковъ признаетъ нужнымъ, по предварительномъ съ вами сношеніи, употребить васъ по какому-либо, до сего же предмета относящемуся, особенно важному дѣлу, и предложить вамъ отправиться въ какое-либо мѣ-

сто изъ ввѣренныхъ губерній, то, немедленно донеся мнѣ о томъ, примите таковое порученіе и, въ случаѣ надобности, испросите у него для дѣйствованія особую инструкцію.

7) Еженедѣльно доносите мнѣ о всемъ, замѣченномъ вами, по возложенному на васъ порученію: о вашихъ дѣйствіяхъ, о лицахъ, особенно отличающихся усердіемъ, или замѣченныхъ въ упорствѣ и неблагонамѣренности, дальнѣйшее пребываніе коихъ въ томъ краѣ можетъ быть нынѣ вредно, равно и о распоряженіяхъ, какія бы вы при настоящихъ обстоятельствахъ и по мѣстности признавали нужными и полезными для важнѣйшаго и успѣшнѣйшаго достиженія предположенной правительствомъ цѣли.

8) Для полученія нужныхъ вамъ свѣдѣній, или же для содѣйствія гражданскихъ начальствъ къ лучшему исполненію возложеннаго на васъ порученія, имѣете вы относиться къ главнымъ мѣстнымъ гражданскимъ и духовнымъ начальствамъ, для чего о командировкѣ вашей извѣстилъ я, именно: генераль-губернаторовъ Дьякова, князя Долгорукова и Бибикова, епископа оршанскаго Василія, также преосвященныхъ: минскаго, волынскаго, могилевскаго и полоцкаго, прося ихъ оказать вамъ возможное содѣйствіе, епископовъ же вообще входить въ нужныхъ случаяхъ и въ совѣщаніе съ вами. Сверхъ того, вы можете относиться и къ жандармскимъ штабъ-офицерамъ и требовать отъ нихъ жандарма для сопутствованія вамъ.

9) Въ личныхъ совѣщаніяхъ съ главными мѣстными начальствами вмѣняется вамъ въ обязанность объяснять имъ настоящую принятую правительствомъ систему, дабы дѣйствія ихъ имѣли болѣе единства и согласія. Вслѣдствіе сего имѣете словесно сообщить православнымъ епископамъ, чтобы они приготовили подвѣдомое имъ духовенство къ мысли, что унитское духовенство скоро сдѣлается православнымъ, хотя и будетъ оставаться до времени при своемъ наружномъ видѣ и нѣкоторыхъ привычкахъ. Православное духовенство ласкою и вниманіемъ пусть снискиваетъ въ сихъ братіяхъ своихъ любовь къ себѣ и довѣренность. По соединеніи же обоихъ духовенствъ подъ одну высшую власть, недопустится между ними никакого различія, ни первенства одного надъ другимъ, но потребуетъ между ними братская любовь и согласіе, и строго взыщется за нарушеніе первой христіанской обязанности, не терпящей никакой укоризны или оскорбленія ближнему, тѣмъ болѣе между исповѣдующими единого Христа въ единой церкви».

Главнымъ центромъ дѣйствій, Скрипицына и Іосифа долженъ былъ быть Полоцкъ, гдѣ былъ одинъ православный епископъ —

Исидоръ, и уніатскій Василій. Скрипицынъ прїѣхалъ прежде, а за нимъ прибылъ и Іосифъ. Положено было держаться такой системы, чтобы быстротою суда и наказанія поразить умы не только явно непокорныхъ видамъ правительства, но и остановить и удержать колеблющихся. Скрипицынъ проявилъ здѣсь всю свою энергію; онъ безустанно производилъ розысканія, отрывалъ главныхъ движителей въ дѣлѣ Игнатовича, привлекалъ къ суду свѣтскихъ лицъ. За слѣдствіемъ тотчасъ же присуждаемо было и наказаніе виновнымъ: свѣтскіе отсылались Скрипицынымъ къ гражданской власти, духовныя лица къ Іосифу. Послѣдніе по степени преступленія быстро получали наказанія: одни, болѣе виновные — отсылались въ великороссійскіе монастыри, другіе изъ священниковъ низводились въ причетническія должности. «Къ сожалѣнію, писалъ Іосифъ къ Протасову, значительное число духовенства, вовлеченнаго къ противодѣйствію распоряженіямъ епархіальнаго начальства, и въ особенности большое число священниковъ подвергнутыхъ уже симъ начальствомъ взысканію, недозволило мнѣ ограничиться нѣсколькими примѣрами строгости. Оказалось необходимымъ произвести гораздо важнѣйшее впечатлѣніе, чтобы разорвать шайку, существовавшую довольно уже продолжительное время, чтобы устранить въ отдаленныя мѣста людей, оною руководствовавшихъ, и чтобы заставить всѣхъ понимать, что бѣлорусское епархіальное начальство дѣйствуетъ не по собственнымъ соображеніямъ, но въ видахъ высшаго начальства и даже правительства» ¹⁾. Впечатлѣніе, произведенное быстротою розыска и суда, было самое сильное: 50 изъ 111-ти священниковъ, подписавшихъ прошеніе на высочайшее имя, показали, что они не участвовали въ сочиненіи прошенія, а болѣе 40-ка изъ нихъ изъявили совершенную готовность повиноваться всѣмъ постановленнымъ и впредь поставляемымъ властямъ. При этомъ оказалось, что подъ прошеніемъ, будто бы по довѣренности священниковъ, подписывались чиновники, тогда какъ эти священники никогда не давали подобной довѣренности; что нѣкоторые монахи-базиліане подписались подъ прошеніемъ, назвавшись священниками. Многіе изъ подписавшихся священниковъ сами явились къ епископу Василю и просили у него прощенія въ своемъ преступленіи, другіе просили Скрипицына, чтобы онъ ходатайствовалъ за нихъ предъ епископомъ и изъявляли полное раскаяніе. Конечно, не всѣ изъ 111-ти раскаялись въ своемъ проступкѣ, а были между ними и упор-

¹⁾ Письмо Іосифа къ Протасову 8-го февр. 1889-го года. Въ вышеприведенномъ дѣлѣ подъ № 144-мъ.

ные, но ихъ дѣйствія теперь были не опасны для дѣла, потому что главные движители оппозиціи были заключены въ отдаленныхъ отъ Бѣлоруссіи монастыряхъ, другіе отправлены въ литовскую епархію, третьи низведены въ причетническія должности, четвертые по своей ничтожности были не опасны или такъ разобщены съ своими единомышленниками, что не могли составить лиги или шайки. А потому дѣло бѣлорусское Іосифъ, посылъ упомянутыхъ мѣръ, считалъ оконченнымъ и отправлялся въ Петербургъ, но Скрипицынъ оставался тамъ, чтобы не розыски производить, а наблюдать тайно за положеніемъ дѣла въ унитскихъ епархіяхъ, направлять и готовить умы къ близкой наступающей эпохѣ воссоединенія уніатовъ, предупреждать неблагопріятныя дѣлу воссоединенія движенія и быстро и энергически уничтожать уже обнаружившіяся вредныя движенія. Іосифъ, исполнивъ возложенное на него порученіе, почиталъ необходимымъ изложить предъ Протасовымъ причины явленія, изслѣдованнаго имъ, осмыслить его, поставить его въ связи съ общею системою правительственныхъ дѣйствій по отношенію къ уніатскому дѣлу, и здѣсь онъ рисуетъ умно и вѣрно промахи правительственныя въ уніатскомъ вопросѣ. «Исполнивъ нынѣ, писалъ онъ Протасову, высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, долгомъ поставлю донести о семъ слѣдующее: Первоначальной причины толь важнаго сопротивленія духовенства бѣлорусской епархіи должно искать въ раздраженіи и даже ожесточеніи, произведенномъ между онымъ тягостными послѣдствіями бывшей здѣсь прежде системы обращенія уніатовъ къ православію. Таковымъ расположеніемъ умовъ старалась воспользоваться враждебная благому дѣлу польско-католическая партія. Устраненіе преосвященнаго Смарагда, князя Хованскаго и губернатора Шредера, почитаемое здѣсь дѣломъ партіи, дало полную силу внушеніямъ оной, будто происходящія по греко-унитской церкви преобразованія производятся самимъ духовнымъ оной начальствомъ и противны намѣреніямъ государя императора. Сими недоумѣніямъ причастно было, кажется, и самое гражданское начальство, по крайней мѣрѣ послѣдній витебскій гражданскій губернаторъ отказывалъ въ нужномъ содѣйствіи начальству духовному. Земскія полиціи, зависящія впрочемъ отъ выбора помѣщиковъ, не исполняли по большей части требованій сего послѣдняго начальства, или исполняли оныя не своевременно, такъ что неблагонамѣренныя священники, вызываемые въ Полоцкъ для нужныхъ внушеній или исправленій, оставались по своему произволу на приходахъ, несмотря на предписанія своего на-

чальства. Безнаказанность должна была по необходимости распространить своеволие, а послѣ сего не удивительно, что нашлось 111 духовныхъ, подписавшихъ довѣренности священникамъ Іоанну Игнатовичу и Адаму Томковиду на подачу дерзкаго всеподданнѣйшаго прошенія противу своего начальства.

«Изъ числа однакожъ сихъ духовныхъ весьма немногіе могутъ считаться дѣйствительными начинщиками. За необходимостію высылки оныхъ нынѣ же въ отдаленныя мѣста, ихъ тайна и связи съ помѣщиками не могли быть еще приведены въ совершенную ясность, да и едва-ли это было бы къ чему-нибудь полезно. Немногіе также изъ упомянутыхъ духовныхъ могутъ быть обвиняемы въ умышенномъ неповиновеніи своему начальству. Остальные вовлечены къ подписанію сказанныхъ довѣренностей только сторонними внушеніями и происками, не понимая по большей части ни цѣли, ни послѣдствій своего поступка. Многіе изъ нихъ даже не могли подписаться, иные по престарѣлымъ лѣтамъ и слѣпотѣ, иные просто по неумѣнью, и подписи ихъ есть прямой подлогъ, какъ объ одной и дѣйствительно уже доказано. Здѣсь же подписались священниками пять худого поведенія іеромонаховъ. Впрочемъ еще состоитъ подъ сомнѣніемъ, дѣйствовали ли самые начинщики болѣе по религіознымъ побужденіямъ и духу интриги, или же по корыстнымъ соображеніямъ. Извѣстно всѣмъ, что они пользовались постоянно пожертвованіями помѣщиковъ. Доказано также, что развившіе къ подписанію священникамъ помянутыя довѣренности получали отъ нихъ будто на потребности дѣла по два, три, пяти и даже по десяти рублей серебромъ.

«По уваженію таковыхъ обстоятельствъ и соображенію прочихъ свѣдѣній, лично на мѣстѣ полученныхъ, я положилъ дѣйствіямъ своимъ три слѣдующія цѣли: 1) расторгнуть связь между многочисленною партіею духовенства, воспротивившагося распоряженіямъ бѣлорускаго епархіальнаго начальства, и устранить руководствовавшихъ оною священниковъ; 2) возстановить нѣкоторымъ образомъ власть того-жъ начальства, истребленіемъ духа своевольства и мысли о безнаказанности онаго; и 3) облегчить тому-жъ начальству способы дѣйствовать на умы остальныхъ духовенства, еще непріобрѣтеннаго православною церкви. Для достиженія первой цѣли, всѣ почти священники, бывшіе въ помянутой интригѣ начинщиками, или оказавшіе духъ предпримчивый и дерзкій, устранены въ отдаленныя мѣста, такъ что не могутъ имѣть сообщенія между собою, ни съ прочимъ духовенствомъ бѣлорусской епархіи. Двѣнадцать изъ нихъ отправлены въ литовскую епархію для назначенія въ причетническія

должности при благоразумныхъ настоятеляхъ; восемь помѣщены въ трехъ отдаленныхъ, между православнымъ населеніемъ состоящихъ, греко-унитскихъ монастыряхъ, а пять, въ томъ числѣ и два іеромонаха отправлены въ великороссійскіе монастыри.

«Для достиженія второй цѣли, во всѣхъ моихъ распоряженіяхъ о строптивыхъ священникахъ я основывался официально на постановленія и рѣшенія о нихъ епархіальнаго начальства, объявляя оныя справедливыми и утверждая, какъ ваше сіятельство могли усмотрѣть изъ списковъ, приложенныхъ при моемъ отзывѣ отъ 8-го сего февраля. Кромѣ того, чтобы отнять означеннымъ духовнымъ надежду на прежнее бездѣйствіе полиціи, я распорядился о немедленномъ ихъ отправленіи къ назначеннымъ мѣстамъ посредствомъ той же полиціи, такъ что нѣкоторые изъ нихъ были взяты изъ самаго Полоцка непосредственно послѣ объявленія имъ въ консисторіи рѣшенія.

«Для достиженія послѣдней цѣли, предъ отъѣздомъ изъ Полоцка далъ я бѣлорусской консисторіи прилагаемое при семъ въ спискѣ предложеніе отъ 11-го февраля о поочередномъ вызовѣ въ оную и остальныхъ 68 священниковъ, подписавшихъ довѣренности. Съ тѣмъ вмѣстѣ я снабдилъ какъ преосвященнаго Василія, такъ и духовныхъ, дѣйствующихъ подъ его рукою, нужными наставленіями. Между прочимъ внушилъ, чтобы на остальную массу духовенства, еще сомнительной благонадежности, дѣйствовали посредствомъ благочинныхъ, почти всѣхъ уже нынѣ благонадежныхъ, въ Полоцкѣ же чтобы вызывали по два или по три священника на одинъ разъ. Такимъ образомъ епархіальное начальство не дастъ повода составить вновь многочисленной шайкѣ строптивыхъ, станетъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ на малое число вызываемыхъ священниковъ и будетъ въ состояніи замѣщать постепенно надежными священниками мѣста тѣхъ изъ духовныхъ, которые откажутся присоединиться къ православной церкви. Къ тому-жъ, при всякомъ случаѣ я старался поднять духомъ унывшее нѣсколько греко-унитское духовенство, увѣряя оное, что не столько съ опасеніемъ и недоувѣрчивостію, какъ съ радостнымъ упованіемъ должно оно ожидать окончательной развязки унитскаго дѣла; что правительствомъ и духовнымъ начальствомъ уважены будутъ не только мѣстныя потребности, но даже и привычки, временемъ вкоренившіяся и единству церкви не противныя.

«Послѣ таковыхъ мѣръ я не ожидаю никакого важнаго сопротивленія со стороны сомнительной еще благонадежности священниковъ бѣлорусской епархіи; напротивъ, надѣюсь совершен-

но, что въ скоромъ времени войдутъ въ число благонадежнаго духовенства не только тѣ изъ упомянутыхъ священниковъ, которые были подѣ влияніемъ людей злонамѣренныхъ, но даже и самые зачинщики, за малымъ развѣ исключеніемъ. О монахахъ не стоить беспокоиться какъ потому, что они находятся подѣ надежными настоятелями, такъ и потому, что вообще они почти уже лишены всякаго вліянія на греко-унитскій народъ. Одно, на что должно обратить вниманіе, есть могущія быть, какъ иногда до сего времени случались, попытки возбудить прихотанъ противу священниковъ, пазначаемыхъ на мѣста духовныхъ, оказавшихся неблагонадежными.

«По моему, однакожъ, мнѣнію, четвертой доли средствъ, предоставленныхъ нынѣ генераль-губернаторомъ, достаточно для удержанія всего въ порядкѣ. Я думаю даже, что таковыя попытки весьма легко предупредить, и для сего довольно внушить помѣщикамъ, чрезъ предводителей дворянства, что поступки въ семъ отношеніи крестьянъ будутъ отнесены на отвѣтственность ихъ помѣщиковъ; такъ какъ и дѣйствительно безъ внушенія или согласія сихъ послѣднихъ никакого покушенія отъ крестьянъ ожидать невозможно. Мысль сію я передалъ какъ генераль-губернатору Дьякову и витебскому гражданскому губернатору, такъ и камергеру Скрипицыну.

«Засимъ я не нахожу никакого повода пріостанавливать предположенное присоединеніе уніатовъ къ православной греко-россійской церкви; напротивъ, считаю, что сія мѣра будетъ рѣшительно содѣйствовать къ окончательному истребленію элементовъ противудѣйствія какъ между польско-католическою партіею, такъ и между уніатами, поелику противодѣйствіе это основывалось на возможности воспрепятствовать благому дѣлу, и должно прекратиться съ потерей надежды на успѣхъ. Одна только предосторожность можетъ быть не излишняя, именно: чтобы не объявлять нынѣ официально указа св. синода о присоединеніи священникамъ неблагонадежнымъ, дабы выиграть время для окончательнаго ихъ пріобрѣтенія православной церкви.

«Въ заключеніе, руководствуясь собственнымъ убѣжденіемъ и мнѣніемъ преосвященныхъ Василія и Антонія, долгомъ поставлю изъяснить слѣдующее обстоятельство: приходское греко-унитское духовенство въ послѣднія нѣсколько лѣтъ остается въ несчастной необходимости: или быть невѣрнымъ своему долгу, или быть жертвою недоброжелательства римлянъ и поляковъ. Благонадежные священники лишены въ значительной степени средствъ содержанія чрезъ воспрещеніе шептанныхъ обѣденъ и ограничены вліяніемъ помѣщиковъ на своихъ крестьянъ и въ

прочихъ доходахъ по исправленію духовныхъ требъ. Сверхъ того священники сіи подвергаются по большей части и другимъ важнымъ стѣсненіямъ со стороны недоброжелательныхъ помѣщиковъ. Имъ часто воспрещается вырубка нужнаго дѣса, выгонъ скота, наемъ слугъ и даже работниковъ для обработыванія полей. Отеческія намѣренія всемілостивѣйшаго государя къ улучшенію участи духовенства западныхъ губерній, въ томъ числѣ и уніатскаго нынѣшняго, извѣстны. Однакожь это отдаленно, а сіе послѣднее духовенство нынѣ именно болѣе всего нуждается въ пособіи. Посему осмѣливаюсь просить ваше сіятельство: не благоугодно ли будетъ испросить высочайшее его императорскаго величества соизволеніе на выдачу нынѣ единовременнаго пособія бѣднѣйшимъ греко-унитскимъ священникамъ на счетъ извѣстной вашему сіятельству суммы».

Іосифъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ такимъ убѣжденіемъ, что болѣе нельзя медлить окончаніемъ унитскаго дѣла и откладывать его въ долгій ящикъ. Бѣлорусское дѣло, видѣнное имъ собственными глазами, еще болѣе убѣдило его въ необходимости скорѣйшаго окончанія унитскаго вопроса. Медленіе только производило раздраженіе между православною и унитскою партіею, ослабляло энергію въ однихъ, распаляло страсти и оппозицію въ другихъ, подавало той и другой сторонѣ поводъ къ невѣрнымъ воззрѣніямъ на дѣло, поощряло упорство и неповоротливость неблагонадежныхъ священниковъ, получавшихъ внушенія изъ Петербурга, что правительство иначе смотритъ на унитское дѣло, чѣмъ епископы унитскіе. Эту фальшь унитскаго дѣла признавалъ не одинъ Сѣмашко, но и Антоній Зубко, который, подобно Іосифу, просилъ Протасова скорѣе окончить унитскій вопросъ.

Вотъ что онъ писалъ по этому случаю графу Протасову отъ 25-го октября 1838 года:

«На счетъ греко-унитской церкви, о литовской епархіи приѣмлю смѣлость доложить вашему сіятельству, что она уподобляется вновь отстроенному зданію, остающемуся безъ крыши, и враждебныя стихіи полонизма и католицизма могутъ мало-помалу разрушить оное, такъ что послѣ и крыша не защититъ зданія отъ непрочности, т.-е. я хочу сказать, что, по моему мнѣнію, нужно, дабы поскорѣе послѣдовала высочайшая воля о присоединеніи нашей церкви къ греко-россійской, согласно желанію почти всего духовенства. Эту-то волю я называю крышею. Безъ нея враждебныя стихіи начинаютъ уже нашептывать, что присоединеніе къ православію есть измѣненіе вѣры прародительской; что правительство не намѣрено приводить оное въ испол-

неніе и что стремленія къ сему духовнаго начальства могутъ быть разрушенными. Уже появляются маленькія возмущенія прихожанъ, проистекающія отъ неблагонамѣренныхъ священниковъ. Епархіальное начальство предпринимаетъ противъ сего мѣры, (но пока дѣло въ секретѣ) официально эти мѣры будутъ недостаточны. Теперь нѣкоторые не знаютъ еще, что почти все духовенство желаетъ присоединенія, а нѣкоторые, любящіе возмущенія, притворяются незнающими и внушаютъ, что затѣи о присоединеніи можно разрушить. Обнародованная воля царская все бы это прекратила. Колеблющіеся сказали бы, что міру, то и намъ, а возмутители увидѣли бы, что законы о свободѣ вѣроисповѣданія не препятствуютъ общему присоединенію, по желанію почти всѣхъ. Теперь злонамѣренные воюютъ законами о вѣротерпимости. Ежели въ бѣлорусской епархіи что-либо недостроено, то можетъ быть кончено подъ крышею ¹⁾».

Воззрѣніе на унитское дѣло такихъ авторитетовъ, какъ Иосифъ и Антоній, окончательно опредѣлило наше правительство поскорѣ покончить съ унитскимъ вопросомъ. 22-го и 26-го декабря 1838 года были засѣданія секретнаго комитета, составленнаго изъ Бенкендорфа, Киселева, Блудова и Протасова, именно съ тою цѣлью, чтобы привести къ окончанію унитское дѣло. Въ комитетѣ этомъ прочитаны были: 1) выписка изъ секретнаго отношенія виленскаго военнаго генералъ-губернатора князя Долгорукова къ оберъ-прокурору св. синода, отъ 18-го ноября 1838 года за № 1353-мъ, о положеніи греко-унитскаго дѣла въ управляемыхъ имъ губерніяхъ; 2) записка литовскаго греко-унитскаго епископа отъ 1-го декабря 1838 года о мѣрахъ общаго воссоединенія; 3) мнѣніе о томъ же митрополита Филарета, отъ 16-го декабря 1838 года и 4) разныя свѣдѣнія относительно нынѣшняго состоянія греко-унитской церкви.

На основаніи всѣхъ этихъ бумагъ комитетъ разсудилъ, что греко-унитское духовенство литовской епархіи вообще уже столь готово къ воссоединенію, что всякая дальнѣйшая медленность въ окончательномъ по сему предмету распоряженіи могла бы лишь привести его въ недоумѣніе и поколебать его ревность; епархія же бѣлорусская, хотя еще не достигла той же степени готовности, но судя по успѣхамъ, оказаннымъ ею въ текущемъ году, безъ сомнѣнія должна, при дальнѣйшихъ усиліяхъ епархіальнаго и гражданскаго начальствъ, скоро сравняться съ ли-

¹⁾ Въ канц. об.-прок. св. синода дѣло 1838 года объ усугубленіи мѣръ осторожности и надзора для предупрежденія безпорядковъ при преобразованіи греко-унитской церкви.

товскою, то неблагоуразумно было бы далѣе откладывать общее воссоединеніе уніатовъ, для котораго время приспѣло и которое одно въ состояніи ободрить все благонадежное духовенство и расположить къ подражанію ему если уже не все остальное, то по крайней мѣрѣ большую его часть. Но чтобы съ другой стороны сія мѣра, утверждая благонадежныхъ, не дала въ самомъ началѣ повода сомнительнымъ и упорнымъ чуждаться собственной своей церкви и уклоняться къ римской, комитетъ нашелъ нужнымъ ограничиться на первый разъ обнародованіемъ по сему предмету указа на имя сената въ такой силѣ, что послѣ передачи въ 1837-мъ году завѣдыванія всѣми духовными дѣлами греко-унитскаго исповѣданія оберъ-прокурору св. синода, когда между тѣмъ греко-унитская коллегія, принадлежа къ второстепеннымъ мѣстамъ въ общемъ государственномъ порядкѣ, остается еще подчиненною сенату, нынѣ признается полезнымъ даровать болѣе единства управленію, подчинивъ ее вмѣсто сената св. синоду.

Затѣмъ комитетъ обратился къ подробностямъ воссоединенія уніатской церкви съ православною, а равно къ самому порядку, въ которомъ должны быть расположены дѣйствія воссоединенія, и въ этомъ случаѣ начерталъ слѣдующія предположенія: 1) греко-унитскіе епископы со старшимъ духовенствомъ своимъ составляютъ церковный соборный актъ, въ которомъ по изложеніи причинъ заключать, что они, по зрѣломъ разсужденіи, призвавъ въ помощь благодать Божію, полагаютъ признать вновь свое первоначальное единство съ восточно-каатолическою православною церковью, отъ котораго въ бѣдственные времена стторжены были отторженіемъ политическимъ, отъ котораго удалены были постороннимъ вліяніемъ и къ которому возвратиться нынѣ имѣютъ полную свободу; пребывать отнынѣ, какъ издревле, въ единомысліи вѣры съ православно-восточными патріархами и въ послушаніи св. правительствующему всероссійскому синоду, и для приведенія сего воссоединенія въ дѣйствіе испрашиваютъ покровительства благочестивѣйшаго государя императора. 2) Этотъ актъ долженъ быть подписанъ присутствующими при составленіи его, а отъ прочаго духовенства должны быть приложены къ нему отзывы, изъявляющіе согласіе на воссоединеніе. 3) Актъ и отзывъ поднесены будутъ его императорскому величеству при всеподданнѣйшемъ прошеніи. 4) Въ то же время долженъ послѣдовать указъ о подчиненіи греко-унитской коллегіи св. синоду. 5) Всеподданнѣйшее прошеніе и актъ при собоѣмъ указѣ будутъ переданы на разсмотрѣніе св. синода, который составитъ опредѣленіе о принятіи греко-унитской церкви

въ первоначальное, истинное единство св. православной, восточной, католической церкви и въ особенности въ составъ церкви российской. 6) Такое опредѣленіе должно быть представлено государю императору во всеподданнѣйшемъ докладѣ синода. 7) По высочайшемъ на сіе соизволеніи, св. синодъ дастъ исполнительный указъ епископамъ присоединеннымъ и древле православнымъ сопредѣльнымъ. Въ семъ указѣ нужно будетъ предписать присоединеннымъ: объявить его сперва подписавшимъ актъ, а потомъ прочимъ, давшимъ подписки о воссоединеніи, по мѣрѣ признаваемой къ тому возможности; не давшихъ же до нынѣ подписокъ располагать къ сему, и не прежде имъ объявлять указъ, какъ по принятіи отъ нихъ подписокъ. Сей указъ и актъ воссоединенія не публикуется до времени.

Читана была также записка министра государственныхъ имуществъ о мѣрахъ къ обезпеченію содержанія греко-унитскаго духовенства, по воссоединеніи его, а также и къ предупрежденію дѣйствій, могущихъ возникнуть противъ утвержденія его къ православіи. Въмѣстѣ съ этимъ предложены были оберъ-прокуроромъ св. синода нѣкоторые вопросы къ разрѣшенію. Сообразивъ сіи вопросы съ помянутою запиской и съ обстоятельствами дѣла, комитетъ положилъ: 1) для успѣшнѣйшаго приведенія въ дѣйствіе общаго воссоединенія уніатовъ, необходимо нужно совершенное единство въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по сему предмету какъ въ литовскихъ, такъ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, къ обузданію всѣхъ могущихъ быть противодѣйствій какъ со стороны помѣщиковъ, такъ и со стороны римскаго духовенства. Для достиженія сего единства генераль-губернаторы непремѣнно должны быть снабжены единообразною инструкціей и особымъ полномочіемъ, съ помощію коего малѣйшіе безпорядки, еслибы они случились вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, были бы немедленно пресѣкаемы въ самомъ ихъ началѣ. 2) Генераль-губернаторамъ должно быть предоставлено снести съ военнымъ министромъ о помѣщеніи для надлежащей предосторожности подъ благовиднымъ предлогомъ войска въ тѣ уѣзды, которые находятся въ сомнительномъ положеніи, и съ тѣмъ вмѣстѣ наблюдать, чтобы оныя безъ необходимости не ставились въ деревни, населенныя уніатами. 3) При настоящихъ обстоятельствахъ Витебской губерніи, въ которой предъ всѣми прочими замѣтно противодѣйствіе помѣщиковъ и римскаго духовенства, препятствующее многимъ греко-унитскимъ священникамъ исполнять раздѣлять съ своею церковію чувства усердія къ дѣлу общаго воссоединенія, успѣхъ онаго въ особенности долженъ зависѣть отъ распорядительности начальника губерніи, отъ его

опытности и мѣстнаго знанія западнаго края. Комитетъ, убѣждаясь важностію сего предмета и обозрѣвая находящихся нынѣ въ семъ званіи лицъ, осмѣливается полагать, что всего полезнѣе было бы поручить сію должность въ Витебскѣ дѣйствительному статскому совѣтнику Лашкареву, который былъ вице-губернаторомъ въ Могилевѣ и Гроднѣ, губернаторомъ въ Кіевѣ, донинѣ состоитъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскѣ, и вездѣ заслужилъ отличное одобреніе начальства. 4) Относительно мѣста, гдѣ приличнѣе состояться акту воссоединенія, а равно и времени изданія указа, подчиняющаго греко-унитскую духовную коллегію св. синоду, надлежитъ предоставить оберъ-прокурору св. синода войти къ его величеству со всеподданнѣйшимъ докладомъ. 5) Поелику съ одной стороны большая часть священниковъ уніатскихъ дали подписки о готовности своей присоединиться къ православію съ условіемъ, чтобы имъ дозволено было остаться при мѣстныхъ обычаяхъ своихъ, непротивныхъ православію, а съ другой стороны скорое измѣненіе оныхъ, какъ-то: бритья бороды и ношенія нынѣшняго платья, лишило бы ихъ вліянія на народъ, имѣющій предубѣжденія противъ наружнаго вида нашихъ священниковъ, то для успокоенія ихъ въ семъ отношеніи, надлежитъ удостовѣрить ихъ, что отъ нихъ не будетъ требоваться измѣненія одежды, постовъ и всѣхъ тѣхъ церковныхъ и молитвенныхъ обычаевъ, къ которымъ сдѣлана уже давняя привычка и въ которыхъ не заключается ничего противнаго сущности православія, но усматривается одно лишь особое обыкновеніе, усиливающее, по ихъ мнѣнію, степень набожнаго усердія. Таковое удостовѣреніе отъ высочайшей власти всего удобнѣе сообщить секретными отношеніями греко-унитскимъ епископамъ съ тѣмъ, чтобы они предъявили оное священникамъ вмѣстѣ съ объявленіемъ синодскаго указа. 6) Если при общемъ воссоединеніи нѣкоторые изъ духовныхъ окажутъ возмущеніе своему началству, то они, по усмотрѣнію епархіальныхъ властей, должны быть переводимы или въ греко-унитскіе монастыри южныхъ губерній, окруженные отовсюду православными приходами, или же въ православные монастыри въ великороссійскихъ губерніяхъ. 7) Для ободренія воссоединенныхъ священниковъ, которые по большей части лишаются пособій отъ помѣщиковъ, необходимо нужно, въ уваженіе оказаннаго усердія къ церкви, дѣлать имъ единовременныя пособія, которыя по числу приходовъ могутъ примѣрно составить всего до 360,000 р.; сія выдача производить на мѣстѣ займообразно изъ капиталовъ коммиссіи духовныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ выданная сумма отнесена была на счетъ государственнаго казначейства по смѣтѣ расходовъ

на будущій 1840-й годъ. 8) Наконецъ, комитетъ, выполнѣ раздѣляя съ министромъ государственныхъ имуществъ мнѣніе его о предстоящей непремѣнной потребности упредить на будущее время постоянное содержаніе возсоединеннаго духовенства, разсудилъ, что какъ по высочайшему повелѣнію способы въ обезпеченію вообще въ имперіи сельскихъ причтовъ предоставлены совокупному разсмотрѣнію министра государственныхъ имуществъ и главнаго духовнаго управленія, то и настоящій предметъ долженъ быть переданъ на соображеніе министра же государственныхъ имуществъ и оберъ-прокурора св. синода, съ тѣмъ, однакоже, чтобы оный, по важности своей, былъ разсмотрѣнъ прежде всего и отдѣльно отъ общаго вопроса.

Между тѣмъ самую дѣятельною въ семъ отношеніи мѣрою представляется по казеннымъ имѣніямъ та, которая изъяснена въ запискѣ министра государственныхъ имуществъ, а именно: «чтобы отвести для священниковъ потребное количество земли, не касаясь крестьянъ, изъ фольварковыхъ участковъ, хотя бы отъ сего послѣдовало нѣкоторое, незначительное впрочемъ, уменьшеніе въ доходахъ. Обезпеченіе же содержанія священниковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ требуетъ новыхъ способовъ, до изысканія коихъ остается по возсоединеннымъ приходамъ ограничиться строгимъ наблюденіемъ, чтобы помѣщики римскаго исповѣданія удерживались по крайней мѣрѣ отъ малѣйшаго стѣсненія духовенства и для того предписать генералъ-губернаторамъ предварить помѣщиковъ, замѣченныхъ въ противодѣйствіи мѣрамъ правительства, что при дальнѣйшемъ ихъ покушеніи, правительство вынуждено будетъ взять имѣнія ихъ въ особенный присмотръ и ввести обязательный инвентарь по примѣру вводимыхъ нынѣ въ казенныхъ имѣніяхъ»¹⁾. Государь утвердилъ предложенія комитета, и затѣмъ оставалось сдѣлать послѣдній шагъ.

М. Морошенинъ.

¹⁾ Въ канц. об.-прок. св. синода всеподданнѣйшіе доклады 1838 года декабря 22 и 26 чиселъ.

ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ

ВЪ

РОМАНЪ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.

Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille sous le second Empire, par Emile Zola. Tome deuxième: La curée. Paris, 1871.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

ЦАРСТВО ЗАХВАТА И ДОВИЧЬИ.

I.

Аристидъ Ругонъ накинудся на Парижъ вскорѣ послѣ «второго декабря», благодаря тому чутью хищныхъ птицъ, которыя издали чувствуютъ поле сраженія. Онъ явился изъ Шлессана, гдѣ его отецъ поймалъ, послѣ долгихъ усилій, въ мутной водѣ событій, мѣсто сборщика податей. Аристидъ, еще молодой чловѣкъ, скомпрометтированный безъ всякой для себя пользы, долженъ былъ считать себя счастливымъ, что такъ дешево отдѣлался. Онъ явился въ Парижъ, взбѣшенный своей недалекновидностью, проклиная провинцію, говоря о Парижѣ, какъ голодный волкъ могъ бы говорить о добычѣ, клянясь, что «теперь онъ не будетъ такимъ дуракомъ».

*) См. выше: июль, 112 стр.

Онъ пріѣхалъ въ самомъ началѣ 1852 года. Съ собой онъ привезъ свою жену, Анжель, и дочь Клотильду; они помѣстились въ крошечной квартиркѣ улицѣ Сень-Жакъ. Въ Плессанской коллегіи онъ оставилъ своего сына Максима, — мальчугана одиннадцати лѣтъ, — на попеченіи своей матери Фелиситэ. Аристидъ, во чтобы то ни стало, хотѣлъ быть свободнымъ. Жена и ребенокъ казались уже очень тяжелымъ бременемъ для человека, рѣшившагося пересканивать черезъ всѣ затрудненія, рискуя даже сломать себѣ шею.

Вечеромъ, въ день своего пріѣзда, въ то время, какъ Анжель рылась въ чемоданахъ, Аристидъ почувствовалъ непреодолимую потребность пройти по Парижу, коснуться своими провинціальными башмаками той жгучей мостовой, на которой онъ рѣшился добывать милліоны. Онъ прохаживался по улицамъ какъ настоящій завоеватель и даже сравнилъ себя мысленно съ изворотливымъ воромъ, который ловкостью или грабежомъ забираетъ свою часть въ общемъ богатствѣ, часть, которую отнимали у него до сихъ поръ. Еслибы онъ почувствовалъ потребность извинять себя, то указалъ бы на стремленія, подавляемыя въ продолженіи десяти лѣтъ, на свою печальную и жалкую жизнь, въ особенности на свои промахи, въ которыхъ онъ дѣлалъ отвѣтственнымъ все общество. Но въ эту торжественную для него минуту, отдавшись вполнѣ волненію игрока, который владетъ наконецъ свои жадныя руки на зеленое поле, онъ ощущалъ невыразимое блаженство. Парижскій воздухъ опьянялъ его, въ шумѣ каретъ онъ слышалъ, казалось, Шекспировскіе голоса, кричавшіе ему: «ты будешь богатъ». Болѣе двухъ часовъ онъ гулялъ такимъ образомъ. Наконецъ, настали сумерки; игра его воображенія росла вмѣстѣ съ яркимъ освѣщеніемъ кафе и магазиновъ. Онъ заблудился.

Когда онъ приподнялъ глаза, то увидѣлъ, что находится посреди Фобуръ-Сенъ-Онорé. Одинъ изъ его братьевъ, Эженъ Ругонъ, жилъ по близости. Аристидъ, рѣшившись переехать въ Парижъ, въ особенности рассчитывалъ на помощь и протекцію Эжена, который, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ декабрьскаго переворота, сталъ теперь значительной политической силой. Но, находясь подъ вліяніемъ безсознательнаго суетврія, Аристидъ не хотѣлъ войти къ своему брату въ этотъ вечеръ. Онъ медленно направился къ своей квартирѣ въ улицѣ Сень-Жакъ, думая объ Эженѣ съ глухою завистью, глядя на свою потасканную одежду и стараясь утѣшить себя своимъ будущимъ богатствомъ. Но и эти мечтанія о бу-

душѣмъ подѣ конецъ приняли грустный отбѣнокъ, когда онъ насытился зрѣлищемъ коммерческой дѣятельности Парижа...

На другой день, рано утромъ онъ уже былъ у своего брата. Эженъ занималъ двѣ большія, мрачныя комнаты, весьма скудно мебелированныя. Это непріятно подѣйствовало на Аристиду, — онъ полагалъ, что братъ его купается въ роскоши. Эженъ работалъ у маленькаго чернаго столика; увидѣвъ брата, онъ сказалъ протяжно и съ улыбкой:

— А, это ты, — я тебя ожидалъ.

Аристидъ сталъ рѣзко упрекать Эжена за его равнодушіе къ роднымъ, говоря, что Эженъ не позаботился даже дать ему хорошій совѣтъ, въ то время, какъ онъ прозябалъ въ провинціи. Эженъ спокойно слушалъ.

— Все это поправимо, сказалъ онъ наконецъ. Будущее въ твоихъ рукахъ.

Онъ произнесъ это слово такъ ясно и отчетливо, глядя на Аристиду такъ пронизательно, что Аристидъ невольно смутился.

— Ты хочешь, чтобы я досталъ тебѣ мѣсто? Объ этомъ я уже думалъ, но до сихъ поръ ничего еще не нашелъ. Я вѣдь не могу сунуть тебя куда попало. Тебѣ нужна такая должность, при которой ты могъ бы обдѣлывать свои дѣлишки, не вреди ни себѣ, ни мнѣ... Пожалуйста, не возражай; мы одни и можемъ, поэтому, высказывать другъ другу нѣкоторыя вещи...

Аристидъ захихикалъ.

— Я знаю, что ты не дуракъ, продолжалъ Эженъ, и что теперь ты не сдѣлаешь бесполезной глупости.. Какъ только будетъ возможно, я устрою тебя. А пока, если ты будешь нуждаться въ одномъ или двухъ лудорахъ, — являйся ко мнѣ за ними.

Они поговорили еще немного о возстаніи на югѣ, возстаніи, которое выдвинуло ихъ отца. Разговаривая, Эженъ одѣвался. На улицѣ онъ сказалъ шопотомъ:

— Я тебѣ буду очень благодаренъ, если ты на нѣкоторое время попридержишь свои порывы и не станешь шпаться... Мнѣ будетъ непріятно видѣть, какъ мой братъ попрошайничаетъ въ прихожихъ...

Аристидъ былъ высокаго мнѣнія о своемъ братѣ, котораго онъ считалъ человѣкомъ не дюжиннаго закала. Онъ не простилъ ему его цинической откровенности, но послушалъ его и засѣлъ въ улицѣ Сень-Жакъ. Онъ пріѣхалъ съ пятьюстами франковъ; за вычетомъ издержекъ на дорогу, у него осталось около трехъсотъ франковъ, на которые нужно было жить бо-

гѣ мѣсяца. Анжель имѣла необыкновенный аппетитъ; къ тому же она сочла необходимымъ нѣсколько освѣжить свой туалетъ. Этотъ мѣсяцъ казался Аристиду безконечнымъ. Нетерпѣніе жгло его. Когда, по вечерамъ, онъ выглядывалъ въ окно, и чувствовалъ подъ собой эту колоссальную дѣятельность Парижа,—его брала охота броситься въ этотъ омутъ и начать загребать золото пригорпнями. Онъ съ невыразимымъ наслажденіемъ вдыхалъ этотъ воздухъ рождающейся имперіи, въ которомъ чувствовался уже удушливый запахъ алькова и фипансовыхъ притонновъ. Онъ чувствовалъ своимъ нюхомъ голоднаго звѣря, что находится на настоящей дорожкѣ, что добыча тутъ, передъ нимъ, что колоссальная охота, охота за приключеніями, женщинами, милліонами началась уже...

Два раза онъ ходилъ къ своему брату понавѣдаться. Эженъ принималъ его холодно, всякій разъ повторяя, что онъ его не забудетъ, и что нужно ждать. Наконецъ, Аристидъ получилъ письмо, въ которомъ братъ просилъ его зайти къ нему. Замѣтивъ его, Эженъ подавъ ему бумагу, говоря:

— Твое дѣло въ шляпѣ. Ты назначенъ помощникомъ смотрителя въ Ратушѣ (Hôtel de Ville); ты будешь получать двѣ тысячи четыреста франковъ жалованья.

Аристидъ позеленѣлъ отъ злости и въ первую минуту подумалъ, что братъ издѣвается надъ нимъ. Оно надѣялся получить мѣсто по крайней мѣрѣ въ шѣсть тысячъ франковъ. Эженъ, догадавшись въ чемъ дѣло, повернулся къ нему.

— Неужели ты рѣшительно дуракъ? Ты мечтаешь какъ пансіонерка; ты желалъ бы прекрасную квартиру, лакеевъ, экипажъ... Шалишь, братъ. Еслибы за тобой и тебѣ подобными не смотрѣть въ оба, вы бы мигомъ опустошили сундуки, даже прежде, чѣмъ они наполнятся... Подожди крошечку, братецъ. Посмотри какъ я живу, и потрудишься по крайней мѣрѣ нагнаться, чтобы взять состояніе.

Онъ говорилъ съ глубокимъ презрѣніемъ. Въ каждомъ словѣ Эжена чувствовались громадное честолюбіе, стремленіе къ власти. Эта наивная жадность его брата должна была ему казаться дѣтской и мѣщанской.

— Конечно, продолжалъ онъ нѣсколько мягче, твои намѣренія прекрасны, и я вовсе не думаю противиться имъ. Люди въ родѣ тебя—драгоцѣнны; мы именно рѣшили выбирать друзей среди голодныхъ. Будь покоенъ; столъ у насъ будетъ открытъ для нихъ, и самые жадные удовлетворятся, — будь увѣренъ. Но, сдѣлай милость, подожди пока накроютъ на столъ,

и если ты мнѣ вѣришь,—потрудиись только самъ поставить свой кувертъ.

Но Аристидъ продолжалъ быть мрачнымъ. Игривыя сравненія его брата не веселили его.

— Знаешь что? продолжалъ послѣ нѣкотораго молчанія Эженъ. Я возвращаюсь къ своему первому мнѣнію: ты рѣшительно дуракъ... На что ты разсчитывалъ? что ты хотѣлъ, чтобы я сдѣлалъ съ такимъ сокровищемъ какъ ты? У тебя даже недостало энергіи кончить школу права; въ продолженіи десяти лѣтъ ты ничего не дѣлалъ въ Плессанѣ и теперь являешься сюда съ отвратительною репутаціей республиканца, который повернулъ на настоящую дорогу только вслѣдствіе декабрьскаго переворота.... Не думаешь ли ты, что съ такими аттестатами ты попадешь въ министры?.. Конечно, у тебя есть дикое желаніе достигъ положенія всѣми возможными средствами. Согласенъ, это великая добродѣтель, и на нее-то я именно надѣялся, вникывая тебя въ Ратушу.

Потомъ, вставъ, онъ вторично подалъ ему бумагу.

— Бери, прибавилъ онъ, не раскаешься. Я самъ выбралъ это мѣсто и знаю, какъ ты можешь имъ воспользоваться... Тебѣ нужно будетъ только смотрѣть, да слушать... если ты уменъ, то поймешь... А теперь, обрати особенное вниманіе на то, что я тебѣ скажу: мы вступаемъ въ эпоху, въ которой все возможно... Забирай сколько возможно денегъ, — это я позволяю тебѣ; но только чтобы не было ни глупости, ни скандала, въ противномъ случаѣ я тебя мигомъ уничтожу.

Угроза произвела свое дѣйствіе. Жадность снова забушевала въ Аристидѣ. Ему казалось, что его спускаютъ съ цѣпи, съ позволеніемъ грабить людей, но легально, безъ шума. Эженъ далъ ему двѣсти франковъ на первыя издержки.

— Я думаю переимѣнить фамилію, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія; и тебѣ слѣдовало бы сдѣлать тоже... Такимъ образомъ мы менѣе будемъ другъ другу мѣшать.

— Какъ хочешь, отвѣчалъ спокойно Аристидъ.

— Тебѣ незачѣмъ будетъ хлопотать; я беру на себя всѣ формальности... Хочешь называться Сикардо, по фамиліи твоей жены?..

Аристидъ поднялъ глаза къ потолку, повторяя и прислушиваясь къ гармоніи звуковъ.

— Сикардо... Аристидъ Сикардо... Нѣтъ, это старо и пахнетъ банкротствомъ.

— Ну, поищи другую фамилію...

— Я предпочелъ бы просто Сикарь, продолжалъ Аристидъ;

Аристидъ Сиваръ... Недурно... Не правда ли?... Какъ будто черезъ-чуръ игриво?...

Онъ подумалъ еще съ минуту и наконецъ воскликнулъ торжественно:

— Я нашелъ... Саккаръ, Аристидъ Саккаръ... Какъ ты думаешь? Точно слышится звукъ денегъ въ этой фамиліи; точно считаешь лундоры...

Эженъ жестоко шутилъ, онъ простился съ братомъ, сказавъ ему съ улыбкой:

— Да, фамилія, съ которой можно приобрѣтать миллионы, или отправиться на каторгу...

И Аристидъ началъ вести жизнь маленькихъ парижскихъ чиновниковъ... жизнь скучную и однообразную. Ихъ мечты немедленнаго обогащенія оказались пухомъ, и эта сѣрая жизнь вдвойнѣ была тягостна имъ, тѣмъ болѣе, что они не знали, какъ долго продлится это время испытанія... Анжель точно покорила судьбѣ, но Аристидъ возмущался этимъ узкимъ существованіемъ, какъ въ клѣтву посаженный звѣрь.

Въ 1853 году, Аристидъ Саккаръ получилъ мѣсто смотрителя и сталъ получать четыре тысячи пятьсотъ франковъ. Это повышеніе было кстати; Анжель стала сильно прихварывать, маленькая Клотильда ходила какъ тѣнь. Но они продолжали вести прежнюю, строгую жизнь, избѣгая лишнѣхъ издержекъ и долговъ.

Аристидъ въ точности исполнялъ совѣтъ Эжена: онъ смотрѣлъ и слушалъ. Онъ сдѣлался вкрадчивымъ и любезнымъ; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ превратился въ великолѣпнаго актера; вся его южная веселость проснулась въ немъ, и онъ такъ далеко усовершенствовался въ этомъ искусствѣ, что его товарищи по службѣ считали его милѣйшимъ малымъ, котораго близкое родство съ вліятельнымъ депутатомъ быстро подвинетъ въ служебной карьерѣ. То же родство приобрѣло ему благосклонность начальства. Благодаря этому обстоятельству, онъ пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ, имѣлъ право отворять нѣкоторыя двери и совалъ носъ въ нѣкоторыя бумаги, не возбуждая никакого подозрѣнія. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, онъ шлеялся по корридорамъ, блуждалъ по заламъ ратуши, разъ двадцать въ день вставалъ поболтать съ товарищемъ, отнести бумагу, пройти по бюро, — безконечныя прогулки, о которыхъ его товарищи говорили: «экой бѣдовый провансалецъ! не сидится ему на мѣстѣ: точно живое серебро у него въ ногахъ!» Никогда ему не случалось сдѣлать глупости — подслушивать; но за то онъ такъ бойко отворялъ двери, проходилъ черезъ залу съ бумагой въ

рукахъ, погруженный въ дѣло, такимъ правильнымъ и медленнымъ шагомъ, что не терялъ ни одного звука изъ разговоровъ. Это была гениальнѣйшая тактика; въ концѣ концовъ, никто не сталъ обращать вниманія на этого усерднаго чиновника, который точно скользилъ по заламъ и казался поглощенъ своимъ дѣломъ. Но у Аристиды была еще и другая метода: онъ былъ чрезвычайно предупредителенъ, онъ съ величайшей готовностію помогалъ своимъ товарищамъ, когда у нихъ было много работы, и тогда онъ изучалъ книги и документы, попадавшіеся ему на глаза, съ какою-то сосредоточенною нѣжностію. Но самая милая его выдумка состояла въ дружбѣ съ писарями; онъ усердно жалъ имъ руки, цѣлыми часами болталъ съ ними въ корридорахъ, хихикая рассказывалъ имъ анекдоты, вызывая ихъ на сплетни. Писаря обожали его, говоря объ немъ: «вотъ ужъ не спѣсивъ!» Какъ только случался скандалъ, онъ первый зналъ объ немъ. Благодаря этой искусной системѣ, къ концу второго года въ ратушѣ не было для него секретовъ. Персоналъ ратуши былъ ему извѣстенъ до послѣдняго ламповщика, а бумаги — до счетовъ прачекъ.

Для такого человѣка какъ Аристидъ Сакваръ, Парижъ представлялъ въ это время чрезвычайно любопытное зрѣлище. Имперія только-что была провозглашена послѣ того знаменитаго путешествія, во время котораго принцъ-президентъ успѣлъ вызвать энтузіазмъ нѣкоторыхъ бонапартистскихъ департаментовъ. Газета и трибуна замолчали. Общество, еще разъ спасенное, чувствовало себя хорошо, отдыхало, кейфовало, зная, что сильное правительство охраняетъ его и даже беретъ на себя заботу за него думать и дѣйствовать. Самая важная забота общества заключалась въ томъ, чтобы рѣшить задачу: какимъ образомъ убить время?

По счастливому выраженію Эжена Рюгона, Парижъ садился за столъ и тѣшился за десертомъ. Политика пугала. Люди накупились на финансовыя операціи и на наслажденіе. Въ этой бѣшеной толпѣ слышались звуки пяти-франковыхъ монетъ, пронзительный хохотъ развратныхъ женщинъ, звуки посуды и поцѣлуи. Казалось, что находишься передъ однимъ изъ тѣхъ невзрачныхъ домиковъ, которыхъ окна тщательно завѣшены, гдѣ слышно только, какъ золото звенитъ, падая на мраморъ каминовъ. Вторая имперія собиралась превратить Парижъ въ домъ терпимости для всей Европы...

Аристидъ Сакваръ съ первыхъ же дней пронюхалъ эту возрастающую страсть Парижа къ финансовымъ спекуляціямъ. Онъ съ глубочайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ этой страсти.

Онъ какъ разъ находился въ центрѣ того золотого дождя, который падалъ на городъ, разрушая цѣлые кварталы, точно рудолопы отырыли подъ мостовой улицъ золотую руду. Благодаря своимъ постояннымъ прогулкамъ по ратушѣ, Аристидъ отырылъ громадный проектъ превращенія Парижа, планъ ломки, новыхъ улицъ и кварталовъ, столкновеніе интересовъ и фейерверкъ бѣшеной роскоши. Съ тѣхъ поръ его дѣятельность отыскала себѣ цѣль. Въ эту-то именно эпоху онъ сдѣлался добрымъ малымъ, онъ даже пополнилъ нѣсколько и рѣшительно пересталъ бѣгать по улицамъ, какъ голодный котъ въ поискахъ за кускомъ мяса. Въ своей канцеляріи онъ еще болѣе сдѣлался болтливъ, еще болѣе сталъ предупредителенъ. Эженъ, которому онъ сдѣлалъ визитъ въ нѣкоторомъ родѣ официальный, поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ такъ ловко пользуется его совѣтами.

Въ началѣ 1854 года, Саккаръ сообщалъ ему конфиденціально, что имѣетъ въ виду выгодную операцію, но что ему недостаетъ денегъ....

— Ищи, отвѣчалъ Эженъ.

— Ты правъ, я поищу, отвѣчалъ Аристидъ безъ всякаго неудовольствія, точно не замѣчая, что братъ отказывается ему въ необходимомъ капиталѣ....

II.

У Аристида была еще сестра въ Парижѣ. Сидони Ругонъ вышла замужъ за какого-то несчастнаго плессанскаго подъячача, который переѣхалъ съ нею въ Парижъ попробовать счастья въ торговлѣ южными фруктами. Когда Аристидъ отыскалъ ее, — мужъ исчезъ, а магазина давнымъ давно не существовало. Она занимала въ улицѣ Фобуръ-Пуассоньеръ маленькую квартирку въ три комнаты, въ антресоляхъ; кромѣ того внизу она нанимала лавку, находящуюся подъ ея квартирой, лавку узкую и темную, въ которой, по ея словамъ, она торгуетъ кружевами. Въ витринахъ дѣйствительно было развѣшено нѣсколько кусковъ кружевъ, но внутри лавка похожа была на прихожую со шкафами, безъ малѣйшаго признака товара. На дверяхъ и окнахъ находились легкія занавѣски, которыя, скрывая внутренность лавки отъ взоровъ прохожихъ, еще болѣе придавали ей видъ скромной и таинственной прихожей, ведущей въ неизвестный храмъ. Въ лавкѣ почти никогда не появлялся покупатель, и чаще всего даже ручка дверей была вынута. Сосѣдямъ Сидони рассказывала, что носить кружева на продажу въ богатые дома; по ея сло-

вамъ, она наняла лавку только потому, что она сообщалась посредствомъ маленькой лѣстницы съ ея квартирой. И дѣйствительно, Сидони почти никогда не было дома; она разъ десять въ день торопливо выходила и входила. Къ тому же, она неограничивалась только продажей кружевъ; она употребляла въ дѣло и свою квартиру, наполняя ее различными предметами, неизвѣстно откуда взятыми. Тамъ она продавала издѣлія изъ каучука, мантильи, башмаки, подтяжки и проч. Потомъ, въ ея квартирѣ можно было видѣть постепенно то новое масло для рощенія волосъ, то ортопедическіе аппараты, то новаго устройства кофейники.

Когда Аристидъ явился къ ней, вся ея квартира была запружена фортепьянами. Сидони крайне систематично вела эти двѣ торговли; покупщики, которые являлись покупать предметы, находящіеся въ квартирѣ, входили и выходили черезъ ворота дома, въ улицѣ Папильонъ; необходимо нужно было знать секретъ маленькой лѣстницы, чтобы имѣть понятіе о двойной торговлѣ Сидони. Въ квартирѣ она была извѣстна подъ названіемъ мадамъ Тушъ, по фамиліи своего мужа; на дверяхъ же лавки написано было просто: «мадамъ Сидони».

Ей было не болѣе тридцати-пяти лѣтъ, но она одѣвалась такъ небрежно, въ ней было такъ мало женскаго, что казалась гораздо старше. Она носила вѣчное черное платье, истасканное и потертое. Въ черной шляпѣ, которая скрывала почти совершенно ея лобъ и волосы, въ толстыхъ неуклюжихъ башмакахъ, она рысцой бѣгала по улицамъ, держа въ рукѣ крошечную корзину, связанную бѣлыми тесемками. Эта корзинка, которую она никогда не повидала, — была цѣлый міръ. Когда она раскрывала ее, — изъ нея выходили всякаго сорта образчики, книжечка для замѣтокъ, портфели и въ особенности цѣлые вороха гербовой бумаги. Продавъ франковъ на десять помады или кружевъ, она вступала въ интимныя бесѣды съ своей покупщицей, дѣлалась ея довѣрительницей, бѣгала для нея по судамъ, адвокатамъ; носила въ своей корзинкѣ по цѣлымъ недѣлямъ кипы дѣловыхъ бумагъ, рыскала изъ одного конца Парижа въ другой, всегда мѣрной рысцой и всегда пѣшкомъ. Трудно было сказать, какой доходъ она имѣла отъ подобнаго ремесла; она имъ занималась, во-первыхъ, вслѣдствіе инстинктивной любви къ темнымъ дѣламъ и интригамъ, а во-вторыхъ, въ этомъ занятіи она выгадывала множество разныхъ разностей: даровые обѣды то тутъ, то тамъ, пяти-франковики, получаемые съ разныхъ сторонъ, и такъ далѣе. Но лучшимъ слѣдствіемъ все-таки были различные тайны, собираемые съ разныхъ сторонъ. Сидони, живущая

такъ сказать у другихъ, въ дѣлахъ другихъ была настоящимъ живымъ хранилищемъ предложеній и спросовъ. Она знала, гдѣ есть невѣста, или семейство нуждающееся въ трехъ тысячахъ франковъ подъ солидный залогъ и на проценты. Она знала также и болѣе интимныя вещи: печаль такой-то блондинки, которую мужъ не понималъ и которая хотѣла, чтобы ее поняли; тайное желаніе хорошей матери; мечтающей пристроить свою дочь; вкусы такого-то барона, помѣшавшагося на тонкихъ ужинахъ и очень молодыхъ дѣвицахъ. И Сидони съ вѣчной улыбочкой передавала эти спросы и предложенія; она посылала барона къ примѣрной матери, уговаривала стараго скрягу дать три тысячи франковъ въ долгъ несчастному семейству, находила утѣшеніе и блондинкѣ и мужу ея. У Сидони были также и крупныя дѣла, дѣла, о которыхъ она всѣмъ рассказывала: безконечный процессъ, за которымъ ей поручено было слѣдить, и долгъ Англіи, сдѣланный у французскаго правительства во время Стюартовъ, долгъ, который доходилъ вмѣстѣ съ сложными процентами до трехъ миллардовъ. Этотъ долгъ въ три милларда сдѣлался ея *idée fixe*; тщательно и необыкновенно подробно она рассказывала дѣло, точно читая курсъ исторіи. Случалось, что, между конференціей у адвоката и визитомъ у друга, она продавала кофейникъ, или каучуковый плащъ, кусокъ кружева или пылинно. Все это она дѣлала необыкновенно ловко. Потомъ, она бѣгомъ бѣжала въ свой магазинъ, гдѣ должна была дожидаться ее такая-то дама. Дама являлась и проскальзывала какъ тѣнь въ скромную лавку. Часто случалось, что въ то же самое время входилъ въ квартиру, черезъ ворота улицы Папильонъ, господинъ, желавшій купить инструментъ у мадамъ Тушъ.

О мужѣ она никогда не говорила, точно также какъ не говорила о своемъ дѣтствѣ, своихъ родныхъ, своихъ личныхъ дѣлахъ. Въ мірѣ существовалъ одинокъ только предметъ, котораго она не продавала: именно—она сама; не вслѣдствіе какихъ-либо правилъ нравственности, о которыхъ она едва-ли имѣла какое-либо понятіе, а просто потому, что мысль подобной продажи ей никогда не приходила въ голову.

Саккаръ, еще совершеннѣйшій повичекъ въ столицѣ, не имѣвшій никакого понятія о нравахъ и типахъ Парижа, не могъ сначала проникнуть своимъ умомъ въ эту бездонную пропасть занятій Сидони и не понималъ ее; онъ просто считалъ ее душой, которой слабый умъ свихнулся на долгъ въ три милларда. Всякій разъ, когда Сидони приступала къ разсказу этого долга, онъ презрительно пожималъ плечами. Онъ нѣсколько разъ былъ въ ея лавчонкѣ, желая ближе познакомиться съ жизнію своей сестры,

но вынесъ одно только впечатлѣніе: впечатлѣніе неизбежнаго и близкаго банкротства Сидони. Ему хотѣлось знать мнѣніе Эжена объ ней, но Эженъ, едва лишь Аристидъ заговорилъ объ этомъ предметѣ, состроилъ важную мину и отвѣчалъ, что никогда не видится съ сестрой, что онъ считаетъ ее женщиной умной, но компрометирующей родныхъ. И однакожь, Саккаръ, приближаясь какъ-то къ квартирѣ своего брата, вдругъ замѣтилъ черное поношенное платье мадамъ Сидони, которая быстро шмыгнула въ сторону изъ-подъ воротъ. Онъ ускорилъ шагъ, чтобы убѣдиться: дѣйствительно ли Сидони вышла отъ Эжена, но было уже поздно: черное платье исчезло. Мадамъ Сидони имѣла тотъ стирающійся для глаза видъ, который теряется въ толпѣ. Это обстоятельство поразило его, и съ того времени онъ сталъ внимательнѣе изучать свою сестру. Вскорѣ онъ замѣтилъ страшную, потаенную работу этого слабого, неуловимаго существа. Аристидъ сталъ уважать ее: она дѣйствительно принадлежала породѣ Ругоновъ; въ ней онъ узналъ ту алчность къ деньгамъ, ту потребность интриги, которыя характеризовали семью, съ тою только разницей, что въ ней, благодаря особенной средѣ, въ которой ей пришлось жить, благодаря этому Парижу, гдѣ ей приходилось искать каждое утро свою вечернюю пищу, общій семейный темпераментъ измѣнился и образовалъ странный гермафродитизмъ женщины, сдѣлавшейся существомъ средняго рода.

Когда Саккаръ выработалъ тщательно свой планъ дѣйствій, и сталъ искать капитала необходимаго для начала, онъ естественно подумалъ о своей сестрѣ. Сидони, вздыхая, повачала головой и стала передавать какія-то новыя подробности о трехъ миллиардахъ. Но Саккаръ не потакалъ ея пункту помѣшательства: онъ былъ убѣжденъ, что сказка о трехъ миллиардахъ порочить такой практической умъ. Мадамъ Сидони, спокойно выслушивавшая самыя грубыя насмѣшки своего брата, объяснила ему тогда чрезвычайно ясно и точно, что онъ не найдетъ ни одной копѣйки, если не представитъ достаточно солиднаго залога. Эта бесѣда происходила у зданія парижской биржи, гдѣ Сидони обыкновенно играла на скопленные ею деньги. Тамъ ее можно было встрѣтить навѣрное каждый день, около четырехъ часовъ; тамъ же она давала аудіенціи личностямъ, столь же подозрительнымъ и страннымъ, какъ и она. Аристидъ хотѣлъ уже проститься съ нею, какъ она, вдругъ, прошептала грустнымъ голосомъ: «вотъ еслибы ты не былъ женатъ!...»

Но дни шли за днями, крымская война была объявлена, а Парижъ, котораго нисколько не занимала далекая кампанія, все больше и больше отдавался финансовымъ спекуляціямъ и раз-

врату. Саккаръ, внимательно слѣдя за движеніемъ общественной жизни, досадовалъ и бѣсилъ, что не имѣетъ возможности участвовать въ ней. Онъ до такой степени сосредоточилъ на одномъ пунктѣ всю свою волю и умъ, что жилъ въ какомъ-то воображаемомъ мірѣ, какъ лунатикъ, прохаживающійся по краямъ крыши, подъ господствомъ одной идеи. Не мудрено поэтому, что онъ былъ удивленъ и взбѣшенъ, когда однажды вечеромъ увидѣлъ, что Анжель серьезно больна и принуждена была лечь въ постель. Бѣдная Анжель тихонько жаловалась на простуду. Докторъ сообщилъ на ухо мужу, что у ней воспаленіе легкихъ и что онъ не отвѣчаетъ за псе. Съ этой минуты Аристидъ терпѣливо сталъ ухаживать за больной; онъ пересталъ ходить на службу и по временамъ страшно на нее посматривалъ. Мадамъ Сидони, несмотря на всѣ свои многочисленные запятія, всякій вечеръ являлась въ квартиру Аристида, ухаживала за больной, и дѣлала декокты, которые она считала цѣлительнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Кромѣ всѣхъ своихъ специальностей, у нея была еще специальность сидѣлки по призванію: она любила смотрѣть на страданія, любила распоряжаться лекарствами, любила грустный шопоть у постели больного.

Болѣзнь развивалась быстро; однажды вечеромъ, докторъ объявилъ, что больная не проживетъ и ночи. Когда докторъ ушелъ, Сидони уменьшила огонь въ лампѣ и въ комнатѣ водворилась мертвая тишина. Смерть медленно вступала въ свои права въ этой сырой и жаркой атмосферѣ комнаты, въ которой неправильное дыханіе умирающей казалось постукиваніемъ часовъ съ разстраивающимся механизмомъ. Мадамъ Сидони оставила лекарства и не безпокоила больной. Она сѣла у каминна возлѣ брата, который приготовлялъ какое-то питье, по временамъ бросая безпокойный взоръ на постель. Потомъ, раздраженный этимъ тяжелымъ воздухомъ, этимъ мрачнымъ зрѣлищемъ, онъ вышелъ въ другую комнату. Туда отправили маленькую Клотильду, которая тихонько играла съ куклой на коврѣ. Она улыбалась отцу, когда мадамъ Сидони, войдя тихонько въ комнату, отвела его въ противоположный уголъ и стала съ нимъ говорить шопотомъ. Двери остались полуоткрытыми. Въ сосѣдней комнатѣ слышенъ былъ хрипъ дыханія больной....

— Бѣдняжка.... плаксивымъ голосомъ говорила Сидони; кажется, все кончено. Ты слышалъ, что сказалъ докторъ?

Саккаръ кивнулъ головой.

— Она была хорошій человекъ, продолжала Сидони, точно Анжель уже умерла. Ты можешь быть найдешь жену богаче,

жену болѣе свѣтскую, но ты никогда не найдешь такого золотого сердца.

Она замолчала потирая себѣ глаза, точно не знала какъ приступить къ дѣлу.

— Ты имѣешь мнѣ что-нибудь сказать? спросилъ вдругъ рѣзко Саккаръ.

— Да.... я думала о тебѣ.... ты знаешь, по поводу того, о чемъ ты мнѣ говорилъ. Кажется, я отыскала средство. Но въ такую минуту.... Я слишкомъ разстроена.

Она снова стала потирать глаза. Саккаръ молчалъ.

— Видишь ли, заговорила снова Сидони: я знаю одну молодую дѣвушку, которую нужно сейчасъ же выдать замужъ. Съ бѣднымъ ребенкомъ случилось несчастіе. У ней есть тетка, которая пожертвуетъ....

— Ну такъ что-жъ? нетерпѣливо спросилъ Саккаръ. За чѣмъ нужно выдать ее замужъ?

— Она только-что вышла изъ пансіона; какой-то мерзавецъ погубилъ ее, на дачѣ, гдѣ она гостила. Отецъ узналъ и хотѣлъ убить ее. Тетка, чтобы спасти виновную, заступилась за нее и вдвоемъ онѣ сочинили исторію: она рассказала отцу, что виновный—честный человѣкъ, который готовъ жениться.

— Значить, сказалъ удивленнымъ и раздраженнымъ голосомъ Саккаръ,—онъ женится на ней?

— Нѣтъ, онъ не можетъ, онъ женатъ.

Наступило молчаніе. Хрипѣніе Анжели стихало. Маленькая Клотильда перестала играть, она смотрѣла на Сидони и своего отца, точно понимала ихъ слова.

— Сколько лѣтъ молодой дѣвушкѣ?

— Девятнадцать лѣтъ.

— А какъ продолжительна беременность?

— Три мѣсяца. Но по всей вѣроятности будетъ выкидышъ.

— Семейство съ состояніемъ?

— Старая буржуазія. Отецъ былъ судьей. Прекрасное состояніе.

— Какою суммою жертвуетъ тетка?

— Сто тысячъ франковъ.

Новое молчаніе. Сидони перестала всхлипывать; она занята была дѣломъ. Братъ, посмотрѣвъ на нее изъ-подлобья, прибавилъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ:

— А ты сколько возьмешь за комиссію?

— Посмотримъ послѣ, отвѣчала Сидони....

Она подождала нѣсколько секундъ, и такъ какъ онъ молчалъ, она сказала ему въ упоръ:

— Ну, какъ же ты рѣшаешь? Эти бѣдныя женщины не могутъ долго ждать. Онѣ хотятъ избѣжать скандала.... Если ты принимаешь, я съ коммиссіонеромъ отправлю имъ твою карточку.

Саккаръ точно проснулся отъ сна; онъ задрожалъ, и повернувшись какъ-то боязливо къ двери сосѣдней комнаты, сказалъ:

— Но я не могу, не могу.... ты знаешь, что я не могу.

Сидони посмотрѣла на него прямо, холоднымъ и презрительнымъ взглядомъ. Вся кровь Ругоновъ, вся дикая алчность приступала ему къ горлу. Онъ вынулъ свою карточку и отдалъ сестрѣ. Сидони вышла.

Саккаръ, оставшись одинъ, облокотился и сталъ смотрѣть въ окно. Но темнота ночи точно испугала его, и онъ почти неожиданно вошелъ въ комнату, гдѣ умирала Анжель. Онъ забылъ ее и страшно былъ пораженъ, когда увидалъ ее полувставшей на постели. Глаза ея были страшно открыты, цѣлый потокъ жизни, казалось, хлынулъ ей въ лицо. Маленькая Клотильда, продолжая держать свою вуклу, сидѣла на краю кровати; она во время разговора Аристиды съ Сидони проскользнула въ комнату матери. Саккаръ, еще подъ впечатлѣніемъ разговора съ сестрой, увидѣлъ, что всѣ его планы разстраиваются, и въ умѣ его скользнула страшная мысль. Анжель, въ испугѣ, хотѣла откинуться назадъ, какъ бы защищаясь, но смерть уже приближалась; это пробужденіе въ агоніи длилось не долго. Умиравшая не могла двинуться, она опустилась, продолжая упорно смотрѣть на своего мужа, какъ бы съ желаніемъ слѣдить за всѣми его движеніями. Саккаръ, который вообразилъ себѣ, что Анжель воскресаетъ къ жизни, какъ бы съ цѣлію заставить его жить въ нищетѣ, разувѣрился, когда увидѣлъ, что Анжели не осталось и часу жизни. Но ему было страшно неловко. Ея глаза ясно говорили, что она слышала разговоръ его съ Сидони и что она боялась, что онъ ее задушитъ. Въ ея глазахъ видѣлось также невыразимое удивленіе добраго и честнаго существа, которое въ послѣднюю минуту замѣчаетъ низость людей, которое дрожитъ при мысли многихъ лѣтъ проведенныхъ бокъ-о-бокъ съ мерзавцемъ.... Мало-по-малу взглядъ ея смягчился; она перестала бояться, должно быть простила этого несчастнаго, припоминая себѣ упорную борьбу, которую онъ велъ съ судьбой. Саккаръ, преслѣдуемый этимъ взглядомъ, въ которомъ онъ читалъ такой страшный упрекъ, облокачивался на мебель, старался сѣсть вдали отъ свѣта; потомъ, онъ сдѣлалъ шагъ, чтобы подойти, хотѣлъ говорить; но Анжель сдѣлала знакъ,

чтобы онъ молчалъ; она продолжала смотрѣть на него.... и умерла не спуская съ него глазъ.... Маленькая Клотильда тихо укачивала свою куклу, боясь разбудить свою мать.

III.

Вечеромъ, послѣ похоронъ Анжели, мадамъ Сидони увела Саккара къ себѣ. Тамъ были приняты важныя рѣшенія. Саккаръ положилъ отправить Клотильду къ одному изъ своихъ братьевъ, Паскалю, который нѣсколько разъ предлагалъ взять свою племянницу на воспитаніе. Потомъ Сидони дала ему понять, что онъ не можетъ долѣе оставаться въ улицѣ Сен-Жакъ; она пайметъ ему на мѣсяцъ квартиру меблированную, по близости ратуши; что же касается до старой мебели, то ее нужно продать, чтобы совершенно уничтожить всякій слѣдъ прошедшаго; деньги вырученныя за мебель пойдутъ на покупку бѣлыхъ и приличнаго платья. Черезъ три дня Клотильда была отправлена на югъ, а Аристидъ Саккаръ, торжествуя, переселился въ кокетливо меблированную квартиру, въ которой прохаживался въ вышитыхъ туфляхъ. Онъ тщательно приготовился къ своей роли и спокойно выжидалъ всѣ трудности положенія, которое принялъ.

Мадамъ Сидони въ ночь смерти Анжели вѣрно передала положеніе дѣлъ семейства Боро. Глава семьи, г. Боро-дю-Шатель, старикъ лѣтъ шестидесяти, былъ послѣднимъ представителемъ старой буржуазной фамиліи. Одинъ изъ его предковъ былъ товарищемъ Этьена Марселя; въ 1793-мъ году его отецъ умеръ на эшафотѣ, привѣтствуя республику съ восторгомъ парижскаго буржуа, въ жилахъ котораго кипѣла революціонная кровь города. Самъ онъ былъ однимъ изъ тѣхъ республиканцевъ, которые послали въ себѣ идеалъ абсолютной справедливости и полной свободы. Состарѣвшись въ магистратурѣ, онъ вышелъ въ отставку въ 1851-мъ году, сейчасъ же послѣ переворота, отказываясь войти въ составъ одной изъ тѣхъ знаменитыхъ смѣшанныхъ комиссій, которыя обезчестили французскую магистратуру. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ уединенно въ своемъ домѣ на островѣ Сепъ-Луи. У него была дочь Репэ, дѣло которой, какъ уже читателямъ извѣстно, взяла въ свои руки мадамъ Сидони. Тетка Репэ, г-жа Обертэ, желая спасти свою племянницу отъ гнѣва отца, придумала этотъ странный проектъ брака, который, казалось ей, все примиряетъ и котораго постыдной стороны и роковыхъ послѣдствій она не хотѣла видѣть.

Первое свиданіе г-жи Обертъ съ Саккарюмъ происходило въ квартирѣ Сидони. Саккаръ говорилъ какъ дѣловой, по въ то же время и какъ свѣтскій человѣкъ. Мадамъ Обертъ была въ гораздо болѣе пеловкомъ положеніи. Она путалась въ словахъ и не рѣшалась заговорить о ста тысячахъ франкахъ, обѣщанныхъ ею. Аристидъ самъ коснулся денежнаго вопроса весьма развязно. По его мнѣнію, сто тысячъ франковъ, — слишкомъ ничтожный капиталъ для мужа Ренэ. Г. Беро будетъ въ правѣ презирать бѣднаго зятя, будетъ обвинять его въ томъ, что онъ жепится на деньгахъ. Г-жа Обертъ окончательно смутилась, и не зная что дѣлать, согласилась удвоить сумму, когда Саккаръ объявилъ ей рѣшительнымъ тономъ, что не согласится жепиться менѣе, чѣмъ за двѣсти тысячъ. Добрая старушка вышла, не зная что подумать объ этомъ господинѣ, который обнаруживаетъ такую щепетильность и въ то же время соглашается на подобный торгъ.

Второе свиданіе было гораздо рѣшительнѣе. Когда мадамъ Обертъ упомянула о контрактѣ, Саккаръ сдѣлалъ великодушный жестъ, какъ бы говоря, что ему все равно какъ будетъ составленъ контрактъ. Въ послѣднее время онъ тщательно изучалъ кодексъ и соображалъ какъ рѣшить этотъ вопросъ, отъ котораго зависѣла въ будущемъ свобода его мошенническихъ дѣйствій.

— Ради Бога, сказалъ онъ, кончимъ этотъ непріятный денежный вопросъ.... Я думаю, что m-lle Ренэ должна остаться госпожей своего состоянія, какъ я—своего. Нотаріусъ позаботится объ этомъ.

Г-жа Обертó одобрила этотъ взглядъ. Она страшно боялась, чтобы этотъ ловкій господинъ не вздумалъ запустить руки въ приданое ея племянницы. Потомъ она воспулась этого приданого.

— Состояніе моего брата, сказала она, заключается по преимуществу въ землѣ и недвижимомъ имуществѣ. Онъ не такой человѣкъ, чтобы показывать свою дочь, отнимая у нея принадлежащую ей часть. Онъ ей даетъ землю въ Солопъ, оцѣненную въ триста тысячъ франковъ и кромѣ того домъ въ Парижѣ, который стоить до двухъ сотъ тысячъ.

Савкаръ былъ ослѣпленъ; онъ никакъ не ожидалъ такой громадной цифры.

— Въмѣстѣ, это составитъ пятьсотъ тысячъ, продолжала тетка Ренэ; но я обязана сказать вамъ, что земля приноситъ не болѣе двухъ процентовъ дохода.

Онъ улыбнулся и повторилъ свой великодушный жестъ.

лая сказать имъ, что до этого онъ не имѣетъ никакого дѣла. Развалившись въ креслахъ, покачивая ногой, онъ казался совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ денежнымъ подробностямъ, и слушаетъ г-жу Обертó только изъ вѣжливости. Она продолжала.

— Наконецъ, я желаю сдѣлать Ренэ подарокъ. У меня нѣтъ дѣтей; современемъ мое состояніе перейдетъ къ моимъ племянницамъ. Ренэ я хочу подарить землю, лежащую близъ Шаронъ; она, если не ошибаюсь, стóитъ до двухъ сотъ тысячъ. Но....

При словѣ «но» Саккара слегка подернуло; несмотря на свое вѣѣшнее равнодушіе, онъ внимательно слушалъ.

— Но, продолжала тетка, я желаю, чтобы эта земля была записана на имя перваго ребенка Ренэ. Вы поймете мое nambranie: я не хочу, чтобы этотъ ребенокъ обременялъ васъ. Въ случаѣ его смерти, земля будетъ принадлежать Ренэ....

Саккаръ молчалъ, хотя внутренне сильно волновался. Земля около Шаронъ возбудила въ немъ цѣлый мїръ соображеній.

— Вы забыли мнѣ сказать, замѣтилъ онъ, гдѣ находится домъ въ двѣсти тысячъ.

— Въ улицѣ Пепиньеръ.

Эта простая фраза произвела на него поразительное впечатлѣніе. Онъ не могъ скрыть своей радости. Онъ подвинулъ кресло и скороговоркой возразилъ:

— Дорогая мадамъ Обертó, долго ли мы будемъ говорить объ этихъ проклятыхъ деньгахъ? Не пора ли покончить съ этимъ непріятнымъ предметомъ? Я надѣюсь современемъ заслужить ваше уваженіе, и поэтому я вамъ прямо скажу, что недавно я потерялъ жену, у меня двое дѣтей; я практиченъ и остороженъ. Женясь на вашей племянницѣ, я сдѣлаю хорошее дѣло для всѣхъ. Если у васъ еще есть какія-либо предубѣжденія противъ меня, вы простите мнѣ впослѣдствіи, когда я осушу слезы всякаго и обогащу моихъ родственникововъ. Успѣхъ—все очищаетъ. Я хочу, чтобы самъ г. Боро протянулъ мнѣ руку и поблагодарилъ меня....

Онъ увлекся и долго говорилъ въ томъ же тонѣ, съ насмѣшливымъ цинизмомъ, сквозившимъ по временамъ изъ-за его напускного добродушія.... Какъ только г-жа Обертó ушла, онъ отправился въ ратушу и долго рылся въ документахъ, извѣстныхъ ему.

День свадьбы былъ назначенъ. Ренэ и Саккаръ познакомились только наканунѣ свадьбы. Сцена происходила въ сумерки въ одной изъ залъ дома Берó. Они съ любопытствомъ изучали другъ друга. Ренэ была высокаго роста и очень красива. Она нашла Саккара крошечнымъ и безобразнымъ, но въ то же время

замѣтила умное и хитрое выраженіе его лица. Они съ замѣшательствомъ обмѣнялись нѣсколькими словами. Мадамъ Обертъ, присутствовавшая при свиданіи, краснѣла за нихъ.

На другой день послѣ свадьбы, молодые были представлены г. Беро. Ренэ заплакала, увидѣвъ своего отца постарѣвшимъ и еще болѣе мрачнымъ. Саккаръ, который до сихъ поръ бралъ наглостію, былъ смущенъ холодомъ и полусвѣтомъ комнаты, печальною строгостію старика, котораго пронзительный взглядъ, казалось, проникалъ въ глубину его совѣсти. Онъ поцѣловалъ свою дочь въ лобъ, какъ бы прощая ей, и сказалъ своему зятю:

— Мы всѣ много страдали, милостивый государь. Я надѣюсь, что вы заставите насъ забыть наши страданія.

IV.

Несмотря на значительное состояніе своей жены, Саккаръ не сейчасъ послѣ свадьбы вышелъ въ отставку. Онъ говорилъ, что ему нужно окончить начатыя работы, пріискать себѣ занятіе. Въ сущности же, онъ рѣшился до конца остаться на полѣ сраженія, гдѣ онъ предполагалъ сдѣлать первые шаги. Планъ его былъ простъ и практиченъ. Теперь, когда у него въ рукахъ очутилась такая громадная сумма денегъ, о которой онъ никогда и не мечталъ, онъ предполагалъ начать дѣло въ обширныхъ размѣрахъ. Парижъ онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ; онъ зналъ, что золотой дождь съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться, и ловкимъ людямъ стоить тогда открыть только свои карманы. Онъ вступилъ въ ряды этихъ ловкихъ, читая будущее въ канцеляріяхъ ратуши. Его служебныя занятія научили его, какъ можно воровать при покупкѣ и продажѣ недвижимаго имущества и земель. Онъ былъ посвященъ въ секреты всѣхъ классическихъ мошенничествъ: онъ зналъ, какъ продаютъ за милліонъ то, что стоило пятьсотъ тысячъ, какимъ образомъ пріобрѣтается право грабить казну; какъ, проводя новый бульваръ сквозь старый кварталъ, ловкіе спекулянты набиваютъ себѣ карманы шестиэтажными домами, при всеобщей радости болвановъ. Онъ такъ долго шарилъ въ корридорахъ ратуши, собралъ столько замѣтокъ и свѣдѣній, что могъ напередъ представить себѣ зрѣлище новыхъ кварталовъ Парижа въ 1870-мъ году. По временамъ, на улицѣ, онъ пристально осматривалъ нѣкоторые дома, точно своихъ знакомыхъ, которыхъ судьба известна лишь ему одному и сильно его интересуется. Его первоначальный планъ состоялъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти дешево домъ,

который вслѣдствіе проведенія повоѣ улицы должѣнъ бытъ въ скоромъ времени разрушенъ и осуществитъ порядочный барышъ значительнымъ вознагражденіемъ за экспроприацію. Аристидъ вѣроятно рѣшился бы попробовать осуществить этотъ планъ безъ денегъ, покупая домъ въ кредитъ, но женитьба измѣнила и расширила его планъ. Теперь онъ зналъ что дѣлать: онъ купитъ у своей жены, на имя третьяго лица, домъ въ улицѣ Пепиньеръ, и утронетъ затраченный капиталъ, благодаря свѣдѣніямъ, добытымъ въ корридорахъ ратуши, и хорошимъ сношеніямъ съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ лицъ. Если онъ не могъ скрыть своей радости, когда г-жа Обертъ ему сказала гдѣ находится домъ, то потому, что домъ находился какъ разъ посрединѣ громадной улицы бульвара Мальзербъ, которой застройка была рѣшена въ кабинетѣ префекта Сены. Это былъ старый проектъ Наполеона I-го, который предполагалось осуществить «чтобы очистить, говорили солидные люди, населенные и грязные кварталы». Эта официальная фраза умалчивала о дѣйствительныхъ цѣляхъ второй имперіи, при произведеніи этихъ колоссальныхъ перестроекъ....

Въ то время, какъ Ренэ, въ новомъ, роскошномъ своемъ помѣщеніи улицы Риволи, посреди того Парижа, котораго она должна была сдѣлаться царицей, глубокомысленно думала о своихъ платьяхъ и производила знакомства, ея мужъ весь отдался своимъ спекуляціямъ. Онъ для пачала купилъ у ней домъ, черезъ посредство нѣкоего Ларсонъ, котораго онъ поймалъ шарящимъ, какъ и онъ же, въ канцеляріяхъ ратуши, по который имѣлъ глупость попасть въ кабинетъ префекта, гдѣ рылся въ бумагахъ. Онъ сдѣлался повѣреннымъ по дѣламъ; эта узкая сфера дѣятельности страшно давила его. Онъ находился въ томъ же самомъ положеніи, какъ и Саккаръ до своего брака; онъ тоже выдумалъ «машину для выдѣлыванія пятифранковиковъ», съ тою только разницей, что необходимаго капитала ему не доставало для того, чтобы воспользоваться своимъ открытіемъ. Онъ мигомъ понялъ Саккара и такъ ловко повелъ дѣло, что получилъ домъ за сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Ренэ, въ концѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сильно пуждалась уже въ деньгахъ. Мужъ припаялъ участіе въ дѣлѣ только для того, чтобы позволить женѣ совершить продажу. Когда продажа была совершена, Ренэ, вручая ему сто тысячъ, просила его помѣстить эти деньги на свое имя, давая ему понять, что онъ можетъ ими воспользоваться, лишь бы только онъ позволилъ ей распорядиться остальными пятьюдесятью тысячами. Онъ хитро улыбнулся; въ его расчеты входило, чтобы она сорила деньгами. Эти пять-

десять тысячъ франковъ, которые пойдутъ на кружева, да на золотыя бездѣлушки, — должны были принести ему сто на сто. Онъ подвинулъ честность даже до такой степени, что дѣйствительно помѣстилъ деньги и передалъ ей документы, говоря:

— Это на ваши тряпки.

Получивъ домъ, онъ съумѣлъ два раза перепродать его фиктивнымъ приобретателямъ, всякій разъ увеличивая цѣну, такъ что въ концѣ концовъ домъ оказался стоящимъ триста тысячъ франковъ. Въ это время Ларсонъ, который былъ легальнымъ собственникомъ, накинута на жильцовъ. Онъ безжалостно отказывался возобновлять контракты, если жильцы не соглашались на значительное увеличеніе платы за квартиры. Жильцы, слышавшіе что-то объ экспропріаціяхъ, были въ отчаяніи; они соглашались на надбавку, когда Ларсонъ прибавлялъ, что эта надбавка будетъ фиктивна въ продолженіи первыхъ пяти лѣтъ. Что же касается жильцовъ, не желавшихъ дорого платить за квартиру, они были замѣщены креатурами, которымъ были даны квартиры даромъ, и которые подписывали все, что требовалъ Ларсонъ. Въ этомъ заключалась двойная выгода: плата за квартиры увеличивалась, а вознагражденіе за экспропріацію жильцовъ до окончанія контракта шло въ карманъ Саккара. Мадамъ Сидони рѣшилась помогать своему брату, образуя въ одномъ изъ магазиновъ дома депо музыкальныхъ инструментовъ. Но въ этомъ случаѣ Ларсонъ и Саккаръ хватили нѣсколько черезъ край: они устроили фальшивыя приходо-расходныя книги, поддѣлывали подписи, для того, чтобы торговля инструментами казалась значительныхъ размѣровъ.... Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, домъ сильно вздорожалъ и могъ быть оцѣненъ комиссіей въ пятьсотъ тысячъ франковъ. Вся система экспропріаціи была крайне проста. Какъ только декретировала постройка новой улицы, чиновники ратуши образуютъ частичный планъ и оцѣпиваютъ дома; для этого, они капитализируютъ общую сумму платы за квартиры, и такимъ образомъ могутъ дать приблизительную цифру. Комиссія вознагражденія предлагаетъ всегда сумму меньшую оцѣнки, зная, что заинтересованные лица будутъ требовать больше и что съ обѣихъ сторонъ будутъ уступки. Если нельзя поладить, дѣло переходитъ на рѣшеніе специальныхъ присяжныхъ.

Саккаръ, съ необыкновеннымъ цинизмомъ, хотѣлъ было, чтобы его назначили оцѣнщикомъ, когда должно было разбираться дѣло бульвара Мальзербъ. Но потомъ онъ одумался, боясь этимъ потерять вліяніе на комиссію вознагражденій. Онъ устроилъ такъ, что оцѣнщикомъ былъ назначенъ одинъ изъ его

товарищѣй, вѣрачивѣй и всегда улыбающійся молодой человѣкъ по фамиліи Мишеленъ, котораго жена,—женщина замѣчательной красоты,—являлась къ начальству извинять своего мужа, когда тотъ не являлся на службу. А бывалъ онъ боленъ очень часто. Саккаръ замѣтилъ, что мадамъ Мишеленъ, которая такъ скромно скользила по корридорамъ ратуши, была силой: Мишеленъ получалъ награду за каждую изъ болѣзней; онъ, такъ сказать, работалъ для своей карьеры, оставаясь въ постелѣ. Во время одной изъ такихъ болѣзней, Саккаръ встрѣтилъ его раза два на внѣшнихъ бульварахъ, куращаго сигару, съ тѣмъ же нѣжнымъ и восхищеннымъ видомъ, который никогда его не оставлялъ. Онъ почувствовалъ приливъ необыкновенной симпатіи къ этому милому молодому человѣку, столь ловкому и практичному. Онъ восторгался всѣми «машинами для выдѣлки пятифранковиковъ». Когда Мишеленъ былъ назначенъ оцѣнщикомъ, Саккаръ отправился къ его женѣ, хотѣлъ ей представить Ренэ, говорилъ ей о своемъ братѣ—знаменитомъ депутатѣ и будущемъ министрѣ. Мадамъ Мишеленъ поняла, и дѣло пошло какъ по маслу. Контракты, росписки въ уплатѣ денегъ за квартиры, приходо-расходныя книги Сидони не рассмотрѣны были даже внѣшнимъ образомъ и домъ былъ оцѣненъ въ пятьсотъ тысячъ франковъ. Но Саккаръ все-таки не былъ совершенно покоенъ; онъ боялся обнаруженія подлога, онъ помнилъ слова Эжена: «не дѣлай крушнаго скандала, или я тебя уничтожу». Дѣло слѣдовательно сводилось на то, чтобы заручиться членами комиссіи. Онъ остановился на двухъ вліятельныхъ членахъ, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Тридцать шесть членовъ муниципальнаго совѣта выбирались самимъ императоромъ, по представленію префекта, изъ сенаторовъ, депутатовъ, адвокатовъ, медиковъ, крупныхъ промышленниковъ, внушающихъ особенное довѣріе правительству. Но изъ всѣхъ ихъ, баронъ Гуро и г. Тутентъ-Ларошъ пользовались исключительною благосклонностью Тюильри.

Вся біографія барона Гуро заключалась въ слѣдующемъ: Наполеонъ I-й сдѣлалъ его барономъ, за подряды хлѣба для великой арміи; при Людовикѣ XVIII, Карлѣ X и Луи-Филиппѣ онъ былъ перомъ, наконецъ Наполеонъ III сдѣлалъ его сенаторомъ. Страшно толстый, съ бычачьей физіономіей, неуклюжій,—онъ продавался и производилъ самыя постыдныя вещи во имя долга и совѣсти. Онъ удивлялъ своими пороками даже Парижъ второй имперіи; объ немъ ходили такія исторіи, которыя можно было рассказывать только на уху.

Тутентъ-Ларошъ,—высокій и худощавый, избобрѣтатель смѣси

сала и стеарина для фабрикаціи свѣчъ, мечталъ попасть въ сенатъ. Онъ сдѣлался другомъ барона Гурдъ, предчувствуя, что баронъ будетъ ему полезенъ. Онъ былъ очень практиченъ, и еслибы ему пришлось покупать сенаторское кресло, то онъ бы настойчиво торговался. Вторая имперія выдвигала на первый планъ это жадное ничтожество, этотъ жалкій мозгъ, владѣвшій теніемъ темныхъ спекуляцій. Онъ первый продалъ свое имя мошеннической компаніи, одному изъ тѣхъ обществъ, которыя выросли какъ ядовитые грибы на навозѣ второй имперіи. Тогда на стѣнахъ домовъ можно было видѣть афишу, прославляющую *Главное Общество марокскихъ портовъ*, и на которой имя Тутень-Лароша красовалось во главѣ списка членовъ наблюдательной комиссіи. Эта система, которою впослѣдствіи стали злоупотреблять, производила тогда чудеса: акціонеры стекались во множествѣ, хотя вопросъ о марокскихъ портахъ былъ довольно теменъ и хотя люди, дававшіе деньги, сами хорошенько не могли объяснить, на что онѣ будутъ употреблены. Тутень-Ларошъ приобрѣлъ себѣ репутацію замѣчательнаго администратора....

Савкаръ добылъ себѣ протекцію этихъ двухъ сановниковъ, сдѣлавъ имъ нѣсколько услугъ, которыхъ важности, казалось, не понималъ. Онъ не безъ основанія окружалъ себя предосторожностями. Когда дѣло касающееся его дома перешло въ комиссію вознагражденій, случилось, что одинъ членъ комиссіи жилъ по близости и отлично зналъ домъ. Этотъ членъ возсталъ противъ цифры въ пятьсотъ тысячъ; домъ по его мнѣнію, стоилъ менѣе половины. Въ этотъ день Тутень-Ларошъ, всегда крайне рѣзкій относительно своихъ товарищей, былъ еще болѣе не въ духѣ, чѣмъ обыкновенно. Онъ разозлился и заступился за собственниковъ.

— Мы всѣ собственники, господа, сказалъ онъ. Императоръ хочетъ великихъ дѣлъ; зачѣмъ же намъ придирааться къ мелочамъ?... Этотъ домъ долженъ стоить пятьсотъ тысячъ, — вѣдь нашъ же чиновникъ оцѣнилъ его.

Баронъ Гурдъ, усѣвшись грузно на своемъ стулѣ, одобрительно кивалъ головой; но несмотря на это, согласіе не становилось. Тогда Тутень-Ларошъ, схвативъ бумаги, сказалъ:

— Прекрасно. Мы изслѣдуемъ дѣло... Если позволите, я берусь за дѣло; баронъ Гурдъ произведетъ слѣдствіе вмѣстѣ со мной.

§ — Да, да, подтвердилъ серьезно баронъ, все нечистое должно быть изгнано изъ нашихъ рѣшеній!! Бумаги уже исчезли въ карманахъ Тутень-Лароша. Комиссіа согласилась. Баронъ Гу-

рѣ и Тутенъ-Лароншъ вышли вмѣстѣ. Прощаясь, баронъ сказалъ:

— Ахъ да, я забылъ, что сейчасъ же отправляюсь въ деревню. Не будете ли вы такъ добры, сами произвести это маленькое слѣдствіе? Но ради Бога, не продавайте меня, эти господа и безъ того жалуются, что я слишкомъ часто отсутствую.

— Будьте покойны, я немедленно отправлюсь въ улицу Пешиньеръ.

Онъ спокойно отправился домой, восторгаясь тактомъ барона, который такъ мило разрѣшаетъ деликатныя положенія. Въ бумаги онъ даже не заглянулъ и на слѣдующемъ засѣданіи нагло объявилъ, что между предложеніемъ комиссіи въ пятьсотъ тысячъ франковъ и требованіемъ собственника, которое доходитъ до семисотъ,—пужно остановиться на среднемъ числѣ, и дать шестьсотъ. Оппозиціи не послѣдовало никакой. Даже членъ, лично знавшій домъ, не пикнулъ, онъ добродушно объявилъ, что ошибся: онъ полагалъ, что дѣло касается сосѣднаго дома.

Такимъ образомъ Саккаръ одержалъ первую побѣду. Онъ учетверилъ свой первоначальный вкладъ и приобрѣлъ двухъ соучастниковъ. Его беспокоило одно только обстоятельство. Когда онъ хотѣлъ уничтожить приходо-расходныя книги Сидони,—онѣ исчезли. Онъ побѣждалъ въ Ларсонѣ, который ему нагло сознался, что книги у него, и что онъ сохранитъ ихъ. Саккаръ не разсердился, онъ сказалъ только, что беспокоился за своего любезнаго друга, скомпрометтированнаго въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе, чѣмъ онъ: такъ какъ книги почти вполнѣ были написаны рукой Ларсонѣ; но, что онъ совершенно покоенъ, если книги находятся у него. Въ сущности, онъ бы съ наслажденіемъ задушилъ любезнаго друга: онъ помнилъ объ одномъ подложномъ листѣ, крайней важности, написанномъ вполнѣ рукой Саккара...

Ларсонѣ, которому Саккаръ хорошо заплатилъ, открылъ роскошный кабинетъ ходатая по дѣламъ въ улицѣ Риволи.

Саккаръ, оставивъ службу въ ратушѣ и имѣя возможность располагать значительнымъ капиталомъ, совершенно погрузился въ фипапсовыя спекуляціи, между тѣмъ какъ Ренэ, оьяненная свѣтскою жизнію, потерявъ сознаніе, наполняла Парижъ шумомъ своихъ экипажей, блескомъ алмазовъ, неслыханною роскошью...

V.

Сынокъ Артура Максимъ оставался въ плессанской коллегіи до ваникулъ 1854-го года; тогда ему было тринадцать лѣтъ съ чѣмъ-то. Саккаръ рѣшился взять его въ Парижъ; онъ рассчитывалъ, что сынъ этого возраста окончательно установитъ его въ роли вторично женившагося вдовца, богатаго и солиднаго. Когда онъ сообщилъ свой проектъ Ренэ, относительно которой считалъ за честь быть крайне предупредительнымъ, она отвѣчала равнодушно:

— Пожалуй, выпишите мальчугана... Онъ разсѣетъ пашъ немного. По утрамъ страшная скука.

Черезъ нѣсколько дней мальчуганъ явился. Онъ былъ большого роста, съ вызывающей и изнѣженной фізіономіей дѣвчонки, съ бѣлокурыми волосами. Онъ имѣлъ ужасный видъ; волосы, скверно обстриженные, были у него до такой степени рѣдки, что уже просвѣчивала плѣшь. Въ слишкомъ короткихъ панталонахъ, въ толстыхъ башмакахъ, въ истертой жакетѣ, онъ съ изумленіемъ осматривалъ залу, нисколько впрочемъ не стѣсняясь, съ дикимъ видомъ слишкомъ развитого физически ребенка.

Ренэ вошла. Она бросила шляпку и бѣлый бурнусъ, и явилась передъ Максимомъ, пораженнымъ восторгомъ, во всемъ блескѣ своего великолѣпнаго костюма. Максиму въ первую минуту показалось, что она переодѣта. На ней была восхитительная юбка голубаго фая съ широкими воланами, на которую было наброшено нѣчто напоминающее слегка мундиръ французской гвардіи изъ нѣжно-сѣрой шелковой матеріи. Фалды этой накидки, которой подкладка была изъ голубого фая, болѣе темнаго, чѣмъ фая юбки, были кокетливо собраны и поддерживаемы бантами изъ лентъ; украшенія плоскихъ рукавовъ, широкіе отвороты корсажа были отдѣланы такимъ же точно фаемъ. И для полноты костюма, какъ оригинальная выходка — большія пуговицы, — подражаніе сафару, — спускались въ два ряда до самаго низу. Все это было безъ всякаго вкуса, по въ то же время прелестно.

— Это мальчуганъ, что ли? спросила Ренэ лакея, бросивъ на Максима удивленный взглядъ. Максимъ сталъ глупо улыбаться.

— Какой онъ смѣшной! вскричала Ренэ... Но какой ужасъ! Какъ безобразно его остригли!... Послушай, дружокъ, твой отецъ придетъ только къ обѣду и я принуждена буду запяться то-

бой... Я ваша матица, милостивый государь. Хочешь меня поцѣловать?

— Хочу, отвѣчалъ развязно Максимъ, и онъ поцѣловалъ Ренэ въ щеку, взявъ ее за плечи. Ренэ смѣялась:

— Господи, какой онъ смѣшной, *le petit tondu!*... Мы будемъ друзьями, неправда ли? Я буду для тебя матерью. Объ этомъ я именно и думала, ожидая моего портного, который давалъ аудіенцію какой-то дамѣ, и говорила себѣ, что надо хорошенько подумать о твоёмъ воспитаніи, не такъ ли? Максимъ продолжалъ смотрѣть на нее.

— Сколько вамъ лѣтъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Ахъ, Боже мой! да развѣ дѣлають подобные вопросы? отвѣчала Ренэ всплеснувъ руками. Несчастный, онъ этого еще не знаетъ... его всему надо учить. Къ счастью, что я могу еще сказать свои лѣта: мнѣ двадцать первый годъ.

— А мнѣ скоро будетъ четырнадцать... Вы могли бы быть моей сестрой...

Онъ остановился, но глаза говорили, что онъ ожидалъ встрѣтить вторую жену своего отца гораздо старше. Онъ стоялъ возлѣ нея и присматривался къ ея шеѣ съ такимъ вниманіемъ, что она почти покраснѣла. Но она не могла долго останавливаться на одной мысли, она стала ходить по комнатѣ, думая о своемъ портномѣ и забывая, что говорить съ ребенкомъ.

— Жаль, что ты меня не засталъ дома... Но представь себѣ, что сегодня утромъ Вормсъ принесъ мнѣ костюмъ... Я примѣряю и нахожу, что со вкусомъ... У него много шику, неправда ли?

Она стала передъ зеркаломъ. Максимъ ходилъ вокругъ нея и тщательно осматривалъ костюмъ.

— Я только нашла, продолжала она, что тутъ, вотъ на лѣвомъ плечѣ, есть складка... Это выходило безобразно... Ну, я и не выдержала: я приказала подать карету, и отправилась сдѣлать выговоръ Вормсу за его невѣроятное легкомысліе... Онъ обѣщалъ исправить.

Ренэ продолжала осматривать себя въ зеркало.

— Какъ будто чего-то недостаетъ... не правда ли?

Потомъ, быстро повернувшись къ Максиму, она спросила его:

— Какъ ты находишь?... Не думаешь ли ты, что чего-то недостаетъ, бездѣлицы, бантика, что ли? Мальчишка совсѣмъ оправился. Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, потомъ опять подошелъ, прищуривая глаза и говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ.... это очень хорошо; я думаю даже, что какъ будто есть что-то лишнее.

Онъ покраснѣлъ, несмотря на свою смѣлость и приблизившись, пальцемъ назначилъ острый уголъ на корсажѣ Ренэ.

— На вашемъ мѣстѣ, видите ли, продолжалъ онъ, я бы сдѣлалъ такую вырѣзку въ этомъ кружевѣ и повѣсилъ бы на шею большой крестъ.

Она захлопала руками.

— Ну да, ну да... кричала она. Большой крестъ у меня вертѣлся на языкѣ.

Она устранила шемизетку; на секунду исчезла и возвратилась съ крестомъ.

— Вотъ это такъ, сказала Ренэ. Совсѣмъ, какъ слѣдуетъ. Какой ты милый! Рѣшительно мы будемъ друзьями. Но меня нужно слушать. И, во-первыхъ, тебѣ необходимо отростить волосы и оставить эту безобразную жакетку. Потомъ, ты будешь вѣрно исполнять мои уроки, какъ нужно себя вести; я хочу, чтобы ты былъ приличнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Это правда, отвѣчалъ наивно Максимъ; папа вѣдь теперь богатъ, а вы его жена...

Таково было первое свиданіе. Максимъ сталъ ходить въ коллегію только черезъ мѣсяцъ. Въ первые дни, Ренэ играла съ нимъ какъ съ куклой. Когда онъ явился въ новомъ платьѣ, она вскрикнула отъ пріятнаго удивленія: это былъ настоящая душа, какъ она выразилась. Только волосы его росли какъ-то особенно медленно. Ренэ говорила, что все выраженіе лица сосредоточивается на волосахъ, поэтому она особенно тщательно ухаживала за своей шевелюрой. Долгое время она бѣсилась на цвѣтъ своихъ волосъ, тотъ особенный цвѣтъ нѣжно-желтый, который напоминаетъ цвѣтъ свѣжаго парижскаго масла. Но когда наступила мода желтыхъ волосъ—она была въ восторгѣ и всѣмъ клялась, что разъ въ мѣсяцъ прилежно красить свои волосы.

Максимъ принадлежалъ къ тѣмъ слабымъ натурамъ, которыя чрезвычайно рано развиваются физически. Порокъ явился въ немъ даже раньше возбужденія; два раза его чуть не выгнали изъ коллегіи за неприличные продѣлки. Онъ много занимался собой, несмотря на своихъ товарищей, которые его преслѣдовали и презрительно обзывали «дѣвчонкой». Ренэ потѣшалась его шалостями; онъ дѣйствительно былъ очень курьезенъ, смѣлъ, говорилъ о женщинахъ съ цинической улыбкой, ссорился съ подругами Ренэ: съ милой Аделиной, вышедшей замужъ за г. д'Эспанэ, и съ толстой Сюзанной, повѣнчавшейся недавно съ г. Афнеромъ, крупнымъ фабрикантомъ. Лѣтъ въ четырнадцать,

Максимъ даже влюбился въ Сюзанну и повѣрилъ свою тайну Ренэ, которая ужасно этимъ потѣшалась.

— На твоёмъ мѣстѣ, говорила она, я бы выбрала Аделину, — она гораздо красивѣе.

— Можетъ быть, отвѣчалъ мальчуганъ, но за то Сюзанна полна... Я люблю полныхъ женщинъ. Какая бы ты была милая, мамаша, еслибы замолвила ей словечко обо мнѣ!

Ренэ хохотала... Къ тому же, эти дамы поощряли Максима своимъ хихиканьемъ, двусмысленными намеками, кокетливыми позами. Онъ сдѣлался для нихъ заставой; не мудрено поэтому, что полюбивъ женское общество, юбки, какъ онъ выражался, онъ сдѣлался очень силенъ по части ухаживанія. Въ семнадцать лѣтъ не было модистки, которой бы онъ тщательно не изучилъ, не было сапожника, котораго искусство онъ бы не изслѣдовалъ. Этотъ странный уродецъ, который во время урока англійскаго языка внимательно читалъ рекламы, присылаемыя ему еженедѣльно его парикмахеромъ, могъ бы защитить блестящую диссертацию о парижскомъ бомондѣ...

Но любимѣйшимъ его дѣломъ было сопровождать Ренэ къ знаменитому Вормсу, — геніальному дамскому портному, передъ которымъ всѣ женскія свѣтила второй имперіи покорно преклонялись. Максимъ вступалъ въ залу этого великаго человѣка съ религіознымъ душевнымъ волненіемъ. Въ этой четвероугольной громадной залѣ, украшенной широкими, мягкими диванами, господствовалъ удущающій запахъ пудры и духовъ. Частенько, Ренэ и Максимъ припуждены были ждать выхода великаго художника по два, по три часа. Тутъ же находились штукъ двадцать другихъ дамъ, ожидающихъ своей очереди; онѣ обмакивали бисвиты въ мадерѣ и закусывали сладкими пирожками. Эти дамы были точно у себя дома, и свободно болтали. Максимъ, котораго онѣ терпѣли и даже любили за его женственную натуру, былъ единственный мужчина, который могъ тутъ находиться. Онъ катался какъ сыръ въ маслѣ...

Потомъ, когда великій Вормсъ приглашалъ наконецъ Ренэ, Максимъ слѣдовалъ за ней въ кабинетъ. Обыкновенно, великій художникъ приглашалъ Ренэ стать передъ зеркаломъ, которое занимало всю стѣну кабинета, сосредоточивался, и насунивъ брови, изучалъ ее, между тѣмъ, какъ Ренэ, взволнованная, удерживала дыханіе и не трогалась съ мѣста. Потомъ, минулъ черезъ нѣсколько, подъ влияніемъ вдохновенія художникъ описывалъ отрывочными фразами великое произведеніе искусства, котораго концепція возникла въ его умѣ:

— Платье Монтеспанъ изъ пепельнаго фая... скульптурный

шлейфъ... Впереди: округленная баска... большіе банты сѣраго шолка, поддерживающіе ее по бокамъ... наконецъ, передніе, обдѣланный тюлемъ жемчужно-матоваго цвѣта...

Потомъ онъ снова погружался въ свои думы, точно спускался въ самую глубь своего генія, и заканчивалъ, торжественно улыбаясь:

— Мы помѣстимъ въ волосахъ, на эту прелестную головку, мотыльки Психеи...

Но случилось также, что вдохновеніе не являлось. Знаменитый Вормсъ напрасно вызывалъ его, напрасно сосредоточивалъ весь свой геній; онъ мучилъ свои брови, мѣнялся въ лицѣ, схватывалъ руками свою голову, потомъ, бросаясь на кресло, говорилъ глухимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... не сегодня... невозможно... Эти дамы злоупотребляютъ мною... вдохновеніе улетѣло.

И выпроваживая Ренэ за двери, повторялъ:

— Невозможно, невозможно, *chère dame*, вы пожелаете въ другое время... Сегодня я не чувствую, не ощущаю васъ...

VI.

Аристидъ Саккаръ предоставилъ полную свободу своимъ дѣтямъ, какъ онъ называлъ Ренэ и Максима; онъ отыскалъ наконецъ свою среду. Оказалось, что по призванію онъ спекулянтъ, распорядитель милліоновъ. Послѣ мастерскаго дѣла улицы Пепиньеръ, онъ смѣло бросился въ борьбу, въ погоню за деньгами. Сперва онъ дѣйствовалъ павѣрняка, повторяя свое первое дѣло, покупая дома, которые были назначены къ разрушенію, и употребляя своихъ друзей для полученія громадныхъ вознагражденій за экспроприаціи. Было время, когда онъ имѣлъ пять или шесть домовъ. Но все это было только младенчествомъ искусства; онъ убѣдился, что игра не стоить свѣчъ, и что во всякомъ случаѣ не пужно имѣть большого генія, чтобы пускать въ ходъ контракты, интриговать съ жильцами, воровать казну и частныхъ лицъ. Онъ занялся болѣе сложными дѣлами. Саккаръ сперва придумалъ покупку домовъ для города, на имя частныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что государственный совѣтъ поставилъ администрацію города въ затруднительное положеніе. Городъ купилъ значительное количество домовъ, надѣясь выждать окончанія контрактовъ съ жильцами и потомъ очистить квартиры безъ вознагражденія жильцамъ. Но эти приобрѣтенія были зачтены государственнымъ совѣтомъ, какъ настоящія экспроприаціи, и городъ принужденъ

былъ выплатить вознагражденіе. Тогда Саккаръ предложилъ городской администраціи покупать дома на свое имя, выжидать окончанія контрактовъ, и, за извѣстную сумму, передавалъ дома въ данную минуту. Онъ даже по этому поводу придумалъ двойную игру. Онъ покупалъ и для города и для префекта. Если дѣло было уже слишкомъ соблазнительное, онъ присвоивалъ себѣ дома. Государство платило. Его услужливость вознаграждали, отдавая ему цѣлыя части улицъ, проектированныхъ площадей, которыя онъ переуступалъ прежде, чѣмъ начиналась постройка новой проектированной улицы. Это была ужасная игра. Многія дамы, вожотки, пріятельницы вліятельныхъ лицъ участвовали въ игрѣ. Одна изъ нихъ, прославившаяся своими бѣлыми зубами, проглотила такимъ образомъ, въ нѣсколько пріемовъ, цѣлыя улицы.

Но удачнѣйшимъ дѣломъ Саккара было общество кредита винодѣламъ, которое онъ основалъ вмѣстѣ съ Тутенъ-Ларошемъ. Этотъ послѣдній былъ официальнымъ директоромъ; Саккаръ же былъ только членомъ наблюдательной комиссіи, но въ сущности заправлялъ всѣмъ дѣломъ. Эженъ много помогъ своему брату. По случаю одного очень щекотливаго обстоятельства, одна газета позволила себѣ осудить дѣйствія общества, но *Мониторъ* (тогдашняя официальная газета) выступилъ и напечаталъ распоряженіе, по которому запрещались всякія печатныя пренія о такомъ почтенномъ обществѣ, находящемся подъ покровительствомъ правительства. Общество кредита винодѣламъ придумало великолѣпную финансовую систему: оно давало въ долгъ винодѣламъ половину стоимости виноградниковъ, гарантировало долгъ ипотекой и получало съ винодѣловъ проценты съ присоединеніемъ извѣстной суммы на погашеніе... Эженъ объявилъ съ улыбкой Аристиду, что въ Тюльери требуютъ честныхъ поступковъ. Тутенъ-Ларошъ понялъ это желаніе по-своему: онъ пустилъ въ ходъ общество кредита винодѣламъ, а рядомъ открылъ банковскую контору, которая привлекла къ себѣ капиталы и занялась бѣшеной биржевой игрой, нускаясь на всѣ продѣлки. Благодаря направленію, данному директоромъ, общество кредита вскорѣ приобрѣло репутацію процвѣтанія и прочности безусловныхъ... И общество съ тѣхъ поръ перестало бояться какихъ бы то ни было нападокъ. Оно держало Парижъ связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Директоръ говорилъ съ улыбкой о знаменитомъ обществѣ марокскихъ портовъ, которое однакоже продолжало существовать. Однажды, Тутенъ-Ларошъ сталъ уговаривать Саккара купить нѣсколько акцій общества. Саккаръ расхохотался, спрашивая Лароша: неужели онъ его считаетъ такимъ дуракомъ, который готовъ помѣщать деньги въ «Главномъ Обществѣ тысячи и одной ночи»?

До этихъ поръ Саккаръ спекулировалъ навѣрняка, мошенничая, продавая себя. Но и этотъ ажіотажъ ему подѣ конецъ надобѣлъ; ему было недостаточно подбирать золото, которое Тутенъ-Ларошъ и баронъ Гурд роняли за собой. Онъ сошелся съ Миньонъ-Шаррье и К^о, этими извѣстными подрядчиками, которые тогда только начали дѣло, но которые впоследствии составили себѣ колоссальныя состоянія. Городъ, оказалось, не можетъ самъ производить работъ, и администрація принуждена была отдавать въ подрядъ постройки цѣлыхъ бульваровъ. Компаніи обязывались выстраивать цѣлыя улицы, съ деревьями, скамейками, газовыми фонарями за извѣстную сумму. Съ этой эпохи начались неслыханныя спекуляціи на земли, невѣроятное повышеніе цѣнности домовъ. Саккаръ, благодаря своимъ связямъ, получилъ въ подрядъ три части одного бульвара и сдѣлался душой ассоціаціи. Миньонъ и Шаррье, — его креатуры вначалѣ, — были искусными пройдохами, издѣвавшимися изъ - подтишка надъ экипажами Саккара; они по большей части ходили въ блузахъ, не отказывались по временамъ помочь работнику, и всегда платье ихъ было покрыто пылью и грязью. Если Саккаръ поставилъ дѣло, оживляя его, то Миньонъ и Шаррье, своею практичностью, своею рутинной администраціей помѣшали разъ двадцать, чтобы дѣло не рухнуло, благодаря безумной фантазіи ихъ компаньона. Они ни за что ни согласились имѣть громадную, роскошную контору. Они не согласились точно также и на второстепенныя спекуляціи, которыя возникали ежедневно въ его горячей головѣ: постройка концертныхъ залъ, громадныхъ бань, желѣзной дороги по линіи бульваровъ, стеклянной галлерей и проч. Если бы дать волю бѣсновавшемуся воображенію Саккара, то онъ не шутя предложилъ бы поставить на весь Парижъ стеклянный колпакъ, чтобы превратить его въ теплицу и разводить ананасы и сахарный тростникъ... Вскорѣ, загребая золото лопатами, онъ имѣлъ восемь домовъ на новыхъ бульварахъ. Четыре изъ нихъ были совершенно готовы: два дома въ улицѣ Мариньянъ, и два на бульварѣ Гаусмана; остальные четыре, находящіеся на бульварѣ Мальзербъ, еще строились. Въ эту эпоху дѣла его до такой степени усложнились, онъ долженъ былъ такъ много работать, двигать такимъ громаднымъ количествомъ маріонетокъ, что ему приходилось спать не болѣе трехъ часовъ въ сутки и просматривать переписку въ каретѣ. Но непостижимо было то, что его кошелекъ казался неисчерпаемымъ. Онъ былъ акціонеромъ всѣхъ обществъ, строилъ съ какимъ-то бѣшенствомъ, участвовалъ во всѣхъ спекуляціяхъ, но никогда никто не замѣчалъ, чтобы онъ реализировалъ какую-нибудь опредѣленную сумму. Эта золотая

рѣка съ неизвѣстными источниками, которая вытекала изъ его кабинета, удивляла зѣвакъ и сдѣлала изъ него, на извѣстное время, выдающуюся личность, которой газеты приписывали всѣ биржевыя остроты.

Съ такимъ мужемъ Ренэ пользовалась полнѣйшей свободой; она цѣлыми недѣлями не видѣла его. Къ тому же, онъ былъ безупреченъ: его касса была всегда къ ея услугамъ; она его любила, какъ предупредительнаго банкира. Когда она бывала у своего отца, она восторгалась имъ. Ея презрѣніе исчезло какъ дымъ; этотъ человѣкъ казался до такой степени убѣжденнымъ, что жизнь не болѣе какъ коммерческое предпріятіе, онъ такъ очевидно былъ рожденъ для дѣланія денегъ изъ всего, что ему попадалось подъ руки: изъ женщинъ, дѣтей, мостовой, чести, мусора, совѣсти, что она не могла упрекать его за торгъ бракомъ. На свою жену онъ смотрѣлъ, какъ на одинъ изъ тѣхъ красивыхъ домовъ, которыми онъ гордился и которые ему доставляли большой доходъ. Онъ хотѣлъ, чтобы она хорошо одѣвалась, чтобы кружила голову всему Парижу. Она, такъ сказать, не сознавая была его компаньономъ. Новый экипажъ, платье въ двѣ тысячи экю, любезность относительно какого-либо сапожника рѣшали очень часто самыя запутанныя дѣла. Случалось иногда, что онъ посылалъ ее къ министру или другому вліятельному лицу съ какой-нибудь просьбой. Онъ говорилъ: «будь только умница», но тономъ, исключительно ему принадлежащимъ, въ одно и то же время ласкающимъ и насмѣшливымъ. Когда она возвращалась, съ успѣхомъ, онъ потиралъ себѣ руки, повторяя: «вотъ ты и была умницей». Онъ былъ слишкомъ дѣятелемъ, чтобы желать сдѣлать изъ своей жены какую-нибудь мадамъ Мишеленъ; онъ просто любилъ сальныя шутки, скабрѣзныя предположенія. Къ тому же, еслибы Ренэ не была «умницей», его бы бѣсила только мысль, что онъ въ дѣйствительности принужденъ былъ заплатить услугу министра или вліятельнаго чиновника. Надувать другихъ, давать имъ меньше, чѣмъ они давали,—было для него наслажденіемъ. Онъ часто говорилъ: «если бы я былъ женщиной, я бы можетъ быть продавался, но никогда не исполнялъ бы торга, — это слишкомъ глупо».

Ренэ все болѣе и болѣе входила во вкусъ правовъ второй имперіи. Брошенная на произволъ судьбы въ этотъ міръ разврата, оставленная броженію собственнаго воображенія, пользуясь безгранично деньгами, ободряемая въ своихъ выходкахъ, она отдалась потоку, уносящему ее въ этотъ омутъ, сначала съ возмущеніями совѣсти, потомъ съ природная честность выдох-

лась, толкаемая впередъ непасытной потребностію знать и ощущать. Она охотно въ полголоса болтала о пѣжной дружбѣ Сюзанны Афіеръ съ Аделиной д'Эспанэ, о щекотливомъ ремеслѣ г-жи Ловерансъ, о поцѣлкахъ по *grix-fixe* графини Ванской; но на все это она смотрѣла вначалѣ издали, съ непредѣлившимся желаніемъ, можетъ быть, вкусить этихъ запрещенныхъ плодовъ, и это несознаваемое желаніе еще больше разстраивало ея нервы и ея впечатлительность... Ея первые любовники не особенно баловали ее; раза три она себя увѣрила, что находится подъ господствомъ великой страсти; любовь вспыхивала въ ея головѣ какъ петарда, которой искры не долетали до ея сердца. Но эти страсти не длились больше мѣсяца; она дѣлала безумства, афишировалась; потомъ въ одно прекрасное утро чувствовала невыразимую скуку, безграничную пустоту. Первый любовникъ, молодой герцогъ де-Розанъ былъ не болѣе какъ пріятнымъ завтракомъ. Ренэ замѣтила его мягкость и изысканное приличіе, но въ *tête à tête* онъ оказался пустымъ, безцвѣтнымъ, скучнымъ. Мистеръ Симпсонъ, служившій при американскомъ посольствѣ, чуть-чуть не дрался съ нею и, благодаря этому обстоятельству, остался ея любовникомъ почти годъ. Потомъ, она сошлась съ графомъ де-Шибрэ, адъютантомъ императора, красивымъ и тщеславнымъ молодымъ человѣкомъ, который ей невыносимо сталъ надоѣдать; въ счастію герцогиня Стернихо влюбилась въ него... Такимъ образомъ, она дошла до г. де-Мюсси, существа ничтожнѣйшаго въ мірѣ... На двадцать восьмомъ году жизни она чувствовала уже страшную нравственную усталость...

Въ это время сталъ взрослымъ и Максимъ. Теперь это былъ красивый молодой человѣкъ, съ розовыми щеками и голубыми дѣтскими глазами. Его завитые волосы придавали ему видъ «кошотки», восхищавшій этихъ дамъ. Раса Ругоновъ выдыхалась въ немъ, дѣлалась черезъ-чуръ порочной и слишкомъ изнѣженной. Эта раса жила слишкомъ быстро; она уже погибала въ этомъ слабомъ существѣ, съ неопредѣлившимся поломъ; въ немъ ни тѣни не было той твердой воли, того алчнаго стремленія къ деньгамъ, которыя составляли характеристическую черту Сакжара; Максимъ былъ какимъ-то гермафродитомъ, кстати явившимся въ гніющемъ обществѣ. Въ двадцать лѣтъ онъ былъ человѣкомъ испорченнымъ до мозга костей. Порокъ у него не былъ пропастію, какъ у пѣкоторыхъ стариковъ, но естественнымъ и вѣшнимъ цвѣткомъ. Этотъ порокъ игралъ его бѣлокурыми волосами, улыбался на его лицѣ, проскальзывалъ во всемъ его существѣ. Но въ особенноти характерны были его глаза:

два ясныя, улыбающіяся, голубыя отверстія, точно кокетливыя зеркала, въ которыхъ просвѣчивала вся безграничная пустота его мозга. Эти глаза—глаза публичной женщины, никогда не опускались внизъ; они точно искали наслажденія...

Роли перемѣнились. Теперь Максимъ сталъ учителемъ, а Ренэ ученицей. Гуляя въ Булонскомъ лѣсу, въ коляскѣ, онъ рассказывалъ ей скандальныя исторіи, которыя сильно ее веселили. Ему доподлинно была извѣстна интимная жизнь парижскихъ кокетокъ, онъ зналъ всѣ тайныя подробности, былъ живымъ каталогомъ, въ которомъ всѣ парижскія кокетки были записаны по порядку, съ самыми полными біографическими замѣтками. Между Ренэ и Максимомъ установились какія-то особенныя отношенія, отношенія товарищей безъ всякаго принужденія. Но еще болѣе товарищескія отношенія были между сыномъ и отцомъ. Саккаръ понималъ, что великій финансистъ долженъ много издерживаться на женщинъ. Онъ былъ грубъ и предпочиталъ деньги, но въ его программу входилъ и развратъ. Когда Максимъ вышелъ изъ коллегіи, ему часто приходилось встрѣчаться съ отцомъ у однихъ и тѣхъ же дамъ. Случалось даже, что они были соперниками. Иногда, когда молодой человекъ обѣдалъ въ Maison d'огъ съ какою-нибудь буйною компаніей, онъ слышалъ голосъ Саккара въ сосѣдней комнатѣ.

— Tiens, папаша тутъ! говорилъ Максимъ, подражая гримасамъ модныхъ актеровъ.

Онъ стучалъ въ дверь комнаты, интересуясь знать съ кѣмъ его отецъ.

— А, это ты? говорилъ весело Саккаръ. Войди. Какой шумъ производите вы, господа! Съ кѣмъ это ты?

— Да мы съ Лаурой д'Ориньи, Сильвией и другими... Онѣ ужасны: суютъ пальцы въ кушанья и бросаютъ намъ въ фізіономію салатъ...

Отецъ хохоталъ...

— Ахъ, молодые люди, молодые люди, говорилъ онъ. Не стыдно ли вамъ? Берите съ насъ примѣръ, не такъ ли, милая кошечка?

И онъ бралъ за подбородокъ свою собесѣдницу...

— Ну, старый чортъ! отвѣчала собесѣдница... Прощай Максимъ. Душечка, какъ я тебя люблю! если я согласилась обѣдать съ старымъ дуракомъ, твоимъ папашей...

Саккаръ не могъ видѣть возлѣ себя вещь или лицо, безъ того, чтобы не явилось у него желаніе продать его, или по крайней мѣрѣ воспользоваться имъ. Его сыну не исполнилось еще и двадцати лѣтъ, какъ онъ уже думалъ утилизировать и его.

Красивый молодой человѣкъ, племянникъ министра, сынъ богатаго финансиста могъ разсчитывать на хорошее помѣщеніе. Конечно, онъ былъ еще молодъ, но отчего бы все-таки не поискать ему жены съ хорошимъ приданымъ? Въ этомъ отношеніи Саккару посчастливилось. Въ наблюдательномъ совѣтѣ онъ открылъ нѣкоего г. Мирейля, котораго онъ опуталъ въ нѣсколько дней. Сдѣлавъ порядочное состояніе, Мирейль женился на провинціальной аристократкѣ, искавшей въ мужѣ дурака съ предвѣстительной фізіономіей. Этотъ аристократическій бракъ возбуждалъ въ немъ бѣшеное тщеславіе: онъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлаться великимъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ платилъ газетамъ, купилъ много земель и всѣми средствами добивался официальной кандидатуры въ законодательный корпусъ. Но до тѣхъ поръ онъ ни въ чемъ не успѣлъ, не теряя впрочемъ своей важности. Онъ былъ олицетворенная глупость. Это былъ плотный мужчина, съ бѣлой, задумчивой фізіономіей государственнаго человѣка; онъ умѣлъ удивительно хорошо слушать, съ особеннымъ выраженіемъ въ глазахъ, съ торжественнымъ покоемъ въ лицѣ, такъ что можно было подумать, что въ это время въ его мозгу происходитъ гигантская умственная работа. Въ сущности же онъ рѣшительно ни о чемъ не думалъ, но своей глубокомысленной фізіономіей онъ подъ конецъ смущалъ своихъ собесѣдниковъ, которые не знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло: съ умнымъ ли человѣкомъ, или же съ круглымъ дуракомъ... Мирейль ухватился за Саккара, какъ за свое спасеніе; онъ зналъ, что вскорѣ должна быть свободная кандидатура на сѣверѣ. Саккаръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, наметнувъ на проектъ брака его дочери Луизы съ Максимомъ. Мирейль принялъ предложеніе съ восторгомъ, говоря, что не можетъ себя вообразить бѣльшаго счастья какъ родство съ семействомъ министра. Онъ говорилъ, что Луиза получитъ въ приданое милліонъ франковъ. Луиза была дурна собой и страдала чахоткой...

Дѣла Саккара продолжали процвѣтать. Онъ построилъ себѣ великолѣпный домъ въ паркѣ Монсѣ, на землѣ, которую онъ укралъ у города. Въ первомъ этажѣ былъ его кабинетъ, отдѣланный палисандромъ и золотомъ, съ громадными витринами для бібліотеки, наполненными дѣловыми бумагами, съ совершеннѣйшимъ отсутствіемъ книгъ; желѣзный шкафъ для денегъ, вѣдланный въ стѣну выдѣлялся особенно рѣзко въ кабинетѣ. Казалось, что все ему удастся; онъ говорилъ, что его ассоціація съ Миньономъ и Шаррье приноситъ ему огромныя деньги; его другія операціи шли еще лучше; что же касается до кредита для винодѣловъ, — то это была корова, которую можно было

безконечно доить. Онъ имѣлъ особенную манеру высчитывать свои богатства, манеру, которая производила какой-то хаосъ въ умѣ слушателей и мѣшала имъ ясно сознавать, что они слышать. Въ сущности, неизвѣстно было, имѣетъ ли онъ какой-либо капиталъ, или нѣтъ. Его различные компаньоны объясняли сбѣ его колоссальное состояніе удивительнымъ счастіемъ въ другихъ предпріятіяхъ, которыя были имъ извѣстны только по наслышкѣ. Онъ истрачивалъ огромныя суммы, и никто не замѣчалъ, чтобы его касса исчерпывалась...

При этихъ обстоятельствахъ состояніе Ренэ окончательно погнбло. Сперва она хотѣла сама вести свои дѣла, но вскорѣ это ей надоѣло. Потомъ, падѣлавъ долговъ, она стала прибѣгать къ Саккару, занимала у него деньги, отдавалась въ его распоряженіе. Когда они переехали въ паркъ Монсѵ, — изъ всего состоянія у нея почти ничего не оставалось. Саккаръ платилъ ей ренту въ сто тысячъ франковъ; продалъ ея земли, чтобы помѣстить деньги, какъ онъ говорилъ, въ прекраснѣйшее предпріятіе. У Ренэ осталась только земля въ Шаронѣ, которую она не хотѣла продать, боясь опечалить свою тетку...

VII.

Однажды вечеромъ Ренэ создалась Максиму, что стараетъ желаніемъ отправиться на балъ-маскарадъ, который устраиваетъ Бланшъ Мюллеръ, знаменитая актриса, своимъ театральнымъ подругамъ и царицамъ полу-свѣта. Это желаніе удивило и затруднило даже Максима, который не отличался особенной щепетильностью. По этому поводу онъ вздумалъ даже читать мораль своей мачихѣ: развѣ на этомъ балу она будетъ на своемъ мѣстѣ? къ тому же, она не увидитъ тамъ ничего интереснаго; и наконецъ, что, если ее узнаютъ? Но Ренэ ничего не хотѣла знать, и Максимъ принужденъ былъ согласиться.

На другой день вечеромъ, поручивъ своей горничной ждать ее, она съ нѣкоторымъ внутреннимъ трепетомъ спустилась въ паркъ Монсѵ. Саккаръ воспользовался своими пріятельскими сношеніями съ ратушей и получилъ, благодаря этому обстоятельству, ключъ маленькой калитки парка... Ренэ, въ темнотѣ, чуть не заблудилась и сперва не могла отыскать фіакръ, въ которомъ долженъ былъ ждать ее Максимъ. Вся взволнованная, она вскочила въ карету. Максимъ курилъ и молчалъ.

— Что съ тобой? спросила она его.

— Мнѣ холодно.

— Какъ! тебѣ холодно? А я вся горю; мнѣ кажется, что здѣсь ужасно душно... Покрой свои колѣни моими юбками.

— Ну, отвѣчалъ онъ, твои юбки подошли мнѣ хуже горькой рѣдьки!

Онъ самъ раскохотался своей выходеѣ и мало-по-малу развеселился. Они стали оживленно болтать. Фіакръ быстро мчался по бульварамъ. По временамъ, огонь сигары, оживляясь, освѣщалъ краснымъ свѣтомъ лицо Репэ. Она была удивительно хороша.

— У-у...говорилъ Максимъ, ты кажется сегодня собираешься побѣждать, милая мамаша. Нужно будетъ смотрѣть за тобой въ оба...

У дома, гдѣ жила Бланшъ Мюллеръ, было еще очень мало каретъ. Максимъ предложилъ проѣхать по бульварамъ, подождать еще съ часъ; по Репэ, которой любопытство было сильно возбуждено, объявила ему рѣшительно, что войдетъ одна, если онъ заупрямится. Дѣлать было нечего, — они вошли. Репэ надѣла маску. Народу было уже довольно много; подъ руку съ Максимомъ, Репэ шмыгала по всѣмъ комнатамъ, заглядывала подъ портьеры, осматривала мебель. Потомъ, утвердивъ въ памяти всѣ подробности, она обратила свое вниманіе на гостей. Что касается мужчинъ, то всѣ они были ей знакомы; это, по большей части, были тѣже фипапесты, политики, молодые франты, которые являлись на ея четверги. По временамъ ей казалось, что она находится въ своей гостиной, глядя на группу улыбающихся фраковъ, которые пакаунтъ у нее точно также улыбались, болтая о маркизѣ д'Эспапэ, или бѣлокурой г-жѣ Афнеръ. Когда она обратила свое вниманіе на жепцинтъ, — пилезія также не совсѣмъ исчезла. Лаура д'Ориньи была вся въ желтомъ, какъ и Сюзаппа Афнеръ, а Бланшъ Мюллеръ, какъ и Аделина д'Эспапэ, имѣла бѣлое платье, которое ее декольтировало до половины спины... Наконецъ, они усѣлись. Максимъ зѣвалъ отъ скуки, а Репэ спрашивала его имена этихъ дамъ, пристально разсматривая ихъ уборы и мысленно высчитывая количество кружевъ, которыми онѣ щеголяли. Замѣтивъ, что она погрузилась въ свои глубокомысленныя изслѣдованія, Максимъ всталъ и пошелъ на встрѣчу Лаурѣ д'Ориньи, которая звала его рукой. Лаура пошутила надъ нимъ и заставила его дать слово, что къ часу почти онъ придетъ въ Café anglais.

— Тамъ будетъ твой отецъ, закричала она въ то время, какъ Максимъ подходилъ къ Репэ. Г. де-Сафрэ, молодой франтъ, пользуясь свободнымъ мѣстомъ, которое оставилъ Максимъ, проскользнулъ черезъ толпу, сѣлъ рядомъ съ Репэ и сталъ отпу-

свать ей кучерскія нѣжности. Потомъ поднялся ужасный гвалтъ, крики, шумъ, хохотъ. Ренэ не выдержала и увлекла Максима, говоря:

— Уйдемъ отсюда; все это слишкомъ глупо...

Но не возвращаться же такъ рано домой! Они отправились поужинать въ Café Riche.

— Шарль, сказалъ Максимъ входя, вы намъ будете служить, неправда ли? Дайте намъ бѣлый кабинетъ.

Войдя, Ренэ съ любопытствомъ стала осматривать комнату, которая напоминала будуаръ модной барыни. Кромѣ креселъ и стола, въ кабинетѣ находился широкій диванъ, между окномъ и каминомъ. Осмотрѣвъ комнату, она подошла къ окну и, облокотившись, стала смотрѣть на бульваръ. Максимъ сдѣлалъ то же. Шарль входилъ и выходилъ, стуча посудой и приготовляя ужинъ. Еще не было поздно, и казалось, что весь Парижъ высыпалъ на бульвары. Максимъ показалъ Ренэ напротивъ Café anglais, котораго окна были ярко освѣщены. Вѣтви деревьевъ мѣшали имъ нѣсколько видѣть, они наклонились и стали смотрѣть внизъ. Внизу—толпа шумѣла; гуляющіе проходили цѣлыми группами. Подъ самымъ окномъ, передъ Café Riche, разставлены были желѣзные столики и стулья; около столиковъ тѣснились женщины, мужчины,—болтали, хохотали, шумѣли...

Ренэ была сильно возбуждена, новость положенія и странность роли, которую она играла, не давали ей успокоиться. Она съ удовольствіемъ принялась проглатывать устрицы. У Максима не было аппетита; онъ смотрѣлъ на нее улыбаясь.

— Не въ духѣ, что ли ты? спросилъ онъ ее вдругъ. Ужъ не сказалъ ли тебѣ г. Сафрэ чего-нибудь непріятнаго.

— Онъ просто дуракъ, отвѣчала Ренэ. Я никогда не думала, чтобы господинъ, такой приличный и вѣжливый въ моемъ домѣ, выражался такимъ образомъ... Но я ему прощаю. Меня звать женщины; право, слушая ихъ, мнѣ казалось, что это торговки, пуасардеи. Просто изъ ружъ вонъ что такое... Нѣтъ, продолжала она, я васъ, господа мужчины, рѣшительно не понимаю; онѣ такъ грязны и глупы... Выносить невозможно. Когда ты отправлялся къ своей Сильвіи, я воображала себѣ совсѣмъ не то: я представляла себѣ античные пирѣ, вакханокъ, украшенныхъ розовыми вѣнками, золотыя чаши, сцены чрезвычайнаго сладострастія... Какъ бы не такъ! вмѣсто всего этого ты показалъ мнѣ грязную уборную комнату и женщинъ, которыя ругаются, какъ извозчики. Изъ-за этого, право, не стоить развратничать...

Максимъ хотѣлъ возражать, но она продолжала:

— Развратъ, мой милый, долженъ быть вещью, выходящею

изъ ряда... Я, честная женщина, когда отъ скуки даю волю своему воображенію,—будь увѣренъ,—придумываю вещи гораздо болѣе красивыя, чѣмъ всѣ ваши Бланшъ Мюллеръ...

И она заключила слѣдующей наивно-цинической фразой:

— Тутъ вся разница въ воспитаніи, понимаешь?

Максимъ сталъ возражать; бесѣда оживилась; они начали болтать, смѣяться. Максимъ закурилъ сигару; Ренэ исподоволь попивала кофе и даже позволила себѣ рюмку шартрѣза. Въ комнатѣ стало жарко; она наполнилась дымомъ... Потомъ, Ренэ встала и подошла къ зеркалу, которое было испещрено надписями «дамъ». Она съ трудомъ разбирала эти каракульки, хохотала, снова принималась читать, какъ школьникъ, который перелистываетъ сальную книжку...

— «Эрнестъ и Клара», читала она.... внизу нарисовано сердце... А, вотъ это лучше: «Я люблю мужчинъ, потому что обожаю трюфели»; подписано: Лаура. Ужъ не д'Ориньи ли это написала, а?... А вотъ кажется и гербъ одной изъ этихъ дамъ: курица, курящая толстую трубку... И все имена: Викторъ, Амели, Александръ, Эдуардъ, Маргарита, Пакита, Луиза, Ренэ... Вотъ тебѣ на: есть такая, которая называется какъ и я.

Максимъ видѣлъ въ зеркалѣ ея пылающее лицо. Она встала на ципочки, ея домино отскочило назадъ. Максимъ всталъ и бросилъ сигару. Ему было не по себѣ...

— А, вотъ и твое имя, Максимъ, продолжала Ренэ... Слушай: «я люблю»...

Онъ сѣлъ на конецъ дивана, почти у ногъ Ренэ. Быстрымъ движеніемъ онъ схватилъ ея руки и отвелъ отъ зеркала, говоря страннымъ голосомъ:

— Пожалуйста, не читай этого...

Она боролась, нервно смѣясь...

— Почему? развѣ я не знаю твоихъ тайнъ?

Но онъ настаивалъ глухимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не сегодня...

На другой день Ренэ проснулась поздно. Она приказала сдѣлать въ каминѣ большой огонь и объявила, что весь день просидитъ у себя въ комнатѣ: въ критическія минуты, она всегда прибѣгала къ этому средству. Въ полдень Саккаръ прислалъ спросить: можетъ ли онъ войти къ ней? Она хотѣла — было отвѣчать отрицательно, но потомъ согласилась принять Саккара: она вспомнила, что наканунѣ вручила Саккару счетъ Вормса въ сто тридцать шесть тысячъ франковъ, — цифра нѣсколько крупная; по всей вѣроятности, Саккаръ изъ предупре-

дательности хотѣлъ лично сообщить ей, что Вормсъ получилъ уже свои деньги.

Саккаръ рѣдко входилъ въ комнату Ренэ. На этотъ разъ глаза его были красны, лицо блѣдное, измятое, — точно онъ не спалъ цѣлую ночь.

— Вы больны? спросилъ онъ, садясь по другую сторону камина. Мигрень?... Извините, что я являюсь съ дѣловой чепухой, но дѣло довольно серьезно...

Онъ вынулъ изъ кармана счетъ Вормса.

— Вчера я увидѣлъ этотъ счетъ на своемъ бюро; мнѣ очень жаль, но въ настоящую минуту я рѣшительно не могу уплатить по этому счету.

Онъ посмотрѣлъ изъ-подлобья. Она, казалось, была удивлена. Онъ продолжалъ, улыбаясь:

— Вы знаете, что я не имѣю привычки вмѣшиваться въ ваши дѣла; хотя, признаться, нѣкоторые подробности счета удивили меня. Такъ, напр., на второй страницѣ, я вижу: «бальное платье: 70 фр., фасонъ — 600 фр., взятая въ долгъ деньги: 5000 фр., вода доктора Пьера — 6 фр... Но вы знаете, что я понимаю всѣ слабости. По счету приходится уплатить сто тридцать шесть тысячъ, и вы были экономны... конечно, относительно говоря... Но дѣло въ томъ, что теперь я не могу заплатить по этому счету...

— Хорошо, отвѣчала она сухо. Отдайте счетъ, я подумаю...

— Я вижу, что вы мнѣ не вѣрите... Я не говорю, что мое положеніе опасно, но въ настоящую минуту дѣла идутъ скверно. Позвольте мнѣ объяснить вамъ все дѣло: вы мнѣ довѣрили ваше состояніе, и я обязанъ быть вполне откровененъ.

И онъ началъ объяснять ей свои финансовыя дѣла необыкновенно подробно и точно, приводя цифры, подводя итоги, рассказывая плутни...

— Да вѣдь я не прошу у васъ ничего, отвѣчала наконецъ Ренэ... Я знаю, что по уши у васъ въ долгу...

— Ахъ, что это вы говорите, вскричалъ Саккаръ, взявъ жену за руку. Дѣло просто въ томъ, что въ послѣднее время я былъ несчастливъ на биржѣ, Тутенъ-Ларошъ надѣлалъ глупостей; Миньонъ и Шарье — болваны, которые запутываютъ меня. И вотъ почему я не могу заплатить по вашему счету.

Онъ казался дѣйствительно взволнованнымъ; онъ нервно игралъ каменными щипцами, повертывая бревна и оживляя огонь. Ренэ припомнила безпокойство, обнаруживаемое Саккаромъ съ нѣкотораго времени; но она не въ состояніи была пропикнуть во всю глубину истины. Саккаръ былъ въ жалкомъ положеніи.

Онъ жилъ въ домѣ, который стоилъ два милліона, роскошь его обстановки превышала всякое вѣроятіе, а между тѣмъ случались дни, когда въ карманѣ у него не было и тысячи франковъ. Своихъ издержекъ онъ не сокращалъ. Онъ жилъ долгомъ, среди толпы кредиторовъ, которые поглощали каждый день страшныя деньги, получаемыя имъ съ разныхъ спекуляцій. Въ это же время подъ его погами падали цѣлыя общества, образовывались новыя пропасти, чрезъ которыя онъ скакалъ, не будучи въ состояніи наполнить ихъ. Такимъ образомъ, онъ находился въ постоянномъ кризисѣ, уплачивая счета въ пятьдесятъ тысячъ франковъ, и задерживая жалованье кучера...

— Но, перебила его вдругъ Ренэ, вѣдь переговоры о моей землѣ Шаропъ идутъ хорошо? Вы мнѣ еще наканунѣ говорили, операція превосходна.... Можеть быть Ларсонбъ и дастъ мнѣ эти деньги подъ залогъ земли...

Саккаръ съ нѣкотораго времени оставилъ щипцы. Онъ снова быстро ихъ схватилъ, нагнулся и почти исчезъ въ каминѣ. Ренэ слышала только, какъ онъ проговорилъ торопливо:

— Да, да, Ларсонбъ, можетъ быть...

Онъ ее привелъ наконецъ къ тому, чего хотѣлъ съ пачала разговора. Въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ приготовлялъ геніальную операцію. Ренэ ни за что не хотѣла рисковать землей тетки; она поклялась мадамъ Обертъ сохранить ее въ цѣлости для ребенка, если она сдѣлается матерью. Передъ этимъ упорствомъ воображеніе Саккара воспламенилось и онъ настрепалъ цѣлую поэму. Это было произведеніе самаго топкаго падувательства, жертвой котораго должны были быть: администрація города, правительство, жена и даже Ларсонбъ. Онъ не говорилъ никогда о продажѣ земли, но постоянно возмущался глупостью оставлять землю непроизводительною. Ренэ, по уши въ долгахъ, примирилась наконецъ съ идеей какой-нибудь спекуляціи. Саккаръ основалъ все дѣло на увѣренности близкой экспроприаціи, для проведенія бульвара принца Евгенія, котораго планъ не былъ еще точно опредѣленъ. Тогда онъ привелъ Ларсонбъ и заключилъ съ женой слѣдующее условіе: она приносила въ компанію землю, оцѣненную въ пятьсотъ тысячъ; съ своей стороны Ларсонбъ обязывался на такую же сумму выстроить на этой землѣ café-concert съ большимъ садомъ, гдѣ будутъ всякаго рода увеселенія...

Ренэ, видя, что ея мужъ не выдѣзаетъ изъ камина, продолжала:

— Я отправлюсь сегодня къ Ларсонбъ. Это единственное средство.

— Это уже сдѣлано, отвѣчалъ Саккаръ. Развѣ я не ста-

раюсь предупредить всѣ ваши желанія? Вчера вечеромъ я говорилъ съ Ларсонд.

— Ну, что-жъ? обѣщаль онъ сто тридцать шесть тысячъ?

— Не совсѣмъ. Онъ обѣщаль найти пятьдесятъ тысячъ. Задатокъ хороший... Но онъ не хочетъ связывать этотъ заемъ съ нашей спекуляціей по части шаронской земли. Онъ только посредникъ, понимаете? Лицо, которое даетъ деньги, требуетъ громадныхъ процентовъ. Оно хочетъ вексель въ восемьдесятъ тысячъ, на шесть мѣсяцевъ.

— Восемьдесятъ тысячъ! Но это просто воровство! Неужели же вы мнѣ совѣтуете подобную глупость?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ рѣшительно. Но если вамъ необходимы деньги, — я не запрещаю вамъ.

Онъ всталъ чтобы уйти. Ренэ, въ нерѣшительности, смотрѣла на своего мужа.

— Ужъ эти мнѣ дѣла! сказала она; у меня отъ нихъ голова болитъ. Что же дѣлать? Я подпишу вексель... Ужъ если дѣлать глупость, такъ дѣлать не размышляя.

Она хотѣла послать за вексельной бумагой; но Саккаръ и тутъ ей услужилъ. По всей вѣроятности, бумага была у него въ карманѣ, потому что его отсутствіе длилось не болѣе двухъ минутъ. Въ то время какъ она писала, онъ смотрѣлъ на нее жадными глазами. Когда Ренэ вручила ему вексель, прося скорѣе окончить это дѣло, онъ продолжалъ на нее смотрѣть.

— Вы удивительно хороши сегодня, прошепталъ онъ.

И въ то время, какъ она нагнулась оттолкнуть столикъ, онъ вдругъ поцѣловалъ ее въ плечо. Ренэ невольно вскрикнула.

VIII.

Поцѣлуй не выходилъ изъ головы Саккара. Онъ давнымъ-давно прервалъ съ женой всякую связь. Этотъ разрывъ явился естественно, такъ какъ ни жена, ни мужъ не хотѣли себя стѣснять. Если Саккаръ вздумалъ возобновить прежнія отношенія, то было очевидно, что супружескія нѣжности должны были принести ему порядочный доходъ.

Спекуляція подвигалась успѣшно, хотя онъ не совсѣмъ былъ согласенъ насчетъ развязки.

Улыбки Ларсонд не нравились ему. Ларсонд былъ только посредникомъ и получалъ за это десять процентовъ съ будущихъ доходовъ. Но хотя онъ не внесъ ни одной копѣйки и хотя Саккаръ, положивъ капиталъ на постройку café-concert, окру-

жилъ себя всякаго рода предосторожностями, — онъ все-таки сильно побаивался Ларсонѣ. Онъ чувствовалъ у своего компаньона намѣреніе поприжать его въ данную минуту, благодаря подложной приходо-расходной книгѣ, которую Ларсонѣ сохранялъ какъ зеницу ока.

Не мудрено поэтому, что оба плута самымъ нѣжнымъ образомъ жали себѣ руки. Ларсонѣ называлъ Саккара: своимъ «геніальнымъ другомъ»; онъ дѣйствительно поклонялся ловкости этого финансоваго эквилибриста. Желаніе надуть его тревожило Ларсонѣ, какъ особенно тонкое наслажденіе... Саккаръ не хотѣлъ даже, чтобы Ларсонѣ отдалъ пятьдесятъ тысячъ его женѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ любезный, говорилъ онъ; нельзя запутывать нашихъ счетовъ... Вы — единственный человѣкъ во всемъ Парижѣ, которому я не хочу быть долженъ.

Ларсонѣ довольствовался тѣмъ, что намекалъ ему, что Ренэ — бездонная пропасть. Онъ даже совѣтовалъ ему не давать ей ни одной копѣйки, — чтобы она сейчасъ же отказалась отъ своей части въ дѣлѣ. Онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ однимъ Саккарѣмъ. По временамъ, онъ щупалъ его и говорилъ:

— Нужно будетъ, однаковъ, привести въ порядокъ мои бумаги... Ваша жена пугаетъ меня, милѣйшій. Я не хочу, чтобы опечатали нѣкоторые изъ моихъ бумагъ.

Саккаръ не принадлежалъ къ тѣмъ, которые пропускаютъ терпѣливо подобныя намеки. Однажды онъ вспылилъ и сказалъ грубо Ларсонѣ:

— Послушай, мой милый, — ты добрый малый; но я совѣтую тебѣ отдать мнѣ извѣстную бумагу. Ты увидишь, что этотъ клочекъ бумаги поссоритъ насъ.

Ларсонѣ, сдѣлавъ удивленный видъ, сталъ жать руки «своему геніальному другу», увѣряя его въ своей преданности. Саккаръ негодовалъ на свою вспыльчивость. Въ это время онъ сталъ подумывать возобновить прежнія отношенія къ женѣ; она могла ему быть полезна противъ Ларсонѣ. И подѣлавъ въ плечо, такимъ образомъ, былъ первымъ признакомъ его новой тактики.

Къ тому же торопиться ему было не къ чему. Въ продолженіи цѣлой зимы онъ соображалъ всѣ подробности плана, занимаясь въ то же время массой другихъ дѣлъ. Дѣла его все больше и больше запутывались; но онъ не сокращалъ своихъ издержекъ, давая балы, обѣды, вечера. Эти хлопоты заставили его отодвинуть на второй планъ свои намѣренія насчетъ Ренэ; онъ удовольствовался, приготавливая развязку тѣмъ, что давалъ ей деньги только черезъ посредство Ларсонѣ. Когда онъ могъ располагать нѣсколькими тысячами франковъ, и когда Ренэ нуж-

далась, онъ приносилъ ей деньги, говоря, что Ларсоно требуетъ вексель на двойную сумму. Эта плутовская комедія ужасно его забавляла. Такимъ образомъ, черезъ нѣкоторое время у него было векселей на двѣсти тысячъ, подписанныхъ Ренэ.

Въ эту зиму Ренэ много веселилась; она только по временамъ нуждалась въ деньгахъ. Максимъ стоилъ ей очень дорого; онъ продолжалъ ее называть «мамашей» и позволялъ ей вездѣ платить за себя. Она старалась; чтобы ея «милое дитя» ни въ чемъ не нуждалось... Въмѣсто одного дня въ недѣлю, она назначила два пріемныхъ дня. Въ четвергъ являлись всѣ, по понедѣльники были посвящены только близкимъ знакомымъ; мужчины исключались, одинъ Максимъ имѣлъ только право присутствовать на понедѣльникахъ. Въ одинъ изъ такихъ понедѣльниковъ ей пришла въ голову странная мысль одѣть его въ женское платье и представить своимъ пріятельницамъ, въ качествѣ жуизны. Аделина, Сюзанна, баронесса Мейнгольдъ и другія пріятельницы, бывшія тутъ, встали, расклапывались соображая: гдѣ онъ могли видѣть это лицо? Потомъ когда они поняли, — поднялся хохотъ, и онъ потребовалъ, чтобы Максимъ остался въ дамскомъ костюмѣ, — это обстоятельство дало имъ поводъ къ двусмысленнымъ шуткамъ, которымъ онъ и далъ полную волю.

Къ слѣдующей зимѣ денежныя затрудненія Ренэ и Максима достигли своего высшаго предѣла. Многимъ векселямъ, падающимъ у Ларсоно, вышелъ срокъ. Съ другой стороны, Ренэ пугалась долга Вормсу, который теперь достигалъ двухъ-сотъ тысячъ. Портной требовалъ по крайней мѣрѣ задатка, угрожая въ противномъ случаѣ прекратить кредитъ. Дрожь овладѣвала ею, когда она думала о возможности скандальнаго процесса и въ особенности о ссорѣ съ великимъ художникомъ. Къ тому же, ей пужны были карманные деньги: что они станутъ дѣлать, Ренэ и Максимъ, — если не въ состояніи будутъ выбрасывать хоть нѣсколько сотенъ франковъ въ день? «Милое дитя» — былъ также безъ копѣйки въ карманѣ и положеніе его было нисколько не лучше. Ювелиръ Сильвинъ, которому Максимъ долженъ былъ десять тысячъ франковъ, потерялъ терпѣніе и поговаривалъ о томъ, какъ бы посадить молодого франта въ долговую тюрьму. Саккаръ рѣшительно объявилъ, что платить не намѣренъ. Ренэ была въ отчаяніи и искала денегъ всѣми возможными средствами. Ей пужно было тысячъ пятьдесятъ: пятнадцать Максиму, тридцать — заткнуть глотку Вормсу, и пять — карманныхъ денегъ.

Первою ея мыслию было выпросить эту сумму у мужа. Но, она долго колебалась, — какое-то безсознательное отвращеніе говорило ей, что къ этому средству не слѣдуетъ прибѣгать. Но

что было дѣлать? Она ожидала, что Саккаръ предложить ей постыдный торгъ. Когда Ренэ сказала Саккару о пятидесяти тысячахъ, — онъ разгорячился, объявляя, что Ларсонбъ ни за что не дастъ такой суммы, что самъ онъ въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Потомъ, смягчась, прибавилъ:

— А впрочемъ, развѣ вамъ можно въ чемъ-нибудь отказать? Дѣлать нечего, надо будетъ для васъ побѣгать по Парижу... Я принесу тебѣ деньги завтра вечеромъ, прошепталъ онъ, цѣлуя ее... въ твою комнату и безъ векселя...

Положеніе было ужасно; Ренэ чувствовала, что теряетъ равновѣсіе.... Едва лишь вышелъ Саккаръ, она быстро одѣлась и рѣшилась ѣхать къ своему отцу, не сообразивши хорошенько, какъ она приступитъ къ просьбѣ о пятидесяти тысячахъ франковъ. Она очертя голову ухватилась за мысль запясть деньги у отца, не обсудивъ ее, возмущаясь своимъ малодушіемъ, съ невольнымъ страхомъ. Она посидѣла у отца нѣкоторое время, поговорила съ теткой, но о деньгахъ заикнуться не рѣшилась.... Атмосфера дома Беро произвела на нее тяжелое, подавляющее впечатлѣніе, и она свободно вздохнула, когда снова сѣла въ карету. Но деньги, деньги.... откуда достать денегъ, чтобы не брать отъ мужа?... Она приказала ѣхать въ улицу Фобуръ-Пуассоньеръ.

Мадамъ Сидони вскрикнула отъ радости, увидѣвъ Ренэ. Объ ея затруднительномъ положеніи она знала и рѣшилась имъ воспользоваться.... Мадамъ Сидони только на минутку забѣжала къ себѣ; у ней столько дѣлъ! Да вотъ и теперь она собиралась къ мировому судѣ, по дѣлу одной изъ своихъ пріятельницъ. Но она такъ рада видѣть у себя Ренэ: пріятельница подождетъ.... Ренэ улыбалась, ей было неловко. Мадамъ Сидони ни за что не хотѣла, чтобы она осталась въ магазинѣ и увела Ренэ въ свою комнату.

— Теперь, наша красавица, сказала Сидони, садитесь-ка вотъ сюда; здѣсь мы можемъ поболтать... Представьте себѣ, что я собиралась къ вамъ сегодня вечеромъ.

Ренэ, которой была знакома комната, продолжала ее осматривать.

— У васъ перемѣны, сказала она, вы переставили кровать?

— Да, одна изъ моихъ знакомыхъ пашла, что такъ лучше. Она посовѣтовала мнѣ также красныя занавѣски.

— То-то, я замѣтила, что и занавѣски другія.... Красный цвѣтъ очень обыкновененъ.

Взявъ свою лорнетку, она внимательно стала разсматривать комнату, которая походила на пумеръ второстепенной гостип-

ницы. На каминѣ она замѣтила длинныя булавки, которыя безспорно принадлежали тощему шиньону мадамъ Сидони. На прежнемъ мѣстѣ кровати обои были засалены, порваны. Сидони пробовала-было скрыть этотъ недостатокъ, и съ этой цѣлью поставила даже два кресла на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была кровать, но все-таки всего не скрыла.

— Вы, кажется, имѣете мнѣ что-то сказать? спросила наконецъ Ренэ.

— Да. Это цѣлая исторія. Представьте себѣ, что г. де-Сафрэ безумно влюбленъ въ прелестную мадамъ Саккаръ... Да, въ васъ, моя красавица.

— Что же вы говорили, отвѣчала Ренэ, что онъ безъ ума отъ мадамъ Мишеленъ?

— Ну, съ мадамъ Мишеленъ онъ давно покончилъ; я могу вамъ представить доказательства, если хотите... Развѣ вы не знаете, что мадамъ Мишеленъ понравилась барону Гурѡ?... Непонятно... Всѣ знающіе барона удивляются... Но она молодецъ... Однако возвратимся къ Сафрэ, прибавила Сидони. Онъ, кажется, встрѣтилъ васъ на балу актрисъ, въ домино, и даже упрекаетъ себя въ томъ, что нѣсколько безцеремонно предложилъ вамъ отправиться съ нимъ поужинать. Правда это?

— Совершенная правда, отвѣчала удивленная Ренэ; но кто могъ ему сказать...

— Подождите; онъ говоритъ, что узналъ васъ послѣ, когда вы вышли подъ руку съ Максимомъ... Съ тѣхъ-то именно поръ онъ и влюбился въ васъ... Онъ просилъ меня извинить его передъ вами...

— Ну, и прекрасно, я прощаю ему, прервала Ренэ; потомъ подумавъ, она продолжала:—Ахъ, мадамъ Сидони, если бы вы знали, какія у меня заботы! Мнѣ необходимо нужны пятьдесятъ тысячъ франковъ завтра утромъ. Я пріѣхала поговорить съ вами объ этомъ дѣлѣ. Вы говорили мнѣ, что знаете лицъ, которыя дають въ долгъ?

— Да, конечно; но только я бы совѣтовала вамъ прежде обратиться къ друзьямъ. На вашемъ мѣстѣ, знаете, что я бы сдѣлала?... Я бы просто обратилась къ г. де-Сафрэ?

Ренэ принужденно улыбнулась.

— Но вѣдь это будетъ неприлично; вы же сами говорите, что онъ влюбленъ въ меня.

Старуха упорно смотрѣла на нее; потомъ ея старческое лицо скривилось.

— Бѣдняжка, сказала она, вы плавали? я вижу по вашимъ

глазамъ. Будьте посильнѣе, примиритесь съ жизнію... Да вотъ, я вамъ устрою ваше дѣльце.

Внутри Ренэ происходила страшная борьба; она уже хотѣла сказать, что соглашается, какъ вдругъ раздался звонокъ. Мадамъ Сидони выбѣжала. Ренэ слышала мужскіе шаги и разговоръ шопотомъ. Невольно, она снова стала разсматривать засаленные обои. Это пятно точно беспокоило ее. Забывая Максима, пятьдесятъ тысячъ, г. де-Сафрэ, она говорила себѣ, что прежнее мѣсто было гораздо удобнѣе для кровати.

Мадамъ Сидони вошла, дѣлая ей руками знаки, чтобы она говорила тише. Потомъ, наклонившись, сказала на ухо:

— Вы не знаете? вотъ исторія: г. де-Сафрэ здѣсь.

— Вы ему, конечно, не сказали, что я у васъ? спросила съ безпокойствомъ Ренэ.

— Конечно, сказала... Онъ ожидаетъ, когда его позовутъ; но, разумѣется, я не говорила ему о пятидесяти тысячахъ...

Ренэ встала, вся блѣдная. Негодованіе бушевало въ ней.

— Я уйду, сказала она рѣзко. Отворите мнѣ дверь.

Мадамъ Сидони попробовала-было улыбаться.

— Не будьте ребенкомъ, сказала она. Что я стану дѣлать теперь съ этимъ господиномъ. Право, вы меня компрометируете.

Но Ренэ уже сходила по лѣстницѣ, и повторяла своего-воркою:

— Отворите же, отворите!

Но Сидони все не унималась; наконецъ, разозлившись, съ глазами, гдѣ выражалась вся безчеловѣчная сухость ея натуры, она вскричала:

— Но что же вы хотите, чтобы я сказала этому господину?

— Скажите ему, что я не продаюсь, отвѣчала Ренэ, выбѣгая на улицу.

Она прямо поѣхала домой. Вечеромъ она сказала, чтобы Максимъ не приходилъ; ей нездоровилось, ей нуженъ былъ покой. На другой день, вручивъ ему деньги для ювелира Сильвіи, она не знала, что отвѣчать на его вопросы. Ея мужу, сказала она, удалось сдѣлать удачную аферу. Но съ тѣхъ поръ, она стала капризна, она часто мѣняла часы свиданій, а иногда даже просто не пускала къ себѣ Максима, который очень мало обращалъ вниманія на эти капризы, объясняя ихъ тѣмъ, что Ренэ старѣетъ. Въ сущности же, она много страдала. Несмотря на свой нравственный упадокъ, ея инстинктивная, расовая гордость возмущалась ролью, которую ей приходилось играть. Иногда, когда совѣсть роптала слишкомъ сильно въ сердцѣ Ренэ, она извиняла себя, думая, какъ низко падали ея пріятельницы.

Развѣ она не встрѣчала всякій день еще болѣе печальное униженіе? Развѣ она не видѣла у министровъ, въ Тюльери, вездѣ, зрѣлище еще болѣе отвратительное? И она невольно думала о постыдной дружбѣ Аделины д'Эспанэ и Сюзанны Афнеръ, которыя вызывали двусмысленныя улыбки на понедѣльникахъ императрицы. Она вспоминала ремесло мадамъ Ловерапсъ, которую мужа прославляли за ея скромность, порядокъ, точность въ платежѣ долговъ. Она останавливалась на г-жѣ Дастъ, г-жѣ Тейсейръ, баронессѣ Мейнгольдъ, которыхъ роскошь платили любовники, и которыхъ цѣнность въ великосвѣтскихъ гостинныхъ попижалась и повышалась, какъ курсъ бумагъ на биржѣ. Она думала о г-жѣ Гендъ, которая была такъ глупа и такъ хороша собой, что сразу имѣла трехъ любовниковъ—гвардейскихъ офицеровъ, и не могла ихъ различать, благодаря тождественности ихъ мундира. Но надъ всѣми этими существами царствовала герцогиня Стерпихъ,—безобразная, старая, истрѣпанная, которая славилась своей прежнею связью съ самимъ императоромъ...

IX.

Но у Ренэ были и другого рода заботы. Саккаръ съ нѣкотораго времени думать ускорить бракъ Максима съ Луизой, и она знала это. Онъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ ни за что въ мірѣ приданое въ милліонъ. Луиза въ началѣ зимы была нездорова и въ продолженіи трехъ недѣль не выходила; онъ до такой степени испугался мысли, что она можетъ умереть, что рѣшился немедленно устроить свадьбу. Конечно, Саккаръ находилъ, что женихъ и невеста еще слишкомъ молоды, но доктора объявили, что мартъ мѣсяцъ можетъ быть опасенъ для Луизы. Максимъ почувствовалъ пеловкость, когда отецъ объявилъ ему свое намѣреніе. Луиза забавляла его, приданое привлекало его, и Максимъ согласился, онъ не возражалъ Саккару, лишь бы избѣжать спора. Но въ глубинѣ души онъ долженъ былъ сознаться, что къ несчастію дѣло не можетъ уладиться безъ исторіи. Онъ имѣлъ причины думать, что Ренэ ни за что не согласится: ихъ взаимныя отношенія сдѣлались давно уже слишкомъ интимны; она будетъ плакать, сдѣластъ ему скверную сцену, пожалуй даже устроить какой-нибудь необыкновенный скандалъ, который удивитъ весь Парижъ. Все это очень непріятно. Теперь Ренэ страшила его...

Максимъ, поэтому, рѣшился выжидать удобнаго случая, который бы освободилъ его отъ Ренэ. Онъ говорилъ себѣ, что

сдѣлалъ величайшую глупость. Если ихъ прежняя фамиллярность привела къ теперешнимъ ихъ отношеніямъ, то она же мѣшала ему теперь порвать съ нею, какъ это онъ сдѣлалъ бы со всякой другою. Онъ бы просто оставилъ ее: такова была его система развязывать любовный узелъ, избѣгалъ сценъ и ссоръ. Но на драму онъ былъ неспособенъ... Къ тому же, мысль о Луизѣ, и въ особенности о ея милліонномъ придавомъ не давала ему покоя и онъ говорилъ себѣ: «все это прѣкрасно, но не серьезно, и какъ-нибудь надо же кончить съ этой чепухой!»

Однажды почью, Максимъ у одной изъ своихъ дамъ проигралъ всѣ деньги, какія у него были въ карманѣ. Ему страшно хотѣлось продолжать еще игру. Онъ взялъ свою шляпу и подъ впечатлѣніемъ этой одной мысли отправился къ Ренэ, вошелъ въ паркъ Монсб, отворилъ маленькія дверцы и очутился въ теплицѣ. Было уже поздно. Ренэ запретила ему приходить въ этотъ вечеръ. Объ этомъ обстоятельствѣ онъ вспомнилъ только тогда, когда подошелъ къ стеклянной двери, которая оказалась закрытою.

— Что-жъ, думалъ онъ, видя, что окно будуара освѣщено: я свисну и она выйдетъ. Я не стану ее беспокоить; если у ней есть нѣсколько лундоровъ, я возьму и отправлюсь сейчасъ же назадъ.

Онъ свиснулъ; онъ часто употреблялъ это средство. Но на этотъ разъ онъ напрасно свистѣлъ. Наконецъ онъ замѣтилъ, какъ отворилась осторожно стеклянная дверь и вышла Ренэ, съ распушенными волосами, едва одѣтая.

— Какъ это глупо съ твоей стороны, прошептала она, съ сдержаннымъ гнѣвомъ. Я вѣдь тебѣ сказала, чтобы ты не приходилъ. Что тебѣ нужно?

— Войдемъ, отвѣчалъ Максимъ, удивленный пріемомъ; въ комнатѣ я тебѣ скажу. Здѣсь ты простишься.

Но она удержала его; онъ замѣтилъ, что она страшно блѣдна; онъ посмогнулъ на нее съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Что съ тобой? больна ты?

И невольно, онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на освѣщенное окно будуара.

— Но у тебя какой-то мужчина въ компаніи, сказалъ онъ вдругъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вздоръ, шептала Ренэ.

— Что ты мнѣ рассказываешь,—я вижу тѣнь.

И она замолчала, не зная что говорить. Ренэ дрожала.

— Ты не станешь вѣдь увѣрять меня, что твоя горничная

носить скрутку, продолжалъ онъ. Если бы стекла теплицы не были такъ толсты, я бы пожалуй узналъ этого господина.

— Прощу тебя, Максимъ...

Но злобное чувство проснулось въ Максимѣ.

— Если бы ты мнѣ сказала, продолжалъ онъ съ улыбкой, я бы и не подумалъ приходить... Развѣ мы не видимъ каждый день, какъ люди перестаютъ любить другъ друга?... Мнѣ самому начинало надоѣдать... Чего ты бѣсишься?... Не безпокойся, я тебя сейчасъ же оставлю, только впередъ ты должна мнѣ сказать имя этого господина.

— Никогда, никогда, отвѣчала Ренэ, покрывая лицо руками.

— Да вѣдь не стану же я его вызывать на дуэль; мнѣ просто интересно знать. Скажи фамилію, и я уйду.

Онъ взялъ ее за руки и улыбался злою улыбкой.

— Пріятнѣе, что ли, будетъ тебѣ, если мы затѣмъ шумъ? Чего ты боишься? Развѣ мы не пріатели?... Постою, я тебѣ помогу. Г. де-Мюсси, надъ страданіями котораго ты сжалилась?

Она не отвѣчала.

— Не Мюсси?... Въ такомъ случаѣ, герцогъ де-Розанъ, да?... Можетъ быть, графъ Шибрэ? Не онъ?... Кто же еще? Больше я право не знаю.... Не отецъ же въ самомъ дѣлѣ.

Она задрожала, какъ отъ обжогов.

— Нѣтъ, отвѣчала она глухо, вѣдь ты знаешь, что онъ не приходитъ.

— Такъ кто же?

— Ахъ, Максимъ, еслибъ ты зналъ.... Я не могу сказать.... Это г. де-Сафрэ, прибавила она шопотомъ.

— Знаешь, кто такое ты? отвѣчалъ ей Максимъ, ты просто....

И онъ докончилъ по своему, потомъ вышелъ.... Ренэ опустилась въ изнеможеніи; медленно, волоча ноги, она поднялась послѣ наверхъ.

На другой день, Саккаръ рѣшился ускорить развязку дѣла касательно шаронской земли. Жена принадлежала ему. Съ другой стороны, на-дняхъ долженъ былъ быть опредѣленъ планъ бульвара принца Евгенія и необходимо было, чтобы земля Ренэ сдѣлалась собственностью другого прежде, чѣмъ сдѣлается извѣстнымъ предполагаемая постройка бульвара. Саккаръ въ этомъ случаѣ поступалъ какъ настоящій художникъ; онъ задался мыслью пріобрѣсти землю за кусокъ хлѣба, но за то, въ минуту торжества, онъ готовъ былъ сдѣлать Ренэ подарокъ тысячъ во сто.

Но прежде, чѣмъ покончить дѣло съ Ренэ, онъ имѣлъ благоразуміе вывѣдать настоящія намѣренія Ларсонэ, который

продолжалъ его беспокоить. Его догадливость спасла его въ этомъ случаѣ. Ларсонъ съ своей стороны полагалъ, что плодъ созрѣлъ и его можно проглотить. Когда Саккаръ вошелъ въ кабинетъ Ларсонъ, онъ нашелъ своего компаньона въ отчаяніи.

— Ахъ, мой другъ, сказалъ онъ.... Какое несчастье! Мы погибли.... Я сейчасъ хотѣлъ бѣжать къ вамъ.

— Въ чемъ дѣло?

— У меня украли прихода-расходную книгу, вы знаете?..

И онъ разсказалъ, что одинъ изъ его помощниковъ, — мерзавецъ, какъ онъ выражался, достойный галеръ, — укралъ у него нѣсколько дѣлъ, между которыми и знаменитую книгу. Кромѣ того, воръ понялъ, какъ можно воспользоваться этой книгой, и требовалъ за возвратъ ея сто тысячъ франковъ.... Саккаръ соображалъ. Сказка показалась ему слишкомъ грубою. Очевидно, что и Ларсонъ не заботился о томъ, повѣрять ли ему, или нѣтъ. Ему нуженъ былъ только предлогъ: дать понять, что за шаронское дѣло онъ хочетъ сто тысячъ франковъ, и что при этомъ условіи онъ готовъ даже возвратитъ опасную книгу, находящуюся у него. Предложеніе показалось Саккару слишкомъ безцеремоннымъ; онъ охотно бы вознаградилъ своего компаньона; но его возмутила ловушка, поставленная Ларсонъ. Къ тому же, онъ зналъ хорошо своего компаньона и былъ увѣренъ, что онъ способенъ снести прихода-расходную книгу его брату министру, который, конечно, заплатитъ, лишь бы предупредить скандалъ.

— Чортъ побери! проговорилъ Саккаръ, садясь.... вотъ скверная исторія!... А нельзя ли видѣть этого мерзавца?

— Я пошлю за нимъ, отвѣчалъ Ларсонъ. Онъ живетъ по сосѣдству.

Минутъ черезъ десять явился молодой человѣкъ, косой, съ лицомъ покрытымъ красными пятнами. Онъ почтительно остановился въ дверяхъ и спокойно смотрѣлъ на Саккара. Ларсонъ, который называлъ молодого человѣка — Батистенъ, сдѣлалъ ему допросъ, на который тотъ отвѣчалъ нисколько не стѣсняясь. Ларсонъ обзывалъ его воромъ, мошенникомъ, грабителемъ, осыпалъ его всѣми возможными ругательствами, на которыя Батистенъ ничего не отвѣчалъ. Саккаръ восхищался хладнокровіемъ Батистена.

— Хорошо, сказалъ наконецъ Саккаръ.... оставьте насъ.... Итакъ, вы требуете, милостивый государь, сто тысячъ франковъ?

— Да-съ, сто тысячъ, отвѣчалъ спокойно молодой человекъ и вышелъ....

Ларсонъ, казалось, не могъ успокоиться.

— Вотъ гадина! кричалъ онъ. Видѣли вы эти фальшивые глаза?...

Но Саккаръ прервалъ его, сказавъ:

— Ну, въ немъ нѣтъ ничего ужаснаго. Я думаю, что съ нимъ можно будетъ поладить. Но я пришелъ по дѣлу, еще болѣе неприятому. Вы были правы, недоувѣряя моей женѣ, мой другъ. Представьте себѣ, что она продаетъ свою часть г. Афнеру. Она говоритъ, что нуждается въ деньгахъ.

Ларсонъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Эта продажа, продолжалъ Саккаръ, — уничтожаетъ всѣ наши надежды. Если Афнеръ сдѣлается нашимъ компаньономъ, наши доходы не только будутъ сильно уменьшены, но я кромѣ того боюсь, что наше положеніе будетъ очень неприятно, когда этотъ мелочной господинъ станетъ совать свой носъ въ наши счеты.

Ларсонъ сталъ быстро ходить по комнатѣ.

— Вотъ и дѣлай послѣ этого услуги людямъ, говорилъ онъ... На вашемъ мѣстѣ, я бы рѣшительно запретилъ женѣ вашей дѣлать подобныя вещи.

— Ахъ! мой другъ, я столько же имѣю власти надъ моей женой, какъ и вы надъ этимъ мерзавцемъ Батистеномъ.

Ларсонъ вдругъ остановился передъ Саккаромъ, который продолжалъ спокойно улыбаться. Потомъ, онъ снова сталъ ходить, но гораздо медленнѣе. Онъ подошелъ къ зеркалу, поправилъ свой галстукъ, подумалъ,... потомъ вдругъ закричалъ:

— Батистенъ!

Скромный молодой человѣкъ вошелъ другою дверью. Въ рукѣ, вмѣсто шляпы, у него было перо.

— Ступай, принеси книгу, сказалъ ему Ларсонъ.

Когда молодой человѣкъ вышелъ, былъ поднятъ вопросъ: сколько надо дать Ларсонъ за книгу? Саккаръ согласился дать тридцать тысячъ съ будущихъ доходовъ шаронскаго дѣла.... Съ немалымъ удовольствіемъ Саккаръ послѣ сжегъ приходо-расходную книгу въ каминѣ Ларсонъ. Потомъ, они дружески пожали себѣ руки.

— Вы будете сегодня вечеромъ у Лауры, не правда ли? спросилъ Саккаръ.... Подождите меня тамъ. Я улажу дѣло съ женой и тогда мы примемъ окончательное рѣшеніе.

У Лауры Саккаръ встрѣтилъ Максима, который, поболтавъ съ отцомъ, отправился къ Ренэ. Они встрѣтились какъ ни въ чемъ не бывало и долго болтали о разныхъ пустякахъ. Вдругъ онъ спросилъ ее совершенно неожиданно:

— Отчего ты мнѣ не сказала, что тогда у тебя былъ папаша?

Она подняла голову.... потомъ кровь бросилась къ ея лицу; она закрыла лицо руками, говоря шопотомъ:

— Какъ! ты знаешь?

— Еще бы! самъ папаша рассказывалъ мнѣ это у Лауры д'Ориньи.... Право, я тебя не понимаю. Ты—странная женщина. Если вчера я былъ грубъ, то этому ты была виной. Еслибы ты мнѣ сказала, что у тебя папаша, — я бы преспокойно отправился, понимаешь? Но вмѣсто этого, ты указываешь на Сафрэ!...

Ренэ рыдала. Онъ подошелъ, сталъ возлѣ нее на колѣни.

— Скажи же мнѣ, пожалуйста, почему ты выдумала Сафрэ?

— Я думала, отвѣчала она отворачиваясь, что ты бросишь меня, когда узнаешь....

Онъ всталъ, взялъ снова сигару и отвѣчалъ:

— Какая ты смѣшная!

Она перестала плакать; она понять не могла спокойный тонъ бесѣды Максима. Онъ повторялъ ей, покуривая сигару, что она неблагоуразумна, что онъ не можетъ понять, какимъ образомъ она выдумала себѣ любовника, котораго не было.

— Твои нервы слишкомъ разстроены; тебѣ слѣдуетъ лечиться.

Потомъ, подумавъ, онъ сталъ собираться, рѣшившись превратить прежнія отношенія. Ренэ, не удерживая его, стала хватить мужа.

— Еслибы ты зналъ, говорила она, какъ онъ хлопоталъ по моимъ дѣламъ!

Максимъ снова подошелъ къ камину.

— Да, отвѣтилъ онъ, папаша мастеръ блюсти чужіе интересы!

Звукъ его голоса удивилъ Ренэ. Она посмотрѣла на него вопросительно.

— Что ты на меня такъ посматриваешь?... Я говорю только, что папаша—человѣкъ ловкій.

— Ты напрасно такъ худо отзываешься о своемъ отцѣ. Если бы я тебѣ рассказала всѣ его заботы, если бы я повторила тебѣ то, что онъ сообщилъ мнѣ еще сегодня, ты бы увидѣла, что онъ вовсе не гоняется за деньгами.

Максимъ пожалъ плечами.

— Я его знаю, сказалъ онъ, я его отлично знаю.... Онъ должно быть наставлялъ тебѣ цѣлую кучу чувствительныхъ исторій. Расскажи, пожалуйста....

Этотъ насмѣшливый тонъ оскорблялъ ее. Она стала еще болѣе хвалить мужа, воснула шаронской спекуляціи, въ которой ничего не понимала, и представила эту спекуляцію, какъ катастрофу, въ которой выразился весь умъ и вся доброта Саккара. Она прибавила, что завтра подписываетъ актъ продажи своей земли....

— Все это я зналъ, отвѣчалъ Максимъ; я могу тебѣ одно только сказать: податлива же ты!

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Да то, что папаша надуваетъ тебя самымъ безбожнымъ образомъ.

И онъ разсказалъ ей все, что слышалъ у Лауры. Онъ ничего не скрылъ: ни денегъ, которыя Саккаръ давалъ въ долгъ Ренэ, ни того, какъ онъ еще собирался надуть ее. Потомъ онъ заключилъ:

— Все это я тебѣ разсказываю для того, чтобы ты знала въ чемъ дѣло. Но тебѣ незачѣмъ сердиться на папашу. Онъ вовсе не золъ; конечно, у него есть недостатки, какъ у всякаго.... Ну, до завтра....

Онъ подошелъ къ двери. Ренэ остановила его:

— Останься, сказала она быстро....

Когда на другой день, Саккаръ явился къ своей женѣ, чтобы покончить дѣло, она сказала ему спокойно, что не желаетъ подписывать актъ продажи. Этимъ отказомъ она вовсе не думала спасать своего состоянія; она хотѣла только отомстить Саккару. Отказъ Ренэ и удивилъ и взбѣсилъ его; но когда первая вспышка прошла, онъ спросилъ: что было поводомъ этого рѣшенія Ренэ? Безъ сомнѣнія ей кто-нибудь присовѣтовалъ.... Онъ почувалъ любовника. Саккаръ немедленно отправился къ Сидони поразспросить: не знаетъ ли она чего-нибудь? Сидони не забыла послѣдней исторіи съ Ренэ, и когда поняла изъ словъ своего брата, что тотъ подозрѣваетъ невѣрность жены, она сама вызвалась шпионить «молодчиковъ», какъ она выразилась. Обыкновенно Саккаръ неохотно доискивался до непріятныхъ истинъ; но тутъ его личный интересъ заставилъ его открыть глаза. Онъ принялъ предложеніе сестры.

— Будь покоенъ, говорила Сидони, я все узнаю.... Бѣдняжка братъ! Вотъ Анжель тебя бы никогда не стала обманывать! И кого обманывать? Такого хорошаго, благороднаго мужа! У этихъ парижскихъ куколъ рѣшительно нѣтъ сердца.... А я-то стараюсь давать ей хорошіе совѣты!...

X.

Въ карнавалъ Саккары устроили у себя костюмированный балъ, но самое интересное въ этомъ балу была поэма: «Любовь прекраснаго Нарцисса и нимфы Эхо», въ трехъ картинахъ, поэма, которую должны были играть дамы. Авторъ этой поэмы г. Жюнель-де-ла-Ну, префектъ одного изъ департаментовъ, каждый день являлся въ домъ парка Монсё для наблюденія за репетиціями. Сперва онъ думалъ написать свою поэму въ стихахъ, но потомъ рѣшился на живыя картины; это гораздо благороднѣе, говорилъ онъ, гораздо ближе къ прекрасному античному міру.

Дамы, которыя должны были фигурировать въ живыхъ картинахъ, потеряли сонъ отъ волненія. Нѣкоторыя изъ нихъ должны были мѣнять костюмъ три раза. Сперва много было толковъ о Нарциссѣ, кто долженъ его играть: женщина или мужчина? Наконецъ, по настоянію Ренэ, рѣшено было передать эту роль Максиму, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что изъ мужчинъ только онъ и будетъ въ живыхъ картинахъ, а г-жа Ловерансъ кромѣ того утверждала, что ни за что не согласилась бы на это, еслибы «le petit Maxime» не походилъ на дѣвицу. Ренэ должна была быть нимфою Эхо. Вопросъ о костюмахъ былъ гораздо затруднительнѣе. Максимъ поддерживалъ префекта, окруженнаго девятью женщинами, которыхъ бѣшеное воображеніе разстраивало своими требованіями античныя линіи его произведенія. Если бы ихъ слушали, то его Олимпъ украсился бы одной пудрой! Мадамъ д'Эспанэ непремѣнно хотѣла платье съ безконечнымъ шлейфомъ для того, чтобы скрыть свои нѣсколько большія ноги, между тѣмъ, какъ мадамъ Афнеръ напротивъ того мечтала только о томъ: нельзя ли, вмѣсто костюма, надѣть звѣриную шкуру? Но г-нъ Ну былъ эпергиченъ, разъ даже онъ разсердился; онъ былъ убѣжденъ, онъ утверждалъ, что если отказался отъ стиховъ, то только съ тѣмъ, чтобы написать свою поэму «матеріями искусно комбинированными и красивѣйшими положеніями».

— Но цѣлость, господа, повторялъ онъ при всякомъ новомъ требованіи, вы забываете цѣлость.... Не могу же я погубить все произведеніе изъ-за вашихъ волановъ.

Наконецъ все было готово, костюмы опредѣлены, поэмы заучены, и г-нъ Ну объявилъ, что доволенъ. Поэма должна была начаться въ одиннадцать часовъ. Съ десяти часовъ зала была полна. Дамы въ различныхъ костюмахъ сидѣли полукругомъ, пе-

редъ импровизированнымъ театромъ, который былъ скрытъ громаднымъ занавѣсомъ краснаго бархата съ золотой бахромой. Мужчины помѣстились позади дамъ, стоя.

Было уже болѣе половины двѣнадцатаго, а представленіе не начиналось еще. Публика начинала терять терпѣніе. Кресла представляли самое страшное смѣшеніе маркизъ, принцессъ, испанокъ, пастушекъ, крестьянокъ, султаншъ. Мужчины были во фракахъ. Накопецъ г. Ну показался слѣва эстрады. Его фракъ былъ замазанъ бѣлой пудрой; по префекту нѣкогда было думать о туалетѣ. Онъ былъ ужасно разстроенъ. Онъ подошелъ къ Саккару и сказалъ ему въ полголоса:

— Знаете ли вы, чортъ побери, что ваша жена потеряла свой поясъ изъ листьевъ..... Хороши мы будемъ!

Группа, въ которой находился Саккаръ, образовалась за послѣдними креслами. Для барона Гурб, который страдалъ подагрой, было поставлено особое кресло. Тутъ находились: Тутень-Лароншъ, сдѣланный недавно сенаторомъ; г. Марейль, который наконецъ-таки попалъ въ депутаты; г. Мишеленъ, наканунѣ получившій орденъ; нѣсколько дальше: Мипьонъ и Шаррье; у одного былъ большой алмазъ на галстухѣ, а у другого алмазъ еще сдѣланныхъ размѣровъ на рукѣ. Саккаръ оставилъ ихъ и отправился поговорить съ сестрой, которая сѣла между Луизой Марейль и г-жей Мишеленъ. Мадамъ Сидони была въ костюмѣ колдуньи.

— Узнала ты что-нибудь? спросилъ ее шопотомъ Саккаръ.

— Нѣтъ еще; но будь покоенъ, сегодня я ихъ поймаю.

Возвратившись, онъ сталъ говорить съ Марейлемъ, который спрашивалъ его: будетъ ли подписанъ контрактъ брака въ воскресенье?

— Конечно, отвѣчалъ Саккаръ, я даже хочу объявить сегодня нашимъ друзьямъ.

Въ это время пьянино, скрытое отъ взоровъ публики, заиграло вальсъ. Молчаніе немедленно возстановилось; одинъ и тотъ же музыкальный мотивъ вальса переплетался капризными и безконечными украшеніями звуковъ и терялся въ трели соловья; потомъ появлялись, снова и медленно, глухіе аккорды. Этотъ вальсъ былъ очень сладострастенъ.... Дамы улыбались. За то на г-на Ну музыка подѣйствовала совершенно иначе. Глядя на красный занавѣсъ онъ обнаруживалъ признаки живѣйшаго беспокойства; онъ говорилъ себѣ, что ему слѣдовало самому позаботиться о позѣ мадамъ д'Эспанъ, потому что въ противномъ случаѣ можетъ произойти чепуха.... Наконецъ, занавѣсъ медленно открылся. Чувствительный вальсъ продолжалъ слышаться

подъ сурдинку. Шопотъ пробѣжалъ по залѣ: дамы наклонялись, мужчины вытягивали шеи. Г-нъ Ну, убѣдившись, что все обстоит благополучно, глупо улыбался. Онъ не могъ не повторить окружающимъ его лицамъ то, что повторялъ уже цѣлый мѣсяцъ.

— Я думалъ сперва написать стихами... Но неправда ли,— живыя картины гораздо благороднѣе.

Въ то время, какъ музыка продолжала играть, онъ давалъ объясненія. Миньонъ и Шаррье подошли и внимательно слушали:

— Вамъ знакомъ сюжетъ?... Прекрасный Нарциссъ, сынъ рѣки Цефизы и нимфы Меріоны, отталкиваетъ отъ себя любовь нимфы Эхо... Нимфа Эхо принадлежала къ свитѣ Юноны, которую она забавляла своими разсказами, въ то время какъ Юпитеръ рыскалъ по міру... Эхо—дочь воздуха и земли, какъ вы знаете... Я счелъ себя въ правѣ дать волю своему воображенію. Нимфа Эхо ведетъ прекраснаго Нарцисса къ Венерѣ, въ морской гротъ, чтобы богиня окружила его своимъ пламенемъ; но Венера не можетъ ничего сдѣлать; молодой человѣкъ показываетъ своей позой, что не тронуть.

Объясненіе было не лишне, такъ какъ немногіе только поняли живую картину. Когда префектъ назвалъ шопотомъ персонажи, — восторгъ удвоился. Миньонъ и Шаррье продолжали смотрѣть бессмысленными глазами: они все-таки не поняли. На эстрадѣ, мадамъ Ловерапсъ придавала лицу Венеры строгое и жгучее выраженіе богини любви. За нею виднѣлась плутовская головка г-жи Дастъ, въ костюмѣ вупидона. Съ боку, три граціи: г-жи Гендъ, Тейсьеръ, Мейнгольдъ, въ муслифѣ, улыбались, обвиняясь, какъ въ извѣстной группѣ Прадье. По другой сторонѣ маркиза д'Эспанэ и г-жа Афперъ, скрытыя подъ одной волной кружевъ, окружая другъ друга руками, придавали въ картинѣ нѣсколько рискованный характеръ всѣмъ этимъ лесбійскимъ воспоминаніямъ, которыя объяснялись префектомъ только мужчинамъ. Но все это составляло только апоеозъ; драма происходила на первомъ планѣ: налѣво, нимфа Эхо, Ренэ, простирала руки къ великой богинѣ, повертываясь нѣсколько къ Нарциссу, какъ бы уговаривая его посмотрѣть на Венеру, которой видъ одинъ зажигаетъ пламя любви, но Нарциссъ дѣлалъ жестъ отказа, закрывая себѣ рукой лицо... Публика нашла, что Максимъ прекрасно сложенъ, а Ренэ, по выраженію г-на Ну, была воплощеніемъ «страданія неудовлетвореннаго чувства».

— Итакъ, я вамъ рассказывала, говорила мадамъ Сидони, что я получила письмо изъ Лондона, знаете: о дѣлѣ трехъ миллардовъ... Лицо, которому я поручила дѣлать розыски, пишетъ

мнѣ, что росписка банкира отыскана... Значить, Англія уплатила долгъ...

Въ это время Афнеръ сообщалъ, что назначенъ предсѣдателемъ присяжныхъ, обязанныхъ рѣшать вопросы о вознагражденіи за экспроприаціи. Тогда завязался разговоръ о парижскихъ перестройкахъ, о бульварѣ принца Евгенія. Саккаръ воспользовался обстоятельствомъ и сказалъ, что знаетъ лицо, которое по всей вѣроятности будетъ экспроприровано. Баронъ нѣжно качалъ головой; Тутень-Ларошъ объявилъ, гдѣ нѣтъ ничего непріятнаго для собственника, какъ вынести экспроприацію. Мишелень одобрялъ киваніемъ головы.

— Вознагражденія никогда не могутъ быть слишкомъ велики, заключилъ докторально Марейль, желая понравиться Саккару.

Антрактъ длился уже болѣе получаса, какъ г. Ну снова появился въ залѣ. Успѣхъ озарялъ его, костюмъ его обнаруживалъ еще болѣе безпорядокъ. Онъ подошелъ къ группѣ, окружавшей барона, когда музыка заиграла торжественный маршъ.

— Теперь вы увидите, господа, второй актъ, говорилъ г. Ну. Я можетъ быть слишкомъ воспользовался правомъ поэтической вольности; но мнѣ кажется, что смѣлость не повредила мнѣ... Нимфа Эхо, видя, что Венера не можетъ ничего сдѣлать съ прекраснымъ Нарциссомъ, ведетъ его къ Плутусу, богу богатствъ и драгоценныхъ металловъ... Послѣ искушенія любовью, — искушеніе золотомъ...

— Это классически, отвѣчалъ Тутень-Ларошъ съ любезной улыбкой. Вы изучили тщательно ваше время, г. префектъ.

Занавѣсъ поднялся, и живая картина повергла всѣхъ въ неописанный восторгъ. Сцена, освѣщенная электрическимъ огнемъ, представляла новый гротъ. На землѣ, благодаря смѣлому анахронизму г-на Ну, была навалена цѣлая гора двадцати-франковыхъ монетъ. На вершукѣ этой золотой горы возсѣдала г-жа Гендъ въ костюмѣ Плутуса. Вокругъ бога группировались, стоя, сидя, лежа, феерическія созданія этого грота: г-жа Афнеръ изображала золото, г-жа д'Эспанъ — серебро, г-жа Ловерансъ — сафиръ и т. д. На первомъ планѣ драма не мѣнялась: нимфа Эхо продолжала соблазнять прекраснаго Нарцисса, который не поддавался соблазну.

Успѣхъ второго акта былъ громаденъ; мысль показалась оригинальной, смѣлость двадцати-франковыхъ монетъ, очутившихся въ картинѣ изъ мифологіи, прельщала воображеніе дамъ и финансистовъ...

— Англія уплатила долгъ, шептала Лунза г-жѣ Сидоні; это все ваши миллиарды.

— Чортъ поberi; на эти деньги можно бы перестроить весь Парижъ, бормотали про себя Миньонъ и Шаррье.

Но въ это время появился братъ Саккара, министръ, въ сопровожденіи своего секретаря, г. де-Сафрэ. Саккаръ, сторожившій появленіе брата, хотѣлъ кинуться ему на встрѣчу, но тотъ удержалъ его жестомъ. Онъ тихо подошелъ къ группѣ солидныхъ мужчинъ. Когда занавѣсъ опустился и когда министръ былъ замѣченъ, въ залѣ образовался шумъ; головы оборачивались; министръ перевѣшивалъ успѣхъ «Любви прекраснаго Нарцисса и нимфы Эхо».

— Вы настоящій поэтъ, г. префектъ, сказалъ, улыбаясь, министръ. Если не ошибаюсь, прежде вы выпустили въ свѣтъ томъ стихотвореній?... Я вижу, что заботы администраціи не испортили ваше воображеніе.

Префектъ почувствовалъ въ этой фразѣ сарказмъ. Неожиданное появленіе его начальника смущало его, тѣмъ болѣе, что посмотрѣвъ на свой фракъ онъ увидѣлъ на немъ легкій слой пудры, которую онъ не рѣшился страхнуть. Онъ поклонился, бормоча себѣ что-то подъ носъ.

Въ то время, какъ министръ говорилъ съ Саккаромъ о предстоящемъ бракѣ Максима, г. Ну, продолжая смущаться, стоялъ, облокотившись на кресло барона Гурб, который обмѣнивался пожатіемъ руки съ министромъ. Поэтъ не смѣлъ двинуться съ мѣста. Неопредѣленное чувство, боязнь показаться смѣшнымъ удерживала его тутъ, несмотря на горячее стремленіе отправиться за кулисы для образованія послѣдней картины. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Музыка заиграла какой-то грустный мотивъ и занавѣсъ открылся? Г-нъ Ну негодовалъ; онъ былъ блѣденъ, взбѣшенъ: эти дамы сами распорядились своими позами! Онъ смотрѣлъ, пожималъ плечами и бормоталъ:

— Совсѣмъ, совсѣмъ не то; нимфа Эхо слишкомъ на краю... А эта нога прекраснаго Нарцисса! Ни благородства, ни пластики! Чортъ знаетъ, что такое!

Миньонъ и Шаррье, которые подошли, чтобы выслушать «объясненіе», рѣшились спросить его «что дѣлаютъ, лежа на землѣ, молодой человѣкъ и молодая дѣвушка». Но онъ не отвѣчалъ, онъ отказался давать объясненія, говоря:

— Все это меня не касается; эти дамы приняли позы безъ меня!

На эстрадѣ явился идеальный пейзажъ, освѣщенный электрическимъ свѣтомъ. На травѣ, Венера и Плутусъ сидѣли рядомъ, окруженные нимфами; тутъ были дѣвы лѣсовъ, дѣвы источниковъ, дѣвы горъ... Драма приходила къ развязкѣ: прекрасный Нарциссъ

лежалъ мертвый, на берегу ручья; Венера превращала его въ цвѣтокъ... Не вдаль, умирали также и нимфа Эхо, умирали отъ «неудовлетвореннаго чувства»...

Этотъ актъ не имѣлъ успѣха въ публикѣ, хотя бѣдный поэтъ исчерпалъ весь свой талантъ именно на развязку; въ нее онъ вставилъ безчисленное множество поэтическихъ и философскихъ намековъ. Когда заповѣсь опустился, поэтъ раскаялся, что подъ впечатлѣніемъ досады отказался дать объясненіе лицамъ, окружавшимъ его. Онъ теперь хотѣлъ это сдѣлать, но никто уже не слушалъ. Одни только Миньонъ и Шаррье, которые рѣшительно хотѣли знать, въ чемъ дѣло, имѣли добродушіе дѣлать ему вопросы. Онъ овладѣлъ ими и въ продолженіи двухъ часовъ рассказывалъ имъ «Метаморфозы Овидія».

Министръ, однакожъ, собирался уѣхать. Онъ просилъ извинить его передъ мадамъ Саккаръ. Онъ раза три или четыре прошелся по залѣ подъ руку съ Саккаромъ. Никогда еще онъ такъ не афишировался для Саккара. Онъ оставилъ его на вершинѣ блаженства, когда на порогѣ сказалъ ему вслухъ:

— Я тебя жду завтра. Мы завтракаемъ вмѣстѣ...

Балъ долженъ былъ сейчасъ начаться. Лакеи уносили кресла, прибирали. Гости ожидали только появленія нимфы Эхо, Венеры, Плутуса и другихъ, которые торопились переодѣться...

XI.

Балъ начался. На эстрадѣ, служившей для живыхъ картинъ, помѣщенъ былъ маленькій оркестръ, въ которомъ господствовали мѣдныя трубы. Сначала играли извѣстный кадрили: «Ah! il a des bottes, il a des bottes, Bastien!» который въ то время приводилъ въ восторгъ всѣхъ парижанъ. Начались танцы, польки, вальсы, мазурка слѣдовала за кадрилемъ. Костюмы всѣхъ эпохъ и всѣхъ странъ смѣшались вмѣстѣ, уносились потокомъ звуковъ. Музыкальный ритмъ, смѣшавъ и увлекши цвѣта въ извѣстной правильности толкотни, возвращалъ внезапно, при извѣстномъ ударѣ смычка, ту же тюнику розоваго шелка, тотъ же корсажъ голубого бархата, въ сопровожденіи того же чернаго фрака... По временамъ, между танцами, кака-нибудь дама подходила къ окну, задыхаясь и вдыхая въ себя холодный воздухъ сада, въ то время, какъ оркестръ пачиналъ не менѣе модныя кадрили: «Ohé! les p'tits agneaux!» или «J'ai un pied qui r'tue»...

Когда открылась дверь столовой, превращенной въ буфетъ,

съ огромнымъ столомъ посрединѣ, уставленномъ холоднымъ кушаніемъ,—публика бросилась туда, толкая и тѣсня другъ друга. Какой-то господинъ, который имѣлъ скромность держать въ рукѣ свою шляпу, былъ такъ сильно притиснутъ къ стѣнѣ, что несчастная шляпа сплюснулась совершенно, издавая жалкій звукъ; это обстоятельство вызвало смѣхъ. Гости жадно навалились на паштеты и дичь, толкая другъ друга, хватая руками; это былъ настоящій грабёжъ. Лакеи не знали кого слушать, среди этихъ приличныхъ людей, на лицѣ которыхъ выражался одинъ только страхъ: явиться слишкомъ поздно, и найти блюда пустыми...

— Тихе, господа, тихе, кричалъ лакей. Всѣмъ будетъ, не безпокойтесь.

Префектъ сторожилъ ростбифъ; выбравъ минуту, онъ просунулъ руку и прибралъ его преспокойно, наполнивъ предварительно карманы бѣлымъ хлѣбомъ. Съ другой стороны дѣйствовали подрядчики, Миньонъ съ бутылкой краснаго вина, Шаррье съ двумя бутылками шампанскаго. Но увы! они не могли найти стакановъ. Шаррье, выпивъ вино прежде, чѣмъ успѣлъ покончить съ хлѣбомъ, спросилъ лакея: нельзя ли получить еще стаканчикъ шампанскаго.

— Подождите, отвѣчалъ сурово лакей; развѣ вы не видите, что выпито уже болѣе трехсотъ бутылокъ!

Саккаръ, въ сопровожденіи Тутень-Лароша, Марейя, Аппера уѣхалъ за маленькимъ столикомъ. Г. де-Сафрѣ любезничалъ съ мадамъ Мишеленъ. Г-нъ же Мишеленъ, въ другомъ концѣ залы, доѣдалъ въ одиночествѣ страсбургскій пирогъ, которымъ успѣлъ запасться. Мадамъ Сидони, прогуливавшаяся по заламъ все время, вошла въ столовую и отозвала Саккара.

— Она не танцуетъ, сказала она тихо. Она кажется въ большомъ волненіи, и я думаю, что она собирается выкинуть какую-нибудь штуку... Любовника я еще не отырала... Я закушу чего-нибудь и возобновлю поиски.

Балъ разстраивался, оркестръ какъ-то лѣниво игралъ, какъ вдругъ крикнули: «Котильонъ, котильонъ!» Этотъ крикъ воодушевилъ танцоровъ и музыкантовъ. Г. де-Сафрѣ былъ выбранъ управлять котильономъ. Ренэ отказалась принять въ немъ участіе. Она была какъ-то особенно нервно весела съ начала бала, почти не танцевала и постоянно переходила съ мѣста на мѣсто. Когда начался котильонъ, она остановилась у двери прихожей, досадуя, что танцы мѣшаютъ свободно ходить по комнатамъ. Тутень-Ларошъ, прощаясь, жалъ руку Саккару.

— Максимъ разсчитываетъ, что вы будете его шаферомъ, сказалъ Саккаръ.

— Непремѣнно, отвѣчалъ новый сенаторъ.

Потомъ, обращаясь къ Ренэ:

— Я васъ забылъ поздравить... Наконецъ-то Максимъ пристроенъ...

Ренэ удивленно улыбалась.

— Моя жена не знаетъ еще, вступился Саккаръ... Мы сговорились только сегодня насчетъ брака m-me Марейль съ Максимомъ....

Она продолжала улыбаться, кланаясь Тутень-Ларошу.

Ренэ осталась одна, не понимая сначала; по мѣрѣ того, какъ она соображала значеніе слышанныхъ ею словъ, она все больше и больше блѣднѣла. Потомъ сказала вслухъ:

— Мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

Она быстро прошла залу, не обращая вниманія на гостей. Въ теплицѣ она не встрѣтила ни Луизы, ни Максима; она замѣтила только, подъ сѣнью тропическаго дерева какого-то молодого человѣка, который страстно цѣловалъ руки мадамъ Дастъ, повторяя:

— Мадамъ Ловерансъ говорила мнѣ, что вы ангелъ!

Это объясненіе, у ней въ домѣ, возмутило Ренэ. Г-жа Ловерансъ, подумала Ренэ, могла бы перенести свое ремесло въ другое мѣсто.

Въ это время, Максимъ и Луиза преспокойно ужинали въ углу столовой. Максимъ успѣлъ составить весьма приличный ужинъ. Луиза обожала миндальное пирожное, которое осталось въ большомъ количествѣ на столѣ. Передъ ними стояли три бутылки шампанскаго.

— Можетъ быть, папа уже уѣхалъ, говорила Луиза.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Максимъ, я васъ провожу... Знаете вы, продолжалъ онъ, что наши папаши окончательно рѣшили женить насъ?... Теперь это уже не шутка... Что мы будемъ дѣлать, когда станемъ мужемъ и женой?

— Мы будемъ дѣлать то, что другіе дѣлаютъ!

Эта рискованная шутка вырвалась какъ-то невольнo у Луизы; она поторопилась поправиться.

— Мы отправимся въ Италію. Итальянскій воздухъ вылечитъ меня.

Она улыбалась съ какой-то едва замѣтной грустью, въ своемъ костюмѣ пажа. Потомъ она закашлялась.

Въ это время вошла Ренэ. Она прямо подошла къ Макси-

му, дѣлая надъ собой страшное усиліе, чтобы не кинуться съ кулаками на эту горбатую дѣвчонку.

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить, сказала она глухимъ голосомъ.

Онъ колебался, боясь остаться съ нею наединѣ.

— Съ тобой однимъ, понимаешь?

— Ступайте, Максимъ, сказала Луиза. Постарайтесь также отыскать папашу; я его теряю всякій вечеръ.

Онъ всталъ и попробовалъ было удержать Ренэ въ столовой, спрашивая: что ей нужно отъ него; но она отвѣтила:

— Ступай за мною; или же я при всѣхъ скажу.

Максимъ страшно поблѣднѣлъ и послѣдовалъ за нею какъ собака. Оркестръ игралъ вальсъ. Эта нѣжная музыка, которой однообразный ритмъ въ концѣ концовъ дѣлался приторнымъ, еще болѣе раздражала Ренэ. Толкая Максима на лѣстницу, которая вела въ ея уборную, она говорила:

— Ну же, двигайся.

Въ это время мадамъ Сидони, которая шмыгала цѣлый вечеръ вокругъ Ренэ, не понимая ея постоянныхъ прогулокъ по комнатамъ, какъ разъ появилась въ теплицѣ. Она увидѣла мужскія ноги, исчезавшія въ темнотѣ маленькой лѣстницы. Лицо Сидони освѣтилось улыбкой, и схвативъ въ охапку свои юбки колдуньи она побѣжала отыскивать брата. Она его отыскала въ сосѣдней комнатѣ со столовой, разговаривающимъ съ г. Маррейлемъ. Оба отца бесѣдовали о приданомъ и контрактѣ. Когда Сидони сказала Саккару два слова на ухо, онъ всталъ, извинился и исчезъ.

Уборная была въ величайшемъ безпорядкѣ. Максимъ въ замѣшательствѣ наступилъ на корсетъ, чуть не упалъ, попробовалъ было разсмѣяться. Но онъ вздрагивалъ, когда смотрѣлъ на лицо Ренэ.

— Итакъ, ты вздумалъ жениться на подлой Луизѣ?

— Совсѣмъ нѣтъ, пробормоталъ Максимъ. Съ какой стати?

— Не ври, это бесполезно.

Максимъ взбѣсился и желая покончить сразу, отвѣчалъ:

— Ну такъ что-жъ? жепюсь, вотъ и все. Развѣ я не господинъ себѣ?

— Господинъ! ты? Господинъ!!... Ты знаешь, что нѣтъ. Я господинъ, а не ты. Когда захочу, я переломаю тебѣ руки; ты также безсиленъ, какъ дѣвчонка.

Максимъ не зналъ, что сказать; онъ все дрожалъ отъ страха. Ренэ толкала мебель, соображая, обдумывая планъ, кото-

рый у нея возникнулъ съ тѣхъ поръ, какъ она узнала о бракѣ Максима.

— Я тебя запру здѣсь, сказала она павопецъ; когда разсвѣтетъ, мы отправимся въ Гавръ.

Онъ пришелъ въ ужасъ.

— Но это безуміе, вскричалъ онъ. Мы не можемъ бѣжать вмѣстѣ. Ты рѣшительно теряешь голову.

— Можетъ быть; во всякомъ случаѣ, это не моя вина. Я нуждаюсь въ тебѣ, и беру тебя... Тѣмъ хуже дуракамъ...

— Послушай, милая Ренэ, умолялъ Максимъ со слезами на глазахъ. Опомнись... подумай о скандалѣ...

— Я плюю на скандалъ! Если ты не хочешь, я сейчасъ же отправляюсь внизъ и объявляю, что я твоя любовница и что ты подлецъ, потому что хочешь жениться на Луизѣ.

Максимъ совсѣмъ присмирѣлъ, слушалъ ее, подаваясь этой волѣ.

— Мы отправимся въ Гавръ, говорила она тихо, а оттуда уѣдемъ въ Англію...

— Но вѣдь у меня нѣтъ денегъ, возражалъ плачевно Максимъ. Если ты меня запрешь, какъ я достану?...

— У меня есть, отвѣчала она. У меня есть сто тысячъ.

Она взяла въ шкапу актъ продажи землѣ, принесенный Саккаромъ, схватила перо и подписала.

— Глупость сдѣлана. Если меня обокрадутъ, значить сама хочу. Мы зайдемъ къ Ларсонѣ, отправляясь на желѣзную дорогу. А теперь, мой милый, я тебя запру; мы убѣжимъ черезъ садъ, когда я выпровожу всѣхъ отсюда. Она схватила его за голову и стала бѣшено цѣловать. Въ это время послышался шумъ. Она обернулась. Саккаръ стоялъ въ дверяхъ.

Воцарилась страшное молчаніе. Медленно, не спуская глазъ съ Саккара, она оставила Максима. Максимъ дрожалъ. Вдали долетали звуки вальса... Саккаръ сдѣлалъ шагъ впередъ; онъ сжималъ кулаки.

— Ты объявлялъ ей свой бракъ, неправда ли? спросилъ онъ глухо.

Максимъ отступилъ къ стѣнѣ.

— Послушай, бормоталъ онъ, я не виноватъ, это...

Онъ собирался сбросить всю вину на Ренэ; но силы у него не хватило и онъ не могъ произнести ни слова. Тогда Саккаръ, съ цѣлью вѣроятно, схватить что-нибудь въ руку, посмотрѣлъ быстро вокругъ себя. На краю мраморнаго столика, посреди щетокъ, гребней, флаконовъ онъ увидѣлъ актъ продажи, нагнулся и увидѣлъ подпись. Онъ остановился, размышляя.

Молчаніе точно увеличивалось; пламя свѣчей удлинилось; вальсъ продолжалъ долетать. Саккаръ едва замѣтно пожалъ плечами. Потомъ, взявъ актъ, сложилъ его и положилъ въ карманъ. Онъ былъ блѣденъ.

— Вы хорошо сдѣлали, что подписали, сказалъ онъ спокойно. Вы выгадываете сто тысячъ франковъ. Завтра вечеромъ я вамъ вручу деньги.

— Онъ почти улыбался; только въ рукахъ замѣтно было дрожаніе. Онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ.

— Здѣсь душно, сказалъ онъ. Какая вамъ охота париться здѣсь!

И обращаясь къ Максиму, который приподнялъ голову, ничего не понимая, Саккаръ прибавилъ:

— Ну, отправимся. Я видѣлъ, какъ ты шелъ сюда и пришелъ позвать тебя проститься съ г. Марейлемъ...

Они вышли, развязно болтая...

ХІІ.

Черезъ три мѣсяца послѣ описанныхъ нами событій, въ одинъ изъ тѣхъ пасмурныхъ весеннихъ дней, которые напоминаютъ парижскую зиму, Аристидъ Саккаръ выходилъ изъ кареты на площади Шато-д'О, и съ тремя другими личностями направился пѣшкомъ среди развалинъ, изъ которыхъ вскорѣ долженъ былъ возникнуть бульваръ принца Евгенія. Это была слѣдственная коммиссія, отправленная комитетомъ вознагражденій для осмотра нѣкоторыхъ домовъ, которыхъ собственники не могли сойтись въ цѣнѣ съ администраціей города. Саккаръ возобновлялъ дѣло улицы Пепиньеръ. Для того, чтобы имя его жены окончательно исчезло изъ дѣла, онъ придумалъ сперва продажу земли и *café-concert*. Ларсонбъ передалъ все воображаемому кредитору. Актъ продажи заключалъ въ себѣ колоссальную цифру трехъ милліоновъ. Эта цифра была такъ непопулярна, что коммиссія ратуши, несмотря на всевозможныя интриги, не хотѣла дать болѣе двухъ съ половиною милліоновъ. Саккаръ ожидалъ этого; онъ отказался отъ предложенія и дѣло пошло на обсужденіе присяжныхъ, къ числу которыхъ онъ самъ принадлежалъ вмѣстѣ съ Марейлемъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, ему поручено было, вмѣстѣ съ четырьмя другими членами, опредѣлить дѣйствительную стоимость его же собственной земли. Съ нимъ былъ Марейль. Изъ трехъ другихъ присяжныхъ тутъ находился докторъ, покуривавшій сигару, ни о

чемъ не заботившійся, и два промышленника, изъ которыхъ одинъ, фабрикантъ хирургическихъ инструментовъ, былъ прежде простымъ работникомъ.

Эти господа подвигались съ трудомъ; грязь и груды мусора дѣлали прогулку не особенно удобной. По временамъ они останавливались, рассматривая полуразрушенные дома.

— Право, это любопытно, говорилъ Саккаръ. Посмотрите, господа, на эту кухню, — тамъ наверху. Видите? въ ней еще сохранилась печка...

Такимъ образомъ, они дошли до конца города. Дорога шла среди садовъ, съ развалившимися стѣнами. Въ садахъ виднѣлась разцвѣтающая сирень. Каждый изъ этихъ садиковъ имѣлъ свою особенную прелесть. Домики, раскинутые неправильно, утопающіе въ зелени, походили на итальянскіе павильоны.

— А, вотъ и маленькіе домики, сказалъ докторъ, моргая глазами.

Но такъ какъ онъ замѣтилъ, что эти господа не понимали, то и объяснилъ имъ, какъ маркизы временъ Людовика XV-го строили себѣ эти крошечныя убѣжища для кутежей. Это была мода. Онъ прибавилъ:

— Эти убѣжища назывались «маленькими домиками». Въ этомъ кварталѣ ихъ было множество. Происходили же тутъ исторіи, нечего говорить!

Члены комиссіи слушали съ величайшимъ интересомъ. Они съ любопытствомъ смотрѣли теперь на сады, на которые прежде не обращали ни малѣйшаго вниманія. Болѣе другихъ интересовалъ ихъ гротъ. Но когда докторъ замѣтилъ, что онъ узнаетъ домикъ графа де-Саваньи, извѣстнаго своими оргіями, вся комиссія своротила съ бульвара и отправилась рассматривать развалины.

— Вотъ видите, говорилъ докторъ: эта комната должно быть была залой пиршествъ. Тамъ, въ этомъ углубленіи стѣны, по всей вѣроятности, находился большой диванъ. Я даже увѣренъ, что подъ диваномъ помѣщалось зеркало... Эти господа настоящимъ образомъ понимали жизнь!

Члены комиссіи не рѣшались оставить развалины и по всей вѣроятности долго бы еще стояли тутъ, если бы Саккаръ не сказалъ смѣясь:

— Не ищите, господа, — вѣдь не найдете здѣсь тѣхъ дамъ... Займитесь лучше дѣломъ.

Накопецъ, они достигли цѣли своего путешествія. Прежняя земля г-жи Обертъ имѣла значительные размѣры; café-concert и садъ занимали только ничтожную часть ея. Ларсонô встрѣтилъ

членовъ комиссіи. Онъ поводилъ ихъ по саду, показавъ сафѣ-сопсерт и принесъ кипу бумагъ. Но два промышленника съ докторомъ возвратились къ домику графа Саваньи, который ихъ сильно занималъ. Докторъ рассказывалъ имъ о Помпадуръ, о Людовикѣ XV, въ то время, какъ Марейль и Саккаръ занимались осмотромъ земли.

— Прекрасно, сказалъ наконецъ Саккаръ, если позволите, господа, я возьму на себя написать отчетъ.

Фабрикантъ хирургическихъ инструментовъ даже и не слышалъ. Онъ весь погрузился въ рассказы о регентствѣ.

— Вотъ было времечко! повторялъ онъ.

Саккаръ черезъ нѣсколько дней представилъ отчетъ—и присяжные согласились на три милліона. Эти деньги выручили Саккара изъ сквернаго положенія. Онъ заплатилъ необходимые долги и возстановилъ свой кредитъ, но вскорѣ пропасть, на краю которой онъ стоялъ, снова открылась...

Ларсонó такъ хорошо велъ себя во всемъ дѣлѣ, что Саккаръ рѣшился дать ему десять процентовъ и взятку въ тридцать тысячъ. Сидони также воспользовалась дѣломъ; она заняла у брата десять тысячъ франковъ и отправились на два мѣсяца въ Лондонъ. Она возвратилась безъ копѣйки; нельзя было узнать, куда она дѣвала деньги...

— Все это стоитъ, говорила она, когда ее спрашивали. Я рылась во всѣхъ библіотекахъ; у меня было трое секретарей.

А когда ее спрашивали, узнала ли она что-либо положительное о трехъ милльярдахъ, она отвѣчала улыбаясь:

— Вы все вотъ не вѣрите. Я ничего не отыскала, но это ничего не значитъ. Впослѣдствіи увидите. Она однакожъ не со всѣмъ потеряла время въ Англіи. Ея братъ, министръ, воспользовался ея путешествіемъ и далъ ей деликатное порученіе. Возвратившись, она съ министерствомъ сдѣлала условіе на какіе-то подряды. Она стала получать большія деньги, но ни въ чемъ не измѣнила своихъ привычекъ. Тогда Саккаръ убѣдился, что именно ее-то онъ и видѣлъ когда-то выходящей тайкомъ отъ Эжена. Она должно быть всегда была въ сношеніяхъ съ Эженомъ...

А Ренэ между тѣмъ спускалась все ниже и ниже. Мадамъ Обертó умерла; въ одинъ сезонъ она спустила наслѣдство тетки. Теперь она предавалась игрѣ; она отыскала гостинную, гдѣ дамы проигрывали по сту тысячъ франковъ въ одну ночь.

Послѣ свадьбы, Максимъ уѣхалъ съ Луизой въ Италію. Когда черезъ шесть мѣсяцевъ онъ возвратился одинъ, похоронивъ Луизу въ одномъ изъ маленькихъ городковъ Ломбардіи, Ренэ

встрѣтила его съ презрѣніемъ. Максимъ,—теперь богатый молодой человѣкъ,—поселился отдѣльно въ Avenue Impératrice. Любимѣйшимъ его занятіемъ сдѣлались скачки.

Ренэ, оставленная всѣми, мучимая воспоминаніями, почти совершенно уединилась и ей осталось любить только свою горничную, которая въ свою очередь оставила ее, уѣхавъ къ себѣ въ провинцію. Ренэ дала ей денегъ, помогала ей укладываться и проводила ее на желѣзную дорогу. Отправивъ свою горничную, Ренэ хотѣла возвратиться домой; но она побоялась одиночества, которое встрѣтитъ въ своей комнатѣ. Она сѣла въ коляску и приказала ѣхать въ Булонскій лѣсъ.

Было почти четыре часа. Погода была прекрасная. Вдоль Avenue Impératrice пыль стояла столбомъ отъ каретъ и колясокъ. Весь Булонскій лѣсъ былъ усыпанъ гуляющими. Около озера, вдоль дорожекъ стояли стулья; цѣлыя семейства, сяды, смотрѣли на безконечный рядъ каретъ. Ренэ глубже усѣлась въ коляскѣ, глядя на игру солнечныхъ лучей, отражавшихся въ водѣ, и на зелень. При поворотахъ, она видѣла рядъ каретъ, медленно двигавшихся, блестящіе цвѣта дамскихъ костюмовъ, роскошь. Налѣво отъ озера тянулись кавалькады верхомъ; тутъ она узнала герцога де-Розанъ, г. де-Мюсси, г. де-Сафрэ; этотъ послѣдній прокучивалъ свое состояніе съ Бланшъ Мюллеръ, разорившись сперва на Лаурѣ д'Ориньи. Всѣ знакомыя ей дамы были также тутъ: герцогиня Стернихъ въ вѣчной четырехмѣстной желтой каретѣ; г-жа Ловерансъ съ баронессой Мейнгольдъ и мадамъ Дастъ въ ландо; г-жи Тейсьеръ и Гендъ въ коляскѣ. Между ними Сильвія и Лаура д'Ориньи, развалившись, сидѣли въ великолѣпномъ экипажѣ. Даже мадамъ Мишеленъ проѣхала въ купэ... Тутъ она увидѣла Шипрэ, Симпсона, Миньона и Шаррье, Марейя, въ траурѣ, Тутенъ-Лароша и наконецъ барона Гурб...

Коляска уносила Ренэ вмѣстѣ со всѣми остальными по аллеямъ Булонскаго лѣса. Она не чувствовала никакого негодованія, глядя на этихъ хищныхъ звѣрей, накинувшихся вмѣстѣ со второй имперіей на Парижъ и на Францію; но она ихъ ненавидѣла за ихъ сытыя, довольныя фizioноміи, за ихъ наглое торжество. Они были неподражаемы. Полныя, бѣлыя дамы торжественно себя показывали; мужчины бойко посматривали, цинично улыбаясь. Но будто она сама была лучше ихъ?.. Вдругъ она замѣтила, недалеко отъ своей коляски, на тротуарѣ, Саккара и Максима. Они медленно шли, взявшись подъ руки. Отецъ должно быть зашелъ къ сыну и оба отправились погулять въ Булонскій лѣсъ, болтая.

— Пойми ты, говорилъ Саккаръ; ты просто болванъ... Кто имѣетъ такіа деньги какъ ты, тотъ не оставляетъ ихъ лежать непроезжательно. Въ дѣлѣ, о которомъ я тебѣ говорю, можно получить сто на сто. Это вѣрное дѣло. Ты вѣдь знаешь, что я не надую тебя!

Но Максиму, казалось, надоѣло это приставаніе. Онъ глупо улыбался и смотрѣлъ на кареты.

— Посмотри-ка на эту дамочку въ фіолетовомъ платьѣ, говорилъ онъ. Это бывшая прачка, которую Мюсси вывелъ въ люди.

Они осмотрѣли дамочку въ фіолетовомъ платьѣ. Потомъ Саккаръ, вынувъ сигару, продолжалъ:

— Я тебѣ прямо скажу: будешь дуракъ, если не воспользуешься моимъ предложеніемъ. Ну, что? Согласенъ? Принесешь мнѣ завтра сто тысячъ франковъ?

— Ты вѣдь знаешь, что я не бываю у тебя, отвѣчалъ съ гримасой Максимъ своему отцу.

— Глупости! Пора оставить все это.

Ренэ отвернулась съ отвращеніемъ. Въ это время въ гуляющей публикѣ послышался какой-то шумъ; пѣшіе останавливались, оборачивались, съ открытыми ртами, слѣдя глазами за чѣмъ-то приближавшимся. Кареты ускорили свой ходъ, экипажи почтительно отъѣзжали въ сторону, и въ аллеѣ появились два пикѣра, въ зеленыхъ мундирахъ, въ красныхъ шапочкахъ. За ними оставалось пустое пространство. Въ этомъ пустомъ пространствѣ показался императоръ.

Онъ сидѣлъ въ ландо, одѣтый въ черномъ сюртукѣ, застегнутый доверху, большой цилиндръ на головѣ. На передней скамейкѣ сидѣли два господина, во фракахъ, съ почтительнымъ видомъ, молча. Ренэ нашла, что императоръ постарѣлъ.

Въ то время, какъ дамы скромно улыались, пѣшеходы показывали другъ другу императора. Какой-то толстый господинъ утверждалъ, что императоръ—одинъ изъ тѣхъ, которые сидятъ на передней скамейкѣ. Нѣкоторые приподнимали шляпы и кланялись. Но Саккаръ, снявшій шляпу еще раньше, чѣмъ показались пикѣры, ждалъ пока императорская коляска поровняется съ нимъ, и тогда закричалъ своимъ грубымъ, провансальскимъ голосомъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Императоръ, удивленный, обернулся, по всей вѣроятности узнавъ Саккара, и улыбаясь слегка поклонился. Потомъ, коляска проѣхала. Двойной рядъ каретъ снова сомкнулся и видѣніе исчезло...

Ренэ не выходило изъ головы это видѣніе, напомнившее ей другую минуту въ ея жизни. Ей казалось, что императоръ своимъ присутствіемъ придалъ смыслъ и значеніе этому торжественному шествію роскошнаго и развратнаго Парижа...

Слѣдующей зимою, когда Ренэ умерла отъ воспаленія мозга, — долги ея были уплачены ея отцомъ. Счетъ Вормса дошелъ до двухъ сотъ пятидесяти семи тысячъ франковъ.

Этимъ кончается вторая часть новаго романа Золя, названная въ оригиналѣ: «*La Curée*»; она составляетъ вмѣстѣ съ первою только начало художественныхъ этюдовъ, посвященныхъ соціальной и политической исторіи второй имперіи въ формѣ «естественной и соціальной исторіи одного семейства», какъ авторъ называетъ свой романъ. Художественная правда приводила автора въ послѣдней части не разъ къ циническому описанію парижской жизни, которая освѣтила собой цѣлый историческій періодъ Франціи. «Мнѣ хотѣлось, говоритъ Золя, прослѣдить, въ художественномъ очеркѣ, преждевременное истощеніе цѣлой расы, жившей слишкомъ быстро и заканчивающейся гермафродитизмомъ личности въ испорченномъ обществѣ; бѣшеную лихорадку въ поискахъ за богатствомъ эпохи, готовою на всякое приключеніе; нервное разстройство женщины, которой природныя инстинкты нашли себѣ благопріятную почву въ безумной роскоши. Пользуясь этими тремя соціальными уродствами, мнѣ хотѣлось написать художественное произведеніе, которое бы въ то же время составляло добросовѣстный этюдъ нравовъ этой эпохи». — Такое объясненіе со стороны автора оказалось излишнимъ, такъ какъ вторая часть романа: «*La Curée*» вызвала незаслуженные нападки за цинизмъ ея. Историческая и художественная сторона романа до такой степени была мало понята вначалѣ, что газета, въ которой Золя началъ помѣщать свой романъ, отказалась печатать вторую часть, ссылаясь именно на цинизмъ, и авторъ принужденъ былъ выпустить ее отдѣльно. Но такое несправедливое отношеніе къ замѣчательному произведенію Золя теперь уже не существуетъ. Критическая оцѣнка сдѣлала свое дѣло; она выяснила настоящіе мотивы, строгую честность намѣреній, блестящее выполненіе крайне трудной задачи; она выгородила автора отъ незаслуженныхъ упрековъ въ безцѣльномъ цинизмѣ и убѣдила — таки слишкомъ цѣломудренныхъ читателей въ томъ, что автору можно и должно простить ино-

гда слишкомъ откровенный разсказъ, слишкомъ безцеремонныя подробности, слишкомъ живыя краски, ради серьезной, основной идеи романа, художественной правды и крупнаго таланта исполненія.

Къ роману Золя вообще невозможно прилагать рутинную критическую мѣрку, которою привыкли оцѣнять художественныя произведенія. По самому существу своему, талантъ Золя—преобразовательный талантъ: его послѣдній романъ указываетъ на крутой поворотъ, совершившійся въ настоящую минуту въ міросозерцаніи и современномъ искусствѣ Франціи. И прежде уже, въ послѣдніе дни второй имперіи замѣчались признаки этого поворота: въ возрожденіи исторической науки, въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ произведеній по соціологіи, въ разработкѣ французскаго позитивизма, и особенно въ критическихъ трудахъ, между которыми книги Тэна играютъ первенствующую роль. Это обновленіе французской мысли и тогда еще указывало на внутреннюю глухую работу самого общества, которое начало ощущать, можетъ быть еще не довольно сознательно, умственную, нравственную, политическую и общественную дезорганизацію, внесенную второй имперіей, необходимость болѣе прочной почвы, необходимость устранить хаотическое состояніе разлагающагося общества.

Въ этомъ крутомъ переворотѣ искусство, естественно, играетъ не послѣднюю роль. Являясь вѣрнымъ отраженіемъ жизни, оно въ то же время беретъ свое начало въ ней. Въмѣстѣ съ медленнымъ измѣненіемъ народнаго міровоззрѣнія и политическими сотрясеніями, открывающими новый путь для націи, является и соотвѣтствующая реформа въ искусствѣ. Рядомъ съ представителями новаго направленія въ наукѣ и философіи появляются художники, старающіеся олицетворять это направленіе и воспроизводить его въ новой формѣ. Къ такимъ личностямъ принадлежитъ и Золя; характеристическими чертами своего крупнаго таланта, по развитію, по своему политическому и соціальному міросозерцанію, онъ составляетъ весьма крупное явленіе въ современной Франціи.

Послѣдняя часть *семейной хроники* Ругоновъ, какъ слышно, вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ.

В. Ч.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ ДО ГРАФА ПРОТАСОВА.

Воспоминанія *).

III.

Бытъ студентовъ.

Въ описываемое мною время, въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ, провинціальныя семинаристы и духовныя лица имѣли необыкновенно высокое мнѣніе о духовныхъ академіяхъ. По сословному своему самолюбію, они были увѣрены, что уже выслушавшіе полный курсъ однѣхъ семинарскихъ наукъ, переполнивъ себя всякаго рода латынью и тетрадеками по словесности, философіи и богословію, бываютъ непременно учеными людьми, и ораторами, и философами, и богословами. Какъ же было не дойти до той мысли, что лучшіе изъ этихъ ученѣйшихъ мужей не иначе могутъ поступать для обученія еще на чстыре года, какъ только въ какой-нибудь храмъ премудрости, гдѣ и столь великолѣпный, утроемъ и вечеромъ подаютъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, одѣваютъ въ сюртуки и фраки изъ лучшаго сукна, ежемесячно снабжаютъ студентовъ карманными деньгами для ме-

*) См. выше: июль, 219 стр.

лочныхъ расходовъ, а профессора принадлежать къ настоящимъ мудрецамъ? О петербургской же академіи прибавляли, что ее очень часто посѣщаютъ и члены синода, и свѣтская аристократія, и самъ государь. Съ такими-то убѣжденіями и мы трое ѣхали изъ своей семинаріи въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ петербургскую духовную академію, увлекаясь золотыми мечтами о собственномъ своемъ величіи и о предстоящемъ намъ великолѣпномъ житьѣ-бытьѣ. Правда, нашъ инспекторъ, очень умный человѣкъ, сдѣлалъ самый невыгодный отзывъ о ней, а восхвалялъ московскую академію, въ которой самъ воспитывался. Но мы не любили его самсго за строгость и не повѣрили ему, объясняя его слова тѣмъ соперничествомъ, которое существовало между обѣими академіями. Даже по пріѣздѣ въ академію, ознакомившись уже съ дѣйствительностью, мы по обычному семинарскому самолюбію не вдругъ разстались съ своими золотыми мечтами, какъ будто ожидал, что вотъ онѣ какъ-нибудь осуществятся. А дѣйствительность была очень и очень непривлекательна, какъ читатель убѣдится самъ изъ того, что мы живо помнимъ о бытѣ студентовъ той эпохи и о внѣшней обстановкѣ этого быта.

Каждому студенту выдавалось два скюртука, — одинъ, въ которомъ онъ сидѣлъ въ комнатѣ и въ классѣ; а другой — парадный, главнымъ образомъ назначался для выхода къ начальству, въ церковь, на экзамены, въ городъ. Первый, называвшійся почему-то *шлаффрокомъ*, шился изъ мухояра, — не существующей нынѣ матеріи; это была какая-то ткань сѣроватаго или пестраго цвѣта, полупльпная, полуперстяная, готовая расплзаться при небольшомъ напряженіи. Ее потомъ, съ развитіемъ прогресса, замѣнили панкою сначала желтоватаго, а потомъ сѣренькаго цвѣта. Шлафрокъ обыкновенно выдавался на цѣлый годъ, въ теченіи котораго при постоянномъ употребленіи онъ на самомъ скромномъ человѣкѣ не могъ не засалиться, не замаслиться, не зачерпѣть, не разорваться. Но студенты были народъ молодой, живой, которому приходила охота и побѣгать, и повозиться, и поиграть, которымъ даже нравились порывистыя, сильныя движенія. И потому на большой части ихъ чрезъ полгода и даже рапѣе шлафрокъ, особенно мухояровый, принималъ таковой видъ, что въ немъ и бурсава неприлично было бы представлять на глаза даже не очень порядочныхъ людей. Къ этому надобно присовокупить, что портного для починки студентческаго платья въ академіи не было; каждому студенту предоставлялось или самому запясться заштопываньемъ разорванныхъ мѣстъ, или поручать это кому-либо изъ служителей. На первое не у всѣхъ

доставало и охоты, и искусства, а для второго нужны были деньги, избыткомъ которыхъ не всѣ студенты могли похвалиться. Отъ этого шлафроки, во второе полугодіе своего существованія, были не только засалены, зачернѣны, но и разорваны по швамъ и цѣльнымъ мѣстамъ; на иномъ недоставало рукава, или части его; у другого оторвана была часть полы и пр. и пр. И студенты, облеченные въ эту почти полунищенскую одежду, казались настоящими бурсаками. Этому помогало то неряшество, въ которое почти неизбѣжно впадаютъ люди, принужденные дурно одѣваться. Многіе студенты, особенно въ лѣтнее время, сидя въ комнатахъ, не надѣвали панталонъ и даже жилетовъ и галстуковъ. Поэтому изъ-подъ шлафровокъ выглядывало ихъ бѣлье, которое, какъ мы увидимъ, не отличалось бѣлизною. Безъ панталонъ нѣкоторые ходили даже въ классъ на лекціи и въ садъ для прогулокъ; только въ такомъ случаѣ одною рукою старались придерживать полу шлафрока и чрезъ то не позволять «невыразимымъ» быть видимыми. Самые лѣтніе панталоны не очень были щеголеваты, они шились тоже опять изъ не существующей нынѣ матеріи, — китайки бланжеваго или желтоватаго цвѣта. Если они отдавались въ мытье, то замѣняли ихъ панталонами изъ толстаго, некрасиваго сѣраго сукна; лѣтомъ въ нихъ жарко; приходилось уже поневолѣ быть *санкюлотомъ*.

Парадные, праздничные скюртуки не отличались тоже щеголеватостію. На нихъ употреблялось сѣрое сукно низшаго сорта и грубой отдѣлки, котораго дѣйствительная цѣна въ то время не могла быть дороже шести рублей ассигнаціями, а нынѣ оно стоило бы едва ли болѣе одного рубля серебромъ. Непригляднѣе былъ скюртукъ изъ такого полусолдатскаго сукна, но онъ дѣлался еще непригляднѣе отъ того *фасона*, по которому его шили. Фасонъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы лифъ опускался чуть ли не ниже поясницы, чтобы подолъ скюртука *билъ*, какъ говорится, *по пятамъ* и отстоялъ отъ пола менѣе, нежели на одну четверть аршина, и чтобы кромѣ того весь скюртукъ сидѣлъ на туловищѣ *мшикомъ*. Это почти-что не скюртукъ, а какая-то *хламида*, какой-то полуподрысникъ съ разврѣзомъ назади и съ шестью пуговицами спереди на каждой сторонѣ. Дополненіемъ къ такой парадной одеждѣ служили бланжевые китайчатые, или сѣрые суконные панталоны, о которыхъ сейчасъ я говорилъ, и кромѣ того для прикрытія головы шляпа, не стоявшая и тогда болѣе пяти рублей ассигнаціями, но выдававшаяся на цѣлыхъ два года и для зимы, и для лѣта; никакой фуражки, ни теплой, ни холодной не полагалось.

О впечатлѣніи, которое производили люди, облеченные въ

описанную домашнюю и парадную одежду, можно судить по слѣдующимъ двумъ дѣйствительнымъ событіямъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ поступилъ въ академію учитель одного изъ училищъ казанской епархіи, человѣкъ бойкій, незастѣнчивый и привыкшій жить самостоятельно. Въ комнатѣ, гдѣ его помѣстили, онъ нашелъ нѣсколько будущихъ своихъ товарищей, которые прежде него пріѣхали въ Петербургъ и одѣты были не въ казенное, а въ свое платье; не будучи щеголеватымъ, оно все-таки казалось и не слишкомъ бѣднымъ. Между тѣмъ ему съ дороги захотѣлось выпить водки (это было уже въ нравахъ), а тутъ встати проходилъ чрезъ комнату человѣкъ въ засаленномъ, изношенномъ мухояровомъ сюртукѣ. Онъ счелъ его за служителя, тогда какъ это былъ старшій въ двухъ комнатахъ. «Эй ты, послушай-ка! сказалъ ему новопріѣзжій, сходи, купи мнѣ водки». Несчастный вынужденъ былъ объяснить новичку, что онъ-де не служитель, а студентъ, обучающійся уже два года въ академіи, и при томъ особа чиновнаго сорта, господинъ старшій.

Другой случай происходилъ во время многолюднаго гулянья въ какой-то лѣтній день на Елагиномъ островѣ. Туда отправилось нѣсколько студентовъ въ своихъ сѣрыхъ парадныхъ сюртукахъ, спускавшихся до самыхъ пятокъ, въ бланжевыхъ брюкахъ и въ шляпахъ; къ несчастію все это было поизношено. Между тѣмъ студенты, сознавая личное свое ученое достоинство, смѣло кучею похаживали по аллеямъ. Полиція замѣтила эту группу людей, которые въ пріемахъ обнаруживали самоувѣренность, а по костюму своему походили на извѣстныхъ имъ обывателей, закупавшихъ свой костюмъ на небольшія деньги въ толвучемъ рынкѣ; ихъ сочли просто за жуликовъ. Поэтому одинъ изъ высшихъ полицейскихъ чиновниковъ, остановивъ студентовъ, сказалъ имъ внушительно: «Эй, смотрите у меня, не шалить; иначе заporю».

Надобно сказать, что сѣрые суконные сюртуки и мухояровые шлафроки употреблялись только въ петербургской духовной академіи. Въ другихъ же академіяхъ шли студентамъ конечно не великолѣпную, но болѣе сносную одежду, въ которой по крайней мѣрѣ не считали ихъ за принарядившихся служителей или за жуликовъ низшаго разбора, *занимающихся по карманной части*. Во многихъ даже семинаріяхъ суконные сюртуки были лучше, нежели въ петербургской духовной академіи, а мухояръ вовсе даже не былъ извѣстенъ; онъ встрѣчался на однихъ только ученикахъ низшихъ духовныхъ училищъ, на настоящихъ бурсакахъ.

Скажу и о прочихъ шерстяныхъ, льняныхъ и шелковыхъ туалетныхъ принадлежностяхъ, которыя выдавались въ петербургской духовной академіи. Вполнѣ удовлетворительно снабжались студенты обувью и шейными шелковыми платками, именно выдавалось по три пары сапоговъ и по двѣ косынки; съ начала же тридцатыхъ годовъ заведено было, чтобы сапожникъ доставлялъ столько сапожныхъ паръ студенту, сколько этотъ износить. Тутъ студенты нуждались только въ калошахъ и подгалстучникѣ. Но относительно другихъ совершенно необходимыхъ вещей казна была не очень щедра. Рубашечнаго бѣлья ежегодно выдавалось каждому по три пары, конечно не изъ грубаго, однако и далеко не изъ тонкаго холста. Носовыхъ платковъ и утиральниковъ почему-то вовсе не полагалось, а всѣмъ, кому не на что было купить ихъ, предоставлялось высмаркиваться по своему разумію, на что болѣе деликатные употребляли листъ бумаги, а утирать свое лицо и руки послѣ умыванья приходилось рукавомъ или полою своего засаленнаго и загрязненнаго шлафрова. Носковъ, притомъ только холодныхъ, выдавалось по три пары на годъ; носи ихъ и лѣтомъ и зимою, уиѣй сберечь ихъ, а при помощи ихъ и свои ноги отъ мороза. Шинелей или какого-либо другого теплаго, или полутеплаго платья, которымъ можно бы защитить себя и отъ холода, и отъ дождя, опять почему-то не полагалось. Бывали кое у кого тулупы изъ овечьихъ шкуръ; но студентское самолюбіе не позволяло въ такой одеждѣ ходить въ городъ; ихъ надѣвали только для прогулокъ въ академическомъ саду или на дворъ. И потому, если у кого не было ни шинели, ни тулупа, то ему и въ городъ, и для прогулки дома оставалось ходить только въ суконной хламидѣ, — парадномъ сюртукѣ. Впрочемъ я и забылъ сказать, что еще выдавалась суконная или фланелевая куртка, которую и предоставлялось надѣвать подъ сюртукъ, чтобы защитить себя отъ петербургскихъ морозовъ, а ее самую отъ петербургскихъ слякоти и дождей. Конечно, добрые товарищи, владѣльцы шинелей, позволяли употреблять ихъ и немущимъ; но были смѣльчаки, которые въ сильные морозы отпраивались въ гости въ сапогахъ и нитяныхъ носкахъ безъ калошъ, въ сюртукахъ, подъ которыми скрывалась суконная или фланелевая куртка, и въ холодной шляпѣ. Сидя въ теплой комнатѣ, особенно за чаемъ, они потѣли и все-таки возвращались домой въ томъ же костюмѣ. За то что и за ходовы были! верстъ шесть пройти въ часъ для нихъ ничего не значило; иной ванька на своей клячкѣ не могъ такъ скоро ѣхать.

Недостатокъ и дурныя качества казенной одежды заставляли

студентовъ, у которыхъ были лишнія деньги, покупать свое собственное платье. Главную роль въ этомъ случаѣ играла шинель, которая бы защищала своего владѣльца отъ холода и дождя внѣ академіи, — затѣмъ суконный скюртукъ, въ который одѣвавшегося не считали бы служителемъ или жуликомъ. Фраги были кое у кого, но только очень у немногихъ, и употреблялись тайкомъ отъ начальства, которое эту одежду, введенную въ моду первую французскою революціей, считало неприличною для духовныхъ воспитанниковъ. Люди, заботившіеся о домашнемъ comfortѣ, приобретали такъ-называвшіеся тогда бухарскіе халаты изъ полосатыхъ цвѣтныхъ матерій. Въ послѣдней одеждѣ спокойно сиживали въ комнатахъ и не снимали ее, если даже напередъ узнавали о предстоящемъ визитѣ начальства. Люди посмѣлѣе ходили въ ней даже въ столовую, а нѣкоторые въ зимнее время навидывали ее на плеча вмѣсто шинели и отправлялись по холоднымъ корридорамъ въ классъ. Такимъ образомъ и здѣсь, и въ комнатахъ, и въ столовой уже нельзя было видѣть того однообразія въ одеждѣ, которое обыкновенно считается необходимымъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Студенты говорили, что въ этомъ отношеніи въ академіи господствовалъ *мирическій безпорядокъ*.

Несмотря на слишкомъ ясную недостаточность казенной одежды, въ академіи развилась особая промышленность для обмѣна ея на наличныя деньги. Эта промышленность основывалась на томъ, что начальство, подрядивъ какого-либо поставщика на тотъ или другой предметъ, предоставляло ему входить въ добровольныя съ студентами соглашенія, получать ли имъ заподряженные вещи, или вмѣсто нихъ какую-либо сумму, которую, разумѣется, назначалъ поставщикъ по собственному усмотрѣнію. Очень многіе студенты пользовались этимъ для улучшенія финансовъ. Разсчитывая, что тѣ или другія вещи, которыя они имѣютъ, не износятся до новой выдачи, они брали съ поставщика деньги. Такая замѣна касалась преимущественно сапоговъ, шейныхъ платковъ и рубашечнаго бѣлья. Но воспитанники духовно-учебныхъ заведеній были издавна плохими математиками; поэтому въ данномъ случаѣ дѣлали неудачные расчеты, отчего, напр., у нѣкоторыхъ бѣлье состояло почти изъ однихъ лохмотьевъ. Про такихъ господъ товарищи говаривали, что они имѣютъ не рубахи, а только *идеи рубахъ*. Точно также у иного молодца сапоги оказывались до такой степени изношенными, что ихъ не согласился бы починить ни одинъ сапожникъ; о небольшихъ, такъ сказать, отдушинахъ, въ которыя выглядывали пальцы, или о множествѣ заплатъ, которыми прикрывались эти отдушины,

нечего и говорить. Владѣльцы такой обуви уже никакъ не могли идти въ пей въ городъ, а между тѣмъ въ праздничные дни очень желалось побывать у своихъ знакомыхъ. Для этого, разумѣется, надобно было завладѣть сапогами какого-либо своего любезнаго товарища, и потомъ, по минованіи въ нихъ надобности, тихонько, какъ говорится, *подкинуть* ихъ. Если бы хозяинъ какъ-нибудь уличилъ въ такомъ похищеніи, то все объяснялось ошибкою. Въ этомъ отношеніи своими похождениями приобрѣлъ извѣстность студентъ девятаго выпуска, блаженной памяти Иванъ Ивановичъ Орловъ, у котораго не слишкомъ часто бывали хорошіе крѣпкіе сапоги, но онъ приобреталъ и возвращалъ чужіе слѣдующимъ образомъ. Многие студенты въ воскресные и праздничные дни поручали кому-либо изъ служителей вычистить пару сапоговъ за 10 коп. асс. Служитель обыкновенно разносилъ вычищенные сапоги прежде, нежели студенты просыпались и ставилъ каждую пару близъ кровати владѣльца ея. Иванъ Ивановичъ, облюбовавши ту пару, которая приходилась ему по ногѣ, надѣвалъ ее и поскорѣе уходилъ въ городъ. Владѣлецъ сапоговъ, проснувшись и не видя сапоговъ близъ своей кровати, отправлялся къ служителю и узнавалъ, что они давнымъ-давно уже отнесены къ нему. Дѣлать нечего, приходилось надѣвать другіе сапоги. Возвратившійся вечеромъ Иванъ Ивановичъ не входилъ, а какъ-бы врывается въ комнату съ словами: «братцы, новости! новости! слушайте!» и начиналъ свой рассказъ. Если въ это время хозяинъ надѣтой имъ сапожной пары спрашивалъ его: «послушай, Иванъ Ивановичъ, зачѣмъ ты унесъ мои сапоги?»—«Что? отвѣчалъ съ разстановкою Иванъ Ивановичъ.—«Зачѣмъ ты унесъ мои сапоги?» Опять его спрашивали.—«Фу! говорить съ негодованіемъ Иванъ Ивановичъ; вотъ смотрите: каковы товарищи! Эка присталъ изъ-за какихъ-либо сапоженокъ. Вотъ они! возьми ихъ! нужда мнѣ въ нихъ большая!» и скинувши ихъ съ ногъ, бросалъ на полъ.

Неужели академическое начальство вовсе не догадывалось о всѣхъ такихъ недостаткахъ, спросить бытъ можетъ насъ читатель, и если опять догадывалось,—то почему же оно не заботилось объ исправленіи ихъ, а допускало студентовъ ходить въ такихъ *аретинцахъ*, что принимали ихъ за служителей, или толкучечныхъ жуликовъ? Съ формальной стороны оно могло считать себя невиноватымъ, потому что выдавало студентамъ всѣ вещи, положенныя по уставу, притомъ или изъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ, которые уставъ назначалъ, или даже изъ лучшихъ, напр. вмѣсто мухояра стало употреблять панку. Притомъ, нѣкоторые изъ ректоровъ не только словесно, но и письменпо старались убѣдить высшее начальство въ томъ, что надобно улуч-

шить студентческую одежду. Но что же имъ было дѣлать, когда получались отвѣты въ родѣ слѣдующаго: «Къ чему это? вѣдь учились же прежде студенты въ мухояровыхъ и сѣрыхъ суконныхъ сюртукахъ; вѣдь отъ улучшенія одежды студенты не сдѣлаются ни умнѣе, ни прилежнѣе, ни правотвеннѣе». Несмотря на такіе отвѣты, нѣкоторые сами рѣшались дѣлать отступленія отъ устава, чтобы хоть сколько-нибудь платье студентовъ было сноснымъ на видъ; напр., въ 1832-мъ году инспекторъ и экономъ кое-какъ убѣдили Григоровича сшить парадные сюртуки не изъ сѣраго, а изъ чернаго сукна, притомъ сшить настоящіе сюртуки, а не хламиды въ родѣ полуподрясниковъ. Такимъ образомъ, если нельзя вполне оправдать академическое начальство, то можно по крайней мѣрѣ извинить хоть нѣкоторыхъ лицъ, изъ которыхъ оно состояло. Кто же былъ однако главнымъ виновникомъ въ недостаткахъ студентческой одежды? Пожалуй, людей тутъ пельзя и обвинять, такъ какъ въ этомъ случаѣ главными виновниками были *идеи*. Для объясненія такого отвѣта нужно знать, что члены нашего тогдашняго ученаго и начальственнаго чернаго духовенства издавна держались убѣжденія, что духовныхъ воспитанниковъ надобно приучать къ смиренію, беречь отъ разсѣянности и держать какъ можно далѣе отъ свѣтскаго общества, которое, какъ думали *древле* и какъ пожалуй и нынѣ думаютъ *нынѣ*, ужасно какъ можетъ развращать духовныхъ юношей, съ нимъ сближающихся. Надежнымъ якобы средствомъ для достиженія всѣхъ перечисленныхъ цѣлей служить дурная одежда. Облеченный въ какую-либо хламиду, или во претище уже не въ состояніи будетъ превозноситься предъ другими и, главное, не будетъ принятъ въ порядочное свѣтское мѣсто. Въ первомъ выпускѣ петербургской духовной академіи упустили изъ вида это *премудрое* или, лучше, *премудренное* правило; тогда составляли академическій уставъ Сперанскій и архіепископъ Теофилактъ Русановъ, думавшіе, что изъ академистовъ не нужно было дѣлать монастырскихъ послушниковъ, а слѣдуетъ сблизить ихъ и наукою и жизнію съ трельятымъ свѣтомъ. Студентамъ перваго выпуска шили казенные даже фраки. Но въ нихъ при помощи монастырскихъ очковъ замѣтили большой недостатокъ смиренія и запасъ свѣтскости; они даже были обвиняемы въ такъ-называемомъ бунтѣ изъ-за дурной пищи. Конечно, причинъ на это было немало, но къ числу ихъ отнесли и хорошую одежду. Поэтому для слѣдующихъ курсовъ, уже подъ руководствомъ Филарета Дроздова, составлено новое росписаніе студентческой одежды, которую я и описалъ.

Въ другихъ академіяхъ нашли возможнымъ кое въ чемъ отступить отъ этого росписанія, потому что въ нихъ, особенно

въ московской, студенты очень мало могли подвергаться соблазнамъ отъ свѣтскихъ людей. Но въ петербургской академіи, помѣщающейся въ городѣ, гдѣ такъ много *свѣтскаго свѣта*, надобно было препятствовать студентамъ сближаться съ нимъ; и росписаніе смиренной студентческой одежды осталось почти безъ всякихъ перемѣнъ до тридцатыхъ годовъ. Григоровичъ, согласившійся, по убѣжденію инспектора и эконома, какъ сейчасъ было сказано, шить сюртуки изъ чернаго сукна, которые бы не доставали до пятковъ, совсѣмъ-было рѣшился на «безобразную» выходку. Но увидавши, что сюртуки вышли, по его мнѣнію, очень короткими, онъ не только далъ жестокой нагоняй эконому, портному и встати разругалъ студентовъ, но и непремѣнно требовалъ, чтобы портной пришилъ наставки къ подолу сюртуковъ и такимъ образомъ привелъ ихъ въ узаконенную для духовныхъ воспитанниковъ мѣру. Едва-едва убѣдили его, что отъ такихъ наставокъ сюртуки сдѣлаются непозволительно безобразными.

Достигалась ли по крайней мѣрѣ цѣль, къ которой стремились, облакая студентовъ въ хламиды и во вретича? Насколько этотъ моральный мотивъ пріучалъ ихъ къ смиренію и удерживалъ отъ сближенія съ свѣтскимъ обществомъ? Опытъ показалъ, что мухояръ, китайка бланжеваго цвѣта и *идеи рубашъ* и пр. пробуждали и усиливали въ студентахъ не смиреніе, а негодованіе на начальство, которое дѣлало ихъ похожими по внѣшнему виду на полунищихъ или толкучечныхъ жуликовъ. Привыкнуши же къ лохмотьямъ и вретичамъ, они пріучались и къ цинизму, образчики котораго мы уже видѣли и еще увидимъ. Не отдѣлила также всѣхъ студентовъ одежда китайскаго стѣною отъ свѣтскаго міра. Одни находили средства шить себѣ свой хорошій сюртукъ, или даже фракъ; другихъ добрые порядочные люди принимали къ себѣ, несмотря на сермяги, въ которыхъ они были одѣты, и вмѣстѣ съ ними бранили низшее и высшее начальство за то, что оно такъ нищенски содержало воспитанниковъ высшаго учебнаго заведенія. Тутъ студенту по ходу разговора приходилось услышать о такихъ вещахъ, которыхъ у него и въ головѣ не было. Но оставалось немалое число студентовъ, которые, по причинѣ дурной одежды, или по неимѣнію знакомыхъ, дѣйствительно уже не сближались съ хорошимъ свѣтскимъ обществомъ. Они, не имѣя возможности попасть въ хорошій домъ, гдѣ бы въ праздничные дни могли проводить время среди образованнаго общества и поучиться, какъ себя держать въ немъ, искали и находили знакомыхъ между дьячками, мѣщанами, отставными солдатами, чиновниками низшаго сорта и т. д. У иного не отыскивалось знакомыхъ даже и между этимъ людомъ, а между тѣмъ академическая жизнь

прискутила ему; надобно было гдѣ-нибудь поразвеселиться. И вотъ мы заходимъ въ тѣ заведенія, только не учебныя, гдѣ половые готовы къ услугамъ, принесутъ все, что ни прикажете, только имѣйте деньги. Наконецъ нѣкоторые оставались и домосѣдами. Ниже я объясню послѣдствія и домосѣдничества студентовъ и ихъ знакомства съ дьячками, мѣщанами, неучебными заведеніями и пр., а теперь пойдемъ дальше.

Непріятно быть плохо одѣтымъ и сидѣть даже въ комнатѣ въ какомъ-нибудь изношенномъ и засаленномъ мухояровомъ плафронѣ, но тутъ по крайней мѣрѣ грѣшное наше тѣло не дѣлаетъ никакихъ возраженій, не обнаруживаетъ никакихъ настоячивыхъ требованій, если только температура достаточно тепла. Другое дѣло быть плохо накормленнымъ и не удовлетворять потребностямъ желудка. Этотъ нашъ органъ принадлежитъ къ самымъ ужаснымъ революціонерамъ, не слушаетъ никакихъ теорій, да и голову увлекаетъ за собою. При голодѣ самый смирный человѣкъ приходитъ въ раздраженіе и дѣлается несноснымъ ворчуномъ, а иногда рѣшается на отчаянные поступки. Но въ духовныхъ академіяхъ всѣ науки, относящіяся къ естествознанію, не были въ почетѣ, физиологія же тогда не всѣмъ въ нихъ была извѣстна и по названію своему; и потому начальство не слишкомъ заботилось объ удовлетвореніи требованій желудка, памятуя одно, что «сытое брюхо — къ ученью глухо»!

Академія въ этомъ отношеніи немного отличалась отъ семинарій. Конечно, тамъ пища не была положительно-дурною во всякое время, но не могла назваться удовлетворительною. Относительно ея въ петербургской духовной академіи описываемое мною время надобно раздѣлить на двѣ части. Въ первую, при ректорѣ Доброслазовѣ, въ будничные дни и за обѣдомъ и за ужиномъ готовили студентамъ только по два блюда; одно состояло изъ шей или супа, а другое изъ каши, за обѣдомъ пшенной, а за ужиномъ гречневой. Въ воскресные и неважные праздничные дни прибавлялось въ обѣдъ третье блюдо, подъ именемъ жаркого; это была говядина въ соусѣ. Наконецъ въ важнѣйшіе праздники обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ: холодного, шей, жаркого и пироговъ. Въ послѣднемъ случаѣ, при хорошихъ съѣстныхъ припасахъ, студентамъ уже можно было не жаловаться на голодъ; если пища приготовлялась не изысканно-гастрономическимъ образомъ, за то желудокъ наполнялся ею съ избыткомъ; догадливые люди уносили съ собою въ комнаты пироги, чтобы ихъ скушать въ длинный промежутокъ между обѣдомъ и ужиномъ. И потому студенты съ особеннымъ удовольствіемъ ожидали такихъ праздниковъ или, лучше, обѣдовъ. О нихъ можно было тогда

ваться еще наканунѣ во всеобщую, во время которой предъ праздниками зажигали свѣчи въ люстрѣ. У студентовъ составила примѣта, что если зажигаются всѣ свѣчи въ ней, то имъ за обѣдомъ въ слѣдующій день предстоитъ кушать пироги и еще три блюда, а если зажигалась только половина свѣтъ, то предстоялъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ безъ пироговъ. И потому, когда церковный служитель зажигалъ свѣчи въ люстрѣ, то глаза всѣхъ студентовъ обращались на нее;—если зажигались всѣ свѣчи къ раду, то студенты съ улыбкою посматривали другъ на друга; иной нетерпѣливый не удерживался и говорилъ: «ну, братцы, завтра пироги». А если зажиганіе происходило черезъ свѣчку, ну тогда нечего смотрѣть, не о чемъ шептать; развѣ только кто-либо ругнетъ начальство за то, что оно не уважаетъ такого праздника, какъ завтрашній, и отнимаетъ пироги, на который иной желудокъ уже рассчитывалъ. Въ воскресенье же и праздничные дни студенты если не наѣдались *до отвала*, то все-таки имѣли очень удовлетворительную пищу. Наконецъ въ будничные дни имъ не было уже поводовъ восхищаться своимъ обѣдомъ; щи и каша не считались роскошью и въ семинаріяхъ; академики имѣли право желать, чтобы ихъ въ этомъ отношеніи ставили нѣсколько повыше семинаристовъ. Впрочемъ за всѣмъ тѣмъ обѣдъ и ужинъ изъ двухъ блюдъ, не дурно приготовленныхъ, не заставлялъ еще студентовъ голодать, но только въ скоромные дни.

Совсѣмъ другое дѣло было въ постные дни, а они, какъ извѣстно, иногда составляютъ болѣе половины цѣлаго года. Въ эти дни, въ ректорство Іоанна Доброзракова, свѣжая рыба почти вовсе не покупалась для студентческаго стола, даже и въ праздники готовилась преимущественно соленая невысокого сорта, известная тогда подъ названіемъ *тѣшки*. Обѣдъ и ужинъ состояли изъ щей или супа со снятками или грибами, изъ каши пшенной или гречневой съ постнымъ масломъ; для разнообразія щи иногда замѣнялись горохомъ; прибавлялась иногда въ видѣ третьей перемены капуста, приготовленная на манеръ холодного или жарього, такъ что у студентовъ составила поговорка: «нынѣ во время обѣда были три капусты: капуста сырая, капуста вареная и капуста жареная». Въ такіе дни, особенно за ужиномъ, было даже голодно; нѣкоторые студенты, если только знали, что никто изъ начальства не будетъ въ столовой, не ходили въ нее, когда супъ со снятками и гречневая каша-размазня съ льнянымъ масломъ могли привлекать къ себѣ только самый неприхотливый, бурсацкій желудокъ; если же и ходили, то ничего не ѣли, а сидѣли для одной формальности. Въ такіе-то ужины особенно много расходилось соли; досадуя

на дурную пищу, студенты хотѣли по крайней мѣрѣ отмстить, *насолить* начальству тѣмъ, что изъ солоноекъ высыпали всю соль въ супъ; все-таки, конечно, не желудку, а *сердцу* бывало *полегче*.

Пища, неудовлетворительная по количеству и качеству блюдъ, дѣлалась еще неудовлетворительнѣе отъ разныхъ обстоятельствъ. Особеннаго завтрака или полдника студентамъ не полагалось, кромѣ чернаго хлѣба, который можно было кушать въ буфетѣ. Затѣмъ, начальство не хотѣло пріискать хорошаго и, какъ говорятъ, ученаго повара, который и изъ простыхъ припасовъ умѣетъ приготовить вкусное блюдо. Поваромъ былъ одинъ изъ солдатъ-служителей, *понабизшій*, конечно, *руку* въ приготовленіи скоромныхъ супа и шей, но далеко не спеціалистъ своего дѣла. *Были грѣшки* также относительно припасовъ. Мука ржаная, крупа пшенная и гречневая покупались хорошаго, даже лучшаго качества; печеный хлѣбъ былъ, можно сказать, превосходный. Но говядина не всегда, даже очень не всегда принадлежала къ лучшей черкасской, какъ требовалось по контракту; тѣшка иногда не только не поддавалась зубамъ, но и отзывалась не совсѣмъ пріятнымъ запахомъ; попадалось, хотъ и рѣдко, прогорѣлое масло и т. п. А былъ еще и такой случай 6-го августа 1830 года. Доброзраковъ заготовилъ для себя малосольныхъ сировъ, но узнавши отъ своего повара, что они поиспортились, велѣлъ эконому употребить ихъ для студентческой столовой, а ему уплатить сумму, которой стоили сирѣ. Онъ указывалъ и на то, что его назначили епископомъ въ Пензу; не везти же съ собою и сировъ. Надобно думать, что экономъ едва ли зналъ о томъ, каковъ это мнимый подарокъ, потому что онъ напередъ сказалъ студентамъ: «вотъ у насъ въ день Преображенія будетъ отличный столъ; отецъ ректоръ отдалъ вамъ своихъ малосольныхъ сировъ». Студенты, которымъ кромѣ *тешки* почти ничего рыбнаго не удавалось покушать, очень были рады такому сюрпризу и съ удовольствіемъ ожидали вожделѣннаго обѣда. Но когда пришли 6-го августа въ столовую, то были поражены невыносимымъ запахомъ; нельзя было не только ѣсть рыбу, но даже сидѣть близъ нее.

Голодъ, по пословицѣ, *не свой братъ*, не тетка, отъ него всякому поскорѣе хочется отдѣлаться. Поэтому голодавшіе студенты употребляли всѣ средства, чтобы восполнить то, чего не давала казна. Объ одномъ изъ нихъ, именно о чаепитіи пока не говорю, потому что оно употреблялось и сытыми, и голодными студентами, а теперь укажу на другія средства. Нѣкоторые студенты побогаче другихъ подговаривали больничнаго по-

вара, чтобы онъ во время постовъ на своей кухнѣ приготовлялъ имъ въ обѣду и ужину скоромный супъ или молочную кашу; за это, разумѣется, платили ему деньги. Другіе чрезъ служителей покупали кувшины молока, которое въ пополненіе обѣдовъ и употребляли съ чернымъ хлѣбомъ. Очень многіе брали у булочника булки, рѣдко на деньги, а большею частью въ долгъ *на книжку*, какъ выражались. Расходъ булокъ былъ такъ великъ, что приходили два булочника—одинъ утромъ часу въ восьмомъ, а другой предъ самымъ обѣдомъ. Смѣшно, а вмѣстѣ и грустно бывало смотрѣть, какъ студенты, идя въ столовую, или возвращаясь изъ нея, запасаются булками, зная напередъ, или убѣдившись за обѣдомъ, что благочестивое начальство, заботясь о соблюденіи церковныхъ правилъ, не заботилось о томъ, чтобы студенты не голодали; вѣдь нѣтъ положительно ни одного правила, которымъ бы предписывалось дурно кормить воспитанниковъ въ постные дни. Но студенты были народомъ очень небогатымъ; долги ихъ булочникамъ росли и умножались; немногіе расплачивались, а прочіе забирали болѣе и болѣе, обѣщаясь какъ-нибудь расплатиться, особенно по окончаніи курса; но тутъ являлись новыя настоятельныя нужды. Булочники начали жаловаться; ихъ слезныя прошенія появлялись даже въ комиссіи духовныхъ училищъ. Вмѣсто того, чтобы позаботиться объ улучшеніи пищи, высшее начальство предписывало обязать подписками студентовъ, продолжавшихъ еще обучаться, не брать булокъ въ долгъ, а съ окончившихъ курсъ, если они находились въ духовно-училищной службѣ, вытребывали долги. Являлись предписанія въ правленія семинарій о взысканіи съ такого-то и съ такого-то денегъ за забранныя имъ булки у какого-либо изъ крестьянъ Вонифатія. Семинаріи, т.-е. ученики семинарій, узнавши о томъ, никакъ не могли понять, какимъ образомъ случилось, что ихъ сановитый и величавый профессоръ философіи, или еще болѣе сановитый и величавый и вмѣстѣ благочестивый отецъ-инспекторъ такъ много задолжали за булки какому-либо Вонифатію и до сихъ поръ не расплачивались съ нимъ. Въ простотѣ сердечной тогдашніе семинаристы, какъ я уже сказалъ, думали, что въ академіяхъ для студентовъ готовится пища вполне достаточная, барская, а вовсе не такая, какою приходилось имъ, бурсакамъ, набивать свои желудки.

Когда студенты рѣшались жаловаться на дурную пищу, то имъ тогда проповѣдывалось, что подобныя жалобы отзываются чревоугодіемъ, что нужно *недичи* не о плоти, нашемъ злѣйшемъ врагѣ, а о единой безсмертной душѣ. Въ московской духовной академіи въ двадцатыхъ годахъ былъ инспекторъ, который, на-

скучивъ вѣчными жалобами студентовъ на пищу, рѣшился показать этимъ чревоугодникамъ, кому они уподобляются. Когда старшіе пришли въ одинъ день рапортовать о благосостояніи студентовъ, то отецъ инспекторъ встрѣтилъ ихъ слѣдующими словами: «знаете ли, какая мнѣ мысль пришла, когда я услышалъ, что вы идете ко мнѣ?» и получивъ въ отвѣтъ: «не знаемъ», продолжалъ: «вотъ, думалъ я, идутъ израильтяне, воздыхающіе не объ обѣтованной землѣ, а о яствахъ египетскихъ». Въ семинаріяхъ начальство не любило прибѣгать къ такимъ топкимъ сравненіямъ. На жалобы учениковъ касательно пищи частенько отвѣчали слѣдующимъ образомъ: «Вотъ еще чтó придумали, голыши, неблагодарные! Казна васъ кормить, даетъ вамъ пріютъ, а вы еще жалуетесь на нее. Ахъ вы, неблагодарные!» и пр.

Есть пословица: *не красна изба углами, красна пирогами*. Я уже сказалъ, что академическая столовая не была красна пирогами; но еще менѣе она красовалась углами, — всею своею внѣшнею обстановкою, которою развѣ могла похвастаться только предъ семинаріями. Здѣсь въ то время о красотѣ вовсе уже не думали; столы въ столовой обыкновенно ничѣмъ не покрывались; о салфеткахъ не имѣли и понятія; во многихъ мѣстахъ мисками служили деревянныя чашки; ложку каждый ученикъ долженъ былъ имѣть свою и самъ приносить ее въ столовую; у дворниковъ на постоянныхъ дворахъ можно было встрѣтить столовыя принадлежности поприглядѣе, нежели въ столовыхъ для семинаристовъ, воспитывавшихся подъ непосредственнымъ надзоромъ мудрыхъ и благочестивыхъ иночествующихъ лицъ. Въ академической же столовой столы все-таки закрывались скатертями, для каждого студента ставился особый приборъ изъ тарелки, салфетки и деревянной ложки въ видѣ лодочки. Миска и разливныя ложки были мѣдныя — полуженныя. Посуда вытиралась и вымывалась не съ особою заботливостію; отчего хоть благочестивое начальство всячески старалось соблюдать церковныя постановленія относительно студентческой пищи, между тѣмъ въ среду и пятницу во время мясоѣдовъ на поверхности постныхъ супа и щей плавали блестки вовсе не постныхъ качествъ. Столовое бѣлье перемѣнялось чрезъ недѣлю; отчего во вторую половину ея оно въ строгомъ смыслѣ не могло уже называться бѣльемъ. Такъ сказать, учерненію его помогали сами студенты. Многіе изъ нихъ пріѣзжали въ академію, не имѣя понятія о томъ, какъ обѣдаютъ за столами порядочныхъ людей. Нѣтъ еще 20-ти лѣтъ, какъ въ Петербургѣ умеръ протоіерей Покровской церкви въ Коломнѣ Гр. Ал. Д—ій. Отъ него самого

можно было слышать разсказъ о первомъ его дебютѣ въ академической столовой. Онъ, взявши свою порцію говядины и слыша совѣты разрѣзать ее на куски, никакъ не рѣшился произвести эту мудреную операцію въ своей тарелкѣ, а заворотилъ скатерть и на голомъ столѣ, придерживая порцію не вилкою, а пальцами лѣвой руки, изрѣзалъ ее; и потомъ подставивъ тарелку поближе къ столу, правою рукою сдвинулъ въ нее со стола куски говядины, опустил завороченную скатерть и принялся за обѣдъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Такого рода джентльмены не очень деликатились съ скатертями и салфетками. Нужно было обтереть ложку? для этого служила скатерть, которая вромѣ того безъ милосердія заливалась щами. Показалось, что каши подано много? излишекъ валили на скатерть же. Захотѣлось облегчить свой носъ? употребляли салфетку вмѣсто носового платка. Можно понять, чѣмъ при такомъ умѣньи сохранять чистоту и опрятность дѣлалось столовое бѣлье послѣ 2—3 дней употребленія и чѣмъ оно становилось послѣ, въ концѣ недѣли!

Начальство очень рѣдко ходило въ столовую. Ректоръ являлся въ ней развѣ въ экстренномъ какомъ-либо случаѣ, а иногда въ цѣлый годъ въ нее и не заглядывалъ. Инспекторъ приходилъ большею частью въ четвергъ, въ праздничные и воскресные дни за ужиномъ, чтобы лично убѣдиться, всѣ ли студенты возвратились изъ города въ благоприличномъ видѣ. Такого рода свободою отъ начальственнаго надзора студенты пользовались *по-своему*. Обыкновенно звонка къ обѣду не дожидались, а вышедши изъ класса и поскорѣе отнеся книги въ комнату, подступали къ столовой. И такъ какъ дверь въ нее изъ коридора была еще заперта, то входили или лучше врывались въ нее чрезъ буфетъ, останавливаемые иногда служителями и встрѣчаемые словами: «да погодите, господа! нѣтъ ничего еще готово». Цѣль этого насильственного вторженія состояла въ томъ, чтобы позавладѣть лучшей порціей говядины изъ тѣхъ, которыя стояли близъ каждой миски; люди посмѣлѣе *на просторъ простирали руку* и не на принадлежащія къ ихъ мискѣ порціи. Потомъ торопились разрѣзать порціи и когда появлялись служители съ мисками щей, то поднимался крикъ: «сюда, Петруха, сюда, Григорій» и пр. Въ постные дни иногда бы не зачѣмъ ходить ранѣе звонка, потому что при Доброзраковѣ рыбы почти никогда не подавали, но ужъ привычка была сдѣлана и всѣ до звонка спѣшили въ столовую, точно какъ будто иначе прозвѣлаешь свое мѣсто. И потому когда пробьетъ бывало звонокъ, то развѣ нѣсколько чудаковъ войдутъ въ столовую; за такую просрочку имъ и доставались самыя дурныя порціи. Предъужи-

номъ большая часть студентовъ или занимались чѣмъ-нибудь, или безъ часовъ не могли угадать, когда онъ начнется, поэтому *преждевременныя вторженія* въ столовую были не многолюдны. Но нѣкоторые любители лучшихъ порцій заранѣе отправлялись въ корридоръ предъ столовою и здѣсь съ терпѣніемъ ожидали того момента, когда можно будетъ вторгнуться въ нее.

Молитву при началѣ и окончаніи обѣда и ужина поручалось читать чередному старшему; даже существовало приказаніе, чтобы никто ранѣе ея не начиналъ не только кушать, но даже разрѣзывать говядину. При господствѣ описанной мною безурядицы о буквальномъ исполненіи этихъ распоряженій мало думали. Иные старшіе, — либералы, вовсе не читали молитвъ; но люди же исполнительные, боящіеся и отсутствующей власти, считали нужнымъ исполнять возложенную на нихъ обязанность. Но читать молитву прежде звонка не полагалось. И потому случалось, что когда зубы почти всѣхъ 120-ти человѣкъ заняты были разжевываніемъ говядины, хлѣба и пр., вдругъ раздавалось божіе или менѣе громкое: «*Отче нашъ*». Люди потрусливѣе вставали съ своихъ мѣстъ и дѣлали поклоны, тогда какъ ротъ переполненъ былъ разнаго рода недожеванными кусками; люди же посмѣлѣе продолжали начатую ими работу. Студенты низшаго отдѣленія еще, такъ сказать, *необстрѣленные*, не осмѣливались выходить изъ столовой ранѣе молитвы, но обстрѣленные господа не дожидались ея. И когда старшій наконецъ провозглашалъ ее, то половины долженствовавшихъ молиться иногда уже не было; другіе еще не кончили своего обѣда или ужина, поэтому оставались въ столовой и послѣ молитвы.

Во время обѣда и ужина, когда было что покушать и пока аппетитъ еще не былъ сколько-нибудь удовлетворенъ, всѣ занимались своимъ дѣломъ въ молчаніи, или произнося отрывчатые слова. Но тишина не всегда господствовала въ столовой; и тутъ студенты низшаго отдѣленія, побаиваясь своихъ старшихъ, развѣ шопотомъ разговаривали между собою; но студенты высшаго отдѣленія, особенно тѣ, которымъ хотѣлось показать, что они ничего не боятся, вели рѣчь открытую, громкую, такъ что ихъ слышала вся столовая; иногда изъ-за какого либо остраго слова поднимался общій хохотъ. Еслибы сторонній человѣкъ, знакомый съ тогдашнимъ устройствомъ свѣтскихъ училищъ, присутствовалъ въ академической столовой въ теченіи всего обѣда, не зная впрочемъ, что за люди тутъ кушаютъ, то онъ никакъ не догадался бы, что онъ находится въ столовой одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, а скорѣе подумалъ бы, что это большая кухмистерская самаго низшаго разбора. Къ этой мысли

расположило бы разнообразіе и бѣдность одежды, потому что сюда приходили, кто въ чемъ находилъ удобнымъ; тутъ были и халаты, и шинели, и сѣрые суконные куртки, а главное мухояровые или нанковые плафроки, на одномъ еще имѣющіе видъ и подобіе куртокъ, еще цѣлые, — на другомъ замасленные, засаленные и потерявшіе уже право называться куртками.

Гдѣ же жили эти студенты, плохо одѣтые, а иногда и плохо накормленные? Домъ академіи въ то время могъ назваться хорошимъ даже въ Петербургѣ по своей наружности, по параднымъ лѣстницамъ, по галереямъ и корридорамъ. Но въ этихъ корридорахъ, галереяхъ болѣе, нежели въ половину года распространялся отъ ретирадъ отвратительнѣйшій запахъ, который не только беспокоилъ обоняніе, но и *глазъ*, какъ говорится, *глаза*. Изъ галерей запахъ проникалъ въ комнаты, особенно тѣ, которыхъ двери были близки къ ретирадамъ. Сторонній человѣкъ, пришедши въ такія комнаты утромъ, имѣлъ право подумать, что въ нихъ ночевали не студенты, а какіе-либо виновные въ наказаніе за проступки ихъ; такъ былъ отвратителенъ запахъ, который въ теченіе ночи заходилъ сюда изъ корридоровъ! Днемъ хоть сколько-нибудь его улучшали, или открывая форточки, или окуривая смолкою.

Житье-бытье студентовъ было устроено не по образцу свѣтскихъ училищъ. Въ классныхъ комнатахъ они сидѣли только во время чтенія лекцій наставниками, а во всякое другое время помѣщались въ *жилищахъ*, какъ говорили, *комнатахъ*, которыя служили и спальнями, и мѣстомъ для учебныхъ занятій, и гардеробомъ, и даже чѣмъ-то похожимъ на харчевню. Большею частію двѣ комнаты составляли одну административную единицу подъ именемъ нумера. Въ каждой комнатѣ помѣщались 3 — 7 человѣкъ, а въ каждомъ номерѣ былъ командиръ подъ названіемъ *старшаго*. Въ этихъ комнатахъ, разумѣется, нельзя было ожидать хорошаго, благораствореннаго воздуха; жильцы въ нихъ оставались или цѣлые сутки, или $\frac{3}{4}$ части ихъ; сюда болѣе или менѣе проникалъ тотъ запахъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Вентиляція состояла только изъ простыхъ форточекъ, которыя впрочемъ были не во всѣхъ комнатахъ, но форточки не всегда открывались или по небрежности, или потому, что нѣкоторые жильцы боялись холоднаго, втекающаго въ нихъ воздуха. Окуриваніе смолкою конечно заглушало дурной запахъ, за то прибавляло порядочное количество дыма.

Но независимо отъ запаха, жилища студентескія комнаты не могли казаться благоприличными по своему внѣшнему виду и по господствовавшей въ нихъ обстановкѣ. Въ своемъ домѣ по-

мѣстилась академія еще въ 1819, а въ студентскихъ комнатахъ до 1829 и 1830-го годовъ краска на стѣнахъ и полахъ, вѣроятно, ни разу не была поправляема; отъ этого, разумѣется, не много въ нихъ замѣчалось благообразія. Особенно же полы были очень безобразны; въ однихъ мѣстахъ еще держалась краска, въ другихъ едва была замѣтна, а тамъ выглядывали доски въ натуральномъ своемъ видѣ. Но и послѣ того, какъ почтѣе стали подновлять краску на стѣнахъ и полахъ, видъ комнатъ оставался очень некрасивымъ; да иначе почти и быть нельзя, какъ увидимъ изъ описанія ихъ. Кровати стояли вдоль стѣнъ, плотно къ нимъ придвинутыя одною изъ продолговатыхъ сторонъ, а съ трехъ другихъ сторонъ закрывались чехлами изъ тѣлу посредственной доброты. Такимъ образомъ все, что стояло, или лежало подъ ними, оставалось невидимымъ; а тамъ чего не было? и едва ли не болѣе всего пыли и сору, потому что чисто выметать оттуда служители или не хотѣли, или не умѣли. Постель состояла изъ матраца, простыни, двухъ подушекъ и бумазейнаго одѣяла. Потому ли, что послѣднее не отличалось своею прочностію, или по своей бѣлизнѣ скоро чернилось, имъ не покрывали матраца, а складывали его въ осьмую долю всей поверхности и клали подъ подушки, или въ концѣ кровати. Такимъ образомъ матрацъ прикрывался одною простынею. Но такъ какъ постельное бѣлье смѣнялось не чаще, какъ чрезъ 10, а иногда чрезъ 20 дней, то и простыня, и наволочки были очень черны. Послѣ, когда съ 1831 года инспекторъ настоялъ на томъ, чтобы одѣяломъ на день покрывалась кровать, то и одѣяла скоро чернились и дѣлались безобразными. Въ случаѣ же отдачи ихъ въ мытье кровати оставались ничѣмъ, кромѣ простыни, непокрытыми; притомъ одѣяла на третьемъ, особенно на четвертомъ году употребленія ветшали и расползались.

И мебель, находившаяся въ комнатахъ, не могла служить къ ихъ украшенію. Она состояла изъ гардеробнаго шкафа, вонторки, табуретовъ, столовъ и сундуковъ, сдѣлана была вся изъ сосноваго дерева и *тоторной*, какъ говорятъ, *работы*. Большая часть сундуковъ стояла подъ кроватами, но отъ выдвиганья и задвиганья каждаго изъ нихъ чертились на крашеномъ полу дорожки, которыя въ концѣ концовъ стирали, по крайней мѣрѣ на половину, его краску. Но безобразнѣе и неудобнѣе были столы не только по своей грубой отдѣлкѣ, но и по внѣшней формѣ. Часть ихъ, на которую студентамъ во время ихъ занятій надобно было класть свои тетради и книги, имѣла видъ четырехугольной усѣченной пирамиды; на верхнюю площадь ея ставились подсвѣчники, чернильницы и песочницы,

а на покатыхъ бокахъ нужно было держать тетради и книги; столы эти назывались *горбатыми*. Для старшихъ впрочемъ ставили столы съ опускаемыми половинками; а послѣ уже мало-помалу для всѣхъ устроены были нѣчто въ родѣ ломберныхъ столовъ, разумѣется, безъ зеленого сукна. Кромѣ того многіе студенты покупали свои столики, кресла и стулья,—все это, разумѣется, не особенно красивой формы и отдѣлки. Такимъ образомъ почти всѣ четыре стѣны комнаты уставлены были кроватями, гардеробомъ, комодомъ, конторкою, отчасти сундуками, а середина наполнялась горбатыми и негорбатыми столами, табуретами, креслами и стульями. Если бы поуменьшить число кроватей и поувеличить число другихъ вещей, то сторонній человѣкъ, вошедши въ такія комнаты, легко могъ бы подумать, что это не зала для ученыхъ занятій, а почти лавка для продажи подержанныхъ невзрачныхъ разнообразныхъ вещей.

Неприглядность студентческихъ комнатъ увеличивалась еще отъ двухъ побочныхъ обстоятельствъ. Многіе студенты любили разводить комнатныя растенія съ цвѣтами и безъ цвѣтовъ; особенно въ ходу были гераніумъ, кактусъ, лимонное дерево и пр.; горшки съ ними обыкновенно ставились на окна. Дѣло, разумѣется, не дурное. Но тутъ нуженъ внимательный взглядъ и вкусъ хозяйки, чтобъ вмѣсто украшенія такими растеніями не обезобразить комнатъ; а этотъ-то взглядъ и вкусъ не у всѣхъ студентовъ замѣчался. Стояли на окнахъ конечно и хорошіе горшки, но рядомъ съ ними, притомъ въ гораздо большемъ количествѣ, помѣщались полуразбитые горшки, чайники безъ носочковъ и ручекъ, негодныя полоскательныя чашки и пр. Подобная коллекція всякой дряни не могла служить украшеніемъ комнатъ. Но тутъ приходило еще новое обстоятельство. Растенія надобно было поливать водою; усердія на это у студентовъ доставало и даже съ избыткомъ; вода изъ поддонковъ разливалась по подоконнику; но большая часть горшковъ не имѣла и поддонковъ. Поэтому вода съ подоконниковъ стекала по стѣнамъ и распространялась по полу. Здѣсь въ слѣдующій день служитель какъ-нибудь вытиралъ ее, но дорожки, которыя она производила на стѣнахъ, оставались до того времени, когда маляру поручалось позакрасить ихъ; тоже самое нужно сказать и о подоконникахъ. И вотъ вещи, которыя дѣйствительно могли бы служить украшеніемъ для комнатъ, только обезобразили ихъ.

Другимъ обстоятельствомъ, обезобразившимъ комнаты, было чаепитіе. Чуть не всѣ студенты, будучи побуждаемы голодомъ, или пріобрѣтенною привычкою, имѣли желаніе пить чай ежедневно, или по крайней мѣрѣ по временамъ. Начальство этому

не препятствовало, но предоставляло самимъ студентамъ добывать денѣги на покупку не только чая съ сахаромъ, но и самоваровъ, чашекъ и чайниковъ. Потомъ не обязывало служителей хотя бы самовары разогрѣвать. Комнатнымъ старшимъ еще оказывалась эта услуга, но и то не всегда; прочіе же, такъ сказать, *рядовые студенты* должны были нанимать служителей для такой прислуги, но наибольшую частію лично занимались разогрѣваніемъ самоваровъ. Утромъ въ холодное время это занятіе не соединялось съ большими хлопотами. Нужно было только сходить съ самоваромъ въ умывальню, наполнить его тамъ водою, принести въ комнату и изъ топившейся печи накласть углей—увъ! иногда при помощи однихъ пальцевъ. И тутъ часто служитель не соглашался на такую растрату, чтобы не быть вынужденнымъ приносить нѣсколько лишнихъ полѣньевъ дровъ. Поэтому чаефиламъ не только лѣтомъ, но наибольшую частію и въ зимнее время нужно было съ самоваромъ спускаться въ подвальный этажъ, — въ студентческую кухню, наливать его водою изъ чана и наполнять углями изъ очага, потомъ съ порядочною уже ношею подняться по лѣстницамъ, напр. до верхняго этажа болѣе, нежели на 80 ступеней;—это уже дѣло вовсе нелегкое. Но предварительно часто на кухнѣ приходилось испытать немалое количество непріятностей. Поварамъ точно также, какъ и комнатнымъ служителямъ было нелюбо носить лишнія дрова для того только, чтобы студенты могли ставить себѣ самовары. Да и резонно, — вѣдь на 40, а иногда на 60 самоваровъ требовалось немалое количество дровъ. Правда, у самаго очага стояла корзина съ холодными углями; нужно было только внизъ самоварной трубы положить нѣсколько раскаленныхъ углей, а потомъ дополнить ее холодными, но все-таки на долю поваровъ выпадали лишнія хлопоты; поэтому имъ не было поводовъ находить удовольствіе въ визитахъ чаефиловъ, и тутъ иногда слышались ворчанье и слова, произносимыя сквозь зубы: «Эка, сколько ихъ принесло!» Но часто студенты, добывая угли изъ очага, разбрасывали дрова въ немъ, такъ что огонь потухалъ. Ну, тогда поваръ, принужденный вновь разводить его, уже *давалъ полную волю языку своему* и высказывалъ такія любезности, отъ которыхъ, какъ говорится, *не поздоровится*; начинались уже настоящія перебранки, въ которыхъ легкія поваровъ, не ослабленные сидѣніемъ надъ книгами и письмомъ, большею частію одерживали верхъ надъ студентскими легкими. Случалось и то, что въ очагѣ нельзя было найти ни одного горячаго уголька, нужно было добыть лучинку, зажечь и положить ее въ трубу самовара, и потомъ накласть холодныхъ углей изъ корзи-

ны, затѣмъ обратить себя въ раздувальнѣйшій мѣхъ; вѣдь трубы самоварной вовсе не было. Бывало и то, что холодныхъ углей въ корзинѣ нѣтъ; повара отказываются принести ихъ; надобно самому отправляться по темнымъ корридорамъ подвального этажа, отыскивать ихъ въ какомъ-то темнѣйшемъ чуланѣ и нести въ подолѣ своего платья къ самовару. Послѣ всѣхъ разнообразнѣйшихъ процедуръ наконецъ самоваръ въ комнатѣ; но тутъ часто оказывалось, что холодные угли испускаютъ зловонный запахъ и распространяютъ угаръ; нужно поскорѣе унести самоваръ въ корридоръ и тамъ часто на холодѣ (корридорамъ тогда не отапливали), даже въ сильные морозы стоять и ожидать, пока самоваръ вскипятится. Въ заключеніе всего оставалось вымыть свои руки, а часто и лицо; тѣ почти всегда были черны, если у нихъ не было своихъ щипцовъ, но и послѣднее иногда носило ясныя слѣды того, что владѣлецъ его обращался около углей. Да, признаться сказать, надобно было быть или слишкомъ голоднымъ, или отчаяннымъ чаефиломъ, чтобы перенести всѣ описанныя хлопоты, труды, даже униженія и въ награду за то выпить чаю.

И правду сказать, пили уже съ полнѣйшимъ *всеусердіемъ*; десять чашекъ, — это еще не былъ *taxitit*, доходило и до пятнадцати; сахару тратилось немного; пивали не только въ прикуску, но и чуть-чуть не *въ приглядку*, не *въ придумку*; настой былъ жиденецъ, но за то воды не жалѣли. Но наслажденіе, испытываемое чаефилами, не соглѣмъ приглядно отражалось на комнатѣ. Мужчины, можетъ быть, справедливо вообще обвиняются въ неряшествѣ; отъ студентовъ академій, еще недавно бывшихъ бурсаками, ожидать и требовать щепетильной опрятности почти что было невозможно, а иногда у нихъ не доставало ни времени, ни средствъ, ни умѣнья позаняться ею. На горбачьихъ столахъ пить чай было неудобно; поэтому горячіе самовары ставили на подоконники, на складные столы, на вомоды. Поддонниковъ никакихъ почти ни у кого не было; о скатертяхъ и не думали; подносы считались рѣдкостію; даже на покушеу половскательной чашки не у всякаго доставало или денегъ, или охоты. И потому мѣста, гдѣ пили чай, заливались водою, выжигались отъ горячихъ ножекъ самоваровъ углубленія, оставались круги отъ дна чашекъ и чайниковъ. Потомъ чайный отстой въ чашкѣ выливали на полъ, или куда-либо въ уголъ у печки, или даже за кровать, а особенно въ плевальницы, въ которыхъ часто уже трудно было увидать настоящій песокъ. Вытирать намоченныя мѣста было нечѣмъ; казна, какъ выше сказано, не давала даже утиральниковъ для вытиранія лица и рукъ послѣ умыванья; вмѣ-

сто тряпокъ вытирали подокозники, столы и пр. бумагою. Самые чайники и чашки у многихъ чаефиловъ похожи были на тѣ, которые встрѣчаются на постоянныхъ дворахъ. Спрятанные въ комодъ, они еще не безобразили комнату, но ихъ нерѣдко оставляли на комодахъ и окнахъ. Если къ тому безобразію, которое происходило отъ кроватей и разнообразной мебели, присоединить безобразіе отъ цвѣтолюбія и чаефильства, то, я думаю, повѣрите, что сторонній человѣкъ, вошедши въ студентскія комнаты, особенно во время чаепитія, легко могъ подумать, что тутъ живутъ писаря-кантонисты какаго-нибудь присутственнаго мѣста, которымъ впрочемъ дозволялось носить не форменную одежду.

Но одинъ разъ чрезъ двухлѣтній періодъ повторялись случаи, когда безобразіе въ студентскихъ комнатахъ достигало такой степени, что ихъ нельзя было сравнивать съ комнатами писарей. Академическое начальство заготовляло мебель, сообразуясь съ штатнымъ положеніемъ студентовъ. Между тѣмъ уже въ двадцатыхъ годахъ вновь вытребованные студенты пріѣзжали въ академію прежде, нежели кончившіе курсъ получали свое назначеніе, и тогда въ одно и то же время помѣщалось въ студентскихъ комнатахъ три дурса. Лишнихъ кроватей было немного, и потому для большей части новоприбывшихъ студентовъ стали постели прямо на полъ. Случалось также, что недоставало ни сундуковъ, ни табуретовъ, ни столовъ, и потому молодые студенты принуждены были свои вещи или держать въ чемоданахъ, съ которыми они пріѣхали, или укладывать ихъ подъ подушки тѣхъ же постельныхъ приборовъ, которые разбросаны были по полу. И жалко, и смѣшно было смотрѣть на этихъ бѣдняковъ, которые ѣхали въ академію съ высокимъ мнѣніемъ о своемъ значеніи, съ надеждою, что ихъ помѣстятъ гораздо лучше, нежели въ семинарской бурсѣ. И вотъ къ нимъ приходятъ земляки и знакомые студенты университета, педагогическаго института, медико-хирургической академіи и пр., застаютъ ихъ *въ лежачемъ* положеніи на полу на матрацахъ. Надобно поздороваться; начинаются объясненія о томъ, почему это ихъ такъ расположили по полу; гости хвалятся, что у нихъ подобное безобразіе немыслимо; сконфуженные хозяева кое-какъ защищаются, или, если нѣтъ въ комнатѣ старшаго, принимаются ругать начальство. Потомъ не вѣкъ же стоять, а присѣсть только и можно было на окнахъ; и вотъ хозяева и гости, поджавши подъ себя ноги по восточному, или на колѣняхъ присаживаются на тюфяки. Если былъ самоваръ, то и чай пивали въ томъ же положеніи. И благопопечительное начальство долго не догадывалось, что подобнаго отвратительнаго безобразія можно было из-

бѣгнуть, запасшись лишнимъ числомъ кроватей и табуретовъ. Но въ чему это? пусть новобранцы полежать, *поваляются* на полу.

Впрочемъ, это было экстреннымъ случаемъ; обратимся опять къ регулярному образу жизни студентовъ. Соблюдать чистоту и опрятность въ ихъ комнатахъ при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я говорилъ, почти не было возможности. Полъ въ нихъ ежедневно подметали, притомъ не вѣнникомъ, не метлою, а щеткою, даже вспрыскивали водою, чтобы немного подтереть его; очень нерѣдко вымывали швабрами; — все это дѣлалось не безъ усердія. Но возможна ли была чистота и опрятность, когда кромѣ пыли и сора, заносимыхъ ногами, уливали полъ сливками чая? Какимъ образомъ вымести соръ изъ-подъ кровати, гдѣ стояли сундуки, лежали сапоги, грязное бѣлье, хранились даже и бутылки, и куда запустить щетку не иначе можно было, какъ приподнявши чохлы? Большая нужда такъ хлопотать! И отъ того тамъ набиралось очень порядочное количество пыли и сора, которые оттуда, особенно при открытыхъ окнахъ, вылетали на средину комнату. Нечего грѣха таить, грязновато иногда бывало.

Жильцамъ комнатъ, *къ добродѣтелямъ* которыхъ не принадлежитъ чистота и опрятность, трудно быть опрятными и чистоплотными. Правда, что для омовенія грѣшнаго тѣла студентовъ въ академіи существовала очень хорошая баня, гдѣ было вдоволь горячей и холодной воды и вѣнниковъ, гдѣ каждый могъ попарить и вымыть себя; для послѣдней операціи получался небольшой, но и не недостаточный кусочекъ мыла. Были также нанимаемы на казенный счетъ прачки, которыя обязывались мыть все, что ни отдавали студенты, и мыли хоть и не очень чисто, но и не очень нечисто. Только, къ сожалѣнію, хорошую баню отапливали чрезъ 10—11 дней. Кто имѣлъ про запасъ лишнее бѣлье, тотъ, разумѣется, могъ переимѣнить его и въ промежутокъ между банями. Но бѣда состояла въ томъ, что начальство вовсе не заботилось о подобномъ запасѣ. Я уже сказалъ, что рубашечнаго бѣлья ежегодно выдавалось по три пары; оно въ этотъ срокъ, нѣмъ не починиваемое, почти что изнашивалось; а черное бѣлье вымывалось прачками не ранѣе, какъ чрезъ 20 дней; слѣд. двѣ пары всегда были у прачки, а одна на студентѣ, который такимъ образомъ по неволѣ носилъ одно и то же бѣлье отъ бани до бани въ теченіи 10—11 дней, нѣкоторымъ же изъ вновь поступавшихъ студентовъ приходилось носить его и по 20-ти дней. Дѣло состояло въ томъ, что новое бѣлье выдавалось имъ не тотчасъ по приѣздѣ ихъ въ академію, а уже

около Пасхи, и даже послѣ нея, а иные студенты по провинціальной простотѣ вѣря, что въ академіи снабдятъ ихъ всѣмъ въ изобиліи, пріѣзжали съ двумя только парами бѣлья, и пока не успѣвали пріобрѣсти третью (а этому бывали примѣры), должны были носить одно и то же бѣлье цѣлыхъ три недѣли.

Но и безъ экстраординарнаго случая, при регулярномъ порядкѣ вещей, при трехъ парахъ бѣлья и при описанныхъ условіяхъ жизни въ своихъ комнатахъ, студенты не могли содержать себя въ чистотѣ и опрятности; вѣдь въ 10—11 дней бѣлье, бывшее бѣлье снѣга, почернѣетъ, особенно когда надѣвшему его приходится спать на простынѣ, которая тоже не моется 10—11 дней, а иногда и три недѣли. Поэтому, пересматривая тогдашнія аптекарскія книги, въ которыя вписывались лекарства для студентовъ, можно встрѣтить и *спрныи цѣпты*, и *спрную мазь* и даже матеріалъ для сѣрныхъ ваннъ, — снадобья для излеченія отъ той проказы, которую семинаристы называли *жемчугомъ*.

Другое дѣло тѣ насѣкомыя, которыя мучатъ неопратное человѣчество. Не оскорбляя слуха моихъ читателей ихъ неблагозвучными названіями, я употреблю тѣ слова, которыми ихъ называли тогда въ семинаріяхъ; *пѣхота*, это тѣ насѣкомыя, которыя устриваютъ свои квартиры въ волосахъ головы и въ складкахъ бѣлья; *кавалерія* — тѣ насѣкомыя чернаго цвѣта, которыя такъ быстро прыгаютъ и по полу, и по кровати, и вездѣ; — *артиллерія* — тѣ насѣкомыя, которыя любятъ помѣщаться въ щеляхъ стѣнъ и кроватей, въ складкахъ матрацовъ и пр. Отъ пѣхоты почти всѣ студенты защищали себя частыми гребешками, которыхъ впрочемъ казна не выдавала. Но отъ кавалеристовъ и артиллеристовъ ничто не спасало. Первые особенно были многочисленны лѣтомъ и въ началѣ осени. Нѣкоторые студенты, кромѣ бѣлья, на ночь надѣвали носки и перчатки и все такъ другъ съ другомъ соединяли разными перевязками, чтобы кавалерія не имѣла возможности добраться до тѣла; только одно лицо и голова оставались для нея открытыми. Но всего грознѣе и, такъ сказать, неистребимѣе была артиллерія, плодившаяся и размножавшаяся въ огромнѣйшемъ числѣ не только въ углахъ желѣзныхъ кроватей и щеляхъ ихъ досокъ, но и въ трещинахъ у печекъ, въ промежуткахъ между стѣнами и плинтусами, въ сундукахъ и на стѣнахъ близъ карнизовъ. Даже въ первую ночь, какъ постелется, бывало, бѣлая простыня, на ней уже оказывалось много въ буквальномъ смыслѣ кровавыхъ слѣдовъ ночной борьбы студента съ артиллеристами. Но чрезъ 5—6, особенно 10 дней простыня дѣлалась безобразно испятнанною. Артиллеристы и днемъ не всѣ скрывались; нѣкоторые изъ нихъ,

особенно по стѣнамъ, любили перебираться отъ одного, такъ сказать, лагеря къ другому, или просто прогуливались. Война между ими и ихъ противниками до такой степени велась ожесточенно, что послѣдніе не упускали подвергать смертной казни каждаго, показавшагося на ихъ глаза артиллериста; не говоря ни слова, ихъ тотчасъ казнили на стѣнѣ. Такимъ образомъ и тутъ мало по малу составлялись кровавыя не пятна, а полосы.

Такія единичныя нападенія истребляли немного непріятелей-кровопійцъ. Студенты, несмотря на молодость, испытывали безсонницу отъ множества кусавшихся артиллеристовъ и потому предпринимали походы для повального ихъ истребленія. Для этого болѣею частію избирался свободный день, когда служитель рѣшался получше вымыть полъ швабрами. Прежде, нежели начиналась эта работа, студенты ставили самовары, снимали доски съ кроватей, потомъ кипяткомъ истребляли своихъ враговъ во всѣхъ углахъ и щеляхъ, убивая въ то время своими ногами тѣхъ изъ нихъ, которые искали спасенія въ бѣгствѣ по полу. Пересматривались чашлы и всѣ принадлежности постели; не забывались сундуки и ближайшая часть плинтуса и пр. Иногда же, особенно въ каникулярное время, выносили кровать въ корридоръ, чтобы тамъ дѣйствовать на просторѣ. Какъ бы то ни было, битва окончена, враги, повидимому, истреблены, можно уже надѣяться, что теперь уснешь спокойно; такъ и бывало, но не на долгое время. Вѣдь артиллеристовъ оставалось еще многое множество въ другихъ кроватахъ, сундукахъ, табуретахъ, за плинтусами, въ трещинахъ щекотурки и пр.; и мало-по-малу они опять поселялись въ ту же кровать, въ которой ихъ предшественники такъ немилосердо были истреблены. И длилась эта война для каждаго почти студента цѣлые четыре года!

Небрежность свою относительно студентскихъ комнатъ начальники академіи могли извинять тѣмъ, что нечистота и неопрятность не могли имѣть слишкомъ вредное вліяніе на здоровыхъ студентовъ, людей молодыхъ. Но чѣмъ оно могло извинять, можетъ быть, еще болѣшую небрежность относительно академической больницы. Она состояла изъ трехъ комнатъ: изъ маленькой передней, въ которой стоялъ шкафъ, и за нимъ то, что такъ нужно и для здоровыхъ и для больныхъ людей; притомъ для очищенія воздуха тутъ не было даже форточки. Потомъ слѣдовали двѣ небольшія комнаты, въ которыхъ болѣе 10-ти кроватей нельзя было поставить. Комнаты были въ нижнемъ этажѣ невысокія, со сводами; для вентиляціи существовали только двѣ форточки, устроенныя въ нижнемъ звенѣ окопныхъ рамъ, безъ всякихъ предосторожностей противъ того, чтобы наружный

холодный воздухъ не повліялъ вредно на слабыхъ жильцовъ; поэтому форточки открывались еще рѣже, нежели въ студентческихъ комнатахъ, особенно когда бывали очень слабые и робкіе больные, страшившіеся простудиться отъ дуновенія каждой струи свѣжаго воздуха. Присоедините запахъ отъ лекарствъ, вредныя испаренія отъ больныхъ, зловоніе, заходившее изъ передней, и тогда поймете, что былъ за воздухъ, которымъ дышали больные.

Но этимъ не ограничивались неудобства. При больницѣ не было ни фельдшера, ни подлекаря; вся прислуга состояла изъ двухъ человѣкъ; на одномъ изъ нихъ лежала обязанность держать комнаты въ чистотѣ, убирать постели, помогать слабымъ больнымъ и ходить въ аптеку, находившуюся отъ академіи версты за 2¹/₂, если не болѣе. Другой былъ поваръ, готовившій пищу для больныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же исправлялъ должность подлекаря, ставилъ мушки, прикладывалъ горчицы и пр., а кромѣ того, какъ я выше сказалъ, нѣкоторые студенты подражали его готовить имъ пищу въ постные дни. Понятно, что у этого господина и на кухнѣ слишкомъ много было дѣла, чтобы ходить часто въ больницу; наконецъ онъ принадлежалъ къ поклонникамъ Бахуса и иногда по нѣскольку дней вмѣсто него долженъ былъ готовить пищу общій студентскій поваръ.

И служитель, и поваръ жили въ особой кухнѣ, которая отъ больницы отдѣлялась корридормъ и галереей саженъ 12—15; бережливое начальство поскупилось даже провести на кухню проволоку, которая, трогая колокольчикъ, давала бы знать прислугѣ, что въ ней нуждается кто-нибудь. А теперь нужно самому больному отпрапляться за нею по корридорамъ, которые не отапливались и зимою были также почти холодны, какъ и наружный воздухъ. Что же теперь дѣлать больному, который не могъ даже и съ постели вставать самъ собою? хорошо, если другой больной въ состояніи былъ сходить на кухню, иначе жди до тѣхъ поръ, пока служитель сообразовитъ пожаловать *toti proprio*. Но единственный служитель ежедневно, при порядочномъ количествѣ больныхъ, долженъ былъ ходить въ аптеку, и совершать это путешествіе около трехъ часовъ; тогда и въ колокольчикъ его бы не дозвониться; поваръ же и вмѣстѣ подлекарь занимался приготовленіемъ пищи, а то иногда лежалъ въ объятіяхъ Морфея и Бахуса. Если безпомощно было положеніе сильно больного днемъ, то ночью оно дѣлалось еще хуже, потому что служитель все-таки ночевалъ въ кухнѣ. Къ счастью студенты были сострадательнѣе къ больному своему товарищу, нежели благочестивое иночествующее начальство. Друзья,

земляки, знакомые иногда добровольно чередовались и даже на ночь ложились близъ него на свободной кровати. Не будь этого, иной больной не имѣлъ бы возможности во-время принимать лекарства и приподниматься на своей постелѣ. Я самъ на себѣ испыталъ, какъ опасно было оставаться сильно больному студенту безъ надзора товарищескаго. Въ 12-мъ часу ночи докторъ нашелъ нужнымъ вдругъ приложить мнѣ пять горчичниковъ: къ обѣимъ икрамъ, къ обѣимъ рукамъ и на грудь. Послѣ его отъѣзда поваръ-подлекаръ исполнилъ его приказаніе и ушелъ спать на свою кухню; горчичники и оставались на мнѣ до 6-го часа утра. Болѣзнь, противъ которой ихъ поставили, дѣйствительно была побѣждена, но едва въ три недѣли залечили тѣ мѣста на тѣлѣ, гдѣ они стояли. Не могу я забыть того испуга, который выразился на лицѣ доктора, когда онъ, пріѣхавъ часу въ девятомъ утра, узналъ, что горчичники не снимались съ тѣла почти шесть часовъ.

Впрочемъ нельзя не сказать спасибо начальству за то, что оно не скупилось на медицинскія пособія; докторъ могъ прописывать всѣ лекарства, какія онъ находилъ нужными, не обращая вниманія на ихъ цѣнность. Служившій нѣсколько лѣтъ докторъ, французъ Жувенель, выписывалъ изъ аптеки даже малиновые сиропы, чтобы больному легче было принимать непріятные на вкусъ медикаменты. Далѣе, чистота и опрятность, кромѣ дурного воздуха, соблюдались хорошо; даже артиллеристы рѣдко беспокоили больныхъ, но и то заносились изъ комнатъ. Равнымъ образомъ мундирная, такъ сказать, одежда для больныхъ была удовлетворительна. Но относительно скромной пищи въ постные дни нѣкоторые ригористы начальники оставались упрямыми противниками; пусть-де лучше здоровье больного еще болѣе разстроится, или пусть болѣзнь поболѣе продлится, нежели нарушится буква церковнаго устава.

Начальство, не отличавшееся большою заботливостію о больныхъ и здоровыхъ студентахъ, дѣлалось за то очень внимательнымъ къ тѣмъ, которые оставляли навсегда сію, какъ говорилось въ проповѣдяхъ, *юдоль плача и скорби*. Для умершаго студента на казенный счетъ покупался, конечно не пышный, но и не бѣдный гробъ; въ день погребенія студенты увольнялись отъ класса на весь день, присутствовали при литургіи и отпѣваніи, которыя большею частію совершалъ самъ ректоръ или инспекторъ; для перевезенія гроба на волковское кладбище употреблялись погребальные дроги съ парю лошадей, покрытыхъ черными попонами, и съ кучеромъ въ приличномъ нарядѣ, не исключая и ширококрылой шляпы; процессію сопровож-

дали если не всѣ студенты, то рѣдко менѣе половины, и кромѣ того почти всегда инспекторъ съ двумя іеромонахами; даже въ столовой приготовлялось одно или два блюда лишннихъ. Да я и забылъ - было сказать, что не всегда обходилось безъ надгробнаго слова или умилительной рѣчи, въ которыхъ восхвалялся покойникъ и описывались тѣ подвиги, которые отъ него могли бы ожидать и церковь, и отечество.

Въ заключеніе описаній хозяйственной части академіи скажу нѣсколько словъ о прислугѣ ея. Она состояла большею частію изъ такъ называемыхъ казенныхъ служителей, т.-е. тѣхъ господъ солдатъ, которые не выслужили еще своего 25-ти-лѣтняго срока и оканчивали его въ академіи; вольнонаемныхъ служителей было немного, особенно въ первую половину описываемаго времени. Между казенною прислугою находилось очень много горькихъ пьяницъ, но и вольнонаемные не принадлежали къ бравымъ молодцамъ. Жалованье имъ было небольшое; никакой казенной одежды не выдавалось; естественно, что нанимались только тѣ, которые не надѣялись имѣть хорошее мѣсто. Несмотря на военный свой характеръ, служители, находясь подъ командою монашескаго начальства, усвоили себѣ и монастырскіе обычаи. вмѣсто того, чтобы при встрѣчѣ съ начальниками вытянуться въ струнку и отдать честь по военному, они не хуже послушниковъ смиренно *отвѣщивали поклоны*. Впрочемъ, это послушническое смиреніе не мѣшало имъ отличаться невѣжливостью относительно студентовъ. Къ комнатному старшему они еще были внимательны, ставили ему, какъ я уже сказалъ, самоваръ, вели даже за него войну съ артиллеристами и пр., но прочіе студенты могли услуги ихъ покупать подарками; иначе ни въ чемъ не послушаются, и даже наговарятъ порядочное количество грубостей. Отъ этого происходило, что посылая купить булку за тогдашнія десять копѣекъ, чуть не столько же нужно было дать и служителю. При такомъ положеніи дѣла, не говоря уже объ оскорбленіи самолюбія, студенты бывали въ большихъ затрудненіяхъ особенно относительно писемъ. Тогда еще не было ни марокъ, ни штемпельныхъ конвертовъ; вмѣстѣ съ письмомъ на почту надобно было давать деньги для уплаты за пересылку его. Служители неохотно принимали на себя эти порученія, потому что ближайшее почтовое отдѣленіе было близъ владимірской церкви, а если и находились между ними услужливые въ этомъ случаѣ люди, то нельзя было ручаться, что письмо и деньги попадутъ на почту: первое сразу будетъ сожжено или изорвано, а вторыя останутся въ карманѣ посланца; поэтому студенты вынуждались сами относить письма на почту.

Перейдемъ теперь отъ матеріальныхъ условій студентскаго быта къ условіямъ нравственнымъ. У насъ издавна любили доказывать, что при воспитаніи юношества, вѣреннаго попеченію монастырскому, обращается вниманіе не столько на виѣшнія, сколько на внутреннія качества человѣка, заботятся не столько о брennomъ тѣлѣ, сколько о безсмертной душѣ питомцевъ, не столько о матеріальномъ довольствѣ и благосостояніи, сколько о вѣчномъ спасеніи ихъ,—однимъ словомъ, ставятъ выше всего нравственное и религіозное настроеніе. Многіе, прочитавъ мое описаніе не очень комфортабельнаго житія-бытія студентовъ академіи, могутъ сказать, что, по всей вѣроятности, нравственный надзоръ надъ ними былъ самый лучшій, и они, хоть и плохо одѣтые и дурно накормленные, оказывались достойными кандидатами къ занятію современемъ пастырскихъ и даже архипастырскихъ должностей. Посмотримъ на это нравственное воспитаніе.

Ближайшимъ руководителемъ и блюстителемъ его былъ инспекторъ, рѣдко іеромонахъ, а почти всегда архимандритъ. Чтобы облегчить его труды по надзору за 120-ю молодыми людьми, въ помощь ему давались старшіе;—это были избраннѣйшіе изъ студентовъ высняго отдѣленія и по успѣхамъ и, особенно, по поведенію, которые по одному и назначались въ каждый нумеръ жилыхъ студентскихъ комнатъ съ населеніемъ изъ 8—15-ти человѣкъ. Они имѣли оффиціальныя характеры; инспекторъ представлялъ достойныхъ кандидатовъ правленію, которое постановляло журналомъ опредѣлить ихъ на должности, но предварительно испрашивало согласіе митрополита на это особымъ представленіемъ. Въ то же самое время составлялась инспекторомъ и утверждалась правленіемъ особая инструкция, въ которой подробно излагались права и обязанности старшихъ. Если нужно было кого-либо изъ нихъ уволить почему-нибудь отъ должности и замѣнить другимъ студентомъ, то опять происходила описанная сейчасъ процедура.

Такимъ образомъ, конечно на основаніи и академическаго устава, но еще болѣе старинныхъ бурсацкихъ и семинарскихъ преданій, студенты раздѣлялись на двѣ части: аристократическую и плебейскую; первая состояла изъ 10-ти старшихъ, а въ послѣдней принадлежали всѣ прочіе студенты; тѣхъ можно назвать *офицерами* или лучше *унтеръ-офицерами*, а этихъ — *рядовыми*. Но и у рядовыхъ была тоже аристократическая и плебейская партія. Всѣ вообще студенты академіи тогда, какъ извѣстно, раздѣлялись на высшее и низшее отдѣленіе. Единственныя привилегіи вышеотдѣленцевъ состояли въ томъ, что они

занимали комнаты въ бель-этажѣ, да въ столовой сидѣли на правой сторонѣ; во всемъ прочемъ было полное равенство съ нижеотдѣленцами. Несмотря впрочемъ на это, первые любили держать послѣднихъ на нѣкоторой дистанціи отъ себя; самихъ себя называли *старшими* (тутъ удареніе надъ буквою *а*, для отличія отъ комнатныхъ старшихъ; тутъ удареніе ставилось надъ буквою *и*), а низшую расу именovali *младшими*. Хорошо еще, что между земляками разныхъ отдѣленій почти всегда господствовали самыя близкія, почти родственныя отношенія. Особенно радушно были встрѣчаемы вновь пріѣзжавшіе земляки; ихъ не только во всемъ руководили, но даже нѣсколько дней угощали чаемъ. Случалось, что пріѣзжавшіе изъ какой-либо семинаріи не имѣли земляковъ; въ такомъ случаѣ кто-либо изъ ближайшей къ нимъ губерніи принималъ на себя роль земляка.

Если аристократическая спѣсь раздѣляла между собою студентовъ обоихъ отдѣленій, то комнатные старшіе еще больше имѣли право смотрѣть на себя, какъ на привилегированныхъ особъ. По правдѣ сказать, были къ тому и поводы; на основаніи своей инструкціи они обязывались смотрѣть, чтобы студенты вообще вели себя благоприлично, а въ часы, назначенные для занятій, сидѣли тихо за столами, чтобы во время лекцій никто не оставался въ комнатахъ; для чего старшій, выпроводивъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ изъ номера своего, запиралъ его и уносилъ ключъ съ собою. Затѣмъ онъ же наблюдалъ, чтобы подчиненные его не иначе отлучались изъ академіи, какъ съ дозволенія инспектора. Если же инспектора не было дома, а между тѣмъ студенту настояла экстренная надобность куда-либо сходить, то старшій своею властью давалъ разрѣшеніе на выходъ. Потомъ онъ же долженъ былъ смотрѣть, *въ свое ли время и въ своемъ ли видѣ* возвратился студентъ изъ города. Въ случаѣ важныхъ какихъ-либо событій старшій тотчасъ же долженъ былъ доносить о нихъ инспектору. Но независимо отъ этого, всѣ старшіе послѣ ужина являлись къ инспектору рапортовать о благосостояніи своихъ подчиненныхъ. Наконецъ ежемѣсячно каждый старшій подавалъ инспектору нѣчто въ родѣ кондуитныхъ списковъ о томъ, какъ вели себя ввѣренные его надзору студенты, кто изъ нихъ и какими хорошими качествами отличился отъ прочихъ, какого кто изъ нихъ характера, какія бурныя наклонности въ нихъ замѣчаются и пр. Имѣя столько правъ и обязанностей, а главное дѣло, возможность запятнать и очернить предъ инспекторомъ cadaго изъ своихъ подчиненныхъ, могъ ли старшій не считать себя важною особою и

вообще могли ли не пострадать отъ того нравственнаго отношенія товарищей?

Иногда подчиненный являлся по классу довольно опаснымъ соперникомъ, а другой балагуръ хоть и не могъ соперничать по успѣхамъ, за то своимъ остроуміемъ и насмѣшками приводилъ товарища-начальника въ немалое замѣшательство; бывали также, если не ребяческія, то студентческія антипатіи и симпатіи. Какъ же во всѣхъ этихъ случаяхъ удержаться отъ того, чтобы одному не *подставить ногу*, другому не отомстить за его непріятное балагурство, а своему другу не помочь? И вотъ въ мѣсячныхъ кондуктныхъ спискахъ въ одномъ отыскивается очень много дурныхъ наклонностей, и онъ ими только и отличается, напротивъ, другой является чудомъ совершенства. Не у всякаго инспектора доставало времени и собственной наблюдательности, чтобы въ такого рода мелкихъ интригахъ отличить истину отъ лжи.

Старшій надъ младшими совсѣмъ не стѣснялся товарищескими отношеніями, и потому особенно сначала онъ держалъ себя предъ своими подчиненными важно, величественно, даже начальнически-грубо; въ комнатѣ былъ молчаливъ, рѣдко позволялъ шутить и вступать въ интимный разговоръ съ ними. Желая даже *поразмять свои кости*, пошалить, онъ отправлялся въ бель-этажъ въ своимъ товарищамъ, и тамъ наигравшись, сколько душѣ угодно, возвращался въ свое царство опять серьезнымъ начальникомъ. Но не всѣ могли выдерживать такую роль. Подчиненные конечно сначала любили выказывать предъ начальниками свою покорность и даже преданность. Но въ благодарность за ихъ начальственное вниманіе умѣли съ нимъ прислужиться, сказать льстивое слово, при какомъ-либо случаѣ поподчивать чайкомъ даже съ сухариками и пр. И металы отъ теплоты теряютъ свою твердость. Могло ли же устоять сердце даже старшаго, чтобы не смягчиться отъ теплоты душевной? И суровый «начальникъ» мало-по-малу психодилъ съ прежней высоты своего величія и частенько дѣлался *добрымъ малымъ*, съ которымъ его подчиненные уже за *панибрата*, или котораго не очень побаивались, позволяя себѣ при немъ и пошумѣть, и пошалить. Но нѣкоторые старшіе такъ-таки и оставались цѣлые два года старшими,—унтеръ-офицерами. Вообще надобно сказать, что старшіе въ академіи больше были вредны, нежели полезны; студенты не любили ихъ, тяготясь ихъ привилегіями и считая ихъ шпионами.

Кромѣ частныхъ обязанностей по своимъ нумерамъ, старшіе являлись въ теченіи недѣли еще поочереды командирами всѣхъ

студентовъ, такъ сказать, фельдфебелями, подъ названіемъ *череднаго старшаго*. Обязанности его состояли въ томъ, чтобы, какъ выше сказано, читать молитвы въ столовой и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть за благочиніемъ въ ней, рапортовать ректору о благосостояніи академіи и о нуждахъ студентческихъ, получать приказанія отъ начальства для объявленія ихъ студентамъ, но болѣе важную роль онъ разыгрывалъ въ тѣ дни, въ которые студентамъ разрѣшалось массами отлучаться изъ академіи.

Въ духовноучебныхъ заведеніяхъ существовало мнѣніе, что только внутри стѣнъ училищнаго дома нравственность воспитанниковъ не подвергается опасности, а постоянно укрѣпляется; напротивъ за этими стѣнами, — въ міру — она встрѣчается со множествомъ соблазновъ. Отсюда самымъ логическимъ образомъ заключали, что хорошо было бы воспитанниковъ духовныхъ вовсе не выпускать изъ училища также, какъ это дѣлалось въ женскихъ институтахъ, а если училищный домъ нельзя обратить въ тюремный замокъ, то позволять имъ выходить какъ можно рѣже, на короткій срокъ и къ лицамъ, которыхъ нравственность выше всякаго сомнѣнія, къ которымъ, разумѣется, преимущественно, если не единственно причисляются духовныя особы, особенно монашествующія. Эта мысль выражена даже въ духовномъ регламентѣ: «до трехъ лѣтъ, по приходѣ всякаго въ семинаріумъ не пускать никуда, а и по третьемъ году не больше дважды въ годъ позволить выдти къ родителямъ или сродникамъ (стр. 62)». Поэтому на основаніи отлучекъ составляли понятіе и о нравственности воспитанниковъ. Нравственнѣйшими, очевидно, должны были считаться тѣ, которые слишкомъ рѣдко выступали за предѣлы училищнаго двора и сада, особенно если вовсе не отлучались изъ нихъ. Затѣмъ уже нравственность тѣмъ болѣе заподозривалась, чѣмъ чаще дѣлались отлучки.

Нынѣ, студенты, отправляясь въ городъ чрезъ лавру, смѣлою поступью идутъ къ калитеѣ и находятъ чрезъ нея свободный пропускъ. Не такъ было въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ. И тогда въ стѣнѣ, отдѣляющей академическій дворъ отъ смежнаго съ нимъ лаврскаго или училищнаго двора, была тоже калитка, но очень далеко отъ сторожки. Калитка эта держалась всегда запертою; у нея даже не стоялъ и привратникъ, а всѣ привилегированныя лица академіи, т.-е. начальники и наставники имѣли отъ нея ключъ, при помощи котораго проходили чрезъ нее. Студенты же должны были обыкновенно отправляться въ городъ по старой шлиссельбургской дорогѣ, лежавшей близъ восточной стороны лаврской ограды; тутъ и

разстояніе было больше, нежели чрезъ калитку, особенно для тѣхъ, кому нужно было идти въ лавру; но главное неудобство состояло въ томъ, что по нелаврскому тракту была слишкомъ часто ужасная грязь, изъ которой нелегко вытаскивались сапоги, и кромѣ того ночью нельзя было рассчитывать на полную безопасность, по крайней мѣрѣ вдоль всей лаврской ограды было вполне необитаемое мѣсто. И все-таки начальство, надеясь, что всѣ эти препятствія отобьютъ у студентовъ охоту отлучаться въ городъ, не позволяло имъ ходить прямо въ лавру чрезъ калитку, — кромѣ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ, напр. 30 августа въ день Александра Невского; тогда уже, въ видѣ своего *благодарности*, оно приказывало держать калитку отпертою, да и то, можетъ быть, не столько для студентовъ, сколько для своихъ гостей.

Но студенты, какъ говорится, народъ не промахъ; у нихъ мало-по-малу явилось множество ключей, при помощи которыхъ они чрезъ калитку проходили также свободно, какъ и ихъ начальники. Последніе, видя неполный успѣхъ принятой ими мѣры, перенесли калитку къ самой сторожкѣ на теперешнее мѣсто, придѣлали уже дорогой замокъ и ключъ отъ него поручили привратнику съ тѣмъ, чтобы онъ не пропускалъ студентовъ. Случайно, или намѣренно былъ поставленъ привратникъ суровый-пресуровый, нелюдимый старикъ съ сѣдою бородою, съ непривѣтливымъ взглядомъ; студенты прозвали его церберомъ, а все-таки должны были ходить въ городъ по шлиссельбургской дорогѣ. Но и самъ церберъ смягчался при видѣ грошей и пятаковъ; преемники его сдавались и на ласковое слово; наконецъ и само начальство поняло всю нелѣпость своихъ пошлыхъ распоряженій и позволило пропускать чрезъ калитку всѣхъ студентовъ, впрочемъ уже, кажется, тогда, какъ шлиссельбургскій трактъ былъ переведенъ на теперешнее его мѣсто, на берегъ Невы.

Каждый отлучавшійся обязывался написать, куда онъ отлучается. Конечно, если бы это дѣлалось съ тою цѣлю, чтобы въ случаѣ невозвращенія студента въ тотъ же день можно было знать мѣсто, куда онъ ушелъ, — но *умыселъ другой тутъ былъ*; нѣкоторые инспекторы о студентахъ любили судить на основаніи изреченія: *скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу, кто ты*. Студенты знали это и то, что по мнѣнію отцовъ-инспекторовъ близкія связи съ духовными лицами священнаго сана вполне одобрительны, что связи съ свѣтскимъ лицомъ менѣе одобрительны, а связи съ низшимъ лицомъ, напр. дьячками, солдатами, мѣщанами и пр. очень подозрительны. Потомъ

большая часть студентов отлучалась, чтобы размякать свое горе по Невскому проспекту или въ Лѣтнемъ саду, или чтобы походить по тѣмъ улицамъ, которыхъ еще не видали. Но было извѣстно, что инспекторы простую прогулку считали признакомъ разсѣяннаго человѣка. Къ чему-де ходить по Невскому, да зѣвать на магазины и на проходящихъ? прогуляться можно и въ академическомъ саду. Зная всѣ такія понятія начальства своего, студенты наибольшую частію писали, что они идутъ къ какому-либо іерею, протоіерею, іеромонаху, архимандриту и пр.; изрѣдка развѣ къ чиновнику-земляку, и въ этомъ случаѣ пріучались лгать самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Когда уже въ концѣ 30-хъ годовъ нужно было производить слѣдствіе о пропавшемъ студентѣ Суворовѣ, котораго трупъ найденъ въ Обводномъ каналѣ, и когда слѣдственный приставъ вытребовалъ изъ академическаго правленія свѣдѣнія о томъ, куда ходилъ Суворовъ, то оказалось, что по *журналу* онъ бывалъ человѣкъ у 5—6-ти духовныхъ особъ, которыя впрочемъ всѣ отвѣтили, что они его у себя и не видывали. Только новенькіе простачки попадались на эту удочку. Такъ одинъ студентъ, отправляясь въ Петербургъ, получилъ къ двумъ солдатамъ, съ которыми онъ кромѣ того вмѣстѣ и росъ, посланіе отъ родныхъ. Пріѣхавши въ академію и не зная, что инспекторъ косо поглядываетъ на тѣхъ господъ, которые ходятъ къ солдатамъ, онъ все-таки просился въ журналѣ отлучиться къ нимъ, и притомъ по два раза къ каждому, потому что въ первые разы ихъ не засталъ дома. Только къ величайшему изумленію отъ земляковъ высшеотдѣленцевъ онъ узнаетъ, что по словамъ комнатнаго старшаго инспекторъ Борисовъ составилъ о немъ дурное мнѣніе за связи съ какими-то солдатами Леонтьевымъ и Дементьевымъ. Потомъ и самъ инспекторъ, пришедши въ комнату, съ сарказмомъ спросилъ новичка: «ну что, давноли вы видѣлись съ своими пріятелями Леонтьевымъ и Дементьевымъ?»

Была еще другая мѣра, посредствомъ которой старались опредѣлить нравственность студента. Дежурный старшій ежедневно съ особою книгою ходилъ по всѣмъ комнатамъ и предлагалъ всякому написать, кто къ нему приходилъ? И тутъ не обходилось безъ замѣчаній. Тотъ же самый студентъ, о которомъ сейчасъ я говорилъ, попадался вновь съ своими Леонтьевымъ и Дементьевымъ. А между тѣмъ они приходили съ самыми невинными намѣреніями, напр., чтобы узнать отъ него, не получалъ ли онъ какихъ-либо извѣстій съ родины, или попросить его написать письмо къ ихъ роднымъ.

За исполненіемъ всѣхъ этихъ распоряженій комнатнымъ

старшимъ приказывалось имѣть неослабное наблюденіе, равно какъ и за тѣмъ, чтобы отлучавшіеся возвращались въ трезвомъ состояніи; въ противномъ случаѣ слѣдовало доложить инспектору. Но главнымъ образомъ слѣдилъ за всѣмъ онъ самъ. Случайно или намѣренно, квартира его находилась на такомъ углу дома въ нижнемъ этажѣ, что всякій студентъ, отлучавшійся изъ академіи въ ворота и калитку, проходилъ мимо ея, притомъ по двумъ дорогамъ; на одной изъ нихъ, обращенной къ востоку, легко можно было рассмотреть мимоидущаго, а на другой, обращенной къ лаврѣ, — къ сѣверу, онъ близъ стѣны дома могъ пробраться незамѣченнымъ. Кажется, что инспекторы если не всегда сами, то чрезъ своихъ вѣрныхъ служителей имѣли надзоръ за этимъ; по крайней мѣрѣ я помню нѣсколько тревогъ, когда разыскивали по приказу инспектора, кто вотъ сейчасъ ушелъ изъ академіи. Сверхъ того, у нѣкоторыхъ инспекторовъ была и тайная полиція между самими студентами. Но они и сами наблюдали если не за выходящими студентами, то по крайней мѣрѣ за возвратившимися. Для этого, какъ я уже говорилъ, они приходили въ столовую за ужиномъ или посѣщали комнаты послѣ него. Въ столовой, повидимому легко было наблюдать. Каждый студентъ занималъ въ ней опредѣленное мѣсто, и если не приходилъ въ нее по болѣзни или по другимъ причинамъ, то его приборъ оставался незанятымъ. О комнатахъ нечего и говорить, число живущихъ въ каждой изъ нихъ простиралось отъ 3 до 7-ми человѣкъ и могло быть повѣрено по числу кроватей. *Все, кажется, что такъ, анъ нѣтъ*, инспекторы очень часто были обманываемы и ихъ *благодѣтельные* распоряженія не приносили той пользы, которая отъ нихъ ожидалась: молодые люди, въ виду инспекторской «системы» создали свою не менѣе сильную «антисистему», и все вмѣстѣ взятое укореняло въ академіи не добрую нравственность, а духъ ухищренія и лицемерія. Самая слабая сторона студентской антисистемы обнаруживалась въ томъ случаѣ, когда инспекторъ лично являлся въ студентскія комнаты. Убѣдиться въ томъ, всѣ ли 3—7 жильцевъ въ трезвомъ видѣ, вещь нетрудная, потому что каждому можно было посмотреть въ глаза и съ нимъ *любезно побесѣдовать*. Эту любезность почти всѣ инспекторы показывали. Подошедши къ столу, за которымъ сидѣли студенты, они каждого спрашивали, чѣмъ вы занимаетесь? Хотя ставши на любовномъ мѣстѣ около стола, инспекторъ ни отъ одного студента не могъ находиться далѣе 1½ аршина, но онъ для вопроса и особенно для полученія отвѣта подходилъ къ каждому и вступалъ съ нимъ въ разговоръ, предметомъ котораго было то, чѣмъ

студентъ занимался. При такой интимности и близости и при самомъ легкомъ вниманіи инспектору легко можно было догадаться, *не прилипаетъ ли* у кого-нибудь *языкъ къ гортани его, а уста маломощаго* не испускаютъ ли кромѣ словъ какого-либо подозрительнаго запаха?... Ну, кажется, все можно узнать, а между тѣмъ и тутъ нерѣдко антисистема торжествовала побѣду надъ системою. — Всѣ ли дома? спрашиваетъ инспекторъ. — Всѣ, отвѣчаетъ старшій. — А такой-то гдѣ? — Онъ пошелъ или прогуляться въ саду, по тротуару, или его потребовалъ къ себѣ такой-то бакалавръ, или больной товарищъ позвалъ его къ себѣ и пр. и пр. Конечно иногда инспекторы требовали, чтобы отсутствующій къ нимъ явился, но на это рѣшались только въ случаѣ какого-либо явнаго подозрѣнія, потому что и для инспектора *конфузно*, если его подозрѣніе не оправдывается. — Все ли хорошо у васъ? спрашиваетъ еще инспекторъ. — Все хорошо отвѣчаетъ старшій, а между тѣмъ..... Но лучше расскажу, при какихъ обстоятельствахъ 8 ноября 1831 года данъ былъ такой отвѣтъ однимъ изъ старшихъ. Бывши въ гостяхъ у регента одного изъ архіерейскихъ хоровъ онъ замѣтилъ, что сидѣвшій тамъ же новобранецъ-землякъ его *набрался*, какъ говорилось, *до зѣла*; ноги отказались служить ему; надобно было везти его на извозчикѣ, и когда на дорогѣ онъ потерялъ даже сознаніе, то по приѣздѣ въ академію старшій, при помощи своихъ подчиненныхъ, перенесъ его въ свою комнату и положилъ на свою кровать. Старшій, у котораго жилъ землякъ, согласился не скрывать инспектору во время рапорта о настоящемъ его положеніи. Между тѣмъ въ концѣ девятаго часа разнеслась молва, что инспекторъ ходитъ по комнатамъ. Какъ ни толкали успокоившагося на кровати, но не могли его разбудить. Дѣлать нечего, приподняли господина и перенесли въ шкафъ, который въ несчастію былъ раздѣленъ на двѣ половины перегородкою, такъ что перенесеннаго пришлось не положить вдоль шкафа, а посадить на корточкахъ. Инспекторъ входитъ, застаётъ все какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, получаетъ въ отвѣтъ на одинъ изъ своихъ обычныхъ вопросовъ: *все хорошо*. И видитъ, что дѣйствительно ничего дурного нѣтъ, благодаритъ старшаго за найденный порядокъ, а между тѣмъ въ 3—4-хъ шагахъ отъ него сидѣлъ на корточкахъ мертвецки пьяный человекъ и отъ неудобнаго своего положенія, отъ духоты могъ даже подвергнуться апоплексическому удару. Сколько хохоту было по уходѣ инспектора у студентовъ? «Ну-ка ты *все хорошо*, приговаривали проказники, переноси заключеннаго въ шкафъ на кровать; за тебя насъ даже поблагодарили».

Въ другой комнатѣ при другомъ инспекторѣ произошла не менѣ хлопотливая, но болѣе смѣшная сцена. Большая бутылъ водки принесена была служителемъ къ старшему, который на слѣдующій день готовился праздновать свои именины. Бутылъ прибрали въ уютное мѣстечко, но скоро оказалось, что она была худая и потоки водки потекли по полу, а запахъ отъ нея наполнилъ комнату; въ то же самое время сдѣлалось извѣстнымъ, что инспекторъ ходитъ по комнатамъ. И самъ старшій, и всѣ его подчиненные принялись хлопотать: одни разливаютъ жидкость по чайникамъ, полоскательнымъ чашкамъ, бутылкамъ, и во всякую вообще посудину, другой щеткою вытираетъ полъ, тотъ открываетъ трубу и форточки, а этотъ наполняетъ всю комнату куревомъ отъ смолки и пр. Къ счастью инспекторъ любилъ поговорить и надолго задержался въ другихъ комнатахъ; такъ что когда пришелъ туда, гдѣ съ бутылкою случилось несчастье, то замѣтенъ былъ запахъ не столько отъ вина, сколько отъ смолки. И тутъ все кончилось благополучно, какъ будто ничего не бывало.

И въ столовой антисистема тоже часто торжествовала надъ системою. Я уже говорилъ, что каждый студентъ занималъ опредѣленное ему мѣсто, которое въ случаѣ его отсутствія оставалось незанятымъ. Ну, какъ бы инспектору не увидеть этого? А между тѣмъ слишкомъ часто онъ не видалъ, хотя въ столовой недоставало порядочнаго числа студентовъ. Простѣйшій способъ скрыть это отъ инспектора состоялъ въ томъ, что уговаривали столоваго служителя снять лишніе приборы, тогда, разумѣется, пустыхъ мѣстъ не оказывалось. Если этого по чему-либо нельзя было сдѣлать, то сосѣди отсутствующаго припрятывали вилку, ножъ и салфетку, а тарелку кто-нибудь ставилъ подъ свою; сами же сдвигались между собою поплотнѣе, и затѣмъ просили то же самое сдѣлать и прочихъ сосѣдей, такъ что инспекторъ не могъ уже замѣтить ни одного пустого мѣста. Одинъ инспекторъ, зная, что его иногда такъ обманываютъ, напередъ сосчитывалъ, сколько тамъ должно находиться студентовъ за ужиномъ. Придетъ, сосчитаетъ, видитъ, что одного или двухъ недостаетъ; и ходить бывало, бѣдный, вдоль скамеекъ, старается догадаться, кого бы это изъ 120-ти человѣкъ не было, и, кажется, не удавалось ему ни разу разрѣшить этотъ вопросъ.

Изъ немногаго сказаннаго мною о студентческой «антисистемѣ» противъ «системы» начальнической, повидимому можно заключить, что послѣдняя не напрасно существовала, что ее слѣдовало бы поусилить новыми ограниченіями и репрессивными мѣрами, какъ послѣ дѣйствительно и поступлено. Вѣдь если

молодежь и при строгостях находила возможность проказничать, то что было бы, когда бы ей дать большую свободу? Что-бы оцѣнить такое умозаключеніе, нужно рѣшить вопросы: насколько неотлучавшіеся, или рѣдко, не надолго отлучавшіеся были лучше тѣхъ, которые любили почаще отлучаться въ городъ и подолѣе тамъ побывать? Насколько домоcѣдничество развивало и поддерживало нравственность студентческую? Конечно, между отлучавшимися студентами были молодцы, которые у причетниковъ, мелкихъ чиновниковъ, мѣщанъ и т. п. угощались по-русски и возвращались въ академію, какъ говорили, *на поcлѣднемъ взводѣ*. Это большею частію были тѣ, которые, какъ выше объяснено, по недостатку ли хорошей одежды, или по другимъ какимъ-либо причинамъ не могли найти себѣ знакомыхъ между порядочными людьми, а между тѣмъ потребность освѣжить свою голову, утомленную разными лекціями, отдохнуть отъ заботъ и хлопотъ академическихъ заставляли ихъ искать гдѣ-нибудь знакомыхъ, чтобы только тамъ *отвести свою душу* въ веселой бесѣдѣ хоть у кого бы то ни было. Очевидно, тутъ виновато было большею частію само начальство, которое облачало студентовъ въ сѣрыя хламиды. Въ хорошемъ домѣ молодого человѣка приняли бы ласково, но никогда бы не напоили, какъ говорится, *до положенія ризъ*. Но мѣщанинъ, дьячокъ чѣмъ же могъ выразить свое удовольствіе ученому своему гостю? Общихъ интересовъ между ними не могло быть; чѣмъ же поддерживать взаимное ихъ сближеніе, какъ не тою жидкостью, которая развязываетъ самый неповоротливый языкъ? Другіе, которымъ не было возможности побывать и у дьячковъ, мѣщанъ и пр., заходили въ *неучебныя заведенія*. Любимымъ изъ нихъ былъ винный погребъ почтеннѣйшаго Ефрема Козмича близъ самой почти лавры. Этотъ милый и услужливый человѣкъ имѣлъ при погребѣ особую комнату, гдѣ можно было присѣсть, — диванъ, на которомъ можно было даже прилечь. О бутылкахъ, штофахъ и полуштофахъ съ разными жидкостями нечего и говорить: бери и пей, сколько душѣ угодно, заливай ею тоску.

Обратимся теперь къ «домосѣдамъ». Между ними находились тихіе скромники, или усидчивые труженики науки, которыхъ точно трудно *сдвинуть съ мѣста* и заставить пойти прогуляться по Невскому проспекту; дайте имъ уголокъ да хорошую книжку въ руки, они, по крайней мѣрѣ, до поры до времени будутъ сидѣть дома и не станутъ жаловаться на то, что имъ не позволяютъ отлучаться, когда и куда угодно. Такихъ оригиналовъ немного было даже въ академіи. Прочіе дѣлались домоcѣдами по *разсчету* или по *нуждѣ*. Однимъ хотѣлось зареко-

мендовать себя начальству тѣмъ, что вотъ-де они люди степенные, не вѣтренники, не разсѣянный народъ, который любитъ гулять на Невскомъ проспектѣ или сидѣть въ гостяхъ; обратителе на насъ ваше вниманіе, отцы-начальники, мы люди примѣрные. Другимъ гордость препятствовала появляться у порядочныхъ людей въ длиннополыхъ серягахъ, изъ-за которыхъ принимали товарищей ихъ за жуликовъ, или мѣщанъ, а сшить хорошее платье на свой счетъ не могли. Третьимъ за неимѣніемъ шинели нельзя было выйти въ дождь и холодъ. Почти всѣмъ господамъ этихъ трехъ разрядовъ прискучивало сидѣть въ академическихъ стѣнахъ, а неволя, или расчетливая воля заставляли не оставлять ихъ. Надобно же было заглушить свою скуку и горе чѣмъ-нибудь, *веселящимъ сердце*. Правда, инспекція принимала мѣры противъ доставки въ академію всѣхъ снадобьевъ, располагающихъ къ такого рода веселостямъ. Служителямъ строжайше приказывалось ни подъ какимъ видомъ не припрятать для студентовъ ни водки, ни рому, ни коньяку, ни даже мадеры; всякій штофъ, полуштофъ, бутылъ и бутылка возбуждали подозрѣніе; привратнику приказывалось осматривать служителей, не несетъ ли кто изъ нихъ въ академію какой-либо посуды съ запрещенною жидкостью. Но извѣстно, что никакія таможенныя строгости не уничтожаютъ контрабанды, а только изоощраютъ способности контрабандистовъ. Особеннымъ искусствомъ по этой части изъ служителей славились тогда Петрушка Рогачевъ и Филька; инспекторы знали объ ихъ искусствѣ, старались поймать ихъ и не имѣли успѣха. Но если иногда таможенныя строгости до такой степени усиливались, что даже Рогачевъ опасался попасть въ руки правосудія, то сами студенты начинали дѣйствовать. Служитель подносилъ контрабанду къ забору, рѣшеткѣ или стѣнѣ со внѣшней стороны, а со внутренней, разумѣется, ночью принималъ ее студентъ. Иные посылѣе студенты и сами приносили бутылки, штофы и полуштофы, а подъ шинелью даже и четвертную бутылъ; начальство, несмотря на всѣ свои распоряженія, оставалось ни при чемъ.

Контрабанда получена. Люди скромные, или нежелавшіе похвастаться своими бахусовскими подвигами передъ товарищами, удалялись куда-либо въ скромный уголокъ, особенно въ какую-либо служительскую комнату, и тамъ торопливо распивали припесенную влагу, иногда даже предъ самымъ сномъ, чтобы ихъ прегрѣшеніе оставалось секретомъ. Другіе удалялись ночью въ садовыя бесѣдки, особенно въ ненастную погоду; тамъ можно было въ это время безопасно веселиться. Однажды какой-то проказникъ, окончивъ съ пріятелями свою пирушку

въ бесѣдѣ, находившейся въ концѣ большой аллеи сада, взобрался на крышу бесѣдки и на самой возвышенной ея части поставилъ пустой штофъ, который въ слѣдующій день видѣтъ былъ съ дороги, идущей между Обводнымъ каналомъ и академическимъ садомъ. Но широкая, размашистая русская натура, особенно вырвавшись хоть на время изъ-подъ гнета, любитъ развернуться, а потому вслѣдствіе пріобрѣтенной привычки предается разгулу при всякомъ благопріятномъ случаѣ. Разгульными и удалыми головы изъ студентовъ составляли общества, компаніи, пожалуй, даже шайки для попойекъ. Заручившись контрабандой, они дожидались большею частію десяти часовъ ночи и предавались полному разгулу, зная, что ночью начальство уже не потревожитъ ихъ. Тутъ происходили настоящіе оргіи, отзывавшіяся уже не буршествомъ, а русскимъ бурсачествомъ. Контрабанда выходила вся, добывали новой, а то компаніи отпирывались чрезъ заборъ на просторъ. Такія попойки возобновлялись иногда и утромъ; вѣдь надобно же было опохмѣлиться; нерѣдко происходили и по вечерамъ, когда по расчетамъ нельзя было ожидать инспекторскаго визита. Едва ли не самая дурная сторона ихъ была та, что ими увлекались и тѣ студенты, которымъ безъ нагляднаго примѣра онѣ и въ голову не пришли бы. Зараза распространялась, и бывали примѣры, что цѣлый курсъ раздѣлялся на двѣ партіи: партію пьяницъ и партію трезвыхъ; къ несчастію послѣдняя едва ли не бывала иногда въ меньшинствѣ.

Благопріятнѣйшимъ для оргій временемъ были два случая. Когда студенты получали 1) вмѣсто казенныхъ вещей, какъ я уже говорилъ, деньги отъ поставщиковъ, и 2) преміи за переводы съ нѣмецкаго языка; послѣднее требуетъ разъясненія. Тогда какое-то лицо, желавшее остаться неизвѣстнымъ (полагали, что это преосвященный Григорій Постниковъ, умершій петербургскимъ митрополитомъ), присылало въ академію множество книгъ нѣмецкихъ для перевода ихъ на русскій языкъ. Плата была ничтожная, именно по шести рублей ассигнаціями за печатный листъ. Но и это казалось лакомымъ кускомъ для бѣдняковъ; листы разбирались на расхватъ. Правда, переводы были частенько очень плоховаты; за нихъ принимались люди, слишкомъ мало знакомые съ нѣмецкимъ языкомъ, — не переводили, а скорѣе сочиняли переводы. Впрочемъ, повидимому, неизвѣстный благодѣтель не очень заботился объ исправности изготовлявшихся переводовъ; ему, какъ кажется, только хотѣлось оказать студентамъ пособіе подъ видомъ преміи за переводы, изъ которыхъ трудно было что-нибудь сдѣлать. Присылаемые книги казались

и богословія, и философіи, и словесности, и педагогіи и пр.; только математика и естественныя науки не трогались; да и самыя книги по своему содержанію рѣдко заслуживали перевода. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ одинъ прекрасный день появлялось у студентовъ по 6, по 12, даже по 18 рублей и болѣе; о, Боже мой, да какъ же тутъ *не развернуться, не поддуться*? Но иногда уже и разгуливались и доходили до нелѣпости, или безобразія.

Экстра ординарныя попойки устраивались записными гулаками. Но были попойки обязательныя для всѣхъ студентовъ, особенно высшаго отдѣленія; въ нихъ развѣ немногіе не принимали участія. Пять обстоятельствъ служили поводомъ къ нимъ:

1. *Проповѣди*, которыя студенты высшаго отдѣленія должны были поочередно говорить или въ академической церкви, или въ лаврскомъ соборѣ. Но сущность состояла не въ проповѣди, а въ томъ, чтобы проповѣдникъ запасался достаточнымъ количествомъ водки для угощенія ею своихъ товарищей передъ обѣдомъ. Промежутокъ между обѣднею и обѣдомъ бывалъ иногда очень небольшой; слѣдовало дѣйствовать поспѣшно. И потому едва окончится первая, какъ студенты, многіе прямо изъ церкви, спѣшать въ комнату къ проповѣднику, тамъ уже стоятъ посудины, наполненныя водкою, пустыя рюмки, или чайныя чашки, нѣсколько ломтей хлѣба и кучки соли. Работа начинается быстрая, рюмки наполняются и немедленно осушаются, посудины одна за другою дѣлаются пустыми, ломти исчезаютъ; гости одни входятъ, облизываясь, другіе уходятъ, дожевывая простую закуску; все поканчивается въ какихъ-нибудь пять минутъ; бьетъ звонокъ и всѣ отправляются въ столовую. Случалось, что въ то время, какъ осушались рюмки и бутылки, начальство находилось въ столовой и ждало обѣда, чтобы присутствовать при немъ и посмотреть за порядкомъ.

2. *Именины*. Именинники почти такимъ же образомъ, какъ и проповѣдники, угощали своихъ товарищей. Различіе состояло только въ томъ, что угощеніе происходило между послѣднимъ утреннимъ классомъ и обѣдомъ, и было общимъ для всѣхъ товарищей, но вечеромъ нѣкоторыми устраивалось особое угощеніе для ближайшихъ друзей. Тутъ, разумѣется, сначала пили чай, потомъ пунши; нѣкоторые хлѣбосолы приготовляли громадный именинный пирогъ, который большею частию подавался въ заключеніе всего бала. Нечего и говорить, что этого рода балы принимали иногда характеръ настоящихъ оргій.

3. *Похороны*. Не даромъ идетъ поговорка, что русскій человекъ пьетъ и съ радости, и съ горя. Академисты, какъ русскіе

люди, держались этой поговорки. Поздравляя своихъ товарищей, — проповѣдниковъ съ проповѣданіемъ слова Божія, именинниковъ со днемъ ангела, они поздравляли и покойниковъ съ переселеніемъ ихъ *изъ сей доли плача и скорби* въ жизнь вѣчную. Сами покойники, разумѣется, не могли уже заниматься угощеніемъ своихъ бывшихъ любезныхъ товарищей; трудъ этотъ принимали на себя друзья, и особенно земляки ихъ. Иногда послѣ покойниковъ оставалось нѣсколько рублей; если этого не случалось, то продавались какія-либо ихъ вещи; не безъ прихитровъ было, что иной задумевный другъ принималъ даже на свой счетъ всѣ расходы. Откуда бы впрочемъ деньги ни добывались, а въ водѣхъ недостатка не замѣчалось; пирушка совершалась по заведенному порядку. Одни успѣвали подкрѣпить себя еще предъ отправленіемъ процессіи на кладбище; эта привилегія предоставлялась преимущественно пѣвчимъ, которые и по возвращеніи оттуда имѣли право на новое подкрѣпленіе; прочая же братія большою частію *поминала покойника* предъ обѣдомъ. Во всѣхъ описанныхъ трехъ случаяхъ приглашеніе происходило самымъ безцеремоннымъ образомъ. Угощавшій или его пріятель обходилъ комнаты и во всеуслышаніе произносилъ: «господа, пожалуйте предъ обѣдомъ туда-то на водку.»

4. *День Александра Невскаго, 30-го августа.* Всѣ обитатели Невскаго монастыря и его окрестностей считаютъ этотъ день своимъ праздникомъ. Академики тоже не хотѣли отставать отъ общаго обычая. Многіе приглашали своихъ знакомыхъ, даже дамъ на чай, къ которому иногда присоединялись кое-какія и закуски; къ другимъ приходили знакомые попроще, чтобы только выпить; нѣкоторые, не имѣя знакомыхъ, угощали другъ друга. Войдя въ этотъ день въ иную комнату, можно было застать нѣсколько отдѣльныхъ компаній, предъ которыми стояли не только самовары, чайники и чаши, но и посуда съ оживляющими жидкостями. Впрочемъ въ чести студентовъ надобно сказать, что пока еще были въ академіи сторонніе люди, особенно дамы, никакихъ безобразій не происходило. *Студентское* угощеніе начиналось уже на просторѣ, послѣ ужина; ну, тутъ *бываю со вслѣдкомъ*.

5. *Первый день Пасхи.* Всенощная и обѣдня въ этотъ день оканчивались часу въ четвертомъ утра. Непосредственно за тѣмъ наступало разгавливанье. *Сьдомья принадлежности* казна иногда приготавлила недурная, по только *сьдомья*; *тѣмными* же надобно было завестись самимъ студентамъ. И дѣйствительно, развѣ немногіе изъ нихъ къ этому времени чего-нибудь не подготавливали. У иного запасалась даже четвертная бутылка съ водкою, у другого бутылка рома или коньяка; даже люди не пью-

щіе спиртовыхъ напитковъ покупали бутылочку мадеры или чего-нибудь подобнаго.

Не знаю уже отъ чего, отъ слѣшкомъ ли усерднаго взаимнаго угощенія, или отъ утомленія, которое пришлось вынести въ предыдущую недѣлю, по причинѣ продолжительной церковной службы, только никогда въ академіи не бывало столько подгульнувшихъ, сколько оказывалось въ это время. Даже многіе изъ скромниковъ успѣвали развеселиться; ну, а о записныхъ гулякахъ нечего уже и говорить. Дѣло не обходилось безъ безобразій, но.... не даромъ, говорили бывало студенты, поется въ этотъ день въ церквахъ: *простимъ вся воскресеніемъ*.

Все, описанное мною здѣсь относительно нравственнаго, или, лучше, пьянственнаго настроенія студентовъ было болѣе или менѣе извѣстно начальникамъ; всѣ они во время студентчества были, если не участниками, то свидѣтелями попойекъ и разныхъ другихъ отступленій отъ порядка. Кажется, можно бы дойти до заключенія, что принятая инспекторская система не достигаетъ своей цѣли и что надобно было бы принять въ основаніе нравственнаго управленія студентами другія начала; тогда антисистема могла бы пасть сама собою. Но въ несчастію насъ губятъ «преданья старины глубокой»; мы иногда ясно сознаемъ, что они уже отжили свой вѣкъ, въ частной жизни не держимся ихъ; но сдѣлай насъ официальными защитниками или представителями ихъ, мы положимъ ихъ въ основаніе своей дѣятельности. Такой образъ дѣйствовать поневолѣ какъ-то сравниваешь съ нашими такъ-называемыми большими нешоссейными дорогами. Онѣ слѣшкомъ часто не отличаются удобствами, бываютъ длиннѣе, грязнѣе проселочныхъ проѣздовъ; окрестные жители, а также и проѣзжіе, которымъ извѣстны болѣе удобныя и короткія дороги, не всегда и держатся ихъ. Но почтовая, такъ сказать, официальная ѣзда происходитъ по нимъ; падай лошади отъ изнуренія, вязни въ грязи и ломайся экипажи, но ямщики не имѣютъ права сворачивать на проселокъ. То же самое происходитъ не съ одними ямщиками; казенная проложенная дорога управленія академіею была очень дурна, даже не вела туда, куда по ней хотѣли ѣздить, а все-таки съ нея не сворачивали: *такъ уже заведено!*

Р. С.

РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

ВЪ

ДВАДЦАТЫХЪ ГОДАХЪ.

Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу.
Leipzig, F. A. Brockhaus. 1872. XII и 646 стр.

Довольно извѣстна бѣдность нашей литературы относительно тѣхъ матеріаловъ, которые разъясняли бы не одну только оффиціальную исторію, но исторію общественной жизни, умственныхъ интересовъ, развитіе замѣчательнѣйшихъ личностей и ходъ образованія. Литература европейская, особенно въ послѣднія десятилѣтія, чрезвычайно богата въ этомъ отношеніи: не только первостепенные дѣятели литературы, политики и общественной жизни, но даже личности второстепенныя, но игравшія нѣсколько замѣтную роль на томъ или другомъ поприщѣ, разъясняются и отдѣльными біографіями, и изданіемъ ихъ «посмертныхъ» произведеній, и особенно переписки. Масса такого рода публикацій въ нѣмецкой, англійской и французской литературѣ чрезвычайно обширна, и историкъ, изучая извѣстную эпоху литературы, извѣстную сторону политической и общественной жизни, имѣетъ передъ собой множество свѣдѣній, которыя раскрываютъ ему весь ходъ событій, всѣ подробности возникновенія идей и ихъ развитія. Эти-то подробности, идущія нерѣдко изо дня въ день, и даютъ возможность той живой исторіи, образчиковъ кото-

рой находится такъ много въ главныхъ европейскихъ литературахъ.

Нечего говорить о томъ, какъ несходно съ этимъ положеніе русскаго историка и русской новѣйшей исторіи. Въ послѣднее время, правда, и у насъ собирается и' издается подобный матеріалъ, но какъ вообще бѣдны были у насъ самостоятельные общественные интересы, такъ большею частью бѣдны этими интересами и тѣ матеріалы, какіе теперь собираются. Внѣ чисто личныхъ отношеній или внѣ круга спеціальной дѣятельности, мы рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ черты болѣе широкаго общественнаго значенія. Отчасти сама жизнь была такова, что даже лучшіе умы мало вникали въ общественные предметы, вполне принимали условія status quo и не занимались имъ; отчасти существовавшіе нравы не допускали свободнаго выраженія мыслей о подобныхъ предметахъ, если эти мысли сколько-нибудь были непохожи на господствующіе образцы. Даже въ то время, когда общественный интересъ былъ возбужденъ въ умахъ, и между тѣмъ людьми, которые были его лучшими представителями, мы не находимъ въ ихъ перепискѣ (насколько она дѣлалась извѣстною) полного, настоящаго выраженія ихъ мнѣній; опасеніе, весьма существенное и не безосновательное, связывало даже дружескую переписку, какъ цензура связывала печатное слово. Исключеній немного. Къ числу ихъ можно причислить и изданныя теперь письма А. И. Тургенева, которыя имѣютъ то преимущество въ ряду другихъ матеріаловъ подобнаго рода, что они писаны по большей части не въ Россіи, и писавшій былъ совершенно свободенъ отъ упомянутыхъ опасеній, и высказывался съ полною искренностью о вещахъ и людяхъ.

Имя Тургеневыхъ постоянно встрѣчается въ исторіи лучшихъ людей и движеній русскаго общества съ конца прошлаго столѣтія. Отецъ этой семьи, И. П. Тургеневъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ членовъ масонскаго кружка Новикова и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ его предпріятій. Самъ Тургеневъ перевелъ извѣстную тогда книгу Іоанна Масона: «О познаніи самого себя», и Іоанна Арндта: «О истинномъ христіанствѣ», и въ качествѣ масона, въ одно время съ Новиковымъ подвергся преслѣдованію въ 1792 году и былъ высланъ изъ Москвы. При Александрѣ I, онъ былъ попечителемъ московскаго университета, и умеръ въ 1808. Тургеневъ далъ своимъ сыновьямъ самое внимательное воспитаніе, которое потомъ поставило ихъ въ ряду образованнѣйшихъ людей нашего общества. Наиболѣе извѣстными изъ братьевъ Тургеневыхъ были Александръ и Николай, пережившіе другихъ, также даровитыхъ

братьевъ, Андрея и Сергѣя. Семья Тургеневыхъ была тѣсно связана со многими замѣчательнѣйшими личностями русской литературы и образованности конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Александръ Тургеневъ писалъ однажды объ Ив. П. Тургеневѣ: «Я горжусь тѣмъ, что отецъ мой едва ли не первый открылъ Карамзина въ Симбирскѣ и увлекъ его съ собою въ Москву, въ тогдашній кругъ друзей»... Самъ Александръ Тургеневъ всегда оставался въ числѣ ближайшихъ друзей Карамзина, какъ обильно свидѣтельствуешь о томъ, между прочимъ, ихъ сохранившаяся переписка, и оказалъ Карамзину большія услуги доставленіемъ множества матеріаловъ для «Исторіи»; это былъ вѣрный и неутомимый корреспондентъ, съ которымъ Карамзинъ дѣлился мыслями и планами своего труда и который ревностно разыскивалъ нужныя ему книги и рукописи; нѣтъ сомнѣнія, что онъ сберегъ Карамзину много времени и усилій въ его предварительныхъ работахъ, въ собираніи историческихъ источниковъ. Ихъ дружескія связи сохранились до конца. Еще тѣснѣе были отношенія Александра Тургенева съ Жуковскимъ, какъ это видно изъ біографіи послѣдняго, а между прочимъ и изъ напечатанной теперь переписки. Извѣстный «Арзамасъ», гдѣ Александръ Т. назывался «Эоловой Арфой», состоялъ почти поголовно изъ его друзей; литературныя связи продолжались потому у Тургенева и съ новымъ литературнымъ поколѣніемъ; онъ до конца жизни сохранилъ свѣжіе интересы въ литературѣ и дѣлу русской образованности.

Александръ Тургеневъ былъ старше Николая лѣтъ на шесть; также какъ послѣдній, онъ учился въ Геттингенѣ и безъ сомнѣнія выдавался въ ряду тогдашняго молодого поколѣнія столько же своими аристократическими и литературными связями, какъ своимъ образованіемъ и личнымъ характеромъ. Въ послѣднее время своей службы, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, онъ занималъ важное положеніе въ министерствѣ князя А. Н. Голицына, какъ директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій,—гдѣ между прочимъ онъ принималъ дѣятельную роль въ удаленіи іезуитовъ изъ Россіи. Въ это же время мы видимъ его дѣятельнымъ членомъ библейскаго общества и другихъ филантропическихъ обществъ, и какъ ни странно находить здѣсь Тургенева рядомъ съ фанатиками, мистиками, и иногда людьми совершенно ничтожными въ нравственномъ смыслѣ, эти увлеченія были въ Александрѣ Тургеневѣ совершенно искренни, если и не глубоки. Можно сказать, что онъ въ этомъ случаѣ представлялъ именно лучшую сторону тогдашняго пѣтизма и тогдашней вѣротерпимости. Въ немъ можно было какъ

въ живомъ примѣрѣ видѣть историческое соединеніе и послѣдовательность различныхъ тенденцій, проникавшихъ тогда въ русское общество. Отъ отца и отъ первыхъ лѣтъ молодости онъ перенялъ преданія стараго масонскаго піэтизма, который сохранился у него, потерявъ только свои крайности и свою прежнюю внѣшность; новое европейское образованіе, полученное рядомъ съ этими впечатлѣніями, избавляло его отъ преувеличеній піэтизма и давало его религіи характеръ мечтательнаго благочестія и вѣротерпимости и, наконецъ, дѣлало для него сочувственными либеральныя стремленія въ улучшенію общественныхъ отношеній. Вслѣдствіе того, его симпатія и могли быть очень разносторонни; такъ онъ могъ быть близокъ съ библейскими дѣятелями, дружески сходилъ съ Патерсономъ, съ квакеромъ Вильямомъ Алленомъ, — далѣе, съ Карамзинымъ, Жуковскимъ и Арзамасомъ, — могъ вѣрить въ князя А. Н. Голицына, — черезъ брата Николая могъ имѣть дружескія отношенія съ либеральнымъ кружкомъ. Оставаясь самъ въ сторонѣ отъ интригъ, которыя велись въ кругу піэтистовъ, Тургеневъ довѣрчиво оставался въ этомъ кругу, съ которымъ думалъ что имѣетъ общіе отвлеченныя интересы.

Паденіе князя Голицына въ 1824 г. отразилось тотчасъ же и на положеніи Александра Тургенева: взявши отпускъ, онъ пересталъ заниматься дѣлами, и думалъ совершенно покинуть службу, отъ чего однако отговаривалъ его Карамзинъ. Онъ уѣхалъ за границу и въ началѣ 1826 г. находился съ братомъ Николаемъ въ Англіи, гдѣ они и услышали о смерти имп. Александра, о петербургскихъ событіяхъ и о томъ, что имя Николая Тургенева было замѣшано въ дѣлѣ о возмущеніи. Александръ отправился въ Петербургъ, чтобы узнать подробности о дѣлѣ, которое такъ близко касалось его брата. Съ этого времени начинается его переписка, продолжавшаяся до самой его смерти и прерывавшаяся только на то время, когда они жили вмѣстѣ, сначала въ Англіи, потомъ во Франціи, — гдѣ впослѣдствіи Ник. Тургеневъ поселился окончательно.

Съ тѣхъ поръ Александръ Тургеневъ уже не возвращался на службу; онъ жилъ въ Россіи и за границей, много путешествовалъ, и свой невольный досугъ употребилъ между прочимъ на собраніе иностранныхъ документовъ, относящихся къ русской исторіи, которые онъ отыскивалъ въ европейскихъ бібліотекахъ. Такъ произошли между прочимъ извѣстные «Monumenta», въ двухъ томахъ, изданные въ сороковыхъ годахъ Археологической Коммиссіей. По его же матеріаламъ, какъ говорятъ, издана была, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстная

книжка: «*La cour de Russie il y a cent ans*», заключающая въ себѣ любопытныя выдержки изъ донесеній европейскихъ посланниковъ, состоявшихъ при русскомъ дворѣ въ прошломъ столѣтіи. Александръ Ив. Тургеневъ умеръ въ 1846 г.

Изданныя теперь письма составляютъ одну часть всей переписки А. Тургенева и относятся только къ 1826—1828 годамъ. Цѣлая переписка весьма обширна. «Эта корреспонденція,—говоритъ издатель въ предисловіи,—составляетъ 10 портфелей. Печатаемыя нынѣ письма избраны мною, и притомъ отрывками, или выписками, только изъ перваго портфеля. Я желалъ бы продолжать изданіе писемъ брата: желаю, но не надѣюсь».

Кромѣ переписки, остался отъ А. И. Тургенева столько же обширный журналъ. Веденный имъ, какъ видно, только для себя, онъ заключаетъ въ себѣ важное и неважное, небреженъ въ редакціи и въ самомъ почеркѣ. «Не легко было бы выбрать изъ этого огромнаго журнала пятую или даже десятую часть и напечатать,—говоритъ издатель писемъ. Но этотъ трудъ изданія былъ бы достаточно вознагражденъ интересомъ для читателей. Между прочимъ я нашелъ въ журналѣ брата весьма дѣльные, безпристрастныя и часто трогательныя замѣчанія и наблюденія относительно положенія нашего простого народа, наблюденія, дѣланныя въ его различныхъ странствіяхъ по Россіи».

Изданіе этой переписки было послѣднимъ трудомъ Н. Ив. Тургенева. Предисловіе помѣчено 30 іюня 1871 года.

Братьевъ соединила самая нѣжная дружба. Когда, въ 1826-мъ году, постигло Николая Тургенева несчастье — быть замѣшаннымъ въ дѣло о тайныхъ обществахъ, подвергнуться осужденію и потерять вслѣдствіе того родину, это несчастье подѣйствовало чрезвычайно тяжело на его братьевъ, Александра и Сергѣя. Послѣдній такъ глубоко пораженъ былъ этимъ неожиданнымъ ударомъ, что, кажется, это разстроило его умъ и ускорило кончину ¹⁾. Напечатанныя теперь письма Александра Ив. трогательнымъ образомъ раскрываютъ его привязанность къ брату: съ первой минуты, когда до нихъ достигло роковое извѣстіе, дѣло брата становится господствующимъ помысломъ Александра Тургенева. Отправившись въ Петербургъ, онъ повиному долженъ былъ потерять надежду убѣдить судей въ невинности своего брата; но онъ тѣмъ не менѣе не повидаеть своей

¹⁾ См. переписку Жуковскаго съ г-жей Пушкиной, напечатанную въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ» г. Баргенева, кн. I.

мысли, и послѣ, когда приговоръ уже состоялся, онъ все надѣется, что правда возьметъ когда-нибудь верхъ и что несчастье брата будетъ вознаграждено.

Въ письмахъ первыхъ мѣсяцевъ 1826 года, изданныхъ теперь повидимому съ нѣкоторыми намѣренными выпусками, мы встрѣчаемъ извѣстія о дѣлѣ, совѣты, утѣшенія, негодование... Извѣстія, посылавшіяся имъ изъ Россіи, очень кратки; но становятся обильнѣе и откровеннѣе, когда онъ пишетъ къ брату уже выѣхавши за границу. Многія подробности любопытны для характеристики времени и людей.

Въ апрѣлѣ 1826 г. Александръ Тургеневъ въ письмѣ изъ Петербурга извѣщаетъ брата, что скоро объявлено будетъ изложеніе дѣла и что вслѣдъ затѣмъ назначенъ будетъ судъ, составляемый изъ особыхъ знатныхъ чиновниковъ. Затѣмъ, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ отвѣтуетъ брату ѣхать въ Петербургъ (Николай Т. хотѣлъ въ это время пріѣхать въ Петербургъ, съ цѣлю оправдаться отъ вводимыхъ на него обвиненій): «Если бы ты поѣхалъ сюда, то самъ бы себя *лишилъ средства оправданія*; ибо не *вынесъ бы дороги*, и обвиненія на твой счетъ остались бы необъясненными. Это должно рѣшить тебя сюда не ѣздить. Я *страшусь* твоего сюда пріѣзда, какъ величайшаго несчастія. Не смѣю и не могу дать никакого совѣта болѣе». Подчеркнутыя нами выраженія довольно ясно указываютъ настоящую мысль писавшаго.

Самого Александра Т. ни о чемъ не спрашивали; бумагъ его брата, у него находившихся, не брали, и онъ сожалѣетъ объ этомъ, потому что онѣ по его мнѣнію могли бы примирить съ образомъ мыслей его брата. «Здѣсь много къ тебѣ уваженія отъ нѣкоторыхъ; но незнающіе ни характера, ни души твоей, винятъ тебя. То, что должно служить тебѣ нѣкоторою оградою, есть мнѣніе покойнаго государя. Передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, слѣдовательно когда уже зналъ то, что говорили о тебѣ, сказалъ онъ Карамзину, говоря съ нимъ объ успѣхахъ законодательства въ Польшѣ, откуда возвратился: «Тамъ все идетъ прекрасно; а здѣсь Сперанскій лѣнится, Николая Тургенева нѣтъ; онъ боленъ, лечится. Что же мнѣ дѣлать?» Вотъ его мнѣніе о тебѣ».

Въ половинѣ 1826 г. Александръ Тургеневъ отправился за границу. Изъ Мемеля онъ вкратцѣ извѣщаетъ брата о сущности приговора уже состоявшагося, о томъ, что везетъ съ собой его бумаги (различныя работы по законодательству и вопросамъ внутренней политики, между прочимъ и по крестьянскому вопросу), и замѣчаетъ при этомъ: «будешь отвѣчать на осужденіе

трудами для отечества». Въ письмѣ изъ Дрездена, въ августѣ 1826, онъ пишетъ брату, находившемуся въ Англіи: «будь остороженъ съ посольствомъ. Въ домъ ходить не должно». Въ примѣчаніи издатель объясняетъ, какъ справедливо было это предостереженіе, потому что существовалъ тогда планъ захватить его за границую.

Въ письмахъ изъ Дрездена, Лейпцига, А. И. безпрестанно говоритъ брату о планахъ его оправданія, сообщаетъ свои мнѣнія, замѣчанія и поправки къ запискѣ, которую Н. И. составлялъ въ свою защиту. Полное сочувствіе къ своему дѣлу встрѣчали оба брата въ Жуковскомъ, съ которымъ Александръ Т. въ это пребываніе за границей провелъ много времени вмѣстѣ. Кромѣ Жуковского находились и другіе соотечественники, у которыхъ дѣло Николая Т. встрѣчало большое сочувствіе. Въ числѣ ихъ былъ гр. Стр..., имя котораго очень часто называется въ этихъ письмахъ: Александръ Т. разбиралъ съ нимъ записку брата, вмѣстѣ они обдумывали ея мотивы, обороты и выраженія и т. д. Въ это первое время дѣло брата поглощаетъ его вполне. Онъ знакомится въ Дрезденѣ съ главнымъ редакторомъ саксонскаго уголовного кодекса Стейбелемъ. «Знакомство его для насъ очень наставительно, — пишетъ онъ въ февралѣ 1827 — и я постараюсь имъ воспользоваться... Онъ осуждаетъ рапортъ слѣдственной комиссіи и все производство дѣла. Изъ проекта его (т.-е. проекта уголовного кодекса) желалъ бы я выписать для тебя нѣсколько параграфовъ, кои могутъ тебѣ подать мысль или къ пополненію нѣкоторыхъ оправданій и объясненій твоихъ, или къ исправленію и пополненію того résumé, котораго проектъ я тебѣ послалъ въ послѣднемъ письмѣ и который можетъ съ моей или съ чьей-нибудь другой стороны пойти въ дѣло... По совѣту Стейбеля прочелъ я и другія двѣ или три книжки, въ коихъ нашелъ юридическія аксіомы, не уваженныя судомъ верховнымъ», и проч. Онъ выписываетъ нѣсколько этихъ аксіомъ.

Вскорѣ затѣмъ, въ другомъ письмѣ, онъ сообщаетъ новыя замѣчанія. «На сихъ дняхъ прочелъ я нѣсколько статей изъ журнала уголовныхъ законовъ Миттермайера и пр. Желалъ бы я многое сообщить тебѣ. Безпрестанно нахожу я въ законахъ и въ общемъ источникѣ оныхъ такія правила, по коимъ никакой европейскій судъ ни къ чему не осудилъ бы тебя; даже и на основаніи показаній въ рапортѣ. И въ наказѣ Екатерины II нашелъ многое въ твою пользу... Я составилъ уже нѣкоторыя замѣчанія отъ себя, но начерно и долженъ прежде показать

ихъ здѣшнимъ судьямъ моимъ: Жуковскому и Стр.....ву,» и проч.

Въ Эмсѣ онъ встрѣчается съ извѣстнымъ кн. Козловскимъ: «Онъ только и твердитъ о тебѣ и о несправедливости суда и судей и о томъ, что онъ говорилъ за столомъ у гр. Гур..ва въ Брюсселѣ. Я просилъ его и взялъ съ него слово ни съ кѣмъ о тебѣ и о твоёмъ дѣлѣ, особливо пока я здѣсь, не говорить... Но много говорилъ съ нами (т.-е. съ Александромъ Тургеневымъ и Жуковскимъ), и всѣ сужденія его, въ смыслѣ юридическомъ, здравы и справедливы. Безпрестанно возвращается къ тебѣ, и слушать любо, но больно то, что говорить о Россіи».

Невдалекѣ отъ Эмса, въ Нассау ¹⁾, доживалъ свои послѣдніе годы знаменитый баронъ Штейнъ, при которомъ Николай Тургеневъ состоялъ въ 1814-мъ году и который былъ для него предметомъ величайшаго уваженія, какъ по системѣ его политическихъ мнѣній, такъ и по непреклонному убѣжденію и характеру. Штейнъ долженъ былъ близко знать Николая Тургенева, и потому Александръ Т. съ особеннымъ интересомъ желалъ говорить съ нимъ о дѣлѣ брата. Онъ посѣтилъ Штейна въ іюлѣ 1827 года. Первое слово Штейна было объ его братѣ; Александръ Т. разсказалъ ему все дѣло, безпрестанно прерываемый его разспросами. Въ письмѣ къ брату, Александръ Т. сообщаетъ всѣ подробности своего свиданія съ бар. Штейномъ, мнѣніями котораго братъ его долженъ былъ очень дорожить. Штейнъ дѣйствительно выказалъ чрезвычайное участіе къ этому печальному дѣлу и нѣсколько разъ просилъ Александра передать брату, что онъ «никогда, ни на минуту не вѣрилъ клеветѣ доносителей, что зналъ и образъ мыслей и правила твои и не могъ ни на минуту вѣрить, чтобы ты хотя въ чемъ-либо, что на тебя взводили, участвовалъ...» Они видѣлись потомъ еще нѣсколько разъ, между прочимъ и Жуковскій, и Штейнъ постоянно возвращался къ этому предмету. Между прочимъ, однажды Штейнъ разсказывалъ объ императорѣ Александрѣ и о планѣ отдѣленія Польши отъ Россіи, занимавшемъ императора въ эпоху вѣнскаго конгресса: извѣстно, что Штейнъ сильно высказывался противъ этого плана, чѣмъ даже и навлекъ на себя неудовольствіе императора. По этому поводу Александръ Т. пишетъ: «Это привело меня невольно къ событіямъ, послѣ 14 декабря открытымъ. Не слѣдовало ли набросить покрывало и на истинныхъ преступниковъ русскихъ и поляковъ — и не исчезаетъ ли пре-

¹⁾ Въ этой мѣстности поставленъ памятникъ Штейну, котораго открытіе произошло въ прошедшемъ іюлѣ.

ступность послѣднихъ и даже первыхъ, когда вспомнишь, чего желалъ, за что гнѣвался государь, коему не должно было сопротивляться, безъ преступленія? По любви къ государю и къ его памяти, къ душѣ его, понесшей на себѣ грѣхи всей его политики и администраціи, должно было бы бросить покровъ забвенія или милосердія и на другихъ заблуждшихъ»... Это разсужденіе въ самомъ дѣлѣ было очень справедливо, потому что либеральныя идеи, которыя распространялись тогда въ обществѣ и которыя теперь преслѣдовались, были несомнѣнно въ связи съ либеральными тенденціями правительства, т.-е. въ особенности самого императора Александра.

Друзья и братъ Николай Тургенева въ 1827 г. еще горячо заняты были планами его защиты и оправданія. Мы упоминали, что въ числѣ его партизановъ былъ кн. Козловскій. Въ «Письмахъ» не одинъ разъ упоминается о томъ, съ какимъ жаромъ Козловскій защищалъ Николая Т. въ русскомъ кругѣ, собравшемся тогда въ Эмсѣ. Между прочимъ Козловскій съ своей стороны также составилъ оправдательную записку, которая и приведена въ письмахъ (стр. 54—58).

Но однимъ изъ самыхъ нѣжныхъ было участіе, которое показывалъ въ то время къ несчастію Тургенева Жуковскій. Онъ дѣлалъ вмѣстѣ съ Александромъ Т. часть его тогдашняго путешествія; изъ упомянутыхъ писемъ его къ г-жѣ Пушкиной видна его горячая привязанность къ этой, давно ему близкой семьѣ; съ тѣми же чертами онъ является и въ настоящихъ письмахъ. Въ концѣ 1826 жили въ Дрезденѣ тѣснымъ кружкомъ Жуковскій съ Александромъ Тургеневымъ и братомъ его Сергѣемъ (который умеръ въ 1827 г.). Жуковскій былъ тогда запятъ своими педагогическими планами, готовясь вести воспитаніе великаго князя (нынѣ царствующаго государя императора). Александръ Т. рассказываетъ въ письмѣ къ брату (въ октябрѣ 1826) объ ихъ препровожденіи времени: «Послѣ обѣда обыкновенно читаемъ мы всѣ трое вмѣстѣ: я чтецъ, а Жуковскій и братъ слушатели... Не придумаешь ли назначить намъ какія-нибудь лучшія книги англійскія въ разныхъ родахъ и лучшія изданія; но не великолѣпныя. Мы дѣлаемъ для Жуковского реэстръ всего классическаго въ разныхъ родахъ, для составленія библіотеки великаго князя, которая должна имѣть лучшее и новѣйшее, а именно: 1) для чтенія, со временемъ, ему самому, и 2) для учителей, т.-е. для приготовленія ихъ къ урокамъ съ помощію лучшаго по каждой части, напримѣръ: исторія во всѣхъ ея видахъ и подраздѣленіяхъ; философія, литература, воспитаніе вообще, военное искусство, законодательство и правовѣдніе. Что

замѣтишь хорошаго по каждой изъ сихъ и другихъ частей, запиши и пришли названіе книги замѣченной»... Не знаемъ, участвовалъ ли, и насколько, Николай Т. въ составленіи реестра библіотеки, но бросается въ глаза его странное положеніе въ этихъ тѣсныхъ связяхъ съ Жуковскимъ въ то самое время, когда надъ нимъ уже произнесенъ былъ беспощадный приговоръ. Жуковскій хотѣлъ принести ему и поэтическое утѣшеніе, и написалъ, въ прозѣ, небольшую басню, приносившую къ его положенію, которую и посвятилъ ему: Александръ Т. началъ переписывать эту басню въ письмѣ къ брату, но списалъ только первыя строки, — остальное въ его письмѣ было дописано самимъ Жуковскимъ (стр. 20). Эта басня, кажется, не вошла ни въ одно собраніе сочиненій Жуковского.

Въ письмѣ изъ Эмса, въ іюлѣ 1827, Александръ Т. пишетъ брату между прочимъ о Жуковскомъ:... «Онъ со слезами на глазахъ вчера пришелъ ко мнѣ съ письмомъ твоимъ и говоря о словахъ твоихъ, въ отношеніи къ его любви къ брату Андрею¹⁾, ко мнѣ и къ Сергѣю, — онъ сказалъ съ чувствомъ, что ты забылъ *маиное* теперь, то-есть себя, что въ тебѣ видитъ онъ для себя болѣе; что онъ нашелъ подтвержденіе въ твоемъ характерѣ, въ твоихъ чувствахъ, всего, о чемъ только могъ мечтать, когда мечталъ о предметахъ высокой нравственности, о душѣ человѣческой, о высокой простотѣ ея и о ея назначеніи, что ты для него все подтвердилъ, объяснилъ, возвысилъ и человѣка, и его самого для него». Жуковскій — пишетъ Александръ Т. — просилъ для себя копій всѣхъ писемъ, какія будутъ получаться отъ Николая Т., перечитывая прежнія — «для составленія *résumé* для себя самого и приведенія еще въ болѣшую ясность идей своихъ о твоей невинности, дабы представить ихъ съ такою же ясностію и другимъ»... Далѣе онъ пишетъ, что и Жуковскій также сталъ составлять записку въ защиту Николая Т.: «желалъ бы доставить тебѣ копію съ записки, которую Жуковскій началъ составлять и частію составилъ уже для себя по твоему дѣлу, но ты не любишь этимъ заниматься; а мнѣ любо видѣть, какъ понимаютъ здѣсь тебя и твое дѣло, и предвидѣть, какъ со временемъ и всѣ понимать будутъ, какъ бы предразсудки, предубѣжденія и упрямство ни искажали теперь и еще нѣкоторое время все, что до тебя касается можетъ» (стр. 53—54). Письма еще не разъ возвращаются къ Жуковскому, и между прочимъ очень любопытны здѣсь его мнѣнія о рапортѣ слѣдствен-

¹⁾ Старшій изъ братьевъ Тургеневыхъ, съ которыми Жуковскій былъ, кажется, ближе всѣхъ, и который умеръ еще ранѣе.

ной комиссіи и объ его составитель: эти мнѣнія имѣютъ положительный историческій интересъ, такъ какъ Жуновскій былъ близкій свидѣтель, и мнѣнія его имѣютъ цѣну (стр. 84—85).

Александръ Т. еще нѣсколько разъ возвращается къ дѣлу по поводу разныхъ своихъ встрѣчъ. Между прочимъ онъ встрѣчался и съ судьями брата, напр., съ гр. Головиннымъ, сенаторомъ Кушниковымъ (племянникомъ Карамзина). Оказывалось, что судьи не находились что говорить въ защиту своихъ мнѣній, особенно первый: Кушниковъ не былъ въ числѣ рѣшительныхъ враговъ Николая Т. Вотъ одинъ образецъ ихъ разговоровъ объ этомъ дѣлѣ: «Былъ у Кушникова, — пишетъ Александръ Т. въ августѣ 1827. Два-три раза повторилъ онъ мнѣ, что прочиталъ бумаги твои (вѣроятно бумаги Николая Т., находившіяся у его брата, и оправдательныя записки) съ большимъ вниманіемъ, онъ самъ для себя пришелъ къ одному результату, т.-е. что никогда бы не обвинилъ тебя и что почитаетъ тебя невиннымъ; но вмѣстѣ съ симъ говорилъ много о неавѣ, о принадлежности къ тайному обществу, вопреки тому, что они запрещены еще со временъ Екатерины. Я объяснилъ ему неавѣ, и также сказалъ, что запрещеніе было только съ 1822 г.; что самъ Балашевъ, beau-frère его, министръ полиціи, ободрялъ, приглашалъ въ масонскія тайныя общества, при Екатеринѣ II запрещенныя; что Сперанскій, будучи государственнымъ секретаремъ, заводилъ ложу въ комиссіи законовъ, слѣдовательно никакъ нельзя почитать тайныя общества запрещенными. Онъ понялъ все и опять повторилъ мнѣ, что болѣе ничего сказать мнѣ не можетъ, какъ то, что никогда бы, никакъ и ни къ чему бы не приговорилъ тебя, что и въ судѣ остался онъ при своемъ мнѣніи, въ комиссіи данномъ (онъ былъ членомъ не слѣдственной, но предварительной комиссіи, категоріи составившей); что представлялъ суду разсмотрѣть недостаточность показаній на тебя; что другіе, особливо военные, вопили жестоко противъ всѣхъ, особливо противъ тебя»... Въ другой разъ Кушниковъ прямо сказалъ, что по прочтеніи записки Николая Т. ни секунды не задумался бы и объявилъ бы его невиннымъ (стр. 78, 80).

Въ Лозаннѣ Александръ Т. видѣлся съ Лагарпомъ, который зналъ ихъ семью, и разговоръ необходимо зашелъ опять о «дѣлѣ». Письмо передаетъ слѣдующимъ образомъ мнѣніе Лагарпа: «По прочтеніи рапорта, сказалъ онъ, я не вѣрилъ, чтобы Николай Тургеневъ могъ быть участникомъ въ томъ, въ чемъ его и другихъ обвиняли. Я его знавалъ, какъ честнѣйшаго и благо-разумнаго человѣка; я и прежде о немъ всегда говаривалъ, что

онъ дѣлаетъ честь своей націи и правилами своими, и рѣдкимъ просвѣщеніемъ; что у императора немного подобныхъ слугъ, что вѣрно въ обвиненіи его есть какое-нибудь недоразумѣніе. Я это всѣмъ говорилъ, повторилъ онъ мнѣ, и вы ничего не прибавили къ моему убѣжденію въ его невинности».... «Точно,—прибавляетъ Александръ Т.,—для меня быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тебя знавали или видѣли, есть услажденіе душевное: вездѣ одно слышу» (письмо отъ 5 окт. 1827).

Не будемъ приводить другихъ подробностей о положеніи дѣла Николая Ив. Тургенева, и о взглядахъ, какіе вызывало оно въ различныхъ кругахъ русскаго общества. Нѣтъ сомнѣній, что было много людей, которые имѣли и высказывали къ нему самое теплое сочувствіе. Прежде всего, это были конечно люди, лично знавшіе Николая Тургенева, и въ ряду ихъ въ особенности Жуковский, который повидимому не ограничился одними словами въ выраженіи своего участія; Штейнъ не долго зналъ Тургенева, и это было уже довольно давно¹⁾, но онъ такъ былъ убѣжденъ въ достоинствѣ его идей и характера, что не вѣрилъ обвиненіямъ, и горячее участіе, обнаруженное къ Тургеневу этимъ суровымъ и строгимъ человѣкомъ, имѣло конечно высокую нравственную цѣну, которую долженъ былъ вполнѣ чувствовать Тургеневъ. Но въ пользу Тургенева были наконецъ и люди, расположенные совсѣмъ иначе смотрѣть на вещи, какъ, напр., Кушниковъ, и мнѣнія его показываютъ, что аргументы защитительной записки имѣли свою силу и въ то время, на первыхъ порахъ и при свѣжестъ воспоминаніи людей и событій. Упомянутые отзывы Жуковского о рапортѣ слѣдственной коммисіи²⁾ не должны быть забыты въ исторіи этого дѣла.

Но оставляя эту личную сторону изданной теперь переписки, мы, и мимо нея, найдемъ въ ней много историческаго интереса. И именно, мы найдемъ здѣсь любопытныя черты для характеристики того общественнаго и литературнаго круга, которому принадлежало большое значеніе въ нашемъ образованіи въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ. Это—кругъ, стоявшій между Карамзинымъ и романтиками, соединившійся одно время въ Арзамасѣ, одною стороною связанный со старыми преданіями, но

¹⁾ Они встрѣтились еще разъ, кажется, нѣсколько позднѣе того времени, когда велась эта переписка.

²⁾ Къ нимъ присоединяются и мнѣнія Александра Тургенева, также знавшаго людей (см., напр., стр. 319).

сочувствовавшій умѣренному либерализму тогдашняго правительства. Александръ Ив. Тургеневъ является весьма типическимъ представителемъ этого круга, который въ литературѣ имѣлъ своего главнаго представителя въ Жуковскомъ. И въ литературѣ, и въ общественной жизни, направленіе этого круга имѣло въ себѣ что-то неясное и недоконченное — сантиментально-романтическіе порывы къ истинѣ, къ добру, филантропическая любовь къ людямъ, мечтательная и космополитическая религія; все это было очень не похоже на прежнее, здѣсь были задатки новаго движенія умовъ, но эти задатки не успѣли еще выработаться въ какую-нибудь опредѣленную формулу, и потому люди этого круга съ одной стороны легко теряли дорогу своего платоническаго либерализма и мирились съ элементами, къ нему мало подходившими, съ другой, слѣдующее поколѣніе легко могло не удовлетвориться ихъ неясными стремленіями и дѣйствительно разошлось съ ними, отыскивая себѣ новое, болѣе ясное содержаніе.

Таковъ по преимуществу былъ кружокъ Арзамаса, къ которому Николай Тургеневъ почти не могъ быть причисленъ, но гдѣ его братъ Александръ и Жуковский играли дѣйствительную роль.

Переписка Александра Тургенева съ его братомъ принадлежитъ, какъ мы сказали, къ числу немногихъ въ нашей литературѣ образчиковъ бесѣды, не связанной никакими опасеніями, и потому откровенной и задушевной. Онъ подробно писалъ брату о своемъ путешествіи, о своихъ знакомствахъ и пр. У него нашлось много связей въ европейскомъ обществѣ, онъ видѣлъ много извѣстныхъ людей, игравшихъ роль въ литературѣ и въ политической жизни, и рассказъ объ его путешествіи, который безъ сомнѣнія былъ интереснымъ развлеченіемъ для его брата, будетъ нелишенъ интереса и для нынѣшнихъ читателей.

Тургеневъ былъ хорошо приготовленъ и обставленъ для этого путешествія. Онъ имѣлъ большое образованіе, можетъ быть не глубокое, но весьма разностороннее; онъ прошелъ административную школу, которая познакомила его со многими сторонами русской жизни и давала матеріалъ для сличеній; онъ очень любилъ общество, въ которомъ занималъ видное мѣсто какъ по своему служебному положенію, такъ и по аристократическимъ связямъ своего семейства. Изъ Петербурга онъ принесъ съ собою много готовыхъ связей и за границей, при которыхъ легко завязывались новыя многочисленныя знакомства. Еще было очень памятно царствованіе Александра, и тѣсное сближеніе Россіи съ европейскими дѣлами давало русскому человѣку, какъ Тургеневъ, много

точекъ соприкосновенія съ политическими и литературными кругами европейскаго общества, которые для самого путешественника были цѣлью изученія и любознательности.

По характеру своихъ общественныхъ понятій Александръ Тургеневъ былъ похожъ на большинство своихъ сотоварищей по Арзамасу. Въ этихъ понятіяхъ оставалось много неопредѣленнаго и недоконченнаго. Образование сообщило ему много прекрасныхъ качествъ просвѣщеннаго человѣка, дало запасъ отвлеченныхъ идей въ либерально-филантропическомъ направленіи, но не дало ему яснаго пониманія дѣйствительныхъ отношеній, какое отличало, напр., его брата. Николаю Тургеневу показалось скучно въ «Арзамасѣ», — онъ не могъ понять, какъ взрослые люди могутъ тратить время на шутовское остроуміе и пустословіе; но другимъ членамъ, и Александру Тургеневу въ ихъ числѣ, не приходили въ голову эти сомнѣнія. Точно также и въ ихъ службѣ: Николай Ивановичъ совершенно понималъ свойства своей служебной дѣятельности, видѣлъ, какъ эта дѣятельность въ тѣхъ условіяхъ далека была отъ истиннаго служенія интересамъ государства и общества; ему надо было мириться съ этими прискорбными условіями, чтобы сдѣлать хоть что-нибудь дѣйствительно полезное. Александръ Тургеневъ, какъ большая часть его сотоварищей, не находили повидимому этихъ условій столь тѣсными; положеніе вещей казалось имъ почти правильнымъ и нормальнымъ и они принимали его безъ дальнѣйшихъ сомнѣній. Поэтому, Александръ Тургеневъ и могъ такъ съ такимъ хлопотливымъ интересомъ участвовать въ тогдашнихъ дѣлахъ: по своей службѣ онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ кн. А. Н. Голицынымъ, онъ былъ почти постояннымъ секретаремъ библейскаго общества, онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ различными кружками тогдашнихъ піетистовъ, въ связяхъ съ міромъ бюрократическимъ, въ то же время онъ сходилса съ людьми либеральныхъ мнѣній, съ литературнымъ міромъ, и т. д. Понятно, что здѣсь было не мало недоразумѣній, которыя должны были наконецъ обнаружиться. И дѣйствительно, они обнаружались для него, прежде всего, кажется, съ паденіемъ кн. Голицына, которое повлекло за собой и его отставку: это должно было показать ему непрочное положеніе самыхъ идей, которымъ онъ думалъ служить; въ измѣнившихся личныхъ отношеніяхъ онъ долженъ былъ увидѣть, какъ далеки отъ жизни были тѣ хлопоты, которыми онъ до тѣхъ поръ былъ занятъ, и какъ мало принесли онѣ прочнаго результата. Другое обстоятельство, повидимому еще больше пробудившее его недовѣріе, было несчастье его брата: повязка еще болѣе спадала съ его глазъ, и онъ видитъ вещи, столь еще недавнія, въ иномъ свѣтѣ и — ближе къ истинѣ.

Онъ сталъ лучше понимать русскую дѣйствительность, и успѣлъ разочароваться въ людяхъ, и въ порядкахъ, на которые смотрѣлъ прежде иначе. Наконецъ, многое въ его прежнихъ теоретическихъ представленіяхъ разъяснилось для него путешествіемъ.

Письма Александра Тургенева, въ той (наибольшей) ихъ долѣ, которая посвящена замѣткамъ объ европейской жизни, могутъ служить любопытной мѣркой образованности въ старшемъ поколѣніи двадцатыхъ годовъ, какъ «Письма русскаго путешественника» отражаютъ собой образованность предшествовавшаго поколѣнія. Надо сдѣлать конечно оговорку, что таланты были очень различны, и что Тургеневъ во время своего путешествія не былъ такъ молодъ какъ Карамзинъ. У Тургенева мы находимъ болѣе серьезное знакомство съ политическимъ положеніемъ вещей, съ литературой, и вообще болѣе ясное понятіе объ отношеніяхъ европейской жизни и образованности къ нашей. Тургеневъ не только приходитъ «поклониться» разнымъ европейскимъ знаменитостямъ, и въ кругу литературной и политической аристократіи европейскихъ столицъ представляетъ для нея интересъ не только по свѣтскимъ качествамъ или связямъ, но и по объему своего образованія. Разница русскаго и европейскаго общества была иначе ясна для Тургенева, чѣмъ для Карамзина, и выводы, которые дѣлалъ первый, были уже гораздо поучительнѣе и серьезнѣе. Эта новая ступень, которую представляютъ взгляды Тургенева, безъ сомнѣнія отражала новую ступень въ развитіи самаго общества.

На первыхъ же страницахъ писемъ Александра Тургенева мы встрѣчаемся съ масонскими воспоминаніями семейства. Правильное образованіе, которое получили братья Тургеневы, конечно направило иначе ихъ понятія; но у нихъ, особенно кажется у Александра, осталось и теплое воспоминаніе о друзьяхъ отца, и нѣкоторый отголосокъ ихъ направленія и сочувствій: въ его религіи былъ еще замѣтный оттѣнокъ мечтательнаго піэтизма. Въ Лейпцигѣ Тургеневъ встрѣтился и познакомился съ Линднеромъ, котораго въ первый разъ онъ называетъ просто «авторомъ Макъ-Бенака», повидимому считая это опредѣленіе достаточно понятнымъ для его брата. Этотъ Линднеръ, нѣкогда ревностный масонъ, произвелъ большой шумъ въ нѣмецкомъ масонскомъ мірѣ своей книгой «Макъ-Бенакъ» (1818), изданной имъ вмѣстѣ съ выходомъ изъ ордена: Линднеръ обличалъ и отвергалъ масонскую внѣшнюю формальность и вызывалъ «братьевъ» на открытую дѣятельность для народа въ духѣ «истинной евангельской свободы». Объ этомъ-то Линднерѣ Тургеневъ отзывался въ письмѣ: «Истинный, практическій, христіанскій мудрецъ съ счастливою

фізіономією и говорящій просто и краснорѣчиво, славный педагогъ и обучающій (въ лейпцигскомъ университетѣ) нѣкоторымъ частямъ богословія... Онъ принимаетъ участіе во всѣхъ обществахъ, христіанскую цѣль имѣющихъ: библейскомъ, миссіонерскомъ и пр.» (май, 1827, стр. 26—28). Изъ Цюриха онъ пишетъ: «Я читалъ описаніе и исторію города... но мысль моя летала въ минувшемъ, которое ближе моему сердцу—я думалъ о Лафатерѣ, коего любилъ батюшка и Иванъ Владиміровичъ, какъ въ Камбре думалъ о Фенелонѣ, думалъ о родственникѣ Лафатера Тоблерѣ, который былъ не столько учителемъ, сколько другомъ нашимъ, т.-е. брата Андрея, ибо я еще не зналъ цѣпу ему» и пр. (стр. 152). Въ другой разъ — услышавши на лекціи у Вильмена анекдотъ о Руссо, который сказалъ однажды, что желалъ бы быть камердинеромъ Фенелона, такъ какъ не смѣлъ бы надѣяться быть его секретаремъ, — Тургеневъ вспоминаетъ, что Иванъ Владиміровичъ (Лопухинъ) любилъ рассказывать этотъ анекдотъ (стр. 280). Въ Парижѣ онъ встрѣчается съ Дежерандо, извѣстнымъ французскимъ философомъ двадцатыхъ годовъ, и пишетъ о немъ: «Онъ былъ другъ Сень-Мартена и написалъ о немъ біографическую статью, которую я прочту; ибо люблю не только талантъ или гений, но и нравственный характеръ Сень-Мартена; и Дежерандо подтверждаетъ о немъ все слышанное мною: онъ былъ другъ людей и творилъ добро» (стр. 314). Въ рукахъ Тургенева была между прочимъ копія неизданной переписки Сень-Мартена, которою пользовались французскіе біографы знаменитаго мистика ¹⁾. Въ письмѣ изъ Парижа, въ декабрѣ 1827, Александръ Т. дѣлаетъ для брата выписку изъ письма Жуковского о смерти извѣстнаго масона старой новинковской школы, Невзорова... «Нашъ добрый Максимъ Ивановичъ кончилъ жизнь свою. Умеръ съ именемъ твоего отца и Ивана Владиміровича (Лопухина) на языкѣ... Оставилъ 30 копѣекъ мѣдью и нѣсколько книгъ. Пенсіонъ свой весь отдавалъ бѣднымъ: это узнали послѣ смерти его». Тургеневъ прибавляетъ, что онъ дѣлалъ распоряженіе—выдавать Невзорову денегъ сколько нужно: «онъ, казалось, точно не на себя употреблялъ ихъ. Какой умъ, какая душа и какая судьба! И какой характеръ, какая смѣлость за правду противъ сильныхъ земли, грозившихъ ему гибелью, особливо въ послѣднее время, отъ монаховъ» (стр. 322). Это послѣднее обстоятельство еще не разъяснено достаточно біографіей Невзорова.

Тургеневу были также близки его недавніе библейскіе и филантропическіе интересы, которымъ онъ хотѣлъ служить въ

¹⁾ См. Matter, Saint-Martin, le philosophe inconnu, Paris 1864, стр. 455.

свое время въ Россіи. Онъ посѣщалъ въ Германіи библейскія собранія, причемъ видѣлъ, кажется, что наше «библейское дѣло» было не совсѣмъ похоже на то, чѣмъ оно было, напр., въ Германіи и чѣмъ бы оно должно было быть. Онъ любилъ посѣщать проповѣдниковъ и лекціи профессоровъ богословія, и своему благочестивому настроенію могъ удовлетворять за протестантской проповѣдью. Въ Англіи онъ разыскалъ и дружески видался съ старымъ знакомымъ, пасторомъ Патерсономъ (стр. 421, 593), игравшимъ большую роль въ первомъ учрежденіи русскаго библейскаго общества; вспоминаетъ о другомъ пріятелѣ, квакерьѣ Вильямѣ Алленѣ.

Но еще больше вниманія возбуждали въ путешественникѣ нѣмецкіе университеты. Живя въ Лейпцигѣ, онъ усердно посѣщалъ лекціи тамошняго университета по теологіи и нравственнымъ наукамъ. На него производило впечатлѣніе это богатство ученой дѣятельности,—хотя отъ него не ускользнули нѣкоторыя странности преподаванія, напр., чрезмѣрная мелочность классическихъ изслѣдованій (стр. 111). Жуковскій, съ которымъ онъ вмѣстѣ жилъ въ Лейпцигѣ, также чувствовалъ желаніе пробыть нѣсколько времени въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ университетѣ, чтобы готовиться къ предстоящей ему воспитательной задачѣ (стр. 119). Посѣщеніе лекцій, знакомство и бесѣды съ профессорами занимали почти все время Тургенева въ Лейпцигѣ.

Русская жизнь нерѣдко вспоминалась ему по разнымъ поводамъ, и къ этимъ воспоминаніямъ почти всегда примѣшивалось чувство печали и неудовлетворенности: бюрократическая фантазмагорія исчезла изъ глазъ, и дѣйствительность возстановлялась въ памяти съ своими настоящими чертами; надежды возлагались на будущее. Между прочимъ наши путешественники встрѣтили одного русскаго молодого человѣка, очень образованнаго спеціалиста по горному дѣлу. Оказалось, что этотъ молодой человѣкъ, много путешествовавшій для изученія своего предмета, получившій за-границей прекрасный аттестатъ, былъ крѣпостной человѣкъ, котораго Демидовъ ваялъ изъ Сибири и воспитывалъ для своихъ заводовъ. Можно себѣ представить, что положеніе этого крѣпостнаго горнаго инженера было очень печально; онъ просилъ Демидова объ освобожденіи, но получилъ отказъ, и хотя имѣлъ возможность получить мѣсто за-границей, рѣшился однако возвратиться домой. Тургеневъ принялъ въ немъ участіе и сталъ хлопотать о немъ, надѣясь устроить дѣло въ Петербургѣ черезъ Жуковскаго и, кажется, Перовскаго. Это былъ слишкомъ наглядный и убѣдительный фактъ относительно крѣпостнаго права. Въ іюнѣ 1827 г. Александръ Т. пишетъ къ брату изъ Парижа:

«Жуковский нѣсколько разъ прежде думалъ, и сегодня, вспомнивъ объ участи бѣднаго демидовскаго Швецова, о которомъ вчера со слезами говорилъ мнѣ, хотѣлъ просить тебя записать мысли твои о рабствѣ въ Россіи, если не для близкаго, то для отдаленнаго будущаго. У меня здѣсь твои «мысли о рабствѣ», кажется черновой проектъ. Но теперь ты могъ многое обдумать, или придумать. На что намъ лишать себя средствъ быть полезными, когда силы ума и души еще насъ не оставили? Перенесись мысленно въ 1850-й годъ и далѣе. И что останется отъ нашего бѣдствія? Память добрыхъ и безпристрастныхъ, и чистое почтеніе въ твоей жизни и къ твоему бѣдствію и къ твоимъ правиламъ.... Nichts hoffen und doch wollen, das ist der Mann. Ты самъ избралъ этотъ девизъ» (стр. 38—39). Тургеневъ все-таки ошибся на десять лѣтъ. Ему пришлось вспомнить и о собственныхъ ошибкахъ, во времена его службы. «Я прочелъ во французской газетѣ,—пишетъ онъ изъ Парижа въ ноябрѣ 1827—нѣсколько строкъ объ отиѣнѣ мерзкаго закона въ Россіи, мною, по несчастію, въ департаментѣ законовъ составленнаго, но тобою осужденнаго, о правѣ помѣщиковъ посылать въ Сибирь дворовыхъ людей безъ суда, а только объявлять, что они недовольны ими (!). Сказываютъ, что составлены въ совѣтѣ (т.-е. государственномъ) какія-то правила и помѣнованы случаи, по коимъ могутъ помѣщики поступать такъ токмо съ своими *vassaux*, какъ сказано въ журналѣ. Жаль, что нѣтъ ничего о семъ подробнѣе; но и этому радъ, ибо эта редакция — хотя впрочемъ я и возставалъ противъ смысла или бессмыслицы закона,—лежала у меня на совѣсти». Такъ старшій арзамасецъ въ болѣе свѣжей атмосферѣ видѣлъ свои заблужденія, и простое чувство человѣческаго достоинства брало верхъ надъ прежнимъ чиновничьимъ безсердечіемъ. Другіе такъ и остались навсегда съ этимъ безсердечіемъ, которое могло такъ легко уживаться съ сентиментальностью на словахъ.

Въ Лейпцигѣ Тургеневъ встрѣтился съ однимъ нѣмецкимъ чиновникомъ, который былъ въ прежнее время секретаремъ принца Ольденбургскаго въ Эстляндіи и многое зналъ о тамошнемъ освобожденіи крестьянъ, по которому ему приходилось работать. «И тамъ были двѣ партіи,—передаетъ Т. его слова,—одна искренно желала освобожденія ихъ, другая скрытно противодействовала и нашъ Коз....въ или окружающіе его и Роз....фъ были подкуплены эстляндскимъ предводителемъ дворянства Бер...мъ, который пострадалъ, не будучи въ состояніи дать отчета въ 60-ти тыс., употребленныхъ имъ на подкупъ нашихъ чиновниковъ. Государь хотѣлъ *coûte que coûte* кончить дѣло посред-

ствомъ Ольденбургскаго принца, утверждая, что русскій государственный чиновникъ не могъ бы употребленъ быть на сіе дѣло, ибо навлекъ бы на себя ненависть другихъ». Тургеневъ дѣлаетъ по этому поводу любопытное замѣчаніе о характерѣ императора Александра. «Храбрѣйшій и добрѣйшій изъ царей— всего и всѣхъ боялся и все хитрилъ тамъ гдѣ могъ дѣйствовать bona fide съ простотою величія и съ убѣжденіемъ, что намѣреніе его согласно съ пользою Россіи, съ любовью къ человечеству, съ религіею Христа-Искупителя. На что было умничать? Наказанъ невѣріемъ въ чистоту его намѣреній со стороны и добрыхъ и злыхъ, и неуспѣхомъ во многомъ, что лежало на душѣ его и прежде и во время его царствованія».... (стр. 110).

До какой значительной степени развивалось теперь въ Тургеневѣ это сомнѣніе и недовѣріе къ русской дѣйствительности, можетъ показать отрывокъ изъ его письма отъ октября 1827, изъ Парижа. Въ началѣ онъ сообщаетъ нѣсколько слуховъ о сосланныхъ декабристахъ, и затѣмъ продолжаетъ: «Насъ вело и ведетъ Провидѣніе стезей непостижимой; но я вижу благость и въ самомъ бѣдствіи. Мы должны были многое постигнуть, чего безъ сего опыта и безъ сего удаленія изъ Россіи, конечно бы съ такою силою, съ такимъ убѣжденіемъ, не постигнули. Вотъ примѣръ хотя въ бездѣлицѣ: вчера сообщили мнѣ «Сына Отечества» нѣсколько книжекъ ¹⁾ и за весь годъ «Инвалида». Я давно не читалъ русскихъ журналовъ: не умѣю выразить что я чувствовалъ, пробѣгая листы сихъ репрезентантовъ нашей словесности, нашей администраціи, нашей политической, моральной и литературной жизни! Я и жалѣлъ и краснѣлъ, но всего менѣе досадовалъ. Мнѣ было все это такъ чуждо: и Булгарина распри съ Вяземскимъ и Воейковымъ.... и всѣ сіи ничтожныя хлопоты о ничтожномъ, и указы о Хитрова генераль-контролерствѣ.... и ленты и чины....— все это произвело на меня неизъяснимо чуждое по сію пору впечатлѣніе и я уже не страдалъ, какъ прежде, не сокрушался и не досадовалъ, а чувствовалъ почти только одно: что я сему хаосу безстыдства, безпорядка и беззаконія—непричастенъ. Чувствовалъ это такъ сильно, что благодарилъ Бога за то, что я былъ далекъ и душевно и помышленіемъ и умомъ—и пространствомъ. Къ этой же категоріи долженъ причислить и литературу, самую, такъ сказать, виѣшнюю сторону оной. Что это за варварство?... Булгаринъ герой! Въ нѣсколько дней раскупаютъ изданія его сочиненій! Шишкову еще подличаютъ; стало быть ничто не перемѣнилось и ничего еще не перемѣнили. И тѣ,

¹⁾ Онъ подавался тогда Греченъ и Булгаринимъ.

въ коихъ желалъ бы принимать участіе, возбуждаютъ жалость по категоріи, въ которую ихъ возводятъ. На одного отставленнаго плута, десять новыхъ съ новыми средствами къ взяткамъ, и юстиція высшая... Это не досада, не тяжелое чувство, а болѣе родъ какого-то удивленія, непривычка къ сему, хотя самъ чувствую, что не имѣю никакого права отвыкнуть отъ того, въ чемъ самъ погруженъ былъ и что было 30 лѣтъ передъ глазами непрерывно и во всѣхъ ужасахъ сущности! Но полно! Будетъ и тамъ лучше, какъ и въ судьбѣ нашей!»... (стр. 229—230). Тѣмъ же чувствомъ отзывается другое мѣсто въ его письмахъ, гдѣ онъ говоритъ о «моральномъ уродствѣ» нашего общества (стр. 319). О русской литературѣ говоритъ онъ еще въ письмѣ отъ января 1828-го г., изъ Парижа: «Послалъ Жуковскому замѣчанія на статью Греча о Карамзинѣ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828-й годъ: что-то такое рабское и писателя недостойное. На счетъ истины дѣлаются фразы, напр., что милость (назначеніе огромной пенсіи) на минуту возбудила его въ жизни, — тогда какъ онъ принялъ ее съ негодованіемъ на чрезмѣрность пенсіи, — и безпрестанно твердятъ о 3-мъ Влад. и о томъ, что одинъ онъ имѣлъ въ чинѣ ст. сов. анненскую ленту! Въ другомъ журналѣ нашелъ я единственное замѣчаніе журналиста на новый отрывокъ Гёте, что авторъ имѣетъ теперь уже пять орденовъ! Пусть говорятъ объ этомъ, если хотятъ, въ біографіи тѣхъ государей, кои давали ордена сіи, ибо это имъ нѣкоторую честь дѣлаетъ; но что та грудь, гдѣ билось сердце Вертера, украшена датскимъ слономъ!»¹⁾.

Свойства нашихъ нравовъ разъяснились для Тургенева при тѣхъ сравненіяхъ, какія представлялись ему безпрестанно: изъ тѣхъ выраженій, какія онъ употребляетъ, можно видѣть, въ чему приходили его мнѣнія. Вотъ, напримѣръ, замѣчаніе, которое онъ дѣлаетъ по поводу французскаго *société d'encouragement pour l'industrie nationale*, собраніе котораго онъ посѣтилъ: «Ободрительное общество, по предметамъ занятій своихъ, имѣло для меня мало привлекательнаго, ибо я не могу судить объ успѣхахъ въ искусствѣ продѣлывать ушко въ иголку или въ дѣланіи колесъ на мельницу; но не могу безъ нѣкоторой зависти, смѣшанной однакоже съ космополитическою радостію объ успѣхахъ политическаго просвѣщенія, видѣть дѣятельность сихъ частныхъ обществъ, замѣняющихъ медленную и всегда расточи-

¹⁾ Замѣчаніе, конечно, очень справедливо и естественно; но любопытно, что біографы Карамзина и до послѣдняго времени не могли совсѣмъ покинуть манеру Греча, «что-то рабское и писателя недостойное»..

тельную, убыточную дѣятельность правительства. Существованіе сихъ обществъ свидѣлствуетъ бытіе нѣкоторой свободы гражданской, и тамъ гдѣ ихъ больше, тамъ больше и свободы. Отсутствіе оныхъ означаетъ противное и верхъ деспотизма есть гоненіе на участіе частныхъ людей, частныхъ обществъ въ улучшеніяхъ, въ усовершенствованіяхъ, до всего государства касающихся. Я никогда не забуду важности, съ какою говорилъ гр. Сергѣй П. Румянцевъ, возлѣбляемый французами 18-го вѣка въ царствованіе Екатерины, объ Арзамасѣ невинномъ. Но и арзамасская шутка была при Александрѣ и принадлежитъ уже къ другой эпохѣ. Впрочемъ страхъ частной дѣятельности, частныхъ усилій къ общему благу принадлежитъ характеру правленія, а не личному (характеру) государей; ибо и Траянъ запрещалъ учрежденіе небольшой компаніи въ маленькомъ азіатскомъ городкѣ, для возстановленія бань, поставляя въ причину, «что всякое общество, всякій союзъ, имѣющій въ виду частные интересы, противны имперіи», хотя при Траянѣ имперія уже отдыхала отъ ужасовъ тиранства и писалъ Тацитъ! Но зло было не въ немъ, а въ натурѣ его власти. А мы должны хранить, беречь сію власть, какъ надежду! Она одна можетъ исцѣлить у насъ язву рабства» (стр. 285).

«Космополитическая радость» была очень справедлива, потому что наконецъ этотъ обычай или принципъ частной дѣятельности, развившійся въ Европѣ, сталъ дѣйствовать и у насъ, и наше общество могло воспользоваться его благими результатами. Какъ видимъ, Тургеневъ хорошо понималъ, для своего времени, значеніе общественной инициативы, и въ этомъ, какъ въ другихъ случаяхъ, онъ удачно обращалъ вниманіе на предметы, въ которыхъ сказывалось настоящее свойство нашего положенія вещей въ то время. Жизнь въ европейскомъ обществѣ объясняла ему, чего недоставало русскому.

Въ то время путешествіе было не такимъ обыкновеннымъ дѣломъ какъ теперь; познанія, теперь довольно распространенныя, въ то время были несравненно рѣже, и въ европейской жизни для русскаго было вѣроятно еще болѣе поваго и непривычнаго; путешествія не были такъ спѣшны, и можетъ быть, болѣе внимательны. Тургеневъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ весьма разнообразныя интересы; повсюду онъ отыскиваетъ людей, чѣмъ-либо для него любопытныхъ, и нерѣдко сближается съ ними до дружескихъ отношеній. Рядъ этихъ знакомствъ довольно характеристиченъ.

Его путешествіе (къ которому относятся письма 1826—1828 года) началось съ Германіи; онъ жилъ особенно въ Дрезденѣ

и Лейпцигѣ, потомъ въ Эмсѣ; затѣмъ онъ проѣхалъ черезъ Швейцарію, остановившись особенно въ Женевѣ, и наконецъ два раза посѣтилъ Парижъ, гдѣ жилъ довольно долго; наконецъ перѣѣхалъ въ Англію, гдѣ увидѣлся послѣ долгой разлуки съ братомъ.

Въ Германіи онъ съ перваго раза встрѣчаетъ литературныя знакомства, начиная со стараго поэта Тидге и Матиссона, съ которымъ вспоминаетъ о Карамзинѣ, и до представителя новѣйшаго романтизма, Тика. Въ Дрезденѣ онъ знакомится съ наслѣднымъ саксонскимъ принцемъ Іоанномъ, который потомъ сталъ извѣстенъ учеными трудами европейской репутаціи (ислѣдованія о Данте, подъ псевдонимомъ Филалетеса). Въ Швейцаріи онъ посѣщаетъ пастора Гессе, памятнаго ему по прежнему піетистическому чтенію. Въ Гофвилѣ осматриваетъ знаменитое учебное заведеніе Фелленберга, слава котораго дошла тогда и до Россіи и которое привлекало между прочимъ и русскихъ воспитанниковъ изъ высшей аристократіи (стр. 169 и д.). Въ Лозаннѣ онъ встрѣчаетъ Лагарпа, съ которымъ вспоминаетъ императора Александра (стр. 176—189). Въ Женевѣ онъ вошелъ въ дружескія отношенія съ Бонштеттенемъ, швейцарскимъ политическимъ дѣятелемъ и полу-нѣмецкимъ, полу-французскимъ писателемъ. Бонштеттенъ, въ то время восьмидесятилѣтній старикъ, но еще бодрый и интересный своими далекими историческими и литературными воспоминаніями, кажется, полюбилъ своего русскаго собесѣдника: Тургеневъ перечитывалъ въ рукописи его переписку съ Іоанномъ Мюллеромъ, знаменитымъ историкомъ, съ которымъ Бонштеттенъ былъ въ тѣсной дружбѣ; наконецъ Бонштеттенъ отдалъ Тургеневу въ распоряженіе другую свою переписку. «Вообрази себѣ,—пишетъ Александръ Тургеневъ къ брату,—что Бонштеттенъ отдалъ мнѣ всю свою оригинальную переписку съ отцемъ и матерью; всѣ письма къ отцу его Боннета ¹⁾... и много другихъ писемъ къ нему, весьма любопытныхъ, съ тѣмъ, чтобы въ Парижѣ списалъ ихъ для себя или сдѣлалъ выписки. Я беру весь толстый томъ съ собою и перепису все примѣчательное для себя и буду и тебѣ сообщать кое-что. Позволилъ и напечатать все, что я хочу. Письма Боннета всѣ достойны печати» (стр. 206).

Въ Женевѣ Тургеневъ познакомился также съ Сисмонди и вообще съ тамошнимъ литературнымъ кругомъ; онъ жалѣлъ, что не могъ познакомиться съ Дюмономъ, извѣстнымъ другомъ и

¹⁾ Извѣстный философъ прошлаго столѣтія, который былъ почти воспитателемъ Бонштеттена и которымъ такъ увлекался Карамзинъ.

издателемъ Бентама, прїѣзжавшимъ въ Петербургъ въ первые годы царствованія импер. Александра. По словамъ Тургенева, Дюмонъ «написалъ путешествіе свое въ Россію и читалъ здѣсь (въ Женевѣ) многимъ свою рукопись: описываетъ видѣнное. Онъ не можетъ быть очень доволенъ нами; ибо Новосильцевъ не поддержалъ съ нимъ сношеній по законодательству, а послѣ и совсѣмъ забылъ его» ¹⁾).

Еще обширнѣе были связи и знакомства Тургенева въ Парижѣ. Здѣсь отчасти черезъ русскую аристократическую колонию, отчасти и мимо ея, Тургеневъ очень близко сошелся со множествомъ лицъ, знаменитыхъ въ литературномъ и политическомъ мірѣ. Онъ нашелъ здѣсь старую знакомую, г-жу Свѣчину, которая уже начала тогда свою католическую роль и соединяла въ своей гостиной аристократическихъ католиковъ и легитимистовъ, и писателей. Тургеневъ бывалъ и у г-жи Рекамье и въ другихъ салонахъ, гдѣ имѣлъ возможность видѣть много замѣчательныхъ людей того времени. Съ нѣкоторыми онъ связалъ довольно близкое знакомство: онъ безпрестанно бываетъ у Талейрана и его извѣстной племянницы, герцогини Дино, посѣщаетъ Гизо, Вилльмена, знакомится съ Ройе-Колларомъ, Фрилемъ, Августиномъ Тьерри, философомъ Дежерандо, барономъ Экштейномъ; встрѣчаетъ старыя знакомства—графа Каподистрію и аббата Николя, занимавшагося въ Россіи педагогической дѣятельностью, какъ говорятъ, подъ крыломъ іезуитовъ, о которыхъ онъ теперь рассказывалъ Тургеневу историческіе анекдоты (стр. 264); наконецъ онъ рассказываетъ о русскихъ знаменитостяхъ, сошедшихъ со сцены, проживавшихъ въ то время въ Парижѣ—какъ адмиралъ Чичаговъ, графъ Аракчеевъ, Ант. Нарышкина (стр. 234, 286, 245). Само собою разумѣется, что Тургеневъ не забылъ въ Парижѣ и публичной жизни,—онъ слѣдитъ за курсомъ Вилльмена, который его интересуетъ и удивляетъ, но котораго онъ умѣетъ однако судить хладнокровно, бываетъ въ публичныхъ засѣданіяхъ академіи, посѣщаетъ публичныя лекціи для рабочихъ, наконецъ слѣдитъ и за политическими событіями, за борьбой партій при министерствѣ Виллеля, наблюдаетъ революціонныя вспышки и уличныя демонстраціи. «Пребываніе въ такую эпоху во Франціи,—замѣчаетъ онъ,—болѣе познакомитъ съ нею и съ первоначальными элементами представительнаго правленія, нежели чтеніе книгъ и журналовъ. Мнѣніе народа и приемы правительства, можно ска-

¹⁾ Мы имѣли случай говорить объ этомъ путешествіи Дюмона (см. «Русскія отношенія Бентама», В. Евр. 1869).

затѣ, всплываютъ на поверхность всего видимаго теперь міра въ Парижѣ» (стр. 287).

Разсказы Тургенева обо всемъ этомъ, хотя отрывочные и короткіе, представляютъ и до сихъ поръ не мало любопытныхъ подробностей о парижской жизни двадцатыхъ годовъ. Между прочимъ онъ бывалъ нерѣдко у Талейрана и записываетъ нѣсколько разсказовъ его о временахъ большой революціи, о вѣнскомъ конгрессѣ и т. п.

Въ январѣ 1828 Александръ Тургеневъ извѣщаетъ брата, жившаго тогда въ Англіи, что можетъ наконецъ съ нимъ увидѣться. Надобно замѣтить, что до тѣхъ поръ онъ не рѣшался ѣхать къ нему: братъ его былъ человѣкъ слышномъ компрометированный, а онъ хотѣлъ строго соблюсти всѣ officialныя приличія и не позволялъ себѣ свиданія безъ разрѣшенія правительства, а вмѣстѣ вѣроятно и опасался этого. Однимъ словомъ, разрѣшеніе наконецъ, черезъ два года, явилось. «Милый братъ,—пишетъ Александръ Т.,—наконецъ горизонтъ и для насъ свѣтлѣетъ! Дружба Жуковскаго подѣйствовала. Для меня главное сдѣлано: я могу быть съ тобою. Я почти счастливъ и спокоенъ на всю жизнь. Вотъ копія съ письма Жуковскаго. Досадуя на неполученіе (мнимое) мною писемъ его, онъ увѣдомляетъ о полученныхъ имъ отъ меня письмахъ и книгахъ, и говоритъ: «Но не объ этомъ. Теперь спѣшу. Содержаніе моего теперешняго письма важное, хотя письмо короткое. Я могу тебѣ теперь по совѣсти дать совѣтъ, которымъ не боюсь *повредить* тебѣ: ты можешь ѣхать въ Лондонъ. На это напрасно ты требовалъ позволенія съ изъясненіемъ для чего ѣдешь: такого позволенія дать нельзя было; но тебѣ ѣхать не запрещено и я теперь могу сказать тебѣ *рѣшительно, ибо имѣю причину такъ говорить*, что поѣздка твоя въ Лондонъ и твое свиданіе съ Николаемъ не сдѣлаютъ тебѣ никакого вреда, не произведутъ даже никакого дурнаго впечатлѣнія. Итакъ, поѣзжай...» Что мнѣ болѣе этого сказать тебѣ, милый другъ и братъ! Въ душѣ моей одно чувство: благодарность къ Провидѣнію за тебя и за дружбу Жуковскаго» и пр. (стр. 364).

Съ февраля по іюль 1828 письма прекращаются. Все это время братья провели вѣроятно вмѣстѣ. Въ іюлѣ они разъѣхались опять: Николай отправился на острова Джерсей и Гернсей, Александръ поѣхалъ по Англіи и Шотландіи. Описаніе этого послѣдняго путешествія наполняетъ вторую серію писемъ и вторую половину книги. Изъ Лондона Александръ Т. отправился черезъ Манчестеръ и Ливерпуль въ Шотландію, прожилъ довольно долго въ Эдинбургѣ, потомъ отправился въ сѣверную

Шотландію до Инвернеса и Стаффы, и осматрѣвъ подробно страну, возвратился на югъ Англіи, останавливаясь во всѣхъ замѣчательныхъ городахъ. Последнее письмо, въ октябрѣ 1828, изъ Портсмута, опять наканунѣ свиданія съ братомъ.

Въ своемъ путешествіи по Англіи Тургеневъ отличался той же любознательностью. Онъ успѣлъ уже освоиться съ англійскимъ языкомъ, и съ помощью рекомендательныхъ писемъ пріобрѣлъ и здѣсь много знакомствъ, опять преимущественно въ аристократическомъ и литературномъ кругу. Такъ онъ посѣщаетъ, въ ихъ провинціальныхъ замкахъ въ Англіи и Шотландіи, лордовъ Лансдоуна, Минто, Росбери, герцога Гамильтона, герцога Девонширскаго, рассказываетъ любопытныя подробности объ англійскомъ бытѣ и англійскомъ гостепріимствѣ, которымъ много разъ имѣлъ случай пользоваться. Изъ литературнаго міра онъ знакомится съ профессорами Эдинбургскаго университета, съ знаменитымъ критикомъ и издателемъ «Эдинбургскаго обозрѣнія» Джеффри (стр. 460), съ политико-экономомъ Мауъ-Куллохомъ (стр. 420), посѣщаетъ Вальтеръ-Скотта и гоститъ у него (стр. 396 и д.), и проч. Его интересуютъ конечно и другія стороны англійской жизни; онъ осматриваетъ фабрики, шёолы, благотворительныя заведенія, посѣщаетъ знаменитый Нью-Ланаръ, гдѣ «фабрики содержатся компанією, въ числѣ коей Owen и мои пріатели каверы Will. Allen и Forster» (стр. 463 и слѣд.), знакомится съ извѣстнымъ изобрѣтателемъ «ватерпруфа», фабрикантомъ Макинтошемъ и проч.

Такимъ образомъ, нашему путешественнику были совершенно доступны и занимательны умственные и политическіе интересы европейской жизни; въ его космополитическомъ отношеніи къ нимъ отражается вообще положеніе русской образованности, для которой Европа была богатымъ источникомъ поучительныхъ знаній и общественнаго опыта: онъ почти одинаково легко ориентировался и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи. Его собственныя идеи еще не были довольно ясны и полны,—какъ и въ большинствѣ нашего образованнаго общества, начинавшаго сочувствовать лучшимъ стремленіямъ европейской жизни; — но задатки самостоятельности уже и здѣсь можно замѣчать въ томъ, что изученіе европейскаго образованія дѣлалось собственнымъ трудомъ, почерпалось изъ различныхъ источниковъ, не впадало въ исключительную односторонность самыхъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, для нашего путешественника были одинаково поучительны и Германія, и Франція, и Англія, но онъ не одинъ разъ замѣчаетъ ихъ литературное разъединеніе: какъ представитель болѣе бѣдной образованности, онъ больше считалъ для себя нуж-

нымъ знакомство съ главными европейскими литературами, чѣмъ считали образованные нѣмцы, англичане или французы, которые удобнѣе могли довольствоваться только собственной литературой; но ему видны были и недостатки ихъ исключительности. Дѣйствительно, въ то время международная связь европейскихъ литературъ была гораздо слабѣе, чѣмъ теперь, когда она уже стала весьма значительна, и Тургеневъ могъ дѣлать весьма образованнымъ, даже ученымъ французамъ и англичанамъ такія указанія о нѣмецкой литературѣ, которыя были для нихъ и полезны, и совершенно новы. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ Женевѣ, — пишетъ онъ, — «Бонштеттенъ просилъ меня составить для ихъ литературнаго общества, весьма скуднаго нѣмецкими книгами, каталогъ лучшихъ нѣмецкихъ книгъ по исторіи и философіи, и особенно въ отношеніи къ русской исторіи. Они мало знаютъ богатства нѣмецкой словесности въ исторической части и новыя книги мало доходятъ сюда. Я обрадовался сему предложенію, ибо оно забавляетъ меня мыслію, что русскій познакомитъ ученыхъ женевцевъ съ нѣмецкой словесностію.... Женевцы, самый Бонштеттенъ, — замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ, — очень запоздали въ нѣмецкой словесности. По всему видно, что они французы и что сношенія ихъ болѣе съ Франціею, даже съ Италіею, нежели съ Германіею» (стр. 214, 218). Рассказывая о Гизо, Тургеневъ сообщаетъ его мнѣніе о баронѣ Штейнѣ, и потомъ замѣчаетъ: «онъ думаетъ, что образъ мыслей б. Штейна произошелъ и отъ несовершеннаго знанія Франціи. Я объяснилъ ему какъ онъ и теперь все знаетъ о ней и судить ее; но я думаю, что замѣчанія Гизо о Штейнѣ можно обратить и на него самого: и онъ не знаетъ всего б. Штейна и не знаетъ Германіи, хотя я не встрѣчалъ еще француза, которому бы литература нѣмецкая и отличные нѣмцы во всѣхъ родахъ такъ извѣстны были какъ Гизо. Нѣтъ книги, которую бы я назвалъ, ему незнакомой. Онъ или читалъ ее, или купилъ, или читалъ о ней и знаетъ автора по другимъ сочиненіямъ....» (стр. 223). Бесѣдуя съ Дежерандо о новомъ изданіи его исторіи философій, Тургеневъ опять встрѣтилъ случай, болѣе обыкновенный во Франціи, т.-е. знакомство съ нѣмецкой наукой: «я наименовалъ ему нѣкоторыя нѣмецкія книги, сказавъ, что теперешнее движеніе умовъ въ Германіи примѣчательно по части философій тѣмъ, что она входитъ во всѣ отрасли наукъ, на примѣръ, въ юриспруденцію, въ законодательство, въ исторію давно уже, а въ изслѣдованіе натуры и подавно; что нельзя не указать на сіе въ исторіи новѣйшей философій» и проч. (стр. 226). Съ другой стороны о знаменитомъ Клапротѣ Тургеневъ замѣчаетъ:

«онъ, точно, отличенъ отъ другихъ французовъ и знаніями и сужденіями безпристрастными. Симъ обязанъ онъ, кажется, нѣмецкимъ книгамъ» (стр. 232). Далѣе, опять незнакомство съ нѣмцами у Авг. Тьерри. Тургеневъ нашелъ, что онъ мало знаетъ нѣмцевъ, хотя ему и читаютъ нѣмецкія книги (Тьерри уже тогда былъ почти слѣпъ). «Я наименовалъ ему нѣкоторыхъ авторовъ ему неизвѣстныхъ о предметѣ, коимъ теперь онъ занимается. Онъ пишетъ исторію народовъ, громившихъ римскую имперію и наконецъ разрушившихъ ее.... Книгу Сарториуса объ Остготахъ въ Италіи — онъ уже зналъ, ибо она написана на задачу французской академіи. Мансо и другихъ еще не знаетъ. О скандинавахъ я ему говорилъ много и долго и называлъ источники и критическія сочиненія о ихъ исторіи; общалъ ему и 1-ю часть Нибура и историческую литературу Эрша, по которой узнаетъ все, что о каждомъ предметѣ писано по части исторіи. Буду иногда заходить къ нему; ибо онъ сидитъ обыкновенно одинъ и въ полутемнотѣ и не всегда можетъ заниматься....» (стр. 233 — 234). Мы упоминали отзывы Тургенева о Вильменѣ: это была тогда едвали не первая знаменитость французской публичной каеэдры; онъ привлекалъ огромныя толпы слушателей. Тургеневъ пересказываетъ брату нѣсколько его лекцій, отмѣчаетъ блестящія мѣста и счастливыя выраженія, удивляется его таланту, но тѣмъ не менѣе, опять вѣроятно по привычкѣ къ нѣмецкой научной точности, не можетъ помириться съ той французской ораторской манерой, которая, въ расчетѣ на эффектные картины и рѣзкія характеристики, не стѣснялась строгой вѣрностью фактовъ, и не можетъ помириться съ хвастливымъ превознесеніемъ Франціи превыше всего остального міра. Тургеневу бросалась въ глаза насмѣшливая улыбка, съ которой Вильменъ говорилъ о нѣмцахъ; и когда Вильменъ принимался, по его выраженію, *feuilleter toute l'Europe*, Тургеневъ удивлялся легкости перелистыванья, при которомъ Вильменъ забывалъ на примѣръ такихъ людей, какъ Баконъ; и онъ находилъ, что это не дѣлало чести учености профессора. Вообще, онъ приходилъ къ тому заключенію, что «когда слушаешь Вильмена, то онъ кажется не только остеръ, краснорѣчивъ, но даже глубокомысленъ; а повѣряя дома впечатлѣнія результатомъ, оставшимся въ умѣ и душѣ, то поэзия оказывается незначительною. И я не всегда умѣю удержать связь его лекцій: это былъ огонь, и есть ли связь въ словахъ его, то развѣ лирическая, не совсѣмъ примѣтная». «Вильменова лекція, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — подобна фейерверку, блестящему

но ничего не оставитъ кромѣ темнаго воспоминанія о минутномъ блескѣ» (стр. 280, 291).

Въ Англіи Тургеневъ знакомится также съ людьми ученаго и литературнаго міра, и вообще прекрасно принять въ ихъ кругу, сначала по письмамъ, а потомъ по личнымъ его достоинствамъ. Здѣсь ему опять приходится рекомендовать нѣмецкія книги. Въ Эдинбургѣ онъ знакомится съ извѣстнымъ натуралистомъ Джемсономъ, къ которому имѣлъ письма: «онъ обводилъ меня по всему университету, показавъ кабинеты, строящуюся великолѣпную библіотеку.... Я долженъ былъ шарлатанить съ ними (Джемсономъ и другими профессорами) о Блуменбахѣ и записалъ имъ нѣкоторыя книги, имъ неизвѣстныя» (стр. 406). Съ профессоромъ Пиленсомъ Тургеневъ «заговорился о книгахъ по его части (воспитанію) въ нѣмецкой литературѣ и долженъ былъ все записать ему, начиная отъ Базедова до Линднера и Нимейера. Онъ и о первомъ ничего не слыхалъ, хотя читаетъ нѣмецкія и особливо учебныя книги. Онъ взаимно познакомилъ меня съ здѣшнею методикою Вуда и повелъ въ его училище»... (стр. 408).

Оканчивая съ книгой, приводимъ изъ нея отрывокъ, гдѣ Тургеневъ рассказываетъ о посѣщеніи имъ Вальтера-Скотта. Знаменитый романистъ былъ тогда на верху своей славы, и нашъ путешественникъ конечно не могъ миновать его. Вальтеръ-Скоттъ жилъ въ извѣстномъ Абботсфордѣ, который лежалъ на пути Тургенева; у послѣдняго не было на этотъ разъ никакой рекомендаціи, но это не помѣшало любезности приѣма. Вальтеръ-Скоттъ любилъ посѣщенія иностранцевъ, и англійское гостепріимство въ этомъ кругу была вещь обычная и правильная. «Ничто меня такъ не поражаетъ въ путешествіи по дачамъ Англіи и Шотландіи, — замѣчаетъ Тургеневъ въ одномъ мѣстѣ, — какъ это отсутствіе всякой жизни, или лучше суматохи, которую слышишь, видишь, чувствуешь въ деревняхъ на континентѣ, особливо въ нашихъ барскихъ или помѣщичьихъ. Всему здѣсь часъ, минута; пріѣдешь: не видишь ни хозяина, ни хозяйки. Кажется, все пусто. Зазвонятъ къ завтраку, къ одѣванью передъ обѣдомъ, къ обѣду — и столъ уставленъ всѣмъ, что роскошь придумать можетъ; и вы уже нагулявшись одни, безъ свидѣтелей, приготовившись къ обществу на день, сходите и любезничаєте, какъ умѣете, или молчите: васъ напоятъ, накормятъ и спать уложатъ — и проводятъ и все безъ шума, въ опредѣленный часъ. Откуда берется все что находишь въ комнатахъ, за столомъ, въ гостиной? Всѣ связи съ обществомъ столицы и съ ея представителями журналистами соблюдены и газета, 3-го дня въ Лон-

донѣ вышедшая, напоминаетъ вамъ, что вы не въ волшебномъ замкѣ» (стр. 446).

Тѣ же правы видѣлъ нашъ путешественникъ и въ Абботсфордѣ. Вотъ письмо его, писанное отсюда въ августѣ 1828.

«Хочу начать тебѣ письмо перомъ В. Скотта и въ его замкѣ. Я пріѣхалъ въ городокъ Мельрозъ, за три мили отсюда, 3-го дня часу во второмъ; осмотрѣлъ прелестныя развалины аббатства, описанныя В. Скоттомъ, и пустился къ нему пѣшкомъ, хотя и не получалъ отвѣта его на мое письмо, котораго онъ не получалъ и по сіе время. Я пришелъ къ нему въ 4 аса. Онъ только что возвратился съ похоронъ. Долго бродилъ въ его первой залѣ, унизанной рыцарскими доспѣхами, убранной различными гербами фамилій здѣшняго края, населеннаго нѣкогда бордерами, т.-е. пограничными жителями, въ вѣчной борьбѣ съ шотландцами и съ англичанами. Сіи разбои воспѣлъ и описалъ В. Скоттъ и ты вѣрно знаешь давно то, что я отчасти успѣлъ прочесть у лорда Минто. Наконецъ встрѣтилъ я офиціанта въ пудрѣ, и онъ доложилъ обо мнѣ немедленно В. Скотту, который въ ту же минуту принялъ меня въ кабинетъ своемъ, гдѣ была и дочь его, не замужняя; — другая замужемъ и ея и двухъ сыновей здѣсь нѣтъ. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій онъ пригласилъ меня остаться у него; — я сказалъ, что спѣшу въ Эдинбургъ и не надѣялся болѣе ничего какъ видѣть его; но дочь въ ту же минуту отвѣчала, что уже комната готова и человѣкъ явился провести меня туда; а В. Скоттъ пригласилъ къ обѣду и послѣ обѣда на музыку дамскую. Въ 6 часовъ меня позвали къ обѣду и я пашелъ болѣе 10 человѣкъ гостей.... Всѣ говорили по французски и обѣдъ былъ вкусный и веселый; а послѣ обѣда В. Скоттъ перешелъ ко мнѣ и мы короче познакомились; онъ говорилъ много и съ важною любезностію и мы долго проболтали. Въ гостиной нашли уже мы кофе, чай и музыку. Дѣвушки и одна старушка пѣли, играли на арфѣ и на гитарѣ, и В. Скоттъ безпрестанно подходилъ ко мнѣ и объяснялъ національныя пѣсни; оживлялся, повторяя ихъ наизусть сначала до конца и щелкалъ пальцами, какъ удалцы шотландскіе. Въ 11 часу подали опять ужинъ и скоро разошлись»... На другое утро Тургеневъ одинъ осмотрѣлъ садъ въ Абботсфордѣ и окрестности, и затѣмъ отправился гулять съ самимъ хозяиномъ. «Дорогой, В. Скоттъ рассказывалъ, какъ за 15 лѣтъ нашелъ онъ это мѣсто совершеннымъ пустыремъ, какъ устроивалъ его, и показывалъ всѣ виды съ горы на Мельрозъ, на дачу лорда Сомервиля и на рѣку Твидъ и другую рѣчку,

недалеко отъ его замка въ Твиду впадающую; толковать о шотландскихъ древностяхъ, вспоминалъ часто старинные стихи и пѣсни и съ жаромъ повторялъ ихъ. Онъ читаетъ и пѣм. книги и выспрашивалъ о фемгерихтѣ¹⁾ въ Германіи и хотѣлъ записать книги, кои я ему назвалъ о семъ предметѣ. Древность, или лучше старина среднихъ вѣковъ его очень интересуетъ и другихъ народовъ, и я нашелъ въ его библіотекѣ много любопытнаго по исторической и археологической части. Мы гуляли до 5 часовъ... Въ 6 часовъ позвали къ обѣду, къ которому я отбылся какъ на балъ. Разговоръ былъ общій, но оживленный. Въ столовой, также какъ и во всѣхъ комнатахъ множество картинъ, портретовъ и разныхъ рисунковъ, относящихся къ старинѣ шотландской. Послѣ обѣда дамы, а за ними и англичанинъ (пріятель В. Скотта) ушли и В. Скоттъ снова подсѣлъ ко мнѣ и мы проговорили до 10 час. вечера. Онъ объяснялъ мнѣ кланы, отношенія ихъ между собою и къ начальникамъ ихъ, и описывалъ прежнее состояніе ихъ, говоря, что въ нихъ не было ничего феодальнаго, но болѣе патріархальное; что начальникъ клана, конечно, пользовался большимъ вліяніемъ, но что это вліяніе и дорого стоило ему; что теперь стараніями правительства и измѣненіемъ нравовъ—кланы почти не существуютъ. Называлъ того убившагося шотландца (Гленгари), у коего ты обѣдалъ, какъ своего пріятеля и ревностнаго учителя обыкновеній шотландскихъ. Мы перешли къ литературѣ и онъ повелъ показывать мнѣ свои книги и акты двухъ обществъ шотландскихъ древностей и достопримѣчательностей. Показывалъ и другія рѣдкія книги на шведскомъ языкѣ; ибо занимался поэзіею исландскою и выспрашивалъ меня о новыхъ книгахъ по сей части. Я хотѣлъ уѣхать; но онъ не пустилъ меня и оставилъ опять ночевать, сказавъ, что приготовилъ для меня другую комнату, просторнѣе, хотя и прежняя была прекрасная и удобная. Я провелъ опять вечеръ съ ними и онъ былъ необыкновенно любезенъ... Мнѣ кажется, что посѣщеніе мое ему не въ тягость и вчера ввечеру, прощаясь со мною, онъ сказалъ мнѣ даже не только что-то лестное, но даже почти нѣжное, въ отвѣтъ на мое извиненіе, что я, не рекомендованный никѣмъ, рѣшился пріѣхать къ нему. Пріятель его много рассказывалъ мнѣ о немъ особенностей и хвалилъ его благородный характеръ, о коемъ другіе иначе отзывались. Онъ любитъ посѣщенія чужестранцевъ, хотя лондонскіе дэнди и надоедаютъ ему своими незнакомыми визитами, всегда и весь день почти въ обществѣ, и никто не знаетъ, когда

¹⁾ Средневѣковыхъ тайныхъ судилищахъ.

онъ имѣеть время писать и что пишеть... Любитъ балагурить съ гостями, хотя и балагурство его все съ какою-то любезною важностію и лицо чрезвычайно умное и выразительное... Весь домъ его въ книгахъ и въ древностяхъ и достопримѣчательностяхъ всякаго рода: я нашелъ и русскіе православные складни и шитые торжковскіе сапоги, цѣлыя одежды рыцарей съ панцырями и шлемами и копьями на стѣнахъ. Много хорошихъ картинъ и комнаты убраны со вкусомъ» (стр. 396—400).

Нельзя, въ заключеніе, не выразить желанія, чтобы изданіе этой переписки было продолжаемо: судя по началу, она, среди своихъ личныхъ отношеній, должна представлять не мало общаго историческаго интереса. Еще болѣе, быть можетъ, требуютъ изданія бумаги самого Н. Ив. Тургенева: для него еще при жизни наступила исторія, примиряющая партіи и безпристрастная; тѣ, кто были ему враждебны по принципамъ, отдавали ему справедливость, даже не-хотя, потому что общій голосъ вынуждалъ эту справедливость. Его жизнь была изъ самыхъ поучительныхъ, какія можетъ представить біографія дѣятелей нашего общественнаго быта; собрать документы, личные выраженія этой жизни, значило бы дать ей еще разъ новую цѣну, примѣромъ твердаго и возвышеннаго убѣжденія, и утвердить ея историческую память.

А. Пипинъ.

ПОЛЬСКІЯ ФАНТАЗІИ

НА

СЛАВЯНОФИЛЬСКУЮ ТЕМУ.

Польша и Россія въ 1872 году, сочиненіе бывшего члена Государственнаго Совѣта Царства Польскаго. Дрезденъ. (Polska i Rosya w 1872 r., przez b. Członka Rady Stanu Królestwa polskiego. Dresden, 1872).

I.

Особый государственный Совѣтъ для царства польскаго былъ однимъ изъ мертворожденных дѣтенышей такъ-называемой комбинаціи 1862 г. или, иными словами, системы управленія маркиза Велепольскаго. Этотъ совѣтъ, долженствовавшій состоять изъ высшихъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ царства, ни разу, вѣжется, не функционировалъ, остался на бумагѣ и унесенъ былъ волнами мятежа 1863 г.—Авторъ разбираемой нами брошюры былъ или именовался по крайней мѣрѣ членомъ Совѣта, значитъ, онъ былъ изъ высшихъ сановниковъ царства при Велепольскомъ; онъ и теперь еще послѣ всѣхъ неудачъ благоговѣтъ передъ маркизомъ, предъ тѣми качествами ума и характера Велепольскаго, которыя обворожили и увлекли русскихъ государственныхъ людей (страница 62), которыя заставили этихъ людей приложить свою руку къ комбинаціи 1862 г., состоявшей «благодаря особенной милости Провидѣнія, великодушію Монарха и тогдашнему настроенію русскаго народа» (стр. 64).—Авторъ—полякъ и пишетъ тѣмъ прекраснымъ языкомъ, который

нынѣ начинаетъ становиться рѣдкимъ и который напоминаетъ языкъ Колонтая и Снядецаго. Авторъ солидаренъ съ Велепольскимъ и его программой, онъ жилъ долго въ Петербургѣ и Москвѣ (54), онъ питаетъ признательность къ тѣмъ русскимъ людямъ въ Петербургѣ, которые не отвернулись отъ него и остались его пріятелями въ частной жизни, не смотря на племенные распри.—Слогъ автора не лишенъ нѣкоторого пафоса и риторическаго бомбаста. Брошюру свою онъ посвящаетъ «отцамъ семействъ, озадаченнымъ судьбою подрастающихъ поколѣній, гражданамъ скорбящимъ о своемъ бездѣйствіи въ юбилейномъ (послѣ перваго раздѣла) 1872 году».—На каждой почти страницѣ встрѣчаются выраженія о призваніяхъ, о Провидѣніи и о Высочайшей Премудрости, которыя если съ одной стороны свидѣтельствуютъ о религіозномъ образѣ мыслей члена Совѣта, то съ другой подвергаютъ его упреку въ томъ, что онъ сильно злоупотребляетъ этими понятіями, потому что странно, напримѣръ, слышать, какъ непосредственному дѣйствию Провидѣнія приписывается комбинація 1862 года, которая, какъ намъ доказали событія, была комбинація, не имѣвшая въ себѣ самой никакихъ жизненныхъ условій существованія, съ самаго своего начала несостоятельная, несбыточная и въ будущемъ, съ чѣмъ и самъ авторъ соглашается (64). Авторъ не называлъ себя по имени, хотя число сподвижниковъ Велепольскаго не такъ велико, чтобы нельзя было ихъ перебрать по одиночкѣ и разрѣшить вопросъ о происхожденіи брошюры, что и сдѣлали львовскія газеты. Одна изъ нихъ «Gazeta pogodowa» въ статьѣ за подписью S. B. объявила, что подъ анонимомъ скрывается Казиміръ Крживицкій, бывшій Директоръ Правительственной Коммиссіи Просвѣщенія и Исповѣданій въ царствѣ польскомъ. — Оставляя повѣданный львовскою газетою фактъ на ея отвѣтственности и обходя вопросъ о личности автора брошюры, какъ въ сущности не очень важный, или лучше сказать важный лишь настолько, насколько брошюра представляется произведеніемъ несомнѣнно польскаго, а не русскаго пера, остановимся на ея содержаніи, которое во многихъ отношеніяхъ знаменательно. Ново въ брошюрѣ не то, что авторъ является глашатаемъ мира, апостоломъ соглашенія племенъ,—въ сущности всѣ органы русской печати, не исключая «Московскихъ Вѣдомостей», гласятъ о необходимости примиренія, причемъ иные находятъ это примиреніе возможнымъ безъ обрусенія, иные посредствомъ и послѣ обрусенія, всѣ же ждутъ болѣе или менѣе авансовъ со стороны поляковъ; съ другой стороны, авансы эти никогда не были такъ часты, какъ въ настоящее время. Поминутно то возвращаются въ Россію добровольно, под-

вергая себя всѣмъ послѣдствіямъ явки, тѣ или другіе повстанцы 1863 г., то высказываются въ пользу Россіи, извѣрившись въ помощь Запада тѣ или другіе корифеи польской эмиграціи.—Инстинктивно чувствуется, что теперь-то и настала настоящая пора сѣять, кончать семейный споръ семейно, безъ всякихъ постороннихъ вмѣшательствъ и вліяній, устроить племенной бракъ на справедливыхъ и безобидныхъ для обѣихъ сторонъ основаніяхъ, которыя со стороны побѣдителя будутъ имѣть всѣ признаки и выгоды благоразумнаго великодушія, а у побѣжденнаго отнять право сѣтовать на свою судьбу. Примиреніе—общая пѣснь, вещь одинаково всѣми одобряемая въ принципѣ; весь вопросъ только въ основаніяхъ его и кондиціяхъ. — Особенность разбираемой нами брошюры составляетъ то, что авторъ, заявляя себя горячимъ польскимъ патріотомъ, сдается безъ кондицій, предлагаетъ своимъ соотечественникамъ сейчасъ и поголовно слиться съ русскими, принести въ жертву даже свой языкъ и, исчезнувъ въ смыслѣ особаго народа, возродиться въ единицѣ высшаго порядка, въ славянщинѣ, говорящей однимъ культурнымъ языкомъ и выросшей изъ русскаго государства.—Авторъ забѣгаетъ впередъ русскимъ славянофиламъ, предвосхищая у нихъ задушевнѣйшія ихъ мечты о томъ, какъ славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ. — Онъ гораздо прямѣе ставитъ вопросъ, чѣмъ, напримѣръ, г. Лавровскій въ рѣчи по случаю празднованія памяти св. Кирилла и Мефодія въ Варшавѣ 11 мая нынѣшняго года («Голосъ» № 37). Г. Лавровскій отрещивается отъ всякой мысли и всякаго намѣренія русить царство польское; онъ только требуетъ въ интересъ государства во-первыхъ, чтобы персоналъ администраціи въ царствѣ польскомъ состоялъ изъ однихъ русскихъ, а туземцы были въ нее допускаемы только въ силу особаго къ каждому изъ нихъ довѣрія, то-есть, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, такъ какъ количество подобныхъ туземцевъ «крайне ограничено и ничтожно»; во-вторыхъ, чтобы русскій языкъ сталъ исключительнымъ органомъ администраціи и просвѣщенія. За этими двумя изытіями г. Лавровскій, подтверждающій между прочимъ свои умозаключенія ссылкой на слова брошюры члена Совѣта, не прочь даже благопріятствовать польской національности.—Авторъ брошюры на мой взглядъ послѣдовательнѣе г. Лавровскаго. Онъ постигаетъ, что послѣ исключенія языка изъ школы, присутственнаго мѣста и суда, а въ послѣдствіи можетъ быть и изъ церкви, на первыхъ только порахъ въ одномъ или двухъ поколѣніяхъ его соотечественники будутъ бесѣдовать по-польски «съ собою дома, съ пріятелями и дѣтьми, съ музами, да съ Господомъ Богомъ въ молитвѣ» (59);

но въ концѣ концовъ послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій на каждомъ шагу будутъ встрѣчаться поляки, не говорящіе ни слова по-польски (60), значить, собственно не поляки, а настоящіе русскіе люди.—Сказавъ, что авторъ послѣдовательно г. Лавровскаго, спѣшу оговориться: онъ послѣдовательно, но все-таки не до самаго конца. «Впрочемъ и тогда еще, говорить онъ (стр. 60), можно будетъ отличить поляка, хотя и не употребляющаго польскаго языка, потому что онъ будетъ думать, чувствовать и дѣйствовать какъ думали, чувствовали и дѣйствовали его великіе предки,—не тѣ, которые загубили Польшу, но тѣ великіе, о которыхъ преданія слушать будетъ растроганный до глубины души потомокъ, хотя бы онъ уже и забылъ свой родной языкъ».—Я полагаю, что это утѣшеніе не совсѣмъ искренно со стороны автора брошюры. Народность въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ вмѣщаетъ въ себѣ два элемента: пассивный и активный. Пассивный состоитъ въ извѣстныхъ привычкахъ мысли, чувства и воли, которыя присущи человѣку вслѣдствіе воспитанія, хотя бы онъ былъ отступникъ, и проявляются невольно въ томъ, что мысль все-таки отливается въ родныя слова и въ памяти держатся кой-какія воспоминанія. Активный элементъ въ народности заключается въ возлюбленіи народныхъ идеаловъ, въ проникновеніи себя этими идеалами до того, что человѣкъ готовъ имъ жертвовать своимъ личнымъ счастьемъ и жизнью. Привычки сохраняетъ даже измѣнникъ или совершеннѣйшій индифферентъ и космополитъ, но патриотомъ не можетъ быть человѣкъ безъ народныхъ привычекъ, въ особенности безъ привычки роднаго языка. Такъ какъ у насъ все воспитаніе книжное, то безъ языка нѣтъ ключа къ литературѣ, значить, и къ преданіямъ родины; значить, потомокъ, незнающій языка предковъ, слушая не будетъ слышать и понимать преданій о предкахъ, значить, онъ ими не тронется вовсе, значить, родина его воспитанія будетъ его настоящею родиною, и сдѣлается онъ, если онъ самъ хорошій человѣкъ, настоящимъ хорошимъ русскимъ человѣкомъ.

Утѣшеніе преданіями очевидно разсчитано авторомъ на польскихъ его читателей; для русскихъ оно бесполезно и даже излишне; для русскихъ совершенно съ перваго же разу понятно, что здѣсь проповѣдуется отреченіе не отъ языка съ сохраненіемъ преданій, а совмѣстно и отъ языка и отъ преданій, отреченіе отъ всего, «что вообще, но нѣсколько вульгарно, называется любовью къ отечеству» (7). Оно и проще; въ отреченіи отъ языка съ сохраненіемъ преданій русскій человѣкъ всегда бы подозрѣвалъ какое-либо валенродство, сирѣчь затаенную измѣну, а тутъ—просто полнѣйшее самоуничтоженіе въ смыслѣ

національности. Съ этой точки зрѣнія, заявленія автора брошюры, какъ истого поляка, приобрѣтають необыкновенный вѣсъ и значеніе. Они самымъ неожиданнымъ образомъ являются подмогою и подспорьемъ славянофильскимъ воззрѣніямъ на польскій вопросъ. Понятно, почему на нихъ ссылается г. Лавровскій, ратуя противъ несомнѣнно русскаго автора «Восточной политики Германіи и Обрусенія» въ «Вѣстникѣ Европы» за текущій годъ. Трудно себѣ представить болѣе рѣзкій контрастъ, нежели тотъ, который существуетъ между М. Т-ымъ, авторомъ «Восточной политики Германіи и Обрусенія», и членомъ Совѣта. — М. Т-въ полагаетъ, что не все ладно въ мѣропріятіяхъ по польскому вопросу за послѣднее время, что въ западныхъ губерніяхъ русскіе дѣятели задались мыслью русить многое не только русское, но издревле русское, что въ такъ-называемомъ привислинскомъ краѣ была могущественная и вліятельная русская партія между туземцами, которая правила сеймами, возводила королей и помогла разложиться Рѣчи-Посполитой, а теперь ея нѣтъ, что ее надобно создать, и образовать, чтобы опереться на нее, а не на одну бюрократію и войско (В. Евр. январь, 692), что введеніе русскаго языка во всѣ проявленія публичной и учебной жизни въ царствѣ польскомъ не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ слитія поляковъ съ русскими въ одно этнографическое цѣлое или обрусеніе, но само это обрусеніе имѣетъ малые шансы въ царствѣ, потому что польскій простолюдинъ, хотя бы и учившійся въ полурусскихъ школахъ, не перестанетъ чувствовать себя въ національномъ смыслѣ полякомъ, значить, будетъ въ умственномъ отношеніи питаться книжками, которыя будутъ приготовляемы туземнымъ культурнымъ слоемъ, а этотъ туземный слой не можетъ сочувствовать уничтоженію своей національности и своего языка (691). — М. Т-въ разсуждаетъ какъ русскій о мѣрахъ, которыя по его мнѣнію должны бы быть предприняты въ царствѣ польскомъ для блага и въ интересахъ его родины — Россіи. — Членъ Совѣта, какъ полякъ, считаетъ себя не вправѣ предлагать какіе либо совѣты на этотъ счетъ русскому народу. Онъ разсуждаетъ съ большимъ тактомъ и весьма резонно, слѣдующимъ образомъ: «я не думаю, говорить онъ, чтобы для Россіи было невозможно или бесполезно вернуться опять къ комбинаціи 1862 г.; зажили бы скорѣе въ этомъ случаѣ нѣкоторыя раны; оказаны бы были нѣкоторыя услуги общечеловѣческой цивилизаціи; развязаны были бы можетъ быть руки для какого-нибудь великаго всемірно-историческаго дѣянія. Я утверждаю только, что сужденіе о пользѣ и цѣлесообразности подобнаго средства принадлежитъ всецѣло русскому

правительству, мы же, столь жестоко провинившіеся въ 1863 г. и на голову разбитые, никомъ образомъ не годимся въ совѣтники (64)». — Авторъ брошюры, если даетъ совѣты, то только своимъ соотечественникамъ, но такъ какъ его наставленія клонятся прямо къ сліянію съ русскими въ одно этнографическое цѣлое, съ отреченіемъ отъ языка, то очевидно, что, если его соотечественники его послушаютъ и если его внушеніямъ послѣдуютъ если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе, Россія получитъ разомъ, безъ всякихъ стараній съ своей стороны и безъ всякой перемѣны своей политики на окраинахъ, ту русскую партію, о которой хлопочетъ г. М. Т-въ.

Тогда окажется, что польскій вопросъ вещь вовсе не столь мудреная, какъ казалось; что «ларчикъ просто открывался»; что для приведенія этого многотруднаго вопроса къ благополучному окончанію не только не потребуетъ сдѣлать какія либо измѣненія въ системѣ, но напротивъ того, придется идти неуклонно съ удвоенною энергіею по направленію, избранному въ минуту борьбы и кризиса въ 1863 и 1864 годахъ. — Спрашивается, есть ли надежда, чтобы всѣ или многіе изъ соотечественниковъ автора послѣдовали его примѣру, убѣдились его доводами? Убѣдительнымъ совѣтъ можетъ быть только тогда, когда онъ логиченъ, когда его и послыши несомнѣнно вѣрны, и окончательные выводы и заключенія вытекаютъ изъ предпосланныхъ имъ посылокъ. Всѣ племенные и международныя распри на свѣтѣ происходятъ главнымъ образомъ отъ нелогичности, отъ сумбура въ головахъ, оттого, что люди или берутъ послыши, которыя брать не слѣдуетъ, или выводятъ изъ надлежащихъ посылокъ криво-толкомъ ненадлежащія заключенія. Взглянемъ съ этой стороны на брошюру: «Польша и Россія въ 1872 году».

II.

Съ первыхъ страницъ сочиненія насъ поражаетъ то обстоятельство, что авторъ усвоилъ себѣ такія двѣ послыши, которыя служили доннынъ пищею для племенной розни, масломъ, подливаемымъ въ огонь, и послѣ которыхъ обыкновенно прекращался всякій разговоръ о замиреніи: *во-первыхъ*, протестъ противъ раздѣла Польши, мѣшающій польскому народному самолюбію признать, что государство до тда сгнило прежде, нежели къ нему прикоснулись сосѣди, и заставляющій поляковъ доннынъ бредить границами 1772 года; *во-вторыхъ*, увлеченіе бонапартизмомъ, самый тяжелый грѣхъ и повальная болѣзнь Польши послѣраз-

дѣльной. — «Раздѣлъ Польши, говоритъ авторъ (3), былъ тяжелою обидою со стороны сосѣдей; предки наши исполняли свой долгъ, дѣлая повстанія; мы, ихъ потомки, обязаны были бы пролить послѣднюю каплю крови для того же, если бы мы были въ такомъ же какъ и они положеніи... Впослѣдствіи послѣ раздѣловъ, не легкомысліе заставляло предковъ нашихъ для воскрешенія Польши тянуть къ наполеоновскимъ орламъ (14, 15). Какъ ни кровожадны были эти птицы, какъ ни холоденъ былъ эгоизмъ полководца, который гналъ ихъ на поля, усѣянные, костью, но онѣ летѣли съ гнѣзда, въ которомъ завѣдомо всему міру бились горячія сердца для общечеловѣческихъ идей, гдѣ хотя на дѣлѣ и попираема была справедливость, но никто не произнесъ богохульственнаго слова, что справедливость — вздоръ (!!!), гдѣ блистательнѣйшая въ мірѣ магистратура (!!) золотыми устами научала народъ и человѣчество, отдавать честь справедливости (!!).» — Послѣ этихъ прелестныхъ по своей наивности словъ можно было бы повидимому закрыть книгу, предвидя слѣдующее неизбѣжное заключеніе: если дѣды поступали хорошо и дѣльно, пробуя воскрешать умершую, то и внукамъ слѣдовало бы совершать тоже, потому что въ противномъ случаѣ надлежало бы опредѣлить день и часъ, когда то, что было народнымъ долгомъ, превратилось въ народное преступленіе или ошибку. Если отцы хорошо дѣлали, когда тянули къ странѣ, гдѣ, хотя втоптана была въ грязь справедливость, но звучали золотыя фразы, то и сыновьямъ подобаешь быть стойкими въ томъ же влеченіи, можетъ быть даже помышлять о реставраціи господина, проживающаго въ Числьгёрстѣ, или по крайней мѣрѣ пропѣть эпическую пѣснь про Седанскій бой и Седанскаго героя. — Ничуть не бывало; авторъ такой же врагъ, какъ и благоразумнѣйшіе изъ его соотечественниковъ, малѣйшаго помышленія о политическомъ возстановленіи Польши, онъ внушаетъ имъ отказаться отъ всякой надежды не только на извѣстную династію, но и на Францію вообще. Слѣдующимъ образомъ происходитъ у него этотъ нежданный и негаданный поворотъ. — «Отъ цѣлей нашихъ предковъ, разсуждаетъ авторъ, мы должны отказаться, потому что, имѣя въ рукахъ недурныя карты, мы оплошали дважды, кинувшись въ азартную игру въ 1830 и 1862 годахъ (80). Мы должны разъ навсегда подчиниться силѣ совершившагося факта. Совершившійся фактъ тоже въ политикѣ, что въ небесной механикѣ центры тяготѣнія, управляющіе движеніями космической матеріи» (2). — Независимо отъ того, что подобный выводъ сильно смахиваетъ на поклоненіе золотому тельцу, иными словами на обожаніе успѣха, мы остаемся въ

полнѣйшемъ невѣденіи, отчего внуки должны отказаться отъ цѣлей дѣдовъ, оттого ли, что они промахнулись и оплошали, или оттого, что самыя цѣли оказались физически невозможными и неосуществимыми. — Въ первомъ предположеніи происходить игра идеею долга точно въ прятки: былъ долгъ — промахнулись — долга не стало. Во второмъ предположеніи долгъ не существовалъ съ самаго начала, хотя дѣды въ простотѣ своей воображали, что онъ существуетъ, вслѣдствіе чего, отказываясь отъ отцовскихъ затѣй, внуки дѣйствуютъ вовсе не по уваженію къ совершившемуся факту, а потому, что они поумнѣли въ сравненіи съ отцами и прозрѣли простоту отцовъ.

Что ни говори авторъ о полномъ согласіи идеи совершившагося факта съ существованіемъ нравственнаго порядка, обѣ эти идеи несомнѣстимы, и пріемъ его съ совершившимся фактомъ, вслѣдствіе котораго дѣлаются столь чудныя перемѣны съ долгомъ, что долгъ былъ и вдругъ пропалъ, исчезъ, улетучился, есть неболѣе какъ эскамотажъ вполнѣ очевидный для всякаго внимательнаго наблюдателя.

Выводъ сдѣланъ какими бы то ни были путями и изъ какихъ бы то ни было посылокъ, притомъ выводъ самъ по себѣ правильный и вѣрный, заключающійся въ томъ, что внукамъ надо отказаться отъ унаслѣдованныхъ предкамъ затѣй относительно несбыточной самобытности политической. — На этомъ отрицательномъ результатѣ, не отличающемся особенною новизною, авторъ не желаетъ покончить. Онъ понимаетъ, что отрицательными результатами довольствуются только мертвецы и отпѣтые, что сердце, пока живо, просится желать, что рука спрашиваетъ: что дѣлать? наконецъ, что человѣку не живетъ безъ идеаловъ, значитъ, по упраздненіи стараго, надобно его замѣстить другимъ, болѣе удачнымъ. — Новый богъ нашелся, онъ изваянъ и поставленъ на пьедесталъ. Одноплеменные, однокровные народы стремятся нынѣ повсемѣстно сгущиваться въ большія массы. Наполеонъ III предугадалъ и предрекъ, что однокровные агломераты составляютъ правдоподобнѣйшую форму будущаго устройства Европы (18); создана Италія, сплотились Германія, теперь чередъ за славянщиной, которая образуется посредствомъ того, что по возможности всѣ славяне сольются въ русское государство и усвоятъ себѣ русскій государственный и литературный языкъ, подъ оболочкой котораго если и будутъ прозябать прочіе бывшіе славянскіе языки, то только въ видѣ некультурныхъ нарѣчій. — Панславизмъ, какъ извѣстно, далеко не новость, любопытно только знать, какъ онъ зародился у автора? изъ какихъ произошелъ источниковъ? какъ сдѣлался его крестнымъ

отцомъ Наполеонъ III? Какъ попалъ Наполеонъ III въ предтечи этого новаго культа, котораго вчерашнимъ жрецомъ былъ Кавуръ, а нынѣшнимъ жрецомъ состоитъ безъ сомнѣнія князь Бисмаркъ? Панславизмъ въ брошюрѣ является осуществленіемъ отвлеченной теоріи, примѣненіемъ общаго закона, знаменующаго будто бы ближайшее будущее и состоящаго въ томъ, что едино-кровныя племенные особи будутъ непремѣнно скучиваться въ большія расовыя единицы.—Богъ вѣсть откуда взялся этотъ законъ, который и а priori не повѣренъ, и а posteriori не можетъ быть доказанъ.—Никогда еще племенные особи не спланивались воедино во имя отвлеченной идеи о своемъ братствѣ по крови; напротивъ того, онѣ жили въ продолженіи многихъ вѣковъ о-бокъ другъ друга, не помышляя о слияніи. Сплоченіе многихъ и большею частью разныхъ племенъ не въ расовыя, а въ національныя единицы, было по большей части слѣдствіемъ грубой силы, иногда оно было вызываемо сознаніемъ общей опасности отъ внѣшняго врага или видами дѣла могущаго быть совершеннымъ сообща, во всякомъ же случаѣ если оно устанавливалось и окрѣпало, то подкладкою ему служили не чувства кровнаго родства, но весьма положительныя бытовые интересы спланивающихся, которые надо отыскать и указать, когда заходить рѣчь объ образованіи новаго аггломерата.—Въ общемъ ходѣ историческихъ событій, раса является всегда фактомъ первоначальнымъ; потомъ изъ слиянія разныхъ расъ, иногда самыхъ противоположныхъ, возникаютъ историческія національности. Разъ выработавшаяся и отчеканившаяся національность хранить крѣпко этотъ чеканъ и ни за что въ свѣтѣ не согласна расплавиться опять въ расу, погрузиться обратно въ расовую неопредѣленность и безразличіе. Чеканъ національности весьма крѣпокъ, онъ переживаетъ вѣка и тысячелѣтія. Въ основаніи всѣхъ новѣйшихъ національныхъ сплоченій, каковы Италія или германская имперія, лежитъ какой-нибудь подобный чеканъ, какая-нибудь историческая традиція. Италіи помогла сплотиться память о древнемъ Римѣ, государственномъ средоточіи Италіи и владычествіи міра; передъ Германією носились легенды о Карлѣ Великомъ и о Фридрихѣ Барбаруссѣ. — Законъ сращенія національностей въ расы оказывается несуществующимъ, противнымъ исторіи, онъ просто измышленіе автора брошюры, а за устраненіемъ его и панславизмъ автора является чѣмъ то недоказаннымъ и висящимъ на воздухѣ. — Вслѣдствіе безпочвенности этого идеала онъ ни для кого не привлекателенъ. Я не думаю, чтобы его нельзя было сдѣлать привлекательнымъ не только для русскихъ, которыхъ народному самолюбію онъ не можетъ

не льстить, но и для другихъ славянъ,—опираются же на него и весьма сильно чехи, чая отъ Россіи избавленія отъ своихъ бѣдъ и непріятелей. Но я полагаю, что, являясь панславистомъ, авторъ взялся за дѣло не съ надлежащаго конца. Ему бы слѣдовало вниенуть въ бытъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ, и отыскать тѣ весьма существенные интересы, которые заставляютъ какъ поляковъ, такъ и русскихъ, искать взаимнаго сближенія, поляковъ потому, что послѣ отреченія отъ мечтаній о политической самобытности имъ сроднѣе и естественнѣе и по натурѣ и по преданіямъ быть въ государствѣ у Россіи нежели у нѣмцевъ; русскихъ же потому, что обезнароженіе поляковъ съ той минуты какъ дознано будетъ, что они основательно и окончательно отказались отъ своихъ мечтаній о самобытности, становится бесполезнымъ и ни для кого не нужнымъ, а установленіе въ ближайшемъ будущемъ прочныхъ связей съ ними на безопасныхъ для Россіи основаніяхъ, не только ограждало бы Россію отъ возможнаго напора волнъ нѣмецкихъ, но и «развязывало бы Россіи руки для какаго нибудь всемірно историческаго дѣянія» (64).—Россія, не превращаясь въ славянщину, сдѣлалась бы тогда можетъ быть ядромъ, къ которому бы съ радостью и упованіемъ пристали многіе народы и славянскаго и даже не славянскаго происхожденія. — Вмѣсто этого приема авторъ, желая увлечь поляковъ въ свою славянщину, дѣлаетъ скачекъ, становится вдругъ космополитомъ и начинаетъ поучать своихъ земляковъ съ точки зрѣнія отвлеченнѣйшаго національнаго индифферентизма, что въ сущности народность вздоръ, а главное-то человѣчество, и что народность важна только какъ формочка, въ которую надобно влѣзть, что бы сдѣлаться *настоящимъ человекомъ* (8).—Въ мірѣ, говоритъ онъ, все возрождается чрезъ смерть къ новой жизни (5) ежеминутно приходится жертвовать своею формою быта, чтобы облечься въ другую, имѣющую высшее назначеніе (4); какъ та, такъ и другая форма суть въ сущности созданія одной и той же Божественной Премудрости.—По этой теоріи отечество, родина являются чѣмъ то въ родѣ платья, которое можно мѣнять, когда одно изнашивается, надѣть другое болѣе просторное или даже помириться съ болѣе узкимъ въ надеждѣ, что оно подастся и расширится, когда станешь его носить. Переменя сначала непріятна, но потомъ къ ней пріобыкнешь. Собственно есть двѣ отчизны у человѣка, по мнѣнію автора: одна обаятельная и милая — отчизна сердца; другая, которая тѣмъ хороша, что ее никто не отниметъ—отчизна труда. Съ теченіемъ времени то, что для предковъ было отчизной труда, сдѣлается отчизною сердца

для потомковъ. — Космополитическій элементъ столь силенъ въ брошюрѣ, что она заставляетъ поляковъ и спрашиваться-то у русскихъ въ славянщину космополитично: пустите насъ, мы люди, и какъ люди желаемъ мы общенія съ вами въ одномъ политическомъ тѣлѣ (72). Странная, неправда-ли, рекомендація для входа въ славянщину. На этомъ основаніи въ эти же двери на равныхъ правахъ могутъ и будутъ стучаться, татары, евреи деже нѣмцы и всѣ вообще племена! Я не прочь отъ мысли о полнѣйшемъ удовлетвореніи этихъ племенъ, но спрашивается, при чемъ же тутъ славянщина, изъ за которой хлопочетъ брошюра?

Если послѣ всѣхъ приведенныхъ выдержекъ изъ брошюры станемъ подводить итоги, то увидимъ, что авторъ, какъ Протей, ежеминутно мѣняетъ видъ и обращивается во что-нибудь новое; то онъ полякъ стараго покроя и слегка бонапартистъ, то онъ панславистъ, то онъ космополитъ. Видно, что готовясь разрѣшать польскій вопросъ, онъ запасаея всевозможными отмычками разной формы и величины. Наблюдая за нимъ въ дѣлѣ, какъ станеть онъ открывать ларчикъ, который, что ни говорить о немъ, а не легко вскрывается. Чтобы оцѣнить практическую сторону совѣтовъ, предлагаемыхъ авторомъ соотечественникамъ, сдѣлаемъ рядъ выписокъ изъ брошюры, которыя коснутся самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности и потому заслуживаютъ серьезнѣйшаго вниманія, хотя высказаны не твердымъ въ основныхъ принципахъ, неустойчивымъ и до смѣшного непослѣдовательнымъ человѣкомъ.

III.

«Мы страшно упали; какъ собирательное цѣлое мы не могли бы нынѣ совершить никакого матеріальнаго дѣйствія, ни угрожать кому бы то ни было, ни привлечь (12). Мужикъ въ политической игрѣ не нашъ, онъ всегда стоитъ за власть, онъ обезпеченъ, получивъ отъ русскаго правительства болѣе, чѣмъ ему бы могло дать всякое другое правительство; не станемъ же мы на него дѣйствовать посредствомъ соціалистической пропаганды (15). Мы совершенно одни передъ лицомъ подѣланныхъ нами державъ, безъ помощи въ крестьянствѣ, безъ крѣпкаго средняго класса, безъ денегъ, даже безъ пользующихся общепризнаннымъ авторитетомъ представителей народной мысли, то-есть безъ кормчихъ въ горной области идеѣ. Наши несомнѣнно даровитые ученые и литераторы не могутъ вліять органически на собира-

тельное цѣлое, лишенное всякой организаціи, они носятя надъ нами, блестятъ и украшаютъ, но не въ силахъ вести къ исполненію великихъ общественныхъ призваній (16). Мы стоимъ у перепутья и должны теперь же не медля уяснить себѣ и рѣшить, куда пойти и къ кому тянуть: къ Германіи, Австріи или Россіи (17)? Есть совѣтчики, которые внушаютъ: зачѣмъ рѣшаться, когда можно временно, оттягивать и балансировать. Мизерная политика мизерныхъ интересовъ! обличеніе не только матеріальнаго, но и нравственнаго безсилія и ничтожества! Съ нами не стануть торговаться, насъ стануть эксплуатировать и въ концѣ концовъ дадутъ лишь то, что сами дать хотятъ, не обращая вниманія на наши изподтишка угрозы (19)». Поставивъ столь широко задачу, подлежащую собирательному цѣлому, авторъ сейчасъ же суживаетъ ее и предлагаетъ этому собирательному цѣлому нынѣ же раздѣлиться на три части, спастись каждой части поодиночкѣ. Онъ отказываетъ себѣ въ правѣ давать совѣты жителямъ Познани и галичанамъ, изъ которыхъ первыхъ необходимость заставляетъ устраниваться наивыгоднѣйшимъ образомъ въ германской имперіи, а вторымъ опереться на Австрію (17). Онъ поучаетъ только однихъ обывателей царства польскаго и имперіи російской, однако не безъ задней мысли и не безъ надежды, что изъ его совѣтовъ вырастутъ въ будущемъ плоды и для познанцевъ и для галичанъ. «Придетъ можетъ быть время послѣ слитія нашего съ русскимъ народомъ, что мы не смотря на наше миролюбіе, переведемъ на славянскій языкъ нѣкоторые афоризмы теперешнихъ государственныхъ людей Германіи, по каковымъ афоризмамъ рѣшены недавно судьбы Лотарингіи и Эльзаса». Оговорившись такимъ образомъ, авторъ сводитъ итоги, дѣлаетъ расчетъ для вывода баланса между собирательнымъ цѣлымъ въ произвольно ими выдѣленной третьей части и всѣми тремя державами, въ предѣлахъ коихъ обрѣтается это цѣлое. Балансъ выходитъ слѣдующій, прежде всего въ отношеніи къ Австріи.

«Видали вы больного, который на кровати мечется и которому неповойно лежать и на боку, и на спинѣ: это образъ державы Габсбурговъ. Среди этого хаоса голова кружится, политика превращается въ сновидѣніе и бредъ, ступаешь по облакамъ, не чувствуя почвы подъ ногами, и какъ ни прикинешь выходить нескладно, будетъ ли это централизмъ, дуализмъ или федерализмъ». Остріемъ тончайшей ироніи пронизана придунайская Вавилонія, ея разношерстность, ея безчисленные сеймовыя говорильни, нескончаемый торгъ «аусглейхами,» въ которомъ

всѣ племена прицѣниваются и расходятся ничѣмъ не порѣшивши, не ударивши по рукамъ, между тѣмъ какъ дѣло неспорится, и оказывается, что всѣ толкуются на одномъ и томъ же мѣстѣ, не дѣлая ни шагу впередъ. Такой мѣткій и вѣрный очеркъ австрійскихъ дѣлъ и отношеній способенъ отбить у самыхъ завзятыхъ политикановъ малѣйшую надежду на возстановленіе Польши посредствомъ Австріи. Чешско-польско-мадьярскій федерализмъ отнесенъ авторомъ къ числу несбыточнѣйшихъ утопій, какъ и всякій вообще федерализмъ, который имъ сочтенъ неприходящимся современнымъ народамъ ни по нраву, ни по росту. Вдали представляется автору, какъ нѣчто весьма возможное, то предположеніе, что исчерпавъ всѣ попытки федерализаціи, нѣмцы сойдутся съ мадьярами на счетъ славянъ. и станетъ Австрія славянскимъ изъ разныхъ кусковъ спитымъ тѣломъ, управляемымъ изъ Вѣны нѣмецкою душою. Въ своей нелюбви къ нѣмцамъ авторъ хватаетъ черезъ край, и его воображенію рисуется даже *Drang nach Osten* изъ Вѣны, германизація Галиціи, въ чемъ нельзя не признать сильной утрировки. Германизація Галиціи не успѣвала при Меттернихѣ, — теперь при автономіи областей она немыслима. Австрія живетъ со дня на день, но потому то она и даетъ людямъ жить, только житье это ненадежное и не прочное, части расклеиваются, ежеминутно можетъ послѣдовать паденіе стропилъ и столбовъ. Приятно-ли копать въ плѣсени или работать въ ожиданіи обвала крыши въ зданіи, которое не можетъ служить даже и пристанищемъ (35—49).

IV.

Предположеніе сближенія поляковъ съ германскою имперією представляется во сто кратъ хуже надеждъ, возлагаемыхъ на Австрію (26—35). Австрія ненадежный пріютъ для поляка, но Германія вообще, для славянства—готовая могила. Авторъ брошюры не можетъ слышать безъ сильнѣйшаго негодованія сужденій довольно распространенныхъ нынѣ о томъ, что если нельзя намъ оставаться поляками, такъ сдѣлаемся нѣмцами. Онъ называетъ это изреченіе отчаяніемъ въ формѣ силлогизма (26). Полякъ и нѣмецъ—это два вещества химически несродныя, которыя какъ ихъ ни мѣшай, никоимъ образомъ не соединятся. Черезъ всѣ поры мы были бы залиты снаружи внутрь и сверху внизъ элементомъ болѣе образованнымъ, непристающимъ въ

намъ и ненуждающимся въ насъ. Въ администраціи, судѣ, школахъ явилась бы тѣма людей достойныхъ, технически и гуманно развитыхъ, но чуждыхъ намъ вполнѣ и непреодолимо предубѣжденныхъ въ превосходствѣ своей породы и въ естественной неспособности нашей къ воспріятію высшей культуры. Мы бы превратились въ стадо, они въ пастуховъ. Нашъ ремесленникъ вытѣсненъ бы былъ въ скоромъ времени и разоренъ вслѣдствіе конкуренціи несравненно болѣе ловкихъ ремесленниковъ-пришельцевъ. Невзначай и весьма быстро среди насъ сформировались бы эти пришельцы въ свои кружки и корпораціи. Наши ряды стали бы рѣдѣть, пришелецъ сталъ бы втискиваться въ среду нашего крестьянства. Нѣмцамъ сподручнѣе колонизировать царство польское нежели Соединенные Штаты, а царство польское, вмѣщающее нынѣ 5.300,000 жителей могло бы вмѣстить 11 мил., будь оно населено столь плотно, какъ Силезія и 20—будь оно населено столь плотно, какъ королевство саксонское. Начнется борьба упорная за существованіе, но безъ видимаго насилія, въ предѣлахъ законности и при условіяхъ формальной равноправности, борьба холодная, безстрастная, систематическая, нещадная, вслѣдствіе которой насъ славянъ западныхъ ожидаетъ отъ нѣмцевъ судьба краснокожихъ въ Америкѣ.— Я непамятенъ оспаривать страшной серьезности этихъ опасеній, я только думаю, что авторъ брошюры своею теоріею національности отнялъ у себя право заявлять ихъ и самъ выковалъ на себя оружіе, которымъ можно побить его на голову. Самъ онъ признаетъ, что Германія несравненно образованнѣе Россіи, что и суды были бы образцовые, и административные порядки превосходнѣе, и школы совершеннѣе, и началось бы живѣйшее движеніе въ области промышленности; значить, жилось бы лучше и умственнее и экономически. Если національность — платье, которое можно мѣнять по произволу, то какъ не взять то, которое шито по послѣдней модѣ, и выкроено изъ самой лучшей матеріи? какъ не взять ту форму, въ которой до высшаго совершенства дошелъ человѣкъ, и которая, по признанію автора, вмѣщаетъ въ себѣ безцѣнные пособія для развитія какъ человѣка отдѣльно взятаго, такъ и человѣческаго общества? Чувствуя шаткость основаній, авторъ прибѣгаетъ къ натяжкамъ. То онъ изобрѣтаетъ тончайшія различія между денационализаціею въ нѣмецкомъ и въ русскомъ направленіяхъ, стараясь втолковать, что отъ первой вредъ дѣйствительный, а отъ второй только воображаемый (*un être de raison*, 32), какъ будто національности, какъ душѣ собирательнаго цѣлага, обреченной на смерть, станетъ легче оттого кому

послѣ ея смерти достанется ея тѣло? То онъ внушаетъ образованному классу польскому, что сколько бы онъ лично ни выигралъ въ отношеніи удобствъ у нѣмцевъ, онъ все-таки не-выправъ выдавать нѣмцамъ голову польскаго мужика, которому господство нѣмцевъ готовить судьбу латышей и эстовъ въ остзейскихъ губерніяхъ, и къ которому бы нѣмецкая культура не могла никѣмъ образомъ просачиваться по недостатку, такъ сказать, кровеносныхъ сосудовъ. Промахи въ каждомъ изъ этихъ доводовъ очевидны. Когда заведено будетъ общеобязательное обученіе нѣмецкой грамотѣ заводится же оно нынѣ въ Познани), явятся и кровеносные сосуды, проводящіе образованіе и до мужика. Мужикъ, правда, обнѣмечится, но не умретъ, какъ вымираютъ краснокожіе; въ чемъ же бѣда, если онъ облечется въ культурно высшую національность? Превращеніе его въ нѣмца будетъ осязательнымъ опроверженіемъ предположенія, будто бы нѣмецъ и полякъ два вещества химически несродныя и несоединимыя; ополчились же нѣмецкія нѣкогда города въ Польшѣ, русѣютъ многіе нѣмцы въ Россіи, съ другой стороны, вся почти восточная полоса Германіи только и состоитъ изъ обнѣмечившихся славянъ. Наконецъ, что касается до судьбы латышей и эстовъ, то она не страшна для славянъ, потому что послѣдніе слились бы съ нѣмцами на почвѣ современнаго государства и на основаніяхъ равноправности, а первые борются съ нѣмецкимъ элементомъ изъ-за средневѣковыхъ привилегій послѣдняго: борьба здѣсь въ сущности аристократическаго элемента съ демократическимъ, а не расы съ расою.

Вѣрнымъ чутьемъ почуялъ авторъ опасность съ нѣмецкой стороны, но всѣ его приемы, чтобы доказать эту опасность, похожи на хлестаніе бичемъ по водѣ. Отчего такая странность? Да оттого, что въ своей ненависти къ нѣмцамъ и въ своемъ горячечномъ нетерпѣніи разругать и упразднить поскорѣ польскій вопросъ для дружнаго противодѣйствія нѣмцамъ, онъ сталъ совѣтовать полякамъ, бросивъ такъ сказать свою шкуру, сдѣлаться мысленно на одинъ моментъ космополитами, то-есть только людьми и затѣмъ уже руссо-славянами. Только на бумагѣ подобныя превращенія дѣлаются въ мигъ, въ дѣйствительности надо, чтобы прошло нѣсколько поколѣній, пока «отчизна труда» сдѣлается «отчизною сердца». Въ промежуткѣ между двумя этими пунктами, отставъ отъ берега одной національности и не приставъ къ другой, человѣкъ дѣлается космополитически индифферентенъ къ обѣимъ, значить, весьма не гораздъ на отпоръ и весьма склоненъ къ воспріятію всякой высшей культуры, въ осо-

бенности когда она приносит и матеріальное благосостояніе и матеріальные порядки. Авторъ—нѣмцедѣ, а между тѣмъ въ сущности, какъ проповѣдникъ космополитизма, онъ работаетъ только для нѣмцевъ. Еслибы онъ въ самомъ дѣлѣ ополчался на нѣмцевъ, то ему бы слѣдовало повести иную рѣчь и внушать своимъ соотечественникамъ, чтобы они углубились въ свои національныя традиции, въ числѣ которыхъ нѣтъ задушевные той, которая гласитъ, что «*Jak świat światem, Nie będzie Polak Niemcowi bratem*». Эта пословица не вытекла изъ славянскихъ мечтаній, она вырастаетъ изъ самого корня польской исторіи. Русскій народъ никогда не былъ въ столь близкомъ соприкосновеніи съ нѣмцами, онъ имѣлъ въ нихъ когда то небезполезныхъ, хотя и тяжелыхъ учителей, но не господъ; нерасположеніе его къ нѣмцамъ вытекаетъ скорѣе изъ передуманнаго, а не изъ пережитаго. Два самые яркіе факта польской исторіи, это—Болеславъ Храбрый, сплывающій изъ славянъ польскую державу для отраженія нѣмцевъ; да Ягайло и Витовтъ въ великой войнѣ въ гронвальдскомъ бою, 1410 г. Въ моментъ глубочайшаго паденія Польши, когда ея корона продавалась почти съ молотка, удалось нѣмцу сѣсть на польскій престолъ; донинѣ свѣжо преданіе, какъ онъ ее ополъ и развратилъ (Августы II и III). Польшу упрекаютъ за ея западническія влеченія, но эти влеченія неслись всегда подальше, въ Римъ, во Францію. Никогда Польша не вела нѣмцевъ на славянъ, не по неимѣнію къ тому случаевъ, но по несходству національныхъ традицій и характеровъ. Наконецъ, какъ ни мало великое княжество Познанское, а и въ немъ при страшномъ неравенствѣ силъ длится донинѣ сопротивление польскаго элемента нѣмецкому, доказывая во всякомъ случаѣ, что побѣда германизму достанется не легко. Еслибы отъ всей польской исторіи остался одинъ этотъ скарбъ—антипатія къ нѣмцамъ—и его бы зарыли, то славянскій міръ, сдѣлался бы настолькоже бѣднѣе, блюсти же его можно только сохраняя національность, а слѣдовательно языкъ.

V.

Примкнуть къ Австріи совѣмъ ненадежно, къ Германіи гибельно, значить, только и остается сплотиться воедино съ Россією. Эта часть брошюры есть одна изъ лучшихъ (49 — 68). Весьма кстати и во время, съ послѣдовательностью болѣею, нежели въ другихъ частяхъ сочиненія, авторъ доказываетъ, что

какъ ни тяжело народности польской переживать моментъ, исполненный исключительныхъ мѣръ и стѣсненій, которыя вызваны ею же собственнымъ образомъ дѣйствія въ 1863 г., все-таки ей выгодноѣ снести эти стѣсненія, которыя и по существу вызвавшей ихъ причины, и по мысли законодателя имѣютъ временной, преходящій характеръ, значить, могутъ существенно измѣниться, какъ только русскій народъ и правительство убѣдятся, что поляки не только по средствамъ, но и по умственному настроенію своему нынѣ болѣе не опасны, въ особенности же когда они убѣдятся на дѣлѣ, что поляки готовы крѣпко стоять за дѣло русское, насколько оно вмѣстѣ съ тѣмъ является дѣломъ и общеславянскимъ и общечеловѣческимъ. «Никто не жалуется, говоритъ авторъ (40), сецессіонистовъ, отщепенцевъ, никто не прижимаетъ ихъ къ сердцу и не устилаетъ имъ путь цвѣтами. Еслибы мы были буддисты или гвевры, то мы бы дождались примѣненія къ польскому буддизму или огнепоклонничеству тѣхъ мѣръ, которыя примѣняются къ римскимъ католикамъ полякамъ, католицизмъ же остался бы ни при чемъ. Какъ только наступитъ искренное примиреніе, прекратятся сами собою и всѣ лингвистическія стѣсненія, которыя въ сущности мало полезны съ точки зрѣнія чисто русской» (59). Онъ сознаетъ, что перемѣна нынѣшней системы отношеній наступитъ не скоро; онъ приводитъ слова Второзаконія (XXXIV, 4): «и покажахъ ю очесемъ твоимъ и тамо не увидеши». Его разгоряченному воображенію представляется даже предположеніе объ ускореніи страстно желаемого имъ будущаго посредствомъ дѣйствительнаго столкновенія Россіи съ Западомъ, котораго главнымъ представителемъ является конечно Германія,—предположеніе слишкомъ поспѣшное и неимѣющее достаточнаго основанія, такъ какъ современныя событія едва указываютъ на отдаленную возможность антагонизма интересовъ, но никакъ не на предстоящее столкновеніе силъ. «Не перья наши, заключаетъ онъ, вывукотъ изъ желѣза союзный актъ двухъ народовъ, подготовленный въ глубинахъ каждой совѣсти отдѣльно, но кровь пролитая за общее дѣло утвердить этотъ актъ. «Blut und Eisen» — таковъ былъ лозунгъ Германіи, провозглашенный дѣлнѣйшимъ изъ ея сыновъ. Нѣтъ и для насъ иного лозунга въ этой страшной борьбѣ за существованіе, которую ведетъ всякое созданіе, начиная съ гриба, вырастающаго въ одну ночь, до человѣка, народовъ и цѣлыхъ расъ. «Blut und Eisen», — но только не противъ Россіи, а съ Россіею въ одномъ ряду!!».... (68). Читатель замѣтилъ вѣроятно, что въ этомъ пунктѣ порывистый сангвиническій польскій темпераментъ одо-

лѣваетъ автора и беретъ окончательно верхъ надъ холодными разсчетами разсудка, которому одному и подобаетъ дѣйствовать въ дѣлѣ столь тонкомъ и трудномъ налаживанія брака между, хотя и родственными, но многіе вѣка враждовавшими племенами. Эта лирическая выходка сильно подрываетъ кредитъ къ совѣтамъ автора, и у поляковъ, и у русскихъ: у первыхъ, потому что нѣтъ еще собственно въ виду никакого общаго похода, у вторыхъ потому, что хотя русскій человѣкъ, имѣющій въ критическія минуты великодушныя инстинкты (1612, 1812 гг.), въ обыкновенное время лѣнивъ, безпеченъ (онъ далъ исподволь созрѣть повстанію 1863 г., не предчувствуя его); хотя онъ заднимъ умомъ крѣпокъ, но онъ имѣетъ одно золотое и неоцѣнимое качество: трезвость пониманія, разсудочность, вниманіе въ корень вопросовъ, безъ малѣйшей сантиментальности, безъ увлеченій, такъ что онъ беретъ всегда въ толѣ суть дѣла и сторонится, когда къ нему выдаются на шею съ сердечными лобзаніями и объятіями. Сердечное увлеченіе автора столь велико, что въ пылу его онъ забылъ о задачѣ, которую онъ себѣ начерталъ: ограничиться только соотечественниками и давать совѣты только этимъ соотечественникамъ. Какъ у бога Януса, у него является другое на той же головѣ лицо, обращенное уже не къ полякамъ, а къ русскимъ и, хотя не преподающее никакихъ совѣтовъ, но прельщающее русскихъ живымъ изображеніемъ тѣхъ благъ, которыя принесутъ съ собою поляки въ союзъ и посредствомъ которыхъ они исходатайствуютъ себѣ у Россіи входъ въ славянщину. Вотъ что вѣщаетъ это второе янусовое лицо, обращаясь къ Россіи именемъ будто бы поляковъ (69—78):

— Сто лѣтъ мы бились съ судьбою и съ вами; лучшіе люди наши, какъ Эней изъ Трои, уходили съ родины, неся съ собою пенатовъ. Нынѣ все кончено, оружіе изломилось въ рукахъ нашихъ по рукоятку, мы его слагаемъ передъ вами, чтобы и самимъ себѣ снискать миръ и вамъ развязать руки для тѣмъ скорѣйшаго устроенія судебъ всего племени славянскаго. Примите насъ и не стѣуйте, что на первыхъ порахъ въ насъ сказываться будутъ старыя привычки, невольная наклонность къ родному языку, пока онъ совсѣмъ не стухнетъ и не будетъ заслоненъ русскимъ, пока нашъ образованный классъ его не позабудетъ. Вы не пожалѣете услуги оказанной пріемышамъ, въ насъ вы пріобрѣтете опытныхъ педагоговъ, дѣльныхъ чиновниковъ, предприимчивыхъ агрономовъ и промышленниковъ; наконецъ, мы вамъ беремся помочь въ другомъ отношеніи. Ваше юношество

подтачиваетъ тлетворный нигилизмъ, которому «мы объявимъ на каждомъ мѣстѣ смертельную войну, съ которыми мы отлично справимся потому, что мы, такъ сказать, проникаемъ всякихъ сознательныхъ и безсознательныхъ послѣдователей этого ученія, всякихъ тайносоціалистовъ и тайнонигилистовъ, этихъ лицемѣровъ, которые, проникнувъ даже въ офиціальныя сферы подъ видомъ ревности къ общественному порядку и престолу, 'подрываютъ начала перваго и основанія втораго безумною или преступною рукою'.... (76).

VI.

Кончаемъ разборъ. Книгу можно бросить, отъ нея становится и приторно, и тошно. Увлеченіе превзошло всякую мѣру, брызжетъ чрезъ края, заговаривается и произноситъ слова, не только не располагающія въ пользу племенного брака, но прямо оскорбительныя для русскаго человѣка. — Тѣ, скажетъ русскій, которые, добиваясь вольностей, погубили свое государство, прочать себя теперь въ строители славянщины, учать меня моему славянскому призванію. Тѣ, которые сами себя не стѣмѣли лечить, навязываются въ лекаря чужихъ болѣзней и недуговъ; просятъ, чтобы ихъ пустить, но намекаютъ, что они призваны хозяйничать, вмѣшиваться во внутреннія дѣла русскаго народа. Отъ своихъ болѣзней и недуговъ всякій народъ излечивается исключительно самъ: онъ не любитъ постороннихъ медиковъ и хирурговъ. Притомъ произошла значительная перемѣна въ лицѣ апостола племенного брака, вслѣдствіе которой существенно измѣнился также вѣсъ его словъ и предложеній. До сихъ поръ говорилъ съ русскими полякъ вообще, отъ имени всей польской націи въ предѣлахъ Россіи, безъ дѣленія ея на классы и сословія, теперь заговорилъ консерваторъ, помышляющій о созданіи общей «консервативной славянской партіи», — а такъ какъ народъ русскій состоитъ не изъ однихъ только консерваторовъ, то понятно что всѣ не-консерваторы не могутъ не отнестись крайне подозрительно къ польскому консерватору. Они могутъ его заподозрить если не въ валенродствѣ, то по крайней мѣрѣ въ томъ, что онъ не просто полякъ, а польскій панъ, жалѣющій о матеріальныхъ своихъ утратахъ, отождествляющій свой личный интересъ съ священными началами собственности и не брезгающій даже инсинуаціями на счетъ нигилизма, заражающаго будто бы даже и нѣкоторыя офиціальныя сферы государства. Ему

могутъ замѣтить, что далеко не всѣ поляки консерваторы, что есть между ними красные, которые никакъ не лучше нигилистовъ. Какъ бы Россіи не пришлось испытать, что именно ряды сихъ послѣднихъ численно усилились бы при точномъ выполненіи программы предлагаемой въ брошюрѣ.

Нѣсколько дѣльныхъ мыслей, скорѣе инстинктивно прочувствованныхъ нежели доказанныхъ, въ цѣломъ коробу ложныхъ идей, призраковъ, непослѣдовательностей, увлеченій—таково содержаніе книжки. Едва ли кого нибудь убѣдитъ она, хотя нельзя сказать чтобы она не заставляла о многомъ поразмыслить. Болѣе положительный человѣкъ на мѣстѣ автора преподавалъ бы вѣроятно своимъ соотечественникамъ въ ихъ многотрудномъ положеніи нѣсколько отличные совѣты, клонящіеся къ той же цѣли—примиренію съ русскими, по нѣсколько иными путями. Онъ бы внушилъ имъ, что всѣ ихъ несчастія произошли отъ того, что они политиканствовали, и что имъ слѣдуетъ отказаться отъ всякаго политиканства, не только самимъ не понтировать, но и не примазываться къ чужой игрѣ. Имъ, уже проигравшимся, неподобаешь брать на себя какой либо починъ въ славянскомъ вопросѣ и возбуждать русскихъ противъ нѣмцевъ, во-первыхъ, потому что не имъ учить Россію ея славянскому призванію; во-вторыхъ, потому что славянская политика въ международныхъ отношеніяхъ отрывала бы Россію отъ ея мирныхъ занятій, отъ работы надъ развитіемъ внутреннихъ силъ страны, и увлекала бы ее подъ видомъ всемірно-историческихъ дѣяній въ страну приключеній и неизвѣстнаго; наконецъ, въ-третьихъ, потому что возбужденіе русскихъ противъ нѣмцевъ заставило бы тѣхъ изъ земляковъ автора, которымъ онъ совѣтуетъ, чтобы они устраивали свои дѣла наивыгоднѣйшимъ образомъ въ Германіи или въ Австріи, возбуждать нѣмцевъ противъ русскихъ, что приготовило бы для націи, и безъ того несчастной, положеніе во сто кратъ хуже теперешняго. Болѣе положительный совѣтникъ, запретивъ своимъ землякамъ всякое политиканство, внушилъ бы имъ быть скромными тружениками въ государствѣ, среди котораго поставила ихъ судьба, не чуждаться русскихъ, чѣмъ между прочимъ провинились ихъ предшественники, состоять съ русскими въ живѣйшемъ общеніи умственномъ и экономическомъ, но сохранить, не сливаясь съ окружающею средою, и свое національное чувство, и свой языкъ. Слишкомъ большіе вклады сдѣланы были особенно въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ польскую литературу и искусство, надъ ними поработали слишкомъ большіе таланты что бы можно было бросить этотъ капиталъ.

Притомъ, независимо отъ науки и искусства, національное чувство весьма цѣнно какъ сила неполитическая, а чисто нравственная. Силъ этихъ не таеъ то много въ жизни, и если встрѣтится какая нибудь изъ нихъ, которая содѣйствуетъ тому, чтобы и въ семейномъ быту быть чище, и съ чужими людьми быть честнѣе и достойнѣе, и признавать какое нибудь правило для дѣйствій независимо отъ внушеній личнаго интереса, какую-нибудь идею долга, то конечно нельзя легкомысленно поступаться этою силою, въ особенности въ нашъ вѣкъ, который отличается вообще распушенностью нравовъ, растлѣнiемъ и упадкомъ характеровъ, отсутствiемъ идеаловъ. Главный недостатокъ книжки бывшаго члена государственнаго совѣта и заключается, по моему мнѣнiю, въ томъ, что онъ слишкомъ легкомысленно отвесилъ къ этой силѣ — нравственной.

В. Спасовичъ.

27-го iюня 1872 г.

С.-Петербургъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕССЪ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Восьмая сессія.

I.

Седьмого августа нынѣшняго года откроются въ С.- Петербургѣ засѣданія восьмой сессіи международнаго статистическаго конгресса, какъ то было рѣшено единодушно на послѣднемъ конгрессѣ, происходившемъ въ 1869 году въ Гагѣ, и согласно приглашенію самого русскаго правительства. Въ виду такого явленія, не совсѣмъ еще обычнаго въ русской жизни, и въ виду интереса возбужденнаго повидимому въ русскомъ обществѣ къ статистическому конгрессу, не излишне будетъ хотя въ сжатомъ очеркѣ ознакомить нашихъ читателей съ цѣлями и задачами конгресса и съ его предшествовавшими работами.

Первоначальная мысль о пользѣ и даже необходимости статистическихъ конгрессовъ принадлежитъ знаменитому бельгійскому ученому, патріарху современныхъ статистиковъ Кетле. Она была плодомъ сознанія, выведеннаго изъ долговременнаго опыта, о совершенной невозможности дѣлать сравненія между статистическими данными, публикуемыми въ разныхъ странахъ, по отсутствію въ нихъ единства. Потребность для статистики одного общаго, всѣми принятаго и одинаково понимаемаго языка и однообразныхъ записей, которыя съ большею легкостью допускали бы обозрѣніе наибольшаго числа данныхъ и позволяли дѣлать между ними сближенія, для опредѣленія ихъ взаимодѣйствія и вывода изъ тѣхъ общихъ законовъ, особенно

сильно выразилась на первой международной выставкѣ въ Лондонѣ, въ 1851-мъ году. Мысль Кетле раздѣляли и многіе другіе ученые, изъ которыхъ мы назовемъ Портера, Флетчера, Кеннеди, Вишера и др., находившіеся тогда въ Лондонѣ, и между ними было условлено съѣзжаться на нейтральной почвѣ—въ Брюсселѣ, и заняться обсужденіемъ возбужденнаго вопроса. Политическія обстоятельства помѣшали осуществленію этого съѣзда въ 1852 г., и онъ послѣдовалъ лишь въ сентябрѣ 1853 года. Организацию съѣзда приняла на себя центральная статистическая коммиссія въ Бельгіи, а главными распорядителями всего дѣла были Кетле и Вишеръ. Бельгійское правительство приняло конгрессъ подъ свое покровительство и чрезъ дипломатическихъ своихъ агентовъ пригласило прочія правительства прислать своихъ депутатовъ. Англія, Франція, Австрія, Пруссія, Саксонія, Баварія, Виртембергъ, Сардинія, Испанія, Португалія, Данія и Швейцарія отзывались на этотъ призывъ и уполномочили лицъ, поставленныхъ во главѣ оффиціальной статистики или извѣстныхъ своими трудами, присутствовать на конгрессѣ отъ имени своего правительства.

Такимъ образомъ, въ Брюсселѣ положены были первыя основы соглашенія между представителями администраціи и учеными разныхъ странъ, для приведенія и направленія статистическихъ работъ къ однообразнымъ началамъ, для того чтобы результаты ихъ могли быть удобосравнимы.

Брюссельскій конгрессъ, засѣдавшій только четыре дня, съ 19—23 сентября, успѣлъ лишь затронуть главные вопросы почти по всѣмъ главнымъ отраслямъ статистики, ибо онъ касался и общей организаціи статистики, и статистическихъ операцій, относящихся до переписей населенія, земледѣлія, промышленности и торговли, до положенія рабочихъ классовъ, до статистики народнаго образованія, до статистики уголовной. Конгрессъ разошелся, постановивъ возобновить свои засѣданія въ срокъ и въ мѣстности, которыя будутъ избраны его организаціонной коммиссіей. И этотъ обычай остался въ силѣ и для послѣдующихъ конгрессовъ. Второй конгрессъ собрался въ половинѣ октября 1855 года въ Парижѣ; третій происходилъ въ Вѣнѣ, съ 31 августа по 5-е октября 1857; четвертый въ Лондонѣ—16—21 іюля 1860; пятый въ Берлинѣ—4—12 сентября 1863 года; шестой во Флоренціи—съ 29 сентября по 5-е октября 1867; седьмой въ Гагѣ—съ 3—14 сентября 1869 года. Наконецъ восьмой конгрессъ долженъ собраться 1/10 августа 1872, въ С.-Петербургѣ и будетъ продолжаться до 18/30 августа.

Каждому конгрессу предшествуетъ рядъ серьезныхъ подготовительныхъ работъ. Съ этою цѣлью обыкновенно учреждается организаціонная коммиссія изъ лицъ, заведывающихъ административными статистическими работами или занимающихся научною ихъ разработкою. Коммиссія ввѣряется главному руководству того министра, въ вѣдѣніи

котораго состоятъ общія статистическія учрежденія. Директоръ центральнаго статистическаго бюро обыкновенно представляетъ этой организаціонной комиссіи мотивированный планъ или программу работъ будущаго конгресса, указывая при этомъ на вопросы, оставшіеся неразрѣшенными на прежнихъ конгрессахъ или и вовсе ими незатронутые, и принимая въ соображеніе тѣ заявленія и желанія, которыя были высказаны предшествующими конгрессами въ отношеніи работъ будущихъ конгрессовъ. Такой планъ носить обыкновенно названіе *Avant-projet*, а иногда и *Idées-mères*, какъ его называли Маэстри и Баумгауэръ, представители итальянской и голландской официальной статистики. Затѣмъ уже приступаютъ къ разработкѣ подробной программы и къ формулировкѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конгресса. Для этого комиссія распадается на отдѣленія и работа раздѣляется между специалистами.

По изготавленіи предварительнаго плана, дѣлаются официальные приглашенія дипломатическимъ путемъ къ официальнымъ представителямъ административной статистики и непосредственнымъ личнымъ приглашенія къ ученымъ, извѣстнымъ своими трудами по статистикѣ. Кромѣ того доступъ на конгрессъ открывается и для другихъ желающихъ и интересующихся его работами, какъ иностранцевъ, такъ и туземныхъ жителей.

Со времени лондонскаго конгресса, почетное предсѣдательство на конгрессахъ вѣдряется одному изъ лицъ, принадлежащихъ къ семейству царствующаго Дома. Въ Англіи это былъ принцъ Альбертъ, супругъ королевы; въ Берлинѣ, Флоренціи и Гагѣ — наследные королевскіе принцы; у насъ въ Петербургѣ почетное предсѣдательство на конгрессѣ по высочайшей волѣ поручено великому князю Константину Николаевичу, президенту императорскаго Русскаго географическаго Общества.

Въ работахъ какъ организаціонныхъ комиссій, такъ и конгрессовъ, во всѣхъ странахъ принимаютъ нерѣдко участіе лица, принадлежація къ высшей администраціи и къ законодательнымъ собраніямъ.

Объ участіи, которое принимали какъ мѣстные жители, такъ и иностранцы въ семи бывшихъ конгрессахъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

	Иностранцевъ.	Мѣстныхъ жителей.	Всего.
Въ Брюсселѣ присутствовали	66	88	153
• Парижѣ „	108	208	311
• Вѣнѣ „	78	464	542
• Лондонѣ „	101	485	586
• Берлинѣ „	127	350	477
• Флоренціи „	85	666	751
• Гагѣ „	116	372	488
Итого	680	2,628	3,308

Русскіе начали принимать участіе къ конгрессахъ лишь съ третьяго конгресса. Въ Вѣнѣ ихъ было—3; въ Лондонѣ—13; въ Берлинѣ—13; во Флоренціи—14; въ Гагѣ—10. Со времени вѣнскаго же конгресса Россія имѣла и официальныхъ представителей, до тѣхъ же поръ она повидимому отклоняла отъ себя приглашенія на конгрессы, сколько можно судить по одному мѣсту отчета о бриссельскомъ конгрессѣ. На вопросъ одного изъ членовъ въ первомъ же засѣданіи, „нѣтъ ли какихъ-нибудь сообщеній изъ Россіи?“ президентъ отвѣчалъ: „Россія не имѣетъ здѣсь представителя; причины этого изложены въ ея отвѣтѣ, съ которыми члены конгресса могутъ лично ознакомиться“.

Работы на самомъ конгрессѣ распределяются между отдѣленіями и общимъ собраніемъ. Отдѣленія занимаются специальнымъ разсмотрѣніемъ подготовленныхъ докладовъ, и резолюціи свои чрезъ выбранныхъ ими самими докладчиковъ вносятъ въ общія собранія. Общія собранія, кромѣ разсмотрѣнія этихъ докладовъ, обыкновенно утверждаемыхъ безпрепятственно, посвящаются еще разнымъ сообщеніямъ официальныхъ делегатовъ объ успѣхѣ статистическихъ работъ въ ихъ странахъ, что впрочемъ чаще замѣняется раздачею подобныхъ отчетовъ въ напередъ напечатанныхъ экземплярахъ; въ общія собранія также вносятся различныя новыя предложенія, не входившія въ программу; заключительное засѣданіе посвящается обсужденію вопроса о избраніи мѣста для будущаго конгресса. Официальные делегаты, имѣющіе полномочія отъ своихъ правительствъ на приглашеніе конгресса въ ихъ столицу, непрерывно другъ передъ другомъ стараются склонить конгрессъ каждый въ пользу своего отечества. Вопросъ обыкновенно остается открытымъ и рѣшеніе его предоставляется организационной комиссіи закрываемаго конгресса, которая такимъ образомъ дѣлается какъ бы довѣрительницей конгресса. Она входитъ сперва въ конфиденціальныя сношенія чрезъ официальныхъ делегатовъ страны, въ пользу которой склонялся конгрессъ и въ случаѣ утвердительнаго заявленія, вступаетъ уже на открытый путь дипломатическихъ переговоровъ. На организационную же комиссію падаетъ печатаніе всѣхъ стенографическихъ протоколовъ конгресса, съ представленными ему письменными мемуарами.

На происходившихъ донынѣ семи конгрессахъ почти всѣ области статистики затронуты болѣе или менѣе и сводъ рѣшеній, принятыхъ конгрессами составляетъ большой томъ in-4°, въ 268 страницъ. Онъ изданъ въ нынѣшнемъ году къ предстоящему конгрессу здѣшнимъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, по примѣру сводовъ изданныхъ Энгелемъ, директоромъ прусскаго статистическаго бюро въ 1863 г., и Маэстра, въ 1867 году.

Пользуясь этимъ сводомъ, мы сдѣлаемъ бѣглый очеркъ работъ

прежнихъ конгрессовъ, слѣдую не порядку конгрессовъ, а систематическому порядку, принятому въ статистикѣ.

Одною изъ главныхъ заботъ почти всѣхъ статистическихъ конгрессовъ было достиженіе сосредоточенія всѣхъ статистическихъ матеріаловъ въ одномъ административномъ центрѣ, и разработка по однимъ общимъ научнымъ приемамъ. Съ этою цѣлью брюссельскій, парижскій, берлинскій, флорентинскій и гагскій конгрессы, съ большею или меньшею настоятельностью, и нерѣдко повторя другъ друга, настаивали на устройствѣ въ каждомъ государствѣ центральнаго статистическаго бюро и центральной статистической комиссіи изъ представителей разныхъ отраслей администраціи, для соглашенія статистическихъ операцій, производимыхъ разными вѣдомствами и направленія ихъ къ одной цѣли.

Желанія конгресса въ значительной мѣрѣ уже осуществились почти во всѣхъ странахъ, потому что статистика всюду признана нынѣ необходимою помощницею и руководительницею администраціи, и нѣтъ страны, въ которой бы статистическія учрежденія не были устроены примѣнительно къ тому типу, который признанъ для нихъ наилучшимъ.

Также точно всѣ конгрессы высказались въ пользу возможно большаго распространенія официальныхъ статистическихъ изданій, путемъ обмѣна ихъ между официальными учрежденіями разныхъ странъ, и путемъ удешевленія и упрощенія ихъ изданій для публики. Даже теорія статистики нашла себѣ мѣсто въ сужденіяхъ конгресса, впрочемъ одного изъ послѣднихъ, именно гагскаго.

Профессоръ политической экономіи въ Лейденскомъ университетѣ Виссерингъ въ докладѣ о предѣлахъ статистики, указавъ на разногласія существующія между статистиками, съ самаго возникновенія ихъ науки, относительно опредѣленія какъ ея задачи, такъ и предѣловъ и отношенія къ другимъ наукамъ, и очертивъ весьма рельефно главныя направленія или школы, установившіяся въ статистикѣ, предложилъ слѣдующее опредѣленіе: статистика имѣетъ полное право считаться наукой самостоятельной, имѣющей свою собственную нераздѣльную задачу — изслѣдованіе фактовъ соціальной жизни народовъ. Мѣсто ея въ ряду наукъ наблюдательныхъ, но она имѣетъ болѣе или менѣе тѣсную связь со всѣми другими науками какъ естественными, такъ умозрительными и точными.

Г. Виссерингъ не предлагалъ этого опредѣленія, какъ безусловно вѣрнаго, потому что и по его мнѣнію, конгрессъ не можетъ быть признаваемъ ареопагомъ для рѣшенія вопросовъ науки, но по собственному его отзыву, онъ желалъ только сдѣлать попытку къ установленію соглашенія между собравшимися на конгрессъ учеными въ главномъ принципѣ статистическихъ трудовъ, такъ какъ высшее единство ме-

тогда въ этихъ работахъ желательнѣе даже, нежели однообразіе въ практическихъ способахъ ихъ исполненія.

Цѣль, предположенная г. Виссерингомъ, не была однако достигнута. Конгрессъ согласился исполнѣть съ избраннымъ по этому вопросу въ докладчики, директоромъ прусскаго статистическаго бюро Энгелемъ, что въ виду 180-ти извѣстныхъ уже различныхъ опредѣленій статистики, никакое соглашеніе между ними немыслимо, и потому изъявивъ полную признательность г. Виссерингу за его работу, замѣчательную по своей ясности и учености, выразилъ мнѣніе, что ни задачи, ни предѣлы статистики не могутъ быть предметомъ преній или рѣшенія какого бы то ни было собранія и должны быть вмѣстѣ съ отношеніемъ ея къ другимъ наукамъ предоставлены свободному изслѣдованію всѣхъ занимающихся этою наукою.

Не мало засѣданій конгрессовъ было посвящено вопросамъ, относящимся болѣе къ наукамъ физическимъ и естественнымъ, нежели социальнымъ, именно вопросамъ гидрографіи, метеорологіи, географіи животныхъ, растений, и т. п.

Гораздо болѣе благотворны были работы, относящіяся до переписи населенія и до способовъ регистраціи движенія населенія. Въ этомъ отношеніи работы конгресса имѣли несомнѣнные практическіе результаты, и мы надѣемся еще къ нимъ возвратиться по поводу предстоящихъ работъ петербургской сессіи конгресса, въ программу которой они также входятъ.

Стремленіе къ усовершенствованію и упрощенію переписей населенія со стороны конгрессовъ понятно и похвально, потому что съ введеніемъ нынѣ почти всюду періодическихъ однодневныхъ переписей населенія, затраты правительства на этотъ предметъ громадны: въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ перепись 1860 г. стоила 1,627,000 долларовъ; перепись населенія Англіи и Ирландіи въ 1861 обошлась въ 243,400 ф. стер., въ Австріи—2 мил. гульд. При такихъ громадныхъ затратахъ необходимо, чтобы результаты своею полнотою и точностью ихъ оправдывали, по крайней мѣрѣ.

Весьма обстоятельныя работы сдѣланы также на парижскомъ и вѣнскомъ конгрессахъ по опредѣленію причинъ смертности, по статистикѣ эпидемій, умопомѣшательства, госпиталей, воспитательныхъ домовъ; программа для военноврачебной статистики выработана была въ Лондонѣ; статистика рекрутства въ Берлинѣ; программа статистики несчастныхъ случаевъ на дорогахъ, на фабрикахъ и заводахъ, выработана парижскимъ конгрессомъ.

Вопросы, относящіеся до поземельной собственности, были затронуты, но далеко не исчерпаны исполнѣть уже на первыхъ конгрессахъ. Такъ, брусельскій конгрессъ выразилъ нѣсколько желаній о единообразныхъ способахъ производства кадастра. Вѣнскій постановилъ про-

сить правительства о порученіи въ каждомъ государствѣ одному лицу собранія свѣдѣній о раздѣленіи поземельной собственности, ея переходахъ и гипотечныхъ долгахъ, и о представленіи этихъ свѣдѣній будущему конгрессу. Лондонскій конгрессъ ограничился выраженіемъ нѣсколькихъ желаній объ установленіи общихъ основаній для международной статистики движенія поземельной собственности.

Берлинскій конгрессъ предположилъ сдѣлать подробную enquête о поземельной собственности, соединивъ подъ этой рубрикой всѣ относящіяся къ ней вопросы.

Но далеко не всѣ эти вопросы могли быть рассмотрѣны и исчерпаны берлинскимъ конгрессомъ. Во всякомъ случаѣ его заслугой останется, что онъ, сознавъ важность и своевременность разработки этихъ вопросовъ, приступилъ къ ихъ изслѣдованію.

Вопросъ о статистикѣ рыболовства является впервые въ программѣ статистическихъ конгрессовъ въ Гагѣ, и избранъ былъ г. Баумгауеромъ именно по значенію и важности его для Голландіи. Но и самъ по себѣ вопросъ этотъ имѣетъ большой интересъ и для многихъ другихъ странъ, въ особенности же для Россіи, въ чемъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ данныхъ. Франціи морскія рыбныя ловли принесли въ 1866-мъ г. 60 мил. фр. дохода, Англія и Америка одними Ньюфаундлендскими ловлями выручаютъ до 30-ти милл. фр., Норвегія получаетъ отъ ловли трески и сельдей до 28-ми мил. фр. и даже Португалія выручаетъ рыбными ловлями до 7-ми мил. фр. Доходы же отъ рыболовства въ одной Европейской Россіи оцѣниваются г. Данилевскимъ въ 80 мил. франковъ, т.-е. болѣе 20 мил. рублей серебромъ.

Циндерландская организаціонная коммиссія предполагала впрочемъ ограничить программу для собранія статистическихъ свѣдѣній по рыболовству одними морскими рыбными ловлями, по трудности собирать статистическія свѣдѣнія о состояніи рѣчныхъ и озерныхъ ловлей. Но когда отдѣленіе, имѣя въ своей средѣ весьма компетентныхъ судей по рыболовству, каковы президентъ компаніи рыболовства въ Голландіи г. Бекъ-фонъ-Воленгиренъ, секретарь той же коммиссіи г. Бейсъ, и директоръ самой большой акціонерной рыболовной компаніи г. Маассъ, ознакомилось съ результатами нашихъ изслѣдованій по рыболовству по брошюрѣ г. Данилевскаго „*Coup d'oeil sur les pêcheries russes*“, и выслушало нѣкоторые изустныя дополнителныя сообщенія, тогда оно поняло всю важность рѣчного рыболовства для нѣкоторыхъ странъ и рѣшилось отказаться отъ своего первоначальнаго предположенія ограничить собраніе свѣдѣній лишь морскими рыбными ловлями. Отдѣленіемъ составлена была подробная программа для собранія свѣдѣній по статистикѣ рыбныхъ ловлей какъ рѣчныхъ, такъ и морскихъ, и выражено было желаніе, чтобы правительства приняли по возможности мѣры къ ежегодному собира-

нію и своевременному опубликованію собираемыхъ ими свѣдѣній о рѣчномъ и морскомъ рыболовствѣ. Заключенія отдѣленія были утверждены конгрессомъ.

Статистика земледѣлія была предметомъ обсуждения на четырехъ конгрессахъ: брѣссельскомъ, парижемъ, лондонскомъ и флорентинскомъ, и результатомъ было точное опредѣленіе свѣдѣній желательныхъ по этому предмету. Какъ мало однако эти желанія были исполнены, доказывается просьбой официальнаго представителя Америки на гагскомъ конгрессѣ Реггльса, о доставленіи всѣмъ странамъ къ будущему конгрессу статистическихъ свѣдѣній о ихъ земледѣльческомъ производствѣ.

Конгрессъ неоднократно занимался статистикою горнаго и металлургическаго промысла и постановлялъ по этому поводу довольно подробныя рѣшенія; но рѣшенія послѣдующихъ сессій часто не согласовались съ рѣшеніями предыдущихъ. Поэтому горная статистика введена въ программу петербургскаго конгресса.

Статистика промышленности обрабатывающей была затронута на брѣссельскомъ и парижемъ конгрессѣ, и весьма тщательно разработана на вѣнскомъ; но до сихъ поръ программа вѣнскаго конгресса нигдѣ почти не получила примѣненія; а потому и въ виду работъ, предпринимаемыхъ въ Германіи по статистикѣ промышленности, работъ, вызвавшихъ капитальное изслѣдованіе д-ра Энгеля: *Die Reform des Gewerbe Statistik in Europa und Nord-Amerika*, вопросъ статистики о мануфактурной промышленности вновь поставленъ на очередь, и мы къ нему еще воротимся въ свое время.

Статистика рабочихъ классовъ была предметомъ преимущественно съ точки зрѣнія заработной платы, цѣнъ на жизненные припасы, и со стороны обществъ вспомошествованія, сберегательныхъ кассъ и т. п., на конгрессахъ брѣссельскомъ, парижемъ, лондонскомъ и берлинскомъ.

Всѣ конгрессы служили также поводомъ для пропаганды однообразія мѣръ, вѣсовъ и введенія десятичной системы, даже особое отдѣленіе было нерѣдко учреждаемо съ этою цѣлью.

Статистика страхованія, акціонерныхъ обществъ, банковъ, статистика путей сообщенія, народнаго просвѣщенія, финансовъ и военная почти исчерпана предшествующими конгрессами.

Несмотря на то, что повидимому вся область статистики была распеделена прежними конгрессами, организаціонная коммиссія нынѣшняго конгресса нашла еще достаточно вопросовъ интересныхъ для обсужденія.

Ею поставлены слѣдующіе 11 вопросовъ:

1) Вопросы по предмету переписи населенія:

а) производство переписей посредствомъ особыхъ карточекъ для каждаго отдѣльнаго лица;

б) дополнительное къ переписи исчисленіе подданныхъ государства, живущихъ внѣ его предѣловъ;

в) опытъ установленія однообразной номенклатуры занятій (профессій) для разработки переписи населенія.

2) Веденіе постоянныхъ поименныхъ списковъ населенія.

3) Вопросъ о статистическихъ наблюденіяхъ надъ физическимъ развитіемъ чловѣка.

4) Приложение географическаго метода къ статистикѣ.

5) Графическій методъ въ статистикѣ.

6) Основанія, на которыхъ должна утверждаться статистика промышленности обрабатывающей.

7) Статистика горнаго и металлургическаго промысла.

8) Статистика внѣшней торговли.

9) Объединеніе номенклатуры и классификаціи товаровъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ.

10) Статистика почтовыхъ сношеній.

11) Вопросы уголовной статистики:

а) введеніе сравнительной номенклатуры преступленій и проступковъ;

б) общая классификація нарушеній уголовного закона по ихъ существу;

в) объединеніе системы справокъ о судимости;

г) способъ регистраціи данныхъ, входящихъ въ составъ уголовного слѣдствія.

Для практическаго осуществленія резолюцій конгрессовъ, въ 1872 г. въ Гагѣ рѣшено было приступить, по предложенію д-ра Энгеля, къ изданію международнаго статистическаго государства, съ распредѣленіемъ работъ между 20-ю европейскими государствами, съ тѣмъ чтобы каждое изъ нихъ приняло на себя обязанность обработать какой-нибудь отдѣлъ сборника по всѣмъ государствамъ.

Вся программа распредѣлена слѣдующимъ образомъ:

Рубрики программы.

Страны, взявшія за нихъ разработку.

1. Территорія Россія.
2. Народонаселеніе:
 - а) Семейное состояніе населенія . Швеція.
 - б) Національности Австрія.
 - в) Движеніе населенія (исключая причинъ смертности) Бельгія (г. Гейшдингъ).
 - д) Причины смертности и гигиена . Англія (Д-ръ Фарръ).
 - е) Таблицы смертности Бельгія (Кетле).
3. Поземельная собственность:
 - а) Незастроенная Франція (Легуа).
 - б) Застроенная Баварія.
4. Земледѣліе Франція и Ирландія.
5. Скотоводство Франція.

6. Винодѣліе	Венгрія.
7. Лѣсоводство и охота	Бадень.
8. Рыболовство (рѣчное и морское) . .	Голландія.
9. Горнозаводская промышленность . .	Россія.
10. Промышленность	Пруссія.
11. Торговля (внѣшняя)	Англія (г. Вальби).
12. Судоходство:	
а) Морское	Норвегія.
б) Рѣчное	Россія.
13. Сообщенія:	
а) Почты и телеграфы	Данія.
б) Желѣзныя дороги	Гессенъ.
14. Страхование:	
а) Страхование жизни	Пруссія.
б) Страхование отъ огня	Баварія.
с) Страхование земледѣльческое (скота, отъ града и т. п.)	Франція.
д) Страхование перевозокъ	Гамбургъ.
15. Кредитныя учрежденія и народныя банки	Швейцарія.
16. Предусмотрительность:	
а) Сберегательныя кассы	Италія.
б) Кассы взаимнаго вспоможенія	Пруссія.
17. Общественное призрѣніе	Италія.
18. Вѣроисповѣданія	Австрія.
19. Народное просвѣщеніе	Австрія.
20. Юстиція:	
а) Гражданская и торговая	Франція (Ивернесъ).
б) Уголовная	Голландія.
21. Тюремны	Данія.
22. Финансы	Виртембергъ.
23. Войско	Бадень.
24. Морскія силы	Испанія.

При этомъ было постановлено: 1) чтобы всѣ эти отдѣлы международной статистики были изданы на французскомъ языкѣ; 2) чтобы всѣ мѣры и вѣсы были приведены въ метрическія единицы; 3) чтобы за монетную единицу былъ принятъ франкъ; 4) чтобы исходная точка для сравнительныхъ выводовъ и сближеній по возможности не восходила далѣе эпохи учрежденія статистическихъ конгрессовъ, т.-е. 1853 года; 5) чтобы эти сравненія по возможности были доведены до самаго новѣйшаго времени; чтобы въ отношеніи сравненій по территоріальнымъ дѣленіямъ, сотрудникамъ была предоставлена полная свобода; 6) чтобы всякій сотрудникъ по требованіямъ другихъ своихъ сотоварищей

сообщать имъ нужныя свѣдѣнія; 7) чтобы сборникъ этотъ издавался не менѣе какъ въ 2,000 экземплярахъ, изъ коихъ бы 1,000 предоставлялись въ распоряженіе правительствъ или статистическихъ бюро, взявшихъ на себя выполнение извѣстной части программы; 8) чтобы къ работамъ по составленію этого сборника было приступлено немедленно, дабы уже слѣдующему конгрессу могли быть представлены въ отпечатанномъ видѣ нѣкоторыя части этой сравнительной международной статистики; 9) чтобы за образецъ формата и шрифта для этого изданія служилъ первый томъ изданной гг. Кетле и Гейшлингомъ международной статистики.

Сверхъ того выражено было желаніе, чтобы и правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ приняло мѣры къ составленію своей статистики по программѣ г. Энгеля.

Осуществленіемъ предложенія, формулированнаго г. Энгледемъ и самымъ горячимъ образомъ принятаго гагскимъ конгрессомъ, будутъ увѣнчаны такъ сказать труды статистическихъ конгрессовъ и будетъ положено прочное основаніе практическому примѣненію рѣшеній и желаній этихъ съѣздовъ. Периодическое возобновленіе и постоянное усовершенствованіе подобныхъ сборниковъ международной статистики, подъ вліяніемъ и контролемъ международныхъ конгрессовъ, поможетъ самому развитію и успѣхамъ статистики во всѣхъ странахъ.

Но при самомъ приступѣ къ работамъ оказалось, что не всѣ государства въ состояніи отвѣчать на всѣ поставленные вопросы, хотя они и основываются на постановленіяхъ конгрессовъ. Это происходитъ отъ того, что самыя постановленія конгрессовъ не всегда утверждаются на почвѣ практической исполнимости, и иногда составляютъ лишь *ria desideria* статистики. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ справедливостью слѣдующаго отзыва о прежнихъ работахъ конгресса приготовительной комиссіи с.-петербургскаго конгресса.

„На семи бывшихъ до сихъ поръ сессіяхъ конгресса были затронуты почти всѣ элементы общественной жизни, подлежащія статистическому наблюденію; формулирована была большая часть научныхъ вопросовъ, истекающихъ изъ явленій общественной жизни; наконецъ, даны были кадры, въ которые слѣдуютъ вѣлчать отвѣты на эти вопросы.

„Въ виду столь очевиднаго вліянія, оказаннаго конгрессомъ на успѣхи статистики, было бы полезно выяснить: насколько постановленія и желанія конгресса могли быть осуществлены на практикѣ въ разныхъ странахъ?

„Мы не имѣемъ еще, къ сожалѣнію, достаточныхъ пособій для того, чтобы прослѣдить въ подробности, насколько постановленія конгресса были осуществлены на практикѣ въ разныхъ странахъ. Но мы не можемъ не обратить вниманія на ту несоразмѣрность, которая существуетъ между количествомъ программъ и вопросныхъ пунктовъ, выработанныхъ конгрессомъ, и количествомъ случаевъ ихъ примѣненія.

Блистательное исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ постановленія конгресса по предмету переписи населенія; опытъ всѣхъ почти государствъ Европы доказалъ практическую осуществимость того, что было предлагаемо конгрессомъ.

На V-мъ собраніи конгресса, происходившемъ въ Берлинѣ, высказаны были нѣкоторые предложенія, клонившіяся къ преобразованію этихъ международныхъ съѣздовъ. Д-ръ Энгель указалъ на то обстоятельство, что сессіи конгресса, будучи отдѣлены одна отъ другой промежутками въ два или три года, не могутъ сохранять должную послѣдовательность въ своихъ занятіяхъ, и что для этой цѣли необходимо устроить постоянную международную комиссію, которая руководила бы общими интересами статистики. При предварительномъ обсужденіи этого предложенія оно встрѣтило оживленныя возраженія: замѣчено было, что учрежденіе постоянной международной комиссіи превращаетъ конгрессъ въ совершенно частное учрежденіе (*institution libre et privée*), тогда какъ при нынѣшнемъ устройствѣ конгресса присутствіе въ его средѣ официальныхъ представителей разныхъ государствъ обезпечиваетъ ему покровительство правительствъ, и что хотя постановленія конгресса не имѣютъ для послѣднихъ обязательной силы, тѣмъ не менѣе принимаются ими съ тѣмъ уваженіемъ, котораго заслуживаютъ заключенія строгой науки.

Въ силу этого соображенія V-я сессія большинствомъ голосовъ отстранила обсужденіе вопроса о преобразованіи конгресса, поручивъ однако особой международной комиссіи представить къ VI-й сессіи подробный докладъ по этому предмету.

Различныя обстоятельства замедлили однако разработку этого вопроса на VI-мъ собраніи конгресса, происходившемъ во Флоренціи, и онъ подвергся обсужденію лишь на VII-й сессіи, въ Гагѣ. При этомъ г. Давидъ заявилъ собственныя предложенія, относившіяся до порядка обсужденія и баллотировки поставляемыхъ на конгрессъ вопросовъ; но ни предложенія г. Давида, ни предложенія къ нимъ поправки не привели ни къ какимъ окончательнымъ постановленіямъ, и вопросъ былъ снова переданъ на обсужденіе слѣдующей сессіи.

С.-Петербургскому конгрессу предстоитъ эта трудная и почетная задача направить трудъ будущихъ конгрессовъ къ болѣе плодотворной цѣли. Въ какой степени то будетъ исполнено, — мы увидимъ въ самомъ непродолжительномъ времени и въ свое время сообщимъ о томъ читателямъ.

W.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа, 1872.

Новый законъ о печати, и его мотивы.—Проектъ акціонернаго устава.—Гарантія правъ и регламентація.—Ограниченіе учрежденія и дѣйствій частныхъ банковъ.—Ревизія судебного дѣлопроизводства.—Измѣненіе въ уставѣ уголовного судопроизводства.—Слѣды и расклады государственныхъ земскихъ повинностей на предстоящее трехлѣтіе.

31-го мая сего года были Высочайше утверждены новыя правила, дополняющія и измѣняющія извѣстный законъ о печати 6-го апрѣля 1865-го года, а 30-го іюня эти правила были опубликованы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Даже такіе органы, которые не несутъ упрека въ излишнемъ либерализмѣ, какъ „Русскій Міръ“, перепечатывая на своихъ столбцахъ (№ 167) текстъ новаго закона, не упустили замѣтить, что этотъ законъ „произведетъ болѣе или менѣе *тяжелое* впечатлѣніе на печать и читающую публику“; впрочемъ, тотъ же органъ спѣшитъ прибавить: „мы питаемъ надежду, что послѣдствія (которыми долженъ отразиться новый законъ на литературу) не будутъ столь прискорбны, какъ можно было опасаться подъ впечатлѣніемъ первой минуты“. „Русскій Міръ“ поддерживаетъ свою надежду указаніемъ на все послѣднее время, и говоритъ: „едвали для массы читающей публики составили большую потерю *нѣсколько десятковъ* задержанныхъ книгъ“. Мы даже смѣло допустимъ, что это не составило пожалуй и никакой потери, если сравнить эти *нѣсколько десятковъ* задержанныхъ съ *нѣсколькими* десятками тысячъ незадержанныхъ; но „Русскій Міръ“ очевидно ошибается: какимъ образомъ тѣ „*нѣсколько десятковъ*“ вредныхъ книгъ могли бы сдѣлать необходимымъ появленіе новаго закона и послужить основаніемъ къ тому, чтобы счесть неудовлетворительнымъ прежній законъ о печати? И „Русскій Міръ“ дѣйствительно ошибается: при публикаціи новаго закона помѣщена весьма интересная оффиціальная записка, объясняющая вполнѣ всю исторію новаго закона о печати и указывающая тѣ мотивы, которыми руководились его первоначальные

составители. Вотъ подлинный ея текстъ, весьма важный для пониманія и оцѣнки самаго закона:

„Государственный совѣтъ—говорится въ запискѣ—въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о дополненіи и измѣненіи нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ узаконеній о печати, принялъ во вниманіе, что на основаніи дѣйствующаго нынѣ закона 6-го апрѣля 1865-го г., оригинальныя сочиненія, объемомъ не менѣе 10-ти и переводныя—не менѣе 20-ти печатныхъ листовъ, въ обѣихъ столицахъ освобождены отъ предварительной цензуры, и затѣмъ пресѣченіе вступавшихся въ нихъ злоупотребленій печатнымъ словомъ предоставлено лишь карательной власти суда, въ предѣлахъ, указанныхъ общимъ уложеніемъ о наказаніяхъ и особыми постановленіями упомянутаго закона. Такое облегченіе для книгъ означеннаго объема признано было возможнымъ въ томъ преимущественно предположеніи, что онѣ, по содержанию своему, принадлежатъ обыкновенно къ литературѣ серьезной, обращающейся къ болѣе зрѣлымъ умамъ, и, по самой цѣлѣ не будучи доступны распространенію въ массѣ малообразованныхъ читателей, не могутъ съ удобствомъ служить орудіемъ вредной пропаганды. Но изъ представленныхъ нынѣ на усмотрѣніе государственнаго совѣта данныхъ видно, что въ послѣдніе годы, на ряду со многими полезными произведеніями печати, неоднократно были случаи изданія безцензурныхъ сочиненій, наполненныхъ самыми опасными лжеученіями, стремящихся ниспровергнуть священные истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка. Весьма часто въ такихъ сочиненіяхъ не усматривается прямого нарушенія какой-либо статьи карательнаго закона, и потому они распространяются безпрепятственно. Между тѣмъ достовѣрными свѣдѣніями доказывается, что во многихъ случаяхъ изданіе ихъ имѣетъ специальною цѣлю распространять лжеученія между учащеюся молодежью и, въ этихъ видахъ, нѣкоторыя книги, которымъ назначается довольно высокая цѣна для продажи въ книжныхъ лавкахъ, уступаются издателями за третью или четверть стоимости въ значительномъ числѣ экземпляровъ, для разсылки въ университеты и гимназіи или для раздачи лицамъ, посвятившимъ себя распространенію вредныхъ ученій. Подъ вліяніемъ такой пропаганды многіе молодые люди впадали въ пагубныя заблужденія и иногда вовлекались въ поступки, вынуждавшіе принятіе противъ нихъ мѣръ, тягостныхъ для нихъ и для ихъ семействъ.

„Признавая безотлагательно нужнымъ положить предѣлъ такимъ злоупотребленіямъ и принимая во вниманіе, что предпринятый по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію общій пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній о печати, по обширности сей работы и необходимости подробнаго соображенія ея при участіи различныхъ вѣдомствъ, не можетъ получить утвержденія въ весьма скоромъ времени, государственный совѣтъ согласился съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ о необходимости дополнить нынѣ законъ 6-го апрѣля 1865-го года опредѣленіемъ порядка дѣйствій высшей административной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда признано будетъ необходимымъ принять рѣшительныя, безотлагательныя мѣры къ прегражденію распространенія разрушительныхъ ученій какъ въ освобожденныхъ отъ предвари-

тельной цензуры книгахъ, такъ и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, которыя по характеру своему болѣе подходятъ подъ разрядъ книгъ.

„Вслѣдствіе сего государственныя совѣтъ мнѣніемъ положили:

„Въ дополненіе и измѣненіе временныхъ правилъ о цензурѣ и печати (т. XIV Уст. Цenz. прил. къ ст. 5, по прод. 1868-го г.), постановить нижеслѣдующее“.

Такъ кончается мотивирующая записка, и затѣмъ слѣдуетъ самый текстъ новаго закона, который мы увидимъ ниже. Изъ записки слѣдуетъ, что хотя инициатива закона принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ самому компетентному судѣ въ дѣлахъ печати, которыя находились и находятся въ его вѣдомствѣ, но мотивы закона почерпнуты изъ области министерства юстиціи и министерства народнаго просвѣщенія. Главнымъ побужденіемъ къ закону послужило то обстоятельство, что „на ряду со многими полезными произведеніями печати, неоднократно были случаи“ злоупотребленія свободою печати ко вреду общественной нравственности, а пресѣченіе ихъ „предоставлено лишь карательной власти суда“, т.-е. недостаточной къ тому, и притомъ предоставлено „въ предѣлахъ, указанныхъ общимъ Уложеніемъ о Наказаніяхъ“. Итакъ, сама записка, повидимому, признаетъ, что дѣйствительно наша литература, послѣ закона 6-го апрѣля, дала много полезныхъ произведеній, а вредныя произведенія появились не болѣе какъ только *неоднократно*; редакция „Русскаго Міра“ насчитала такихъ случаевъ всего нѣсколько десятковъ, но она упустила изъ виду другое болѣе важное обстоятельство, а именно, что нашъ судъ признается *бесильнымъ* въ дѣлѣ пресѣченія злоупотребленій свободою печати, и записка при этомъ указываетъ на органическую причину такого безсилія судебной власти, а именно, что „весьма часто въ такихъ (т.-е. вредныхъ) сочиненіяхъ не усматривается прямого нарушенія какой-либо статьи карательнаго закона, и потому они распространяются безпрепятственно“. Вотъ, главный мотивъ.

Не касаясь еще содержанія этого новаго закона, мы должны напомнить читателю, что вся сущность прежняго закона о печати, 6-го апрѣля 1865-го г., занимавшаго весьма почетное и видное мѣсто въ ряду реформъ нынѣшняго царствованія, состояла въ томъ, что этотъ законъ не только освобождалъ въ обѣихъ столицахъ всѣ газеты и журналы и всѣ книги, отъ 10-ти печатныхъ листовъ, а также и всѣ переводы, отъ 20-ти печатныхъ листовъ—такое освобожденіе само по себѣ не имѣло бы значенія—нѣтъ! это было далеко не все: „Освобожденныя—говорилъ законъ—отъ предварительной цензуры повременныя и другія изданія, сочиненія и переводы, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, *подвергаются судебному преслѣдованію*“. Несмотря на то, что этотъ знаменитый пунктъ второй закона 6-го апрѣля прибавлялъ, что газеты и журналы, кромѣ того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго на-

правленія, подлежать и дѣйствию административныхъ взысканій (предостереженія, съ приостановкою изданія не свыше шести мѣсяцевъ, запрещеніе уличной продажи и т. п.),—мы, говоря прежде не разъ объ этомъ законѣ, всегда должны были сознаваться, что этотъ законъ, несмотря на его неполноту, былъ громаднымъ шагомъ на пути нашего нравственнаго развитія и сближенія насъ съ западною Европою, такъ какъ это былъ первый опытъ замѣны административной власти судомъ, и освобожденія литературы изъ того положенія, въ которомъ она находилась до того времени. Что это положеніе литературы до 1865-го г. въ рукахъ административной власти было тяжело и неудобно, мы видимъ то изъ первыхъ словъ, которыми начинался памятный указъ 6-го апрѣля правительствующему сенату: Государь Императоръ изволилъ утвердить новый законъ, „желая дать отечественной печати возможные *облегченія* и *удобства*“. Во главѣ этихъ облегченій и удобствъ стояло полное и безусловное изъятіе книжной литературы отъ административной власти и ограниченіе послѣдней въ отношеніи періодической литературы шестью мѣсяцами приостановки изданія и другими мѣрами, хотя болѣе или менѣе чувствительными, но не уничтожавшими изданія.

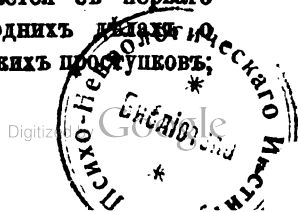
Результатъ новаго закона былъ поистинѣ изумительный въ извѣстномъ отношеніи: до 1865-го г. никакія таможенныя и полицейскія мѣры не могли остановить быстрого развитія и распространенія подпольной и такъ-называемой „заграничной“ печати; даже люди серьезные и положительные тяготѣли и питали интересы въ этой литературѣ. Но того, чего не могла сдѣлать полиція, сдѣлалъ законъ 6-го апрѣля, нанесшій тяжелый ударъ и подпольной и заграничной печати. Даже и періодическая печать, несмотря на то, что она была не вполне изъята отъ административной кары, получила съ того времени такое быстрое развитіе, что заграничные листки потеряли свой *raison d'être* и тщетно украшали собою витрины берлинскихъ и парижскихъ книжныхъ магазиновъ. Помимо того факта, наша періодическая литература съ той же эпохи начала приносить своею службою совершенно новую пользу не одному обществу, но и правительству,—доказательствомъ тому служить памятный голодъ послѣднихъ лѣтъ, о приближеніи котораго было узнано не административнымъ путемъ, а путемъ печати.

Такихъ заслугъ печати не отвергаютъ и противники ея; но они утверждаютъ теперь, что злоупотребленія печати несравненно болѣе тяжки по своимъ послѣдствіямъ, а судъ безсиленъ пресѣкать такіа злоупотребленія, именно потому, что послѣднія могутъ дѣлаться безъ прямого нарушенія закона, а слѣдовательно нечувствительно для суда. Мотивъ чрезвычайно важный и справедливо обратившій на себя вниманіе государственнаго совѣта, а потому и мы постараемся разсмотрѣть его ближе.

Свойства литературнаго произведенія и литературнаго преступле-

нія одинаковы во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ: вездѣ, въ массѣ полезныхъ книгъ, являются неоднократно сочиненія „наполненные самыми опасными лжеученіями, стремящіяся ниспровергнуть священные истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка“. Въ прежнія времена въ западной Европѣ не знали другого средства для борьбы съ такимъ зломъ, какъ цензура, и по мѣрѣ увеличенія зла увеличивались цензурныя строгости. Но опытъ убѣдилъ государственныхъ людей, что по мѣрѣ увеличенія цензурныхъ строгостей и административнаго произвола увеличивалось и самое зло, какъ въ борьбѣ Геракла съ гидрою: запрещенное пріобрѣтало новую прелесть, и масса истинно нравственныхъ силъ ослаблялась и замѣнялась притворною нравственностью. Съ тѣхъ поръ перестали дѣлать исключенія для проступковъ по дѣламъ печати и стали сравнивать ихъ съ другими преступными дѣяніями, т.-е. преступилъ ли человекъ словомъ, или дѣломъ, онъ одинаково подвергается нелицепріятному суду, приговоръ котораго потому самому не заключаетъ для преступившаго ничего лестнаго и не окружаетъ его ореоломъ мученичества. При общности свойствъ литературныхъ преступленій, какъ у насъ, такъ и у другихъ народовъ, слѣдовало бы теперь ожидать, что опытъ западныхъ правительствъ скоро приведетъ ихъ однако къ убѣжденію, что судъ безсиленъ въ пресѣченіи злоупотребленій, такъ какъ писатель всегда найдетъ средство не нарушать прямо карательнаго закона; но ничего подобнаго не случилось въ западныхъ государствахъ: хотя и въ Пруссіи, напримѣръ, писатель можетъ, какъ и у насъ, избѣгать прямого нарушенія закона, однако тѣмъ не менѣе прусское правительство оставляетъ по прежнему проступки печати въ вѣдѣніи судебной власти. Вотъ историческое доказательство того, что если судебная власть безсильна въ отдѣльныхъ случаяхъ пресѣкать злоупотребленія, то такое безсиліе въ глазахъ западныхъ европейскіхъ правительствъ признается менѣе важнымъ безсиліи административной власти внушить обществу необходимое довѣріе къ ея приговорамъ.

Разсматривая этотъ же самый вопросъ по существу, мы будемъ вынуждены опять согласиться съ такимъ заключеніемъ западныхъ правительствъ. Судъ, говорятъ намъ, безсиленъ именно только въ дѣлахъ о печати по особенному свойству литературнаго слова—сдѣлать преступленіе такъ, какъ будто оно не сдѣлано, а судъ между тѣмъ не признаетъ преступленія тамъ, гдѣ нѣтъ явнаго и доказаннаго нарушенія закона; слѣдовательно, такъ заключаютъ многіе, дѣла о печати должны быть изъяты изъ вѣдѣнія суда. Умозаключеніе совершенно вѣрное, но послышки не такъ надежны, какъ то кажется съ перваго раза. Судъ обнаруживаетъ „безсиліе“ вовсе не въ однихъ дѣлахъ о печати, а также и при обсужденіи всѣхъ человѣческихъ проступковъ;

но такое „безсиліе“ именно и составляет его силу. Очень часто может случиться, напримеръ, что полиція, когда еще была въ ея рукахъ судебная власть, нисколько не затруднилась бы захваченнаго ею человѣка въ качествѣ подозрѣваемаго осудить, и привести въ исполненіе свой приговоръ; отдайте это же самое дѣло на судъ присяжныхъ, и они освободятъ обвиняемаго, такъ какъ улики недостаточны и вообще обстоятельства не дозволяютъ превратить подозрѣніе въ убѣжденіе. Тутъ точно также можно сказать, что судъ „безсиленъ“ въ сравненіи съ полиціею; но именно, въ этомъ безсиліи суда, какъ мы сказали, и вся его сила; за то приговоръ суда даже и въ самомъ невыгодномъ для него случаѣ позволяетъ произнести только одно изреченіе древней мудрости: „строгъ законъ, но это законъ“! Что бы скавали однако, еслибъ мы имѣли министра полиціи, и министръ полиціи, ссылаясь на тотъ или другой фактъ „безсилія“ суда, выразилъ бы такую мысль: въ Петербургъ и въ Москву пріѣзжаетъ много людей весьма полезныхъ, но неоднократно случалось, что сюда являлись и люди, опасные для лица и собственности жителей, между тѣмъ судъ, пока эти люди прямо не нарушаютъ закона, не можетъ сдѣлать никакого распоряженія, а потому необходимо изъять изъ вѣдомства суда всѣ подобные вопросы, такъ какъ судъ слишкомъ строго держится буквы закона и т. д. Нельзя конечно будетъ не согласиться съ министромъ полиціи относительно справедливости его взгляда на „безсиліе“ суда въ данныхъ случаяхъ, но никакъ нельзя согласиться съ заключеніемъ, такъ какъ тогда пришлось бы право въѣзда въ городъ предоставить въ руки полиціи и обставить его такими формальностями, что какъ ни почтенно намѣреніе полицейской власти оградить лицо и имущество отъ появленія на улицѣ вредныхъ людей, но дѣло кончилось бы тѣмъ, что и добрые люди рѣшились бы выйти изъ-дому только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что обвиненіе суда вообще въ спеціальномъ безсиліи по дѣламъ печати не вполне справедливо: судъ безсиленъ и въ другихъ дѣлахъ; и во-вторыхъ, безсиліе суда имѣетъ свой особый смыслъ, а именно, на этомъ безсиліи и основана вся его нравственная сила и могущественное вліяніе на общественное мнѣніе. Если администрація является истцомъ при судебномъ порядкѣ, то это нисколько не можетъ быть унижательнымъ для нея, такъ какъ въ дѣлахъ объ оскорбленіи лица или имущества министерство юстиціи занимаетъ также роль истца; наконецъ, такой великій монархъ, какъ Фридрихъ II, съ удовольствіемъ воспоминалъ, что мельникъ въ Сант-Суси пригрозилъ ему самому берлинскимъ судомъ, и изъ всѣхъ побѣдъ Фридриха Великаго едва ли не такія побѣды надъ самимъ собою снискали ему память Великаго.

Но обратимся теперь къ новому закону о печати; мы видѣли его главный мотивъ, теперь прочтемъ самый текстъ, состоящій изъ 7-ми §§:

1. Если распространіе освобожденной отъ предварительной цензуры книги или нумера поврежденнаго изданія, выходящаго безъ цензуры рѣже одного раза въ недѣлю (т.-е. ежемѣсячные журналы), министромъ внутреннихъ дѣлъ признано будетъ особенно вреднымъ, то онъ можетъ, сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, представить о воспрещеніи выпуска онаго въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ. По постановленію заключеній по дѣламъ сего рода, комитетъ министровъ принимаетъ въ руководство статьи 111 и 126 своего учрежденія (Св. Зак. т. I кн. 2).

2. Экземпляры воспрещенныхъ къ выпуску, на основаніи предшедшей 1-й статьи, книгъ и номеровъ періодическихъ изданій немедленно отбираются, по распоряженію подлежащихъ учреждений по дѣламъ печати, отъ типографчиковъ, издателей, авторовъ, переводчиковъ и редакторовъ, по принадлежности.

3. Содержатели типографій, а равно факторы, наборщики и вообще служащіе въ оныхъ, выступившіе въ обращеніе или утаившіе экземпляры задержанныхъ книгъ или номеровъ поврежденныхъ изданій, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ во второй части статьи 1.027 Улож. о наказ. изд. 1866 г. Лица, способствовавшія какимъ бы то ни было образомъ распространенію означенныхъ произведеній, подлежатъ отвѣтственности, опредѣляемой для содержателей типографій. Утаенные экземпляры задержанныхъ сочиненій или номеровъ поврежденныхъ изданій, по обнаруженіи оныхъ, отбираются на общемъ основаніи.

4. Если въ задержанномъ сочиненіи или номерѣ поврежденнаго изданія усматривается преступленіе, то независимо отъ задержанія экземпляровъ подобныхъ изданій можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ, общеустановленнымъ въ законѣ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ подлежитъ собственно вопросъ объ отвѣтственности обвиняемыхъ.

5. Порядокъ пріостановки выпуска въ свѣтъ произведеній печати, указанный въ ст. 14, гл. III прил. къ ст. 5 Уст. Ценз. (по продолж. 1868 г.), сохраняется въ силѣ въ отношеніи ко всѣмъ тѣмъ сочиненіямъ и изданіямъ, къ которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ не признаетъ нужнымъ примѣнять настоящіе правила.

6. Экземпляры изъятыхъ отъ предварительной цензуры поврежденныхъ изданій, выходящихъ рѣже одного раза въ недѣлю, должны быть представляемы въ подлежащее учрежденіе по дѣламъ печати (Уст. Ценз. прил. къ ст. 5 гл. II, ст. 25 п. 2), за *четыре дня* до разсылки оныхъ подписчикамъ. Сочиненія же не періодическія, напечатанныя или налитографированныя также безъ предварительной цензуры, могутъ быть выпускаемы въ свѣтъ (гл. III ст. 13, Улож. о Наказ. ст. 1.012) не прежде какъ по истеченіи *семидневнаго* срока со времени полученія росписки въ принятіи узаконеннаго числа экземпляровъ.

7. Сочиненіе или поврежденное изданіе, которое по собственному желанію издателя или редактора было представлено на разсмотрѣніе предварительной цензуры и ею одобрено, не можетъ быть задержано по ст. 1 и 5 сихъ правилъ.

Въ новомъ законѣ существенную его часть составляютъ, по нашему мнѣнію, собственно два параграфа, а именно первый и четвертый. Первый параграфъ уничтожаетъ одинъ изъ четырехъ основныхъ пунктовъ, на которыхъ покоился законъ 6-го апрѣля, а именно второй (II), въ силу котораго, какъ мы видѣли, ни одна книга и ни одинъ номеръ журнала не могли быть истреблены административнымъ порядкомъ и подвергались только судебному преслѣдованію; теперь, по новому закону судебное преслѣдованіе совершенно устраняется, хотя, правда, только въ томъ случаѣ, если г. министръ внутреннихъ дѣлъ найдетъ не самую книгу, но распространеніе ея вреднымъ, и притомъ „особенно вреднымъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ, специально завѣдуя дѣлами о печати, можетъ быть весьма компетентнымъ судьей въ вопросѣ объ особенномъ вредѣ распространенія той или другой книги и никогда не воспользуется своею обширною властью для огражденія личныхъ интересовъ своего министерства; по крайней мѣрѣ мы, хотя и подвергались и по прежнему закону административнымъ карамъ, однако не испытывали большихъ стѣсненій говорить о дѣлахъ, касающихся лично этого министерства; но та же справедливость требуетъ замѣтить, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ, по самому своему положенію, осужденъ имѣть дѣло исключительно съ книгами такъ-называемаго „вреднаго“ содержанія: главное управленіе по дѣламъ печати, естественно, никогда не представляетъ ему доклада о „полезныхъ книгахъ“, а ограничивается въ своихъ докладахъ книгами „вредными“. Отсюда невольно можетъ родиться убѣжденіе, что въ нашей литературѣ преобладаютъ вредныя книги, что литература заражена зловредными ученіями, а слѣдов. необходимо усиловать мѣры строгости. Вѣроятно, вслѣдствіе того новый законъ ставитъ вопросъ объ окончательномъ воспрещеніи временно задержанной книги въ зависимость отъ разрѣшенія комитета министровъ, который такимъ образомъ снимаетъ съ г. министра внутреннихъ дѣлъ всякую отвѣтственность въ возникающихъ дѣлахъ о печати. Нельзя утверждать, что положеніе печати чрезъ то ухудшается; допустимъ даже, что въ отдѣльныхъ случаяхъ оно можетъ оказаться болѣе выгоднымъ; но цѣль закона едва ли будетъ достигаться, такъ какъ даже и самая снисходительность и великодушіе членовъ комитета министровъ будутъ въ глазахъ общества имѣть характеръ хотя доброй, но все же административной власти, а не общаго суда. Такую мысль въ обществѣ будетъ поддерживать въ особенности четвертый параграфъ, изъ редакціи котораго прямо слѣдуетъ, что всѣ задержанныя сочиненія или номера повременнаго изданія раздѣляются на двѣ категоріи: на такія, въ которыхъ усматривается преступленіе, и на такія, въ которыхъ преступленіе не усматривается. Легко заключить послѣ этого, что вѣдѣнію комитета министровъ будутъ подлежать

только такія книги, относительно которыхъ нельзя и думать, чтобы судъ призналъ въ нихъ преступленіе.

Послѣдній параграфъ какъ будто смягчаетъ новый законъ и даже совершенно парализируетъ его, предоставляя и авторамъ и издателямъ журналовъ, „по собственному желанію“, представлять рукописи на разсмотрѣніе предварительной цензуры и искать ея одобренія, причѣмъ положительно объявлено, что пропущенное предварительною цензурою не можетъ быть уже задержано. Что такое опредѣленіе въ высшей степени справедливо, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; оно даетъ безусловную гарантію и автору, и издателю; но гарантируетъ ли оно интересы общества и даже самого правительства, и притомъ именно интересы, во имя которыхъ издается настоящій законъ — это совсѣмъ другой вопросъ. Собственный опытъ нашего правительства до 1865-го года доказалъ, что цензура, и цензура самая строгая, не обезпечиваетъ ни общества, ни правительства отъ произведеній такъ называемаго вреднаго содержанія; цензура только вынуждаетъ мысль замаскировываться и быть болѣе изворотливою, а слѣдовательно дѣйствовать иногда болѣе вредно, чѣмъ то можетъ мысль, высказанная открыто. Доказательствомъ справедливости нашихъ словъ служить то, что въ прежнее время правительство находило себя вынужденнымъ уничтожать изданія, выходившія въ свѣтъ подъ предварительною цензурою, установленною самимъ же правительствомъ. Допустимъ, что всѣ пожелаютъ воспользоваться седьмымъ параграфомъ, чтобы избавиться отъ первыхъ шести, и притомъ съ гарантіей, что разъ пропущенное цензурою „не можетъ быть задержано“: но тогда мы только вернемся къ тому нравственному порядку вещей, который въ 1865 г. побудилъ правительство отказаться отъ него и лишить печать удобства скрываться подъ эгидою цензуры, и вмѣстѣ нанести вѣрный ударъ другой печати, удалившейся подъ спудъ или за-границу.

На все это, быть можетъ, читатель возразитъ намъ, что наши соображенія справедливы, но, къ сожалѣнію, не менѣе достоверно и то, на что указываетъ ниже объяснительная записка къ новому закону: „во многихъ случаяхъ изданіе вредныхъ книгъ—говоритъ эта записка—имѣетъ спеціальною цѣлю распространять лжеученія между учащеюся молодежью, и въ этихъ видахъ нѣкоторыя книги, которымъ назначается довольно высокая цѣна для продажи въ книжныхъ лавкахъ, уступаются издателями за третью или четверть стоимости въ значительномъ числѣ экземпляровъ,“ и т. д. Правительство потому вынуждается прибѣгать къ мѣрамъ, тягостнымъ для молодежи и ихъ семействъ. Какъ же тутъ быть? Неужели правительство можетъ бездѣйствовать въ виду такихъ безобразій и хладнокровно наказывать потомъ сбитуя съ толку молодежь, повторяя пословицу: fiat justitia, pereat mundus!

На такое возраженіе мы скажемъ прежде всего, что и по нашему убѣжденію правительство не только имѣетъ право, но и несетъ на себѣ священную обязанность ограждать общество отъ всего вреднаго и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ порядкѣ вещей; мнѣнія могутъ расходиться только въ вопросѣ, какимъ образомъ общество можетъ быть лучше ограждено отъ всяческихъ бѣдствій. Въ данномъ вышѣ случаѣ мы спросимъ: чтó выиграетъ общество, если новый законъ о печати дѣйствительно уничтожить указанныя безобразія, и вредныхъ книгъ нельзя будетъ разсылать по гимназіямъ и притомъ по дешевой цѣнѣ, но вмѣсто того между воспитанниками начнутъ ходить по рукамъ рукописныя сочиненія самаго нелѣпаго содержанія? Намъ скажутъ, что въ школахъ есть на то присмотръ; но отчего же въ такомъ случаѣ эту мѣру не употребить и противъ извѣстнаго рода печатныхъ книгъ? Но въ томъ-то и дѣло, что второй мотивъ новаго закона о печати, высказанный въ запискѣ, какъ бы ни былъ онъ достовѣренъ — а въ истинѣ его мы не имѣемъ повода сомнѣваться — все же доказываетъ собственно не необходимость этого закона, а одну только распушенность тѣхъ школъ, гдѣ произошли тѣ явленія. По нашему мнѣнію, тѣ печальные отдѣльные случаи вызвали не новый законъ, а потребность уничтожить ту распушенность, которая обнаружилась въ той или другой школѣ, и для того опять не нужно было бы прибѣгать даже и къ суду, такъ какъ школа имѣетъ свою педагогическую дисциплину. Педагоги, которыхъ касаются лично выше указанные факты, доказали бы свое безсиліе, если бы они свою безпечность въ надзорѣ за жизнью школы сложили на недостатки закона о печати; а чтó теперь сдѣлаютъ такіе педагоги, если окажется, что новый законъ о печати не избавитъ ихъ отъ рукописныхъ глупостей, для изданія которыхъ не требуется ни капитала, ни типографіи? Что „рукописная“ литература въ школахъ не есть наше предположеніе, въ этомъ можно убѣдиться изъ школьныхъ воспоминаній прежней цензурной эпохи. Нашимъ бѣднымъ педагогамъ тогда ничего не останется, какъ сложить всю бѣду на отсутствіе строгаго закона о рукописяхъ. Въ Германіи издается масса книгъ, которыя никакъ не были бы одобрены нашимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и въ этой же Германіи существуютъ безопасно школы, проникнутыя глубокимъ и высокимъ нравственнымъ духомъ. Что же это значитъ? Это значитъ, что школа въ Германіи имѣетъ въ себѣ такую внутреннюю силу, что свобода, которая необходима для общественной жизни, не можетъ коснуться ея. Вотъ почему всякій можетъ подумать, что если наши педагоги считаютъ необходимымъ для благоустройства школы измѣнить самый строй общественной жизни, то они должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что новый законъ о печати служить для нихъ самымъ лучшимъ *testimonium paupertatis*.

Впрочемъ, новый законъ о печати измѣняетъ строй общественной жизни только временно, какъ то видно изъ словъ официальной записки, — въ ожиданіи полнаго пересмотра нынѣ дѣйствующихъ законовъ о печати, который предпринять было, если не ошибаемся, уже года два тому назадъ и слѣдовательно приближается вѣроятно къ окончанію. Нѣтъ сомнѣнія, что при такой важной и уже окончательной реформѣ будетъ принятъ въ соображеніе нашъ собственный опытъ недавняго времени и тѣ неизмѣнныя и вѣчныя выгоды, которыя получаются отъ примѣненія строгой законности ко всѣмъ дѣяніямъ человѣческимъ, въ числу которыхъ принадлежитъ и печать. При временномъ характерѣ новаго закона не предстоитъ конечно надобности много говорить и о его вліяніи на ближайшее будущее нашей литературы: оно будетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ поспѣшнѣе временное замѣнится постояннымъ. Впрочемъ, и при продолжительности временной мѣры было бы также излишне говорить о ея послѣдствіяхъ, такъ какъ эти послѣдствія и слишкомъ извѣстны, и еще весьма недавно были испытаны нами. Несомнѣнно одно, что въ виду того развитія печати, какое оно имѣетъ у нашихъ сосѣдей, мы не можемъ считать для себя безопаснымъ обезоруживать русское слово и дѣлать его безсильнымъ, неуважаемымъ ни внутри страны, ни извнѣ. Если опасно для страны отстать отъ другихъ въ усовершенствованіи огнестрѣльнаго оружія, то еще опаснѣе отстать въ усовершенствованіи самаго сильнаго орудія, каковымъ является вездѣ человѣческая мысль и ея выраженіе—слово; а лучшимъ средствомъ къ такому усовершенствованію служить страхъ предъ судомъ. Всякій другой страхъ „не содѣлываетъ во спасеніе“, а влечетъ за собою ухищреніе и притворство, на почвѣ которыхъ общественная нравственность все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Общественныя массы сами всего болѣе нуждаются въ порядкѣ, а нѣтъ порядка безъ страха предъ судомъ. Страхъ предъ административною властью даетъ, правда, въ результатъ порядокъ—наружный, но такому порядку на дѣлѣ не могутъ довѣрять даже и тѣ, которые имъ бываютъ довольны. Все это—скажутъ намъ,—азбука государственной мудрости; но тѣмъ болѣе мы имѣемъ право разсчитывать, что такая азбука не будетъ оставлена безъ вниманія при подробномъ разсмотрѣніи обѣщаннаго намъ постоянного закона о печати. Безнаказанность печати отнюдь не составляетъ нашего интереса, и мы искренно желаемъ, чтобы свобода печатнаго слова была строго обуздана—путемъ суда, который обуздываетъ нелицепріятно и всѣ прочіе человѣческія дѣянія.

Въ заключеніе нашихъ общихъ соображеній, представимъ еще одну небольшую практическую замѣтку по тому же вопросу, который такъ сильно интересуется въ настоящее время все наше образованное общество.

Вслѣдствіе строгихъ цензурныхъ мѣръ, которыя уже столько разъ и во всѣхъ странахъ оказывались безуспѣшными, всякая печать бываетъ поставлена прежде всего въ положеніе совершенно стѣсненное: это, конечно, аксіома. Но отсюда прежде всего истекалъ бы такой результатъ, котораго само правительство никакъ не можетъ желать, а именно, печать нашлась бы вынужденною рѣшительно уклониться отъ практическаго обсужденія практическихъ же вопросовъ нашей текущей жизни и обратилась бы къ отвлеченностямъ, ставила бы вопросы исключительно въ сферѣ самыхъ общихъ теоретическихъ воззрѣній. А такъ всегда бываетъ, когда печати и общественному мнѣнію отрицается право участія въ обсужденіи реальныхъ вопросовъ текущей жизни. Вспомнимъ о характерѣ преній въ бывшемъ законодательномъ корпусѣ второй французской имперіи. Пренія эти держались исключительно въ сферѣ общностей, и хотя отдѣльнымъ лицамъ тогдашней администраціи, быть можетъ, это и было пріятнѣе, чѣмъ еслибы рѣчи ораторовъ прямо касались ихъ личной дѣятельности, но для поддержанія въ обществѣ духа здраваго, спокойнаго отношенія къ своей жизни, такое искусственное, раздражительное занятіе общностями и вмѣстѣ такое краснорѣчивое молчаніе о ближайшихъ, реальныхъ фактахъ, далеко не оказывалось пригоднымъ. Можно смѣло утверждать, что даже въ такъ-называемомъ „цензурномъ“ смыслѣ есть нѣкоторый предѣлъ, за которымъ стѣсненіе печати противорѣчитъ именно „цензурной“ же дѣли. Представимъ себѣ на минуту фактъ невѣроятный въ настоящее время, представимъ себѣ, что печати стало просто невозможно обсуждать текущія явленія законодательства, мѣры администраціи, практическія нужды общества, и что печать занялась всецѣло философскими теоріями, историческими этюдами и литературной критикой. Въ первую минуту, быть можетъ, у нѣкоторыхъ губернскихъ начальниковъ и начальниковъ отдѣленій въ департаментахъ станетъ легче на душѣ: прекратились-молъ мелкія придирки, унялись податчики непрошенныхъ совѣтовъ. Но весьма скоро оказалась бы на дѣлѣ та неоспоримая истина, что дѣятельность общественной мысли ни прекращена, ни унята быть не можетъ, а можетъ быть только стѣснена въ своемъ выраженіи, искусственно вдвинута въ инныя формы. Печать снова, съ искусственнымъ раздраженіемъ и запальчивостью, занялась бы сравненіемъ Базарова съ Кирсановымъ, теорією Дарвина, борьбою Цезаря съ сенатомъ, но и сама печать, и общество, и сами мѣстные и центральные чиновники отлично понимали бы, что дѣло вовсе не въ судьбѣ Базарова, не въ степени вѣроятности теоріи полового подбора и не въ стратегическихъ способностяхъ автора комментаріевъ о гражданской войнѣ; что всѣ эти имена только фигуративныя, подставныя, что въ Дарвинѣ интересуются наиболѣе вовсе не половымъ подборомъ, и что Рубиконъ означаетъ въ сущности реакцію, а вовсе не погра-

ническую черту цезаревой провинціи. Много ли такое положеніе представляло бы выгоды даже и въ „цензурномъ“ отношеніи сравнительно съ правомъ печати говорить прямо, что подушную подать можно бы замѣнить подоходною, или хотя бы даже такую „крайне-смѣлую“ мысль, что реальная школа можетъ имѣть общеобразовательный характеръ? Не знаемъ; объ этомъ судить не намъ. А судить объ этомъ всякому легко, такъ какъ стѣснительныхъ для печати мѣръ у насъ было принято достаточное число въ прошедшемъ. Если при подобномъ сужденіи задаваться исключительно вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ отсутствіе права печати обсуждать общественные вопросы обезпечиваетъ общественное спокойствіе, то достаточно будетъ справиться съ исторіею, которая покажетъ, что пугачевщина была у насъ въ то время, когда „печать“ еще не существовала, что декабристы и дѣло Петрашевскаго соотвѣтствовали тому времени, когда печать о внутреннихъ вопросахъ безусловно молчала, и что со времени облегченія печати была у насъ только глупѣйшая затѣя Нечаева, которая и была опѣнена по достоинству, именно благодаря той же, нѣсколько освобожденной печати.

Если стѣсненіе печати не обѣщало бы успѣшнаго результата даже и въ отношеніи „цензурномъ“, то въ прочихъ отношеніяхъ оно, ужъ само собою разумѣется, не принесло бы пользы. Не говоримъ уже объ интересѣ общественнаго развитія въ этомъ дѣлѣ: онъ слишкомъ очевиденъ. Но становясь опять-таки на чисто-административную точку воззрѣнія, замѣтимъ, что указанія печати, какъ то оказывается изъ практикы административной, и даже изъ обработкы законодательныхъ вопросовъ, вовсе не такъ бесполезны и ненужны, какъ то готовы утверждать какіе-нибудь законсѣльные бюрократы. Важность общественной поддержки въ любомъ начинаніи въ настоящее время сознается у насъ всѣми безъ исключенія, и нѣтъ такого строгаго регламентатора, который бы самъ не пробовалъ заручиться для какой-нибудь своей мысли собственнымъ органомъ печати или отказался бы отъ поддержки ея посредствомъ печатнаго органа, еслибы она представлялась ему возможною. Были даже, если вѣрить слухамъ, примѣры, что люди, которые впослѣдствіи громче другихъ жаловались на то, что печать ввязывается не въ свое дѣло, въ ихъ дѣло, сами же начинали съ пропагандированія своихъ проектовъ посредствомъ печатнаго органа, и тутъ являлись публицистами чиновники по особымъ порученіямъ. Стало быть, если такіа лица впослѣдствіи жаловались на печать, то только потому, что мысль ихъ не встрѣчала въ общественномъ мнѣніи того одобренія, какого они сами въ немъ искали. Это значитъ обращаться къ посредничеству, а потомъ отрицать его, потому только, что оно высказалось несогласно съ нашимъ предвзятымъ мнѣніемъ.

Министерство финансовъ, военное министерство, отчасти и мини-

стерство внутреннихъ дѣлъ не разъ изъявляли прямо желаніе, чтобы та или другая изъ проектируемыхъ или законодательныхъ мѣръ были подвергнуты печатно предварительному просмотру. Правда, иныя управленія этого и не дѣлаютъ. Но при томъ единствѣ политическихъ видовъ, какое естественно предположить въ составѣ администраціи одного времени, надо полагать, что и прочія министерства не отвергаютъ пользы участія печати въ обсужденіи правительственныхъ мѣръ. Стало быть, кто же можетъ желать, чтобы у печати стѣснено было это право? А большіхъ правъ у печати и нѣтъ, стало быть къ какимъ-либо новымъ стѣсненіямъ печати рѣшительно не представляется повода и со стороны самой администраціи.

Мы перейдемъ теперь же къ обсужденію одного изъ правительственныхъ предположеній о новыхъ законодательныхъ мѣрахъ, а именно проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ, составленнаго особомъ комиссією, учрежденною при министерствѣ финансовъ. Обращаясь къ разбору проекта законодательной мѣры, мы только исполняемъ свою обязанность, какъ понимали ее съ самаго начала нашей дѣятельности. И въ настоящемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ увѣреніе самой администраціи, что она понимаетъ нашу обязанность не уклоняться отъ прямого обсужденія внутреннихъ вопросовъ точно также, какъ понимаемъ ее мы сами. Экземпляръ помянутого проекта присланъ намъ при циркулярѣ департамента торговли и мануфактуръ, съ просьбою „подвергнуть проектъ обсужденію въ журналѣ“ и съ дополнительнымъ заявленіемъ, что „всѣ замѣчанія будутъ приняты въ соображеніе съ величайшею благодарностью“. Если, какъ слѣдуетъ полагать, повторяемъ, въ высшей сферѣ нашей администраціи нѣтъ взглядовъ діаметрально-противоположныхъ, то нельзя не думать, что комитетъ министровъ, призванный нынѣ рѣшать въ высшей инстанціи судьбу книгъ и журналовъ, никогда не станетъ осуждать журналовъ за одно то, что они высказали слишкомъ открыто и добросовѣстно свое мнѣніе о какомъ-либо вопросѣ, обратившемъ на себя вниманіе правительства. А практика комитета министровъ въ этомъ отношеніи естественно установитъ прецеденты, съ которыми будетъ справляться и учрежденіе, специально слѣдящее за журналисткой.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту комиссіи объясняются неудобства и недостаточность нынѣ дѣйствующаго у насъ закона объ акціонерныхъ обществахъ. По нынѣшнему закону, никакое акціонерное общество не можетъ быть учреждено безъ особаго на то разрѣшенія правительства. Этотъ порядокъ представляетъ уже то весьма важное неудобство для услугъ промышленности, что процедура разрѣшенія чрезвычайно медленна: просьбы и проекты учредителей разсматриваются по сношенію съ разными вѣдомствами; потомъ, пройдя всѣ

инстанціи въ министерствѣ, идутъ на разсмотрѣніе комитета министровъ или государственнаго совѣта, при чемъ и на составленіе докладовъ въ эти высшія учрежденія и на самое разсмотрѣніе дѣла въ нихъ требуется много времени; наконецъ, уставы самыхъ незначительныхъ компаній по большей части должны восходить до высочайшаго усмотрѣнія, разсмотрѣніе ихъ способствуетъ накопленію дѣлъ въ комитетѣ министровъ и государственномъ совѣтѣ, а между тѣмъ, промышленное дѣло, основанное на кредитѣ, не ждетъ; оно разстроивается иногда еще до полученія утвержденія, именно по причинѣ медленности.

Цѣль, съ какою установлено было требованіе разрѣшенія и подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ условій предпріятія, до выдачи такого разрѣшенія, была та, чтобы устранять возможность предпріятій чисто спекулятивныхъ или недобросовѣстныхъ; вотъ почему разсмотрѣнію подвергались не только правильность юридическихъ условій предпріятія, но и самыя экономическія его условія. При этомъ, однако, законъ предварялъ публику, что хотя такое-то акціонерное предпріятіе и разрѣшено правительствомъ, но разрѣшеніе это не составляетъ никакого ручательства въ выгодности предпріятія. На дѣлѣ, разумѣется, оказалось, что результаты были совсѣмъ не таковы. Какъ внимательно ни разсматривались уставы въ разныхъ административныхъ инстанціяхъ, но по самому свойству промышленныхъ предпріятій, правительство все-таки не имѣло возможности ни устранить возникновеніе предпріятій невыгодныхъ, ни отвратить неуспѣха и таковыхъ предпріятій, которыя казались рациональными. А между тѣмъ, утвержденіе этихъ предпріятій законодательной властью въ глазахъ публики, все-таки, и несмотря на оговорку помѣщенную въ законѣ, имѣло тотъ смыслъ, что такъ какъ правительство одобрило предпріятіе, то оно уже по этому заслуживаетъ довѣрія. Сверхъ того, при стремленіи обставить каждое новое акціонерное общество возможно полнѣйшими мѣрами обезпеченія, различныя вѣдомства постепенно вводили въ уставы компаній самыя разнообразныя постановленія, во многихъ случаяхъ даже совершенно отступавшія отъ общихъ положеній закона. Кончилось тѣмъ, что „при проектированіи уставовъ вновь учреждаемыхъ обществъ“, какъ говоритъ коммиссія, „руководствомъ служатъ главнѣйше утвержденные уставы однородныхъ компаній; положеніе же о компаніяхъ на акціяхъ, вошедшее въ сводъ законовъ, почти вовсе во вниманіе не принимается; хотя въ каждомъ уставѣ есть ссыла на это положеніе, тѣмъ не менѣе можно сказать, что оно существуетъ только на бумагѣ и что въ сущности теперь у насъ нѣтъ общаго акціонернаго положенія. Пробѣлъ этотъ“, говорится далѣе, „нельзя признать малозначительнымъ въ столь обширномъ государствѣ, какъ Россія, гдѣ акціонерная форма товариществъ все болѣе и болѣе раз-

вивается, а слѣдовательно и сильнѣе требуетъ руководящихъ положительныхъ законовъ". Замѣтимъ здѣсь, что не въ одномъ этомъ дѣлѣ система крайняго развитія опеки, съ возведеніемъ каждаго отдѣльнаго случая въ поводъ къ особымъ мѣропріятіямъ, приводила насъ вмѣстѣ и къ многосложности и къ непримѣнности закона.

Теперь мы знаемъ, что требуется устранить. Посмотримъ же, какъ взглянула комиссія на цѣль и задачи новаго устава. Комиссія нашла, что самая сущность акціонернаго общества, директоры и члены котораго отвѣчаютъ передъ своими вѣрителями только въ опредѣленномъ, ограниченномъ размѣрѣ, а именно въ размѣрѣ внесеннаго ими въ предпріятіе капитала, обуславливаетъ потребность нѣкоторой регламентаціи. Существованіе особыхъ узаконеній по этому предмету необходимо, по мнѣнію комиссіи, уже и для руководства самыхъ акціонерныхъ обществъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Съ этимъ можно и несогласиться, такъ какъ уже изъ сказаннаго комиссіею и нынѣшнемъ порядкѣ ясно, что законъ обезпечивать успѣха дѣйствій промышленной компаніи не можетъ, а стало быть долженъ ограничиваться опредѣленіемъ такихъ условій, которыя устраняли бы возможность обмана, злоупотребленій, захвата дѣлъ нѣсколькими лицами и направленіе дѣлъ общества вопреки желаніямъ большинства дѣйствительныхъ участниковъ. Если же разумѣть уставъ въ смыслѣ руководства не обязательнаго, то въ такомъ случаѣ конечно можно составить примѣрный полный уставъ, но для того только чтобы онъ служилъ компаніямъ облегченіемъ, образцомъ, при составленіи ими своими своихъ уставовъ, и такой примѣрный уставъ нѣтъ надобности вносить въ законъ. Эту оговорку мы дѣлаемъ при самомъ началѣ потому именно, что, какъ намъ кажется, и проектируемый комиссіею общій уставъ слишкомъ полонъ, чрезчуръ подробенъ. Эта полнота понятна, если хотѣли составить нормальный уставъ; въ такомъ случаѣ понятно и то обстоятельство, что въ настоящемъ проектѣ много разъ встрѣчается оговорка: тотъ или другой порядокъ, или срокъ, то или иное условіе, опредѣляются особо уставомъ каждой компаніи. Эта оговорка понятна именно только въ томъ случаѣ, если нынѣшній проектъ разумѣется въ смыслѣ полного, нормальнаго устава. Но въ такомъ случаѣ нѣтъ нужды включать его въ законъ. Само собою разумѣется, что все, что не предписано прямо закономъ, можетъ быть установлено такъ или иначе по желанію самихъ компаній. Предписывать же законъ долженъ какъ можно меньше, имѣя притомъ въ виду не невозможную цѣль — обезпечивать прочность промышленныхъ предпріятій, которая зависитъ прежде всего отъ расчетовъ экономическихъ, а не отъ соблюденія формальностей, — но цѣль чисто-полицейскую: регулировать внутреннія отношенія акціонерныхъ обществъ такимъ образомъ, чтобы распорядительство ихъ дѣлами всегда зависѣло положи-

тельно отъ самихъ хозяевъ, то-есть установить легкость контроля, гласность и ясность счетовъ и отчетовъ, полную зависимость повѣренныхъ отъ большинства акціонеровъ, стараться предупредить возможность составленія большинства искусственного и дѣйствій, клонящихся къ обману акціонеровъ и публики на счетъ истиннаго положенія дѣлъ общества.

Въ проектѣ есть весьма рациональныя и практичныя мѣры, клонящіяся къ достиженію именно этой цѣли. Но есть, какъ намъ кажется, и нѣкоторыя постановленія лишнія, въ которыхъ все еще отражается прежнее попечительство о самомъ успѣхѣ дѣлъ компаній. Излишняя подробность устава нехороша уже тѣмъ, что она непременно поведетъ къ отступленіямъ въ отдѣльныхъ случаяхъ; общія требованія закона относительно компанейскихъ уставовъ должны быть по возможности немногочисленны и общи; чѣмъ подробнѣе будетъ общій уставъ, тѣмъ болѣе отступленій отъ него придется дѣлать на практикѣ, и такимъ образомъ, со временемъ можно возвратиться къ нынѣшнему порядку вещей, когда по сознанію комиссіи общее акціонерное положеніе существуетъ только на бумагѣ.

Объяснительная записка справедливо замѣчаетъ, что компаніямъ на акціяхъ, какъ товариществамъ съ ограниченной отвѣтственностью, присуща доля опасности, и въ краткихъ словахъ весьма мѣтко указываетъ на главные виды этой опасности: „необходимое, рискованное образованіе компаній, съ капиталомъ недостаточнымъ или мнимымъ; завлеченіе участниковъ преувеличенными обѣщаніями выгодъ, безъ достаточнаго обезпеченія правильнаго употребленія ихъ вкладовъ; обращеніе предпріятія въ орудіе спекуляціи, основанной на прибыльномъ отчужденіи выпущенныхъ акцій; нерадѣніе къ интересамъ товарищества, небрежное или расточительное завѣдываніе его дѣлами, созданіе фиктивныхъ дивидендовъ, прикрывающихъ убыточность предпріятія и растрату его основнаго капитала; чрезмѣрное расширеніе операций, выходящее за предѣлы благоразумія, превышающее общественныя средства и вовлекающее товарищество въ неоплатные долги“. Единственной цѣлью требованій, предъявляемыхъ закономъ къ уставамъ акціонерныхъ обществъ, и должно быть устраненіе такой опасности въ разныхъ ея видахъ. Комиссія далѣе совершенно вѣрно опредѣляетъ то направленіе, какого долженъ съ этой цѣлью держаться законъ: лучшимъ огражденіемъ самихъ акціонеровъ долженъ служить ихъ личный интересъ; но чтобы акціонеры могли отстаивать свой интересъ, законъ долженъ обставить устройство акціонернаго общества такъ, чтобы люди, вложившіе свои капиталы въ дѣло, оставались его главными хозяевами и не устранялись отъ завѣдыванія имъ. Съ цѣлью же огражденія публики, которая не имѣетъ возможности ближайшаго наблюденія за дѣлами компаніи и внимательства въ эти дѣла, законъ

долженъ стремиться къ приданію возможно большей гласности балансамъ и отчетамъ компаній. Коммиссія полагаетъ, что съ той же цѣлью законъ долженъ еще „ограничить ихъ операціи извѣстными предѣлами и порадѣми“; но это понятіе уже слишкомъ растяжимое, и подъ него подойдутъ пожалуй такіа стѣснительныя и произвольныя опредѣленія, которыя окажутся непримѣнными на практикѣ.

Уяснивъ, такимъ образомъ, съ самаго начала, что единственной цѣлью закона въ дѣлѣ акціонерныхъ уставовъ должно быть отвращеніе злоупотребленій, посредствомъ поставленія всего дѣла въ постоянную и полную зависимость акціонеровъ, и приданіе возможно большей гласности отчетамъ и возможной легкости контролю, прослѣдимъ теперь, какія предположенія коммиссіи соотвѣтствуютъ этой цѣли, съ самой указанною, и какія представляются посторонними этой цѣли, а потому могутъ быть признаны излишними.

По причинамъ, указаннымъ при оцѣнѣ неудобствъ нынѣшняго положенія, коммиссія признаетъ полезнымъ, въ принципѣ и въ видѣ общаго правила, отмѣнить правительственное разрѣшеніе на учрежденіе акціонерныхъ компаній, какъ оно отмѣнено уже вездѣ, за исключеніемъ только Россіи и Италіи. Правительственное разсмотрѣніе условій предпріятія и разрѣшеніе на учрежденіе компаній, съ утвержденіемъ ихъ уставовъ, предполагается замѣнить просто явкой уставовъ въ особомъ мѣстѣ, регистратурѣ, которой дается названіе „явочнаго отдѣла для акціонерныхъ обществъ“. Явка происходитъ нотаріальнымъ порядкомъ: регистратура, сличивъ предполагаемый уставъ съ постановленіями закона и не найдя въ уставѣ ничего несогласнаго съ закономъ, или исправивъ проектъ устава, согласно съ требованіями закона, заноситъ новое общество въ „главную акціонерную книгу“ и тѣмъ самымъ общество считается уже официально признаннымъ и юридически существующимъ. Примѣняясь къ правиламъ нотаріальнаго положенія, регистратурѣ дается устройство не коллегіальное, а единоличное, такъ чтобы вся отвѣтственность въ соблюденіи законности лежала на главномъ регистраторѣ, какъ она лежитъ на нотаріусѣ. Для обезпеченія независимости главнаго регистратора полагается постановить, что онъ не можетъ быть увольняемъ отъ должности безъ прошенія иначе какъ по суду. Для содержанія этого учрежденія, то-есть явочнаго отдѣла, коммиссія полагаетъ установить особые сборы съ акціонерныхъ обществъ, взимаемые при подачѣ проекта устава къ заявкѣ, при занесеніи устава въ главную акціонерную книгу и наконецъ при выдачѣ изъ явочнаго отдѣла засвидѣтельствованныхъ копій и справокъ. Но при этомъ коммиссія предположила сборы въ такихъ размѣрахъ, что явочный отдѣлъ, по своему доходу, можетъ сдѣлаться богаче многихъ акціонерныхъ обществъ: 25 рублей при подачѣ заявленія, и по $\frac{1}{20}$ процента съ каждой тысячи рублей

всего основнаго капитала общества, если онъ не превышаетъ 2-хъ милліоновъ, или съ первыхъ 2-хъ милл. по $\frac{1}{20}\%$, а съ остальной части капитала $\frac{1}{30}\%$. Въ запискѣ сказано даже, что съ каждой тысячи рублей предполагается взимать 50 рублей, но это, очевидно, опечатка; 50 рублей съ тысячи составляетъ не $\frac{1}{20}\%$, а полныхъ 5 процентовъ; вмѣсто 50 рублей слѣдуетъ читать 50 копѣекъ. Но и эта плата весьма значительная. Акціонерныхъ компаній разрѣшается у насъ множество, и съ облегченіемъ процедуры разрѣшенія ихъ станутъ возникать еще болѣе. Количество сбора, положимъ, обстоятельство не существенное. Нѣтъ сомнѣнія, что предполагаемый проектомъ комиссіи порядокъ много облегчилъ бы хлопоты по ходатайству о разрѣшеніи и вмѣстѣ представилъ бы совершенно достаточное ручательство въ соблюденіи предусмотрѣннѣйшаго закона.

Но провозгласивъ принципъ отміны правительственнаго разрѣшенія и возведя въ общее правило замѣну таковаго разрѣшенія простою явкой, проектъ тотчасъ отступаетъ въ сторону и спѣшитъ предложить многочисленныя исключенія изъ общаго правила.

Онъ предполагаетъ удержать нынѣшній порядокъ правительственнаго разрѣшенія для всѣхъ „общественныхъ предпріятій, соединенныхъ съ какими-либо преимуществами или исключительными правами или обязательствами предъ казною, правительственными, земскими и общественными учрежденіями или съ какимъ либо пособіемъ и содѣйствіемъ отъ правительства или помянутыхъ учреждений“, всѣ компаніи, имѣющія предметомъ кредитныя и банкирскія операціи, страхованіе отъ огня и вообще отъ потерь и страхованіе жизни, наконецъ, даже и товарищества для производства комисіонерскихъ дѣлъ, состоящихъ „въ куплѣ и продажѣ за счетъ другихъ лицъ, въ займѣ капиталовъ, наймѣ домовъ и земель и присказаніи разнаго рода лицъ въ частныя должности и прислугу“. Этихъ исключеній сдѣлано такъ много, что при допущеніи всѣхъ ихъ, едва ли большинство вновь возникающихъ обществъ не будутъ подлежать прежнему порядку. Нѣтъ спора, что никакая концессія или гарантія казенная, земская или общественная не можетъ принадлежать акціонерной компаніи потому только, что она предполагаетъ ее въ своемъ уставѣ и явила этотъ уставъ въ явочномъ отдѣлѣ; концессію взять себѣ нельзя, а надо чтобы ее дали. Но какая же нужда смѣшивать объ эти вещи, и почему исходатайствованіе концессіи учредителями или, вполнѣдствіи, самой компаніею не можетъ быть оставлено какъ оно дѣйствительно есть—совершенно отдѣльнымъ дѣйствіемъ, и самое учрежденіе компаніи все-таки совершаться общимъ, явочнымъ порядкомъ? Для концессіонныхъ компаній достаточно бы кажется постановить правиломъ, что если компанія возникаетъ именно съ цѣлью получить концессію, то концессія должна быть исходатайствована учредителя-

ни или передъ явкою устава, или же въ уставѣ оговаривается, что онъ подлежитъ въ послѣдствіи всѣмъ тѣмъ измѣненіямъ, какія будутъ обозначены въ самой концессіи.

Удержаніе нынѣшняго порядка разрѣшенія для компаній страховыхъ и комиссіонерскихъ объясняется въ запискѣ тѣмъ, что дѣйствія первыхъ не опредѣляются ихъ основнымъ капиталомъ, такъ что въ нихъ, какъ и въ частныхъ банкахъ, капиталъ получаетъ значеніе не столько орудія производства, сколько обезпечительнаго резерва, а дѣйствія вторыхъ обусловлены представленіемъ залога. Но ничто не мѣшаетъ опредѣлить для страховыхъ компаній минимумъ основнаго капитала или отношеніе между цифрою оборотовъ и цифрою основнаго капитала, для комиссіонерскихъ же компаній оставить въ силѣ нынѣшнее требованіе залога, и все-таки допустить учрежденіе и тѣхъ и другихъ посредствомъ явочнаго порядка. Какой смыслъ можетъ имѣть разсмотрѣніе всѣхъ условій страхового предпріятія законодательнымъ порядкомъ, когда уже нѣсколько совершенно однородныхъ предпріятій существуютъ? То же самое, въ принципѣ, можно бы сказать и о частныхъ акціонерныхъ банкахъ, и какъ извѣстно, въ Соединенныхъ Штатахъ частная предпринимчивость въ банковомъ дѣлѣ совершенно свободна. Но относительно акціонерныхъ банковъ еще можно допустить то опасеніе, что такіа учрежденія, по самому свойству кредитныхъ операцій, менѣе всѣхъ другихъ могутъ подлежать постоянному наблюденію акціонеровъ; въ нихъ всего возможно произволъ директоровъ, и они могутъ быть обрацаемы въ нѣчто весьма похожее на игорные дома. Правда, и противъ игорныхъ домовъ съ точки зрѣнія чисто-юридической нельзя сказать ничего; но все-таки противъ нихъ представляются достаточно вѣскіе доводы съ разныхъ другихъ сторонъ. Мы увидимъ ниже, что относительно частныхъ банковъ наше законодательство именно въ настоящее время вступило на путь усиленія опеки, а потому и не представляется повода къ требованію о допущеніи для нихъ явочнаго порядка признанія. Но относительно обществъ страховыхъ и комиссіонерскихъ такое требованіе кажется намъ не менѣе раціональнымъ, какъ и относительно всѣхъ прочихъ акціонерныхъ обществъ. Коммиссія объясняетъ, что она „признала болѣе осторожнымъ удержатъ для сего рода предпріятій нынѣ существующіе порядки“. Но вѣдь сама же она сознала, что въ дѣлѣ разрѣшенія промышленныхъ предпріятій „сколь ни пристально вниманіе разсматривающаго вѣдомства и сколь ни добросовѣстно исполняетъ оно эту обязанность, едва-ли можно всегда разсчитывать на вполне вѣрное съ его стороны рѣшеніе предстоящаго вопроса“... что „администрація всегда стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ, походящихъ на препятствіе развитію промышленности“,... что „такимъ образомъ, правительство поставлено въ опасность, особенно при уси-

ленныхъ вымогательствахъ учредителей и заинтересованныхъ лицъ, дать свое утвержденіе предпріятію, невыгодному или незрѣло обдуманному, недовольно прочному, основанному на одной только личной спекуляціи..." Если таковыми признаются самой комиссіею условія правительственнаго разрѣшенія, если на этомъ основаніи она и полагаетъ отмѣнить требованіе такого разрѣшенія, то много ли пользы слѣдуетъ ожидать отъ сохраненія этого требованія спеціально для страховыхъ и комиссіонерскихъ обществъ?

Проектъ требуетъ, чтобы акціонерное общество не называлось по имени кого-либо изъ своихъ участниковъ, а было строго - анонимное, то-есть имѣло бы названіе по своему назначенію, а не по именамъ лицъ. Изъ постановленій о производствѣ подписки важнѣйшія слѣдующія: акціи при подпискѣ выпускаются не иначе какъ по нарицательной цѣнѣ, первый взносъ по акціямъ не долженъ быть менѣе 10% этой цѣны. Всѣ эти постановленія нельзя не признать произвольными и лишними. Не все ли равно какъ называется общество, если только извѣстно, что оно акціонерное, то-есть съ ограниченной отвѣтственностью? А чтобы это было извѣстно всѣмъ, гораздо цѣлесообразнѣе принять правило, существующее въ Англіи, по которому имя акціонерной компаніи никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть прописано, напечатано или выставлено безъ прибавленія слова limited. У насъ это слово можетъ быть замѣнено сокращеніями: „акц. общ.“ или „огранич. отв.“ Запрещать первый выпускъ акцій ниже нарицательной цѣны нѣтъ достаточнаго основанія. Правда, что это можетъ быть дѣлаемо для спекуляціи на возвышеніе цѣны акцій до образованія предпріятія, но всѣхъ спекуляцій не отвратишь законами. Еще менѣе основанія къ предполагаемому комиссіею постановленію, что цѣна акцій должна быть не менѣе ста рублей? Положимъ, учредителямъ легче собрать средства на рискованныя предпріятія по меньшимъ суммамъ, но это все-таки не должно вести къ излишней регламентации; вѣдь никакимъ закономъ не отвратить того, чтобы человѣкъ, при желаніи, не проигралъ и послѣднюю копѣйку. Если же назначеніе сторулевой нормы, какъ сказано въ запискѣ, „вызывается практикой“, то стало быть не надо и закона. Если же это дѣлается преимущественно „во избѣжаніе слишкомъ мелкихъ процентныхъ бумагъ“, то какой же смыслъ имѣть это, когда у насъ существуютъ процентные банковые билеты 50-ти-рублеваго достоинства? Опредѣленіе минимума перваго взноса въ 10%, положимъ, не стѣснитъ никого, такъ какъ на практикѣ размѣръ взноса обыкновенно бываетъ выше. Но все-таки это опредѣленіе—лишнее. За то весьма существенно другое опредѣленіе, стоящее рядомъ съ этимъ, а именно, что поступающіе по акціямъ взносы не должны обращаться въ руки учредителей, но вноситься въ одно изъ кредитныхъ установленій, съ выдачею

квитанцій на имя самихъ подписчиковъ и съ воспрещеніемъ учредителямъ расходовать какую-либо часть этихъ денегъ до учрежденія общества. Это правило охраняетъ интересъ подписчиковъ въ то время, когда они сами еще не могутъ наблюдать за положеніемъ дѣла и представляетъ именно образецъ такихъ требованій безопасности, которыя рационально утверждать закономъ, въ то время какъ назначеніе сторублевой нормы акцій представляетъ примѣръ противоположный, то-есть образецъ невѣрнаго направленія закона, стремленія его къ излишней опеке надъ самыми операціями компаній.

Далѣе, проектъ требуетъ, чтобы до занесенія новой компаніи въ главную акціонерную книгу были разобраны непременно всѣ акціи, и чтобы было представлено свидѣтельство кредитнаго учрежденія въ приемѣ слѣдующаго по нимъ взноса въ 10%. Первое требованіе опять едва ли не излишне: отчего же не занести въ книгу и такое общество, которое реализировало пока только $\frac{3}{4}$ или хотя бы $\frac{1}{2}$ своего предполагаемаго капитала, когда остальная половина капитала быть можетъ еще не потребуется при первыхъ дѣйствіяхъ компаній? Постановляя это условіе, коммиссія имѣла въ виду „принять мѣры противъ возникновенія компаній невыполнѣ устроенныхъ, безъ достаточнаго капитала (а если половина предполагаемаго капитала достаточна на первое время?), имѣющихъ значеніе проектовъ, предлагаемыхъ публикѣ, часто съ преувеличенными обѣщаніями успѣха (не запретить ли рекламу?), а не предпріятій основательныхъ“. Но здѣсь опять-таки проектъ задаетъ себѣ такіа цѣли, которыхъ никакой законъ достигнуть не можетъ. Вѣдь явочный отдѣлъ не можетъ заставить компанію, чтобы въ виду ея предпріятія она собрала непременно такой-то капиталъ? Вѣдь если составится компанія для осушенія всѣхъ болотъ сѣверной Россіи съ капиталомъ въ 700 рублей, раздѣленнымъ на 7 акцій, то явочный отдѣлъ *обязанъ будетъ* признать эту компанію, такъ какъ въ ней, согласно нынѣшнему проекту, не менѣе 7-ми участниковъ, изъ которыхъ трое будутъ членами правленія, а трое членами ревизіонной коммиссіи. Если такая компанія составитъся и взносы по ея акціямъ всего 70 р. будутъ внесены въ банкъ, 25 р. пошлинны будутъ представлены при явкѣ и изъявлено будетъ согласіе заплатить при регистраціи пошлину въ 50 коп. за 700 рублей все-равно какъ бы за одну тысячу, то явочный отдѣлъ, повторяемъ, обязанъ будетъ признать такую компанію, несмотря на очевидное несоотвѣтствіе ея средствъ съ ея задачей—или же нѣтъ? Вотъ что спрашивается. Если—да, въ такомъ случаѣ, отчего же онъ долженъ не признавать компанію, реализовавшую миллионъ рублей капитала, потому только что въ проектѣ, еще официально не признанномъ, стало быть не обязательномъ—полный капиталъ былъ предположенъ учредителями въ 2 миллиона? Если—нѣтъ, если явочный от-

дѣлъ можетъ отказать въ признаніи компаніи, которой средства и хотя бы самая дѣль кажутся ему недостаточно солидными, въ такомъ случаѣ явка будетъ уже не явка, а то же самое испрошеніе разрѣшенія, какое существуетъ нынѣ, и явочный отдѣлъ до занесенія компаніи въ свою книгу будетъ, стало быть, имѣть право и обязанность не только проверять ея уставъ съ требованіями закона, но и подвергать критикѣ вопросъ о самой возможности, выгоды и устойчивости предпріятія.

Мы именно потому настаиваемъ на этихъ нѣсколькихъ чертахъ проекта, что не можемъ разсматривать всѣхъ его положеній во всей подробности. Мы хотимъ только уяснить твердую точку воззрѣнія на это дѣло, а затѣмъ уже само собою окажется, что по нашему мнѣнію полезно удержатъ въ проектѣ, и что лучше выдѣлить изъ него въ нормальный, но не обязательный уставъ, и что полезно выкинуть. Одно изъ двухъ: или предполагается, что правительство будетъ совершенно нейтрально въ акціонерныхъ компаніяхъ, озабочившись только соблюденіемъ нѣсколькихъ требованій, ограждающихъ права акціонеровъ и устраненіе обмана публики подтасовкою балансовъ; въ такомъ случаѣ проектъ коммиссіи можно сократить на половину. Или же предполагается оставить за правительствомъ роль акціонернаго провидѣнія, желающаго обезпечить прочность, благополучіе и успѣхъ всѣхъ акціонерныхъ обществъ въ Россіи—въ такомъ случаѣ слѣдуетъ оставить нынѣ существующій порядокъ, а возлагать эту роль на одинъ законъ нѣтъ никакой возможности, потому что никакой законъ не можетъ предвидѣть и десятой доли тѣхъ превратностей, какимъ подвержено всякое промышленное, и тѣмъ болѣе товарищеско - промышленное дѣло.

Придерживаясь этого взгляда, мы полагаемъ, что самая существенная часть закона должна быть именно та, которая относится къ внутреннему управленію акціонерныхъ компаній: всегдашняя полная зависимость предпріятія отъ общаго собранія и устраненія возможности составлять искусственное большинство, отвращеніе захватовъ власти—вотъ тѣ условія, которыя всего нужнѣе опредѣлить закономъ. Затѣмъ, личный интересъ акціонеровъ представить не только лучшую, но единственно-возможную гарантію правильности веденія дѣла. Что касается публики, то интересъ ея лучше всего ограждается гласностью и полной ясностью счетовъ, отчетовъ и балансовъ. Ближайшія постановленія въ томъ и другомъ смыслѣ могутъ, разумѣется, быть весьма различны. Такъ, напримѣръ, можно опредѣлить, какъ то принято въ проектѣ, что право голоса должно принадлежать каждому акціонеру, владѣющему количествомъ акцій по нарицательной цѣнѣ на одну сотую часть основнаго капитала, чтобы никто не имѣлъ болѣе четырехъ голосовъ и т. п., или же постановить, что каждая акція даетъ право

на голосъ, какъ то принято въ общемъ принципѣ закона въ Англіи и Германіи. Можно допустить, что для законности общаго собранія необходимо присутствіе по меньшей мѣрѣ владѣльцевъ половины основнаго капитала, если рѣшаются опредѣленные коренные вопросы, и владѣльцевъ только одной пятой части капитала, если рѣшенію подлежатъ вопросы менѣе важные. Сущность въ томъ, чтобы законъ опредѣлялъ нѣкоторыя условія съ этой цѣлью и притомъ, само собою разумѣется, что чѣмъ требовательнѣе въ этомъ отношеніи будетъ законъ, тѣмъ лучше. Правила о внутреннемъ управленіи компаній, какъ они предположены проектомъ, могутъ быть признаны рациональными, но мы совѣтовали бы исключить изъ закона всѣ тѣ опредѣленія, въ которыхъ говорится, что установленіе того или иного правила зависить отъ уставовъ самыхъ компаній; что закономъ не опредѣляется, то и не должно входить въ законъ.

Коммиссія, сочинившая этотъ проектъ, какъ видно, была составлена изъ молодыхъ, способныхъ администраторовъ, или лучше сказать спеціалистовъ по административнымъ вопросамъ. Быть можетъ, тѣ предположенія, на которыхъ она остановилась, покажутся нѣкоторымъ администраторамъ болѣе стараго закала верхомъ либерализма; уже одно допущеніе въ принципѣ, что акціонерныя или все-равно какія бы то ни были общества могутъ возникать безъ правительственнаго утвержденія, можетъ показаться нѣкоторымъ консерваторамъ формъ черезъ-чуръ смѣлымъ нововведеніемъ. Но составители проекта все-таки и мимо воли внесли въ свой проектъ слишкомъ много административно-регулятивнаго элемента. Для чего, напримѣръ, полагаютъ они опредѣлить, что временныя свидѣтельства должны быть непременно именныя, и разсуждается о томъ, есть ли или нѣтъ препятствія къ допущенію безыменныхъ акцій? Это совсѣмъ не дѣло закона, и ни къ чему не нужно. Временныя свидѣтельства должны быть именныя, говоритъ записка, потому что они представляютъ неоплаченный долгъ, и если будутъ передаваться изъ рукъ въ руки мимо правленія общества, то правленіе будетъ лишено возможности имѣть какое-либо существенное наблюденіе за внесеніемъ акціонернаго капитала. Да вѣдь въ самомъ же проектѣ все-таки предусматривается просрочка взносовъ по временнымъ свидѣтельствамъ, полагается за просрочку штрафъ и даже разрѣшается продажа такихъ просроченныхъ свидѣтельствъ въ дубликатѣ. Спрашивается, что же еще требуется для наблюденія за своевременностью взносовъ? Излишнимъ намъ кажется и постановленіе относительно крайняго срока реализаціи основнаго капитала (3 года). Но едва ли не самымъ излишнимъ изъ всѣхъ постановленій проекта представляется слѣдующее курьезное опредѣленіе. Коммиссія вошла въ разсмотрѣніе, можно ли считать „невещественнымъ вкладомъ“, дающимъ право на вознагражденіе акціями — правительствен-

ную концессию, и рѣшила, что такъ какъ „концессія есть только разрѣшеніе привести въ исполненіе какое-либо общепольное предпріятіе, при чемъ принимается во вниманіе не изобрѣтательность концессионера (!), а собственно степень его оплатности или его распорядительныя способности (какъ будто концессія есть дипломъ, выдаваемый за распорядительность, подобно тому какъ выдаются медали за спасеніе погибавшихъ, или монтіоновская премія за добродѣтель), коммиссія остановилась на мнѣніи, что концессія отъ правительства или отъ городского или другого общества предоставляемая, не можетъ быть предметомъ особаго вознагражденія и что концессионеры имѣютъ основаніе домогаться только возмѣщенія понесенныхъ ими расходовъ. Къ разряду концессій, по коимъ не должно быть допускаемо вознагражденій акціями, по мнѣнію коммиссіи, должны быть относимы и привилегіи, выдаваемыя на устройство пароходства по рѣкамъ, озерамъ и морямъ“. Но кто же отдастъ концессию иначе какъ по той цѣнѣ, которую признаетъ самъ для себя выгодною? Затѣмъ, будетъ ли сумма, вышпрошенная концессионеромъ при переуступкѣ концессіи, пониматься какъ одно возмѣщеніе расходовъ, или какъ реализація преміи, данной ему за природный талантъ распорядительности, или просто какъ барышъ—не все ли это равно, и къ чему тутъ философское изслѣдованіе? Если же концессионеръ хочетъ получить цѣну за концессию акціями той компаніи, которая пріобрѣтаетъ у него концессию, то для чего запрещать это? И развѣ онъ, если непременно хочетъ имѣть ея акціи, не можетъ, получивъ продажную сумму въ видѣ возмѣщенія расходовъ, обратить ее на покупку акцій той же компаніи?

Этихъ общихъ замѣчаній совершенно достаточно, чтобы уяснить нашъ взглядъ на то, чего долженъ и чего не долженъ требовать спеціальныи законъ объ акціонерныхъ обществахъ. Но такъ какъ насъ приглашаютъ высказать мнѣніе о данномъ проектѣ, то мы въ заключеніе скажемъ, что изъ 194-хъ статей, составляющихъ предложенный уставъ, по нашему мнѣнію, достаточно удержатъ около половины статей: 1, 4, 7, 9, 10, 14, 17, 18, 21, 25, 26, 27, 30, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 46, 53, 58, 61—66, 68, 70, 78, 80, 82, 84, 86, 88, 89, 92, 93, 95, 96, 101, 103, 104, 108, 111, 112, 116 и 131—186. Раздѣлъ второй и всѣ опущенныя нами статьи перваго казались бы возможнымъ вовсе исключить изъ проекта, какъ содержащія частью постановленія излишнія въ виду дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ, а частью, какъ вводящія излишнюю регламентацію въ промышленныя условія дѣла. Такимъ образомъ, останется уставъ чисто-спеціальныи, и притомъ опредѣляющій только то, что можетъ быть съ пользою опредѣляемо закономъ.

Мы уже сказали, что въ числѣ компаній, для учрежденія которыхъ комиссія полагала оставить въ силѣ испрошеніе разрѣшенія правительства въ нынѣшнемъ порядкѣ, находятся и частныя акціонерныя банки. Мы должны теперь сказать нѣсколько словъ о частныхъ банкахъ особо, потому что о нихъ опубликованъ уже послѣ составленія проекта комиссіи, а именно въ концѣ іюня, новый временный законъ (выс. утв. мн. гос. сов. 31-го мая). Нельзя отрицать, что въ нашемъ обществѣ въ послѣднее время возникло нѣкоторое „человечье чувство“ и даже опасеніе, при видѣ быстрого увеличенія числа частныхъ банковъ. Слишкомъ семьдесятъ частныхъ банковъ на Россію, по нѣскольку банковъ на одинъ городъ—это кажется какъ будто что-то много. Откуда, говорятъ, явилась у насъ вдругъ такая потребность въ кредитѣ и соответствуетъ ли ей развитіе нашей промышленности? Заговорили о „широкой натурѣ“ русскаго человѣка, при которой легкость кредита особенно опасна и т. д. А вѣдь давно ли кажется со всѣхъ сторонъ только и было жалобъ, что на отсутствіе у насъ кредита, на трудность добыть денегъ и на безпомощное, вслѣдствіе того, положеніе у насъ и земледѣлія, и промышленности. Натуру мы, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ имѣемъ „широкую“, но замѣчательно, что за послѣднія лѣтъ 10—12 „ширина“ нашей натуры проявляется гораздо болѣе въ опасливости, въ вѣчной неувѣренности въ собственныхъ желаніяхъ, чѣмъ въ какихъ-либо увлеченіяхъ или настойчивомъ стремленіи куда-либо безъ оглядки, съ полной увѣренностью въ себѣ—что, казалось бы, болѣе соответствуетъ понятію о „широкой натурѣ“. Нѣтъ того новаго права, той новой свободы, которой мы сами тотчасъ бы не испугались вслѣдъ за приобретеніемъ ихъ. Семьдесятъ частныхъ банковъ въ Россіи—по одному на миллионъ душъ, развѣ ужъ это такъ страшно? Вѣдь въ Соединенныхъ Штатахъ, по такому отношенію, должно бы быть не болѣе 30-ти или 40-ка частныхъ банковъ, а сколько ихъ тамъ? Конечно, намъ на это могутъ возразить: „то Америка!“—какъ большинство возражало Тьеру, сославшемуся на примѣръ Швейцаріи—„то Швейцарія!“ Но вѣдь это, собственно говоря, не резонъ. Пусть частныхъ банковъ будетъ слишкомъ много—это скоро окажется, и число ихъ сократится. Вотъ въ Петербургѣ теперь, говорятъ, дано разрѣшеніе на постройку 130-ти домовъ. Почему знать, можетъ быть такое число новыхъ домовъ и не вызывается дѣйствительною потребностью, можетъ быть такіе размѣры одновременнаго строительства не соответствуютъ существующимъ цѣнамъ на матеріалы, можетъ быть, не малая часть предпринимателей построекъ окажутся несостоятельными и оставятъ подрядчиковъ и рабочихъ безъ уплаты. Что же, не воспретить ли половину задуманныхъ построекъ, не ограничить ли ихъ произвольной нормою „благоразумныхъ размѣровъ?“

Но банки, скажутъ намъ, — другое дѣло; такъ всегда разсуждаютъ сторонники изъятій изъ всякаго признаваемаго ими принципа: банки принимаютъ вклады и отвѣчаютъ за нихъ — рѣчь идетъ о банкахъ акціонерныхъ — только ограниченнымъ капиталомъ, который далеко не равенъ суммѣ ихъ оборотовъ; притомъ же, банковое дѣло — темное, неудобопонятное для публики; кто ихъ знаетъ, что они тамъ въ дѣйствительности дѣлаютъ съ ввѣряемыми имъ вкладами, кто пойметъ ихъ активы и пассивы, кто помѣшаетъ имъ, съ капиталомъ въ 50 т. р., дѣлать миллионныя дѣла? Никто, отвѣтимъ мы, не помѣшаетъ потерять деньги такъ или иначе такому человѣку, который отдаетъ ихъ въ дѣло ему совершенно-непонятное, въ руки учрежденій, которымъ самъ не имѣетъ причины довѣрять. Считите, на какую сумму объявляется у насъ ежегодно торговая несостоятельность и тогда убѣдитесь, что дѣло не въ банкахъ, а просто — откровенно говоря — въ недостаткѣ честности съ одной стороны, и разумѣнія съ другой. Какъ будто только акціонерныя предпріятія бываютъ дутыя, какъ будто тотъ капиталъ, который въ сложности выручается кредиторами при ликвидаціи несостоятельныхъ торговыхъ фирмъ, болѣе соответствуетъ ихъ пассиву, чѣмъ основной капиталъ акціонерныхъ банковъ соответствуетъ суммѣ ихъ обязательствъ? При торговой несостоятельности получить 25% считается благодѣяніемъ, а получается нерѣдко менѣе 10%. Если мы сознаемъ, что само общество не въ состояніи разобрать, какой частный банкъ заслуживаетъ довѣрія, и какой нѣтъ, если мы признаемъ, что только близкій контроль правительства можетъ у насъ служить гарантіею кредитныхъ операцій, то въ такомъ случаѣ логично просто вернуться къ полной кредитной привилегіи государственнаго банка и ходатайствовать, чтобы недвижимыя имущества вновь принимались въ залогъ въ опекуномъ совѣтѣ. Отдѣленій государственныхъ банковъ можно устроить сколько угодно, хоть по одному въ каждой губерніи. Казна уже производитъ у насъ крупнѣйшія изъ всѣхъ операцій — выкупъ крестьянскихъ земель и выпускъ желѣзно-дорожныхъ облигацій. Пусть она завѣдуетъ и всѣмъ банковымъ дѣломъ, возьметъ на себя дѣла всѣхъ 222-хъ городскихъ общественныхъ банковъ въ Россіи, и затѣмъ можно попробовать возложить на нее и нѣкоторые виды торговой дѣятельности, особенно торговлю хлѣбомъ, для равнаго обезпеченія всѣхъ губерній отъ голода.

Говоря такъ, мы никакъ не хотимъ отвергать рациональности многихъ постановленій новаго, временнаго закона о банкахъ. Вполнѣ рациональны изъ нихъ тѣ именно, которые направлены къ устраненію злоупотребленій и обмана. Таково предоставленіе министру финансовъ права устанавливать для публикуемыхъ кредитными учрежденіями ба-

лансовъ обязательную форму, съ показаніемъ отдѣльными итогами **каждаго** рода производимыхъ операцій. Ограниченіе суммы **бланковыхъ кредитовъ** также можетъ быть предметомъ спеціального закона о банкахъ: **новый законъ** постановляетъ въ этомъ отношеніи, что **бланковые кредиты**, разрѣшаемые банками для ихъ кліентовъ, то-есть платежи за счетъ кліентовъ свыше наличности ихъ текущаго счета или ихъ залоговъ, не должны въ совокупности своей превосходить $\frac{1}{10}$ дѣйстви-тельно внесеннаго основнаго и запаснаго капиталовъ банка и не могутъ простираться срокомъ долѣе 30-ти дней, по истеченіи которыхъ **такіе платежи** на вѣру должны быть или обезпечены, или же взысканы подъ отвѣтственностью членовъ **банковаго управленія**.

Новый законъ воспрещаетъ еще производить учетъ векселей съ одной подписью, безъ обезпеченія, или съ обезпеченіемъ въ недвижимомъ имуществѣ, и вообще воспрещаетъ кредитнымъ установленіямъ **приобрѣтать** недвижимыя имущества, кромѣ помѣщеній и вкладовъ, нужныхъ имъ самимъ. Запрещается также отчисленіе особыхъ премій изъ прибылей банковъ на учредительскіе пан и акціи. Есть еще постановленія, опредѣляющія норму высшаго размѣра кредита членамъ; наконецъ, устанавливается правиломъ, что лица, состоящія членами одного общества взаимнаго кредита, не должны въ то же время быть членами другого такого же общества. Всѣ эти требованія—которыхъ благоразуміе достаточно ясно — удобно могутъ быть предъявляемы къ банкамъ закономъ. Но мы не скажемъ того же о нѣкоторыхъ иныхъ изъ постановленій новаго закона, обнаруживающихъ именно стремленіе обезпечить прочность всего кредитнаго дѣла у насъ посредствомъ регламентаціи. Сюда относятся слѣдующія постановленія новаго закона: учрежденіе вновь акціонерныхъ коммерческихъ банковъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуетъ хотя бы одинъ такой акціонерный банкъ, приостанавливается впредь до особаго разрѣшенія; основной капиталъ банка долженъ составлять не менѣе 500 т. р., и акціи не должны быть выпускаемы ниже 250-ти р. каждая; земельныхъ банковъ, акціонерныхъ или на круговомъ ручательствѣ, не можетъ быть въ одной губерніи болѣе двухъ, кромѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита; наконецъ—министру финансовъ предоставляется требовать въ нужныхъ случаяхъ „объясненій“ отъ частныхъ банковъ относительно ихъ операцій. Намъ кажется, что черта, отдѣляющая тѣ постановленія, которыя мы исчислили теперь, отъ постановленій, которыми мы дали надлежащую цѣну, довольно опредѣлительна.

Въ концѣ іюня и въ началѣ іюля опубликованы были въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ два новыя постановленія, представляющія измѣненія судебныхъ уставовъ. Первое изъ нихъ (выс. утврж. мн.

гос. сов. 21-го мая) касается ревизіи судебныхъ установленій министромъ юстиціи. По ст. 256-й учрежденія судебныхъ установленій, министръ юстиціи можетъ производить ревизію этихъ установленій лично или чрезъ своего товарища, а обревизованіе окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій поручать членамъ судебныхъ палатъ. Теперь, въ дополненіе этой статьи, министру юстиціи предоставлено, независимо отъ обревизованія судебныхъ установленій порядкомъ указаннымъ въ ней, а также и прежде назначенія ревизіи, поручать оберъ-прокурорамъ кассационныхъ департаментовъ сената, ихъ товарищамъ, прокурорамъ судебныхъ палатъ и предсѣдателямъ окружныхъ судовъ—обозрѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій. Такъ какъ цѣлю такого обозрѣнія указывается „собственно извлеченіе необходимыхъ для министерства свѣдѣній“, то дѣйствительное значеніе новаго правила можетъ выясниться только при примѣненіи его на практикѣ. Въ общемъ же смыслѣ его можно охарактеризовать только, какъ нѣкоторое усиленіе административнаго надзора.

Другой, новый законъ представляется высочайше утвержденною 7-го іюня, по докладу министра юстиціи, новой редакціею статей устава уголовного судопроизводства, относящихся къ судопроизводству по государственнымъ преступленіямъ. До сихъ поръ, на основаніи ст. 1030-й устава уголовного судопроизводства, государственныя преступленія вѣдались или судебными палатами (когда государственное преступленіе заключаетъ въ себѣ отдѣльное злоупотребленіе одного или нѣсколькихъ лицъ), или верховнымъ уголовнымъ судомъ, въ случаѣ если обнаруженъ общій заговоръ въ разныхъ частяхъ государства противъ верховной власти, и послѣдуетъ указъ о разсмотрѣніи дѣла въ такомъ судѣ. Итакъ, во всѣхъ случаяхъ, когда не назначается верховный уголовный судъ, дѣла о государственныхъ преступленіяхъ рѣшались въ судебной палатѣ и притомъ (ст. 1032) въ той судебной палатѣ, въ округѣ которой преступленіе совершилось. Дѣла эти рѣшались безъ участія присяжныхъ, но съ присоединеніемъ къ присутствію палаты губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, городского головы и волостного головы или старшинъ. При томъ ст. 1051-я опредѣляла, что „въ составъ судебной палаты призываются губернской предводитель именно той губерніи, гдѣ учреждена палата, уѣздный предводитель одного изъ уѣздовъ, состоящихъ въ округѣ мѣстнаго окружнаго суда, городской голова изъ того же округа, и волостной старшина изъ того же уѣзда“. Такимъ образомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда предполагалось учреждать особый верховный уголовный судъ, у насъ въ обыкновенное время постоянно не было никакого суда, специально назначеннаго изъ

избранныхъ для этого лицъ, для завѣдыванія преступленіями государственными. Судебная палата существуетъ въ каждомъ округѣ изъ нѣсколькихъ губерній и личный составъ уголовного департамента ея опредѣляется въ виду сужденія о преступленіяхъ всѣхъ вообще видовъ, а не спеціально какого-либо одного. Такъ и сословные представители, присоединяемые къ составу палаты при сужденіи о государственныхъ преступленіяхъ, не избирались для этого изъ числа сословныхъ представителей всего государства, но именно изъ мѣстныхъ, изъ состоящихъ на службѣ въ томъ округѣ, гдѣ преступленіе совершилось.

Эти постановленія измѣняются теперь такимъ образомъ: дѣла о государственныхъ преступленіяхъ вѣдаются судебными палатами только въ томъ случаѣ, когда преступленіе не влечетъ за собою лишенія или ограниченія правъ состоянія, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ — особымъ присутствіемъ сената, и затѣмъ, въ особыхъ случаяхъ (какъ было и прежде) верховнымъ уголовнымъ судомъ. Такимъ образомъ устанавливается постоянный, спеціальный судъ для государственныхъ преступленій, каковымъ и будетъ особое присутствіе сената, состоящее изъ первоприсутствующаго и пяти сенаторовъ, назначаемыхъ верховной властью. Къ составу этого присутствія для суда по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ также присоединяются сословные представители, но какъ составъ суда уже не зависитъ отъ мѣстности, то и эти представители избираются изъ числа состоящихъ на службѣ по всему государству, безъ всякаго ограниченія, а именно: одинъ изъ губернскихъ предводителей дворянства, одинъ изъ уѣздныхъ предводителей, одинъ изъ городскихъ головъ европейской Россіи, и одинъ изъ волостныхъ старшинъ Петербургской губерніи. Итакъ, ограниченіе по мѣстности допущено только для послѣдняго. Сословные представители назначаются для этой цѣли вновь на каждый годъ. Это и есть важнѣйшая часть новаго постановленія. Затѣмъ въ немъ находятся еще нѣсколько нелишенныхъ значенія новыхъ опредѣленій. Такъ въ новой редакціи постановляется, что судебныя пренія въ особомъ присутствіи сената происходятъ отдѣльно: 1) относительно вини или невиновности подсудимаго, и 2) о наказаніи, которому онъ, въ случаѣ виновности, подлежитъ по закону. Сословные представители участвуютъ, впрочемъ, наравнѣ съ сенаторами, какъ въ опредѣленіи вини, такъ и въ постановленіи приговора. Такъ, еще, въ новой редакціи, мы находимъ не только прежнюю (1056) статью, въ силу которой судебное слѣдствіе и пренія, по обвиненію подсудимыхъ въ произнесеніи дерзкихъ оскорбительныхъ словъ противъ Государя и членовъ императорскаго дома, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, что рачительно и совершенно-опредѣлительно, но еще и слѣдующую добавку

жѣ той статьѣ: „дѣла о другихъ государственныхъ преступленіяхъ разсматриваются въ публичномъ или закрытомъ судебномъ засѣданіи, по усмотрѣнію суда, отъ котораго зависитъ закрыть двери засѣданія и на какія-либо отдѣльныя судебныя дѣйствія до объявленія судебныхъ преній прекращенными“. Напомнивъ, что въ судебныхъ преніяхъ включается и защита, выразимъ надежду, что въ приведенномъ постановленіи не отразилось негодованіе нѣкоторыхъ наивныхъ консерваторовъ противъ гласности защитительныхъ рѣчей въ извѣстномъ нечаевскомъ процессѣ. Вспомнимъ, что именно благодаря такой полной гласности оно и было низведено въ общественномъ мнѣніи со всякаго, даже самаго низкаго пьедестала. Хотя государственный преступленія у насъ и представляются жалкими, безумными попытками, въ виду крѣпкой преданности правительству всего народа, но мы готовы признать, что судъ по преступленіямъ такого рода долженъ быть строгъ; все, о чемъ справедливо, какъ намъ кажется, еще заботиться при этомъ, состоитъ въ томъ, чтобы судъ былъ все-таки по возможности самостоятеленъ и по возможности менѣе исключительнаго характера.

Вслѣдъ за этими мѣрами мы съ удовольствіемъ укажемъ на постановленіе, представляющее очевидный шагъ впередъ, шагъ къ преобразованію распредѣленія податного бремени. Мы говоримъ о новыхъ смѣтахъ и раскладахъ государственныхъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ текущаго года. Новыя смѣты не уменьшаютъ сумми государственнаго земскаго сбора, а напротивъ увеличиваютъ ее. На трехлѣтіе съ 1869 года она составляла до 19 мил. 959 т. р., а на трехлѣтіе съ 1872 года она составляетъ, вмѣстѣ съ расходами по набору, около 22 милл. 762½ т. р., то-есть составляетъ болѣе прежняго въ каждый годъ на 2 м. 897 т. р., и въ три года 8 м. 691 т. р. Причитая же къ суммѣ 22 милл. 762½ т. р. еще 2½ милл. р., которые положено покрыть изъ остатковъ, получается общая сумма 25 милл. 275 т. р. Итакъ, нынѣшняя сумма превышаетъ прежнюю, и новыя смѣты, стало быть, никакого облегченія не представляютъ. Но шагъ впередъ представляется не ими, а способомъ раскладки этой суммы; часть ея спосится съ подушнаго сбора и обращается на землю, стало быть упадаетъ безразлично на всѣхъ землевладѣльцевъ. Вслѣдствіе того, хотя нынѣшняя общая сумма повинностей и больше прежней, но собственно та часть ея, которая будетъ падать исключительно только на одни податныя сословія, противъ прежняго значительно уменьшилась, а именно въ годъ на около 5 милл. 182½ т. р., а въ три года на 15½ милл. р.

Какимъ же образомъ это достигнуто? Два года тому назадъ, а

именно 1 іюля 1870 года, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, было постановлено: при составленіи смѣтъ и раскладокъ государственныхъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ 1872 года, четвертую часть всей общей смѣтной суммы тѣхъ повинностей обратить на сборъ съ удобныхъ земель, подлежащихъ обложенію, на мѣстныхъ земскія повинности. При этомъ министру финансовъ было предоставлено сборъ этотъ при раскладѣ распределить по разрядамъ губерній, соразмѣрно поземельнымъ производительнымъ силамъ каждой изъ нихъ, а раскладку остальныхъ затѣмъ трехъ четвертей упомянутой смѣтной суммы оставить на прежнемъ основаніи. Между тѣмъ манифестомъ 15 декабря 1870 г. повелѣно было издержки по набору 1871 года на обмундированіе, провіантъ и жалованье рекрутамъ, а именно: 2 милл. 391 т. р. отнести на счетъ государственнаго земскаго сбора. Въ бюджетѣ его это уже составило новый расходъ, и министерство финансовъ признало справедливымъ этотъ новый расходъ обратить, уже не въ одной четвертой части, но цѣликомъ на удобныя земли, сверхъ отнесенной на ихъ четвертой части общаго сбора. Такимъ образомъ, и изъ издержекъ по рекрутскому набору только часть падаетъ на крестьянъ, а остальная часть на земли, принадлежащія другимъ владѣльцамъ.

Итакъ, если изъ общей суммы государственныхъ повинностей 25 милл. 275 т. р. мы исключимъ 2 милл. 391 т. р. расходовъ по набору, относимыхъ цѣликомъ на удобныя земли всѣхъ владѣльцевъ, то останется цифра 22 милл. 884 т. р. Вотъ изъ этой-то суммы одна четвертая часть, а именно 5 милл. 721 т. р. должна также, какъ выше сказано, пасть на удобныя земли. Такимъ образомъ, на земли должны были пасть изъ около 25-ти милл.—8 слишкомъ милл. р.

Затѣмъ все распредѣленіе приведенной общей цифры государственныхъ повинностей 25 милл. 275 т. р. въ годъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

покрывается изъ остатковъ.		2.500.000
исчислено по раскладѣ	съ торговыхъ свидѣтельствъ	704.370
	съ удобныхъ земель	8.086.925
	подушнаго сбора	13.971.300 р.

Такимъ образомъ, повторимъ, подушный сборъ, составлявшій въ раскладѣ прежняго трехлѣтія болѣе 19 милл. р., теперь составляетъ только сумму нѣсколько менѣе 14-ти милл. Стало быть, съ крестьянъ и мѣщанъ снято подушнаго бремени, которое несли они одни, болѣе 5 милл. р. Въ ближайшемъ практическомъ послѣдствіи это уменьшеніе, конечно, будетъ едва чувствительно, въ особенности для крестьянъ.

Когда вся сумма покрывалась подушной податью, съ добавкою сбора съ торговыхъ свидѣтельствъ, то средній окладъ государственныхъ повинностей для податного лица былъ 78 коп. (въ прошлое трех-

лѣтіе); теперь, для мѣщанина, который поземельному сбору не подлежитъ, средній окладъ составитъ $54\frac{1}{4}$ коп., то-есть на $23\frac{3}{4}$ к. менѣе. Но для крестьянъ уменьшеніе будетъ гораздо менѣе, такъ какъ хотя сумма подушнаго сбора и уменьшена на слишкомъ 5 милл. р., но за то съ крестьянъ будетъ слѣдовать поземельный налогъ, котораго сумма собственно съ крестьянскихъ земель составитъ до 4 м. 700 т. р. Разница въ пользу крестьянъ составитъ всего какихъ-нибудь полмилліона. Если считать всѣхъ податныхъ вмѣстѣ, то на душу будетъ причитаться теперь подушнаго и поземельнаго сборовъ только $72\frac{1}{2}$ коп. вмѣсто прежнихъ 78; но если сравненіе дѣлать для мѣщанъ отдѣльно и отдѣльно для крестьянъ, то окажется, что крестьянскій платежъ облегчится всего какихъ-нибудь $2\frac{1}{2}$ к. на душу.

Но значеніе принятой нынѣ мѣры и не заключается въ непосредственномъ облегченіи податнаго бремени, а въ приближеніи къ тому пути уравниванія налоговъ, которымъ такое облегченіе можетъ быть достигнуто вполнѣ. При принятомъ нынѣ способѣ раскладки, на трехлѣтіе съ 1872 г. къ сбору на государственныя повинности, доселѣ почти исключительно взимавшемуся съ крестьянъ и мѣщанъ въ видѣ подушной подати, впервые привлекаются вообще удобныя земли, независимо отъ личности владѣльцевъ, и цѣлью при этомъ указывается „болѣе уравнительное между всѣми сословіями распредѣленіе отбыванія земскихъ повинностей.“ Повторяя общеизвѣстную истину, что посредствомъ уравниванія налоговъ можетъ состояться и облегченіе ихъ, мы должны при этомъ однакожъ оговориться другимъ, не менѣе очевиднымъ фактомъ, что если повинности все-таки будутъ значительно расти, то и посредствомъ уравниванія они не облегчатся. Такъ, въ специальномъ примѣненіи къ предмету, о которомъ мы говорили, замѣтимъ, что въ распоряженіи министерства финансовъ при составленіи смѣты и раскладки повинностей на трехлѣтіе съ 1872 года было свободныхъ остатковъ, образовавшихся по тѣмъ же сборамъ съ 1853 по 1865 годъ, 12 милл. р. Если бы ихъ сполна зачесть въ сумму 25-ти милл. предположеннаго сбора, то это дало бы возможность уменьшить эту сумму до 4 милл. р. въ годъ, то-есть понизить ее до 21 милл. Между тѣмъ изъ приведенныхъ остатковъ на трехлѣтіе зачтено только по $2\frac{1}{2}$ милл. р. въ годъ, какъ уже было сказано выше, то-есть $7\frac{1}{2}$ милл., а остальные $4\frac{1}{2}$ милл. признано необходимыми оставить въ запасъ, по предвидѣнію новыхъ расходовъ, изъ которыхъ наиболѣе существенные были заявлены военнымъ министромъ. Военнымъ министромъ, какъ мы слышали, было замѣчено, что при первоначальномъ составленіи смѣты государственныхъ повинностей не было принято въ соображеніе, что вслѣдъ за преобразованіемъ арміи потребуются повсемѣстная постройка казармъ, причемъ окажутся необходимыми если не безвозвратныя затраты

государственного сбора, то болѣе или менѣе значительныя ссуды изъ него для лицъ или земскихъ обществъ, которыя примуть эту постройку на свои капиталы. Кромѣ того, по исчисленію военнаго же министерства, на непосредственные расходы по случаю предстоящаго образованія новыхъ частей войскъ и заготовленія на новыхъ началахъ резервныхъ и запасныхъ частей арміи потребуется 695 т. р. По этимъ соображеніямъ военный министръ и требовалъ, чтобы при составленіи общей раскладки на трехлѣтіе, или были увеличены на нѣсколько процентовъ и душевой и поземельный оклады, или же чтобы прежніе остатки не были зачитаемы полностью.

Министерство финансовъ, какъ мы видѣли, не воспользовалось первымъ изъ указанныхъ военнымъ министерствомъ способовъ, а предпочло второй, именно оставило часть остатковъ въ запасъ. Вообще, надо сознаться, что предпринятое преобразование состава арміи, съ громаднымъ возростаніемъ ея бюджета, и по содержанію, и по вооруженіямъ, и по постройкамъ, по всей вѣроятности, заставитъ государство вести податную реформу скорѣе къ изысканію новыхъ податныхъ ресурсовъ, чѣмъ къ облегченію существующаго бремени людей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа, 1872.

ГРАНТЪ ИЛИ ГРИЛИ?

Соединеннымъ Штатамъ предстоитъ въ нынѣшнемъ году переѣздъ правительства. Генераль Улиссъ Грантъ вступилъ въ должность президента сѣвероамериканской республики 4-го марта 1869 года; того же числа, въ будущемъ году, долженъ вступить въ должность новый президентъ: преемникъ Гранта или самъ Грантъ, если будетъ избранъ на новый срокъ. Вѣроятно или невѣроятно избраніе вновь Гранта, кто его соперникъ на выборахъ, и въ какой мѣрѣ борьба принциповъ замѣшана въ борьбу личностей — вотъ что мы должны рассмотреть.

Президентъ избирается на четыре года: прежній президентъ можетъ быть избранъ вновь. Грантъ—восемнадцатый президентъ съ основанія Союза. Примѣры вторичнаго избранія президента были не рѣдки, особенно въ первое полу столѣтіе исторіи Союза. Если Грантъ будетъ теперь избранъ на новое четырехлѣтіе съ 1873 года, то при немъ будетъ праздноваться столѣтіе освобожденія американскихъ штатовъ отъ власти Англіи, которое исполнится въ 1776 году. Новый президентъ вступаетъ въ должность въ мартѣ, но избраніе его происходитъ въ предшествующемъ ноябрѣ, а именно въ первый вторникъ ноября четвертаго года со дня избранія. Вторникъ 24-го октября нынѣшняго года, по нашему стилю, или 5-го ноября по новому стилю, будетъ первый вторникъ ноября, назначенный для выбора президента и вице-президента Соединенныхъ Штатовъ. Затѣмъ, избранный въ тотъ день въ должность вступаетъ, какъ уже сказано, 4-го марта 1873 года.

Выборы президента Союза въ сущности далеко не такъ важны, какъ выборы въ палату представителей, происходящіе чрезъ каждые два года. Вся законодательная власть принадлежитъ конгрессу, то-есть палатѣ представителей и сенату, который избирается законода-

тельными собраніями отдѣльных штатовъ по третямъ каждые два года, такъ что весь составъ сената обновляется по прошествіи шести лѣтъ. Президенту принадлежитъ собственно только исполнительная власть и право вето, то-есть неутвержденія законовъ принятыхъ конгрессомъ, право впрочемъ далеко не безусловное, такъ какъ если законъ, неподписанный президентомъ будетъ принятъ во второй разъ въ обѣихъ палатахъ конгресса большинствомъ двухъ третей голосовъ, то законъ вступаетъ въ окончательную силу и несмотря на несогласіе президента. При томъ же президенты пользуются (за исключеніемъ преемника Линкольна — Андру Джонсона) крайне — умѣренно своимъ правомъ veto, такъ что случаевъ примѣненія этого права бываетъ не болѣе, какъ 1 или 2 на двухлѣтнюю дѣятельность конгресса.

Но тѣмъ не менѣе, борьба за того или другого кандидата на выборахъ въ президенты производитъ сильное, хотя и мирное волненіе въ странѣ, и это понятно. При этомъ идетъ рѣчь все-таки о томъ, въ чьихъ рукахъ будетъ въ теченіе четырехъ лѣтъ непосредственное управленіе дѣлами и чьи сторонники займутъ всѣ мѣста въ составѣ управленія. Вотъ почему интересъ, *личностей* возбужденъ на президентскихъ выборахъ еще сильнѣе, чѣмъ на выборахъ въ депутаты или сенаторы. При новомъ президентѣ обновляется почти весь составъ администраціи, и это обусловливается не только властолюбіемъ и корыстолюбіемъ партій, но самымъ свойствомъ президентской власти. Дѣло въ томъ, что конституція знаетъ только одного представителя исполнительной власти, а именно — главу ея, президента. Онъ одинъ несетъ отвѣтственность передъ страной за весь ходъ дѣлъ, а стало быть весь составъ подчиненныхъ ему агентовъ, начиная отъ государственныхъ секретарей и до послѣднихъ clerks, т.-е. чиновниковъ, долженъ зависѣть отъ его выбора. Такимъ образомъ, при перемѣнѣ президента происходитъ всеобщая перетасовка администраціи, при чемъ нарушаются или выдвигаются впередъ весьма многочисленныя личныя интересы.

Это условіе имѣетъ и невыгодную сторону. Такъ какъ президентъ можетъ быть избираемъ вновь, а раздача мѣстъ, принадлежащая ему по праву, и по установившемуся обычаю направляемая всегда въ пользу сторонниковъ президента, представляетъ не маловажное орудіе для самой избирательной борьбы, съ цѣлью достиженія новаго избранія, то понятно, что отсюда легко было возникнуть не только такъ-называемому „непотизму“, то-есть раздачѣ мѣстъ „роднымъ человѣчкамъ“, но и специальному назначенію чиновниковъ въ смыслѣ агентовъ для поддержанія кандидатуры президента. Злоупотребленія эти почти неизбѣжны и существуютъ давно, но въ настоящее время общественное мнѣніе стало особенно чувствительно къ нимъ, такъ что въ Америкѣ есть не малое число такихъ „политиковъ“, которые признають

необходимымъ ввести въ конституцію дополненіе въ томъ смѣстѣ, чтобы президентъ не могъ быть избираемъ на новый срокъ, по крайней мѣрѣ сразу по истеченіи перваго.

Мы уже сказали, что вмѣстѣ съ президентомъ избирается и вице-президентъ Союза, на тотъ же четырехлѣтній срокъ. Вице-президентъ есть предсѣдатель сената, и въ случаѣ смерти президента Союза вступаетъ въ его должность, какъ то было въ 1865-мъ году съ Андрю Джонсономъ, когда Авраамъ Линкольнъ былъ убитъ. Для избранія президента и вице-президента созывается избирательное собраніе, въ которое каждый штатъ посылаетъ столько выборныхъ отъ себя, сколько онъ избираетъ членовъ въ конгрессъ, то-есть сколько штатъ имѣетъ сенаторовъ и депутатовъ. Въ президенты Союза можетъ быть избранъ каждый гражданинъ, родившійся въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣющій не менѣе 35-ти лѣтъ отъ роду и извѣстное число лѣтъ пребыванія въ своемъ штатѣ.

Послѣ этого взгляда на общія условія и значеніе президентскихъ выборовъ въ Америкѣ, обратимся къ личности тѣхъ конкурентовъ, которые теперь имѣются въ виду избирательства. Главныхъ конкурентовъ, между которыми будетъ происходить борьба, двое—Улиссъ Грантъ, нынѣшній президентъ, и Орасъ Грили (Hogase Greeley), издатель нью-йоркской газеты „Tribune“. Гранту—50 лѣтъ; онъ родомъ изъ штата Огайо (Ohio); какъ почти всѣ политическіе люди Америки онъ прежде занимался ремесломъ, а именно былъ кожевненнымъ торговцемъ и фермеромъ, несмотря на то, что вышелъ офицеромъ изъ извѣстнаго уэстпойнтскаго военнаго училища, откуда вышелъ и антагонистъ его въ войнѣ съ Югомъ, Ли. Принявъ главное начальство надъ арміею Сѣвера въ 1864 году, послѣ Мак-Клеллена, Грантъ, какъ извѣстно, одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ и покорилъ Югъ. Побѣда надъ Югомъ всецѣло принадлежитъ ему, такъ какъ другіе генералы способствовавшіе ей, какъ-то Шерманъ, Шериданъ, Фарраготъ, были подъ главнымъ распоряженіемъ Гранта. Освобожденіе рабовъ было провозглашено Линкольномъ, но Грантъ энергически поддерживалъ въ свое президентство безопасность освобожденныхъ рабовъ и не питая къ Югу никакой личной вражды, не отказывался однако принимать тамъ строгія мѣры, когда это было нужно для защиты негровъ и эмигрантовъ съ Сѣвера отъ разбойничьихъ нападений такъ-называемыхъ „ку-клоксовъ“. Сочувствуя вполне дѣлу освобожденія, а вмѣстѣ и принципу „государственности“ Союза, то-есть централизму, какъ приверженецъ республиканской партіи, Грантъ однако слѣдовалъ въ отношеніи къ цокоренному Югу политики умѣренности: при немъ проведена была амнистія мятежникамъ, которая исключаетъ отъ занятія общественныхъ должностей только немногочисленную категорію изъ лицъ принадлежавшихъ къ мятежу, добросовѣст-

но исполнилъ апотомасскую конвенцію, заключенную съ побѣжденными южанами, и допустилъ мало-по-малу представителей всѣхъ штатовъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, въ палату представителей и въ сенатъ. Его министры финансовъ Мак-Коллохъ и Боутвеллъ сократили на огромную сумму образовавшійся во время мятежа долгъ; его министръ иностранныхъ дѣлъ заставилъ Англію принять въ серьезное разсмотрѣніе вопросъ объ убыткахъ причиненныхъ Америкѣ захватами Элебеми и другихъ корсаровъ Юга, вышедшихъ изъ англійскихъ портовъ.

Вотъ каковы заслуги Улисса Гранта; нѣтъ сомнѣнія, что заслуги эти весьма велики. Побѣдивъ Югъ, онъ уже тѣмъ самымъ сталъ какъ бы восстановителемъ союза, и имена Гранта съ Линкольномъ исторія Соединенныхъ Штатовъ поставитъ, конечно, непосредственно за именами Джорджа Уашигтона и Бенджамина Франклина. Но Грантъ не имѣетъ добродѣтелей Уашигтона и Франклина, которые въ нравственномъ смыслѣ вообще имѣютъ весьма мало соперниковъ между героями и дипломатами. Главный недостатокъ, въ которомъ упрекаютъ Гранта, есть именно непомерный непотизмъ; враги президента (напр., сенаторы Сомнеръ и Шурцъ) утверждаютъ, что онъ не только всю администрацію наполнилъ своими родственниками и близкими людьми и родственниками этихъ людей, но и сдѣлалъ совершенно безотвѣтственною въ порядкѣ административномъ; что, вслѣдствіе того, взяточничество будто бы возросло въ громадныхъ размѣрахъ, администрація совершенно деморализировалась и „вся страна предана ей на разграбленіе“. Мало того, нѣкоторые обвиняютъ прямо самого президента. Мы должны, впрочемъ, замѣтить, что намъ не случалось никогда встрѣтить такое практическое обвиненіе Гранта, что онъ въ такомъ-то данномъ случаѣ получилъ взятку. Но въ общихъ чертахъ обвиненіе это противъ Гранта предъявлялось громогласно и даже со стороны людей извѣстныхъ. Еще недавно, сенаторъ Сомнеръ произнесъ рѣчь, въ которой осуждалъ такого президента, „который безпрестанно принимаетъ подарки, то домъ, то землю, то лошадей, то ферму и т. д.“. Но свобода слова въ политическихъ дебатахъ такъ безгранична въ Америкѣ, что не всякое обвиненіе, вставленное въ рѣчь съ политической цѣлью, и можно понимать буквально. Надо знать какіе подарки принималъ Грантъ, отъ кого и за что. Вѣдь главный подарокъ поднесъ ему самъ конгрессъ въ видѣ золотой медали за окончаніе войны. Достаточно вспомнить объ обнародованномъ въ нынѣшнемъ году курьезномъ спискѣ подарковъ, полученныхъ Наполеономъ III изъ Германіи въ разное время, чтобы убѣдиться, что лица, поставленные въ положеніе „героевъ дня“, получаютъ множество подарковъ, которыхъ имъ въ мысль не приходило добиваться. Какъ бы то ни было, фактъ, что при выборѣ должностныхъ лицъ Грантъ держался системы непотизма, несомнѣненъ, но дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ

онъ только пользовался установившимся обычаемъ. Затѣмъ, вопросъ можетъ быть только въ томъ, не зашелъ ли онъ „слишкомъ далеко“ въ такомъ дѣлѣ, котораго предѣлы, разумѣется, произвольны. Враги Гранта ставятъ ему въ вину еще то, что онъ предъявилъ искъ къ Англіи о вознагражденіи за косвенные убытки по элелемскому дѣлу, а потомъ соглашался взять это требованіе назадъ, чѣмъ унижилъ національное достоинствъ. Но нѣтъ сомнѣній, что они бы еще болѣе обвиняли президента, еслибы онъ въ формулированіи иска сколько-нибудь отступилъ отъ самыхъ крайнихъ требованій, предъявляемыхъ партіями въ Америкѣ. Грантъ, какъ мы это высказывали уже прежде, вѣроятно и включилъ въ свои требованія непрямые убытки не потому, что надѣялся получить ихъ, а для того именно, чтобы ему на выборахъ не поставили въ вину отреченіе отъ какой-либо доли „законныхъ требованій“ Соединенныхъ Штатовъ.

Но какова бы ни была основательность или неосновательность обвиненій, взводимыхъ на Гранта, его заслуги до такой степени очевидны и велики, что никогда соперникъ, подобный Грили, не могъ бы быть ему опасенъ, еслибы рѣчь шла объ избраніи Гранта въ президенты *въ первый разъ*. Послѣ побѣды, одержанной Грантомъ надъ Югомъ, республиканская партія, естественно, должна была вся сгруппироваться около побѣдителя, и никакая серьезная конкуренція ему не была бы возможна, такъ какъ республиканской партіи принадлежатъ несомнѣнное большинство на выборахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что Грантъ уже получилъ свою награду, уже былъ президентомъ, и стоя во главѣ управленія успѣлъ уже и приобрѣсть немалое число завистниковъ и враговъ, и надѣлать нѣсколько ошибокъ. Теперь личныхъ заслугъ его уже недостаточно, чтобы безусловно устранить всякое соперничество, и всякій кандидатъ можетъ быть опасенъ ему, если опирается на какой-нибудь новый, достаточно популярный принципъ. Такимъ принципомъ представляется теперь въ пользу Грили: реформа и окончательное примиреніе съ Югомъ. Еслибы Грили по своему прошедшему и по составу поддерживающихъ его партій былъ единственнымъ или выдающимся изъ ряда представителемъ этого принципа или, лучше, этихъ принциповъ реформы и примиренія, а Грантъ былъ бы рѣшительнымъ противникомъ того и другого, тогда торжество Ораса Грили надъ Грантомъ при выборахъ было бы несомнѣнно, такъ какъ политическій принципъ въ Соединенныхъ Штатахъ могущественнѣе всякихъ личныхъ авторитетовъ. Но такой рѣшительной разницы между смысломъ программы Грили и программы Гранта нѣтъ. Оба они члены республиканской партіи, оба они энергически боролись съ Югомъ, Грантъ оружіемъ, а Грили — своимъ безпощаднымъ перомъ, какъ редакторъ „Tribune“; оба они — протекціонисты, наконецъ, оба готовы обѣщать реформы, какъ увидимъ ниже изъ „платформъ“ тѣхъ кон-

вентовъ, которыми провозглашены ихъ кандидатуры. Демократы, то есть партія склонная къ Югу, не любятъ Гранта, но не могутъ любить и Грили, который всю свою публицистическую дѣятельность посвящалъ борьбѣ съ рабствомъ сначала, а потомъ борьбѣ съ мятежемъ, и съ федералистскимъ принципомъ, который представлялся Югомъ, и постоянно, за исключеніемъ послѣдняго времени, требовалъ крайнихъ мѣръ для обузданія плантаторовъ и для уничтоженія самостоятельности управленія южныхъ штатовъ. Для демократовъ поддержать Грили, для того только, чтобы устранить Гранта — все равно что принять непріятнѣйшую микстуру, которая немногимъ лучше той немочи, отъ которой она будто бы помогаетъ. Что касается партіи республиканской, то для большинства ея и теперь лучшимъ кандидатомъ представляется Грантъ, такъ какъ Грили никогда не былъ администраторомъ и ничѣмъ не управлялъ кромѣ своей газеты. Но въ средѣ республиканской партіи образовалась новая фракція, такъ-называемыхъ „либеральныхъ республиканцевъ“, которые требуютъ реформъ. Понятно, что они могутъ болѣе надѣяться на Грили, чѣмъ на Гранта; эта фракція и выступила впередъ съ кандидатурой сдѣлаго публициста. Демократы уже только пристали къ ней впоследствии. Либеральные республиканцы слишкомъ слабы, чтобы провести своего кандидата безъ помощи демократовъ, а демократы сами недостаточно сильны, чтобы провести въ президенты собственного своего кандидата. Вотъ чѣмъ обуславливается въ настоящее время союзъ демократовъ съ либеральными республиканцами въ пользу Грили, или лучше сказать — противъ Гранта. Этотъ союзъ партій, совершенно различныхъ по принципамъ, и составляетъ шансъ успѣха для Грили. Но за то еслибы онъ былъ избранъ, то самое свойство его избранія вслѣдствіе поддержки, оказанной ему демократами, сдѣлало бы ему затруднительнымъ не только производить такія реформы, какъ, напримѣръ, полное уравненіе негровъ въ гражданскихъ правахъ, но даже и поддерживать неуклонно дѣло уже сдѣланное Линкольномъ.

Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящее время, мы должны будемъ ближе указать на нѣсколько характерныхъ фактовъ изъ тамошней общественной жизни. Но прежде дополнимъ параллель между Грантомъ и Грили нѣсколькими свѣдѣніями о личности этого новаго кандидата на президентство. Орасу Грили — 61 годъ отъ роду; онъ родился въ штатѣ Нью-Гампшёрѣ. Четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ отданъ былъ въ ученіе въ типографію, въ Вермонтѣ. Черезъ шесть лѣтъ, онъ переселился въ Нью-Йоркъ и работалъ тамъ наборщикомъ. Вспомнимъ, что также началъ свою дѣятельность и тотъ Франклинъ, о которомъ впоследствии Д'Аламберъ могъ сложить знаменитый стихъ:

Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis!

Въ 1834-мъ году, Грили уже предпринялъ издавать газету, которая успѣха не имѣла. Но въ 1841-мъ году онъ основалъ другую газету „The New-York Tribune“, которая пошла хорошо и скоро доставила ему вліяніе, такъ что въ 1848-мъ году онъ уже былъ избранъ въ конгрессъ. Въ 1851-мъ году, онъ ѣздилъ въ Европу, и былъ старшиною присяжныхъ одного изъ отдѣловъ всемірной выставки въ Лондонѣ. „New-York Tribune“, какъ уже сказано, боролась съ самаго своего начала съ принципомъ рабовладѣльчества. Во время мятежа, Грили энергически поддерживалъ мысль о единствѣ Союза и о подавленіи возстанія, а потомъ всѣ мѣры Линкольна, направленные какъ къ отмѣнѣ рабства, такъ и къ лишенію южныхъ штатовъ права самостоятельнаго управленія, къ учрежденію правительственной опеки надъ освобожденными неграми; наконецъ, къ допущенію представителей южныхъ штатовъ въ конгрессъ не иначе какъ постепенно, по мѣрѣ восстановления правильно избранныхъ мѣстныхъ властей, съ обязанностью для послѣднихъ присоединиться къ провозглашенію отмѣны рабства навсегда и принести присягу въ вѣрности Союзу, однимъ словомъ, весь тотъ комплекс мѣръ, который извѣстенъ въ Америкѣ подъ именемъ „переустройства Юга“ (reconstruction of the South). Вотъ тотъ членъ вѣтъ, котораго демократы, сторонники федералистскаго принципа и друзья Юга, признаютъ теперь своимъ кандидатомъ. Союзъ, очевидно, — неестественный. Вопросъ же — почему демократы не имѣютъ надежды провести въ кандидаты собственного своего кандидата, и принуждены прибѣгать къ такому неестественному союзу противъ Гранта, объяснится сейчасъ при указаніи на нѣсколько чертъ, характеризующихъ нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ связи съ кандидатурами на президентство.

Въ прошедшемъ году, на югѣ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крайне развилось разбойничество особаго рода, извѣстное подъ именемъ „ку-кловс-клана“. Ку-кловсы это — камористы рабовладѣльческаго Юга. Какъ на югѣ Италіи, когда пало полицейское правительство Бурбоновъ, управлявшее подъ вліяніемъ поповъ, посредствомъ жандармовъ и шпионовъ, выбранныхъ изъ измѣнниковъ либеральной партіи и изъ разбойниковъ, всѣ грязные, зловредные остатки прежняго порядка, остатки той жандармеріи, которой вожди были продажны, тѣхъ шпионовъ, которымъ прекратилось содержаніе, и тѣхъ разбойниковъ, которые дѣлили со шпионами свою мелкую добычу и ихъ крупное содержаніе, — все это соединилось въ нѣкое тайное общество, не имѣвшее ни программы, ни статута, но соединенное общностью своихъ интересовъ. Это была „la Camorra“. Прямой цѣлью ея была просто добыча, но по обстоятельствамъ, цѣль эта отчасти прикрылась политическимъ цѣткомъ. Разбойничество при Бурбонахъ было административной карьерою; замѣтнаго разбойника тотчасъ покупала поли-

ція, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ грандовъ и богатыхъ иностранцевъ; затѣмъ онъ самъ дѣлался сыщикомъ противъ либераловъ, а потому получалъ нерѣдко вліятельное мѣсто. Когда вся система рухнула, вслѣдъ за однимъ появленіемъ Гарибальди, разбойничество обратилось въ карьеру оппозиціонную. Оно осталось ремесломъ, но изъ правительственнаго ремесла, такъ сказать изъ регалии, обратилось въ промыселъ оппозиціонный, и уже нестѣсняемое опекой, и лишенное участія въ бюджетѣ, должно было развить свои операціи. Тогда началась на югѣ Италіи дѣлая война разбойниковъ противъ всѣхъ порядочныхъ людей. Каморра покрывала весь югъ; бывшіе шпіоны занялись пристанодержательствомъ и продажей добычи; нашлись безнравственные священники, которые посылали фанатиковъ въ шайки, имѣвшія цѣлю грабежъ. Бурбонскій дворъ изъ Рима посылалъ имъ деньги и устраивалъ снабженіе ихъ, приобреталось оружіе, нападенію разбойниковъ подвергались и всѣ встрѣчныя по дорогамъ, и люди специально рекомендованныя мѣщину прежней администраціи и полиціи. Нападая на деревню, на мѣстечко, грабили и убивали преимущественно „либераловъ“, то-есть такихъ людей, которые выказывали или усердіе, или сочувствіе къ новому порядку.

Американскій ку-клокс-кланъ это — каморра рабовладѣльческаго Юга. Отъ гнусной системы рабства должны были уцѣлѣть остатки не болѣе добродѣтельные, какъ и отъ прежняго неаполитанскаго правленія. Южные плантаторы-рабовладѣльцы представляли собой систему, но нравственныя условія, поражаемыя этой системой, чувства ея вырощенныя, отражались не столько въ плантаторахъ, сколько въ бѣлыхъ рабочихъ Юга. Ненависть къ неграмъ и къ сѣверянамъ доведена была до высшей степени именно въ средѣ недостаточнаго блага населенія Юга. И еслибы этого не было, то Югъ, конечно, и не смогъ бы выставить въ теченіе мятежа до милліона волонтеровъ. Бѣлые рабочіе ненавидятъ негровъ за то, что негры понижаютъ заработную плату; пока негръ прикрѣпленъ къ земледѣльческому труду, онъ не составляетъ конкуренціи городскому рабочему. Но освобожденные негры понижаютъ заработки въ городахъ. Такъ и эмигранты изъ сѣверныхъ штатовъ понижаютъ заработки въ городахъ Юга. „Масса бѣлыхъ рабочихъ на Югѣ ненавидитъ и негровъ и „янки“ — ихъ друзей и соучастниковъ въ подрывѣ мѣстнаго труда. Въ этомъ грубомъ бѣломъ населеніи городовъ Юга вражда противъ принципа освобожденія и уравнинія черныхъ, разумѣется, не заключалась въ предѣлы борьбы за принципъ, но выразилась и въ ненависти и преслѣдованіи противъ личностей, то-есть противъ черныхъ вообще и переселившихся съ Сѣвера янковъ. Послѣ мятежа, на Югѣ осталось немало оружія, немало и людей, отвыкшихъ отъ иной работы, какъ рыскать по обширнымъ территориямъ съ ружьемъ на плечѣ. Что

вслѣдъ за четырехлѣтнею войною явилось разбойничество — было бы уже и само по себѣ понятно. Но особенность другихъ мѣстныхъ условій придавала этому разбойничеству особый характеръ, а именно создала нѣчто въ родѣ тайнаго общества, разсѣяннаго на огромномъ пространствѣ и дѣйствующаго съ прямой цѣлью грабежа, но съ прикрасою политическаго цвѣта. Надо еще замѣтить, что въ первое время послѣ подавленія мятежа, работы на Югѣ не возобновлялись, многіе рабочіе лишились своихъ заработковъ, вообще нужда была велика. Велика была и ненависть къ побѣдоносному Сѣверу. А тутъ еще съ сѣвера понаѣхали многочисленные агенты правительства, отчасти бесовѣстные люди, искавшіе только случая нажить, и явилось немалое число авантюристовъ - промышленниковъ всякаго рода, такъ что нельзя сказать, чтобы и самъ Сѣверъ или, по крайней мѣрѣ, многіе негодные его представители не содѣйствовали къ усиленію вражды южнаго бѣлаго населенія. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ и возникло такъ-называемое общество „ку-кловскъ“. Дѣйствуя точно также, какъ неаполитанская каморра, ку-кловск-кланъ имѣетъ своихъ агентовъ въ разныхъ мѣстахъ, и туда, гдѣ возможно выступить безъ маски, гдѣ предстоитъ большая добыча и мало опасности, посылаетъ цѣлыя отряды вооруженныхъ людей, которые производятъ всякія насилия и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ мучатъ негровъ и ихъ защитниковъ. Тамъ же, гдѣ требуется месть противъ отдѣльной личности и нѣтъ возможности дѣйствовать открыто, ку-кловск-кланъ подсылаетъ нѣсколькихъ убійцъ и совершаетъ поджоги.

Дѣло дошло до того, что союзное правительство должно было нѣкоторыя мѣстности занять войсками, и между войсками и разбойниками происходили мѣстами жаркія схватки, точно такъ какъ на югѣ Италіи. Наконецъ, въ прошломъ году президентъ принужденъ былъ объявить въ сѣверной и южной Каролинахъ, гдѣ особенно свирѣпствовали ку-кловскы, осадное положеніе. Отсюда жалобы демократовъ противъ Гранта, что онъ, занимая Югъ войсками, держится системы военнаго деспотизма. Нѣтъ нужды говорить, что это обвиненіе преувеличено: въ настоящее время осадное положеніе остается только въ трехъ провинціяхъ, и провозглашено оно было Грантомъ не самовольно, а на основаніи спеціальнаго билля, утвержденнаго конгрессомъ и предоставляющаго правительству приостанавливать дѣйствіе законовъ habeas corpus въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ появляются ку-кловскы. Правительственная партія признаетъ необходимымъ удержать этотъ законъ еще на нѣкоторое время, и въ самомъ дѣлѣ, читая описанія злодѣйствъ, совершаемыхъ ку-кловсками, нельзя не согласиться съ необходимостью самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ нихъ. Такъ, еще недавно, ку-кловскы появились на одномъ хуторѣ, гдѣ жилъ негръ, женатый на бѣлой (случай смѣшанныхъ браковъ уже бывають). Разбойники потре-

бывали, чтобы супруги обязались разойтись. За отказомъ ихъ, они мужа—негра застрѣлили, а жену—бѣлую, привязали къ кровати и сожгли живьемъ. Но враги Гранта утверждаютъ, что онъ поддерживаетъ существованіе временнаго закона о ку-клоксахъ для того, чтобы держать Югъ подъ военной властью и тѣмъ мѣшать тамъ оппозиціи противъ себя, во время приготовленій къ выборамъ.

Сама по себѣ, демократическая партія, какъ партія политическая, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ злодѣйствами ку-клоксовъ. Но тѣмъ не менѣе насилія, совершаемыя этими разбойниками, вредятъ этой партіи въ общественномъ мнѣніи среднихъ, западныхъ и сѣверныхъ штатовъ. Но еще болѣе нравственнаго ущерба нанесло демократической партіи сдѣланное въ прошломъ году открытіе огромныхъ злоупотребленій въ городскомъ управленіи Нью-Йорка, которое находилось съ давняго времени въ рукахъ демократовъ. Открыто было существованіе настоящаго демократическаго заговора съ цѣлью разграбленія городского бюджета. Эта шайка грабителей-администраторовъ получила названіе Tammany-ring. Къ ней принадлежали нѣсколько сенаторовъ и представителей штата и директоры Эрійской желѣзной дороги. Шайка эта часть награбленныхъ денегъ обращала на подкупы при выборахъ, среди массы авантюристовъ и людей безъ опредѣленнаго промысла, какихъ много въ Нью-Йоркѣ. Посредствомъ фальсификаціи выборовъ, Tammany-ring обезпечивалъ прочность и безнаказанность своего предпріятія, такъ какъ и въ администрацію и въ мѣстное законодательное и даже судебное сословіе проводились собственныя его члены. Оказалось, что городъ Нью-Йоркъ, платя ежегодно сборовъ до 30-ти милліоновъ долларовъ, не только не уменьшалъ своего долга, а еще увеличилъ его. Масса денегъ шла на уплату по фиктивнымъ счетамъ за работы вовсе не произведенныя. Достаточно будетъ привести для примѣра фактъ, что за одни столярныя, бронзовыя и обойныя работы въ одномъ общественномъ зданіи было выведено въ расходъ 2½ милл. долларовъ. Во главѣ городского управленія стоялъ Твидъ, обанкротившійся торговецъ, который въ теченіе своей администраціи приобрѣлъ вновь громадное состояніе и увѣренный въ безнаказанности, жилъ съ баснословной роскошью. Раскрытіе всего этого дѣла, которое не безъ затрудненій поступило наконецъ въ судебное производство, составляло важную заслугу газеты New-York-Times, которая одна выступила со смѣлымъ, рѣшительнымъ обвиненіемъ лицъ, заручившихся поддержкою всѣхъ мѣстныхъ властей. Доказательство, что полная гласность, полная свобода печати сама по себѣ уже составляетъ такую гарантію противъ злоупотребленій, какой не могутъ дать даже никакія учрежденія. Вслѣдъ за этимъ дѣломъ было обнаружено подобное же дѣло въ южной Каролинѣ. Оказалось, что губернаторъ и казначей этого штата, оба демократы, присвоили себѣ до пяти милл.

долларовъ общественныхъ денегъ. Эти факты вызвали въ Америкѣ общій крикъ о необходимости полной реформы чиновничества (civil service) и настоящій вопль негодованія противъ демократической партіи.

Вотъ почему демократическая партія, которая, послѣ пораженія Юга, окончательной отмѣны невольничества и паденія идеи о полной государственной самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ, и безъ того уже ослабѣла, потерявъ свое знамя, въ настоящее время чувствуетъ себя нравственно особенно слабою, и не имѣетъ надежды провестъ на президентство собственнаго своего кандидата. А стало быть, ей и не остается ничего иного, какъ поддерживать какого-либо иного, наименѣе непріятнаго ей кандидата. Изъ оппозиціи къ Гранту, покорителю Юга, она поддерживаетъ Грили, кандидата либеральныхъ республиканцевъ.

Въ нынѣшнемъ составѣ сената, Грантъ, то-есть приверженная къ нему республиканская партія имѣетъ большинство. Въ сенатѣ большинство Гранта таково, что онъ можетъ рассчитывать всегда на болѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ въ пользу своихъ мѣръ; а это очень важно потому, что для всѣхъ отступленій отъ закона требуется именно согласіе $\frac{2}{3}$ голосовъ. Республиканцевъ въ сенатѣ считается 60, а демократовъ и консерваторовъ всего 12. Въ палатѣ представителей Грантъ также имѣетъ большинство, а именно за него 138 республиканцевъ противъ 105 демократовъ; но это уже далеко не даетъ большинства двухъ третей. Взглянемъ на нѣсколько фактовъ изъ послѣдней сессіи конгресса для того, чтобы ближе присмотрѣться къ текущимъ дѣламъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

По отношенію къ Югу, важнѣе всего было продолженіе дѣйствія уже названнаго нами выше *ku-klux-bill'a*, дающаго правительству право приостанавливать дѣйствіе закона *habeas corpus* въ мѣстностяхъ, гдѣ появляются ку-клоксы. Дѣйствіе этого временнаго билля было установлено до конца нынѣшней сессіи конгресса. Но въ очереди парламентскихъ вопросовъ, предложеніе о продолженіи дѣйствія этого билля и по окончаніи сессіи стояло такъ далеко, что онъ не могъ быть рассмотрѣнъ въ теченіи нынѣшней сессіи. Итакъ, для того, чтобы продлить дѣйствіе закона о ку-клоксахъ, надо было рассмотреть его внѣ очереди, или какъ то называется въ парламентской практикѣ Франціи, объявить безотлагательность (*urgence*). Но для того, чтобы нарушить очередь, то-есть законный порядокъ рассмотрѣнія дѣлъ, требуется $\frac{2}{3}$ голосовъ. Въ сенатѣ оно легко состоялось, согласно съ желаніемъ правительства. Но въ палатѣ представителей предложеніе о снятіи закона о ку-клоксахъ съ очереди вносило было три раза, но большинство двухъ третей такъ и не состоялось. Замѣчательно, что въ послѣдній разъ, при обсужденіи этого предложенія,

не состоялось въ пользу его и *простого* большинства, то-есть оно было просто отвергнуто. Причиной тому было, что союзъ либеральныхъ республиканцевъ съ демократами, въ виду выборовъ, уже возымѣлъ свое дѣйствіе: либеральные республиканцы или реформисты подали голоса противъ предложенія вмѣстѣ съ демократами. Другой важный проектъ закона относительно Юга касался уже прямо выборовъ; это такъ-называемый Enforcement-act, предложенный правительствомъ. Въ виду того, что выборныя власти въ штатахъ Юга еще не вездѣ получили правильное образованіе, этимъ проектомъ предлагалось, чтобы записываніе и счетъ голосовъ при выборахъ на Югѣ было поручено окружнымъ судьямъ, а судьи эти на Югѣ назначены всѣ центральнымъ правительствомъ. Для принятія такого отступленія отъ закона требовалось $\frac{2}{3}$ голосовъ конгресса. Въ сенатѣ оно легко состоялось; но въ палатѣ представителей за Enforcement-act подано было 115 голосовъ, а 87 противъ. Такимъ образомъ, требуемаго большинства $\frac{2}{3}$ не состоялось.

Республиканское большинство сената, вполне преданное Гранту, включаетъ въ себѣ людей въ высшей степени почтенныхъ и популярныхъ въ Америкѣ, какъ Чендлеръ, Мортонъ, Нэй, Помрой, Карпентръ, но его обвиняютъ въ томъ, что въ усердіи своемъ ко вторичному избранію президента оно заходитъ слишкомъ далеко, а именно обращаетъ законодательную дѣятельность въ рядъ парламентскихъ интригъ въ пользу правительства. Нелишне будетъ разсказать одну изъ такихъ интригъ, проявившуюся при самомъ концѣ сессіи.

Палата представителей впередъ рѣшила, что отсрочка сессіи, то-есть перерывъ засѣданій конгресса до зимы, произойдетъ 29-го мая. Въ силу этого рѣшенія, все, что не состоялось бы къ 29-му мая, и не имѣло бы дѣйствія до декабря, то-есть до той поры, когда уже вопросъ о президентствѣ будетъ рѣшенъ (въ ноябрѣ). Вотъ почему продленіе ku-klux билля и enforcement-act'a, какъ средствъ сдерживать Югъ, необходимо было, для приверженцевъ Гранта, провести до закрытія нынѣшней сессіи. Но въ числѣ дѣлъ неоконченныхъ разсмотрѣніемъ къ 29-му мая находился и новый таможенный тарифъ. Кстати при этомъ будетъ сказано, что хотя Грантъ и протекціонистъ, и вообще главная сила республиканской партіи въ сѣверо-восточныхъ промышленныхъ штатахъ, поддерживающихъ протекціонизмъ, но нынѣшній министръ финансовъ Боутвеллъ все-таки призналъ возможнымъ нѣкоторое пониженіе таможенныхъ пошлинъ и внесъ согласно тому проектъ новаго тарифа. Въ общей суммѣ пониженіе таможеннаго дохода по новому тарифу составляетъ сумму около 20-ти милліоновъ долларовъ. Видно на выборы не остались безъ вліянія и въ этомъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ проложена желѣзная дорога къ Тихому океану, сталъ приобретать болѣе значеніе западъ Союза. А

такъ какъ западъ—страна по преимуществу земледѣльческая, то онъ и расположенъ къ пониженію пошлинъ, поддерживающихъ высокую цѣну мануфактурныхъ издѣлій. Новый тарифъ отчасти, можно сказать—уступка западу. Оставить неоконченнымъ разсмотрѣніе новаго тарифа, отложить его до зимы, было очевидно невозможностью. Вотъ, на это и рассчитывало преданное Гранту большинство сената. Въ сенатѣ большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ, необходимое для проведенія ку-ктокс-билля внѣ очереди и для утвержденія Enforcement-акта, какъ уже сказано, состоялось. Но въ палатѣ представителей оно не состоялось. Между тѣмъ назначенный срокъ сессіи, 29 мая, приближался и необходимо было нѣсколько продлить ее, чтобы окончить разсмотрѣніе новаго тарифа. Тогда сенаторы-грантисты придумали слѣдующую уловку: возбудить вновь въ третій разъ въ палатѣ представителей предложеніе о продолженіи дѣйствія ку-ктокс-билля до 4 марта 1873 г. Они рассчитывали, что произойдетъ одно изъ двухъ: или въ третій разъ въ пользу этого предложенія состоится требуемое большинство $\frac{2}{3}$, или состоится только простое большинство, какъ въ первые два раза. Если бы состоялось большинство въ $\frac{2}{3}$, тогда—*all right*, больше ничего не нужно. Но если бы состоялось и въ третій разъ только простое большинство, тогда сенатъ, въ свою очередь, отвергъ бы исходящее изъ палаты представителей рѣшеніе о продленіи самой сессіи. Такимъ образомъ, обыкновенная сессія прервалась бы въ первоначально назначенный срокъ и тарифъ остался бы не утвержденнымъ. Затѣмъ, президентъ имѣлъ бы вполне основательный поводъ созвать конгрессъ тотчасъ по окончаніи обыкновенной сессіи въ сессію чрезвычайную, для разсмотрѣнія тарифа. А когда эта чрезвычайная сессія открывалась бы, то въ ней тотчасъ поставлено бы было на очередь, вмѣстѣ съ тарифомъ, и продленіе ку-ктокс-билля. Окончивъ разсмотрѣніе тарифа, палата представителей перешла бы къ разсмотрѣнію ку-ктокс-билля, и такъ какъ такимъ образомъ разсмотрѣніе этого билля совершалось бы уже безъ нарушенія очередного порядка, то, чтобы билль прошелъ, достаточно было бы и простого большинства; въ томъ же, что простое большинство состоится, ручались уже два прежнія голосованія по этому вопросу, и сенаторы были въ томъ увѣрены.

Но въ этомъ-то они и обманулись. Интрига ихъ была понята, и палата представителей просто отвергла билль большинствомъ 108 голосовъ противъ 94. Это враждебное грантистской интригѣ большинство составилось изъ 85 демократовъ и 23 республиканцевъ-реформистовъ. Какъ уже замѣчено выше, союзъ этихъ партій противъ Гранта сказался въ этомъ неожиданномъ результатѣ. Но ему способствовало, безъ сомнѣнія, и осужденіе грантистской интриги сената. Когда, такимъ образомъ, въ пользу продленія ку-ктокс-билля до 4-го марта 1873-го г.

въ палатѣ представителей въ третій разъ не состоялось и простого большинства, то уже нельзя было ожидать, что оно состоится и въ чрезвычайной сессіи. Поэтому, когда палата представителей постановила рѣшеніе объ отсрочкѣ закрытія сессіи до 3-го іюня, вмѣсто 29-го мая, чтобы окончить разсмотрѣніе тарифа, то сенату осталось только присоединиться къ этому рѣшенію, а Грантъ долженъ былъ разорвать декретъ о созваніи конгресса въ чрезвычайную сессію, декретъ, который, по слухамъ, былъ уже подписанъ имъ.

Разсмотрѣніе тарифа продолжалось затѣмъ со всевозможной спѣшностью, такъ что въ палатѣ представителей условлено было не давать ораторамъ, предлагавшимъ поправки, болѣе *одной минуты* времени для развитія ихъ предложеній. Для проведенія Enforcement-акта, сенаторами-грантистами была также придумана уловка: прежде чѣмъ сенатъ еще согласился на отсрочку закрытія сессіи до 3-го іюня, онъ включилъ постановленія Enforcement-акта въ совершенно другой билль, а именно въ дополнительную статью бюджета. Эту дополнительную статью палата представителей не могла не утвердить; еслибы она отвергла ее, то президентъ все-таки имѣлъ бы достаточный поводъ созвать конгрессъ въ чрезвычайную сессію. Но палата представителей благополучно вышла и изъ этой дилеммы: депутатъ Индіаны, демократъ Керръ предложилъ одобрить статью, вмѣстѣ съ насильственно введенными въ нее главными постановленіями Enforcement-акта, но при этомъ дополнить ихъ слѣдующей поправкою: „назначаемые окружнымъ федеральнымъ судьей избирательные инспекторы (Supervisors) должны присутствовать при счетѣ голосовъ на выборахъ, но не должны вмѣшиваться въ выборы никакимъ дѣйствіемъ“. Въ такомъ видѣ билль прошелъ и повода къ чрезвычайной сессіи не осталось, а между тѣмъ все значеніе Enforcement-акта, въ смыслѣ вліянія правительственной власти на ходъ выборовъ на Югѣ, уничтожено этой послѣднею поправкою. Затѣмъ, конгрессъ отсрочилъ свои засѣданія на неопредѣленное время, то-есть до зимы.

Такимъ образомъ, грантисты потерпѣли рѣшительное пораженіе въ концѣ сессіи, благодаря союзу республиканцевъ-реформистовъ съ демократами. Не слѣдуетъ впрочемъ видѣть въ этой коалиціи нѣчто безправственное, то-есть измѣну республиканцевъ-реформистовъ своимъ убѣжденіямъ; не они пристають къ демократамъ, а демократы къ нимъ. Такъ союзъ тотчасъ прервался, на минуту, въ концѣ же сессіи, когда депутатъ штата Теннесси, республиканецъ Мэнардъ предложилъ разсмотрѣть внѣ очереди такъ-называемый civil-rights-bill. Извѣстно, что негры-невольники мятежныхъ штатовъ были освобождены Линкольномъ и что затѣмъ въ коренные законы Соединенныхъ Штатовъ введенъ принципъ, что невольничество никогда не можетъ быть восстановлено. Но освобожденные негры все-таки еще далеко не вполне сравнены въ

правахъ съ бѣлымъ населеніемъ. Во-первыхъ, они не имѣютъ политическаго права, то-есть не участвуютъ въ выборахъ. Въ этомъ отношеніи большинство республиканской партіи считаетъ уравниеніе ихъ еще несвоевременнымъ. Во-вторыхъ же, негры до сихъ поръ на каждомъ шагѣ еще подвергаются разнымъ общественнымъ исключеніямъ, устанавливаемымъ совершенно произвольно всякими распорядителями общественныхъ службъ и директорами общественныхъ предпріятій, то-есть, напр., желѣзныхъ дорогъ, дилижансовъ, театровъ и вообще собраній, и т. п. Еще весьма нерѣдко для негровъ отводятся отдѣльные вагоны, особыя мѣста, ихъ не пускаютъ въ нѣкоторыя собранія, несмотря на то, что право входа пріобрѣтается покупкою билета, и т. д. Прежде, во времена рабовладѣльческія, такія ограниченія и исключенія негровъ были правиломъ. Теперь они уже не составляютъ правила, но все-таки, на практикѣ, дѣлаются еще нерѣдко. Республиканское большинство сената провело въ этой палатѣ билль, направленный къ воспрещенію всякихъ подобныхъ ограниченій, исключеній или неравенства негровъ. Это и есть такъ-называемый *civil-rights-bill*. Онъ тоже стоялъ на очереди далеко и не могъ быть рассмотрѣнъ въ палатѣ представителей до закрытія сессіи иначе, какъ еслибы былъ поставленъ внѣ очереди, чтб и предложилъ Мэнардъ. Для этого требуется большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ. При подачѣ голосовъ по предложенію Мэнарда, *«съ демократы вотпировали противъ, а республиканцы «съ» вотпировали за предложеніе. Итакъ, въ вопросѣ, касающемся принципа, республиканцы-реформисты, несмотря на свой новый союзъ съ демократами, подали голоса съ консервативной частью либеральной партіи, то-есть съ грантистами. Результатъ былъ за предложеніе Мэнарда и за билль о civil-rights—113 голосовъ противъ—85. Такимъ образомъ, состоялось простое большинство и хотя предложеніе Мэнарда и не было принято, какъ не соединившее $\frac{2}{3}$ голосовъ, но результатъ этотъ доказываетъ все-таки, что civil-rights билль несомнѣнно пройдетъ въ будущей сессіи, когда очередь дойдетъ до него, и для утвержденія его въ палатѣ представителей достаточно будетъ простого большинства.*

Теперь, нѣсколько приглядѣвшись къ текущимъ дѣламъ Соединенныхъ Штатовъ, мы должны обратиться къ самой избирательной драмѣ. Первые акты выборной драмы, это — конвенты, на которыхъ каждая партія устанавливаетъ свою „platform“, то-есть свою программу и назначаетъ своего кандидата въ президенты, который и обязывается осуществить эту программу, служить ея представителемъ. Послѣдній актъ драмы, то-есть самое избраніе, какъ уже сказано, произойдетъ въ ноябрѣ, а вступленіе новаго президента въ должность послѣдуетъ 4-го марта будущаго года.

Первый конвентъ, собравшійся въ Синсиннати, былъ конвентъ республиканцевъ-реформистовъ. На немъ была установлена слѣдующая

„платформа“: полная и окончательная амнистія мятежникамъ Юга, равноправность негровъ передъ законами, отиѣна права президента быть избираемымъ сразу на второй срокъ, ненарушимость *habeas corpus writ*'а (т.-е. отиѣна ку-клокс-билля), радикальная реформа администраціи и скорѣйшее возвращеніе къ разнѣмъ ассигнацій на звонкую монету. Кандидатомъ на кандидатство былъ не одинъ Грили; явилось нѣсколько соперниковъ. Главными были: Адамсъ (бывшій посланникъ въ Лондонѣ), Грили, сенаторъ Тромболъ, судья Дэвисъ (кандидатъ рабочихъ), и верховный судья союза Чэзъ. Болѣе всѣхъ шансовъ имѣлъ Адамсъ; онъ стоялъ во главѣ списка, по числу полученныхъ голосовъ, при пяти послѣдовательныхъ баллотировкахъ. На пятой баллотировкѣ онъ получилъ столько голосовъ, что ему недоставало только еще 7 голосовъ, чтобы имѣть абсолютное большинство. Но этихъ 7-ми невозможно было добыть, и тогда представители штата Иллинойса перешли на сторону Грили, чтобы придти къ результату. Итакъ, Грили при шестой баллотировкѣ получилъ абсолютное большинство, и затѣмъ уже былъ единодушно провозглашенъ кандидатомъ либерально-республиканской партіи. Здѣсь надо упомянуть о роли, которую играли въ поддержкѣ кандидатуры Грили—нѣмцы, то-есть сѣверо-американскіе граждане нѣмецкаго происхожденія. Роль ихъ—составляетъ также одну изъ характерныхъ чертъ нынѣшняго положенія дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ одномъ изъ прежнихъ обзорѣнй, говоря о принципѣ національностей, мы мимоходомъ уже указали на то положеніе, какое заняли въ настоящее время нѣмцы въ Америкѣ. Въ прежнее время, то-есть до великихъ военныхъ успѣховъ Германіи, нѣмцы въ Америкѣ считали себя прежде всего американцами. Даже посѣщая, послѣ своей натурализаціи въ Америкѣ, прежнее свое отечество—Германію, они всегда называли себя американцами, и крестныя имена свои Johann, Eduard, Jacob передѣлывали въ John, Edward и James. Они принадлежали къ разнымъ американскимъ партіямъ по личному вкусу, и по большей части были республиканцы вездѣ, кромѣ развѣ самого Нью-Йорка, гдѣ толпа бѣдныхъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, разумѣется, держалась скорѣе демократизма, который былъ тамъ въ силѣ. Теперь все это значительно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ великія побѣды Германіи „подняли“ — по выраженію, постоянно употребляемому нѣмецкими газетами—„національное чувство нѣмцевъ и въ Америкѣ (*das deutsche Nationalgefühl gehoben*). Нѣмцы стали выступать въ Америкѣ какъ особая, національная партія, партія нѣмецкая, имѣющая и цѣли не американскія, а чуждыя Америкѣ, нѣмецкія стремленія и антипатіи. Такъ, нѣмцы сильнѣйшимъ образомъ возстали на Гранта за то, что будто бы американское правительство не только дозволяло вывозъ оружія во Францію, но и само продало Франціи значительное количество оружія. По настоянію нѣ-

мецкаго сенатора Карла Шурца, и врага Гранта сенатора Сомнера, назначена была парламентская коммиссія для изслѣдованія этого дѣла. Коммиссія эта вполнѣ оправдала правительство. Но нѣмцы этимъ результатомъ не удовлетворились и остались въ убѣжденіи, что Грантъ дѣйствовалъ противъ ихъ отечества, какъ они называютъ нынѣ оставленную ими самими Германію. Дѣйствуя какъ отдѣльная партія, нѣмцы стараются проводить въ тѣхъ округахъ, гдѣ имъ принадлежитъ большинство, въ сенатъ и конгрессъ *своихъ* членовъ, то-есть нѣмцевъ. Само собою разумѣется, что такое искаженіе внутреннихъ вопросовъ совершенно искусственными національными воззрѣніями, интересами страны далекой и притомъ оставленной самими эмигрантами отчасти именно для того, чтобы избѣгнуть воинской повинности—должно быть вредно. Негодуя на Гранта, нѣмцы, подъ предводительствомъ *своего* сенатора Карла Шурца, рѣшились дѣйствовать противъ него на выборахъ. Шурцъ и сдѣлался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ оппозиціи Гранту, возникшей въ средѣ самой республиканской партіи, а именно оппозиціи либеральныхъ республиканцевъ. Въ Синсиннати число нѣмцевъ весьма значительно и вліяніе Шурца велико. Нѣмцы были расположены болѣе въ пользу Адамса, чѣмъ въ пользу Грили, по тому практическому разсчету, что оппозиціоннаго кандидата можно провести только при помощи демократовъ, а демократы охотнѣе подали бы голоса за Адамса, чѣмъ за Грили, который былъ ихъ заклятымъ врагомъ. При этомъ, нѣмецкіе корреспонденты, совершенно непонятно почему—называютъ Грили, въ видѣ попрека ему—Temperenzler. Дѣло въ томъ, что Грили одинъ изъ фанатиковъ полного воздержанія отъ опьяняющихъ напитковъ (temperance). Почему это можетъ быть поставлено въ укоръ кому-либо—непонятно, но корреспонденты Kölnische и Allgemeine (Augsburger) Zeitung постоянно называютъ его Temperenzler въ смыслѣ насмѣшки. Въ „Кѣльнской“ газетѣ однажды было даже сказано: „но нѣмцы, которые въ либерально-республиканской партіи играютъ большую роль, во всякомъ случаѣ потребуютъ отъ него (Грили), чтобы онъ пощадилъ ихъ, во время своего президентства, отъ своего фанатизма трезвости (sie mit seinem Temperanzfanatismus verschone).“

Какъ бы то ни было, дѣло было рѣшено въ пользу Грили, а не Адамса, представителями Иллинойса, штата самаго чисто-республиканскаго и аболіціонистскаго, откуда былъ родомъ Авраамъ Линкольнъ. Нѣмцы теперь, какъ имъ это и непріятно, будутъ все-таки поддерживать Грили. Недавно, Карлъ Шурцъ произнесъ рѣчь въ Сент-Луисѣ, въ которой объявилъ это положительнымъ образомъ (was ihm sauer genug geworden sein wird, прибавляетъ сообщая объ этомъ „Кѣльнская“ газета). Итакъ, нѣмцы нехотя будутъ подавать голоса за Грили для того только, чтобы не былъ вновь избранъ Грантъ. А поддер-

жка нѣмцевъ весьма важна. Грили уже давно заботился обезпечить себя, выступая въ своей газетѣ съ энергическими статьями въ пользу Германіи; отчего нѣмцы все-таки не любятъ его, совершенно непонятно. Но и самъ Грантъ, надо замѣтить, поздравлялъ императора Вильгельма съ побѣдами, при чемъ, какъ увѣряютъ, имѣлъ тоже въ виду снискать расположеніе американскихъ нѣмцевъ для выборовъ. Въ одной нѣмецкой корреспонденціи изъ Нью-Йорка (въ *Neue Freie Presse*), мы находимъ даже такой отзывъ о Грили, что самъ Джефферсонъ Дэвисъ будто бы рекомендовалъ избрать его, что Грили вносилъ когда-то залогъ за Джефферсона Дэвиса, при чемъ приводятся слова о Грили Уэнделля Филлипса: „если будетъ избранъ Грили, тогда каждый негръ на Югѣ долженъ готовиться, чтобы оборонять свою жизнь“. Кандидатомъ на вице-президентство конвентъ въ Синсиннатѣ избралъ Граца Броуна, который повидимому также не нравится нѣмцамъ. „Нерасположеніе нѣмцевъ къ Грили и Броуну“, пишетъ тотъ же корреспондентъ „*Neue Freie Presse*“, „видимо растеть. Они охотнѣе всего вовсе бы воздержались отъ участія въ выборахъ“. „Проглотить темпераментъ нашихъ людямъ трудно“, говоритъ корреспондентъ; „они давятся, давятся, и все-таки онъ сидитъ у нихъ въ горлѣ“. Должно быть, значительная часть пивныхъ и водочныхъ заводовъ и продажъ въ Америкѣ принадлежитъ нѣмцамъ, иначе невозможно объяснить, почему имъ въ ихъ же кандидатъ такъ не нравится то, что онъ — *Temperenzler*.

Въ началѣ іюня собрался другой конвентъ, въ Филадельфіи, конвентъ большой республиканской партіи. Здѣсь не было сомнѣній насчетъ кандидатовъ. Конвентъ 6-го іюня единогласно провозгласилъ Гранта кандидатомъ на президентство, однимъ поднятіемъ рукъ, безъ баллотировки. Кандидатомъ на вице-президентство по первой же баллотировкѣ избранъ сенаторъ Уильсонъ. „Платформа“ или программа филадельфійскаго конвента начинается съ исчисленія заслугъ республиканской партіи и ея главнаго представителя, нынѣшняго президента Союза: освобожденіе рабовъ, подавленіе мятежа, установленіе равноправности, твердый и вмѣстѣ великодушный обзоръ дѣйствій относительно Юга, благоразуміе политики по отношенію къ дикимъ племенамъ индійцевъ, проведеніе желѣзнаго пути къ Тихому океану, поддержаніе національнаго кредита несмотря на войну, огромное уменьшеніе долга, почетное разрѣшеніе вѣнскихъ затрудненій (элебемское дѣло). Въ будущемъ, республиканская платформа ставитъ слѣдующія требованія, которыя — такъ какъ она находится нынѣ въ управленіи — можно также назвать обѣщаніями: поддерживать доходы государства на высотѣ, достаточной для постепеннаго погашенія долга; главную сумму доходовъ извлекать, по прежнему, изъ таможенныхъ пошлинъ, которыя должны быть поддерживаемы и съ цѣлью покро-

вительства внутреннему производству; остальную часть дохода извлекать изъ спиртныхъ напитковъ и табаку. Охранять полную свободу гражданъ въ дѣлахъ гражданскихъ, политическихъ и духовныхъ, безъ всякаго отношенія къ различію расъ, исповѣданій и цвѣта кожи. Уменьшить плату за почтовую пересылку, по возможности скоро возстановить размѣны и охранять кредитъ государства. Въ республиканской „платформѣ“ стоятъ еще обѣщаніе: „съ уваженіемъ разсмотрѣть (respectfully consider) вопросъ о предоставленіи избирательнаго голоса женщинамъ“. Платформа выражаетъ полнѣйшее довѣріе къ мудрости, скромному патриотизму и здравому, практическому смыслу нынѣшняго президента и убѣжденіе, что онъ будетъ избранъ вновь. Грантъ письмомъ выразилъ свое согласіе принять предложенную ему кандидатуру, и объяснилъ, что если будетъ избранъ вновь, то постарается избѣгнуть тѣхъ ошибокъ, которыя были неизбежны для него, когда онъ былъ еще неопытенъ въ дѣлахъ управленія. Гриви также письменно изъяснилъ согласіе на синсиннатскую платформу и кандидатуру, и пересталъ завѣдывать редакціею „Tribune“, для того, чтобы она могла поддерживать его. Самъ же онъ, „чаппакскій мудрецъ“, какъ его прозвали, удалился въ какіе-то лѣса и занялся тамъ рубкою деревъ, которая, какъ говорятъ, доставляетъ ему высшее наслажденіе. Ему, наборщику и писателю, веселѣе всего ручная работа, въ глухомъ лѣсу.

Затѣмъ, всеобщее вниманіе обратилось на приготовленія къ третьему конвенту, конвенту демократической партіи, происходящему въ Балтиморѣ. Какъ ни непріятна была кандидатура Гриви для демократической партіи, однако мало-по-малу демократическіе конвенты, собиравшіеся по отдѣльнымъ штатамъ, высказывались въ пользу Гриви. Тогда и нѣмцамъ пришлось, несмотря также на неохоту, рѣшиться окончательно въ пользу Гриви. Шурцъ созвалъ либеральныхъ республиканцевъ, къ которымъ причисляются нѣмцы, на особую конференцію въ Нью-Йоркѣ, на 20-е іюня, чтобы устранить всякія недомѣнкія относительно кандидатуры, какою они должны держаться. Но на этой конференціи произошелъ неожиданный скандалъ, а именно, часть либеральныхъ республиканцевъ отреклась отъ синсиннатскаго конвента, отъ Гриви и отъ Гранта, которые оба — протекционисты, и выставила третьяго кандидата, кандидата свободной торговли — адвоката Грузбека изъ Синсиннати. Само собою разумѣется, что онъ не имѣетъ никакихъ шансовъ. Уже послѣ того, Карлъ Шурцъ произнесъ, въ Сент-Луисѣ, ту рѣчь, о которой упомянуто выше и въ которой онъ объявилъ намѣреніе держаться однажды принятой кандидатуры Гриви. Но видно правъ былъ корреспондентъ „Neue Freie Presse“, что это рѣшеніе „несладко (sauer) пришлось“ самому Шурцу, потому что вотъ какія слова передаетъ, изъ сент-луисской рѣчи Шурца, корреспондентъ

пондентъ другой нѣмецкой газеты, аугсбургской „Allgemeine Zeitung“: „въ нашей внутренней политикѣ господствуютъ самыя дикія противорѣчія; это борьба честолюбія съ честолюбіемъ, страсти со страстью, борьба, въ которой бываетъ мало чистыхъ успѣховъ, въ которой рѣдки прочныя лавры, въ которой человѣка одолеваетъ не одно противодѣйствіе или своя ошибка, но и собственные сомнѣнія“. Характеристика эта, къ сожалѣнію, годится для всѣхъ дѣлъ человеческихъ. Но слова эти дѣлаютъ честь добросовѣстности Шурца, хотя не дѣлаютъ чести его дальновидности. Понятно, что если онъ искренній либераль, то ему больно было видѣть, какъ мѣстные демократическіе конвенты одинъ за другимъ привѣтствовали кандидатуру Грили, и этотъ кандидатъ, выдвинутый впередъ противъ Гранта съ дѣятельнымъ участіемъ самого Шурца, становился такимъ образомъ кандидатомъ демократической партіи, а стало быть, какія же либеральныя надежды можно возлагать на него, когда онъ будетъ избранъ благодаря демократамъ? Но вѣдь Шурцъ и впередъ долженъ же былъ понимать, что такое значить союзъ съ демократами. Онъ попался, но попался исключительно по своей винѣ; ничего новаго, непредвидѣннаго не произошло.

Наконецъ, состоялся 10-го іюля ожидаемый страной съ такимъ нетерпѣніемъ демократическій національный конвентъ въ Балтиморѣ. Кандидатура Грили, несмотря на его завязнутую борьбу противъ Юга, принята была демократами съ восторгомъ. Уже при первой баллотировкѣ, Грили получилъ огромное большинство 686 голосовъ противъ 38. Броунъ, кандидатъ на вице-президентство также получилъ большинство еще болѣе значительное (713 противъ 19). Балтиморскій демократическій конвентъ безъ всякой перемѣны принялъ „платформу“, постановленную на синсиннатскомъ либерально-республиканскомъ конвентѣ. Можно догадываться, насколько искренно будетъ желаніе коалиціи, поддерживающей Грили, чтобы программа эта была въ самомъ дѣлѣ исполнена имъ. Впрочемъ, нельзя же огуломъ осуждать и всю демократическую партію. Въ этой партіи есть люди нравственно чистые, которые вовсе не желаютъ возстановленія чего-либо похожаго на невольничество, а понимаютъ въ демократическомъ принципѣ именно только принципъ полнаго развитія федерализма, то-есть полномочія отдѣльныхъ штатовъ, полную ихъ самостоятельность и союзъ въ смыслѣ не принужденія, но именно въ смыслѣ союза, каковъ онъ былъ въ самомъ началѣ, когда штаты соединились для борьбы съ Англіею. Въ Грантѣ они видятъ представителя государственнаго единства обязательнаго, представителя централизаціи, опирающейся на фактъ побѣды вооруженной силою. Въ Грили, какъ онъ ни боролся противъ рабовладѣльческаго Юга, они видятъ карателя зла уже исчезнувашаго, и видѣтъ противника централизаціонной идеи, публици-

ста, который когда-то писалъ: „надѣюсь не дожить до такой республики, въ которой одни штаты будутъ приколоты къ другимъ посредствомъ штыковъ“.

Можно даже сказать, что и вся демократическая партія въ смыслѣ настоящей политической партіи, отказалась уже отъ мысли о поддержаніи невольничества, окончательно признала совершившійся фактъ и сознаетъ необходимость примиренія. Впрочемъ, далеко не всѣ демократы мирятся съ кандидатурою Грили. Вслѣдствіе провозглашенія ея на балтиморскомъ конвентѣ, часть демократической партіи рѣшила собраться на особый конвентъ, имѣющій собраться въ Луисвиллѣ, 3-го сентября, для избранія другого кандидата. До тѣхъ поръ въ шансахъ Грили, вѣроятно, и не произойдетъ важной перемѣны. Шансы его — какъ мы надѣемся, достаточно явствуютъ изъ предшествующаго — были слабы до принятія его кандидатуры балтиморскимъ конвентомъ. Съ тѣхъ поръ, кандидатура Грили стала серьезна и онъ представляется опаснымъ соперникомъ для Гранта. Но несомнѣнно, что шансовъ у Гранта все-таки больше, чѣмъ у Грили. Республиканская партія сама по себѣ сильнѣе другихъ и въ ней нѣтъ сомнѣнія, нѣтъ разлада насчетъ кандидата въ президенты. Другія партіи, правда, составили коалицію, но какъ то видно изъ борьбы, выдержанной кандидатомъ ея на самомъ синсиннатскомъ конвентѣ, изъ сдержаннаго нерасположенія нѣмцевъ, и сожалѣній Шурца, коалиція далеко не такъ крѣпко держится кандидатуры Ораса Грили, какъ республиканское большинство кандидатуры Улисса Гранта. Наконецъ, у Гранта есть еще тотъ шансъ, что въ случаѣ, если ни у одного изъ кандидатовъ не состоится на выборахъ въ „Electoral College“ законнаго большинства, то выборъ, по закону, будетъ сдѣланъ палатою представителей; а въ этомъ случаѣ избранъ будетъ Грантъ, потому что у него, какъ выше показано, большинство, если только республиканцы-реформисты не дадутъ и тамъ голосовъ вмѣстѣ съ демократами, на что они вѣроятно не рѣшатся, когда коалиція не удастся въ самомъ избирательномъ сословіи.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: сравнивая „платформу“, постановленную въ Синсиннати (принята и въ Балтиморѣ) съ „платформой“, поставленною въ Филадельфіи, нельзя не найти существеннаго сходства между открытыми требованіями всѣхъ партій и обѣщаніями обоихъ кандидатовъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, что политическія партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, существовавшія доселѣ, то-есть большая республиканская и большая демократическая партіи, партіи Сѣвера и Юга, утратили свою рельефную противоположность, потеряли, такъ сказать, одна по отношенію къ другой, свою главную причину бытія. Борьба аболіціонизма съ рабовладѣльчествомъ, вражда между Сѣверомъ и Югомъ должны ис-

чезнуть послѣ того, какъ вырванъ зловредный корень ихъ—невольничество. Прежнія партіи должны распасться и образовать новыя политическія группы, которыя будутъ стремиться къ осуществленію новыхъ, различныхъ цѣлей, но которыхъ общю, первой цѣлью должно быть примиреніе враждовавшихъ половинъ Союза и упроченіе могущества и благосостоянія великой республики.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

ГЕРМАНІЯ ПОСЛѢ ЗАКЛЮЧЕНІЯ МИРА.

Берлинъ 24/12 іюля.

Когда, 6-го іюля, французское національное собраніе приняло дополнителный трактатъ къ франкфуртскому миру, одна изъ здѣшнихъ газетъ напомнила, что ровно два года тому назадъ, также 6-го іюля, былъ данъ первый сигналъ къ войнѣ: сигналъ этотъ заключался въ извѣстномъ отвѣтѣ Грамона въ законодательномъ корпусѣ на возраженіи Кошери. „Франція не потерпитъ, сказалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, чтобы чужеземное государство, посадивъ принца своей династіи на тронъ Карла V, поколебало тѣмъ къ своей выгодѣ существующее политическое равновѣсіе Европы.“ Этимъ днемъ 6-го іюля начинаются всѣ записки и хроники о послѣдней войнѣ. Со времени же версальскаго предварительнаго договора прошло около полутора года, въ теченіи которыхъ Европа пользовалась невозмутимымъ миромъ, а Германія начала ощущать плоды своихъ усиленныхъ трудовъ и побѣдъ. Вотъ потому настоящій моментъ представляется наиболѣе удобнымъ, чтобы обозрѣть во всей полнотѣ движеніе послѣдняго времени и сдѣлать изъ него выводъ для будущаго. Мы живемъ въ самомъ дѣлѣ такъ быстро, что едва успѣваемъ оглядываться на прошлое: во всѣхъ сферахъ царитъ необычайная дѣятельность.

Надѣюсь, что меня не упрекнутъ, если я начну съ той сферы, въ которой дѣйствуетъ самъ князь Бисмаркъ, а именно съ дипломатической. Переговоры съ Франціей со времени версальскаго предварительнаго договора до послѣдняго дополнительнаго трактата представляютъ весьма почтенный сборникъ документовъ, достойныхъ изученія для дипломатовъ и государственныхъ людей. Наиболѣе краткій и ясный изъ этихъ документовъ, первый въ ряду, есть версальскій предварительный договоръ отъ 26 февраля 1871 года. Его 10 параграфовъ заключаютъ въ себѣ главныя основанія сдѣлки между Германіей и Фран-

ціей: уступка Эльзаса и большей части Лотарингіи, уплата 5-ти миллярдовъ контрибуціи, постепенное очищеніе французской территоріи отъ нѣмецкихъ войскъ и выдача плѣнныхъ. Относительно уплаты контрибуціи параграфъ 2-й гласитъ, что 1 миллярдъ долженъ быть выплаченъ въ теченіи 1871 года, остальные въ теченіи трехъ лѣтъ со времени ратификаціи настоящаго договора.“ Въ параграфъ 3-мъ определено, что по уплатѣ первыхъ двухъ миллярдовъ, вмѣсто занятія французскихъ провинцій нѣмецкими войсками, можетъ быть принята финансовая гарантія.

На основаніи параграфа 4-го, переговоры о мирномъ договорѣ въ окончательной формѣ должны были немедленно начаться въ Брюсселѣ. Извѣстно однако, что эти переговоры вначалѣ не двигались съ мѣста, и 24-го апрѣля князь Бисмаркъ выразился объ этомъ дѣлѣ въ рейхстагѣ весьма рѣзко, сказавъ, что французское правительство повидимому предается надеждамъ, спустя нѣсколько времени, когда оно болѣе окрѣпнетъ, получить другія условія, но что Германія не допуститъ никакихъ измѣненій въ предварительныхъ условіяхъ мира, клонящихся въ пользу Франціи. На слѣдующій день наступилъ срокъ уплаты части военной контрибуціи, и князь Бисмаркъ отправился въ Франкфуртъ для совѣщанія съ французскими уполномоченными Пуйе-Кертье и Гуляромъ о финансовыхъ вопросахъ. Противъ его ожиданій (по крайней мѣрѣ такъ онъ заявилъ въ засѣданіи рейхстага 13-го мая) во Франкфуртѣ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, былъ составленъ мирный договоръ въ окончательной формѣ, состоящій изъ 18-ти параграфовъ и 3 дополнительныхъ параграфовъ. Въ немъ былъ определенъ порядокъ выполненія предварительныхъ мирныхъ условій, разрѣшенъ желѣзно-дорожный вопросъ и нѣсколько измѣнены противъ предварительныхъ условій территоріальныя границы, а именно нѣмецкія владѣнія немного увеличены около Тіонвиля, французскія же расширены въ районѣ Бельфора. Относительно уплаты военной контрибуціи въ договорѣ определено, что 500 милліоновъ должны быть уплачены 30 дней послѣ сдачи Парижа, который въ то время былъ еще въ рукахъ коммуналистовъ, 1 миллярдъ въ теченіи года и пол-миллярда 1 мая 1872, остальное же до 2 марта 1874 г. Далѣе въ договорѣ определенъ порядокъ постепеннаго очищенія территоріи отъ нѣмецкихъ войскъ и въ параграфѣ 2-мъ оговорено такъ-называемое право свободнаго выбора (*Optionsrecht*): „французскіе подданные, родившіеся на земляхъ отошедшихъ къ Германіи, до настоящаго времени на нихъ проживающіе и желающіе сохранить свою національность, пользуются правомъ до 10 октября 1872 года,—сдѣлавъ предварительное заявленіе о томъ подлежащимъ властямъ,—переселиться во Францію, каковое право не можетъ быть нарушено закономъ о военной службѣ, отъ котораго они ограждены сохраненіемъ званія французскихъ гражданъ.“ 20-го мая стороны обмѣнялись ратификаціями этого договора

во Франкфуртѣ, и 21-го принято условіе, нѣсколько измѣняющее порядокъ уплаты перваго полуимилярда. 3 іюня германскій рейхстагъ принялъ законъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ германской имперіи, 13 октября были заключены въ Берлинѣ: дополнительная конвенція (convention additionnelle) и особая конвенція (Separatconvention); предметомъ первой было облегченіе пошлинныхъ сборовъ для торговли Эльзаса и Лотарингіи. Особая конвенція опредѣляла: очищеніе отъ нѣмецкихъ войскъ шести департаментовъ и сокращеніе оккупационной арміи до 5000 человекъ—со стороны Германіи;—уплата въ восемь сроковъ отъ 15 января по 1 мая 1872 года 500 милліоновъ военной контрибуціи и 150 милліоновъ процентовъ со стороны Франціи. 11 декабря заключена новая дополнительная конвенція, по которой право свободнаго выбора было продлено до 1 октября 1873 года; затѣмъ ею разрѣшалось множество мелкихъ требованій со стороны обоихъ правительствъ. Такъ какъ она не имѣла никакого политическаго значенія, то со стороны Германіи былъ уполномоченъ для переговоровъ не Бисмаркъ, а баварскій государственный совѣтникъ Веберъ. Новѣйшій трактатъ отъ 29 іюня заканчивается въ себѣ цѣлый рядъ документовъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ нему, я сдѣлаю одно замѣчаніе, которое само собою приходитъ въ голову. Никогда, насколько я могу припомнить, за окончаніемъ войны и мирнымъ трактатомъ не слѣдовало такого, почти непрерывнаго ряда различныхъ сдѣлокъ. Зная, что французы говорили непосредственно послѣ войны, всякое общеніе ихъ съ Германіей представлялось невозможнымъ: они платятъ контрибуцію, а можетъ быть и нѣтъ, и выжидаютъ удобнаго момента для отплаты. Подобные голоса раздаются и теперь во французской печати и въ обществѣ, но сила обстоятельствъ беретъ верхъ, и побѣжденный продолжаетъ переговариваться съ побѣдителемъ, желая достигнуть для себя той или другой выгоды. Два сосѣднія государства въ Европѣ не могутъ сохранять вѣчную непріязнь одно къ другому, они принуждены будутъ вернуться къ мирнымъ и пріязненнымъ отношеніямъ, потому что солидарность интересовъ такъ велика, что уравниваетъ почти различіе національностей и государствъ. Весь ходъ вещей послѣ войны такъ ясно это подтверждаетъ. Обратите вниманіе на биржи. Всякое затрудненіе во Франціи увлекаетъ за собой и берлинскую биржу, и даже неимовѣрная военная контрибуція можетъ послужить для Германіи источникомъ величайшихъ финансовыхъ опасностей, которыя правительство столь заботливо старается предупредить. Въ этомъ дѣлѣ оно находитъ поддержку во всей Европѣ, потому что всѣ государства, особенно же Англія, заинтересованы въ томъ, чтобы перемищеніе сразу столь громадныхъ суммъ, какъ контрибуція, не вызвало неожиданнаго кризиса. Въ этомъ заключается несомнѣнный прогрессъ, и если нельзя все-таки считать вѣрнымъ то, что Франція

отказалась отъ отплаты, то новая борьба будетъ сравнительно непродолжительна и въ концѣ концовъ уступить мѣсто мирнымъ интересамъ. Нельзя также не отдать справедливости германскому правительству, которое далеко не заносчиво вело себя относительно Франціи; тѣ французскіе государственные люди, которые принимали участіе въ переговорахъ: Фавръ, Тьеръ и Ремюза, вполне признали это. Въ самой Франціи, правда, раздаются еще частныя жалобы на поступки Германіи, особенно въ средѣ легитимистовъ и бонапартистовъ, но тамъ забываютъ, что въ 1815-мъ году нашествіе Франціи было гораздо хуже. Договоромъ 20-го ноября 1815-го года были сданы побѣдителямъ всѣ военныя позиціи въ сѣверо-восточной Франціи, оккупационная армія состояла изъ 150,000 человѣкъ и оставалась въ такомъ составѣ до ахенской конференціи, въ октябрѣ 1818-го года, когда наконецъ герцогъ Ришелье объявилъ отъ имени своего монарха, Людовика XVIII, что Франція болѣе не въ состояніи нести такой страшной тяжести, и территорія была очищена. О происхожденіи послѣдняго трактата (29-го іюня) „National Zeitung“ сдѣлала нѣсколько важныхъ достовѣрныхъ сообщеній, изъ которыхъ видно, что германское правительство показало большую готовность сдѣлать все, что можно для французскаго, и удовлетворилось бы даже одной финансовой гарантіей, но Тьеръ или не хотѣлъ, или не могъ на это пойти. Условія послѣдняго трактата настолько выгодны для Франціи, насколько можно только желать. Она достигла болѣе ранняго очищенія нѣсколькихъ департаментовъ и получила право отсрочить на годъ послѣднюю уплату, или заплатить раньше, какъ ей удобнѣе. Франція такъ быстро оправляется отъ тяжелыхъ ударовъ судьбы, что едва ли можно сомнѣваться въ болѣе ранней уплатѣ контрибуціи; вся сдѣлка имѣетъ характеръ мирнаго настроенія, потому что если бы Франція желала вести войну, то конечно по возможности отдалила бы срокъ послѣднихъ платежей и употребила бы свои деньги на вооруженіе.

Еще совсѣмъ недавно въ Берлинѣ, въ высшихъ военныхъ кружкахъ существовало мнѣніе, что новая война съ Франціей будетъ весьма скоро, черезъ годъ или два, но трактатъ 29-го іюня значительно поколебалъ это мнѣніе; можно сказать достовѣрно, что если не произойдетъ ничего неожиданнаго—напр., появленія Гамбетты во главѣ правленія—то пройдетъ еще много мирныхъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ Франція не можетъ, въ случаѣ войны, рассчитывать на союзничество ни съ какой стороны. Англія недовольна торговой политикой Тьера, Австрія и Италія тѣсно сблизились съ Германіей. Доказательствомъ близкихъ отношеній этихъ державъ къ Германіи служить пріѣздъ наслѣднаго принца итальянскаго Гумберта на крестины къ наслѣдному принцу прусскому и предположенное въ сентябрѣ посѣщеніе Берлина императоромъ Францемъ-Иосифомъ, съ супру-

гой и нѣсколькими министрами. Этому посѣщенію придаютъ здѣсь большое значеніе. Французская партія при вѣйскомъ дворѣ, весьма сильная еще въ 1870-мъ году, потеряла всякое вліяніе, вообще Австрія ясно поняла выгоду хорошихъ отношеній къ Германіи. Гораздо опаснѣе вліяніе клерикаловъ, которыхъ въ Австріи еще довольно. Австрійскіе нѣмцы торжествуютъ, взирая на мѣры, предпринятія германскимъ правительствомъ противъ іезуитовъ; эти послѣдніе уже начинаютъ выселяться изъ германской имперіи и наводняютъ собою Австрію, особенно Богемію.

Объясненіе съ Люксембургомъ (по поводу договора о тамошнихъ желѣзныхъ дорогахъ) и вновь подтвержденное при этомъ случаѣ признаніе нейтралитета этой страны—произвели хорошее впечатлѣніе.

Несмотря на столь благопріятное дипломатическое положеніе дѣлъ, здѣсь заняты, съ обычнымъ рвеніемъ, дѣломъ вооруженія, не желая отстать отъ Франціи, сильно озабоченной этимъ въ настоящее время. Мольтке, обыкновенно столь молчаливый, разоблачилъ недавно свою замѣчательную дѣятельность до начала послѣдней войны. Въ началѣ этого мѣсяца появился первый выпускъ исторіи нѣмцеко-французской войны, издаваемый военно-историческимъ отдѣленіемъ генеральнаго штаба. Въ этомъ выпускѣ говорится только о событіяхъ, совершившихся въ іюлѣ 1870-го года, и заключается одинъ документъ, имѣющій чрезвычайный интересъ, а именно мемуаръ, представленный генераломъ Мольтке зимою 1868—69 годовъ королю, въ которомъ изложенъ планъ дѣйствій, выполненный во время войны 1870-го года. Самое существенное въ немъ—знаменитая мобилизація. Мольтке предвидѣлъ два возможныхъ случая. Въ одномъ, французская армія въ 150,000 человѣкъ должна немедленно вступить на нѣмецкую территорію—въ этомъ случаѣ было бы невозможно воспрепятствовать нѣкоторымъ частнымъ успѣхамъ, въ другомъ—мобилизація всей французской арміи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Пруссія можетъ или предупредить французовъ, или же ожидать ихъ на границѣ. Раздѣленіе на три арміи, осуществленное во время войны, было предусмотрено въ этомъ мемуарѣ, вообще планъ мобилизаціи былъ разработанъ столь детально, что когда король 15-го іюля возвратился изъ Эмса въ Берлинъ и далъ согласіе на выступленіе, потребовалось только желѣзно-дорожному отдѣленію генеральнаго штаба выставить число перваго дня мобилизаціи на маршпутьхъ для каждой части войскъ и начать такимъ образомъ доставку войскъ на мѣста назначенія, доставку, совершенную съ такой пунктуальностью, которая возбудила удивленіе всего міра. Конечно этому содѣйствовало чрезвычайное рвеніе всѣхъ служащихъ, а также и счастье, безъ котораго никакое предпріятіе, будь оно еще мудрѣе задумано, не удастся. Что касается настоящей реорганизации французской арміи, то до сихъ поръ здѣсь не сочли нужнымъ усиливать наборъ (на что по-

требовался бы новый законъ, такъ какъ усиленный наборъ повлекъ бы за собой и усиленіе мирнаго состава арміи, а составъ этотъ опредѣляется конституціей въ 1 процентъ населенія по переписи 1867 года), численное же превосходство французской артиллеріи вынудило мѣру, вслѣдствіе которой количество полевой артиллеріи сразу было удвоено, именно каждый корпусъ вмѣсто *одной* артиллерійскаго полка будетъ имѣть *два*. Само собою разумѣется, что всякое дальнѣйшее увеличеніе французскихъ военныхъ силъ повлечетъ за собою соотвѣствующее же увеличеніе и германскихъ. Относительно вооруженія пѣхоты пока не пришли еще къ окончательному рѣшенію и думаютъ удовлетвориться нѣкоторыми усовершенствованіями, которыя сдѣланы въ игольчатыхъ ружьяхъ.

Засѣданія парламента окончились уже четыре недѣли тому назадъ. Эти засѣданія отличались плодотворностью и дѣятельностью, безпримѣрными въ лѣтописяхъ юной Германіи; было выработано много важныхъ законовъ, изъ которыхъ послѣдній, законъ о іезуитахъ наиболѣе важенъ въ политическомъ отношеніи; онъ принятъ палатой 19 іюня, 181 голосомъ противъ 93, послѣ многократныхъ, возникшихъ по поводу его разладовъ въ средѣ либеральной партіи. Такимъ образомъ, я снова добрался до вопроса, о которомъ говорилъ чуть ли не въ каждомъ изъ своихъ писемъ въ теченіи послѣдняго года, — до великой борьбы Германіи съ Римомъ. Но что же дѣлать? Всѣ пути приводятъ въ Римъ, дѣлайте въ Германіи теперь что хотите, и вы не избѣжите религіознаго вопроса, который есть жгучій вопросъ дня, и со дня на день становится все болѣе важнымъ, съ тѣхъ поръ какъ папа самолично выступилъ въ немъ борцемъ.

Папство было всегда врагомъ протестантской Пруссіи; оно съ замѣчательнымъ инстинктомъ предчувствовало опасность, угрожавшую ему отъ этого честолюбиваго и безпокойнаго государства. До 1787 года папы не признавали королей прусскихъ и называли ихъ марекграфами бранденбургскими. Въ прошломъ письмѣ я уже говорилъ о предшествовавшихъ событіяхъ. Изъ позднѣйшихъ наиболѣе важно заявленіе, сдѣланное папой въ наставленіи къ одному нѣмецко-католическому обществу чтенія въ Римѣ: *выпадетъ камушекъ, отъ котораго рухнетъ пьедесталъ колосса*. Подъ колоссомъ слѣдуетъ, по связи съ предшествовавшимъ, понимать германскую имперію. Трудно описать впечатлѣніе, вызванное этимъ откровеннымъ заявленіемъ ненависти къ Германіи. Газета „*Germania*“ пыталась смягчить выраженіе папы, утверждая, что онъ подразумѣвалъ не германскую имперію, а либерализмъ, но попытка ея не удалась, дѣло было слишкомъ ясно. Такое поведение папы глубоко огорчило всѣхъ сколько-нибудь разсудительныхъ католиковъ. Такъ, упорно ультрамонтанская газета „*Schlesische Zeitung*“ говоритъ объ этомъ фактѣ слѣдующее: „Пѣй, какъ папа, былъ вполнѣ

правъ и вынужденъ сказать то, что сказать". Но немного даѣе продолжаетъ: "...подобный ударъ изъ-за Альповъ отразится скорѣй на нѣмецкихъ католикахъ, чѣмъ на ихъ врагахъ, имъ онъ доставить гораздо болѣе ничѣмъ незаслуженнаго огорченія, чѣмъ ихъ врагамъ".

Это выраженіе неудовольствія интересно съ той стороны, что въ немъ въ первый разъ выставляется на видъ *среди* католиковъ, оставшихся вѣрными догмату непогрѣшимости, національное различіе между Римомъ и Германіей. Это различіе или точнѣе уклоненіе отъ духовнаго владычества Рима, какъ извѣстно, было гораздо болѣе важной причиной того раскола, который нѣмцы называютъ *реформацией*, чѣмъ *догматы*. Папа—вполнѣ итальянецъ, окруженный главнымъ образомъ итальянцами и мало знакомый съ германскимъ положеніемъ дѣлъ.

Это неизгладимое различіе, которое забывалось только въ тѣ моменты, когда кипѣли страсти, и есть основное начало старокатолицизма. Партія старокатоликовъ повидимому не сильна, но исторія показываетъ, что при существованіи здоровыхъ и плодотворныхъ принциповъ достаточно иногда случайности, чтобы мгновенно дать партіи обширное развитіе, принципы же старокатоликовъ весьма разумны. Ихъ коноводы составили недавно программу, изъ которой видны размѣры и направленіе реформъ, къ которымъ они стремятся. Главное ихъ стремленіе состоитъ въ возстановленіи стараго епископальнаго учрежденія въ противоположность настоящей, доведенной до крайности системы папства; такимъ образомъ, они стремятся перемѣстить церковную власть изъ центра периферіи, отъ личности папы въ соборъ, собраніе епископовъ. Они желаютъ возстановленія синодальнаго учрежденія, именно окружныхъ, провинціальныхъ и національных синодовъ (церковныхъ парламентовъ) такъ, чтобы на будущее время ни одинъ нѣмецкій епископъ не могъ отправиться на соборъ прежде, чѣмъ спорный пунктъ не былъ разрѣшенъ въ нѣмецкомъ національномъ синодѣ. Для осуществленія синодальнаго учрежденія они требуютъ введенія вновь избранія духовенствомъ и приходами епископовъ, съ ихъ прежнею независимостью и прежними правами. Такимъ образомъ, церковная власть должна раздѣлиться; папа между прочими епископами долженъ быть только какъ *primus inter pares*, а не абсолютнымъ владыкой надъ вассалами, какъ теперь. Для приданія прочности этимъ учрежденіямъ духовенство должно получать національное воспитаніе и священники избираться приходами. Этимъ способомъ духовенство снова тѣсно сблизится съ отечествомъ и паствою, не будетъ, какъ теперь, совершенно чуждымъ обществу и слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитской партіи, господствующей въ Римѣ.

Остается неразрѣшеннымъ вопросъ, достаточно ли сильна католическая церковь, чтобы вынести подобную реформу. Я мало въ это

вѣрю, и полагаю, что она должна остаться такой, какъ есть, и что она вообще идетъ совершенно въ разрѣзъ съ новѣйшими идеями. Силабусъ служить тому неопровержимымъ доказательствомъ. Движеніе это совершенно чуждо государству. Правительство не можетъ поддерживать его, оно можетъ только, что и сдѣлало, предоставить старокатоликамъ права наравнѣ съ тѣми, которыми пользовалась католическая церковь. Относительно закона противъ іезуитовъ также не должно слишкомъ увлекаться; іезуиты найдутъ средства и пути обходить его. Но изданіе этого закона положило начало для рѣшительныхъ дѣйствій министра просвѣщенія. Въ широкихъ размѣрахъ организованная инспекція и ревизія школъ предупредить не мало золъ, которымъ покровительствовало старое министерство; но недавно изданъ особенно важный приказъ, по которому членамъ духовныхъ конгрегацій и духовныхъ орденовъ воспрещается быть учителями въ общественныхъ народныхъ школахъ. Гдѣ есть школы, тамъ есть и будущность; эта старая, неопровержимая истина въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ была пренебрегаема либералами. Они полагали, да полагаютъ часто и теперь, что парламентъ, свобода печати и дешевая популярная литература, особенно распространяющая естественно-историческія свѣдѣнія, вполне достаточны, чтобы разсвѣять весь мракъ. Я это пережилъ и долженъ съ грустью сознаться, что подобное распространеніе образованія есть величайшее заблужденіе. Люди, не получившіе солиднаго школьнаго образованія и желающіе образовывать себя посредствомъ газетъ и дешевыхъ народныхъ книгъ, въ девяти случаяхъ изъ десяти дѣлаютъ тщетное усиліе, даже хуже: это приводитъ къ пустому чванству, безмѣрному самомнѣнію и презрѣнію ко всякимъ солиднымъ и серьезнымъ знаніямъ. Нѣмецкихъ ученыхъ нельзя больше упрекать въ педантизмъ, они умѣютъ въ настоящее время, не хуже англичанъ и французовъ, излагать свои мысли элегантно и популярно. Научно-популярная литература приняла большіе размѣры, но, несмотря на опасность прослыть ретроградомъ, повторяю, польза отъ нея, въ чемъ я убѣдился собственнымъ опытомъ, ничтожна. Образованный человѣкъ, правда, можетъ приобрѣсти такимъ образомъ познанія, которыхъ иначе не достигъ бы, но въ головѣ необразованнаго произойдетъ страшная путаница понятій. Въ большинствѣ случаевъ люди станутъ либеральнѣе и въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніяхъ, но этотъ либерализмъ ненадеженъ, и не разъ уже происходили величайшіе перевороты во мнѣніяхъ массы. Тѣмъ временемъ враги просвѣщенія идутъ своимъ путемъ и воспитываютъ въ монастыряхъ, школахъ, обществахъ поколѣніе, которое какъ будто принадлежитъ другому вѣку, другому міру, которое свѣтскій міръ презираетъ или, самое большое, удостаиваетъ сожалѣнія. Оба потока идутъ параллельно. Берлинскія сатирическія газеты, расходящіяся

въ общей сложности больше, чѣмъ въ ста тысячахъ экземпляровъ, въ каждомъ номерѣ осыпаютъ папу всевозможными насмѣшками. Это очень нравится ихъ единомышленникамъ, но можно сказать достоверно, что насмѣшки надъ папой не отняли у него ни одного изъ его лицемѣрныхъ приверженцевъ. Характеръ людей обуславливается на всю жизнь воспитаніемъ, получаемымъ въ молодости, и слѣды этого воспитанія сохраняются даже у тѣхъ, которые считаютъ, что вполне отъ него освободились. Католическая церковь поняла это хорошо: увеличеніе числа учителей и учительницъ изъ духовнаго сословія возрастаетъ съ быстротой. Въ 1856-мъ году, министерскимъ указомъ допущены въ Пруссіи учительницы изъ духовнаго сословія, такъ-называемыя *Schulschwestern*; десять лѣтъ спустя число ихъ достигло въ Рейнскихъ провинціяхъ 1146, въ Вестфалии 446, теперь же ихъ гораздо больше. Эти монахини-учительницы, принадлежащія непремѣнно къ какому-нибудь ордену, находятся въ полной зависимости отъ своего духовнаго начальства и подъ вліяніемъ того направленія, которое господствуетъ въ Римѣ. Такое усердіе ультрамонтанизма было бы невозможно, еслибы правительство не поощряло его и еслибы въ области евангелическаго воспитанія не господствовало то же самое. Это направленіе было установлено, какъ извѣстно, регламентами 1854 года, которыми была сокращена программа преподаванія въ народныхъ школахъ и уменьшенъ цензъ знанія для учителей. Новый министръ просвѣщенія созвалъ въ прошломъ мѣсяцѣ комиссію изъ специалистовъ и членовъ парламента для обсужденія новой организаціи народныхъ школъ. Въ этой комиссіи участвовали представители различныхъ направлений, самъ же министръ оставался нейтральнымъ; по окончаніи работъ комиссіи, настоящій виновникъ „регламентовъ“, тайный совѣтникъ Шталь, защищавшій ихъ въ конференціи, взялъ отпускъ, который сочтенъ за первый шагъ къ совершенному его удаленію. Такъ исчезаютъ одинъ за другимъ поборники старой реакціонной системы, но пройдутъ еще годы, пока измѣненная система принесетъ плоды.

Законъ о надзорѣ за училищами положилъ конецъ господству церкви надъ школой; государство и церковь, до крайности враждебно настроенныя другъ противъ друга, готовы помѣряться силами; необходимымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ такого разлада будетъ узаконеніе гражданскаго брака. Вслѣдъ за принятіемъ закона объ іезуитахъ рейхстагу предложена была *резолуціи* Фѣльба, въ которой выражена надежда на возможно скорое внесеніе въ палату проекта закона о гражданскомъ бракѣ, и резолюція эта была принята громаднымъ большинствомъ.

Въ своихъ прежнихъ корреспонденціяхъ я старался изобразить дѣйствія либеральныхъ экономическихъ законоположеній, немислимыхъ

безъ политической свободы, но вліяющихъ съ своей стороны на развитіе ея. Политическая свобода значительно преуспѣваетъ, и еслибы либеральная партія могла только рѣшиться не дѣлать обыкновенной оппозиціи противъ бюджета арміи, то ничто больше не заслоняло бы дорогу правильному ходу парламентарной системы. Еще существуетъ, правда, много законовъ, завѣщанныхъ временемъ реакціи; такъ до сихъ поръ не удалось еще провести отміну газетныхъ штемпелей, или добиться допущенія присяжныхъ при политическихъ процессахъ, но идеи народа значительно измѣнились и законоположеніе должно идти въ уровень съ ними. Переѣзна возрѣвній выразилась также и въ средѣ парламента. Старо-консервативная партія, извѣстная подъ именемъ партіи „Крестовой Газеты“, господствовавшая въ Пруссіи со времени усмиренія революціи 1848 до 1858, неограничено властвовавшая въ палатѣ господъ и составлявшая большинство въ палатѣ депутатовъ, окончила свое существованіе: она насчитываетъ всего нѣсколько представителей. Причина столь быстро крушенія прежде столь могущественной партіи заключается въ ложной и непрактичной программѣ ея. Въ сущности партія эта была не консервативная, а негативная, потому что она занималась только отрицаніемъ всего, что было вызвано къ жизни 1848-мъ годомъ; она тратила всѣ свои силы на жалкую работу пересмотра конституціи, выкидывая изъ нея все, что только казалось ей сколько-нибудь либеральнымъ, въ остальномъ же она вполнѣ полагалась на правительство, армію и полицію. Последнимъ вздохомъ этой партіи былъ внутренній конфликтъ въ 1862—66-мъ годахъ, по окончаніи котораго она сама собою распалась. Она проповѣдывала тѣсный союзъ съ Австріей, осуждала завоевательную политику, проповѣдывала сближеніе католическаго и евангелическаго православія, но на дѣлѣ свершилось все какъ разъ противъ ея желаній и къ тому же совершенно было чуждымъ, который былъ гордостью этой партіи. Отношенія ея къ Бисмарку становились все хуже, и когда она стала слишкомъ любезно заигрывать съ ультрамонтанами, послѣдовалъ окончательный разрывъ. Положеніе Бисмарка было весьма щекотливо, потому что абсолютно невозможно опираться на либеральныя партіи и считать консервативную правильной оппозиціей. Въ Англіи это случалось не разъ, но въ Германіи не то; здѣсь до сихъ поръ консервативная партія поддерживала даже либеральное министерство (министерство графа Шверина), считая своей обязанностью поддерживать вообще правительство. Въ парламента произошло не менѣе существенное преобразованіе консервативной партіи. При своемъ образованіи въ 1848-мъ году, партія состояла изъ мелкопомѣстнаго дворянства старо-прусскихъ провинцій, старо-лютеранскихъ священниковъ, нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ, реакціонеровъ по привычкѣ или по убѣжденію, и немногихъ молодыхъ, примкнувшихъ къ партіи

съ расчетомъ сдѣлать карьеру. Офицерство, большею частью изъ мелкихъ дворянъ, также принадлежало къ консервативной партіи. Громадный промышленный переворотъ и политическое расширеніе Германіи многое измѣнили. Мелкое дворянство потеряло то значеніе для государства, которымъ пользовалось 20 лѣтъ тому назадъ, явились свѣжія силы; армія перестала составлять его достоиніе; офицерство стало столь многочисленно, что дворянства не хватало для пополненія его состава, пришлось всѣмъ высшимъ классамъ общества принять въ немъ участіе. Еще въ пятидесятыхъ годахъ офицерство носило какой-то своеобразный, если можно такъ выразиться, бранденбургскій отпечатокъ и влялось и божилося Шталемъ, Герлахомъ и „Крестовой Газетой“. Теперь это измѣнилось, какъ отъ прилива новаго элемента, такъ и вслѣдствіе опыта трехъ послѣднихъ войнъ, вообще же вслѣдствіе болѣе свободной политической жизни. Офицеръ приобрѣлъ болѣе свободный, широкій взглядъ, и изъ юнкера сдѣлался джентельменомъ. Больше не въ модѣ раздѣлять политическіе взгляды „Крестовой Газеты“, такъ какъ она попала въ немилость у Бисмарка, и офицеръ имѣетъ свое собственное свободное сужденіе о политическихъ дѣлахъ, хотя и выражаетъ его вообще съ осторожностью. Старо-лютеранскіе священники остались конечно тѣмъ же, чѣмъ и были, но они слишкомъ заняты проклинаніемъ своихъ вольнодумныхъ собратовъ, каковы Сидовъ и Лиско, чтобы имѣть время заниматься расширеніемъ своего вліянія, которое въ сущности никогда не было значительнымъ. Между чиновниками, прежніе приверженцы консервативной партіи если не умираютъ, то понемногу удаляются съ арены дѣятельности. Во всякомъ случаѣ въ консервативномъ элементѣ недостатка въ странѣ нѣтъ, недостаетъ только общаго интереса, связи. Преобразование и созданіе новой консервативной партіи составляетъ заботу князя Бисмарка и его фамулуса тайнаго совѣтника Вагенера, проектировавшаго даже программу новой „монархическо-конституціонной партіи“, которая однако дальше проекта не пошла.

Ближайшая къ старо-консервативной партіи есть партія, носящая названіе либерально-консервативной въ палатѣ депутатовъ и германской имперской въ рейхстагѣ. Она отличается весьма консервативными принципами, хотя и не шлоды Штала-Герлаха. Эта партія очень мала и состоитъ главнымъ образомъ изъ крупныхъ силезскихъ землевладѣльцевъ. Она считаетъ себя способной къ управленію и рассчитываетъ (можетъ быть не безъ основанія), съ перемѣной системы, занять министерскіе посты.

Большинство населенія въ городахъ либерально, и имъ-то пополняются обѣ большія партіи: *прогрессивная* и *національно-либеральная*, изъ которыхъ первая въ началѣ шестидесятыхъ годовъ достигла высшаго предѣла своего могущества, - но съ тѣхъ поръ пришла въ

унадохъ и насчитываетъ всего 44 члена въ рейхстагѣ. Национально-либеральная партія самая значительная по численности, но между ея крайними правой и лѣвой сторонами столь громадное различіе въ политическихъ принципахъ, что она угрожала уже нѣсколько разъ распаденіемъ и врядъ ли избѣжить этой участи при первомъ кризисѣ. Объ ультрамонтанахъ умолчу, такъ какъ положеніе ихъ достаточно извѣстно. Изъ сказаннаго выходитъ, что послѣ распаденія старо-консервативной партіи не образовалось ни одной органической партіи. Я разумѣю, подъ этимъ такую, которая бы имѣла связи въ странѣ на основаніи общихъ интересовъ, то-есть была бы необходимою. Избиратели національно-либеральныхъ и прогрессивныхъ депутатовъ выбираютъ обыкновенно не ради матеріальныхъ интересовъ, но ради желанія выразить свои политическіе взгляды и имѣть представителей ихъ въ парламентѣ. Избраніе болѣе умѣренныхъ національно-либераловъ или болѣе радикальныхъ прогрессистовъ зависитъ обыкновенно отъ массы случайностей. А потому нельзя сказать съ увѣренностью, какова будетъ комбинація партій при слѣдующихъ выборахъ; но пока національно-либералы въ существенномъ будутъ согласны съ правительствомъ, большинство останется конечно за ними. Они проводятъ слѣдующій принципъ: способствовать по возможности либеральному направленію новыхъ законоположеній, но, если невозможно провести закона въ желаемомъ смыслѣ, то не доводить дѣло до разлада съ правительствомъ—таково мнѣніе большинства населенія. Образование новыхъ партій сдѣлается возможнымъ только тогда, когда новые порядки войдутъ въ жизнь. Самоуправленіе разовьетъ политическія понятія въ деревняхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явится сознаніе зависимости собственныхъ интересовъ отъ парламентскаго представительства. Такое сознаніе поведетъ къ хорошимъ выборамъ, а безъ хорошаго выбора невозможно и хорошее представительство страны. Пока дѣятельность партій еще недостаточно широка, чтобы установить столь плодотворное взаимное вліяніе между парламентомъ и страной; этому препятствуетъ и то обстоятельство, что страна находится въ переходномъ положеніи, а обстоятельства вынуждаютъ спѣшить необходимыми реформами въ законоположеніяхъ. Многое должно измѣниться со смертью императора Вильгельма, потому что его старыя годы и счастье дѣйствуютъ чарующимъ образомъ на людей, и, что можетъ бы еще важнѣе, всякій стыдится нарушить покой старца. Отъ ультрамонтановъ нельзя ожидать серьезной опасности. Стоитъ только правительству показать себя рѣшительнымъ относительно ихъ и они сейчасъ запоятъ другую пѣсню. Соціальный вопросъ опаснѣе, хотя въ данную минуту социалисты-демократы совсѣмъ притихли. Но два обстоятельства указываютъ на существующую опасность: во-первыхъ, громадное выселеніе, и во-вторыхъ, недоста-

токъ квартиръ, не только въ Берлинѣ, но и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ. Выселеніе происходитъ главнымъ образомъ изъ провинцій Помераніи и Пруссіи, наименѣе населенныхъ во всемъ прусскомъ государствѣ; тамъ и сямъ уже замѣчается недостатокъ рабочихъ рукъ. Тщательныя изслѣдованія этого факта согласны между собой въ томъ, что причиной выселенія служатъ высокіе налоги и страхъ военной службы. Въ теченіи восьми лѣтъ Пруссія имѣла три войны, и многіе должны были участвовать во всѣхъ трехъ; уже два раза по крайней мѣрѣ приходилось отрывать отъ мирныхъ занятій. Матеріальныя потери этихъ людей громады, государство же не даетъ имъ никакого или почти никакого вознагражденія. Такое положеніе дѣлъ не можетъ поощрять, а потому нельзя и претендовать на то, что люди переселяются въ Америку, гдѣ не предвидится войны, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Такая причина переселенія приводится, совершенно откровенно, не демократами, а вполне консервативными людьми, и правительству слѣдуетъ обратить на этотъ фактъ побольше вниманія. Вѣрить въ то, что виною всему агенты, соблазняющіе людей къ переселенію, нельзя. Впрочемъ почти несомнѣнно, что католическое духовенство способствуетъ выселенію, хотя цѣль его не ясна, потому что если ультрамонтаны помышляютъ предпринять борьбу съ германской имперіей, съ расчетомъ на успѣхъ, зачѣмъ же имъ отсылать своихъ поборниковъ въ Америку. Или, можетъ быть, они считаютъ борьбу безнадежной?

Вамъ уже конечно извѣстно о квартирномъ бѣдствіи, постигшемъ Берлинъ, благодаря недостатку квартиръ. Я намѣренъ поговорить о настоящихъ причинахъ этого явленія и объ его отношеніи къ социальнымъ вопросамъ. Реакціонеры необыкновенно какъ легко относятся къ нему. Причина этого явленія заключается, по ихъ мнѣнію, въ дарованной свободѣ переселенія, и устранить его можно лишь уничтоженіемъ этого права. Съ такой же легкостью относятся къ нему и политико-экономы манчестерской школы, которые утверждаютъ, что квартирный вопросъ является слѣдствіемъ притока населенія къ городамъ и что это явленіе носитъ въ самомъ себѣ элементы для своего устраненія, такъ какъ недостатокъ въ квартирахъ вызоветъ обратное явленіе: переселеніе изъ городовъ, что, поэтому, государству нечего вмѣшиваться въ это дѣло. О реакціонерахъ не стоить разсуждать, тѣмъ болѣе, что никто и не думаетъ объ ограниченіи свободы переселенія, этомъ естественномъ правѣ людей. Но заблужденіе послѣдователей манчестерской школы гораздо серьезнѣе. Приливъ населенія къ большимъ городамъ составляетъ безспорный фактъ, но онъ обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ городахъ легче найти себѣ заработокъ, такъ какъ въ нихъ больше спроса на рабочія руки. Рабочее населеніе, приливающее къ горо-

дамъ, приносить пользу не только себѣ, но и интересамъ національнаго хозяйства, ибо приходитъ туда, гдѣ его трудъ всего нужнѣе, а слѣдовательно и всего полезнѣе. Итакъ, вопросъ очевидно вовсе не въ томъ: слѣдуетъ ли рабочему, который нашелъ работу, но не нашелъ квартиры, переселяться обратно изъ города? но въ томъ: слѣдуетъ ли изгонять изъ города рабочаго, который нашелъ работу, но не находитъ квартиры? Тутъ уже очевидно, что наносится ущербъ не одному только рабочему, но и общему благосостоянію. Что недостатокъ въ квартирахъ производится не однимъ только приливомъ населенія, ясно доказывается тѣмъ, что въ прежнія времена населеніе Берлина возрастало еще съ большей быстротой, чѣмъ теперь, а между тѣмъ недостатка въ квартирахъ не проявлялось. Это послѣднее явленіе порождается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что постройка домовъ происходитъ несоразмѣрно съ приливомъ населенія, и въ настоящую минуту неправильность отношенія между первой и вторымъ особенно велика вслѣдствіе того, что множество старыхъ домовъ куплено новыми владѣльцами, которые приступили къ перестройкѣ ихъ; а благодаря этому обстоятельству дома эти не могутъ быть обитаемы въ теченіи полугода, и даже цѣлыхъ трехъ четвертей года.

Для того, чтобы вполне очертить положеніе дѣлъ въ Германіи, слѣдуетъ коснуться, хотя бы слегка, того фазиса, какой переживаетъ стремленіе къ единству. Въ этомъ отношеніи ничего не произошло особенно выдающагося, и нельзя подмѣтить ни единого симптома, который далъ бы право заключить о томъ, что въ этомъ отношеніи совершается обратное движеніе. Союзный совѣтъ работалъ въ теченіи цѣлой длинной и богатой событіями сессіи, и въ средѣ его ни разу не возникло столеновенія. Единственный разъ, когда дѣло доходило, казалось, до этого — когда обсуждался масштабъ для распределенія французской военной контрибуціи — Пруссія уступила желаніямъ своихъ союзниковъ. Въ важнѣйшихъ законодательныхъ трудахъ, какъ, напр., при составленіи уголовного военного кодекса и законовъ, которые направлены противъ захватовъ власти со стороны ультрамонтановъ, царствовало полнѣйшее согласіе. Уполномоченный княжества Рейссъ старшей линіи (оно имѣетъ 5 квадратныхъ миль и 4400 жителей) вотировалъ противъ закона объ изгнаніи іезуитовъ, конечно къ великому удовольствію имперскаго канцлера, который охотно выставляетъ на глаза міру, что даже мельчайшіе союзники пользуются независимостью. Въ маленькихъ государствахъ средней Германіи раздаются частныя жалобы на новый порядокъ вещей, потому что этимъ государствамъ приходится платить чрезвычайно высокіе налоги для поддержанія своихъ дворовъ и многочисленныхъ чиновниковъ. Этимъ государствамъ было бы рѣшительно пріятнѣе, еслибы они были

окончательно присоединены къ Пруссіи. Въ ганзейскихъ городахъ царствуетъ весьма дружеское настроеніе относительно Пруссіи и амальгамация происходитъ постепенно, хотя прежняя форма еще и остается. Само собой разумѣется, что князь Бисмаркъ теперь, какъ и прежде, уклоняется отъ уніонистскихъ стремленій, потому что ничтожнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи могъ бы встревожить союзниковъ. Въ Вюртембергѣ и Баденѣ не произошло никакихъ перемѣнъ. Въ Баваріи, со времени смерти графа Гегенберга снова воцарилась какая-то система колебаній, но побѣды со стороны партікуляристско-ультрамонтанской партіи никакъ нельзя опасаться. Въ Эльзасѣ - Лотарингіи все ближе и ближе подходитъ моментъ перваго рекрутскаго набора. Извѣстія о настроеніи населенія весьма разнорѣчивы, и я не берусь произнести объ этомъ какого бы то ни было рѣшенія. Но во всякомъ случаѣ отношеніе къ новому порядку дѣлъ проявится всего яснѣе во время набора: тѣ, которые не уклонятся отъ набора посредствомъ переселенія во Францію, во всякомъ случаѣ рѣшились значить сдѣлаться нѣмцами.

О какомъ-либо развитіи изящныхъ искусствъ и литературы, въ особенности поэзіи, я все еще ничего не могу сообщить вамъ. Драматическое творчество почти совсѣмъ оскудѣло и ничего не даетъ, за исключеніемъ незначительныхъ водевилей и комедій. Въ этомъ отношеніи Франція до сихъ поръ остается источникомъ, изъ котораго должны черпать нѣмецкія сцены, если не хотятъ загдохнуть окончательно, такъ какъ нельзя же вѣчно смотрѣть на классическія пьесы. Въ поэзіи не проявилось ни одного новаго таланта, а старые не дали ни одного замѣчательнаго произведенія. Изъ беллетристовъ одинъ только Поль Гейзе издалъ новый трудъ, а именно романъ, первый, который выходитъ изъ-подъ пера этого писателя. Романъ называется „*Kinder der Welt*“ и печатается въ Спенеровой газетѣ, которая съ тѣхъ поръ, какъ перешла въ руки акціонерной компаніи, приняла совершенно новую форму и совсѣмъ позабыла о старомъ „дядюшкѣ Спенерѣ“, бывшемъ лейбъ-органомъ берлинскихъ тайныхъ совѣтниковъ, и имѣла честь (которая, впрочемъ, перешла и на обновленный органъ) видѣть короля во главѣ своихъ абонентовъ и читателей. Образованныхъ людей въ Германіи волнуетъ извѣстіе о томъ, что Густавъ Фрейтагъ окончилъ романъ, который долженъ выдти осенью и носить заглавіе: „*Der Kaufmann*“. Первый романъ Густава Фрейтага „*Soll und Haben*“ принадлежитъ несомнѣнно къ числу лучшихъ новѣйшихъ нѣмецкихъ романовъ, равно какъ произведеніе Фрейтага „*Journalisten*“ принадлежитъ къ числу лучшихъ нѣмецкихъ комедій. Они появляются постоянно въ новыхъ изданіяхъ, и молодые писатели постоянно черпаютъ изъ нихъ матеріалъ. Третье произведеніе его, появившееся года два тому назадъ, „*Die verlorne Handschrift*“ слабо, сравнительно съ

двумя первыми мастерскими произведениями, но имѣло успѣхъ въ свое время, вслѣдствіе отсутствія болѣе замѣчательныхъ произведеній.

Уже война 1866 г. возбудила мысль о водруженіи гигантской побѣдной колонны, которую предполагалось выставить на королевской площади въ Тиргартенѣ. Но выполненіе этого проекта шло такъ медленно, что война 1870 г. застала его еще невыполненнымъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было воздвигнуть монументъ въ память обѣихъ войнъ и въ проектѣ произведены были нѣкоторыя измѣненія. Монументъ состоитъ изъ колоссальной колонны, украшенной пушками, на верхушкѣ которой, по всей вѣроятности, водрузится большой орелъ. До сихъ поръ еще колонна, свободная пока отъ всякихъ украшеній, имѣетъ довольно безобразный видъ, и берлинцы прозвали ее „побѣдой спаржей“, быть можетъ съ досады на то, что въ прекрасномъ саду вырублено пропасть красивыхъ деревьевъ, съ цѣлью устройства аллеи, которая бы вела къ памятнику.

Статуя Шиллера, поставленная на площади передъ королевскимъ театромъ, возбуждала вначалѣ великія похвалы, но затѣмъ настроеніе публики измѣнилось, и статуя находитъ злѣйшихъ критиковъ, которые осуждаютъ ее безпощадно. Критики порицаютъ даже „снѣжную бѣлизну“ изображенія поэта; какъ будто бы мраморъ могъ быть иного цвѣта, кромѣ бѣлаго. Я воздержусь отъ произнесенія каковаго-либо приговора. По моему, статуя не настолько прекрасна, насколько ее прославили въ первую минуту почитатели и друзья художника, и не настолько плоха, насколько о томъ кричатъ ея порицатели. Быть можетъ, современемъ найдутъ, что это весьма порядочный монументъ, лучше многихъ изъ тѣхъ, которые не прославляютъ военную силу, потому что въ Пруссіи до сихъ поръ искусство всего болѣе прославляетъ дѣянія государей и фельдмаршаловъ. Мы живемъ еще въ желѣзномъ вѣкѣ.

Общій нѣмецкій національный памятникъ открытъ 9-го чис. настоящаго мѣсяца въ Нассау, въ честь барона фонъ-Штейна. Памятникъ этотъ заключается въ статуѣ, представляющей совершенный и весьма удачный портретъ чествуемаго государственнаго чловѣка и патріота. Она вышла изъ-подъ рѣзца художника Іоганна Пфуля. По словамъ лицъ, присутствовавшихъ при открытіи памятника, баддахинъ, подъ которымъ стоитъ памятникъ, производитъ непріятное впечатлѣніе, чему я охотно вѣрю, такъ какъ статуя, стоящая не внутри зданія, должна быть открыта со всѣхъ сторонъ. Вообще празднество отличалось исключительно политическимъ характеромъ, потому что король, королева и крон-принцъ присутствовали на немъ (но изъ другихъ государей нѣмецкихъ страннымъ образомъ никого не было).

Германскій рейхстагъ имѣлъ представителя въ лицѣ своего президента Симсона, который считается однимъ изъ самыхъ классиче-

скихъ ораторовъ Германіи. Рѣчи Симсона замѣчательны, какъ по своей формѣ, такъ и по содержанію. Симсонъ всегда серьезенъ, исполненъ чувства собственнаго достоинства, нѣсколько патетиченъ и всегда высказываетъ въ рѣчахъ по меньшей мѣрѣ одну замѣчательную мысль. Собственно торжественную и приспособленную къ торжеству рѣчь произнесъ профессоръ Гейнрихъ фонъ-Зибель изъ Бонна, знаменитый историкъ, который воспользовался случаемъ, чтобы косвенно похвалить стойкость императора въ борьбѣ съ ультрамонтанствомъ.

Вы конечно помните о картинѣ Ганса Макарта, возбудившей столько шума и о которой я упоминалъ въ прежнихъ письмахъ: „Семь смертныхъ грѣховъ или моровая язва во Флоренціи“. Онъ самъ далъ своей картинѣ это двойное названіе, и могъ встать это сдѣлать, потому что сюжетъ въ ней не былъ достаточно опредѣленный и картина отличалась главнымъ образомъ яркостью красокъ. Что Макартъ умѣетъ придавать такой колоритъ своимъ произведеніямъ, какой быть можетъ невиданъ со временъ Тиціана, въ этомъ нельзя было сомнѣваться уже послѣ этой первой картины. Рядомъ съ его картиной другія, весьма хорошія картины, кажутся сѣрыми, но критики не долго думая порѣшили, что у Макарта есть только гений распущенности и что изъ него ничего никогда не выйдетъ. Между тѣмъ австрійскій императоръ подарилъ своимъ расположеніемъ художника, который живетъ въ Вѣнѣ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и въ прошломъ году выступилъ съ новой картиной, которую онъ нарисовалъ для столовой графа Пальфи и назвалъ „*Abundantia*“. Въ этой картинѣ уже замѣчался большой успѣхъ въ смыслѣ ясности концепціи, причѣмъ нѣсколько не пострадало ни богатство фантазій, ни роскошь красокъ. Но настоящій триумфъ заслужила выставленная здѣсь художникомъ картина „*Сонъ въ лѣтнюю ночь*“. Онъ изобразилъ сначала этотъ сюжетъ на занавѣси новаго театра Гейнриха Лаубе въ Вѣнѣ и затѣмъ нарисовалъ его въ размѣрахъ обыкновенной картины. Художнику вполне удалось передать на полотнѣ все волшебство чудной фантазій Шекспира. Нельзя себѣ представить ничего очаровательнѣе луннаго сіянія свѣта, которое переливается, трепещетъ въ листьяхъ деревьевъ и серебрить воду, какъ тѣло Титанія и легкихъ эльфовъ. Къ сожалѣнію, художника, или скорѣе г. Лаубе постигло несчастье: занавѣсь, который былъ снабженъ покрывкомъ, для предохраненія его отъ пожара, со всѣмъ пострадалъ отъ него.

Долгое время здѣсь былъ выставленъ циклъ картинъ Швиндта „*Прекрасная малютка*“ возбуждала восторгъ публики. Швиндтъ, прославившійся иллюстраціями старыхъ нѣмецкихъ сказокъ, обладалъ двумя удивительными свойствами: какой-то меланхолической чертой и какимъ-то жесткимъ цѣломудріемъ, которыя придавали его картинамъ, и въ особенности Прекрасной Мелюзинѣ совершенно особенную пре-

лесть. Эта водяная нимфа, желавшая испытать человеческую жизнь съ ея горемъ и радостями, сохраняетъ во всѣхъ фазисахъ своего земного существованія нѣчто таинственное, присущее ея происхожденію. Особенно выразительны начало и конецъ цикла: на обѣихъ картинахъ представленъ источникъ, въ которомъ живетъ Мелюзина. Онъ вытекаетъ изъ скалы, на которой художникъ прихотливо выставилъ надпись: *Fontes Melusinae*. Задумчиво сидитъ на обѣихъ картинахъ нимфа, на первой пытливо всматриваясь въ неизвѣстное будущее, а на второй созерцая кроткое прошлое своего земного существованія. Передъ ней проносится рядъ мечтаній, которыя переживаетъ всякій смертный, хотя и не въ столь поэтической формѣ. Почитатели Швиндта старались побудить здѣшнихъ друзей искусства купить циклъ его картинъ, но это имъ не удалось. Цѣна—2000 талеровъ была, конечно, несоразмѣрно высока, но что значить 2000 талеровъ для биржевиновъ и спекулянтовъ, которые часто въ какихъ-нибудь полчаса зарабатываютъ столько. Такъ казалось бы по крайней мѣрѣ, но на этотъ разъ никто изъ нихъ не пожелалъ раскошелиться, и прекрасная Мелюзина должна покинуть Берлинъ, не найдя себѣ почитателя. Я полагаю также, что ей было бы не по себѣ на этой непроходимо-прозаической почвѣ.

К.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ораторское искусство въ Россіи.

Рѣчи, произнесенныя *М. П. Погодинымъ* въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ, 1830—1872. Москва. 1872. (Сочиненія М. П. Погодина. Томъ III).

Еслибъ г. Погодинъ не подарилъ читателей огромнымъ томомъ своихъ рѣчей, занимающихъ 622 страницы, хотя и крупнаго прифта, то едвали многіе знали бы, что нашъ маститый историкъ принадлежитъ въ числу наиболѣе плодovitыхъ русскихъ ораторовъ. Въ теченіи сорока лѣтъ слишкомъ онъ произнесъ множество рѣчей „въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ“, какъ онъ выражается; онъ говорилъ съ университетской кафедрѣ, въ Академіи Наукъ, въ Обществѣ Любителей Русскаго Слова, въ дворянскомъ собраніи, въ земскомъ собраніи, за обѣдами, послѣ обѣдовъ, за ужинами и послѣ ужиновъ, за завтраками, въ пріятельскомъ кружкѣ, въ гостяхъ и у себя дома, на кладбищахъ,

на юбилеяхъ, послѣ панихидъ, и проч. и проч. Намъ больше всего удивляетъ не то обстоятельство, что г. Погодинъ въ теченіе своей многолѣтней жизни такъ часто и такъ много говорилъ рѣчей, и не то, что онъ имѣлъ терпѣніе всѣ свои рѣчи записывать, но то, что онъ всѣ ихъ напечаталъ. Знаменитые европейскіе ораторы, приступая къ изданію своихъ рѣчей, обыкновенно отбрасываютъ многое множество изъ сказаннаго ими при разныхъ случаяхъ и печатаютъ лишь то, что имѣетъ литературное или политическое значеніе; этотъ обычай такъ укоренился, что едва ли можно найти изъ него исключеніе. Выступая передъ публикою въ печатной книгѣ, всякій ораторъ показываетъ лишь то, что достойно, по его мнѣнію, печати и вниманія публики. Обычай этотъ заключаетъ въ себѣ извѣстную долю уваженія къ публикѣ, какъ обычай являться въ собраніяхъ не въ халатѣ, а въ приличной одеждѣ. Г. Погодинъ не держался этого пріема, потому ли, что наше краснорѣчіе вообще бѣдно, что случаи для произнесенія рѣчей чрезвычайно рѣдки и что, поэтому, всякое лыко годится въ строку, въ особенности, если оно принадлежитъ человѣку столь извѣстному, какъ нашъ авторъ, или потому что на всѣхъ произведеніяхъ г. Погодина лежитъ отпечатокъ небрежности, поспѣшности, однимъ словомъ, если можно такъ выразиться, отпечатокъ халатности и что этотъ отпечатокъ сказался и въ издательскомъ поступкѣ. Вопросъ этотъ рѣшить мудрено въ виду такихъ напечатанныхъ рѣчей, которыя не только не имѣютъ никакого значенія, но состоятъ ни болѣе ни менѣе, какъ изъ нѣсколькихъ словъ, которыми выражень какой-нибудь тостъ, такихъ словъ, которыя ежедневно произносятся на всѣхъ концахъ Россіи и людьми всѣхъ званій и состояній иногда гораздо лучше и оригинальнѣе, чѣмъ дѣлалъ это г. Погодинъ. Читая эти краткія рѣчи, можно подумать, что ораторъ хотѣлъ представить образцы для тостовъ, нѣчто въ родѣ „Письмовника“ Курганова по краснорѣчію застольному. Беремъ, для доказательства, нѣсколько такихъ рѣчей цѣликомъ: онѣ не займутъ много мѣста, но могутъ подтвердить нашу догадку относительно намѣреній г. Погодина:

1. „Учредителю пароходнаго сообщенія на Москвѣ-рѣкѣ, въ 1856 году.

„Добрый путь, счастливое плаваніе, Богъ на помощь первому москворѣцкому пароходу! Отъ души поздравляемъ ревностнаго строителя, приносимъ по обычаю предковъ усердную хлѣбъ-соль, и благодаримъ искренно за общепольное дѣло — устройство сообщеній, облегченіе тружениковъ, тянувшихъ лямку.

„Поддай Господи, чтобы и другія лямки тянуть становилось всѣмъ намъ легче и легче!“

2. „Мм. Гг. За здоровье молодаго поколѣнія: да здравствуетъ оно, учится и учится, развивается и преуспѣваетъ въ чувствахъ предан-

ности и любви къ отечеству, къ престолу, къ церкви, на пользу и славу Россіи.“

3. „Въ вашихъ божалахъ, Мм. Гг., есть еще вино. Позвольте предложить вамъ тостъ, въ которомъ заключаются всѣ предъидущіе: за здравіе и благоденствіе Россіи. Да цвѣтетъ она долго, долго, выражусь словами Карамзина, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой.“

4. „На обѣдѣ у генераль-губернатора кievскаго, князя Дондукова-Корсакова.

„Въ воскресенье и понедѣльникъ мы праздновали въ ученой академіи, во вторникъ и среду въ святой Лаврѣ, у высокопреосвященнаго митрополита. Нынѣ мы празднуемъ у генераль-губернатора. Позвольте же, владыко, отцы святыя, и вы, князь, предложить тостъ за любовное единеніе, взаимное вспомошествованіе и единодушное дѣйствіе на пользу и славу отечества всѣхъ трехъ властей: духовной, гражданской и ученой!“

5. „Въ честь новаго судостроительства.

„Позвольте мнѣ, какъ служителю исторіи, присоединить къ словамъ нашего достойнаго хозяина, во славу освободителя и законодателя, выраженіе ему благодарности искренней, горячей, неизмѣнной, за историческія законоположенія 19-го февраля и 20-го ноября. Карамзинъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ: русскій корабль ударится то объ Сциллу, то объ Харибду, а все плыветъ. Дай Богъ ему, миновавъ всѣ Сциллы и Харибды, доплыть скорѣе съ этимъ Кормчимъ до открытаго моря, и потомъ пойти впередъ на всѣхъ парусахъ, или на всѣхъ парахъ, какъ ему завѣщала исторія, и какъ, въ эту прекрасную минуту, мы русскіе люди, здѣсь собравшіеся, отъ души ему желаемъ“.

6. „Въ отвѣтъ на тостъ за здоровье автора.

„Примите глубочайшую мою благодарность. Эта минута одна изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Почитаю себя счастливымъ, что могъ въ прошедшее, тяжелое и мудреное для отечества время, выразить сколько-нибудь русскія чувства.“

Мы могли бы значительно увеличить число такихъ „образцовъ“, и такъ какъ русская жизнь не богата случаями и мѣстами, гдѣ произносятся рѣчи или гдѣ они могутъ быть произнесены (г. Погодинъ напечаталъ и такія рѣчи, которыя онъ произнести намѣревался, но не произнесъ), то желающіе могутъ найти въ настоящей книгѣ образцы на всѣ случаи, даже на встрѣчу новаго начальника (рѣчь на обѣдѣ въ честь генераль-губернатора Тучкова), и на проводы стараго (рѣчь въ честь Назимова, попечителя московскаго учебнаго округа).

Такимъ образомъ, если смотрѣть на рѣчи г. Погодина между прочимъ и со стороны „образцовъ“, то окажется, что являются не безъ пользы

И тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ рѣшительно никакого значенія для съ литературной, ни съ исторической, ни съ политической точки зрѣнія. Еслибъ всѣ ораторы, говорящіе на всевозможныхъ обѣдахъ, послѣдовали примѣру г. Погодина, т.-е. напечатали бы свои рѣчи, то, независимо отъ обогащенія бѣдной области русскаго ораторскаго искусства, представляемой въ учебникахъ и хрестоматіяхъ почти одними только проповѣдями, мы имѣли бы весьма обширный выборъ образцовъ, которые стоило бы только утвердить въ надлежащемъ порядкѣ и разослать по всѣмъ вѣдомствамъ, чтобъ надолго обезпечить ораторское краснорѣчіе въ Россіи и не утруждать русскія головы напраснымъ поискомъ приличныхъ случаю рѣчей.

Оставляя подобныя рѣчи въ сторонѣ, мы должны сказать, что добрая доля рѣчей г. Погодина имѣетъ и литературное, и историческое, и субъективное значеніе. Въ этихъ „рѣчахъ“ передъ нами довольно ярко выступаетъ тотъ „средній“ русскій человѣкъ, который умѣлъ принаравливать ко всѣмъ обстоятельствамъ, ко всѣмъ людямъ, ко всѣмъ вліяніямъ, самымъ противоположнымъ и повидимому несомѣстимымъ, тотъ средній русскій человѣкъ, который благополучно плавалъ въ своемъ немудренномъ, утломъ челнѣ по болотамъ и пучинамъ русской жизни въ теченіе полустолѣтія и счастливо присталъ въ мирной пристани съ тяжелымъ грузомъ накопленнаго добра; тотъ средній русскій человѣкъ, который умѣетъ легко мириться съ обстоятельствами, извлекая изъ нихъ по мѣрѣ возможности пользу для себя и ближнихъ, не ближнихъ вообще, въ широкомъ евангельскомъ смыслѣ, а въ узкомъ дружескомъ и семейномъ значеніи; тотъ средній человѣкъ, благодаря которому наша жизнь легко уступаетъ всякому давленію, какъ мокрая губка и движется черезъ пень-колоду. Въ этомъ смыслѣ „Рѣчи“ имѣютъ несомнѣнное и историческое значеніе, и, несмотря на однообразіе ихъ, даютъ возможность прослѣдить разныя фазы нашего развитія черезъ 40 лѣтъ. Читая ихъ, читаешь новѣйшую нашу исторію, какъ она отразилась въ умѣ и чувствахъ средняго русскаго человѣка, какъ мирилась она въ немъ съ противоположными теченіями и какъ выносила она его на берегъ повидимому цѣла и невредима. Предъ вами проходитъ зрѣлище поучительное, на которомъ не бесполезно остановиться, въ которое не мѣшаетъ вдуматься, независимо отъ почтенной личности автора. Мы будемъ говорить не о немъ лично, но о немъ, какъ о представителѣ извѣстнаго теченія жизни; въ немъ для насъ важна не личность его собственная, но личность коллективная, типическій образъ средняго русскаго человѣка, образованнаго и начитаннаго. Если намъ замѣтить, что г. Погодинъ—личность оригинальная, имѣющая много своихъ особенностей, выдвигающаяся изъ толпы рѣзко уже по самому складу своей отрывочной, какъ бы безсвязной рѣчи, то мы отвѣтимъ, что подобная оригинальность не только не исключаетъ

типичности, но придаетъ ей особенную цѣну, особенное право на типичность.

Вотъ онъ на кафедрѣ въ виду „почтенныхъ посѣтителей“, въ „торжественный день“, когда университетъ московскій празднуетъ семидесятипятилѣтіе своего существованія и двадцатипятилѣтіе своего обновленія“. Онъ молодъ и полонъ жизни; рѣчь его отзывается Карамзинскою формою и тщательною отдѣлкою; выступая передъ публикою, онъ заботится о внѣшности, даже о блескѣ своей рѣчи и логическомъ развитіи своей мысли. Онъ говоритъ о назначеніи университетовъ вообще и въ особенности русскихъ. Россію онъ называетъ „исполиномъ между государствами“, „кедромъ ливанскимъ“, который „цѣлыя столѣтія укореняется въ своей песчаной почвѣ, прежде нежели вознесетъ въ облакамъ гордую главу свою“; просвѣщеніе въ Россіи не повсемѣстное, „ибо, говоря вообще, дворянское сословіе, образованное поверхностно иностранными выходцами, столь же мало имѣетъ право гордиться имъ, какъ и среднее, какъ и крестьянское“ (?!), но это ничего не значитъ, потому что „чѣмъ позднѣе является просвѣщеніе русское, тѣмъ обширнѣе, тѣмъ долговѣчнѣе будутъ его успѣхи“. Указавъ затѣмъ на заслуги въ просвѣщеніи Россіи Рюрика, Владиміра, Іоанна III, Бориса Годунова, Феодора, Петра Великаго, Елисаветы, Екатерины и Александра I, ораторъ возглашаетъ: „Завидую будущимъ ораторамъ, которымъ предоставлено прославить царствующаго нынѣ императора Николая I, дарующаго университетамъ въ новыхъ уставахъ необходимыя пособія и средства уравниваться съ вѣкомъ и удовлетворить требованіямъ соотечественниковъ“. Какія же задачи университетовъ? Кромѣ прямыхъ своихъ назначеній, университеты должны „возблагодарить правительство за полученныя благодѣянія яснымъ изображеніемъ великихъ силъ отечества“. Въ чемъ же должно заключаться это ясное изображеніе великихъ силъ отечества? „Пусть, напримѣръ, отвѣчаетъ ораторъ, представлять они ему наше родство съ большею половиною Австрійской и Турецкой Имперій и значительною частью Германіи; физическую, самую надежную связь, по крови и языку, съ ихъ жителями, которые при удобномъ случаѣ готовы броситься въ наши объятія, — грозное оружіе въ переговорахъ съ европейскими государствами, еслибъ когда либо они осмѣлились оскорбить нашу честь и нарушить наше право! Пусть смѣряютъ они нашъ хлѣбъ, которымъ мы накормить, пусть вѣѣсятъ наше желѣзо, которымъ вооружить, пусть сочтутъ нашъ мѣсъ, которымъ можемъ обстроить едва ли не всю Европу, не имѣя рѣшительно никакой нужды въ иностранныхъ произведеніяхъ, кромѣ книгъ, ни въ винѣ, ни въ шелкѣ, ни въ шерсти, ни въ сахарѣ. Пусть сложать всѣ свойства русскаго народа: терпѣніе, отважность, смѣлливость, преданность вѣрѣ и престолу (объ отечествѣ даже не упомянуто!); пусть псчислять, напр., способности русскаго крестьянина,

который, взглянувъ однажды на сложную, дорогую машину англійскую, тотчасъ съ своимъ топоромъ, своимъ долотомъ, самъ сдѣлаетъ подобную; который на другой день по принятіи въ рекруты становится въ ряды гвардейскіе, и турецкій жаръ сноситъ одинаково съ лапландскимъ холодомъ.

„Пусть представляютъ они правительству всѣ сіи силы, вещественныя и невещественныя, управляемыя однимъ маніемъ руки, въ громовыхъ, дюпневыхъ числахъ, и *изумленная Европа, не умѣя ихъ выговорить, съ благоговѣніемъ будетъ слушать всякое слово Россіи*, и не дерзнетъ вступить съ нею въ состязаніе, развѣ путемъ убѣжденія.

„Вотъ обязанность университетовъ русскихъ вообще къ отечеству, къ наукамъ, въ особенности еще къ правительству. Всѣ они лежатъ, разумѣется, преимущественно въ университетѣ московскомъ, центральномъ въ Россіи.“

Чувствуете ли вы, читатель, всю силу этихъ задачъ, все ихъ растлѣвающее будущее, все ослѣпленіе средняго человѣка, который, не смотря на свою ученость, обыкновенно не въ состояніи подняться выше ходячихъ убѣждений толпы, и, дѣлаясь ея глашатаемъ, укрѣпляетъ въ ней оптимистическія взгляды и усиляетъ дѣятельность мысли и критики. Былъ 1830-й годъ, когда произнесены были эти слова молодымъ ученымъ; имъ, разумѣется, многіе сочувствовали, они были какъ разъ по плечу натурамъ дюжиннымъ, неподвижнымъ, неспособнымъ на самостоятельное отношеніе къ дѣйствительности, чуждымъ критическаго взгляда, однимъ словомъ, натурамъ серединнымъ. Все у насъ есть, ни въ чемъ мы не нуждаемся, ни въ хлѣбѣ, ни въ желѣзѣ, ни въ шелкѣ, ни въ сахарѣ, ни въ винѣ; намъ даже и работать надъ этими продуктами нечего, а стоить лишь все это счесть и представить, во-первыхъ, правительству для того, чтобъ оно убѣдилось въ своей силѣ и мощи, во-вторыхъ, Европѣ, для того чтобъ она съ благоговѣніемъ слушала всякое слово Россіи. Университетская кафедра, обратившись въ панегирикъ Россіи, разносила эти убѣжденія въ массу студентовъ, а натуры даровитыя изъ послѣднихъ проникались убѣжденіемъ противоположнымъ. Два лагеря росли вмѣстѣ: одинъ, малочисленный, питался отрицаніемъ и критикою; другой, многочисленный, слушалъ проповѣдь средняго человѣка и успокоивался на оптимистическихъ взглядахъ, которые впоследствии выразились въ извѣстной формулѣ, краткою, но сильной: „мы шапками всѣхъ закидаемъ“.

Проходитъ четыре года. Того же оратора мы видимъ на той же университетской кафедрѣ. Онъ говоритъ „объ ученomъ сословіи и историческомъ его назначеніи“; рѣчь его также гладко вычищена, также исполнена карамзинскаго стиля, а мысли также направлены къ тому, чтобъ убѣдить слушателей въ величіи Россіи. Европа „приближается къ послѣднему возрасту—старости... Одна Россія находится въ пол-

номъ прѣтѣ силъ, въ вѣкѣ мужества; она должна начать съ той точки, до коей нынѣ дошла Европа, и Шеллингъ, вѣнецъ европейскаго просвѣщенія, какъ будто величайшее его усиліе, предавшійся теперь христіанской религіи, предназначенъ, кажется, сообщить оное Россіи для дальнѣйшаго развитія, довершенія“. Такъ какъ „страхъ Божій, преданность вѣрѣ, благочестіе — принадлежать къ отличительнымъ внутреннимъ качествамъ русскаго народа“, то и философія можетъ быть воспринята имъ только въ этомъ духѣ. „Христіанскую религію Россія положила краеугольнымъ камнемъ Священнаго Союза, коимъ кончилась послѣдняя драма европейской исторіи. Чтобы ни говорили намъ нѣкоторые европейскіе политики, *этотъ союзъ, даже какъ форма, имѣетъ великое историческое значеніе*“. Средній человѣкъ опять повторяетъ убѣжденія толпы, — и опять противъ него мы имѣемъ исторію, которая осудила Священный Союзъ и раскрыла его пагубное значеніе и для Европы, и для Россіи. Затѣмъ слѣдуетъ похвала русскому народу, русскому языку, русской всесторонности: „Взгляните на составъ русскаго народа: какою крови въ немъ нѣтъ? Славянская, норманская, монгольская, финская, литовская, нѣмецкая. Взгляните на русскій языкъ — греческая гармонія, латинская округленность, французская ясность, итальянская сладость, нѣмецкая гибкость, англійская крѣпость... Взгляните на русское лицо — вы найдете черты всѣхъ европейскихъ народовъ. Взгляните на сословія — то же явленіе, нѣтъ нигдѣ исключительности: дворянинъ торгуетъ, купецъ занимается земледѣліемъ, крестьянинъ работаетъ на фабрикахъ, чиновникъ сочиняетъ, воинъ засѣдаетъ въ судѣ“. И далѣе: „Пора, пора намъ свергнуть съ себя чуждое иго, свергнуть, разумѣется, съ благодарностію, и продолжать образованіе собственными своими трудами. Пора намъ доказать этимъ гордымъ нѣмцамъ, этимъ французамъ, англичанамъ, что мы сами уже умѣемъ мыслить, что мы можемъ идти безъ ихъ руководства, что мы не имѣемъ болѣе нужды въ ихъ непосредственной помощи“. Слова, слова и слова! Средній русскій человѣкъ и утѣшаетъ себя постоянно словами, не углубляясь во внутренній смыслъ явленій и не предугадывая будущаго. Если настоящее удовлетворяетъ нѣкоторымъ его потребностямъ, если оно даетъ ему средства для существованія и не мѣшаетъ рыться въ его углу надъ рѣшеніемъ какого-нибудь неважнаго вопроса, онъ и доволенъ, и спѣшитъ свое довольство сообщить другимъ, да еще въ ораторской формѣ, т. е. въ преувеличенномъ видѣ. Будущее на всякомъ шагѣ станетъ ему указывать, какъ онъ ошибался, но это для него не важно, ибо онъ во всякое время, и на всякомъ мѣстѣ — средній человѣкъ, больше довольный, чѣмъ недовольный, больше чувствующій и чувствующій эгоистическимъ чувствомъ, чѣмъ размышляющій, больше отсталый, чѣмъ передовой, больше эксплуатирующій, чѣмъ эксплуатируемый... Если онъ ученый, въ прошломъ у него есть

какое-нибудь имя, за которое онъ цѣпляется, которое объясняетъ, хвалить, постоянно упоминаетъ, приводитъ изъ него цитаты въ свое оправданіе и явно стремится къ тому, чтобъ соединить свое имя съ этимъ великимъ именемъ...

Онъ постоянно вѣренъ дѣйствующей официальной программѣ жизни, какъ это мы уже сказали, вѣренъ до точности изумительной, такъ что по немъ мы можемъ узнать, какъ по барометру, на сколько измѣнилась погода, изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Въ 1841 г., принимая у себя въ домѣ графа Уварова, онъ говоритъ ему въ „привѣтственной рѣчи“: „Примите увѣреніе, что оно (ученое сословіе) живо чувствуетъ всѣ ваши отеческія попеченія, и потщится всѣми силами, проходя свое служеніе подъ вашимъ руководствомъ, *въ духъ православія, самодержавія и народности*, заслуживать болѣе и болѣе милость царскую“. Извѣстно, что подчеркнутыя слова употреблены гр. Уваровымъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ и повторяются немедленно московскимъ профессоромъ, который въ рѣчи своей, отъ 1834 г., находитъ только, что русское ученое сословіе должно дѣйствовать „въ духѣ христіанской религіи и общности“ или „всесторонности“.

Въ 1845 г., говоря въ Симбирскѣ „историческое похвальное слово Карамзину“, онъ умѣлъ остановиться преимущественно на литературныхъ заслугахъ Карамзина, на его статьѣ о цензурѣ, „необходимой въ гражданскихъ обществахъ“, на его консервативномъ взглядѣ на задачи русскаго правительства относительно крестьянства: „для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ, желаю *единственно* того, чтобъ они имѣли добрыхъ господъ и средства къ просвѣщенію, которое одно, одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ“; на его извѣстныхъ словахъ: „Не требую ни конституціи, ни представителей, но по чувствамъ останусь республиканцемъ и притомъ вѣрнымъ подданнымъ царя русскаго. Вотъ противорѣчіе, но только мнимое“. Г. Погодинъ, по этому поводу, замѣчаетъ: „Вотъ, прибавлю я здѣсь, тайна русской исторіи, тайна, которой не можетъ постигнуть ни одинъ западный мудрецъ. Русская исторія представляетъ всегда Россію однимъ семействомъ, въ которомъ Государь отецъ, а подданные дѣти. Отецъ сохраняетъ надъ дѣтьми полную власть, предоставляя имъ полную свободу“. Въ 1865 г., въ столѣтнюю годовщину рожденія Карамзина г. Погодинъ говорилъ въ Академіи Наукъ о Карамзинѣ, какъ о „человѣкѣ и гражданинѣ“ и, повторяя вышеприведенныя слова его, ограничился только слѣдующею прибавкою: „Вотъ тайна русской исторіи, прибавлю отъ себя, тайна, которой не можетъ понять ни одинъ западный мудрецъ. Карамзинъ былъ вообще охранителемъ, или консерваторомъ, какъ говорятъ нынѣ, въ лучшемъ значеніи этого слова“.

Въ 1846 г., на обѣдѣ, данномъ г. Погодину его слушателями, прежними студентами московскаго университета, онъ жалуется на „ветхую

нѣмецкую систему, которая со всѣми своими отраслями, можетъ быть полезная въ свое время, начинаетъ сильно мѣшать свободному русскому развитію, вредить не только московскому университету, но и всему просвѣщенію, какъ и предусматриваетъ уже кажется наше дѣятельное начальство“. Въ 1854 г., на обѣдѣ въ Московской Коммерческой Академіи, онъ сообщаетъ, что „купечество, служа посредникомъ между всѣми сословіями, разноситъ всюду довольство, обиліе, утверждаетъ общее благосостояніе. Занятіе его, торговля, имѣетъ разныя степени“, и тому подобныя истины. Въ 1855 г., на университетскомъ юбилей, когда войска наши пали въ Севастополь, г. Погодинъ сказалъ: „Все къ лучшему, любимое замѣчаніе исторіи: Востокъ посылается теперь можетъ быть туда же, куда посланъ былъ Западъ во время Крестовыхъ Походовъ. Такъ угодно Богу, восклицалъ нѣкогда Западъ. Такъ угодно Богу, приходится вѣрно воскликнуть и Востоку. А что въ самомъ дѣлѣ ему угодно, не намъ знать, покажутъ событія. Можетъ быть Россія посылается къ Святѣмъ мѣстамъ, для тѣхъ же цѣлей, для коихъ посылались во время оного западныя государства,—для пробужденія сокровенныхъ силъ своихъ“. Это едва ли не единственное мѣсто во всѣхъ „Рѣчахъ“, которое, хотя и темно, но можетъ быть истолковано въ смыслѣ проницательности историка; ни прежде, ни послѣ нашъ представитель средняго образованнаго человѣка не возвышался въ своихъ рѣчахъ до прозорливости, которая требуетъ возвышенія надъ толпою и ея будничными помыслами.

Съ востешествіемъ на престолъ имп. Александра II, среднему человѣку вѣроятно приходилось вспоминать, что онъ проповѣдывалъ не двадцать и не тридцать лѣтъ тому назадъ, а нѣсколько лишь лѣтъ назадъ; ему вѣроятно пришлось и во время севастопольской кампаніи вспомнить свои слова о томъ, что мы не нуждаемся ни въ чемъ иностранномъ, ни въ желѣзѣ, ни въ шелкѣ, ни въ сахарѣ, что намъ стоить только, счесть свои богатства, чтобы Европа, не умѣя выговорить этихъ цифръ, съ благоговѣніемъ выслушивала бы каждое слово. Исторія отвѣтила на эти пустые глаголы отрезвляющимъ образомъ, и среднему русскому человѣку осталось только восторженно отпраздновать возвращеніе на родину севастопольцевъ. И онъ дѣйствительно отпраздновалъ, сказавъ множество рѣчей на разныхъ обѣдахъ. Относительно формы онѣ уже давно измѣнились, съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ себя чувствовать болѣе самостоятельнымъ и приобрѣтаетъ положеніе. Карамзинская плавность и выработанность рѣчи смѣнилась отрывочностью, небрежностью, высокій слогъ — низкимъ, фигуры — народными поговорками и пословицами. Рѣчь его приобрѣла барскую распушенность, непомышляющую долго ни о формѣ мысли, ни о самой мысли: что вылетало изъ устъ, то и было ладно. Въ этой распушенности есть своеобразность и живописность, но въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда не-

является утрировки и предумышленія. Мысль осталась все еще прежнею, срединною, не просвѣтленною. Восхищаясь защитниками Севастополя, онъ празднуетъ словно побѣду и предсказываетъ во вкусѣ старины, напоминая нынѣшнихъ французовъ послѣ нѣмецкаго погрома. Еще парижскій миръ не былъ заключенъ, а нашъ ораторъ ужъ говорилъ: „Враги хотѣли запереть вамъ путь въ Черное море — вы найдете путь къ Океанамъ, и славный русскій флагъ развѣется и будетъ развѣваться на всѣхъ моряхъ, гдѣ являлся прежде только по временамъ и случайно“. Изъ другихъ словъ его видно, что онъ ни мало не предчувствовалъ условій парижскаго мира въ концѣ февраля 1856 г., то-есть почти наканунѣ его заключенія, и увѣрялъ храбрыхъ севастопольцевъ, что по миру „наши славянскіе братья, православные христіане востока“, приобрѣтутъ человѣческія и гражданскія права. Въ этомъ же февралѣ онъ послалъ В. И. Назимову, назначенному изъ попечителей московскаго учебнаго округа въ Вильну генераль-губернаторомъ письменное привѣтствіе, въ которомъ говоритъ, между прочимъ: „Лестъ принесла намъ вездѣ столько вреда, и такъ всѣмъ противѣла, что даже изъ-за нея справедливая хвала становится подозрительною“. И онъ слегка похваливаетъ бывшаго попечителя и слегка порицаетъ, и слегка предсказываетъ: „Край (виленскій) приметъ васъ съ распростертыми объятіями. Вы вѣрно постараетесь привлечь къ себѣ, привлечь къ намъ, этихъ пылкихъ, умныхъ, живыхъ, храбрыхъ поляковъ, нашихъ любезныхъ братьевъ, блистательное славянское племя“.

Наступило время великой крестьянской реформы. По случаю высочайшаго рескрипта объ учрежденіи комитетовъ для улучшенія быта крестьянъ, происходилъ обѣдъ въ Купеческомъ Собраніи и нашъ герой тамъ говорилъ. Выразить ли онъ тутъ какую-нибудь оригинальную, смѣлую мысль, дать ли понять слушателямъ хоть намекомъ, чего ждетъ отъ реформы прогрессивная часть русскаго общества? Ни мало. Наговоривъ ласковыхъ словъ „православному русскому мужичку, дорогому нашему кормильцу, дорогому нашему поильцу“, наговоривъ заочно, ибо „православнаго русскаго мужичка“ на обѣдѣ, конечно, не было, нашъ ораторъ обращается къ подвигамъ дворянства, выражаетъ увѣренность, что оно изъявитъ „совершенную готовность исполнить царское желаніе“, хотя установленіе новыхъ отношеній,—задача мудреная, которую вдругъ рѣшить невозможно! *Всякое право священно.* Оборони Богъ отъ какого бы то ни было нарушенія чьего-либо права“. Вотъ онъ, срединный русскій человѣкъ: наканунѣ паденія крѣпостного права, онъ восклицаетъ, что „*всякое право священно*“.... Но срединный русскій человѣкъ тѣмъ хорошъ, что когда священное „крѣпостное право“ было нарушено, онъ привѣтствовалъ это нарушеніе обычнымъ изліяніемъ радостныхъ чувствъ, которыя у него не занимать стать. Вообще онъ „съ легкимъ сердцемъ“—выраженіе, находя-

щеся на 215-й стр. „Рѣчей“, и относящееся къ 1858-му г., слѣдовательно значительно опередившее Оливье—если не разрушаетъ самъ, то присутствуетъ при разрушеніи того самаго, что онъ самъ создалъ, подо что самъ вложилъ основные камни также „съ легкимъ сердцемъ“. Не мало разливъ лести всему русскому въ прежнее время, въ 1860 г., по поводу смерти Хомякова, онъ съ сочувствіемъ повторяетъ прекрасные его стихи, обращенные къ той Россіи, которую г. Погодинъ чествовалъ названіемъ „ведра ливанскаго“, и ублажалъ всячески:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи глѣтворной,
И глѣни мертвой и покорной,
И всякой мерзости полна!

Исполненный противорѣчій по самому характеру своему, герой нашъ, когда можно, даетъ волю своему чувству и умѣетъ понимать натуры другого закала: „Горе тѣмъ, говоритъ онъ по поводу же смерти Хомякова, у кого, въ этой противной тѣмѣ, глаза получаютъ иногда совиное свойство; горе тѣмъ, у кого повременамъ проявляется Кассандрино чутье: видѣть и знать, что слова напрасны, что помочь нельзя; чувствовать иногда силу, и быть осуждену на бездѣйствіе,—о, этого положенія нѣтъ мучительнѣе, душегубительнѣе! И падаютъ, одинъ за другимъ, наши лучшіе, благороднѣйшіе люди, мыслящіе, чувствующие, тѣ, на которыхъ отдыхалъ взоръ, о которыхъ сладко было думать, которые однимъ именемъ своимъ доставляли утѣшеніе,—падаютъ безъ всякихъ достаточныхъ причинъ“. Къ этому можно бы прибавить: „Какъ счастливы тѣ, у которыхъ въ этой противной тѣмѣ не проявляется Кассандрина чутья, которые вездѣ и всегда умѣютъ находить утѣшеніе, удовлетвореніе, которые не дѣлаютъ ни одного смѣлаго шага, не высказываютъ ни одной смѣлой мысли, зажигающей сердца“, и проч. и проч.

Впрочемъ, нашъ авторъ, мало-по-малу, опять пріобрѣтаетъ если не смѣлость, то нѣсколько вольное обращеніе. Такъ онъ негодуетъ на безграмотность высшихъ сановниковъ, неумѣющихъ различать *ъ* и *е* и спрашивающихъ иногда, какъ писать предлогъ *съ*: черезъ *о* или *ф*; онъ вспоминаетъ о графѣ Бенкендорфѣ, который произносилъ приговоры стихотвореніямъ Пушкина и подписывался съ грубѣйшими грамматическими ошибками; онъ преслѣдуетъ официальный языкъ, онъ спрашиваетъ, что значить „имѣющіе входъ за кавалергардовъ?“—выраженія, встрѣчающіяся во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ; что за „пѣвчіе главной конюшни“, упомянутые въ церемоніяхъ обѣ освященіи Исаіевскаго собора, когда „въ конюшнѣ стоятъ лошади, и слышно тамъ бываетъ только ржаніе“; почему монахи у насъ имѣютъ титуло кавалеровъ, когда „кавалеръ — вѣдь это всадникъ, рыцарь, щеголь,

молодецъ"; въ другомъ мѣстѣ онъ обрушивается на „фактъ" и на „шоссе"; шоссе—противнѣ ему факта. „А почему не люблю я факта? Да потому что Карамзинъ написалъ 12 томовъ исторіи, и въ каждомъ томѣ описалъ по 12 тысячъ фактовъ, а ни одного раза не употребилъ этого слова". Въ этомъ либерализма особеннаго нѣтъ, но за то въ слѣдующемъ выраженіи его много: „въ Европѣ не лаютъ такъ и не огрызаются собаки, какъ у насъ позволяютъ себѣ объясняться должностныя лица". Далѣе онъ идетъ нѣсколько глубже, повторяя нѣсколько разъ, то за тѣмъ, то за другимъ обѣдомъ, что мы „созрѣли для сужденія о разныхъ своихъ отношеніяхъ", или, что „мы созрѣли для разсужденія, для участія въ вопросахъ всѣхъ родовъ, для насъ важныхъ и нужныхъ, теоретическихъ и практическихъ". Къ сожалѣнію, самъ онъ, ораторъ, показывалъ не совершенную зрѣлость въ разныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросахъ. Такъ, напр., въ земскомъ собраніи заходитъ рѣчь объ учительскихъ семинаріяхъ и приготовленіи учителей для народныхъ школъ.—Для чего это, къ чему? тревожно онъ спрашиваетъ, ругаясь, что ни одинъ крестьянинъ въ учительскую семинарію не пойдетъ.—Что-жъ дѣлать? Есть, по его мнѣнію, болѣе простое и дѣйствительное рѣшеніе задачи: „Мы можемъ обращаться, говоритъ ораторъ, къ нашимъ приходскимъ священникамъ, и просить ихъ, чтобы они приняли мѣры для введенія въ ихъ церквахъ чтенія съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Пусть прочтутся внятно часы и всѣ молитвы: одно такое чтеніе посѣтъ уже много добраго въ сердцахъ простыхъ людей... Это первое дѣло. Второе дѣло—растолковать народу, объяснить, перевести на понятный для него языкъ всѣ древнія изреченія, употребляемыя при богослуженіи, и т. д. Кажется просто, но, увы, такая простота ужъ никого не убѣждаетъ, слишкомъ напоминая время Владиміра святого. Еще проще подступилъ онъ къ вопросу объ отчетности въ акціонерныхъ компаніяхъ. Зачѣмъ это? „Гдѣ отчетъ, говоритъ нашъ ораторъ, тамъ ужъ навѣрно по большей части и ложь.... Мнѣ кажется, что лучше всего мы соблюдаемъ наши выгоды, сказавъ общимъ учредителямъ съ ихъ будущими директорами, какъ выговаривали наши дѣды: если вы не оправдаете нашей довѣренности, если вы насъ обманете, то вамъ будетъ стыдно".

Для директоровъ и учредителей компаній рѣшеніе акціонеровъ въ этомъ смыслѣ было бы большою находкою, но со стороны оратора подобное мнѣніе не отличается прозорливостью, хотя, быть можетъ, оно не лишено нѣкоторой возвышенности. Возвращаясь къ вопросу о либерализмѣ, мы должны еще обратить вниманіе на двѣ рѣчи, изъ которыхъ одна произнесена въ 1863 г. въ Обществѣ Любителей русской словесности, а другая въ 1865 г. въ дворянскомъ собраніи. Первая рѣчь вызвана стихотвореніемъ Ѳ. И. Тютчева, вторая—извѣстнымъ дворянскимъ адресомъ, въ свое время надѣлавшимъ много шу-

ма. Обѣ рѣчи носятъ на себѣ печать смѣлости, но не въ одинаковой степени; если вторая либеральнѣе, за то первая касается факта мало извѣстнаго и достаточно забытаго. Самъ ораторъ намъ объяснилъ сущность его: „Нѣкоторые члены высшаго петербургскаго общества, съ графомъ Блудовымъ, председателемъ государственнаго совѣта во главѣ, въ письмѣ своемъ къ генералъ-губернатору западныхъ губерній, М. Н. Муравьеву, поздравляя его въ день ангела, и посылая ему образъ, изъявили чувства своей искренней благодарности за укрощеніе мятежа и сохраненіе десятимилліоннаго русскаго населенія отъ вражескихъ козней. Петербургскій генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ, выразилъ очень рѣзко свое неодобреніе этого дѣйствія. О. И. Тютчевъ, одинъ изъ подписавшихся подъ письмомъ, написалъ къ нему краткое посланіе въ стихахъ, которое читаетъ теперь наизусть весь Петербургъ, и которое вчера получено въ Москвѣ“. Вотъ „событіе“, какъ этотъ случай называетъ ораторъ. Передъ чтеніемъ стихотворенія, онъ счелъ нужнымъ „событіе“ истолковать въ самомъ лучшемъ смыслѣ, именно онъ нашелъ, что наступила полная свобода мнѣній, поэтому и воскликнулъ: „Благо государству, честь времени, когда мнѣнія самыя противоположныя могутъ свободно обнаруживаться, не возбуждая никакихъ подозрѣній, не подвергая никого никакой опасности,—лишь бы источникъ былъ завѣдомо чистъ, „conditio sine qua pop“. Въ этой фразѣ, если хотите, заключается вершина либерализма срединнаго человѣка, который радуется свободѣ мнѣній, но въ то же время даетъ широкую программу для того, чтобы эту свободу мнѣній вклучить въ очень узкія рамки и сдѣлать ее привилегіей особаго разряда гражданъ, не возбуждающихъ по чистотѣ своей ничьего подозрѣнія: „Необходимое условіе для свободы мнѣній—чтобы источникъ былъ чистъ“. Естественно, что необходимы, слѣдовательно, особенные эксперты, подобно тому какъ въ департаментахъ для чистоты слога, и для опредѣленія чистоты источника. Рѣчь, произнесенная нашимъ ораторомъ 13 января 1865 г. въ дворянскомъ собраніи, приводимъ безъ комментаріевъ—только вторую ея половину, такъ какъ первая не была произнесена: „Мм. гг. Только тогда пойдутъ у насъ дѣла усиленно, когда будутъ умножаться люди съ твердыми убѣжденіями, когда вѣрность выработаннымъ убѣжденіямъ будетъ въ обществѣ оцѣниваться, когда эти *убѣжденія будутъ высказываться съ такою искренностью и такою энергіей, несмотря на предполагаемое одобреніе или неодобреніе большинства*, не только съ глазу на глазъ, въ пріятельской бесѣдѣ, но и публично, въ торжественномъ собраніи, какъ то дѣлали поименованныя мною лица. Нельзя одобрить только двухъ выраженій: одно употреблено г. Голохвастовымъ о партіяхъ, другое г. Безобразовымъ о проискахъ. Мы не знаемъ и знать не хотимъ никакихъ партій, никакихъ происковъ и даже никакихъ заднихъ

мыслей. Не станемъ наклонять на наши будущія собранія этихъ западныхъ явленій, равно какъ и злоупотреблять западными знаками одобренія и неодобренія. Мы всѣ одно любимъ, одного желаемъ... Позвольте заключить мнѣ словами нашего безсмертнаго историографа Карамзина, который долженъ остаться всегда образцомъ не только для русскихъ писателей, но и для всѣхъ русскихъ гражданъ. Онъ сказалъ въ заключеніе своей исторіи: „Мы любимъ отечество, желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы, желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей, да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой“.

„Мм. гг. Можетъ быть, кто-нибудь найдетъ противорѣчіе въ словахъ Карамзина съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, которое опредѣлено собраніемъ представить государю императору: противорѣчія здѣсь нѣтъ. Смыслъ прошенія, какъ я его понимаю со многими членами, если не со всѣми, вотъ какой: Добрый, любимый нашъ государь! Ты сдѣлалъ много, мы благодаримъ тебя; ты хочешь сдѣлать еще болѣе, мы это видимъ, и просимъ тебя выслушать твоихъ вѣрноподданныхъ,—я только! Другими словами: мы думаемъ, что всякая верховная власть, самая мудрая, умудряется еще болѣе голосомъ всего народа“.

Рѣчь эта такъ характерна своими изгибами, что она одна могла бы служить для довольно полной характеристики избраннаго нами героя; но мы представили не одинъ этотъ матеріалъ и смѣемъ думать, что нашъ снисходительный анализъ дастъ представленіе не особенно темное о среднемъ русскомъ человѣкѣ, прожившемъ почти столѣтія въ возрастѣ полного сознанія. Въ своемъ изложеніи мы съ умысломъ избѣгали тѣхъ рѣчей г. Погодина, которыя отличаются особеннымъ, ему одному свойственнымъ юморомъ, который вѣрнѣе всего можетъ быть охарактеризованъ словомъ — балагурство; избѣгали мы этого потому, что иначе повредили бы цѣлостности типа, внеся въ него слишкомъ индивидуальныя, хотя и неважныя черты.

Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга. 1870 годъ. Съ хромофотографированной санитарной картою С.-Петербурга. Доктора Ю. Губнера. Спб. 1872.

Частная инициатива въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ собраніе данныхъ для опредѣленія санитарнаго положенія большихъ населенныхъ центровъ, заслуживаетъ всякаго уваженія и одобренія. Г. Губнеръ исполнилъ, можно сказать безъ преувеличенія, огромный трудъ, который по массѣ работы, по сложнымъ и многочисленнымъ вычисленіямъ, былъ бы въ пору цѣлому учрежденію; что же касается до тщательной

обработки матеріала, той любви, которая вложена авторомъ въ дѣло, то такихъ качествъ мы встрѣчали доселѣ весьма мало въ официальныхъ изданіяхъ. Г. Губнеръ уже нѣсколько лѣтъ занимается разработкою разныхъ сторонъ петербургской жизни и до появленія этого труда своего напечаталъ нѣсколько интересныхъ статей въ рано погибшемъ неестественною смертію „Архивѣ судебной и общественной гигиены“, изданіе, которое могло бы составлять гордость въ нашей ученой литературѣ и смѣло соперничать съ лучшими заграничными изданіями этого рода. Получивъ доступъ къ статистическому матеріалу, состоявшему изъ массы медицинскихъ свидѣтельствъ о смерти, которыя обязательны для каждаго умершаго, собравъ свѣдѣнія о заболѣваніи и смертности въ больницахъ и госпиталяхъ петербургскихъ, г. Губнеръ составилъ множество весьма интересныхъ таблицъ, научно обработалъ этотъ матеріалъ и сдѣлалъ выводы, которые и новы и въ высокой степени полезны для сужденія о санитарныхъ условіяхъ Петербурга и вообще большихъ центровъ населенія; хромофотографированная карта Петербурга съ обозначеніемъ на ней смертности по участкамъ города—явленіе единственное въ своемъ родѣ даже въ европейской картографической литературѣ. Если мы прибавимъ къ этому, что г. Губнеръ рѣшился ежегодно издавать подобныя книги, работывая каждый разъ особенно подробно одинъ какой-нибудь санитарный вопросъ и сообщая массу обработаннаго и провереннаго матеріала вообще о санитарномъ состояніи Петербурга, то мы будемъ имѣть въ г. Губнерѣ человѣка, который принесетъ неоцѣненныя заслуги нашей столицѣ, если только разумѣется онъ не ослабѣетъ въ своемъ рвеніи, и если результаты, имъ полученные для улучшенія санитарной части, не останутся лежать въ книгѣ, а будутъ примѣняться общественнымъ управленіемъ Петербурга.

По даннымъ одного года, разумѣется, довольно мудро дѣлать рѣшительные выводы о санитарныхъ условіяхъ Петербурга; но и эти данныя даютъ уже весьма значительный для того матеріалъ, а нѣкоторые вопросы освѣщаются съ точки зрѣнія совершенно новой. Сообщая весьма подробныя свѣдѣнія о ходѣ трехъ холерныхъ эпидемій (подробность эта доходитъ до того, что г. Губнеръ представилъ по участкамъ города всѣ дома, подъ ихъ нумерами, гдѣ была заболѣваемость и смертность отъ холеры), г. Губнеръ нашелъ, что ни переѣзныя пищи, напр., посты и заговѣнья, ни пьянство, т.-е. праздники, такъ какъ въ праздники оно преимущественно практикуется, не имѣютъ почти никакого вліянія на ходъ эпидеміи; равно онъ подрываетъ и то укоренившееся убѣжденіе, что Сѣннымъ площадью и кварталы ея составляютъ единственное гнѣздо и разсадникъ всѣхъ возможныхъ эпидемій и смертности; наибольшая смертность падаетъ на окраины города, не исключая и Васильевскій Островъ за Среднимъ проспектомъ,

такъ что 2-й уч. Васильевской части стоитъ вторымъ по % отношенію умершихъ отъ холеры (11 на 1000 жит.), и только на тѣ центральные участки, которые густо населены рабочими или въ которыхъ очень много казармъ, какъ, напр., 3-мъ уч. Лптейной части. Соединяя всѣ 38 городскихъ участковъ въ двѣ группы, центральную и окрайную, и сравнивая ихъ между собою въ отношеніи % смертности отъ холеры съ августа 1870 г. по августъ 1871 г., г. Губнеръ получилъ слѣдующіе результаты:

	Число жителей въ участкахъ.	Число умерш. отъ холеры.	На 1000 жителей.
Въ 16-ти центральныхъ участкахъ	321,961	1071	3,32
„ 22-хъ окрайныхъ „	347,739	1953	5,61

Во всемъ же Петербургѣ умерло отъ холеры 3024 челов. или на 1000 жителей 4,51, или 451 чел. на 100 т. жителей. Смертность отъ всѣхъ болѣзней вообще сохраняетъ почти тотъ же порядокъ относительно разныхъ частей Петербурга, какъ и смертность отъ холеры; очевидно, тутъ существуютъ общія причины, на разслѣдованіе которыхъ и должно обратить вниманіе. Между множествомъ дѣльныхъ указаній, заключающихся въ книгѣ г. Губнера, нельзя не обратить вниманія на замѣчаніе его, что существующая у насъ филантропическая организація, самая грубая и первобытная форма санитарной организаціи, не обнаруживаетъ пока никакого поползновенія замѣнить благотворительную дѣятельность санитарною, и что вообще вся санитарная часть у насъ устроена неудовлетворительно, какъ и врачебная часть въ частности. Въ послѣднемъ отношеніи важны соображенія его о сифилисѣ (стр. 41 — 43). По неудовлетворительности данныхъ, г. Губнеръ не могъ сдѣлать сколько-нибудь вѣснихъ выводовъ о смертности отъ пьянства и самоубійствахъ, которыя въ нынѣшнемъ году обратили на себя такое сильное вниманіе общества. По всей вѣроятности мы еще не скоро будемъ имѣть сколько-нибудь удовлетворительную статистику самоубійствъ, благодаря крайней неполнотѣ официальныхъ данныхъ, собираемыхъ кое-какъ. Въ 1-й тетради „Zeitschrift des könig. Preussischen statist. Bureaus“ за 1871 г., издаваемого въ Берлинѣ подъ редакціей извѣстнаго ученаго, д-ра Эрнста Энгеля, помѣщено чрезвычайно любопытное изслѣдованіе о самоубійствахъ вообще и въ частности въ Пруссіи. Въ этомъ изслѣдованіи, между прочимъ, находится форма для бланковъ, на которыхъ вписываются самоубійства. На бланкѣ 13 вопросовъ, на которые должно отвѣчать при слѣдствіяхъ о самоубійцахъ, вопросовъ, обнимающихъ всѣ климатическія, метеорологическія, мѣстные и общія, и социальныя условія, въ которыхъ находился самоубійца. На эту форму слѣдовало бы обратить вниманіе и нашимъ вѣдомствамъ, собирающимъ свѣдѣнія о самоубійствахъ, покинувъ ту рутину, которая, напр., фигурируетъ въ

губернаторскихъ отчетахъ и вмѣстѣ съ ними и въ памятныхъ книжкахъ, издаваемыхъ нашими губ. статистическими комитетами.

Италія. Взгляды и бѣглыя замѣтки *Виктора Гена*. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872.

Небольшая книжка, вышедшая подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ сочиненій объ Италіи; это не „взгляды и бѣглыя замѣтки“, а глубокое проникновеніе въ почву, климатъ, исторію и характеръ народа, населяющаго Аппенинскій полуостровъ. Книжка читается съ величайшимъ интересомъ отъ начала до конца, представляя въ очеркахъ, живо и талантливо написанныхъ, описаніе почвы, растительности, животнаго царства, архитектуры и садовъ, народа и языка Италіи. Съ наибольшимъ интересомъ читатели вѣроятно прочтутъ живую главу „За итальянскій народъ“, въ которой авторъ защищаетъ итальянцевъ отъ нападокъ, которымъ они подвергаются нерѣдко со стороны легкомысленныхъ путешественниковъ. Г. Генъ—ученый, принадлежащій Россіи, хотя и пишущій по-нѣмецки, и вполнѣ чуждъ нѣмецкой исключительности: взглядъ его широкій, многообъемлющій, чуждый всякихъ пристрастій, изложеніе—живое, образное, увлекательное, хотя и украшено множествомъ цитатъ изъ древнихъ и новыхъ писателей. Написанная въ 1867-мъ г., книга его является какъ нельзя болѣе кстати въ настоящее время, когда Италія начинаетъ обращать на себя вниманіе необыкновенно быстрымъ развитіемъ экономической и интеллектуальной жизни.

Ленъ и Псковская губернія. *И. И. Василева*. Изд. Псковскаго губ. Статистическаго Комитета. Псковъ, 1872.

Псковская губернія—страна „мякинниковъ“, людей, живущихъ въ проголодь, питающихся хлѣбомъ изъ невѣянной ржи, какъ и многія другія страны нашего обширнаго отечества. Полагая казенную порцію хлѣба на семью въ 100 п. въ годъ, получимъ, что каждая крестьянская семья въ Псковской губ. нуждается въ 55 пуд. хлѣба привознаго, потому что мѣстное хлѣбопашество не только не даетъ крестьянамъ средствъ на уплату податей, повинностей и налоговъ, но и для собственнаго продовольствія. Зная, какое количество хлѣба необходимо крестьянину для того, чтобы жить въ проголодь и какое количество его онъ получаетъ съ своихъ полей, легко вычислить, сколько хлѣба недостаетъ на всѣ 684,768 душъ крестьянскаго населенія. По разсчету г. Василева, это количество равняется 7.827,618 четверикамъ, а при установившейся въ настоящее время цѣнѣ въ 8 р. четверть, не менѣе какъ на 7.827,618 р. Эти почти 8 милліоновъ рублей крестьяне, слѣдовательно, должны выработать промысла-

ми; но независимо отъ существованія въ проголодь на одномъ хлѣбѣ, такъ какъ скотоводство въ губерніи весьма ничтожно (всего скота на 100 жит. приходится 76 штукъ), на крестьянахъ лежитъ ежегодныхъ сборовъ всевозможнаго происхожденія до 2.782,798 р., такимъ образомъ они должны заработать на промыслахъ до 10.610,416 р. Но всѣ промыслы, существующіе въ губерніи, даютъ всего до 2 милл. р., остальные 9 милл. вырабатываются на льняномъ промыслѣ, для котораго почва Псковской губ. оказывается наиболѣе производительною. Зависимость крестьянъ отъ этого промысла всего нагляднѣе доказывается сопоставленіемъ цифръ льняного производства съ количествомъ купленнаго хлѣба по годамъ: чѣмъ больше крестьяне получаютъ съ своихъ полей льна, тѣмъ больше покупаютъ хлѣба и тѣмъ меньше живутъ въ проголодь; можно бы прибавить, еслибъ, съ одной стороны, ежегодно не увеличивались подати и повинности, а съ другой, при естественномъ со стороны крестьянъ увеличеніи числа десятинъ, отходящихъ подъ ленъ, не уменьшалось количество десятинъ, засѣваемыхъ хлѣбомъ, не уменьшалось вмѣстѣ съ тѣмъ скотоводство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, производство льна беретъ только своимъ количествомъ, а не качествомъ, и культура его, будучи почти въ исключительномъ вѣдѣніи крестьянъ, находится въ первобытномъ состояніи. Все это какъ нельзя яснѣе изображено въ трудѣ г. Василева, который воспользовался имѣвшимися у него данными съ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью. Къ книжкѣ своей онъ приложилъ свѣдѣнія о способахъ воздѣлыванія и обработки льна въ Бельгіи и Ирландіи и нѣкоторыя др. свѣдѣнія для сравнительной и международной статистики льняного производства.

Ежегодникъ министерства финансовъ. Выпускъ III. На 1871 годъ. Составленъ подъ редакціей А. Б. Бушена. Спб. 1872.

„Ежегодникъ“ этотъ издается третій годъ; естественный порядокъ вещей требуетъ нѣкотораго прогресса и отъ официальныхъ изданій, отъ официальныхъ изданій даже болѣе, чѣмъ отъ частныхъ, ибо первыя не зависятъ въ такой мѣрѣ отъ вниманія или невниманія публики, какъ послѣднія. Къ сожалѣнію, „Ежегодникъ“ не только не исполняетъ этой „исторической“ задачи, но даже, можно сказать, идетъ противъ нея, ежегодно ухудшаясь. Въ министерство финансовъ стекается масса всевозможныхъ статистическихъ матеріаловъ, и матеріаловъ наиболѣе важныхъ, потому что большинство ихъ имѣетъ прямое отношеніе къ матеріальному и даже въ нѣкоторой степени къ нравственному прогрессу страны. Потребленіе вина и пива, добыча металловъ, развитіе промышленности—обо всемъ этомъ есть въ министерствѣ финансовъ драгоцѣнныя данныя, которыя ждутъ

только мастера или труженника, по крайней мѣрѣ, который бы далъ имъ плоть, который не валилъ бы ихъ въ кучу, а мало-малыски раз-работывалъ и относительно освѣщалъ. Что-жъ мы встрѣчаемъ въ „Ежегодникѣ“ и почему для матеріаловъ, въ немъ печатаемыхъ, требуется особый редакторъ, да еще въ лицѣ такого извѣстнаго статистика, какъ г. Бушенъ? Свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ, свѣдѣнія о дѣйствительномъ исполненіи государственныхъ росписей, о состояніи государственнаго долга — все это или гораздо прежде печатается въ сенатскихъ изданіяхъ и „Прав. Вѣстникѣ“, или прежде и полнѣе не-сравненно въ отчетахъ государственнаго контроля. Очевидно, что для перепечатки никакого редактора не нужно. Затѣмъ идутъ свѣдѣнія о кредитныхъ учрежденіяхъ, но нѣкоторые свѣдѣнія, напр., о городскихъ общественныхъ банкахъ, раньше печатаются въ „Правит. Вѣстникѣ“, а другія ничего не представляютъ, кромѣ черной работы со счетами въ рукахъ. Свѣдѣнія выкупной операціи — перепечатка изъ „Правит. Вѣстника“, свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ — перепечатка изъ „Видовъ Торговли“, свѣдѣнія о горномъ и др. производствахъ — простая сводка официальныхъ вѣдомостей, безъ всякой другой обработки. Оче-видно, для всего этого вовсе не требуется никакого специалиста, а если на изданіи стоитъ имя г. Бушена, то или по ошибкѣ и недо-смотру, или какъ официальная роскошь. Въ „Ежегодникѣ“ на 1870 г. было дѣльное изслѣдованіе г. Пернке о соляномъ промыслѣ, въ „Еже-годникѣ“ за 1869 г. многія таблицы были составлены очень обстоя-тельно и сообщены чрезвычайно важныя свѣдѣнія о фабрикахъ и за-водахъ, не подлежащихъ акцизу; но „Ежегодникѣ“ на 1871 во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже своихъ предшественниковъ, даже по коли-честву матеріала, не только по качеству его. Такое явленіе очень прискорбно встрѣтить въ официальномъ изданіи такого министерства, которое съ уваженіемъ относится къ общественному мнѣнію и все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе Россіи. Возьмемъ для примѣра свѣдѣнія о винокуренномъ производствѣ и винной торгов-лѣ, эту специальность нашихъ финансовъ, о которой въ министерствѣ финансовъ должны находиться самыя подробныя свѣдѣнія. Сравните обработку хоть тѣхъ свѣдѣній, которыя печатаются обыкновенно въ „Ежегодникахъ“, въ этомъ изданіи на 1869 г. и на 1871 г., и вы тотчасъ увидите значительную разницу. Вѣдомость о числѣ патен-товъ, выданныхъ на питейные дома, штофныя лавки, шинки, корчмы и т. п. заведенія, показывала не только одно абсолютное количество этихъ заведеній въ разныхъ губерніяхъ, но и распредѣленіе ихъ по числу жителей. Въ „Ежегодникѣ“ за 1869 г. показаны цѣны на ви-но, чего нѣтъ въ „Ежегод.“ на 1871 г.; въ „Ежегод.“ на 1869 г. по-казано, сколько кабаковъ приходится на сколько жителей въ губерніи, чего въ „Ежегодникѣ“ на 1871 г. также нѣтъ; а между тѣмъ свѣдѣ-

нія важны; о количествѣ вывареннаго пива и меда совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній, хотя показывается число заводовъ, занятыхъ этимъ производствомъ; о цѣнахъ на спиртъ и оцѣнки винокуренной производительности также нѣтъ. Вообще данныя сообщаются очевидно въ томъ самомъ черновомъ видѣ, какъ поступаютъ они въ министерство, и редакция только корректуру держитъ. Распредѣленіе кабаковъ по числу жителей за 1867 г. давало возможность поставить губерніи въ такомъ порядкѣ по степени трезвости:

Тверская губ. 1 кабакъ на	1,448	жителей
Костромская „ „ „	976	„
Смоленская „ „ „	967	„
Новгородская „ „ „	939	„
Псковская „ „ „	850	„
Казанская „ „ „	834	„
Вятская „ „ „	824	„
Калужская „ „ „	814	„
Архангельская „ „ „	778	„
Владимирская „ „ „	771	„
Вологодская „ „ „	746	„
Ярославская „ „ „	739	„
Симбирская „ „ „	730	„
Нижегородская „ „ „	708	„
Олонецкая „ „ „	689	„

и такъ далѣе, до слѣдующихъ внушающихъ почтеніе цифръ:

Минская губ. 1 кабакъ на	288	жителей.
Могилевская „ „ „	283	„
Бессарабская „ „ „	277	„
Эстляндская „ „ „	270	„
Кіевская „ „ „	265	„
Восточ. Сибирь „ „ „	259	„
Екатеринославская „ „ „	258	„
Донская „ „ „	256	„
Гродненская „ „ „	227	„
Таврическая „ „ „	218	„
Херсонская „ „ „	188	„

Въ „Ежегодникѣ“ на 1871 г. этой работы надъ цифрами совсѣмъ нѣтъ, хотя число кабаковъ увеличилось, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Въ 1867 г.	Въ 1870 г.
Въ городахъ Европейской Россіи кабаковъ	34,349	31,207.
„ уѣздахъ „ „ „	108,697	112,322.
	<hr/> 143,046	<hr/> 143,529

Одинъ кабакъ въ Европ. Россіи приходится на 434 жителей! А въ этотъ расчетъ не вошли пивныя и портерныя лавки, постоянные дворы, временныя выставки и проч. Конечно, по одному числу ка-

бачень. нельзя еще составить себѣ полнаго понятія о разореніи крестьянъ на водку: для этого необходимы были бы данныя о количествѣ проданнаго вина по губерніямъ, чего въ „Ежегодникѣ“ не показывается; но и безъ того, зная, что акцизный сборъ съ вина увеличился въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ до 150-ти милл. р., можно себѣ представить картину народнаго пьянства. Замѣчательно, что въ „Ежегодникѣ“ министерства финансовъ, выпущенномъ въ прошломъ году на французскомъ языкѣ („Annuaire des finances russes“) и предназначенномъ для Европы, какъ это сказано въ предисловіи, совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о винокурении и винной торговлѣ. Оно въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ ловко было сообщить Европѣ, что у насъ 1 кабакъ приходится на 434 жителя, и 1 народная школа на 3455 человѣкъ! Возвращаясь къ „Ежегоднику“, скажемъ, что было бы желательно, чтобы редакція обратила вниманіе на обработку тѣхъ данныхъ, которыя доставляются ей изъ губерній и не давала бы права предполагать, что „Ежегодникъ“ навѣкъ не редактируется.

Театральное искусство П. Д. Боборыкина. Сиб. 1872.

Еслибъ г. Боборыкинъ въ своемъ предисловіи сказалъ, что онъ составилъ эту книгу не мудрствуя лукаво, не задаваясь высшими претензіями, съ единственною цѣлью дать хотя какое-нибудь руководство молодому актеру, то книгѣ можно было бы только пожелать успѣха: это мало общается, отъ того и мало требуется. Но г. Боборыкинъ, въ своемъ предисловіи, наговорилъ и о томъ, что онъ „старался держаться научно-философскаго принципа“, и о томъ, что для усвоенія его книги необходимо „научное образованіе“, „предварительное научное развитіе“, и о томъ, что онъ считаетъ „совершенно популярный тонъ неумѣстнымъ“ для подобнаго сочиненія, ибо „онъ заключалъ бы въ себѣ фальшь“, и о томъ даже, что онъ употребляетъ въ своемъ изложеніи „слова и термины, присвоенные философскому и научному языку, каковы, напримѣр.: субъектъ, объектъ, моментъ, эмпиризмъ, синтезъ, методъ и т. п.“ Прибавимъ къ этому, что онъ даже выѣсто „основа“, „почва“, употребляетъ „грунтъ“, напр.: „такой положительный грунтъ одинъ даетъ ему критерій“, и проч. Съ такимъ квази-научнымъ препаратомъ, „Театральное искусство“ дѣйствительно становится непонятнымъ для людей мало развитыхъ, а для людей развитыхъ оно совершенно бесполезно: какъ первые въ немъ многого не поймутъ и именно того, что недостаточно понимаетъ и самъ авторъ, такъ вторые ничего въ немъ не найдутъ изъ того, что имъ было бы неизвѣстно. Книга г. Боборыкина существенно раздѣляется на двѣ части: въ одной онъ говоритъ о томъ, что самъ себѣ недостаточно усвоилъ, въ другой о томъ, что онъ знаетъ, что вынесъ

изъ опыта и чтенія. Ни въ той, ни въ другой части „научно-философскій принципъ“ ни при чемъ,—объ немъ говорится только въ предисловіи для важности, но въ книгѣ онъ совершенно отсутствуетъ, если только не считать за „научно-философскій принципъ“ изложеніе нѣкоторыхъ научныхъ данныхъ, не вполне усвоенныхъ авторомъ.

Это неполное усвоеніе замѣчается именно въ первой части книги, гдѣ авторъ говоритъ о необходимости для актера основательнаго изученія анатоміи и физиологіи и сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этимъ предметамъ. По нашему мнѣнію, актеръ долженъ обладать хорошимъ общимъ образованіемъ, которое открывало бы ему свободный доступъ къ чтенію популярныхъ и научныхъ трудовъ хотя бы и по анатоміи и физиологіи, и въ общество, всевозможные интересы котораго ему должны быть не чужды; по мнѣнію г. Боборыкина актеръ прежде всего долженъ основательно изучить анатомію и физиологію, нервную систему въ особенности, чтобъ распоряжаться умѣючи своими мышцами и нервами. А такъ какъ основательное изученіе этихъ предметовъ, во-первыхъ, не дѣлаетъ еще актера, ибо мы никогда не слышали, чтобъ знаменитые анатомы и физиологи дѣлались знаменитыми актерами, и думаемъ, что послѣднимъ легче сдѣлаться первыми, чѣмъ первыми послѣдними; во-вторыхъ, основательно изучить анатомію и физиологію можно только по трупамъ, то можно заключить съ полною основательностію, что г. Боборыкинъ напрасно желаетъ обратить театральныя школы въ медицинскіе факультеты, или, что одно и то же, медицинскіе факультеты въ театральныя школы. Не составивъ себѣ яснаго представленія о томъ, что необходимо знать актеру изъ области естественныхъ наукъ, г. Боборыкинъ блуждаетъ въ темныхъ фразахъ и пустой болтовнѣ, или прибѣгаетъ къ компиляціямъ изъ двухъ-трехъ прочтенныхъ имъ научныхъ и популярныхъ трудовъ. Развитой актеръ не найдетъ въ этомъ якобы научно-анатомическомъ и физиологическомъ блужданіи ровно ничего и, конечно, съ большою пользою обратится къ книгамъ, авторы которыхъ говорятъ объ анатоміи и физиологіи, какъ специалисты, т.-е. какъ люди, у которыхъ и научное изложеніе, при извѣстномъ талантѣ, является популярнымъ. Къ этимъ же книгамъ слѣдуетъ совѣтовать обращаться и мало-развитымъ актерамъ, ибо если они и не усвоятъ себѣ всего прочитаннаго, но по крайней мѣрѣ за то что-нибудь узнаютъ, тогда какъ изъ „Театральнаго Искусства“ ровно ничего нельзя узнать ни по анатоміи, ни по физиологіи. Во второй части книги, гдѣ г. Боборыкинъ покинулъ мало извѣстную ему область естественныхъ наукъ и перешелъ къ сценѣ, въ качествѣ рецензента, весьма не глубокаго, правда, но видѣвшаго много и читавшаго театральныя рецензіи даже на иностранныхъ языкахъ, онъ является понятнымъ въ своемъ изложеніи даже для малограмотнаго актера и, поэтому, полезнымъ. Онъ довольно

удачно скомпилировал почти все то, что обыкновенно говорится въ газетныхъ рецензіяхъ объ игрѣ актеровъ, и потому мы рекомендуемъ для прочтенія эту часть книги начинающимъ актерамъ. Во всякомъ случаѣ, какъ первая попытка, въ сожалѣнію слишкомъ претенціозна, резюмировать въ одной книгѣ нѣкоторые правила театральнаго искусства, книга г. Боборыкина можетъ считаться небезполезнымъ вкладомъ въ нашу литературу.

Сочиненія и переписка Кондратія Федоровича Рылѣева. Изданіе его дочери, подъ ред. П. А. Ефремова, Сиб. 1872. X и 382 стр.

Это изданіе безъ сомнѣнія обратитъ на себя вниманіе всѣхъ любителей русской литературы, какъ первое, въ нашей домашней печати, воспроизведеніе сочиненій писателя, уже получивша почти тому назадъ кончившаго свое земное поприще. По обстоятельствамъ своей печальной біографіи, Рылѣевъ былъ совершенно забытъ нашими историками литературы, — хотя въ свое время онъ занималъ очень видное мѣсто между писателями романтической школы, и конечно былъ замѣчательнѣе многихъ, которымъ эти историки считали нужнымъ посвящать критическія разсужденія. Настоящее изданіе не представляетъ біографіи Рылѣева, и дѣйствительно, едва ли и теперь пришло время для вполне правдивой біографіи, такъ тѣсно связанной съ тревожными историческими событіями; но давно было бы пора вывести изъ забвенія по крайней мѣрѣ чисто-литературную дѣятельность писателя. Въ предисловіи въ настоящему изданію справедливо замѣчено, что хотя Рылѣевъ былъ признанъ судомъ за государственнаго преступника, въ стихотвореніяхъ его нѣтъ ничего преступнаго, что напротивъ онъ проникнутъ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, были напечатаны подъ надзоромъ очень строгой тогдашней цензуры и въ настоящее время не могутъ считаться ни опасными, ни вредными; что многія стихотворенія Рылѣева могли бы даже (какъ было недавно высказано) имѣть благотворное воспитательное значеніе для юношества, возбуждая въ немъ патріотическія чувства, любовь къ родинѣ и къ славнымъ дѣяніямъ предковъ, такъ какъ лучшіе люди нашей старины, прославленные исторіей, находили въ Рылѣевѣ своего одушевленнаго пѣвца.

Таковы, въ самомъ дѣлѣ, думы и поэмы Рылѣева, составляющія его главное литературное право. Возможны даже для реблчески мнительной и боязливой цензуры того времени, онѣ стали потомъ невозможны только по одному имени автора, а вовсе не по своему содержанию, въ которомъ господствуетъ патріотическій романтизмъ, совершенно невинный; по теперешнему характеру литературы, эти произведенія, кромѣ историческаго значенія, могутъ имѣть значеніе именно

только въ смыслѣ юношескаго чтенія, въ указанномъ выше смыслѣ. Правда, въ стихотвореніяхъ Рылѣева есть также нѣсколько пьесъ, гдѣ отразился и его политическій образъ мыслей послѣдняго времени; но и эти пьесы утратили въ настоящее время свой первоначальный смыслъ, и сохраняя значеніе, какъ біографическая черта, стали менѣе поэтической, отвлеченностью.

Нечего говорить о томъ, какимъ пробѣломъ въ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ было продолжавшееся до сихъ поръ исключеніе Рылѣева. Онъ конечно не былъ талантомъ большимъ; его поэзія слишкомъ носитъ на себѣ черты тогдашней господствующей манеры, — но онъ во всякомъ случаѣ былъ однимъ изъ лучшихъ членовъ Пушкинской школы. Въ свое время онъ имѣлъ много почитателей; его думы и поэмы, отчасти названныя чужими образами, были повсюду въ тогдашней литературѣ и читателямъ нравились патристическая подкладка его поэзіи. Когда сочиненія его стали вѣщою заветной; его думы и поэмы, не имѣнія новыхъ изданій, продолжали ходити въ рукописяхъ; мы помнимъ эти рукописи въ сороковыхъ годахъ. Самъ Пушкинъ отзывался различно о Рылѣевѣ, то слишкомъ небрежно (въ отыскахъ, постороннимъ лицамъ), то очень восхвалительно (особенно въ письмахъ къ самому поэту), но въ среднемъ счетѣ едва ли не выводитъ, что и въ его глазахъ стихотворенія Рылѣева выходили изъ обыкновеннаго ряда. Дѣйствительно, въ этихъ стихотвореніяхъ были двоя недостатки, — извѣстная условная манера того времени; не всегда ровный и легкій стихъ, — но по содержанію; по отдѣльнымъ всплывкамъ сознательнаго чувства, стихотворенія Рылѣева стоятъ гораздо выше множества произведеній „меньшихъ поэтовъ“ (Пушкинской школы, — между прочимъ и тѣхъ, которыхъ восхвалялъ самъ Пушкинъ. Не всегда было удачно исполненіе поэтическихъ замысловъ Рылѣева, но самые замыслы были серьезнѣе, чѣмъ у кого-либо изъ другихъ писателей этой школы: какъ всѣ, онъ былъ романтикъ; романтизмъ казался ему „истинной поэзіей“, но онъ не заключался для него (какъ почти для всѣхъ другихъ „меньшихъ“ поэтовъ) въ совершенно неопредѣленной разочарованной мечтательности, — напротивъ, по чувству и по понятіямъ Рылѣева, поэзія имѣла свои опредѣленные условія, какъ искусство, и свои требованія, какъ нравственная задача. Эти требованія были патристическія, и здѣсь его поэзія соприкасалась съ его политическими мнѣніями. Въ послѣднихъ всегда было, кажется, много энтузіазма, и тамъ, гдѣ въ немъ говорило это настроеніе (еще задолго до его роли въ тайномъ обществѣ), стихотворенія Рылѣева отличаются истинной поэзіей и дѣйствительными достоинствами. Таковы, кромѣ различныхъ отдѣльных мѣстъ въ его думахъ и поэмахъ, пьесы его: „Видѣніе“, „Гражданское мужество“, „Къ временщику“, и отчасти нѣкоторые другія стихотворенія. Въ

этихъ мотивахъ и заключался его отличительный характеръ, который безъ сомнѣнія выгоднымъ образомъ отдѣляетъ Рылѣва отъ его сверстниковъ въ школѣ Пушкина.

Исполненіе настоящаго изданія, принадлежащее г. Ефремову, весьма точно и добросовѣстно, какъ вообще труды этого почтеннаго библіографа. Онъ старательно собралъ все, что было извѣстно изъ сочиненій Рылѣва, внимательно прослѣдилъ уцѣлѣвшія рукописи, сдѣлалъ всѣ сличенія, и собралъ все это въ библіографическія примѣчанія (стр. 351—382). Г. Ефремовъ не помѣстилъ въ изданіе только нѣсколькихъ незначительныхъ пьесъ, которыя впрочемъ всѣ имъ указаны. Изданія Рылѣва, появившіяся въ заграничной печати, уступаютъ настоящему и въ точности, и въ полнотѣ. По рукописямъ г. Ефремовъ возстановилъ правильное чтеніе нѣкоторыхъ пьесъ; по рукописямъ онъ напечаталъ нѣсколько новыхъ „думъ“ (предварительно, онѣ появлялись въ „Русской Старинѣ“). Нѣсколько пьесъ, до настоящаго изданія, напечатаны были въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ“ (кн. I) г. Бартенева, но между прочимъ съ очень странными ошибками, которыя были исправлены г. Ефремовымъ (см. стр. 210 и 371, и друг.). Многое является въ изданіи въ первый разъ, напр., въ особенности переписка Рылѣва, его письма къ отцу и къ матеря, къ свояченицѣ и женѣ, и наконецъ рядъ писемъ его изъ крѣпости, изъ которыхъ только одно послѣднее было до сихъ поръ извѣстно. Письма къ отцу напечатаны только въ извлеченіяхъ; письма изъ крѣпости—вполнѣ.

Биографія писателя еще остается въ ожиданіи, — мы упомянули выше, почему ея составленіе все еще затруднительно; — г. Ефремовъ указываетъ въ концѣ книги тѣ биографическія свѣдѣнія о Рылѣвѣ, какія появлялись до сихъ поръ въ нашей литературѣ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИНЪ, ЕГО НАПРАВЛЕНИЕ И ЦѢЛИ.

Mädchenziehung und Frauenleben im Aus- und Inlande. Mit einem Anhang: Deutsche Frauenthätigkeit während des Krieges 1870—71. Von *Gustaf Kreyenberg*. Berlin, 1872. I. Gutentag, (Роспитаніе дѣвѣ и жизнь женщѣнъ загранично и дома. Съ прибавленіемъ: о дѣятельности нѣмецкихъ женщѣнъ во время войны 1870—71 г. Соч. *Готгольда Крейенберга*).

Essays and Lectures on social and political subjects. By *Henry Fawcett*, M. P. Professor of political economy in the university of Cambridge, and *Millicent Garrett Fawcett*. London, 1872. Macmillan and Co. (Статьи и лекціи о социальныхъ и политическихъ предметахъ. Соч. *Генри Фосетта* и *Миллисентъ Гарретъ Фосеттъ*).

Изъ общественныхъ вопросовъ мало есть такихъ, которые имѣли бы столь важное значеніе для исторической жизни народовъ и тѣмъ не менѣе такъ долго подвергались бы столь полному невниманію, какъ вопросъ объ образованіи женщѣнъ; рутина именно въ этомъ вопросѣ успѣла насидѣть для себя самое безопасное и теплое мѣсто. Виною такого явленія въ жизни всѣхъ цивилизованныхъ странъ служить во многихъ отношеніяхъ излишнее увлеченіе людей чисто политическими дѣлами: слѣпое стремленіе къ власти и пагубная привычка къ насильственному разрѣшенію плохо составленныхъ задачъ; это желаніе властвовать и эта привычка къ самоуправству деморализировали и семейныя отношенія—эту главную лабораторію равноправности и свободы. Подъ гнетомъ этихъ вліяній и той общественной рутины семейной жизни, которую выработала исторія во времена безконтрольнаго господства физической силы, женщѣна пробивалась впередъ, къ свѣту, къ наукѣ, лишь съ большимъ трудомъ. Теперь всякій болѣе или менѣе понимаетъ, что женщѣна однимъ своимъ положеніемъ въ семьѣ и обществѣ оказываетъ сильное давленіе не на общественную жизнь только, но и на политическую,—что бездѣятельность женщѣнъ и развращенность ихъ могутъ оказывать самое пагубное вліяніе на государственный бытъ страны, и что противъ этой развращенности и бездѣятельности всѣ репрессивныя мѣры оказываются малоудѣствительными, а иногда даже только пуще деморализующими.

Какъ случилось съ невѣжествомъ низшихъ классовъ въ обществѣ, такъ случилось и съ невѣжествомъ женщѣнъ. Удалось низшимъ классамъ заявить свои права на признаніе за ними гражданской равноправности, удалось имъ проявить стремленіе и способности къ образованію, и стоило только дальновиднымъ ученымъ и политикамъ понять, что благосостояніе и безопасность страны невозможны при угнетенномъ и невѣжденномъ состояніи народныхъ массъ, какъ тотчасъ поя-

вились всевозможныя движенія въ политическомъ мірѣ, изъ которыхъ родились вопросы о гражданской равноправности и народномъ образованіи. Также точно родился и пошелъ по свѣту вопросъ о женскомъ образованіи: его никто не выдумывалъ, его не навязали женщинамъ, онъ — плодъ извѣстной степени нравственнаго развитія самихъ женщинъ, а также природной и научной прозорливости умныхъ и практическихъ патриотовъ, искренно преданныхъ интересамъ общаго благосостоянія и счастья своихъ согражданъ.

Конечно, и теперь еще, даже среди образованныхъ классовъ въ европейскихъ обществахъ найдутся чудачи, способные отвергать пользу распространенія образованія среди женщинъ, какъ есть пока головы, которыя готовы сомнительно покачиваться при вопросѣ: „учиться ли?“. Конечно также, что эти головы пользуются иногда столь сильнымъ вліяніемъ въ тѣхъ или другихъ правительственныхъ сферахъ и могутъ тормозить дѣло образованія не только женщинъ, но и мужчинъ всѣхъ состояній и классовъ. Но ихъ вліяніе, во всякомъ случаѣ, столь слабо, что не можетъ не только уничтожить, но даже приостановить общественное движеніе въ пользу женскаго образованія, такъ какъ въ этомъ движеніи принимаютъ самое живое участіе не демагоги какіе-нибудь, способные изъ всякаго общественнаго вопроса создавать доходную статью для своей политической промышленности, но серьезные ученые и крупные мыслители, и главное: сами женщины, до крайней мѣры лучшія и наиболѣе способныя изъ нихъ. Авторитетъ науки и сами женщины успѣли, однимъ словомъ, убѣдить всѣхъ, кто только въ состояніи убѣждаться, что женщинамъ нужно учиться, и нужно учиться серьезно. Но какъ, и для какихъ цѣлей?...

На этотъ вопросъ сторонники женскаго образованія отвѣчаютъ различно, но изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ мнѣній, высказываемыхъ съ болѣею или меньшею искренностью, съ болѣе или меньшимъ знаніемъ самаго дѣла, можно придти къ довольно простому заключенію: есть сторонники женскаго образованія, которые ставятъ ему цѣлью воспитывать женщинъ въ „люди“, и подравниваютъ его во всѣхъ отношеніяхъ подъ образованіе, получаемое мальчиками; есть еще другая партія сторонниковъ, которые предлагаютъ другія методы преподаванія въ видахъ воспитыванія женщинъ исключительно въ „матери“. Последняго направленія придерживается авторъ жерваго изъ разбираемыхъ нами сочиненій: директоръ Изерлонской городской высшей школы для дѣвицъ (höhere Töchtertschule), Крейенбергъ; жерваго — кэмбриджскій профессоръ Фосеттъ и его жена. Насколько намъ извѣстна нынѣшняя литература даннаго вопроса, мы можемъ утверждать, что обѣ разбираемыя книги обнаруживаютъ въ ихъ авторахъ столь достаточную компетентность въ дѣлѣ женскаго образованія, что ихъ сужденія могутъ быть приняты за добросовѣстное изложеніе

тѣхъ самыхъ направленій, представителями которыхъ они желаютъ служить. Благодаря тому счастливому обстоятельству, что наши авторы писали свои книги не въ полемическихъ видахъ, не ради проявленія своего остроумія—подчасъ дешеваго—на счетъ невѣжества или глупости своего противника, а именно для разъясненія интересующаго ихъ самихъ вопроса, на изученіе котораго они потратили много времени, не жалея своихъ силъ и способностей,—благодаря этому обстоятельству—говоримъ мы—эти обѣ книги могутъ служить весьма хорошимъ и удобнымъ матеріаломъ для сравнительной оцѣнки обоихъ взглядовъ на женское образованіе и тѣхъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ эти взгляды основаны и которыми они подтверждаются.

Очевидно, что оба взгляда, къ разбору которыхъ мы намѣрены приступить, должны имѣть между собою много общаго, такъ какъ одинъ изъ нихъ, повидимому, цѣликомъ содержится въ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, образовать изъ женщины „человѣка“ значитъ образовывать изъ нея, между прочимъ, и „мать“. Если изъ мальчика выходитъ не „отецъ“ только, но и „человѣкъ“, то точно также и женщина-мать можетъ еще быть и женщиною-человѣкомъ. Но педагоги, какъ Крейенбергъ, не хотятъ знать этой простой логики, и стоятъ на томъ, что женщину слѣдуетъ воспитывать исключительно для исполненія материнскихъ обязанностей, что женщинѣ слѣдуетъ давать специальное въ этомъ направленіи образованіе. Не слѣдуетъ думать, что Крейенбергъ путитъ съ словомъ „мать“, разумѣя подъ нимъ лишь женщину-самку, способную рождать, кормить и нѣжить своихъ дѣтей, въ видахъ выгоднаго устройства ихъ будущей судьбы или изъ желанія поскорѣе „поставить на ноги“ сыновей и „сбыть съ рукъ“ дочерей. Нѣтъ,—онъ требуетъ отъ матери сознанія своей общественной, *гражданской* роли въ семьѣ, онъ хочетъ, чтобы она вся предалась воспитанію своихъ дѣтей, чтобы она „своимъ примѣромъ“, а не на словахъ только, учила своихъ дѣтей стремленію къ добру и истинѣ, а также сознанію своего національнаго достоинства. Въ этомъ послѣднемъ требованіи Крейенбергъ заходитъ столь далеко, что хочетъ, чтобы семья и школа въ Германіи создавали не только хорошихъ и разумныхъ дѣвушекъ вообще, но непременно *нѣмецкихъ* дѣвушекъ. Авторъ, впрочемъ, не опредѣляетъ, какія именно спеціальныя свойства должны имѣть его „нѣмецкія“ дѣвушки, и мы, поэтому, это его требованіе можемъ принять за риторическое выраженіе мысли о необходимости пробудить въ женщинахъ патріотическое чувство. Факты, собранные Крейенбергомъ въ особомъ „прибавленіи“ о госпитальной дѣятельности нѣмецкихъ женщинъ во время послѣдней войны съ французами, должно быть убѣдили его въ способности женщины оказывать весьма важныя услуги отечеству. Крейенбергъ дѣйствительно умѣетъ цѣнить эти услуги, какъ видно изъ его желанія, чтобы всѣ

женские союзы и артели, образовавшиеся во время войны для пособия раненым и их семьям и другим несчастным, не расходились, а преобразовались въ комитеты для пособия бѣднымъ или въ какія-нибудь общества для распространенія женскаго образованія, для устройства женскихъ читаленъ и т. п. Правда, что рекомендуемая Крейенбергомъ дѣятельность требуетъ для своей успѣшности лишь практической сноровки и благотворительной наклонности, что она можетъ вызываться и совершаться подъ вдохновеніемъ не гражданскаго чувства, а простаго человеколюбія или религіи, но тѣмъ не менѣе нашъ авторъ впадаетъ въ большую ошибку, если полагаетъ, что какой-нибудь дамскій комитетъ можетъ способствовать искорененію нищеты посредствомъ посѣщенія женщинами-членами „своихъ бѣдныхъ“. Онъ самъ сознается, что въ городахъ, гдѣ есть *женскіе союзы*, нищета скорѣе растетъ чѣмъ ослабѣваетъ, (стр. 306), — онъ знаетъ, что на это есть „своя другія причины“, но въ чемъ эти „другія причины“ состоятъ — не говоритъ, между тѣмъ какъ самая главная не что иное, какъ отсутствіе въ благотворительныхъ комитетахъ солидныхъ политико-экономическихъ знаній. Въ Англіи многіе благотворительные комитеты оказываются столь сильною помѣхою въ борьбѣ общества и государства съ нищетою, что родился вопросъ о правительственномъ контролѣ надъ всѣми частными благотворительными обществами. Борьба съ нищетою становится самымъ животрепещущимъ вопросомъ дня, наполненнымъ самыми серьезными затрудненіями, и для удачнаго веденія ея требуются не блага намеренія, не добрая воля, а хорошее знакомство съ методами политической экономіи. Советовать женщинамъ устраивать благотворительные комитеты и ждать отъ этихъ комитетовъ серьезной помощи можно, поэтому, только въ томъ случаѣ, если женщины знакомы съ послѣдними выводами политико-экономической науки; а эту науку, въ наше время, можетъ дѣлать изучать лишь тотъ, кто предварительно приобрѣлъ хорошее общее образованіе.

Не допуская двукратъ до одинаковаго съ мальчиками образованія и требуя въ то же время отъ матерей познанія своихъ гражданскихъ обязанностей или такой дѣятельности, какъ борьба съ нищетою, Крейенбергъ попадаетъ въ двусмысленное положеніе, которое заставляетъ его то противорѣчить самому себѣ, то писать разныя тривіальности, неприличныя серьезному человеку, при чемъ онъ опирается иногда на фактичныя данныя, обнаруживающія его слабость во всемъ, что не касается фактической части его специальности. Эти противорѣчія, тривіальности, неточности и другіе недостатки главной темы автора обнаруживаются при описаніи не только гражданской дѣятельности женщинъ, но и домашней также, напримеръ, въ описаніи матери въ дѣтямъ, жены въ мужу. Мысли нашего автора, при опредѣленіи

этихъ отношеній, до того очевидны и запутаны, что ихъ трудно бываетъ объяснить, чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ его оффиціального положенія въ свѣтѣ; эти мысли никакъ не соотвѣтствуютъ тѣмъ фактамъ, которые собраны Крейенбергомъ изъ разныхъ источниковъ объ американскихъ женщинахъ и ихъ образованіи, и изъ собственныхъ наблюдений автора во время путешествія по Англіи, Италіи, Швейцаріи и Франціи, гдѣ онъ изучалъ и женщинъ и женское образованіе. Но такъ какъ вопросъ о цѣляхъ и направленіи женскаго образованія слишкомъ важенъ и въ то же время затронутъ разными посторонними соображеніями и нелѣпыми опасеніями, то нельзя пренебрегать даже тривиальнѣшими, если даже тривиальности ложатся въ основу невѣрныхъ взглядовъ, и мы поэтому считаемъ необходимымъ поподробнѣе рассмотреть воззрѣнія Крейенберга на обязанности матери и жены.

Разсуждая о томъ, что „исполненіе каждаго призванія требуетъ познаній и искусствъ, а подготовленіе къ нему времени“, нашъ авторъ начинаетъ разсуждать о „призваніи женщины“ и приходитъ къ тому печальному заключенію, что понятіе объ этомъ призваніи разбиралось въ наши дни съ столь различныхъ сторонъ, что оно „скорѣе затѣвается, чѣмъ разъясняется“. Попробуемъ же мы—продолжаетъ авторъ—дать ему точное опредѣленіе — *bündige Erklärung*, и затѣмъ сразу опредѣляетъ: „женское призваніе состоитъ въ занятіи любовью“ (*Liebe* и *phoe*); онъ долженъ творить добро и создавать счастье какъ жены, матери, хозяйки или, если останется не замужемъ, на законѣ—либо другомъ поприщѣ, соотвѣтствующемъ особенностямъ ихъ пола, напр., въ уходѣ за больными, въ воспитаніи и т. п. Перечитывая это „точное опредѣленіе“ женскаго призванія, вы невольно нападаете на мысль: „не шутитъ ли съ вами авторъ?“ такъ какъ въ этомъ опредѣленіи, собственно говоря, нѣтъ ничего опредѣленнаго. Что это за занятіе такое: „занятіе любовью“, и отчего созданіе добра и счастья мужемъ, отцемъ и хозяиномъ не можетъ быть названо „занятіемъ любовью...?“ Этого вопроса не разрѣшить и слѣдующее какъ бы вступительное объясненіе Крейенберга къ его „точному опредѣленію: — „Если женщина—рѣнецъ созданія, то рѣнецъ женщины—любовь. Но величайшая любовь—любовь матери, величайшее счастье—счастье матери. Не бытъ любовью, но *любитъ* какъ мать—это блаженство выше всѣхъ дѣйствительныхъ и воображаемыхъ земныхъ радостей. Мужа движетъ впередъ неутолимое стремленіе и только оно одно истинно удовлетворяетъ его. Успѣхи его жалкой дѣятельности украшаютъ его неудачными и неудачными рѣнками чести и славы. И тѣмъ не менѣе онъ достигаетъ лишь немногочего въ сравненіи съ его женою, передъ которою словно волшебнымъ ударомъ открыты двери небеснаго царства. Нельзя не завидовать женщинамъ, что она можетъ столь совершенно наполнить свое бытіе, и быть великою въ великомъ и возвы-

шнюю въ маломъ. Есть блага, за которыя мужчина жертвуетъ своею жизнью; женщина знаетъ только одно высшее благо — ея дитя. Любовь матери не только довольствуется сама собою, но она всеобъемлющая; она сильнѣе всѣхъ движеній души. Материнская любовь — это ежедневное отереваніе божественной святости. Никогда смятеніе чело-вѣческаго сердца не проявляется съ такою очевидностью, какъ въ этой сферѣ“.

Мы нарочно привели здѣсь эту тираду, чтобы показать къ какому фразерству приходится прибѣгать и неглупому челоѣку, если онъ задумаетъ создавать какую-то теорію, не имѣющую ничего общаго съ окружающей жизнью. Материнская любовь сама по себѣ, какъ всякая другая любовь, заключаетъ въ себѣ, во всякомъ случаѣ, не одно счастье, какъ это кажется повидимому нашему автору. Эта любовь приноситъ счастье и утѣшеніе какъ матери, такъ и ея дѣтямъ лишь въ томъ случаѣ, если она руководится не животными инстинктами исключительно, а главнымъ образомъ великими побужденіями — цивилизованной челоѣческой натуры. Чтб, кромѣ самаго жестокаго несчастья, можетъ приносить честной и гуманной женщины ея любовь къ своимъ дѣтямъ, если послѣднія поворачать ея имя своими безчестными и безчелоѣчными поступками? И пусть же попробуютъ утверждать всѣ педагоги, въ родѣ Крейенберга, что подобная мать имѣетъ всѣ образовательныя средства къ тому, чтобы не допустить своихъ дѣтей до преступной въ ея глазахъ карьеры. Гдѣ женщины даютъ такое образованіе, чтобы она могла наставлять своихъ дѣтей даже тогда, когда они вступили на дорогу самостоятельной жизни? Съ другой стороны, материнская любовь не есть нѣчто неизмѣнное и роковое, влияющее всегда одинаковымъ образомъ; разумъ и просвѣщеніе имѣютъ на нее громадное вліяніе, очищаютъ ее отъ животности, направляютъ ее, руководятъ ею, и только въ тѣхъ случаяхъ теряютъ надъ нею всякій контроль, когда сами слишкомъ слабы. Любовь матери можетъ приносить великую пользу ея дѣтямъ въ ихъ дальнѣйшей карьерѣ, или великій вредъ, смотря потому, какими жизненными вопросами задеется сама мать и какими средствами — матеріальными, нравственными и умственными обладаетъ она, — а жизненные идеалы, нравственные и умственные средства къ воспитанію даются не природою матери только, но въ значительной мѣрѣ тѣмъ воспитаніемъ и образованіемъ, и тѣмъ жизненнымъ опытомъ, которые приобретаются самою матерью какъ въ школѣ и семьѣ, такъ и въ общественной жизни. Безъ участія матери въ общественной жизни не родятся въ ея головѣ такіе жизненные идеалы, которые вытекаютъ бы изъ даннаго состоянія общества, и примѣнімыя къ воспитанію дѣтей, могли бы создавать полезныхъ общественныхъ дѣателей; — но полезно участвовать въ общественной жизни и вѣрно понимать ее можетъ опять только такая женщина, ко-

торая сама заинтересована общественными движеніями и научнымъ образомъ подготовлена къ изученію ихъ. Самъ Крейенбергъ, когда начинаетъ опредѣлять подробности материнскихъ обязанностей, мало-помалу приходитъ къ тѣмъ же выводамъ.

Воспитаніе ребенка преслѣдуетъ три цѣли: развитіе физическихъ силъ, умственныхъ и нравственныхъ. Въ видахъ *здоровья* дѣтей Крейенбергъ предлагаетъ ввести въ высшія дѣвичьи школы въ Германіи преподаваніе гігіены и домашней химіи. О вліяніи матери на умственное образованіе дѣтей нашъ авторъ говоритъ весьма мало; матерямъ онъ поручаетъ, повидимому, умственное развитіе лишь маленькихъ ребятъ, и онъ совѣтуетъ держаться системы Фрѣбеля. Но нравственное воспитаніе, которое, сказать мимоходомъ, невозможно безъ умственного, снова даетъ автору поводъ высказаться совершенно ясно. И здѣсь, правда, Крейенбергъ пускается въ нѣкоторое фразерство, но въ сущности приходитъ къ серьезнымъ выводамъ. „Въ ребенкѣ — говоритъ онъ — должно съ раннихъ лѣтъ развивать воспримчивость къ благороднымъ чувствамъ, чтобы онъ питалъ состраданіе къ нищѣ, нуждѣ и недостаткамъ и охотно отказывался отъ удовольствія ради облегченія страданія другихъ“. „Ребенокъ долженъ быть окруженъ правдою и вѣрностью“ — высказываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, стараясь показать, что родители могутъ вліять на дѣтей главнымъ образомъ своимъ собственнымъ добрымъ примѣромъ. Еще дальше онъ говоритъ (исключительно о дѣвушкахъ, впрочемъ), что познанія, приобретаемыя въ школѣ, только подъ санкціей матери приобретаютъ окончательную силу. Мать должна обучать своихъ дочерей всѣмъ домашнимъ обязанностямъ и хозяйству и заставлять ихъ принимать дѣятельное участіе въ ея собственныхъ работахъ, не упуская изъ виду вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ умственнаго развитія. Для этой послѣдней цѣли Крейенбергъ требуетъ, чтобы матери „поддерживали свѣжесть своего собственнаго ума и чувствовали въ себѣ постоянную потребность оставаться въ общеніи съ благороднѣйшими гениями націи“. Плохое оправданіе въ томъ, — прибавляетъ авторъ; — что заботы о домашнемъ хозяйствѣ итѣвяютъ будто бы миръ. „Какъ много времени пропадаетъ совершенно бесполезно!“ восклицаетъ онъ въ заключеніе, какъ бы припоминая балы и выѣзды, и туалетныя въ нихъ приготовленія. Но не оттого ли это пропадаетъ у матери столь много времени совершенно бесполезно, что женщины не приобретаютъ въ школѣ серьезнаго образованія, которое одно поддерживаетъ въ человѣкѣ интересъ къ окружающей насъ жизни и здоровую любознательность во всѣхъ дѣлахъ? — Этого важный и простой вопросъ не приходитъ въ голову нашему автору.

Еще въ большее противорѣчіе съ своею теоріею приходитъ нашъ авторъ, когда начинаетъ порицать французскую систему женскаго образованія, которая есть не что иное, какъ послѣдовательное проведе-

ніе въ школѣ и жизни теоріи „преобразованія матерей“. Анекдотъ, избранный Крейенбергомъ для эпиграфа къ его описанію женскаго образованія во Франціи, заключаетъ въ себѣ не шутку, но дѣйствительный исходный пунктъ французской системы: „Наполеонъ I сказалъ однажды г-жѣ Кампанъ, отличной воспитательницѣ, находившейся у него въ службѣ: „старыя воспитательныя системы нигуда не годны! Чего недостаетъ намъ для того, чтобы французское юношество приобрѣтало хорошее воспитаніе?“—„Матерей!“ отвѣчала г-жа Кампанъ. Императоръ былъ сильно пораженъ этимъ отвѣтомъ. „Вотъ“—сказалъ онъ—„вотъ воспитательная система въ одномъ единственномъ словѣ!“ И самъ императоръ и всѣ его послѣдователи на французскомъ престолѣ ревностно проводили эту систему въ жизнь французской націи не только путемъ школы, но и путемъ регламентаціи внутреннихъ отношеній семейной жизни. При Наполеонѣ III эта система достигла апогея своего развитія и столь сильно укрѣпилась въ нравахъ Франціи, что когда умный министръ Дюрюи, увидѣвъ всѣ ужасныя послѣдствія системы, задумалъ и сталъ-было проводить широкій планъ преобразованія ея, то палъ подъ давленіемъ агитаціи приверженцевъ стараго порядка.

Подъ „образованіемъ матери“ французская система разумѣетъ включеніе женщины въ семью, ограниченіе ея жизни одними семейными отношеніями, полное удаленіе женщины съ политическаго или общественнаго поприща. Всѣ консерваторы въ Европѣ разумѣютъ то же самое, и ихъ нельзя поэтому упрекнуть въ непослѣдовательности, какъ мы упрекаемъ Крейенберга. Французская система не требуетъ отъ женщины гражданскихъ доблестей, ей не нуженъ женскій патріотизмъ; она стремится лишь подчинить волю женщины ея мужу, отцу—вообще мужчинѣ. Пусть мужчина будетъ гражданиномъ и патріотомъ, и пусть женщина только повинуется ему, тогда и она будетъ гражданкою и патріоткою. Самостоятельной воли не должно быть у женщины, и потому пусть разумъ ея не приобретаетъ никакихъ свѣптическихъ способностей, которыя могла бы возбудить въ немъ и изощрить наука; пусть въ душѣ ея господствуетъ и распоряжается одна религія, какъ главная и прочная основа всякаго авторитета, который задумали бы установить надъ женщиною государство и церковь. Таковы философскія и политическія основанія французской системы, и надо отдать справедливость французскимъ правителямъ—они мастерски, логически, послѣдовательно провели эти основанія въ женскомъ образованіи. Почти все оно отдано въ руки духовенства ¹⁾; за

¹⁾ По статистическимъ вычисленіямъ Манье (Manie) въ общественныхъ французскихъ школахъ больше $\frac{1}{6}$ мальчиковъ и болѣе $\frac{2}{3}$ дѣвочекъ, а въ частныхъ школахъ болѣе $\frac{2}{6}$ мальчиковъ и болѣе $\frac{3}{6}$ дѣвочекъ обучаются членами разныхъ религіозныхъ обществъ.

весьма немногими исключеніями, женскія учебныя заведенія преподають разные предметы по официальнымъ учебникамъ, составленнымъ специально для дѣвицъ, и въ которыхъ, поэтому, все изложено въ догматическомъ тонѣ, безъ всякой научной критики. Крейенбергъ смотритъ съ подозрѣніемъ на преподаваніе дѣвицамъ классическихъ языковъ и математики (научнымъ образомъ); Франція какъ разъ удовлетворяетъ его желанію: съ классиками французеновъ вовсе не знакомятъ, а по математикѣ дѣвицъ не утруждаютъ даже изустными задачами; при изученіи родного языка грамматику *Noël et Chapsal*'а должны наизусть. Но за то ихъ обучали всевозможнымъ „histoire“, риторикѣ, литературѣ, и т. п. Естественныя науки были, конечно, въ сильномъ загонѣ: „простѣйшіе факты естествознанія“—говоритъ нашъ авторъ—„были для нихъ божескими мыслями еще весьма недавно, когда стали наконецъ заботиться (Дюрюи) объ улучшеніи высшаго женскаго образованія; до того времени о введеніи въ образованіе дѣвицъ такихъ предметовъ, какъ физика, химія и естественная исторія, и не думали“. Впрочемъ, если, по мнѣнію Крейенберга, женщинъ не слѣдуетъ обучать математикѣ научнымъ образомъ, хотя бы только ариметикѣ, алгебрѣ и геометріи, то какую же пользу можетъ принести имъ преподаваніе физики и химіи—какимъ образомъ приобретутъ онѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что законы физики и химіи дѣйствительно неизмѣнны, что въ нихъ заключается научная истина, которая должна быть первообразомъ для всѣхъ истинъ въ жизни,—если сами дѣвушки не находили и не умѣютъ находить эти законы научнымъ образомъ; безъ математики же невозможно научное изученіе физики и химіи. Самъ Дюрюи былъ послѣдователенъ Крейенберга: разъ задумавши поставить женское образованіе на твердую почву, онъ далъ женщинамъ всѣхъ профессоровъ, которые учили до того времени только однихъ мальчиковъ, и тотчасъ же устроилъ математическіе курсы арифметики и геометріи.

Вообще говоря, какъ бы ни разсуждали о цѣляхъ женскаго образованія такіе непоследовательные педагоги, какъ Крейенбергъ, слѣдуетъ принять за основное положеніе всякой системы образованія или серьезную науку, или профессиональную выучку тому или другому роду дѣятельности. Если женщина должна быть только матерью, супругою и хозяйкою, въ рутинномъ смыслѣ этихъ специальностей, то ей наука вовсе не нужна, и французская система, поэтому, вполне удовлетворяетъ данной цѣли. Если же отъ женщинъ требуютъ не только простаго кормленія и первоначальнаго воспитанія дѣтей, игры и болтовни съ ними, не только ухаживанія за своимъ мужемъ и повиновенія его волѣ, да бережливости въ семейномъ быту,—если ее порицають за то, что она не способствуетъ развитію гражданскихъ чувствъ въ своихъ сыновьяхъ и мужахъ, и за то еще, что она не проявляетъ патриоти-

ческаго воодушевленія,—если, однимъ словомъ, ей ставить общественныя задачи и самое вводить въ такія положенія¹⁾, гдѣ ей необходимо дѣйствовать самостоятельно—на собственный страхъ, гдѣ она можетъ приносить или страшный вредъ или великую пользу общественному благосостоянію,—то само собою разумѣется, ее слѣдуетъ и вооружить всѣмъ, что только даетъ современная цивилизація для достиженія успѣха въ подобной дѣятельности, то-есть, главнымъ образомъ, научною подготовкою къ жизни, научнымъ образованіемъ; пусть, въ такомъ случаѣ, и для женщины наука станетъ такимъ же великимъ авторитетомъ во всѣхъ ея дѣловыхъ и нравственныхъ соображеніяхъ, какимъ служить наука для всѣхъ, кто ею серьезно занимается. Тогда и сама религія явится передъ женщиною не въ образѣ того или другого знакомаго патера, но въ формѣ обобщенной, въ формѣ глубокаго чувства симпатіи ко всему человѣческому, безъ суетнаго раболобія передъ рясою или изящною обрядностью.

Послушаемъ теперь самого Крейенберга о томъ, что сдѣлало изъ французскихъ женщинъ ненаучное образованіе, при дѣятельномъ участіи религіознаго элемента. По своей природѣ, говоритъ нашъ авторъ, „француженки одарены счастливѣйшими талантами“; если эти таланты остаются неразвитыми, въ томъ виною не сами француженки: „въ этомъ виноваты народный духъ (т.-е. рутинный взглядъ на женщину), дурные обычаи, устарѣлыя учрежденія, извращенный принципъ власти. Но и безъ школъ, безъ образованія, француженка успѣваетъ легко побуждать мудрѣйшихъ людей на глупости, водить способнѣйшихъ за носъ, увлекать тоскующихъ въ веселый смѣхъ и переносить въ легкомысленныя руки нити европейскихъ судебъ“. Француженка сама сознаетъ тяжелый гнетъ, наложенной на нея безсмысленной системы семейнаго и общественнаго бытія, и тѣмъ рѣзче проявляется ея негодование противъ этого гнета, тѣмъ ловче и сильнѣе опутываютъ ее сѣтями школьнаго преподаванія и юридическихъ постановленій. „Франція была родиною Перуанъ де-Мерикуръ, — той погибшей личности, амазонки первой французской революціи, которая въ высоко подобранномъ цвѣтномъ платьѣ, съ развѣвающимися перьями на шляпѣ и со шпагою

¹⁾ Статистика показываетъ съ безпощадною точностью, что число дѣвицъ остающихся незамужемъ, увеличивается съ году на годъ. 40% всѣхъ дѣвушекъ, по вычисленіямъ *«British Review»* остаются не замужемъ. Въ Пруссіи ихъ будетъ цѣлый милліонъ (Крейенберг, стр. 269)... Статистикъ Швабе доказалъ, что въ Берлинѣ до 40-лѣтняго возраста мужчины преобладаютъ въ числѣ надъ женщинами, но въ высшихъ возрастахъ, за 40 лѣтъ, женщины преобладаютъ надъ мужчинами на всѣхъ цифрахъ безъ исключенія. Въ Берлинѣ на одного вдовца приходится около четырехъ вдовъ. Женщина слѣдовательно становится одинокою въ старости (стр. 271). Какое же значеніе можетъ имѣть для всѣхъ этихъ незамужнихъ женщинъ образованіе, направленное къ созданію матерей и женъ?...

въ руку, возбуждала массы къ кровавымъ злодѣйствамъ;—Франція же была родиною той толпы женщинъ, которыя уже въ тѣ времена не хотѣли признавать разницы между мужчиною и женщиною. Франція же была родиною Аглан Сент-Илеръ, жрицы плотскихъ наслажденій во времена отца Анфантена и Сент-Симона; Франція же, къ сожалѣнiю, является въ новѣйшее время родиною *петролейщицъ*, которыя подъ владычествомъ коммуны вливали въ погреба поджигательную жидкость изъ тѣхъ самыхъ леекъ, которыя служили этимъ женщинамъ для поливки ихъ собственныхъ красивыхъ цвѣтовъ; Франція, наконецъ, была родиною тѣхъ несчастныхъ креатуръ, которыя, во время второй осады Парижа, праздно свои оргiи въ открытыхъ кофейняхъ на бульварахъ, публично проявляли тамъ величайшее распутство, — тѣхъ разъяренныхъ женщинъ, дамъ въ блестящихъ туалетахъ, которыя съ чернымъ отъ дыма лицомъ, фури съ головы до ногъ, откусывали патроны своими бѣлыми зубами, чтобы въ концѣ концовъ, самымъ прострѣленнымъ въ самое сердце, пасть возлѣ жертвъ своей безчеловѣчной жестокости¹⁾. Съ другой стороны, французская женщина всегда была главною опорою всего ретрограднаго и обскурантнаго, такъ какъ постоянно являлась ревностною защитницею клерикальной партiи. Такимъ образомъ, французская женщина, встрѣтивъ въ законахъ и учрежденiяхъ своей страны всевозможныя преграды къ проявленiю своей личной самостоятельности въ общественной и политической жизни, тѣмъ не менѣе ворвалась въ политику, и какъ рабъ, сорвавшiйся съ цѣпи или успѣвшiй перехитрить своего господина, проявляетъ свою власть то какимъ-нибудь отвратительнымъ насилiемъ, то самымъ гнуснымъ лицемерiемъ. Правда, этими печальными явленiями французская женщина доказываетъ, что она не домашнее животное, котораго можно мучить и притѣснять сколько угодно, что она способна на страшную месть за попиранiе ея челоуѣческаго достоинства, но тѣмъ не менѣе въ такихъ протестахъ нельзя не замѣтить нравственнаго упадка всей нации, и Крейенбергъ совершенно справедливо (хотя опять-таки противъ собственной теорiи) замѣчаетъ, что во Францiи „вслѣдствiе того, что мужчина не счумѣлъ или не захотѣлъ поднять женщину до себя, она принизила его до нея“. Замѣчательно, что г-жа Фосеттъ, доказывая своимъ противникамъ способность женщинъ къ научному образованiю, употребляетъ чуть ли не эту же самую фразу¹⁾. Приниженiе мужчины чрезъ приниженiе

¹⁾ «Если для подросткающаго поколѣнiя важно, чтобы матери были женщинами здраваго и сильнаго ума, то для нынѣшняго поколѣнiя почти столько же важно, чтобы жены были такими же женщинами. Ибо *постоянное сожителство съ особою, одаренною низшими и дурно развитыми способностями, должно извратить самый могущественный умъ*. Женщина рѣдко бываетъ столь слаба, что не имѣетъ никакого влiянiя на ея мужа; въ нѣкоторой степени, къ лучшему либо къ худшему, она

женщины становится такимъ образомъ фактомъ для всѣхъ, кто умѣетъ находить поученіе въ историческомъ опытѣ и понимать значеніе женщины въ общественной и политической жизни страны. Но такъ какъ общественное и политическое значеніе женщины почти вполне определяется уровнемъ и солидностью ея образованія, то можно вполне согласиться съ Крейенбергомъ, что „общее образованіе женщинъ можетъ служить мѣриломъ величія и процвѣтанія культуры всей націи“ (стр. 264), хотя и этотъ выводъ нашего автора кажется намъ несогласнымъ съ его основною теоріей, недопускающей женщинъ до столь же полного научнаго образованія, до каковаго допускаются мужчины. Въ самомъ дѣлѣ, выводъ автора требуетъ, чтобы вслѣдъ патріотъ, которому дороги „величіе и процвѣтаніе, культура его націи“, желалъ и поднятія общаго образованія женщинъ до высшаго уровня, а выше того, который ставится общему образованію мальчиковъ, никакого другого уровня не существуетъ.

Но остановимся—Крейенбергъ уже готовитъ намъ новый сюрпризъ. Описавъ положеніе женскаго образованія въ Германіи въ такомъ видѣ, что вы легко находите въ немъ глубокіе слѣды французскаго вліянія, онъ вдругъ, на послѣдней страницѣ этого описанія объявляетъ вамъ, что высшей степени совершенства достигаетъ женское образованіе именно въ Германіи, тамъ какъ тамъ будто бы всего лучше соединены вмѣстѣ „хорошая школа съ превосходнымъ домашнимъ воспитаніемъ“. И все это говорится послѣ того, какъ на страницахъ 41-й и 48-й буквально напечатано о семейныхъ и общественныхъ качествахъ англійскихъ женщинъ въ сравненіи съ другими: — „Высшее образованіе дѣвицъ въ Англіи, будучи преимущественно семейнымъ, усилью, несмотря на многія внѣшнія бури, пробудить, воспитать и довести семейное чувство до такого процвѣтанія, *какое ни съ какой другой страной*“. Нѣмецкія женщины нашего времени проявляютъ, правда, живое рвеніе въ своихъ заботахъ объ умственныхъ и материальныхъ пользахъ бѣднѣйшихъ классовъ народа и особенно своихъ *младшихъ сестеръ*, но все еще не съ всеобщей преданностью и самоотверженіемъ (Opferwilligkeit) англійскаго женскаго пола“. Странно также, что Крейенбергъ отдаетъ нѣмецкому образованію преимущество передъ американскимъ, съ которымъ онъ, впрочемъ, если знаешь, то не по личнымъ наблюденіямъ.

непрестанно пользуется некоторымъ надзоромъ надъ ходомъ его жизни и мыслей. Женщина, вся жизнь которой ограничена въ обособленномъ домашнемъ кругѣ и у которой нѣтъ ни мысли, ни заботъ ни о чемъ постороннемъ, навѣрное заразитъ своего мужа этого же рода эгоизмомъ, и подавить или можетъ быть разрушить его общественный духъ и чувство общественнаго долга. Если она станетъ употреблять всѣ свои усилія къ тому, чтобы онъ забылъ свое „гражданское назначеніе, она со временемъ отчасти, или совсемъ забудетъ его“. (Essays, стр. 203, 204).

Сравнительно съ французскимъ, нѣмецкое образованіе женщинъ имѣетъ, разумѣется, важныя преимущества: оно не состоитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ духовенства, учителямъ женскихъ школъ не предписывается преподаваніе по официальнымъ руководствамъ, естествознаніе составляетъ одинъ изъ важныхъ предметовъ обученія дѣвочки, высшихъ школъ¹⁾ учреждено въ послѣднія 20 лѣтъ весьма много, такъ что въ Пруссіи, напримѣръ, ихъ приходится больше чѣмъ по одной на каждую классическую и реальную гимназію для мальчиковъ; въ самомъ нѣмецкомъ обществѣ, благодаря усиліямъ многихъ женскихъ союзовъ, начинается являться потребность давать женщинамъ все болѣе солидное образованіе, такъ что конференція „общественнаго берлинскаго женскаго союза“, собиравшаяся 6-го ноября 1869-го года рѣшилась открыто порицать высшія школы, столь милыя нашему директору одной изъ нихъ, Крейенбергу. На этой конференціи было заявлено, между прочимъ, что *Töchterschulen* производятъ лишь трудовую игру или игривый трудъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ готовятъ ученицъ къ мысленію, отягощаютъ память мертвымъ научнымъ хламомъ и вообще, по своимъ результатамъ, не удовлетворяютъ потребностямъ времени“ (стр. 265). Крейенбергъ сознается, что „къ сожалѣнію“ тамъ и самъ дѣйствительно встрѣчаются такія учрежденія, которыя только позорятъ имя „дочернихъ школъ“, но что эти обвиненія, направленные противъ *всего разряда* этихъ заведеній, будто бы „но меньшей мѣрѣ — ложны“. Но если допустить даже, что Крейенбергъ правъ въ своей защитѣ, заявленія женскаго союза тѣмъ не менѣе показываютъ, что нѣмецкія женщины недовольны программой дочернихъ школъ и требуютъ большаго, хотя несомнѣнно, что ихъ образованіе лучше того, которое получаютъ француженки. Такъ какъ и законы о бракахъ въ Германіи менѣе стѣснительны для женщинъ, чѣмъ во Франціи, ибо они допускаютъ разводъ, — то понятно, почему во времена общественныхъ смутеній и неурядицъ нѣмецкая женщина не является на историческую сцену въ томъ отвратительномъ видѣ, въ какомъ не разъ видѣлъ міръ женщину во Франціи.

Если въ Германіи *официальные* педагоги, даже лично знакомые, какъ Крейенбергъ, съ результатами и системами женскаго образованія въ другихъ странахъ, все еще опасаются признать право женщинъ на науку, — если тамъ о необходимости даровать женщинамъ одинаковое съ мужчинами образованіе говорятъ лишь лучшія женщины изъ образованныхъ классовъ, собираясь въ агитаціонныя конференціи,

¹⁾ Высшія школы (*höhere Töchterschule*) нѣчто въ родѣ нашихъ гимназій: тамъ обучаютъ религію, исторію, географію, естествознанію, англійскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, гимнастикѣ, пѣнію, рисованію и рукодѣльнымъ работамъ.

— то въ этихъ фактахъ слѣдуетъ видѣть то же самое, что мы видимъ у французовъ: непониманіе или непризнаніе великаго нравственнаго и матеріальнаго вліянія женщины на общественное и политическое процвѣтаніе страны. Во Франціи понятіе о политическомъ ничтожествѣ женщины вполне укоренилось въ умахъ; въ Германіи въ справедливости такого понятія начинаютъ довольно сильно сомнѣваться, хотя все еще преобладаетъ предразсудокъ о малой способности женщинъ къ общественной и политической дѣятельности; всего больше возмущаются нѣмецкіе бюргеры и официальные педагоги выступленіемъ женщинъ, какъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, на чисто политическую карьеру, съ требованіемъ избирательнаго права. Въ этомъ фактѣ эти господа усматриваютъ нѣчто противуженственное, этотъ-то фактъ главнымъ образомъ вселяетъ сомнѣніе въ Крайенбергъ на счетъ превосходства англійскихъ и американскихъ женщинъ надъ нѣмецкими, но — о ужасы! — ему самому приходится признаться (стр. 54), „что Джонъ Стюартъ Милль и его единомышленники съ своими взглядами о положеніи женщины достигнуть-таки въ концѣ концовъ того, что одинокимъ женщинамъ изъ самостоятельныхъ плательницъ податей будетъ предоставлено право голосованія на политическихъ выборахъ“. Но между тѣмъ этотъ фактъ доказываетъ только болѣе развитость тамошнихъ женщинъ надъ всѣми другими въ цивилизованномъ мірѣ: англичанки и американки поняли, что пока онѣ сами не обнаружатъ страстнаго стремленія къ освобожденію себя на пути невѣжества и стѣснительныхъ брачныхъ постановленій, до тѣхъ поръ „мужское законодательство“ не пойметъ, что и женщины — разумныя существа, способныя жить своею волею и своими талантами. Въ прекрасныхъ статьяхъ г-жи Фосеттъ о „лишеніи женщинъ избирательныхъ правоспособностей“ и „къ чему женщинамъ избирательное право“, эта очень умная и научно-образованная писательница, блистательно опровергнувъ шестнадцать возраженій противъ дарованія женщинамъ избирательнаго права, прямо заявляетъ, что женщинамъ нужно избирательное право не для того только, чтобы побудить парламентъ отхлѣбнуть стѣснительныя для женщинъ законы и возвратитъ женскому образованію всѣ тѣ капиталы, которые противозаконнымъ образомъ вложены въ образованіе мальчиковъ, но и для того еще, чтобы пріобрѣсть орудіе для охраненія себя *отъ будущаго*. Она сравниваетъ при этомъ женщинъ и парламентъ съ лавочникомъ, у котораго прикащикъ укралъ деньги, но потомъ возвратилъ; глупъ былъ бы лавочникъ, еслибъ, получивъ свои деньги, снова вполне вѣрился тому же прикащику и отдалъ ему ключи отъ своей кассы, — такъ же точно и женщины, разъ получивъ отъ парламента все, что онѣ похитили у нихъ, поступили бы крайне неблагоразумно, еслибъ снова вѣрились въ его благородство и безпристрастіе (ср. „Kassau“, стр.

277, 278). Глубокій политическій смыслъ, обнаруживающійся въ этомъ ловкомъ сравненіи, доказываетъ, что въ г-жѣ Фосеттъ мы имѣемъ женщину не дюжиннаго характера: она отлично понимаетъ, что право слѣдуетъ приобрѣсть не для того только, чтобы имѣть; нѣтъ, она хочетъ имъ пользоваться вполнѣ и она готова его *охранять*, — право не льгота только, но и обязанность, право нужно подобнымъ женщинамъ не для удовлетворенія ребяческаго тщеславія, но для серьезной общественной дѣятельности. Имѣя передъ собою такихъ женщинъ, какъ Фосеттъ, вамъ сразу становится ясно, что ей для своихъ общественныхъ цѣлей не нужно возбуждать невѣжественную толпу въ кровопролитію, такъ какъ ея нравственная и женственная сила въ состояніи убѣдить каждаго умнаго и честнаго гражданина, какъ бы ни было оно туго на то ухо, на которое она говоритъ. Личность г-жи Фосеттъ можетъ служить намъ также прямымъ доказательствомъ въ пользу дарованія женщинамъ научнаго образованія. Въ книгѣ, которая издана ею вмѣстѣ съ мужемъ, помѣщены еще статьи чисто политическаго и политико-экономическаго содержанія; одніе изъ нихъ принадлежатъ ей самой, другіе — мужу; но если читать ихъ одну за другою, не обращая вниманія на подпись, то невозможно отличить — которая изъ нихъ составлена самымъ профессоромъ, которая — его женою: такъ прекрасно владѣетъ она ученымъ языкомъ, ученымъ методомъ и истинами означаемой науки въ примѣненіи къ важнѣйшимъ вопросамъ общественной и политической жизни, — въ ея статьяхъ вы не встрѣтите ни тѣхъ противорѣчій, ни того фразерства, ни тѣхъ неточностей, которыми столь обилуетъ трудъ Крейенберга, *директора нѣмецкой высшей школы для дѣвицъ*, и не поминно ли читать у того же самаго Крейенберга (стр. 76), что будто бы „анатомо-физиологическія изслѣдованія показали, что умственнымъ способностямъ женщинъ, въ *среднемъ выводѣ*¹⁾, слабѣе мужскихъ?“...

Какъ бы то ни было, изъ появленія на общественномъ поприщѣ такихъ высокообразованныхъ и развитыхъ женщинъ, какъ г-жа Фосеттъ, не слѣдуетъ заключать, что въ Англіи женское образованіе стоитъ совершенно прочно и процвѣтаетъ. Несомнѣнно, что тамъ сущест-

¹⁾ Анатомо-физиологическія изслѣдованія доказали только, что вѣсъ годового мозга у мужчинъ превышаетъ, въ *среднемъ выводѣ*, вѣсъ того же мозга у женщинъ; но такъ какъ вѣсъ всего женскаго организма также менѣе мужскаго въ *среднемъ выводѣ*, то изъ этихъ данныхъ можно было бы сдѣлать какое-нибудь неслѣдственное заключеніе только въ томъ случаѣ, еслибы было обнаружено пропорціональное отклоненіе между вѣсомъ годового мозга и вѣсомъ всего организма въ нормальномъ, здоровомъ съ здоровыми мыслительными способностями; но не только этого изслѣдованія не сдѣлано, не сдѣлано даже простаго пропорціональнаго вычисленія между вѣсомъ годового мозга и вѣсомъ всего организма у мужчинъ и женщинъ вообще.

буютъ условія для появленія женщинъ, приобрѣвшихъ отличное образованіе, но широко ли распространены эти условія, для многихъ ли они доступны—вотъ въ чемъ вопросъ. Отвѣтъ на него получается далеко неудовлетворительный, какъ видно изъ отчета королевской комиссіи¹⁾, назначенной для осмотра разныхъ женскихъ учебных заведеній въ Англіи. За то какъ отчетъ, составленный лучшими педагогами Англіи, свѣтскими и духовными, такъ и точка зрѣнія отчета производить самое благопріятное впечатлѣніе, ибо англійскіе педагоги смѣло и сразу становятся на прямой путь: они критикуютъ женскія школы „по тому руководящему принципу, который школы для мальчиковъ находятъ въ *публичныхъ* школахъ и университетахъ“, и имъ и въ голову не приходитъ такая странная мысль, какъ возможность преподаванія науки или развитія человѣческаго ума по-женски и по-мужски; они сильно порицаютъ даже англійскихъ родителей за то, что тѣ придерживаются такихъ денежныхъ и житейскихъ соображеній подобнаго рутиннаго взгляда. Вотъ, напримеръ, слегка юмористическое изображеніе заботъ родителя объ образованіи своихъ дочерей, сдѣланное членомъ комиссіи Хэммондомъ (Essays, стр. 192):—„Прежде всего онъ (т.-е. родитель) ищетъ хорошо-устроенное заведеніе, посѣщаемое дѣвками одинаковаго съ его дочерью званія и, если возможно, только ими одними исключительно, гдѣ соединенное вліяніе учителей и школьныхъ подругъ можетъ способствовать укрѣпленію въ дочери добрыхъ началъ, внушенныхъ дома, и довершить законченность въ приѣмахъ и движеніяхъ и порядочность въ обращеніи, характеризующія англійскую лэди. Вторымъ предметомъ его желаній то, чтобы дочь снабжали въ заведеніи нѣкоторыми „усовершенствованіями“ скорѣе декоративнаго свойства, чѣмъ интеллектуальнаго, въ родѣ музыки, живописи, танцевъ, въ которымъ должно присоединить *скусъ къ познаніямъ* (taste for information), ограниченный, впрочемъ, на практикѣ немногими обыденными предметами, и легкость въ письмѣхъ и разговорахъ по-англійски и на одномъ или, быть можетъ, на нѣсколькихъ новыхъ языкахъ. О чемъ онъ думаетъ послѣ всего, если только онъ думаетъ вообще—это о развитіи ея логическихъ и критическихъ способностей, хотя бы то въ узкихъ границахъ пониманія простѣйшихъ началъ грамматики и ариметики, и знанія главныхъ историческихъ и другихъ фактовъ, съ необходимымъ соблюденіемъ метода и научныхъ требованій“ (with due regard to method and philosophical arrangements). Между тѣмъ, въ хорошихъ (хотя рѣдкихъ) училищахъ члены королевской

¹⁾ Важнѣйшіе выводы этой комиссіи приведены и у Крейенберга и у Фостетъ; одна изъ статей этой писательницы вся посвящена разбору этихъ выводовъ и сужденій комиссаровъ о разныхъ предметахъ, касающихся образованія дѣвочекъ.

комиссии нашли, что дѣвочки столь же способны къ наукамъ какъ и мальчики, даже въ высшихъ отрасляхъ обученія. „Въ классическихъ языкахъ и математикѣ дѣвушки, гдѣ ихъ правильно обучали, оказывали такіе же успѣхи, какъ и мальчики. Г. Гиффартъ говоритъ даже, что отсутствіемъ классическаго и математическаго обученія много объясняется несовершенство (inferiority) женскаго образованія, хотя „въ дѣвочкахъ нѣтъ природной неспособности въ изученію котораго-либо изъ предметовъ, составляющихъ главную сущность воспитанія мальчиковъ“. Г. Брайсъ сравниваетъ, весьма благопріятно для женщинъ, ихъ преподавательскія способности съ такими же способностями мужчинъ однихъ и тѣхъ же общихъ дарованій и образованія. Г. Хэммондъ также того мнѣнія, что умственные силы дѣвочекъ одинаковы съ силами мальчиковъ. Г. Бомпасъ и другіе помощники комиссаровъ (т.-е. всѣ педагоги) представляютъ драгоцѣннѣйшія доказательства по этому вопросу; но тѣмъ, которые ревностно желаютъ очистить репутацію дѣвочекъ отъ приписываемой имъ врожденной малоспособности, вкрайній интересъ представить отчетъ нынѣшняго епископа въ Манчестерѣ Джемса Фрезера о системѣ общихъ школъ (common-school system) въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ (Essays, стр. 196, 197), ибо тамъ мальчики и дѣвушки получаютъ одно и то же умственное образованіе, часто въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ, гдѣ ихъ учатъ вмѣстѣ. Только въ одной Америкѣ примѣнено къ образованію женщинъ общее мѣрило съ мужскимъ образованіемъ; только тамъ женщины, получивъ съ самаго начала однѣ и тѣ же школы съ мальчиками и одинаковый съ ними уровень умственнаго развитія, успѣли сильно укрѣпиться въ мысли, что имъ необходимо удержатъ за собою то славное положеніе въ обществѣ, которое получили онѣ благодаря тождественности своего образованія съ другимъ поломъ. Только этимъ благороднымъ убѣжденіемъ можно объяснить себѣ всѣ, тѣ усилія, полное самоотверженіе и упорную настойчивость, съ которыми американскія женщины вели потомъ борьбу за свое умственное равенство и наконецъ достигли теперь на всѣхъ поприщахъ почти той же независимости и свободы, какою пользуются мужчины. Въ Англіи женщины успѣли пока убѣдить въ томъ, что онѣ „люди“, все ученое сословіе¹⁾, значительную часть парламента²⁾ и

¹⁾ Кембриджскій и оксфордскій университеты составили свои экзаминаціонныя программы для дѣвицъ на тѣхъ же началахъ, на какихъ составлены программы для юношей; профессора кембриджскаго университета открыли особые подготовительные къ ихъ экзаменамъ курсы, а въ Лондонѣ нѣкоторые профессора допускаютъ женщинъ на свои лекціи въ университетѣ; наконецъ, въ Кембриджѣ усиліями самихъ женщинъ основано нѣчто въ родѣ женскаго университета: «Hitchin College», гдѣ все преподаваніе совершается лекторами и профессорами университетовъ (Ср. стр. 221—224, Essays).

²⁾ Билль о дарованіи женщинамъ избирательнаго права, внесенный въ парла-

порядочную долю образованнаго общества¹⁾; это бодрыи успѣхъ, разумѣется, но далеко не такой, какой имѣютъ въ томъ же отношеніи женщины Соединенныхъ Штатовъ. За то и дѣятельность американскихъ женщинъ по-истинѣ изумительная, даже въ сравненіи съ дѣятельностью англичанокъ, передъ которыми пасуетъ самъ Крейенбергъ съ его нѣмецкимъ патриотизмомъ.

Въ книгѣ самого Крейенберга собрано много интересныхъ фактовъ, касающихся дѣятельности американскихъ женщинъ, и показывающихъ очень ясно, какимъ ревностнымъ и усидчивымъ трудомъ, въ видахъ общественной пользы, добивается американская женщина того, что ее такъ глубоко уважаютъ и что ей удается достигать цѣлей своихъ лучшихъ и благороднѣйшихъ стремленій. Самое широкое поле для ея дѣятельности составляетъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ вездѣ, народное образованіе и уходъ за больными. Въ такъ-называемыхъ общихъ школахъ учительское сословіе и у мальчиковъ, какъ у дѣвочекъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ женщинъ. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ, напримѣръ, было въ 1868-мъ году 22,000 учительницъ и только 6,000 учителей. Въ Чикаго въ тѣхъ же общихъ школахъ учили только однѣ женщины, числомъ 200. Цѣлыя сотни женщинъ занимаются въ Соединенныхъ Штатахъ врачебною практикою; изъ нихъ нѣкоторыя зарабатываютъ по 15—30,000 долларовъ. Особая медицинская школа: „Women's College of Physicians und Surgeons“ въ Нью-Йоркѣ имѣетъ трехъ профессоровъ—женщинъ: Элизабетъ и Эмили Блэкуеллъ и Мэри Поттэмъ, да пять женщинъ - ассистентовъ. Элизабетъ Блэкуеллъ не разъ говорила торжественныя рѣчи при открытіи лекцій. По случаю 18-ой годовщины „Woman's Medical College“ въ Филадельфіи четырнадцать юныхъ дамъ были признаны докторами медицины; торжественную рѣчь по этому случаю произнесла д-ръ Анна Престонъ, профессоръ физиологій. Въ области наукъ и искусствъ американки дѣлаютъ тоже важныя успѣхи. Такъ, въ штатѣ Канзасѣ, въ Бэкерскомъ университетѣ (high-school) греческій языкъ читаетъ молодая дама Болдуинъ. Въ Сент-Лоренсѣ уже давно нѣкоторые профессорскія каведры заняты женщинами. Училищный совѣтъ въ Чикаго, при выборѣ учителя англійскаго языка и литературы, изъ многихъ кандидатовъ обоего пола предпочелъ женщину. Въ Борлингтонскомъ университетѣ, въ штатѣ Айова, жена судьи Дарвина назначена профессоромъ „логики, риторики и англійской литературы“. Семь американскихъ скульпто-

ментъ въ 1871 году, былъ отвергнутъ палатою общинъ лишь 220-ю голосами противъ 157.

¹⁾ Въ 1871 году въ парламентъ было представлено 609 петицій изъ разныхъ мѣстъ королевства, съ 200 тысячей подписей, въ пользу дарованія женщинамъ избирательнаго права.

ровъ - женщины имѣютъ въ Римѣ свои мастерскія, изъ которыхъ одна примѣняетъ къ скульптурѣ живопись. И въ духовное сословіе поступаютъ американскія женщины;—весною 1870 года мистриссъ Хэпфордъ была признана въ Ньюгэвентъ, въ штатѣ Коннектикутъ, пасторомъ и вскорѣ затѣмъ была приглашена произнести проповѣдь при открытіи засѣданій палаты представителей,—ея предшественница по этой должности, Олимпія Броунъ, перенесла свою дѣятельность въ другое мѣсто. Въ прошломъ году, въ новой территоріи въ Уиомингѣ, въ Лоренс-Сити, въ первый разъ въ судѣ всѣ присяжные засѣдатели были женщины; въ той же территоріи есть одинъ мировой судья—женщина. Въ качествѣ адвокатовъ женщины ведутъ процессы съ большимъ успѣхомъ. Масса женщинъ служитъ въ государственной и земской службѣ. Въ казначействѣ въ Вашингтонѣ большая часть чиновниковъ—женщины, — инымъ изъ нихъ платятъ по 100 долларовъ въ мѣсяцъ. Не такъ много женщинъ служатъ въ почтамтѣ и *Patent-Office*. Президентъ Грантъ назначилъ многихъ женщинъ, вдовъ офицеровъ, павшихъ въ послѣдней войнѣ, въ почтмейстеры. Нѣкая мистриссъ Лью оказала Гранту, во время войны, важныя услуги въ качествѣ военнаго шпіона. Въ юнѣ 1870 года въ канзаскихъ газетахъ было напечатано, что на улицахъ Хэйсъ-Сити появились первыя женскія полиціанты.—Въ торговлѣ и промышленности, и вообще въ разныхъ финансовыхъ предпріятіяхъ американки также оказываются весьма способными. Въ Нью-Йоркѣ г-жи Вудголлъ и Клэффинъ учредили банкъ, который доведенъ ими до цвѣтущаго состоянія. Недовольная и тѣмъ, что банкъ ведетъ миллионныя дѣла, Викторія Вудголлъ вышла на политическое поприще и предлагаетъ себя въ кандидаты на предстоящихъ (1872) президентскихъ выборахъ. Въ своемъ избирательномъ манифестѣ она хвалится тѣмъ, что написала нѣсколько брошюръ о важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ. Въ томъ же Нью-Йоркѣ общество дамъ ведетъ чайную торговлю съ основнымъ капиталомъ въ миллионъ долларовъ; одна изъ членовъ этого общества предприняла сама поѣздку въ Китай, чтобы лично купить хорошій товаръ. Въ штатѣ Миссури общество женщинъ проводитъ желѣзную дорогу. Въ Big Woods есть ферма въ 160 акровъ земли, которую основали и ведутъ семь дѣвицъ. Въ Нью-Йоркѣ есть женская типографія. Наконецъ, женщины издають нѣсколько политическихъ газетъ, въ которыхъ весь литературный персоналъ—женщины.

Всѣ эти факты мы извлекаемъ изъ сочиненія Крейенберга ¹⁾ и потому невольно удивляемся, какимъ образомъ этотъ авторъ не могъ вывести изъ нихъ того простого заключенія, что такъ какъ женщины способны ко всякаго рода дѣятельности (это онъ самъ признаетъ), то

¹⁾ Ср. стр. 74, 88—91.

и умъ ей слѣдуетъ развиваться не въ специальныхъ видахъ, а во всѣхъ его свойствахъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ общимъ потребностямъ всей страны, всего народа.

Не слѣдуетъ думать, что широкій районъ дѣятельности американскихъ женщинъ приобрѣтенъ усиленіемъ какихъ-нибудь отдѣльных личностей и въ силу какихъ-нибудь особыхъ обстоятельствъ; нѣтъ, вѣднѣе, въ которомъ является передъ нами дѣятельность американскихъ женщинъ, сознавалась и замѣчалась уже давно всеми замѣчательными путешественниками по Соединеннымъ Штатамъ. Знаменитый французскій писатель, который чуть не полстолѣтія тому назадъ, руководствуясь своими наблюденіями въ американской республикѣ, поучалъ своихъ соотечественниковъ и всю Европу благотѣльными началами самоуправленія и свободы, Токвилль, произнесъ слѣдующій достопамятный приговоръ объ американской женщинѣ: „Еслибы меня спросили, какою причиною могу я главнымъ образомъ приписать удивительное процвѣтаніе и возрастающую силу этого народа (т.-е. американскаго), я отвѣчалъ бы: превосходству его женщинъ“. И такъ говоритъ честный гражданинъ той страны (Франціи), гдѣ направленіе и дѣлъ женскаго образованія и сами женщины представляютъ прямую противоположность всему американскому! Что онъ могъ думать о своихъ соотечественницахъ, какъ не то, что онѣ, сами того не сознавая и не будучи нисколько въ томъ виноваты, губятъ свою собственную страну! Какія печальныя мысли, какое приниженное состояніе искренняго и разумнаго патриотизма!

Представивъ нашимъ читателямъ логику и практическіе результаты обычаевъ, принциповъ, на которыхъ создаются системы женскаго образованія, и показавъ крайнее проявленіе ихъ на примѣрѣ Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, мы изъ нашей критики обоихъ направленій женскаго образованія невольно приходимъ къ тому желанію, чтобы въ Россіи женское образованіе устранилось по возможности дальше отъ французскаго. Такъ какъ женское образованіе во Франціи приняло свое пагубное направленіе, благодаря безконтрольному административному вмѣшательству въ это дѣло, и притомъ вмѣшательству до того послѣдовательному, что оно подавляло всякій частный починъ, требуя отъ него безусловнаго подчиненія административнымъ образцамъ и предписаніямъ, — то мы желали бы, чтобы у насъ въ надзорѣ надъ женскимъ образованіемъ вовсе не вмѣшивались въ педагогическія соображенія частныхъ женскихъ школъ, поставивъ имъ однако извѣстный, по возможности, высокій уровень научныхъ знаній для приобретенія какихъ-либо университетскихъ званій, какъ это дѣлаютъ въ Англіи всѣ главныя университеты. Весьма желательно также, чтобы въ казенныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ наука преподавалась не „*pour passer le peu de temps*“, но такъ, какъ слѣдуетъ преподавать науку,

и чтобы правительство помогало хорошимъ (въ научномъ отношеніи) частнымъ предпріятіямъ, хотя бы эти предпріятія и расходились въ своихъ программахъ съ казенными заведеніями того же рода. Пусть и у насъ будетъ столько же женскихъ гимназій, какъ въ Пруссіи, и пусть бы, какъ въ Пруссіи же, въ самомъ составленіи педагогическихъ плановъ этихъ гимназій участвовалъ и земскій элементъ. Все остальное въ этомъ вопросѣ должны сдѣлать сами русскія женщины, которыя—какъ намъ кажется—могли бы дѣлать на этомъ поприщѣ несравненно болѣе того, чѣмъ мы видимъ въ дѣйствительности. Честь и слава всѣмъ учредительницамъ женскихъ училищъ, въ которыхъ дѣвочкамъ преподають науку серьезнымъ образомъ, и гдѣ между прочими цѣлями училищъ имѣется въ виду и обученіе воспитанницъ къ какому-либо труду, могущему дать имъ въ будущемъ хотя нѣкоторую матеріальную состоятельность; честь и слава всѣмъ, кто много жертвуетъ и самъ, собственными руками, не языкомъ только, участвуетъ въ великомъ дѣлѣ женскаго образованія! Но отдавая полную дань уваженія всѣмъ дѣйствующимъ, работающимъ силамъ на этомъ поприщѣ, мы все-таки полагаемъ, что русскія женщины, вообще говоря, крайне апатичны къ своему собственному образованію, хотя громко жемочить о необходимости образованія способны весьма многія.

Для полнаго обзора сочиненій обоихъ Фосеттъ: мужа и жены, намъ остается еще поговорить объ ихъ произведеніяхъ въ области политической и политико-экономической литературы. Статей такого содержанія помѣщено въ нашей книгѣ десять (кромя четырехъ, написанныхъ г-жею Фосеттъ о разныхъ вопросахъ, касающихся женщинъ), изъ которыхъ три: о палатѣ лордовъ, о недостаткахъ народнаго представительства въ Соединенныхъ Штатахъ, и о новой системѣ (Гѣра) народнаго представительства—чисто политическаго содержанія и притомъ такого, которое имѣетъ въ виду уничтожить нѣкоторые важныя злоупотребленія и недостатки въ государственномъ механизмѣ въ Англіи. Остальныя семь статей также имѣютъ въ виду главнымъ образомъ Англію, но такъ какъ въ нихъ дѣло идетъ о такихъ важныхъ общественныхъ вопросахъ, какъ народное образованіе, бѣдность, дневная работа на фабрикахъ, положеніе земледѣльческихъ рабочихъ, требованія англійскихъ социалистовъ, отношеніе государственнаго долга къ процвѣтанію страны, и общій вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ; и такъ какъ всѣ эти вопросы разобраны нашими авторами основательно и строго послѣдовательно съ ихъ основнымъ міровоззрѣніемъ, хотя и въ краткихъ очеркахъ,—то на нихъ нельзя не обратить серьезнаго вниманія, и мы постараемся дать здѣсь хотя нѣкоторое понятіе объ исходныхъ пунктахъ и главныхъ доказатель-

отважъ общественнаго идеала той экономической школы, къ которой принадлежить и мужъ и жена Фосетты. Прибавимъ еще, что къ этой экономической школѣ принадлежать, въ наше время, почти всѣ лучшіе умы Англіи, какъ въ теоретической наукѣ, такъ и въ практической дѣятельности; между ними существуетъ много переходныхъ отъѣнговъ, но сквозь всю школу проходить мысль, что благосостояніе и процвѣтаніе каждой страны и всего человѣчества вообще зависятъ отъ личной дѣятельности человѣка, отъ его физическихъ и умственныхъ способностей, отъ его опытности въ борьбѣ съ природою и недостатками собственнаго нравственнаго организма.

Англія въ настоящее время представляется величайшею промышленною націей въ мірѣ; за ней быстро поспѣвають Соединенные Штаты, и въ будущемъ она можетъ предвидѣть могущественное соперничество лишь со стороны Германіи. Къ такому выводу приходитъ г-жа Фосеттъ изъ сравненія финансоваго управленія разными странами съ ихъ народнымъ благосостояніемъ. Является затѣмъ важный для всѣхъ англичанъ вопросъ: удержать ли въ будущемъ ихъ отечество свое промышленное первенство? Сравнивая Англію въ разныхъ отношеніяхъ съ Соединенными Штатами и Германіею, наша писательница приходитъ къ тому заключенію, что Англія, чтобы остаться первою или второю въ этой борьбѣ, „должна придумать какія-либо средства не только для приостановленія роста своей нищеты (пауперизма), но для исцоренія этого недуга изъ своего общественнаго быта“. Обращаясь къ наблюденію надъ рабочимъ классомъ, который подверженъ этому недугу, наши авторы не находятъ его положенія совершенно безнадежнымъ, и, встрѣчаясь въ немъ съ такимъ замѣчательнымъ явленіемъ, какъ удача недавней ньюкэстльской стачки, приходятъ къ тому выводу, что при такой свободѣ всякаго рода человѣческой дѣятельности, какая существуетъ въ Англіи, сами рабочіе способны выдти изъ своего бѣдственнаго положенія, если законодательство возбудитъ въ нихъ тѣ самыя чувства, понятія и стремленія, которыя обнаружились въ успѣшной борьбѣ ихъ за 9-ти-часовой срокъ дневнаго труда.

Въ августѣ 1871 года машинисты (engineers) потребовали, чтобы дневной трудъ на ньюкэстльскихъ фабрикахъ былъ опредѣленъ въ 9 часовъ; хозяева не согласились. Произошла стачка всѣхъ рабочихъ во всѣхъ заведеніяхъ разомъ. Многие люди пытались примирить хозяевъ съ рабочими, но недѣля шла за недѣлею, а стачка все продолжалась. Сперва хозяева безцеремонно отвергали не только всякое постороннее посредничество, но даже какія-либо свиданія съ депутатами отъ рабочихъ. Этотъ фактъ сословнаго оскорбленія возбудилъ крайнее раздраженіе въ рабочихъ, которое вскорѣ усилилось еще болѣе, когда агенты хозяевъ привезли рабочихъ изъ-за границы: изъ Бельгіи, Германіи и другихъ мѣстъ. Но никакихъ насилій

ни надѣ этими иностранцами, ни надѣ хозяевами англійскіе рабочіе не совершили. Напротивъ, — они обратились къ бельгіянамъ и нѣмцамъ, и уговорили ихъ не препятствовать своимъ трудомъ успѣху стачки, которая можетъ имѣть добрые результаты не для Англій только, но для всего рабочаго класса вообще. Бельгіяны и нѣмцы послушались англичанъ, но у нихъ не было средствъ вернуться во-своими; тогда открылась обшая національная подписка между всѣми англійскими рабочими, и требуемая сумма была найдена, иностранцы отказались отъ работы и уѣхали. Этотъ фактъ убѣдиль ньюкестльскихъ промышленниковъ, что имъ приходится или удовлетворить требованіямъ своихъ рабочихъ, или ждать пока не истощатся всѣ средства послѣднихъ къ существованію, и несть самими громадные убытки. Но рабочіе избрали для стачки какъ разъ столь удобное для себя время, когда хозяева были заняты весьма выгоднымъ подрядомъ, и когда вся промышленность была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и вотъ хозяевамъ пришлось положить оружіе и согласиться сократить дневной трудъ до 9-ти часовъ. За машинистами въ Ньюкестлѣ потребовали того же самаго машинисты всѣхъ другихъ частей королевства, а ватъмъ и рабочіе другихъ отраслей промышленности, и еще недавно, въ іюнь мѣсяцѣ изъ-за того же вопроса чуть-было не образовалась новая стачка на корабельныхъ верфяхъ. Вездѣ хозяева уступили, и вотъ однимъ усиліемъ рабочихъ произведена важная социальная реформа, которая сразу увеличила плату за часъ и дала рабочимъ лишній часъ для своего умственного развитія.

Откуда же эти англійскіе рабочіе приобрѣли себѣ столько матеріальныхъ средствъ, столько взаимнаго согласія, и такіа важная познанія въ рабочемъ вопросѣ, что успѣли одними своими усиліями убѣдить и самихъ хозяевъ и общественное мнѣніе своей страны въ томъ, въ чемъ никакъ не могутъ убѣдиться хозяева и періодическая литература другихъ странъ въ Европѣ? Разбирая этотъ вопросъ, самъ профессоръ Фосеттъ нападаетъ на *trade union*, въ формѣ котораго слито вмѣстѣ все, что есть лучшаго и наиболѣе образованнаго въ англійскомъ рабочемъ классѣ. А *trade union* — рабочий союзъ — это такіа общества рабочихъ, которыя собраны самими рабочими для взаимной поддержки во всѣхъ случайностяхъ жизни: въ стачкахъ во время безработицы, болѣзни, въ старости, для пособія вдовамъ и сиротамъ, для учрежденія школъ и читаленъ. Англійскіе буржуа постоянно жаловались на эти общества, какъ на какія-то революціонныя скопища, какъ на сборъ всего, что ни на есть гнуснаго и безнравственнаго среди англійскихъ рабочихъ. Правда, что въ этихъ обществахъ совершались разныя злоупотребленія, какъ совершаются они во всѣхъ учрежденіяхъ государственныхъ или частныхъ, ведущихъ или принужденныхъ вести свои дѣла тайно, безъ общественнаго контроля. Королевская комис-

сія 1866 года раскрыла разныя преступленія въ рабочихъ союзахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показала, что главная причина всѣхъ этихъ преступленій заключается не въ дѣлахъ и дѣятельности, а въ вынужденной безгласности рабочихъ союзовъ. Почти всѣ европейскіе журналисты воспользовались отчетомъ англійской комиссіи только для того, чтобы опозорить эту самостоятельность англійскихъ рабочихъ, выставя на видъ лишь однѣ злоупотребленія союзовъ, но англійскій парламентъ биллемъ 1870 года самъ, въ особомъ законѣ, призналъ полезность и доброту этихъ союзовъ, подведя ихъ подъ покровительство общихъ судовъ страны.

Вникая глубже въ эту самодѣятельность англійскихъ рабочихъ и изыскивая тѣ свойства человѣческой натуры, которыя дали англійскимъ рабочимъ возможность создать свои „trade-unions“, оба Фосетты приходятъ къ признанію въ членахъ рабочихъ союзовъ чувствъ условной солидарности и тѣхъ хорошихъ нравовъ, въ основѣ которыхъ лежатъ воздержность и бережливость въ употребленіи тѣхъ скудныхъ средствъ, которыя добываетъ рабочій своимъ личнымъ трудомъ. Всѣ эти качества англійскаго рабочаго обусловливаются въ немъ главнымъ образомъ жизнью въ свободной странѣ и извѣстнымъ уровнемъ образованія, которымъ снабжаютъ его хорошія народныя школы и здоровая, свободная печать. Такъ какъ свобода въ Англіи незблема и никто не сомнѣвается въ ея полезности и необходимости для общаго процвѣтанія страны, то нашимъ авторамъ представляется самымъ важнымъ, чуть ли не единственнымъ средствомъ противъ главной язвы Англіи — пауперизма, *хорошее* народное образованіе, обязательное и притомъ ставящее обязательнымъ не посѣщеніе школы только, но непрерывное приобрѣтеніе извѣстнаго уровня познаній. Другое вмѣшательство государства въ пользу рабочихъ, которое они допускаютъ, тоже клонится въ пользу дѣтей — это опредѣленіе минимума часовъ дневного труда на фабрикахъ и фермахъ. Затѣмъ все остальное рабочіе могутъ сдѣлать сами, лишь бы законодательство устранило всѣ преграды, мѣшающія свободному развитію промышленности и сельскаго хозяйства, и прежде всего недѣльное аристократическое устройство британскаго землевладѣнія. Пока есть невѣжество въ странѣ государству незачѣмъ заботиться о повышеніи заработной платы, такъ какъ высокая заработная плата при невѣществѣ только усиливаетъ привычки невоздержности и безпечности; государство не можетъ заводить національныхъ артелей, пока въ рабочихъ образованіе и общественная опытность не разовьютъ тѣхъ нравственныхъ свойствъ, которыя необходимы для веденія столь сложнаго и труднаго дѣла, какъ производительная или потребительная ассоціація. Но государство заслуживаетъ одобренія во всѣхъ своимъ гигиеническихъ мѣрахъ и въ тѣхъ, которыя могутъ такъ или иначе способствовать развитію въ

рабочихъ духа бережливости и воздержности. Такъ оба Фосеттъ одобряютъ Гладстонскую сберегательную кассу, которая даетъ рабочимъ, записывающимся въ члены ея, право на ежегодную пенсію въ старости. Профессоръ предлагаетъ еще продавать государственную землю исключительно однимъ артелямъ изъ сельскихъ рабочихъ. Самое значительное опасеніе представляетъ для нашихъ авторовъ та форма государственнаго вмѣшательства, которая организована въ Англіи подъ именемъ „системы закона о бѣдныхъ“ — *poor-law system* — и которая состоитъ въ раздѣленіи всей страны на округа — *unions* — обязанные помогать всѣмъ людямъ, которые остались безъ хлѣба не по своей непосредственной винѣ. Фосеттъ видитъ въ этой системѣ множество злоупотребленій и недостатковъ, которые всѣ способствуютъ только деморализаціи бѣдныхъ классовъ и невозддержности ихъ въ цоловыхъ отношеніяхъ: и мужъ и жена Фосеттъ раздѣляютъ заблужденія Мальтуса.

Hinterlassene Schriften von G. G. Gervinus. Wien, 1872. Wilhelm Braumüller. (Посмертныя сочиненія Гервинуса).

Посмертныя сочиненія Гервинуса изданы женою покойнаго профессора и состоятъ всего изъ двухъ статей, изъ которыхъ первая есть нѣчто въ родѣ политическаго завѣщанія отечеству этого замѣчательнаго ученаго, а вторая представляетъ бѣглый критическій обзоръ собственной дѣятельности покойнаго, написанный въ опроверженіе лживыхъ и недобросовѣстныхъ выходовъ одного рецензента „National Zeitung“, являющагося въ данномъ случаѣ вѣрнымъ представителемъ нынѣшняго настроенія всего населенія новой Германской имперіи. Сама брошюра ея издана не въ Германіи, но въ Австріи, такъ какъ издательница опасалась, по всей вѣроятности, захвата ея за нѣкоторыя откровенныя обвиненія императора Вильгельма (стр. 30, 31).

Гервинусъ, какъ извѣстно, протестовалъ противъ прусскихъ захватовъ 1866 года и противъ излишнихъ притязаній Германіи въ послѣдней ея войнѣ съ французами; онъ одинъ изъ всѣхъ современныхъ историковъ въ Германіи не вѣритъ въ окончательную гибель Франціи; онъ чуть ли не одинъ не одобряетъ политики Бисмарка и не предвѣщаетъ ничего добраго нынѣшней имперіи: онъ требуетъ федеративнаго начала въ единой Германіи, онъ хочетъ перенести столицу ея въ Гамбургъ, онъ возстаетъ противъ всякихъ гегемоній въ общемъ Союзѣ, онъ, наконецъ, находитъ самый титулъ „императора“ не соответствующимъ настоящему уровню политическаго развитія нѣмцевъ, и желалъ бы замѣнить его „протекторомъ“! И въ періодической печати, и съ профессорскихъ кафедръ, и съ подмостковъ политическихъ сходовъ — отовсюду раздались грозные крики противъ „измѣнника“, противъ ученаго, у котораго отъ личнаго самолюбія „умъ за разумъ за-

шелъ". Явился наконецъ и рецензентъ „National Zeitung“, прослѣдившій въ четырехъ нумерахъ этой газеты (7, 12, 13 и 25-го января 1871) всю ученую и политическую карьеру Гервинуса съ цѣлью окончательно „уничтожить“ его разными закорючками такъ-называемаго „патріотическаго, или „національнаго“ свойства. Самъ рецензентъ тоже профессоръ, и публицистъ, и либераль изъ „здоровомыслящихъ“, и патріотъ, и національ, по всего больше „Rabulist“, то есть политическій крючкотворъ. Онъ старается доказать, разумеется что въ Гервинусѣ сосредоточивается все злое и ненавистное, что только тревожить и беспокоитъ современное нѣмецкое общество. *Протестантъ* Гервинусъ оказывается сторонникомъ нѣмецкихъ католиковъ; вся Германія настроена монархически, а Гервинусъ пытается республиканскія мечтанія; вся Германія стремится къ единству подъ прусскою гегемоніей, а Гервинусъ отстаиваетъ права изгнанныхъ государей; французскій студентъ Кине еще въ 1832 г. замѣтилъ эти стремленія нѣмцевъ, а Гервинусъ „этотъ нѣмецкій ученый перваго ранга“, все еще возится съ федерализмомъ; — не очевидно ли послѣ всего этого, что Гервинусъ только изъ личнаго самолюбія „огорчаетъ патріотическій подъемъ чувствъ въ самомъ себѣ и другихъ?..“

Самъ же Гервинусъ о себѣ говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ этой статьѣ (первой) говоритъ человекъ, который не перенимаетъ, не беретъ, да и не желаетъ никакого мѣста; близкій къ могилѣ, онъ желалъ бы только, чтобы эта статья послужила завѣщаніемъ его мыслей. Въ ней высказывается человекъ нейтральный, не принадлежащій ни къ какой партіи, котораго природа и призваніе сдѣлали неспособнымъ ко всякой партіозности. Я не аристократъ и не демократъ, не ультрамонтанинъ и не великонѣмецъ; ни къ одному изъ мелкихъ государствъ меня не привязываетъ ни одинъ партикулярный интересъ, ни къ одному царскому дому, ни къ одному правительству я не имѣю ни отдаленнѣйшихъ отношеній. Маленькое государство (Нассау), въ которомъ я родился, стало мнѣ чужимъ со времени моего совершеннолѣтія; два другихъ (Ганноверъ и Баденъ), въ которыхъ я жилъ, обошлись со мною не такъ нѣжно, чтобы я имѣлъ причину играть, по моимъ соображеніямъ, роль защитника мелкихъ государствъ. Напротивъ, еще задолго до 1848 года я проповѣдывалъ и съ кафедръ, и въ прессѣ прусское руководство въ нѣмецкихъ дѣлахъ; тогда въ подобную пропаганду не осмѣливалась еще пускаться ни одна прусская газета, и само берлинское правительство цѣлые мѣсяцы собиралось запретить „Нѣмецкую газету“, которая издавалась подъ моимъ надзоромъ. Но въ моемъ ученіи, во всякомъ случаѣ, не было ни насильственной гегемоніи, ни единого государства, ни ложнаго Союза. Пусть попробуетъ кто-нибудь указать мнѣ во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ хотя бы одно мѣсто, которое можно было истолковать въ ка-

комъ - либо другомъ смыслѣ, кромѣ строго федералистическаго, при чемъ я постоянно высказывался за такое преобразованіе отечества, которое бы шуточное названіе „нѣмецкаго Союза“ обратило въ почетное“ (стр. 31, 32).

Во второй статьѣ онъ перебираетъ передъ читателемъ всѣ свои сочиненія и главные факты его политической карьеры, и изъ этой самокритики вы убѣждаетесь вполне, что Гервинусъ оставался всегда вѣренъ самому себѣ, что онъ не лѣзъ въ вожди той или другой партіи, что онъ никому не подслуживался, никогда не лгалъ и не льстилъ,—что, однимъ словомъ, это былъ дѣйствительный, серьезный человекъ науки,—что для него изысканіе истины и слѣдованіе ей въ практической жизни составляли между собою тѣсную, неразрывную связь, а не два дѣла, не имѣющихъ между собою ничего общаго.

Du suffrage universel et de la manière de voter, par H. Taine. Paris, Hachette et Cie, 1872.
(О всеобщемъ голосованіи и способѣ подавать голоса. Соч. Тэна).

Тэнъ—писатель талантливый, обладающій обширными и разнообразными свѣдѣніями,—его сочиненія приобрѣли ему широкую извѣстность не только во Франціи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ; его мнѣнія, слѣдовательно, по такому важному вопросу, какъ политическіе выборы, заслуживаютъ серьезнаго вниманія, и тѣмъ большаго, что Тэнъ, въ этой брошюрѣ въ 62 страницы, впервые бросается въ политическую агитацію своего отечества. До настоящаго времени Тэнъ, можно сказать, больше писалъ для Европы, чѣмъ для Франціи: онъ разрабатывалъ вопросы искусствъ и философіи, онъ рассказывалъ свои личныя впечатлѣнія во время путешествія по Италіи, Англіи, онъ потомъ набросился на англійскую литературу и написалъ весьма интересное и большое сочиненіе о ней, онъ пускался, неудачно впрочемъ, въ серьезную сатиру на парижскіе нравы. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, Тэнъ обнаруживалъ себя человекомъ либеральнымъ, но какъ будто „имѣющимъ нѣкій зубъ“ противъ бѣдныхъ, невѣжественныхъ классовъ; ему нравится все, что способствуетъ преуспѣянію образованныхъ классовъ, но, къ сожалѣнію, онъ до того сильно занятъ даже самыми мелкими интересами ихъ, что совершенно забываетъ о томъ, что вѣдь лишь благодаря трудамъ невѣжественныхъ классовъ могутъ благоденствовать «образованные», и что послѣднимъ слѣдовало бы питать дѣятельную благодарность къ первымъ, а не относиться къ нимъ индифферентно, и даже съ презрѣніемъ. Тэнъ именно индифферентистъ въ страданіяхъ и тягостяхъ народной массы; въ разбираемой нами брошюрѣ онъ открыто заявляетъ, что «между крестьянствомъ, потомкомъ крѣпостного состоянія, вѣнчаннымъ съ землею, и человекомъ *культурированнымъ* разстояніе

столь громадно, что представляет почти бездну». (Стр. 28). Как же могут они понимать другъ друга и сочувствовать взаимнымъ страданіямъ! Тэнъ приводитъ множество анекдотовъ въ доказательство невѣжества крестьянъ въ политическихъ вопросахъ и непониманія ими своихъ выборныхъ обязанностей, — наконецъ, онъ высчитываетъ по статистикѣ населенія и грамотности, что изъ 70-ти процентовъ всего числа избирателей, которые достаются на долю трудящагося населенія, только половина ихъ умѣетъ читать и писать; отсюда уже одинъ шагъ до того, чтобы или лишить все крестьянство избирательнаго голоса въ законодательныхъ дѣлахъ страны, или такъ «организовать» всеобщее голосованіе, чтобы голосъ «невѣжественныхъ массъ» не имѣлъ въ немъ никакого вѣса. И вотъ Тэнъ сочиняетъ свою двойную систему выборовъ, которую и рекомендуетъ Національному Собранію. Тэнъ хочетъ просто перенести выборы членовъ законодательной палаты въ земскія собранія и городскія думы; такимъ способомъ онъ полагаетъ уничтожить еще одно зло политическихъ выборовъ — *политическую агитацію*. Но въ сущности выдумка Тэна приведетъ только къ тому, что сами земскія собранія станутъ ареною политической агитаціи, и Франція разомъ покроется цѣлою сѣтью политическихъ клубовъ, такъ что земскія собранія, вмѣсто того, чтобы служить школою политической свободы и мѣстной самостоятельности, станутъ обучать своихъ членовъ лишь ловкой игрѣ въ парижскую политику. Сами первоначальные выборы — то-есть, выборы членовъ земскихъ собраній и городскихъ думъ — могутъ принять при этомъ совершенно иной характеръ, такъ какъ, что бы ни говорилъ Тэнъ о способности крестьянъ избирать лишь мѣстныхъ дѣателей, — общія дѣла: какъ подати и рекрутскій наборъ, интересуютъ его если не больше, то и не меньше. Тотъ изъ нихъ, кто не интересуется общими дѣлами, не интересуется ими и теперь: онъ просто не идетъ на выборы. Половина избирателей изъ низшихъ классовъ — плачется Тэнъ — не умѣетъ ни читать, ни писать, но именно половина ихъ и не является вовсе на политическіе выборы съ тѣхъ поръ, какъ ихъ перестали подгонять административныя власти. Что же касается до устраненія выборной агитаціи среди крестьянъ и рабочихъ, то этою попыткою Тэнъ, разумѣется, приобрѣтетъ много похвалъ со стороны индифферентовъ и лѣнивыхъ людей всѣхъ партій, но сама по себѣ она доказываетъ, что Тэнъ просто желаетъ устранить все трудящееся населеніе отъ политической жизни страны. Политическая агитація въ свободной странѣ пробуждаетъ во всѣхъ сознание своего государственнаго достоинства и принуждаетъ имущіе классы возбуждать въ неимущихъ довѣріе къ своимъ стремленіямъ на общую пользу страны; политическою агитаціей во время выборовъ проводятся такіа мнѣнія и сужденія въ массу избирателей, такъ что они не приобрѣтутъ однимъ чтеніемъ, если даже умѣютъ читать. При

свободной политической агитации центральное законодательное собрание приобретает широкую популярность, такъ какъ за всѣмъ дѣйствіемъ членовъ его смотритъ вся нація, а не опредѣленное число политическихъ клубовъ, создающихся по плану Тэна изъ земскихъ собраний. Система Тэна, наконецъ, окончательно убиваетъ представительство «меньшинства», ибо всѣ избиратели, не успѣвшіе приобрести себѣ большинство голосовъ въ земскихъ собраніяхъ, лишаются вполне представительства въ политическихъ учрежденіяхъ страны; система Тэна, поэтому, можетъ въ извѣстномъ случаѣ дать такое законодательное собрание, которое будетъ представителемъ лишь одной половины націи, даже меньшей половины. Но Тэнъ этого и добивается: да здравствуютъ интересы образованныхъ классовъ, и да погибнутъ интересы невѣжественныхъ!..

J. Michelet. Histoire du XIX siècle. Directoire. Origine des Bonaparte. Paris, Germer Baillière, 1872. (Мишле: Исторія XIX вѣка. Директорія. Происхождение Бонапартовъ.)

Мишле—историкъ столь извѣстный, что для того, чтобы говорить о достоинствахъ и недостаткахъ его новаго труда, пришлось бы подвергнуть критикѣ всю его литературную дѣятельность. Здѣсь достаточно будетъ сказать, поэтому, что несмотря на свои семьдесятъ два года, почтенный старикъ написалъ очень интересную книгу и съ большимъ талантомъ. Она состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ въ первой излагается „конецъ якобинцевъ“, въ второй — „конецъ Конвента, Директорія“, а въ третьей: „происхождение и начало Бонапарта“.

Въ „конецъ якобинцевъ“ Мишле описываетъ событія послѣ IX-го термидора до закрытія якобинскаго клуба 10-го ноября 1794-го года. Въ ночь на X-е термидора заключенные въ политическихъ тюрьмахъ Робеспьера еще не знали, что утромъ раненый глава якобинизма самъ арестованъ, и что имъ нечего опасаться за свою жизнь. Въ этихъ тюрьмахъ сидѣли тогда вожди трехъ школъ социализма: Бабѣфъ, Сен-Симонъ и Фурье, и Мишле начинаетъ свое нынѣшнее сочиненіе съ описанія этихъ личностей и ихъ карьеры; съ особенною любовью онъ останавливается на описаніи характера и политической дѣятельности Бабѣфа, который, по изысканіямъ нашего историка, оказывается вовсе не такимъ крайнимъ человекомъ, какимъ его привыкли выставлять, по извѣстіямъ якобинцевъ и „термидорцевъ“ (такъ называются люди, свергнувшіе Робеспьера), неосторожные историки великой революціи. Вся вина Бабѣфа заключалась въ томъ, что онъ требовалъ, чтобы парижская коммуна того времени была выборная, а не назначаемая конвентомъ. Робеспьеръ первый разрушилъ коммуны, но затѣмъ самъ погибъ въ ней. Тогда же Бабѣфъ сталъ требовать восстанов-

ленія ея, термидорцы, вмѣсто того, чтобы отмѣнить распоряженія Робеспьера относительно коммуны, соединились, напротивъ, съ приверженцами своего бывшаго врага противъ попытокъ Бабёфа создать агитацію въ пользу возстановленія выборной коммуны, и эта борьба кончилась гибелью Бабёфа. Мишле придаетъ большое значеніе голоду въ революціонныхъ неурядицахъ того времени, и такъ какъ Бабёфъ, занимая въ коммунѣ должность секретаря въ „бюро продовольствія“, умѣлъ отлично организовать подвозъ хлѣба въ Парижъ и раздачу его бѣднымъ классамъ, то несомнѣнно, что гибель его должна была отозваться на общемъ положеніи всего Парижа. Выходъ изъ робеспьеровскихъ тюремъ, всеобщая радость при этомъ и взрывъ состраданія къ несчастнымъ, особенно женщинамъ, которыя всѣ были беременны (только беременность спасала отъ эшафота), описаны мастерски. Взрывомъ состраданія къ этимъ несчастнымъ, и особенно къ роющимъ, погребшимъ по повелѣніямъ Робеспьера въ Нантѣ, а также состраданіемъ вообще, которое возбуждалось въ сердцахъ парижанъ жертвами нищеты и голодной смерти, Мишле старается объяснить ту страшную ненависть къ якобинцамъ, которая въ крайнемъ своемъ развитіи потребовала уничтоженія самого якобинизма. Эту странную связь широкаго состраданія къ однимъ, съ злою ненавистью къ другимъ авторъ описываетъ съ такимъ убѣжденіемъ, что почти убѣждаетъ васъ самихъ. Въ 1794-мъ году начинаютъ играть большую роль женщины: якобинки, дамы реакція и любовницы термидорцевъ Мишле посвящаетъ каждой изъ этихъ категорій по главѣ.

Когда якобинцы сошли, наконецъ, со сцены, все вдругъ оживилось. Одинъ дѣятель того времени сказывалъ г-ну Мишле: „Якобинцы такъ много говорили о смерти, такъ часто упоминали о ней, что когда ихъ закрыли, то показалось, что сама смерть была уничтожена, что никогда уже люди не станутъ умирать снова“. Всѣ еще находились въ бѣдности, прежнія богатые и знатныя дамы, выйдя изъ тюремъ, пропитывались дешевыми уроками; но несмотря на то всѣ были оживлены, начались дешевые балы, балы въ пользу семействъ гильотинированныхъ и другихъ пострадавшихъ во времена террора—такъ-называемые „балы жертвъ“, и общество охватила „лихорадка браковъ“. Нѣсколько лѣтъ спустя, Мерсье встрѣчалъ на своихъ прогулкахъ такое множество дѣтей 2—3-хъ лѣтъ отъ роду, что казалось въ городѣ было больше дѣтей, чѣмъ взрослыхъ,—все это былъ плодъ безчисленныхъ браковъ 1794-го года. Никогда въ Парижѣ не было такой привѣтливости въ общественныхъ сношеніяхъ, какъ теперь; дамы сближали всѣхъ своими очаровательными любезностями, даже ѣли въ то время лучше: „освобожденные отъ жесткаго корсета, который ихъ сдавливалъ прежде, избавившись отъ нервныхъ судорогъ террора, счастливыя въ своихъ скромныхъ бракахъ, онѣ были веселы“.

Одновременно съ этимъ оживленіемъ въ обществѣ началась усиленная дѣятельность въ дѣлѣ всеобщаго просвѣщенія. Теперь студенты платятъ за ученіе, тогда имъ платили: и въ политехнической школѣ, и въ медицинской, и въ нормальной, которая готовила 1,200 будущихъ учителей и профессоровъ. Открыто множество новыхъ кафедръ; въ первый разъ медицину стали изучать при постели больного; въ нормальной школѣ арифметику учили такіе великіе математики, какъ Лагранжъ и Лапласъ; тогда только-что учредили приюты для глухонѣмыхъ, для слѣпыхъ,—женщины собирались туда толпами и плакали отъ умиленія. Конвентъ поддерживалъ искусство и науку; онъ назначилъ на конкурсъ живописи и скульптуры цѣлыя пол-милліона франковъ; естествознаніе пользовалось большимъ почетомъ: къ декабрю 1794-го года былъ созданъ замѣчательный музей въ Jardin des Plantes и директоромъ его назначенъ знаменитый Ламаркъ, предшественникъ Дарвина по теоріи происхожденія видовъ. Мишле большой приверженецъ „признанія животныхъ родственниками и предками человека“. Республика искала своего идеала, своей цѣли въ *братствѣ*, а братство оказывается, говоритъ Мишле, „единственною основою природы. Это ея прекрасная материнская тайна. Великая и новая религія!.. Привѣтствую братство всѣхъ существъ! Даже арміи въ то время были совсѣмъ не такія, какими мы видимъ ихъ въ современной Европѣ: онѣ вышли изъ братскихъ федерацій, онѣ удалялись отъ алтара, передъ которымъ присягали на свободу всего міра; полководцы научались войною ненавидѣть войну: когда читаешь трогательныя замѣтки Клебера, которыя писалъ онъ по вечерамъ среди ужасовъ Вандеи, когда читаешь *человѣчныя* письма, глубоко гуманныя, писанныя Гошемъ, Дезе и Марсо, то припоминаешь замѣтки Вобана и даже Марка Аврелія, которыя онъ писалъ въ лѣсахъ Панноніи въ войнѣ съ варварами“. Само собою разумѣется, что при такомъ гуманномъ настроеніи всего общества, чувство состраданія къ несчастнымъ, потерявшимъ во времена террора, могло только принимать все болѣе широкіе размѣры и перейти наконецъ всякую мѣру. Состраданіе было перенесено и на роялистовъ, которые стали мало-по-малу возвращаться. Встрѣчая повсюду въ обществѣ состраданіе къ своимъ бѣдствіямъ, роялисты рѣшились наконецъ мстить своимъ бывшимъ врагамъ, и подъ видомъ справедливаго мщенія надъ якобинцами они устроили страшную рѣзню въ Ліонѣ, Марсели и другихъ городахъ южной Франціи. Мишле подробно описываетъ это начало *блгого террора* по новымъ источникамъ, которые ему удалось найти въ городскихъ архивахъ Нанта. Между тѣмъ голодъ въ Парижѣ вызвалъ, 20-го мая 1795-го года, внезапную демонстрацію женщинъ противъ конвента, причемъ, какъ потомъ увѣрили, убили нѣсколько женщинъ. Крики: „женщинъ бьютъ!“ возбудили всеобщее движеніе, которое послужило поводомъ

врагамъ „Горы“ къ несправедливымъ обвиненіямъ шести ея замѣчательныхъ представителей, и всѣ они погибли, какъ какіе-нибудь дѣйствительные измѣнники народа. Послѣ паденія „Горы“ никакихъ преградъ для возвращенія роялистовъ не было, и XIII-го вандеміера они уже нападаютъ на конвентъ, но неудачно. Во время стычекъ случайно выдвигается на сцену Бонапартъ и за защиту въ этотъ день конвента его назначаютъ комендантомъ Парижа.

Дойдя, наконецъ, до Бонапарта, Мишле останавливается въ своемъ повѣствованіи объ общественныхъ движеніяхъ. „Здѣсь — говоритъ онъ — исторія падаетъ повидимому въ пучину. Съ великихъ общихъ, собирательныхъ сюжетовъ, съ идей, съ народныхъ массъ, она переходитъ на личность и становится чистою біографіею. При Робеспьерѣ, при Горѣ, Жирондѣ, Конвентѣ, и еще ранѣе — при учредительномъ собраніи, наконецъ при господствѣ философовъ и вообще въ восемнадцатомъ вѣкѣ — идея первенствовала, и если являлась личность, то ради идеи. Личность занимала часто видное мѣсто, но соотносительно съ идеей, которую она, повидимому, представляла. Вотъ почему Гегель столь же глубокомысленно, какъ справедливо называетъ этотъ великій вѣкъ царствомъ идеи или *духа* (Geist-Reich). Но вдругъ, встрѣтивъ препятствіе, это прекрасное движеніе идеи и отвлеченнаго мышленія точно погружается въ громадную бездну матеріальности. Человѣческій духъ повидимому забываетъ всѣ понятія, всѣ теоріи, всѣ языки. Одно единственное слово замѣщаетъ все въ бѣдныхъ мозгахъ, одно единственное слово парализуетъ все, да и то нефранцузское: *Bonaparte*. Въ наступавшемъ году, 1795, это слово вдругъ стало все и для всѣхъ. Странное смущеніе существуетъ въ умахъ. Оно зависитъ отъ многихъ вещей, отъ одной въ особенности, которой достаточно для того, чтобы свести съ ума. Кантъ очень хорошо сказалъ, что нѣкоторыя понятія, *пространство и время*, примѣшаны ко всѣмъ нашимъ идеямъ и составляютъ *субстратъ* ихъ. Если, напримѣръ, понятіе о пространствѣ исчезнетъ въ насъ, мы лишимся ума. Мы должны во всякомъ существѣ, и во всякомъ актѣ и во всякомъ движеніи предполагать, что все это существуетъ или происходитъ *на мѣстѣ*. Относительно *времени* мы имѣемъ то же самое. Но предположите, что намъ говорятъ, на другой день террора и пока мы находимся еще въ оцѣпенѣніи: „знаете что? *время* умерло! оно погибло!“ Хотите доказательствъ? Смотрите, какъ теперь событія, высвободившись изъ-подъ этого закона, идутъ и спѣшатъ; потокъ человѣческихъ дѣлъ принялъ поступь порока.... И какъ зовется этотъ порокъ! Отвѣтъ не длиненъ. Есть въ языкѣ одно слово, достаточное для всего: *Bonaparte*. Оно замѣнило всякую идею, всю науку даже. Если Лагранжъ говоритъ о математикѣ, или Жоффруа Сентъ-Илеръ объ естественной исторіи, ему отвѣчаютъ однимъ словомъ: *Bonaparte*. Ибо этого слова достаточно для всего. Точно также

послѣ христіанской эры, если греческіе философы или римскіе юристы дерзали еще открывать ротъ, то передъ ними пожимали плечами и отвѣчали: *Iesus!* Великій живописецъ эпохи (Gros), одинъ изъ тѣхъ, которые изображали чудеса своей новой церкви (смерти и сраженій), отлично понималъ эти аналогіи, когда изображалъ своего новаго „Христа“, который лечилъ моръ однимъ прикосновеніемъ. Но если интересно видѣть умственное разрушеніе, въ которое впалъ міръ, то не менѣе интересно наблюдать, какимъ образомъ великій чудотворецъ, искусный фокусникъ, творившій эти чудеса иллюзій и ослабленій, подготовилъ свою изумительную карьеру. Прощай наука, идеи, нація, прощай отечество!... Все это отложено въ сторону. Я займусь... однимъ человекомъ“¹⁾.

Послѣ этого вступленія, на цѣлой сотнѣ краснорѣчивыхъ страницъ Мишле описываетъ всю карьеру Наполеона I до назначенія его начальникомъ итальянской арміи и затѣмъ убѣдительно доказываетъ, что вся слава этой кампаніи принадлежитъ Массенѣ и Ожеро, между тѣмъ какъ Бонапартъ только мѣшалъ успѣхамъ французскаго оружія, что не помѣшало ему однако воспользоваться этой кампаніей для вѣщаго прославленія себя. Въ интригахъ противъ замѣчательныхъ подвиговъ Массены и Ожеро ему способствовало все: и пресса, черезъ посредство его супруги Жозефины, которая пользовалась большимъ вліяніемъ въ литературныхъ кружкахъ того времени, и его личное знакомство съ банкирами-поставщиками арміи, и его вѣроломная дружба съ глуповатымъ Салицетти, комиссаромъ Директоріи при итальянской арміи, посылавшимъ въ Парижъ отчеты о военныхъ дѣйствіяхъ, и деньги, которыми Бонапартъ подкупалъ министровъ, и даже само искусство, которое изображало подвиги тогдашней арміи. Мишле положительно доказываетъ, что въ сраженіи подъ Лоди, въ которомъ Наполеона I изображаютъ переходящимъ, съ знаменемъ въ рукѣ, черезъ мостъ, обстрѣливаемый непріятелемъ, все сраженіе было ведено Массеною и никакой такой сцены не было. А между тѣмъ битвою подъ Лоди Наполеонъ такъ возгордился, что не сталъ уже слушать повелѣній Директоріи. Другое важное сраженіе, выигранное французами въ эту кампанію и закончившее ее — сраженіе подъ Кастильоне, было задумано Ожеро (Наполеонъ и всѣ другіе генералы не рѣшались на него) и, благодаря его настойчивости и критическому положенію самого Бонапарта, приведено въ исполненіе самимъ же Ожеро.

Въ другомъ томѣ Мишле обѣщаетъ продолжать и окончить свои разоблаченія Бонапарта.

¹⁾ Стр. 331—333.

Die Industrie Russlands in ihrer bisherigen Entwicklung und in ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung der allgemeinen russischen Manufaktur-Ausstellung im Jahre 1870. Industrielles Handbuch für das Gesamtgebiet des russischen Reiches von *Friedrich Matthäi*, Offizier der Königl. Sächs. Armee a. D., Correspondirender Mitglied der Kaiserlichen freien Oekonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg etc. *Erster Band*. Leipzig, 1872. Hermann Fries. (Промышленность Россіи въ ея развитіи и нынѣшнемъ состояніи, составленная преимущественно по даннымъ общей русской промышленной выставки 1870 года. *Фридрихомъ Маттэи*. Томъ первый).

Офицеръ саксонской арміи пишетъ цѣлый томъ въ 409 страницъ и общаетъ еще такой же—о чемъ?... о русской промышленности! И между тѣмъ его сочиненіе составлено хорошо, и съ матеріаломъ своимъ—его немного, впрочемъ—авторъ управляетъ довольно ловко. Г. Маттэи уже не въ первый разъ пишетъ о Россіи: онъ писалъ еще о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи, въ которомъ совѣтовалъ намъ привлекать иностранныхъ „культурныя силы“. Нынѣшній трудъ его, хотя не представляетъ для русскаго читателя ничего такого, чего бы онъ не нашелъ въ своихъ собственныхъ книгахъ, но тѣмъ не менѣе полезенъ и для русскихъ какъ тѣмъ, что знакомятъ Германію и—черезъ нея—весь цивилизованный міръ—съ развитіемъ нашихъ промышленныхъ силъ, такъ и тѣмъ, что авторъ смотритъ на русскую промышленность не столько нѣмецкими глазами, сколько взглядомъ челоѣка, хорошо знакомаго съ настоящимъ состояніемъ политической экономіи. При описаніи каждой отрасли промышленности Маттэи имѣетъ, сверхъ того, обыкновеніе давать практическіе совѣты о возможности большаго развитія ея при соблюденіи извѣстныхъ условій.

Въ своемъ „введеніи“ авторъ, бросая общій взглядъ на условія русской промышленности, находитъ въ нихъ много сходнаго съ американскими: „Здѣсь, какъ тамъ, господствуетъ пока избытокъ производительной земли; здѣсь, какъ тамъ, недостаетъ рукъ для уничтоженія этого избытка; здѣсь, какъ тамъ, произведенія земли составляютъ богатство страны“. Но между тѣмъ, какъ Соединенные Штаты съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ здоровыя рабочія силы въ лицѣ многочисленныхъ переселенцевъ изъ Европы, Россія остается почти исключительно при своемъ естественномъ приростѣ населенія, и этотъ приростъ, по мнѣнію Маттэи, такъ малъ, что не удовлетворяетъ культурнымъ потребностямъ страны. Кромѣ того, американцы умѣютъ эти пришлыя силы лучше приспособить къ промышленности своей страны, и такимъ образомъ побуждаютъ Россію въ торговлѣ сырыми продуктами. Такъ какъ авторъ и въ будущемъ не предвидитъ у насъ собственныхъ хлопотъ объ удешевленіи стоимости производства въ обработкѣ земли, то онъ полагаетъ, что Россіи слѣдовало бы прибѣгнуть къ помощи иностранцевъ, способныхъ колонизоваться, которые и составили бы у насъ средній земледѣльческій классъ, понимающій свое дѣло и могущій научить и помѣщиковъ нашихъ и крестьянъ сбереженію рабочей силы въ

земледѣльческомъ трудѣ. Этотъ планъ имѣетъ за себя лишь дѣнь нашихъ помѣщиковъ и невѣжество нашихъ крестьянъ. Мы не имѣемъ ничего противъ переселенія къ намъ разныхъ иностранцевъ, если они желаютъ переселяться такъ, какъ они переселяются въ Соединенные Штаты, то-есть на собственный счетъ и страхъ,—мы желали бы также серьезнаго пересмотра нашего законодательства объ арендѣ земли, которое не соотвѣтствуетъ настоящему состоянію ни сельскихъ хозяйствъ, ни политической экономіи,—мы желали бы еще, чтобы иностранцамъ въ ихъ переселеніи въ Россію не представлялись разные препятствія въ нашихъ полицейскихъ постановленіяхъ и самоуправствѣ мелкихъ административныхъ учрежденій; но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ мы желали бы еще—и главнымъ образомъ—чтобы наши помѣщики серьезно занялись сельскимъ хозяйствомъ и перестали бросать всѣхъ своихъ дѣтей въ непроизводительныя профессіи, а готовили изъ нихъ будущихъ агрономовъ, и чтобы нашимъ крестьянамъ была, наконецъ, открыта широкая дорога къ приобрѣтенію земледѣльческихъ свѣдѣній посредствомъ дѣльнаго курса народной школы.

НЕКРОЛОГЪ.

Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ.

Русская литература понесла въ іюнѣ мѣсяцѣ прискорбную потерю со смертію А. Ѳ. Гильфердинга, имя котораго не разъ стояло и на страницахъ „Вѣстника Европы“. Почтенный ученый умеръ совершенно неожиданно, только-что оставивъ Петербургъ для продолженія тѣхъ розысканій, которыя началъ онъ въ прошломъ году и описаніе которыхъ представилъ въ статьѣ, напечатанной въ мартовской книжкѣ „Вѣстника“ нынѣшняго года. Онъ былъ еще въ полномъ развитіи своихъ силъ и дѣятельности, когда печальная судьба унесла его въ могилу.

Близкіе друзья вѣроятно представляютъ болѣе или менѣе подробную біографію Гильфердинга; въ ожиданіи ея мы можемъ сообщить о немъ только немногія свѣдѣнія. Онъ родился въ 1831-мъ году, и первое образованіе получилъ въ Варшавѣ въ домѣ своего отца (впослѣдствіи управлявшаго въ Петербургѣ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ), а въ 1848-мъ году поступилъ на историко-филологическій факультетъ въ московскомъ университетѣ. Въ Москвѣ Гильфердингъ вошелъ въ славянофильскій кружокъ Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, и это опредѣлило его будущіе взгляды и направленіе. Съ этимъ

кружкомъ онъ навсегда сохранилъ самыя дружескія связи, и шель выѣстъ съ нимъ въ своихъ литературныхъ и общественныхъ воззрѣніяхъ и трудахъ. Наиболѣе близокъ онъ былъ, кажется, съ Хомяковымъ, мнѣнія котораго болѣе многостороннимъ образомъ обнимали разныя отрасли славянофильскаго ученія. Непосредственно по окончаніи университетскаго курса, Гильфердингъ началъ свою ученую и литературную дѣятельность. Первыми трудами его были изслѣдованіе: „О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ“, 1853, напечатанное въ „Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ“ и отдѣльной книжкой, и затѣмъ магистерская диссертация: „Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ“ (Москва, 1853). Эти филологическія работы не были изъ лучшихъ трудовъ Гильфердинга; сравнительная филологія была у насъ еще въ совершенно младенческомъ состояніи, и Гильфердингъ, кажется, слишкомъ положился здѣсь на авторитетъ Хомякова, который также пускался въ эту область, но вовсе не могъ служить въ ней надежнымъ руководителемъ. Въ слѣдующемъ году Гильфердингъ началъ печатать свои историческія изслѣдованія: „Исторію Балтійскихъ Славянъ“ (сначала въ „Москвитинѣ“, потомъ отдѣльной книгой одинъ 1-й томъ, М. 1855) и „Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ“ („въ Моск. Вѣдомостяхъ“ и въ „Русской Бесѣдѣ“, и отдѣльно, Москва, 1856—1859). Въ этихъ изслѣдованіяхъ Гильфердингъ показалъ уже обширную начитанность и историческій талантъ, обѣщавшіе въ немъ замѣчательнаго ученаго.

Послѣ окончанія крымской войны, Гильфердингъ, по собственному желанію лично изучить славянскія земли, назначенъ былъ консуломъ въ Боснію, кажется, въ Сараево или въ Мостаръ. Онъ пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ сдѣлалъ много поѣздокъ внутри страны, и результатомъ его изученій было обширное сочиненіе: „Боснія, Герцеговина и Старая Сербія“ (Спб., 1859), гдѣ описаніе путешествія исполнено множествомъ изображеній страны и народнаго быта, историческихъ и археологическихъ разысканій. Это — одно изъ немногихъ ученыхъ путешествій по славянскимъ землямъ, какимъ можетъ похвалиться наша литература: по своимъ достоинствамъ оно можетъ быть поставлено рядомъ съ путешествіемъ по Турціи В. И. Григоровича. Въ то же время Гильфердингъ слѣдилъ за явленіями славянской литературы и славянской жизни, и помѣщалъ свои статьи объ этихъ предметахъ въ начавшейся тогда „Русской Бесѣдѣ“. Цѣлый обзоръ новѣйшаго движенія западнаго славянства сдѣланъ былъ имъ въ сжатой формѣ, но съ большимъ талантомъ и знаніемъ, во французской брошюрѣ: „Les Slaves Occidentaux“, вышедшей безъ имени автора въ Парижѣ, 1858. Впослѣдствіи, онъ еще разъ сдѣлалъ путешествіе по Сербіи и Болгаріи и вывезъ цѣлое собраніе замѣчательныхъ рукописей, проданное имъ послѣ г. Хлудову. Для изученія сла-

вянской народности, Гильфердингъ сдѣлалъ поѣздку и въ другой край славянскаго міра, въ Померанію, гдѣ онъ изучалъ слѣды стараго славянскаго населенія, занимавшаго нѣкогда эту страну, и уцѣлѣвшую донынѣ небольшую славянскую вѣтвь — Кашубовъ. Свои наблюденія онъ изложилъ въ изслѣдованіяхъ о языкѣ кашубовъ и слѣдахъ нарѣчій древлянъ (въ „Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ“, и отдѣльно: „Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря“, Спб. 1862).

Служба Гильфердинга продолжалась, по возвращеніи изъ Босніи, въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (замѣтимъ въ объясненіе, что въ „азіатскомъ“ департаментѣ находятся и славянскія дѣла земель, принадлежащихъ Турціи), потомъ въ государственной канцеляріи. Въ началѣ польскаго возстанія Гильфердингъ перешелъ на службу въ Варшаву, гдѣ, какъ говорятъ, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Н. А. Милютина; въ то же время онъ участвовалъ въ литературной разработкѣ польскаго вопроса длиннымъ рядомъ замѣчательныхъ статей, которыя помѣщалъ онъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, но особенно въ газетѣ „День“ и ея преемникахъ.

Въ 1868-мъ году онъ началъ изданіе своихъ сочиненій, которыхъ успѣлъ выдать два тома. Въ послѣдніе годы онъ задумалъ обширный трудъ, „Исторію Славянъ“, началомъ котораго было то изслѣдованіе о древнихъ славянахъ, которое было помѣщено въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ послѣдніе годы онъ издалъ еще: „Общеславянскую Азбуку, съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій“ (Спб. 1870), и брошюру: „Гусъ. Его отношенія къ православной церкви“ (Спб. 1871), выражающую извѣстный тенденціозно-историческій взглядъ на Гуса славянофильской школы.

Въ Гильфердингѣ славянофильская школа потеряла одного изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ представителей. Человѣкъ талантливыи, съ обширными учеными свѣдѣніями и практическимъ знаніемъ современнаго славянства, онъ представлялъ большую литературную силу школы, но потеря его безъ сомнѣнія прискорбна для всей литературы. Теперь, быть можетъ, еще не пришло время для полной оцѣнки направленія его дѣятельности: направленіе славянофильское, оно заключало въ себѣ извѣстныя преувеличенія и односторонности этой школы, которыя намъ не были сочувственны, — хотя, быть можетъ, у Гильфердинга онѣ больше, чѣмъ у другихъ, покрывались логической послѣдовательностью изложенія. Таковы были его публицистическія статьи по западно-славянскому вопросу. Характеръ его разсужденій о польскомъ вопросѣ можетъ разъясниться для нашихъ читателей изъ статей о „Восточной политикѣ Германіи“, гдѣ достаточно опредѣлена тенденція газеты „День“. Дѣятельность славянскаго комитета, гдѣ Гильфердингъ въ послѣднее время былъ предсѣдате-

лемъ и, кажется, главнымъ руководителемъ, также даетъ мѣсто для многихъ возраженій. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы наша литература была въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ находится она въ послѣдніе годы, полемика болѣе выяснила бы недостатки современнаго славянофильства; — но въ наше глухое и темное время, эти недостатки къ сожалѣнію для многихъ неясны и порождаютъ много заблужденій. Оговоримся впрочемъ, что современное славянофильство имѣетъ нѣсколько оттѣнковъ, довольно несходныхъ; изъ нихъ Гильфердингъ принадлежалъ къ тому, который былъ непосредственнымъ продолженіемъ стараго славянофильства и былъ, при всѣхъ недостаткахъ, очень далекъ отъ новѣйшей мнимо-народной школы политиковъ, въ родѣ „Моск. Вѣдомостей“ или „Голоса“.

Намъ кажется, что Гильфердингъ не былъ и упрямымъ доктринеромъ, какъ это слишкомъ свойственно всѣмъ исключительнымъ школамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ доступенъ живымъ впечатлѣніямъ общественнаго быта и народной дѣйствительности, гдѣ доктрина уступала передъ фактами. Доказательствомъ этого были и тѣ послѣднія работы, съ которыми роковымъ образомъ связана была его смерть и которые остались, быть можетъ, лучшимъ изъ результатовъ его изученія собственно русской народной жизни. Мы понимаемъ его изслѣдованія о былинномъ эпосѣ.

Новое открытіе былиннаго эпоса въ захолустьяхъ сѣвернаго края, какъ извѣстно, составляетъ заслугу г. Рыбникова, народнаго изслѣдователя, занесеннаго въ Олонецкую губернію, кажется, путемъ административной ссылки. На первыхъ же порахъ своего пребыванія въ новомъ краѣ, г. Рыбниковъ открылъ въ сѣверномъ русскомъ народѣ богатую струю эпической поэзіи, которая считалась уже изсякшею и погребшею. Сначала появились въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ отдѣльныя былинны, затѣмъ цѣлый томъ, за которымъ пздатель обѣщалъ дальнѣйшіе. Появленіе этого богатаго запаса древнѣйшей народной поэзіи, живой до сихъ поръ въ устахъ народа, было такъ неожиданно, что, мы помнимъ, нѣкоторые изъ топкихъ знатоковъ — хотя не рѣшались говорить противъ нагляднаго, слишкомъ яснаго факта, — при началѣ дѣла выражали „желаніе“, чтобы тексты г. Рыбникова были „ближе изучены“, „провѣрены“, прежде чѣмъ „наука“ приметъ ихъ въ свое владѣніе. Словомъ, существовало нѣкоторое недовѣріе къ тому, чтобы „наука“ могла до сихъ поръ проглядѣть столь крупный и замѣчательный фактъ народной жизни. Дальнѣйшія публікаціи г. Рыбникова уничтожили всякую возможность недовѣрія; изслѣдователи могли стать лицомъ къ лицу съ этимъ фактомъ, и увидѣть его во очію; народные пѣвцы, открытые г. Рыбниковымъ, получили извѣстность и возбудили интересъ даже въ высшихъ сферахъ; былинны явились въ изданіяхъ г. Рыбникова со всѣми указаніями мѣстностей,

съ вариантами различныхъ пѣвцовъ и т. п. Фактъ былъ уже внѣ всякаго сомнѣнія, но оставался не менѣе поразительнымъ и любопытнымъ.

Гильфердингъ былъ также имъ живо заинтересованъ. Въ послѣднѣе годы, вернувшись изъ Варшавы въ Петербургъ (гдѣ онъ перешелъ на службу при государственномъ совѣтѣ), Гильфердингъ между прочимъ выбранъ былъ предсѣдателемъ въ этнографическомъ отдѣленіи географическаго общества. Связанный и этимъ путемъ съ задачами и потребностями русской этнографіи, Гильфердингъ возымѣлъ мысль объѣхать Олонецкій край, чтобы по возможности собрать полныя свѣдѣнія о распространеніи былиннаго эпоса и вообще объ этнографическихъ подробностяхъ его сохраненія въ народѣ. Прошлымъ лѣтомъ, онъ употребилъ два мѣсяца на эту поѣзду, изъ которой возвратился съ богатымъ запасомъ новыхъ былинъ и новыхъ вариантовъ, съ запасомъ множества разнообразныхъ наблюденій о народной жизни Олонецкаго края. Читатели „Вѣстника Европы“ знаютъ его въ высшей степени любопытный рассказъ объ этомъ путешествіи, и, — на чтó мы особенно хотѣли указать, — изслѣдователь понялъ свою задачу такъ широко и серьезно, какъ только можно было бы желать: специальная задача не закрыла отъ него вопроса о цѣломъ бытѣ видѣннаго имъ народа, и онъ относится къ этому народу съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ разумѣніемъ его тяжкихъ нуждъ, говорить о нихъ съ такой убѣдительностью и, иногда, такой смѣлостью, которыя вызывали самое полное сочувствіе. Живое сближеніе съ народнымъ бытомъ возбуждало въ немъ такое чувство и такія мысли, которыя могли вполне раздѣлить съ нимъ и люди, въ другихъ случаяхъ не раздѣлявшіе его мнѣній.

Въ началѣ іюня нынѣшняго года Гильфердингъ отправился снова на сѣверъ; на этотъ разъ онъ хотѣлъ осмотрѣть южные уѣзды Архангельской губерніи. 8-го іюня онъ выѣхалъ изъ Петербурга, а 20-го въ Петербургѣ была получена телеграмма о его смерти, въ Каргополѣ. Теперь извѣстно, что онъ почувствовалъ себя нездоровымъ уже вскорѣ по выѣздѣ изъ Петербурга, но непремѣнно хотѣлъ продолжать дорогу; онъ умеръ отъ тифозной горячки, полученной вѣроятно на „трешкотѣ“, первобытнаго устройства баркѣ, на которой ему нужно было проѣхать часть пути. Тѣло его было привезено въ Петербургъ и погребеніе совершено на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, 5-го іюля.

Одинъ изъ друзей покойнаго замѣчаетъ объ его мнѣніяхъ и личномъ характерѣ: „По своему политическому направленію, покойный Гильфердингъ принадлежалъ къ числу самыхъ гуманныхъ и вольномыслящихъ общественныхъ дѣятелей. Своимъ тихимъ, кроткимъ нравомъ, ровнымъ, сдержаннымъ характеромъ, вмѣстѣ съ блестящими умственными дарованіями и обширнымъ образованіемъ, А. Ѳ. Гиль-

фердингъ легко привлекалъ къ себѣ людей разнообразныхъ направленій и характеровъ. Всѣ они находили въ немъ живого, умнаго собесѣдника, готоваго всегда на дружеское одолженіе вліятельнымъ ходатайствомъ, совѣтомъ, мыслью, книгами, рукописями....“ Мы не были близки съ покойнымъ, но въ немногихъ сношеніяхъ съ нимъ дѣйствительно встрѣчали въ немъ эти свойства просвѣщеннаго человѣка, къ сожалѣнію далеко не обыкновенныя въ нашемъ кругѣ литературномъ, — не говоря о другихъ. Справедливо и другое замѣчаніе, сдѣланное тѣмъ же авторомъ: „преждевременная кончина Гильфердинга тяжело отзовется также и въ славянскихъ земляхъ Австріи и Турціи, гдѣ онъ имѣлъ многочисленныхъ друзей и почитателей“.

Послѣдній трудъ Гильфердинга — сборникъ былинъ, составленный имъ во время путешествія и, какъ видно изъ его разсказа, значительно разъясняющій предметъ, какъ говорятъ, почти готовъ печатаніемъ и вскорѣ долженъ явиться въ свѣтъ. Нельзя не пожелать, чтобы друзья Гильфердинга постарались и объ окончаніи начатаго имъ самимъ собранія его сочиненій.

А. П.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ Н. В. БУССЕ

ОБЪ ОСТРОВѢ САХАЛИНѢ И ЭКСПЕДИЦИИ 1853 ГОДА.

Письмо къ редактору.

М. Г. Весьма сожалѣю, что въ настоящее время я не могу самъ представить для печати описаніе о главной цѣли и направленіяхъ дѣйствій нашихъ въ Приамурскомъ краѣ съ 1849-го по 1855-й годъ; это было бы лучшимъ возраженіемъ противъ дневника Н. В. Буссе, напечатаннаго его наслѣдниками въ трехъ послѣднихъ книгахъ вашего журнала за прошедшій годъ. Но бывшій мой сотрудникъ по Сахалинской экспедиціи 1853-го и 54-го гг., которая именно и составила предметъ вышеупомянутаго дневника, Н. В. Рудановскій, исполнилъ отчасти мое намѣреніе. Препровождая къ вамъ его возраженія, я считаю долгомъ присоединить съ своей стороны, что отзывъ Н. В. Буссе о личномъ характерѣ г. Рудановскаго и о степени его заслугъ во время Сахалинской экспедиціи вполне несправедливъ. Мнѣ, какъ лицу, стоявшему во главѣ всего предпріятія, слишкомъ дорога добрая память о сотрудникахъ по Амурской и Сахалинской экспедиціямъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ, и я смѣю могу сказать, что съ ихъ энергією, самоотверженіемъ и полезною дѣятельностію, сопряженными съ опасностями, мы только и могли съ ничтожнѣйшими средствами положить основаніе къ прочному нашему водворенію на юго-восточныхъ бере-

гахъ Сибіри. Въ числу такихъ полезныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ я считаю долгомъ отнести и Н. В. Рудановскаго, въ противность личнымъ взглядамъ покойнаго Буссе, не раздѣленнымъ ни мною и ни кѣмъ другимъ изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи на о. Сахалинъ*).

На картѣ Крашенникова 1752-го года, о которой упоминаетъ г. Рудановскій ниже въ своемъ отзывѣ, Сахалинъ показанъ островомъ; но какъ въ проливѣ, отдѣляющемъ его отъ материка, не означено на этой картѣ глубины, то и оставалось неизвѣстнымъ, доступно ли устье р. Амура для мореходныхъ судовъ и дѣйствительно ли Сахалинъ островъ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ только въ 1849-мъ году мною на военномъ транспортѣ „Байкалъ“.

О необходимости занятія главнаго пункта острова Сахалина, находящагося въ Тамари-Анива, я доносилъ генералъ-губернатору Восточной Сибіри еще въ 1852-мъ году, т.-е. прежде препровожденнаго ко мнѣ для исполненія въ 1853-мъ году высочайшаго повелѣнія объ окончательномъ занятіи этого острова. Занятіе же этого пункта, кромѣ причинъ упоминаемыхъ г. Рудановскимъ въ его отзывѣ, вызвано было тогда еще и слѣдующими обстоятельствами: а) чтобы люди, высаженные въ позднее осеннее время имѣли бы для себя пріютъ отъ непогодъ подъ готовыми японскими крышами; и б) чтобы показать японскому правительству, что по праву перваго изслѣдованія этого острова и по его географическому, относительно Пріамурскаго края, положенію, Россія всегда признавала его своимъ.

Г. Буссе оставленъ мною зимовать на Сахалинѣ единственно потому, что не было тогда въ экспедиціи другого свободнаго офицера; при одномъ же офицерѣ командѣ въ 70 человѣкъ оставлять было невозможно. Главная цѣль дѣятельности въ эту зимовку состояла въ изслѣдованіи во всѣхъ отношеніяхъ южной части острова въ видахъ, не

*) По поводу того же дневника Н. В. Буссе, мы получили протестъ въ томъ же смыслѣ отъ служившаго въ Амурской экспедиціи съ 1851 по 57-й г., нынѣ командира плавучаго малка большого Невскаго корабельнаго фарватера, корпуса штурмановъ капитана г. А. Воронина 1-го. Въ своемъ письмѣ къ намъ онъ также обвиняетъ автора дневника въ личной неприязни къ Н. В. Рудановскому и свидѣлствуетъ, что этотъ посѣдній въ Сахалинскую экспедицію, «принесъ своими неутомимыми трудами огромную пользу». Вслѣдъ за тѣмъ къ намъ обратился съ подобнымъ же заявленіемъ г. контръ-адмиралъ Фрейгангъ. Мы охотно вызвались упомянуть о его несогласіи съ личными мнѣніями Н. В. Буссе о характерѣ дѣйствовавшихъ лицъ въ Сахалинской экспедиціи, но отказались печатать самый текстъ его возраженія, главнымъ образомъ потому, что мы имѣли въ виду печатать болѣе авторитетное мнѣніе въ этомъ случаѣ самого бывшаго начальника экспедиціи. Г. Фрейгангъ напечаталъ свой протестъ въ «Голосѣ», № 78, при чемъ, смыслъ котораго мы отказываемся понимать, вмѣстѣ съ редакціей газеты, помѣстившей ту статью съ возприсланнымъ знакомъ въ текстѣ письма г. Фрейганга. Повидимому, г. Фрейгангъ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы будто бы не сдержали даннаго слова. Это не такъ. Самъ г. Фрейгангъ говоритъ въ томъ письмѣ, что мы обѣщали печатать «возраженія», а отказались напечатать «нападеніе». Изъ того, что мы обѣщали печатать возраженія, вовсе не слѣдуетъ, что мы обязаны печатать и нападки. А что мы охотно помѣщаемъ возраженія, — доказательствомъ тому служатъ печатаемые нами нынѣ отзывы гг. Невельскаго и Рудановскаго. — *Ред.*

найдется ли тутъ удобной гавани, такъ какъ съ открытіемъ навигаціи слѣдующаго года по различнымъ политическимъ и другимъ обстоятельствамъ необходимо было еще поставить одинъ или два поста. Почему я и далъ тогда г. Рудановскому относительно этого предмета особия наставленія, ибо г. Буссе подобнаго порученія исполнить не могъ. Г-ну же Буссе я предписалъ, чтобы по требованію и выбору Н. В. Рудановскаго давать всѣ для этого средства, т.-е. людей, товаровъ и проч. Г. Рудановскій съ полною энергіею и знаніемъ исполнилъ это порученіе. При составленіи морскихъ картъ о Сахалина и по сіе время руководствуются гидрографическимъ описаніемъ, сдѣланнымъ г. Рудановскимъ. Кромѣ этого многія лица и въ особенности полковникъ Венюковъ, бывшій на Сахалинѣ вскорѣ послѣ насъ, могутъ подтвердить о добросовѣстномъ и отчетливомъ описаніи этого острова, сдѣланнымъ г. Рудановскимъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Что же касается до административной дѣятельности г. Буссе, во время зимовки его на Сахалинѣ съ 1853 по 1854-й годъ, то она ни въ какомъ отношеніи не обнаружилась особо полезною.

Вслѣдствіе точнаго смысла препровожденнаго мнѣ для исполненія высочайшаго повелѣнія, г-ну Буссе было дѣйствительно мною предписано, о чемъ упоминаетъ г. Рудановскій, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не оставлять Сахалинъ безъ нашихъ командъ и вліянія. Предложеніе графа Евфимія Васильевича Путятина въ 1854-мъ году, сдѣланное г-ну Буссе, не могло послужить ему поводомъ оставить окончательно Сахалинъ, потому что это предложеніе было условное, и потому что г. Буссе поставленъ былъ на военный постъ не графомъ Е. В. Путятиннымъ.

Смѣю думать, что Н. В. Буссе никогда не рѣшился бы напечатать свой дневникъ, веденный имъ въ 1853-мъ году во время зимовки на Сахалинѣ, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ обнародованъ его наслѣдниками *). Ибо въ немъ не только искажаются всѣ наши дѣйствія, но даже ставится въ вину и невѣжливость женѣ моей то, что она говорила на французскомъ языкѣ при супругѣ священника съ госпожею Бачмановою. Ясно, что г. Буссе тогда не понималъ даже и того чувства молодой образованной женщины, каковою была жена моя, прожившая одинокою около трехъ лѣтъ на морской кошкѣ между дикарями въ пустынѣ, совершенно отрѣзанной отъ всего цивилизованнаго свѣта, при совершенно визапной и неожиданной встрѣчѣ съ таковою же образованною женщиною ея круга, каковою была Елизавета Осиповна Бачманова. Послѣ этого неудивительно, почему ни г. Рудановскій и никто изъ насъ не подходилъ подъ тогдашнее воззрѣніе г. Буссе; и такъ неудивительно, почему г-ну Буссе и наши характеры казались тяжелыми; въ особенности же могъ не нравиться ему тогда г. Рудановскій, ибо вся полезная дѣятельность для экспедиціи во время зимовки на Сахалинѣ принадлежала единственно г. Рудановскому, а никакъ не г. Буссе, воображавшему тогда себя, какъ то видно изъ его же дневника, великимъ психологомъ, этнографомъ, гидрографомъ, политикомъ и даже мореходцемъ.

*) Онъ и напечаталъ далеко не въ томъ видѣ, а съ значительными пропусками всего, что не относилось къ главному дѣлу и состояло въ описаніи мелкихъ сличкомъ личныхъ отношеній, которыя, вѣроятно, выпустилъ бы и самъ авторъ для печати. — *Ред.*

Впрочемъ, прилагаемый отзывъ Н. В. Рудановскаго разъяснить обстоятельно все это дѣло и поставить его въ настоящемъ свѣтѣ.

Примите и пр.

Г. Невельской.

Въ трехъ послѣднихъ книгахъ „Вѣстника Европы“ 1871-го года, былъ помѣщенъ отрывокъ изъ дневника Н. В. Буссе, подъ заглавіемъ: „Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 года“. Я принималъ большое участіе въ этой экспедиціи, но оно было вовсе не таково, какимъ угодно было представить его автору дневника.

Не обладая достаточнымъ запасомъ смѣлости и самоувѣренности и будучи далеку отъ мысли въ возможности быть справедливымъ судьей въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, я охотно предоставляю оцѣнку дѣятельности какъ моей, такъ и г-на Буссе, на Амурѣ и Сахалинѣ сдѣлать другимъ, а самъ ограничусь только тѣмъ, къ чему меня обязываетъ мой долгъ и на что уполномоченъ каждый, а именно, защитить себя отъ нареканій, внушенныхъ одною личною неприязнью и чрезмѣрнымъ себялюбіемъ моего противника.

Положеніе г. Буссе было дѣйствительно самое благоприятное для того, чтобы его записки были полны интереса и истины, такъ какъ онъ состоялъ при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, графѣ Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, — управлялъ даже нѣкоторое время его штабомъ и впослѣдствіи былъ губернаторомъ Амурской области; воспитывался онъ въ пажемскомъ корпусѣ и дѣлалъ путешествія по Россіи и за границу, а слѣдовательно имѣлъ полную возможность воспользоваться всѣми данными генералъ-губернаторскаго архива относительно Амурскихъ дѣлъ. Но, какъ мы увидимъ ниже, г. Буссе очень мало воспользовался выгодами своего положенія. Къ этому я долженъ прибавить, что вообще дневникъ г. Буссе можетъ легко внушить ошибочное мнѣніе даже относительно личности самого автора, выставившаго себя почему-то за силу все одушевлявшую и направлявшую въ дѣлѣ нашего занятія о-ва Сахалина; въ дѣйствительности же было не то, и мы даже затруднены были бы назвать хотя одинъ случай, гдѣ дѣятельность г. Буссе успѣла бы обнаружить плодотворную самостоятельность и тѣмъ дала бы поводъ къ благодарному о немъ воспоминанію.

Въ 1-й главѣ своего дневника г. Буссе пишетъ, что, имѣя порученіе отъ генералъ-губернатора сформировать сахалинскую экспедицію, а потомъ слѣдовать изъ Аяна въ Якутскъ, для осмотра мѣстнаго казачьяго баталіона, онъ совершенно неожиданно, вслѣдствіе предложенія г. Невельскаго, долженъ былъ отправиться въ противоположную сторону на Сахалинъ. Это невѣрно, и для восстановления истины довольно будетъ обратить вниманіе на то, что авторъ днев-

ника состоятъ, какъ и Г. И. Невельской, по особымъ порученіямъ при генераль-губернаторѣ, слѣдовательно принятіе или непринятіе на себя порученія г. Невельского ѣхать на Сахалинъ, зависѣло отъ него самого. Но предположимъ, что въ видахъ „успѣха экспедиціи“ на Сахалинъ, какъ говоритъ авторъ, „онъ рѣшился поступитъ подъ начальство г. Невельского;“ какимъ же образомъ послѣ этого г. Буссе, на стр. 736 и 749 дневника, находитъ, что „распоряженія г. Невельского были недовольно серьезными, такъ, что онъ (г. Буссе) считалъ необходимымъ поставить подлѣ него человѣка благоразумнаго, который непремѣнно взялъ бы верхъ надъ слишкомъ запальчивымъ характеромъ его?....“

Далѣе въ дневникѣ очень много трактуется о безтактности г. Невельского, который основалъ Муравьевскій постъ на Сахалинѣ, у залива Анивѣ, въ самомъ японскомъ селеніи, тогда какъ было бы, по соображенію г. Буссе, несравненно лучше основать его въ Кусунаѣ, т.-е. пунктѣ, сѣвернѣе котораго японцы не имѣютъ селеній; онъ относится при этомъ критически къ выбору самой мѣстности въ Анивѣ, указанной г. Невельскимъ для Муравьевскаго поста, и находитъ ее неудовлетворительною. Но если г. Буссе былъ приглашенъ г. Невельскимъ въ начальники сахалинской экспедиціи какъ лицо, равное съ нимъ по положенію, хотя и моложе чиномъ, то казалось бы онъ могъ, въ видахъ „успѣха экспедиціи“, болѣе или менѣе измѣнить распоряженія г. Невельского; если же онъ предпочелъ подчиниться его невѣрнымъ соображеніямъ, то очевидно, что самостоятельнымъ человѣкомъ онъ не былъ, а на каждомъ шагѣ старался себя выгораживать и вовсе не имѣлъ того гражданскаго мужества, которое обязывало бы его открыто избѣгать неудобствъ положенія въ заливѣ Анивѣ Муравьевскаго поста, судя по дневнику его, ему ясно представлявшихся.

Перемѣнить же мѣсто онъ имѣлъ средства, такъ какъ чрезъ два или три дня по уходѣ г. Невельского, явился транспортъ „Иртышъ“, который онъ могъ оставить при себѣ и съ помощію котораго могъ бы изыскать мѣсто въ Анивѣ или гдѣ ему угодно на Сахалинѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что люди, которые желаютъ выслужиться и показать одного себя, обыкновенно имѣютъ уловки говорить одно, а дѣлать другое. Мы же можемъ прибавить, что подобная изворотливость едва ли можетъ свидѣтельствовать о рѣшительности и дальновидности, которыя положительно необходимы для лица, взявшаго на себя обязанность быть руководителемъ экспедиціи, какую взялъ на себя г. Буссе „очень охотно“. Съ своей стороны относительно выбора мѣстности на Сахалинѣ для устройства поста, о чемъ авторъ такъ много трактуетъ въ запискахъ, мы должны остановить вниманіе читателя на томъ положеніи, въ которомъ русскіе находились въ 1853

—1856 гт. на устьяхъ рѣки Амура и на Сахалинѣ. Для этого мы положили въ краткомъ очеркѣ историческія свѣдѣнія по открытію береговъ Сахалина и амурскаго Лимана, которыя безъ сомнѣнія были извѣстны г. Невельскому и каждому изъ морскихъ офицеровъ, находившихся подъ его начальствомъ.

Вообще открытія и описи Сѣверныхъ береговъ Тихаго Океана, какъ-то Охотскаго моря, Камчатки, Америки, Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ, рѣки Амура и проч., принадлежать русскимъ. До 1727 года открытія эти дѣлались сибирскими казаками, а впоследствии экспедиціями, снаряжавшимися нарочно отъ морского вѣдомства; по тѣмъ и другимъ открытіямъ существуютъ нынѣ болѣе или менѣе обстоятельныя описанія, извѣстныя и въ литературѣ. Изъ свѣдѣній этихъ видно, что устье рѣки Амура сдѣлалось извѣстнымъ русскимъ еще въ 1643 году, когда его посѣтилъ Поирковъ съ своимъ спутникомъ; берега же острова Сахалина посѣщались въ 1740 и 1742 годахъ Шпанбергомъ и Шельтингомъ, участвовавшими въ Сѣверной или Беринговой экспедиціяхъ ¹⁾; именно Шельтингъ видѣлъ на восточномъ берегу Сахалина подъ параллелью 50° 10' мысъ, который впоследствии въ атласѣ Крузенштерна названъ „Рымникъ“. Болѣе же точныя географическія свѣдѣнія о Сахалинѣ сдѣлались извѣстны свѣту по изданіи описанія земли Камчатки Крашенниниковымъ въ 1752 году, участвовавшимъ также въ Беринговой экспедиціи ²⁾. На картѣ, приложенной къ этому сочиненію, мы видимъ Сахалинъ очерченнымъ хотя и несовершенно правильно, однако не соединеннымъ отменно съ материкомъ у устья р. Амура. Французскій мореплаватель Лаперузъ первый изъ европейцевъ въ 1786 году посѣтилъ Татарскій проливъ и прошелъ между Мацаемъ и Сахалиномъ, по проливу, носящему нынѣ его имя. Лаперузъ останавливался у западнаго берега Сахалина въ трехъ пунктахъ, гдѣ имѣлъ сношенія съ туземцами аннами: у мыса Крыльонъ и въ бухтахъ названныхъ имъ d'Estaing и Delangle. Судя по географической широтѣ, данной имъ,—эти послѣднія соответствуютъ: первая бухтѣ Изильметьева, а вторая — окрестностямъ Кукутайскаго поста; обѣ эти бухты описаны и названы такъ мною въ 1853 и 1857 годахъ. Нигдѣ въ этихъ мѣстахъ Сахалина Лаперузъ не видалъ присутствія японскихъ селеній.

Хотя капитанъ Крузенштернъ не привелъ въ извѣстность положеніе устья р. Амура, особенно у выхода этой рѣки къ югу, который онъ нанесъ въ свой атласъ закрытымъ съ атласовъ своихъ предшест-

¹⁾ Шпанбергъ, капитанъ-командиръ, командовалъ отрядомъ сухопутныхъ посланниковъ изъ Петропавловскаго къ югу для развѣдокъ о Сахалинѣ и Японскихъ островахъ. Шельтингъ былъ мичманъ, командовавшій дубельшлюпкою «Надежда.» Зап. Г. Д. №10.

²⁾ Второе изданіе этой книги было въ 1756 году.

венниковъ, Лаперуза и Броутона; но при всемъ томъ самое точное географическое положеніе сѣверной, восточной и южной частей Сахалина сдѣлано этими мореплавателями. Большая часть восточныхъ береговъ острова и по сіе время еще очерчиваются съ его атласа. Замѣтимъ, что Крузенштернъ, посѣщая въ 1805 году заливъ Аниву, уже засталъ тамъ японскія рыбныя факторіи, но онѣ были основаны лишь незадолго предъ тѣмъ, потому что японцы жили въ совсѣмъ еще новыхъ домахъ.

Въ 1806-мъ году заливъ Анива посѣтилъ, по распоряженію чрезвычайнаго нашего посла въ Японіи, г. Рязанова, на тендерѣ „Авось“, лейтенантъ Хвостовъ, опредѣлительно засвидѣтельствовавшій предъ японцами, жившими въ факторіи, принадлежность Сахалина русскимъ. Вислѣдствіи однако, именно въ 1811-мъ году, за это дѣло капитанъ Головинъ, произведшій опись берега на островѣ Кунаширѣ, былъ пзмѣнически взятъ въ плѣнъ японцами; а послѣ этого происшествія стремленія наши къ занятію Сахалина болѣе не возобновлялись; японскіе же рыбныя промыслы распространились по западному, болѣе гостеприимному берегу Сахалина, а именно въ Спрануси, или Нотора, что у мыса Крильонъ, въ заливахъ Идункахъ, что между 47° 05' и 47° 15' широты и въ бухтѣ Маука, гдѣ въ 1853 году я нашелъ у нихъ обжитое мѣстечко Нсп.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что по праву и времени открытія островъ Сахалинъ, подобно какъ и настоящій юговосточный берегъ Сибири, принадлежалъ Россіи. Японское же правительство ни въ какомъ случаѣ не могло претендовать на него, такъ какъ островъ и посѣщался лишь мацмайскими рыбаками въ одни лѣтніе мѣсяцы и при томъ, безъ авторитета и защиты японскаго правительства; на японскихъ картахъ постоянно Сахалинъ носитъ названіе Карафту, т.-е. Китайскій островъ.

Весною 1853 года, предъ занятіемъ Сахалина, Г. И. Невельской осматривалъ восточный берегъ этого острова съ военного транспорта „Байкалъ“, и, какъ пишетъ въ своемъ дневникѣ и г. Буссе, командировалъ еще для осмотра западнаго его берега г. Орлова съ шестью нижними чинами, между которыми были казаки Дьяковъ и Бережнѣ. По этимъ развѣдамъ и вопросамъ отъ торгующихъ гиляковъ безъ всякаго сомнѣнія Г. И. Невельской имѣлъ возможность получить очень вѣрныя понятія о положеніи береговъ Сахалина и, главное, о томъ, что присутствіе тамъ японцевъ не было, какъ и оказалось на дѣлѣ, опасно для насъ. Я помню, какъ въ бесѣдахъ своихъ съ нами, г. Невельской опредѣлительно указывалъ мнѣ и г-ну Буссе на необходимость встать намъ именно въ заливѣ Анива, въ который мы и слѣдовали прямо изъ Петровскаго зимовья. Кромѣ того, онъ же предложилъ утвердиться и у заливовъ Идунокъ, о которыхъ имѣлъ хо-

рошія свѣдѣнія и которые вмѣнилъ мнѣ лично въ непремѣнную обязанность подробно осмотрѣть и описать. Исполнивъ это въ январѣ мѣсяцѣ 1854 года, я потому и назвалъ эти заливы именемъ Невельскаго,—что онъ былъ дѣйствительнымъ виновникомъ открытія ихъ.

Не трудно понять, какъ послѣ этого непріятно звучить рѣчь г. Буссе, который въ своемъ дневникѣ, въ главѣ V, стр. 183, говоритъ, что будто бы онъ объяснилъ мнѣ, какъ должно дѣлать путешествіе для осмотра берега и гдѣ находятся заливы Идунки.

Онъ повидимому не понималъ, что роль его на Сахалинѣ, какъ старшаго въ чинѣ, но не специалиста, состояла въ распоряженіяхъ товарами и людьми; дѣлать же мнѣ какія бы то ни было инструкціи и наставленія въ географическихъ работахъ онъ не могъ уже потому, что самъ не могъ имѣть о нихъ никакого понятія, какъ получившій воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ.

По отношенію ко мнѣ роль г. Буссе могла ограничиваться только снабженіемъ меня средствами для экспедицій, и если бы онъ не давалъ мнѣ таковыхъ изъ вѣреннаго ему склада товаровъ, то я непременно бы достигнулъ того же, хотя бы на собственный счетъ.

Все изложенное здѣсь совершенно подтверждаетъ, что распоряжался при занятіи Сахалина Г. И. Невельской по собраннымъ имъ предварительно свѣдѣніямъ объ этомъ островѣ, и производилъ это совершенно сознательно, а не на авось, какъ это утверждаетъ неоднократно въ дневникѣ своемъ г. Буссе. Особенно, какъ оказалось на дѣлѣ, удачно былъ выбранъ пунктъ для Муравьевскаго поста въ заливѣ Анива, гдѣ имѣли свое мѣстопробываніе японцы. Вслѣдствіе этого нашего выбора мы имѣли ихъ постоянно предъ глазами и получали возможность вмѣшиваться во всѣ дѣла ихъ относительно туземцевъ, айновъ, которыхъ они держали въ рабствѣ. Г. Буссе переполняетъ свой дневникъ разсказами объ этихъ сношеніяхъ нашихъ съ японцами и аинями, не сознавая повидимому самъ того, что еслибы мы жили не только въ Кусунахъ за 300 верстъ, но даже и въ Анивѣ, но за горою отъ японцевъ, въ пунктѣ, на который указывалъ авторъ дневника, то кромѣ того, что мы были бы въ низменности, окруженной горами, но неизбѣжно оставались бы въ неизвѣстности относительно ихъ поведенія. Онъ какъ бы не видитъ, что живя вдали отъ японцевъ, мы не имѣли бы возможности обезпечить себя отъ нечаяннаго ихъ нападенія, котораго однако самъ онъ ожидалъ, живя даже въ Муравьевскомъ посту, среди японскихъ жилищъ, на которыхъ были направлены наши орудія. Впрочемъ положеніе наше съ 4-мя орудіями 18-ти фунт. калибра и съ 70-ю матросами и казаками, вооруженными ружьями, тесаками и саблями, и съ полнымъ продовольствіемъ на годъ, было совершенно обезпечено противу совсѣмъ невооруженныхъ, 18 японцевъ и до 2500 айновъ, разбросанныхъ по 600-верстному про-

странству южной части Сахалина, особенно ежели при этомъ принять во вниманіе существующую ненависть айновъ къ японцамъ. И если г. Буссе постоянно находился въ ожиданіи нападенія, противъ котораго и устроилъ частоколъ съ бойницами и башнями, изнуривъ тѣмъ людей и развѣвъ между ними болѣзни, то эти мѣры были только излишнею предосторожностью.

Послѣ этихъ замѣчаній, по предмету общаго интереса, т.-е. объ исторіи занятія нами Сахалина, мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ и относительно тѣхъ мѣстъ дневника г. Буссе, гдѣ онъ дѣлаетъ такіе неслестные отзывы о своихъ знакомыхъ на берегахъ Тихаго океана. Здѣсь считаю долгомъ прежде всего сказать, что знакомство мое съ г. Буссе началось въ Аянскомъ портѣ, 20—30 іюня 1853 года, во время стоянки на якорѣ военнаго транспорта „Иртышъ“, на которомъ я служилъ тогда. Въ продолженіе двухнедѣльнаго своего пребыванія въ Аянѣ, г. Буссе жилъ и пользовался радушнымъ гостепріимствомъ семейства начальника этого порта, Александра Филипповича Кашеварова. Но обстоятельство это, какъ видно изъ дневника, не помѣшало ему выставить характеръ г. Кашеварова въ самомъ извращенномъ видѣ, несмотря даже на то, что личность эта извѣстна въ нашемъ флотѣ и по заслугамъ, и по своимъ добрымъ качествамъ. Сцены въ домѣ А. Ф. Кашеварова, о которыхъ упоминаетъ г. Буссе, относительно снаряженія сахалинской экспедиціи, обнаруживаютъ только то, что распоряженія главнаго правленія русско-американской компаніи были неправильны. Служба же г. Кашеварова и кусокъ хлѣба для его семейства непосредственно зависѣли отъ этой компаніи. И капитанъ Невельской, какъ видно изъ записокъ самого же г. Буссе, весьма хорошо все это сознавалъ, а потому цѣнилъ достоинства г. Кашеварова, рѣшившагося, вопреки прямого распоряженія главнаго правленія компаніи, откомандировать хорошій корабль вмѣсто назначеннаго брига „Константинъ“, который не могъ даже при-быть въ Аянъ ¹⁾).

Транспортъ „Иртышъ“, на которомъ находился я, прошелъ изъ Аяна въ Петропавловскій портъ съ почтою 30-го іюля. Съ нимъ получено было и офиціальное распоряженіе генералъ-губернатора относительно сформированія команды изъ 100 человекъ при *двухъ* флотскихъ офицерахъ въ Сахалинскую экспедицію. И какъ въ наличности не было другихъ въ портѣ офицеровъ, то жребій идти въ экспедицію на Сахалинъ палъ на меня: другого же офицера не было вовсе. Вслѣдствіе этого, съ 1-го по 11-е августа я усердно формировалъ и снаря-

¹⁾ Это мнѣніе о А. Ф. Кашеваровѣ, его личныхъ достоинствахъ и заслугахъ, высказываетъ также и контръ-адмиралъ Фрейгангъ въ упомянутомъ нами выше своемъ отзывѣ по поводу того же дневника Буссе. — *Ред.*

жалъ команду изъ людей, которыхъ большею частью зналъ, командуя ими предъ тѣмъ зимою.

Г. Буссе изъ Аяна прибылъ въ Петропавловскій портъ на кораблѣ „Николай“ 8 или 9 августа, когда команда изъ матросовъ и казаковъ была уже сформирована и все главное для экспедиціи было готово, придумано и слажено такъ, что въ самый день его пріѣзда мы начали перебраться на корабль „Николай“, назначенный для доставленія отряда въ Петровское зимовье.

При этомъ случаѣ не могу не отнестись съ полною признательностью къ бывшему въ то время въ Камчаткѣ губернаторомъ В. С. Завойко и къ командовавшему 46-мъ флотскимъ экипажемъ К. В. Фрейгангу за то содѣйствіе, которое оказано было мнѣ ими въ этомъ дѣлѣ.

Мы оставили Авачинскую бухту 11-го и прибыли въ Петровское зимовье 26-го августа, гдѣ я и представилъ команду Г. И. Невельскому. Въ дневникѣ же снаряженіе отряда и самой экспедиціи приписывается искусству и заботливости самого г. Буссе, тогда какъ, ни въ этомъ и ни въ другихъ случаяхъ по экспедиціи онъ рѣшительно не принималъ личнаго, самостоятельнаго участія.

Нельзя считать г. Буссе и хорошимъ администраторомъ, по крайней мѣрѣ на Сахалинѣ онъ не имѣлъ случая выказать своихъ административныхъ способностей, такъ какъ управлялъ временно командою уже хорошо сформированною и снабженною, гдѣ администрація велась по указанному порядку, которому равнодушно и слѣдовалъ г. Буссе. Что же касается до административныхъ его дарованій вообще, то въ „Русскомъ Мирѣ“ 1872 года въ №№ 45, 46 и 50 помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Путевыя замѣтки при возвращеніи вверхъ по Амуру 2½ ротъ Сибирскаго линейнаго баталіона“, гдѣ авторъ статьи и начальникъ этой злосчастной команды говоритъ далеко не въ пользу Буссе.

Приведу разсказъ о томъ, какъ отправленные вверхъ по Амуру солдаты претерпѣли неслыханныя бѣдствія отъ холода и голода, и какъ изъ 400 человѣкъ погибло ихъ около половины, онъ говоритъ:

„Причину бѣдствій, уронившихъ насъ во мнѣніи туземцевъ, слѣдуетъ искать въ излишней и односторонней дѣятельности начальника экспедиціи, подполковника Буссе, преимущественное вниманіе котораго было обращено на два предмета: поспѣшную доставку грузовъ къ устью Амура и возможное сокращеніе казенныхъ расходовъ. Конечно, оба обстоятельства весьма важны и требовали многихъ соображеній; но не лишнее было бы въ то же время подумать и о возвращеніи солдатъ, сплавившихъ почти безвозмездно болѣе 200 тысячъ пудовъ казенныхъ грузовъ. Снаженіе возвращавшихся съ устья Амура войскъ всѣмъ необходимымъ въ пути, повидимому, мало озабочивало начальника экспедиціи. Полушубки и рукавицы для обратнаго похода выданы были послѣднему отряду въ Маринскѣ по настоянію капитанъ-лейтенанта Чихачева, а винная порція, столько полезная солдату въ

осеннее время, отпущена съ разрѣшенія исправлявшаго должность военнаго губернатора Забайкальской области полковника Корсакова. Гуманный же начальникъ экспедиціи г. Буссе былъ того мнѣнія, что вода—излишество: солдаты могутъ грѣться на веслахъ. Курьезенъ также отвѣтъ г. Буссе подпоручику Логинову, въ вѣдѣніи котораго сплавлялся рогатый скотъ. Недалеко отъ Николаевска Л... доложилъ, что за немнѣиѣмъ сухарей солдаты просятъ убить быка.—„Какъ можно, отвѣчалъ Буссе, я обязанъ сдать то число быковъ, какое значится у меня въ вѣдомости“. Еще замѣчательно одно обстоятельство. Всѣ распоряженія о возвращеніи войскъ въ устья Амура носили на себѣ какой-то таинственный отпечатокъ. Къ совѣщанію о распредѣленіи по карауламъ продовольствія, не сочли даже нужнымъ пригласить командировъ 13-го и 14-го линейныхъ баталіоновъ. Эта самонадѣянность г. Буссе въ такомъ серьезномъ дѣлѣ можетъ быть объяснена только *эгоистическимъ желаніемъ*. *Буссе пишетъ себѣ одному успѣшное окончаніе экспедиціи*. Когда же экспедиція завершилась катастрофой, едвали не безпримѣрной въ сухопутномъ войскѣ въ мирное время, — г. Буссе хранилъ глубокое молчаніе о возвращеніи по Амуру войскъ и при случаѣ старался сложить отвѣтственность въ потерѣ солдатъ на отрядныхъ начальниковъ. Но уловка эта осталась бесплодной. Никогда бы возвращеніе войскъ съ Амура не сопровождалось бѣдствіями, — если бы маршрутъ былъ составленъ съ толкомъ; но маршрута вовсе не было“.

Въ свою очередь я помню также обстоятельство, не рекомендуемое административныя качества г. Буссе. При сборѣ сахалинской команды въ Петропавловскомъ портѣ мною былъ поданъ совѣтъ взять съ собою медика, на что изъявилъ согласіе В. С. Завойко, и указать на М. П. Давыдова. Но такъ какъ денежныя средства были отпущены авансомъ г-ну Буссе, и какъ по собственнымъ словамъ онъ не готовился самъ лично на Сахалинъ, то и нашелъ ихъ недостаточными для содержанія медика, хотя присутствіе послѣдняго, сверхъ гигиеническихъ дѣлей, вызывалось необходимостью изслѣдованія на Сахалинѣ флоры и фауны. Теперь предоставляю читателю судить о моемъ удивленіи, когда въ дневникѣ на страницѣ 175-й, я нахожу упрекъ лицамъ, снаряжавшимъ экспедицію, какъ это „они могли отправить сто человѣкъ безъ врача?“

Сколько я могу понять, соображенія, которыми руководствовался Г. И. Невельской, назначая г. Буссе на Сахалинъ, происходили единственно отъ того, что требовалось при ста человѣкахъ команды имѣть непременно двухъ офицеровъ, а какъ изъ Камчатки прибылъ только я одинъ, другого же кромѣ г. Буссе въ распоряженіи Г. И. Невельского не было, то и случилось такъ, что будучи чиномъ ниже г. Буссе, я имѣлъ несчастье по порядку службы подчиниться ему. Но ни въ какомъ случаѣ я не могу допустить, чтобы, какъ говорится на стр. 736-й дневника въ выносѣ г. Буссе, обязанности, которыя возлагались на него, не могли быть во всѣхъ отношеніяхъ съ выгодною возложены

на меня, или на кого-либо изъ морскихъ офицеровъ, бывшихъ въ составѣ амурской экспедиціи. Обязанности какъ мои, такъ и г. Буссе, опредѣлялись очень просто сами собою нашими профессіями. Онъ сталъ начальникомъ поста и команды, которую я ему сдалъ, по прибытіи на Сахалинъ; мнѣ же предстояло дѣлать изслѣдованіе страны и непрерывныя по сему предмету путешествія и занятія, — которыми я и отдался всею душою, такъ что изъ 250-ти дней, проведенныхъ мною въ сахалинской экспедиціи, оставался въ постѣ съ г. Буссе только 110 дней, а все остальное время провелъ въ разъѣздахъ.

Конечно, отъ г. Буссе совершенно зависѣла большая или меньшая степень моей къ нему преданности, которую ему легко было возбудить, находясь со мною въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Но къ сожалѣнію таковой не было вызвано...

Какъ амурская, такъ и сахалинская экспедиціи считались тайною, и ни мнѣ, ни г. Буссе не было извѣстно при сборахъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Однако, между прочимъ, я запасся въ Петропавловскомъ портѣ пель-компасомъ и имѣлъ секстанъ и искусственный горизонтъ, — эти послѣдніе мнѣ одолжили собственные свои Петръ Ѳедоровичъ Гавриловъ и Дмитрій Ивановичъ Орловъ, о которыхъ тоже не лестно упоминается въ дневникѣ г. Буссе. Термометры я имѣлъ свои собственные, по которымъ, по моему указанію, и велъ аккуратно журналъ, въ мое отсутствіе, наблюдавшій г. Буссе. Вообще эти инструменты дали мнѣ средства не только не оставаться празднымъ, но быть полезнымъ экспедиціи. Здѣсь позволяю себѣ сказать, что южная часть Сахалина между 46° и 48° параллелями широты, на протяженіи болѣе 600 верстъ, была въ эту экспедицію пройдена мною или на гребномъ суднѣ, или же на собакахъ, при чемъ сдѣлано подробное изслѣдованіе его въ географическомъ, статистическомъ и климатическомъ отношеніяхъ. И эти изслѣдованія, если не ошибаюсь, остаются и по сіе время немногими пополненными¹⁾. Въ

¹⁾ Мои метеорологическія наблюденія вошли въ составъ «Очерка физической географіи Сѣверо-Японскаго моря», Академика Шренка, 1869 года.

Записки по статистикѣ и этнографіи между прочимъ вошли въ историческій обзоръ образованія Россійской Америки. Комманинъ-Тихменева, въ 1866 и 1863 году.

Записки по гидрографіи и метеорологіи вошли въ руководство для плаванія Татарскими или Сахалинскими проливомъ и устьемъ рѣки Амура 1865 г., изданіе Гидрографическаго Д-та.

По моимъ картамъ отпечатаны въ 1867 году Гидрографическимъ Д-мъ Меркаторскія карты средней и южной части Сахалина.

Труды свои по гидрографіи, метеорологіи и статистикѣ мною представлялись въ 1854 году въ юнѣ графу Путятину; 1854 года въ августѣ Александру Филипповичу Кашеварову для передачи Главному Правленію Россійско-Американской Комманинъ; г-ну Буссе въ разное время для пересылки Г. И. Невельскому и графу Евлеву-Амурскому.

самомъ дневникѣ г. Буссе многое основано на моихъ разсказахъ и запискахъ, — или же прочитано имъ изъ запаса моихъ книгъ; даже запасы жизненныхъ припасовъ, безъ которыхъ было трудно обойтись въ неизвѣстной сторонѣ, сдѣланные мною въ Камчаткѣ и въ Аянѣ лично для себя, послужили въ общую нашу пользу. Все это требовало съ моей стороны не только простого усердія, но и особой энергіи, которая не нуждалась въ побужденіяхъ со стороны г. Буссе. На какомъ же основаніи г. Буссе, на стран. 163-й и въ другихъ мѣстахъ своего дневника, намекаетъ, что онъ внушилъ мнѣ охоту къ дѣлу и что онъ понуждалъ меня и давалъ даже мнѣ инструкціи, какъ дѣлать путешествія?! Ужъ не на томъ ли, что я просилъ его взять назадъ предписаніе для поѣздки по р. Сусуѣ, которое онъ прислалъ мнѣ запечатаннымъ въ конвертѣ, несмотря на то, что мы жили съ нимъ въ одномъ на двухъ квадратныхъ саженьяхъ домѣ! Дѣйствительно, оставивъ эти документы на столѣ у г. Буссе, я тѣмъ только и отдѣлялся впередъ отъ подобной его докучливости.

Вліяніе г. Буссе на японцевъ и айновъ, о которомъ онъ самъ такъ много говоритъ, было въ дѣйствительности совершенно незначительно, что и доказывается въ V главѣ на стр. 169 и 172 собственными его разсказами, — какъ пьяный японскій слуга садился на плечи автора верхомъ; а въ другой разъ какъ айнская чета, подъ его окномъ, на виду часового, отдавала долгъ природѣ.

Удачно поставленный постъ сдѣлалъ насъ полными хозяевами Сахалина. Послѣ чего не требовалось никакихъ хитростей и политики съ нашей стороны.

Насъ посѣщали японцы и айны. мы бывали у нихъ изъ взаимнаго любопытства и по потребности общегитія; а между тѣмъ г. Буссе придаетъ тому и другому какую-то, по истинѣ, японскую важность. За всѣмъ этимъ у насъ оставалось еще очень много празднаго времени, на что на стр. 176-й дневника жалуется и авторъ.

Въ поѣздки мои по Сахалину я успѣлъ познакомиться не только съ каждымъ селеніемъ, но не было даже семейства, которое меня не знало и не получало какой-нибудь бездѣлицы, что привязывало ихъ ко мнѣ; они пріѣзжали къ намъ и мы вели съ ними, по существу, пустые переговоры.

Въ путешествіяхъ своихъ я имѣлъ съ собою оружіе: кортикъ и два карманные пистолета, которыхъ пули далѣе пяти шаговъ не брали; кромѣ этого имѣлъ двухствольное ружье, которое я употреблялъ для пріобрѣтенія рябчиковъ и куропатокъ. Богѣе мирнаго и скромнаго населенія, какое мы встрѣтили на южной части Сахалина, быть не можетъ. Проѣзжая по западному берегу Сахалина, и отыскивая японскія селенія, сначала я было-опасался входить въ тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ казались многолюдными. Опасенія эти, какъ

оказалось впоследствии, были напрасны, ибо меня и ѣхавшаго со мною Березкина въ самомъ многолюдномъ изъ мѣстныхъ селеній, — Маукѣ, при нашемъ къ нему приближеніи — все населеніе его вышло къ намъ на встрѣчу — анны и японцы, число которыхъ приблизительно доходило до 500 челов., при встрѣчѣ насъ стояли на колѣняхъ по обѣимъ сторонамъ дороги и по обычаю своему кланялись въ ноги.

На основаніи этого опыта, въ третью мою экспедицію на Сахалинъ, дѣланную мною лѣтомъ въ 1857 году, для основанія Кусутайскаго поста, я ограничивался 16-ю матросами, помѣщаясь въ двухъ палаткахъ по морскому берегу. При всемъ очевидномъ нашемъ безсиліи противу японцевъ и аиновъ собравшихся здѣсь до 600 человѣкъ, мы были однако господами и сдѣлали все, что только желали. Высказываю какъ это, такъ и все прочее открыто, потому что, благодаря Бога, еще живы тѣ, которые могутъ подтвердить мои слова и вообще подать свой отзывъ за и противъ моей и г. Буссе дѣятельности и нравственныхъ качествъ. Всѣ повѣствованія г. Буссе о неудовлетворительности въ стратегическомъ и политическомъ отношеніяхъ мѣстности бывшаго нашего Муравьевскаго поста, о политическихъ его сношеніяхъ съ туземцами, коими вообще переполняется его дневникъ, могли лишь утѣшать одно праздное воображеніе мизантропа-автора, находившагося на Сахалинѣ неожиданно въ зиму съ 1853 на 1854 годъ.

На картѣ Сахалина изъ атласа Крузенштерна видно, что восточный берегъ залива Анива остался не осмотрѣнъ; поэтому конечно всякій морской офицеръ, поставленный въ мое положеніе, считалъ бы себя обязаннымъ дополнить труды знаменитаго мореплавателя. Случай этотъ палъ на меня, я и виѣнилъ себя въ обязанность исполнить это. Какимъ же образомъ г. Буссе послѣ этого и сказаннаго выше могъ *отправить* меня и вообще *понуждать* къ дѣлу, мнѣ остается совершенно непонятнымъ; очевидно, что авторъ изъ неприязни ко мнѣ и изъ себялюбія старался во всемъ брать починъ на себя.

На восточномъ берегу залива Анива въ широтѣ 46° 30' дѣйствительно открыта была г. Самаринымъ¹⁾ бухта Тообучи, представлявшая удобства для зимовки судовъ; бухта эта названа была г. Самаринымъ „гаванью Буссе“; осмотрѣвъ ее и сдѣлавъ ей опись, я оставилъ при ней и названіе, данное ей г. Самаринымъ, хотя г. Буссе и не имѣлъ никакого права на таковое къ нему вниманіе. И тѣмъ мнѣ еще, что, какъ оказалось потомъ, эта гавань посѣщалась амери-

¹⁾ Главный прикащикъ или наклаузный при товарахъ Рос. Ам. Компаніи, бывшихъ на Сахалинѣ въ экспедиціи.

жанскими китоловными кораблями и извѣстна въ гидрографіи подъ названіемъ „двѣнадцати-футовой гавани“.

Что касается до описи западнаго берега Сахалина и открытія на немъ бухтъ Идунакъ, между которыми Такмаку и Мауку, каковыя г. Буссе приписываетъ собственнымъ его распоряженіямъ,—то это положительно невѣрно; въ этомъ дѣлѣ онъ не только не принималъ никакого полезнаго участія, но напротивъ мѣшалъ дѣлу.

Въ началѣ VII-й главы своего дневника, г. Буссе дѣлаетъ обзоръ случившагося во время нашего пребыванія на Сахалинѣ возстанія анновъ противъ японцевъ, которое происходило при нашей высадкѣ и въ присутствіи Г. И. Невельского, который непосредственно и принялъ участіе въ дѣлѣ, т.-е. поручилъ мнѣ, тогда непосредственно заведывавшему командою, поставить къ японскимъ сараямъ часовыхъ. Это возстаніе заключалось въ томъ, что по уходѣ японцевъ, анны вошли въ ихъ сарай съ рисовой водкой и перепились до пьяна. Подозрѣвая руководителемъ въ этомъ дѣлѣ анна Испонку, Г. И. Невельской арестовалъ его и въ разговорѣ съ нимъ взялъ его за густую окладистую бороду; дикарь при этомъ выдернулъ изъ-за кушака свой ножъ и бросился-было на г. Невельского, но былъ при этомъ удержанъ;—дикарь этотъ скрылся изъ поста и возвратился уже недѣли черезъ двѣ вмѣстѣ съ японцами. Этимъ собственно и кончилось возстаніе, о которомъ г. Буссе тоже не преминулъ сказать, что анны разграбили бы все японское имущество, если бы не видѣли, что это ему (г. Буссе) не нравится.

Въ дневникѣ г. Буссе не видно конца Сахалинской экспедиціи, т.-е. снятія Муравьевскаго поста, что было сдѣлано противъ мнѣнія г. Невельского *).

Въ 1854-мъ году, восточная война застала насъ на юго-восточныхъ берегахъ Сибири въ расплохъ: графъ Путятинъ, прибывъ въ „Императорскую“ гавань изъ Японіи съ фрегатомъ „Паллада“ и прочими судами его эскадры, находившимися при немъ во время его посольской миссіи,—предположилъ сосредоточить здѣсь всѣ разсѣянные наши суда и посты. Вслѣдствіе этого въ Муравьевскій постъ прибылъ съ транспортами „Двина“, „кн. Меншиковъ“ и „Иртышъ“ Константинъ Николаевичъ Посыетъ ¹⁾. Не зная обстоятельно, угодно ли будетъ генералъ-губернатору графу Муравьеву-Амурскому упразднить Муравьевскій постъ, г-нъ Посыетъ обратился съ подобнымъ предложеніемъ къ г. Буссе; въ случаѣ же если онъ найдетъ это предположеніе графа Путятина согласнымъ съ видами генералъ-губернатора, тогда

*) Окончаніе дневника г. Буссе готовится къ печати и выйдетъ въ непродолжительномъ времени. — *Ред.*

¹⁾ Начальникъ штаба эскадры графа Путятина или флаг-капитанъ.

постъ требовалось немедленно снять. Конечно, въ этомъ обстоятельствѣ положеніе г. Буссе, имѣвшаго непосредственныя указанія и предписанія Г. И. Невельского, было затруднительно, такъ какъ мнѣ извѣстно было изъ словъ Г. И. Невельского, что Муравьевскій постъ ни подъ какииъ видомъ изъ Анивы снимать не слѣдовало; въ крайнемъ же случаѣ, требовалось удалить его отъ берега во внутренность острова.

Г. Буссе изъ этого обстоятельства вышелъ слѣдующимъ образомъ: онъ предложилъ его рѣшить въ общемъ собраніи К. Н. Посѣта, командира транспорта „Двина“ Александра Александровича Васильева, командира транспорта „Иртышъ“ Петра Фѣдоровича Гаврилова и, помнится мнѣ, командира барка „Кн. Меньшикова“, И. В. Фуругельма, которые вообще, не зная предположеній г. Невельского по сему предмету, пришли къ заключенію о снятіи Муравьевскаго поста.

Не успѣли мы еще потерять изъ виду оставленныхъ нами въ Анивѣ жилищъ, какъ увидѣли пламя, пожирающее ихъ, а съ ними и всѣ труды и успѣхи наши по занятію Сахалина, и только лишь черезъ 17 лѣтъ послѣ этого событія мы снова видимъ въ заливѣ Анива поставленнымъ Муравьевскій постъ, и какъ кажется, въ заливѣ Тообучи. Но при разрѣшеніи этого вопроса не было обращено вниманія на то, что передвинувъ Муравьевскій постъ внутрь острова, какъ я думалъ, на истокъ р. Сусуи, гдѣ ставя его въ совершенную безопасность мы сохранили бы тѣмъ наше вліяніе надъ японцами и при этомъ, самое важное, дали бы возможность ему благоустроиться десятью или пятнадцатью годами ранѣе.

Въ концѣ дневника г. Буссе рассказываетъ о русской азбукѣ, написанной на японской бумагѣ, найденной въ селеніи Лютога, что въ заливѣ Томари Анива, при устьѣ рѣчки того же имени, у котораго стоялъ на якорѣ Крузенштеръ.

Эту рукопись я видѣлъ; она принадлежала японцамъ и не скрывалась хозяиномъ юрты аиномъ, гдѣ я останавливался. Надобно думать, что она писана кѣмъ-либо изъ русскихъ, бывшихъ здѣсь не задолго до насъ. Кто же именно писалъ эту азбуку съ японскими переводами противъ каждой буквы и слога, — составляло вопросъ крайне загадочный и интересный для насъ, котораго однако я не могъ разъяснить, несмотря на всѣ принимавшія мною къ тому мѣры; вѣроятно, это были выходцы изъ Восточной Сибири, или они принадлежали къ экипажу погибшаго безъ вѣсти въ 1851 году въ Охотскомъ морѣ военнаго транспортнаго брига „Курилъ“, или разбившагося близъ мыса Лопатки бота „Анадырь“. Свѣдѣнія объ этой рукописи были принесены къ намъ въ Муравьевскій постъ однимъ изъ казаковъ, которые посылались на Лютогу на охоту за оленями. Самая рукопись, сколько мнѣ помнится, была отправлена мною къ г. Буссе съ нароч-

нымъ яномъ. По снятіи, въ 1854 году, Муравьевскаго поста, я съ своей командой на транспортъ „Двина“ прибылъ въ „Императорскую“ гавань, гдѣ находился въ то время графъ Путятинъ съ его эскадрой, состоящей изъ фрегата „Паллада“, корвета „Оливуца“, барка „Кн. Меншиковъ“, шхуны „Востокъ“, сибирской флотиліи военныхъ транспортовъ „Иртышъ“ и „Двина“ и корабль „Николай“.

Графъ Путятинъ, узнавъ объ этой азбукѣ, выразилъ желаніе ее видѣть; такъ какъ она находилась въ числѣ бумагъ и документовъ по Сахалинской экспедиціи, принятыхъ мною отъ г. Буссе, то я, доставъ ее, передалъ К. Н. Посъету, вопреки желанію г. Буссе, который почему-то и въ этомъ случаѣ противорѣчилъ мнѣ и никакъ не хотѣлъ этого сдѣлать.

Ограничиваясь такими фактическими указаніями, я оставляю безъ возраженія тѣ отзывы о моемъ характерѣ и лицѣ, которыми думалъ оскорбить меня авторъ дневника. Пусть тѣ, которые знали лично въ ту эпоху и автора, и меня, рѣшатъ безпристрастно, для кого эти отзывы болѣе оскорбительны и кого они болѣе унижаютъ — того ли, кто ихъ высказалъ, или того, о комъ они были высказаны? Совѣсть моя позволяетъ мнѣ спокойно ожидать приговора своихъ сослуживцевъ, значительная часть которыхъ живетъ еще между нами; они одни могутъ не стѣсняться ни тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ умеръ, ни тѣмъ, что оскорбленное имъ лицо продолжаетъ жить и дѣйствовать: мы оба жили и дѣйствовали нѣкогда на ихъ глазахъ, и слѣдовательно судъ надъ нами обоими принадлежитъ имъ. Личное мнѣніе Буссе обо мнѣ, какъ и мое личное мнѣніе о Буссе, ни для кого не было бы убѣдительно, а сверхъ того, я никогда не позволилъ бы себѣ высказывать свое личное мнѣніе о противникѣ теперь, когда его нѣтъ въ живыхъ. Право судить Буссе, повторяю, можетъ принадлежать постороннимъ, и именно потому, что онъ самъ съ излишнею смѣлостью взялъ на себя право судить другихъ.

Н. Рудановскій.

ИЗВѢСТІЯ

ПРИГЛАШЕНІЕ

Пустыньскаго Успенскаго Церковнаго Братства Могилевской Епархіи.

Братство утверждено 16-го февраля 1869-го года и дѣйствуетъ съ 1870-го года. Всѣмъ извѣстны — поразительная бѣдность, неразвитость и грубость нравовъ православныхъ крестьянъ западно-русскаго края. Въ виду того Братство поставило своею главною задачею утвер-

деніе добрыхъ нравовъ и трудолюбія въ крестьянскихъ селеніяхъ Могилевской губерніи и преимущественно Мстиславскаго уѣзда.

Въ короткое время своего существованія Братство успѣло: 1) устроить при Пустынскомъ монастырѣ *училище-пріютъ* для бѣдныхъ крестьянскихъ дѣтей и спроть: въ текущемъ году 73 мальчика на лицо; желая расширить кругъ дѣятельности училища, Братство представило въ февралѣ 1872-го г. проектъ трехкласснаго училища на 100 учениковъ, и ждетъ его утвержденія; 2) составило проектъ устава *сельскаго ссуднаго Товарищества* на паяхъ съ цѣлю освобожденія крестьянъ отъ лихоимства ростовщиковъ, и получило, 31-го дек. 1871 г., приглашеніе отъ г. министра финансовъ заняться приведеніемъ въ исполненіе своего предположенія, составивъ отдѣльный уставъ для каждаго товарищества и представивъ тѣ уставы въ министерство финансовъ для утвержденія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; 3) съ цѣлю освободить крестьянъ отъ скупщиковъ сельскихъ продуктовъ, Братство составило проектъ Мстиславскаго Товарищества „*Общественное Благо*“, которое принимало бы на комиссію отъ крестьянъ нхъ продукты и продавало бы имъ необходимые предметы добраго качества и по дешевой цѣнѣ; проектъ устава представленъ на утвержденіе г. губернатора 22-го авг. 1871, и ожидается его утвержденіе; 4) огромное количество кабаковъ развило въ народѣ пьянство, которое производитъ въ крестьянахъ такую гибель и разрушеніе, что всѣ мѣры къ прекращенію этого ужаснаго общественнаго зла остаются неэффективными, а потому Братство нашло необходимымъ учредить по волостямъ *общества трезвости*, и съ этою цѣлю представило 22-го авг. 1871-го г., проектъ устава такихъ обществъ на утвержденіе, которое также ожидается.

Всѣ такія дѣйствія Братства, на пути служенія своему святому дѣлу, встрѣчаютъ много затрудненій и со стороны неразвитости крестьянина и отъ противодѣйствія низшаго еврейскаго сословія, и по скудости собственныхъ средствъ, и отъ многихъ другихъ причинъ. Отъ усердія русскаго общества зависить устранить одно изъ тѣхъ препятствій, а именно скудость средствъ Братства. Всякая лепта усердія, адресованная: „Въ Совѣтъ Пустынскаго Свято-Успенскаго Братства, въ г. Мстиславль, Могилевской губерніи“, — будетъ принята Братствомъ съ искреннею благодарностью, а имя жертвователя внесется въ помянникъ Братства.

Предсѣдатель Совѣта Братства

Архимандритъ Анатолій.

М. СТАСОВИЧЪ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — XXXVI-й ТОМЪ.

ЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1872.

Книга седьмая. — Июль.

	СТР.
Рижскій наводъ. — Очерки изъ современнаго крестьянскаго быта. — А. Б.	5
Воссоединеніе уни. — Историческій очеркъ. — IV. — М. Я. МОРОШКИНА . .	60
Вторая имперія въ романѣ Эмиля Золя. — Les Rougon-Macquart. Т. I. — Статья первая. — В. Ч.	112
Пищирные города Крыма. — Путевыя впечатлѣнія. II-IV. — ЕВГ. Л. МАРКОВА.	169
Сонъ. — Средневѣковая легенда. — Изъ Гейне. — Л. ТРЕФОЛЕВА	214
Петербургская духовная академія до графа Протасова. — Воспоминанія. — I. — П. — Р. С.	219
МАТЕРИАЛЫ для исторіи масонскихъ ложъ. — V. Инструкція Вибеля и Уставъ Петербургской Директоріи. — VI. Запрещеніе ложъ 1822 и 27 г. — VII. Масонскія воспоминанія Батенкова. — VIII. Постановленіе масоновъ по случаю запрещенія ложъ. — Окончаніе. А. Н. ПЫПИНА.	244
Прусскіе и русскіе финансы. — Государственные доходы. — I-IV. — L.	289
Внутреннее Овозраженіе. — Политехническая выставка, и новый законъ о реальныхъ училищахъ въ Россіи. — Наше свеклосахарное производство. — Новое положеніе о немъ. — Мѣры противъ пьянства, предлагаемыя харьковской думъ. — Роль пьянства въ экономической жизни страны. — Вопросъ объ учительской школѣ въ петербургскомъ земствѣ. — Еще о судебной реформѣ въ царствѣ польскомъ.	348
Опыты земской статистики. — Письмо въ редакцію. — М. ПРОКОФЬЕВА.	372
Иностранное Овозраженіе. — Свиданіе членовъ большинства съ Тьеромъ. — Новый трактатъ съ Германіею. — Новые налоги и бюджетъ. — Военный законъ. — Закрытіе германскаго сейма. — Законъ объ іезуитахъ. — Отношеніе къ нему партій. — Епископы Кременецъ и Намчановскій. — Новыя заявленія папъ. — Министерство Сорриалы въ Испаніи. — Австрійскія дѣла. — Элебемскій вопросъ. — Ballot. — Новая программа торі	383
Корреспонденція изъ Флоренціи. — Флоренція послѣ перенесенія столицы. — D. G.	404
Корреспонденція изъ Париза. — Тьеръ и фракціи національнаго собранія. — Н.	414
Литературная Замѣтка. — Послѣдніе года Гоголя. — По поводу «Новыхъ отрывковъ и вариантовъ къ 2-му тому Мертвыхъ Душъ». — В. П. ЧИЖОВА.	432
Иностранная Литература. — Новѣйшій цезаризмъ во Франціи. — Le Dernier des Napoléon	449
Новыя Книжки. — Essai sur les formes de gouvernement dans les sociétés modernes, par Em. Lavelaye	465

Никрологъ. — П. И. Утинъ. — М. С.	Стр. 469
Извѣстія. — I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. — II. Подписка на стипендіи Н. А. Милютина въ семинаріяхъ сельскихъ учителей	475
Библиографическій Листокъ.	

Книга восьмая. — Августъ.

Рекрутскій навозъ. — Очерки. — Окончаніе. — А. В.	477
Воссоидикникъ уни. — У. VI. — М. Я. МОРОШКИНА.	524
Вторая имперія въ романѣ Эмиліа Золя. — La suite. Т. II. — Статья вторая. — В. Ч.	594
Петербургская духовная академія до графа Протасова. — Воспоминанія. — III. — Р. С.	664
Русскій путешественникъ въ двадцатыхъ годахъ. — Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. — А. Н. ПЫШИНА	707
Польскія фантазіи на славянофильскую тему. — Польша и Россія въ 1872 году, соч. быв. чл. Госуд. Сов. цар. польскаго. — В. Д. СПАСОВИЧА	738
Международный Статистическій конгрессъ въ Петербургъ. — Восьмая сессія. — I. — W.	759
Виттенберг Овозраженіе. — Новый законъ о печати и его мотивы. — Проектъ акціонернаго устава. — Гарантія правъ и регламентація. — Ограниченіе учрежденія и дѣйствій частныхъ банковъ. — Ревизія судебного дѣлопроизводства. — Измѣненіе въ уставѣ уголовного судопроизводства. — Смыслъ и раскладки государственныхъ земскихъ повинностей на предстоящее трехлѣтіе	771
Иностранное Овозраженіе. — Грантъ или Грива?	805
Корреспонденція изъ Берлина. — Германія послѣ заключенія мира. — К.	828
Русская Литература. — Ораторское искусство въ Россіи. — Рѣчь, произнесенная М. П. Погодинымъ въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ, 1880—1872	843
Новыя Книги. — Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга. 1870 годъ. Ю. Гюбнера. — Италія, Виктора Гена. — День и Псковская губернія, И. И. Василева. — Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. III. — Театральное искусство, П. Д. Воборыкина. — Сочиненія и переписка Рылѣева.	856
Иностранная Литература. — Образованіе женщинъ, его направленіе и цѣли. — Mädchenziehung und Frauenleben, von Kreyenberg. — Essays and Lectures on social and political subjects, by Henry Fawcett and Garret Fawcett.	968
Новыя Книги. — Hinterlassene Schriften von G. G. Gervinus. — Du suffrage universel et de la manière de voter, par H. Taine. — Die Industrie Russlands in ihrer bisherigen Entwicklung und in ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung der allgemeinen russischen Manufaktur-Ausstellung im Jahre 1870	892
Никрологъ. — Александръ Оеодоровичъ Гильфердингъ. — А. П.	902
По поводу воспоминаній Н. В. Бусси объ островѣ Сахалинѣ и экспедиціи 1853 года. — При письмѣ къ редактору отъ Г. И. Невельскаго. — Н. В. РУДАНОВСКАГО	907
Извѣстія. — Приглашеніе Пустинскаго Успенскаго церковнаго братства Могилевской Епархіи.	925
Библиографическій Листокъ.	

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА

ОС-
НОВА-
НІЕ ТОР-
ГОВЛИ
1811

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ Іюлѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

ВАСИЛЬЧИКОВЪ, А. А. О портретахъ Петра Великаго. М. 1872 г. Ц. 50 к., въсов. за 1 ф.

МИДДЕНДОРФЪ, А. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири въ естественно-историческомъ отношеніи. Отдѣлъ V. Сибирская фауна. Ц. 2 р. 40 к., въсов. за 4 ф.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНІЕ. Изд. Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. М. 1872 г. Ц. 1 р., въсов. за 1 ф.

НИКОЛАЕВЪ, А. И. Сборникъ правилъ и подробнѣйшихъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія мужскія и женскія, казенныя и частныя по всѣмъ вѣдомствамъ. Изд. 2-е. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 20 к., въсов. за 2 ф.

ЛЮБЕЦКІЙ, С. М. Старина Москвы и русскаго народа въ историческомъ отношеніи съ бытовою жизнью русскіхъ. Съ описаніемъ русскаго народнаго быта въ прошедшемъ и началѣ нынѣшняго столѣтія, нравовъ, обычаевъ, преданій, гульбищъ, увеселеній и проч. М. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., въсов. за 2 ф.

ЛЮБЕЦКІЙ, С. М. Москва въ 1872 г. Путеводитель по Москвѣ и указатель ея достопримѣчательностей. Очеркъ исторіи Москвы, съ планомъ Москвы и Москвы въ 1812 г. Занятіе Москвы французами. Тогдашній видъ Москвы. Выступленіе французовъ изъ Москвы. Бѣгство Наполеона I. М. 1872 г. Ц. 2 р., въсов. за 2 ф.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА. Книга 4 и 5-я. М. 1872 г. Ц. каждой 2 р., въсов. за 3 ф.

ПЕТРОВЪ и КЛЮШНИКОВЪ. Семья вольнодумцевъ. Историческая повѣсть времени Екатерины Великой. Спб. 1872 г. Ц. 1 р., въсов. за 2 ф.

ТЭНЪ, И. Объ умѣ и познаніи. Пер. съ франц. подъ редакц. Н. Н. Страхова въ 2-хъ томахъ съ приложеніемъ статьи Литтре, Контъ и Милля (О позитивной философіи. Спб. 1872 г. Ц. 4 р., въсов. за 4 ф.)

БѢЛЯЕВЪ, И. Разсказы изъ русской исторіи. Кн. 4-я. Ч. 1-я. М. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., въсов. за 2 ф.

ОСОСОВЪ, В. Я. Городскіе общественныя банки Россіи. Обзоръ ихъ дѣятельности по 1-е января 1871 г. Спб. 1872 г. Ц. 2 р., въсов. за 2 ф.

ДЖОНЕСЪ, Э. Англійская система торговаго счетоводства. Пер. Юрина и Турчанинова. Дрезденъ. Ц. 1 р., въсов. за 1 ф.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Повѣсти и разсказы. 7 томовъ. Спб. 1872 г. Ц. 12 р., съ перес. 14 р.

ЗЕДЕЛЕРЪ, БАРОНЪ. Пѣхота, артиллерія и кавалерія въ бою и внѣ бою въ германо-французской войнѣ. 1870 — 1871 годовъ. Спб. 1872 г. Ц. 60 к., въсов. за 1 ф.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. и ХОДОРОВСКІЙ, М. И. Полное собраніе рѣшеній касационныхъ департаментовъ, относящихся къ 1-й части X т. св. законовъ. 3 выпуска. Ц. 5 р., въсов. за 3 ф.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ВѢСТНИКА ЯРОСЛАВСКАГО ЗЕМСТВА“.

На основаніи постановленія ярославскаго губернскаго земскаго собранія 16-го марта 1872 г., и съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, ярославской губернской земской управою будетъ издаваться, подъ редакціею одного изъ ея членовъ М. В. Берсенева, *«Вѣстникъ Ярославскаго Земства»*, по слѣдующей, утвержденной правительствомъ, программѣ:

Отдѣлъ первый: Постановленія и распоряженія правительства по земскому дѣлу.

Отдѣлъ второй: Отчеты и извѣстія о дѣятельности земскихъ учреждений Ярославской губерніи, извлеченные изъ журнальных постановленій и другихъ актовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній и управъ.

Отдѣлъ третій: Свѣдѣнія о справочныхъ цѣнахъ и объявленія управъ Ярославской губерніи.

«Вѣстникъ Ярославскаго Земства» будетъ выходить каждыя мѣсячно, книжками отъ 12 до 15-ти печатныхъ листовъ и болѣе, смотря по количеству матеріаловъ, которыми можетъ располагать редакція. Матеріалы эти будутъ касаться предметовъ входящихъ въ кругъ дѣятельности земства, именно: народнаго образованія, народнаго здравія, сельскаго хозяйства, промышленности, земскаго кредита и проч. Редакція употребитъ всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы своевременно печатать всѣ извѣстія, имѣющія отношеніе къ ярославскому земству, не пропуская безъ вниманія ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго факта.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ, *пять рублей сер.* безъ доставки на домъ ярославскимъ подписчикамъ и безъ пересылки по почтѣ иногороднымъ; съ доставкою же или съ пересылкою—*шесть рублей.*

Гг. земскіе гласные, какъ губернскіе, такъ и уѣздные, будутъ получать «Вѣстникъ Ярославскаго Земства» *бесплатно*; волостные же правленія Ярославской губерніи, желающія получать это изданіе, платятъ только *одинъ руб. сер.* на почтовые расходы.

Подписка принимается: въ редакціи, состоящей при губернской земской управѣ (Ярославль, на Пробойной улицѣ, въ домѣ г. Ильина).

Членъ губ. зем. управы, редакторъ *М. Берсеньевъ.*

Помощникъ редактора *Л. Трефоловъ.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями *Я. Грота*. Изданіе Академіи Наукъ. Спб. 1872. Стр. 757.

Вышедшимъ нынѣ седьмымъ томомъ заключается полное собраніе сочиненій Державина; восьмой и послѣдній томъ будетъ занятъ его біографіею, для которой, какъ видно изъ предисловія къ тому VII, матеріалы уже собраны, а отчасти и разработаны. Безъ сомнѣнія, ни одинъ изъ русскихъ писателей не имѣетъ для своихъ трудовъ такого изданія, каковымъ почтила Державина наша Академія Наукъ. При этомъ *Я. К. Гротъ*, можно сказать, далъ намъ теперь образецъ того, какъ должны вынодѣяться подобныя предпріятія, чтобы стоять на одномъ уровнѣ съ такими же изданіями за-границей. Нынѣшній выпускъ заключаетъ въ себѣ сочиненія въ прозѣ, относящіяся къ эпохѣ Пугачевщины и характеризующія гражданскую дѣятельность Державина, его «мнѣнія», «проекты», «распоряженія», «объясненія» и т. п. До какой степени интересенъ этотъ отдѣлъ почти «служебной» литературы, можно судить, напр., по рѣчи однодворца Захарьина (Державинъ) при открытіи народнаго училища въ Тамбовѣ (стр. 129), гдѣ онъ излагаетъ взгляды того времени на народное образованіе и превозноситъ Екатерину II, обратившую взоръ свой на простой народъ, не зыря на адекую политику коварныхъ умовъ, что ни обоготить, ни научить черни не должно; или: мнѣніе объ отращеніи въ Вѣлорусіи голода и устройствѣ быта евреевъ; или: «мечты о хозяйственномъ устройствѣ военныхъ силъ въ Россіи», и мн. др. Томъ заключается отдѣломъ литературныхъ сочиненій, гдѣ особенно любопытны взгляды Державина на то, что составляетъ достоинство государственнаго человѣка. Тутъ же помѣщенъ и державинскій переводъ поэзіи изъ житіемъ остзейскихъ провинцій, напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 года. Надобно надѣяться, что наша Академія Наукъ не ограничится изданіемъ сочиненій одного Державина и перейдетъ къ другимъ русскимъ классическимъ писателямъ. Собственно и подумать, въ какомъ положеніи находятся у насъ изданія, напримѣръ, Пушкина. Академія Наукъ не была бы въ убытокъ, еслибы даже сдѣлала пожертвованіе на выкупъ изъ неволи нашего лучшаго поэта, который составляетъ вмѣстѣ и нашу славу, и нашу стыдъ, если взятъ въ руки обращающагося въ публикѣ послѣднее изданіе его сочиненій.

Беген въ Россіи. Очерки и изслѣдованія *И. Г. Оршанскаго*. Спб. 1872. Выпускъ первый. Стр. 233.

Державинъ, въ своемъ «мнѣніи о евреяхъ», упоминая въ 1800 году, приводитъ различные авторитеты по тому же предмету, и между прочимъ отзывъ о евреяхъ г-ра Чернышева, ген.-уб. въ Вѣлорусіи: «Бѣды умны, проищательны,

догадливы, проворны, учтивы, услужливы, трезвы, воздержны, скромны, не сластолюбивы и пр.; по съ другой стороны, неопитны, пошлцы, праздно, лѣнны, хитры, любостязательны, пронырливы, коварны, злы и т. п.» Этотъ отзывъ—ключъ къ т.-н. еврейскому вопросу: первыя качества евреевъ таковы, что они могли бы украсить собою любого православнаго; вторія же—очевидно, продуктъ экономическаго и гражданскаго быта евреевъ, а слѣдов. зависятъ не столько отъ евреевъ, сколько отъ условій, въ которыхъ они поставлены; такими качествами отличались и греки подъ турецкими владычествами, не смотря на то, что были христіане. Вотъ, потому Державинъ справедливо заключаетъ, что необходимо «устроить евреевъ политически и нравственно, подобно просвѣщеннымъ народамъ». Эту же азбучную истину старается доказать и г. Оршанскій; если же онъ грѣшитъ тѣмъ, что иногда слишкомъ усердно доказываетъ очевидное, то его можно отчасти оправдывать слишкомъ усерднымъ сомнѣніемъ противниковъ. Достаточно указать, что «еврейскій вопросъ» существуетъ только у насъ, да позвалъ еще въ Бессарабіи; еслибы бѣда была въ сѣмъ евреяхъ, то такой бы вопросъ существовалъ бы и въ Англіи, и въ Германіи, и въ др.

Древняя русская литература, отъ начала грамотности до Ломоносова, съ приложеніемъ «очерка русской народной литературы». *В. Водовозова*. Спб. 1872. Стр. 350.

Авторъ предназначаетъ свой трудъ для народныхъ учителей и съ этою цѣлью заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы дать въ руки читающему какъ можно болѣе матеріала въ формѣ отрывковъ изъ древнихъ писателей или обстоятельнаго изложенія содержанія ихъ сочиненій. Съ этою же цѣлью авторъ располагаетъ матеріалъ не по періодамъ, а по родамъ сочиненій. При всемъ добромъ namѣреніи автора, мы находимъ однако, что онъ недостаточно приблизилъ свой трудъ къ характеру хрестоматіи и недостаточно удалитъ резонированіе, какъ того сама, очевидно, желалъ, когда говорилъ въ предисловіи: «я надѣлся о возможной простотѣ и популярности изложенія, чему много способствовало и содержаніе нашей древней литературы, еще не богатой идеями». Много ли пойметъ приготовляющійся, но еще не сформированный читатель, если мы скажемъ ему, приведа нѣсколько строчекъ изъ Крижаннича о турецкихъ грекахъ: «Изъ этого видно, какъ въ XVII-мъ вѣкѣ уже испазилось византийское вліяніе, которое вначалѣ могло быть просвѣтительнымъ, а русскій человѣкъ со своимъ медлительнымъ умомъ долженъ былъ впадомнать неподвижныхъ азіатцевъ». Между тѣмъ изъ вышеприведенныхъ авторомъ словъ Крижаннича ничего подобнаго не видно. Въ сочиненіяхъ популярныхъ не должно быть и слѣда докторальности.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

НА 1872-ой годъ

ЗА РАСХОДОМЪ ВСѢХЪ ПОЛНЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

ПРЕКРАЩЕНА.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1. — «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для иногородныхъ подписчиковъ, книги сдаются въ Газетную Экспедицію въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трактовъ. Журналъ доставляется на почту съ адресомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2. — **ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщенію могло дойти до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправления журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправления журнала, и съ какаго номера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, призагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3. — **ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, сопровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ее штампа. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно свѣдѣться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправлена никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

Digitized by Google

